Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области
«Тверской государственный объединённый музей»

ТВЕРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

13
выпуск

МАТЕРИАЛЫ
23–25-го ЗАСЕДАНИЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ТВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ДРЕВНОСТИ»

ТВЕРЬ 2024

УДК 902/904
ББК 63.4
Т26

Т26 **Тверской археологический сборник.** Выпуск 13. Материалы 23–25-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Под ред. И.Н. Черных. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2024. – 712 с.; ил.

ISBN 978-5-6052767-2-2

Основу данного выпуска сборника составили представленные для публикации материалы 23-го (23–27 марта 2021 г.), 24-го (22–26 марта 2022 г.) и 25-го (21–25 марта 2023 г.) заседаний научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности», действующего на базе Тверского государственного объединённого музея с 1994 года.

Хронологически выпуск охватывает периоды от верхнего палеолита до раннего Средневековья, территориально – тундровую, лесную и лесостепную зоны Восточной Европы и шире – Северную Евразию.

В научный оборот вводятся новые материалы полевых и камеральных, в т. ч. экспериментальных, изысканий, как сугубо археологических, так и произведённых на стыке с другими науками, а также разработки теоретического характера. В статьях отражены современные методы исследований и предлагаются новые методики изучения археологических объектов. Публикуются предметы материальной и духовной культуры разных эпох.

Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер, часть материалов была переработана авторами с учётом исследований последних лет.

В 13-м выпуске сборника представлен также небольшой блок статей по докладам, сделанным на секции «Археология, антропология, биология и медицина», работавшей с 2015-го по 2023 г. в рамках заседаний семинара.

В целом сборник имеет непосредственное отношение к изучению древностей Тверской земли и её связей с другими территориями.

Книга предназначена археологам, историкам, музейным работникам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим прошлым России, сопредельных государств и Тверского края.

Сборник издан за счёт средств Тверского государственного объединённого музея и АНО по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба», полученных от проведения хоздоговорных археологических исследований.

ББК 63.4

Ответственный редактор выпуска **И.Н. Черных**

Рецензенты:
доктор исторических наук Ю.Б. Цетлин,
кандидат исторических наук В.И. Хартанович

© *ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», 2024 г.*
© *И.Н. Черных – редактор сборника, 2024 г.*
© *Авторы статей, 2024 г.*
© *ООО «Издательство «Триада», 2024 г.*

ISBN 978-5-6052767-2-2

Tver State United Museum

TVER ARCHAELOGICAL COLLECTION

13
ISSUE

THE MATERIALS OF THE 23rd–25th MEETINGS OF THE SCIENTIFIC AND METHODIC SEMINAR «TVER LAND AND NEIGHBOURING TERRITORIES IN ANCIENT TIMES»

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

TVER 2024

Tver Archaelogical Collection. Issue 13. The Materials of the 23rd–25th Meetings of the Scientific and Methodic Seminar «Tver Land and the Neighbouring Territories in Ancient Times». Edited by I.N. Tchernykh. – Tver: «Triada» Publishers» Ltd, 2024. – 712 p.; ill.

ISBN 978-5-6052767-2-2

The present issue of the Collection consists of the materials submitted for publication by the participants of the 23rd (March 23 – March 27, 2021), the 24th (March 22 – March 26, 2022) and the 25th (March 21 – March 25, 2023) sessions of the Scientific and Methodic Seminar with international membership «Tver Land and the Neighbouring Territories in Ancient Times», which has been working on the base of Tver State United Museum since 1994.

Chronologically the issue covers periods from the Upper Palaeolithic to the Early Middle Ages, as well as the territories of the tundra, wood and wood-steppe zones of Eastern Europe and wider, Northern Eurasia.

New materials gained from the field and laboratory studies (including experimental) are published. Along with purely archaeological investigations the complex studies made on the junction of sciences as well as theoretical researches are introduced into scientific circulation. The articles reflect modern methods of research and suggest new approaches to the study of archaeological objects. Artifacts connected with material and spiritual culture of various epochs are presented.

Several articles put forward various problems and are disputable. Some materials have been partly revised by the authors who have taken into account recent researches.

A small bloc of articles based on reports made at the meeting of the committee «Archaeology, Anthropology, Biology and Medicine» of Sessions of Seminar, working from 2015 till 2023, is also presented in the current Issue.

The collection on the whole directly relates to the study of antiquities of the Tver land and its connections with other territories.

The book is addressed to archaeologists, historians, museum experts, students as well as to regional researchers and all those interested in the most ancient past of Russia and the Tver land in particular, and the neighbouring states.

The publication of the present issue of the Collection was financed by Tver State United Museum and Autonomous Non-Commercial Organization for Archaeological Investigations «Tver' Archaeological Service», as well as through funds obtained from commercial archaeological investigations.

Chief Editor of the Issue **I.N. Tchernykh**

Readers:
Doctor of Historical Sciences Yu.B. Tsetlin,
Candidate of Historical Sciences V.I. Khartanovich

© Tver State United Museum, 2024
© I.N. Tchernykh, Editor-in-Chief, 2024
© Contributors to the collection, 2024
© «Triada» Publishers» Ltd, 2024

ISBN 978-5-6052767-2-2

А.Н. Сорокин, А.В. Панин

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОЕНИИ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ В ПОЗДНЕЛЕДНИКОВЬЕ И РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ ПО ДАННЫМ ГЕОАРХЕОЛОГИИ

Изучение процесса заселения Центра Русской равнины в эпоху позднеледниковья (LGT) вплоть до последнего времени затруднялось преобладанием мнения о том, что значительная его часть была затоплена крупными приледниковыми озёрами [2]. Наличие гипотетического Тверского приледникового озера, покрывавшего Верхневолжскую низменность и Дубнинскую низину, исключало возможность освоения этих территорий вплоть до рубежа плейстоцена – голоцена, когда в процессе дегляциации они, наконец, обсохли.

Для проверки этой гипотезы в 2018–2021 гг. на Заболотском торфянике (Московская область) были проведены геоархеологические исследования. В результате было установлено, что в течение поздневалдайской (поздневисленской) ледниковой эпохи (LGT) на территории Дубнинской низменности господствовали не озёрные, а флювиальные условия рельефообразования. Таким образом, потенциальная возможность заселения Заболотского края существовала уже в это время. AMS-даты образцов смолы из пазов костяных и роговых артефактов эпиграветтской рессетинской культуры определяют начало этого события около 15500 cal BP. Наследником рессетинских традиций в раннем голоцене стала заднепрелевская индустрия.

*В Центре Русской равнины в финале плейстоцена и начале голоцена обитали также популяции, известные по комплексам культур Бромме, Аренсбург, култинской и пургасовской [44]. Выделение в мезолите Волго-Окского бассейна елиноборской, бутовской и иеневской культур [136; 139] было произведено путём фальсификации первичных данных [143; 144], поэтому дальнейшее использование этих терминов противоречит нормам научной этики.**

Сезонные миграции рессетинского и заднепрелевского населения фиксируются не только материалами Русской равнины, но и Скандинавского полуострова, где представлены индустрией «восточного импульса». Детализация картины культурно-исторического развития Восточной и Северной Европы требует существенного расширения полевых изысканий.

DOI: 10.70203/7375.2024.10.19.001

1. Введение

Территория Центра Русской равнины в максимум валдайского (*висленского*) оледенения (LGM) не была покрыта ледниковым щитом и потенциально была доступна для заселения, если, разумеется, имелись соответствующие людские ресурсы. В эпоху позднеледниковья (LGT) в процессе дегляциации возможности для освоения приледниковых областей существенно расширялись.

Между тем единичность археологических свидетельств о присутствии в центральной части Европейской России пунктов позднеледникового возраста осложняется как практическим отсутствием для них независимых радиоуглеродных дат, так и выразительных фаунистических остатков, где бы присутствовали представители мамонтового фаунистического комплекса, являющихся надёжным маркёром плейстоценового возраста [1]. Другим фактором, сдерживающим понимание реальной картины освоения территории в позднеледниковый период (LGT), служило представление о широком распространении на Русской равнине системы ледниково-подпрудных озёр, которые протянулись вдоль края Скандинавского ледникового щита и покрывали своими водами просторы низменностей рек Арктического бассейна и Верхневолжского водосбора [2]. В соответствии с этой гипотезой считалось, что заселение Верхнего Поволжья было ограничено моментом осушения гипотетического Тверского палеоозера, деградация которого на вепсовском этапе валдайского (*висленского*) оледенения привела к формированию в южной части Верхневолжской равнины р. Дубны и каскада остаточных озёр, одним из которых было Заболотское, сохранившееся до наших дней в восточной части Заболотского торфяника [3–17].

* Здесь и далее: это мнение А.Н. Сорокина разделяется не всем научным сообществом (Отв. ред.).

Активное изучение в последние годы геоморфологических условий региона на протяжении поздневалдайского времени [18–24] и проведение геоархеологических изысканий совместной экспедицией ИА РАН и ИГ РАН под руководством А.Н. Сорокина и А.В. Панина на примере Дубнинской низменности [25–35] позволило получить достоверные сведения о развитии гидрографии и рельефа, а также о возможности освоения этой территории людьми ранее рубежа плейстоцена – голоцена. В работе систематизированы краткие итоги изысканий 2018–2021 гг. на территории Дубнинской низменности в границах Заболотского края (Московская область, Талдомский и Сергиево-Посадский районы), где были получены наиболее значимые результаты.

Вплоть до начала предметных изысканий считалось, что повсеместно залегающие под торфяником суглинистые отложения являются донными осадками Тверского палеоозера, а смена вверх по разрезу суглинков торфами указывает на его последовательную деградацию в ходе дегляциации, постепенное обмеление акватории и её постепенное заболачивание, начиная со среднего голоцена. В соответствии с этой концепцией заселение Дубнинской низины могло произойти после распада Тверского приледникового озера, при переходе от плейстоцена к голоцену, когда локальные возвышения обсохшего озёрного дна стали пригодными для обитания участками суши. В результате, как представлялось, хозяйственная деятельность и повседневная жизнь населения каменного века Дубнинской низменности были тесно связаны с мелководными реликтами бывшего крупного озёрного водоёма и их флуктуациями [5–7; 11; 12; 16].

В последние годы стали накапливаться материалы, ставящие под сомнение существование в бассейне Верхней Волги в поздневалдайское время обширных подпрудных озёр [36; 37; 23; 26; 27; 38; 22; 39]. Появились и археологические свидетельства более раннего, чем считалось, появления человека в этом регионе [40–45]. И то, и другое имеет большое значение для интерпретации накопленных результатов изучения Заболотского края и для определения стратегии его дальнейших исследований. Следует также отметить, что вопрос о времени заселения Верхнего Поволжья и естественных условиях миграций первобытного населения лежит в более широком контексте проблемы «восточного импульса». Говоря иначе, – одного из путей в ходе первоначального заселения Фенноскандии [46–61].

В результате назрела насущная необходимость разрешения противоречий между свидетельствами раннего освоения территории и доминировавшей в течение длительного времени палеогеографической концепцией, а также обоснования положения о возможности первоначального заселения Заболотского края уже в позднеледниковый период (LGT). С этой целью в 2018–2021 гг. были проведены геоархеологические исследования в границах Заболотского торфяника, предварительные результаты которых были частично опубликованы [26–28; 35]. В этой работе полученные данные подвергаются более детальному анализу.

2. Природные особенности территории исследований

Район исследований находится в 150 км к юго-востоку от максимальной границы валдайского (*вислен-ского*) оледенения (20–18 тыс. л. н.) (рис. 1) и приурочен к левобережью регулярно затапливаемой заболоченной поймы р. Дубны – левобережного притока самой крупной водной артерии Русской равнины р. Волги. По данным ряда исследователей [8; 62; 13], изучаемая территория сложена торфяником мощностью от 0,5 до 2,0 м, подстилаемым 1,5–3,0 м толщей средних и тяжёлых суглинков, со следами криогенеза и эфемерного почвообразования позднеплейстоценового-раннеголоценового возраста, покоящихся на алеврите, формирование которого вплоть до недавнего времени традиционно связывали с отложениями Тверского приледникового озера [8; 62; 13].

В суглинистом субстрате непосредственно под торфом обнаруживается верхняя погребённая почва позднеголоценового возраста с выраженными следами гидроморфизма (железисто-гумусовыми потёками и вивианитовыми конкрециями), которая, как полагали, маркировала фазу обмеления Заболотского озера [62; 63; 13]. Период вторичного затопления Заболотской котловины ассоциировался с прослоем бурого суглинка, залегающего в кровле рыхлых напластований, который сформировался 2,9–2,6 тыс. л. н. на рубеже суббореального и субатлантического периодов голоцена [62; 11]. А в основании суглинков дислоцируется нижняя погребённая почва, время формирования которой простирается от финала плейстоцена вплоть до среднего голоцена [8].

В ходе изысканий 1997–2008 гг. было выявлено, что поверхность погребённых торфами суглинков обладает относительно пересечённым рельефом. Вследствие этого было высказано предположение о существовании системы ложбин и межложбинных возвышений, определявших контуры участков, вполне пригодных для освоения в каменном веке [8; 64; 62; 13]. Было также установлено, что этапы стабилизации палеоландшафтов, сопрягающиеся с почвообразованием, представляли временные интервалы, вполне комфортные для заселения территории [64; 62; 13; 10; 17]. Не были ясны лишь время их формирования и начало реального освоения региона.

3. Методика натурных изысканий

Полевые исследования 2018–2021 гг. носили комплексный характер и были направлены на изучение природных и культурных факторов развития палеосреды и первобытных обществ, что позволяет относить их к категории геоархеологических. Геоархеология – это дисциплина, представляющая собой симбиоз естественных наук (четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, почвоведения, тафономии) и гуманитарной археологии, которая генерирует новые знания о природных и общеисторических закономерностях на основании естественно-научных методов исследования, материалы для которых получают в процессе полевых археологических изысканий [65–69; 17]. В силу этого наряду с классическими археологическими

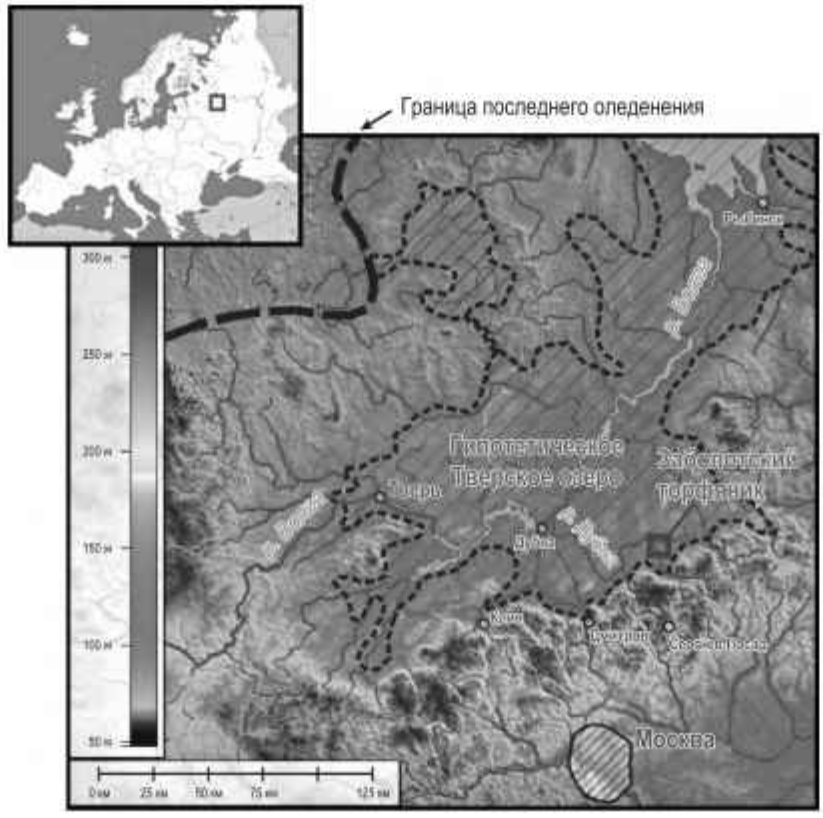

Рис. 1. Положение района исследований в пределах Верхневолжской низменности с поздневалдайскими приледниковыми озёрами, реконструированными Д.Д. Квасовым [2]

методами проводились различные естественно-научные изыскания, необходимость которых была вызвана как задачами реконструкции окружающей среды и ландшафта, так и решением сугубо гуманитарных задач – этологией человека, составом и характером культурно-исторических процессов, протекавших на переломе геологических эпох.

3.1. Естественно-научные изыскания

Естественно-научный блок включал площадную тахеометрическую съёмку изучаемого полигона, ортофотосъёмку территории с беспилотного летательного аппарата (БПЛА) «DJI Mavic 2 Pro», георадиолокационное зондирование отложений георадарами «ОКО-2» (ООО «ЛогиС», Россия) и «Питон» (Radar Systems, Inc., Латвия) (до глубины 6,5 м), механическое бурение напластований с помощью мобильной установки «Pride Mount 80» на шасси «УАЗ 3310» усовершенствованным шнековым способом (до глубины 18,5 м), почвенные исследования, радиоуглеродное (AMS и OSL) датирование отложений и артефактов, а также был выполнен обширный комплекс лабораторных естественно-научных анализов. Их методика, состав и результаты были подробно описаны в работах авторов [35; 28; 70]. Важно отметить, что все эти изыскания проводились по заказу археологов, инициировались ими и были нацелены на полноценное изучение памятников археологии в качестве объектов биосферы.

3.2. Археологические исследования

Натурные археологические изыскания основывались на использовании комплексных междисциплинарных методов, составляющих базис геоархеологии. В их состав входили пешие разведки и стационарные раскопки. Рекогносцировки (2018–2021 гг.) производились путём тщательного обследования узловых аномалий, выявленных путём геофизического зондирования местности и в процессе съёмки беспилотным летательным аппаратом. Раскопкам в 2018–2019 гг. подверглись два разногенетических участка комплексного памятника Минино 2, который сочетает в себе структуры грунтового могильника и многослойной стоянки [9; 71; 72; 45; 17]. Главными целями раскопок, помимо пополнения коллекции, служили предметное изучение воздействия почвенных процессов на культурные слои и артефакты, вопросы генезиса и тафономии напластований и объектов. На основе комплексного анализа полученных данных производились реконструкции среды обитания, погребённых ландшафтов и динамики поселенческой стратегии древнего населения [68; 73; 74; 17; 30; 32–34; 26–28].

Объединенный музей

4. Результаты изысканий

4.1. Краткие итоги геоморфологических и палеогеографических исследований

Бурение мобильной буровой установкой «Pride Mount 80» на шасси «УАЗ 3310» (рис. 2) подтвердило основные особенности геологического строения района, отмеченные всеми предыдущими исследователями [8; 62; 13]. Торф, покрывающий пойму реки Дубны, подстилается суглинками, кровля которых содержит серо-гумусовую почву с обильными кротовьими норами и рытвинами, что вместе с его морфологией свидетельствует о луговых условиях его формирования. Две 14C-даты были получены из кровли этой почвы в скважине 19520: 9560±20 cal BP для растительных остатков и 9090±50 cal BP для общего органического углерода. Обе они указывают на окончание процесса почвообразования, вероятно, из-за заболачивания территории и начала формирования торфяника во второй половине раннего голоцена. С того времени условия жизни там стали неблагоприятными.

Фациальный анализ напластований 24 буровых скважин и AMS-даты образцов из них (рис. 3) позволили выявить три генерации древних речных русел [28]. Самое глубокое из них (дно на 11–12 м ниже современного меженного уровня реки) датируется 40–30 тыс. кал. л. н., второе (дно на 6 м ниже реки) – примерно 16 тыс. кал. л. н. Третий уровень включает в себя два неглубоких, широких палеоканала с ложем на высоте 2–3 м от межени, они относятся к периоду 15,5–14,5 тыс. кал. л. н.

Два более старых палеоруслa полностью погребены, а оба более молодых прослеживаются в современной топографии поймы в виде широких впадин. Их интерпретация в качестве палеоканалов подтверждается не только бурением, но и данными георадара, с помощью которого удалось выявить характерные закономерности осадконакопления [28].

Для шести образцов из основных литостратиграфических единиц разреза скважины 19520 О.Н. Успенская провела анализ биологических макроэлементов [75; 27; 28]. Суглинок тёмного цвета на глубине 1,9 м, непосредственно под основанием торфа, содержал почти исключительно высшие растения, как древесные, так и водно-болотные, которые, возможно, были занесены паводковыми водами. Это подтверждает первоначальную интерпретацию слоя как гидроморфной пойменной почвы. Аналогичный состав биологических остатков был продемонстрирован суглинками на глубинах 3,1 и 5,3 м. Дополнительное указание на их субаэральное происхождение (пойменные, а не озёрные отложения) заключается в наличии одиночных капсул яиц червей. Озёрные (озёрно-болотные) отложения были распознаны на глубине 16–18 м по обилию остатков типичных водных растений (разнообразие водорослей, *Scirpus*, *Potamogeton*) и животных (*Spongia*, *Cladocera*). Из этих отложений были получены радиоуглеродные даты 45000–43000 cal BP.

Таким образом, новые данные позволяют со всей очевидностью отказаться от оценки пачки рыхлых напластований выше 16 м в качестве озёрных и считать их аллювием пойменной фации.

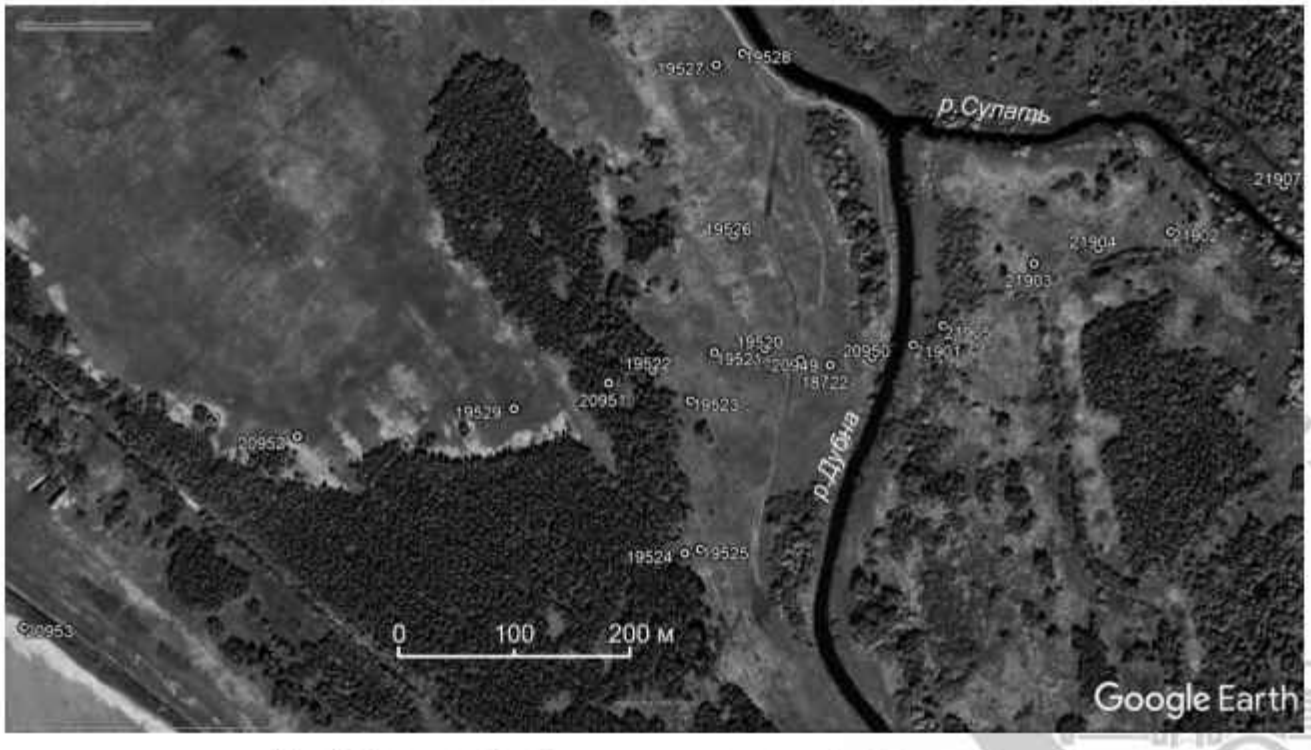

Рис. 2. Заболотский торфяник: местоположение буровых скважин

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

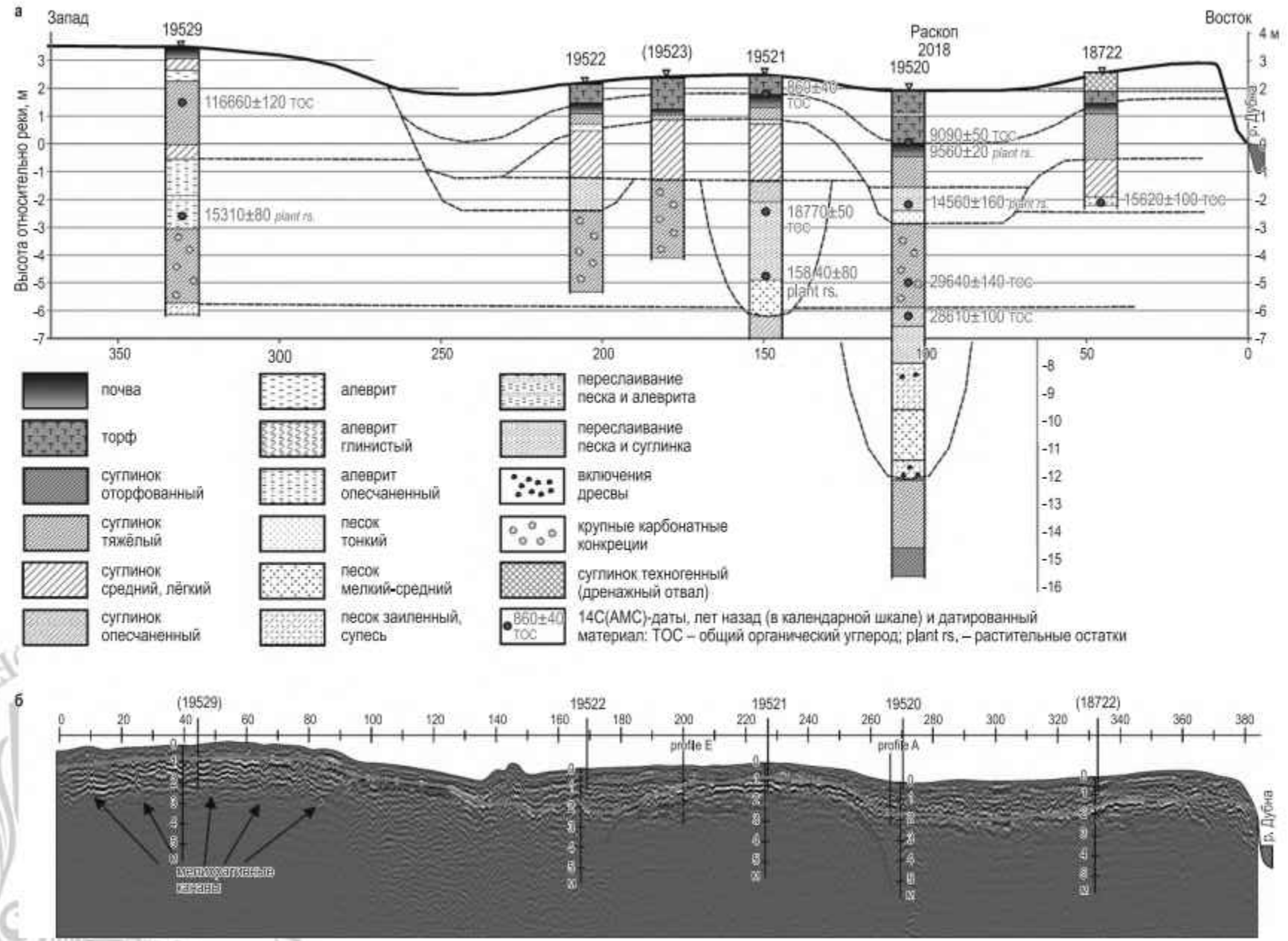

Рис. 3. Геологическое строение поймы р. Дубны: буровые профили скважин и АМС-даты образцов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

4.2. Краткие итоги археологических исследований

Реальным итогом **археологических разведок** стало увеличение почти в 1,5 раза числа памятников Заболотского торфяника (с 25 до 35; рис. 4, 5), а также обнаружение и локализация двух новых «кустов» стоянок на правобережье р. Дубны в низовьях р. Сулати, сопряжённых с ныне погребёнными гривами и островами (рис. 4, 5). Немаловажно и выявление с помощью дрона только в границах контрольного полигона, площадь которого не достигает и 15 % габаритов Заболотского края, не менее 50 погребённых структур, где высока вероятность обнаружения новых геоархеологических объектов.

В процессе **стационарных раскопок** Минино 2 (рис. 4) было продолжено комплексное изучение неординарного памятника каменного века, на котором площадь многослойной стоянки использовалась и для совершения грунтовых захоронений. Сочетание структур могильника, прорезающих и подстилающих поселенческие напластования, в условиях длительного воздействия разнообразных природных процессов позднеплейстоценового и голоценового времени (педогенез, педотурбация, криотурбация, оруденение, аэрация, тафономия и т. д.) привело к радикальной трансформации культурных слоёв и культуросодержащих прослоев и образованию разнообразных палимпсестов, требующих значительных усилий по своей фиксации, локализации и интерпретации. Существенную негативную роль в состоянии всех памятников сыграли и процессы новейшего времени, являющиеся результатом мелиорации Заболотского торфяника 1920-х и 1970-х гг.

Всего в ходе стационарных раскопок стоянки-могильника Минино 2 в 2018–2019 гг. были вскрыты два участка, первый из которых (15 кв. м) был заложен на суходоле в жилой зоне стоянки, второй (50 кв. м) – в прибрежной обвоженной части памятника.

Субаэральное залегание **участка 2** принципиально не отличалось от предыдущих исследований (1997–2001, 2006–2008 гг.) [9; 71; 10; 17; 45]. Культурные отложения здесь были радикально преобразованы почвенными процессами (педогенез и педотурбация), из-за которых артефакты были в значительной степени перемешаны. В то же время **участок 6** дал чёткую стратиграфическую картину, причём основание погребённой почвы здесь состояло из двух разнородных литологических горизонтов. В верхнем из них собраны артефакты голоценового возраста, относящиеся к заднепи́левской мезолитической культуре, в нижнем, плейстоценового возраста, находились предметы рессетинской финальнопалеолитической культуры.

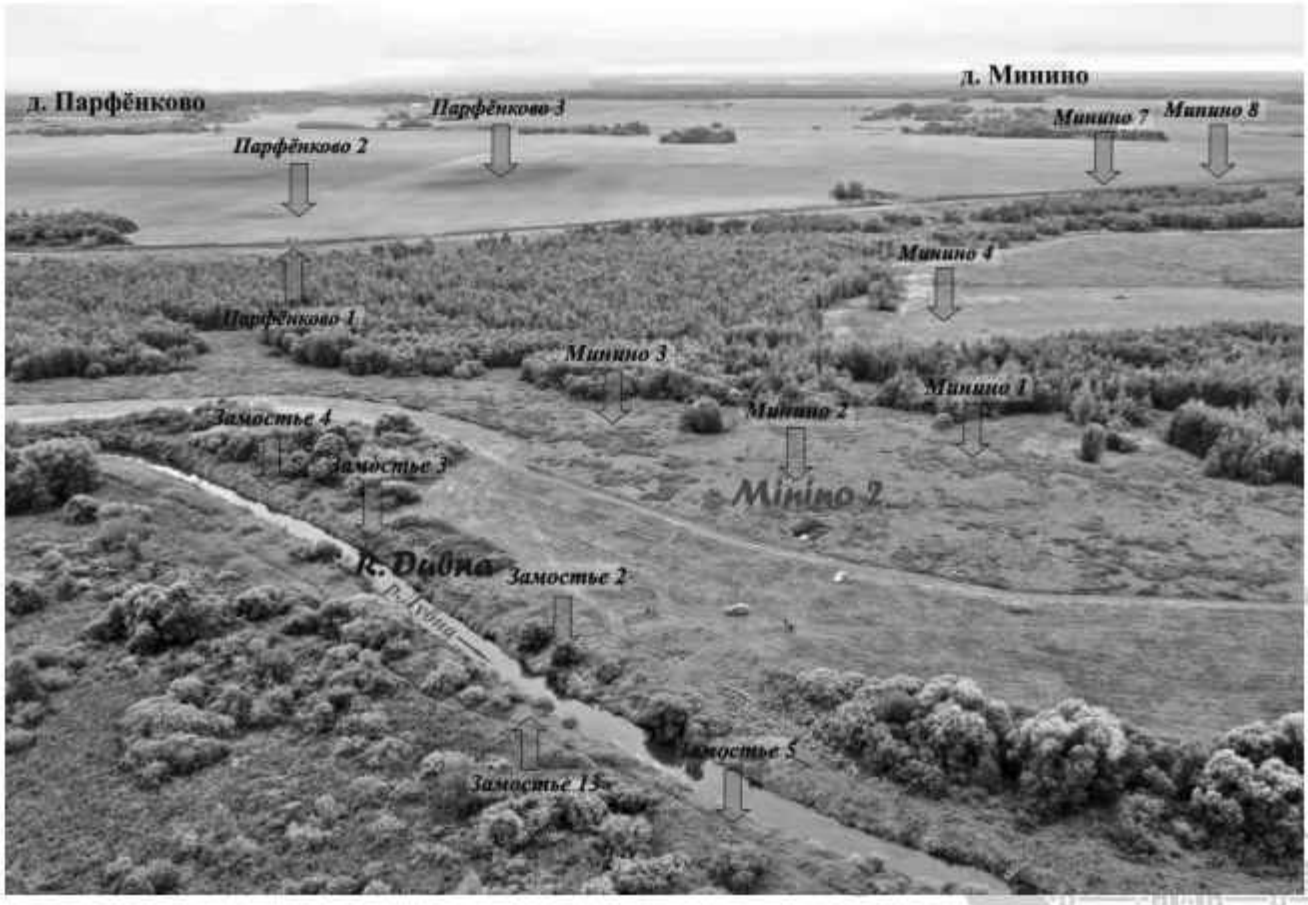

Рис. 4. Аэроснимок Заболотского торфяника с дрона: местоположение стоянок вдоль русла р. Дубны

Рис. 5. Аэроснимок Заболотского торфяника с дрона: местоположение стоянок вдоль русла р. Сулати

В верхней части разрезов обоих участков, непосредственно под торфом, дислоцируется буроватый прослой очень плотного глинистого сапропеля аллювиального происхождения, нарушенный трещинами усыхания. Это – верхний культуросодержащий прослой памятника, образовавшийся в результате повышенной паводковой активности между 2900 и 2600 гг. до н. э., когда Заболотская котловина была в значительной мере затоплена [62; 13]. Его относительно плоское основание свидетельствует о водной эрозии подстилающих отложений, а узкие торфяные клинья проникают в его кровлю через трещины усыхания. Как и в предыдущие годы, находки состояли из редких фаунистических остатков, небольших фрагментов верхневолжской, льяловской и протоволосовской керамики, кремнёвых отщепов и отдельных орудий, в том числе двух неолитических наконечников стрел листовидной формы, тщательно обработанных двусторонней ретушью, и нескольких мезолитических орудий.

Предметы из нижнего культурного слоя участка 2 относятся к заднепи́левской мезолитической (10000–8500 cal BC) и рессетинской финальнопалеолитической (13500–10500 cal BC) культурам. Всего их 1687, включая 269 фаунистических фрагментов, 32 сильно фрагментированных костяных (роговых) орудия и 1442 каменных предмета, из которых 354 были с вторичной обработкой.

Интересно, что большинство фаунистических остатков и древесных фрагментов на **участке 6** концентрировались около удалённой от суходола восточной стенки раскопа, тогда как немногочисленные каменные изделия практически все локализовались около его западной стенки. Судя по всему, в ходе раскопок была вскрыта прирусловая часть памятника, куда фауна, древесина и разнообразные артефакты были перемещены в результате делювиальных процессов или жизнедеятельности человека. О специфике участка 6 свидетельствуют также общее плавное понижение всех прослоев в восточном направлении и турбированный характер нижней погребённой почвы. Здесь была собрана выразительная коллекция из органических материалов, правда, из-за значительной удалённости от жилой площадки стоянки их общее количество уступает тому, что было обнаружено на прилегающем участке 5 в 2000–2001 гг. [9; 71; 72; 45; 17]. Численно преобладают фаунистические остатки хорошей сохранности (364). Это неудивительно из-за уровня их залегания и сравнительно высокой обводненности напластований. Немаловажна и скорость захоронения фауны и артефактов в водной среде. Артефакты представлены серией выразительных орудий из кости и рога (78), что увеличило коллекцию не менее чем на четверть [72; 17]. А с учётом того, что среди них присутствует и ряд неординарных вещей, подобный результат следует признать весьма удачным.

Среди артефактов особого внимания заслуживает почти целая тонкая костяная игла с просверлённым ушком – это первое изделие подобного рода на Заболотском торфянике, да и вообще в финальнопалеолити-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ческих-мезолитических памятниках Центральной России. Крайне интересно и уникальное роговое композитное изделие, не имеющее аналогов, состоящее из двух деталей, скреплённых штифтами, вставленными в отверстия, в которых сохранилась смола, образцы которой переданы в лабораторию ИГ РАН для AMS-датирования. Не исключено, что это своеобразное навершие копьеметалки. Выразительны и другие изделия – роговой топор-клевец со сверлиной в средней части, веретенообразные наконечники стрел, мотыга из рога лося, тёсла, выполненные из крупных трубчатых костей. К массовым орудиям относятся косые и симметричные острия, использовавшиеся в качестве наконечников копий и рогатин, ножи из лопаток лося и скребки из челюстей бобра.

В процессе изысканий в радиоуглеродной лаборатории Архузского университета (Дания) были получены семь AMS-дат по смоле, сохранившейся в пазах вкладышевых наконечников (табл.), три из них – позднеплейстоценовые – для артефактов рессетинской культуры и четыре – раннеголоценовые – для изделий заднепилевской культуры. Следует отметить и практическое совпадение дат, полученных по смоле из паза и остаткам древесины с черешка одного и того же крупного копья (№ 193). Это наблюдение крайне интересно для проверки эффективности радиоуглеродного метода и в источниковедческом отношении.

Таблица. *ГАО Минино 2. Список AMS-дат (по [70]) (Minino 2. The radiocarbon dating results)*

Памятник	Местоположение образца	Лаб. номер	Дата ±	Калиброванные значения (Cal BP)	Средние значения
Минино 2	У-2 Р-1 № 1 (274В-169/-171)	AAR-27604	12946±61	15721–15250	15473
Минино 2	У-5 Р-2 № 123 (66Г-238)	AAR-27607	12115±58	14135–13782	13997
Минино 2	У-5 Р-2 № 114 (54А-201)	AAR-27603	10653±47	12708–12553	12631
Минино 2	У-5 Р-2 № 172(276БГ-214/-216)	AAR-26567	9613±50	11169–10768	10944
Минино 2	У-5 Р-2 № 193 (образец 1, смола) (6А-242)	AAR-26568	9206±35	10491–10253	10358
Минино 2	У-5 Р-2 № 193 (образец 2, древесина) (6А-242)	AAR-27606	9173±43	10486–10237	10333
Минино 2	У-5 Р-2 № 152 (6В-232)	AAR-27605	9200±45	10496–10247	10357

Таким образом, благодаря прямому AMS-датированию артефактов удалось впервые надёжно обосновать позднеплейстоценовый возраст рессетинских древностей. Немаловажно и то, что была подтверждена раннеголоценовая хронология заднепилевских изделий. Полученные результаты принципиальны для разработки объективной хронологии культур каменного века Центральной России.

5. Обсуждение данных изысканий

5.1. Палеогеографические условия и заселение Дубнинской низменности

Новейшие сведения позволяют по-новому взглянуть на природную обстановку на протяжении позднего плейстоцена – голоцена и начальные этапы освоения Дубнинской низины. Данные бурения показывают, что не позднее 30 тыс. л. н. дно котловины уже дренировалось р. Дубной – об этом свидетельствует погребённое палеорусло, вскрытое на глубине 14–9 м в скважине 19520 (рис. 2, 3). Перекрывающие его плотные суглинки с карбонатными конкрециями встречаются повсеместно и образуют выдержанный покров в интервале от 1 до 6 м ниже меженного уровня воды современной реки. Обилие карбонатных конкреций свидетельствует о засушливости климата во время формирования или сразу после накопления слоя (до его захоронения). Эти суглинки представляют собой пойменную фацию аллювия периферической поймы, накапливавшуюся, когда река протекала где-то в стороне от скважины, на довольно большом расстоянии от неё. Обширная Заболотская котловина, периодически затапливавшаяся слаботекущими, местами стоячими, речными водами, по условиям осадконакопления мало чем отличается от полупроточного сезонного озера.

Нельзя исключать, что частично суглинки отлагались и в постоянных озёрах, образовавшихся на периферии речной поймы, что вполне типично для пойм рек с направленной аккумуляцией наносов. Русла таких рек и приречные поймы постепенно растут вверх за счёт накопления в них аллювия, тогда как удалённые участки вследствие более низких скоростей наилконакопления в наращивании отстают. В этих относительно пониженных периферических частях поймы могут формироваться и многочисленные озёра. Примером может служить современный нижний Амур [76]. На тенденцию к аккумуляции в долине р. Дубны как минимум с 30 до 15 тыс. л. н. указывает последовательный подъём в разрезе палеорусел, обнаруженных в ходе бурения. Так образовалось, по-видимому, современное Заболотское озеро, а также другие, ныне уже заболоченные, но хорошо просматривающиеся на космических снимках вдоль долины р. Дубны и известные в литературе как Дубнинский озёрный каскад [5–7]. В заиливающихся древних протоках помимо крупных могли существовать и мелкие озёра, например в районе скважины 19520 и в ложбине западнее скважины 19522. Они могли быть постоянными и сезонными, оставшимися после очередного половодья и пересыхавшими к концу лета. Все эти водоёмы, а также сама р. Дубна, несомненно, играли ключевую роль в жизни и хозяйстве древнего населения. Важно, однако, то, что их происхождение напрямую не связано с последним ледниковым покровом и не имеет прогляциального характера.

Большая ширина ложбин-палеорусел указывает на то, что в позднеледниковье Дубна была рекой значительно более многоводной, чем сейчас, однако сток воды существенно снизился ещё в позднем плейстоцене, после чего амплитуда перемещений русла, судя по отсутствию стариц и вееров блуждания, стала незначительной, а течение было слишком слабым, чтобы эродировать берега. В мезолите и неолите русло р. Дубны на изучаемом участке находилось, по-видимому, в 150–200 м восточнее – там имеется ложбина, хорошо заметная на спутниковых снимках. Современное положение река заняла в результате спрямлений при мелиоративных работах в советское время.

Рельеф поймы р. Дубны в период отмирания палеорусла 15–14 тыс. л. н. был более пересечённым, чем сейчас, с перепадами высот до 3–4 м, что хорошо визуализируется отражающими границами на георадиолокационных профилях. В дальнейшем он постепенно выравнивался пойменной аккумуляцией. Во время половодий в позднеледниковье вода разливалась тонким слоем по широкой пойме. Течение было слабым, возникали застойные зоны, где из мутной воды отстаивался наилок. В результате пойменная фация имеет очень тонкий состав – тяжёлые суглинки, принимавшиеся ранее за озёрные отложения.

В раннем голоцене перепады высот уже не превышали 2,0–2,5 м, значительно уменьшается и пойменное осадконакопление, что приводит к формированию почвенного профиля в кровле пойменных суглинков. Это было самое «сухое» время в пойме Дубны за весь голоцен, максимально благоприятное для её освоения древним человеком. Цифровая модель контакта покровных торфов и подстилающих суглинков, построенная по данным георадиолокации, даёт представление о палеотопографии поверхности, осваивавшейся людьми в мезолите и неолите. На возвышенных участках в раннеголоценовое время активно развивалась серо-гумусовая почва лугового облика, перекрытая позднее покровом торфа. Её верхняя часть разбита трещинами дессикации (усыхания). Обнаруженные норы землероев и их зернохранилища свидетельствуют о луговой обстановке в условиях достаточно тёплого климата.

Накопление аллювия и торфяной залежи привело к сглаживанию поверхности. В результате перепады высот в настоящее время составляют всего 1–1,5 м. Несмотря на это, в современном рельефе по-прежнему различимы некоторые крупные древние русловые формы – бывшие русловые протоки и разделяющие их каплевидные повышения – острова, образованные в позднеледниковье, ширина которых достигает 50–70 м.

Полученные в 2018–2021 гг. результаты вполне определённо указывают на ошибочность представлений о существовании в поздневалдайское время Тверского ледникового озера, которое занимало всю Верхневолжскую низменность и её составную часть – Дубнинскую низину [2–8; 11; 12; 14; 15]. Судя по новейшим данным, формирование русла р. Дубны и Дубнинского озёрного каскада связано с деградацией московского оледенения в конце среднего плейстоцена (190–130 тыс. л. н. – MIS 6). Во время последней ледниковой эпохи дно бассейна было занято мигрирующей рекой Дубной, и за пределами её берегов накапливались паводковые отложения – аллювий пойменной фации. В разных местах Дубнинской низины могли, без сомнения, формироваться небольшие пойменные озёра, но единого крупного озера, занимавшего в позднем валдае и/или раннем голоцене всю Заболотскую палеокотловину, не существовало.

Вследствие малых уклонов, обусловленных геоморфологическим условиями (полузаполненная ледниковая котловина), река и весенние паводковые потоки текли крайне медленно, что и обусловило очень малую крупность аллювия. Русловая фация представлена заиленным мелким песком и супесями, пойменная фация – алевритистыми средними и тяжёлыми суглинками, очень похожими на озёрные отложения, что и поддерживало долгие годы иллюзию о существовании здесь обширного озера [5–7; 4; 12; 11; 16; 15], которое было осушено незадолго до или уже во время прихода сюда первых людей. На самом деле в последние 30 тысяч лет в Дубнинской низине господствовали флювиальные обстановки рельефообразования, что способствовало первоначальному освоению территории Заболотского края населением рессетинской эпиграветтской культуры уже во второй половине поздневалдайской (*висленской*) эпохи (LGT), а не на рубеже плейстоцена и голоцена, как считалось ранее. Этот вывод подтверждается полученной серией радиоуглеродных (AMS) дат по смоле из пазов костяных и роговых изделий Минино 2, относящихся к позднеледниковью [70]. Наиболее древняя дата образца смолы, взятого из паза вкладышевого рессетинского наконечника, составила 15721–15250 cal BP (AAR-27604).

Судя по анализу остеологической коллекции стоянки-могильника Минино 2, люди могли обитать здесь во все сезоны года, кроме поздней весны, когда широкая полоса поймы вдоль р. Дубны, по-видимому, затапливалась талыми водами. О круглогодичности заселения территории говорить при этом, разумеется, не приходится, и речь может идти исключительно о сезонном пребывании здесь популяций первобытного населения.

Разумеется, нельзя исключать существования в пределах Дубнинской низменности в целом, и Заболотской акватории в частности, отдельных небольших по площади мелководных озёр – вполне типичного элемента ландшафта пойм мигрирующих русел рек. Однако не они определяли гидрографию и орографию региона, а также общую систему расселения первобытного населения. Всё это заставляет отказаться от традиционной интерпретации памятников каменного века Заболотского торфяника в качестве «озёрных поселений» [11; 12; 5–7; 16; 15].

Приведённые выводы имеют принципиальное значение для разработки объективной хронологии событий и реальной динамики поселенческой стратегии населения в четвертичном периоде.

Несмотря на то что сам позднеплейстоценовый возраст инициального заселения Дубнинской низины и Заболотского края населением рессетинской культуры [17] сомнения больше не вызывает, вопрос о точной дате этого события ещё рано снимать с повестки, и дать на него ответ смогут лишь новые исследования. Немаловажно и переосмысление генезиса слагающего пойму суглинка, его речной и пойменный, а не озёрный

и донный характер. Это означает, что в перспективе возможно обнаружение артефактов на глубинах свыше 2,5–3 м от дневной поверхности, в подстилающих пойменные суглинки напластованиях. Это означает, что необходим пересмотр всей стратегии полевых изысканий и техническое перевооружение экспедиции. В качестве оперативного способа выявления погребённых геологических структур [26–28] уместно более широкое применение геофизических методов зондирования и разнообразных геоархеологических исследований.

5.2. Полученные результаты в европейском археологическом контексте

В настоящее время в Центре Русской равнины зафиксированы материалы четырёх финальнопалеолитических (бромме, аренсбург, рессетинская, култинская) и трёх мезолитических (култинская, заднепи́левская, пургасовская) культур [44; 17; 77].

Наибольший интерес среди памятников **культуры Бромме** [78–88; 47; 89–91] на территории России вызывают Аносово 1, 4 [92], Подол 3/1, Подол 3/2, Вышегора [93–97], Троицкое 3 [98], Тёплый Ручей 2 [99], Усть-Тудовка 1 [100], Ладыжино 3 [101], Ростиславль 1 (рис. 6) [102; 103].

Гомогенные памятники **культуры Аренсбург** [104–106; 80; 82; 83; 107; 89; 108; 109; 91; 110; 111], известные в Европейской России, единичны – это Гремячее 1 [112; 42], Смоленск [113], Черепеньки 1 [114; 115], Ростиславль 2 [116–118] и некоторые другие (рис. 7).

Рессетинская культура была выделена А.Н. Сорокиным в 1985 г. на основе изучения своеобразных каменных изделий, происходящих из раскопок памятников, расположенных на Верхней Волге и Оке [119–121]. Среди них наиболее выразительные коллекции дали Борки [122], Ланино 1, раскопы 4 и 8 [123], Альба 1, 3, Рессета 3 [120], Суконцево 8–11 [119; 121; 77], Култино 3, Усть-Тудовка 4, нижний слой, Замостье 5, слой 9 [45]; Минино 2, нижний слой [71; 72; 17]; Троеручица [124]. Известны они и на территории Восточной Беларуси [125; 126].

Каменное охотничье вооружение рессетинской культуры включает только два морфологически выраженных типа – асимметричные наконечники стрел, изготовленные на микропластинах (рис. 8: 1–11, 22–28; 9: 1–9), и микролиты с затупленным ретушью краем (рис. 8: 12–15, 18–21, 29–35; 9: 10–14). Прототипы асимметричных наконечников и микролитов широко представлены в «восточно-граветтских» комплексах Русской равнины [127]. Следует отметить, что в ряде коллекций имеются единичные наконечники стрел с вентральной ретушью, но их гомогенность достоверно не подтверждена. Микропластины и фрагменты микропластин, лишённые вторичной обработки, и усечённые ретушью микролиты также широко использовались в качестве вкладышей в композитных орудиях.

Костяной и роговой инвентарь рессетинской культуры изучен пока по двум памятникам: нижнему слою стоянки-могильника Минино 2 и слою 9 стоянки-могильника Замостье 5 [9; 71; 72; 77; 44; 17; 45]. В состав орудий охотничьего назначения входят семь категорий – это симметричные и асимметричные массивные острия (наконечники копий и рогатин), игловидные и композитные (вкладышевые) наконечники копий и стрел, зубчатые острия, клевцы и кинжалы (рис. 9: 15–24) [128]. Список рессетинского охотничьего вооружения далеко не окончательный и будет, несомненно, пополняться в процессе новых изысканий.

Материалы **заднепи́левской культуры**, в отличие от рессетинских, были известны с заката XIX в. и долгое время являлись своеобразной визитной карточкой Волго-Окского мезолита. Главной отличительной особенностью этих коллекций служат симметричные иволистные и черешковые наконечники стрел на пластинах, имеющие плоское вентральное ретуширование. Эти пункты последовательно интерпретировали то в качестве памятников свидерской стадии, то именовали свидерскими древностями, то волго-окской и бутовской культурами [129–140; 120; 141; 142]. Изменение названия обычно сопрягалось с известным приростом материалов и отражало процесс естественного развития научного знания. Появление нового названия – заднепи́левская культура – вызвано тем, что был установлен факт фальсификации Л.В. Кольцовым и М.Г. Жилиным первичных данных. Это касается как эпонимной стоянки Бутово 1, так и большинства наиболее крупных коллекций (Елин Бор, Тихоново 1, Соболево 5, Заборовье 2, Староконстантиновская 3, 4, Становое 4 и др.), интерпретированных ими в качестве бутовских [143–146; 77; 44].

Для каменного охотничьего вооружения заднепи́левской культуры помимо наконечников стрел иволистной и черешковой форм из пластин, обработанных на пере и черешке плоской вентральной ретушью, характерны микролиты с затупленным ретушью краем и фрагментированные пластинки без дополнительной обработки, служившие вкладышами в композитных орудиях (рис. 10; 11: 1–14). Набор дополняют микролиты с поперечно срезанным и скошенным ретушью окончанием. Наиболее выразительные материалы происходят из Суконцево 7, Чёрной 1, Малой Ламны 3, Новошино, Замостье 5 и Минино 2. Однако территория заднепи́левской культуры не замыкается Волго-Окским бассейном и распространяется по обширным пространствам Русской равнины, где, правда, выступает под иными наименованиями.

Состав каменного инвентаря в значительной степени повторяет рессетинский набор, но отличается бо́льшим типологическим разнообразием, особенно предметов охотничьего вооружения, и присутствием ряда технологических новшеств.

Набор костяного и рогового охотничьего вооружения заднепи́левской культуры включает те же категории, что и рессетинский, но вариабельность его существенно выше (рис. 11: 15, 16; 12; 13). Отмечается и большее технологическое разнообразие в производстве артефактов из органических материалов. К сожалению, осознанная фальсификация большинства имеющихся органосодержащих собраний (Ивановское 7, Становое 4, Култино 3, Озерки 5, Нушполы 11 и др.) не позволяет сделать это объективно [143–146; 77].

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

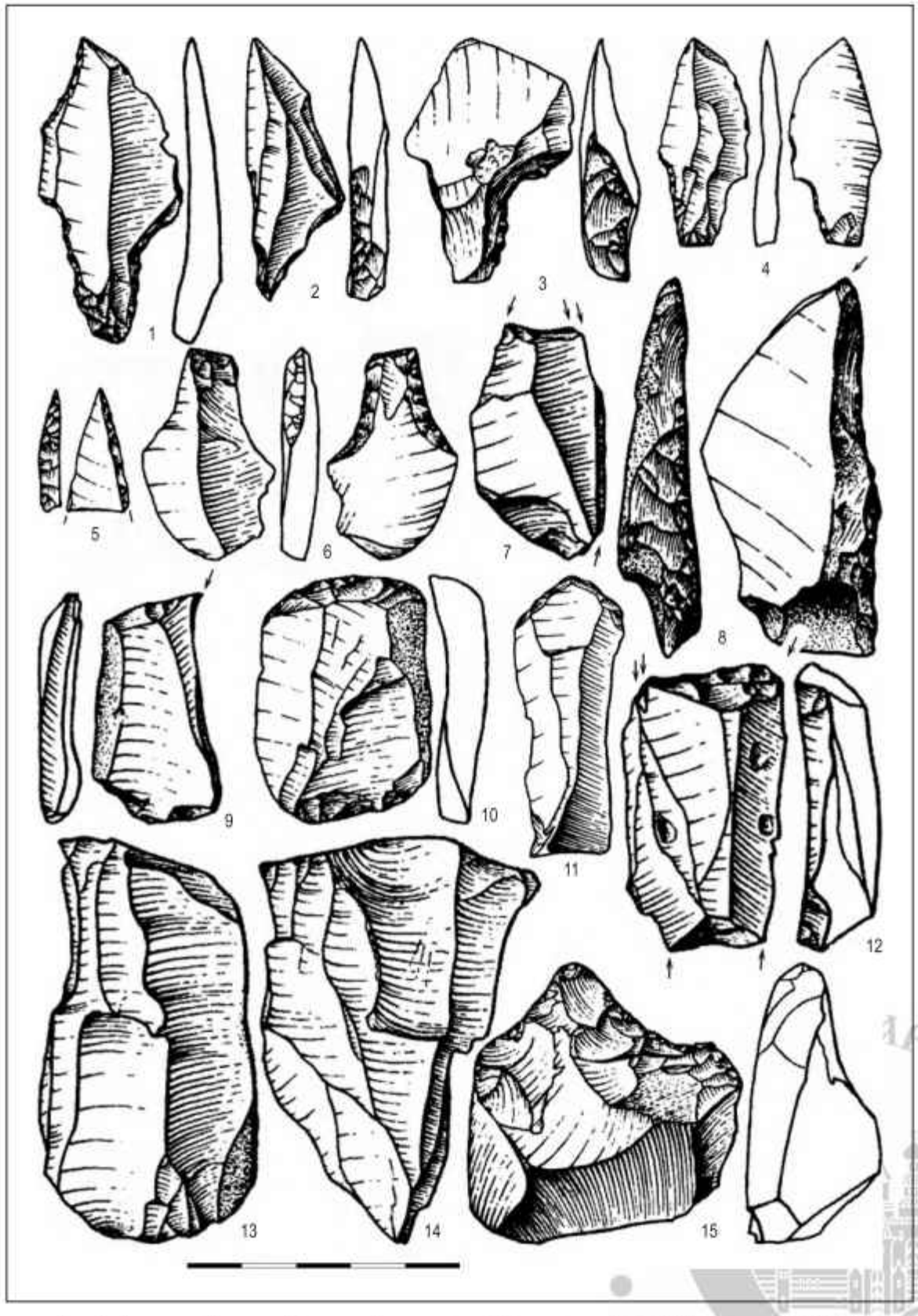

Рис. 6. Культура Бромме. Каменный инвентарь (Ростиславль 1, по А.В. Трусову [102; 103)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

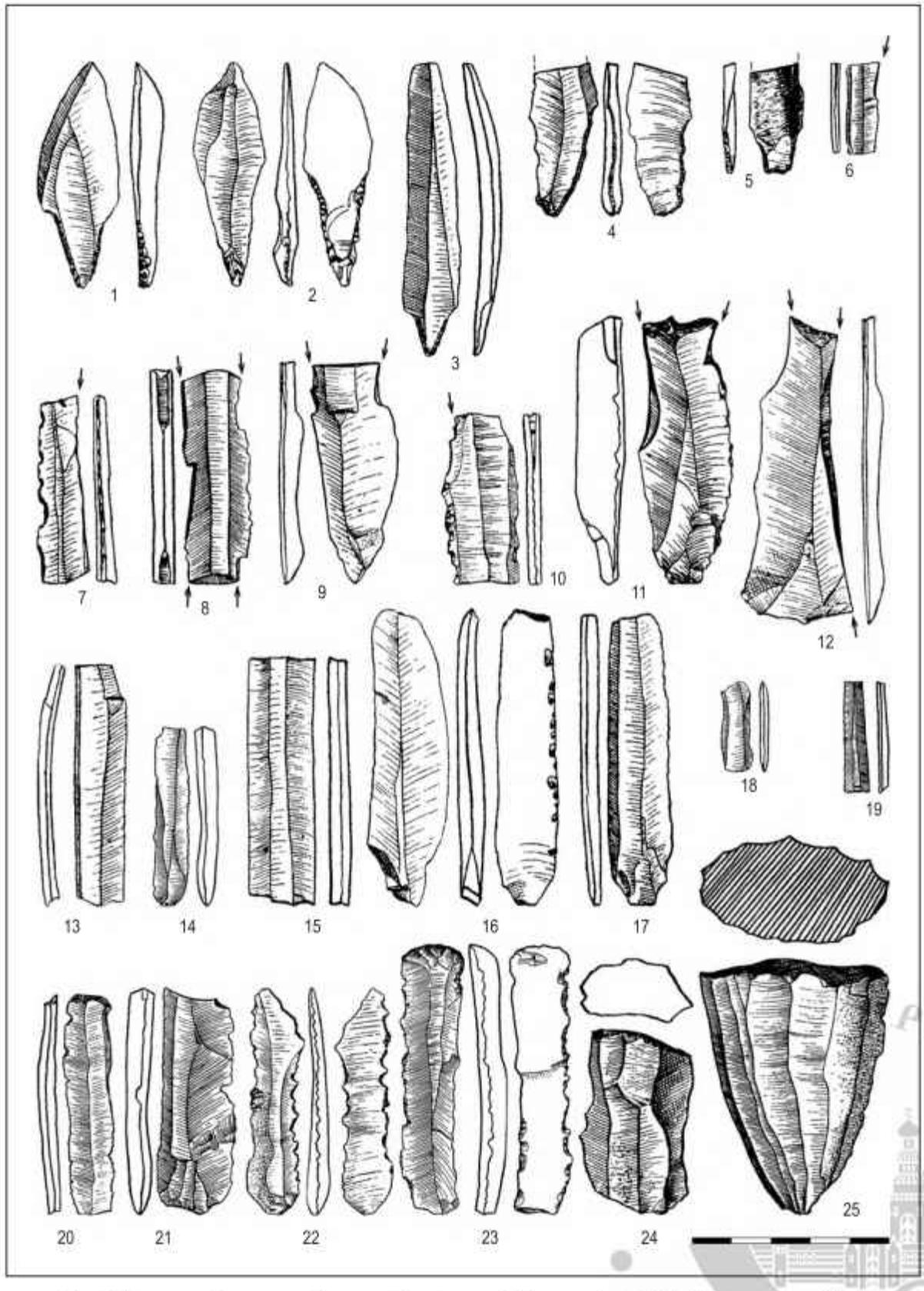

Рис. 7. Культура Аренсбург. Каменный инвентарь (Гремячее 1, по М.В. Воеводскому [112])

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

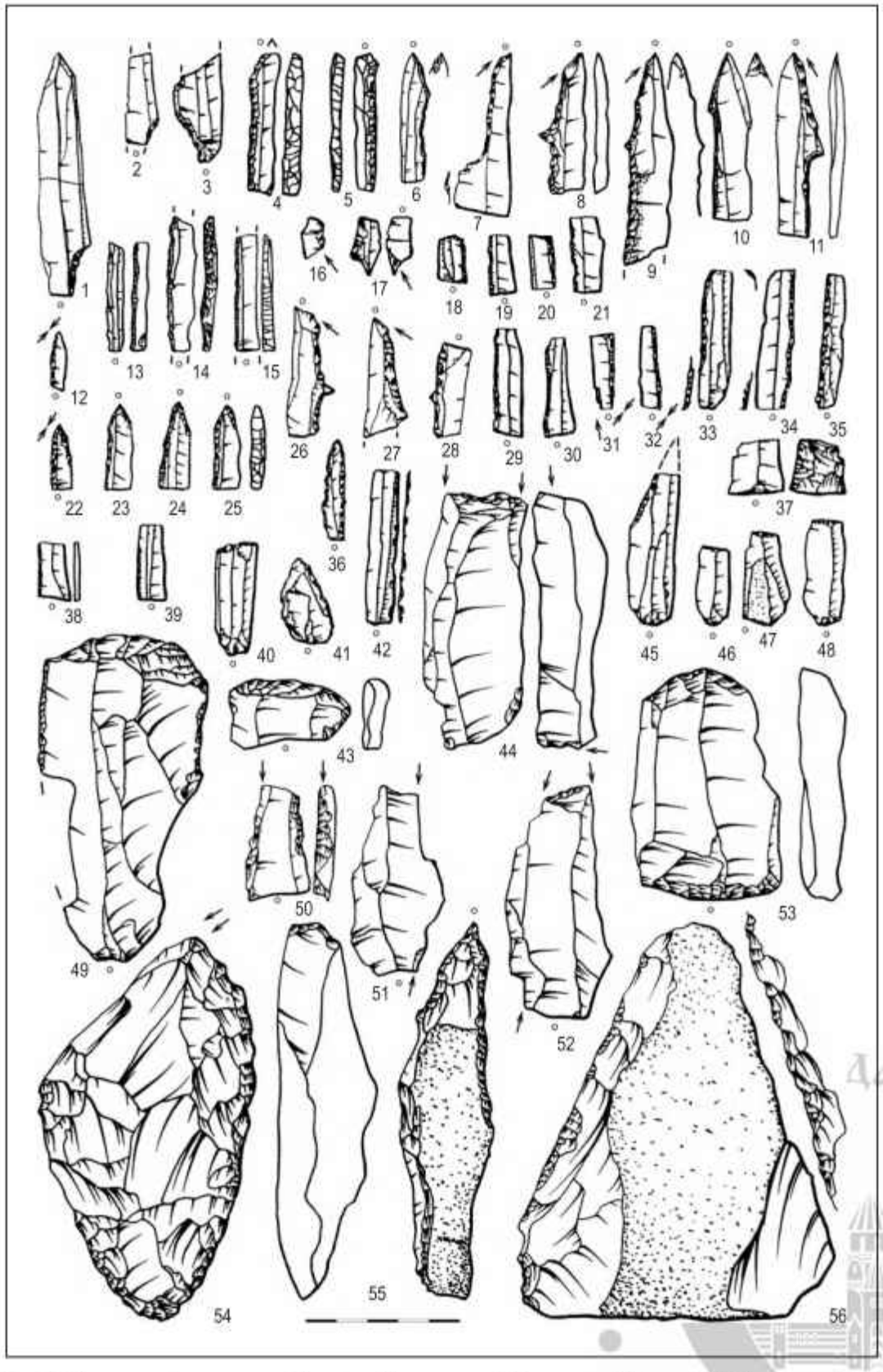

Рис. 8. Рессетинская культура. Каменный инвентарь (Суконцево 8, 9, по А.Н. Сорокину [119])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

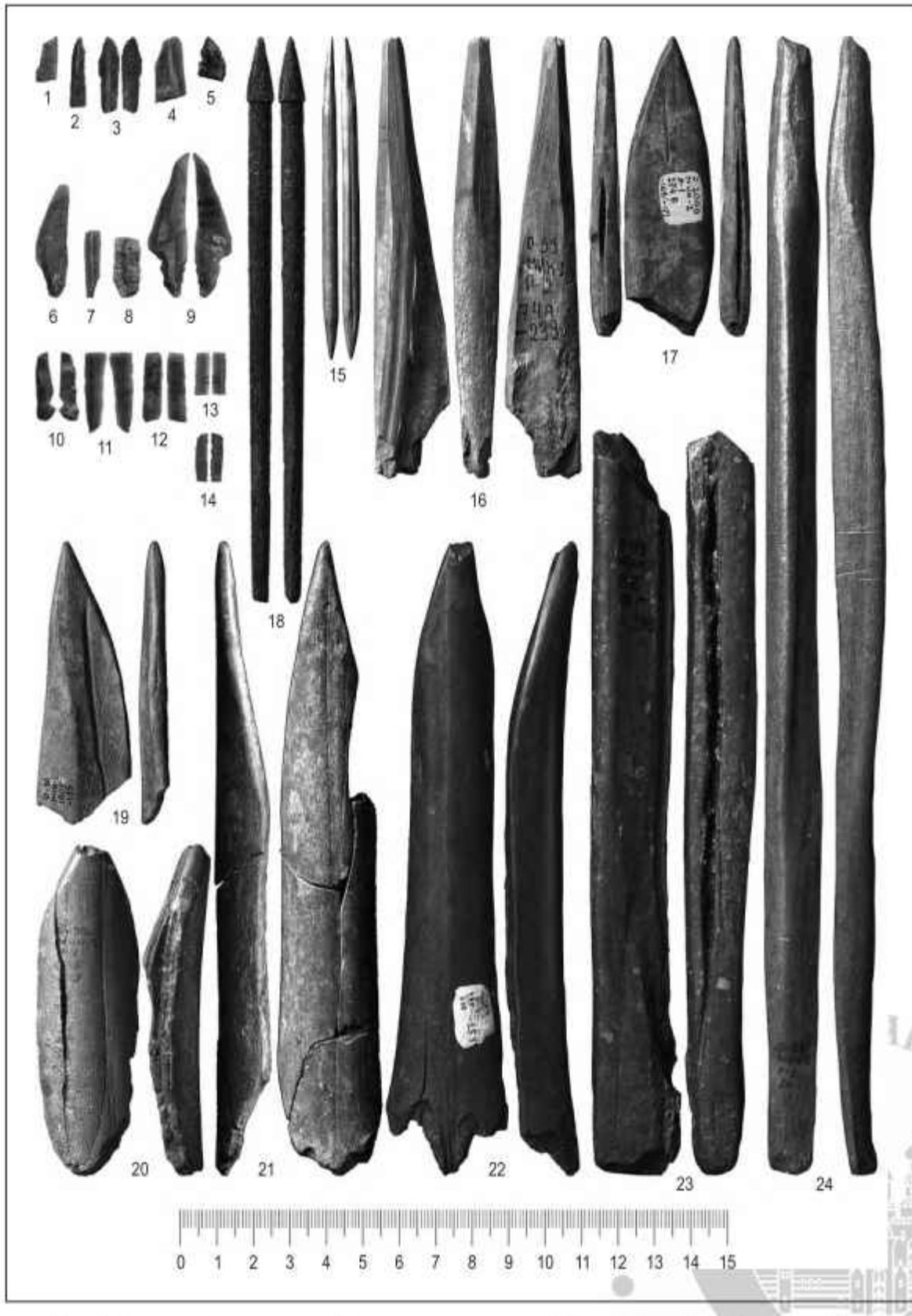

Рис. 9. Рессетинская культура. Охотничье вооружение (Минино 2, по А.Н. Сорокину [72])

ЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

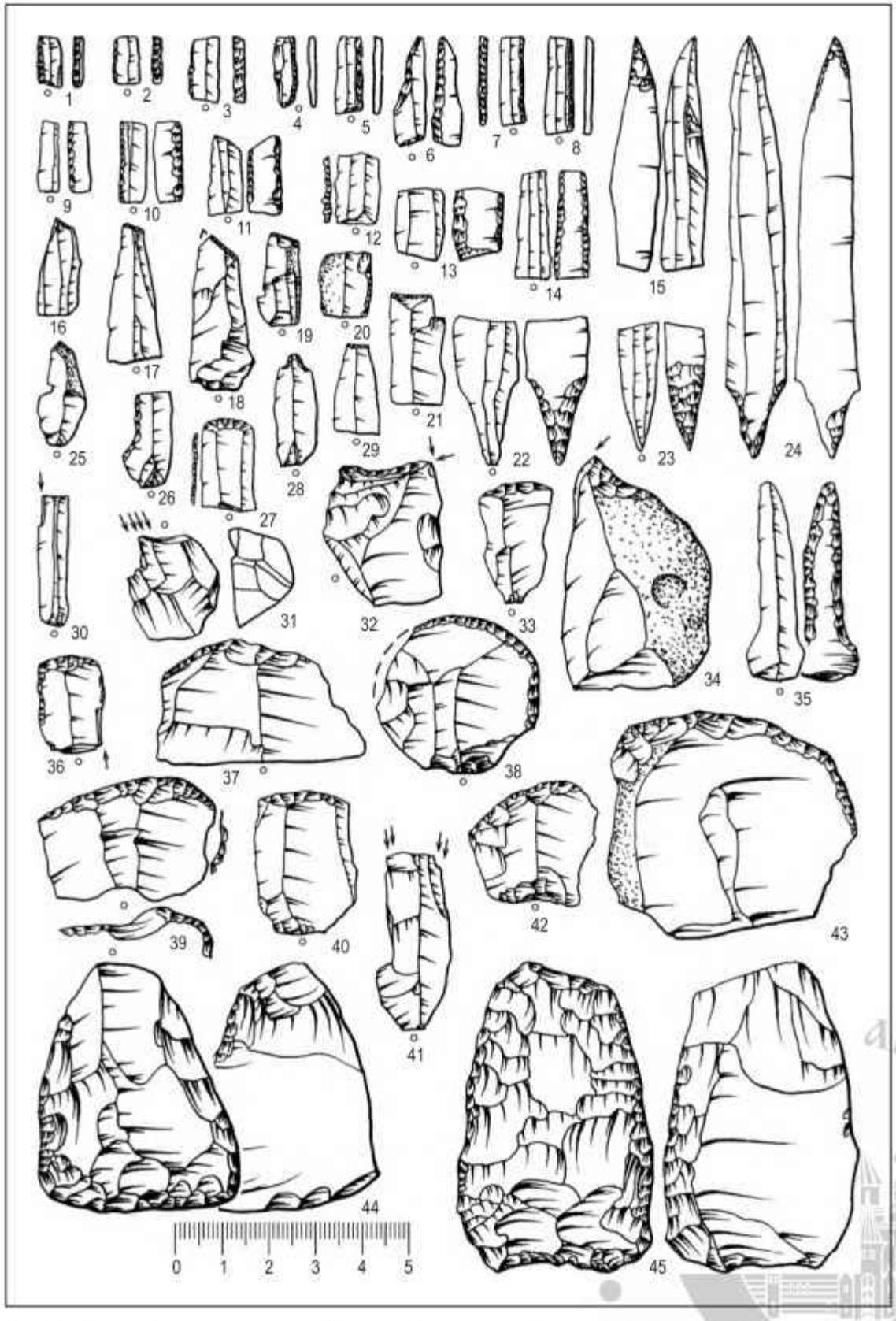

Рис. 10. Заднепи́левская культура. Каменный инвентарь (Заднепи́лево 1, по А.Н. Сорокину [140])

ЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

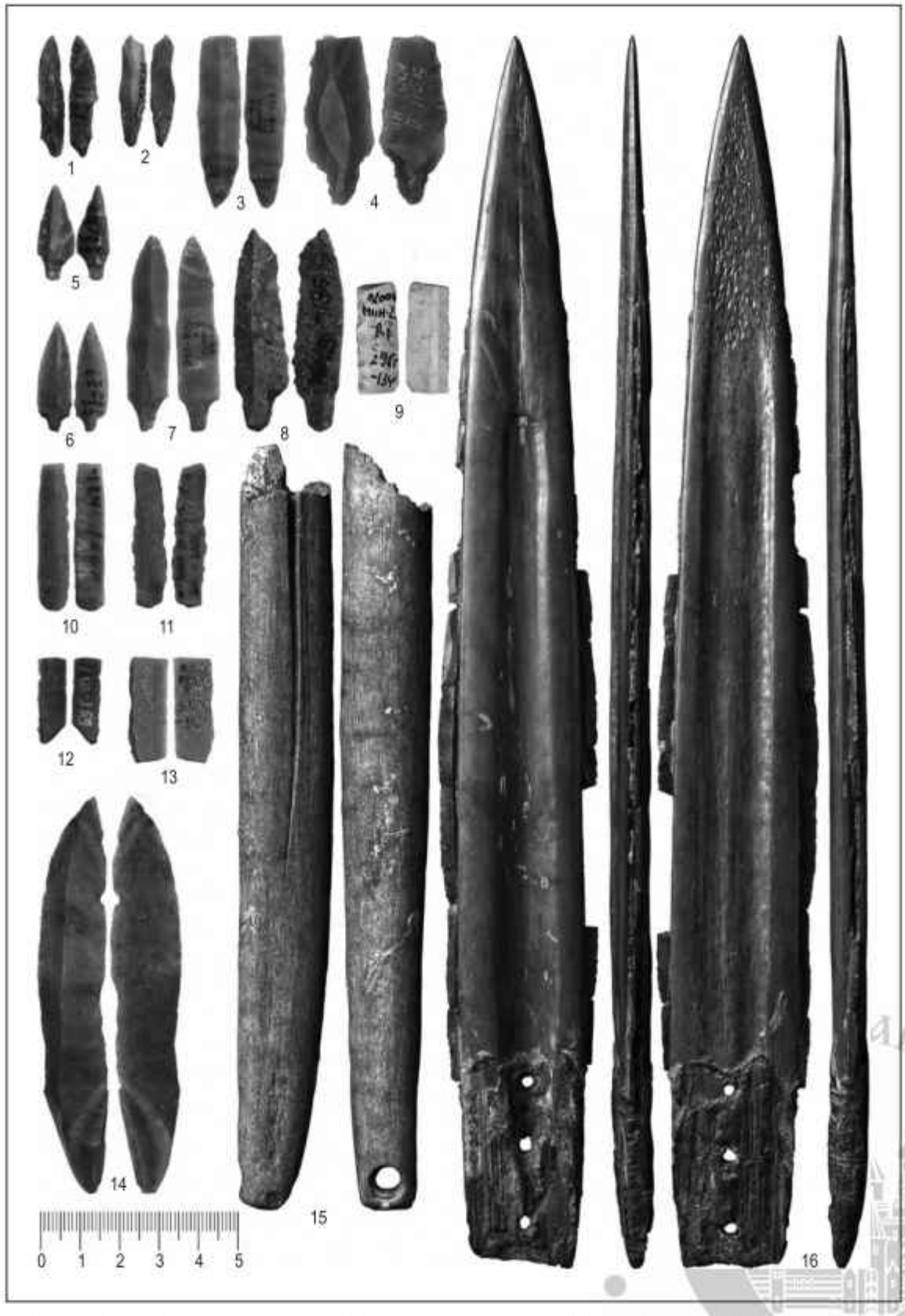

Рис. 11. Заднепрлевская культура. Охотничье вооружение (Минино 2, по А.Н. Сорокину [72])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

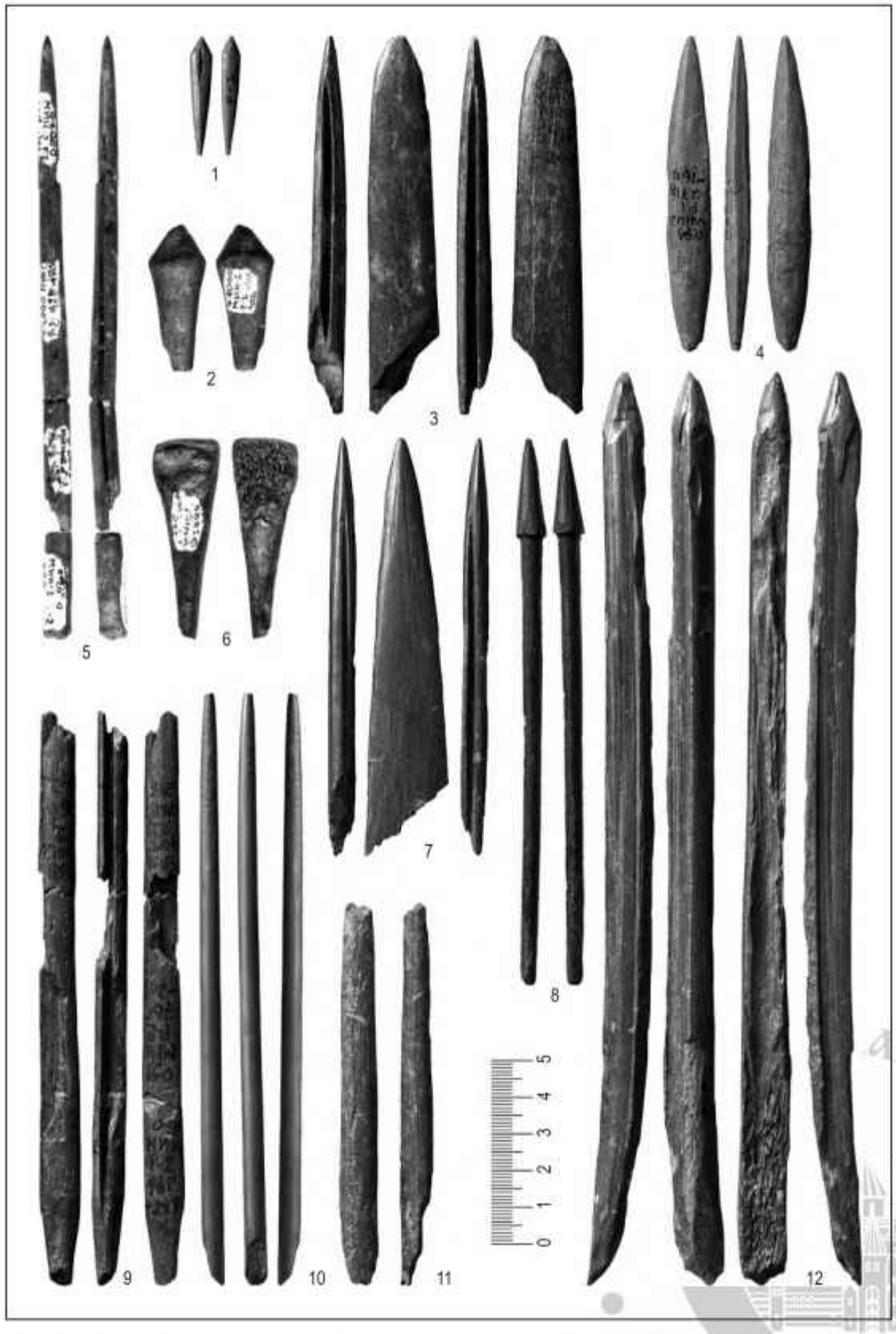

Рис. 12. Заднепи́левская культура. Охотничье вооружение (Минино 2, по А.Н. Сорокину [72])

ДРЕВНЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

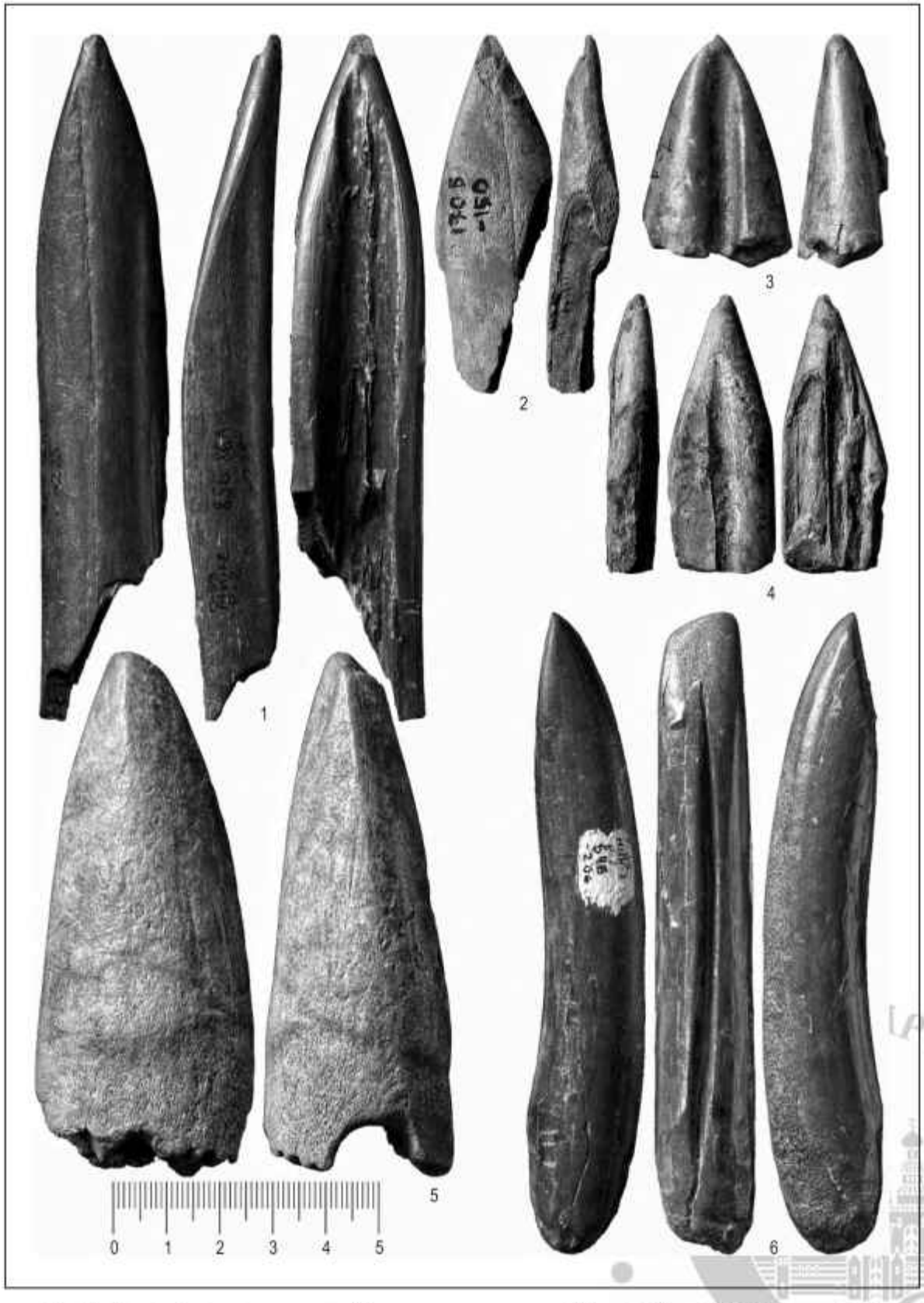

Рис. 13. Заднепйлевская культура. Охотничье вооружение (Минино 2, по А.Н. Сорокину [72])

На закате плейстоцена на территории Центра Русской равнины помимо эпиграветтского рессетинского, эпимадленского броммийского и аренсбургского населения существовали также популяции **култинской культуры** приуральского технокомплекса (стоянка Золоторучье 1) [43], расцвет индустрии которых пришёлся уже на мезолит (рис. 14). Наиболее выразительные материалы дали стоянки Култино 1, Спас-Седчено 2, Велетьминское 9 [139], Барашево 1 [142; 147], Угольново 1 [148] и Старая Пустынь [149].

Помимо заднепи́левских и култинских популяций в мезолите на территории Центра Русской равнины проживали и носители **пургасовской культуры** (рис. 15). К ней отнесены коллекции со стоянок Пургасово 3 [120; 147; 42]; Имерка 4, Шаверки 5, Клюквенный 4, Широмасово 2 [150]; Шагара 4 [151; 152], Борисово 1 [140], Дорки 4 [153], Круглое озеро.

Выделение в мезолите Волго-Окского бассейна елиноборской, бутовской и неневской культур [136; 139; 154] было произведено путём фальсификации первичных данных, о чём уже достаточно подробно изложено в литературе [44; 143–146; 151; 152]. Дальнейшее использование этих терминов противоречит нормам научной этики и должно стать исключительно предметом историографии.

Суммируя сказанное, необходимо отметить, что представленная «мозаика» отражает современное состояние исследований и будет, без сомнения, уточнена и дополнена в дальнейшем. К сожалению, комплексы, изученные на территории Заболотского торфяника, представлены пока исключительно рессетинскими и заднепи́левскими древностями, поэтому обсуждать материалы культур, отсутствующих в границах полигона, представляется нецелесообразным.

5.3. Миграции древнего населения и «восточный импульс» в освоении Фенноскандии

Несмотря на значительное число памятников, выявленных на территории Заболотского торфяника, стационарным раскопкам подверглись всего пять пунктов, на которых изучены только рессетинские и заднепи́левские древности. Установлено, что первопроходцами, осваивавшими в позднеледниковье (LGT) центральную часть Восточно-Европейской (Русской) равнины, были популяции рессетинской культуры, унаследовавшие традиции носителей восточного граветта, хорошо известные по материалам, предшествовавшим поздневалдайскому (*поздневисленскому*) максимуму оледенения (LGM). Важно отметить, что эпиграветтское население занимало эти территории задолго до появления эпимадленских групп, представленных материалами культур Бромме и Аренсбург.

В позднем плейстоцене и раннем голоцене не существовало современных государственных границ, и человеческая жизнь подчинялась экологии и естественным законам выживания видов. Экологические условия обязывали людей чутко реагировать на все изменения в биосфере, приспосабливаться к колебаниям среды обитания и вести подвижный (сезонно-кочевой) образ жизни. Неизбежным следствием особенностей этологии основных промысловых видов Северного полушария стало то, что небольшие популяции охотников-собирателей перемещались вслед за стадами сезонно-мигрирующих животных и неизбежно расширяли Ойкумену по мере того, как Европа очищалась от Скандинавского ледникового щита. Этот процесс, начавшийся в позднем плейстоцене, продолжался в раннем голоцене. На это указывает присутствие материалов «восточного импульса» не только на Восточно-Европейской равнине, но и на пространствах Фенноскандии [155; 156; 46; 47; 157; 48; 158–160; 49; 50; 161; 52; 53; 55–58; 162; 163; 59; 60; 54; 61]. Однако детальное изучение восточного маршрута в освоении Скандинавского полуострова выходит за рамки данного конкретного исследования.

6. Заключение

Комплексные изыскания 2018–2021 гг. на территории Заболотского торфяника дают весомые основания для пересмотра модели развития геоморфологии Верхневолжского региона и отказа от гипотезы Тверского приледникового озера в качестве основы палеоландшафтов. Полученные результаты позволяют со всей очевидностью говорить о более древнем, чем предполагалось вплоть до последнего времени, начале заселения Заболотского края и ином, не связанном с озёрными системами, характере этого процесса.

Геоморфологические данные и их палеогидрологическая интерпретация указывают на существование в Дубнинской низменности не позднее 30 тыс. л. н. древней реки Дубны – многоводного водотока, сформировавшего пойму с крупными формами флювиального палеорельфа, доступными для сезонного освоения. Потенциальная «готовность» ландшафта к заселению сдерживалась не столько палеогеографическими условиями, сколько наличием самого населения, способного освоить бескрайние пространства Русской равнины. Новейшие радиоуглеродные (AMS) даты по смоле из пазов костяных и роговых артефактов Минино 2 позволяют относить время инициального освоения Заболотского края носителями рессетинской культуры до 15500 л. н. Полученные результаты имеют принципиальное значение для разработки объективной хронологии событий и динамики поселенческой стратегии населения для этапа позднеледниковья и при переходе от плейстоцена к голоцену. Данные изысканий не только хорошо встраиваются в систему глобальных палеоэкологических событий и историю развития равнин Восточной Европы, но и подготавливают надёжную основу для уточнения ряда существующих представлений и отказа от устаревших концепций.

Технология популяций рессетинской культуры, ставших не только первопроходцами в освоении Верхневолжской и Дубнинской низменностей, но и многих других регионов Русской равнины, унаследовала восточно-граветтские традиции. Она служит примером их развития на протяжении позднеледниковья (LGT). В финале плейстоцена – начале голоцена происходит трансформация рессетинской индустрии в заднепи́левскую. Контуры этого процесса становятся всё более очевидными и осязаемыми, и геоархеологические объекты Заболотского края, изученные в новейшее время, дают конкретные сведения по его материализации.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

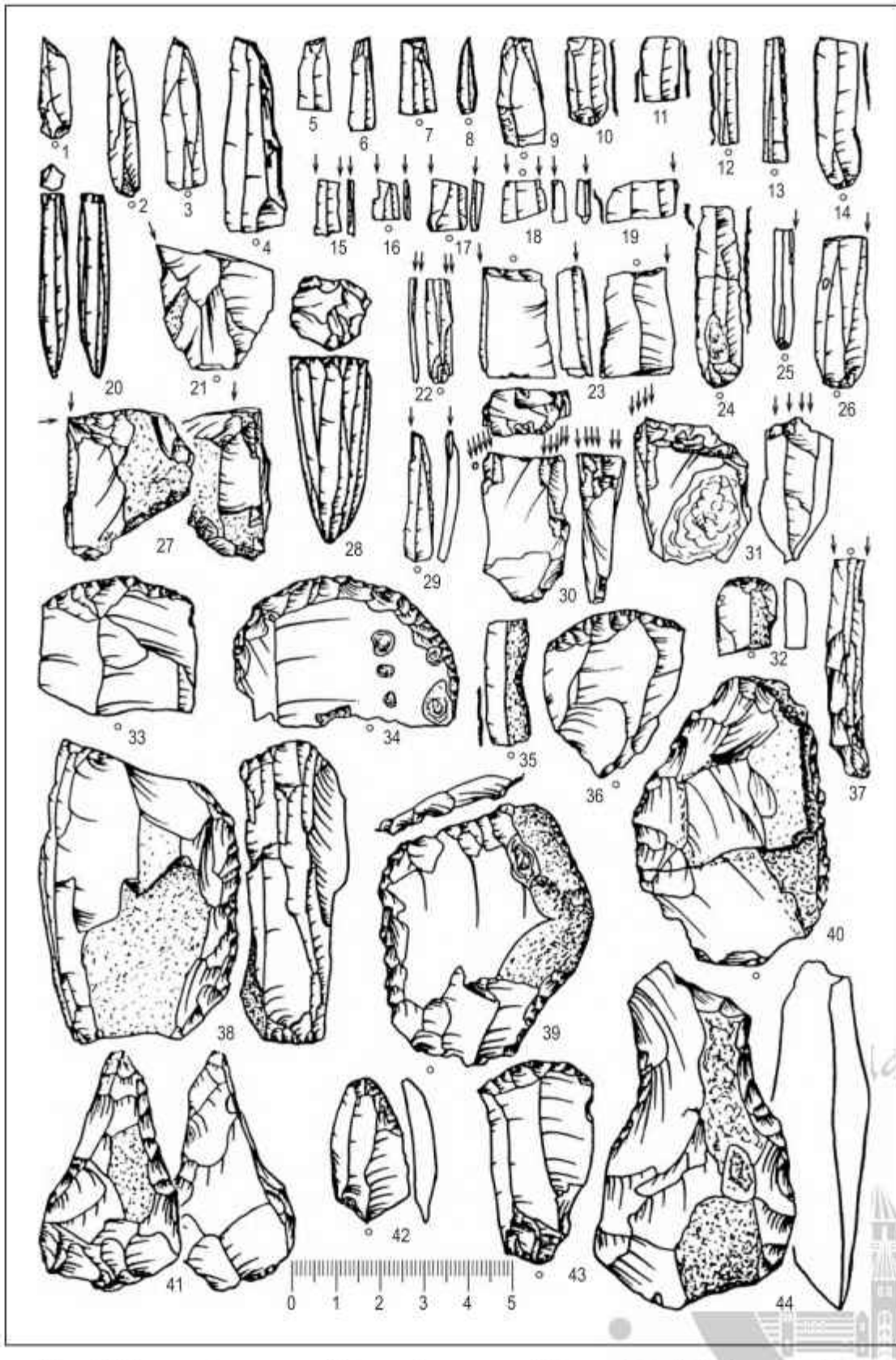

Рис. 14. Култинская культура. Каменный инвентарь (Култино 1, по А.Н. Сорокину [42])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

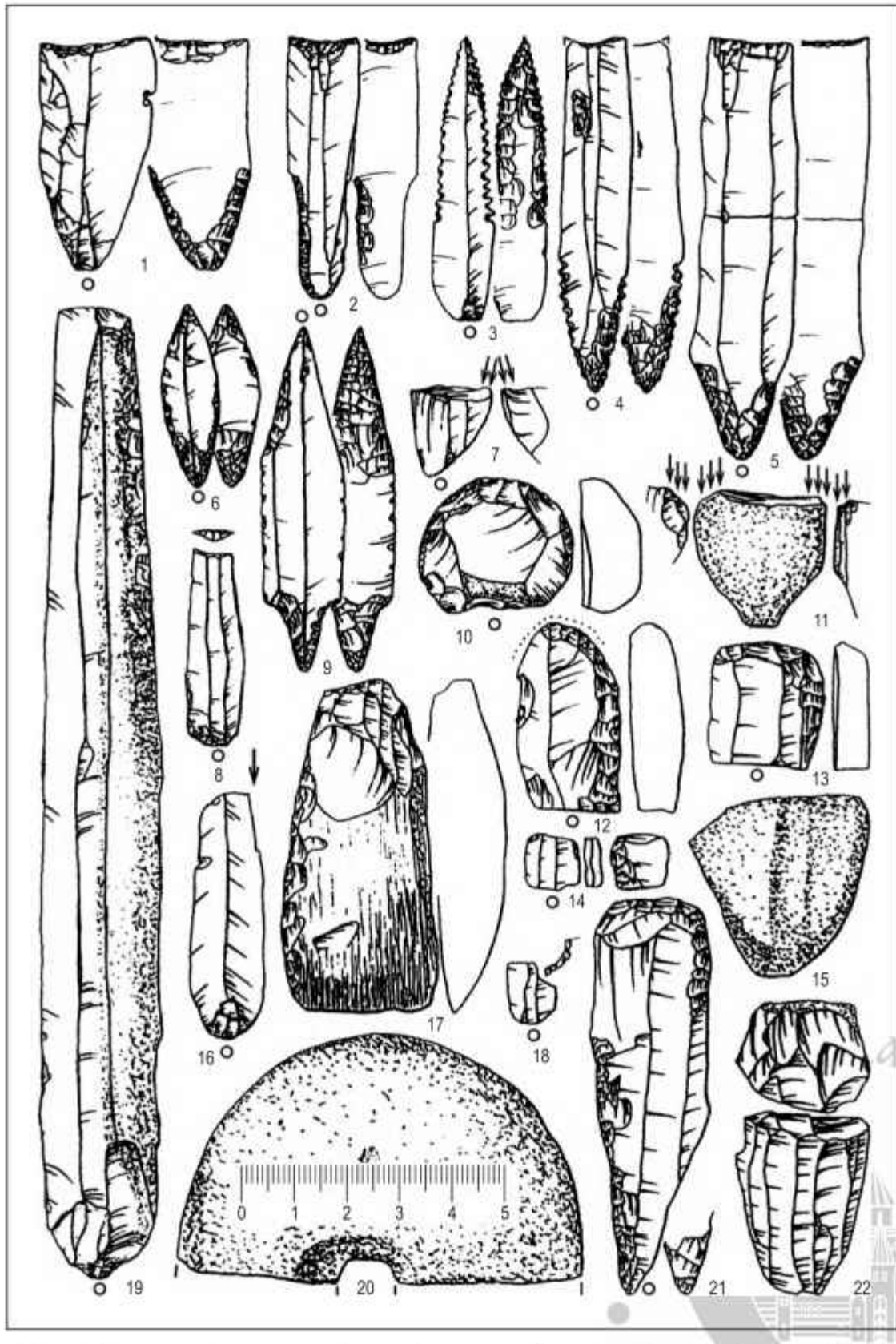

Рис. 15. Пургасовская культура. Каменный инвентарь (Пургасово 3, по А.Н. Сорокину [147])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Это были мобильные популяции, хорошо приспособленные к жизни в высоких северных широтах. Сезонные передвижения рессетинского и заднепилевского населения всё чаще фиксируются материалами не только с территории Русской равнины, но и со Скандинавского полуострова, где маркируются памятниками, известными в литературе под термином «восточного импульса». Таким образом, данные новейших исследований Заболотского края гармонично вписываются в более широкий контекст археологических проблем позднеледникового и раннеголоценового периодов Северной и Северо-Восточной Европы. Однако детализация картины требует существенного расширения изысканий, причём не только на территории Заболотского края, но и на всей северной половине Русской равнины и Фенноскандии.

7. Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность д. и. н., проф. В.В. Ставицкому и студентам-практикантам историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, археологам к. и. н. В.Н. Карманову (Коми НЦ УрО РАН) и А.Л. Смирнову (ИА РАН) за активный вклад в полевые изыскания; почвоведам к. г. н. Р.Г. Грачёвой (ИГ РАН) и к. г. н. Н.Н. Солодкову за консультации по вопросам почвоведения; к. г.-м. н., геофизику С.С. Бричёвой (МГУ им. М.В. Ломоносова) и к. г. н., ландшафтоведу В.М. Матасову (Российский университет дружбы народов) за проведение натурных геофизических и ландшафтных исследований; к. б. н. О.Н. Успенской (Всероссийский НИИ овощеводства – филиал ФГБНУ ФНЦО, пос. Верея, Московская область) за проведение биоморфного анализа; проф. F. Riede (Department of Archaeology and Heritage Studies, Aarhus University, Denmark), проф. P. Persson (Museum of Cultural History, University of Oslo, Norway) и PhD M.A. Manninen (Faculty of Biological and Environmental Sciences, University of Helsinki, Finland) за AMS-датирование образцов смолы пазовых артефактов стоянки-могильника Минино 2.

8. Финансирование

Геоархеологические исследования и аналитические изыскания проводились в рамках государственного планового задания НИОКТР № 122011200264-9 Института археологии Российской академии наук; лабораторные анализы – в составе государственного задания FMWS-2019-0008 Института географии Российской академии наук. Палеогидрологические и палеолимнологические реконструкции были выполнены в составе Мегагрантового проекта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2021-599 от 8.06.2021).

9. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.) / Маркова А.К., ван Кольфсхотен Т. (ред.). М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2008. 556 с.
2. *Квасов Д.Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л.: Наука, 1975. 278 с.
3. *Алешинская З.В., Гунова В.С., Лефлат О.Н.* История озер центрального региона Русской равнины // История озер Восточно-Европейской равнины / Трешников А.Ф. (ред.). СПб.: Наука, 1992. С. 168–182.
4. *Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А.* Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин, объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры», Сергиев Посад, 1–5 июля 1997. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 2001. С. 248–254.
5. *Сидоров В.В.* Озерные системы бассейна р. Дубны в неолите // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 249–258.
6. *Сидоров В.В.* Реконструкции в первобытной археологии. М.: Институт археологии РАН; Таус, 2009. 216 с.
7. *Сидоров В.В.* Торфяниковые стоянки (Торфяные археологические памятники) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Т. 16. М.: ИА РАН, 2020. С. 68–75.
8. Среда обитания человека в голоцене по данным изотопно-геохимических и почвенно-археологических исследований (Европейская часть России) / *В.И. Николаев, П. Якумин, А.Л. Александровский, А.Б. Белинский, В.А. Демкин, Л. Женони, Р.Г. Грачева, А. Лонжинелли, А.А. Малышев, М. Раминьи, Я.Г. Рысков, А.Н. Сорокин, В.П. Стрижов, Л.Т. Яблонский.* М.: Изд-во ИГ РАН, 2002. 189 с.
9. *Сорокин А.Н.* Заболотский торфяник, находки и проблемы // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия / Макаров Н.А. (ред.). М.: ИА РАН, 2009. С. 82–94.
10. *Сорокин А.Н.* Некоторые результаты изучения геоархеологических объектов Заболотского торфяника (Московская область, Россия) // Пути эволюционной географии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко (Москва, 23–25 ноября 2016 г.). М.: Институт географии РАН, 2016. С. 716–721. Сайт конференции: http://velichko2016.wixsite.com/conference.
11. Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, И. Клементе-Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 240 с.
12. Позднемезолитическая – ранненеолитическая адаптация человека к изменениям окружающей среды на берегу древнего озера. Многослойное поселение Замостье 2, пойма реки Дубна, Центральная Россия / *В. Лозовский, О. Лозовская, А. Мазуркевич, Д. Хукк, М. Козосова* // Международный четвертичный период. 324. 2014. С. 146–161. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.12.060.
13. *Gracheva, R., Vandenberghe, J., Sorokin, A., Malyasova, E., Uspenskaya, O.* Mesolithic-Neolithic settlements Minino 2 and Zamostye 5 in their geo-environmental setting (Upper Volga Lowland, Central Russia) // Quaternary International. № 370. 2015. P. 29–39. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.02.001.
14. *Лозовская О.В.* Стоянка Замостье 2 – место охоты или рыбной ловли? // Стратегия жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского / Лозовская О.В., Выборнов А.А., Долбунова Е.В. (ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 24–27.

15. *Лозовская О.В.* Торфяниковая стоянка Замостье 2, некоторые итоги и перспективы исследований // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Виноградов Ю.А., Васильев С.А., Степанова К.Н. (ред.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 139–156.
16. Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене / Лозовская О.В. (ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2018. 214 с.
17. Геоархеология Заболотского края (13 500–7500 cal BC) / *А.Н. Сорокин, Р.Г. Грачёва, Е.В. Добровольская, М.В. Добровольская.* М.: ИА РАН, 2018. 416 с.
18. Эволюция эрозионно-русловых систем на Восточно-Европейской равнине за последние 150 тысяч лет / *А.Ю. Сидорчук, О.К. Борисова, А.В. Панин, А.В. Чернов* // Маккавеевские чтения – 2013. Сборник материалов. М.: Географический факультет МГУ, 2014. С. 117–138.
19. Осадконакопление и формирование террас в речных долинах центра Русской равнины во второй половине позднего плейстоцена / *А.В. Панин, Е.Ю. Матлахова, Ю.Р. Беляев, Ж-П. Бульярт, Л.Ф. Дубис, А. Мюррей, О.М. Пахомова, Е.В. Селезнева, В.В. Филиппов.* Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 71. М.: ГЕОС, 2011. С. 47–74.
20. *Astakhov, V., Shkatova, V., Zastrozhnov, A., Chuyko, M.* Glaciomorphological Map of the Russian Federation, Quaternary International. Vol. 420. 2016. P. 4–14. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.024.
21. *Сидорчук А.Ю., Панин А.В.* Геоморфологические подходы к оценке величины речного стока в геологическом прошлом (ст. 4. Анализ крупности руслового аллювия для определения скоростей палеопотоков) // Геоморфология. 2018. № 3. С. 40–51.
22. Влияние гляциоизостатических движений земной коры в приледниковой зоне на развитие верховьев Волги / *Д.В. Баранов, А.В. Панин, С.И. Антонов, В.Р. Беляев, С.И. Болысов, Е.А. Еременко, Н.Е. Зарецкая* // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 6. М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 90–101.
23. *Panin, A., Astakhov, V., Komatsu, G., Lotsari, E., Lang, J., Winsemann, J.* Middle and Late Quaternary glacial lake-outburst floods, drainage diversions and reorganization of fluvial systems in northwestern Eurasia // Earth-Science Reviews. T. 201. 2020. https://doi.org/10.1016/j.earscirev.2019.103069.
24. Речное прошлое озера Селигер / *Е.А. Константинов, А.В. Панин, Н.В. Картухина, С.С. Бричева, О.К. Борисова, Н.Н. Нарышкина, А.Л. Гуриков, А.Л. Захаров* // Водные ресурсы. 2021. Т. 47. № 5. С. 481–491.
25. Средне- и позднечетвертичное ледниковое озеро – внезапные наводнения, отвод дренажа и реорганизация речных систем на северо-западе Евразии / *А. Панин, В. Астахов, Г. Комацу, Э. Лотсари, Дж. Ланг, Дж. Винсеманн* // Обзоры наук о Земле. Вып. 201. 2020. 103069. https://doi.org/10.1016/j.earscirev.2019.103069.
26. *Панин А.В., Сорокин А.Н., Успенская О.Н.* Палеогеографические обстановки конца позднего плейстоцена в Дубнинской низине // Актуальные проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена. Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Марковские чтения 2020 года» / Н.С. Болиховская, Т.С.Клювиткина, Т.А. Янина (ред.). М.: Географический факультет МГУ, 2020. С. 303–307.
27. *Панин А., Сорокин А., Успенская О.* Пересмотр концепции Тверского ледникового озера в Верхневолжской низменности в MIS 2 // Лимнология и пресноводная биология. 2020. № 4. С. 448–450.
28. История формирования ландшафтов Заболотского торфяника в контексте инициального заселения Дубнинской низины (бассейн верхней Волги) / *А.В. Панин, А.Н. Сорокин, С.С. Бричёва, В.М. Матасов, В.В. Морозов, А.Л. Смирнов, Н.Н. Солодков, О.Н. Успенская* // Вестник археологии, антропологии и этнографии (электронный журнал). 2 2022. (57). С. 85–100. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-7.
29. *Панин А.В., Сидорчук А.Ю., Украинцев В.Ю.* Вклад талых ледниковых вод в формирование стока Волги в последнюю ледниковую эпоху // Водные ресурсы. Т. 48. № 6. 2021. С. 656–663.
30. Заболотский отряд / *А.Н. Сорокин, А.В. Панин, Р.Г. Грачёва, Н.Н. Солодков, В.В. Ставицкий, А.Л. Смирнов, В.В. Морозов, С.С. Бричёва, В.М. Матасов.* 2019. https://archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions-2019/zabolotskiy-otryad--2019.
31. Заболотская экспедиция в 2020 г. / *А.Н. Сорокин, А.В. Панин, В.В. Морозов, А.Л. Смирнов.* 2020. https://www.archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions-2020/zabolotskaya-ekspeditsiya-2020.
32. Геоархеологическая летопись Заболотского торфяника / *А.Н. Сорокин, А.В. Панин, Р.Г. Грачёва, Н.Н. Солодков, А.Л. Смирнов, М. Хамакава* // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре 01–02 октября 2020 г. Тезисы докладов. В 3 томах. Т. III. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2020. С. 984–985.
33. Заболотский торфяник, новая страница геоархеологических исследований / *А.Н. Сорокин, А.В. Панин, Н.Н. Солодков, А.Л. Смирнов* // Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке, хронология, источники и культурогенез. Международная конференция к 70-летию Хизри Амирхановича Амирханова. Тезисы докладов. М.: Институт археологии Российской академии наук, 2020. С. 86, 87, https://www.archaeolog.ru/media/books_2020/Kamen_Tezis_2020.pdf.
34. Заболотский отряд в 2021 г. / *А.Н. Сорокин, А.В. Панин, В.Н. Карманов, А.Л. Смирнов, В.В. Морозов.* 2021. https//www.archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions-2021/zabolotskiy-otryad-2021.
35. Первоначальное освоение Заболотского края по данным новейших геоархеологических исследований / *А.Н. Сорокин, А.В. Панин, А.Л. Смирнов, В.Н. Карманов, В.В. Морозов, Н.Н. Солодков* // КСИА. Вып. 265. 2021. С. 45–60.
36. *Уткина А.О., Панин А.В.* Проблема перестройки стока в бассейн Верхней Волги под влиянием последнего оледенения // Рациональное использование и охрана водных ресурсов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Барышников Г.Я. (ред.). Барнаул: AGU Publ., 2017. С. 186–191.
37. *Baranov, D.V., Utkina, A.O.* Late Valdai proglacial lakes of the Upper Volga, Geological and geomorphological data // Paleolimnology of Northern Eurasia: Experience, methodology, current status and young scientists' school in microscopy skills in paleolimnology. Proceedings of the 3rd Internatipnal Conference. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. P. 15–18.
38. *Baranov, D.V., Utkina, A.O., Panin, A.V.* Tver proglacial lake (Tver region, Russia): myth or reality // Limnology and Freshwater Biology. 2022. 4. P. 1383–1384.
39. *Borisova, O., Konstantinov, E., Utkina, A., Baranov, D., Panin, A.* On the existence of a large proglacial lake in the Rostov-Kostroma lowland, north-central European Russia // Journal of Quaternary Science. T. 37. № 8. 2022. P. 1442–1459.
40. *Sorokin, A.N.* The Final Palaeolithic in Central Russia // Archaeologia Baltica. Klaipeda. Vol. 7. 2006. P. 120–135.
41. *Sorokin, A.N.* The Final Palaeolithic of Central Russia, Problem and Solution // M. Kobusiewicz, J. Kabacinski (eds.). Studies in the Final Palaeolithic Settlement of the Grate European Plain. Poznan, 2007. P. 157–173.
42. *Сорокин А.Н.* Проблемы мезолитоведения (The Mesolithologic Problems). М.: Гриф и К., 2006. 214 с.
43. *Жилин М.Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: ИА РАН, 2007. 142 с.
44. *Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М.: Гриф и К., 2009. 387 с.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

45. *Сорокин А.Н., Хамакава М.* Геоархеологические объекты Заболотского торфяника на территории Европейской России // Известия ИГУ. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск. Т. 10. 2014. С. 50–93.
46. *Larsson, L.* The Mesolithic of Southern Scandinavia // Journal of World Prehistory. 1990. Vol. 4. № 3. P. 257–309. https://doi.org/10.1007/BF00974882.
47. *Larsson, L.* The colonization of South Sweden during the deglaciation // The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring / Lars Larsson (ed.). Areas Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 140–155. (Acta archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24).
48. *Carpelan, C.* On the postglacial colonization of eastern Fennoscandia // M. Huurre (ed.), Dig it all: Papers Dedicated to Ari Siiriäinen. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, The Archaeological Society of Finland. Helsinki, 1999. P. 151–171.
49. *Takala, H.* The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti: Lahti City Museum, 2004. 198 p.
50. *Kankaanpaa, J., Rankama, T.* Early mesolithic pioneers in northern Finnish Lapland // H. Knutsson (ed.). Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. (Vuollerim papers on Hunter-gatherer Archaeology. Vol. 1). Vuollerim: Museum Vuollerim, 2005. P. 71–103.
51. *Manninen, M.A., Hertell, E.* Few and far between, an archive survey of Finnish blade finds // T. Rankama (ed.). Mesolithic interfaces. Variability in Lithic Technologies in Eastern Fennoscandia (Monographs of the Archaeological Society of Finland 1). Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2011. P. 113–141.
52. *Knutsson, H., Knutsson, K.* The postglacial colonization of humans, fauna and plants in northern Sweden // Arkeologi i Norr. 13. Red: Per H. Ramqvist. Tryck: Original Umeå, 2012. S. 1–25.
53. *Sørensen, M., Rankama, T., Kankaanpää, J., Knutsson, K., Knutsson, H., Knutsson, J., Melvold, S., Eriksen, B.V., Glørstad, H.* The First Eastern Migrations of People and Knowledge into Scandinavia, Evidence from Studies of Mesolithic Technology, 9th–8th millennium BC // Norwegian Archaeological Review, 46 (1). 2013. P. 19–56. https://doi.org/10.1080/00293652.2013.770416.
54. *Kleppe, J.I.* The Pioneer Colonization of Northern Norway // H.P. Blankholm (ed.) Early Economy and Settlement in Northern Europe – Pioneering, Resource Use, Coping with Change. Vol. 3. Sheffield: Equinox. 2018. P. 13–57.
55. *Manninen, M.A., Knutsson, K.* Lithic raw material diversification as an adaptive strategy – Technology, mobility, and site structure in Late Mesolithic northernmost Europe // Journal of Anthropological Archaeology 33 (1). 2014. P. 84–98. https://doi.org/10.1016/j.jaa.2013.12.001.
56. *Damlien, H.* Eastern pioneers in westermost territories? Current perspectives on Mesolithic hunter-gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia // Quaternary International. Vol. 324. 2014. http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2014.02.023.
57. *Damlien, H.* Eastern pioneers in westernmost territories? Current perspectives on Mesolithic Hunter–Gatherer large-scale interaction and migration within Northern Eurasia, Quaternary International. Vol. 419. 2016. P. 5–16. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2014.02.023.
58. *Damlien, H., Kjällqist, M., Knutsson, K.* The pioneer settlement of Scandinavia and its aftermath: New evidence from western and central Scandinavia // K. Knutsson, H. Knutsson, J. Apel, H. Glörstad (eds.) The Technology of early settlement of Northern Europe: Transmission of knowledge and culture. Sheffield: Equinox Publishing, 2018. Vol. 2. P. 99–137.
59. *Knutsson, H., Knutsson, K., Molin, F., Zetterlund, P.* From flint to quartz: Organization of lithic technology in relation to raw material availability during the pioneer process of Scandinavia // Quaternary International. Vol. 424. 2016. P. 32–57. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.10.062.
60. *Damlien, H., Solheim, S.* The pioneer Settlement of eastern Norway // H.P. Blankholm (ed.) Early Economy and Settlement in Northern Europe. Pioneering, resource use, coping with change. Sheffield: Equinox. 2018. Vol. 3. P. 335–367.
61. *Manninen, M.A., Damlien, H., Kleppe, J.I., Knutsson, K., Murashkin, A., Niemi, A.R., Rosenvinge, C.S., Persson, P.* First encounters in the north: cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia // Antiquity 95 (380). 2021. P. 1–19. https://doi.org/10.15184/aqy.2020.252.
62. *Vandenberghe, J., Gracheva, R., Sorokin, A.* Postglacial floodplain development and Mesolithic–Neolithic occupation in the Russian forest zone // Proceedings of the Geologists Association, Vol. 121 (2). 2010. P. 229–237. https://doi.org/10.1016/j.pregola.2010.01.003.
63. *Lozovski, V., Lozovskaya, O., Mazurkevich, A., Hookk, D., Kolosova, M.* Late Mesolithic – Early Neolithic human adaptation to environmental changes at an ancient lake shore: The multi-layer Zamostje 2 site, Dubna River floodplain, Central Russia // Quaternary International. Vol. 324. 2014. P. 146–161. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2013.12.060.
64. Погребенные почвы и культурные слои в условиях заболоченных зандровых равнин: возможности и ограничения методов археологических и природных реконструкций / *Р.Г. Грачева, А.Н. Сорокин, Е.С. Малясова, О.Н. Успенская, О.А. Чичагова, Л.Д. Сулержицкий* // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции / Сычева С.А., Узянов А.А. (ред.). М.: ИГРАН, ИА РАН, НИА-Природа, 2006. С. 186–211.
65. *Butzer, K.W.* Archaeology as human ecology: method and theory for a contextual approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 362 p.
66. *Davidson, D.A., Shackley, M.L.* Geoarchaeology: Earth Science and the Past. London: Duckworth, 1976. 408 p. Publisher: Westview Press; First American Edition; Hardcover.
67. Geoarchaeology: Using earth sciences to understand the archaeological record // Ayala, G., Canti, M., Heathcote, J., Sidell, J., Usai, R. (eds.). Hawthornes. Nottingham: English Heritage Publishing, 2007. 32 p.
68. *Медведев Г.И.* Геоархеология: сюжеты истории формирования // Антропоген. Палеоантропология, геоархеология, этнология Азии: Сб. науч. тр. – Иркутск: Оттиск, 2008. С. 133–155.
69. *Сорокин А.Н.* «Слоны» и «черепахи» геоархеологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 25. 2018. С. 3–18. https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.25.3.
70. *Manninen, M.A., Asheichyk, V., Jonuks, T., Kriiska, A., Osipowicz, G., Sorokin, A.N., Vashanau, A., Riede, F., Persson, P.* Using Radiocarbon Dates and Tool Design Principles to Assess the Role of Composite Slotted Bone Tool Technology at the Intersection of Adaptation and Culture-History // Journal of Archaeological Method and Theory. 2021. https://doi.org/10.1007/s10816-021-09517-7.
71. *Сорокин А.Н.* Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье. М.: Гриф и К., 2011. 264 с.
72. *Сорокин А.Н.* Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье – костяной и роговой инвентарь. М.: ИА РАН, 2014. 448 с.
73. *Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А.* Культуросодержащие и культурогенные слои в стратифицированных археологических объектах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. Т. 7. 2001. С. 46–50.
74. *Бердникова Н.Е., Воробьёва Г.А.* Геоархеологические аспекты в исследованиях культурных отложений // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск: Издат. дом Наука, 2011. С. 18–37.
75. *Panin, A., Sorokin, A., Uspenskaja, O.* Revision of the concept of the Tver glacial lake in the Upper Volga Lowland in MIS 2 // Limnology and Freshwater Biology. 2020. 4. P. 448–450.

76. *Махинов А.Н.* Современное рельефообразование в условиях аллювиальной аккумуляции. Владивосток: Дальнаука, 2006. 231 с.
77. *Сорокин А.Н.* Стоянка Суконцево 8 – геоархеологический источник. М.: Акварнус, 2022. 384 с.
78. *Mathiassen, T.* En Senglacial Boplads ved bromme. [=Saertryk of (Sonder-druck aus:) Aarbeger for nordisk // Oldkyndighed og Historie. 1946]. 14. 2. Kobenhavn: Verlag: Ohne Ort [Kopenhagen] ohne Verlag, 1946. S. 121–197.
79. *Schwabedissen, H. at al.* Die Federmesser-Gruppen des nordwesteuropischen Flachlands: Zur Ausbreitung des Spadt-Magdalenien. B. 9. Neumünster: Wachholtz, 1954. 104 s.
80. *Taute, W.* Die Stielspitzen-Gruppen im nördlichen Mitteleuropa. Ein Beitrag zur Kenntnis der spaten Altsteinzeit // Fundamenta, Reihe A, Band 5. Köln: Graz, Böhlau, 1968. 512 s.
81. *Salomonsson, B.* Decouverte dune habitation du Tardiglaciaire a Segebro, Scanie, Suide // Acta Archaeologica. V. XXXV. Köbenhavn, 1964.
82. *Kozlowski, J.K., Kozlowski, S.K.* Pradzieje Europy od XL do IV tysiaclecia p. n. e. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. 504 s.
83. *Kozlowski, J.K, Kozlowski, S.K.* Epoka kamienia na ziemiach polskich. Warszawa, 1977. 324 s.
84. *Madsen, B.* New Evidence of Late Paleolithic Settlement in East Jutland // Journal of Danish Archaeology. Vol. 2. Odense, 1983. P. 12–31.
85. *Madsen, B.* Late Paleolithic Cultures of South Scandinavia – Tools, Traditions and Technology Jutland // L. Larsson (ed.). The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring Areas (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24). Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 61–73.
86. *Burdukiewicz, J.M.* The Late Pleistocene Shouldered Point Assemblages in Western Europe. Leiden: Brill Publishing House, 1986. 344 p.
87. *Burdukiewicz, J.M.* Spatiotemporal Zonality of the Palaeolithic Settlement of Northern Europe // L. Larsson (ed.), The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring Areas (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24). Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 35–52.
88. *Johansson, A.D.* A Base Camp and Kill Sites from the Bromme Culture on South Zealand, Denmark // L. Larsson (ed.), The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring Areas (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24). Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 140–155.
89. *Kobusiewicz, M.* The final Pleistocene Recolonisation of the northwestern Polish Plain // Folia Quaternaria. Vol. 70. Krakow, 1999. P. 197–210.
90. *Kobusiewicz, M.* The Lyngby Point as a cultural Marker // M. Street, R.N.E. Barton, T. Terberger (eds.). Humans, Environment and Chronology of the Late Glacial of the North European Plain // Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz, 2009. S. 169–178.
91. *Riede, F.* The 'Bromme problem' – notes on understanding the Federmessergruppen and Bromme culture occupation in southern Scandinavia during the Allerød and early Younger Dryas chronozones // M. Sørensen, K. Buck Pedersen (eds.), Problems in Palaeolithic and Mesolithic Research. Copenhagen: University of Copenhagen & Museum of Southeast Denmark, 2017. P. 61–85.
92. *Гурина Н.Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье р. Днепра // Палеолит и неолит СССР. Т. VII. К 60-летию П.И. Борисковского. Л.: Наука, 1972. С. 244–251. (Материалы и исследования по археологии СССР, Вып. 185.)
93. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб.: ИИМК РАН, 1996. (Археологические изыскания. Вып. 39). 52 с.
94. *Синицына Г.В.* Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 61–71.
95. *Синицына Г.В.* Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвинья: исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А.М. Микляева (6–8 октября 1997 г.). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 3–19.
96. *Синицына Г.В.* О финальном палеолите на Валдайской возвышенности (дискуссионные вопросы) // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 11–23.
97. Поздний палеолит Северной Евразии, палеоэкология и структура поселений / *С.В. Васильев, З.А. Абрамова, Г.В. Григорьева, С.Н. Лисицын, Г.В. Синицына.* СПб., 2005. 108 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XIX).
98. *Ланцев А.П., Мирецкий А.В.* Стоянка Троицкое 3 – один из древнейших памятников Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 57–64.
99. *Мирецкий А.В.* Финальнопалеолитическая стоянка Теплый Ручей на Верхней Волге // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене / М.Г. Жилин (ред.). М.: Воскресенская типография, 2007. С. 123–133.
100. *Жилин М.Г., Кравцов А.Е.* Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Н-Новгород, 1991. С. 3–18.
101. *Кравцов А.Е., Коннов С.Б.* Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 127–136.
102. *Трусов А.В.* Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2004. С. 42–52.
103. *Trusov, A.V.* The Final Palaeolithic Site of Rostislavl (Preliminary report) // Archeologia Baltica. 7. Klaipeda, 2006. P. 149–159.
104. *Rust, A.* Das Altsteinzeitliche Rentiejager lager Meiendorf. Neeumunster, 1937. 186 s.
105. *Rust, A.* Die alt- und mittelsteinzeitlichen Funde von Stellmoor. Neumunster, 1943. 240 s.
106. *Rust, A.* Vor 20000 Jahren. Neeumunster, 1962. 208 s.
107. *Fischer, A.* At the Border of Human Habitat. The Late Paleolithic and Early Mesolithic in Scandinavia // L. Larsson (ed.) The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with neighbouring Areas (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24). Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 156–176.
108. *Street, M., Baales, M., Cziesla, E., Hartz, S., Heinen, M., Joris, O., Koch, I., Pasda, C., Terberger, T., Vollbrecht, J.* Final Paleolithic and Mesolithic Research in Reunified Germany // Journal of World Prehistory. Vol. 15 (4). 2001. P. 365–453.
109. *Riede, F.* Success and failure during the Late Glacial pioneer human Re-Colonisation of southern Scandinavia // F. Riede, M. Tallaavaara (eds.). Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. Oxford: Archaeopress, 2014. P. 33–52. (British Archaeological Reports International Series 2599)
110. *Galinski, T.* Paleolit i Mezolit na Pomorzu. Szczecin: IAE PAN, 2019. 403 s.
111. *Lundström, V., Peters, R., Riede, F.* Demographic estimates from the Palaeolithic–Mesolithic boundary // Scandinavia, comparative benchmarks and novel insights. 2021. https://www.researchgate.net.publication.347252947.
112. *Воеводский М.В.* Стоянка Гремячее // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 2. М.; Л., 1941. С. 142–148.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

113. Стоянка финального палеолита в г. Смоленск / *И.М. Ершов, А.Л. Александровский, Н.А. Кренке, А.В. Панин, С.Н. Чаукин, В.А. Чаукина* // РА. 2022. № 3. С. 136–151.
114. *Заверняев Ф.М.* Неолитическая стоянка Черепеньки под Брянском // КСИИМК. Вып. 67. 1957. С. 65–70.
115. *Чубур А.А.* Стоянка Черепеньки – новый взгляд на старую коллекцию. Брянск, 2016. https://www.academia.edu,29438796,%D0%A1%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%BA%D0%B0_%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%8C%D0%BA%D0%B8_%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%B2%D0%B7%D0%B3%D0%BB%D1%8F%D0%B4_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%8E_%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8E_Cherepenki_camp_a_new_perspective_on_an_old_collection
116. *Трусов А.В.* Отчёт о раскопках стоянки Ростиславль 2 в Озерском районе Московской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 49809.
117. *Трусов А.В.* Отчёт о раскопках стоянки Ростиславль 2 в Озерском районе Московской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 53037.
118. *Трусов А.В.* Отчёт о раскопках стоянки Ростиславль 2 в Озерском районе Московской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 60994.
119. *Сорокин А.Н.* Рессетинская культура // Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. (Археология СССР). С. 84–86, 260.
120. *Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 251 с.
121. *Сорокин А.Н.* Рессетинская культура, информация к размышлению // КСИА. Вып. 228. 2013. С. 160–170.
122. *Зубков В.И.* Новые сборы на Борковской мезолитической стоянке // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 141–150.
123. *Синицына Г.В.* Ланино 1 – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55). С. 5–62.
124. *Мирецкий А.В.* Новый памятник эпохи первобытности в бассейне р. Шоши // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 70–74.
125. *Гурина Н.Н.* Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии // МИА. № 131. Л.: Наука, 1965. С. 141–203.
126. *Гурина Н.Н.* К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников Северо-Западной Белоруссии // У истоков древних культур (эпоха мезолита). (МИА. № 126). М.: Наука, 1966. С. 14–34.
127. Восточный граветт / Х.А. Амирханов (ред.). М.: Научный мир, 1998. 329 с.
128. *Сорокин А.Н.* Охотничье вооружение населения рессетинской культуры // VI (XXII) Всероссийский археологический съезд. Тезисы докладов. Т. 1. Самара, 2020. С. 85–87.
129. *Воеводский М.В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2-й Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 5. М., 1934. С. 230–245.
130. *Воеводский М.В.* К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. № V. 1940. С. 144–150.
131. *Воеводский М.В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 96–119.
132. *Воеводский М.В., Формозов А.А.* Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV. 1950. С. 42–54.
133. *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Академия наук СССР, 1959. 126 с.
134. *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977. 144 с.
135. *Кольцов Л.В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. № 4. С. 17–26.
136. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР / Л.В. Кольцов (ред.). М.: Наука, 1989. С. 68–84, 86, 247–259. (Археология СССР)
137. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция. Тезисы пленарных докладов. Л., 1979. С. 22–26.
138. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4. С. 267–271.
139. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М.: Наука, 1999. 157 с.
140. *Сорокин А.Н.* Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.: ИА АН СССР, 1990. 220 с.
141. *Сорокин А.Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Х.А. Амирханов (ред.). М.: Научный мир, 2004. С. 69–91.
142. *Кравцов А.Е., Сорокин А.Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.: ИА АН СССР, 1991. 76 с.
143. *Сорокин А.Н.* Рецензия: Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М., 1999 // РА. 2001. № 3. С. 154–162.
144. *Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К, 2008. 328 с.
145. *Сорокин А.Н.* Экологический подход в призме источниковедения // Известия Иркутского госуниверситета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 22. 2017. С. 52–81.
146. *Сорокин А.Н.* Рецензия: Лисицын С.Н. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // Stratum plus. 2017. 1. С. 59–110 // Российская археология. 2018. № 4. С. 167–178.
147. *Сорокин А.Н.* Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши // В эпоху мамонтов (Stratum plus. 1) 2003–2004 / Л.Б. Вишняцкий (ред.). СПб., 2005. С. 359–443.
148. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолитическая стоянка Угольново 1 // СА. 1987. № 3. С. 131–135.
149. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г., Черников В.Ф.* Мезолитическая стоянка Старая Пустынь // Археология Верхнего Поволжья, материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Ф.В. Васильев (ред.). Нижний Новгород: Нижегородский ун-т; Управление культуры Нижегородского облисполкома; Этнос, 1991. С. 42–51.
150. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов (ред.). Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
151. *Сорокин А.Н.* Стоянка Шагара 4 и мезолит Мещёрской низменности // Материалы охранных археологических исследований. Т. 18. М.: ИА РАН, 2016. 400 с.
152. *Сорокин А.Н.* Шагара 4 как геоархеологический источник // Материалы охранных археологических исследований. Т. 20. М.: ИА РАН, 2017. 216 с.

153. *Фролов А.С., Мирецкий А.В.* Мезолитическая стоянка-мастерская Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья. Н-Новгород, 1991. С. 19–29.
154. *Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья, Некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Х.А. Амирханов (ред.). М.: Научный мир, 2004. С. 92–139.
155. *Matiskainen, H.* The paleoenvironment of Askola, southern Finland, Mesolithic settlement and subsistence 10 000–6000 BP // H. Matiskainen (ed.). Studies on the chronology, material culture and subsistence economy of the Finnish Mesolithic, 10 000–6000 BP. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 1989. P. 1–97. (Iskos 8)
156. *Matiskainen, H.* Discrepancies in deglaciation chronology and the appearance of man in Finland // L. Larsson (ed.), The Earliest Settlement of Scandinavia and Its Relationship with Neighbouring Areas. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24). Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 251–262.
157. *Thommessen, T.* The early Settlement of northern Norway // L. Larsson (ed.), The Earliest Settlement of Scandinavia and its Relationship with Neighbouring Areas. (Acta Archaeologica Lundensia. Series in 8°. Vol. 24). Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 235–240.
158. *Olofsson, A.* Microblade technology in Northern Sweden, chronological and cultural implications // Current Swedish Archaeology. 10. 2002. P. 73–94.
159. *Bang-Andersen, S.* Southwest Norway at the Pleistocene – Holocene transition, landscape development, colonization, site types, settlement patterns // Norwegian Archaeological Review, 36 (1). 2003. P. 5–25.
160. *Blackholm, H.P.* Earliest Mesolithic Site in northern Norway? A reassessment of Sarnes B4 // Arctic Anthropology. 41. 2004. P. 41–57. https://doi.org/10.1353/arc.2011.0093.
161. *Hertel, E., Tallavaara, M.* Hunter-gatherer mobility and the organization of core technology in Mesolithic North-Eastern Europe // T. Rankama (ed.), Mesolithic Interfaces, Variability in Lithic Technologies in Eastern Fennoscandia (Monographs of the Archaeological Society of Finland 1). Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2011. P. 95–110.
162. *Brinch Petersen, E.* The human settlement of southern Scandinavia 12500–8700 cal BC // M. Street, R.N.E. Barton, T. Terberger (eds.). Humans environment and chronology of the late glacial of the North European Plain. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz. 2009. P. 89–129.
163. *Glorstad, H.* Deglaciation, sea-level change and the Holocene colonization of Norway // Geological Society Special Publication. 411. 2016. P. 9–25. https://doi.org/10.1144/SP411.7.

А.Н. Сорокин – ФГБУН «Институт археологии РАН»;
А.В. Панин – ФГБУН «Институт географии РАН»,
Москва

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

A.N. Sorokin, A.V. Panin

ON THE COLONIZATION OF THE CENTRAL RUSSIAN PLAIN IN LATE GLACIAL AND EARLY HOLOCENE: THE ROLE OF GEOARCHAEOLOGICAL DATA

Summary

Until recently, interpreting archaeological data on the colonisation of the Central Russian Plain during late glaciation (LGT) had been hampered by the prevailing view that a significant part of it during that period was flooded by large glacial lakes [2]. Under the hypothesis that the Tver glacial lake was covering Upper Volga lowlands and the Dubna depression, these territories would not be habitable until the Pleistocene-Holocene boundary when they finally dried up in the process of deglaciation.

In 2018–2021, geoarchaeological investigations were carried out in Zabolotsky peatland (Moscow Region) to test this hypothesis. It was found that during the Late Valdai (Vistula) glacial epoch (LGT), the prevailing conditions for land formation around Dubna were fluvial, rather than lacustrine. Thus, it is entirely plausible that large parts of Zabolotsky area could already start to become populated at that time. AMS-dating of resin samples from the grooves of bone and hornbeam artefacts attributed to Epigravettian Resseta culture pinpoint the potential *timing* of this event to circa 15,500 cal BP. During Early Holocene, Zadnepilevo industry was the successor to Resseta tradition.

Other populations known to exist in Central Russian Plain during late Pleistocene – early Holocene are attested from Bromme, Ahrensburg, Kultino and Purgasovo culture complexes. The identification of Elin-Bor, Butovo and Ienevo cultures [136; 139] in the Volga-Oka basin during the Mesolithic had been made by tampering with primary data. Therefore, any further allusion to these cultures would be unethical.

Seasonal migration patterns of both Resseta and Zadnepilevo populations are evidenced not only by data from the Russian plain, but also from the Scandinavian peninsula. Here, they are represented by the so-called "eastern pulse" industry. To piece together the cultural and historical development of Eastern and Northern Europe, a substantial increase in field research is needed.

A.N. Sorokin – Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Uljanova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: ansorokin52@gmail.com

A.V. Panin – Institute of Geography,
Russian Academy of Sciences,
29/4, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia
E-mail: a.v.panin@igrus.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.Н. Сорокин

МЕЗОЛИТ ВОЛГО-ОКСКОГО БАССЕЙНА ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ

Первые изделия эпохи мезолита на территории Волго-Окского бассейна стали известны ещё в конце XIX в. К настоящему времени зафиксированы не менее 2000 пунктов, бóльшая часть которых была открыта в 1970–1980-е годы. Взрывной прирост источниковедческой базы не привёл к прорыву в систематизации добытых материалов и их полноценному вводу в научный оборот. Катастрофическими для сохранения добытых коллекций стали и 1990-е годы, когда в результате экономического кризиса перестали физически существовать многие хранилища, что неизбежно привело к утрате годами складировавшихся в них сокровищ. Значительную негативную роль в развитии представлений о мезолите региона сыграли и многочисленные попытки «улучшения качества источников». В статье анализу подвергаются лишь те источники, которые отвечают критериям «достоверности» и «надёжности» [40; 23; 24].

В результате все имеющиеся на настоящий момент материалы группируются в три различающиеся набором каменного инвентаря археологические культуры – заднепóлевскую, култинскую и пургасовскую.

Созданный многими поколениями исследователей фундамент по-прежнему требует значительных усилий не только по своему осмыслению, но и переходу на качественно новый уровень. Необходима переориентация с валового принципа сбора данных на геоархеологическое отношение к источнику. Памятники археологии должны превратиться из узкодисциплинарного (археологического) понятия в общенаучное и стать тем, чем они реально являются, – объектами биосферы. Это означает, что они обязаны быть предметом междисциплинарного изучения, основу которого составляет методология геоархеологии. Смена исследовательской парадигмы неизбежна, и чем раньше она произойдёт, тем больше полноценных источников сохранится для науки и наших потомков.

DOI: 10.70203/2556.2024.62.69.002

Вступление

Мезолит – эпоха археологической периодизации, переходная от палеолита к неолиту. В западной литературе этот отрезок каменного века соотносится с промежутком времени от поздней стадии плейстоцена и финала палеолита вплоть до середины голоцена (начала атлантикума) и генезиса неолита, то есть зарождения производящей формы экономики. Таким образом, его хронологические рамки определяются в диапазоне от 10000 до 5000 ВС [1; 2; 3, p. 7; 4; 5, p. 146; 6, c. 155]. В отечественной историографии протяжённость мезолита определяется несколько у́же: от начала современного геологического отрезка – голоцена (10300 л. н.) и вплоть до появления и широкого распространения керамики (около 7300 л. н.) [7], однако и среди российских исследователей имеются известные разногласия по данному вопросу [8; 9].

В силу необъятности мезолитической проблематики и известных издательских ограничений в этом очерке коснусь лишь культурной специфики коллекций Волго-Окского бассейна. Первые изделия эпохи мезолита на его территории были обнаружены ещё в конце XIX в., однако вплоть до начала 1930-х гг. к этому отрезку каменного века за отсутствием такового в отечественной историографии их не относили. Признание мезолита в советской археологии в качестве самостоятельной стадии общественно-экономического развития позволило обратить внимание исследователей и на специфику дюнных стоянок, откуда в основном и происходили своеобразные предметы без сопровождения мамонтовой фауны или керамики. Уже на рубеже 1930–1940-х гг. на смену стадиальной концепции в отечественной литературе пришла и стала доминирующей гипотеза археологических культур, основоположником которой в мезолитоведении стал М.В. Воеводский. Трансформация его взглядов – своеобразное отражение процессов развития советской науки 1920–1940-х гг., когда волго-окские коллекции рассматривались сначала как памятники свидерской стадии развития, затем – стоянки свидерской культуры и наконец были осознаны в качестве особой волго-окской мезолитической культуры [10–12; 13; 14]. Древности этого времени в рамках последней из них рассматривались и позднее [15; 16; 17]. Сомнения в единстве волго-окских коллекций первым высказал А.Я. Брюсов [18; 19], выделив в них две

группы материалов: первая – с преобладанием изделий на отщепах и асимметричных наконечников и вторая – с доминированием пластин, сопровождаемых симметричными наконечниками стрел. Позднее идея многообразия без ссылки на первоисточник была озвучена Л.В. Кольцовым, введшим в употребление три культуры – елиноборскую, иеневскую и бутовскую [20; 21; 22]. Источниковедческий анализ показал несостоятельность процедуры их выделения [23; 24; 25].

За прошедшее столетие в отечественном мезолитоведении происходили вполне осязаемые изменения. Они проявлялись как в неуклонном пополнении источниковедческой базы, так и в решении всевозможных интерпретационных задач. На фоне перманентного процесса накопления первичных данных, что естественно, происходило не только встраивание всего извлекаемого из земли в марксистскую социологическую концепцию общественно-исторического развития, лежавшую в основе идеологических представлений советских исследователей, но и осуществлялась эпизодическая трансформация и даже смена научных парадигм. Наиболее осязаемо это проявлялось в том, что сначала произошёл отказ от стадиальной концепции и попыток группировки материалов в технокомплексы, а затем – осознание наблюдаемого сходства инвентаря в рамках обособленных археологических культур с последующей трансформацией последних в этнокультурные области (ЭКО) и культурно-исторические общности (КИО). Несмотря на известные успехи в разработке всех этих понятий [15; 16; 26; 27], наиболее живучей оказалась концепция археологических культур, теоретической разработке которой посвящена обширная литература [26; 28; 29; 27; 30; 31; 32; 33], однако дискуссионность вопроса не привела к выработке общепризнанной интерпретации. Более того, понятие археокультурализма так и не было в отечественной историографии никем чётко сформулировано. Не получило оно развития и в зарубежной литературе, что является несомненным упущением. Хочется надеяться, что эта проблема вызовет интерес в среде молодых исследователей и теория археокультурализма получит содержательную интерпретацию и своё достойное развитие.

Наметилась и другая своеобразная тенденция, которая состоит в преимущественном выделении новых культур «к защите диссертаций», что явилось своеобразным воплощением вклада соискателей в научное познание. Необходимо отметить, что она имела известные объективные предпосылки, среди них можно назвать следующие. Прежде всего это масштабы нашей страны и малочисленность профессиональных кадров. Единичность специалистов, особенно на фоне бескрайних пространств России, неизбежно способствовала их слабой взаимосвязи друг с другом, разобщённости исследований, локальности и изолированности результатов. Неудивительны в этой связи лакунарность относительно полно обследованных территорий и добытых материалов, наличие значительных «белых пятен», а также разорванность «исследовательских кустов». Немаловажную негативную роль сыграли и публикационные обстоятельства, из-за чего информация о новых материалах либо вообще не вводилась в научный оборот, либо, будучи опубликованной в малотиражных периферийных изданиях, не становилась достоянием массового читателя. Наиболее осязаемо «картина локальности» проявилась в азиатской части страны, однако и её «густонаселённая» европейская часть отнюдь не была равномерно изучена. Причём даже центральные области, где всегда было сосредоточено наибольшее число археологов, практически не дают примера «сплошной изученности территории». В качестве иллюстрации сказанного достаточно обратиться к тому «Мезолит СССР», вышедшему в 1989 г. в серии «Археология СССР» [7].

Вполне осязаема и третья тенденция – общей слабой изученности древностей, всеобщей источниковедческой неполноты, из-за чего возникала неизбежная потребность преувеличения реальных результатов и достижений, о чём впервые написал ещё в 1977 г. А.А. Формозов [34]. Неудивительно и то, что на этом фоне даже появилась особая серия, озаглавленная «Археологические открытия». Было бы неверно утверждать, что оных вообще не было, однако бóльшая часть публикуемых материалов не только не попадала в ранг экстраординарного, но вообще не выбивалась из разряда информационного шума, более того, не была известной никому, кроме самих «первооткрывателей». В результате массово создавалась эфемерность «достижений» и «практических вкладов». Следствием этого процесса стало также появление работ, единственным вкладом сочинителей которых была замена наименований одних культур на другие. Разумеется, этот процесс, с одной стороны, был реальным следствием вялотекущего накопления новых данных, отсутствием значительного числа полноценных коллекций, с другой – был вызван явно негативной направленностью, суть которой сводится к стремлению тех или иных археологов получить любыми способами научные степени и звания. Не обошло стороной это «заболевание» и столичных исследователей… Поскольку речь идёт о Волго-Окском междуречье, назову всего две фамилии – Л.В. Кольцов и М.Г. Жилин. Первый из них ещё в 1960–1970-е гг. стал выдавать малочисленные разрозненные разновременные поверхностные сборы за коллекции, добытые при раскопках стратифицированных многослойных стоянок, якобы содержавших гомогенные комплексы. Второй, его ученик, начиная с середины 1970-х гг. манипулировал со стратиграфией дюнных и болотных стоянок, интерпретацией культуросодержащих прослоев и дислокацией находок, радиоуглеродными датами и трасологией артефактов [23; 24; 25; 35; 36]. Это их совместными усилиями ещё в 1987 г. были повторно фальсифицированы первичные данные обследований стоянок Бутово 1, Елин Бор, а также Тихоново 1, Иенево 2 и др. [22; 23; 24; 35; 36]. Более того, в 1980–1990-х гг. процедура фальсифицирования ими материалов приняла не просто массовый характер, но материализовалась в «теорию», поскольку была возведена в своеобразную методику «улучшения качества источников», получившую наиболее развёрнутое изложение в их совместной публикации конца XX в. [37]. А с учётом того, что у первооткрывателей появи-

Объединенный музей

лись ещё и реальные последователи [38; 39], наличие этой негативной тенденции требует предметного освещения в литературе[1].

К настоящему времени в Волго-Окском бассейне зафиксировано не менее 2000 мезолитических памятников, бóльшая часть из которых была открыта в 1970–1980-е гг. Однако взрывной прирост источниковедческой базы на закате социализма не привёл к прорыву в систематизации добытых материалов и их полноценному вводу в научный оборот. Катастрофическими для сохранения добытых коллекций стали и 1990-е годы, когда произошёл распад страны и в результате экономического кризиса перестали физически существовать многие хранилища, что неизбежно привело к утрате годами складировавшихся в них сокровищ. Значительную негативную роль в развитии представлений о мезолите региона сыграли и многочисленные попытки «улучшения качества источников». В силу сказанного в данной работе анализируются лишь те источники, которые отвечают критериям достоверности и надёжности [40; 41].

В результате имеющиеся на настоящий момент материалы группируются в три различающиеся набором каменного инвентаря археологические культуры – заднепи́левскую, култинскую и пургасовскую [25; 42]. Поскольку костяной и роговой инвентарь в комплексах двух последних пока не известен, внимание поневоле будет сосредоточено исключительно на характеристике изделий из камня.

Особенностью современного этапа развития отечественной археологии в силу общественно-экономического состояния общества является радикальное сворачивание раскопочной деятельности и смещение акцента полевых изысканий на проведение разведочных хоздоговорных работ. Последнее обстоятельство характерно главным образом для обследования разного рода землеотводов (прежде всего под дачное строительство), получивших широкое распространение за последнюю четверть века. Закономерно и то, что бóльшая часть обследуемых площадей располагается вдали от воды, на водоразделах, то есть удалённо от традиционных мест сосредоточения стоянок каменного века. Очевидно также, что разведки в большинстве своём проводятся исследователями, специализирующимися на изучении поздних этапов исторического развития, имеющих самые общие познания в первобытной проблематике. Тем не менее «поток» каменных артефактов, хотя и существенно пересох, окончательно не иссяк. И нет-нет да кто-то из коллег, особенно молодых, приносит показать сборы предметов из камня, включающие, в том числе, и артефакты эпохи мезолита. В силу этого считаю целесообразным дать беглый обзор современного состояния изученности региона в границах данного хронологического среза.

Заднепи́левская культура

Наконечники с плоской ретушью на брюшке стали известны на территории Центральной России ещё в конце XIX в., неудивительно поэтому, что содержавшие их собрания, по мере накопления сведений, фигурировали в разное время под разными названиями. Это были и коллекции свидерской стадии [10], и пункты свидерской культуры [11], и стоянки волго-окской [12; 13; 14; 15; 16; 17] и так называемой бутовской культур [43; 44; 22; 20; 21; 37; 45; 40; 46; 47; 48]. Если смена названий в интерпретации волго-окских материалов («свидерская стадия», «свидерская» и «волго-окская» культуры) объясняется эволюцией общих представлений о мезолите региона, то появление во второй половине 1970-х гг. терминов «елиноборская», «бутовская» и «иеневская» культуры [43; 22; 20; 21] было вызвано отнюдь не радикальным и качественным приростом источниковедческой базы, а стремлением Л.В. Кольцова к скорейшей защите докторской диссертации. В результате упразднение названия «волго-окская культура» и провозглашение трёх новых (елиноборская, бутовская, иеневская) было произведено им путём фальсификации первичных данных не только всех эпонимных памятников, но и других наиболее представительных коллекций. Позднéе «улучшение материалов» осуществлялось им уже совместно с М.Г. Жилиным [37], о чём не раз уже упоминалось в печати [23; 24; 25; 35; 36; 49].

Таким образом, отказ от названий «елиноборская», «бутовская» и «иеневская» культуры необходим для очищения науки от заведомого фальсификата, и заявления того рода, что эти термины «давно прописались» в историографии, поэтому якобы имеют право на существование [50; 51; 38], неуместны и противоречат нормам научной этики.

Стоянки с симметричными иволистными и черешковыми наконечниками с вентральной ретушью, тем не менее, реально присутствуют на территории Европейской России и достаточно широко распространены, однако они не могут называться по пункту (Бутово 1), материалы которого были осознанно фальсифицированы. Среди коллекций, основу охотничьего вооружения которых составляют наконечники с вентральной ретушью и композитные артефакты, оснащённые микролитами с затупленным краем, самым первым полноценно раскопанным (в 1982 г.), гомогенным и выразительным комплексом была стоянка Задне-Пи́лево 1, расположенная на территории Рязанской области [40, с. 25, 58–65, рис. 10–12]. По топониму этого памятника культура и была переименована [25].

Список наиболее выразительных памятников заднепи́левской культуры, помимо эпонимного, в Волго-Окском бассейне включает стоянки Микулино, Петрушино, Борисово 1, Задне-Пи́лево 2, Красное 3, Суконцево 7, Чёрная 1, Исток 1 (верхний слой), Соболево 5, Заборовье 2 [40]. В бассейне р. Съежи – это пункты Васильево 1 и Курово 4 [52], в Посухонье – Колупаевская и Яснополянская стоянки [53]. Аналогичные коллекции были добыты и в Посожье (Белоруссия) на стоянках Криничная [54; 55] и Дедня [56; 50; 51].

[1] Мнение А.Н. Сорокина не является общепринятым (здесь и далее. – Отв. ред.).

Техника первичной обработки заднепи́левской культуры основана на применении костяного и рогового посредников и отжимной технологии с утилизацией ядрищ параллельно-призматического расщепления, с которых скалывались правильные ножевидные пластины [40]. Ударные площадки и рёбра нуклеусов тщательно ретушировались, и более того, подвергались абразивной подправке. Не менее усердно приёмом редуцирования площадок потенциальных сколов подготавливалась и «точка приложения удара». По мнению крупнейшего современного отечественного трасолога и технолога Е.Ю. Гири (ИИМК РАН), система первичного расщепления этой культуры находит прототип в индустрии «восточного граветта» [57].

Во вторичной обработке использовались крутая затупливающая ретушь, приостряющая и уплощивающая ретушь, двусторонняя оббивка, резцовая техника, и наконец, шлифовка. Эпизодически встречаются двустороннее краевое ретуширование и псевдомикрорезцовая техника.

Стандартный орудийный набор коллекций заднепи́левской культуры (рис. 1) включает следующие категории изделий: резцы на сломе заготовки; скребки концевые, двойные, подокруглые и боковые; ножи с приостряющей краевой ретушью; скошенные острия; свёрла симметричные с невыделенными рабочими окончаниями; скобели с мелкими дугообразными узкими и/или широкими выемками; наконечники стрел иволистной и черешковой форм, насады и боевые участки которых подработаны плоской вентральной ретушью; микролиты с затупленным ретушью краем; изделия с поперечно срезанными ретушью дистальными окончаниями и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Их дополняют ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые свёрла, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой. В некоторых пунктах присутствуют единично и геометрические микролиты (трапеции, прямоугольники и треугольники) [40]. В качестве вкладышей в композитных орудиях широко использовались и фрагментированные пластины, не имевшие вторичной обработки, но с характерными признаками утилизации краёв.

Судя по радиоуглеродным датам стоянок Суконцево 7, Чёрная 1, Малая Ламна 3, Новошино, Замостье 5 и Минино 2, памятники заднепи́левской культуры существовали в диапазоне от 10000 до 7500 cal BC, то есть охватывают отрезок раннего голоцена от пребореала и до начала атлантикума включительно.

В 1990–2000-х гг., после раскопок серии болотных стоянок, источниковедческая база этой культуры была существенно пополнена, появились новые радиокарбоновые даты и палинологические определения [58–61; 62; 63; 37]. Однако первая же проверка новых материалов на достоверность показала ненадёжность большинства из этих коллекций и дат [64] и элементарную фальсификацию большинства пунктов [23; 24; 35; 36; 25]. Особенно показателен в этом отношении пример стоянки Становое 4 [59; 65; 66], где была изобретена искусственная стратиграфия культуросодержащих пластов с асимметричными и симметричными наконечниками [35; 36; 49]. В результате говорить о необходимости пересмотра некогда предложенных мною характеристики и хронологии заднепи́левских древностей [40; 24; 25] оснований нет. Очевидно также и то, что необходима ревизия всей источниковедческой базы Волго-Окского мезолита с отделением реальных гомогенных комплексов и очищением имеющихся данных от «улучшенных» материалов. Тем не менее сам факт генезиса заднепи́левских древностей на основе развития в голоцене граветтских традиций и её непосредственных истоков в материалах рессетинской культуры [40; 41; 46; 24; 25] сомнения не вызывает.

Что касается судьбы заднепи́левского населения, определённости в этом вопросе по-прежнему нет [48; 25; 40; 41]. Во всяком случае, прямолинейный вывод о том, что его потомками были носители верхневолжской культуры, не подкрепляется анализом имеющихся данных за их недостоверностью. Совершенно очевидно, что без существенного улучшения всей источниковедческой базы и новых раскопок стратифицированных памятников с использованием современной методики говорить о формировании на основе заднепи́левской индустрии ранненеолитической технологии преждевременно.

Совершенно очевидно, что дискуссионность и практическая неразрешимость вопроса зарождения неолита на «местной» мезолитической основе заключается в ряде объективных обстоятельств:

1) невозможности использования для этого материалов дюнных, т. е. нестратифицированных, стоянок, которые преимущественно и исследовались на территории Волго-Окского междуречья;

2) применении стандартных методов раскопок объектов археологического наследия (по пластам; выборочной и даже трёхмерной фиксации по условным и литологическим горизонтам исключительно каменных изделий и т. д.), неадекватной сложности самих памятников, приводящих в большинстве случаев к искусственному смешению артефактов и ошибочности выводов;

3) единичности стратифицированных памятников на фоне отсутствия геоархеологического подхода в их исследовании;

4) теоретической неразработанности понятия «неолит» и основных признаков данной эпохи в отечественной историографии.

Сказанное означает, что решение этого ключевого вопроса если и возможно, то в отдалённой перспективе и на качественно иных, чем современные, источниковедческой и методологической основах.

Култинская культура

Была выделена А.Н. Сорокиным в середине 1980-х гг. [45; 40] и названа по стоянке Култино 1, которая расположена на территории Тверской области [37, с. 17–19, 96–99]. К наиболее выразительным также относятся коллекции Старой Пустыни [67], Спас-Седчено 2 [37, с. 48–51], Барашево 1 [48; 68], Угольново 1 [69; 21, с. 74, 75, 252] и Велетьминской 9 [37, с. 46, 47, 124–129].

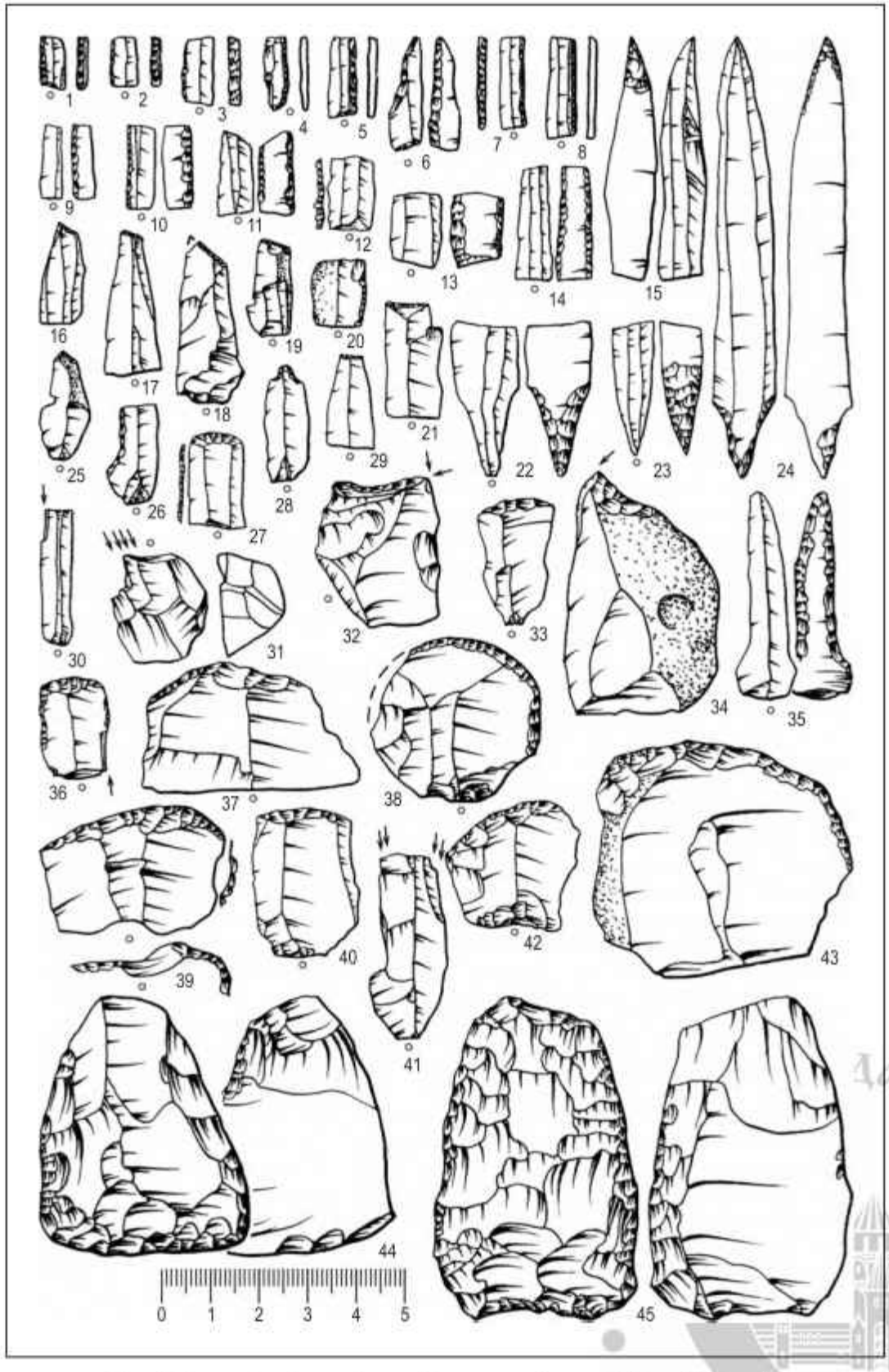

Рис. 1. Инвентарь заднепйлевской культуры (стоянка Задне-Пйлево 1)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Для култинской культуры характерны технология отжима и параллельно-призматическое расщепление торцевых, конических и призматических ядрищ с использованием костяных и роговых отбойников и посредников. Явно выделяет её, особенно на фоне других волго-окских материалов, необычайно высокий микролитизм каменной индустрии. Наиболее высоким индексом пластинчатости (87,5 %) характеризуется коллекция стоянки Култино 1.

Другой особенностью култинской индустрии является минимальное формообразующее значение вторичной обработки. По существу, все заготовки, которые можно было применять без вторичной отделки, использовались в композитных артефактах, состоявших из костяных, роговых и деревянных оправ, в пазы которых вставлялись вкладыши из микропластин, лишённые дополнительной обработки. К сожалению, о разнообразии этих наборов и облике инструментов судить – за отсутствием самих основ – не приходится. Однако сам факт широкого применения вкладышевой технологии, на который указывает микролитизм пластинчатых заготовок, сомнения не вызывает. Состав приёмов вторичной обработки достаточно аскетичен и характеризуется исключительно резцовым усечением микропластин и пластинок, крутым краевым ретушированием площадок и кромок заготовок. Оба этих приёма использовались при производстве резцов, косых и скошенных острий, а крутое и полукрутое ретуширование – при формовке лезвий скребков, скобелей и перфораторов. Обращает на себя внимание практически отсутствие крутой затупливающей при обработке микролитов и уплощивающей ретуши. Неизвестны в ней и геометрические микролиты.

А вот лезвия тёсел и топоров эпизодически пришлифовывались. При изготовлении рубящих орудий нередко применялась и технология двусторонней оббивки, впрочем, число их крайне невелико, и присутствуют они далеко не во всех коллекциях.

Несомненной чертой култинской индустрии является очевидная минимизация приёмов вторичной обработки и, судя по обилию вкладышей из фрагментированных микропластин, их широкое использование в оправах из органических материалов (кости, рога, древесины). Атрибутом этой культуры служит крайняя бедность орудийного набора, типологический состав которого включает лишь восемь общих типов (рис. 2), причём массовых среди них всего три – это резцы на сломе заготовки, концевые скребки и вкладыши из фрагментированных пластин без следов вторичной обработки. Помимо них следует назвать двугранные резцы, скобели с узкими дугообразными выемками, комбинированные орудия, пластины с поперечно срезанным ретушью концом и косые острия. Из обрабатывающих орудий присутствуют в ограниченном числе плечиковые свёрла, ножи и рубящие орудия (топоры и тёсла подовальных и подтрапециевидных очертаний), часть из которых, как отмечалось, со следами пришлифовки лезвий. Список морфологически выраженных предметов охотничьего вооружения ограничивается скошенными и косыми остриями, различающимися исключительно углом заострения боевого окончания. Не вызывает сомнения, что ни один из вышеперечисленных типов орудий не является специфическим и не определяет культурного своеобразия коллекций, в которых он представлен. Однако в совокупности с высокими микролитоидными показателями, а также повышенным индексом пластинчатости, эти комплексы отличаются от всех других, и на этом фоне становится ощутимым их своеобразие.

Особенностью коллекций этой культуры является также отсутствие традиционных для Волго-Окского мезолита симметричных и асимметричных колющих черешковых наконечников стрел и стандартизированных вкладышей (микролитов с затупленным краем). Наконечники стрел были составными, в их набор помимо оправ входили, без сомнения, острия и микропластинки, целые и фрагментированные. Косые острия служили боевыми окончаниями асимметричных колющих наконечников, скошенные микролиты наряду с неретушированными медиальными сегментами явно использовались в виде боковых вкладышей. Их эффективность была наглядно продемонстрирована крупнейшим украинским специалистом в области охотничьего вооружения Д.Ю. Нужным [70]. Если скошенные острия довольно обыденны и присутствуют в рессетинской, заднепи́левской и некоторых других финальнопалеолитических и мезолитических культурах Центральной России, то косые острия практически не известны в них.

В коллекциях со всех памятников среди предметов охотничьего вооружения на первом месте стоят вкладыши из фрагментированных пластинок, которые вообще не имеют никакой культурной специфики, однако их обилие указывает на широкое распространение несохранившегося вкладышевого вооружения, бытовавшего в култинской культуре. Зато несомненную специфику материалам придают косые и скошенные острия. Что касается вариабельности обрабатывающих орудий (скребков, ножей, перфораторов, скобелей, рубящих и комбинированных орудий), то она невысока и особым своеобразием эти типы на фоне артефактов других культур вообще не выделяются. Несмотря на всю аскетичность набора, эти комплексы отличаются от всех других высокими микролитоидными показателями и повышенным индексом пластинчатости, что подчёркивает их своеобразие на общем фоне. Вместе с тем безликость култинского набора не позволяет достоверно определять его присутствие в любом другом мезолитическом материале, что и определяет малочисленность гомогенных стоянок култинской культуры в регионе.

Следует отметить, что, несмотря на крайне малую вариабельность и «аскетичность» орудийного состава, присутствие полноценного спектра обрабатывающих изделий и специфического охотничьего инструментария, необходимого для выполнения основных бытовых и охотничьих функций, указывает на то, что мы имеем дело не со специализированными комплексами, а с нормальными наборами, характерными для сезонных базовых стоянок. Об этом же свидетельствуют и объёмы коллекций численностью в несколько тысяч каменных изделий. Это означает, что считать их охотничьими лагерями или местами забоя животных [37], то есть функционально-специализированными объектами, наивно.

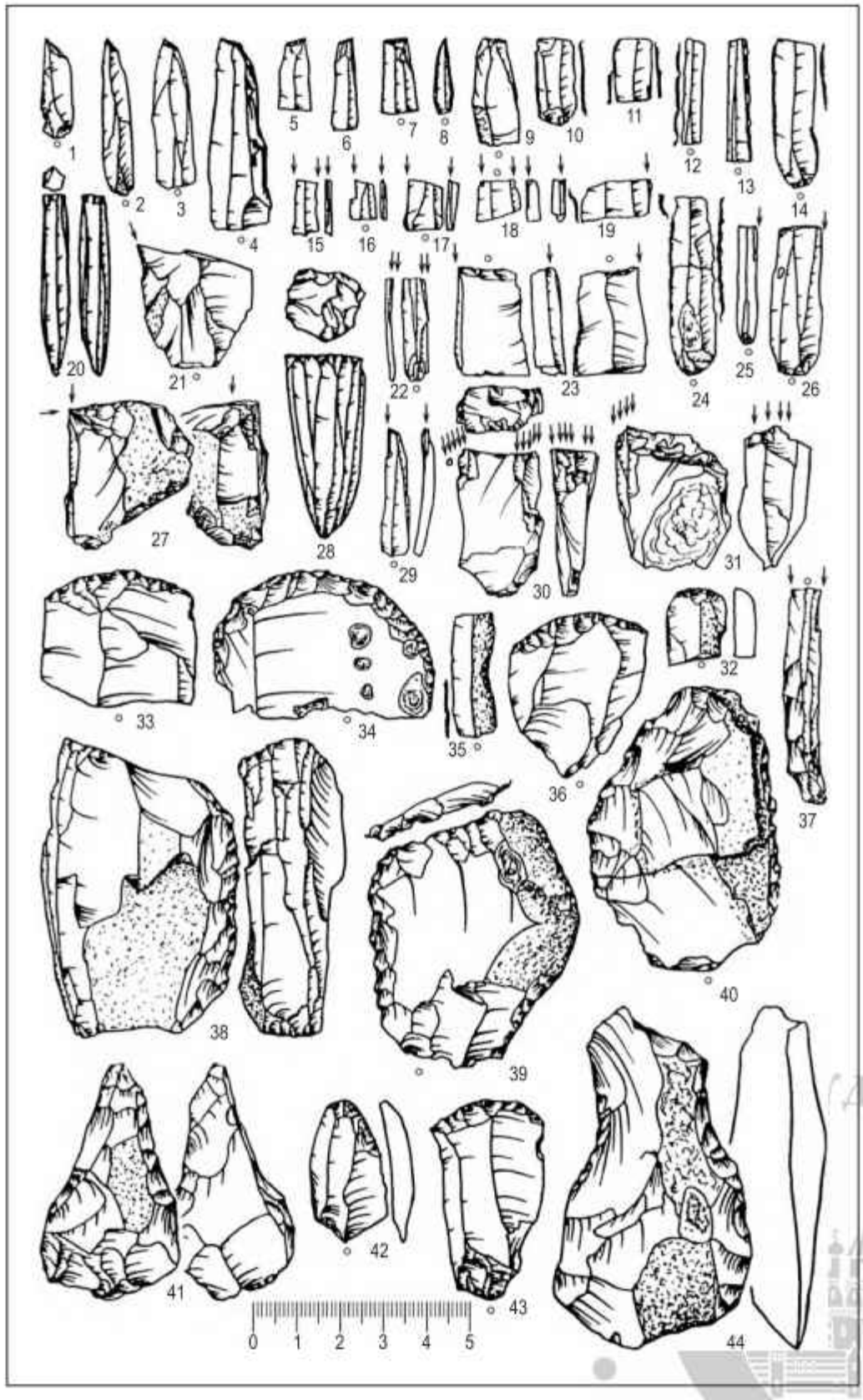

Рис. 2. Инвентарь култинской культуры (стоянка Култино 1)

Государственный объединенный музей

Присутствие в Култино 1 и в других представительных волго-окских коллекциях единственного типа морфологических наконечников – косых острий позволяет на фоне одинакового набора обрабатывающих орудий отождествлять култинские древности с материалами камской [71] и средневычегодской культур, которые исследователи относят к древностям «приуральской традиции» [72, с. 106–109; 73]. Вместе с тем нельзя исключать, что своим происхождением култинская индустрия обязана развитию традиций финальнопалеолитического населения Верхнего Поволжья, наиболее известного по коллекции Золоторучья 1 [74; 75; 18; 76], но этот вопрос требует отдельного предметного изучения.

Единичность имеющихся естественно-научных данных для стоянок култинской культуры (14С-дата по углю из Спас-Седчено 2 – 8540±120 л. н. (ГИН-5440) и палинологическое определение для Велетьминской 9 – вторая половина бореала) [37, с. 56] не позволяет решить вопрос её реальной хронологической позиции, и тем более исторических судеб култинского населения.

Пургасовская культура

Выделена А.Н. Сорокиным в середине 1980-х гг. [47] в результате раскопок стоянок Пургасово 3, Борисово 1 и Шагара 4 в Рязанской области. Каменная индустрия памятников пургасовской культуры характеризуется развитой параллельно-призматической техникой первичного расщепления, основанной на утилизации одноплощадочных конических, карандашевидных, призматических и подпризматических ядрищ, предназначенных для скалывания пластин, микропластин и реже отщепов. Судя по всему, использовалась техника отжима и скалывания с помощью мягкого (костяного) посредника или рогового отбойника.

В качестве заготовок для орудий служили главным образом пластины, их дополняют отщепы и нуклевидные куски. Для изготовления грузил использовались уплощённые гальки, а рубящие орудия изготавливались из желваков и удлинённых галек.

Орудийный состав весьма разнообразен (рис. 3), резко преобладают резцы с неподработанной площадкой скола, более трети из которых – нуклевидные. Двугранных и ретушных резцов поровну, встречаются комбинированные модификации, однако число их в целом невелико. Плоские многофасеточные сколы, зауживающие рабочие кромки резцов, – один из характерных признаков оформления их площадок.

Вкладыши из медиальных сегментов пластин занимают в коллекциях численно второе место, на третьем располагаются разнообразные скребки. Превалируют концевые формы, помимо них встречаются концевые двойные, подокруглые, округлые, боковые и концевые-боковые. Изредка попадаются нерегулярные (скробачи) и стрельчатые формы. Одинарные и многолезвийные скобели чаще всего имеют узкие, мелкие, дугообразные выемки. Весьма выразительны плечиковые и «стрельчатые» перфораторы, выполненные из широких правильных пластин, рабочие участки которых часто оформлялись на проксимальных частях заготовок. Комбинированные орудия характеризуются заметным разнообразием, доминируют сочетания резцов с ножами, скребками и свёрлами. В последнем случае это, впрочем, могут быть и специально выделенные насады. Эпизодически встречаются модификации скребков с перфораторами и резцы-скобели-скребки. Ножи из пластин с регулярной приостряющей ретушью также вполне ординарны. Изредка края заготовок, особенно пластин, затупливались крутой ретушью. Довольно многочисленны тёсла подтрапециевидной формы и подтреугольных очертаний, выполненные из отщепов и желваков с помощью оббивки, двустороннего ретуширования и/или шлифовки. Для лезвий рубящих обязательна пришлифовка краёв обоих фасов.

Сравнительно многочисленны скошенные острия, микролиты с поперечно срезанным ретушью окончанием, а также микролиты с выемкой на боевом конце. Выемчатые изделия помимо крутой-полукрутой краевой дорсальной ретуши часто имеют подтёску плоской ретушью на брюшке. Приём уплощивающего вентрального ретуширования является культурообределяющим для пургасовских памятников. В верхнем палеолите он представлен в Авдеево [77], в мезолите присутствует в Веретье 1 [78; 79]. Симметричные острия, напротив, устойчивых серий не образуют. Стандартизированные вкладыши тоже представлены в единичном числе и в целом, по-видимому, не характерны для культуры, хотя наличие составных (пазовых) изделий, судя по медиальным фрагментам пластин, отрицать не приходится.

Весьма выразительны каменные грузила с пазами или круглыми сверлинами для подвешивания. Сверление двустороннее, осуществлялось, судя по всему, полой костью. Последний приём тоже является культурообределяющим для пургасовских стоянок. Среди восточно-европейских мезолитических индустрий двустороннее сверление массивных заготовок было широко развито в культуре веретье [79]. Присутствуют и абразивы, включая так называемые выпрямители древков стрел.

Значительной серией представлены наконечники стрел, среди которых помимо традиционных черешковых и иволистных экземпляров с плоской вентральной ретушью весьма выразительны изделия с выемкой на проксимальном конце или «срезни». Выделяются две их разновидности. Первая представляет собой массивные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевое окончание которых оформлено односторонней или двусторонней краевой ретушью прямо или в виде выемки. В первом случае применялась исключительно крутая дорсальная ретушь, во втором – либо полукрутая дорсальная и вентральная, либо пологая на спинке в сочетании с плоской на брюшке. Другая разновидность типичных пургасовских наконечников представлена крупными остриями с пильчатой ретушью на насаде и выемкой на боевом окончании заготовки. Немногочисленность таких наконечников не позволяет объективно судить об избирательности в дислокации их боевых частей и черешков.

Специфику пургасовской культуры составляют приём вентральной подтёски наконечников, резцов и некоторых скребков и ножей, пильчатая ретушь и двустороннее краевое ретуширование, а также своеобраз-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

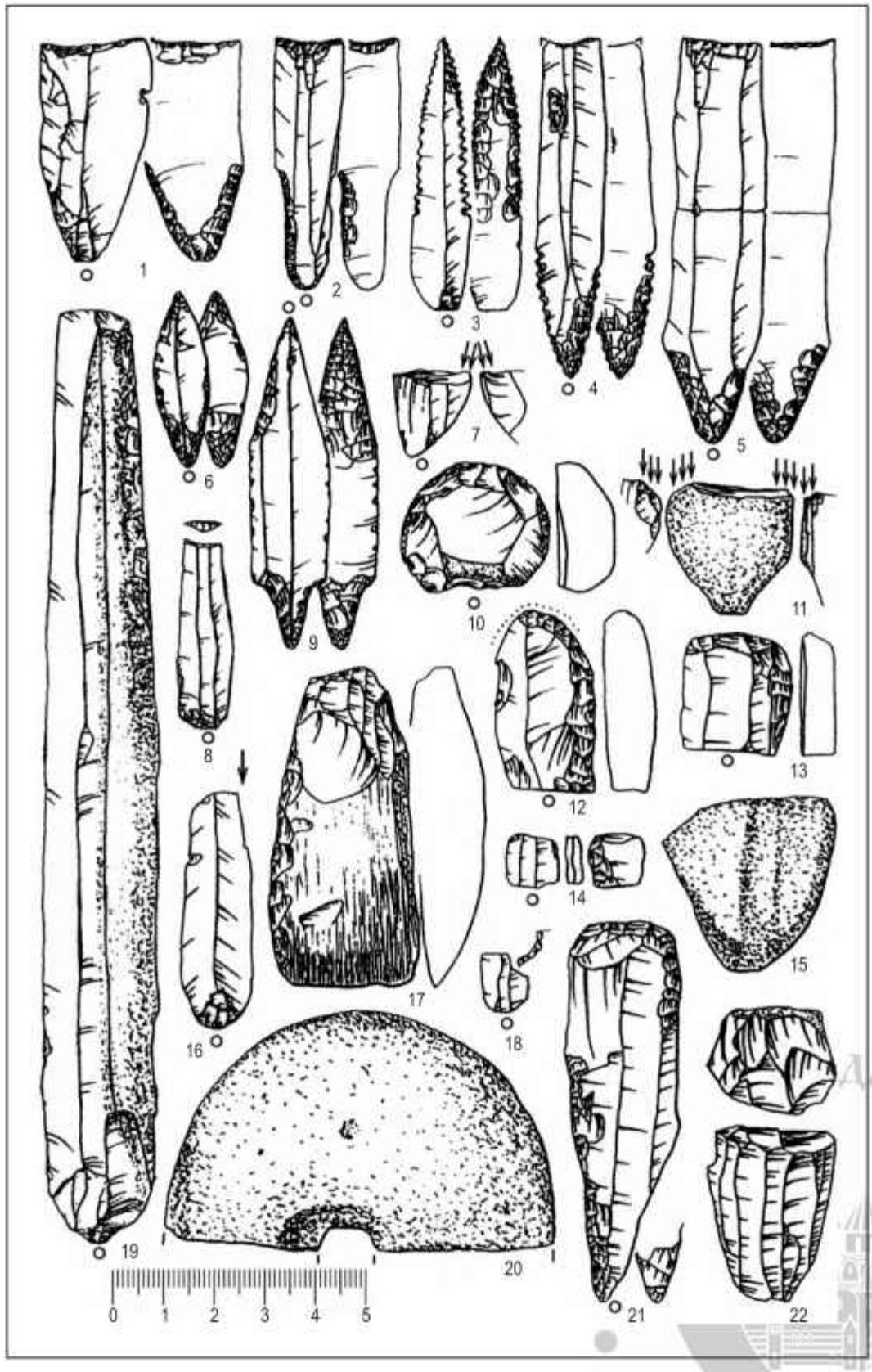

Рис. 3. Инвентарь пургасовской культуры (стоянка Пургасово 3)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ные предметы охотничьего вооружения, включая «срезни», комбинированные орудия и каменные сверлёные грузила.

Следует отметить и неразвитость технологии стандартизированных вкладышей в виде микролитов с затупленным ретушью краем, производных от них геометрических микролитов – прямоугольников и треугольников – и отсутствие трапеций. Однако во всех комплексах наблюдается обилие фрагментированных пластин со следами заломов на углах и выразительными следами сработанности на кромках, красноречиво указывающими на их использование в составных пазовых изделиях.

Территория пургасовской культуры охватывает Мещёрскую и Окско-Мокшинскую низменности (Шагара 4, Борисово 1, Пургасово 3, Имерка 4, Шаверки 5, Клюквенный 4, Широмасово 2), южную часть Верхневолжской низменности (Дорки 4) и выходит на Великий водораздел (Круглое озеро) [68; 80; 81; 82]. Однако аналоги наконечников пургасовского типа представлены значительно шире – на территории Республики Коми в материалах парчевской культуры [72; 73], на Колыме [83], на Таймыре [84] и даже на Сахалине [85].

Если параллели в культурах парчевской и веретье хорошо объяснимы сезонно-подвижным образом жизни первобытного населения пребореального и бореального времени и палеоэкологической реконструкцией их вероятного хозяйственно-культурного типа (ХКТ) в качестве охотников-собирателей лесной зоны, то сходство пургасовских наконечников с таймырскими материалами [84] не столь однозначно, хотя и не противоречит гипотезе сезонных миграций, чего не скажешь про аналоги «пургасовских» наконечников на Чукотке и Сахалине. Вне всякого сомнения, эти отдалённые края не вписываются в амплитуду ежегодных сезонных кочевий пургасовского населения, и для своего обоснования подобная гипотеза предполагает неимоверный объём работы по реконструкции всей последовательности дрейфа ареалов конкретных первобытных популяций. Это означает, что речь должна идти, скорее всего, о независимом возникновении там аналогичных форм.

Несмотря на 38-летнюю историю изучения, источниковедческая база пургасовской культуры по-прежнему невелика, а стоянок, исследованных с применением пространственной фиксации, всего три – это Пургасово 3, Шагара 4 и Борисово 1. Тем не менее их культурная специфика настолько очевидна, а орудийный состав так разнообразен, что пургасовская культура имеет законное право на существование. Хотя, разумеется, решение ключевых вопросов её характеристики, среди которых проблема генезиса, исторических судеб и хронологии, ещё впереди. Впрочем, как и задача расширения её источниковедческой базы.

Сравнение материалов пургасовской, заднепи́левской и култинской культур показывает явное сходство, а отнюдь не тождество первых двух из них между собой. Вместе с тем очевидны и различия, которые имеются как на уровне первичного расщепления и вторичной обработки камня, так и в ведущих формах орудий, причём не только предметов охотничьего вооружения. Легко заметить, что сходство охотничьего вооружения пургасовской и заднепи́левской культур определяется прежде всего присутствием в них черешковых наконечников с плоской вентральной ретушью. Здесь, однако, следует помнить, что речь идёт об одном и том же ареале, в силу чего «заимствование» чужих форм объективно возможно в результате феномена натурации [41; 86].

Приём вентрального уплощения охотничьего вооружения на территории Восточной Европы вплоть до конца 1980-х гг. связывали исключительно с наследием свидерской культуры [44; 22], однако уже в 1990-е годы стало ясно, что видеть в ней единственный его источник – это глубокое заблуждение. Ни технологически, ни хронологически, ни территориально, ни типологически плоское вентральное ретуширование в коллекциях Волго-Окского бассейна не может иметь свидерские истоки, в силу того что все так называемые постсвидерские культуры основываются на иных, чем в свидерской культуре, принципах расщепления и вторичной обработки. На это же указывает и наличие в мезолитических коллекциях разнообразного вкладышевого вооружения, совершенно не известного в свидерских памятниках. Более того, и типологический состав в них разный, он не имеет там своих прототипов [87]. Не вызывает сомнения, что приём плоского вентрального ретуширования был распространён и территориально, и хронологически очень широко, причём в большинстве случаев – в индустриях, генетически не зависимых друг от друга. Популярная в 1970–1980-е гг. идея «постсвидерских» культур [44; 22] оказалась на поверку бессодержательной [87; 25]. Не получила она каких-либо весомых аргументов в свою поддержку и в первой четверти XXI в., что подтверждает никчёмность некогда популярного термина «постсвидер» и необходимость отказа от его дальнейшего использования.

Анализ показывает, что и отжим, и вкладышевая технология, и развитой типологический состав, то есть практически все прототипы мезолитических технологий и новаций, присутствуют в индустрии «восточного» граветта Русской равнины. Это со всей определённостью позволяет видеть в нём истоки «постсвидера», что делает подобную гипотезу наиболее разумным объяснением имеющегося сходства как результата технологического развития «восточно-граветтийской» традиции [25].

Если искать параллели среди мезолитических культур Европейской России, не вызывает сомнения сходство пургасовской индустрии с заднепи́левской, парчевской и сухонской, а также культурой веретье. В настоящее время всего три памятника – Пургасово 3, Шагара 4 и Борисово 1 – исследованы с помощью методики трёхмерной фиксации. Все прочие стоянки, где имеются пургасовское вооружение и наконечники с вентральной ретушью, – это либо подъёмный материал, либо они раскопаны по условным горизонтам, поэтому непригодны для пространственного анализа. Попытка определения взаиморасположения предметов охотничьего вооружения на трёх упомянутых эталонных памятниках [68] не дала, к сожалению, неопровержимых свидетельств соотношения наконечников с вентральной ретушью и «срезней» друг с другом,

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

что не позволяет говорить ни об их несомненной взаимосвязи, ни о соотношении заднепи́левских и пургасовских древностей.

Говоря о генезисе пургасовской индустрии, следует упомянуть о параллелях в культуре веретье. В Веретье 1 помимо наконечников с вентральной ретушью и поперечно-лезвийных наконечников, аналогичных пургасовским, широко распространено сверление камня, а при обработке площадок резцов использовалась подтёска. В Веретье 1 присутствуют и такие специфические приёмы, как подтёска боевых окончаний косых острий и оформление черешков пильчатой ретушью [53]. Последний приём встречается и на наконечниках кундской культуры. Есть переклички пургасовской индустрии с парчевскими и сухонскими материалами, причём не только по охотничьему вооружению [73; 53; 79]. Однако параллели со всеми ими, как и с заднепи́левской культурой, сложно конкретизировать и интерпретировать в силу общей недостаточной изученности. Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что нынешнее состояние источников по пургасовской культуре не позволяет решать проблему её генезиса.

Абсолютные даты и палинологические определения для пургасовских древностей единичны (14С-дата стоянки Шагара 4 составляет 9350±200 ВР (ГИН-5417); возраст стоянки Борисово 1 по образцам, происходящим из шлейфа культурного слоя в пойме, – не позднее начала бореала), поэтому хронология культуры определяется условно на основе аналогий на памятниках пребореального и бореального времени. Такова вкратце характеристика пургасовской мезолитической культуры и современное состояние её изученности. Надеюсь, что грядущие изыскания смогут внести ясность в решение вопросов пургасовской проблематики.

Заключение

Беглый обзор материалов показывает, что, несмотря на известные успехи, достигнутые в исследовании памятников эпохи мезолита, ещё рано говорить о детальной разработке большинства актуальных проблем мезолитоведения Волго-Окского бассейна. Как ни парадоксально прозвучит, но неясностей и вопросов значительно больше, чем общепризнанного и ответов. Созданный многими поколениями исследователей фундамент по-прежнему требует значительных усилий не только по своему осмыслению, ревизии, систематизации и обновлению, но и переходу на качественно иной исследовательский уровень. Резкое замедление с середины 1990-х гг. накопления данных, особенно активно происходившего в 1970–1980-е годы, не привело пока к радикальному переосмыслению отношения к самим памятникам археологии, их уникальности и невосполнимости. Это означает, что необходим переход на качественно новый уровень работы – с валового принципа раскопок необъятными площадями на скрупулёзный анализ всего имеющегося и мультидисциплинарный взвешенный и рациональный подход к получению новых сведений. Речь, таким образом, должна идти о переориентации с характерного для советского периода потребительского этапа развития науки к геоархеологическому отношению к источнику и сосредоточению усилий на вскрытии ограниченных по площади зондажей мультислойчатых объектов. Не вызывает сомнения, что значительно бóльшую определённость в последовательной разработке всей мезолитической проблематики региона может придать не столько ревизия имеющихся данных, сколько изучение стратифицированных многослойных объектов археологического наследия путём непременного использования современной пространственной методики исследования культурных слоёв и культуросодержащих прослоев и активное привлечение всего спектра естественно-научных методов. Надо помнить о том, что и тахеометры, и компьютерное моделирование, и ГИС-зондирование, и разнообразные анализы – это не панацея, а всего лишь набор современных методов полевого и кабинетного исследования, без которых уже, разумеется, не обойтись. Главное же состоит в том, что памятники археологии должны превратиться из гуманитарного и узкодисциплинарного понятия в общенаучное: стать тем, чем они реально являются – объектами биосферы. Это означает, что они обязаны быть предметом междисциплинарного изучения, основу которого составляет методология геоархеологии. Смена исследовательской парадигмы неизбежна, и чем раньше она произойдёт, тем больше полноценных источников сохранится для науки и наших потомков. Надеюсь, что данная статья окажется небесполезной для начинающих исследователей в переосмыслении задач полевых и прикладных исследований[2].

[2] Исследование выполнено в составе государственного планового задания НИОКТР № 122011200264-9 Института археологии Российской академии наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Clark, J.G.D.* The Mesolithic Settlement of Northern Europe. Cambridge, 1936. 374 p.
2. *Clark, J.G.D.* The Earlier Stone Age of Scandinavia. Cambridge, 1975. 285 p.
3. *Clark, J.G.D.* The Mesolithic Prelude. The Palaeolithic – Neolithic Transition in Old World Prehistory. Edinburg, 1980. 132 p.
4. *Childe, V.G.* The Prehistory of Scotland. London, 1935. 196 p.
5. *Bray, W., Trump, D.* The Penguin Dictionary of Archaeology. Middlesex: Penguin Books, 1970. 287 p.
6. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
7. Мезолит СССР / Ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. 352 с. (Археология СССР)
8. О мезолите в который раз?!... / *Г.И. Медведев, Е.А. Липнина, В.М. Новосельцева, П.Е. Шмыгун* // Архаические и традиционные культуры Северо-Восточной Азии. Проблемы происхождения и трансконтинентальных связей. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000. С. 69–81.

Тверской государственный объединенный музей

9. *Бердникова Н.Е.* Мезолит как исследовательская традиция. Часть 1. В поисках идентификации // Известия Иркутского госуниверситета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 8. 2014. С. 15–30.
10. *Воеводский М.В.* К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы // Труды 2-й Международной конференции АИЧПЕ. Вып. 5. М., 1934. С. 230–245.
11. *Воеводский М.В.* К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе // СА. Вып. V. 1940. С. 144–150.
12. *Воеводский М.В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. Вып. XXXI. 1950. С. 96–119.
13. *Воеводский М.В., Формозов А.А.* Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. Вып. XXXV. 1950. С. 42–54.
14. *Формозов А.А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР // СА. Вып. XXI. 1954. С. 38–51.
15. *Формозов А.А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М.: Наука, 1959. 124 с.
16. *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1977. 144 с.
17. *Кольцов Л.В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. № 4. С. 17–26.
18. *Крайнов Д.А., Брюсов А.Я.* Проблемы северного мезолита // Материалы совещания по изучению четвертичного периода 1957 г. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1961. С. 479–482.
19. *Брюсов А.Я.* Мезолитическая неурядица // Историко-археологический сборник, посвященный юбилею А.В. Арциховского. М.: МГУ. 1962. С. 24–30.
20. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция. Тезисы пленарных докладов. Л., 1979. С. 22–26.
21. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* 25 лет (1959–1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4. С. 267–271.
22. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР / Ред. Л.В. Кольцов. М.: Наука, 1989. С. 68–86, 247–259. (Археология СССР)
23. *Сорокин А.Н.* Рецензия: Л.В. Кольцов, М.Г. Жилин. Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М.: Наука., 1999 // РА. 2001. № 3. С. 154–162.
24. *Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К, 2008. 328 с.
25. *Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М.: Гриф и К, 2009. 388 с.
26. *Захарук Ю.Н.* Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. С. 49–54.
27. *Генинг В.Ф.* Археологическая культура – социально-исторический организм – центральная категория познания археологии (К разработке теории археологической культуры) // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С. 6–35.
28. *Захарук Ю.Н.* Методологические проблемы археологической науки: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1981. 30 с.
29. *Захарук Ю.Н.* Спорное и бесспорное в изучении археологических культур // КСИА. Вып. 201. 1988. С. 3–9.
30. *Генинг В.Ф.* Археология – целостная научная система или «дилетантские вылазки» и «полуфабрикат знания»? (По поводу концепции объекта и предмета археологии Л.С. Клейна) // СА. 1989. № 3. С. 215–228.
31. *Генинг В.Ф.* Археологическая культура – проблема единства форм предметного мира (онтологический аспект) // Археологические культуры и культурные трансформации. Л.: Наука, 1991. С. 65–71.
32. *Каменецкий И.С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 18–36.
33. *Клейн Л.С.* Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.
34. *Формозов А.А.* О критике источников в археологии // СА. 1977. № 1. С. 5–14.
35. *Сорокин А.Н.* Экологический поход в призме источниковедения // Известия Иркутского госуниверситета. Серия: «Геоархеология. Этнология. Антропология». Т. 22. 2017. С. 52–81.
36. *Сорокин А.Н.* Рецензия: С.Н. Лисицын. Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе / Stratum plus. 2017. № 1. С. 59–110 // РА. 2018. № 4. С. 167–178.
37. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья. (Памятники бутовской культуры). М.: Наука, 1999. 157 с.
38. *Лисицын С.Н.* Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе // Stratum plus. 2017. № 1. С. 59–110.
39. *Аверин В.А.* Ивановский край в эпоху мезолита. Иваново: Издатель Епишева О.В., 2011. 164 с.
40. *Сорокин А.Н.* Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.: ИА РАН, 1990. 220 с.
41. *Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 251 с.
42. *Сорокин А.Н.* Очерки источниковедения каменного века. М.: ИА РАН, 2016. 248 с.
43. *Кольцов Л.В.* Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. 1976. С. 21–26.
44. *Кольцов Л.В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977. 216 с.
45. *Сорокин А.Н.* Культурные различия в мезолите бассейна р. Ока // КСИА. 1987. Вып. 189. С. 41–46.
46. *Сорокин А.Н.* Мезолит Волго-Окского бассейна // Проблемы каменного века Русской равнины / Ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 2004. С. 69–91.
47. *Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. Вып. 196. 1989. С. 12–19.
48. *Кравцов А.Е., Сорокин А.Н.* Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М: ИА АН СССР. 1991. 65 с.
49. *Сорокин А.Н.* Стоянка Суконцево 8: геоархеологический источник. М.: Аквариус, 2022. 384 с.
50. *Колосов А.В.* Мезолит Белорусского Посожья (культурно-хронологическая интерпретация материалов): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск. 2007.
51. *Колосов А.В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. 176 с.
52. *Сидоров В.В.* Мезолит бассейна р. Съежи // ТАС / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 75–92.
53. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983. 295 с.
54. *Липницкая О.А.* Мезолитическая стоянка Криничная // КСИА. Вып. 157. 1979. С. 32–36.
55. *Кудряшов В.Е., Липницкая О.Л.* К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилевщине // Дняпроўскі край: навейшыя адкрыцці і даследаванні: матэрыялы навук.-практ. канф. Магілёў, 1993. С. 27–29.
56. *Копытин В.Ф.* Седня – новый памятник мезолита в бассейне реки Проня // Рэгіянальная навуковая канферэнцыя «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя»: тэзісы дакладаў. Ч. 1: Археалогія. Магілеў, 1995. С. 3–13.

57. *Лозовский В.М., Гиря Е.Ю., Кравцов А.Е.* Мезолит Волго-Окского междуречья: технологический подход // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.П. Чабай. Донецк, 2009. С. 269–288. (Археологический альманах. № 20)
58. *Жилин М.Г.* Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // ТАС / Отв. ред. И.Н. Черных. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 25–30.
59. *Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 2004. С. 92–139.
60. *Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
61. *Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: Лира, 2006. 140 с.
62. *Zhilin, M.G.* The Western Part of Russia in the Late Palaeolithic – Early Mesolithic // Earliest Settlement of Scandinavia / Ed. L. Larson. Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1996. P. 273–284. (Acta Archaeologies Lundensia. Series in 80; No. 24)
63. *Zhilin, M.G.* The terminal Palaeolithic – early Mesolithic of the Upper Volga and colonization of the north-west of Eastern Europe // Pioneer Settlements and colonization processes in the Barents regions / Ed. H. Knutsson. Vuollerim. 2005. P. 163–180. (Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology; Vol. 1)
64. *Смирнов А.С.* Фактологическая основа археологических исследований (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры) // РА. 2004. № 2. С. 96–114.
65. *Жилин М.Г.* Некоторые итоги раскопок многослойного торфяникового поселения Становое 4 // КСИА. Вып. 219. 2005. С. 21–36.
66. *Жилин М.Г., Аверин В.А.* Многослойная торфяниковая стоянка Становое 4 в Верхнем Поволжье. М.: ИА РАН, 2022. 328 с.
67. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г., Черников В.Ф.* Мезолитическая стоянка Старая Пустынь на нижней Оке // Археология Верхнего Поволжья: материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т; упр. культуры Нижегородского облисполкома; Этнос, 1991. С. 42–51.
68. *Сорокин А.Н.* Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши // В эпоху мамонтов. «Stratum plus». 2003–2004. № 1 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2005. С. 359–443.
69. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолитическая стоянка Угольново 1 // СА. 1987. № 3. С. 131–135.
70. *Нужний Д.Ю.* Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці. Вип. 2. Київ: Наукова думка, 2006. 226 с.
71. *Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1993. 240 с.
72. Археология Республики Коми. М.: Дик, 1997. 758 с.
73. *Волокитин А.В.* Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2006. 124 с.
74. *Крайнов Д.А.* Дюнная стоянка Золоторучье 1 // КСИИМК. Вып. 75. 1959. С. 63–69.
75. *Крайнов Д.А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // КСИА. Вып. 97. 1964. С. 4–6.
76. *Жилин М.Г.* Финальный палеолит Ярославского Поволжья. М.: Воскресенская типография, 2007. 142 с.
77. *Гвоздовер М.Д.* Кремневый инвентарь Авдеевской верхнепалеолитической стоянки // Восточный граветт / Ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный мир, 1998. С. 224–278.
78. *Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 205 с.
79. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья: культура веретье. М.: ИА РАН, 2006. 322 с.
80. *Сорокин А.Н.* Мезолит Оки. Проблема культурных различий. М.: Таус, 2006. 310 с. (Труды Отдела охранных раскопок. Вып. 5)
81. Археология Мордовского края. Каменный век, эпоха бронзы / Отв. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. 552 с.
82. *Фролов А.С., Мирецкий А.В.* Мезолитическая стоянка Дорки 4 на Верхней Волге // Археология Верхнего Поволжья: материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Вып. 1 / Ред. Ф.В. Васильев. Нижний Новгород: Нижегородский ун-т; упр. культуры Нижегородского облисполкома; Этнос, 1991. С. 19–26.
83. *Слободин С.Б.* Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 234 с.
84. *Хлобыстин Л.П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 340 с.
85. *Василевский А.А.* Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Изд-во Сахалинского госуниверситета, 2007. 412 с.
86. *Сорокин А.Н.* Проблемы мезолитоведения. М.: Гриф и К, 2016. 214 с.
87. *Сорокин А.Н.* Еще раз о проблеме «постсвидерских» культур Восточной Европы // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова / Отв. ред.: И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. С. 188–202.

ФГБУН «Институт археологии РАН», Москва

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

A.N. Sorokin

THE MESOLITHIC OF THE VOLGA-OKA BASIN FOR BEGINNERS

Summary

The first artifacts of the Mesolithic Age on the territory of the Volga-Oka basin were found at the end of the XIX century. By the present time at least 2000 sites have been found, most of which were discovered in 1970–1980. The explosive growth of the source base did not lead to a breakthrough in the systematization of the extracted materials and their full introduction into the scientific circulation. The 1990s were also catastrophic for the preservation of the collections, when, as a result of the economic crisis, many repositories were closed down physically and this inevitably led to the loss of the treasures that had been there for years. Numerous attempts to "improve the quality of sources" have also played a significant negative role in the development of ideas about the Mesolithic in the region. The article analyses only those sources which meet the criteria of "reliability" and "trustworthiness" [40; 23; 24].

As a result, all presently available materials are grouped into three, differing by the set of stone implements, archaeological cultures – Zadnepilevo, Kultino and Purgasovo.

The foundation laid by many generations of researchers is still demanding not only comprehension but also transition to a qualitatively new level. What is needed is a reorientation from the gross principle of data collection to a geoarchaeological attitude to the source. Archaeological monuments should be transformed from a narrow disciplinary (archaeological) concept into a general scientific concept, and become what they really are – objects of the biosphere. This means that they must be the subject of interdisciplinary study, based on the methodology of geoarchaeology. The change in the research paradigm is inevitable, and the sooner it occurs, the more valuable sources will be preserved for science and our descendants.

Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Uljanova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: ansorokin52@gmail.com

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Т.Б. Крылова

СВЁКЛИНО I – МАСТЕРСКАЯ КАМЕННОГО ВЕКА В ВЕРХНЕМ ТЕЧЕНИИ Р. ВОЛГИ

Мастерская Свёклино I находится в верхнем течении р. Волги, у д. Свёклино Ржевского района Тверской области, вблизи коренных выходов кремня и поселения-мастерской Свёклино. Памятник был выявлен в 1977 г. и исследовался в 1977 и 1979 годах, работы носили рекогносцировочный характер. Артефакты раннего железного века и Средневековья немногочисленны, основная часть материалов относится к каменному веку. В коллекции резко преобладает кремнёвый инвентарь, неолитическая керамика представлена единичными фрагментами и не одновременна. Кремнёвый инвентарь неоднороден. Его характерные особенности: многочисленность первичных и полупервичных сколов и изделий из таких сколов; обилие крупных пластин, изготовленных в технике удара, большой процент нуклеусов и фрагментов нуклеусов, малое количество орудий чётких форм, грубость и лаконичность вторичной обработки, полное отсутствие наконечников стрел.

DOI: 10.70203/7325.2024.69.50.003

Мастерская Свёклино I расположена на левом берегу р. Волги у деревни Свёклино, в 21 км выше по течению от г. Ржева. В 200–300 м от Свёклино I, выше по течению Волги, находится другой памятник – крупное поселение-мастерская Свёклино. Их разделяет небольшой, но глубокий овражек – русло впадающего в Волгу ручья или речки [1, с. 77, 92]. Оба памятника были приурочены к имеющимся в этом месте выходам кремня.

Свёклино I было выявлено в 1977 г. Верхневолжской неолитической экспедицией под руководством Н.Н. Гуриной и исследовалось в 1977 и 1979 годах. Работы носили рекогносцировочный характер: собран немногочисленный подъёмный материал, заложен шурф, единственной находкой в котором оказалась кремнёвая подвеска [2, с. 7, № 933], разбит раскоп общей площадью 32 кв. м (8 квадратов размерами 2×2 м). Было отмечено, что территория памятника повреждена бульдозером. В соответствии с принятой Верхневолжской неолитической экспедицией в 1970–1980-х годах методикой разборка культурного слоя велась по условным горизонтам. Сравнивая информацию полевых чертежей и описи, можно предположить, что в данном случае толщина условного горизонта составляла около 15–20 см. Была выявлена следующая стратиграфия: под незначительным слоем дёрна залегал жёлтый песок, который подстилался слоем тёмного гумусированного песка. Тёмный гумусированный песок залегал пятнами и был прослежен не по всей площади раскопа. Ниже шёл материковый светлый песок с большим количеством гальки [3, с. 9–10; 4, с. 24–29, 35]. Мощность культурного слоя колебалась в разных квадратах от 30 до 80 см, возрастая в восточной и южной частях раскопа. Исследования 1979 г. подтвердили, что к западу мощность культурного слоя уменьшается. В квадратах 5 (5а) и 6 горизонт 2 отмечен только в заполнении ямы, в кв. 7 отсутствует вовсе. Анализ материала и описи показывает, что большая часть артефактов находилась в первом условном горизонте – на него приходится половина всех находок из раскопов. В нижнем, четвёртом горизонте находок мало – полевая опись фиксирует 4 нуклеуса, 4 ножевидные пластинки и 6 отщепов в квадрате 1 [2, с. 7, №№ 907–916]. Планиграфический анализ распределения материала затруднён из-за отсутствия чертежей фиксации находок на плане и возможных технических погрешностей в имеющейся полевой описи. Более богаты находками квадрат 2 (центральный в северной линии) и южные квадраты 4 и 5.

Материалы памятника введены в научный оборот частично [5, с. 56–57; 1, с. 79; 6, с. 189–194]. Н.Н. Гурина высказывала предположение об аналогичности Свёклино I поселению-мастерской Свёклино, которое предварительно относила к концу неолита – началу эпохи раннего металла [7, с. 41–42]. Наряду с этим допускается возможность существования этого памятника и в более раннее время [1, с. 78–79]. Радиоуглеродные датировки для обоих памятников отсутствуют.

Доступная для изучения коллекция Свёклино I в фондах ИИМК РАН (нет 1/4 её части, в основном отщепов) насчитывает 1513 артефактов. Свёклино I не является памятником с чистым комплексом. Основная часть находок (1395 экз.) относится к каменному веку, кроме них здесь присутствует керамика раннего железного века (рис. 1: 4–5) и лепная и гончарная керамика Средневековья (рис. 1: 6–15). Средневековая кера-

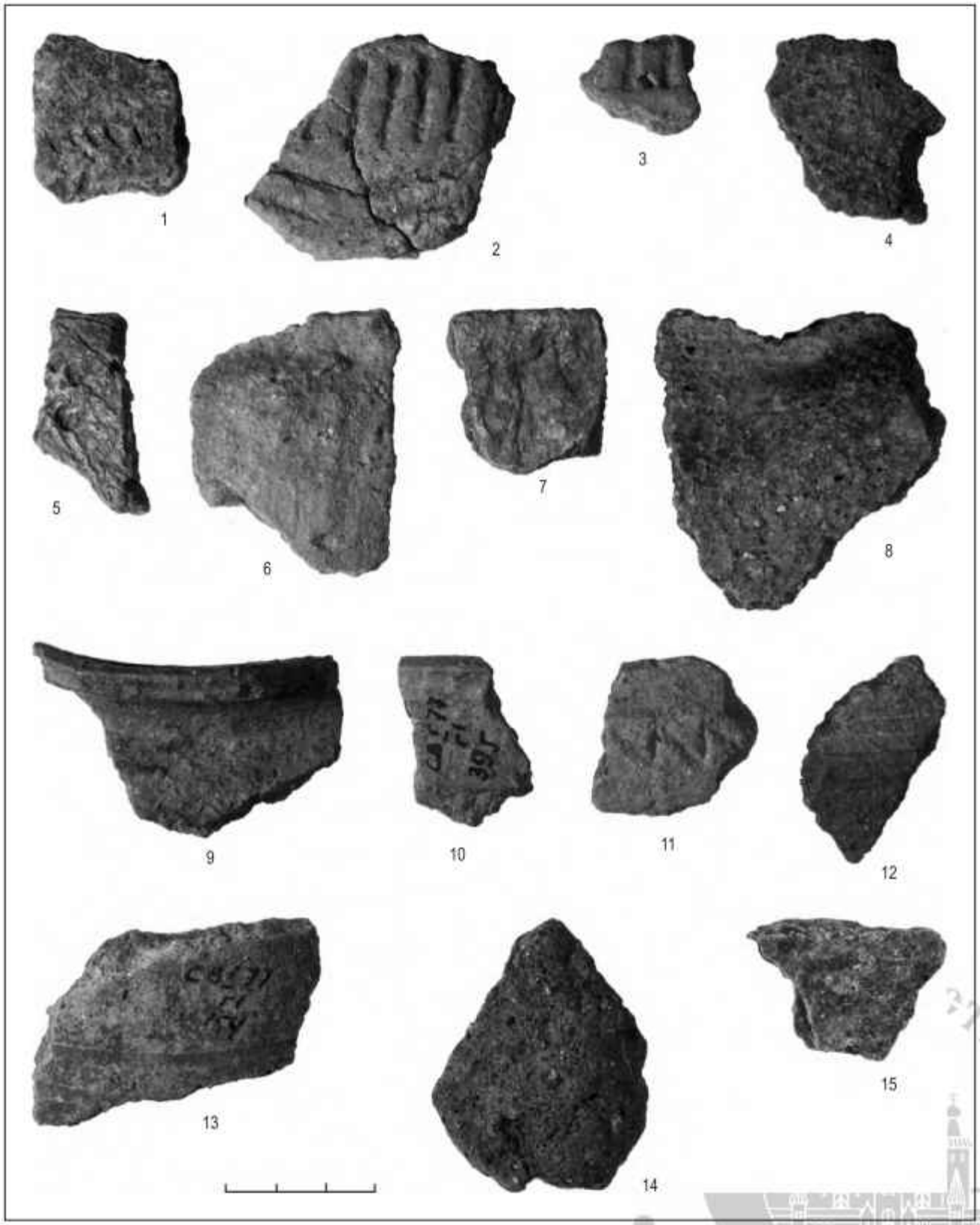

Рис. 1. Свёклино I. Фрагменты керамики: ранненеолитическая (1); поздненеолитическая (2–3); сетчатая (4–5) гладкостенная лепная (6–8); круговая (9–13); ошлакованный фрагмент (14); белоглиняная (15)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

мика встречалась по всей площади раскопов и, похоже, во всех горизонтах, в 1979 г. в кв. 6 был найден сложенный из камней средневековый очаг [4, с. 29].

Неолитической керамики 8 фрагментов. Один фрагмент с разреженным накольчатым орнаментом и примесью шамота в тесте можно датировать ранним неолитом (рис. 1: 1). Два фрагмента, орнаментированные нечёткими оттисками гладкого штампа, с примесью дресвы – толчёного кварца – относятся, видимо, к позднему неолиту (рис. 1: 2–3). Ещё 5 мелких фрагментов керамики с повреждённой внешней поверхностью, без орнамента, отнесены к неолиту предположительно – по составу теста (1 экз. – с органической примесью, 4 экз. – с дресвой).

Каменный инвентарь насчитывает 1387 экз., в том числе 1386 экз. – изделия из кремня. Кремнёвое сырьё с памятника довольно однородное, 84 % находок – из тёмного пятнистого кремня несколько различных, переходящих один в другой оттенков (тёмно-кофейного, кофейного, почти чёрного). Встречаются также серый различных оттенков (9 %), жёлтый (около 3 %) и сиреневый (около 2 %) кремень; жёлтый и сиреневый цвета иногда отмечаются на одной отдельности кремня (рис. 2: 27). Кремень всех иных оттенков представлен единичными находками. Можно предположить, что бóльшая часть изделий со стоянки изготовлена из местного кремня. В 1968 г. Н.Н. Гурина отметила наличие огромных плит «чёрного» и фиолетового кремня непосредственно около мастерской Свёклино, а значит, и около Свёклино I [7, с. 42]. Позднее Н.Б. Селиванова выявила в этом месте два коренных выхода кремня, а геохимические исследования подтвердили преобладание на Свёклино кремня из местных месторождений [8, с. 99; 9, с. 417–418]. Кремень Свёклино I визуально аналогичен кремню поселения-мастерской Свёклино. Отдельно стоит отметить наличие 5 предметов: двух микропластинок правильной огранки (шириной 8 и 9 мм) с обработкой (вкладышей), одного сечения, двух отщепов из светло-серого просвечивающего (дымчатого) кремня – явно не местного происхождения.

Существенная особенность коллекций Свёклино I – большая доля (532 экз./38,4 %) артефактов с участками корки или поверхности естественных трещин на дорсальном фасе. Следы воздействия огня отмечены на 126 изделиях (9,1 %), следы преднамеренного прокаливания можно усмотреть только на 24 предметах.

Около 70 % всего кремнёвого инвентаря приходится на отщепы, больше половины их (примерно 60 %) – мелкие отщепы и чешуйки. Преобладают в коллекции не целые, а фрагментированные отщепы. Отщепов и осколков кремня с незначительными участками ретуши или с нерегулярной ретушью – 44 экз.

Необработанных пластин и пластинок в доступной для исследования части коллекций 418 экз. (более четверти всего кремнёвого инвентаря), в том числе ножевидных 400 экз. (95,7 %), ребристых 18 экз. (4,3 %). Целые изделия и проксимальные части представлены почти поровну: 136 экз./32,5 % и 142 экз./34 % соответственно. Дистальных частей 84 экз./20,1 %, медиальных – 56 экз./13,4 %. На 24 экз./5,7 % есть отдельные фасетки или незначительные участки с неровной нерегулярной ретушью, ещё 305/73 % имеют на краях более или менее выраженные (несвежие) выщербины.

Для более полной характеристики пластинчатых сколов Свёклино I привлекалась информация не только о пластинчатых заготовках без обработки, но и об орудиях на пластинах: всего 461 изделие.

Ширина пластинчатых сколов на памятнике варьирует в большом диапазоне: от 5 до 51 мм. Микропластинок шириной от 5 до 9 мм очень мало – 12 экз./2,6 % (рис. 2: 1–3, 5–7). Пластинок шириной от 9 до 16 мм (рис. 2: 4, 8–23) и пластин шириной от 16,1 до 20 мм (рис. 2: 24–38) поровну – по 128 экз. (27,8 %). Несколько меньше крупных (шириной от 20 до 25 мм) и очень крупных (шириной свыше 25 мм) пластин: 105 экз./22,8 % (рис. 3: 1–12) и 88 экз./19,1 % (рис. 3: 13–19) соответственно.

Длина целых пластинчатых заготовок (всего 149 экз.) колеблется от 24 до 111 мм, в основном – от 33 до 72 мм (117 экз./78,5 %), длину больше 72 мм имеют 30 пластин и фрагментов пластин. Обычно длина целых пластин и пластинок превышает их ширину не более чем в три раза (107 экз./71,8 %), целые заготовки с пропорциями менее 1:4 единичны. Пропорции микропластинок иные: даже для фрагментов соотношение ширины и длины, как правило, 1:4–1:5.

Большинство пластинчатых сколов Свёклино I имеет толщину от 2 до 7 мм (300 экз./65,1 %).

Толщина целых пластин в основном составляет больше 1/10 их длины (100 экз./67,1 %), ребристые пластинки несколько более массивные. Лишь у четырёх сколов длина превосходит толщину примерно в 20 раз и более (у одной – в 32 раза), однако огранка этих пластин неправильная (рис. 2: 18, 20).

Пластинчатые сколы Свёклино I довольно изогнуты в профиле. Изгиб от 2 до 5 мм имеют более половины целых пластинчатых заготовок, свыше 5 мм – около 30 %, до 2 мм – около 15 %. Более изогнутые пластинки, как правило, более широкие и толстые. Бóльшая или меньшая скрученность винтом отмечена на 180 пластинчатых сколах (39 % их общего числа).

В коллекции преобладают пластины и пластинки неправильной огранки – их в полтора раза больше (273 экз./59,2 %), чем правильных (188 экз./40,1 %) (рис. 2: 1–4, 6, 7, 11, 13, 14, 16, 17, 21, 25, 26; рис. 3: 2, 5–8, 10, 17).

Около половины пластинчатых заготовок (232 экз.) имеют трапециевидное поперечное сечение, одна треть (160 экз.) – треугольное. Четырёхгранных пластин и пластинок – 63 экз./13,7 %, одно- (рис. 3: 1) и многогранные пластинки единичны.

Пластинчатые заготовки и орудия из них с коркой (рис. 2: 10, 15, 22, 23, 27, 1, 32, 34, 6, 38; рис. 3: 1, 3, 6, 9, 16, 18) и с участками поверхности естественных трещин (рис. 2: 35) в коллекции составляют около 30 % их выборки (133 экз./28,9 %), 76 (16,5 %) пластинчатых сколов и орудий из них имеют заломы на дорсальном фасе (рис. 2: 6, 10, 15, 22, 23, 27, 31, 32, 34, 38; рис. 3: 1, 3, 6, 9, 16, 18). Огранка дорсальных поверхностей пластинчатых сколов на Свёклино I чаще параллельная (однонаправленная) – 213 экз./46,2 %, ещё на

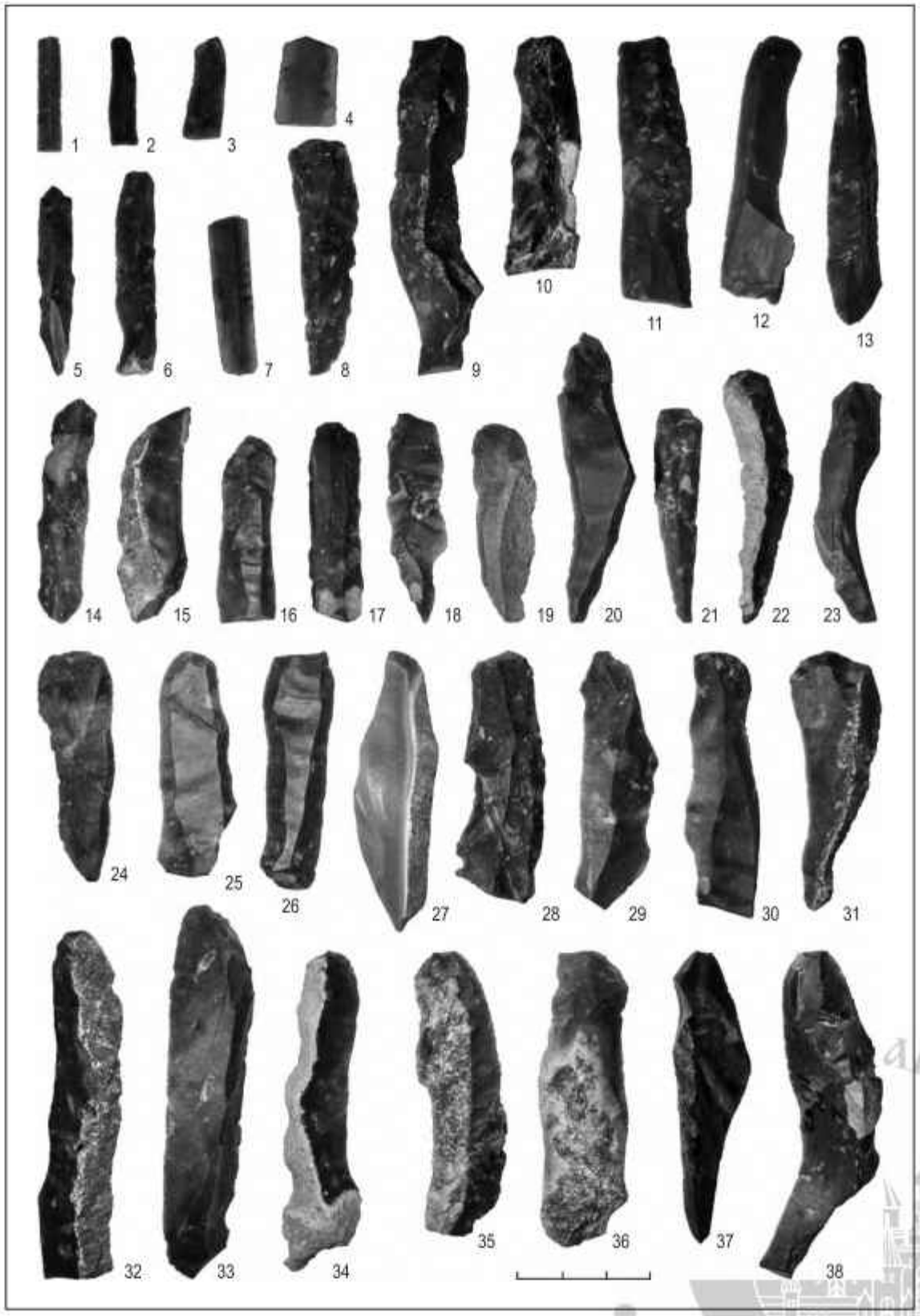

Рис. 2. Свёклино I. Микропластинки (1–2, 5–6), пластинки (4, 8–12, 14–23), пластины (24–26, 28–38) и орудия на пластинах (3, 7, 13, 27). Кремень

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕСТВЕННЫЙ

Рис. 3. Свёклино I. Крупные пластины (1–2, 4–12) и орудия на пластинах (3), очень крупные пластины (13–19). Кремень

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

74 экз./16,1 % негативы параллельных снятий сочетаются с участками корки или поверхности трещины, что вместе составляет 287 экз. (62,3 %). Встречное предшествующее скалывание (в различных сочетаниях) отмечено значительно реже (104 экз./22,6 %, в том числе в сочетании с параллельным скалыванием – 73 экз./15,8 %). Прочие варианты огранки дорсальной поверхности пластин немногочисленны. Ребристых пластин – 21 экз./4,6 %, при этом типичные двусторонние ребристые пластины практически отсутствуют (рис. 2: 9, 10, 23, 38; рис. 3: 11, 12). Пластины и пластинки, снятые с пренуклеусов, очень немногочисленны – 17 экз./3,7 %, резко преобладают заготовки, снятые с нуклеусов, – 444 экз./96,3 %, в том числе «чистые» пластины и пластинки – 289 экз./62,7 %; угловых сколов 142 экз./30,8 %; сколов переоформления и/или исправления призматического рельефа поверхности скалывания 13 экз./2,8 %. Перовидное окончание имеют примерно 3/4 целых пластинчатых сколов и дистальных концов (183 экз.), петлевидное – около 1/4 (54 экз.); ныряющие окончания единичны (6 экз.).

Почти все пластинчатые сколы Свёклино I имеют коническое начало плоскости расщепления, неконическое начало определено только у 2 сколов. Преобладают пластинки с гладкими ударными площадками (224 экз./73,4 %). Доминирующая ширина площадок – 1,6–9,5 мм (196 экз./64 %), доминирующая глубина – от 1 до 5 мм (227 экз./74,4 %). Широких площадок (свыше 9,5 мм) сравнительно много – 86 экз./28,2 %, они, как правило, более глубокие. Пластинок с тонкими (линейными) площадками глубиной 0,5–1,5 мм 90 экз./29,5 %. Точечные площадки единичны (6 экз.). Более чем у половины пластинок и пластин зафиксировано наличие скола изъянца. Пластинчатые сколы без каких-либо следов обработки зоны расщепления немногочисленны – 30 экз./9,8 % (рис. 2: 37). Преобладают пластинки и пластины со следами выравнивания карниза – 238 экз./78 % (рис. 2: 38; рис. 3: 7, 14, 18) и скруглением (затупливанием) кромки – 191 экз./62,6 %, в большинстве случаев эти приёмы совмещаются. Можно предполагать использование для подобной подготовки абразива – 127 экз./41,6 % (рис. 2: 19, 25, 30; рис. 3: 2). Следы пришлифовки на площадке отмечены только у четырёх пластинок (рис. 2: 32). Не исключено, что в отдельных случаях встречаются приёмы освобождения и изолирования площадки.

Вентральная линия площадок у 88/28,9 % пластинчатых сколов отмечена выступающим карнизом. Радиальные и полукруглые трещины на бугорке есть более чем у трети пластин и пластинок (113 экз./37 %).

Пластинчатые сколы Свёклино I в целом имеют более крупные размеры, чем пластинки со стоянок позднего мезолита – раннего неолита Валдайской возвышенности – Нижние Котицы I и V [10, с. 69], Зехново III [11, с. 227]. Их характеристики скорее соответствуют пластинам финальнопалеолитических памятников этого региона [12, рис. 7; 13, с. 10–11, рис. 4: 6, рис. 5: 1, 4, 5, рис. 6: 1, 8–10]. Однако от пластин выделяемой Г.В. Синицыной подольской культуры их отличает наличие следов подготовки зоны расщепления на большинстве сколов. Следы абразивной обработки кромки нуклеуса отмечены на значительном количестве пластин (более 40 %), что роднит эти материалы с палеолитическими. Параметры пластинчатых сколов и их ударных площадок, практически полное отсутствие неконического начала плоскости расщепления, сравнительно большая доля пластин и пластинок с петлевидным окончанием свидетельствуют о преобладании техники удара при их изготовлении [14, с. 69; 15, с. 53; 16, с. 77]. По мнению Д.В. Киосака, доля сколов с тонкими площадками (около 30 %) может свидетельствовать о применении мягкого каменного отбойника (наряду с твёрдым), а высокий процент ударных трещин позволяет исключить применение рогового [17, с. 113, 116].

В единичных случаях при расщеплении не исключено использование наковальни. Некоторые пластинки, и особенно микропластинки очень правильной огранки, могли быть изготовлены отжимом.

Целых нуклеусов в доступной для исследования части коллекции – 28, фрагментов – 39 (в том числе расколотые вдоль – 9, расколотые поперёк – 2, сколы подживления ударных площадок – 20, обломки – 8). Преобладают нуклеусы для скалывания пластин и пластинок – 49 экз., из них только 1 экз. предназначен для скалывания микропластинок, что соответствует крайне малому количеству таких сколов в коллекции; 7 нуклеусов – для снятия пластин и, возможно, отщепов (по большей части пластинчатых). Нуклеусов, которые могли быть предназначены для скалывания отщепов, – 7 экз., назначение ещё 4 экз. определить затруднительно. Среди представленных в коллекции ядрищ преформ и нуклеусов в начальной стадии расщепления 6 экземпляров, истощённых – предположительно 4, переоформленных – 4. Изделия со следами воздействия огня единичны – 4 экз., это скорее обожжённые экземпляры с повреждённой поверхностью, а не подвергнутые преднамеренной термической обработке. Принцип раскалывания – как торцевой, так и призматический. Поверхность скалывания чаще узкая.

Высота нуклеусов из коллекции Свёклино I – от 30 до 102 мм (чаще от 60 мм). Ширина их колеблется в большом диапазоне – от 22 до 100,5 мм, толщина – от 12 до 67 мм. Судя по размерам пластин, должны были существовать и более крупные нуклеусы.

Призматические нуклеусы наиболее многочисленны – 18 экз. Они неоднородны: 10 экз. со встречным скалыванием (рис. 4: 2–4), 7 экз. с противолежащим (рис. 4: 1, рис. 5: 5), 1 экз. со встречным скалыванием с одного торца и однонаправленным с другого. Конических нуклеусов – 3 целых и 7 фрагментов (рис. 5: 2), 2 пластинки с ныряющим окончанием также были сколоты с конических нуклеусов. Уплощённых «подконических» форм с зауженным нижним концом (рис. 5: 1, 3) – 7 экз. Уплощённых одноплощадочных с ребром в нижней части и одно- или двусторонним скалыванием (в основе клиновидных) – 2 экз. (рис. 6: 2). Клиновидных нуклеусов с торцевым скалыванием (рис. 6: 1) – 2 экз., килевидных с двумя смежными площадками и ребром (рис. 6: 3) – 4 целых экземпляра, 2 из них – преформы. Кроме того, в коллекции представлен 1 фрагмент ребра нуклеуса (килевидного или клиновидного). Форма остальных 27 нуклеусов не определена. Площадки нуклеусов могут быть как горизонтальными, так и скошенными. Способы оформления площа-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

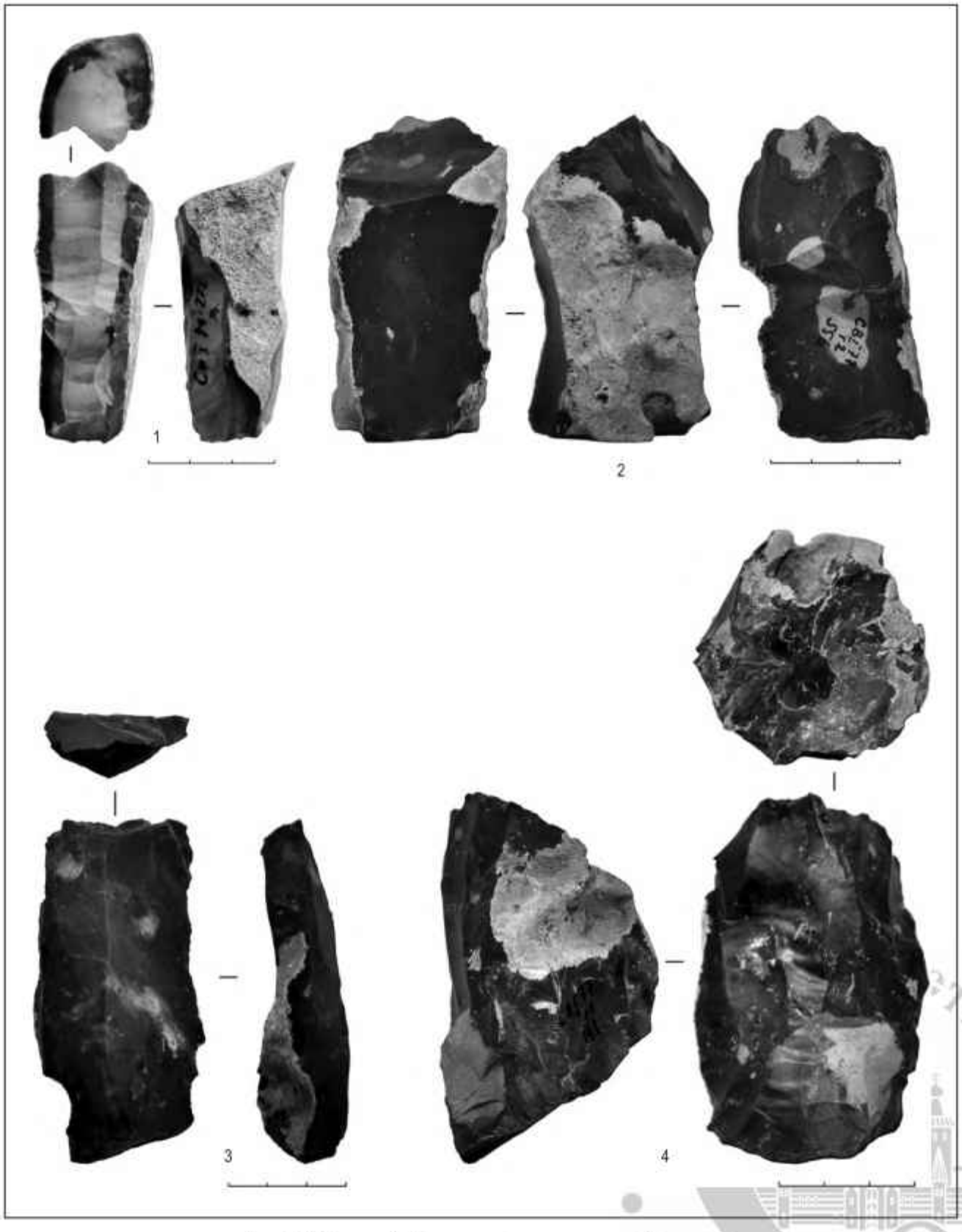

Рис. 4. Свёклино I. Нуклеусы призматические. Кремень

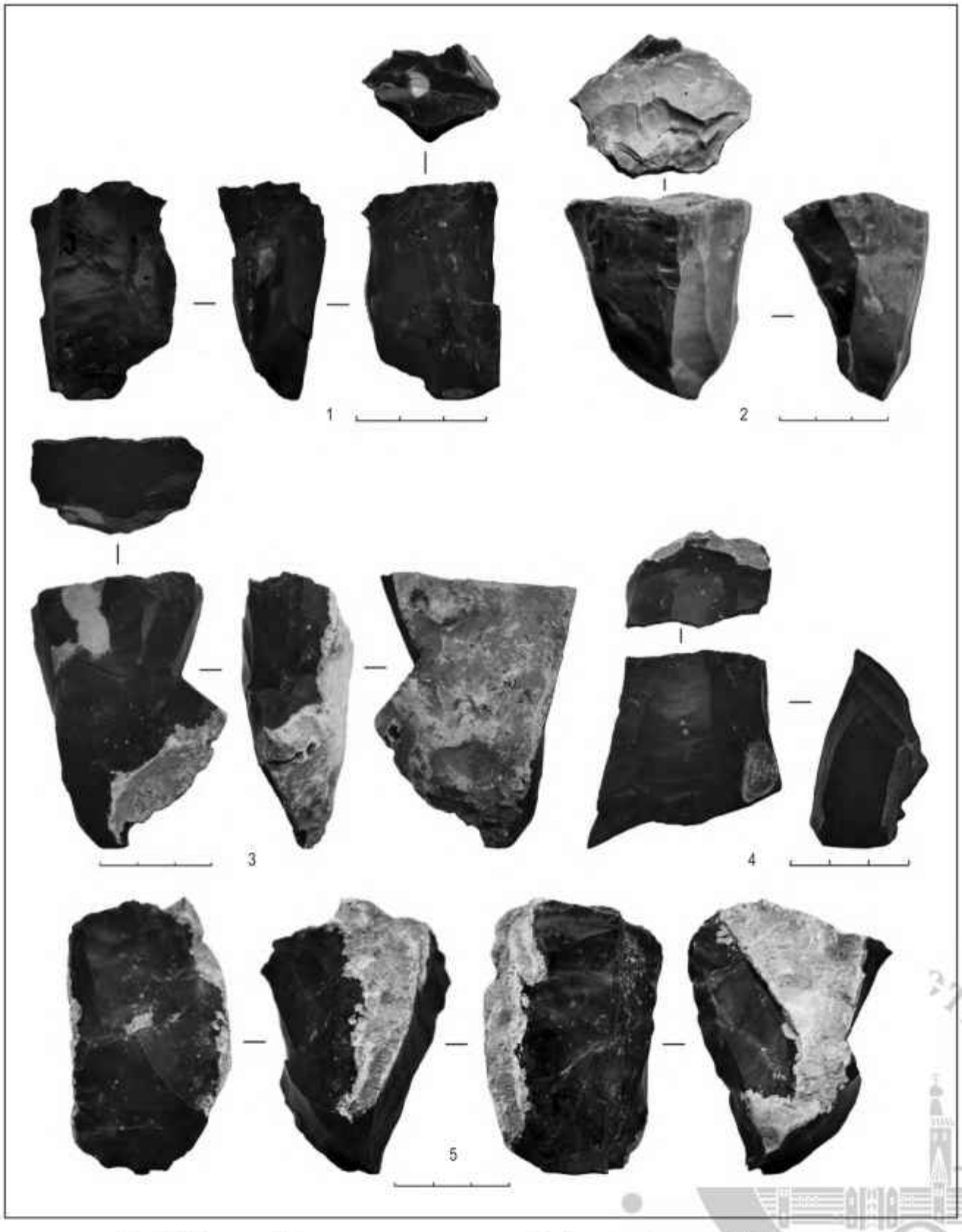

Рис. 5. Свёклино I. Нуклеусы одноплощадочные (1–4) и призматический (5). Кремень

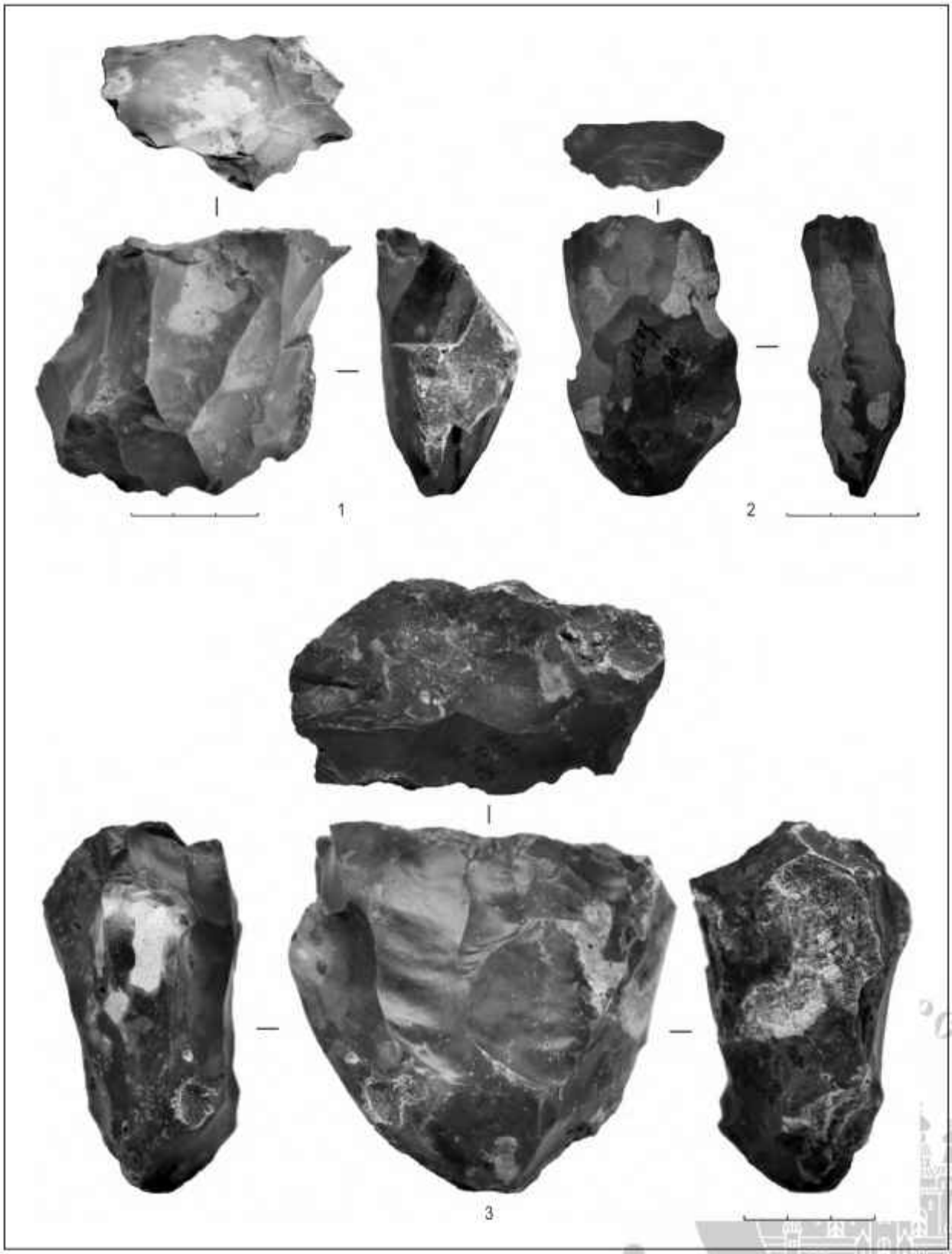

Рис. 6. Свёклино I. Нуклеусы: клиновидный (1); одноплощадочный с ребром в нижней части (2); со смежными площадками и ребром (3). Кремень

док разнообразны и не связаны с типом нуклеуса. Больше всего площадок, сформированных одним сколом, иногда с подправкой по краю; много площадок, оформленных двумя или несколькими сколами. Ретушированные и естественные площадки редки. У 4 переоформленных нуклеусов площадками являются части поверхности скалывания первоначальных нуклеусов с негативами параллельных пластинчатых снятий (рис. 5: 4). Площадки двухплощадочных нуклеусов, как правило, оформлены по-разному.

Следы подготовки зоны расщепления к скалыванию отсутствуют только на 13 нуклеусах. Преобладает подработка края мелкими сколами, иногда со скруглением кромки (возможно, абразивом). Только абразивная подготовка, а также пришлифовка кромки отмечена в единичных случаях.

Преформы ядрищ не стандартизированы и чаще неопределимы (44 экз.). Заготовками для призматических и конических нуклеусов могли служить отдельности сырья (гальки, фрагменты желвака или плитки) удобной формы, часто с минимальной подработкой (12 экз.). В других случаях отдельность кремня подвергалась более серьёзной оббивке, чаще частичной. Клиновидная форма пренуклеуса (с боковыми и нижним ребром и одной площадкой) фиксируется 5 раз, в виде сектора (с двумя смежными площадками и ребром) – 4 раза. Единично заготовке придавалась форма, близкая к призме (1 экз.) или конусу (1 экз.).

Орудий, фрагментов орудий и прочих изделий со вторичной обработкой в доступной для изучения части коллекции 90 экз./5,9 %, в том числе на пластинках и пластинах – 43, на отщепах – 40. Из галек изготовлены 3 орудия, заготовку ещё 4 орудий установить сложно. Скребков 13 экз., преобладают изготовленные из отщепов (10 экз.): 7 концевых (рис. 7: 15, 21), насад одного из них подработан дорсальной ретушью, 1 двойной концевой (рис. 7: 10), 2 аморфных. Лезвие выпуклое, скошенное или горизонтальное, иногда высокое, на дорсальном фасе заготовки, 6 скребков – грубые, из крупных массивных отщепов. Из пластинчатых заготовок изготовлены 3 скребка: два концевых, укороченный (рис. 7: 9) и удлинённых пропорций, третий – двухлезвийный со смежными лезвиями на очень крупной (ширина 29–30 мм) массивной пластине. Четыре отщепа с мелкой ретушью на конце можно отнести к микроскребкам с шириной лезвия 5–10 мм.

Резцов 7 экз.: 5 угловых на сломе заготовки, из них 4 на пластинах (рис. 7: 4, 7), в том числе крупных массивных (1 из них двойной), и 1 на отщепе. Двугранных резцов 2 – срединный на пластинке (рис. 7: 6) и двугранный угловой на отщепе. Ещё 3 резца, видимо, скомбинированы с другими орудиями. Двугранный угловой резец на массивном отщепе и угловой резец на сломе массивной ребристой пластинки – с проколками, жальце которых расположено на углу. Угловой резец на сломе заготовки (массивного скола) объединён со скобелем (рис. 7: 14). Трасологические исследования не проводились.

Резчиков, рабочая кромка которых оформлена не сколом, а вентральной ретушью на сломе заготовки, 5 экз.: 4 – на пластинах (в том числе крупных массивных), 1 – на фрагменте пластинчатого отщепа (рис. 7: 5, 8).

Скобелей? (отщепов и пластинок с выемками) – 15 экз. (13 на отщепах и 2 на пластинках), чаще с одной (11 экз.), обычно пологой, выемкой, оформленной дорсальной или вентральной краевой ретушью (рис. 7: 12–13). Диаметр выемки – 6,5–25 мм (чаще от 9 мм). Обработка обычно небрежная.

Два орудия на пластинках с подправленным краевой ретушью острым концом можно отнести к проколкам (рис. 2: 13, рис. 7: 19).

Пластинок (как ножевидных, так и ребристых) с косо срезанным концом – 6 экз. (рис. 7: 1, 2, 11). Скос может быть выпуклым (2 экз.) или прямым (4 экз.). Край одной (микропластинка правильной огранки) притуплен мелкой вентральной ретушью. Две из них (медиальные части) могли быть вкладышами, назначение целых – иное. Пластинок с поперечно срезанным концом (рис. 7: 3) – 4 экз. (3 ножевидные и одна ребристая). Ретушь краевая, мелкая, дорсальная или вентральная.

Пять пластинок (рис. 7: 17, 18, 22) – с регулярной, дорсальной или вентральной мелкой краевой ретушью по одному (4 экз.) или двум краям – могли служить ножами или пилками. Ещё одна, медиальная часть микропластинки правильной огранки с приостряющей вентральной ретушью, скорее, была вкладышем (рис. 7: 16). Пластин и пластинок с нерегулярной ретушью – 10 экз.

Три отщепа с приостряющей или мелкой ретушью по одной стороне, возможно, являлись ножами.

Изделий с бифасиальной обработкой – 4 экз.: фигурный кремень – подвеска (?) «колоколовидной» формы с выделенной головкой для крепления, возможно, антропоморфное изображение (рис. 7: 20); испорченная заготовка желобчатого тесла из плитки кремня, трапециевидной формы и четырёхугольного сечения, со сплошной обработкой спинки и частичной брюшка (рис. 8: 2); фрагмент крупного массивного бифаса первоначально листовидных(?) очертаний – заготовки(?) наконечника копья или дротика (рис. 7: 23); уплощённое, линзовидное в сечении орудие подтрапециевидной формы, со смятыми кромками, возможно, служившее ретушёром (рис. 8: 1). Не исключено, что ретушёрами могли также быть изделие из округлой уплощённой оббитой по периметру гальки с забитыми краями (рис. 8: 3) и подпрямоугольный фрагмент орудия из массивного отщепа с односторонней краевой оббивкой.

К отбойникам относятся округлая, елегка уплощённая галька с выщербинами (рис. 8: 4), массивный кусок кремня с забитыми краями и фрагмент подобного же орудия. Не исключено, что в качестве отбойников могли служить и некоторые нуклеусы: нижний конец, по крайней мере одного из них, имеет аналогичные повреждения.

К орудиям также надо отнести массивный подтреугольный отщеп с крупной дорсальной зубчатой ретушью на конце, изделие на треугольном отщепе с краевой неровной ретушью по обеим сторонам и углам, а также обломок с крупной краевой ретушью.

Таким образом, орудийный набор Свёклино I производит впечатление неоднородности. Микропластинки-вкладыши, аналогичные свёклинским, характерны для памятников мезолита – раннего неолита, также как

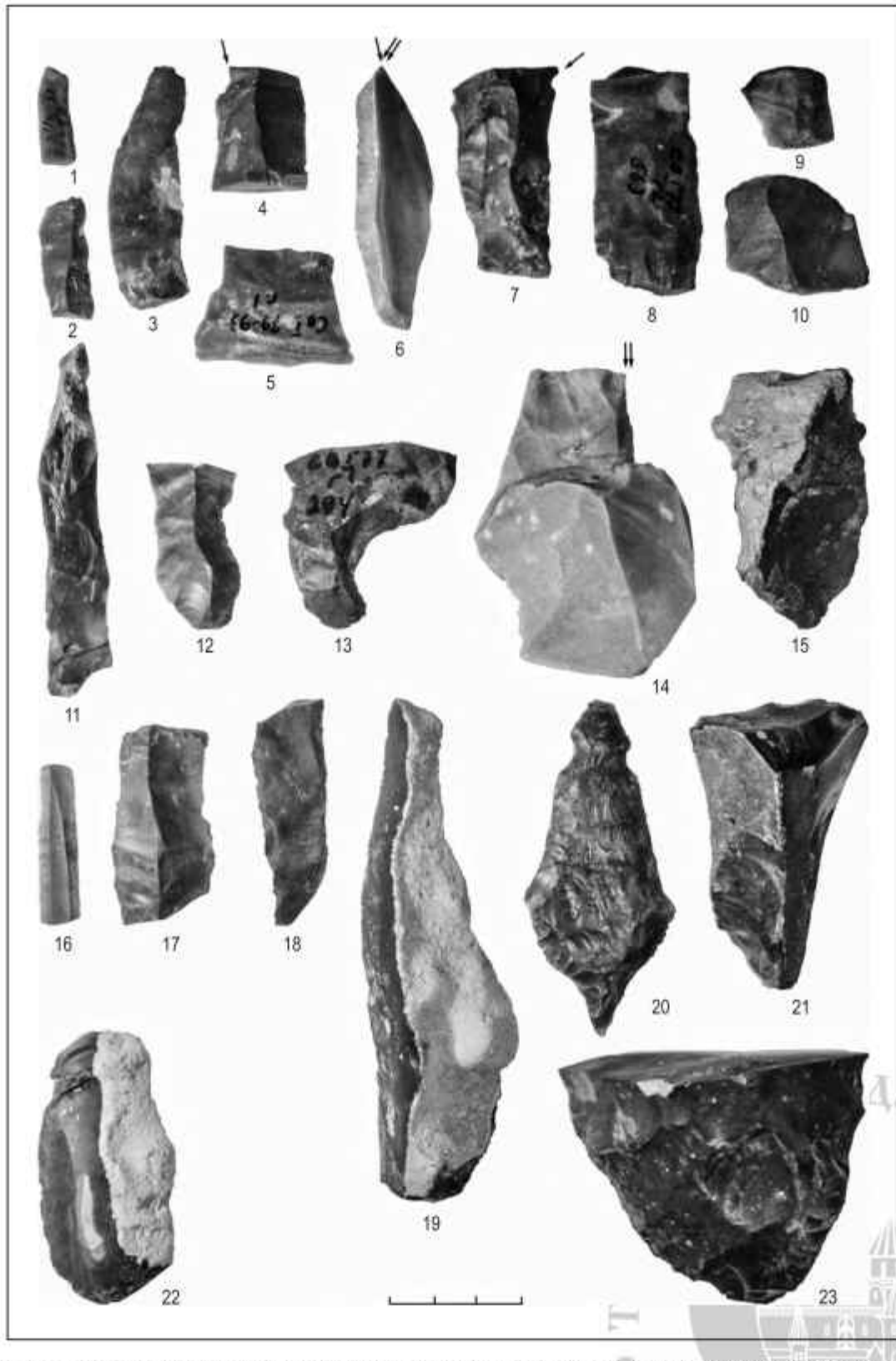

Рис. 7. Свёклино I. Кремнёвые орудия: пластинки со срезанным концом (1–3, 11); резцы (4, 6–7, 14); резчики (5, 8); скребки (9–10, 15, 21); скобели (12–13); пластинки с ретушью по краям (16–18, 22); проколка (19); подвеска (20); фрагмент орудия (23)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

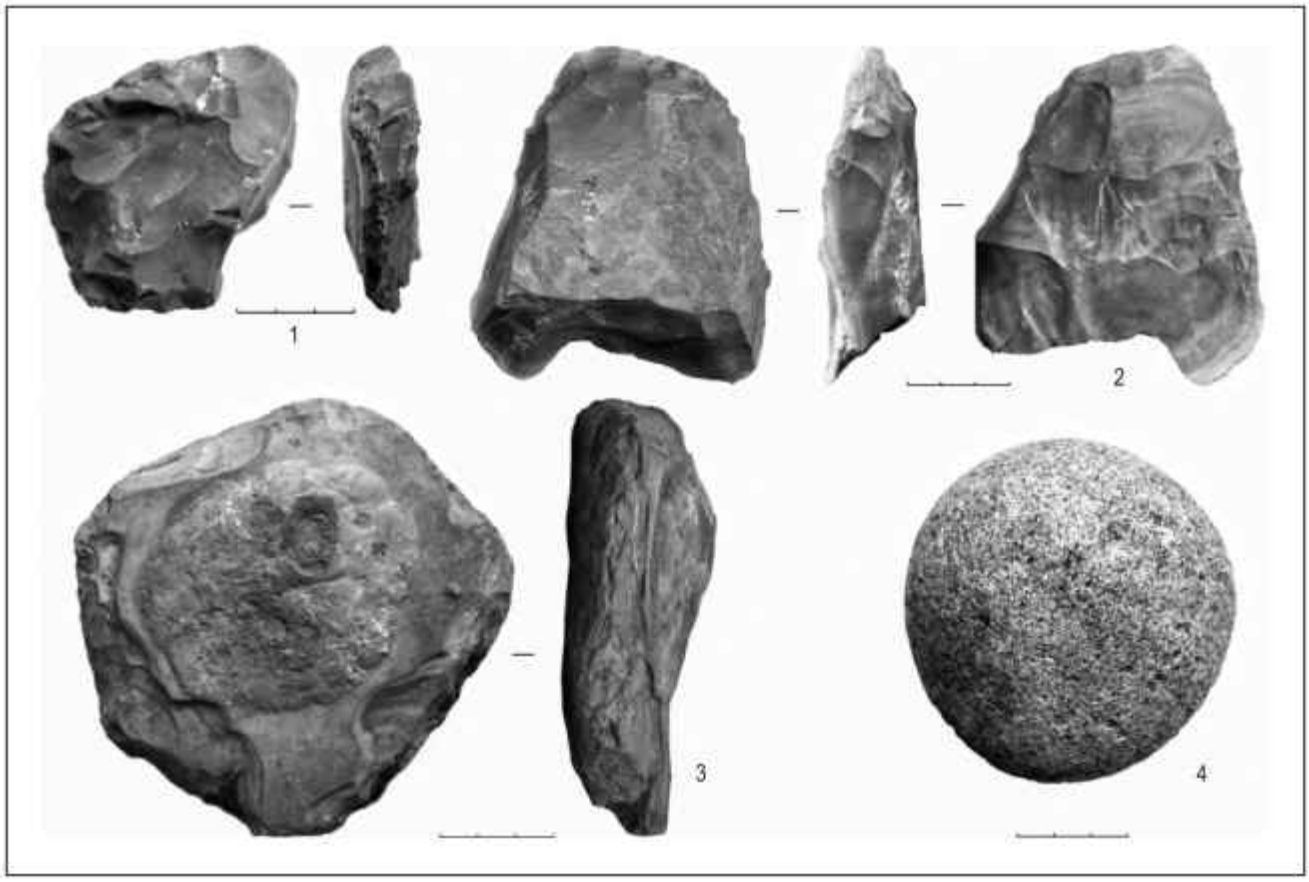

Рис. 8. Свёклино I. Орудия: ретушёр? (1); заготовка тесла (2); «диск» (3); отбойник (4). 1–3 кремень; 4 – зернистая порода

и тёсла трапециевидной формы. Фигурный кремень-подвеска – скорее, позднеолитического облика. Для большинства орудий характерна случайность и грубость форм используемых заготовок (в том числе пластинчатых), небрежность и лаконичность обработки. Характерно полное отсутствие наконечников стрел, а возможно, и всего охотничьего инвентаря.

Заключение

Свёклино I является памятником многократного посещения, о чём свидетельствует разновременность керамики (в том числе неолитической) и неоднородность кремнёвого инвентаря. Грубый облик, метрические характеристики, архаичная технология изготовления большей части пластинчатых сколов могут свидетельствовать о раннем времени появления памятника. Состав коллекции памятника (малочисленность керамики, обилие пластин, большой процент нуклеусов и фрагментов нуклеусов, многочисленность первичных и полупервичных сколов, неполный типологический состав инвентаря, малое количество орудий чётких форм, грубость и лаконичность вторичной обработки) позволяет определить его как мастерскую по добыче и первичному расщеплению кремня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной). Вып. 1. Материалы к археологической карте / *И.В. Верещагина, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, О.М. Тихомирова, Л.Г. Шаяхметова, В.Я. Шумкин*. СПб., 1995.
2. Опись материала Верхневолжской экспедиции 1977 года Калининской области, Ржевский район. Левый берег реки Волги вблизи деревни Бахмутово, 200 метров по течению ниже мастерской Свёклино. Свёклино I // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1977 г. Д. 158.
3. *Гурина Н.Н.* Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1977 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1977 г. Д. 13.
4. *Гурина Н.Н.* Дневник 1 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1979 г. Д. 1.
5. *Гурина Н.Н., Верещагина И.В., Шумкин В.Я.* Исследования Верхневолжской неолитической экспедиции // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

6. *Крылова Т.Б.* Опыт типологического и технологического анализа пластинчатых сколов памятника многократного посещения – мастерской Свёклино I // Российская академия наук. Институт истории материальной культуры. Бюллетень № 11. Охранная археология. СПб., 2021.
7. *Гурина Н.Н.* Работы Верхневолжской неолитической экспедиции // Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
8. *Селиванова Н.Б.* Методика определения источников кремня для археологических памятников // III Seminar on petroarcheology. Plovdiv, 1984.
9. *Синицына Г.В., Колокольцев В.Г.* Кремневое сырьё в материалах стоянок-мастерских Подол III/1 и Вышегора I на водоразделе Волги и Днепра // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2018.
10. *Верещагина И.В.* Поселения южного побережья Селижаровского плеса оз. Селигер // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997.
11. Зехновские стоянки позднего мезолита – раннего неолита валдайской археологической культуры» / *В.Я. Шумкин, Г.В. Синицына, Е.Ю. Медникова, Т.Б. Крылова* // Сборник научных трудов VI (XXII) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. А.А. Выборнов. Т. 1. Самара, 2020.
12. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году. СПб., 1996.
13. *Синицына Г.В.* Ланино I – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997.
14. *Гиря Е.Ю.* Техиологический аналиг каменных индустрий. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.
15. *Гиря Е.Ю., Прут А.А.* Вторичные боковые сопутствующие сколы как критерий определения отжимной техники // Методы изучения каменных артефактов: Материалы международной конференции (Санкт Петербург, 16–18 ноября 2015 г.). СПб., 2015.
16. *Лозовский В.М.* Культурные традиции в мезолите Волго-Окского междуречья: технологический подход // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.
17. *Киосак Д.В.* Первичное расщепление кремня на стоянке Белолесье (Юго-Западная Украина) // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

T.B. Krylova

SVYOKLINO I – A STONE AGE WORKSHOP IN THE UPPER REACHES OF THE VOLGA RIVER

Summary

The workshop of Svyoklino I is located in the upper reaches of the Volga River, near the village of Svyoklino, Rzhevsky District, Tver Region, near the indigenous outcrops of flint and the settlement-workshop of Svyoklino. The site was found in 1977 and studied in 1977 and 1979, the work was carried out as a recocnaissance. Finds of the Early Iron Age and the Middle Ages are few, the bulk of the materials belong to the Stone Age. The collection is sharply dominated by flint inventory, Neolithic ceramics are singular and non-uniform. Flint inventory is heterogeneous. Its characteristic features: the multiplicity of primary and semi-primary chips and products from such chips; an abundance of large plates made in the technique of impact, a large percentage of nuclei and fragments of nuclei, a small number of tools of clear shapes, roughness and conciseness of secondary processing, the complete absence of arrowheads.

Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065, Russia
E-mail: Krilova.tatjana@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.С. Ткач, К.В. Хлуднев

КРЕМНЁВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «СЕЛИЩЕ МИГАЛОВО-1, XV–XVII ВВ. Н. Э.» В Г. ТВЕРИ

В статье представлены материалы кремнёвой коллекции, полученные в ходе исследований селища Мигалово-1 в 2019 году. Всего она насчитывает 1481 артефакт. Бóльшая часть коллекции представлена кремнёвыми отщепами, сколами, пластинами и пластинками. Также найдены скребки и наконечники стрел, резцы. Керамическая коллекция включает в себя немногочисленные фрагменты посуды неолитического времени. Ближайшие аналогии прослеживаются среди материалов многослойных поселений Озерки 5 и Озерки 17, относящихся к льяловской культуре.

DOI: 10.70203/2548.2024.99.17.004

Селище Мигалово-1 расположено на правом берегу реки Волги, на северной окраине микрорайона «Мигалово» в г. Твери. Спасательные археологические работы проводились в 2019 году экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством О.И. Богуславского (выражаем ему признательность за возможность работы с коллекцией).

Территория обследования располагалась на южном краю берегового вала реки Волги на расстоянии 90 метров к югу от её правого берега, в 1 км к западу от Мигаловского моста. На расстоянии около 10 метров от северной границы участка работ проходит Рябеевское шоссе (рис. 1).

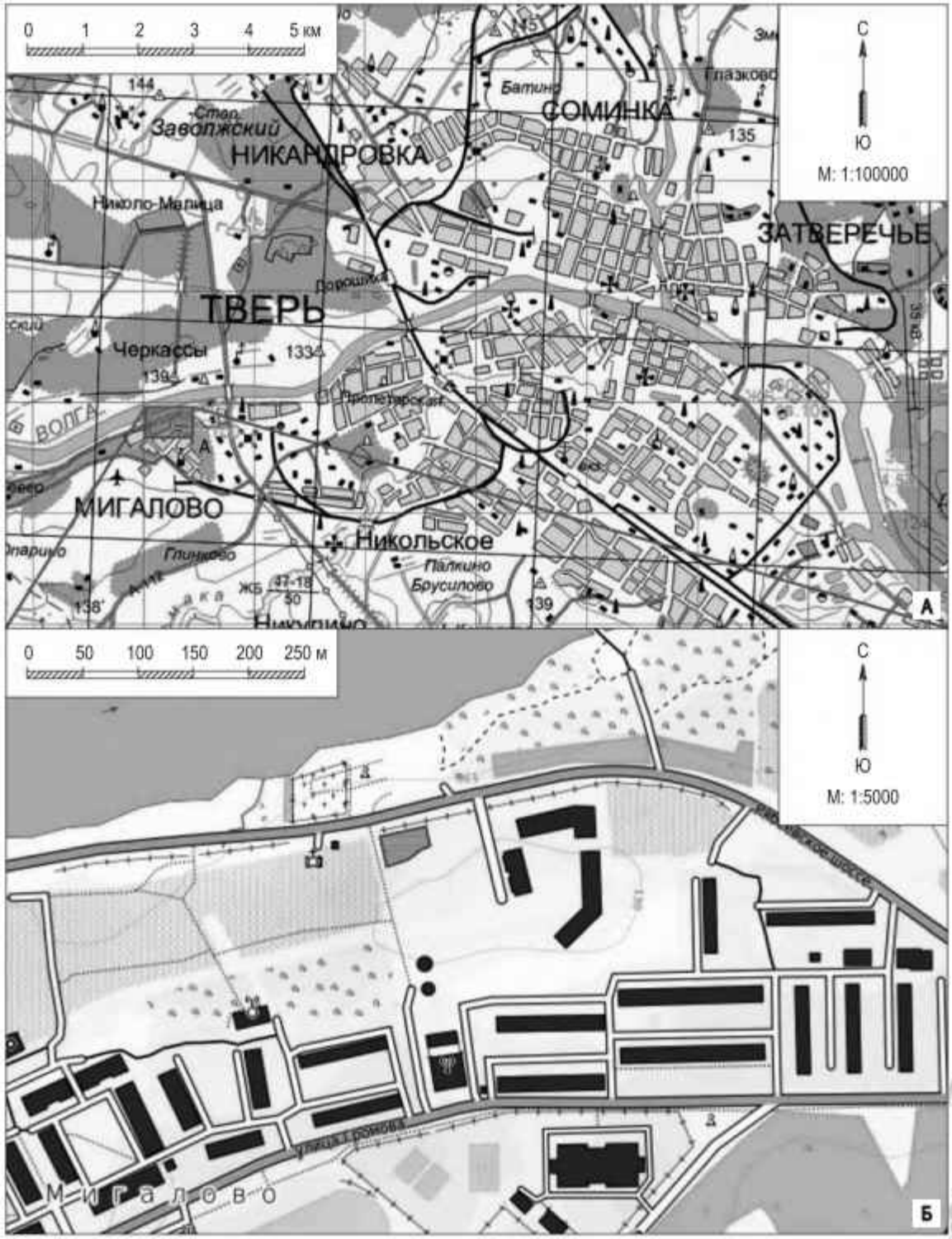
Средневековое селище на этом участке было локализовано А.Н. Хохловым (ООО «ТНИИР-Центр») в 1996 году [1]. Исследователь по результатам натурных работ установил, что площадка селища расположена на краю берегового вала на высоте 6–7 метров над уровнем р. Волги, имеет размеры 100×400 м, с запада и востока ограничена оврагами, с юга отделена от коренного берега широкой западиной глубиной более 2 м. Поверхность памятника занята хозяйственными постройками, огородами, кладбищем, братской могилой. По территории селища проложена автодорога (Рябеевское шоссе). Собранный подъёмный материал представлен фрагментами гончарных сосудов и шлаками. В 2015 г. Е.А. Дементьевым (филиал ГАСК в г. Твери) была уточнена восточная граница памятника. В выводах обследования указано [2], что в границах земельного участка обнаружен сильно повреждённый распашкой и постройками, коммуникациями, фундаментами ограждений, хозяйственной деятельностью садового товарищества культурный слой объекта культурного наследия – памятника археологии «Селище Мигалово-1, XV–XVII вв. н. э.» мощностью от 0,63 до 1,57 м.

Методика и ход исследований

Бóльшая часть памятника представлена потревоженными или уничтоженными остатками культурного слоя Средневековья и Нового времени. Это произошло в результате строительства казармы воинской части в 1970-х гг. В восточной части раскопа 2019 г. культурные отложения повреждены поздними перекопами, обустройством двух канализационных колодцев и траншеей водопровода. В той же части раскопа обнаружены фундаменты складских помещений 1930-х годов постройки.

После снятия поздних отложений в западной и юго-западной частях раскопа выявлены непотревоженные культурные отложения (рис. 2) на общей площади около 320 кв. м.

Верхняя часть изучаемых культурных отложений представлена слоем коричневой супеси мощностью 0,2–0,5 м. Данный слой на основании нумизматических находок и характерных фрагментов гончарной посуды датируется XVIII–XIX вв. Ниже залегали слои серой и серой золистой супеси с углём мощностью до 0,8 м, датирующиеся периодом позднего Средневековья (конец XV–XVI в.) В нижних горизонтах селища обнаружено большое количество кремнёвых орудий и отходов кремнёвого производства (отщепов, чешуек): 1481 ед. Более половины из них концентрируется на площади около 15 кв. м в слое светло-жёлтого песка. Присутствие нескольких фрагментов керамической посуды позволило нам отнести кремнёвый комплекс к неолитическому времени, однако существует вероятность, что данное место ранее также посещалось в мезолите.

Условные обозначения

– границы исследованной территории памятника археологии «Селище Мигалово-1»

Рис. 1. Селище Мигалово-I: А – территория памятника; Б – исследованная раскопками часть памятника археологии

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

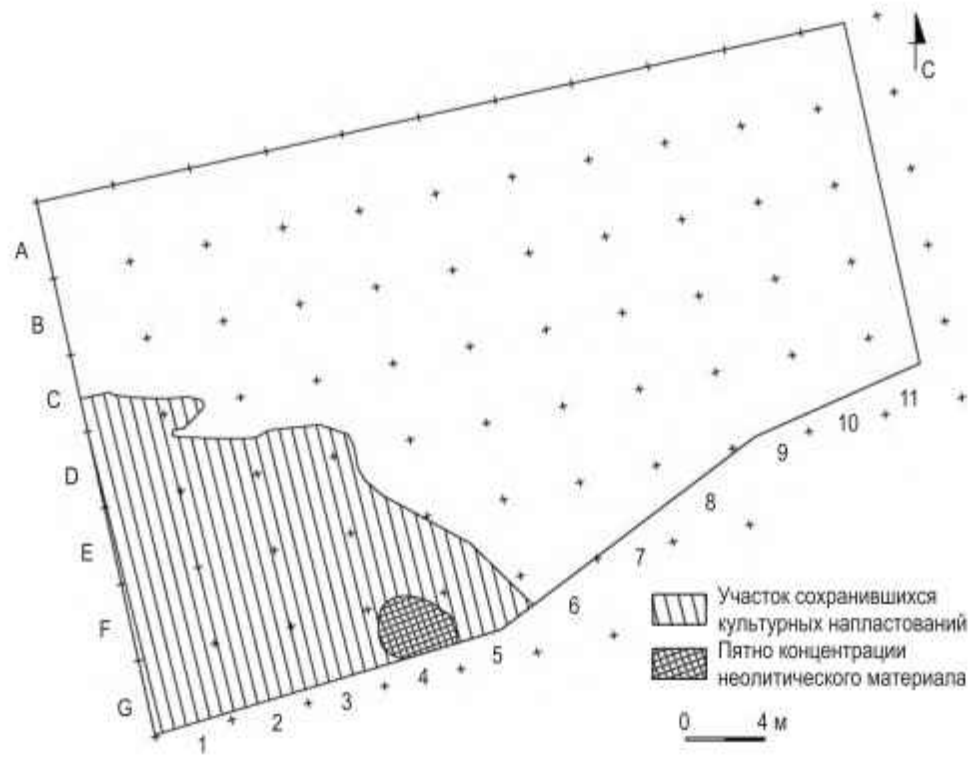

Рис. 2. Селище Мигалово-1. Схема участка с сохранившимися археологически изучаемыми культурными отложениями

Наличие кремнёвых изделий в слоях серой и жёлтой супеси с запада и востока от слоя светло-жёлтого песка свидетельствует о том, что неолитический культурный слой мог быть частично нарушен, возможно, водными процессами (об этом выводе свидетельствует наличие сильно окатанных артефактов).

Таким образом, на селище были зафиксированы следы, свидетельствующие как минимум о трёх этапах активного хозяйственного освоения территории: в неолите, в позднем Средневековье и в Новое время.

Неолитический материал

Неолитический материал (рис. 3, 4), обнаруженный на памятнике, представлен кремнёвыми отщепами, сколами, пластинами и пластинками, орудиями, а также несколькими фрагментами керамики.

В крёмневой коллекции присутствует весь цикл расщепления кремня (табл. 1). Есть первичные отщепы и отщепы с участками корки (1032 экз.), сколы подправки фронта нуклеусов (9 шт.), сколы формирования бифасиальных орудий (возможно, сколы утончения) (11 шт.). Нуклеусы в коллекции не выявлены, имеются лишь нуклевидные осколки и фрагменты (8 шт.). По всей видимости, технология расщепления была направлена на получение отщепов (около 70 % всей представленной коллекции), реже пластин. Трасологический анализ материалов не проводился.

Представлены несколько категорий орудий: 1) скобели (4 экз.) (рис. 3: 8); 2) ножи (2 экз.) (рис. 3: 4); 3) концевые скребки (3 экз.) (рис. 3: 2); 4) угловые (3 шт.) (рис. 3: 5) и ретушные (1 шт.) резцы; заготовки двусторонних, вероятно рубящих, орудий (7 экз.) (рис. 3: 7, 9, 10). Морфологически выделенной серии орудий нет. Скребки, ножи и скобели изготовлены в основном на отщепах.

Отдельно следует выделить несколько фрагментов трёх кремнёвых наконечников (два – наконечников стрел, один – наконечника дротика или копья):

1) вентральный фрагмент двусторонне обработанного наконечника стрелы тёмно-серого цвета со струйчатой ретушью, линзовидного сечения (рис. 4: 1);

2) проксимальный фрагмент двусторонне обработанного наконечника стрелы коричневого цвета со струйчатой ретушью, вероятно, иволистой формы; имеет линзовидное сечение (рис. 4: 2);

3) проксимальный фрагмент двустороннео бработанного наконечника дротика или копья бежевого цвета; вероятно, изделие сломано по причине вкраплений кварцитов в центре излома (рис. 4: 3).

В коллекции представлены несколько видов сырья разного цвета (табл. 2). Выделяются артефакты, изготовленные из коричневого (54 %), тёмно-серого с вкраплениями (8 %) кремня, цветовой диапазон которого колеблется от серого до бежевого (25 %), бордового (11 %), а также изделия из фиолетового (сиреневого) кремня (2 %). Наибольший интерес представляет последняя категория. Возможно, источником данного

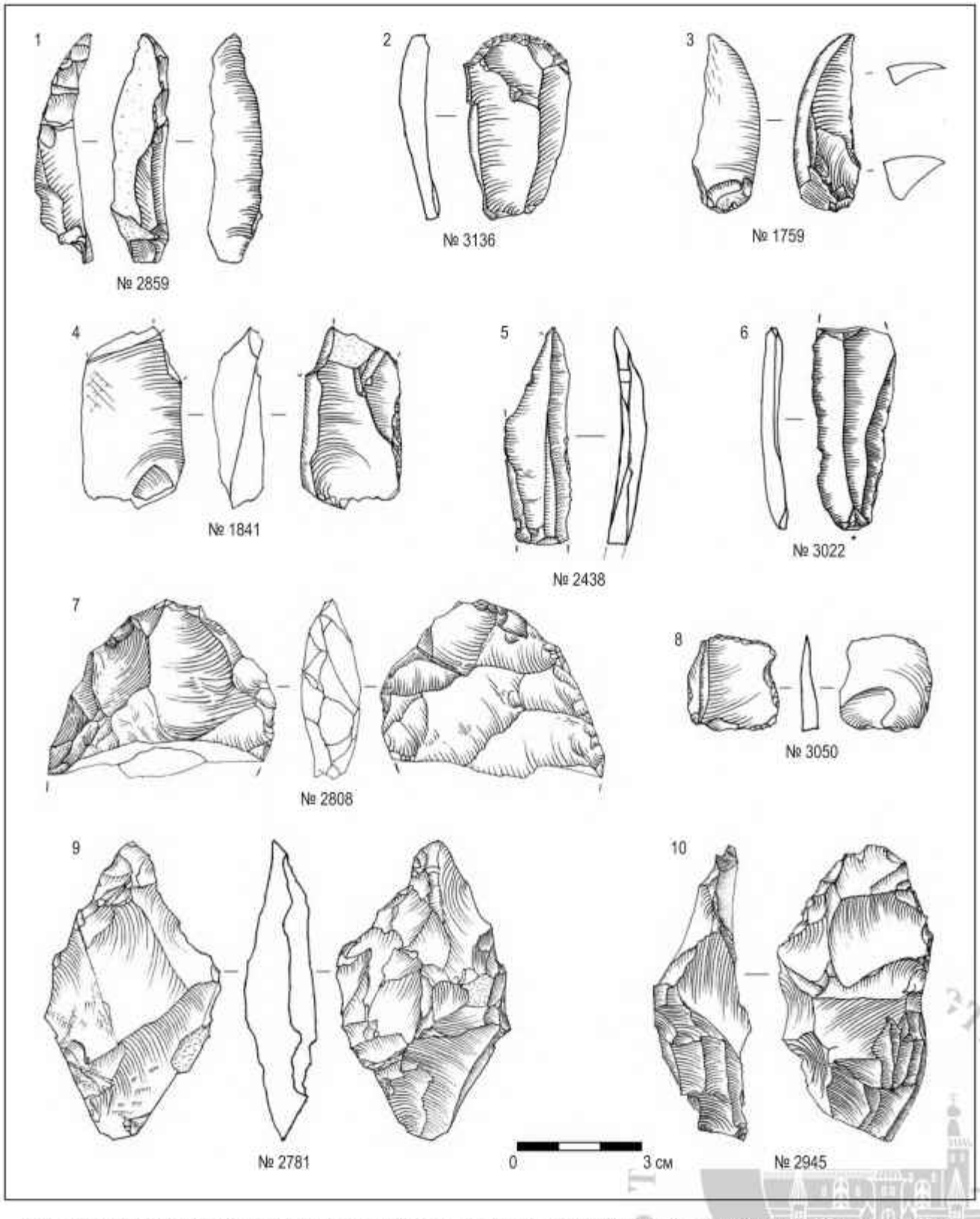

Рис. 3. Селище Мигалово-1. Кремнёвые орудия: 1 – реберчатая пластина; 2 – концевой скребок; 3 – угловой скол с площадки нуклеуса с частичной нерегулярной ретушью; 4 – нож; 5 – резец; 6 – пластина с ретушью; 7 – фрагмент двусторонне обработанного орудия; 8 – скобель; 9, 10 – заготовки бифасиальных орудий

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

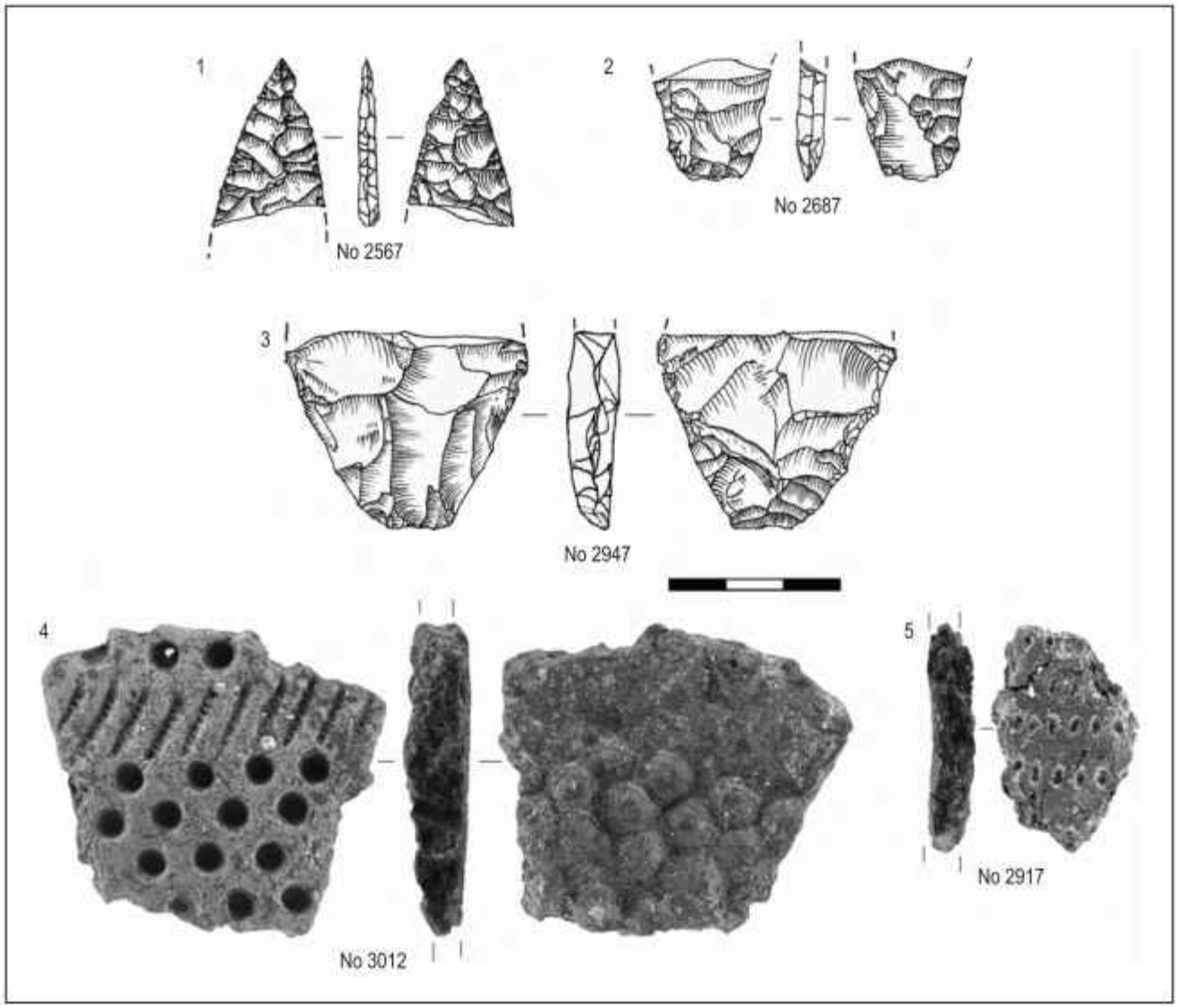

Рис. 4. Селище Мигалово-1. Кремнёвые орудия и фрагменты керамических сосудов: 1, 2 – фрагменты наконечников стрел; 3 – фрагмент наконечника дротика или копья; 4, 5 – фрагменты керамических сосудов льяловской культуры

вида кремня являются отложения из селижаровских или старицких месторождений [3, с. 99; 4, с. 419–432]. Анализ кремнёвых артефактов свидетельствует о том, что основным видом сырья служил местный валунный кремень.

Большое количество артефактов (около 40 %) несёт на себе следы пребывания в огне. Часть материалов (5 экз.) сильно окатана. На некоторых артефактах (отщепы, фрагменты пластин) присутствует мелкая нерегулярная ретушь, предположительно от утилизации.

Керамика немногочисленна. Всего обнаружены 9 фрагментов стенок лепных сосудов. Из них культурную принадлежность можно определить для двух фрагментов (рис. 4: 4, 5) сосудов льяловской культуры [5]:

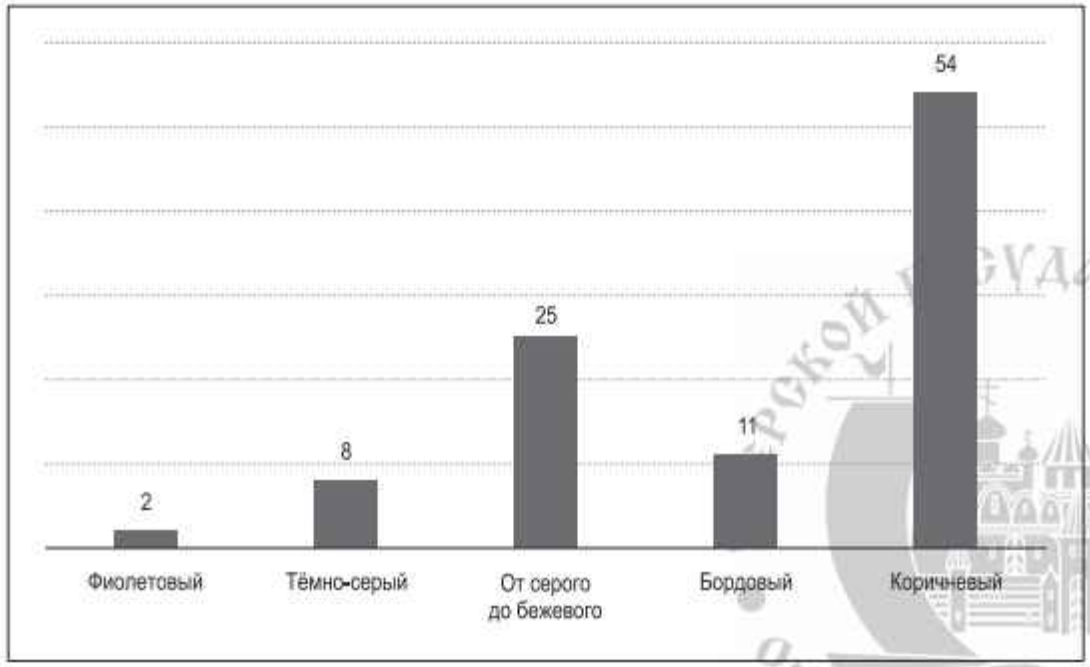
1) фрагмент стенки сосуда с обильной примесью дресвы, плотный, хорошо обожжён, изготовлен в лоскутной технике, поверхность заглажена до нанесения орнамента; форму сосуда восстановить невозможно; орнаментация представлена глубокими ямками, расположенными в шахматном порядке, а также горизонтальным рядом гребенчатых оттисков, который делит на зоны ямочный орнамент; на внутренней стороне фрагмента видны «жемчужины» от ямок;

2) фрагмент стенки сосуда с обильной примесью дресвы, плохо обожжён, изготовлен в лоскутной технике, лоскут, располагавшийся на внутренней стенке сосуда, отсутствует; форму сосуда восстановить не-

Таблица 1. *Кремнёвые изделия каменного века с селища Мигалово-1*

	Технологическая группа	Количество находок	% от данной категории	% от общего количества изделий
I	Нуклевидные осколки	8	22,86	0,54
	Реберчатые пластины	2	5,714	0,135
	Скол подправки фронта нуклеуса	9	25,71	0,61
	Скол формирования орудия	11	31,43	0,74
	Отщепы с ныряющим окончанием	2	5,714	0,135
	Реберчатые сколы	2	5,714	0,135
	Резцовый скол	1	2,86	0,068
	Всего:	*35*	*100*	*2,36*
II	Пластины и фрагменты	57	4,06	3,85
	Отщепы и фрагменты	1032	73,56	69,68
	Осколки	140	9,98	9,45
	Чешуйки	174	12,40	11,75
	Всего:	*1403*	*100*	*94,73*
III	Скребки и фрагменты	3	6,98	0,20
	Скобели	4	9,30	0,27
	Наконечники стрел, дротика/копья, фрагменты	3	6,98	0,20
	Бифасиальные изделия и заготовки	7	16,28	0,47
	Отщепы и фрагменты с ретушью	12	27,91	0,81
	Ножи	2	4,65	0,14
	Пластины и фрагменты с ретушью	6	13,95	0,41
	Резцы	4	9,30	0,27
	Сколы с ретушью	2	4,65	0,14
	Всего:	*43*	*100*	*2,91*
	Итого:	**1481**	**100**	**100**

Таблица 2. *Селище Мигалово-1. Кремнёвый комплекс. Цвет использованного сырья (в % от общего количества)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

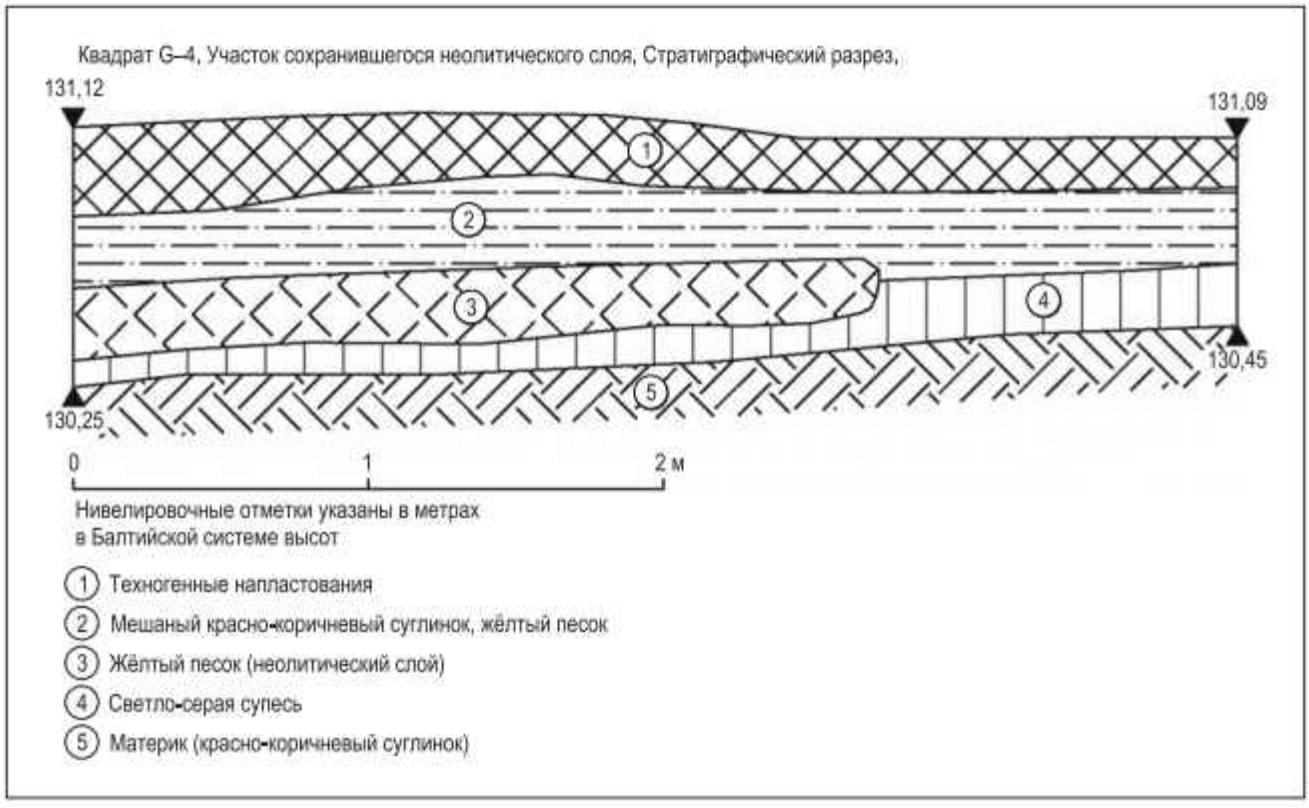

Рис. 5. Селище Мигалово-1. Раскоп 2019 г. Квадрат G–4. Стратиграфия отложений на участке с выявленным неолитическим слоем

возможно; орнаментация представлена горизонтальными рядами оттисков мелкой короткой гребёнки, расположенными друг под другом.

В целом, технико-типологический облик изученной кремнёвой коллекции и возможность ремонтажа процесса изготовления орудий позволяет сделать вывод о гомогенности данного комплекса. Большинство артефактов концентрируется в южной части кв. G–4 (5–7-й условные горизонты, высотные отметки от 130,40 до 130,20 метров по Балтийской системе высот). Более половины кремнёвых изделий концентрируется в слое жёлтого песка, который прослеживается только в квадрате G–4 в условном горизонте 6 (рис. 5). Наличие кремнёвых артефактов в слоях серой и жёлтой супеси с запада и востока от слоя светло-жёлтого песка свидетельствует о том, что культурный слой был частично нарушен.

Большой процент кремнёвых отходов производства, выявленных на памятнике, позволяет считать, что расщепление камня происходило на месте. Для изготовления орудий использовался местный кремень различных оттенков (от тёмно-серого до бежевого), реже встречается привозной – с фиолетовым оттенком. Орудийный набор невыразителен, выявленные изделия имеют аналоги в кремнёвых коллекциях льяловской культуры [6; 7; 8; 9; 10].

Ближайшие аналогии прослеживаются среди материалов многослойных поселений Озерки 5 и Озерки 17, расположенных в 20 км от селища Мигалово-1 (работы М.Г. Жилина). На Озерецком торфянике были выявлены около 20 стоянок мезолита и неолита [11]. Аналогичный фрагмент с ямочно-гребенчатым орнаментом с поселения Озерки 17 (II культурный слой) был продатирован с помощью радиоуглеродного метода. Получена дата, которая согласуется со временем бытования архаичного этапа льяловской культуры, – 5693±29 BP (4603–4458 cal BC) (KIA–39307) [12, p. 1042; 13, с. 171].

Таким образом, в ходе исследований на селище Мигалово-1 были выявлены культурные отложения трёх эпох: позднего каменного века, позднего Средневековья и Нового времени. Неолитическая коллекция представлена единичными фрагментами керамики и кремнёвыми изделиями – наконечниками, скобелями, скребками, резцами, а также отходами их производства. Несмотря на сильное разрушение памятника в XX в., селище Мигалово-1 представляет собой многослойный объект, дающий представление об этапах освоения территории в течение нескольких важных для археологии и истории эпох[1].

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН № FMZF-2022-0017 и FMZF-2022-0019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Паспорт памятника «Селище Мигалово-1, XV–XVII вв. н.э.», составлен 20 июня 1996 г. // Архив ГУГООКН Тверской области.
2. *Дементьев Е.А.* Акт полевого археологического обследования земельного участка по ул. Громова, д. 22, корп. 2, в Пролетарском районе г. Твери. Кадастровый номер 69:40:0300347:60. // Архив ГУГООКН Тверской области.
3. *Селиванова Н.Б.* Методика определения источников кремня для археологических памятников // Reports. IIIrd seminar of petroarchaeology. Plovdiv, 27–30 August, 1984, Bulgaria / Eds. K.S. Kunchev, I.K. Nachev, N.T. Tcholakov. Plovdiv, 1984.
4. *Синицына Г.В., Колокольцев В.Г.* Кремнёвое сырьё в материалах стоянок-мастерских Подол III/1 и Вышегора I на водоразделе Волги и Днепра // ТАС. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2018.
5. *Энговатова А.В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 1998.
6. *Жуков Б.С.* Неолитическая стоянка близ с. Лялово Московского уезда // Труды Антропологического института МГУ. Вып. 1. Приложение к Русскому антропологическому журналу. Т. XIV. Вып. 1–2. М., 1925.
7. *Раушенбах В.М.* Неолитические стоянки Верхней Клязьмы // Труды ГИМ. Вып. XXII. 1953.
8. *Краснов Ю.А., Краснов Н.А.* Новые памятники льяловской культуры // СА. 1959. № 1.
9. *Розенфельдт И.Г.* Неолитические стоянки на Тростенском озере // КСИА. Вып. 97. 1964.
10. *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
11. *Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья. М., 2006.
12. *Hartz, S., Kostylevo, E., Piezonka, H., Terberger, T., Tsydenova, N., Zhilin, M.* Hunter-Gatherer Pottery and Charred Residue Dating: New Results on Early Ceramics in the North Eurasian Forest Zone // Radiocarbon. Vol. 54. Iss. 3–4. 2012.
13. *Жилин М.Г.* О радиоуглеродных датах слоев раннего и среднего неолита некоторых торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э.: кол. моногр. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск, 2016.

ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН», Санкт-Петербург

E.S. Tkach, K.V. Khludnev

THE COLLECTION OF FLINT ARTIFACTS FROM ARCHAEOLOGICAL MONUMENT "ANCIENT VILLAGE MIGALOVO-1, XV–XVII CENTURIES A.D." IN TVER CITY

Summary

The article presents materials of the flint collection obtained during the excavation in Migalovo-1 ancient village in 2019. In total, it has 1481 artifacts. Most of the collection is represented by flint flakes, chips and plates. Scrapers and arrowheads, incisors were also found. Pottery collection includes several fragments of ceramics. The closest analogies are traced among the materials of the multilayer settlements Ozerki 5 and Ozerki 17, belonging to the Lyalovo culture.

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065, Russia
E.S. Tkach – E-mail: evgeniiatkach@gmail.com
K.V. Khludnev – E-mail: kkhludnev@gmail.com

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В.А. Аверин, А.В. Аверина, Д.А. Хавина

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА БАССЕЙНА Р. ТЕЗЫ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представленная статья посвящена истории изучения памятников каменного века бассейна р. Тезы в Ивановской области, начавшегося почти столетие назад. Даётся географическая характеристика указанной территории, описываются открытые и исследованные раскопками памятники, приводятся данные о работавших здесь исследователях. Внимание уделяется результатам мониторинга состояния памятников, проведённого в конце 1980-х гг. в рамках подготовки издания «Археологическая карта России. Ивановская область». Рассматриваются перспективы работы со «старыми» коллекциями, оценивается степень их информативности.

DOI: 10.70203/7955.2024.43.46.005

Изучение памятников археологии каменного века в Ивановской области имеет почти вековую историю. За это время было открыто несколько десятков стоянок и поселений, часть из которых исследовалась раскопками на значительных площадях. В данной работе мы рассмотрим историю изучения каменного века бассейна одной из основных водных артерий Ивановской области – р. Тезы. Именно здесь были открыты первые в регионе памятники рассматриваемого периода, впоследствии подвергшиеся широкомасштабному изучению.

1. Географическая характеристика рассматриваемой территории

Река Теза полностью протекает по Ивановской области, по территории Приволжского, Родниковского, Ивановского, Шуйского, Савинского, Южского районов. На ней расположены крупные населённые пункты: г. Шуя, пос. Каминский, сёла Дунилово, Хотимль и Холуй. Длина реки – 192 км, она является левым притоком р. Клязьмы, которая, в свою очередь, впадает в Оку. Начинается Теза небольшим ручейком в лесах Приволжского района (Козловское болото), в 12 км к югу от русла Волги. Ширина реки в верхнем течении составляет 6–7 м, в среднем – около 8–10 м, а в нижнем – до 30 м. Русло извилистое, высота берегов постепенно повышается. Падение реки составляет 64 м, а средний уклон – 0,33 м на 1 км. Ниже г. Шуи сток реки зарегулирован деревянными шлюзами, построенными по указу Петра I, который, однако, был реализован лишь в 1834–1837 гг. С постройкой шлюзов Теза стала судоходной и являлась таковой до 1994 г.

Современная долина реки имеет сложное строение. По отношению к древней она смещена на запад и юго-запад, а в верховье – на восток. И только на участке Шуя – Каминский она полностью унаследовала древнюю долину. Южнее г. Шуи её берега почти на всём своём протяжении асимметричны. Более крутой – левый коренной склон, который на многих участках (Сергеево, Красноармейское) подмывается, является обрывистым и хорошо обнажённым. В долине хорошо развиты первая и вторая надпойменные террасы, особенно в правобережной части. Глубина вреза долины Тезы колеблется от 6 до 32 м, а её ширина по днищу – от 0,5 до 5 км; при впадении в Тезу р. Люлех, где развиты первая и вторая надпойменные террасы, её ширина достигает 8–9 км. Русло реки сильно меандрирует, поэтому пойма развита не повсеместно. В пойме среднего и особенно нижнего течения много заводей, стариц и карстовых озёр.

Притоки Тезы – малые реки Ундер (Унгаро), Люлех, Себирянка, Внучка, Сальня, Тюних, Сеха (Белые Камышки), Мардас, Молохта, Парша, Лемешок, Вондыга (Вязовка), Нозыга, Постна, Межица.

Площадь бассейна составляет 4354 кв. км – это 20,4 % территории области (рис. 1). Он вытянут с севера на юг, расположен в районе Ивановской остаточной волнистой равнины, нижней своей частью – в районе устья – Клязьминской низины, характеризуется равнинным, слегка волнистым рельефом. Бассейн находится в южной части почвенной подзолистой зоны; преобладают средние и лёгкие суглинки различной степени оподзоленности. Преобладанием супесчаных и песчаных почв характеризуется низовая часть бассейна Тезы. Бóльшая часть водосбора покрыта смешанными лесами. Болота разбросаны по всей территории небольшими массивами и встречаются как на водоразделах, так и в долинах рек [1; 2].

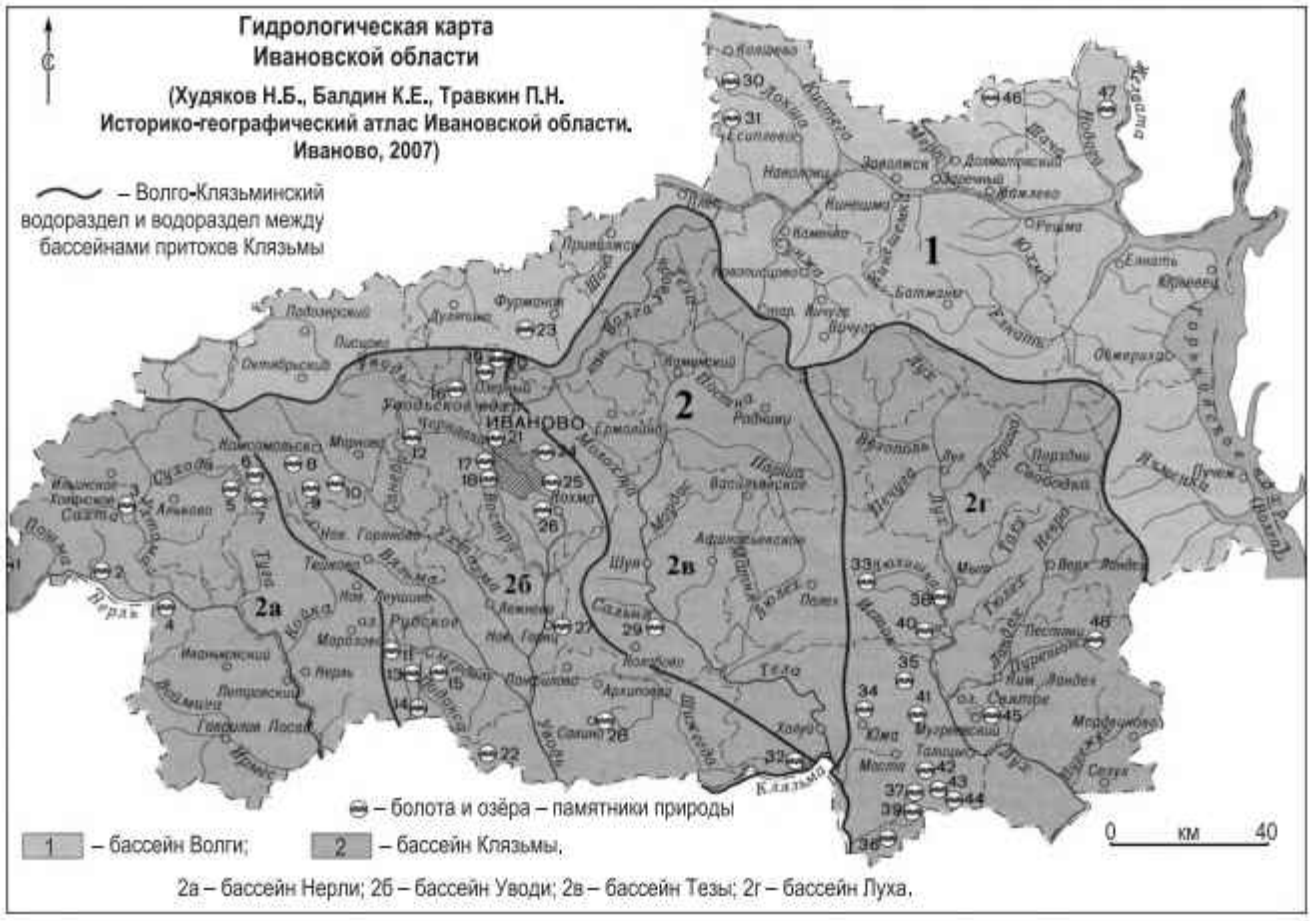

Рис. 1. Гидрологическая карта Ивановской области

2. История открытия и полевого изучения памятников археологии каменного века на рассматриваемой территории

Начало археологическому изучению памятников каменного века рассматриваемой территории было положено в 1926 г., когда Б.Н. Граков провёл археологическую разведку, в ходе которой обнаружил кремнёвые изделия и лепную керамику на дюне между с. Холуй и с. Мордовское Южского района – так называемой горе Завьялке [3]. Б.Н. Граков, тогда ещё молодой археолог, аспирант РАНИОН, был приглашён в Иваново Иваново-Вознесенским губернским обществом краеведения.

После разведки 1926 г. эти места более 30 лет не привлекали внимания археологов. Вновь местонахождения Б.Н. Гракова по поручению Д.А. Крайнова обследовала в 1961 г. лаборант Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР М.П. Зимина (в те годы – Шахматова). Ею была собрана небольшая коллекция орудий среднего каменного века, но, к сожалению, она не фиксировала эти находки точно на местности, а просто собирала на пашне артефакты [4]. Спустя три года дюны осмотрел научный сотрудник ИА АН СССР Л.В. Кольцов. Собирая подъёмный материал, он фиксировал точки сборов. В итоге мест скопления находок оказалось восемь, но его в большей степени заинтересовала коллекция, ранее собранная М.П. Зиминой. Сам он это место осмотреть не смог, поскольку участок был засеян рожью. Тем не менее он опубликовал материалы сборов 1961 г. как «первую мезолитическую стоянку в бассейне Клязьмы», назвав её «Мордовское 1» [5]. К мезолиту им также были отнесены два местонахождения 1964 г., обнаруженные близ с. Мордовское.

В 1969 г. работы по обследованию правого берега в нижнем течении р. Тезы предприняла сотрудница Ивановского областного краеведческого музея Е.М. Молодцова, осуществлявшая их до 1974 г. включительно. Эти исследования стали частью комплексных работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР, проводившихся в те годы на территории Волго-Окского междуречья, и осуществлялись при поддержке Ивановского отделения ВООПИК. Ниже мы кратко опишем результаты её полевых изысканий за указанный период.

В первый год разведок на дюнах у с. Мордовское Е.М. Молодцовой обнаружены 13 местонахождений кремнёвого инвентаря, без керамики. Они были предварительно датированы мезолитическим временем.

Объединенный музей

В самóм селе зафиксированы 5 местонахождений неолита. Также подъёмный материал эпохи камня собран в 4 пунктах на оз. Алексеевское и на низком мысу в устье р. Тезы [6].

В следующем, 1970 г. Е.М. Молодцова продолжила разведочные работы в среднем и нижнем течении Тезы – открыла несколько местонахождений предметов каменного века у д. Польки и д. Егорий Шуйского района и в местечке Борок у с. Холуй, 7 пунктов с кремнёвым инвентарём у д. Нагорново и 2 пункта – у д. Сергеево в Южском районе. У с. Мордовское (Южский район), на берегу заболоченного старичного оз. Поповское, ею обнаружен новый памятник – стоянка Поповка. Небольшой раскоп (12 кв. м) дал многочисленный кремнёвый инвентарь, позволивший предварительно датировать её мезолитическим временем.

Одновременно с разведками Е.М. Молодцова провела рекогносцировочные раскопки нескольких уже известных памятников. На одном из местонахождений, выявленных годом ранее на оз. Алексеевское (стоянка Алексеевская 1), был заложен раскоп площадью 16 кв. м. Полученный материал имел «мезолитический облик», однако «в картину» не вписывались фрагменты «толстостенной с примесью песка керамики без орнамента». На стоянках Мордовское 4 и 6 (номера памятников соответствуют номерам выявленных ранее местонахождений подъёмного материала на дюнах у одноимённого села) заложены раскопы площадью 8 и 12 кв. м соответственно. По итогам раскопок стоянка Мордовское 4 датирована мезолитом, а Мордовское 6 отнесена к неолиту. Выразительные неолитические материалы были получены из раскопа (20 кв. м), заложенного на «горе Завьялке» – местонахождении, открытом ещё Б.Н. Граковым в 1926 г. Находки представлены кремнёвым инвентарём, изделиями из кости и «многочисленными обломками орнаментированной керамики необычного типа. Такая керамика на территории Ивановской области встречается впервые» [7].

В 1971 г. Е.М. Молодцова открыла ещё 10 местонахождений с кремнёвым инвентарём в бассейне р. Тезы: 7 из них у дд. Тарантаево, Соино и Реброво в Южском районе и ещё 3 – в 1,5 км к северу от железнодорожного моста через р. Постну в Родниковском районе.

Также она продолжила раскопки ранее выявленных памятников у с. Мордовское. На стоянках Мордовское 2–7 заложены раскопы (кв. м): нет данных по площади (стоянки 2, 3), 36 (стоянка 4), 12 (стоянка 5), 40 (стоянка 6), 16 (стоянка 7). Все эти памятники она датировала мезолитическим временем, отмечая наличие примеси материалов неолита и эпохи бронзы. Ещё 120 кв. м были вскрыты на неолитической стоянке Завьялка. Вновь отмечено присутствие не известной на тот момент в Ивановской области керамики [8].

В 1972 г. Е.М. Молодцова сосредоточилась на раскопках разрушающихся стоянок в окрестностях с. Мордовское. На стоянке Мордовское 4 ею вскрыто 104 кв. м. Исследовано жилище полуземляночного типа округлой формы, с очагом в центре и несколькими зольниками. За пределами жилища зафиксированы четыре кострища – два овальной формы и два – округлой. Полученные предметы (отщепы, ножевидные пластины и орудия на них) указывали на мезолитический возраст памятника, а в качестве неолитической «примеси» присутствовали всего 4 фрагмента толстостенной керамики с крупной дресвой в тесте, без орнамента. На стоянке Мордовское 6 исследованы 216 кв. м. Изучено жилище, край которого был зафиксирован ещё в предыдущем году. Оно также оказалось полуземляночного типа, имело округлую форму. В жилище прослежены 2 очага и три «отопительных зольника». В границы раскопа частично попали ещё 2 жилища, с очагами и несколькими хозяйственными ямами. Один очаг был обложен крупными камнями. По своим типологическим характеристикам полученный материал датирован мезолитическим временем. Третьим памятником, исследовавшимся в этом сезоне, стала Завьялка. В раскопе площадью 120 кв. м изучены 2 жилища округлой формы, с очагами, зольниками и хозяйственными ямами внутри. В заполнении выявленных объектов зафиксированы кремнёвые орудия, обломки орудий, заготовки и отходы производства, а также фрагменты керамики с примесью песка, шамота и дресвы в тесте. Керамика орнаментирована геометрическими фигурами (треугольники, ромбы). Сосуды в основном большого размера, с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, круглодонные. На северном участке раскопа исследовано погребение: костяк лежал на спине, головой на юго-запад, с руками, согнутыми в локтях; колени также слегка согнуты [9]. К сожалению, автор раскопок не делает никаких выводов о культурно-хронологической принадлежности полученного материала и исследованных объектов.

В следующем, 1973 г. исследования у с. Мордовское продолжились. На стоянке Мордовское 4 дополнительно вскрыты 68 кв. м. Изучены две хозяйственные ямы и три очага овальной формы. Раскоп на стоянке Мордовское 6 имел площадь 72 кв. м. Прослежены два очага круглой формы, два небольших зольника и хозяйственная яма. Каменный инвентарь на обеих стоянках оказался аналогичным полученному ранее. Дополнительные изыскания проведены и на стоянке Алексеевская 1 (вскрыты 12 кв. м). Наряду с микролитическим каменным инвентарём обнаружены 10 фрагментов керамики «красноватого цвета с примесью песка и шамота в тесте с накольчатым орнаментом». Орнамент образовывал узор в виде треугольников и ромбов. Исследовательница датировала памятник временем раннего неолита, не исключая при этом, что он мог быть впервые заселён в предшествующую эпоху. Значительный по площади раскоп – 240 кв. м – разбит на стоянке Завьялка. По данным Е.М. Молодцовой, культурный слой в раскопе этого года удалось разделить на два разновременных горизонта. Верхний содержал материалы развитого неолита – каменные орудия, изготовленные исключительно на отщепах, и керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом; с ним связаны три небольших зольника и несколько хозяйственных ям. Нижний горизонт характеризовался наличием орудийного комплекса на пластинах и тонкостенной керамикой с накольчатым орнаментом и примесью песка в тесте, что позволило автору раскопок отнести его к раннему неолиту и «говорить о существовании раннеолитической верхневолжской культуры» [10].

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В 1974 г. Е.М. Молодцова провела широкомасштабную разведку на территории Ивановской области. Её целью наряду с поиском новых объектов археологического наследия являлось установление современного состояния ранее выявленных памятников. В этом году она написала об открытии двух неолитических стоянок у д. Клочково Шуйского района, а также обследовала все ранее выявленные стоянки каменного века в Южском районе [11]. После 1974 г. Е.М. Молодцова больше не занималась полевыми исследованиями, полностью посвятив себя музейному делу, в том числе паспортизации открытых ею в предшествующие годы памятников.

Ещё два местонахождения, относящихся к интересующему нас периоду, на рассматриваемой территории выявлены П.Н. Травкиным. Надо сказать, что это было сделано не целенаправленно, а случайно. Так, в 1984 г. он проводил разведку в Шуйском районе с целью обнаружения средневековых селищ и на пашне у д. Захарово собрал предметы из кремня, которые датировал неолитом [12]. Спустя 20 лет в раскопе на Клочковском городище им же были обнаружены 62 кремнёвых предмета. Артефакты находились в переотложенном слое, но по своим технико-морфологическим характеристикам составляли явно один комплекс. Вещи были определены как мезолитические и спустя несколько лет опубликованы [13].

В 2005 г. у с. Мордовское Южского района сотрудниками Ивановской археологической экспедиции обнаружено ещё одно местонахождение – найдены кремнёвые отщепы и мелкий фрагмент ранненеолитической керамики [14].

3. Корректировка сведений об объектах археологического наследия рассматриваемой территории

В конце 1980-х гг. научный сотрудник ИА АН СССР К.И. Комаров приступил к работе по составлению археологической карты Ивановской области. Для актуализации сведений о выявленных памятниках археологии он совместно с руководителем Производственной группы по охране памятников при Управлении культуры Ивановской области А.В. Уткиным провёл их сплошной мониторинг. По итогам этого обследования часть объектов пришлось исключить из числа выявленных, поскольку обнаружить их не удалось (рис. 2). Либо эти памятники были разрушены в результате природных процессов и/или хозяйственной деятельности человека, либо (что, на наш взгляд, более вероятно) их выявление было неправомерным. Так или иначе, в археологическую карту Ивановской области, опубликованную в 1994 г., вошли лишь 7 памятников каменного века в Шуйском районе (стоянки у дд. Егорий, Захарово, Клочково, Польки) и 19 памятников этого же времени в Южском районе (стоянки и поселения у сёл Мордовское, Холуй, дд. Сергеево, Тарантаево) [15]. К сожалению, до настоящего времени границы данных памятников не определены. Коллекции и полевая документация находятся на хранении в Ивановском государственном историко-краеведческом музее (далее – ИГИКМ) им. Д.Г. Бурылина.

Стоянки у д. Варвариха и у моста на р. Постне в Родниковском районе, у д. Косячево в Шуйском районе, дд. Нагорново, Соино, Реброво, а также в устье р. Тезы в Южском районе тогда были исключены из списков выявленных объектов археологического наследия Ивановской области. Устье р. Тезы было вновь обследовано коллективом Ивановской археологической экспедиции в 2005 г. – признаков наличия там памятников каменного века обнаружено не было. По мнению исследователей, этот перечень следует дополнить несуществующими «и никогда не существовавшими» неолитическими стоянками у д. Клочково в Шуйском районе [13]. Достаточно резко высказался по этому поводу А.В. Уткин, один из соавторов вышеозначенной публикации: *«Однако неоднократные поиски их не увенчались успехом. Никаких неолитических стоянок близ Клочковского городища никогда не было. Это всего лишь больное воображение Е.М. Молодцовой. Не найдено также и первое Клочковское селище, «открытое» ею же тогда же. Поэтому эти три «памятника» следует исключить из государственного реестра культурного наследия и вычеркнуть из «Археологической карты России» как никогда не существовавших»* [13, с. 45]. В связи с вышесказанным нам бы хотелось обратить внимание на существенный момент. На часть памятников из приведённого выше списка исключённых объектов Е.М. Молодцовой в 1975 г. были составлены паспорта, в которых перечисляются найденные предметы и указывается, что коллекции хранятся в Ивановском областном краеведческом музее (ныне – ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина). Однако разыскать эти материалы в фондах музея (как и полевую документацию) не удалось. Были ли на самом деле эти памятники? Не ясно. Приводя данные факты, мы хотим показать, что, обращаясь к материалам и событиям столь большой давности, которые уже и сами являются достоянием историографии, всегда необходимо учитывать влияние человеческого фактора: где-то забыли, где-то слукавили, где-то искренне заблуждались…

4. Работа с источниками: что сделано

В результате описанных выше полевых исследований получен громадный массив археологических источников, бóльшая часть которого передана на хранение в ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Часть коллекций находится в фондах Ивановского областного художественного музея, а часть – в археологическом музее Ивановского государственного университета. К сожалению, полноценная научная обработка этих материалов так и не была проведена. В архиве ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина сохранились машинописные копии научных отчётов (к сожалению, не всех), полевые описи находок, чертежи планов и некоторые зарисовки, выполненные Е.М. Молодцовой. Имеются также паспорта памятников, составленные ею же в середине 1970-х гг., но они содержат очень скудные стандартизированные сведения. Отдельные индивидуальные находки были

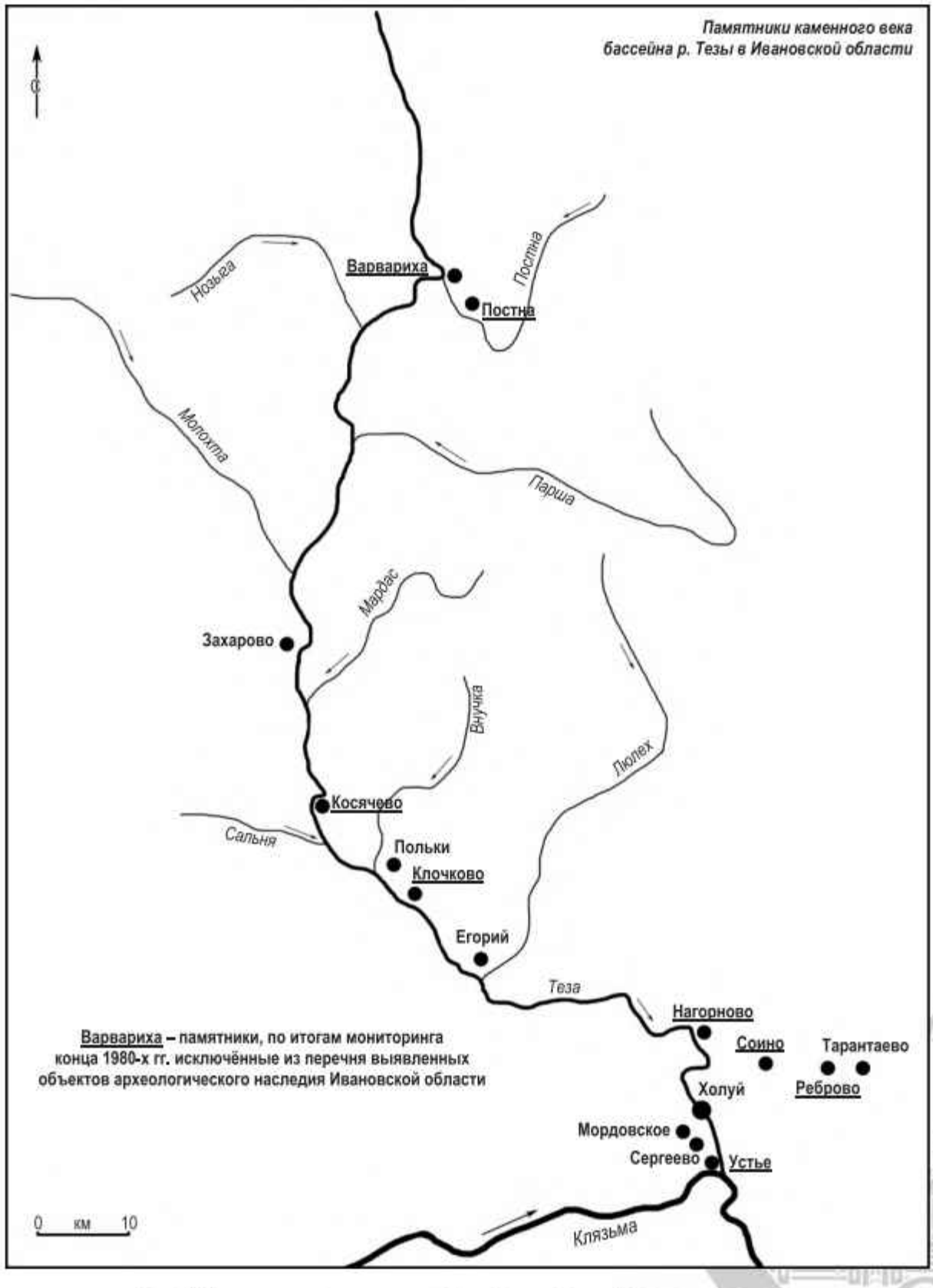

Рис. 2. Памятники каменного века бассейна р. Тезы в Ивановской области

представлены в археологической экспозиции музея, всё остальное лежит в запасниках и ещё ждёт своего исследователя.

Известно, что 1970-е гг. ознаменовались значительными достижениями в области изучения мезолита Волго-Окского междуречья, который до того времени большинством исследователей рассматривался как моно-культурный [16]. Однако увеличение источниковой базы позволило Л.В. Кольцову уже в начале 1970-х гг. говорить о наличии локальных вариантов в мезолите рассматриваемой территории. В своих трудах он частично использовал материалы памятников у с. Мордовское и с. Холуй (Алексеевские стоянки). Вместе со стоянками Горшиха (Нижегородская область), Елин Бор и Лягалин Бор (Владимирская область) он объединил их в Муромско-Тезскую локальную группу [17]. Но основным полигоном для исследований мезолита стала в тот период Тверская (в те годы Калининская) область. Именно на материалах памятников этого региона Л.В. Кольцов выделил бутовскую (1976 г.) и иеневскую (1977 г.) культуры [17].

Во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. в связи с разработкой мезолитической проблематики активно изучались Тверская, Московская и Ярославская области. Поиски памятников этой эпохи осуществлялись в Костромской и, в меньшей степени, Владимирской областях. С 1980-х гг. масштабные работы в данном направлении проводились и в Нижегородском Поволжье [19]. В Ивановской области в тот период небольшие исследования памятников мезолита велись только на Сахтышском торфянике [20] в Тейковском районе и в восточной части Южского района, в бассейне р. Лух [21].

В 1990-е гг. Ивановская область вновь оказалась в кругу интереса специалистов по мезолиту, однако теперь приоритет отдавался многослойным торфяниковым поселениям, находящимся на западе области (стоянки и поселения Становое 1, 4 в Комсомольском районе, Сахтыш 2а, 9, 14 в Тейковском районе), содержащим изделия из органических материалов [22].

Мезолитические коллекции, полученные в результате работ в бассейне р. Тезы в 1960–1970-е гг., оказались забытыми на долгие десятилетия. Они не были подвергнуты практически никакой (даже камеральной) обработке, а сами памятники, несмотря на значительные вскрытые площади, лишь вскользь упоминались в обобщающих трудах, посвящённых мезолиту Волго-Окского междуречья [23; 24].

Несколько больше «повезло» ранненеолитическим материалам, поскольку в годы полевых работ Е.М. Молодцовой изучение этого исторического периода было на пике актуальности. Известно, что до 1970-х гг. древнейшей неолитической культурой Волго-Окского междуречья считалась льяловская. Вместе с тем при раскопках стратифицированных памятников исследователям неоднократно попадалась керамика, стратиграфическое положение которой указывало на её бóльшую древность по сравнению с ямочно-гребенчатой [25]. В 1972 г., опираясь на материалы стоянки Ивановское 3 в Ярославской области и привлекая все накопленные к тому времени данные по сопредельным территориям, Д.А. Крайнов совместно с Н.А. Хотинским выделили новую культуру, получившую название «верхневолжская» [26; 27]. Верхневолжские материалы были обнаружены и в раскопах Е.М. Молодцовой на стоянках у с. Мордовское и с. Холуй, что, естественно, не могло не привлечь внимания исследователей к этим территориям и конкретным памятникам. Именно с целью дальнейшего пополнения источниковой базы для изучения новой культуры (ареал, хронология, периодизация и др.) закладывались большие раскопы там, где были обнаружены признаки её присутствия. Информация поступала в научный оборот, анализировалась [28; 29]. Некоторые памятники бассейна р. Тезы упомянуты в обобщающей публикации, характеризующей верхневолжскую культуру [25].

Что касается материалов более поздних периодов (развитый и поздний неолит), то, насколько нам известно, они на рассматриваемой территории специально не изучались. Полученные в ходе раскопок коллекции этих исторических периодов отправлялись в музейные фонды, где они и сейчас лежат необработанные.

Первая попытка обращения к коллекциям, полученным в результате работ на памятниках каменного века бассейна р. Тезы, исследовавшихся Е.М. Молодцовой в конце 1960 – начале 1970-х гг., была предпринята В.А. Авериным в процессе подготовки им кандидатской диссертации в начале 2000-х гг. Однако успехом это начинание не увенчалось – тогдашнее руководство музея отказало в доступе к коллекциям, мотивируя это отсутствием хранителя и предстоящей инвентаризацией фондов. Спустя несколько лет заявителю всё же удалось поработать с полевой документацией и рукописями отчётов Е.М. Молодцовой. Сами же коллекции так и остались вне доступа.

После смены руководства музея и замещения бывшей до этого вакантной должности хранителя археологических фондов в начале 2010-х гг. доступ к коллекциям стал постепенно появляться. Часть разрозненных материалов была систематизирована Е.Л. Костылёвой, оказывавшей научно-методическую помощь новому хранителю (в то время должность занимал А.С. Сердитов), о чём свидетельствуют сделанные её рукой подписи на коробках с кремнём и керамикой.

Н.А. Цветковой, работающей над кандидатской диссертацией, удалось обработать и опубликовать часть материалов исследований 1969, 1970 и 1973 гг. стоянки Алексеевская 1 [30; 31]. Памятник интерпретирован ею как однослойный ранненеолитический, хотя, по мнению В.А. и А.В. Авериных, этот вопрос может быть предметом дискуссии, прежде всего из-за специфики сырьевой базы. Совершенно нельзя исключать, что ранненеолитическая стоянка возникла на месте более ранней, мезолитической.

Иные попытки системной работы с коллекциями памятников каменного века бассейна р. Тезы, полученных в 1960–1970-х гг., хранящихся в музейных фондах ИГИКМ им. Д.А. Бурылина, нам не известны.

5. Перспективы «старых» коллекций

В приведённом выше обзоре мы постарались в хронологической последовательности представить историю археологического изучения такого географического микрорегиона, как бассейн р. Тезы в Ивановской области. В среднем и особенно нижнем течении эта река изобилует памятниками каменного века, которые, несомненно, являются ценным источником для изучения эпохи первобытности. Вместе с тем, несмотря на большой масштаб проведённых здесь в XX в. исследований, степень их «полезности» для науки на сегодняшний день близка к нулю. С одной стороны, описанным в статье памятникам «не повезло». Полученные в ходе их раскопок коллекции «мёртвым грузом» легли в запасники музеев, где и находятся уже более полувека. Большинство «добывавших» их археологов уже ушло из жизни, оставив после себя лишь фрагменты рукописей, полевую документацию (увы, не всегда полную), краткие, всего на несколько машинописных страниц, отчёты о полевых работах и небольшие заметки в «Археологических открытиях». Серьёзную проблему составляет соотнесение большинства открытых памятников (речь идёт в основном о местонахождениях, не подвергавшихся раскопкам) с конкретными участками местности, поскольку ситуационные и топографические планы глазомерные и не имеют чётких привязок. Не помогают в этом деле и старые фотографии – во-первых, потому, что они почти никогда не содержат необходимый антураж, а во-вторых, за прошедшие десятилетия виды местности кардинальным образом поменялись. Изменилась и топографическая ситуация – многие дюны распаханы и развеяны, мелкие старичные озёра заболочены. Единственными надёжными ориентирами являются церкви да в ряде случаев руины некогда успешно работавших предприятий. Среди местного населения сохранились лишь воспоминания, что «когда-то, в советское время, тут работали археологи». Ну и, конечно, методика полевых работ 1960–1970-х гг. существенно отличалась от современной (на этом основании некоторые исследователи делают вывод о полной бесперспективности работы со «старыми» коллекциями и их непригодности с источниковедческой точки зрения). На наш взгляд, это не совсем так, и ниже мы попытаемся обосновать свою позицию.

Самое главное, с нашей точки зрения, что коллекции не утрачены физически (а такое нередко случалось, особенно в конце XX столетия). Более того, значительная их часть так и не была распакована по приезду из поля. Вещи не перемешаны, упакованы по принципу пласт-квадрат, снабжены этикетками. По большей части сохранились полевые описи и фотографии индивидуальных находок. К сожалению, тогда в процессе раскопок не велась трёхмерная фиксация предметов, но, судя по данным из отчётов, раскопки производились методом зачисток по 5-сантиметровым пластам, а материал брался полностью, включая мельчайшие отщепы.

Конечно, такие исходные данные не дают возможности полностью реконструировать историю заселения территории и последующего функционирования памятников, но на ряд вопросов ответы всё-таки можно получить. Во-первых, изучение коллекции каменного инвентаря позволит выявить технику первичного расщепления кремня и установить способы вторичной обработки заготовок. Облик каменной индустрии, особенно при наличии «маркирующих типов» изделий, таких как, например, предметы охотничьего вооружения, поможет установить культурную принадлежность материала, а следовательно, и его относительную хронологию.

Очень важным источником является кремнёвое сырьё. Оно может быть важнейшим критерием для подтверждения единства комплекса или, наоборот, опровержения этого факта. Именно благодаря различиям в кремнёвом сырье ранее нам удалось разделить два разновременных комплекса – мезолитический и раннеолитический – на стоянке Ореховое 6, расположенной в нескольких километрах к западу от устья р. Тезы [32; 33]. Для разделения этих комплексов был взят ещё ряд критериев (технология, типология, планиграфия), но именно разница в сырье стала фундаментом, на котором всё было построено. Не будь этого фактора – остальное было бы недоказуемым. Учитывая количественные характеристики коллекций, полученных, скажем, из раскопок Мордовских или Алексеевских стоянок, выводы могут быть очень интересными. В этом отношении «старые» коллекции тоже представляются полезными.

В итоге отметим, что работу с «забытыми» материалами необходимо вести. Их обработка и систематизация позволят, на наш взгляд, получить новые данные и дадут возможность закрыть некоторые пробелы в первобытной истории не только микрорегиона, но и более широких территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Новичков Д.В.* Физическая география Ивановской области. Шуя, 2003.
2. *Худяков Н.Б., Балдин К.Е., Травкин П.Н.* Историко-географический атлас Ивановской области. Иваново, 2007.
3. *Граков Б.Н.* Краткий отчёт об археологическом обследовании по р. Тезе // Третий год деятельности Иваново-Вознесенского губернского научного общества краеведения за 1926 г. Иваново-Вознесенск, 1927.
4. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Древнейшие памятники археологии Южского района // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 1. «К 450-летию Южи». Иваново-Южа, 2006.
5. *Кольцов Л.В.* Первая мезолитическая стоянка в бассейне Клязьмы // СА. 1970. № 4.
6. *Молодцова Е.М.* Разведки в Ивановской области // Археологические открытия 1969 года. М., 1970.
7. *Молодцова Е.М.* Работы Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
8. *Молодцова Е.М.* Работа Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
9. *Молодцова Е.М.* Работа Шуйского отряда // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
10. *Молодцова Е.М.* Работа Шуйского отряда // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
11. *Молодцова Е.М.* Отчет о работе Шуйского отряда Верхневолжской экспедиции в 1973–1974 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 5812–5815. 1975.

12. *Травкин П.Н.* Отчёт о работе Разведочного отряда Верхневолжской экспедиции в Шуйском р-не Ивановской обл. в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10201. 1984.
13. *Несмиян О.А., Травкин П.Н., Уткин А.В.* Мезолитические находки с Клочковского городища на р. Тезе // Краеведческие записки. Вып. X. Иваново, 2007.
14. *Аверина А.В., Аверин В.А.* Результаты археологической разведки на территории Клязьминского заказника // Материалы областной краеведческой конференции. Т. 2. Владимир, 2007.
15. *Комаров К.И.* Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
16. *Кольцов Л.В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА. 1965. № 4.
17. *Кольцов Л.В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита // КСИА. Вып. 137. М., 1973.
18. *Крайнов Д.А., Кольцов Л.В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция: тезисы пленарных докладов. Л., 1979.
19. *Жилин М.Г.* Мезолитические памятники Нижегородского Поволжья // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Вып. 1. Горький, 1990.
20. *Крайнов Д.А., Лозовский В.М., Костылева Е.Л.* Мезолитическая стоянка Сахтыш 9 // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново, 1990.
21. *Уткин А.В.* Мезолитическая стоянка Малая Ламна 3 в бассейне р. Лух // СА. 1990. № 4.
22. *Жилин М.Г.* Работы Верхневолжской экспедиции на торфяниках в 1992–2002 гг. // КСИА. Вып. 215. М, 2003.
23. *Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Бутовская культура // Мезолит СССР. М., 1989. (Археология СССР)
24. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.
25. *Крайнов Д.А.* Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. (Археология СССР)
26. *Крайнов Д.А.* Исследования Верхневолжской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
27. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская раннеэнеолитическая культура // СА. 1977. № 3.
28. Древнейшая раннеэнеолитическая культура Верхнего Поволжья / *Д.А. Крайнов, Н.А. Хотинский, Ю.Н. Урбан, Е.М. Молодцова* // Вестник АН СССР. М., 1973. № 5.
29. *Костылёва Е.Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеэнеолитической культуры: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1987.
30. *Цветкова Н.А.* Стоянка каменного века Алексеевское-1 (по материалам раскопок 1969–1970 годов) // Археология: история и перспективы. Вып. 3. Ярославль, 2007.
31. *Цветкова Н.А.* Однослойные памятники раннего неолита Ивановской области // Материалы и исследования по археологии России и Белоруссии. Культурное взаимодействие древних сообществ конца VII–II тыс. до н.э. верховьев Западной Двины и Днепра (технологические и хозяйственные аспекты). Сборник статей. СПб., 2014.
32. *Аверин В.А., Аверина А.В.* Мезолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южском районе Ивановской области // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2013.
33. *Аверин В.А., Аверина А.В.* Раннеэнеолитический комплекс стоянки Ореховое 6 в Южском районе Ивановской области // Культурный слой: сборник научных статей. Вып. 4. Н. Новгород, 2016.

ООО «Ивановская Археологическая Экспедиция», Иваново

V.A. Averin, A.V. Averina, D.A. Khavina

STONE AGE MONUMENTS OF RIVER TEZA BASIN OF IVANOVO REGION: RESULTS AND RESEARCH PERSPECTIVES

Summary

The given article is dedicated to the history of monuments' study of the Stone Age in the river Teza basin of Ivanovo region, which began nearly 100 years ago. One can observe geographical characteristic of the territory given. The monuments discovered and explored by excavations are described. Information about researchers who worked there is given. Much attention is given to the results of the monitoring of the monuments' condition, which done it the end of 1980 during the preparation of the edition "Archaeological map of Russia. Ivanovo Region". The article deals with perspectives of works with "old" collections and the rate of their information content is evaluated.

«Ivanovo Archaeological Expedition» Ltd,
Flat 18, 10, Sovetskaya St., Ivanovo, 153000, Russia
Averiny – E-mail: iv-ae@yandex.ru

«The Burilin Ivanovo Museum of Local History»,
29, Sovetskaya St., Ivanovo, 153012, Russia
D.A. Khavina – E-mail: plusquam@mail.ru

В.Ю. Сюборов, Е.А. Борисевич, М.А. Комагорова

ДРЕВНЕЙШИЙ ЭТАП ОСВОЕНИЯ УРОЧИЩА «ПЕРЫНЬ» ПОД ВЕЛИКИМ НОВГОРОДОМ

В статье представлены результаты раскопок в урочище «Перынь» на южной окраине Великого Новгорода. В ходе работ были выявлены и исследованы остатки культового комплекса рубежа I–II тыс. н. э. и синхронные ему напластования, а также культурный слой поселения, существовавшего на территории урочища со Средневековья до наших дней.

Коллекция находок включает в себя пласт древностей (каменный инвентарь и лепная керамика), относящихся к более ранним периодам: позднему неолиту, позднему периоду эпохи бронзы. Анализ полученного материала позволил сделать вывод о том, что на месте урочища «Перынь» существовало поселение волховского типа позднего этапа бронзового века, разрушенное на исследованной территории в результате средневековой деятельности.

DOI: 10.70203/1147.2024.63.39.006

Урочище «Перынь», известное также как Перынский Скит, располагается на южной окраине г. Великий Новгород, на левом берегу р. Волхов, у её истока из оз. Ильмень (рис. 1). Оно занимает поросший соснами холм с плоской вершиной, абсолютные отметки которого колеблются в пределах 19,0–26,0 м БСВ. На карте четвертичных образований района [1] видно, что этот холм является частью гряды, вытянутой субмеридионально вдоль западного побережья оз. Ильмень и левого берега р. Волхов от д. Курицко до Великого Новгорода. В северном направлении продолжение этой гряды можно проследить на правом берегу р. Волхов вдоль русла р. Малый Волховец. Продолжение песчаного образования показано на карте и под водой, вплоть до устья р. Шелонь. По мнению её составителей, гряда является дельтой вреза праВолхова, которая была заложена, вероятно, ещё во времена деградации последнего Валдайского оледенения по отложениям внутриледниковых озёр и потоков, образовавшихся в крупной ледниковой трещине.

Впервые топоним «на Перуни» фиксируется в письменных источниках под 1386 г. в связи с сожжением расположенного здесь монастыря [2, с. 346]. Деревня/пустошь Перыни, принадлежащая Перынскому Богородицкому монастырю, известна по Писцовым книгам XV–XVI вв. [3, с. 22, 82]. Уже к XVII в. местные предания связывали такое название с именем славянского языческого бога грома Перуна [4, с. 80–81]. Восходят же эти легенды к сообщению комиссионного списка младшего извода Новгородской первой летописи, которая под 980 г. сообщает, что «пришед Добрыня к Новугороду, постави Перуна кумир над рекою Волховом» [5, с. 129].

В 1671 г. Перынский Богородицкий монастырь был присоединён к Юрьеву монастырю и в XVIII в. упразднён [6, с. 29–30]. На его территории в 1828 г. был основан скит, действовавший до своего упразднения в 1920 г. [7, с. 383]. В 1991 г. территория была передана Русской православной церкви, в настоящее время здесь располагается Перынский Рождества Богородицы скит Юрьева монастыря. Древнейшей сохранившейся монастырской постройкой является каменный храм Рождества Богородицы (сооружён в первой трети XIII в.) [6, с. 36].

Интерес к расположенному под Новгородом урочищу как возможному месту расположения святилища Перуна появился у исследователей в первой половине XIX в. [8, с. 27]. Однако первые археологические раскопки на территории урочища были проведены лишь в 1948 г. отрядом Новгородской археологической экспедиции под руководством А.Ф. Медведева [9], в 1951–1953 гг. работы были продолжены под руководством В.В. Седова [10; 11; 12]. В итоге на площади около 3000 кв. м были изучены погребения некрополя скита XIX – начала XX в., культурный слой монастыря и поселения XII–XV вв. Но главным итогом работ стал выявленный культовый комплекс, датированный X – нач. XI в., представляющий собой несколько кольцеобразных ровиков. Самый первый из них был интерпретирован как языческое святилище бога Перуна [13; 14]. Данная гипотеза закрепилась в научной литературе и была поддержана большинством исследователей. В 1990-х годах относительно данной интерпретации возникла дискуссия. Независимо друг от друга и фактически одновременно В.Я. Конецким [15] и Л.С. Клейном [16] было выдвинуто предположение, что в 1951–

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

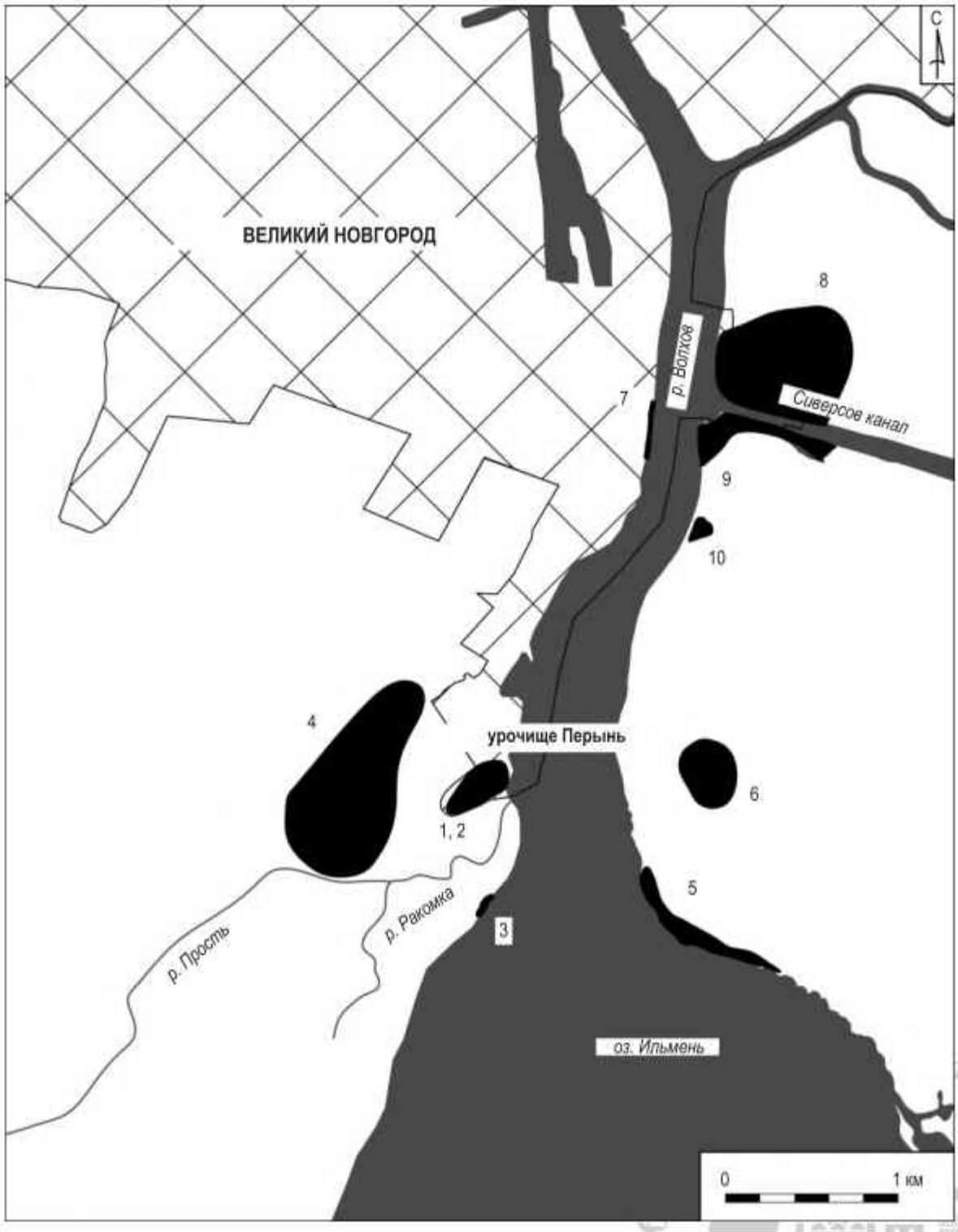

Рис. 1. Урочище «Перынь» и ближайшие к нему объекты культурного наследия, на которых фиксировались материалы неолита – позднего периода эпохи бронзы:

1 – древнеславянское святилище «Перынь» (дата создания/возникновения не определена); 2 – ур. Перынь, селище, VIII–XIII вв.; 3 – ур. Перынь (Стрелка), стоянка I, стоянка II (I тыс. до н. э.); 4 – ур. Перынь (Прость), селище, кон. II–I тыс. до н. э., кон. I тыс. н. э. – XV–XVI вв.; 5 – б. д. Коломцы, стоянка I, стоянка II (III–II тыс. до н. э.); 6 – Шиловка, селище II (VIII–XIII вв.); 7 – Юрьево, стоянка (I тыс. до н. э.); 8 – Рюриково городище, XII–XV вв.; 9 – Рюриково городище, стоянка (III–II тыс. до н. э.); 10 – Поселение напротив Юрьева монастыря (кон. II–I тыс. до н. э.)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

1953 гг. В.В. Седовым были открыты не следы святилища, а материковые останцы сопок – погребальных памятников древних славян, снивелированных ещё в древности.

В 2022 г. благодаря планам Новгородской епархии устроить на территории Перынского скита монастырское кладбище появилась возможность вновь вернуться к исследованию этого памятника. По согласованию с епископом Юрьевским Арсением были заложены два раскопа, целью которых являлось установление границ раскопов середины XX в. (рис. 2).

Раскоп I площадью 30 кв. м заложен в 50 м к ЮЮЗ от Храма Рождества Богородицы с таким расчётом, чтобы захватить один из углов раскопа 1952 г., а также часть II кольцеобразного ровика.

Раскоп II площадью 4 кв. м заложен в 30 м к Ю от храма, в 2 м к Ю от раскопа 1948 г. (прирезаться вплотную к раскопу не позволили деревья), в неисследованной части I кольцеобразного ровика, который В.В. Седов интерпретировал как святилище Перуна.

Раскопы были разбиты на квадраты 1×1 м, нумерация начинается с северо-западного угла и далее идёт слева направо и сверху вниз. В качестве условной нулевой отметки взята величина 27 м над уровнем моря в Балтийской системе высот. Привязка раскопов к системе координат осуществлена с помощью ГНСС-приёмника. Фиксация стратиграфии и планиграфии на раскопе осуществлялась с помощью фотограмметрии.

Культурный слой снимался пластами по 10 см. Переотложенные слои перебирались вручную. Нижние, не потревоженные пахотой прослойки, заполнение материковых ям (в том числе кольцеобразных ровиков) просеивались через сито либо промывались. Полученная коллекция индивидуальных находок насчитывает 95 единиц. Массовый материал представлен 3728 фрагментами гончарных керамических сосудов из беложгущейся (871 фр.) и красножгущейся (2857 фр.) глины, а также 236 фр. лепных керамических сосудов.

Анализ материалов позволил выявить четыре стратиграфических горизонта культурных напластований.

Горизонт 1 (вторая половина XX в.) представлен мешаными напластованиями серой гумусированной супеси, а также гумусированным песком, содержащим значительное количество бытового и строительного мусора XX века. В раскопе 1 к данному горизонту отнесены пахота и слой засыпки раскопа 1952 г. В раскопе 2 сюда отнесены слои, образовавшиеся при разрушении монастырской ограды, строительстве погреба-ледника и послевоенной расчистки территории скита. Среди находок – советские монеты, нательный крест, лировидная пряжка, различные предметы из чёрного металла (гвозди, скобы, ножи), а также фрагменты фресок.

Горизонт 2 (XII – начало XX в.) представлен напластованиями серой гумусированной супеси, содержащими большое количество керамического материала XII–XX вв., а также фрагменты фресок и точильный камень. Он фиксировался только в раскопе 2 и представляет собой, по всей видимости, культурный слой поселения XII–XV вв., а также следы функционирования монастыря.

Горизонт 3 (конец I – начало II тыс. н. э.) представлен жёлтым песком с серой гумусированной супесью и является слоем засыпки кольцеобразных ровиков. В заполнении данного горизонта отмечено большое количество кальцинированных костей животных и рыб. Фрагменты человеческих костей единичны. Найдены различные предметы из чёрного металла (гвозди, скобы, ножи), а также спиральная пронизка из цветного металла. В массовом материале – преимущественно древнерусская гончарная и лепная керамика.

Горизонт 4 (конец I – начало II тыс. н. э.) представлен серой слабогумусированной супесью с включениями песка и угля. Стратиграфически данный горизонт соответствует времени функционирования ровиков. Индивидуальные артефакты не найдены. В массовом материале – преимущественно древнерусская гончарная и лепная керамика.

Однако часть коллекции не укладывается в выделенные хронологические рамки и относится к более раннему периоду. Данные артефакты в равной степени встречаются во всех указанных горизонтах на всей площади раскопа и не могут быть увязаны со стратиграфическими комплексами. В каменном инвентаре таких выделяется 35 единиц, в массе керамического материала – 33 фрагмента.

Каменный инвентарь, полученный в ходе раскопок Перыни, морфологически трудно отнести к определённой хронологической группе[1]. Однако ряд косвенных признаков позволяет предварительно датировать его поздним периодом эпохи бронзы.

Коллекция кремнёвого инвентаря включает в себя 33 предмета (табл. 1). В качестве сырья использовался «цветной» кремень преимущественно серых оттенков среднего и низкого качества.

К продуктам расщепления могут быть отнесены 9 отщепов, 10 чешуек, 5 осколков кремня, 1 технологический скол (формирования орудия). На двух отщепах заметна мелкая нерегулярная ретушь утилизации.

Морфологически выраженные орудия представлены шестью предметами[2]: *бифасиальный наконечник* со слабовыраженным черешком (проксимальный конец обломан) и пером треугольной формы изготовлен из серо-бежевого кремня низкого качества, поверхность покрыта плоской и подукрутой ретушью (рис. 3: 1); *проксимальный фрагмент бифасиального наконечника* (рис. 3: 2); *заготовка бифасиального орудия*, переоформленная в орудие (скребок?) (рис. 3: 3); *вкладышевое орудие* на отщепе с мелкой крутой концевой ретушью, использовавшееся, вероятно, для скобления (рис. 3: 5); *концевой скребок* на пластинчатом отщепе (рис. 3: 4); *фрагмент рабочего края орудия* с концевой приостряющей ретушью (рис. 3: 6).

---

[1] Технологический анализ на данном этапе исследования не проводился.

[2] Также в раскопах найдены две заготовки бифасиальных орудий, использованных в Средневековье / Новое время в качестве кресальных кремней, однако в связи с невозможностью установить их связь с древнейшим населением урочища из анализа коллекции кремнёвого материала они были исключены.

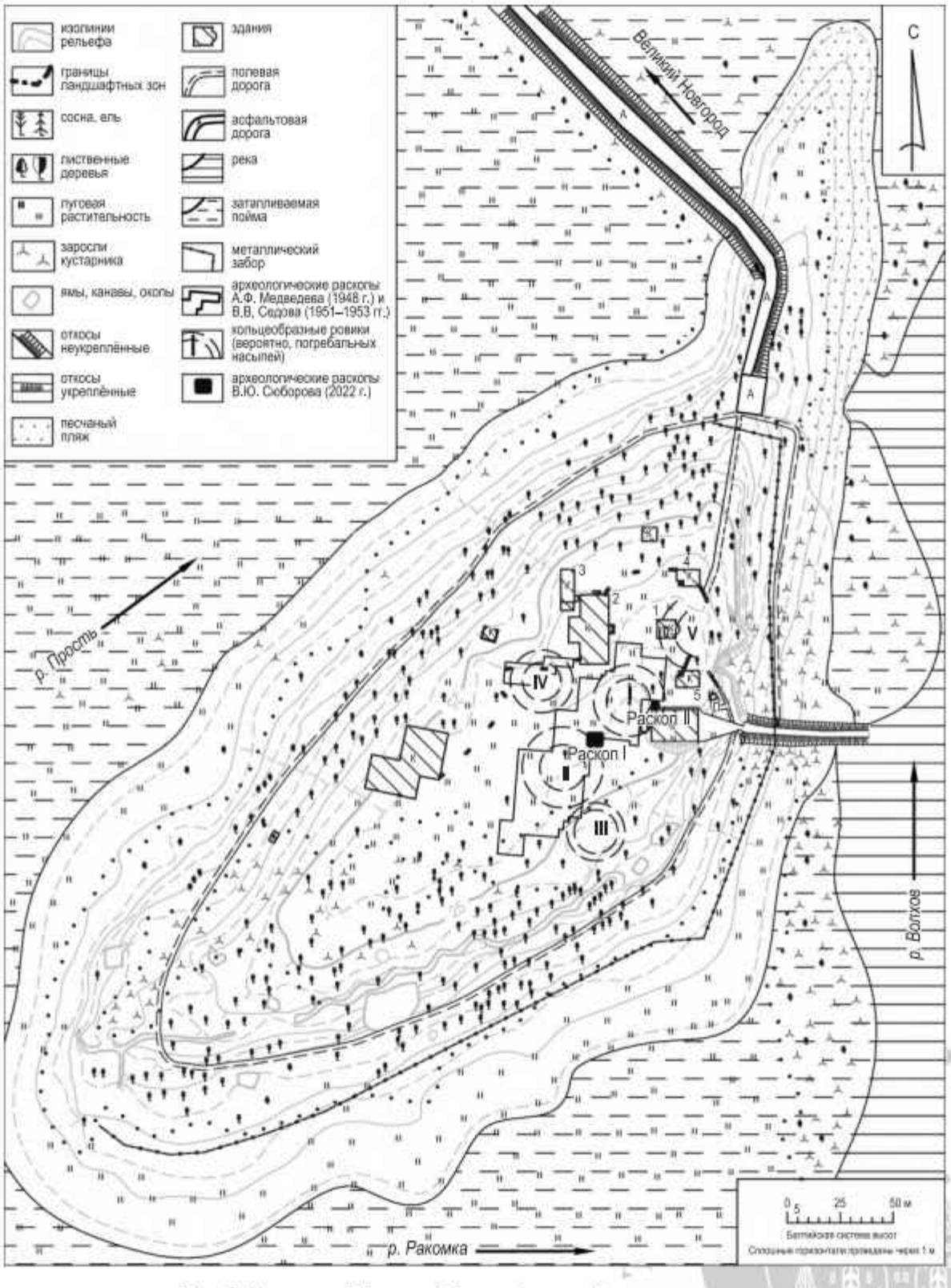

Рис. 2. Урочище «Перынь». Топографический план памятника.

Цифрами на плане обозначены памятники архитектуры: 1 – церковь Рождества Богородицы (XIII в.); 2 – корпус братский с трапезной (западный), 1830-е годы; 3 – корпус северо-западный, XIX в.; 4 – корпус архимандритский (северный), 1830-е годы; 5 – корпус скитоначальника (южный), 1830-е годы

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Таблица 1. *Перынь-2022. Опись кремнёвого инвентаря*

Категория	Количество	Примечания	Размеры (в мм)
Кресальные кремни	15		
– на осколке кремня	9	1 обожжённый	21×16×6 – 38×24×9
– на заготовках бифасиальных орудий (наконечников)	2		20×21×11; 29×35×13
– сколы с кресальных кремней	4	1 обожжённый	8×11×5 – 15×25×6
Бифасиальные орудия	3		
– наконечник	1	треугольно-черешковый	32×15×7.5
– наконечника фр.	1	проксимальный конец, насад затёртый	22×20×10
– заготовка бифасиального орудия, переоформленная в орудие (скребок?)	1		26×25×12
Орудия	3		
– вкладыш	1	использовался для скобления	17×18×4
– скребок (?)	1		30×19×8
– рабочего края орудия фр.	1	приостряющая ретушь	14×10×6
Отщеп с ретушью (утилизации)	2	1 обожжённый	16×19×3; 19×25×5
Скол формирования орудия	1	термически подготовленный	9×15×2
Отщеп	7	1 обожжённый	13×15×3 – 56×66×7
Чешуйка	10		8×10×1 – 15×08×3
Осколок кремня	5	1 обожжённый	8×11×5 – 21×11×4
ИТОГО	46		

Таблица 2. *Перынь-2022. Опись сланцевого инвентаря*

Категория	Количество	Примечания	Размеры (в мм)
Заготовка орудия	1		68×26×13
Скол фрагментации шлифованного орудия	1		22×9×3
ИТОГО	2		

Изделия из сланца насчитывают два предмета (табл. 2): *заготовка орудия* грубой абразивной обработки (рис. 3: 7) и *скол фрагментации* шлифованного орудия.

Присутствие в коллекции относительно большого числа дебитажа свидетельствует о том, что расщепление камня и изготовление орудий осуществлялось непосредственно на территории урочища. Пестрота кремнёвого сырья позволяет говорить о том, что древнее население Перыни не знало выходов кремня и использовало те отдельности сырья, которые удавалось найти. О дефиците сырья свидетельствуют также небольшие размеры орудий и следы реутилизации на некоторых из них. Аналогичная картина наблюдается на других памятниках волховского типа позднего периода эпохи бронзы (Шкурина Горка, Прость и т. д.).

Керамическая коллекция состоит преимущественно из небольших обломков стенок сосудов, размеры которых варьируют от 21,5×11,5×6 мм до 53,5×46×9,5 мм (табл. 3). Все представленные фрагменты имеют слабую профилировку, что вызывает трудности в их атрибуции (неопределимыми остались 17 фрагментов). По результатам анализа 22 фрагмента керамики были разбиты на две хронологические группы.

Первая группа (период позднего неолита) представлена шестью фрагментами (рис. 4). Керамика лепная, тонкостенная, в качестве отощителя присутствуют крупная дресва и органика. Как внутренняя, так и внешняя поверхности заглажены. Орнаментирована неглубокими округлыми (2 фр.) и глубокими овальными (2 фр.) ямочными вдавлениями.

В связи со скудостью материала можно сказать единственное: такая керамика характерна для памятников круга культур гребенчато-ямочной керамики и предварительно может быть датирована поздним неолитом (конец IV–III тыс. до н. э.). В ходе раскопок 1950-х гг. в заполнении кольцеобразных ровиков и в нижней части культурных напластований также фиксировались кремнёвые орудия и фрагменты керамических со-

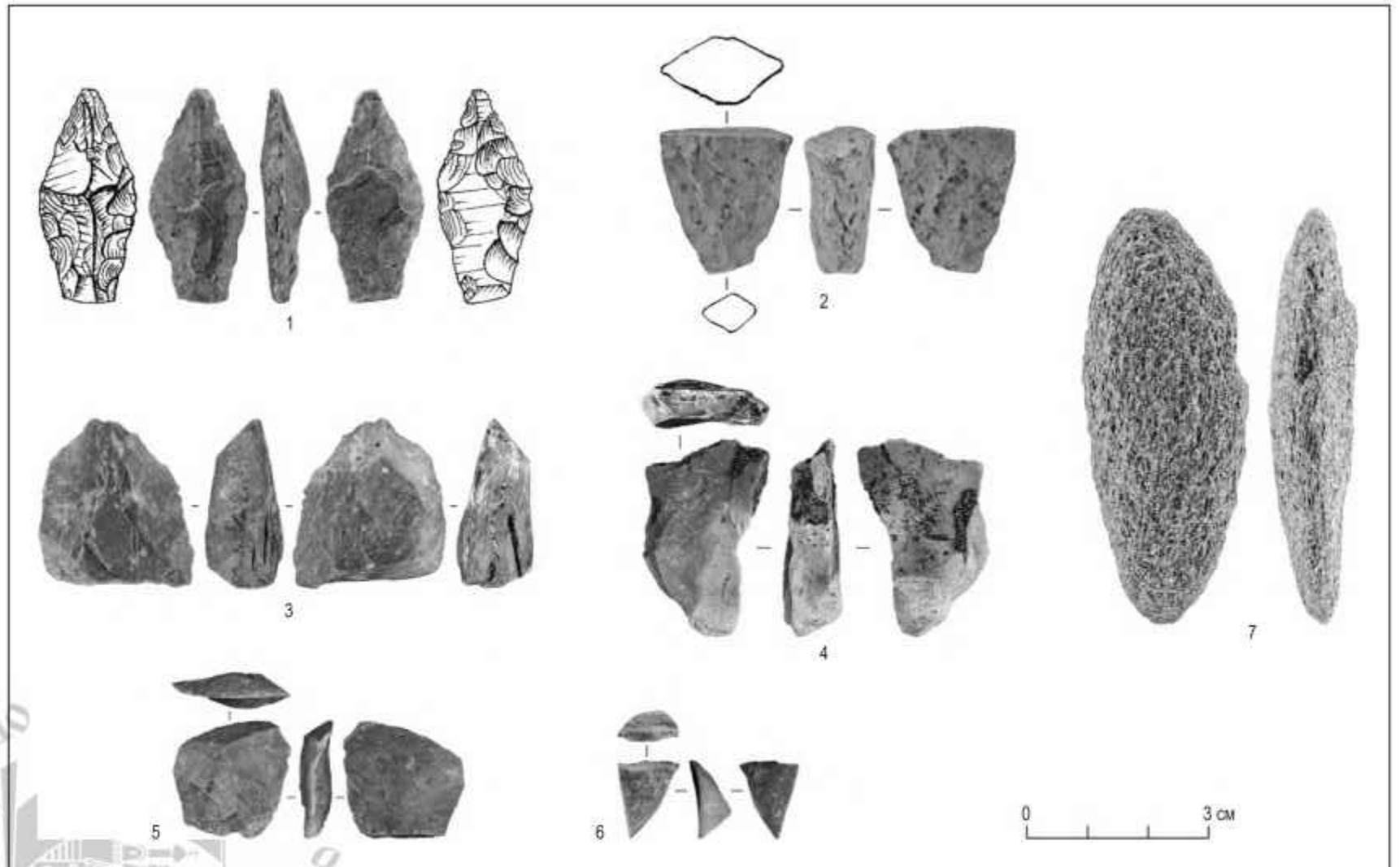

Рис. 3. Урочище «Перынь». Каменный инвентарь:

1 – наконечник; 2 – обломок наконечника; 3 – орудие (скребок?) на заготовке бифасиального орудия; 4 – скребок; 5 – вкладышевое орудие; 6 – фрагмент рабочего края орудия; 7 – заготовка орудия. 1–6 – кремень, 7 – сланец (?)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК ПЕРЫНЬ

Таблица 3. *Перынь 2022. Опись керамического материала эпох камня и бронзы*

Опись керамического материала эпохи камня							
№ п/п	Раскоп	Стратиграфическая привязка	Пласт	Глубина (в см)	Квадрат	Кол-во	Предварительная датировка
1	Раскоп I	Перекоп 1 (раскоп В.В. Седова 1950-х гг.)				10	8 – Волховский тип, поздний период эпохи бронзы; 1 – неолит; 1 – неопределим
2	Раскоп I	Верх слоя	15	(-140/-145)	26	1	Волховский тип, поздний период эпохи бронзы
3	Раскоп I		16	(-150/-160)	17	1	Неолит
4	Раскоп I		17	(-160/-170)	15	1	Волховский тип, поздний период эпохи бронзы
5	Раскоп I		17	(-160/-170)	21	1	Волховский тип, поздний период эпохи бронзы
6	Раскоп I		18	(-170/-180)	24	1	Волховский тип, поздний период эпохи бронзы
7	Раскоп I	Нижняя часть пласта Серая супесь с жёлтым песком и углём	19	(-185/-190)	28	1	Неолит
8	Раскоп I	Культурный слой Серая супесь с жёлтым песком и углём	20	(-190/-200)	30	1	Волховский тип, поздний период эпохи бронзы
ИТОГО						17	
9	Раскоп II	Серая супесь с жёлтым песком	14	(-130/-140)		1	Волховский тип, поздний период эпохи бронзы
10	Раскоп II	Серая супесь с жёлтым песком	16	(-150/-160)		3	1 – неолит; 2 – неопределимы
11	Раскоп II	Серая супесь с жёлтым песком	17	(-160/-170)		2	1 – Волховский тип, поздний период эпохи бронзы (?); 1 – неолит
12	Раскоп II	Жёлтый песок с серой супесью (засыпка ровика)	20	(-190/-200)		3	1 – Волховский тип, поздний период эпохи бронзы; 2 – неопределимы
13	Раскоп II	Жёлтый песок с серой супесью (засыпка ровика)	21	(-200/-210)		3	Неопределимы
14	Раскоп II	Жёлтый песок с серой супесью (засыпка ровика)	23	(-220/-230)		3	Неопределимы
15	Раскоп II	Жёлтый песок с чуть более серой супесью	27	(260/ 270)		1	Неопределим
ИТОГО						16	

судов, которые В.В. Седов [13, с. 98] относил к позднему неолиту. Исследователь связывал появление этих артефактов в культурном слое Перыни с расположенной на берегу оз. Ильмень, к югу от урочища, стоянкой Стрелка, исследованной в 1948 г. Н.Д. Мец [17]. Однако данные материалы в полной мере не опубликованы, отчётная документация не содержит описаний и изображений находок, их сохранность нам на данный момент не известна, поэтому они не могут дополнить и уточнить полученные нами результаты. В ближайшей округе известны несколько памятников, на которых фиксировались неолитические материалы (Рюриково городище, Коломцы, Юрьево – рис. 1), но вопрос о существовании на Перынском холме неолитического поселения остаётся открытым.

Вторая группа (поздний период эпохи бронзы) представлена 16 фрагментами (рис. 5). Керамика лепная, тонкостенная, с хорошим промесом теста, в качестве отощителя присутствует тщательно измельчённая дресва. Внутренняя поверхность имеет расчёсы от заглаживания твёрдым инструментом. Орнаментирована неглубокими ямками различных форм (7 фр.), штампом «верёвочка, намотанная на палочку» (4 фр.), гребенчатым штампом (4 фр.), сетчатым отпечатком (1 фр.). По типологии М.А. Раззак (Юшковой), такая керамика характерна для памятников волховского типа позднего этапа бронзового века (IX–VI вв. до н. э.) [18]. Особо примечательными являются фрагмент керамики с орнаментом в виде горизонтального ряда ямочных вдавлений, ниже которого располагается горизонтальный мотив двойных зигзагообразных отпечатков (со-

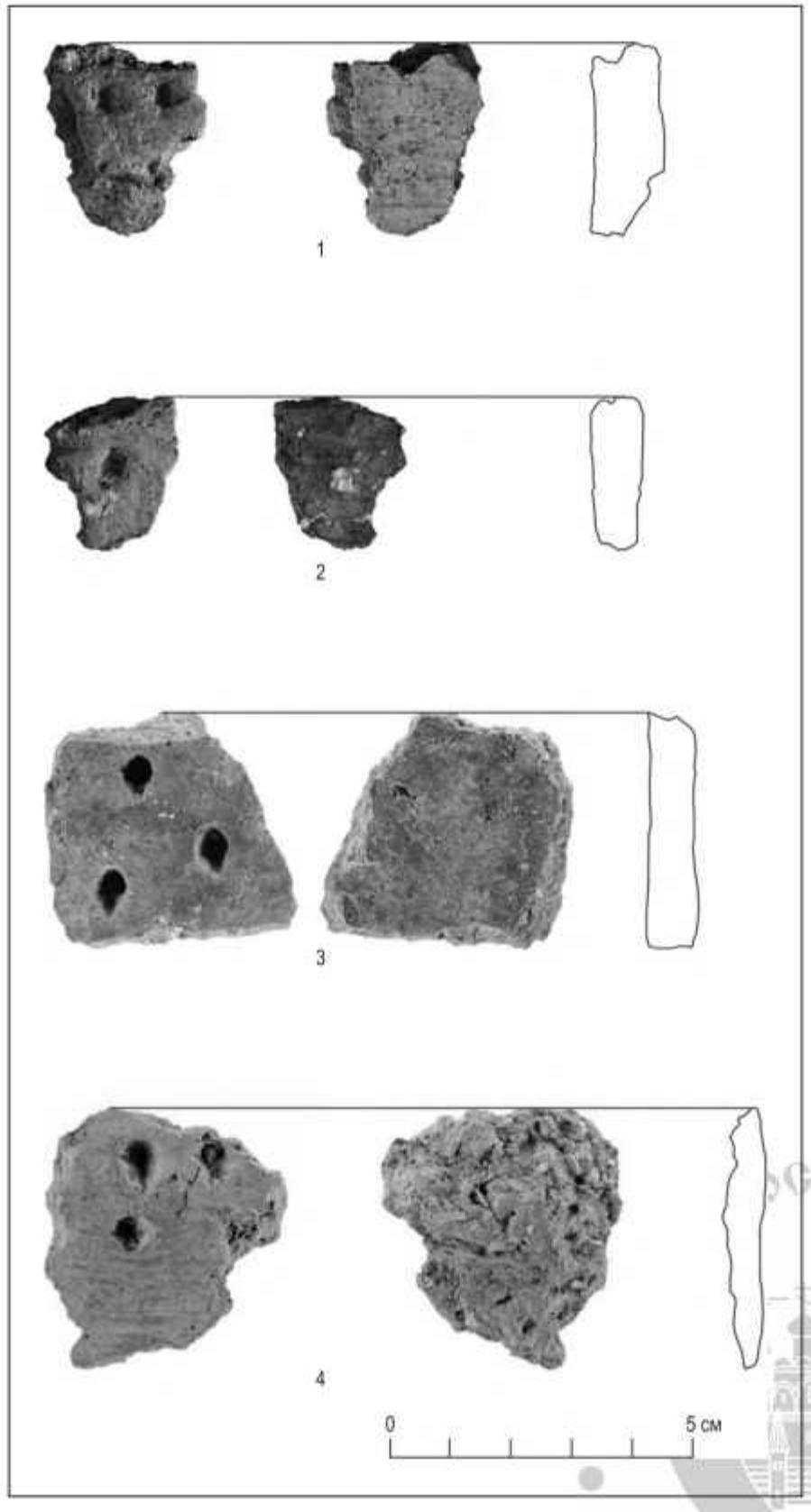

Рис. 4. Урочище «Перынь». Керамика позднего неолита

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

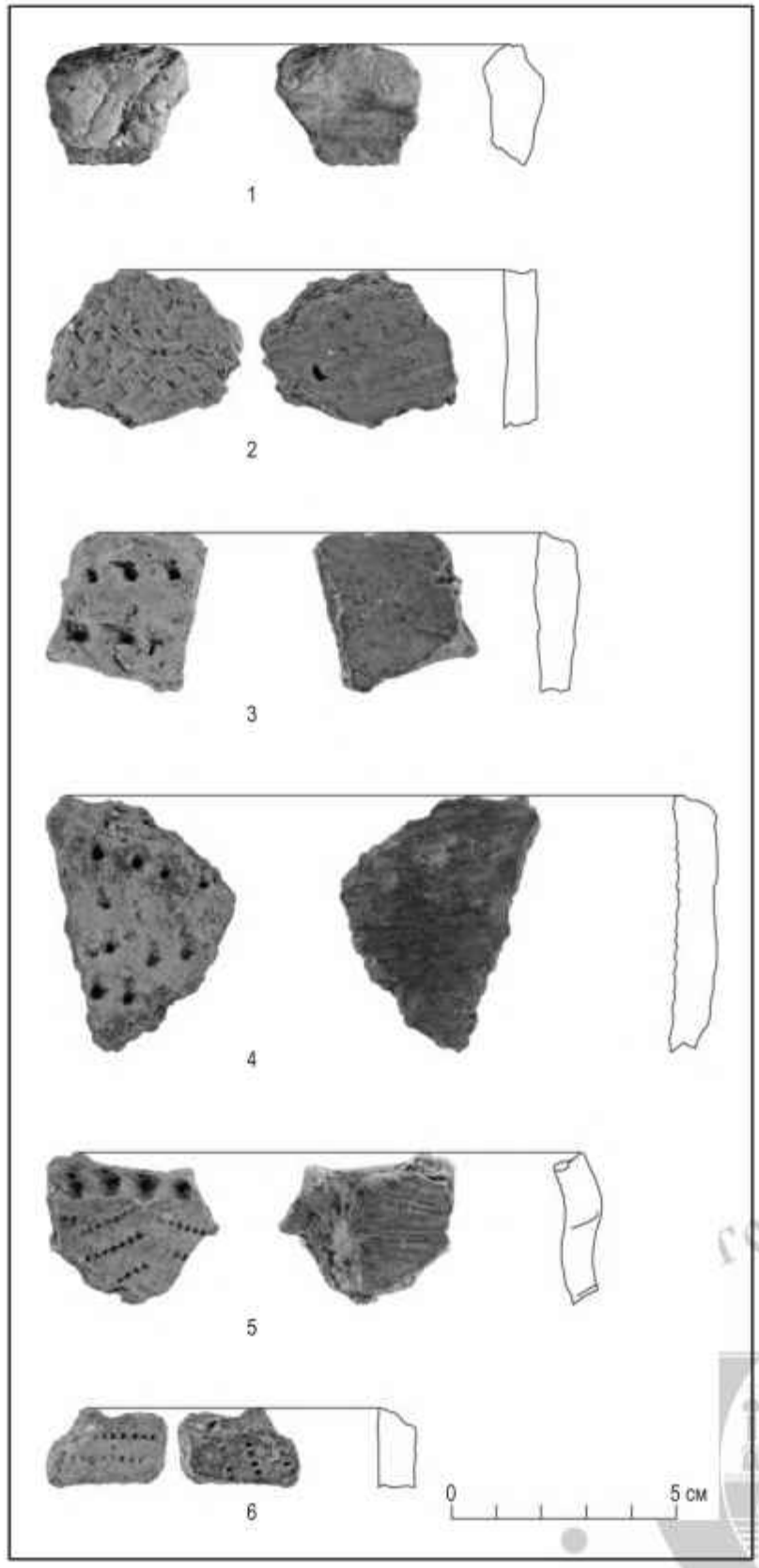

Рис. 5. Урочище «Перынь». Керамика волховского типа позднего периода эпохи бронзы

государственный объединенный музей

суд волховского типа, группа 1в – рис. 5: 5), а также фрагмент сосуда, имеющий оттиски гребенчатого штампа как на внешней, так и на внутренней поверхности (рис. 5: 6).

Памятники волховского типа – группа поселений, возникшая в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века на основе культуры сетчатой керамики в Поволховье и Приильменье. Выделена М.А. Раззак (Юшковой) на основании особенностей керамического материала и подробно описана в её диссертационном исследовании [18]. Опорным памятником волховского типа является поселение Шкурина Горка, расположенное в северной части Гостинопольских порогов на террасе левого берега р. Волхов, в южной части г. Волхова Ленинградской области. В ходе работ на памятнике были обнаружены стратифицированные отложения, для которых получена серия радиоуглеродных дат, относящая культурный слой поселения к IX–III вв. до н. э. и ставшая основой для хронологии памятников волховского типа [19].

Керамика волховского типа встречается на Карельском перешейке и в Юго-Восточной Финляндии[1], в Восточном Приладожье [18, с. 57; 20, с. 205–209]. Основной ареал памятников волховского типа охватывает Поволховье и Приильменье, следы поселений встречены на всех ключевых памятниках раннего Средневековья [20, с. 205]. Ближайшими к Перыни являются Рюриково Городище, поселение «напротив Юрьева монастыря», Прость, Стрелка (рис. 1).

Предварительный анализ полученных в ходе работ 2022 г. материалов показал, что хотя и нельзя исключать появление людей на Перынском холме уже в неолите, можно с уверенностью утверждать, что они жили здесь на позднем этапе эпохи бронзы. Таким образом, подтверждается предположение М.А. Раззак (Юшковой) о существовании на месте урочища Перынь поселения волховского типа позднего периода бронзового века. В исследованной части памятника культурные напластования данного времени зафиксированы не были в связи с тем, что, по крайней мере, часть древнего поселения была уничтожена при строительстве погребальных насыпей в конце I тыс. н. э.

---

[1] Памятники типа Калмистомяки М.А. Раззак (Юшкова) также относит к памятникам волховского типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственная геологическая карта Российской Федерации масштабом 1:200000 (изд. второе). Серия Ильменская. Лист О-36-XIV (Новгород). Объяснительная записка [эл. носитель] / *В.Р. Вербицкий, В.В. Кямяря, В.В. Саванин, М.Г. Папин, Ю.П. Ненашев, А.Е. Рыбалко и др.* СПб., 2007.
2. Новгородская Четвёртая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 686 с. (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1.)
3. Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV–XVII вв. / Подгот. публ. И.Ю. Анкудинов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 456 с. (Материалы по истории Новгорода и Новгородской земли. Вып. 3)
4. *Олеарий Адам.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870. 1174 с.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
6. *Седов Вл.В.* Церковь Рождества Богородицы в Перыни: новгородский вариант башнеобразного храма // Древнерусское искусство. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства. М., 2009. С. 29–54.
7. *Секретарь Л.А.* Церковь Рождества Богородицы в Перыни // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2008. С. 383–385.
8. *Торопова Е.В.* История археологического изучения Новгородской земли (30-е гг. XVIII – начало XX века): учебное пособие / Е.В. Торопова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород. 2016. 208 с.
9. *Арциховский А.В.* Новгород, 1948 г. Перынь // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 278. С. 125–151; Новгородская экспедиция 1948 г. Чертежи. Том II. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 278б. С. 72–91.
10. *Арциховский А.В., Колчин Б.А.* Отчет о работе Перынского отряда Новгородской экспедиции в 1951 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 587. 252 л., 18 ил. № 587 а, б – Альбомы иллюстраций к отчёту. 30 л., 31 ил.
11. *Арциховский А.В., Колчин Б.А.* Отчет археологической ИИМК АН СССР экспедиции за 1952 г. Ч. 2 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 704. 232 л.
12. *Седов В.В.* Отчет об археологических работах в Перыни // Архив ИА РАН. Р. 1. № 841. 31 л.
13. *Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. С. 92–103.
14. *Седов В.В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С. 105–108.
15. *Конецкий В.Я.* Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Псков, 1995. С. 80–85. (Серия – Археологические изыскания. Вып. 26-1)
16. *Клейн Л.С.* О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология: Материалы Первой Всероссийской конференции (Псков, 20–24 ноября 1995 г.). Ч. 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб.; Псков, 1995. С. 71–80. (Серия – Археологические изыскания. Вып. 26-1)
17. *Арциховский А.В.* Новгород, 1948 г. Неолитическая стоянка // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 278. С. 152–156.
18. *Юшкова М.А.* Эпоха бронзы и ранний железный век в юго-восточной части бассейна Финского залива: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2011. 269 с.
19. *Юшкова М.А.* Раскопки поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка в 2002 г. // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. СПб., 2003. (Седьмые чтения памяти Анны Мачинской.) С. 12–26.

20. *Кулькова М.А., Юшкова М.А.* Анализ состава и технологии изготовления керамики эпохи бронзы – раннего железного века из юго-восточного Приладожья, Поволховья и Приильменья // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. 1. СПб., 2008. С. 201–219.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород
ФГБУН «Минералогический музей имени А.Е. Ферсмана РАН»,
Москва

V.Yu. Syuborov, E.A. Borisevich, M.A. Komagorova

THE EARLIEST STAGE OF DEVELOPMENT OF THE "PERYN'" TRACT NEAR VELIKY NOVGOROD

Summary

The article presents the results of excavations in the Peryn' tract on the southern outskirts of Veliky Novgorod. In the course of the work, the remains of the cult complex of the turn of the I–II millennium AD and its synchronous cultural layers were identified and investigated, as well as the cultural layer of the settlement that existed on the territory of the tract from the Middle Ages to the present day. The complex of finds includes a layer of antiquities (stone tools and handmade pottery) belonging to earlier periods (Late Neolithic, Late Bronze Age). The analysis of the obtained material made it possible to conclude that there was a Volkhov-type settlement of the Late Bronze Age on the site of the Peryn' tract, destroyed within the investigated area during medieval activity.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
41, Bol'shaya Sankt-Peterburgskaya St.,
Veliky Novgorod, 173000, Russia
V.Yu. Syuborov – E-mail: i@syubor.ru
E.A. Borisevich – E-mail: ek.razheva.novsu@mail.ru

Fersman Mineralogical Museum,
Russian Academy of Sciences,
18, block 2, Leninsky Av., Moscow, 119071, Russia
M.A. Komagorova – E-mail: egorova.com@gmail.com

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Ю.Б. Сериков

ЮРЬИНО IV – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ КОКШАРОВСКОГО ТОРФЯНИКА (СРЕДНЕЕ ЗАУРАЛЬЕ)

В статье публикуются результаты спасательных работ на многослойном поселении Юрьино IV. На памятнике присутствуют комплексы всех археологических периодов от мезолита до раннего Средневековья. Основная масса находок относится к энеолиту и неолиту – около 85 %. Остальные периоды представлены небольшими комплексами, которые составляют от 1,5 до 8,5 % общей коллекции. При анализе каменных изделий использовались статистико-типологический, трасологический и минералогический методы. Энеолит характеризуют первые найденные на восточном склоне Урала достоверные кремнёвые скульптуры. Из числа других неординарных артефактов следует отметить «утюжок», каменные и глиняные гребенчатые штампы, фрагменты керамики с графическими изображениями птиц и животных, а также некоторые категории не известных ранее шлифованных изделий. На поселении широко использовалось местное минеральное сырьё, список которого достигает 25 наименований. Преобладают изделия из халцедона, кремнистого сланца и молочного кварца – около 66 %.

DOI: 10.70203/9043.2024.71.44.007

Поселение расположено в 9,5 км к северо-востоку от пос. Басьяновский Верхнесалдинского района Свердловской области. Оно находится на северном берегу древнего озера, которое было вытянуто с севера на юг на 4,25 км, с запада на восток – на 3,25 км. В настоящее время значительная его часть заболочена и превратилась в торфяник, который входит в состав Кокшаровско-Комбайновского месторождения. В центре торфяника сохранился остаточный водоём диаметром 1,3–1,7 км под названием Юрьинское озеро. С юга в озеро впадает речка Дурная, с севера вытекает река Юрья. Восточный коренной берег озера низкий, местами заболоченный. Южный берег достаточно хорошо выражен, местами его высота доходит до 3 м. Наиболее высоким является западный берег. Северный берег озера полностью заболочен и фиксируется только по песчаному береговому валу, который длинной дугой оконтуривает северную часть древнего озера. Внешне береговой вал не возвышается над окружающей поверхностью, как можно было бы подумать исходя из его названия. Береговой вал – это геологический термин, обозначающий прибойную зону водоёма. Обычно она состоит из песка и гальки и при поперечном разрезе берега действительно представлена в виде вала, перекрытого различными отложениями. Береговой вал обнаружился при спрямлении русла реки Юрьи, которая обходила намытый прибоем вал с северо-запада. Ширина вала доходит до 150–170 м в самой широкой его части, западным краем вал упирается в излучину Юрьи, а восточный край постепенно выклинивается и через 1,5 км сходит на нет. Именно в излучине Юрьи на древнем береговом валу озера и располагается поселение Юрьино IV. Ещё дальше к востоку на береговом валу находятся стоянки Юрьино VI и VII.

Поселение Юрьино IV было обнаружено в 1972 г. во время вскрышных работ по подготовке балластного карьера. В результате бульдозер полностью уничтожил центральную часть памятника площадью 4150 кв. м (67 м с севера на юг и 62 с запада на восток). При содействии местных властей строительные работы на памятнике удалось прекратить. В 1973 г. поселение было исследовано автором. С поверхности разрушенного памятника было собрано 11416 артефактов, которые хранятся в фондах Нижнетагильского музея-заповедника [1]. В основном это фрагменты керамики и каменные изделия разных эпох от мезолита до Средневековья. Есть в коллекции и уникальные находки. Это первые на восточном склоне Урала кремнёвые скульптуры птицы и человека, керамические и каменные штампы для нанесения орнамента на посуду, костяная игла, керамические сосуды с графическими изображениями птиц и животных (рис. 1, 2).

Площадь поселения оценивается не менее чем в 15000 кв. м. С юго-запада на северо-восток оно вытянуто на 150 м, а с юго-востока на северо-запад – на 100 м. В 2003 г. экспедицией Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (НТГСПА) были проведены охранные раскопки на восточной части поселения (50 кв. м). Никаких объектов в раскопе зафиксировано не было. Раскопки показали следу-

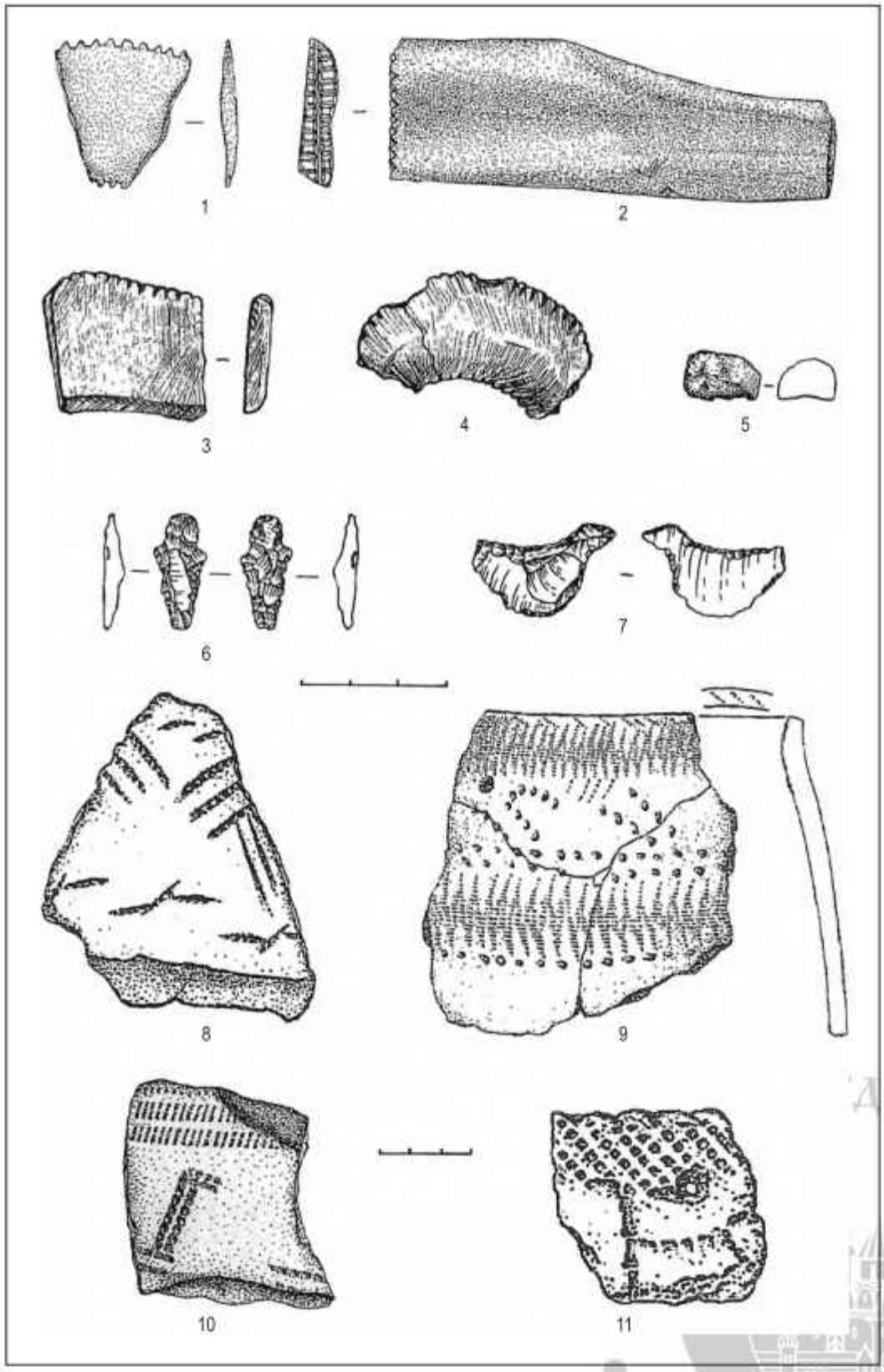

Рис. 1. Гребенчатые штампы (1–4), «карандаш» из охры (5), кремнёвые скульптуры (6, 7) и графические изображения на керамических сосудах (8–11): 1, 4, 8–11 – глина; 2, 3, 5–7 – камень

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

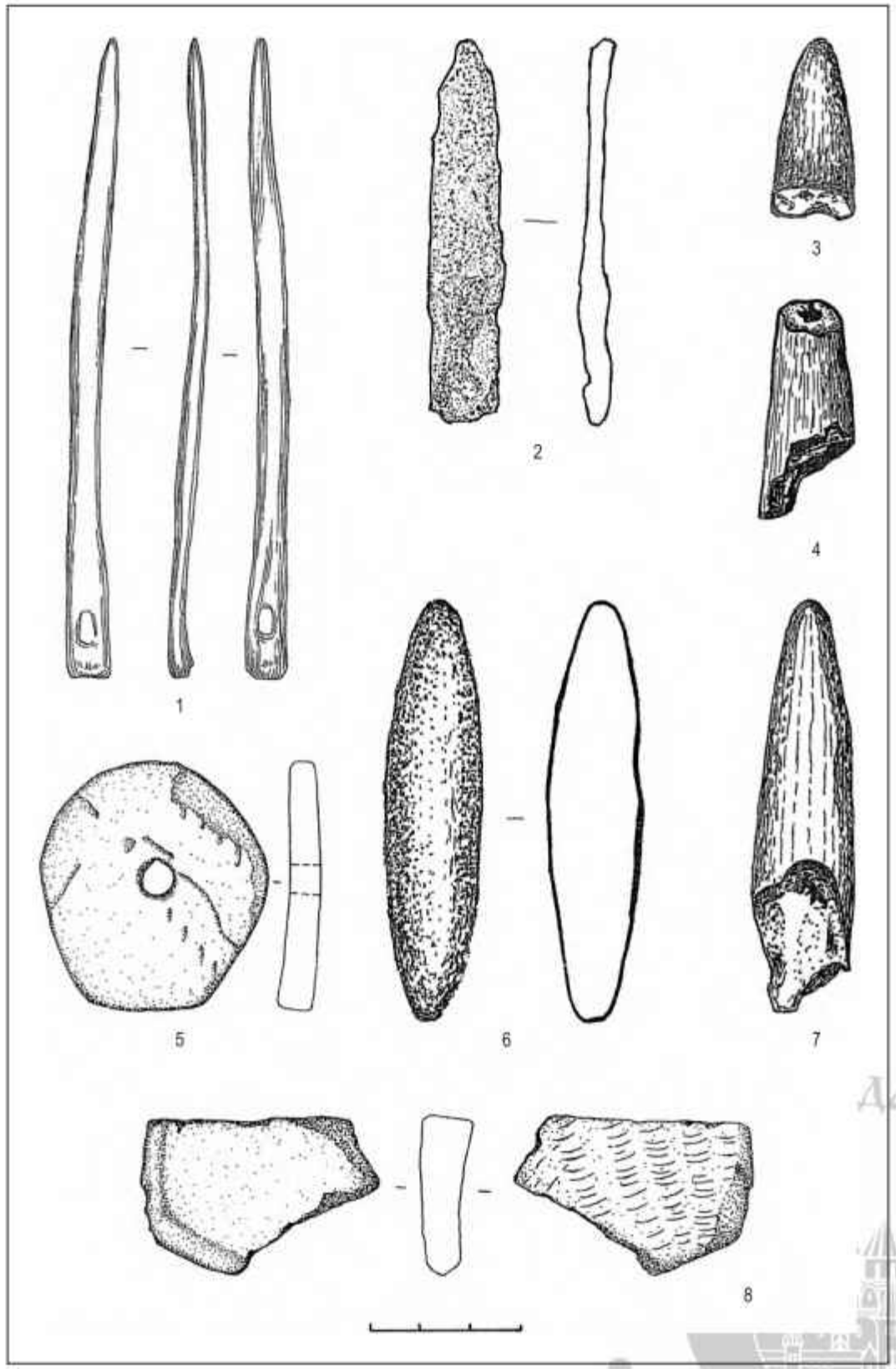

Рис. 2. Изделия из кости (1), металла (2) и глины (3–8): 1 – костяная игла; 2 – железный нож; 3, 4, 6, 7 – рыболовные грузила; 5 – пряслице; 8 – орнаментированная литейная форма

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ющую стратиграфию. Сначала идёт верховой торф мощностью 10–15 см, под ним залегает тёмно-серый песок с культурными остатками. Его толщина составляет всего 10–17 см, местами доходит до 20–25 см. Материком является крупнозернистый песок светло-серого цвета, который уходит на значительную глубину. Раскопки позволили увеличить коллекцию находок с поселения ещё на 2289 экз. Суммарная коллекция находок с Юрьино IV составляет 13705 экз.

Керамический комплекс (9378 фр.) представлен материалами всех эпох от неолита до Средневековья.

Неолитическая керамика (879 экз.) составляет 14,4 % всего комплекса орнаментированной посуды [2, с. 73–75, рис. 9–10]. Как и на других памятниках Юрьинского озера, преобладает керамика кокшаровско-юрьинского типа. Основная примесь в тесте – тальк. Толщина стенок сосудов – 0,5–0,7 см. Сосуды имели закрытую форму и слегка раздутые бока в верхней части тулова. Срез венчиков плоский или округлый, часто орнаментированный наколами или насечками. С внутренней стороны венчиков имеется хорошо выраженный наплыв подтреугольной формы. Бордюрная зона оформлялась наколами или отпечатками поставленного наклонно гребенчатого штампа. Орнамент в виде «отступающей» палочки плотно покрывает поверхность сосудов (рис. 3: 4–6).

Широко в комплексе представлена и керамика полудёнковского типа (рис. 3: 1, 7). Самую многочисленную группу составляет керамика, орнаментированная только при помощи гребёнки. Венчики сосудов прямые или слегка наклонённые внутрь. Край ровный, срез уплощённый или округлый, иногда слегка скошенный наружу. В некоторых случаях он оформлен наколами. С внутренней стороны имеется слабо выраженный наплыв. Орнамент выполнен в шагающей либо шагающе-протащенной технике. Зональность горизонтальная и представляет собой чередование рядов, состоящих из вертикальных оттисков гребенчатого штампа и прочерченных волнистых линий.

Керамика кошкинского, боборыкинского и евстюнинского типов присутствует в коллекции незначительными комплексами (рис. 3: 2, 3, 8, 9).

Также к неолиту можно отнести четыре керамических изделия, изготовленных из фрагментов разбитых сосудов. Два из них являются пряслицами, орнаментированными «отступающей» палочкой. Третье изделие изготовлено в виде диска диаметром 3,3 см. Четвёртое – округлой формы, размерами 4,5×4,9 см – выполнено из венчика неолитического сосуда. С одной стороны овал срезан плоскостью. Диаметр отверстия 0,8 см. Форма его цилиндрическая, на краях в двух местах имеются проточенности, появившиеся от трения с ремешком, на котором, по-видимому, данное изделие носилось (рис. 2: 5). В тесте всех изделий содержится большая примесь талька.

Свыше половины орнаментированной керамики (3719 фр. – 61,4 %) относится к энеолиту. Абсолютно преобладает керамика аятского типа (2-я пол. III – нач. II тыс. до н. э.). Основная примесь в тесте сосудов – тальк. Толщина стенок редко превышает 0,5–0,6 см. Венчики сосудов прямые или слабопрофилированные. Края венчиков плоские, иногда утончаются кверху. Они украшены наклонно поставленными отпечатками короткого гребенчатого штампа. Вдоль края венчиков часто располагается горизонтальный ряд круглых и глубоких наколов с жемчужинами на обратной стороне. Тулова сосудов украшены разнообразными геометрическими узорами из отпечатков гребенчатого штампа. Часты разделительные горизонтальные пояса из зигзагов, выполненных гребёнкой. Иногда для украшения сосудов применялась техника «шагающей гребёнки». Внутренняя поверхность сосудов покрыта своеобразными расчёсами (рис. 4: 1–6).

Керамика липчинского типа представлена 351 фрагментами. Венчики сосудов обычно прямые, слегка приострённые, иногда отогнуты наружу. Изредка края венчиков орнаментировались наколами и насечками. Поверхность сосудов богато украшена скобками и ложношнуровым орнаментом, который часто представляет треугольные и прямоугольные фигуры (рис. 5: 1–7; 6: 1–3). Незначительно на памятнике присутствует керамика шувакишского и карасьеозёрского типов.

С энеолитом связана и бóльшая часть глиняных изделий. Из фрагментов разбитых керамических сосудов изготовлены два пряслица (сломаны), три диска диаметром 3,4 (два) и 4,2 см и 12 скребков-шпателей. Часть из них служила скребками по коже, а часть – шпателями для заглаживания стенок керамических сосудов. Их длина колеблется от 2,1 до 6,2 см. Для их изготовления использованы фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом.

Керамические рыболовные грузила изготовлены в виде веретенообразных палочек. Только одно грузило длиной 8,4 см сохранилось целым. Остальные представлены обломками длиной 3,4–4,4 см (рис. 2: 3, 4, 6, 7).

Следует отметить наличие в коллекции овального глиняного шарика размерами 4,3×3,3×2,8 см. Интересно, что в тесте присутствует примесь талька.

На фрагменте стенки энеолитического сосуда имеется пропил, сделанный абразивной пилой. Десятки распиленных фрагментов энеолитической керамики известны в культовом центре Шайтанское озеро I [3, рис. 23, *2–6*; 25, *3–7*].

Большой интерес представляют фрагменты сосудов с графическими изображениями фигур животных и птиц [4, с. 245–248]. На памятнике найдены пять таких фрагментов. На обломке венчика энеолитического сосуда углом гребенчатого штампа изображено животное с длинным туловищем, длинной шеей, вскинутой головой и поднятым хвостом. По определению зоолога Р.Л. Потапова (Институт зоологии РАН, Санкт-Петербург), это лошадь. Однако за головой животного у сверлины имеется ещё один оттиск штампа, который может рассматриваться как изображение рогов (рис. 1: 11). В этом случае фигуру можно трактовать как бегущего оленя или лося со вскинутой головой. Следует подчеркнуть полное отсутствие аналогий данному изображению на территории Урала.

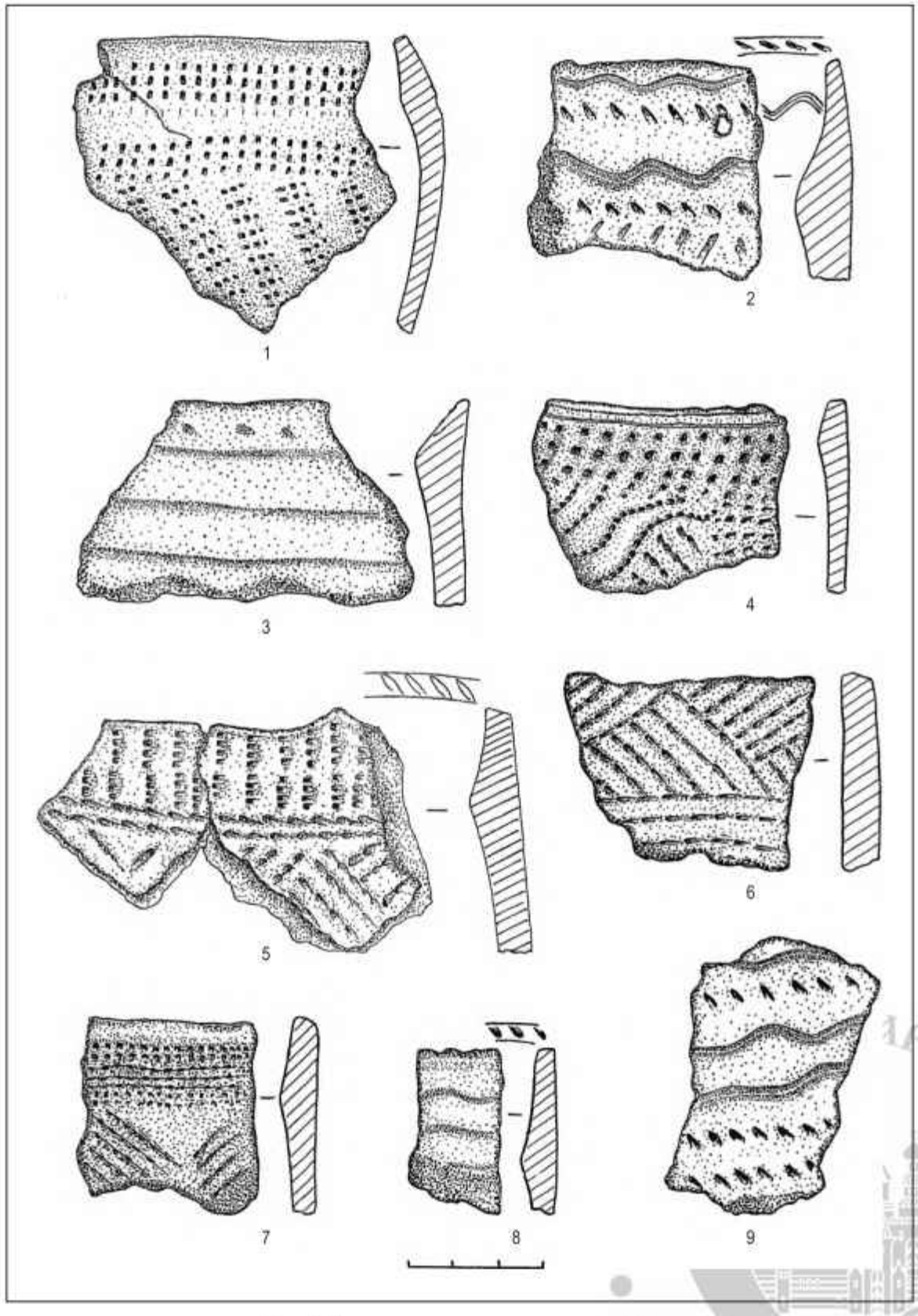

Рис. 3. Фрагменты неолитических сосудов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

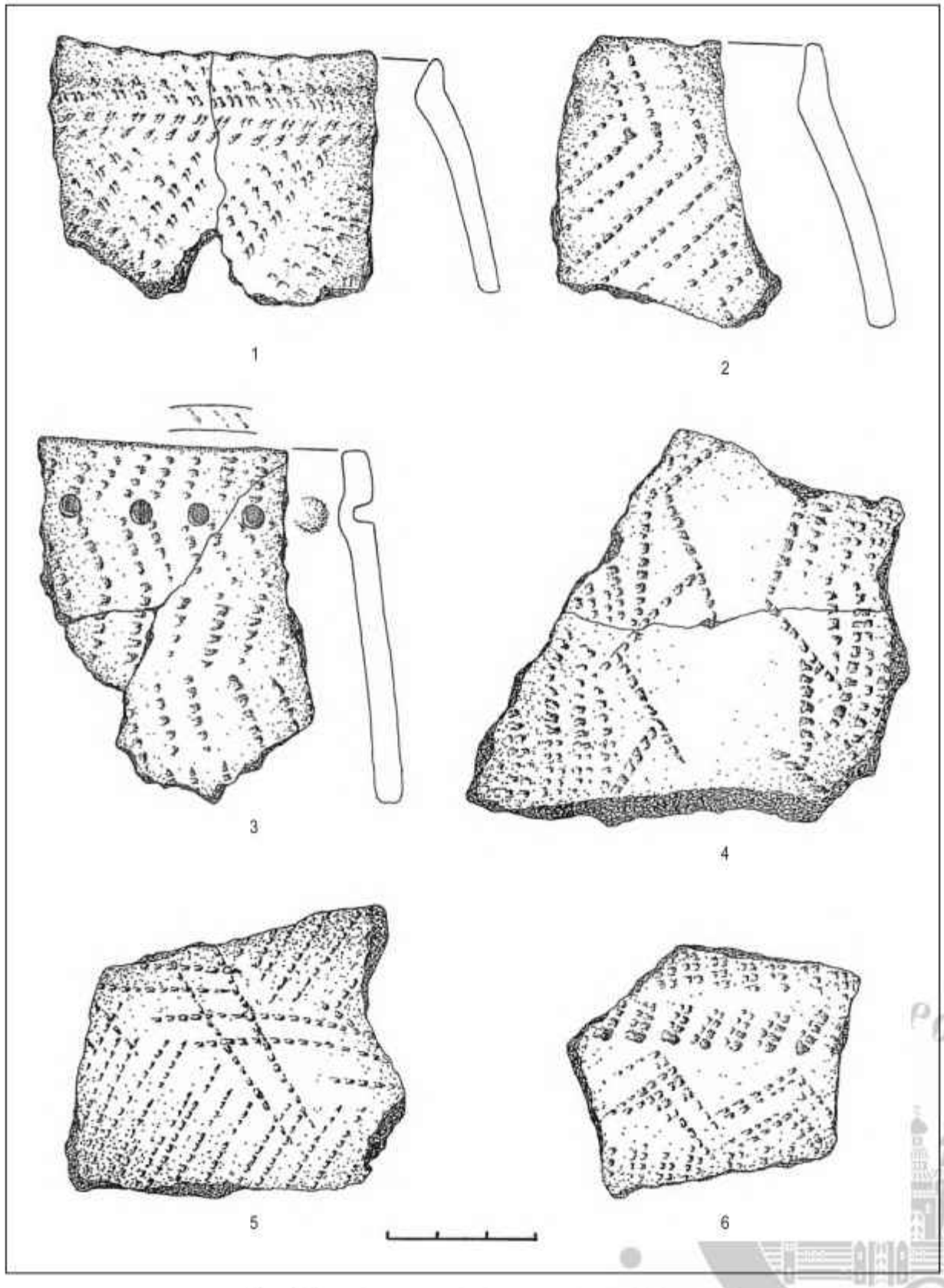

Рис. 4. Фрагменты сосудов энеолита аятского типа

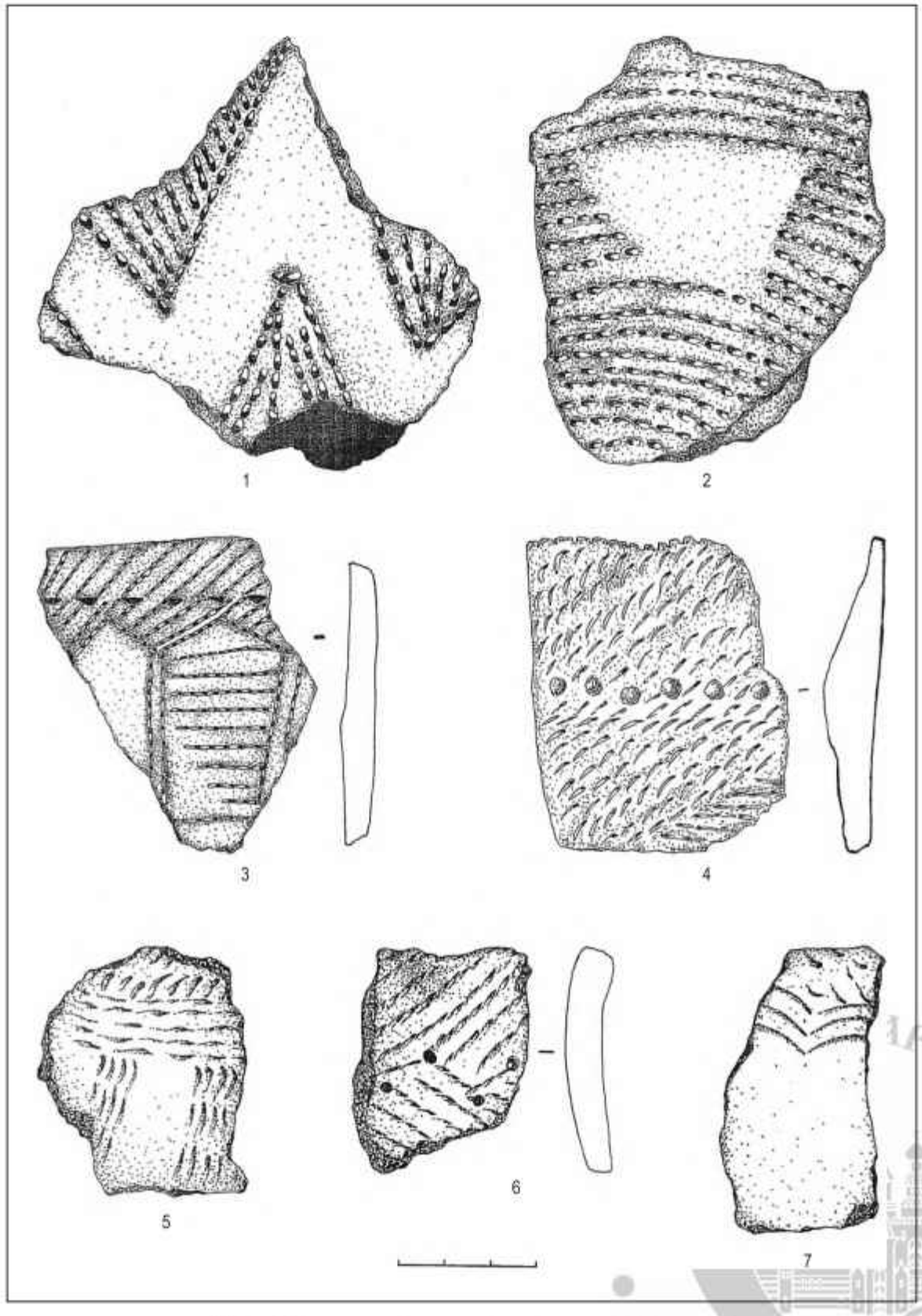

Рис. 5. Фрагменты сосудов энеолита липчинского типа

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Остальные фрагменты связаны с графическими изображениями птиц. На двух обломках стенок сосудов сохранилась часть горизонтального пояса из плывущих птиц. Фигурки уточек изображены тремя отпечатками гребенчатого штампа, показывающими тулово, шею и головку (рис. 1: 8). Ещё на одном фрагменте шея уточки оформлена двумя параллельными отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1: 10). По технике изображения резко отличается фигура птицы на крупном (10×11 см) обломке венчика энеолитического сосуда. Между двумя горизонтальными поясами из «шагающей гребёнки» помещены две фигуры, выполненные круглыми наколами (рис. 1: 9). Одна из фигур, возможно, изображает водоплавающую птицу. Грудь, шея и поднятый хвост птицы оформлены четырьмя наколами. В зауральском энеолите изображения на сосудах плывущих уточек, выполненные гребенчатым штампом, распространены достаточно широко [5]. Но фигуры, образованные наколами, на территории Среднего Зауралья пока не были известны.

К бронзовому веку относятся 1074 (17,7 %) фрагмента керамики. Более ранний и основной комплекс представлен материалами коптяковского типа (2-я пол. II тыс. до н. э.). Керамика позднего бронзового века немногочисленна (64 фр.). Представлена она сосудами черкаскульского (XV–XIII вв. до н. э.) и межовского (XIII–IX вв. до н. э.) типов (рис. 6: 4–9; 7: 1).

Возможно, с бронзовым веком следует связать обломок керамической литейной формы. Его размеры – 4,7×3,0 см. Толщина днища 0,5–0,6 см, высота бортика – 0,5 см. Внешняя поверхность литейной формы (днище) украшена ногтевидным орнаментом (рис. 2: 8). В тесте изделия присутствует большая примесь мелкотолчёной слюды.

На памятнике выявлен небольшой комплекс керамики раннего железного века – 296 фрагментов (4,9 %). Сосуды гамаюнского типа (IX–VII вв. до н. э.) имеют горшкообразную форму с сильно отогнутым венчиком и округлое дно (рис. 8: 4). Также заметно профилированы и сосуды иткульского типа (VII–III вв. до н. э.). Гребенчато-накольчатый орнамент покрывает верхнюю часть сосудов до плечика или середины тулова (рис. 8: 1, 3, 5). Некоторые сосуды вообще не имеют орнамента (рис. 7: 2). У сосудов кашинского типа (III в. до н. э. – III в. н. э.) – гребенчатый орнамент, который часто образуют горизонтальные или вертикально расположенные зигзаги. Обычно он наносился на венчик, шейку и плечико сосудов (рис. 7: 3).

Комплекс раннесредневековой керамики содержит всего 88 фрагментов (1,5 %). Представлена она сосудами батырского (V–VI вв. н. э.) и петрогромского (VI–X вв. н. э.) типов (рис. 7: 4–7).

Кроме керамики к Средневековью отнесены четыре железных и одно костяное изделие. Два железных ножа представлены обломками размерами 7,7×1,5×0,5 см и 5,6×1,3×0,45 см (рис. 2: 2). Круглая бляшка диаметром 2,7 см и толщиной 0,75 см, возможно, служила украшением. Одна сторона у неё плоская, а вторая – выпуклая. Сохранился крупный (10,0×7,8 см) обломок железного изделия непонятного назначения.

Большой интерес представляет хорошо сохранившаяся костяная игла длиной 12,8 см. Она выполнена из цельной уплощённой косточки. Кончик иглы заострён тонкими срезами. В расширенной части косточки металлическим ножом прорезано овальное отверстие размерами 0,65×0,4 см (рис. 2: 1).

Редкой находкой является расколотая пополам бусина из синего стекла диаметром 0,7 см.

Коллекцию керамики дополняют фрагменты сосудов без орнамента, которые составляют 35,4 % всего керамического комплекса.

Комплекс каменных изделий (4285 экз.) разделить хронологически гораздо сложнее. В определённых рамках это возможно сделать на основании типологии и характерного минерального сырья.

Мезолитический комплекс содержит 97 изделий.

В коллекцию включены плитки кремнистого сланца с пробными сколами (11), которые служили для выяснения качества минерального сырья. Их длина варьирует от 1,5 до 6,1 см, толщина – от 0,5 до 2,1 см.

Нуклеусы (5) имеют высоту от 2,2 до 3,5 см (рис. 9: 1–3). Два нуклеуса относятся к типу торцовых однофронтальных, ещё два являются нуклеусами торцовыми трёхфронтальными. Единственный двухплощадочный призматический нуклеус заметно уплощён. Два нуклеуса имеют скошенные ударные площадки. Ширина негативов пластинок колеблется от 0,5 до 1,0 см. Преобладают негативы шириной 0,5–0,8 см. Изготовлены нуклеусы из халцедона, кремня (по 2) и кремнистого сланца.

Обработка нуклеусов представлена поперечными сколами (5) и ребристыми пластинками (4).

Пластинчатый комплекс содержит пластинки без ретуши (58), с ретушью на спинке (9), с ретушью на брюшке (3) и резцы (2).

Половина пластинок без ретуши является отходами производства. Они имеют неправильные очертания и изогнутый профиль (рис. 9: 4–7, 9). Их ширина колеблется от 0,5 до 1,2 см. Преобладают пластинки шириной 0,6–0,8 см. На девяти пластинках сохранилась плиточная корка. Среди пластинок присутствуют целые изделия (3), сечения (12), отсечённые проксимальные (17) и дистальные (9) концы, а также пластинки с отсечённым дистальным концом (17). Преобладают пластинки из кремнистого сланца (21). Имеются изделия из халцедона, кремня (по 10), зелёной (8) и светло-серой (7) яшмы и серого кварцита (2).

Пластинки с ретушью на спинке (9) имеют ширину 0,7–1,0 см (рис. 9: 8). В восьми случаях ретушь нанесена по одному краю, и только в одном – по двум. На двух пластинках присутствует плиточная корка. Из кремнистого сланца изготовлены семь пластинок, из кремня – две.

Все пластинки с ретушью на брюшке (3) представлены сечениями шириной 0,5–0,9 см. Во всех случаях ретушь нанесена по одному краю. Все они из яшмы: из зелёной – две, из полосчатой (красно-зелёной) – одна.

Резцы изготовлены на углу сломанной пластинки. Один резец выполнен на пластинке шириной 0,6 см, отретушированной со спинки и с брюшка (рис. 9: 10).

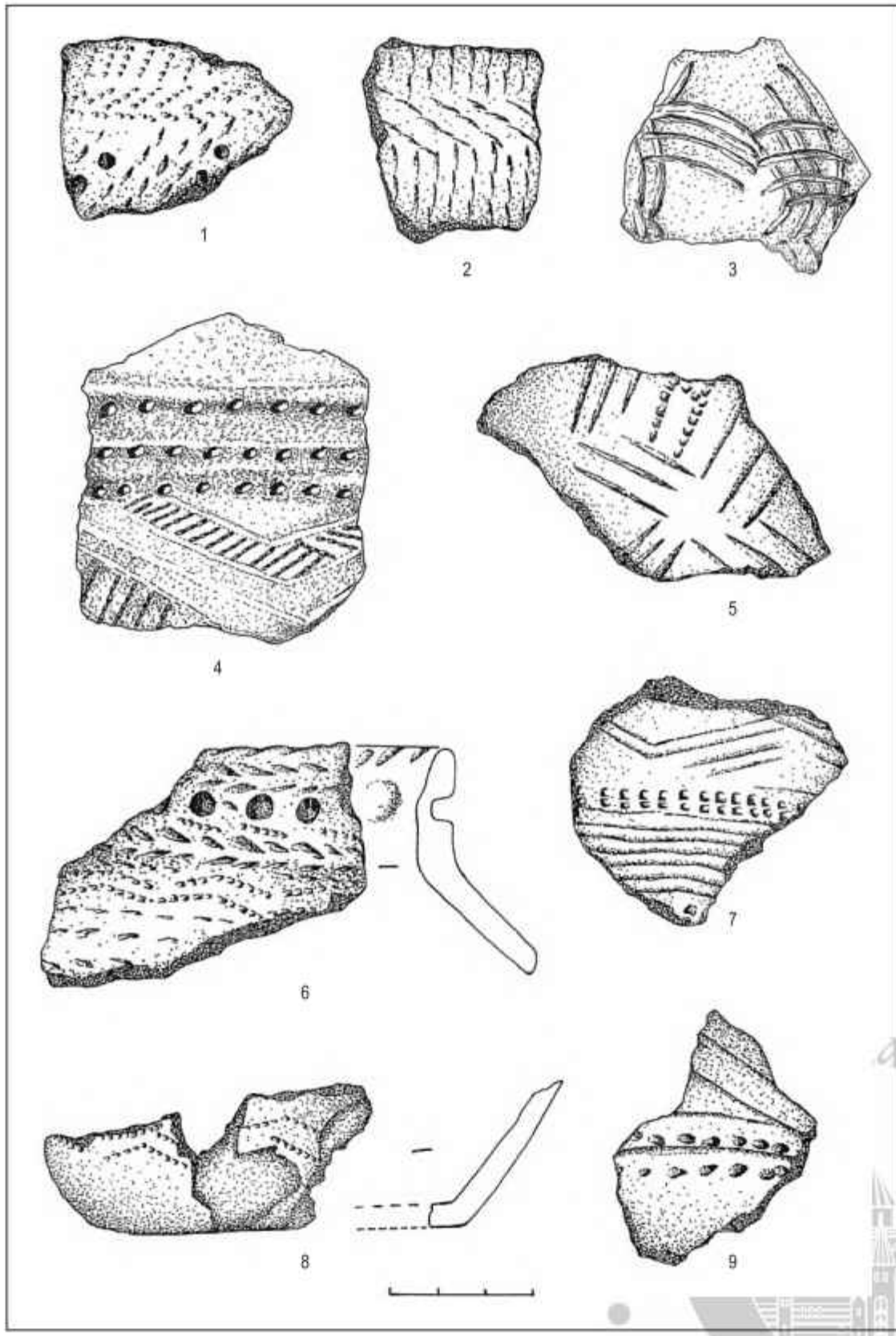

Рис. 6. Фрагменты сосудов энеолита (1–3) и бронзового века (4–9)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

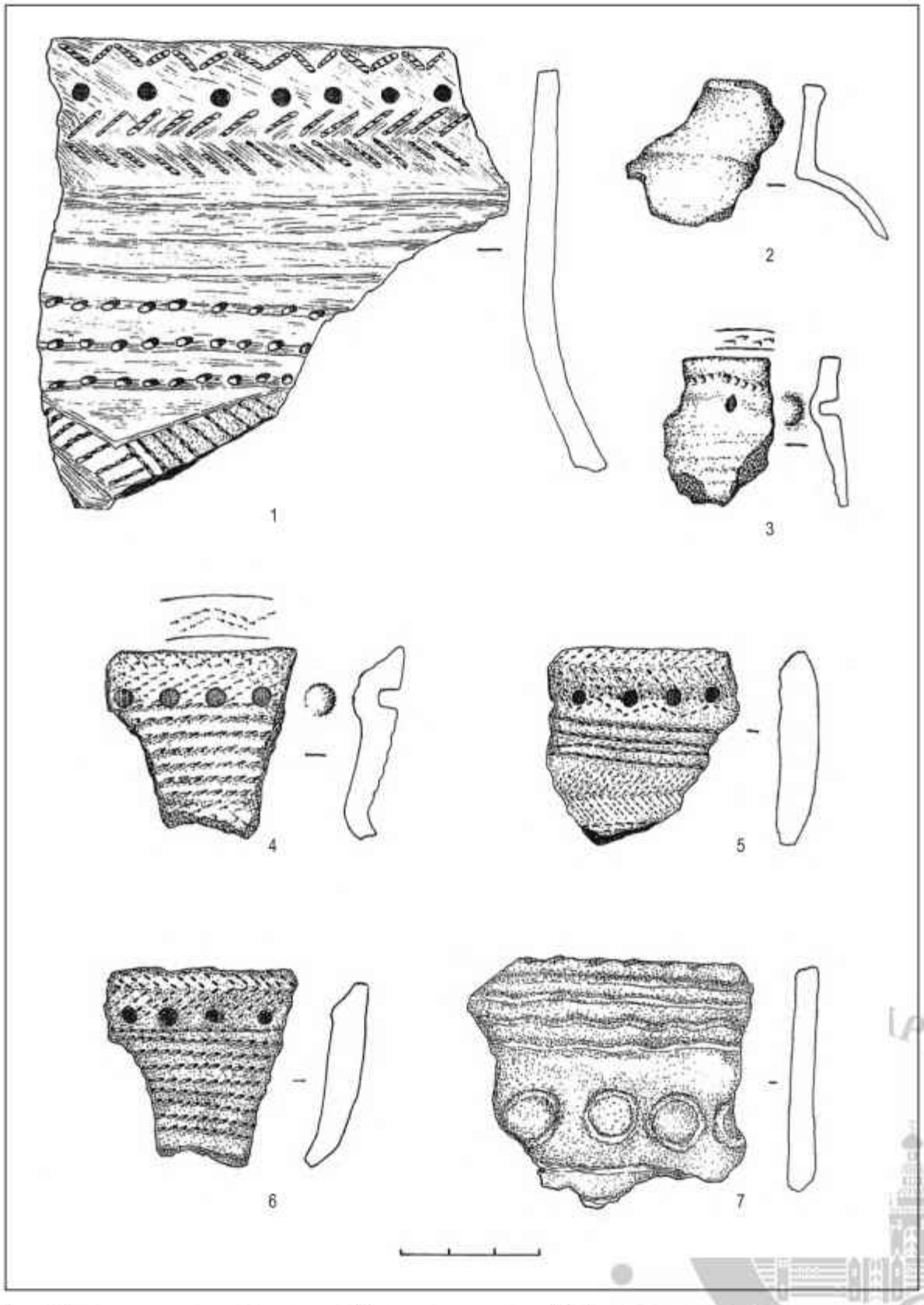

Рис. 7. Фрагменты сосудов бронзового (1), раннего железного (2, 3) веков и раннего Средневековья (4–7)

Объединенный музей

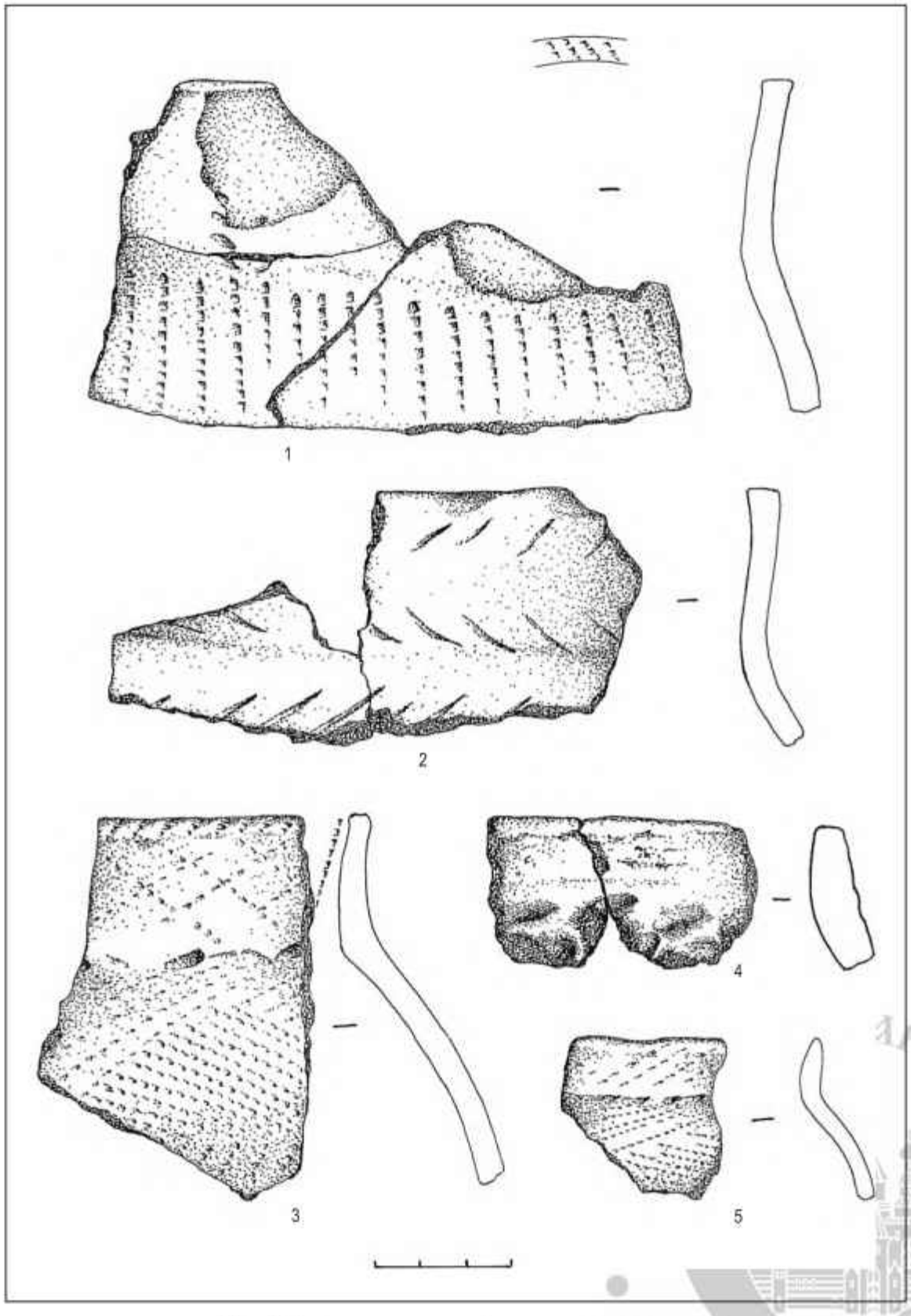

Рис. 8. Фрагменты сосудов раннего железного века

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

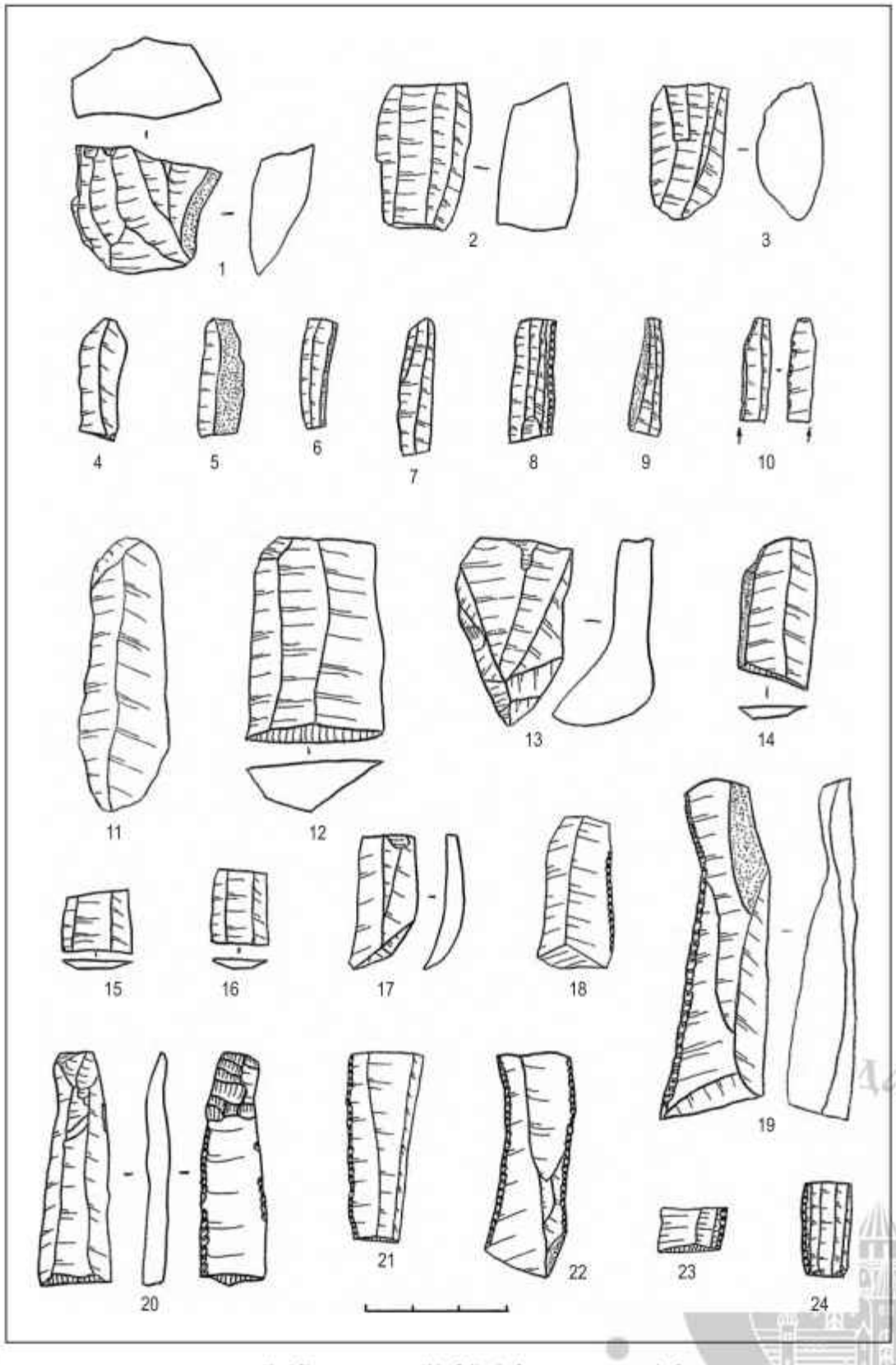

Рис. 9. Каменные изделия мезолита (1–10) и неолита (11–24): 1–3 – нуклеусы; 4–9 – микропластинки; 10 – резец; 11–17 – пластины без ретуши; 18–24 – пластины с вторичной обработкой

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Мезолитические изделия Юрьино IV имеют многочисленные аналоги на памятниках Юрьинского озера [6, с. 9–28].

Неолитические нуклеусы в коллекции отсутствуют. Имеются нуклевидные куски с бессистемной обработкой (14). Их длина варьирует от 3,4 до 6,7 см. На 6 кусках присутствует плиточная корка. Изготовлены они из халцедона (5), кремня (3), алевротуфа (2), вулканомиктового песчаника и светло-серой кремнистой породы (по 1).

Обработка нуклеусов представлена поперечным сколом и двумя ребристыми пластинами.

Неолитический пластинчатый комплекс Юрьино IV невелик, содержит 90 изделий.

Пластины без ретуши (53) имеют ширину от 0,9 до 2,9 см (рис. 9: 11–17). Преобладают пластины шириной 1,3–1,8 см. Больше половины пластин кривые, изогнутые, с неправильной огранкой. На 8 пластинах сохранилась первичная корка. Проксимальный конец одной из пластин использовался в качестве ретушёра. Среди пластин выделяется правильно огранённое сечение длиной 4,2 см, шириной 2,9 см и толщиной 1,0 см (рис. 9: 12). Нужно отметить и так называемое ныряющее окончание – пластину со сколотой нижней частью нуклеуса. Её длина 4,0 см, ширина 2,2 см. На окончании сохранились негативы сколотых пластин шириной 0,9–1,1–1,3–1,4 см (рис. 9: 13). И сечение, и пластина с «ныряющим» окончанием изготовлены из светло-серой слабоокремнелой породы, характерной для неолита. Пластины без ретуши представлены как целыми экземплярами (7), так и расколотыми на части: сечениями (13), отсечёнными проксимальными (12) и дистальными (10) концами, пластинками с отсечёнными проксимальными (2) и дистальными (9) концами. Больше половины пластин изготовлены из светло-серой слабоокремнелой породы (12), халцедона (10) и кремнистого сланца и зелёной яшмы (по 8). Реже использовали кремень (6), светло-серую яшму (5), красно-зелёную яшму (2), молочный кварц и углистый сланец (по 1).

Пластины с вторичной обработкой достаточно разнообразны (37). Среди них абсолютно преобладают пластины с ретушью на спинке (29). Их ширина колеблется от 1,0 до 1,9 см. Преобладают пластины шириной 1,3–1,7 см. Первичная корка присутствует всего на трёх пластинах. По двум краям обработаны восемь пластин (рис. 9: 22; 10: 2, 6–10, 12, 14), остальные – по одному (рис. 9: 18, 19, 21, 23, 24; 10: 3, 5, 11, 13). Пластинка с отретушированной бугорковой частью обработана ретушью по двум краям (рис. 9: 10). Довольно необычно распределение пластин по их частям. Преобладают отсечённые проксимальные концы – 10 экз. Затем идут сечения – 9 экз. Пластин с отсечённым дистальным концом – 5 экз. Отсечённый дистальный конец – 1 экз. Целых пластин – 4 экз. Для изготовления пластин с ретушью на спинке использовали 9 видов местного минерального сырья: светло-серую слабоокремнелую породу, кремень (по 5), зелёную яшму (4), халцедон, алевротуф, кремнистый сланец, светло-серую яшму (по 3), светло-серую кремнистую породу (2) и молочный кварц (1).

Единственная пластина с ретушью на брюшке изготовлена из кремня. Её длина 5,1 см, ширина 1,5 см. Один край пластины обработан мелкой краевой ретушью, а её проксимальная часть – плоской ретушью (рис. 9: 20).

Из трёх пластин с ретушью, нанесённой со спинки и с брюшка, следует отметить целую пластину с правильным гранением, изготовленную из полосчатого халцедона. Её длина 17,3 см, ширина 3,4 см, толщина доходит до 0,8 см. Дистальный конец пластины слабо изогнут в сторону брюшка. На нём сохранился небольшой участок с плиточной коркой (рис. 10: 1). Интересно, что другие изделия из такого же полосчатого халцедона на памятнике не найдены. На спинке пластины отретушированы оба края: один – по всей длине, второй – до середины. На брюшке плоской ретушью стёсан ударный бугорок. Пластину удобно держать в руке, обернув берестой или кожей её дистальный конец. Пластины подобной длины и сохранности на поселенческих памятниках встречаются крайне редко. Ещё 2 пластины с ретушью со спинки и с брюшка представлены сечением и изделием с отсечённым дистальным концом. Их ширина 1,5 и 2,0 см, изготовлены они из алевротуфа и светло-серой слабоокремнелой породы.

Пластины с обработанным ретушью концом выполнены из кремнистого и углистого сланца. У одной пластины оба края дополнительно обработаны ретушью на спинке, один край – пильчатой ретушью, второй – мелкой краевой (рис. 10: 4).

Ещё у двух пластин ретушью на спинке оформлены незначительные выемки. Ширина пластин 1,8 и 1,9 см, изготовлены они из кремня и алевротуфа (рис. 10: 3, 11).

Комплекс наконечников стрел (57) очень разнообразен как по типам изделий, так и по их хронологии. К неолиту отнесены десять наконечников иволистной формы. Их длина варьирует от 1,7 до 6,7 см. Наконечники обработаны сплошной двусторонней ретушью. Три наконечника этого типа длиной 1,7–1,8 см следует отнести к вотивным. Ещё три наконечника имеют слабо выраженный треугольный короткий черешок. Их длина доходит до 5,1 см (рис. 11: 2–4, 15–17, 19, 30). Изготовлены неолитические наконечники из молочного кварца, халцедона, кремнистого сланца, серого кварцита и алевротуфа. Предположительно к неолиту можно отнести два грубо обработанных листовидных наконечника с овальным основанием.

Свыше половины наконечников стрел (33) датируются энеолитом. Они отличаются тщательной обработкой, иногда с применением пильчатой ретуши. Преобладают узкие наконечники листовидной формы с прямым, закруглённым, иногда выемчатым или рыбковидным основанием длиной 1,8–4,2 см (рис. 11: 6–14, 18, 20). Имеются и вотивные изделия длиной 2,1–2,3 см (рис. 11: 21–29).

Четыре наконечника относятся к кельтеминарскому типу. Изготовлены они на пластинах, но длинные насады у них обломаны, длина сохранившихся частей не превышает 3,6 см (рис. 11: 11, 12). Кельтеминарские наконечники выполнены из халцедона, розового кварца и красно-зелёной яшмы. Для остальных наконечников использовались халцедон, серый кварцит, кремень, кремнистый сланец.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

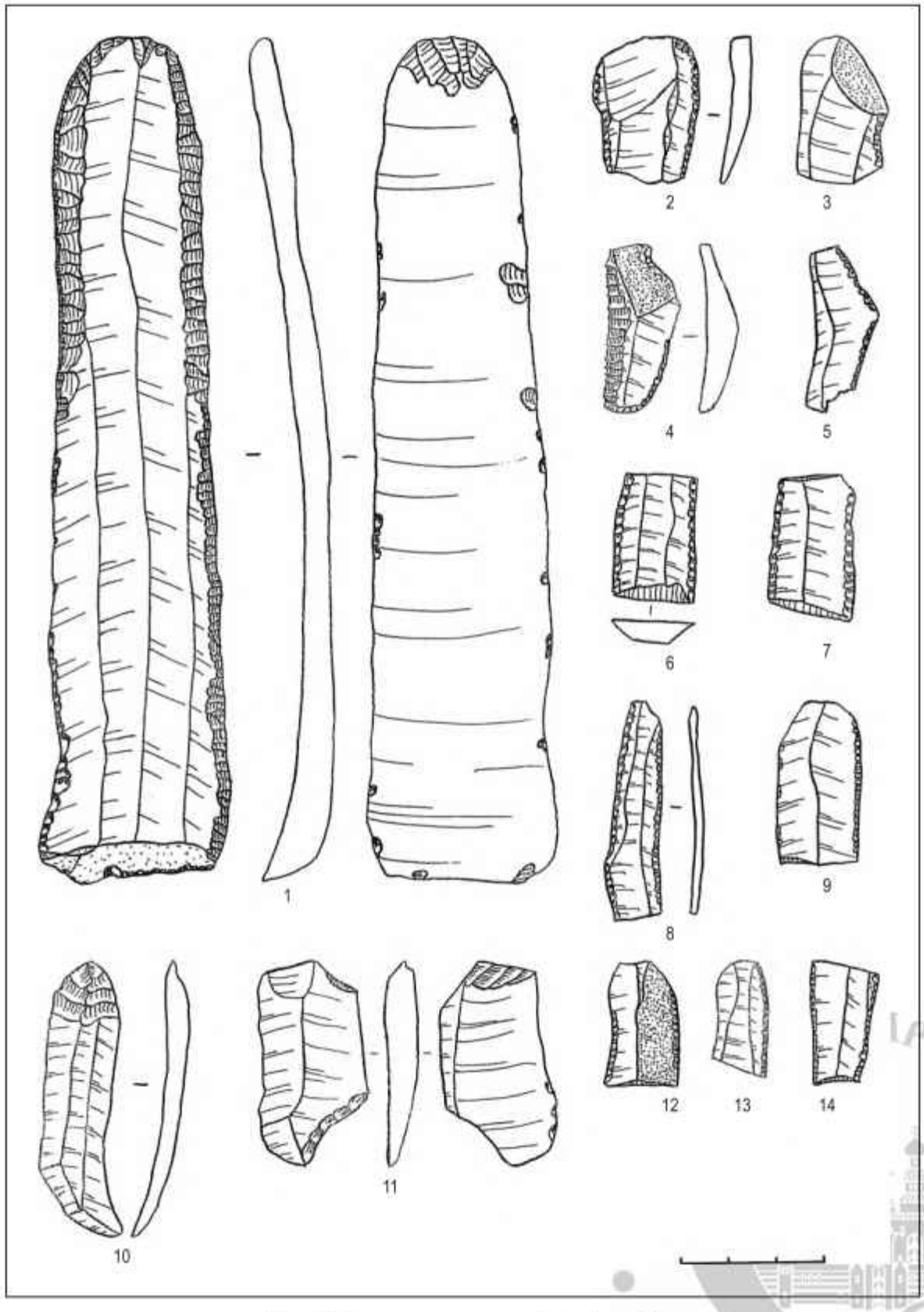

Рис. 10. Пластины с вторичной обработкой

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

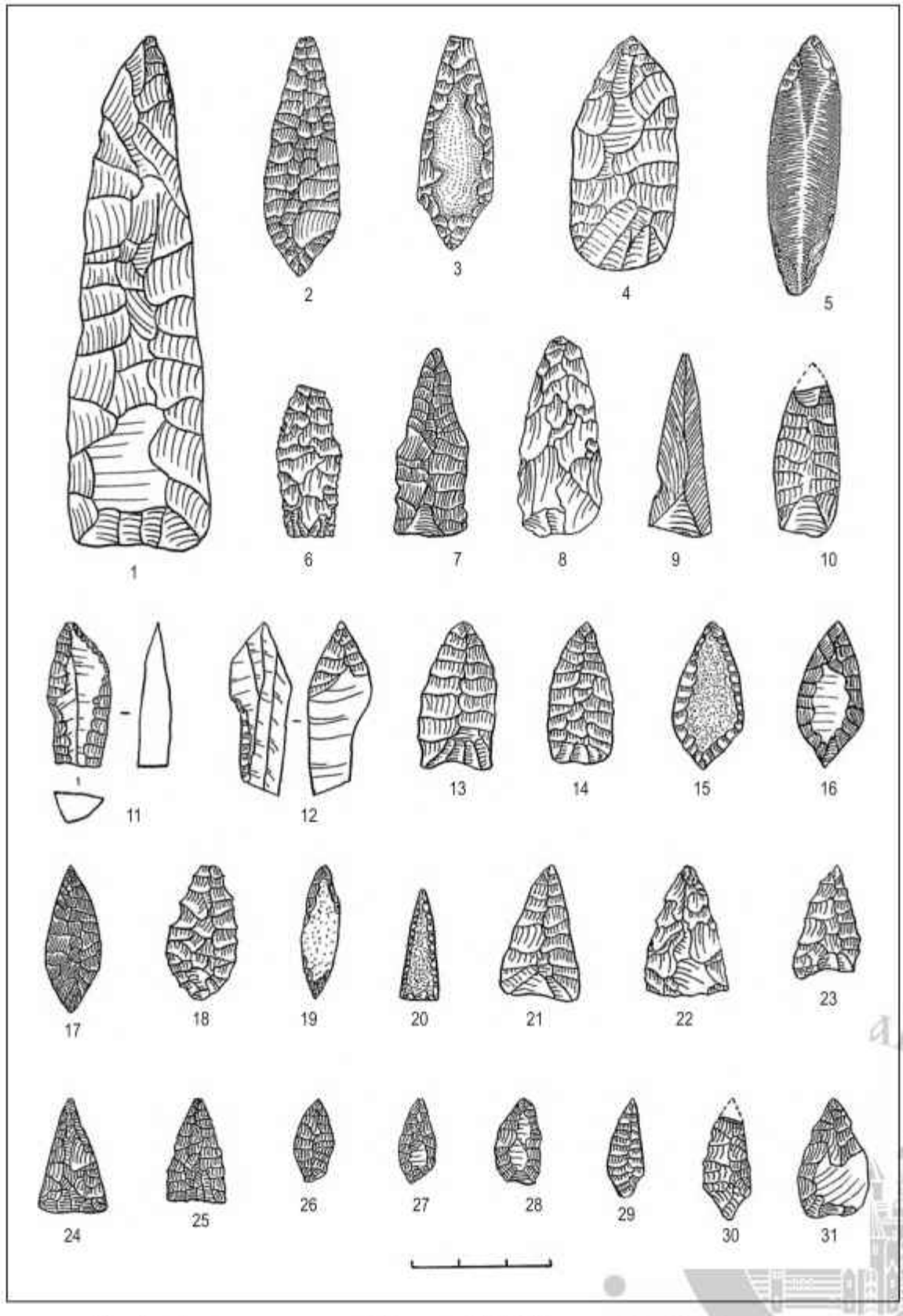

Рис. 11. Наконечники дротика (1) и стрел (2–31). Неолит – ранний железный век

ДРЕВЛЕННЫЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

К бронзовому веку отнесены три наконечника стрелы. Они изготовлены из халцедона в виде широких равнобедренных треугольников с прямым или слегка вогнутым основанием, их длина – 2,8–3,6 см (рис. 11: 21, 22).

Для раннего железного века характерны такие же треугольные наконечники, но меньшего размера – длиной 2,2–2,5 см (рис. 11: 23–25, 31). Изготовлены они обычно из халцедона и кремнистого сланца.

Среди сломанных наконечников стрел (83) присутствуют отколотые острия (28), отколотые насады (21), средние части (17), наконечники с отколотым остриём (12) и расколотые вдоль или по диагонали (5). По форме и технике обработки к энеолиту отнесены 39 экз., к бронзовому веку 3 экз. и к раннему железному веку 6 экз. Следует отметить, что на одном отколотом кончике острия присутствуют следы использования наконечника в качестве сверла. Изготовлены наконечники были из молочного кварца (25), халцедона (21), серого кварцита (13), кремнистого сланца (8), углистого сланца (7), кремня (4), светло-серой кремнистой породы (2), светло- серой яшмы, светло-серой слабоокремнелой породы и бледно-красной кремнистой породы (по 1).

Есть в коллекции и не законченные обработкой наконечники стрел (заготовки) – 13 экз. Обычно они изогнутые, несимметричные, горбатые, имеют листовидную форму и длину до 5,9 см.

Кроме наконечников стрел коллекция содержит и наконечники дротиков. Среди них один целый наконечник, 21 обломок и 11 заготовок. Целый наконечник изготовлен из молочного кварца в виде вытянутого равнобедренного треугольника длиной 10,9 см. Обработан двусторонней оббивкой (рис. 11: 1). Продатировать его можно бронзовым веком.

Обломки наконечников дротиков представлены фрагментами острий (17) и средних частей (3). Один наконечник повреждён боковым выломом. Длина обломков колеблется от 2,7 до 4,5 см, толщина доходит до 1,2 см.

Все заготовки наконечников дротиков обработаны оббивкой до получения листовидной формы. Их длина – от 5,0 до 8,6 см.

Острия представлены изделиями на пластинах (4) и на отщепах (5). Два острия выполнены на целых пластинах длиной 8,8 и 5,6 см, шириной 2,2 и 1,7 см. По всей длине боковых краёв они обработаны краевой ретушью на спинке (рис. 12: 1, 2). Изготовлены из алевротуфа и светло-серой слабоокремнелой породы. Остриё из молочного кварца на широкой пластине (4,2×2,2 см) использовалось в качестве сверла (рис. 12: 3). Четвёртое остриё выполнено на пластине светло-серой слабоокремнелой породы длиной 3,1 см и шириной 1,1 см. Кончик острия обработан плоской ретушью (рис. 12: 6). Все острия на пластинах отнесены к неолиту.

Острия на отщепах имеют большой разброс по длине – от 1,4 до 4,2 см. Обработаны они ретушью на спинке, но иногда кончик острия подправлялся и ретушью на брюшке (рис. 12: 4, 5).

Для изготовления скребков (103) использовались преимущественно отщепы (90), реже применялись пластины (12). Один скребок выполнен на сломанном наконечнике стрелы (рис. 12: 9). Только один скребок на пластине имеет длину 6,4 см (рис. 12: 10). Остальные скребки выполнены на укороченных пластинах длиной 1,9–4,4 см и шириной 1,4–2,0 см. Эти параметры превышены у двух скребков, изготовленных на пластинах шириной 2,7 и 3,5 см (рис. 12: 7, 15). Один скребок имеет два рабочих лезвия (рис. 12: 8). У четырёх скребков боковые края обработаны ретушью на спинке (рис. 12: 8, 10, 13, 14), у трёх сохранилась первичная корка. Изготовлены эти скребки из светло-серой слабоокремнелой породы (4), халцедона (3), кремня, кремнистого сланца, алевротуфа, светло-серой кремнистой породы и светло-серой яшмы (по 1).

Скребки на отщепах имеют длину от 1,6 до 4,0 см. Преобладают скребки однолезвийные. Рабочие лезвия обработаны ретушью на спинке, ретушь на брюшке использовалась единично (рис. 12: 11, 12, 16–19). Среди скребков выделяются три скребка балакинского типа (рис. 12: 20–22), относящиеся к бронзовому веку.

Необычными орудиями являются два скребла, изготовленные из обломков односторонних шлифовальных плит из гранодиорита (рис. 13: 1, 2). Их размеры – 6,6×5,4 см и 5,8×5,1 см. Дугообразные рабочие лезвия скребел оформлены оббивкой. Но следы использования на них отсутствуют.

Для изготовления ножей выбирались отщепы (12) и плитки камня (5). Ножи на отщепах выполнены на сколах длиной от 2,6 до 5,6 см. Предпочитали использовать крупные отщепы длиной 4,5–5,5 см (рис. 14: 5, 7–9). Рабочие лезвия обработаны краевой ретушью как со спинки, так и с брюшка. Выделяется серия ножей с сужающимся лезвием (6). Рабочие их лезвия образованы ретушью со спинки или с брюшка с заметным сужением к одному из концов (рис. 14: 10–13; 15: 4).

Ножи из плиток выполнены на длинных (до 7 см) заготовках толщиной 0,35–1,1 см. Рабочие лезвия оформлены двусторонней краевой ретушью. Интересен нож из плитки молочного кварца размерами 7,1×3,3×1,1 см. Один край обработан двусторонней ретушью по всей длине, такой же ретушью оформлены остриё и рукоятка в виде короткого черешка (рис. 14: 2).

Отдельно выделен комплекс изделий из плиток серого кварцита. По своим параметрам (длине, ширине и толщине) плитки являются идеальными заготовками для ножей и наконечников стрел. Острия и наконечники стрел уже описаны выше. Ножи из плиток серого кварцита (8) представлены в основном фрагментами длиной от 3,7 до 4,7 см и толщиной 0,3–0,55 см. Но имеются и целые ножи длиной 5,8–6,1–7,3 см (рис. 14: 1, 3, 6). Обычно ножи из плиток серого кварцита имеют листовидную форму и два рабочих лезвия. У одного ножа – дугообразное лезвие и вылом на обушной части (рис. 14: 4).

В этот комплекс изделий входят и другие изделия (4).

Ретушёр изготовлен из фрагмента плитки размерами 4,3×3,0×0,7 см. Конец орудия закруглён двусторонней ретушью, он сильно смят и заглажен.

Из плиток серого кварцита треугольной формы размерами 7,0×3,8×1,2 см и 7,2×5,3×0,9 см изготовлены рубящие орудия. Они имеют дугообразные лезвия, обработанные двусторонней ретушью (рис. 15: 1). У од-

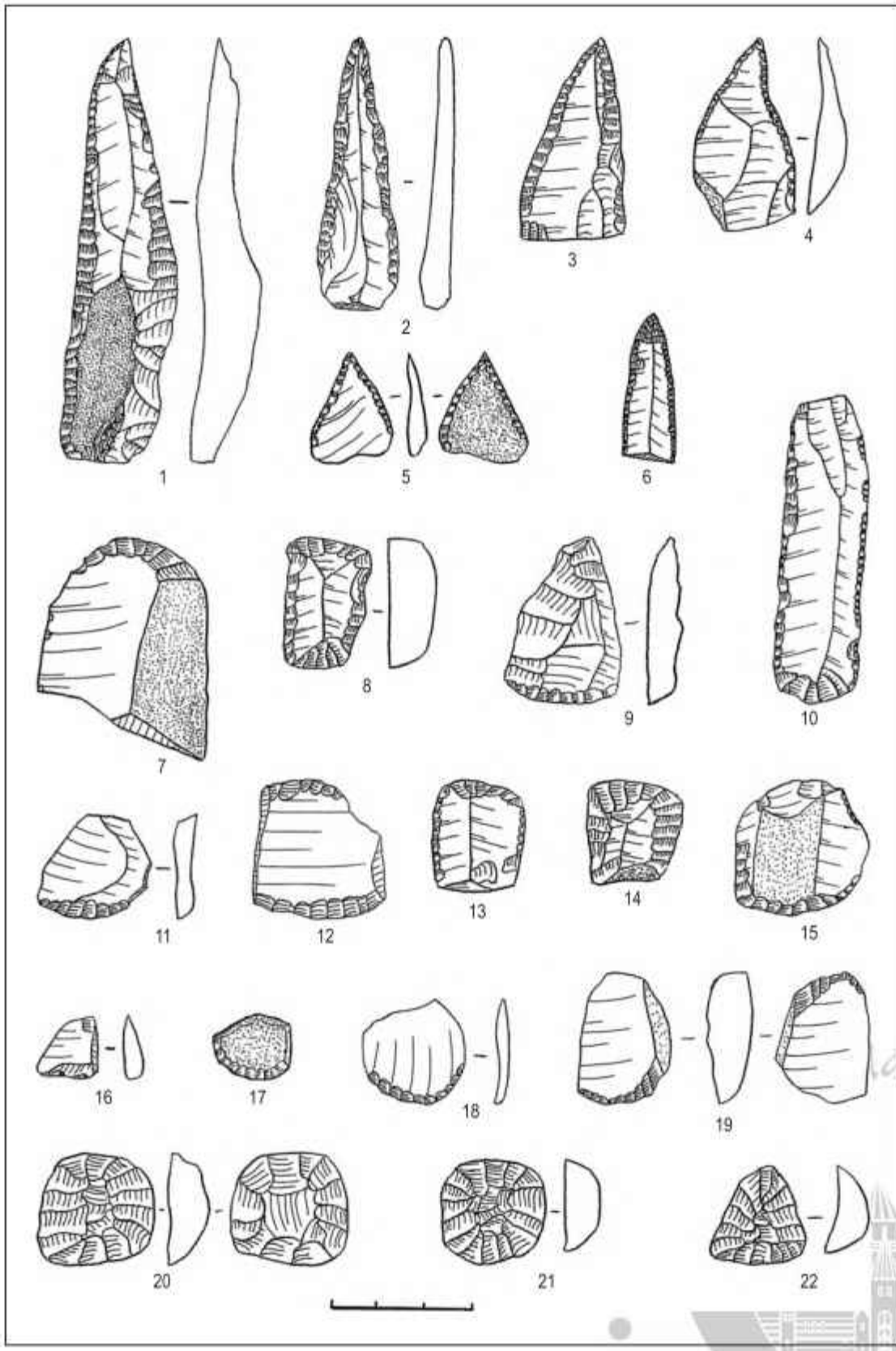

Рис. 12. Острия (1–6) и скребки (7–22)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

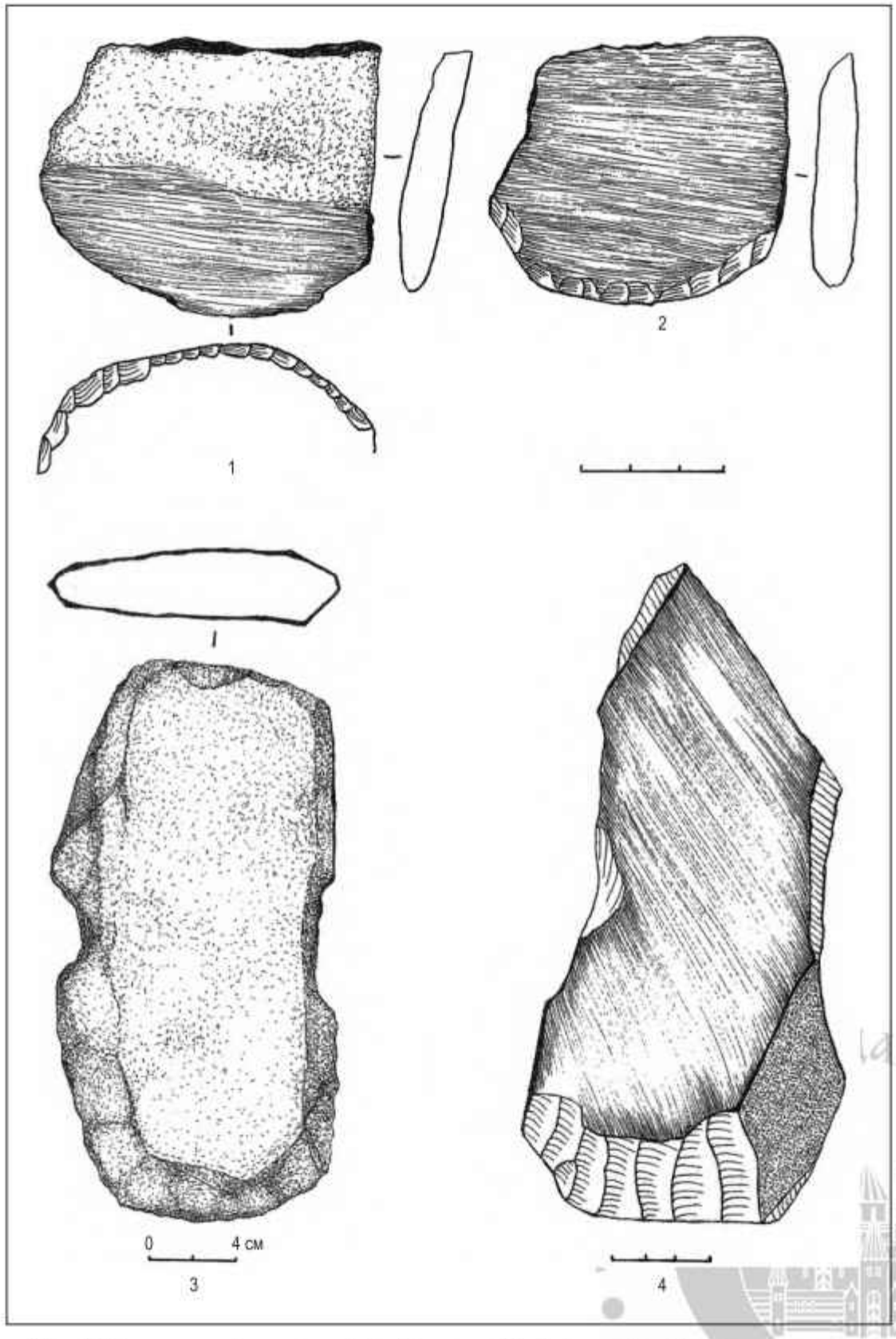

Рис. 13. Изделия из гранодиорита (1, 2, 4) и сланца (3): 1, 2 – скребла; 3 – якорь; 4 – мотыга

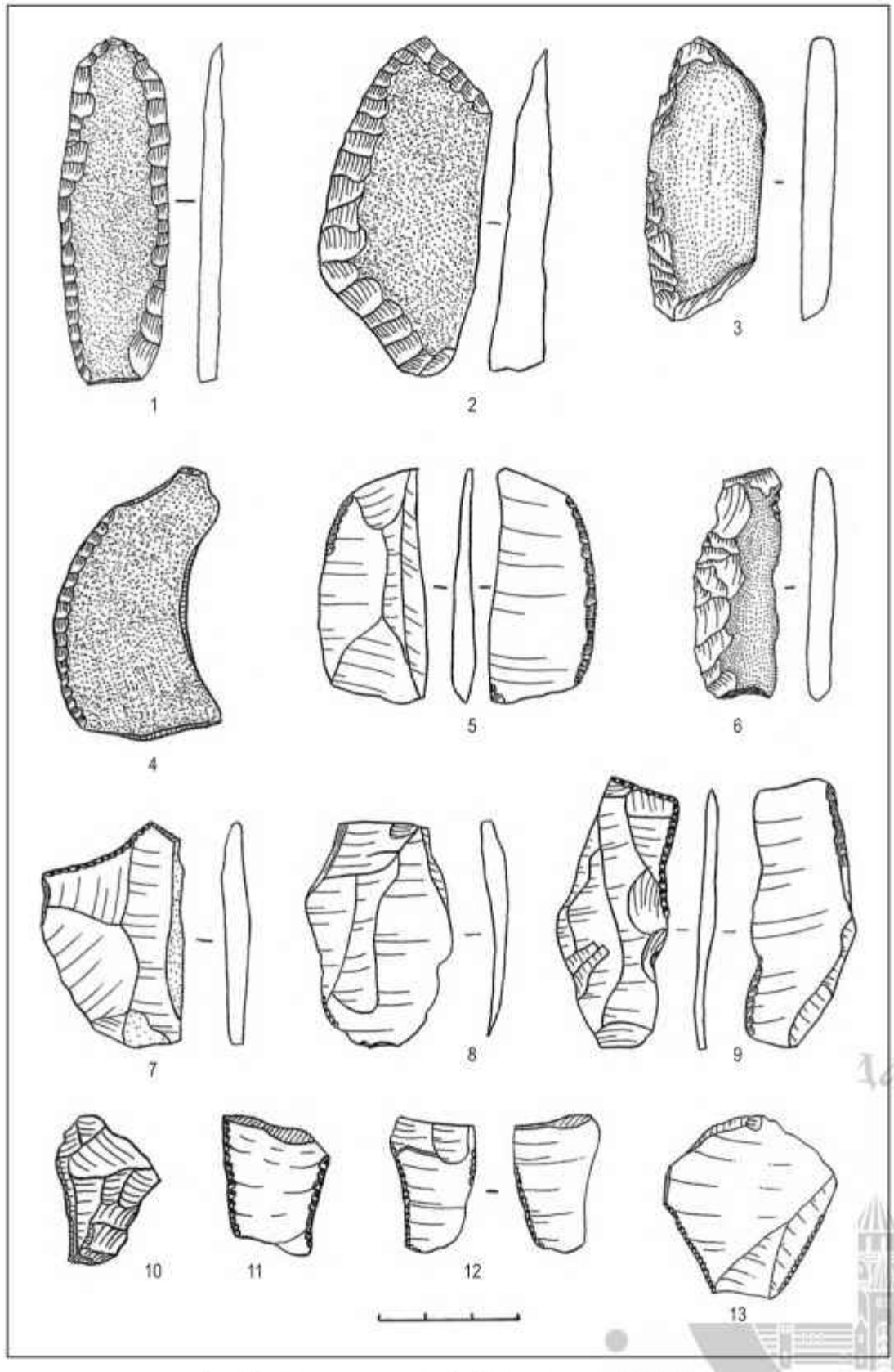

Рис. 14. Ножи на плитках (1–4, 6) и отщепах (5, 7–13)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

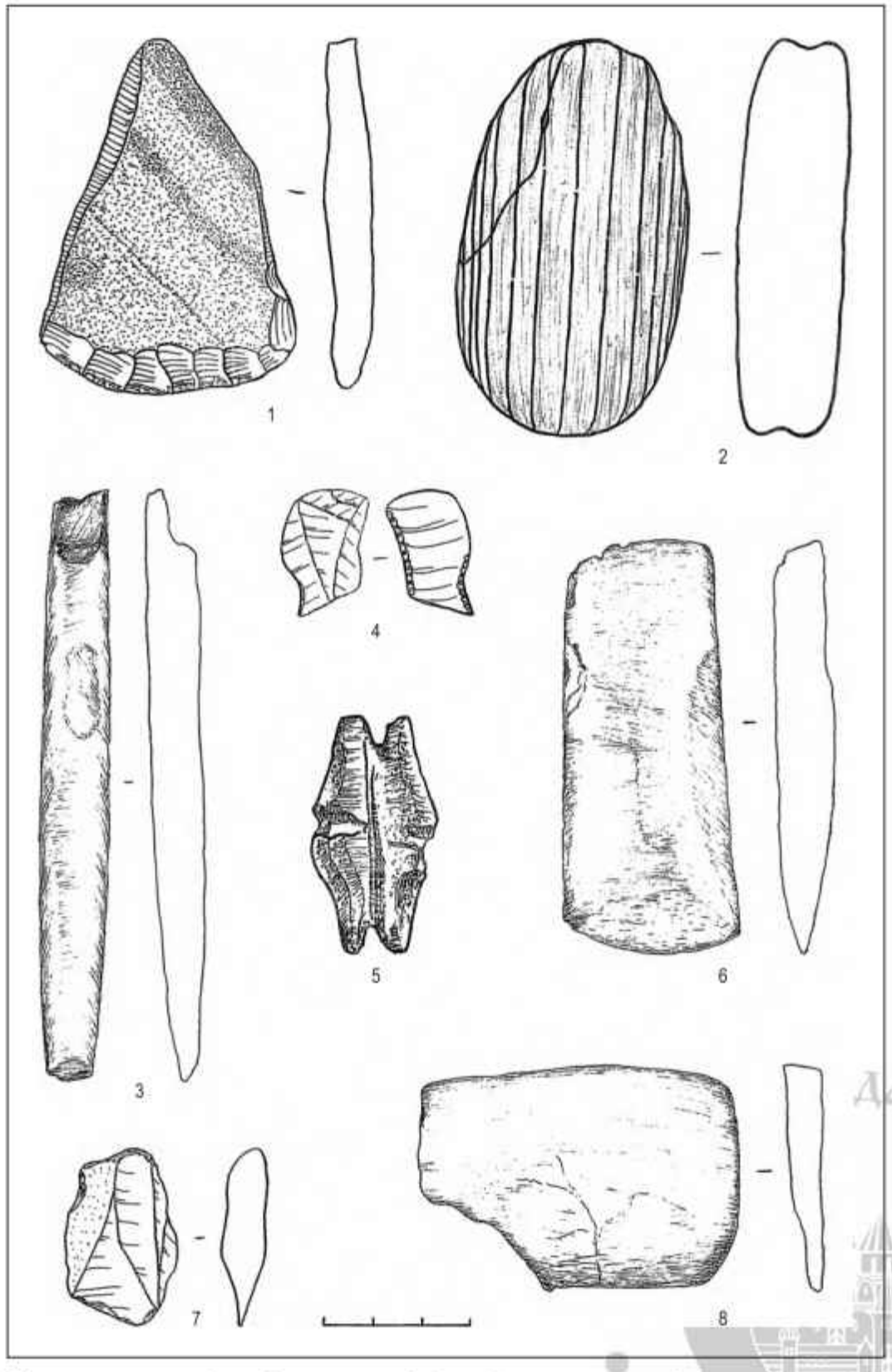

Рис. 15. Каменные изделия: 1 – рубящее орудие; 2, 5 – рыболовные грузила; 3, 6 – шлифованные рубящие орудия; 4 – нож на отщепе; 7 – ретушёр; 8 – абразивная пила

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ного изделия рабочее лезвие выкрошено от использования. Ещё одно рубящее орудие имеет прямоугольную форму, его размеры – 7,8×5,7×0,7 см.

В коллекции присутствуют и неиспользованные плитки серого кварцита (37) длиной от 2,7 до 5,5 см и шириной от 0,15 до 1,2 см, которые могли быть заготовками для ножей.

Орудия из плиток серого кварцита уверенно можно отнести к энеолиту. Энеолитическая специализированная мастерская по изготовлению ножей и наконечников стрел из плиток серого кварцита (Боровка III) исследована автором в окрестностях Нижнего Тагила [7, с. 59–68].

Имеются на памятнике в небольшом количестве и шлифованные изделия (13).

Оригинальным орудием является шлифованный двухконечный молоток из вулканомиктового песчаника размерами 10,7×4,8×3,7 см. Он был полностью отшлифован, но разрушен двумя длинными встречными сколами длиной 7,3 см по всей длине орудия. Рабочие участки молотка уплощены, от них расходятся микросколы от использования. Посередине молотка техникой пикетажа образована кольцевая канавка шириной до 1,2 см.

Из бурого сланца изготовлено узкое долото прямоугольного сечения. Обушковый конец его отломан, рабочее лезвие также повреждено при использовании. Орудие полностью отшлифовано. Размеры сохранившейся части – 11,3×1,35×1,1 см (рис. 15: 3).

Шлифованные тёсла (3) имеют в длину 5,1; 5,8; 8,5 см (рис. 15: 6). У двух тёсел отшлифованы только лезвия. У самого крупного тесла намеренным ударом отколото лезвие. Все тёсла выполнены из вулканомиктового песчаника.

От шлифованных ножей (3) сохранились обломки длиной от 1,8 до 15,5 см. Самый крупный фрагмент размерами 15,5×5,5×0,5 см изготовлен из вулканомиктового песчаника. Второй нож сделан из сланца, его размеры – 4,6×2,0×0,25 см. Он имеет два рабочих лезвия, снабжённых отшлифованной фаской.

Два целых шлифованных наконечника стрелы представлены разными типами. Один наконечник имеет ромбическое сечение, насад и кончик острия дополнительно подработаны тонкой оббивкой (рис. 11: 5). Его длина 5,4 см. Исследование наконечника под микроскопом показало, что он использовался в качестве сверла по камню, а также служил боковым скребком. Второй наконечник длиной 3,7 см имеет ромбическое сечение и уплощённый на две грани насад (рис. 11: 9). От двух шлифованных наконечников сохранились фрагменты длиной 2,3 и 2,4 см.

Все обломки шлифованных орудий (44) происходят от рубящих орудий, преимущественно тёсел. Их длина колеблется от 1,2 до 9,3 см. Среди обломков пять обухов и 14 фрагментов средних частей. Выделяется тщательно отшлифованный обух размерами 6,2×4,9×3,1 см. Сохранилась и средняя часть тесла размерами 5,2×4,4×2,1 см. Практически все сломанные орудия выполнены из вулканомиктового песчаника (39).

На памятнике присутствует незначительный комплекс изделий из талька. Некоторые из них оригинальны по форме и использованию. Частично сохранились два лопатовидных изделия. Одно из них имеет 15,1 см в длину, 7,7 см в ширину и 1,8 см в толщину. Небольшой фрагмент боковой части отсутствует. Изделие отшлифовано со всех сторон. От второго аналогичного изделия сохранился скол размерами 14,3×4,7×1,9 см. Оно также отшлифовано. Аналогов данным изделиям нет. Для чего они предназначались – неясно.

Ещё одно изделие из талька изготовлено в виде овального блока размерами 8,2×4,6×2,2 см. Склеено из двух фрагментов. Тщательно отшлифовано со всех сторон. По боковым рёбрам по всему периметру проточена канавка шириной 0,7–0,9 см и глубиной 0,3–0,4 см (рис. 15: 2). Аналогов изделию нет, но предварительно оно отнесено к рыболовным грузилам.

Также оригинальны по форме и рыболовные грузила с ро́жками. Их два, длиной 3,8 и 4,9 см. На верхнем и нижнем концах изделий каменным орудием вырезаны своеобразные ро́жки высотой 0,5–0,6 см. Средняя часть грузил раздута, посередине прорезана крестообразная канавка глубиной до 0,25 см (рис. 15: 5).

Не понятно, для чего использовался отшлифованный со всех сторон уплощённый шарик из талька диаметром 4,6–4,7 см и толщиной 2,4 см.

Также из талька выполнены четыре лощила длиной от 3,7 до 7,5 см. Самое крупное орудие имеет размеры 7,5×4,4×2,9 см. Рабочие участки лощил выпуклы, ими заглаживали внутреннюю поверхность сосудов.

Входят в коллекцию и пять кусков талька размерами от 1,1 до 3,0 см. Среди них выделяется своим зеленоватым отливом кусок благородного талька размерами 5,0×4,1×1,3 см.

Орудия обработки представлены шлифовальными плитами, точильными камнями, абразивными пилами, отбойниками и ретушёрами.

От шлифовальных плит сохранились в основном мелкие обломки длиной от 2,2 до 5,5 см. Семь плит имеют по две рабочие плоскости. Сильно сточенная с двух сторон шлифовальная плита из двух фрагментов склеилась в кусок размерами 33,6×10,3×2,4 см. Из гранодиорита изготовлены 29 плит, из сланца – две.

Самый крупный точильный камень из слюдистого сланца имеет трапециевидную форму, его размеры – 4,3×4,1×0,9 см. Остальные абразивы выполнены из тонких (0,4–0,65 см) плиток сланца и серого кварцита (по 2). У трёх точильных камней по 2 рабочие плоскости.

Абразивные пилы (22) изготовлены из гранодиорита (17) и слюдистого сланца (5). Глубина проникновения в обрабатываемый материал обычно не превышает 1,5 см. Но имеется пила длиной 23,5 см, лезвие которой сточено на 3,6 см. Лезвия у всех пил прямые, что свидетельствует о пилении изделий значительной ширины (рис. 15: 8). Из предметов со следами пиления на памятнике присутствуют кусок талька и фрагмент керамики без орнамента [8, с. 240].

Все отбойники (4) представлены гальками диаметром от 5,5 до 8,6 см. Три гальки кварцевые, одна – из вулканомиктового песчаника. Зоны износа расположены на торцевых участках. Одна галька сработана по всему периметру.

В качестве ретушёров (3) использовали плитку серого кварцита, пластину и отщеп (рис. 15: 7).

Остальные изделия представлены единичными экземплярами или небольшими сериями.

Среди них нужно отметить два мотыгообразных орудия. Одно изготовлено из сланца. Второе выполнено из односторонней шлифовальной плиты из гранодиорита. Его длина 18,8 см, ширина рабочей части – 9,7 см, ширина в перехвате – 6,6 см, ширина обуха – 6,4 см. Нижний рабочий конец прямой, со следами сколов. Посередине орудия оббивкой образованы две выемки для крепления в рукояти. Верхний конец заострён в виде треугольника (рис. 13: 4).

Два каменных диска, которые использовались в качестве рыболовных грузил, изготовлены из односторонних шлифовальных плит из гранодиорита. Они оббиты по периметру. Их размеры – 10,1×8,7×1,6 см и 7,6×6,9×2,3 см.

Ещё одно грузило из гранодиорита длиной 8,6 см имеет веретенообразную форму.

Представляет интерес изделие из плитки сланца, которое можно определить как якорь для небольшой лодки. Его размеры – 24,5×12,3×3,6 см. Одно боковое ребро гладкое, остальные оббиты по всей длине. По длинным сторонам «якоря» оформлены две противолежащие выемки шириной 4,5 и 6,0 см, глубиной до 0,9 см.

К заготовкам орудий (81) отнесены изделия, обработанные двусторонней ретушью или оббивкой, но не законченные в обработке. Их длина колеблется от 2,2 до 7,5 см. Чаще всего они являются заготовками ножей, наконечников стрел или рубящих орудий. Первичная корка присутствует на 33 заготовках.

Отщепы с краевой ретушью (124) обычно использовались для работ единичного характера. Их длина колеблется от 0,3 до 9,2 см. На отщепах абсолютно преобладает ретушь на спинке, ретушь на брюшке единична. Первичная корка присутствует на 49 отщепах.

В коллекции отщепов (3276) преобладают сколы длиной от 0,7 до 10,1 см. Первичная корка присутствует на трети отщепов – 1056 (32,2 %). Для скалывания отщепов использовались 24 вида минерального сырья. Преобладают отщепы из халцедона (1029 – 31,4 %). Затем по численности идут отщепы из молочного кварца (704 – 21,5 %), кремнистого сланца (480 – 14,7 %), вулканомиктового песчаника (296 – 9,0 %), алевротуфа (162 – 4,9 %) и кремня (129 – 3,9 %). На долю остальных видов сырья приходится около 15 %. Разноцветные яшмы (зелёная, пятнистая, светло-серая, кремовая, сургучная, бурая, красно-зелёная) составляют всего 4,1 %. (134). Единичны и благородные минералы (горный хрусталь, сердолик и змеевик) – 7 экз. В список минерального сырья также входят серый кварцит (98), светло-серая кремнистая порода (78), углистый сланец (71), светло-серая слабоокремнелая порода (55), лидит (18), белая кремнистая порода (8) и сланец (7).

Как и на многих памятниках Среднего Зауралья, в коллекции присутствуют камни и плитки без следов обработки (26), но которые могли использоваться в определённых целях в будущем. Их длина имеет большой разброс – от 1,7 до 6,9 см.

Постоянной категорией находок на памятниках Среднего Зауралья являются гальки, в коллекции с Юрьино IV есть целые (6) и расколотые (27). Преобладают кварцевые гальки, но среди расколотых имеются гальки горного хрусталя, розового кварцита и габбро.

Редкими изделиями можно считать гребенчатые штампы: каменные и глиняные (по 2 экз.). Один глиняный штамп очень тонкий (0,2 см) в профиле. Рельефные зубцы у него с двух концов, выпуклого и вогнутого (рис. 1: 1). Причём зубцы образованы не пропиливанием, а равномерными нажатиями ещё по сырой глине. Второй глиняный штамп имеет дугообразную форму. Он склеен из двух фрагментов. Как и на первом штампе, зубцы, но менее выраженные, присутствуют с двух сторон. Следует отметить, что на выпуклом краю в двух местах зубцы выломаны (рис. 1: 4). Поверхности каменных штампов отшлифованы с двух сторон. Длина одного штампа доходит до 9,3 см. Зубцы у него разделены прорезью на два ряда (рис. 1: 2). Зубцы второго штампа еле видны и не дают чёткого оттиска. К тому же зубцы имеют неодинаковую толщину, с 0,4 см она увеличивается до 0,64 см (рис. 1: 3) [9, рис. 4, *1–4*].

Выявлен на памятнике и небольшой комплекс изделий неутилитарного характера.

Кроме описанных выше фрагментов керамики с графическими изображениями птиц и животных к таким изделиям относится и обломок «утюжка». От него сохранился только отколотый угол. Верхний торец и одна из граней отшлифованы. На лицевой грани присутствует пропиленный желобок глубиной 0,5 см. Изготовлен он из необычной для памятника белой окварцованной породы.

Довольно редкой находкой является кусочек охры размерами 1,3×1,2×0,8 см (рис. 1: 5). Цвет кусочка – тёмно-красный. Одна из его поверхностей стёрта, имеет выпуклый характер. Кусочек охры служил своеобразным «карандашом» (например, для затирания поверхности сосудов). Кроме охряного «карандаша» найдены ещё восемь кусочков охры, в основном тёмно-красного цвета, но один из них имеет ярко-малиновый цвет [10, с. 10–11].

Явно намеренно на памятник была принесена пластина слюды длиной 2,6 см, толщиной 0,1 см.

Большой интерес в этом комплексе вызывают две кремнёвые скульптуры [11, с. 20–21; рис. 5, *4*; 6, *1*]. Именно на этом памятнике найдена первая на восточном склоне Урала достоверная кремнёвая пластика. Одна из скульптур, выявленная ещё в 1976 г., зоологами определена как глухарка (рис. 1: 7). Изготовлена она на тонком изогнутом отщепе кремнистого сланца. Один из предыдущих сколов оставил на изделии негатив, по форме похожий на крыло птицы. Возможно, именно этот скол помог древнему мастеру увидеть в отщепе будущую скульптуру птицы. В дальнейшем изделие по всему периметру было обработано краевой

ретушью, которая и придала ему форму птицы. Следует подчеркнуть, что слабо выраженная пильчатая ретушь, которой обработана скульптура, характерна для энеолита.

Вторая скульптура представляет антропоморфную фигурку. Она имеет неразделённые ноги, что никогда не встречается в европейской России. Голова у скульптуры округлая, руки показаны слегка намеченными выступами, между головой и руками присутствуют слабо выраженные выемки – попытка мастера показать шею. В нижней части фигурки имеется небольшой участок, покрытый галечной коркой. Это может служить свидетельством, что данное изделие не было наконечником стрелы, иначе его перо не обладало бы функциональной остротой. Асимметричный профиль скульптурки является попыткой показать живот или отвисшую грудь женщины. Высота фигурки всего 2,5 см, максимальная ширина 1,2 см (рис. 1: 6).

Таким образом, на памятнике присутствуют материалы шести периодов – мезолита, неолита, энеолита, эпохи бронзы, раннего железного века и раннего Средневековья. Основная масса находок (62,8 %) относится к энеолиту. Видимо, здесь располагалось долговременное энеолитическое поселение. Материалы неолита и бронзового века представлены по 15 %. Комплексы остальных периодов незначительны: ранний железный век – 5 %; раннее Средневековье – 1,5 %; мезолит – 0,7 %.

Исследование памятника позволило получить представительную коллекцию артефактов – свыше 13,5 тыс. Среди них присутствуют не только серийные, распространённые изделия, но и оригинальные, редкие и уникальные артефакты, неизвестные на других памятниках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сериков Ю.Б., Арефьев В.А.* Работы на территории лесного Зауралья // АО – 1973. М.: Наука, 1974. С. 174.
2. *Герасименко А.А., Сериков Ю.Б.* Неолитические памятники Юрьинского озера // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 5. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 59–79.
3. *Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.
4. *Сериков Ю.Б.* О находках произведений искусства со стоянки Юрьино IV (Зауралье) // СА. 1978. № 4. С. 245–248.
5. *Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н.* Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. 1997. № 4. С. 40–64.
6. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника / *М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, Л.Л. Косинская, П.А. Косинцев.* М.: Воскресенская типография, 2012. 214 с.
7. *Сериков Ю.Б.* Боровка III – специализированная мастерская по изготовлению ножей из плиток серого кварцита // РА. 2014. № 4. С. 59–68.
8. *Сериков Ю.Б.* К вопросу о технике пиления в неолите и бронзе лесного Зауралья // СА. 1978. № 1. С. 237–242.
9. *Сериков Ю.Б.* Изделия с зубчатым краем: некоторые аспекты их использования // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Материалы 21-го–22-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Тривада, 2021. С. 227–243.
10. *Сериков Ю.Б.* Использование рудных минералов в сакральной сфере древнего населения // Геоархеология и археологическая минералогия–2022. Миасс–Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманит.-педагог. ун-тета, 2022. С. 7–13.
11. *Сериков Ю.Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. 268 с.

Российский государственный профессионально-педагогический университет (Филиал в Нижнем Тагиле), Нижний Тагил, Свердловская область

Yu.B. Serikov

YUR'YINO IV – SUPPORTING RELICS OF THE STONE AND THE BRONZE AGES OF THE KOKSHAROVSKY PEAT BOG (MIDDLE TRANSURALS)

Summary

The article publishes the results of rescue works on the multilayered settlement of Yur'yino IV. The site contains complexes of all archaeological epochs from the Mesolithic to the Middle Ages. The bulk of the finds belongs to the Eneolithic and Neolithic – about 85 %. The remaining epochs are represented by small complexes, which make up from 1.5 to 8.5 % of the total collection. Statistical-typological, tracological and mineralogical methods were used in the analysis of stone products. The Eneolithic era is characterized by the first reliable flint sculptures on the eastern slope of the Urals. Among other extraordinary finds, it should be noted the "ironing", stone and clay comb stamps, fragments of ceramics with graphic images of birds and animals, as well as some categories of previously unknown polished products. Local mineral raw materials were widely used in the settlement, the list of which reaches 25 items. Products made of chalcedony, siliceous shales and milk quartz predominate – about 66 %.

The Russian State Professional and Pedagogical University, Branch in Nizhny Tagil, 57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhny Tagil, Sverdlovsk Region, 622031, Russia
E-mail: u.b.serikov@mail.ru

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.Н. Дубовцева, Х. Пиецонка, Т. Шрайбер

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ УКРЕПЛЁННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ ТАЁЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Таёжная зона Западной Сибири является территорией с длительной историей фортификационного строительства. Известны более тысячи укреплённых поселений и их прототипов. Большинство городищ относится к раннему железному веку и Средневековью, но первые укрепления датируются неолитом и появляются в регионе на рубеже VII–VI тыс. до н. э. Изучение этих объектов осложняется отсутствием надёжной хронологии. Для создания базы радиоуглеродного датирования памятников, связанных с различными типами оборонительных сооружений, проведён сбор образцов угля и нагара на посуде. Образцы отбирались как из музейных коллекций, так и в ходе полевых работ. Основным полигоном исследования являлось урочище Барсова Гора, памятники которого лежат в основе изучения культурных процессов и хронологии среднетаёжной подзоны Западной Сибири. Целью статьи является представление и анализ серии из 77 радиоуглеродных AMS-дат с 19 укреплённых и неукреплённых поселений от неолита до Средневековья. Для установления их надёжности проведена оценка дат по нескольким критериям, включающим в том числе стратиграфическое и тафономическое положение датируемого предмета, его связь с деятельностью человека, собственный возраст образца. Анализ серии показал, что около 17 % дат невалидны, что связано как с ошибками отбора и сложной стратиграфией, так и с проблемами метода, в том числе резервуарным эффектом. Многие памятники датировались впервые.

DOI: 10.70203/3919.2024.48.16.008

Актуальность и постановка проблемы

Таёжная зона Западной Сибири (рис. 1) является территорией с длительной историей фортификационного строительства. На протяжении тысячелетий в суровых условиях, не способствующих развитию производящих форм экономики, сохраняется и совершенствуется традиция строительства укреплений и ограждений. Количество известных здесь городищ и их прототипов более 1000 [1, с. 6], большинство из них относится к раннему железному веку и Средневековью, но первые укрепления появляются ещё в каменном веке. Этот уникальный феномен вызывает множество вопросов о причинах возникновения и функциях городищ в среде охотников, рыболовов и собирателей. Однако первоочередными задачами остаются разработка типологии укреплённых поселений и определение их возраста. Типология городищ исследуется на протяжении полувека. Для разных периодов выделяют мысовые, лесные и береговые городища. Они имеют различную площадь и планировку. Различаются и оборонительные системы, которые в большинстве представлены валом и рвом (рис. 2). Кроме городищ выделяют такой тип памятников, как укреплённые или огороженные жилища, которые принято рассматривать как прототипы более поздних городищ [1–4].

Радиоуглеродных дат для подобных объектов немного, особенно для городищ раннего железного века и Средневековья. Имеющиеся даты редко представляют серии, не всегда понятен контекст их отбора, не ясно, влияют ли на них эффекты пресноводного резервуарного эффекта или эффекта старого дерева и какова величина погрешности. Кроме того, даты одного и того же объекта могут давать разброс до 1000 лет. Значительно расходятся данные, полученные различными методами [5–7]. Всё это не способствует доверию к радиоуглеродным датировкам. В настоящее время не существует надёжной хронологии сотен городищ Западной Сибири. Датировка комплексов основывается на стратиграфических наблюдениях, типологии керамики и датирующих предметах, а также на архитектурных особенностях городищ и селищ.

Целенаправленные программы радиоуглеродного датирования неолитических памятников позволили уточнить датировку отдельных комплексов и разработать их периодизацию [6–9]. Продолжением этих ра-

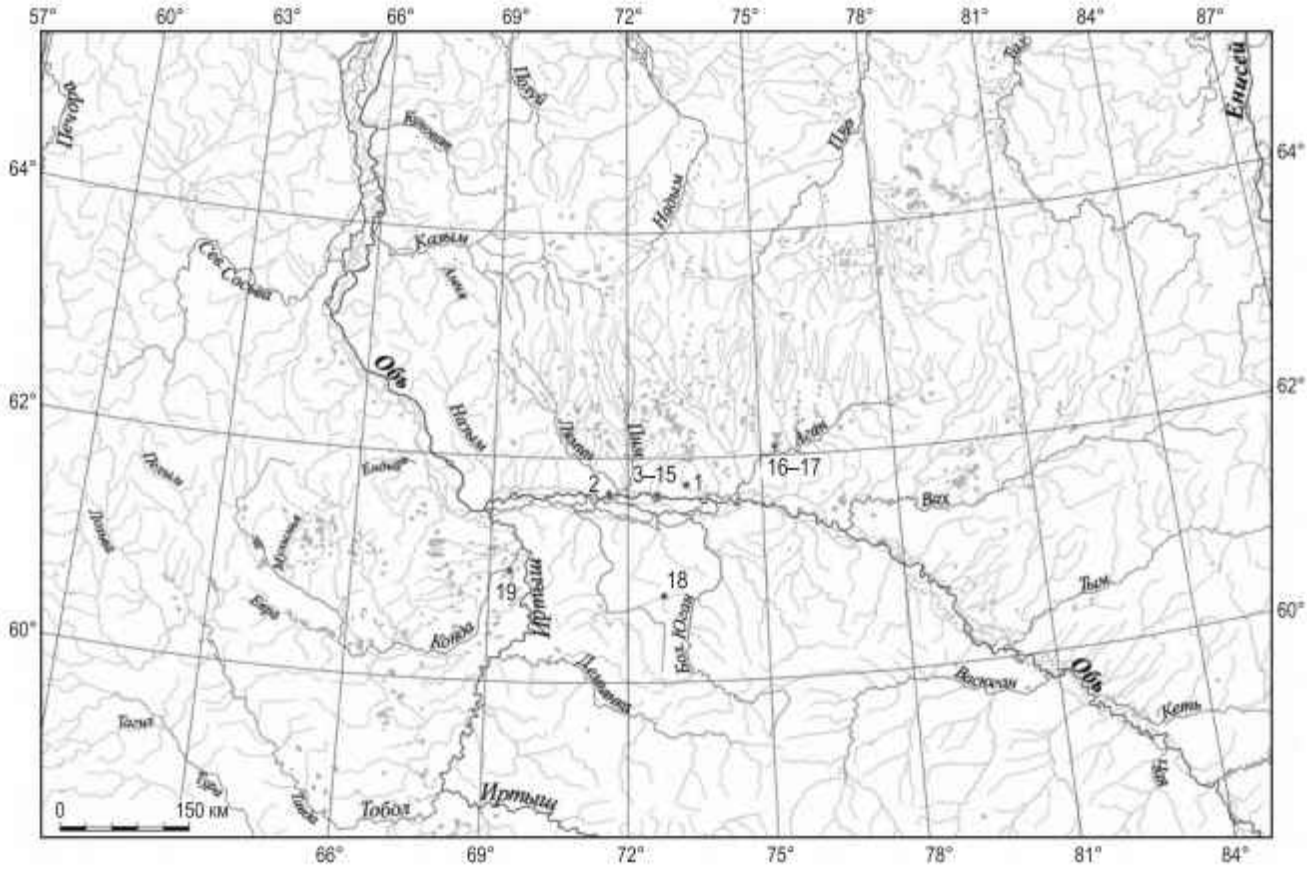

Рис. 1. Археологические памятники таёжной зоны Западной Сибири, материалы которых были использованы для радиоуглеродного датирования в 2021 году:

1 – Пыхты I; 2 – Кушниково 8; 3–15 – Барсова гора II/9, II/19, II/22, II/24, II/30, II/33, II/35, II/42, Барсов городок II/12, II/13, II/14, III/6, III/72; 16–17 – Нёх-урий 3.3; Имнъёган 2.1; 18 – Каюково 1; 19 – Чилимка V

бот стала программа по датированию укреплённых и неукреплённых поселений различных эпох Среднеобской низменности. Целью данной статьи является введение их в научный оборот.

Источники и методы

В качестве полигона исследований было выбрано урочище Барсова Гора, которое расположено на высоком правом берегу р. Оби в 8–15 км к западу от г. Сургута (рис. 1). Здесь сосредоточено огромное количество археологических памятников: сотни селищ, объединяющих более 3000 жилищ и построек; 66 городищ, 8 могильников. Эти памятники лежат в основе изучения культурных процессов и хронологии среднетаёжной подзоны Западной Сибири [3–4]. Всего в исследование включены 12 памятников урочища: поселения Барсова гора II/9, II/19, II/24, II/30, II/33, II/35, II/42, III/72; городища Барсов городок II/12, II/13, II/14, III/6. В первую очередь выбирались памятники, на которых уже проводились раскопки или разведки с шурфовкой. Это позволило минимизировать разрушение культурного слоя и отобрать образцы из зачисток, которые закладывались на месте старых раскопов или шурфов в жилищах. Проведённые архивные изыскания и полевые исследования позволили сопоставить полученные результаты с археологическим материалом. Также в выборку были включены памятники, возраст которых не был определён ранее.

Сложность в изучении памятников Барсовой Горы заключается в том, что многие из них многослойные, часто культурные слои переотложены ещё в древности. По этой причине в исследование были включены также однослойные памятники из других районов Сургутского Приобья: городища Имнъёган 2.1, Нехурий 3.3, поселение Каюково 1 (рис. 1). Основным материалом для датирования был уголь, изъятый из чётко определённых контекстов: полов, деревянных обшивок стен и очагов жилищ, конструкций оборонительных систем. В случаях когда не было других материалов, производилось датирование керамики по пищевому нагару. Всего были отобраны 8 образцов нагара с четырёх памятников: поселения Пыхты I, Чилимка V, Кушниково 8, Барсова гора II/42.

Датирование образцов производилось AMS-методом в радиоуглеродной лаборатории Лейбница Кильского университета им. Кристиана Альбрехта (Германия). Получены 77 радиоуглеродных дат с 19 памятников

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

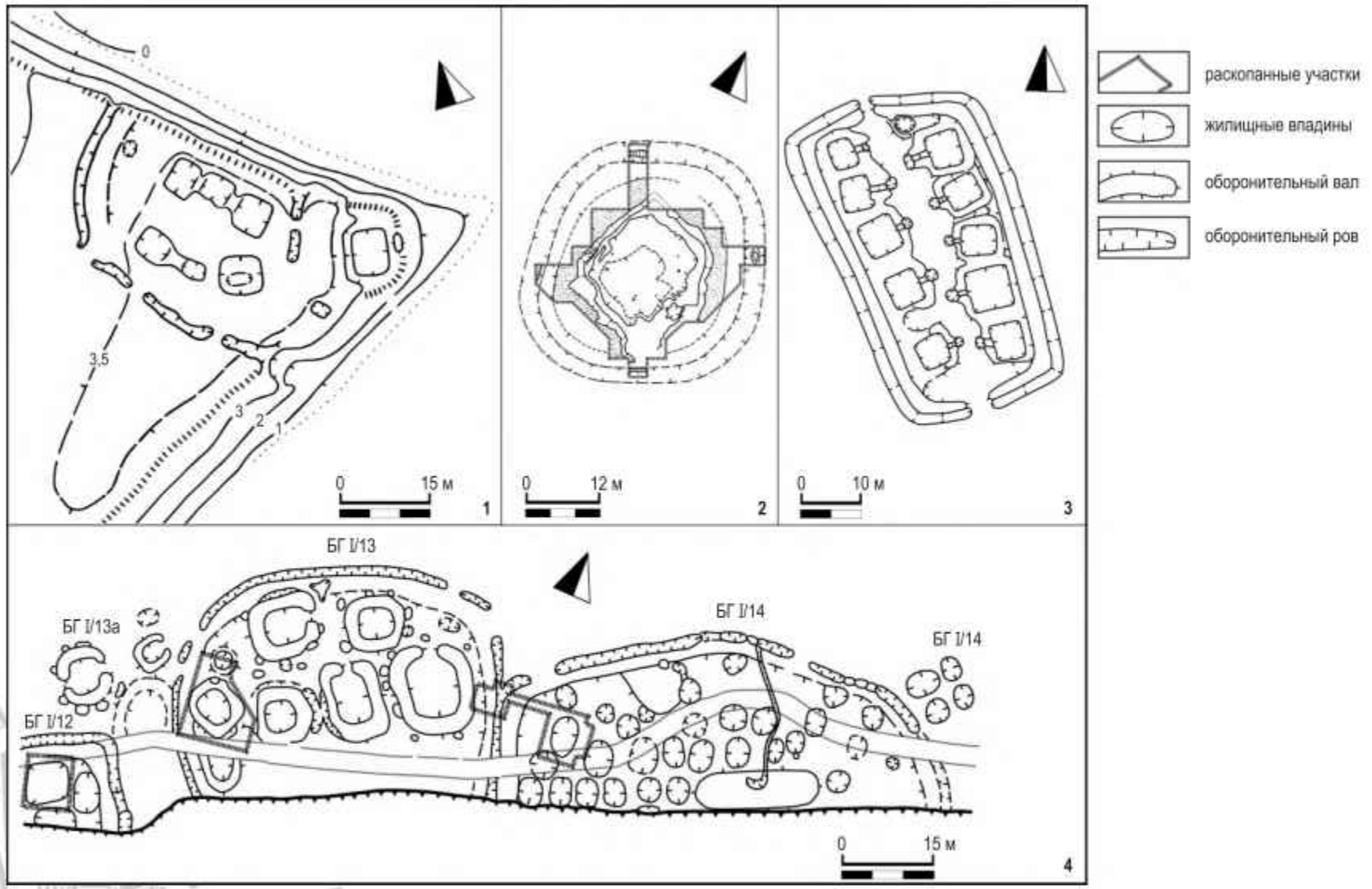

Рис. 2. Примеры городищ, распространённых в таёжной зоне Западной Сибири:
1 – городище Имтьёган 2.1 (энеолит); 2 – поселение Волвонча I (ранний этап бронзового века); 3 – городище Соровское 17 (поздний железный век); 4 – городища Барсов городок I/12, I/13, I/14 (ранний железный век) (по [1; 4])

Ханты-Мансийский государственный музей

(рис. 1). Из них 25 относятся к неолиту (табл. 2, 3), 17 – к энеолиту (табл. 3, 5), 9 – к эпохе бронзы (табл. 6), 3 – к раннему железному веку (табл. 7), 10 – к Средневековью (табл. 8). Кроме того, получены 6 дат по костям и тканям современных рыб (табл. 4). При анализе серии возникает вопрос о достоверности полученных результатов, так как не всегда даты соответствуют наблюдаемой стратиграфии и археологическим артефактам, в нашей серии как минимум 13 дат вызывают сомнения (табл. 1).

Чтобы избежать субъективности в отбраковке дат, следует обратиться к более объективным критериям оценки их достоверности. В своей работе мы опирались на показатели, предложенные для анализа серии радиоуглеродных дат Карельского перешейка [10], незначительно адаптировав их к археологическим объектам Западной Сибири. Каждая дата оценивалась по семи критериям, которые приведены ниже.

1. **Вероятность связи датированного образца с деятельностью человека:**
   - низкая вероятность (например, образец извлечён из геологического горизонта) – 0 баллов;
   - обоснованная вероятность (археологические объекты разрозненны и/или фрагментарны, малое количество артефактов) – 1 балл;
   - вероятность (нет очевидной связи, но пространственная структура и количество предметов позволяют предположить связь) – 2 балла;
   - высокая вероятность (прямая функциональная/контекстуальная связь) – 3 балла;
   - полная уверенность (датирован предмет, изготовленный человеком) – 4 балла.
2. **Вероятность связи датированного образца с археологическим объектом/артефактом, представляющим интерес:**
   - место отбора образца неизвестно – 0 баллов.
   - образец не имеет следов антропогенной модификации или, если это уголь, не исключен эффект «старой древесины» – 1 балл;
   - образец имеет связь с археологическими материалами благодаря включению в тот же горизонт/уровень, но сам по себе недиагностичен – 2 балла;
   - образец имеет высокую связь с археологическими материалами благодаря включению в культурный объект, например очаг или яму, хотя сам по себе недиагностичен – 3 балла;
   - образец имеет следы человеческой модификации, культурно атрибутирован и/или имеет высокую вероятность связи с культурным объектом – 4 балла.
3. **Количество дат и совпадение значений для археологического объекта или артефакта:**
   - дата является одной из нескольких для археологического объекта или артефакта, которые не совпадают (не перекрываются) в диапазоне 2σ – 0 баллов;
   - дата является единственным измерением для археологического объекта, артефакта – 1 балл;
   - дата является одной из двух дат для археологического объекта, артефакта, которые статистически одинаковы по возрасту (перекрываются) при диапазоне 2σ – 2 балла;
   - дата является одной из трёх дат для данного горизонта, объекта, артефакта, которые статистически одинаковы по возрасту (перекрываются) при диапазоне 2σ – 3 балла;
   - дата является одной из четырёх или более дат для данного горизонта, которые статистически одинаковы по возрасту (перекрываются) в диапазоне 2σ – 4 балла.
4. **Тафономическая определённость:**
   - образец представляет собой небольшой фрагмент, который может быть стратиграфически подвижным, без пространственного указания на его стратиграфическую целостность – 0 баллов;
   - образец имеет максимальный размер <5 см, без чёткого указания на его стратиграфическую целостность – 1 балл;
   - образец <5 см в максимальном размере с высокой вероятностью стратиграфической целостности – 2 балла;
   - образец >5 см в максимальном размере с высокой вероятностью стратиграфической целостности – 3 балла;
   - образец имеет максимальный размер >5 см и чётко стратифицирован в пределах идентифицируемого культурного объекта – 4 балла.
5. **Материал образца и его собственный возраст:**
   - рассеянный материал, стратиграфический контекст которого неясен – 0 баллов;
   - уголь из археологического горизонта, не исключён эффект «старой древесины» – 1 балл;
   - жжёная кость из чёткого археологического горизонта, остаточная органика в керамике, нагар на посуде, не исключён резервуарный эффект – 2 балла;
   - уголь или жжёная кость из очага или другого культурного объекта, для которых нельзя исключить эффект «старой древесины» и резервуарный эффект – 3 балла;
   - смола, дёготь, кора, береста, ткань, кость или другой изменённый человеком материал, эффект «старой древесины» и резервуарный эффект исключены – 4 балла.
6. **Стандартное отклонение:**
   - ±100 – 0 баллов;
   - ±71–100 – 1 балл;
   - ±51–70 – 2 балла;
   - ±40–50 – 3 балла;
   - < ±40 – 4 балла.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

7. **Соответствие археологическим материалам и стратиграфии:**
   - нет очевидной корреляции между датой и археологическим контекстом или контекст неизвестен – 0 баллов;
   - дата не соответствует археологическому контексту, но перекрывается на расстоянии 2σ одной или более другими датами в данном горизонте – 1 балл;
   - дата соответствует археологическому контексту, но является единственным измерением или не перекрывается другими датами в диапазоне 2σ – 2 балла;
   - дата соответствует археологическому контексту и перекрывается на расстоянии 2σ одной другой датой – 3 балла;
   - дата соответствует археологическому контексту и перекрывается на расстоянии 2σ по крайней мере двумя другими датами – 4 балла.

В соответствии с предложенной методикой по каждому критерию дата получала оценку от 0 до 4, затем баллы суммировались. При суммарной оценке 0–9 баллов дата признавалась ненадёжной, оценка 10–19 баллов относит дату в разряд «странных», оценка 20–28 баллов позволяет говорить о её надёжности. В нашем массиве данных из 77 дат 6 набрали ниже 10 баллов (табл. 1, №№ 1–4, 11, 12), 26 дат набрали более 20 баллов и оцениваются как надёжные, 45 получили оценку «странные». Радиоуглеродные данные сопоставлялись с полученными при раскопах и шурфовках артефактами и стратиграфическими наблюдениями. После этого были отбракованы ещё 7 дат из разряда «странных» (табл. 1, №№ 5–10, 18). Невалидные даты составили 17 % выборки. В семи случаях были получены даты моложе культурного слоя (табл. 1, №№ 1, 2, 7–9, 11, 13), ещё в трёх случаях даты сильно удревнены (табл. 1, №№ 3, 4, 10, 12). Вероятно, при отборе образцов были допущены ошибки. Отдельные угли и прослойки были ассоциированы с культурным слоем, хотя на самом деле образовались в результате природных пожаров. Столкнулись мы и с необъяснимым расхожде-

Таблица 1. *Невалидные даты (материал датирования – уголь)*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C дата, л. н.	Калиброванная дата 2σ 95,4 %	Предполагаемая датировка	Оценка
1	Барсова гора II/9	Раскоп 6, уч. Р/3, гл. -29, столбовая ямка	KIA-56636	1823±35	130–323 л. н. э.	Ранний неолит	9
2	Нёх-урий 3.3	Жилище 2	KIA-56687	2740±35	971–812 л. до н. э.	Энеолит	9
3	Барсова гора II/33	Жилище 10	KIA-56662	9495±40	9121–8640 л. до н. э.	Эпоха бронзы	8
4	Барсов городок II/12	Жилище 9	KIA-56653	7920±35	7033–6652 л. до н. э.	Зеленогорский этап нижнеобской АК	8
5	Барсова гора II/30	Жилище 4	KIA-56655	1517±24	441–634 л. н. э.	Средневековье	15
6	Барсова гора II/30	Жилище 4	KIA-56656	502±23	1405–1445 л. н. э.	Средневековье	15
7	Барсова гора III/72	Раскоп 1, объект 1, деревянные конструкции	KIA-56632	980±24	996–1157 л. н. э.	РЖВ, белоярская АК	16
8	Барсова гора III/72	Раскоп 1, объект 1, деревянные конструкции	KIA-57656	937±26	1031–1167 л. н. э.	РЖВ, белоярская АК	16
9	Барсова гора III/72	Раскоп 2, жилище 5, центральный очаг	KIA-56633	345±23	1474–1636 л. н. э.	РЖВ, белоярская АК	16
10	Барсова гора II/42	Жилище 1а	KIA-56644	4870±29	3710–3536 л. до н. э.	Эпоха бронзы, кульёганский КТ	18
11	Барсова гора II/42	Слой, над объектом 12	KIA-56652	3858±27	2458–2207 л. до н. э.	Не определена	9
12	Барсова гора II/42	Объект 5, яма 5б	KIA-56650	8705±45	7939–7595 л. до н. э.	Не определена	9
13	Барсова гора II/42	Жилище 6	KIA-56649	3671±27	2139–1958 л. до н. э.	Быстринская культура	18

Примечание к таблицам: уч. – участок; гл. – глубина (см от условного нуля); л. – лет; л. н. – лет назад; н. э. – нашей эры; АК – археологическая культура; КТ – культурный тип.

нием дат. Образцы угля из заполнения частично разрушенного 4-го жилища поселения Барсова гора II/30 отобраны в нескольких сантиметрах друг от друга на глубине -30 и -32 см от поверхности. Разница значений в 1000 лет слишком велика (табл. 1, №№ 5, 6), но какая дата из двух верна, установить невозможно, так как при зачистке артефакты не обнаружены.

Остальные данные были использованы для датирования археологических объектов, это позволило уточнить датировки некоторых памятников оборонного зодчества в таёжной зоне Западной Сибири. Суммарные значения оценки приведены в табл. 1–2, 4–8. Данная методика не заменяет методы байесовской статистики, но позволяет отбраковать ненадёжные даты до стадии хронологического моделирования.

Результаты и обсуждение

Первый этап строительства укреплённых поселений приходится на рубеж VII–VI тыс. до н. э. (ранний неолит). К этому времени относятся мысовое городище Амня I [8; 11–12] и городище с круговой планировкой Каюково 2 [9; 13]. Первое является эпонимным для памятников амнинского типа, второе – для каюковского типа памятников. Оба городища имеют серию радиоуглеродных дат, большинство из них укладываются в первую половину VI тыс. до н. э. Серия дат городища Каюково 2 неоднородна, его хронологическая позиция требует уточнения [9], поэтому необходимо было датировать другие памятники этого типа.

Одним из них является **поселение Барсова гора II/9.** Памятник расположен на берегу старицы протоки Микишина в урочище Барсова Гора, первоначально включал 22 объекта. Раскопками были исследованы 14 построек, семь из них отнесены к раннему неолиту. Керамический комплекс имеет ряд аналогий в керамике городища Каюково 2. Имеющиеся радиоуглеродные даты жилищ 7, 15, 16 демонстрируют существенный разброс [14]. Для датирования были отобраны 5 образцов угля из раскопа 6 (раскопки Ю.П. Чемякина в 2008 г.). Один образец (KIA-56636), взятый из столбовой ямки на уч. Р/3, оказался сильно омоложенным (табл. 1, № 1). Возможно, при отборе образца была допущена ошибка в атрибуции столбовой ямки, так как на поселении присутствуют культурные слои Средневековья. Уголь других образцов был отобран из деревянных конструкций, зафиксированных в жилищах 16 и 7. Полученные результаты (табл. 2, №№ 1–4) относятся к первой трети VI тыс. до н. э. Эти даты хорошо коррелируют между собой и с полученными ранее датами из жилища 7 [14, с. 193]. Новые данные укладываются в рамки существования каюковского культурного типа и близки к некоторым AMS-датам городища Каюково 2 [9, табл. 2, №№ 10–13] и Микишкино V [13, с. 121].

Ещё одним вновь датированным каюковским памятником стало **поселение Каюково 1**. Оно расположено в 100 м к западу от городища Каюково 2 на узкой песчаной гриве, в 2,5 км от озера Большое Каюково в Нефтеюганском районе ХМАО–Югры. При раскопках в 2021 году были исследованы остатки двух сооружений с керамической посудой каюковского типа. Из сооружения 4 были отобраны 5 образцов (табл. 2, №№ 5–9). Полученные даты имеют незначительный разброс и при ранжировании получили высокую оценку и статус «надёжные». Они укладываются в первую треть VI тыс. до н. э. Исключение составляет дата KIA-56698 6225±35 (табл. 1, № 6), которая относится к последней трети VI тыс. до н. э.

Таким образом, даты поселений Каюково 1 и Барсова гора II/9 подтверждают ранненеолитический возраст каюковского типа памятников и соотносятся с группой ранних дат городища Каюково 2, поселений Чёрная 3 и Микишкино V [7; 9; 13].

В период среднего неолита, с середины VI тыс. до н. э., в таёжной зоне появляются одиночные или спаренные жилища, окружённые на небольшом удалении неглубоким рвом или оградой: поселения Быстрый Кульёган 66, Колунготытор 1, Большая Умытья 9, 57 [15–18]. Оборонительная функция рвов, валов и ограждений на этих поселениях сомнительна, но эти памятники могли служить прототипами укреплённых поселений энеолита и эпохи бронзы [2]. Комплексы имеют сходство в керамике и каменном инвентаре и относятся к быстринско-умытьинскому культурно-хронологическому горизонту (КХГ). Данные памятники датируются в широких пределах от начала VI до середины V тыс. до н. э. [7; 19]. Для уточнения хронологии быстринско-умытьинского КХГ получены 8 дат по углю с поселений Барсова гора II/19, II/42 быстринской культуры (табл. 2, №№ 10–18) и 7 дат по нагару на керамике поселений Чилимка V, Пыхты I, Кушниково 8 (табл. 3, №№ 1–7).

Поселение Барсова гора II/19 является многослойным, в 2008 г. на нём изучены остатки двух неолитических построек, жилище и металлургический комплекс кульёганского типа (эпоха бронзы). Котлованы неолитических построек были прямоугольной формы, пол маркирован красной охрой. Верхняя постройка 2 вписана в котлован постройки 3, пол ранней постройки залегает на 20 см ниже пола поздней. Культурная атрибуция раннего жилища затруднена из-за малочисленности и фрагментарности археологического материала. Радиоуглеродная дата 7500±200 (Ле-8594) выглядит слишком древней. Для жилища 2 были получены две даты, одна из заполнения жилища – 4440±140 (Ле-8547), вторая по остаточной органике в керамике быстринского типа – 6750±90 (Ki-16033). Обе эти даты вызывали сомнение в своей достоверности, так как плохо укладывались в интервал существования быстринской культуры [20]. Для датирования мы использовали уголь, отобранный при раскопках. Образцы происходят из жёлто-красного охристого песка, выстилающего пол жилища 2, с глубины -194…-197 см от современной поверхности. Получены две даты (табл. 2, №№ 10, 11), разница между ними составляет около 200 лет. Несмотря на это, новые данные хорошо соотносятся с радиоуглеродными датами других памятников быстринской культуры [7].

Культурные слои неолита частично перекрыты объектами эпохи бронзы – жилищем 1 и несколькими ямами хозяйственного назначения. В яме 3 был отобран уголь для датирования (табл. 6, № 6). Помимо углистых

Объединенный музей

Таблица 2. *Неолитические памятники Сургутского Приобья. Результаты радиоуглеродного датирования (материал датирования – уголь)*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C дата, л. н.	Калиброванная дата, л. до н. э. 2σ 95,4 %	Культурная принадлежность	Сумарная оценка
1	Барсова гора II/9	Раскоп 6, уч. Р/3, гл. -114, деревянные конструкции в жилище 1б	KIA-56635	7000±35	5985–5785	Каюковский КТ	19
2	Барсова гора II/9	Раскоп 6, жилище 7, уч. П/3, гл. -114	KIA-57658	6955±40	5971–5738	Каюковский КТ	20
3	Барсова гора II/9	Раскоп 6, жилище 1б, уч. Р/3, гл. -100	KIA-57659	6950±40	5969–5735	Каюковский КТ	19
4	Барсова гора II/9	Раскоп 6, жилище 1б, уч. Р/3, гл. -80…-90, уголь из пятна у западной бровки	KIA-57660	7105±40	6063–5896	Каюковский КТ	19
5	Каюково 1	Сооружение 4, гл. -260	KIA-56697	6935±35	5892–5731	Каюковский КТ	23
6	Каюково 1	Сооружение 4, сгоревшие деревянные конструкции, гл. -270	KIA-56698	6225±35	5304–5057	Каюковский КТ	17
7	Каюково 1	Сооружение 4, гл. -260	KIA-56699	7040±35	5992–5841	Каюковский КТ	23
8	Каюково 1	Сооружение 4, гл. -280	KIA-56700	7060±35	6015–5847	Каюковский КТ	23
9	Каюково 1	Сооружение 4, гл. -250	KIA-56701	6925±35	5887–5728	Каюковский КТ	23
10	Барсова гора II/19	Жилище 2	KIA-56640	6165±35	5213–5011	Быстринская АК	21
11	Барсова гора II/19	Жилище 2	KIA-56641	6390±35	5474–5231	Быстринская АК	21
12	Барсова гора II/42	Жилище 6, уч. Л/9	KIA-57665	6100±35	5208–4856	Быстринская АК	20
13	Барсова гора II/42	Жилище 6, уч. Е/10	KIA-57666	6165±40	5213–5006	Быстринская АК	19
14	Барсова гора II/42	Жилище 1б	KIA-56642	5900±35	4844–4707	Быстринская АК	21
15	Барсова гора II/42	Жилище 1б	KIA-56643	6230±35	5305–5060	Быстринская АК	21
16	Барсова гора II/42	Жилище 1б	KIA-56645	5570±30	4453–4348	Быстринская АК	17
17	Барсова гора II/42	Жилище 1б	KIA-56646	6025±35	5003–4801	Быстринская АК	21
18	Барсова гора II/42	Жилище 15	KIA-56651	6455±35	5480–5336	Барсовогорский КТ	18

плашек в её заполнении были найдены фрагменты керамики кульёганского типа и обломок бронзового изделия. Дата 3920±35 (KIA-57664) немного древнее полученных ранее кульёганских дат с этого поселения [21].

Ещё одним многослойным памятником является **поселение Барсова гора II/42**, которое расположено в западной части урочища на террасе р. Калинка, раскопками 2011 года на нём изучены 20 разновременных жилищных и хозяйственных объектов неолита – раннего периода эпохи бронзы [22]. Всего с этого памятника были отобраны 12 образцов: 5 из неолитических жилищ, 1 из энеолитического сооружения, 3 из объектов бронзового века, 2 из объектов неясной культурной принадлежности, также был датирован нагар на сосуде ваховского типа (энеолит). Памятник стратифицирован и представляет большой интерес, так как даёт возможность сопоставлять стратиграфические наблюдения и ^{14}C-даты.

К неолиту относятся три жилища и хозяйственные ямы быстринской культуры (объекты 1б, 2, 6), три жилища барсовогорского типа (объекты 1в, 15, 16).

Даты из жилища 6 (табл. 2, №№ 12, 13) находятся в интервале последняя четверть VI тыс. до н. э. – начало V тыс. до н. э. Даты по углю из сооружения 1б (табл. 2, №№ 14–17) также укладываются в этот интервал, дата 5570±30 (KIA-56645) несколько моложе и выбивается из общего массива данных.

Объединенный музей

Традиционно считается, что барсовогорский тип памятников моложе быстринского [4], но он слабо обеспечен радиоуглеродными датировками. Дата объекта 15 с барсовогорской керамикой первой стадии оказалась древнее быстринских с этого поселения: середина – третья четверть VI тыс. до н. э. (табл. 2, № 18). Кроме того, жилище 1б перекрывало сооружение 1в с барсовогорской керамикой 3-й стадии, что ставит под сомнение энеолитический возраст последней. Возможно, с накоплением данных потребуется пересмотр хронологии барсовогорского типа древностей.

Объекты неолита и энеолита на этом поселении были перекрыты объектами эпохи бронзы. К ним относятся жилище 1а, которое было впущено в котлованы построек 1б и 1в, а также хозяйственные ямы 7, 10, 11, 20. Ямы были заполнены очажным слоем с пятнами прокала, в нём фиксировались угольки, кальцинированная костная крошка, чешуя рыб, керамика кульёганского типа. Ямы имели различное назначение, скорее всего, они были связаны с хозяйственной деятельностью жителей сооружения 1а и могут рассматриваться как одновременные. Дата по углю из объекта 11 (табл. 6, № 7) относит существование комплекса ко второй половине III тыс. до н. э.

Дата из жилища 1а (табл. 1, № 10) выглядит удревнённой, возможно, сборный образец содержал уголь из нижележащего неолитического жилища 1б. Напротив, уголь из быстринского жилища 6 указывает на кульёганское время (табл. 1, № 13). Не соответствуют стратиграфии ещё две даты этого поселения (табл. 1, №№ 11, 12). В центральной части раскопа было зафиксировано скопление разновременных объектов. Нижний горизонт представлен ямой для хранения охры (объект 12), он был перекрыт сооружением 4 с неолитической керамикой, к верхнему горизонту относится объект 5, который представляет собой слой охристого песка с несколькими ямами. В охристом песке встречались редкие угольки, но почти не было артефактов. Учитывая описанную стратиграфию, дата KIA-56652 выглядит омоложенной, а дата 8705±45 (KIA-56645) из объекта 5 – слишком древней.

В заполнении быстринского жилища 2 были зафиксированы несколько поздних ям с охристым песком и костной крошкой, в этих ямах находились толстостенные неорнаментированные черепки и керамика с гребенчато-ямочной орнаментацией (рис. 3: 7), последняя имеет сходство с посудой ваховского типа [23]. Дата, полученная из ямы на уч. У/10, соответствует периоду энеолита (табл. 4, № 14), но дата по нагару на сосуде с гребенчато-ямочной орнаментацией на 1000 лет древнее (табл. 3, № 8).

Даты по нагару с сосудов чилимкинского типа и быстринской культуры (рис. 3) также демонстрируют существенное удревнение (табл. 3), почти все относятся к первой половине или середине VI тыс. до н. э., а некоторые ещё древнее (табл. 3, №№ 6, 7).

Известно, что нагар может быть подвержен пресноводному резервуарному эффекту, из-за чего даты могут быть значительно древнее времени использования посуды. Но действительно ли все даты по нагару удревнены? Для этого необходимо установить вид пригоревшей пищи. Резервуарный эффект связан с приго-

Таблица 3. *Результаты радиоуглеродного датирования пищевого нагара на неолитических и энеолитических сосудах с памятников Среднеобской низменности*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C-дата, л. н.	Калиброванная дата, л. до н. э. 2σ 95,4 %	Культурная принадлежность	Суммарная оценка	$d^{15}N/^{14}N$	$d^{13}C/^{12}C$	C/N
1	Чилимка V	Сосуд 16 с прочерченным орнаментом	KIA-56638	6970±35	5976–5747	Чилимкинский КТ	17	10,71	-21,91	44,34
2	Чилимка V	Сосуд 64 с прочерченным орнаментом	KIA-56639	6560±75	5628–5373		15			
3	Чилимка V	Сосуд 123 с прочерченным орнаментом	KIA-57662	6990±40	5983–5757		16			
4	Чилимка V	Сосуд 97, нагар с внешней стороны днища	KIA-57663	6600±45	5621–5478		16			
5	Пыхты I	Сосуд с прочерченным орнаментом	KIA-56630	6535±35	5611–5388	Быстринская культура	17	11,51	-32,77	11,62
6	Пыхты I	Сосуд со шнуровым орнаментом	KIA-56631	7215±40	6219–5993		16	10,37	-31,15	24,54
7	Кушниково 8	Ладьевидный сосуд	KIA-56634	7680±45	6598–6441		16	7,65	-31,67	67,34
8	Барсова гора II/42	Сосуд с гребенчато-ямочным орнаментом	KIA-56637	5770±35	4712–4542	Ваховский КТ	17	10,11	-31,32	14,78

Примечание: C – углерод; N – азот.

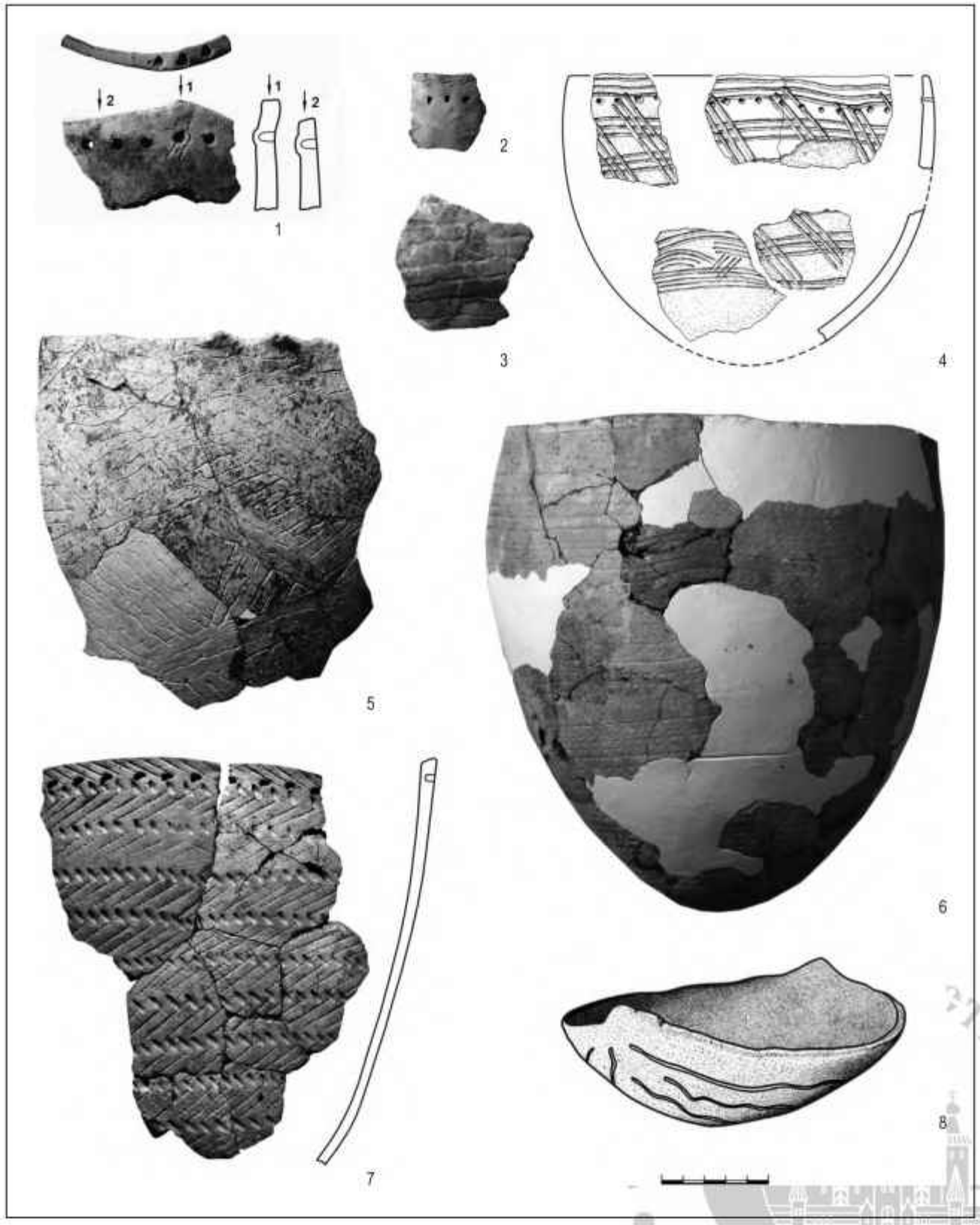

Рис. 3. Керамика неолита и энеолита с поселений Сургутского Приобья: 1–4 – Чилимка V; 5, 6 – Пыхты I; 7 – Барсова гора II/42; 8 – Кушниково 8

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

товлением в посуде продуктов водного происхождения (рыба, моллюски и т. п.) или животных, питающихся преимущественно водными растениями и животными (например, водоплавающие птицы). Для определения вида древней пищи используют стабильные изотопы углерода и азота, а также их соотношения (C/N). Измерения проведены для пяти образцов пищевого нагара (табл. 3, №№ 1, 5–8) и тканей шести современных рыб (табл. 4). Необходимо было понять, насколько вариативны эти показатели у рыб из различных озёр и рек в исследуемом регионе. В предыдущих исследованиях были отмечены резкие отличия в этих соотношениях разных водоёмов на юге Западной Сибири [24]. Для того чтобы можно было сопоставлять результаты исследований различных видов рыб из разных водоёмов, используют формулу для расчёта $d^{13}C$ в белке плоти, основанную на соотношении C/N [25]. В мясе рыбы, не содержащей жира, C/N будет около 3,5, но любое содержание жира увеличивает отношение C/N, поскольку содержание азота в жире приближено к 0. Это важно, поскольку $d^{13}C$ жира примерно на 8 ‰ ниже, чем белка. Все современные образцы рыб в нашей серии содержат некоторое количество жира, но не очень большое, что связано с видами датируемых рыб. Значения $d^{13}C$ и $d^{15}N$ имеют различия как в образцах из одного и того же, так и из разных водоёмов, но все они соответствуют пресноводным рыбам. Следовательно, доисторические рыбы из исследованных водоёмов также должны попадать в этот общий диапазон. Три образца нагара на керамике поселений Пыхты I и Барсова гора II/42 находятся в пределах основного облака данных современных образцов рыбы, что указывает на то, что горшки могли использоваться для переработки местной рыбы (рис. 4). Соотношение C/N очень высокое в сравнении с опубликованными материалами к западу от Урала [26]. Поскольку их значения $d^{15}N$ также высоки, возможно, в горшках перерабатывались утка или жирная рыба. Это связано с высокими трофическими уровнями водных ресурсов, которые, как правило, находятся высоко в пищевой цепи. Азот в нагаре обычно связан с белками животного происхождения. Образец из Чилимки V (KIA-56638) имеет такое же высокое значение $d^{15}N$, но менее беден изотопом $d^{13}C$, что может объясняться либо специфическими локальными диапазонами изотопов рыбы, которая была приготовлена в горшке, либо переработкой в этих горшках других материалов с более высокими значениями $d^{13}C$, например растений. Интересно, что ещё одним выбросом из основного облака является нагар с ладьевидного сосуда из Кушниково 8 (рис. 3: 8). Малые размеры, наличие специфического нагара на внутренней поверхности и аналогии с керамическими лампами нарвской культуры и культуры Эртебёлле позволили предположить, что он использовался как светильник. Этот образец имеет необычно низкое значение $d^{15}N$, что может маркировать высокий растительный компо-

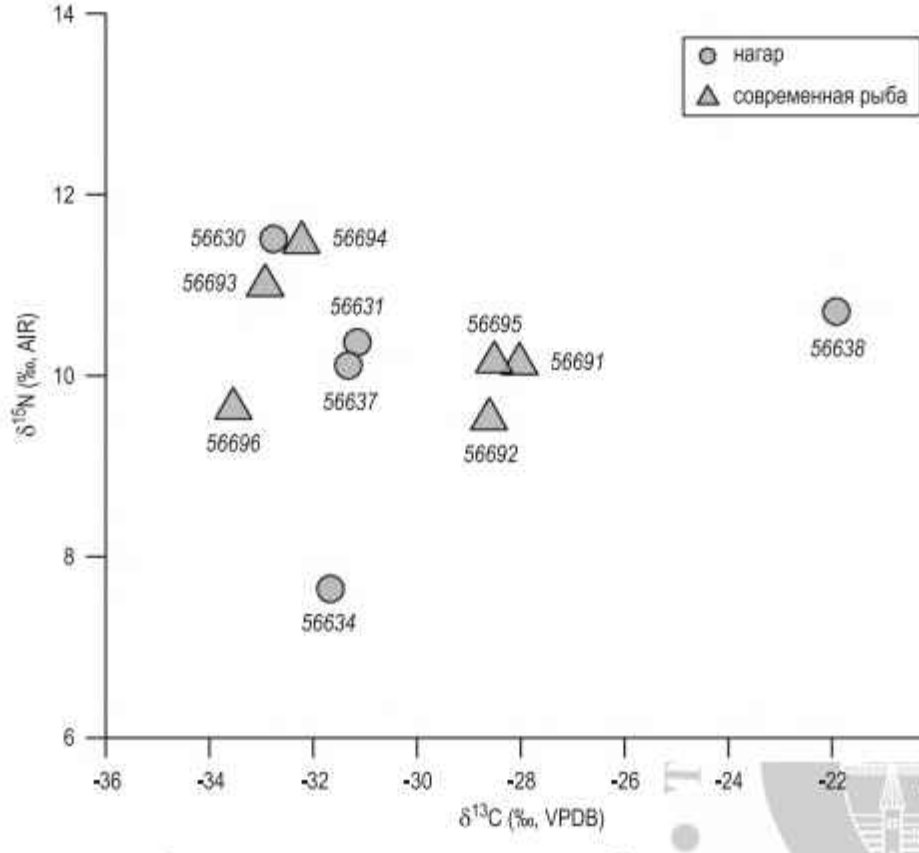

Рис. 4. Соотношения стабильных изотопов углерода и азота в образцах нагара на неолитической посуде и образцах современных рыб из исследуемого региона (график выполнен Георгом Рошем, Берлин)

Государственный объединенный музей

нент или большое количество жира в содержании нагара. Следует отметить, что радиоуглеродная дата нагара с внутренней стороны сосуда сильно удревнена – она старше других дат, полученных по углю из объектов и нагару с сосудов быстринской культуры, более чем на 1000 лет. Это тоже может быть признаком того, что в ней сжигали жир животных, живущих в водоёмах или питающихся в основном пищей водного происхождения. Для проверки этой гипотезы необходимо проведение эксперимента. Кроме того, этот образец был очень мал, было проведено только одно измерение (а не 4, чтобы вычислить среднее значение), поэтому необычное значение может быть связано просто с малым размером образца.

Таким образом, как минимум три образца нагара связаны с пищей водного происхождения и подвержены пресноводному резервуарному эффекту. Величина ошибки резервуара для Западной Сибири пока не вычислена по причине малочисленности источников. Результаты датирования костей и мягких тканей современных рыб показали, что величина ошибки может составлять от 70 до 600 лет (табл. 4). Поэтому даты по нагару в нашем случае не могут быть напрямую использованы для уточнения возраста археологических объектов.

Таблица 4. *Результаты радиоуглеродного датирования современных рыб*

№	Водоём	Вид	Индекс лаборатории	^{14}C дата, л. н.	Калиброванная дата, л. н. э. 2σ 95,4 %	$d^{15}N/^{14}N$	$d^{13}C/^{12}C$	C/N
1	Безымянное озеро в бассейне р. Аган	Окунь	KIA-56691	> современность	1954–1957	10,13	-28,02	3,91
2		Окунь	KIA-56692	> современность	1954–1957	9,52	-28,61	4,5
3	Протока Микишкино, бассейн р. Оби. Урочище Барсова Гора	Щука	KIA-56693	281±22	1520–1661	11	-32,93	4,58
4		Щука	KIA-56694	269±21	1523–1795	11,47	-32,23	3,81
5	Река Кирип-Вис-Юган, бассейн р. Казым	Рыба	KIA-56695	450±21	1423–1461	10,15	-28,51	3,89
6		Рыба	KIA-56696	> современность	1954–1957	9,64	-33,54	6,34

К периоду энеолита в таёжной зоне относятся мысовые городища Инмъёган 2.1 и Нёх-урий 3.3 [27] в бассейне р. Аган. При отборе образцов важно было выяснить, имеются ли на этих городищах культурные слои неолита. Этот вопрос обусловлен сходной планировкой исследуемых археологических объектов и неолитического городища Амня I. Также нас интересовало, одновременно ли возведены постройки.

Городище Инмъёган 2.1 расположено в Нижневартовском районе ХМАО–Югры на террасе р. Имн-Ёган. Мысовое городище окружено болотом, на поверхности зафиксированы археологизированные остатки жилищ, рвов и валов (рис. 5). Впадина № 7 на стрелке мыса отгорожена от напольной части памятника рвом шириной до 4,0 м, глубиной до 0,4 м. На напольной площадке, ограниченной внешним рвом и валом, в два ряда расположены 6 жилищных впадин. Во впадинах 2 и 7 в 1990-е годы были заложены шурфы, это позволило отобрать образцы угля из жилищных конструкций и с пола жилища: получены 8 дат (табл. 5, №№ 1–8). Разброс значений составил 1500 лет, дата KIA-56680 явно удревнена (табл. 5, № 4). Три даты из жилища 2 относятся к последней трети IV тыс. до н. э. Три даты из жилища 7 – ко второй четверти III тыс. до н. э., ещё одна дата несколько древнее и расширяет датировку до рубежа IV–III – первой половины III тыс. до н. э. Таким образом, жилище 2, судя по датам, древнее жилища 7 на 300–500 лет. Это ставит под сомнение одновременное существование мысовой и напольной площадок городища. Культурные слои и неолитические артефакты на городище не зафиксированы.

Городище Нёх-урий 3.3 имеет сходную планировку, мысовое жилище окружено рвом и валом. В валу был заложен почвоведческий шурф, который был вскрыт нами для получения образов угля из заполнения и основания вала. В жилище 2 на напольной площадке в старом шурфе были отобраны образцы угля из заполнения жилища. Получены 6 дат. Возраст жилища 2 по двум датам определён в рамках последней трети IV тыс. до н. э. Даты, полученные по углистым прослойкам из оборонительного вала, имеют бóльший диапазон значений: с середины IV до середины III тыс. до н. э. Из-за тафономической неопределённости все они набрали невысокие оценки и относятся к разряду «странных».

Во второй половине III – первой трети II тыс. до н. э. в таёжной зоне появляются крупные (до 580 кв. м) жилища кульёганского типа, окружённые массивной системой укреплений из одного или нескольких валов и рвов. Площадь поселений с учётом системы укреплений могла достигать 1250 кв. м. На сегодняшний день известно около 10 таких жилищ, расположенных на мысовидных выступах обских проток или малых реках Среднего Приобья [2, с. 95]. Появление этих объектов совпадает с освоением металлургии. На поселениях кульёганского типа обнаружены следы выплавки цветного металла: сопла, тигли, всплески металла. Неукреплённые поселения также существовали на этом этапе, но они располагались на некотором удалении от усадеб. В урочище Барсова Гора исследовано укреплённое жилище Барсова гора II/22, рядом с ним располагалось неукреплённое поселение Барсова гора II/19 с металлургическим комплексом, к этому же времени относится часть жилищ поселения Барсова гора II/24 (рис. 6). Согласно радиоуглеродным датам, время распространения укреплённых жилищ кульёганского типа приходится на конец III – первую треть II тыс. до н. э. [21].

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 5. Городище Имнъёган 2.1 (фото К.Г. Карачарова, 2021 г.)

Таблица 5. *Энеолитические памятники р. Аган. Результаты радиоуглеродного датирования*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C-дата, л. н.	Калиброванная дата, л. до н. э. 2σ 95,4 %	Культурная принадлежность	Суммарная оценка
1	Имнъёган 2/1	Жилище 7	KIA-56677	4081±26	2851–2496	Не определена	22
2	Имнъёган 2/1	Жилище 7	KIA-56678	4056±26	2835–2475	Не определена	22
3	Имнъёган 2/1	Жилище 7	KIA-56679	4361±26	3079–2906	Не определена	19
4	Имнъёган 2/1	Жилище 7	KIA-56680	5544±29	4446–4343	Не определена	15
5	Имнъёган 2/1	Жилище 7	KIA-56681	4044±27	2663–2472	Не определена	22
6	Имнъёган 2/1	Жилище 2	KIA-56682	4460±27	3335–3023	Не определена	22
7	Имнъёган 2/1	Жилище 2	KIA-56683	4513±27	3356–3100	Не определена	22
8	Имнъёган 2/1	Жилище 2	KIA-56684	4389±27	3093–2916	Не определена	22
9	Нёх-урий 3.3	Жилище 2	KIA-56685	4513±27	3356–3100	Не определена	20
10	Нёх-урий 3.3	Жилище 2	KIA-56686	4491±27	3348–3092	Не определена	20
11	Нёх-урий 3.3	Оборонительный вал, гл. -50	KIA-56688	4141±27	2875–2587	Не определена	15
12	Нёх-урий 3.3	Оборонительный вал, гл. -63	KIA-56689	4411±27	3312–2918	Не определена	16
13	Нёх-урий 3.3	Оборонительный вал, гл. -65	KIA-56690	4714±27	3626–3375	Не определена	13
14	Барсова гора II/42	Объект 2	KIA-56648	4500±30	3352–3097	Не определена	18
15	Барсов городок II/14	Оборонительный вал, гл. -105	KIA-56675	4455±27	3335–3017	Не определена	13
16	Барсов городок II/14	Оборонительный вал, гл. -67	KIA-56676	4757±29	3636–3382	Не определена	13

Нами получены 9 радиоуглеродных дат (табл. 6) с неукреплённых поселений кульёганского типа Барсова гора II/19, II/24, II/33, II/42.

На поселении Барсова гора II/24, расположенном в 200 м к СЗ от укреплённого жилища Барсова гора II/22, был зачищен осыпающийся край впадины 7, в зачистке обнаружен фрагмент керамики кульёганского типа, уголь взят из заполнения объекта (табл. 6, № 1).

Селище Барсова гора II/33 расположено на мысовидном выступе надпойменной террасы протоки Микишина, состоит из 10 впадин с обваловками и внешними ямами, подъёмный материал представлен керамикой

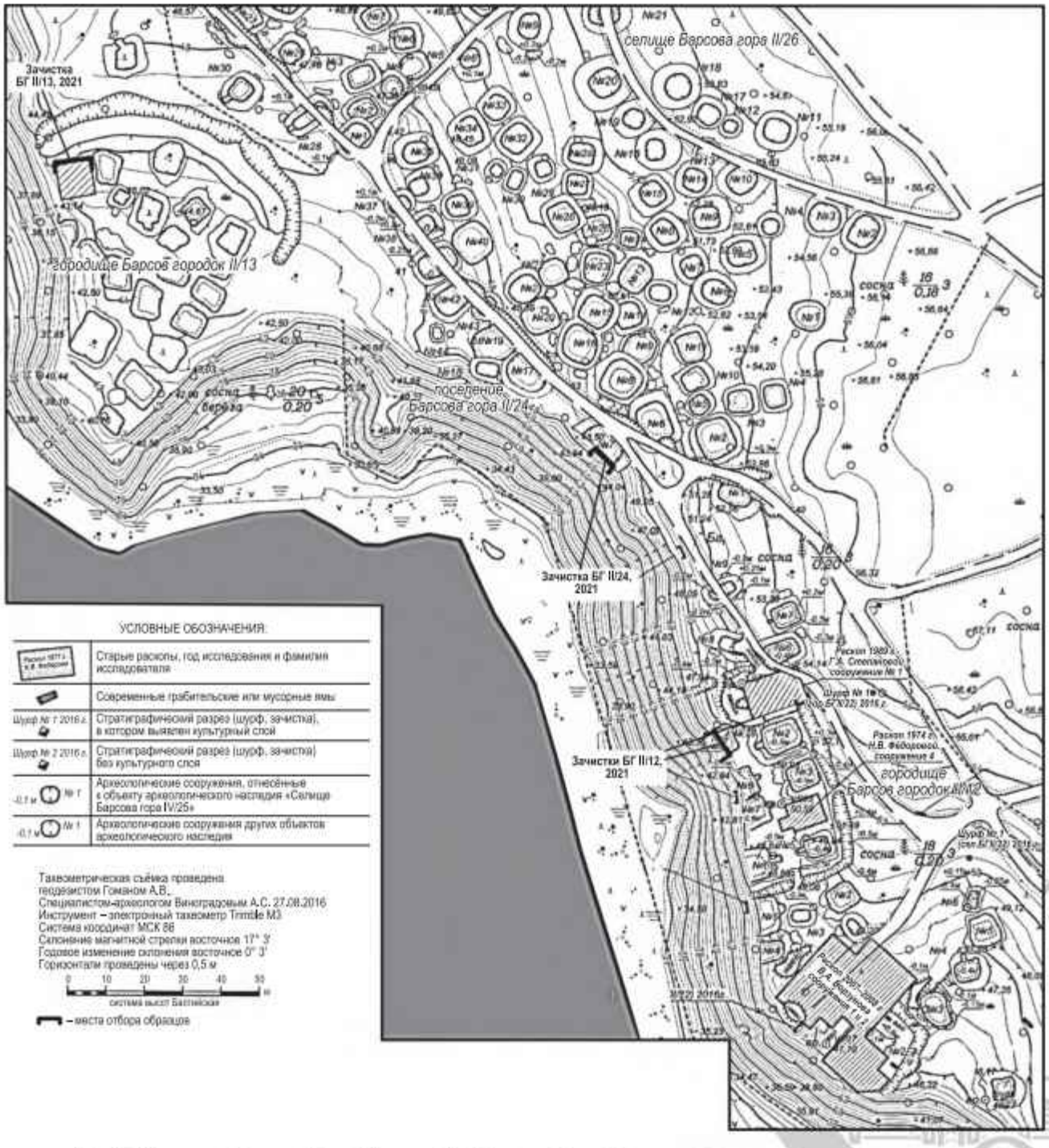

Рис. 6. Урочище Барсова Гора. Участок II. Места отбора образцов для радиоуглеродного анализа

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

кульёганского типа. В жилищах 1 и 10 были выкопаны окопы и мусорные ямы. При зачистке ям археологический материал обнаружен не был. Культурный слой представлен жёлто-серым или оранжевым прокалённым песком с обильной примесью угля и углистых плашек (сгоревшие конструкции сооружений). Для датирования отбирались части конструкций в основании культурного слоя. Три даты из жилища 1 относятся к концу III – началу II тыс. до н. э. (табл. 6, №№ 2–4). Из жилища 10 получены 2 даты, одна из них указывает на XXII–XX вв. до н. э. (табл. 6, № 5). Вторая удревнена (табл. 1, № 3) и, вероятно, связана с древним пожаром, т. к. памятники мезолита в урочище не известны.

Городище Барсов городок II/14 расположено на мысу, оно имеет подовальную форму, на площадке, ограниченной валом и рвом, расположены четыре жилища, с северной береговой части городище защищено двумя линиями рвов и валов. В 1974 г. на памятнике были проведены раскопки, исследованы одно из жилищ и оборонительная система. Обнаружены керамика кучиминского этапа нижнеобской культуры (Средневековье), а также остатки жилища кульёганского типа (эпоха бронзы) [3]. Раскоп не был законсервирован и хорошо читается на поверхности. Нами зачищен южный край траншеи 1974 г., которая разрезала восточную часть вала и рва. В профиле зафиксированы несколько углистых прослоек, они чередовались с прослойками оподзоленного песка. Можно выделить три горизонта обитания, самый нижний датирован второй половиной IV тыс. до н. э. (табл. 5, №№ 15, 16). Артефакты в слое не обнаружены. В средней части профиля залегали прослойки жёлто-серого углистого песка, в этом слое на глубине 67 см от поверхности был найден фрагмент сосуда кульёганского типа. Образцы из углистых прослоек с глубины 67 и 76 см от поверхности определили возраст объекта второй половиной III тыс. до н. э. (табл. 6, №№ 8, 9). Из-за тафономической неопределённости, а также в связи с сильным разбросом значений даты данного объекта получили низкую оценку и отнесены к разряду «странные».

Таким образом, даты, полученные из неукреплённых объектов кульёганского типа Барсовой Горы, относятся ко второй половине III – рубежу III–II тыс. до н. э. и совпадают с датами, полученными ранее для кульёганских памятников Барсова гора II/22, II/19 и Чернореченское I, Савкинская речка 1, Балинское 1 [21, 28–30].

Таблица 6. *Памятники эпохи бронзы Сургутского Приобья. Результаты радиоуглеродного датирования (материал датирования – уголь)*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C-дата, л. н.	Калиброванная дата, л. до н. э. 2σ 95,4 %	Культурная принадлежность	Оценка
1	Барсова гора II/24	Жилище 7	KIA-56658	3666±28	2137–1956	Кульёганский КТ	18
2	Барсова гора II/33	Жилище 1	KIA-56659	3617±27	2115–1892	Кульёганский КТ	22
3	Барсова гора II/33	Жилище 1	KIA-56660	3695±28	2197–1979	Кульёганский КТ	22
4	Барсова гора II/33	Жилище 1	KIA-56661	3741±28	2277–2036	Кульёганский КТ	22
5	Барсова гора II/33	Жилище 10	KIA-56663	3640±29	2135–1901	Кульёганский КТ	18
6	Барсова гора II/19	Участок В/5, яма 3	KIA-57664	3920±35	2476–2293	Кульёганский КТ	18
7	Барсова гора II/42	Объект 11	KIA-56647	3830±27	2451–2149	Кульёганский КТ	18
8	Барсов городок II/14	Оборонительный вал, гл. -76	KIA-56672	3787±29	2336–2062	Кульёганский КТ	16
9	Барсов городок II/14	Оборонительный вал, гл. -67	KIA-56674	3876±26	2463–2235	Кульёганский КТ	16

Новый всплеск фортификационной активности связан с ранним железным веком. Так, в урочище Барсова Гора к этому времени относятся 23 городища. Памятники этого периода разделены Ю.П. Чемякиным на два этапа – белоярско-васюганский и кулайский [4, с. 60–94]. Хронология и периодизация основаны на анализе датирующих вещей и типологии керамики, поэтому часто дискуссионны. К сожалению, большинство памятников не имеют радиоуглеродных датировок.

Датирующие материалы на белоярских памятниках не найдены. Стратиграфические наблюдения и аналогии керамике и вещевому комплексу позволяют определить рамки этапа в пределах VIII/VII – IV/III вв. до н. э. Радиоуглеродные даты селища Мохтикъёган 4 – 2440±60 и 2400±120 BP [27, с. 55] – указывают на существование памятника в промежутке вторая половина VIII – V–III вв. до н. э.

Для датирования этого этапа нами были отобраны образцы угля с **поселения Барсова гора III/72**, они происходили из сгоревших деревянных конструкций и очагов различных объектов. Всего были получены 4 даты. Объект 1 из раскопа 1 датирован XI–XII вв. н. э. (табл. 1, №№ 7, 8). Очаг в жилище 5, раскоп 2, относится к XV–XVII вв. н. э. (табл. 1, № 9). Указанные даты не соответствуют изучаемому контексту и принятой периодизации белоярских комплексов. Даты сильно омоложены, возможно, образцы были загрязнены современным углём. Образец угля из ямы 3 объекта 6 из раскопа 2 дал дату 2174±29, т. е. IV–II вв. до н. э.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

(табл. 7, № 3), но и эта одиночная дата не может быть признана надёжной, хотя Ю.П. Чемякин и допускает, что белоярские древности могут датироваться VIII–IV вв. до н. э. [4, с. 74].

Кулайские памятники Сургутского Приобья формируются в IV–III вв. до н. э. и существуют до III в. н. э. [4, с. 90–92]. В урочище Барсова Гора известны 62 памятника, среди них 15 городищ, селища, могильники, святилище и клад. Раскопками исследованы 108 построек и 13 погребений, ни одно из них до недавнего времени не имело радиоуглеродных датировок. Для кулайских памятников других районов Сургутского Приобья абсолютных дат тоже мало, и они в основном относятся к ранней стадии. Калиброванные радиоуглеродные даты с поселения Кедровая 2 [31, с. 465], селища Нёх-урий 5.1 [32, с. 189] укладываются в промежуток с конца V до I в. до н. э. В 2021 г. Ю.П. Чемякин проводил раскопки на городище **Барсов городок III/6,** у нас была возможность отобрать образцы угля из сгоревшей конструкции рядом с жилищем 2 (рис. 7). Получена дата 2145±24 BP (KIA-56657), калиброванные значения относят её к IV–I вв. до н. э. (табл. 7, № 1). Второй образец был отобран из очажного слоя под углом рва на участке К/9, гл. -55 см в условной системе высот. Получена дата 2420±29 BP (KIA-57667), согласно которой культурный слой, перекрытый слоями городища, относится ко второй половине VIII – V в. до н. э. (табл. 7, № 2). К сожалению, никакие артефакты, связанные с очагом, не обнаружены. Во рву и под валом городища были найдены единичные фрагменты керамики, характерной для раннего этапа кулайской культуры. Ю.П. Чемякин отмечает, что из этого очага была получена более ранняя дата (разница составляет около 300 радиоуглеродных лет. – *Авт.*), которая относится к позднему этапу эпохи бронзы [33].

Таблица 7. *Памятники раннего железного века Сургутского Приобья. Результаты радиоуглеродного датирования (материал датирования – уголь)*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C-дата, л. н.	Калиброванная дата, л. до н. э. 2σ 95,4 %	Культурная принадлежность	Оценка
1	Барсов городок III/6	Деревянная конструкция рядом с жилищем 2	KIA-56657	2145±24	351–54	Кулайская АК	18
2	Барсов городок III/6	Очаг под валом	KIA-57667	2420±29	749–402	Не определена	15
3	Барсова гора III/72	Раскоп 2, объект 6, яма 3	KIA-57657	2174±29	361–109	Белоярская АК	16

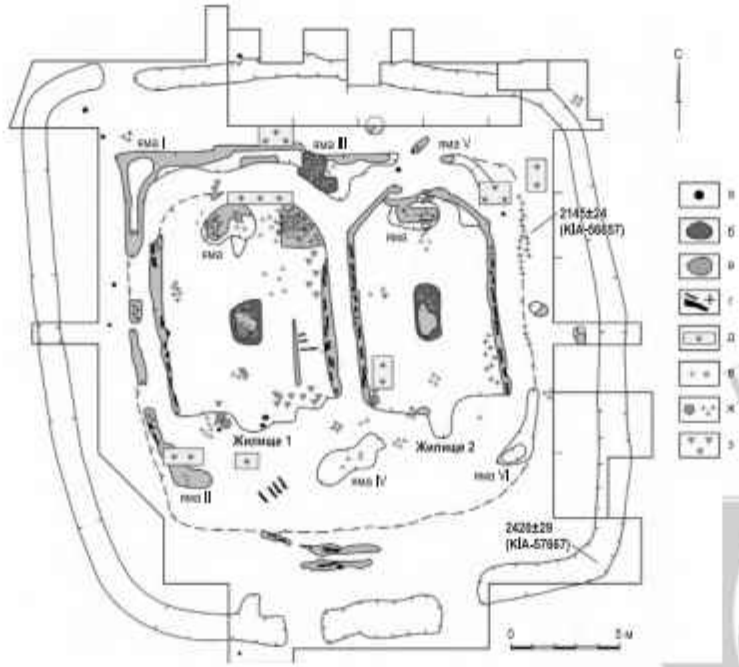

Рис. 7. Ранний железный век Сургутского Приобья. Кулайская культура. Городище Барсов городок III/6. План раскопа: а – ямки от столбов; б – бурый очажный слой; в – прокал; г – угли, обугленное дерево; д – деревья, кусты; е – лом и изделия из бронзы; ж – керамика; з – тигли [33]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Средневековые городища отчасти продолжают традицию фортификаций раннего железного века. Для датирования средневековых комплексов нами были выбраны городища зеленогорского, рёлкинского и кучиминского этапов нижнеобской АК: Барсов городок II/12, II/13, II/14. В 70–80-е гг. XX в. на них проводили раскопки. Зачистки были заложены в старых раскопах так, чтобы можно было зафиксировать разрез оборонительных валов.

Городище Барсов городок II/12 имело форму прямоугольника, вытянутого вдоль берега (рис. 6). Оборонительные сооружения представлены валом и рвом с перемычками. На площадке сохранились впадины от пяти жилищ, расположенных в ряд. Коридорообразные выходы направлены внутрь площадки, задние стенки построек примыкали к валу. Напротив сохранившегося ряда располагался ряд таких же жилищ, но они разрушены оползнем, сохранились части четырёх построек. Край одной из них, № 9, был зачищен. В профиле чётко фиксировался котлован жилища, но угля не было. Рядом с постройкой на той же глубине, что и пол жилища, была обнаружена линза ярко-жёлтого песка с углём. Углистая плашка из этой линзы и была отобрана для датирования. Полученная дата 7920±35 (KIA-56653) очевидно не связана с культурным слоем городища (табл. 1, № 4).

Второй разрез был заложен в раскопе Г.А. Степановой 1989 г., которым исследованы впадина 1 с зеленогорской керамикой и часть оборонительной стены тарасной конструкции. Уголь отобран из забутовки вала. Конструкция оборонительной стены датирована VI–VII вв. н. э. (табл. 8, № 1), что соответствует контексту и принятой датировке зеленогорского этапа.

В 150 м к СЗ расположено **городище Барсов городок II/13** (рис. 6). При раскопках жилища в западной части городища была получена небольшая коллекция керамики рёлкинского (позднезеленогорского) типа, однако массивность оборонительной системы вызывала сомнения в столь раннем возрасте укреплений. В настоящее время городище разрушается осыпью берега и грабительскими раскопками, практически в каждой жилищной впадине есть шурфы и ямы. Нами зачищен СЗ край раскопа 1974 г., длина разреза составила 4 м. В зачистке собраны керамика позднего Средневековья, глиняная обмазка чувала, кости оленя. Образцы угля были отобраны с глубины 34 и 45 см от поверхности из коричневато-серого песка, насыщенного артефактами и углём. Под этим слоем залегал слой погребённого подзола. Согласно полученным данным, оборонительная система была возведена в X–XII вв. н. э. (табл. 8, №№ 2, 3). Второй разрез был заложен в шурфе 1×2 м, который был выкопан в жилище 17, зачищена его западная стенка, отобраны четыре образца. Образцы угля взяты из углистых прослоек в заполнении жилища. Две даты из нижней части профиля хорошо соотносятся с датами, полученными по оборонительным сооружениям, и определяют существование жилища XI–XII вв. н. э. (табл. 8, №№ 2–6). Дата KIA-56669 (табл. 8, № 7) маркирует более ранний культурный горизонт, связанный с рёлкинской посудой, – VI–VII вв. н. э. Положение более раннего культурного слоя выше

Таблица 8. *Памятники Средневековья Сургутского Приобья. Результаты радиоуглеродного датирования*

№	Памятник	Контекст	Индекс лаборатории	^{14}C-дата, л. н.	Калиброванная дата, л. н. э. 2σ 95,4 %	Культурная принадлежность	Оценка
1	Барсов городок II/12	Оборонительный вал	KIA-56654	1466±23	568–645	Зеленогорский этап нижнеобской АК	18
2	Барсов городок II/13	Оборонительный вал	KIA-56666	947±24	1033–1159	Сайгатинская АК	17
3	Барсов городок II/13	Оборонительный вал	KIA-56667	1073±24	895–1024	Сайгатинская АК	17
4	Барсов городок II/13	Жилище 17, гл. -35…-38	KIA-56668	780±23	1225–1276	Сайгатинская АК	13
5	Барсов городок II/13	Жилище 17, гл. -90	KIA-56670	974±26	1021–1158	Сайгатинская АК	21
6	Барсов городок II/13	Жилище 17, гл. -62	KIA-56671	914±26	1040–1210	Сайгатинская АК	21
7	Барсов городок II/13	Жилище 17, гл. -48	KIA-56669	1493±25	545–640	Рёлкинский этап нижнеобской АК	17
8	Барсова гора II/35	Сооружение 5	KIA-56664	279±26	1516–1793	Не определена	20
9	Барсова гора II/35	Сооружение 5	KIA-56665	271±26	1522–1795	Не определена	20
10	Барсов городок II/14	Оборонительный вал, заполнение, гл. от поверхности 60 см	KIA-56673	1555±27	430–576	Кучиминский этап нижнеобской АК	14

по профилю можно объяснить тем, что он был перемещён наверх при строительстве более позднего жилища, сформировалась обратная стратиграфия. Дата верхней углистой прослойки относится к XIII в. Сложно сказать, связана эта дата с культурным слоем городища или с более поздним пожаром.

Городище Барсов городок II/14 по результатам раскопок в 1974 г. было отнесено к кучиминскому типу раннего Средневековья (VIII–IX вв. н. э.) [3]. Полученная нами дата из верхней углистой прослойки в разрезе вала (табл. 7, № 10) относит оборонительную систему средневекового городища к V–VI вв. н. э., что не соответствует хронологии кучиминского этапа нижнеобской АК, но так как дата единична, это не является основанием для пересмотра хронологии этапа или датировки памятника.

Кроме памятников с известной или предполагаемой датировкой, нами были исследованы два, о возрасте которых информации не было.

Селище Барсова гора II/35 располагается в 100 м к ЮЗ от городища Барсов городок II/14, оно состоит из 5 впадин. Образцы угля были отобраны из заполнения разрушающегося оползнем жилища 5. Полученные даты относятся к позднему Средневековью, возраст объекта – XVI–XVIII вв. н. э. Судя по небольшим размерам впадины, она осталась от небольшой постройки хозяйственного назначения. Артефакты при зачистке не обнаружены, культурная атрибуция затруднена.

Заключение

Радиоуглеродное датирование совместно с типологическим методом и анализом стратиграфии позволяет уточнить хронологию как отдельных объектов и памятников, так и археологических культур и периодов. Представленная серия из 77 радиоуглеродных дат существенно увеличивает количество данных для памятников таёжной зоны Западной Сибири. Благодаря этому небольшому исследованию были уточнены датировки отдельных этапов неолита – эпохи бронзы, положено начало накоплению радиоуглеродных данных памятников раннего железного века и Средневековья. Вместе с тем анализ серии дат проявляет и множественные проблемы, связанные с методом, процедурой отбора образцов и интерпретацией результатов. Из 77 полученных дат 13 (17 %) вызывают сомнение в достоверности и соответствии датируемому событию. Даты по нагару демонстрируют существенное удревнение за счёт пресноводного резервуарного эффекта. Уголь из конструкций объектов, по всей видимости, более подходящий материал для датирования. Но и при анализе этого материала есть вероятность ошибки, которая может быть связана с процедурой отбора образцов, сложной стратиграфией и неправильной атрибуцией датируемых объектов.

Авторы понимают, что представленные даты немногочисленны и иногда противоречивы, вместе с тем выражаем надежду, что начатая нами работа будет продолжена коллегами. База радиоуглеродных дат городищ охотников, рыболовов и собирателей таёжной зоны Западной Сибири будет постепенно расти, что позволит детально изучить хронологию и периодизацию этих объектов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках бюджетной темы «Древние и средневековые культуры Урала: региональные особенности в контексте глобальных процессов» (регистрационный номер: АААА-А16-116040110036-1). Радиоуглеродное датирование произведено на средства Кластера передового опыта ROOTS (Киль) и Немецкого исследовательского фонда (DFG) в рамках Excellence Strategy (грант № EXC 2150-390870439).

Выражаем благодарность коллегам К.Г. Карачарову, Ю.П. Чемякину и сотрудникам Сургутского музея М.Ю. Селяниной, А.Б. Агарковой, Е.А. Юдиной за предоставление материала для датирования, научные консультации и организационную помощь при отборе образцов. Благодарим Дж. Медоуза за научные консультации в вопросах радиоуглеродного датирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борзунов В.А.* Древние укрепления лесной полосы Урала и Западной Сибири: в 4 т. Т. 1: Неолит и энеолит: монография / В.А. Борзунов; отв. ред. О.Н. Корочкова, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 6.

2. *Борзунов В.А.* Древнее оборонное зодчество таёжного населения Западной Сибири (энеолит, начало и середина бронзового века) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 13. Томск; Ханты-Мансийск, 2015. С. 72–116.

3. *Зыков А.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. 232 с.

4. *Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.

5. *Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.* Радиоуглеродная хронология археологических памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Вып. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 18–32.

6. *Piezonka, H., Kosinskaya, L., Dubovtseva, E., Chemyakin, Yu., Enshin, D., Hartz, S., Kovaleva, V., Panina, S., Savchenko, S., Skochina, S., Terberger, T., Zakh, V., Zhilin, M., Zykov, A.* The emergence of hunter-gatherer pottery in the Urals and West Siberia: New dating and stable isotope evidence // Journal of Archaeological Science. 116. 2020. https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105100.

7. *Дубовцева Е.Н., Косинская Л.Л.* Хронология и периодизация неолита таёжной зоны Западной Сибири // ТАС. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. 2021. С. 11–29.

8. Поселения амнинского культурного типа в контексте раннего неолита на севере Западной Сибири / *Е.Н. Дубовцева, Л.Л. Косинская, Х. Пиеконка, Н.М. Чаиркина* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 7: Археология и этнография. 2020. С. 94–108.

9. Новые исследования городища раннего неолита Каюково 2 на севере Западной Сибири / *О.В. Кардаш, Н.М. Чаиркина, Е.Н. Дубовцева, Х. Пиеконка* // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 7: Археология и этнография. 2020. С. 109–124.

10. *Seitsonen, O., Nordqvist, K.,Gerasimov, D.V. and Lisitsyn, S.N.* «The good, the bad, the weird»: stone age and early metal period radiocarbon dates and chronology from the Karelian isthmus, north-west Russia // Geochronometria. 39 (2). 2012. P. 101–121.
11. *Морозов В.М., Стефанов В.И.* Амня I – древнейшее городище Северной Евразии // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. 1993. С. 143–170.
12. *Piezonka, H., Chairkina, N., Dubovtseva, E., Kosinskaya, L., Meadows, J. & Schreiber, T.* The world's oldest-known promontory fort: Amnya and the acceleration of hunter-gatherer diversity in Siberia 8000 years ago // Antiquity. Vol. 97. Iss. 396. December 2023. P. 1381–1401.
13. *Иваськo Л.В.* О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 112–122.
14. *Чемякин Ю.П.* Неолитический комплекс поселения Барсова Гора II/9 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19. № 7: Археология и этнография. 2020. С. 191–202.
15. *Баранов Ю.М., Косинская Л.Л.* Методика построения трехмерной виртуальной модели неолитического жилища (по материалам раскопок поселения Быстрый Кульёган 66) // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь: Изд-во ПГУ. 2006. С. 231–233.
16. *Виноградов А.С.* Археологические исследования на поселении Колунгтотытор 1 в Нефтеюганском районе ХМАО–Югры в 2017 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 16 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 295–312.
17. *Погодин А.А.* Поселение Большая Умытья 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 8. Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 146–183.
18. *Погодин А.А., Миронов П.В.* Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО–Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 132–167.
19. *Дубовцева Е.Н., Клементьева Т.Ю.* Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // УИВ. 2022. № 2 (75). С. 139–148.
20. *Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А.* Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сборник статей. Вып. 9 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 239–254.
21. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007–2008 гг.) / *В.А. Боргунов, Г.В. Бельтикова, Л.Л. Косинская, Е.Н. Дубовцева, Е.А. Юдина* // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 8 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 184–220.
22. *Дубовцева Е.Н.* Селище Барсова Гора II/42 (комплексы неолита, энеолита и бронзового века) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 2. С. 122–136.
23. *Васильев Е.А.* Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 3–12.
24. *Marchenko, Z.V., Orlova, L.A., Panov, V.S., Zubova, A.V., Molodin, V.I., Pozdnyakova, O.A., Grishin, A.E., Uslamin, E.A.* Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of freshwater reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, West Siberia: preliminary results // Radiocarbon. 57 (4). 2015. P. 595–610.
25. *Post, D.M., Layman, C.A., Arrington, D.A., Takimoto, G., Quattrochi, J., Montaña, C.G.* Getting to the fat of the matter: models, methods and assumptions for dealing with lipids in stable isotope analyses // Oecologia. 152 (1). 2007. P. 179–189. DOI: 10.1007/s00442-006-0630-x.
26. *Courel, B., Robson, H.K., Lucquin, A., Dolbunova, E., Oras, E., Adamczak, K., Andersen, S.H., Astrup, P.M., Charniauski, M., Czekaj-Zastawny, A., Ezepenko, I., Hartz, S., Kabaciński, J., Kotula, A., Kukawka, S., Loze, I., Mazurkevich, A., Piezonka, H., Piličiauskas, G., Sørensen, S.A., Talbot, H.M., Tkachou, A., Tkachova, M., Wawrusiewicz, A., Meadows, J., Heron, C.P., Craig, O.E.* Organic residue analysis shows sub-regional patterns in the use of pottery by Northern European hunter-gatherers // Royal Society Open Science, 2020, 7: 192016. DOI: 10.1098/rsos.192016.
27. *Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН, Студия «ГРАФО», 2006. 352 с.
28. *Косинская Л.Л.* Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири: Сб. науч. тр. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1998. С. 87–102.
29. *Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И.* Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. Вып. 3 (18). С. 60–71.
30. *Баранов М.Ю.* Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. (Мат-лы ВАС). Т. I. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 343–346.
31. *Чарусова И.С., Баранов М.Ю.* Аварийно-спасательные раскопки поселения Кедровая 2 на Приобском месторождении в ХМАО–Югре в 2010 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 465.
32. *Данилова Е.Н.* Комплекс раннего железного века селища Нёх-урий 5,1 в бассейне р. Аган // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. Вып. 13. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 189.
33. *Чемякин Ю.П.* Исследования оборонительной системы городища Барсов городок III/6 // АО-2021 (в печати).

Е.Н. Дубовцева – Центр археологии каменного века Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Х. Пиеконка – Институт доисторической археологии Свободного университета Берлина, Берлин, Германия

Т. Шрайбер – Институт пре- и протоисторической археологии, Кильский университет им. К. Альбрехта, Киль, Германия; Институт доисторической археологии Свободного университета Берлина, Берлин, Германия

E.N. Dubovtseva, H. Piezonka, T. Schreiber

NEW DATA ON THE CHRONOLOGY OF FORTIFIED SETTLEMENTS OF HUNTERS, FISHERMEN AND GATHERERS IN THE TAIGA ZONE OF WESTERN SIBERIA

Summary

The taiga zone of Western Siberia is an area with a long history of fortification construction. The number of known sites and their prototypes is more than 1000. Most of them belong to the Early Iron Age and the Middle Ages, but the first fortifications are dated to the Neolithic period and appear in the region at the turn of 7th–6th millennium cal. BC. The study of this sites is impossible without the involvement of a reliable chronology. Unfortunately, the number of radiocarbon dates for monuments in the taiga zone of Western Siberia is extremely small. To create a reliable base for radiocarbon dating of monuments in the Surgut Ob' region, associated with various types of defensive structures, we collected samples of charcoal charred food crusty on pottery. Samples were collected both from museum collections and in the course of new fieldwork. The main study area was the Barsova Gora archaeological complex, whose monuments form the basis for the study of cultural processes and the chronology of the Middle Taiga subzone of Western Siberia. As a result, a series of new 77 AMS radiocarbon dates from 19 fortified and unfortified settlements from the Neolithic to the Middle Ages was obtained. Critical analysis of the series showed that about 17 % of the dates are invalid, which is associated with both selection errors and complex stratigraphy, as well as problems of the method, including the freshwater reservoir effect. Many monuments were dated for the first time.

Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Science,
16, S. Kovalevskoy st., Yekaterinburg, 620990, Russia
E.N. Dubovtseva – E-mail: ket1980@yandex.ru

Institute for Prehistoric Archaeology Free University of Berlin,
Fabeckstrasse, 23-25, 14195, Berlin, Germany
H. Piezonka – E-mail: henny.piezonka@fu-berlin.de

Cluster of Excellence ROOTS, Kiel University,
Olshausenstraße 80h, 24098, Kiel &
Institute for Prehistoric Archaeology, Free University of Berlin,
Fabeckstrasse, 23-25, 14195, Berlin, Germany
T. Schreiber – E-mail: tschreiber@roots.uni-kiel.de

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

И.В. Исланова

ПОСЕЛЕНИЕ СОБОЛЕВО 2 НА ВЕРХНЕЙ ВОЛГЕ[1]

В результате анализа вещевых и керамических материалов выяснено, что поселение Соболево 2, первоначально известное как стоянка Соболево VI, в основном имеет позднедьяковские напластования и отдельные артефакты позднего периода эпохи бронзы. Здесь выявлены остатки постройки с углублённой в материк нижней частью. Судя по набору керамики т. н. мощинского круга, это поселение на современном этапе можно считать реперным для финального этапа позднедьяковских памятников Верхневолжского региона. Схожие материалы типа Соболево 2 известны в верхних, но переотложенных слоях городищ раннего железного века Верхнего Поволжья.

DOI: 10.70203/7150.2024.12.33.009

Активное полевое изучение дьяковских древностей раннего железного века на территории Тверского Поволжья в 60–70-е гг. XX в. (это работы Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР под руководством Д.А. Крайнова и Вазузской экспедиции ИА АН СССР под руководством К.А. Смирнова) в конце XX – начале XXI в. сменилось обследованиями небольших участков, попадающих в площадь памятников иного типа и иного времени. Исследования ограничиваются единичными шурфами на земельных отводах при историко-культурной экспертизе, в том числе проектируемых трасс газопроводов, скоростных автодорог и т. п., а также при установлении границ в рамках инвентаризации известных объектов археологического наследия. В результате длительное время не пополнявшаяся источниковая база привела к существенному «отставанию» в изучении здесь дьяковских древностей по сравнению с территорией Москворечья (см., например, монографии Н.А. Кренке, А.С. Сыроватко [1–3]). Однако лакуну в изучении финального периода позднедьяковской культуры Верхнего Поволжья смогут заполнить не публиковавшиеся и не анализировавшиеся ранее материалы поселений, имеющих слои раннего железного века. Одним из таких объектов является поселение Соболево 2, первоначально обозначенное как стоянка Соболево VI, в Кимрском районе Тверской области [4, с. 279–280].

Стоянка Соболево VI была выявлена в 1969 г. Л.В. Кольцовым (рис. 1: В) по подъёмному материалу при разведочных работах отряда Верхневолжской экспедиции в числе серии объектов эпохи камня на берегах кимрского течения р. Волги (рис. 1: А). Памятник находится в 350 м к северо-востоку от д. Соболево. Он расположен на дюнном всхолмлении (береговом валу?) высокой поймы левого берега р. Волги (Угличское водохранилище). Берег здесь обрывистый и размывается рекой. Высота над уровнем воды – 3,5–4 м (на август 2009 г.). В 40 м к западу лежит заболоченная старица р. Волги. Размеры поселения были определены как 60×40 м [5]. В начале XXI в. дюна, на которой находится поселение, частично была разрушена карьером, от которого сохранились задернованные отвалы [6]. В 2009 г. при посещении остатков объекта было зафиксировано, что здесь возобновлена выборка песка (рис. 2: А, Б). Остальная, прибрежная поверхность – задернована.

В 1970 г. Л.В. Кольцовым на памятнике был заложен раскоп площадью 72 кв. м (рис. 1: А, Б, Г). По керамическому и кремнёвому материалам поселение было отнесено в рубежу II и I тыс. до н. э. Текстовой раздел об исследованиях помещён в полевой отчёт автора раскопок; иллюстрации – в общий отчёт Верхневолжской экспедиции [5; 7, с. 37]. В 1974 г. на выявленный памятник Е.В. Бодуновым был составлен паспорт, в котором стоянка VI была названа поселением Соболево VI. В экспозиции Кимрского филиала ТГОМ исследованный памятник был обозначен как «поселение Соболево I» (в подписях к прясницам). В 1996 г. при инвентаризации объектов археологического наследия Кимрского района это поселение осматривалось А.В. Новиковым и Ю.А. Кобозевым (рис. 3) [8]. В 2009 г. остатки поселения обследовались И.В. Ислановой [9, с. 100–101]. Около карьера был собран подъёмный материал и заложен шурф (рис. 2: Б; 4: А).

В таблице исследованных памятников раннего железного века в Калининской (ныне Тверской) области анализируемый объект был указан А.Д. Максимовым как поселение Соболево 6 и продатирован рубежом II и I тыс. до н. э. [10, с. 41]. В своде памятников Тверской области этот объект обозначен как поселение Со-

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным (I–VII вв. н.э.)» (№ НИОКТР 122011200267-0).

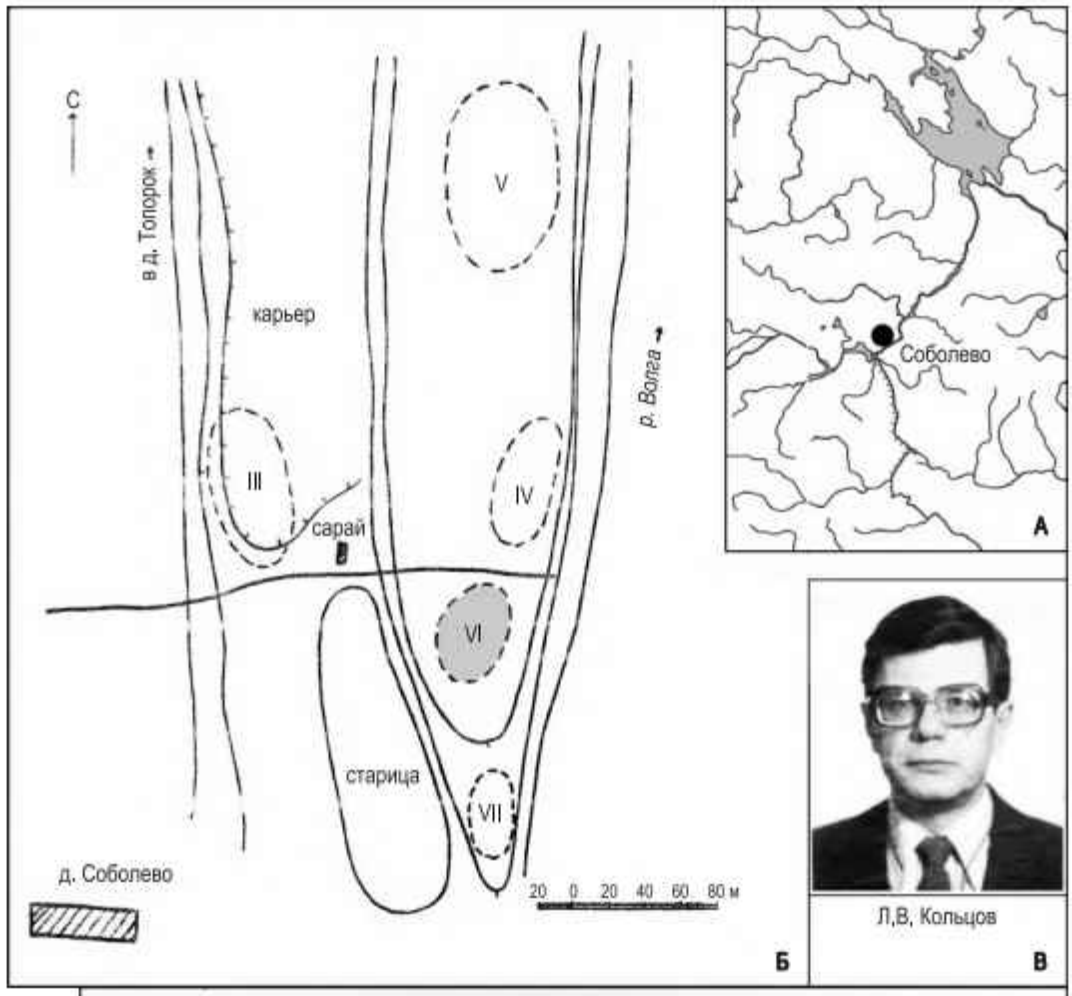
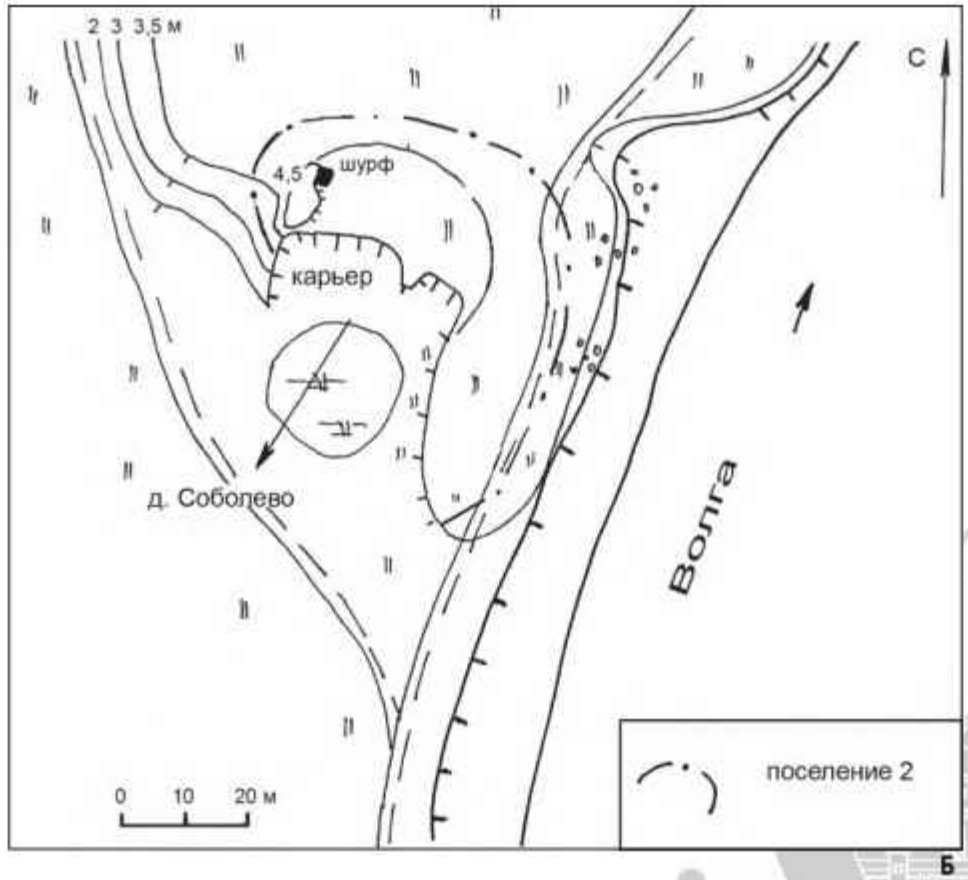

Рис. 1. Поселение Соболево 2 (стоянка VI):
А – местоположение поселения; Б – план поселения и соседних памятников (по паспорту); В – исследователь памятника Л.В. Кольцов; Г – фото раскопок 1970 г. на поселении Соболево 2 (по паспорту)

А

Б

Рис. 2. Остатки поселения Соболево 2:
А – вид на памятник с юга (фото 2009 г. И.В. Исламовой); Б – ситуационный план 2009 г. И.В. Исламовой

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

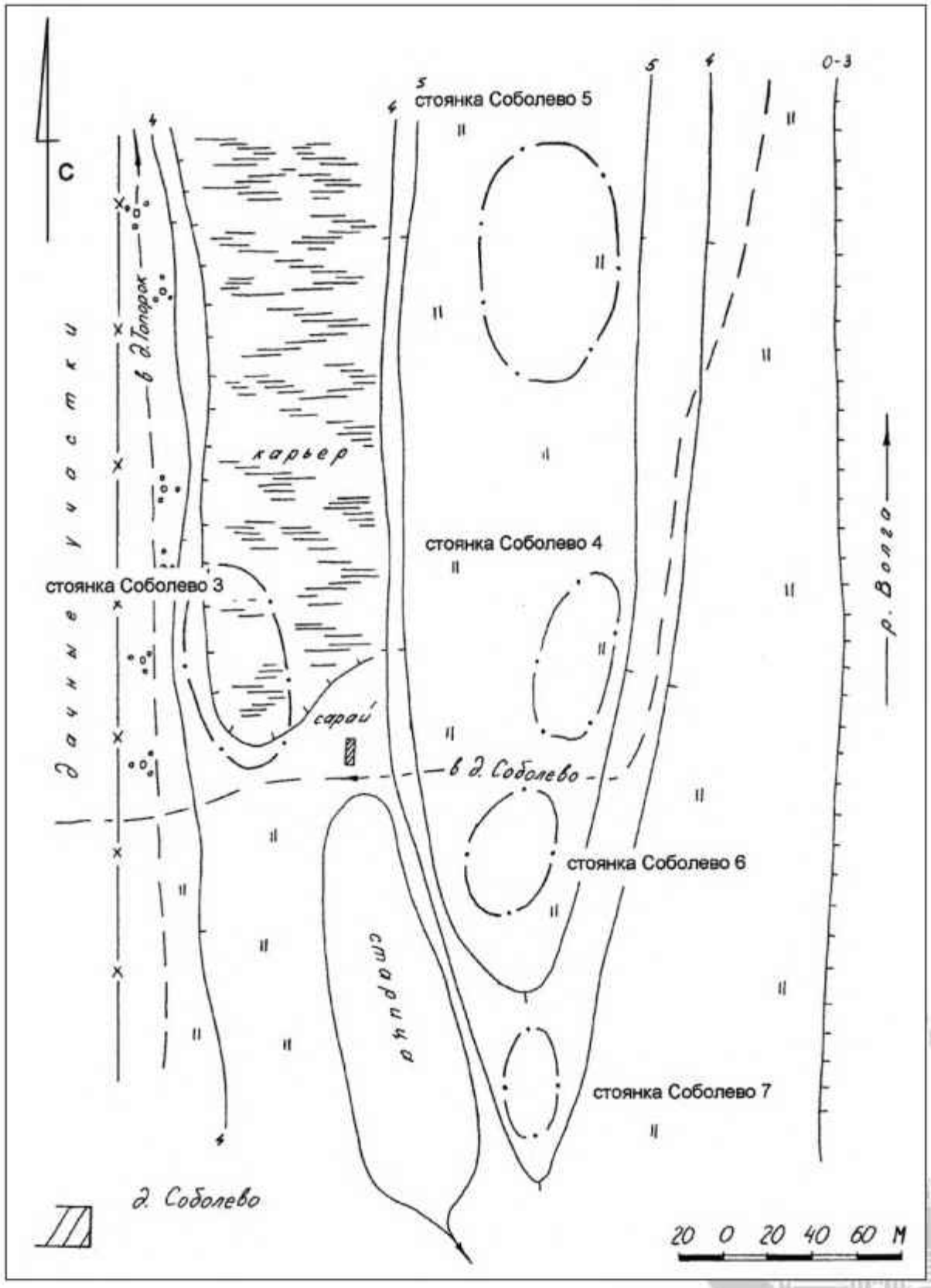

Рис. 3. План стоянок у д. Соболево (по А.В. Новикову [8])

болево 2 (Соболево 6) и отнесён в финальному этапу эпохи бронзы – начальным этапам раннего железного века [4, с. 279–280]. Информация о керамическом наборе поселения Соболево 2 и сведения об иной дате памятника были опубликованы в 2010 г. при анализе древностей Верхнего Поволжья, имеющих напластования середины I тыс. н. э. [11, с. 205, рис. 7: 2, 3]. Коллекции 1970 и 2009 гг. (фрагменты лепных сосудов и индивидуальные предметы) находятся в фондах Тверского государственного объединённого музея и частично – в экспозиции его Кимрского филиала. Однако неизвестно местонахождение основных кремнёвых артефактов, обнаруженных в 1970 г.

Материалы, характеризующие поселение Соболево 2, происходят преимущественно из раскопа. На план памятника раскоп в 1970 г. нанесён не был. При осмотре поселения в 2009 г. следы раскопа визуально не прослеживались. Вскрытый участок можно локализовать лишь приблизительно по сохранившимся фотоматериалам (рис. 1: Г). По-видимому, он находился почти сразу к западу от современной полевой дороги.

Исследование слоя на раскопе велось «методом горизонтальной зачистки по всей площади» [5, л. 1]. Все находки (каждый фрагмент керамики и кремнёвый артефакт) наносились на планиграфический чертёж (рис. 5: А). Но глубина обнаруженных артефактов не указана, за исключением обозначений на индивидуальных находках (пряслицах). «Шифр» на них – «Соб – I – 70» (см. рис. 6: 4, 7), – по-видимому, обозначает не номер стоянки, а номер раскопа. Наверное, предполагалось и дальнейшее исследование этого памятника.

Помимо общего планиграфического чертежа в отчёте находится ещё один – чертёж стратиграфии, но только по условной северной стенке. Видимо, это была врéменная стенка, а затем к северу была сделана привязка и площадь раскопа увеличена (рис. 5: Б). Стратиграфия по остальным стенкам – бортам раскопа – нам не известна, так как в тексте их описание тоже отсутствует.

Однако в тексте отчёта приведена общая стратиграфия раскопа: 1) «песок темносерый /современная почва» (по-видимому, сюда же был включен и дёрн. – *Авт.*) – 0,18 м; 2) «песок интенсивно серый» – 0,36 м (в текстовом разделе паспорта на памятник указаны 0,3 м); 3) «песок желтый» – до 0,24 м; 4) «песок желтокрасный» [5]. К культурным относятся верхние слои 1 и 2; их общая мощность 0,44 м.

В 2009 г. в шурфе площадью 1 кв. м, заложенном у стенки карьера, были зафиксированы несколько иные напластования (рис. 4: А). Сверху – балластные отложения толщиной до 0,3 м, перекрывшие дневную поверхность. Под балластом находились: 1) тёмно-серо-коричневая супесь – 0,08–0,1 м; 2) светло-коричнево-жёлтая супесь – 0,28–0,3 м; 3) ниже залегал светло-жёлтый материковый песок с пятнами корней (из тёмно-серой супеси). Слои 1 и 2 относятся к культурным напластованиям; их общая мощность достигала 0,4 м. В слое 1 (это почвенный слой и погребённый дёрн) найдены по одному фрагменту стенок лепной и поздней круговой керамики, обломок кремнёвой пластины и отщеп. В слое 2 – кремнёвые отщеп, чешуйка, фрагмент стенки лепного сосуда с текстильной поверхностью. В материке расчищена столбовая ямка (диаметром 0,27–0,3 м, глубиной 0,15 м.) Она была заполнена коричневым и серым песком. Скорее всего, судя по найденному рядом фрагменту позднекруговой керамики, это следы столба хозпостройки конца XIX – начала XX в.

Общий анализ обнаруженных керамических и вещевых артефактов позволяет говорить о встреченных здесь отложениях двух культур «с текстильной керамикой»: позднего бронзового века (кремнёвый материал, керамика) и позднедьяковской (керамика и глиняные пряслица).

Обнаруженная в раскопе 1970 г. керамика была разделена Л.В. Кольцовым на «два типа»: с сетчатыми отпечатками и без них, среди которых некоторые фрагменты были с орнаментом «из ямок под самым венчиком» [5]. В сохранившейся коллекции они отсутствуют.

Судя по чертежу и тексту отчёта, среди кремнёвого материала, происходящего из слоя, в раскопе преобладали отщепы – 54 экз.: из них 9 экз. найдены в яме постройки (см. её описание ниже), остальные – за пределами этой ямы. Найдены также семь кремнёвых орудий. В тексте отчёта указано, что это в основном были скребки, четыре из которых обнаружены в яме постройки, а три – за её пределами. К сожалению, за исключением одного нуклевидного куска, кремнёвые материалы в коллекции с памятника отсутствуют. Фотографий и рисунков в отчёте нет, поэтому сказать что-либо о культурно-хронологической принадлежности кремнёвого материала невозможно.

Особого внимания заслуживают остатки обнаруженной в раскопе постройки, которая, судя по концентрации в ней позднедьяковских артефактов, относится к середине I тыс. н. э. В «интенсивно сером» песке было зафиксировано подпрямоугольное пятно ямы размерами 4,84×3,5 м, ориентированное с северо-запада на юго-восток (рис. 5: А). Глубина ямы в сером песке была 0,33 м. Под пятном ямы лежал также серый песок толщиной от 0,04–0,06 до 0,1 м. Судя по разрезу, дно ямы было уплощённым и имело наклон на восток. Западная стенка – пологая, восточная – крутая. От современной дневной поверхности дно находилось на глубине 0,5 м. С юго-востока зафиксирован выступ (предположительно вход) размерами 1,18×0,84 м [7].

Яма была заполнена тёмно-серым песком. Данная постройка могла быть или наземной с немного углублённой нижней частью, или действительно полуземлянкой. И в отчёте, и в заметке в «Археологических открытиях» постройка названа «жилищем», причём в заметке ещё сказано об остатках очага из золы и мелких угольков [7]. Если следовать чертежу, где отмечены только единичные камни и отсутствуют пятна крупных углей или прокалённого грунта, то жилой характер строения весьма проблематичен.

В площади пятна постройки сконцентрировано большинство массовых и индивидуальных находок. В углублённой части найдены три целых и один фрагмент глиняных пряслиц (рис. 5: А), а за её пределами – фрагмент ещё одного (рис. 6: 5). Два целых и один фрагмент (рис. 6: 2–4) относятся к типу 3 по К.А. Смирнову [12, с. 67]. Это т. н. цилиндрические пряслица с уплощёнными основаниями, отвесными или слегка выпук-

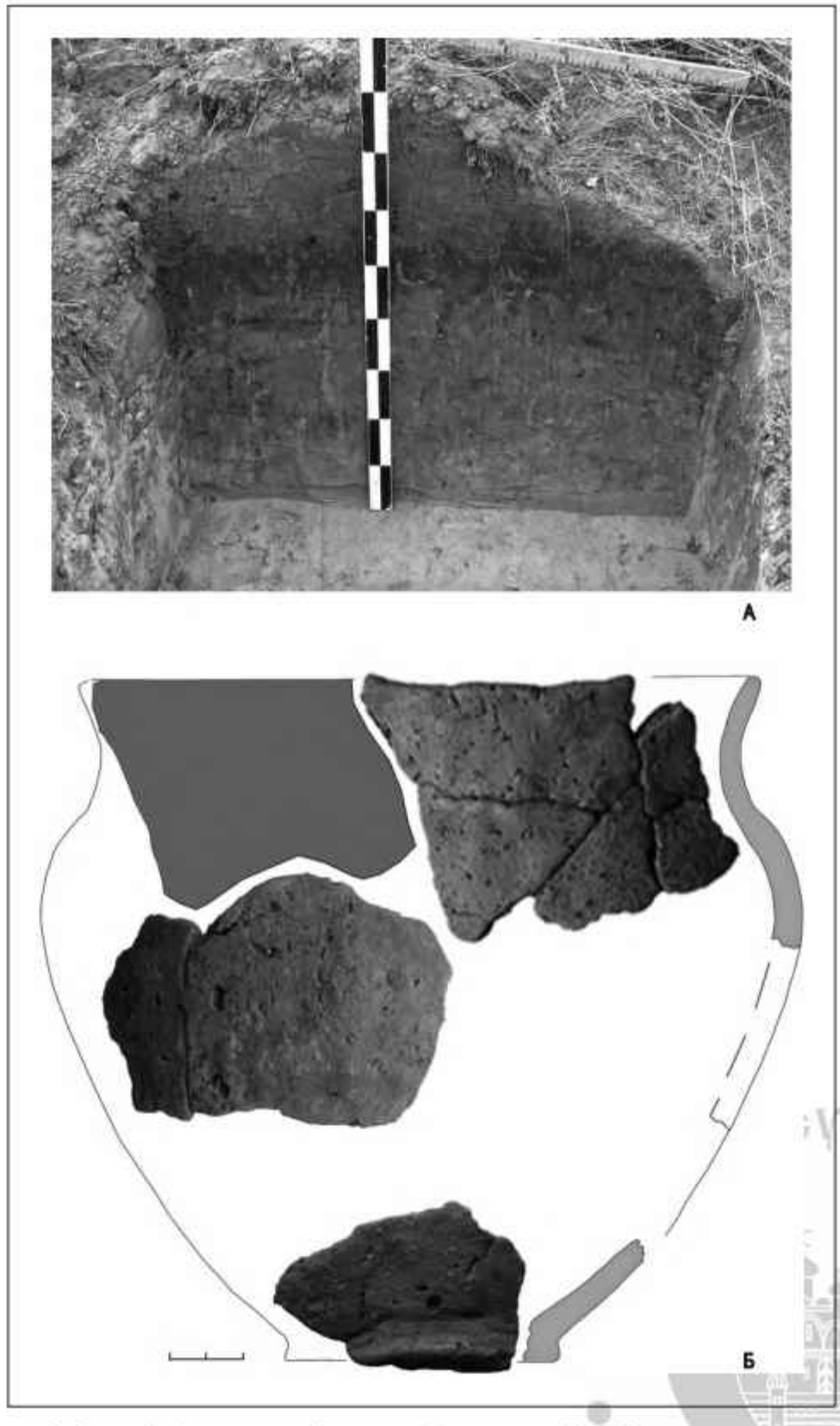

Рис. 4. Поселение Соболево 2: А – стратиграфия западной стенки шурфа 2009 г., вид с востока; Б – графическая реконструкция лепного сосуда

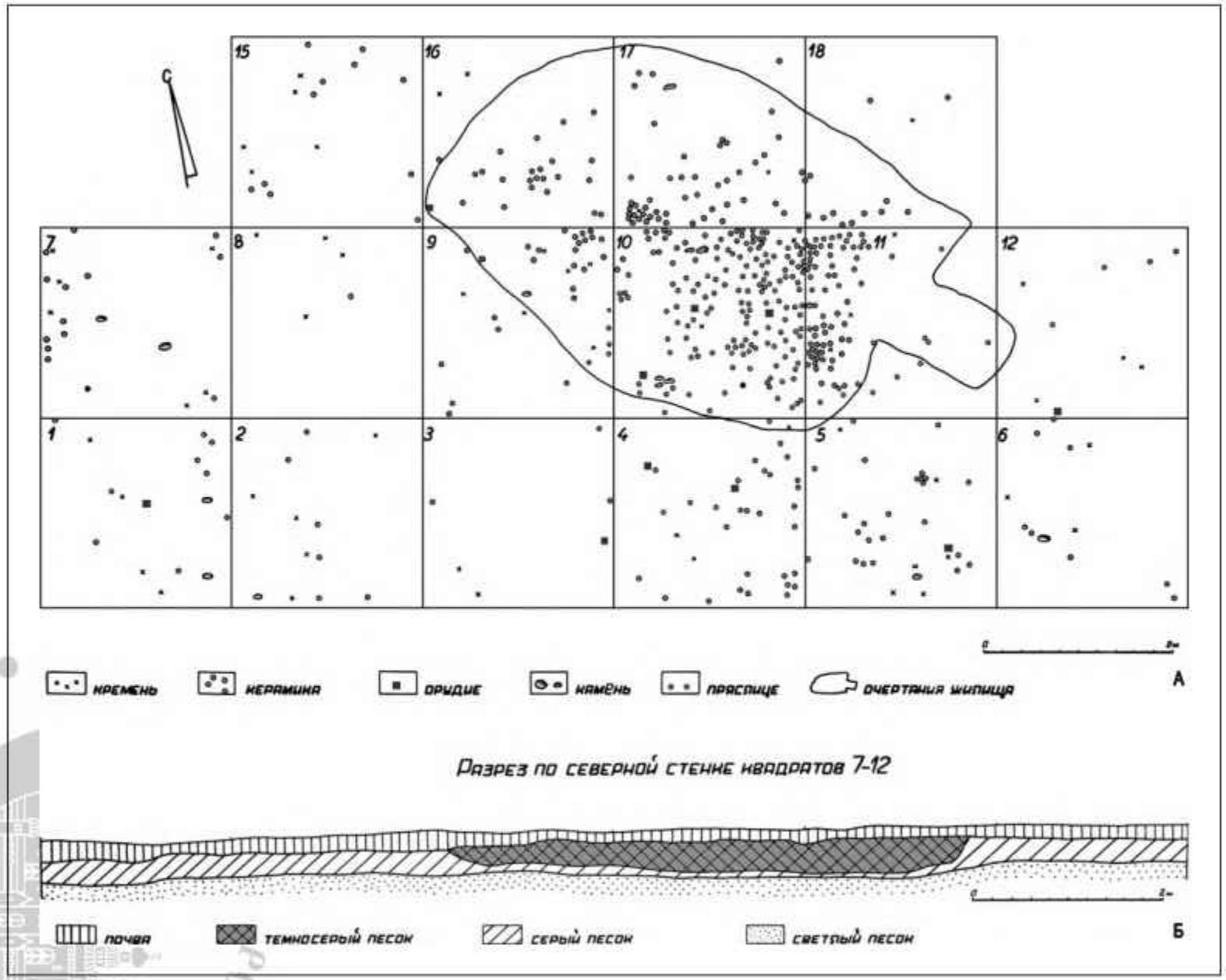

Рис. 5. Поселение Соболево 2. Планиграфия и стратиграфия раскопа (по Л.В. Кольцову [5])

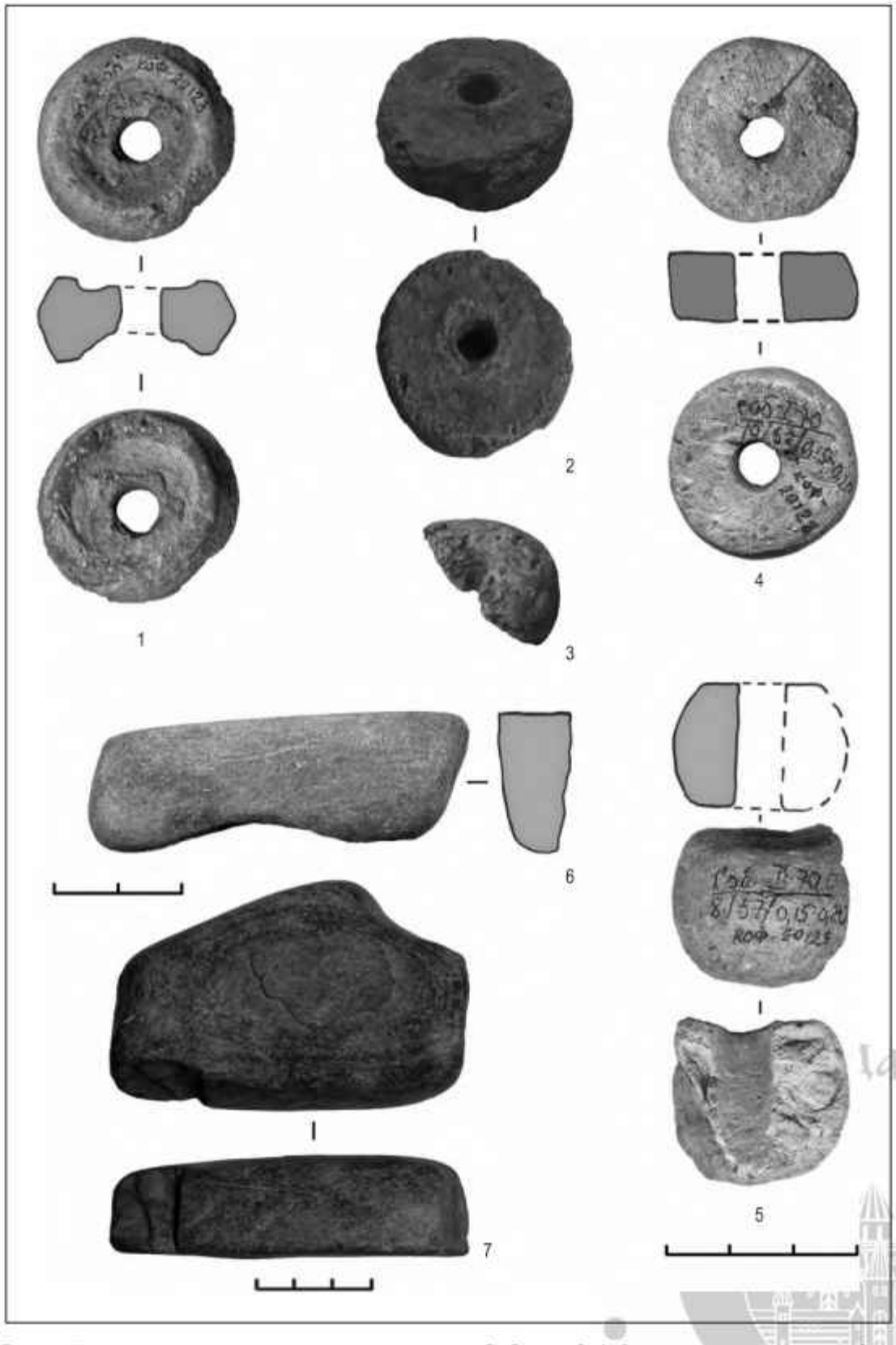

Рис. 6. Вещевой материал с позднедьяковского поселения Соболево 2: 1–5 – глиняные пряслица и фрагменты пряслиц; 6, 7 – точильные камни

Государственный объединенный музей

лыми боковыми гранями. Их высота 10–11 мм, наибольший диаметр 30, 35 и 32 мм, а диаметр отверстия соответственно 7, 7 и 8 мм. В глиняном тесте изделий имеется примесь песка.

Схожие по форме и размерам артефакты бытовали на ближайших к кимрскому региону верхневолжских поселениях позднедьяковской культуры. Например, три экземпляра происходят с селища Килино [13, рис. 45: 1–3]; два – с городища Березняки и один – с Попадьинского селища [13, рис. 38: 7, 8; 41: 4]; 13 экз. – с Кикинского городища [14, с. 30, рис. 32]. Такие пряслица с отверстием малого диаметра не известны в мощинской культуре [15, с. 36]; они редко встречаются и на памятниках эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья лесной и лесостепной зон Восточной Европы, где распространены биконические и овальные изделия [16].

Аналоги плоскому пряслицу с коническими стенками и со ступенчатыми углублёнными основаниями (рис. 6: 1) не известны. Его высота – 12–14 мм, наибольший диаметр – 32 мм, диаметр отверстия – 6–7 мм. Глиняное тесто – с примесью песка, боковые стенки подлощены.

За пределами ямы постройки в раскопе найдены точильный камень (рис. 6: 6) и фрагмент высокого овального пряслица (рис. 6: 5). Последний, судя по обозначению на нём, был обнаружен в квадрате 8; на чертеже он не был отмечен. Основания пряслица – уплощённые, его высота – 20 мм, наибольший диаметр – 30 мм, а диаметр отверстия – 7,5–8 мм. Подобные высокие изделия единичны на дьяковских поселениях [12, с. 67] и редки на памятниках второй и третьей четвертей I тыс. н. э. Восточной Европы. Ещё один точильный камень происходит из сборов на территории поселения (рис. 6: 7).

Керамические коллекции из исследований 1970 и 2009 гг. насчитывают более 550 фрагментов сосудов. Из них 4,7 % (26 фрагментов) относятся к лепной керамике позднего периода эпохи бронзы с т. н. текстильной поверхностью, 4 % (22 фрагмента) – к позднекруговой красно- и сероглиняной керамике Нового времени.

Особого анализа заслуживают позднедьяковские материалы[2], которые при полевых работах 1970 г. были приняты за артефакты эпохи бронзы. Более 75 экз. – это очень мелкие фрагменты сосудов. Остальные 427 экз. (424 фрагмента из раскопа и три фрагмента – подъёмный материал) можно дифференцировать в зависимости от характера внешней поверхности. Больше половины приходится на т. н. гладкостенные обломки. Эти 232 экз. (53,2 %) имеют немного шероховатую поверхность, а в глиняном тесте присутствуют мелкая дресва и песок. Их цвет – от тёмно- до светло-коричневого. Обломки днищ двух сосудов имели следы песчаной подсыпки. Подлощёных фрагментов – 36,1 % (157 экз.). К такой керамике отнесены обломки с хорошо заглаженной (затёртой) внешней поверхностью с примесью песка. Их цвет – от тёмно- до светло-коричневого. Меньше всего лощёных фрагментов – 8,7 % (38 экз.). Это обломки сосудов с хорошо заглаженной (до блеска) поверхностью чёрного или светло-коричневого цвета.

Так как внешняя поверхность одного и того же сосуда могла варьировать от лощёной (в верхней части) до подлощёной (в нижней части), при подсчётах вполне оправданно объединять лощёные и подлощёные фрагменты. На поселении Соболево 2 их обнаружено 45,7 % от всей найденной лепной гладкостенной посуды.

На памятниках Москворечья лощёная и подлощёная керамика встречена в позднедьяковских слоях в небольшом количестве: например, на Троицком городище её 2,8 %, на Кикинском городище – 1,5 % [14, с. 49]. На позднедьяковских верхневолжских городищах такой керамики больше: на городище Поминово 4,6 %, на городище Орлов Городок до 6,6 % [17, табл. 1]. Наибольшее количество известно на поселениях мощинской культуры: на Мощинском городище – 20 %, на Мощинском селище – 13 % [18, с. 47]. Следует указать, что керамические наборы этих памятников не разделены по дробным хронологическим периодам. По всей видимости, большой процент лощёной и подлощёной керамики на поселении Соболево 2 связан с узким хронологическим горизонтом функционирования памятника.

Основная масса фрагментов сосудов была обнаружена на площади углублённой части постройки (рис. 4: Б; 7: 1, 2, 5, 6, 10, 11; 8: 1–5). Форма сосудов, от которых сохранилась только длинная отогнутая шейка, неясна (рис. 7: 1–5, 7, 10, 11). Полностью графически реконструируется сосуд S-видной формы (рис. 4: Б), который можно отнести к типу V-1 по классификации мощинской керамики [15, рис. 10]. Ещё один схожий по форме сосуд представлен небольшим фрагментом (рис. 7: 6). Судя по фрагментам, три сосуда имели слабо выраженный уступ в месте плеча (рис. 7: 8, 9; 8: 1) и близки к керамике из постройки 5 и скопления 2 позднемощинского городища Акиньшино [19, рис. 11: 7; 12: 1; 15: 2]. Сосуды, близкие к остальным формам посуды Соболево 2 (рис. 8: 2–5), встречены на том же городище в постройках 2, 2а и 3 [соответственно: 19, рис. 16: 3; 7: 10; 9: 8]. Помимо этого, на анализируемом поселении найден фрагмент сосуда с нехарактерным для мощинской посуды утолщённым краем венчика (рис. 7: 12).

В целом можно говорить о следующем керамическом наборе позднедьяковского слоя поселения Соболево 2: 1) профилированные сосуды S-видной формы с наибольшим расширением в верхней части тулова; 2) сосуды с небольшим или очень слабо выраженным уступом в месте перехода от шейки к тулову; 3) сосуды с длинным пологим плечом (рис. 8: 4); 4) сосуды с резким крутым переходом от плеча к тулову (рис. 8: 5); 5) мисковидные сосуды с плавным скруглённым переходом от плеча к тулову (рис. 8: 3). Характерно, что так же, как и на других верхневолжских памятниках, на Соболево 2 отсутствуют миски с цилиндрической верхней частью, бытовавшие в мощинской культуре на протяжении всех этапов её существования [19, с. 226].

---

[2] Выражаю искреннюю признательность заведующей сектором археологии отдела фондов ТГОМ А.Н. Пичугиной, обратившей моё внимание на керамическую коллекцию с поселения Соболево 2.

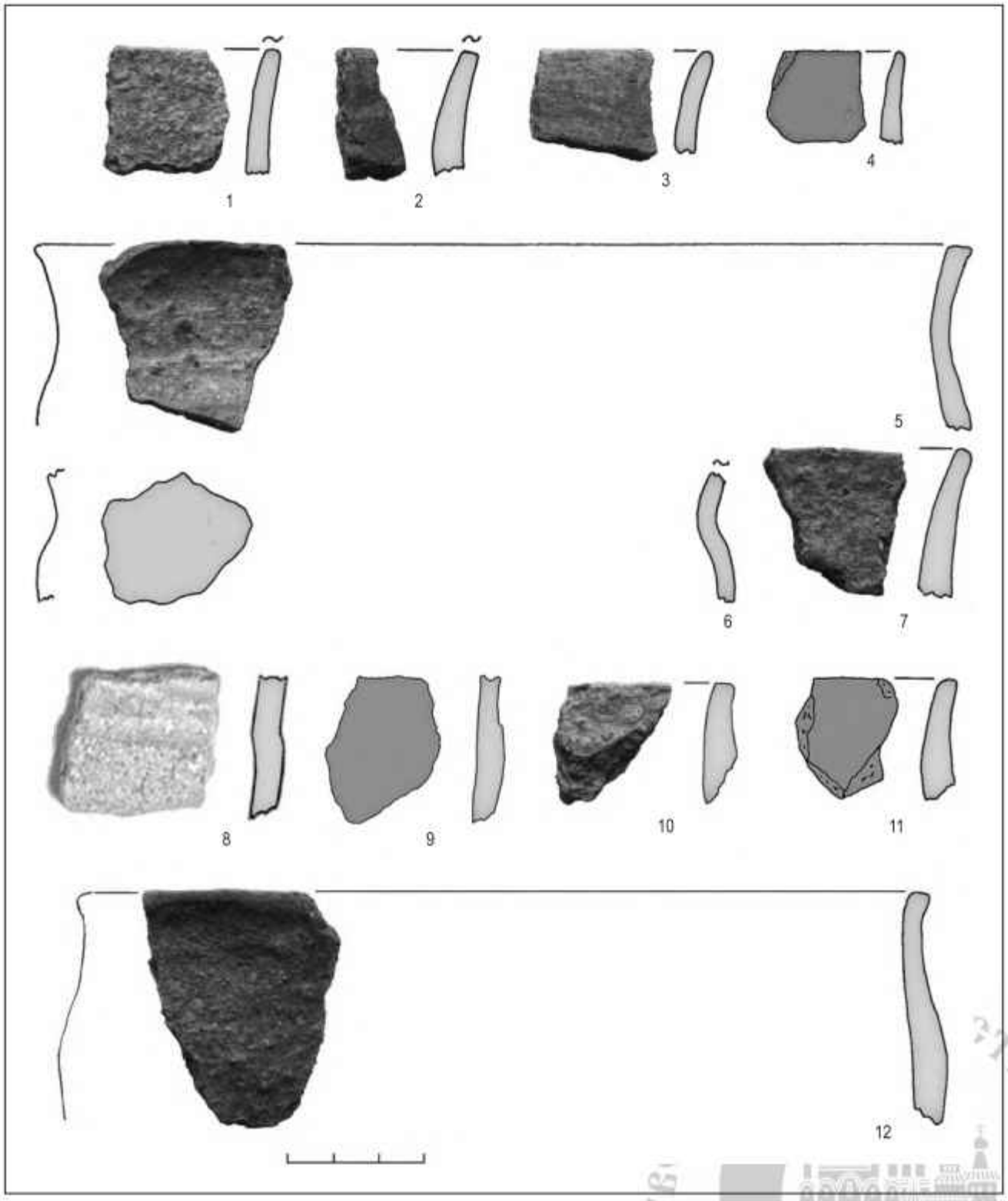

Рис. 7. Поселение Соболево 2. Фрагменты лепных сосудов: 1, 5–7, 9–12 – гладкостенные; 2, 8 – подлощёные; 3, 4 – лощёные

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

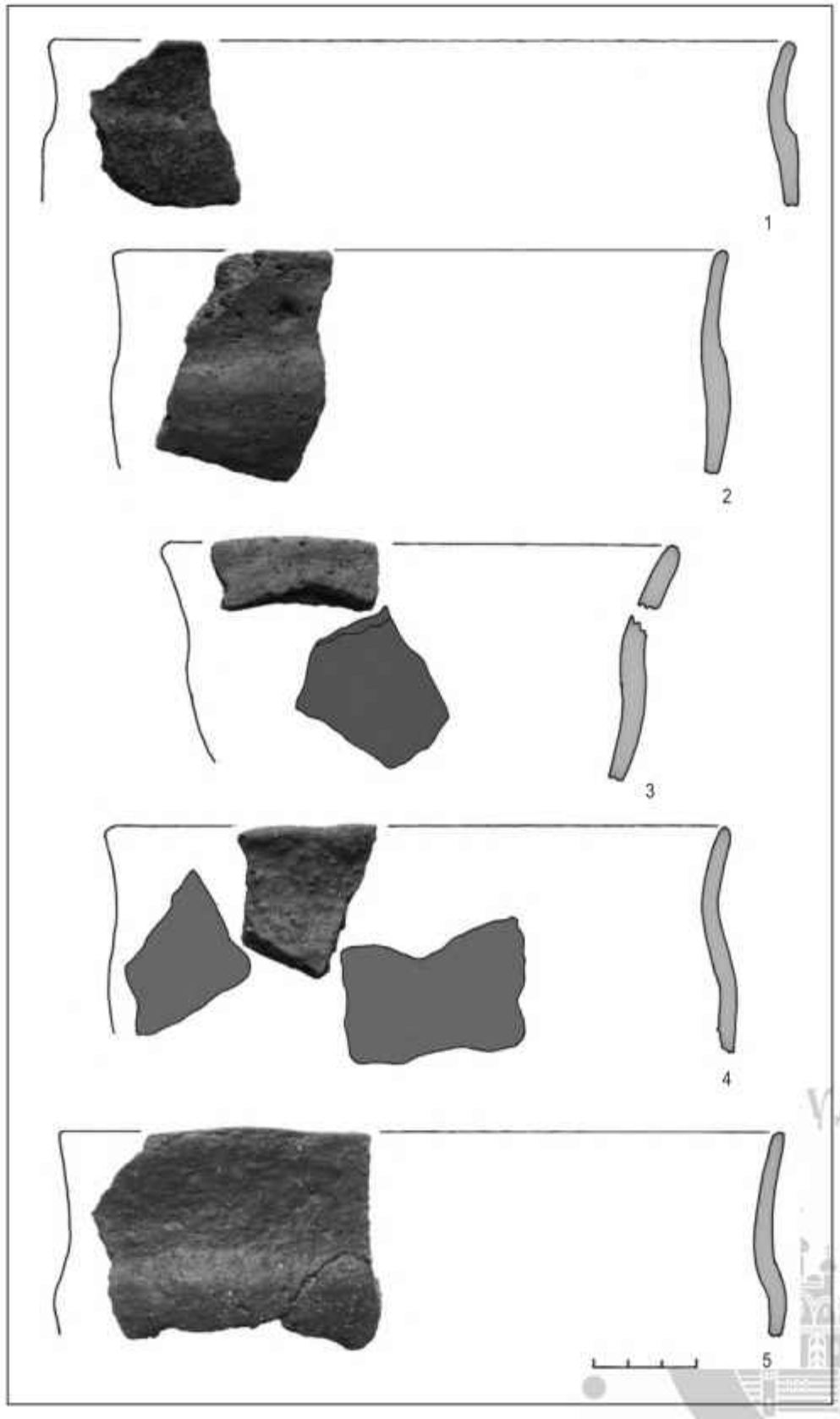

Рис. 8. Поселение Соболево 2. Фрагменты лепных сосудов: 1, 4 – гладкостенные; 2, 3, 5 – лощёные

Государственный объединенный музей

Однако наличие остальных близких форм посуды позволяет опираться на шкалу мощинских древностей [19, с. 224–225, 231] и датировать позднедьяковский слой поселения в пределах V–VI вв. н. э.

По всей видимости, из-за небольшого временно́го отрезка функционирования на Соболево 2 отсутствуют некоторые керамические формы, встреченные в верхних переотложенных слоях позднедьяковских городищ, накопление которых происходило длительный период: нет мисок с крутым хорошо выраженным плечом, нет сосудов с т. н. перетяжкой (бороздкой) в месте перехода от шейки к плечу, отсутствует орнаментированная керамика.

В определённой степени Соболево 2 – это реперный позднедьяковский памятник, где представлен «чистый» керамический набор – набор финального этапа верхневолжских позднедьяковских поселений, который можно именовать *типа Соболево*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.
2. *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск: Свиток, 2019. 392 с.
3. *Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: CheBuc, 2009. 351 с.
4. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. Г. Тверь, Зубцовский, Калининский, Калязинский, Кашинский, Кимрский, Конаковский, Лихославльский, Рамешковский, Спировский, Старицкий, Торжокский районы. Авт.-сост. Г.Г. Король / Ред. Н.В. Малиновская. М.: ИА РАН, 2003. 528 с.
5. *Кольцов Л.В.* Отчет разведочного отряда Верхневолжской экспедиции за 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 4553, 5451б.
6. *Исланова И.В.* Отчет о разведочных работах в Тверской области в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 37265.
7. *Кольцов Л.В.* Раскопки в Ярославской и Калининской областях // Археологические открытия 1970 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 37–38.
8. *Новиков А.В.* Отчет о разведках в Кимрском районе Тверской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 20843, 20844.
9. *Исланова И.В.* Охранные и научные исследования в Тверской области // Археологические открытия 2009 г. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2013. С. 100–101.
10. *Максимов А.Д.* К истории изучения памятников раннего железного века Верхнего Поволжья и Подвинья // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин: Калининский гос. университет, 1983. С. 40–50.
11. *Исланова И.В.* Культурная принадлежность древностей I тыс. н.э. Верхнего Поволжья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Часть 1 / Отв. ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 203–217.
12. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.
13. *Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. / Отв. ред. М.И. Артамонов // М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. 150 с. (МИА. № 5)
14. *Вишневский В.И.* Кикинское городище. Древнее поселение середины I тысячелетия до н.э. на севере Подмосковья. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский музей-заповедник, 2021. 223 с.
15. *Воронцов А.М.* Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела / Ред. И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле», 2013. 173 с. (Историко-археологические исследования региона Куликова Поля. Вып. 1)
16. *Шарова О.А.* Две традиции изготовления глиняных пряслиц Верхнего Поднепровья и прилегающих территорий в I тыс. н.э. // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья. Калуга: Издательство Н.Ф. Бочкаревой, 2004. С. 65–72.
17. *Исланова И.В.* Керамический комплекс городища Орлов Городок // Вестник Тверского государственного университета. Серия: история. Вып. 11. № 31. 2011. С. 3–11.
18. *Массалитина Г.А.* Лепная керамика городища и селища Мощины // КСИА. Вып. 208. 1993. С. 46–51.
19. *Воронцов А.М.* Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова. М.: ИА РАН, 2016. С. 221–260. (РСМ 17)

ФГБУН «Институт археологии РАН», Москва

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

I.V. Islanova

SOBOLEVO 2 SETTLEMENT ON THE UPPER VOLGA

Summary

In the result of the analysis of Sobolevo 2 artifacts and ceramic materials it appeared that this settlement (originally known as the Sobolevo VI site) has mainly Late Dyakovo strata and separate artifacts of the Late Bronze Age. The remains of the construction with low part deepened into the mainland have been found here. Judging from the set of ceramics of the so-called Moshchinsky circle, this settlement at the present stage can be considered as a reference for the final stage of the Late Dyakovo monuments of the Upper Volga region. Similar materials of the Sobolevo 2 type have been discovered in the upper (but disturbed) layers of the Early Iron Age hillforts in the Upper Volga region.

Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Uljanova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: ivisl@mai.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

С.Е. Андреев

ЗОНИРОВАНИЕ ГОРОДИЩА ОРЛОВ ГОРОДОК ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ А.Д. МАКСИМОВЫМ

В статье представлена интерпретация пространственной организации городища Орлов Городок его исследователем А.Д. Максимовым. Определение зональности территории является одной из актуальных задач в изучении материалов раскопок городища Орлов Городок – опорного памятника в бассейне Средней Мологи для периода III–VI вв. н. э. вследствие большой площади исследованности и яркости обнаруженных материалов. На городище выделяются 5 строительных горизонтов, жилая и хозяйственная (производственная) зоны. Восточная часть городища обоснованно интерпретирована А.Д. Максимовым как жилая, хотя остаются вопросы к количеству выделенных исследователем жилищ. Западная часть городища определена как хозяйственная (производственная) зона. Правильность данного утверждения подкрепляют многочисленные следы производства по обработке металлов, но возникают сомнения в неизменном только производственно-хозяйственном характере западной части городища Орлов Городок.

DOI: 10.70203/6175.2024.39.37.010

Изучение материалов раскопок городища Орлов Городок, проведённых под руководством А.Д. Максимова (рис. 1) в 1980–1982 гг. и в 1987 г., остаётся актуальной задачей в рамках исследований культурных процессов в бассейне Средней Мологи в III–VI вв. н. э. Городище Орлов Городок является опорным памятником раннего железного века и раннего Средневековья данного микрорегиона вследствие большой площади исследованности и яркости обнаруженных материалов.

Рис. 1. Андрей Дмитриевич Максимов (1953–2016)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В своих статьях, посвящённых данному памятнику, А.Д. Максимов обращался к отдельным группам артефактов с городища (керамика, ножи, сельхозинвентарь) [1–4], но обобщающей работы, к сожалению, сделать не успел. И.В. Исланова опубликовала свою систематизацию керамических материалов с городища Орлов Городок [5].

Площадь раскопов в целом никто не описывал, исследователи останавливались на отдельных общих темах или сюжетах, иногда приводилось обобщённое описание сооружений без планов [6. с. 355, 356; 7, с. 47].

В данной статье ставится задача предварительного описания сооружений и зональности территории городища Орлов Городок по материалам раскопок А.Д. Максимова 1980–1982 гг., изложенным им в научных отчётах [8–11].

Городище Орлов Городок находится в 12 км к ЮЗ от пос. Молоково, на правом берегу р. Могочи, правого притока р. Мологи (рис. 2), занимает оконечность мыса, образованного излучиной реки, высота над уровнем воды – 14 м. С юга и запада находятся ров глубиной 2,5–3 м и вал высотой 0,4 м. Площадка городища имеет размеры 35×30 м (рис. 3).

Общая площадь исследований составила около 330 кв. м. Площадка городища за исключением рва и вала раскопана практически полностью (рис. 3).

В статье рассматриваются материалы раскопок только 1980–1982 гг., когда были исследованы остатки 4 жилищ, в том числе одного «длинного дома или жилого навеса» и полуземлянки (по определению автора раскопок), а также комплексы бронзолитейной мастерской, печей по производству железа и иные объекты (рис. 4, 5).

В раскопах 1980 и 1981 гг. конструкции, интерпретированные А.Д. Максимовым как жилые постройки, занимают значительную (бóльшую) часть раскопов. Им выделяются 5 строительных периодов на исследованной площадке (рис. 6), хотя значимые яркие артефакты найдены вне построек [12, с. 161].

В раскопе 1982 г. вскрыта, по мнению автора раскопок, обширная производственная площадка – места плавки бронзы (цветных металлов) и получения железа (рис. 7, 5).

В интерпретации А.Д. Максимова на сводном плане выборки ям в материке раскопов 1980–1982 гг. (рис. 4) обозначены жилые постройки (рис. 9, 10), яма печи для производства железа, «ритуальные» комплексы, фрагмент вала, оставленный без раскопок исследователем (рис. 4), зоны бронзолитейного производства (рис. 7).

Жилая зона расположена в восточной и центральной частях раскопанной территории городища (раскопы 1980 и 1981 гг.). Производственная (хозяйственная) зона занимает западную часть городища (раскоп 1982 г.), ближе к валу (рис. 5).

Рассматривая каждый горизонт раскопов на участках разных лет раскопок, можно отметить определённую закономерность: в восточной части городища, ближе к реке, группируются жилища, которые сменяют друг друга, перестраиваются, горят, снова отстраиваются. На площадке ближе к валу городища – объекты, связанные с бронзолитейным делом, и печи по производству железа. Со временем наблюдается развитие, увеличение обработки цветных металлов, А.Д. Максимов отмечает 8 очагов для плавления цветного металла, где обнаружено большое количество тиглей (более 30 целых форм и более 70 фрагментов), железных шлаков, шлаков цветных металлов, заготовок ножей, тёсел, литейный брак.

По условным горизонтам (мощность 0,1 м) было установлено, что зоны проживания и производства со временем практически не меняются.

При развитии металлообработки на городище постройка домов производится на одном и том же месте. В юго-западной части раскопа 1982 г. одну из частично исследованных ям автор раскопок интерпретирует как возможную полуземлянку (основная часть ямы выходит за пределы раскопа) (рис. 7). Производственная зона неизменно функционирует вдоль вала городища, расположенного в юго-западной части раскопа 1982 г. (рис. 3, 4, 7, 8).

Исследователь выделяет и интерпретирует ряд конструкций в северной части раскопа 1982 г. (рис. 5) как укрепления городища. Мне данная интерпретация представляется маловероятной, скорее всего, это остатки ещё одной постройки. Но вместе с тем интерпретация столбовых конструкций вдоль вала как конструкций для его укрепления заслуживает доверия, выглядит обоснованной. Более подробно рассмотреть этот вопрос мешает утрата стратиграфий памятника по бровкам и стенкам раскопа 1982 г. в процессе подготовки научного отчёта. Возможно, в дальнейшем это можно сделать путём анализа распространения находок на площади раскопа.

Идея о зоне «въездных конструкций» – ряда столбовых ям и зафиксированных отдельных обугленных фрагментов дерева, интерпретируемых А.Д. Максимовым как укрепления при воротах на въезде на городище, – не имеет, на мой взгляд, необходимых доказательств. Оставляем эту идею как возможную гипотезу. Также без ответа остаётся вопрос об освоенности площадки городища до возведения вала.

Интерпретация выделенных А.Д. Максимовым на уровне материка «культовых» объектов (рис. 11, 12) затруднительна. Хоть автор раскопок и указывает на наличие сверху, над ними, скоплений фрагментов керамики и костей, однозначно интерпретировать их трудно. Есть вопрос: почему «культовые» объекты расположены в хозяйственной зоне, рядом с печью для производства железа, между скоплениями «очагов» для бронзолитейного производства? Ответ на данный вопрос частично можно получить при анализе распределения находок в раскопах.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

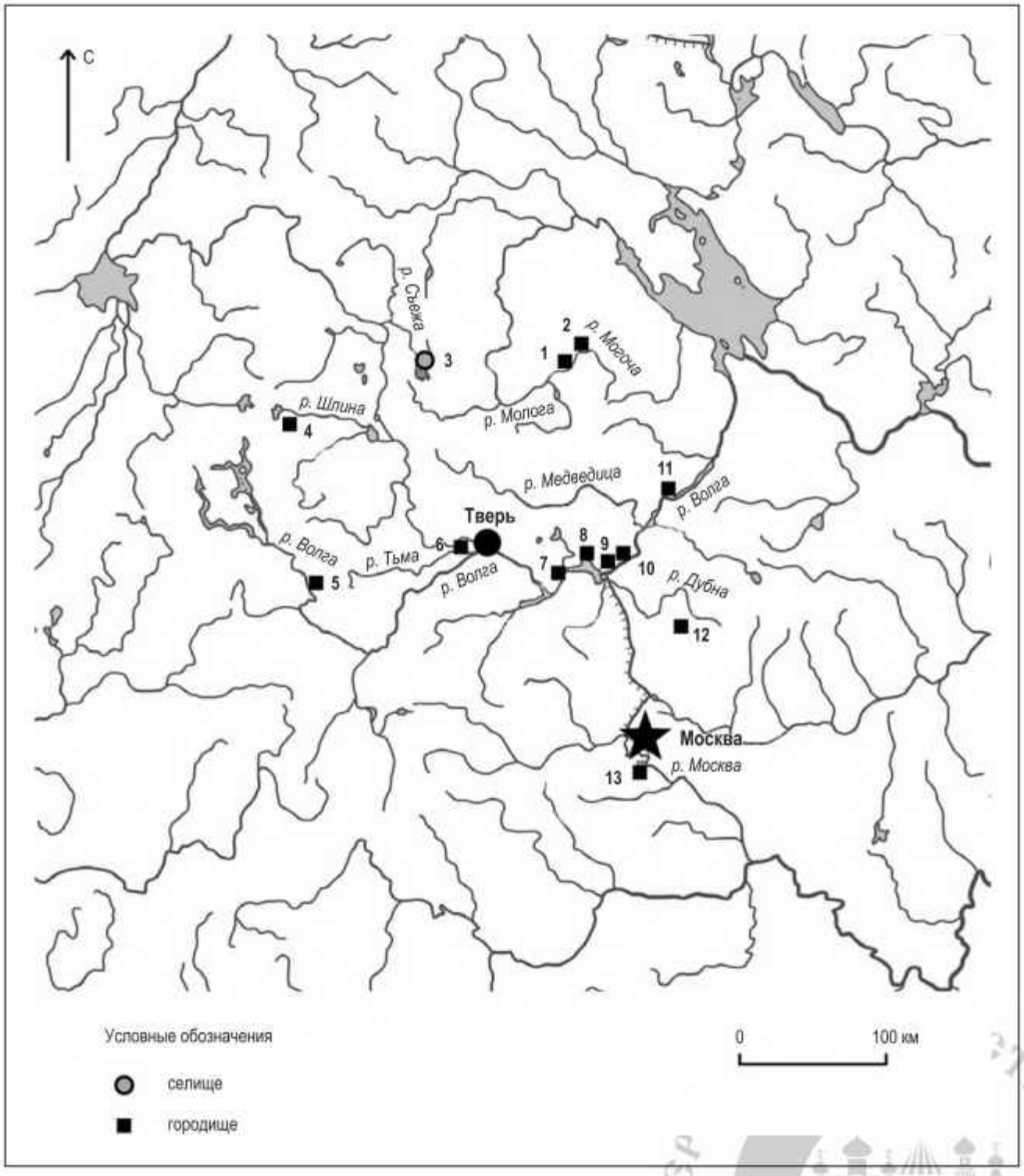

Рис. 2. Городище Орлов Городок и некоторые памятники 1-й половины I тыс. н. э. на карте регионов Верхней Волги и Волжско-Балтийского водораздела:

1 – Орлов Городок; 2 – Аниково городище; 3 – Юрьевская горка; 4 – Варварина Гора; 5 – Осечен; 6 – Отмичи; 7 – Топорок (Орешково); 8 – Санниково; 9 – Дьяков Лоб; 10 – Графская Гора, 11 – Калязинское городище; 12 – Кикинское городище; 13 – Дьяковское городище

Государственный объединенный музей

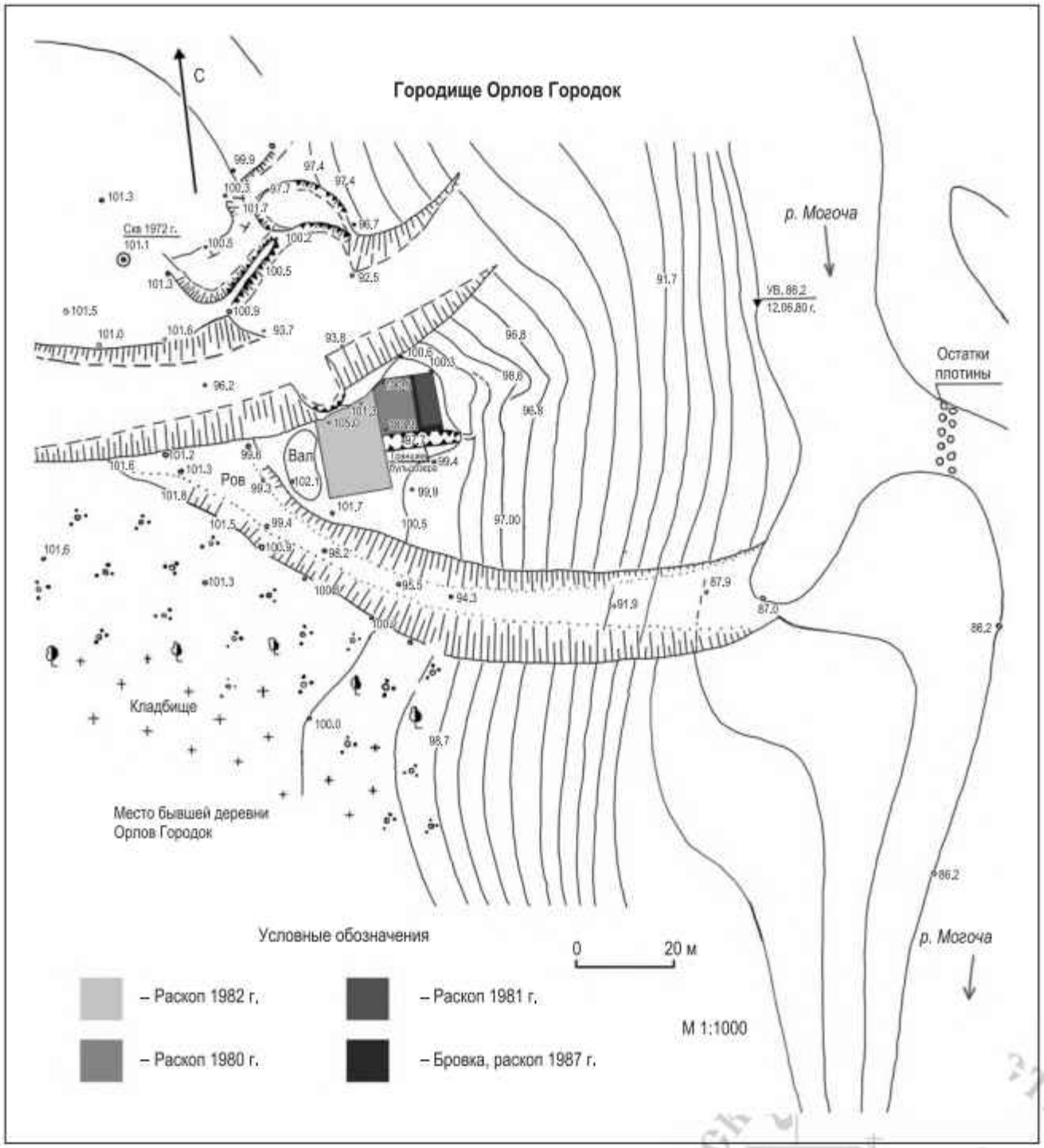

Рис. 3. Городище Орлов Городок. Инструментальный план. Съёмка А.Д. Максимова. М: 1:1000, сечение горизонталей 1 м

Тверской объединенный музей

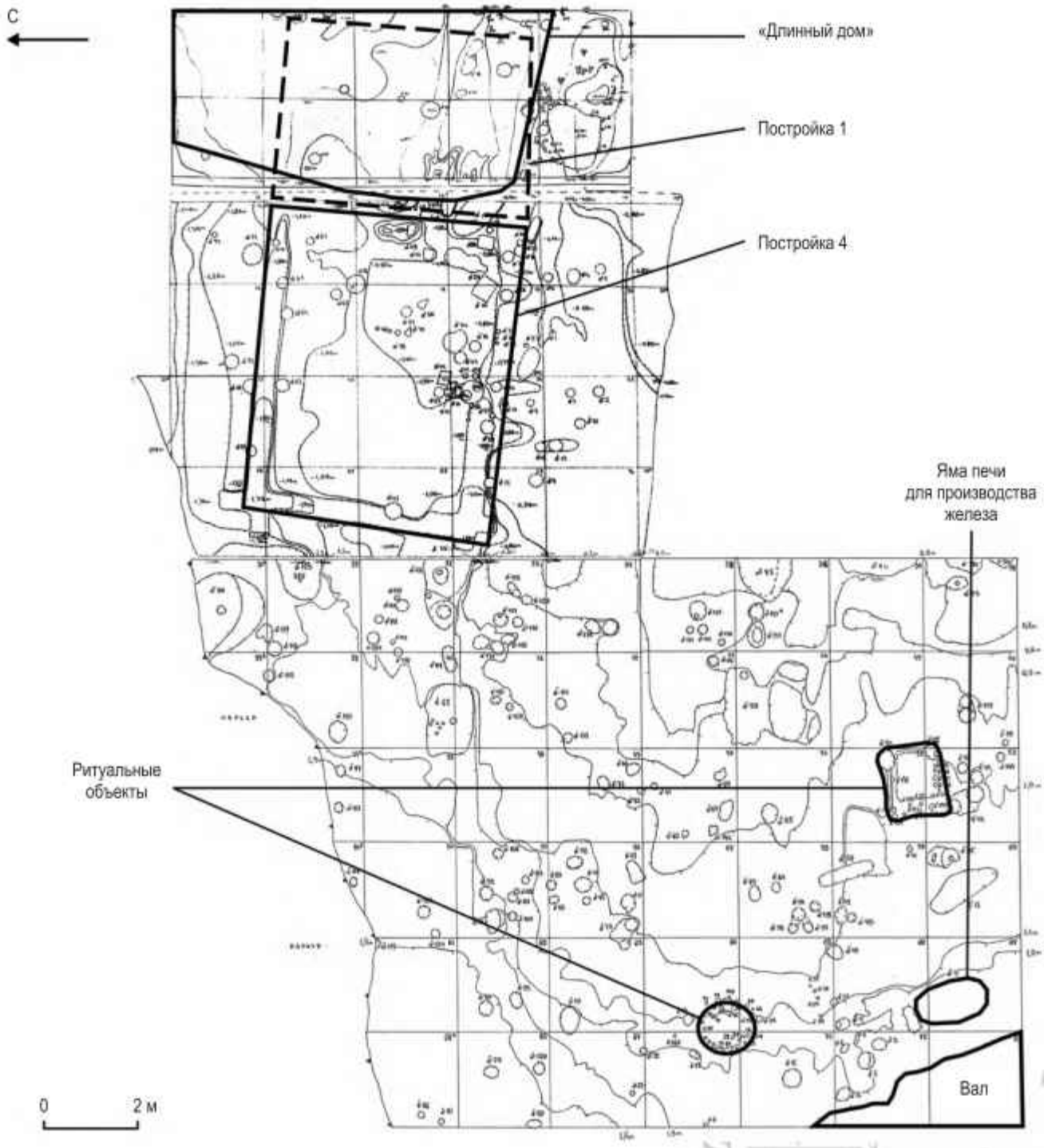

Рис. 4. Городище Орлов Городок. План выборки ям в материке с указанием объектов в интерпретации А.Д. Максимова

Твердынный объединенный музей

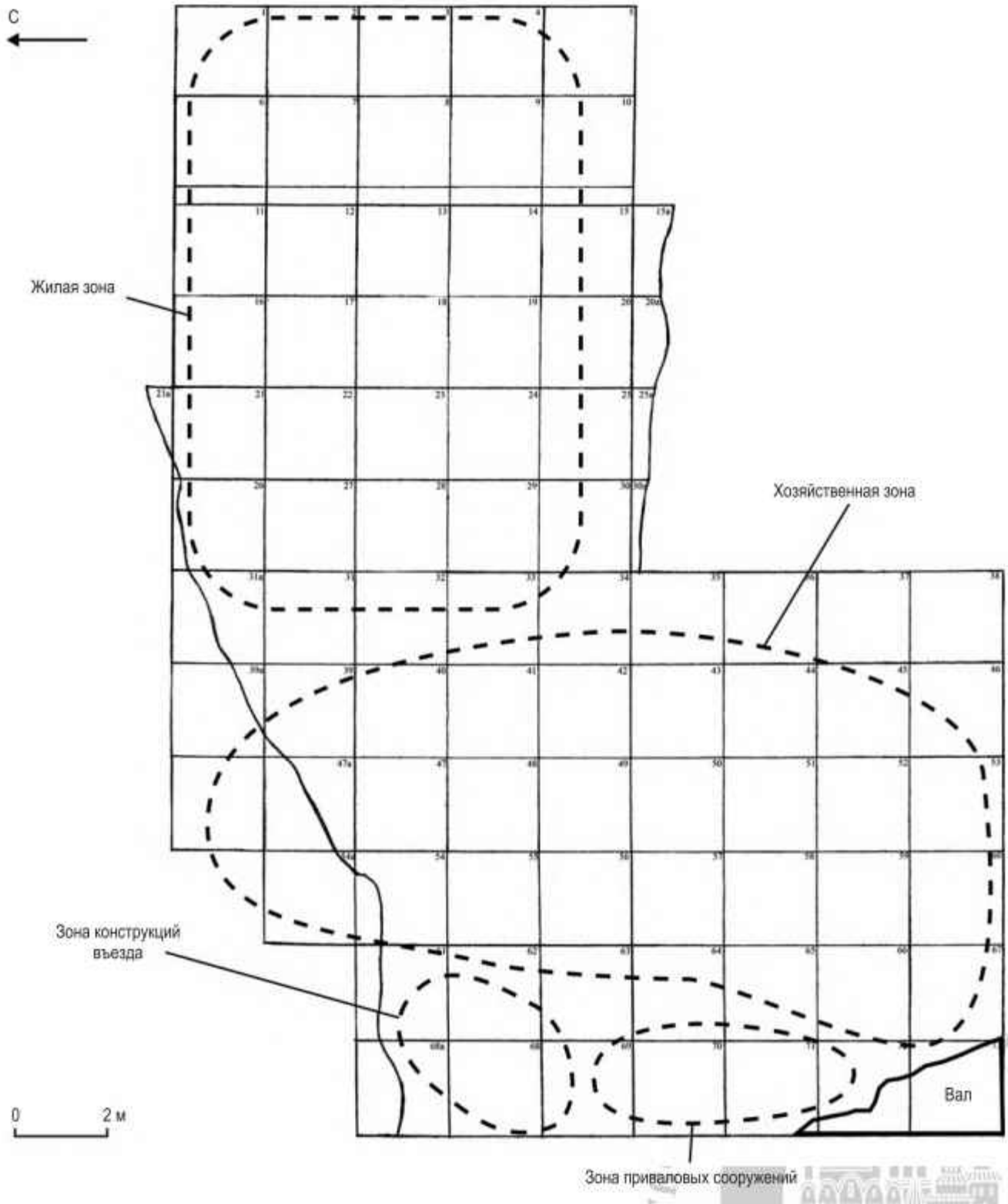

Рис. 5. Городище Орлов Городок. Схематичный план зонирования А.Д. Максимовым территории городища

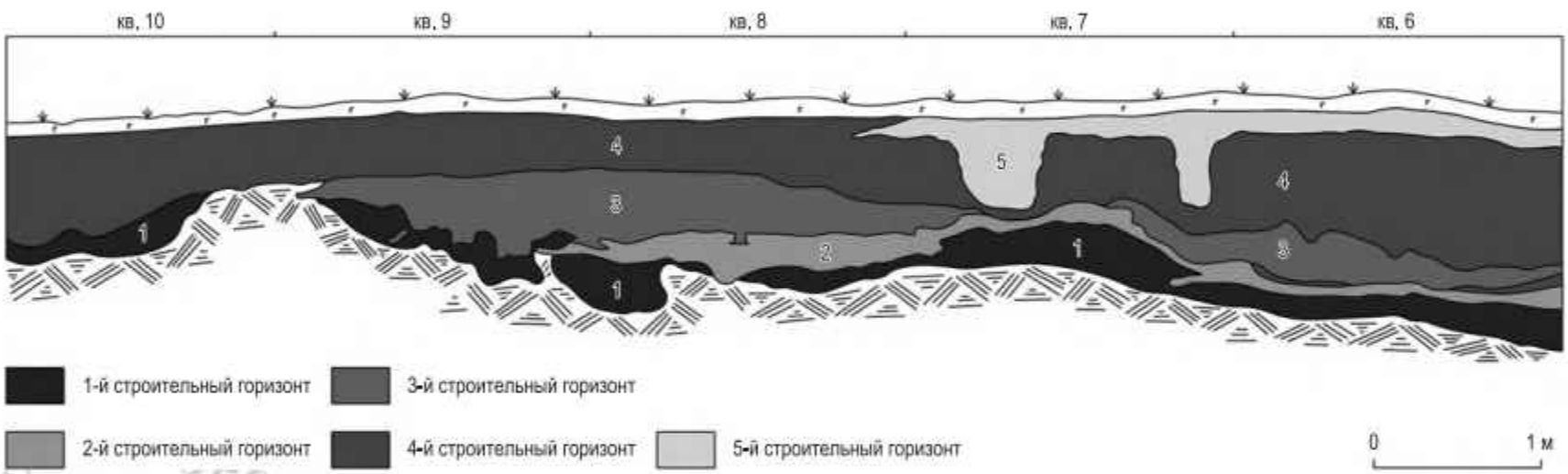

Рис. 6. Строительные горизонты городища Орлов Городок на примере профиля западной стенки (кв. 6–10) раскопа I 1980 г.

Музей • Государственный

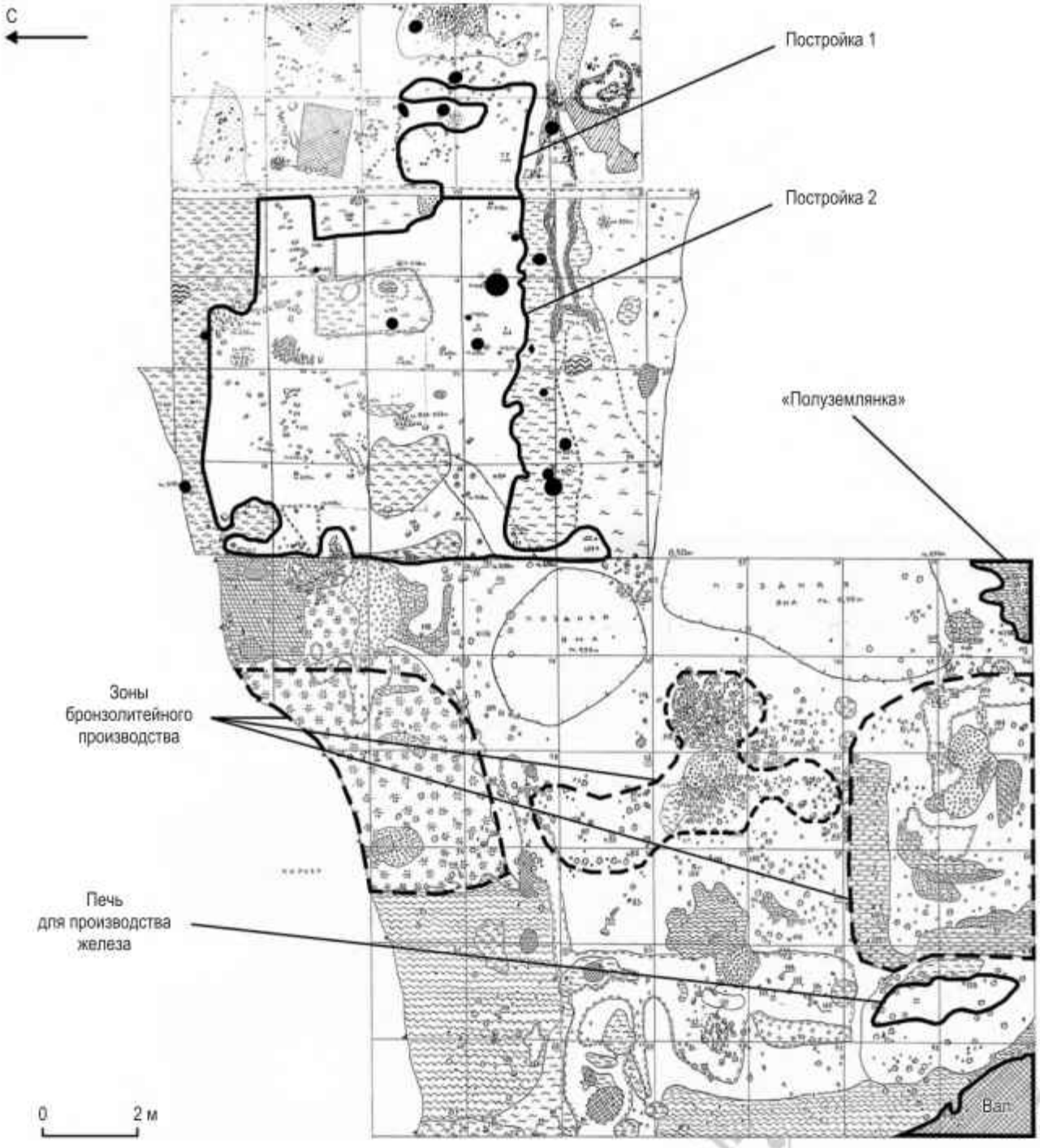

Рис. 7. Городище Орлов Городок. V условный горизонт (-0,5…-0,6 м) с указанием объектов и зон в интерпретации А.Д. Максимова

ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 8. Городище Орлов Городок. Раскоп 1982 г. Материк. Общий вид раскопа с северо-востока (фото А.Д. Максимова)

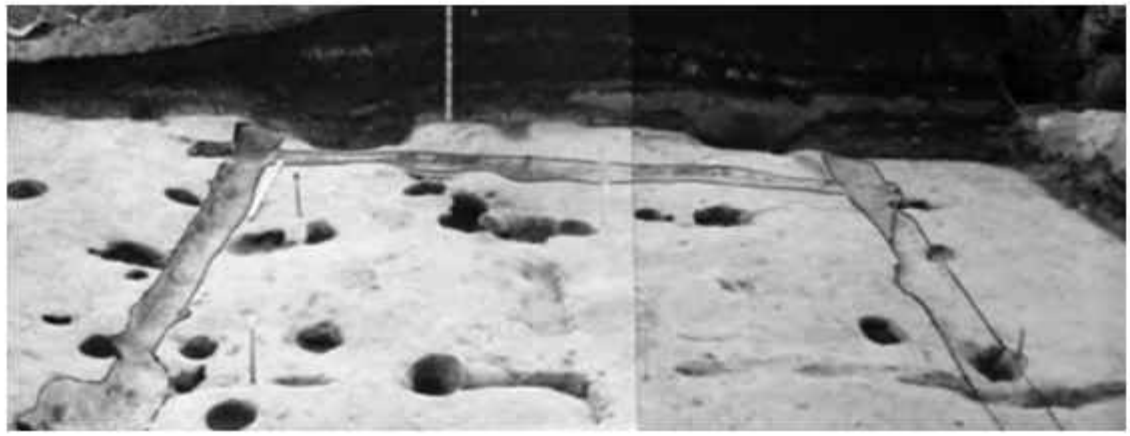

Рис. 9. Городище Орлов Городок. Раскоп 1981 г. Фотография материка с обозначением А.Д. Максимовым контура конструкций постройки 4, заглублённых в материк. Вид с востока (фото А.Д. Максимова)

Рис. 10. Городище Орлов Городок. Раскоп 1981 г. Материк. Общий вид раскопа. Вид с юго-юго-запада (фото А.Д. Максимова)

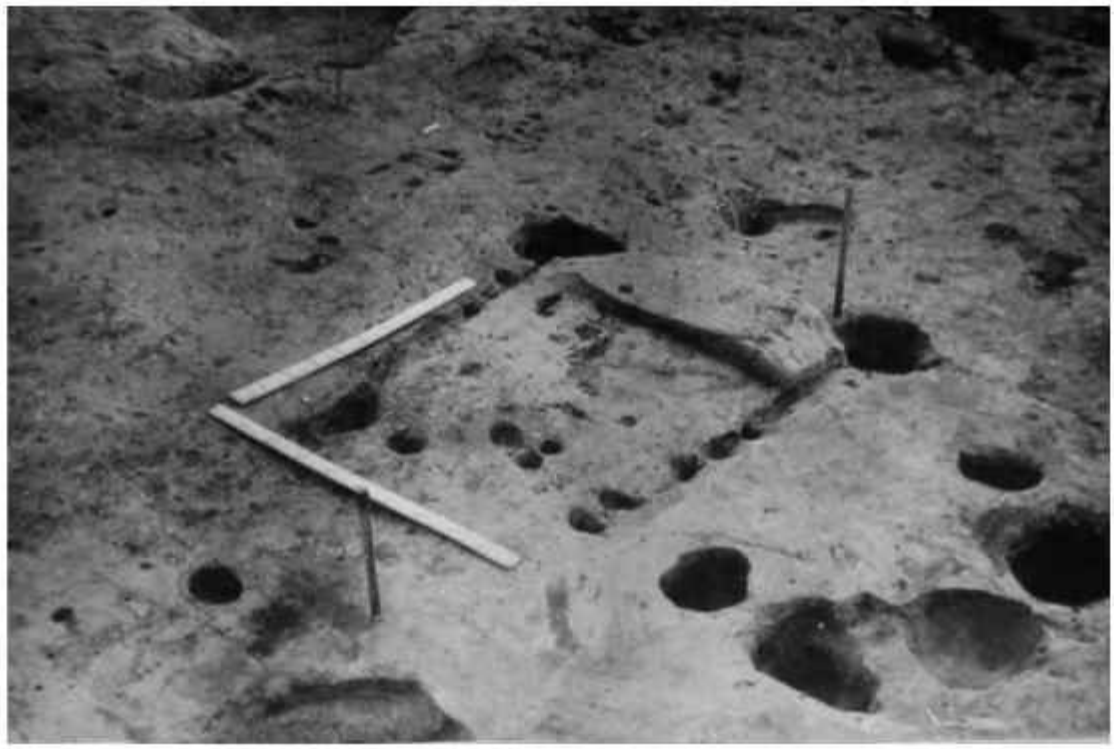

Рис. 11. Городище Орлов Городок. Раскоп 1982 г., кв. 45, 46, 52, 53. «Ритуальный» объект. Вид с юго-запада (фото А.Д. Максимова)

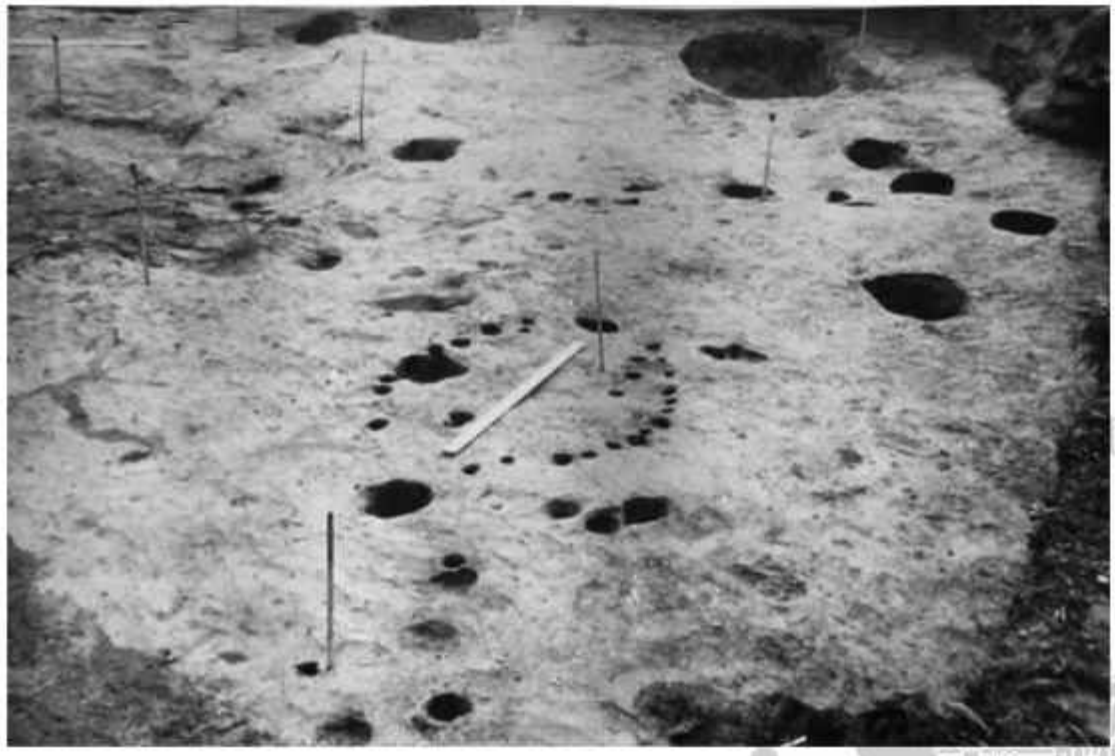

Рис. 12. Городище Орлов Городок. Раскоп 1982 г., кв. 64, 65, 70, 71. «Ритуальный» объект. Вид с северо-запада (фото А.Д. Максимова)

Заключение

В научных отчётах А.Д. Максимова представлена интерпретация структуры посёлка, как неоднократно называет его исследователь. Подобную планировку он считал хорошим примером ремесленного укреплённого поселения, стабильно функционирующего длительное время.

Устойчивая зональность данного производственного посёлка-городища свидетельствует о преемственности деятельности на нём весь период существования – около 300 лет (2-я пол. III – нач. VI в. н. э.) – при некотором увеличении обработки цветных металлов. Вместе с тем остаются вопросы к количеству выделяемых А.Д. Максимовым построек в жилой зоне городища и однозначной интерпретации только как производственной зоны западной части городища.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в подготовке данной статьи И.В. Исланової и И.Н. Черных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Максимов А.Д.* Некоторые формы лепных сосудов с затертой поверхностью с городища Орлов городок // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный университет, 1991. С. 22–35.
2. *Максимов А.Д., Розанова Л.С.* Результаты металлографического анализа железных изделий с городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1998. С. 367–374.
3. *Максимов А.Д.* Место земледелия в системе производящего хозяйства городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2001. С. 42–46.
4. *Максимов А.Д.* Типология железных ножей с городища Орлов Городок // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2001. С. 67–72.
5. *Исланова И.В.* Керамика городища Орлов Городок (Молоковский район Тверской области) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 81–120.
6. *Максимов А.Д.* О культурных отличиях локальных групп памятников раннего железного века Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1996. С. 355–365.
7. *Андреев С.Е.* Городище Орлов Городок и его исследователь А.Д. Максимов // Вестник ТвГУ. Серия «История». Тверь, 2022. № 3 (63). С. 39–55.
8. *Максимов А.Д.* Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках на оз. Селигер в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8477.
9. *Максимов А.Д.* Отчет о раскопках городища Орлов Городок и разведках в Осташковском и Конаковском районах Калининской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8385.
10. *Максимов А.Д.* Отчет о раскопках городища Орлов Городок в Молоковском районе Калининской области в 1982 г. // Архив ИА РАН, Р-1. № 10012.
11. *Максимов А.Д.* Отчет о разведках и раскопках в северных районах Калининской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19442.
12. *Андреев С.Е.* Предметы круга восточноевропейских эмалей с городища Орлов Городок // Записки ИИМК РАН. № 25. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 160–166.

ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», Тверь

S.E. Andreev

ZONING OF THE ORLOV GORODOK HILLFORT BY ITS RESEARCHER A.D. MAKSIMOV

Summary

The article highlights the issue of interpretation of the spatial organization of the Orlov Gorodok hillfort by its researcher A.D. Maksimov. This issue is one of the urgent tasks in studying the materials of the excavations of the Orlov Gorodok hillfort – a significant monument in the Middle Mologa basin of the III–VI centuries AD due to the large area of exploration and remarkable discovered materials. There are 5 construction horizons, residential and household (industrial) zones in the hillfort. The eastern part of the hillfort is reasonably interpreted by A.D. Maximov as a residential area, although there are still questions about the number of dwellings allocated by the researcher. The western part of the hillfort is interpreted as a household (industrial) zone. The correctness of this assertion is supported by numerous traces of metalworking, but there are doubts about the unchanged household and industrial character of the western zone of the Orlov Gorodok hillfort.

Tver State United Museum,
15, S. Perovskoy St., Tver, 170006, Russia
E-mail: andreevse@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-5649-6226

А.В. Новиков

ПОСЕЛЕНИЕ ВОЗНЕСЕНСКОЕ IV – НОВЫЙ ПАМЯТНИК МНОГОКРАТНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГАЛИЧСКОГО ОЗЕРА

Статья вводит в научный оборот материалы, полученные в 2022 г. при раскопках выявленного многослойного поселения Вознесенское IV, находящегося в округе Галичского озера. В раскопах найдены фрагменты фатьяновской, фатьяноидной посуды, сетчатая керамика с фатьяноидными традициями. В финале эпохи бронзы – начале раннего железного века преобладает бедно орнаментированная (в основном ямками) сетчатая керамика с рябчатым мелкоячеистым отпечатком, распространяется подштрихованная посуда, орнаментированная ямками или тычками. Поселение имеет важное научное значение, отражает процесс формирования комплексов сетчатой керамики до ананьинского расселения на берегах Верхней Волги, начало которого происходит в VI в. до н. э. С поздним этапом раннего железного века и ранним Средневековьем связаны индивидуальные предметы и керамические комплексы. Заключительный этап освоения площадки поселения приходится на XIII–XV вв. н. э.

DOI: 10.70203/5544.2024.56.10.011

Вопросы развития поселений с сетчатой керамикой в верховьях Волги, несмотря на продолжительный период изучения памятников, до сих пор вызывают оживлённую дискуссию, многие из них ещё требуют постановки и решения. Поселения даже в отдельно взятых микрорегионах Верхней Волги обладают весьма своеобразными, несколько отличающимися друг от друга керамическими комплексами. С другой стороны, имеются отчётливые признаки, объединяющие керамические коллекции с памятников на отдельных, достаточно протяжённых, заволжских территориях. Новые материалы с поселения Вознесенское IV в определённой степени способствуют продолжению полемики и демонстрируют сложный процесс формирования древностей, связанных с сетчатой керамикой.

Поселение Вознесенское IV выявлено в 2021 г. совместной экспедицией Русского географического общества и Костромской археологической экспедиции под руководством автора статьи, располагается на краю первой надпойменной террасы правого берега реки Вёксы, вытекающей из Галичского озера (левый приток реки Костромы, левый приток реки Волги), примерно в 6 км к северо-западу от акватории Галичского озера (рис. 1, 2). Высота над уровнем заболоченной низкой поймы и урезом воды в р. Вёксе составляет 2–4 м. Поселенческая активность в данном месте наблюдается во 2-й половине III тыс. до н. э. – I тыс. н. э. и в начале II тыс. н. э. Микрорегиональная специфика поселенческих памятников в окрестностях Галичского озера с мезолита до Средневековья такова, что большинство их сосредоточено в северо-западной части озёрной системы, в месте вытекания из озера р. Вёксы, где для расселения сложилась благоприятная ландшафтно-топографическая ситуация. Именно здесь фиксируется наибольшая плотность заселения, начиная с первобытности, и концентрируются поселения с различными историко-культурными традициями. Реже поселения возникают на северном и юго-восточном берегах озера [1].

В 2021 г. в результате шурфовки на поселении Вознесенское IV выявлен культурный слой мощностью 35–50 см. В первый же год исследований стало понятно, что поселение относится к кругу памятников с сетчатой керамикой и представляет значительный интерес для изучения культурных процессов в позднем периоде эпохи бронзы – начале раннего железного века в окрестностях Галичского озера.

Материалы полевого сезона 2022 г. существенно расширили хронологические границы памятника (найдены фатьяновская и фатьяноидная керамика, вещи позднего этапа раннего железного века, раннего Средневековья и Средневековья). Всего при раскопах обнаружены 788 предметов из глины, камня, цветного и чёрного металлов. В 2022 г. А.В. Новиковым заложены два раскопа общей площадью 46,4 кв. м. Мощность культурного слоя, зафиксированная в шурфах (2021 г.) и раскопах (2022 г.), составила 35–57 см. Верхние его отложения представлены тёмно-серой супесью с углистыми включениями (к этому горизонту относится и каменное сооружение) мощностью 14–35 см. Начало формирования горизонта происходило в раннем Средневековье. Ниже отложился слой серой супеси с пятнами тёмно-серой супеси и включениями желтоватого

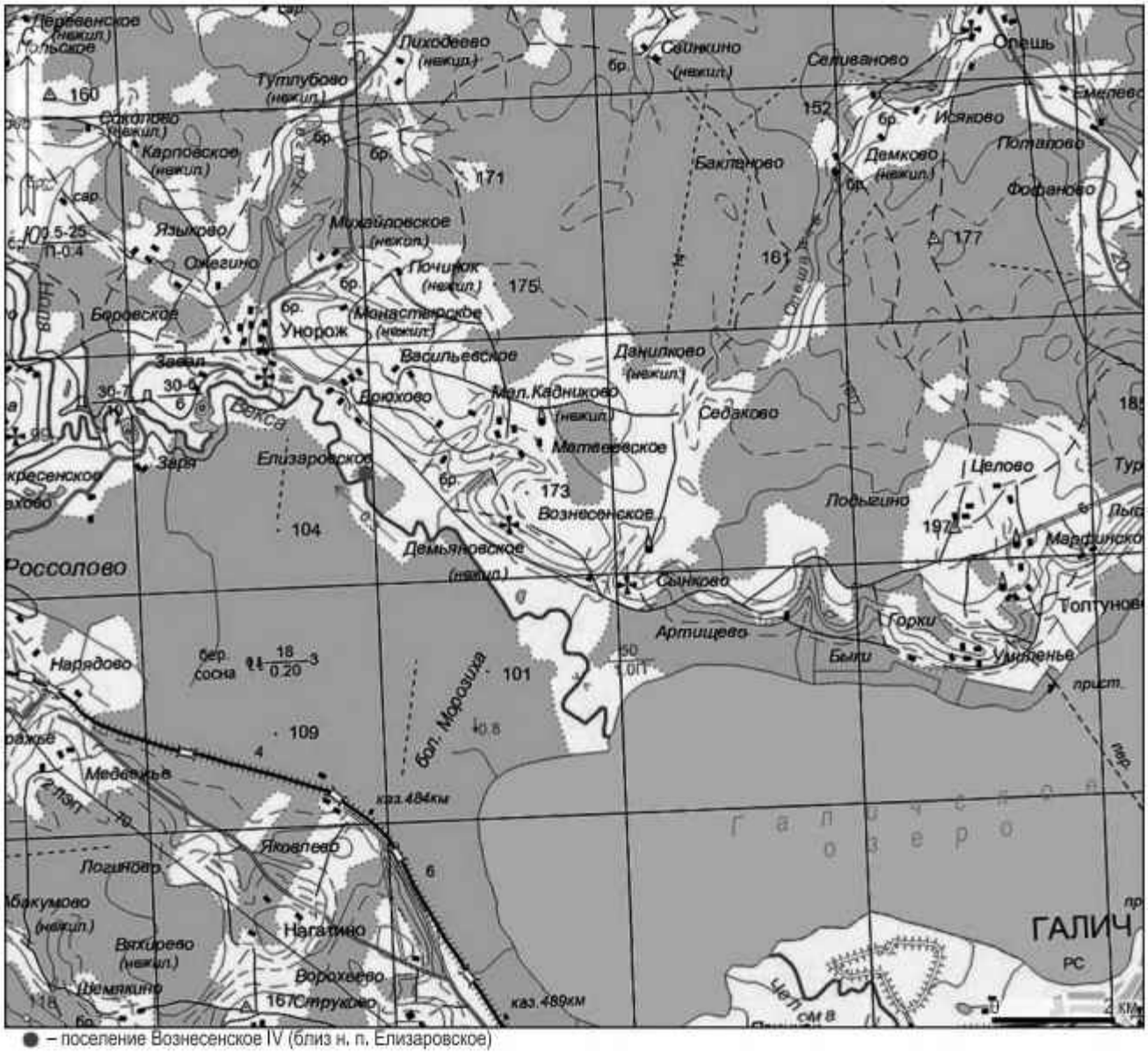

Рис. 1. Местонахождение поселения Вознесенское IV

песка, мощностью 20–32 см (времени поселения раннего Средневековья и позднего этапа раннего железного века). Период формирования следующих отложений (коричнево-светло-серой супеси, смешанной супеси с редкими угольками, белёсо-светло-серой золистой супеси и коричнево-серой супеси с пятнами серой супеси) определить пока затруднительно, но предположительно они соотносятся с поздним этапом раннего железного века. Слой предматериковой светло-серой супеси с пятнами жёлтого песка, мощностью 13–21 см, связан с поселением с сетчатой керамикой позднего периода эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века, с которым, в свою очередь, связаны столбовая яма и очаг в виде открытого кострища, где была найдена сетчатая керамика. На конечный период формирования этого горизонта (очевидно, до VI в. до н. э.) могут указывать и даты, полученные по углю: 758 (29,3 %) – 659 cal BC, 671 (60,5 %) – 453 cal BC из шурфа № 7 2021 г. и 2450±45 BP (2σ 757–410 cal BC) из раскопа 2022 г. Исследования культурного слоя и почв на поселении Вознесенское IV проведены д. г. н. А.Л. Александровским (Институт географии РАН), материалы представлены отдельной статьёй в настоящем сборнике. Радиоуглеродный анализ образцов (уголь) с поселения Вознесенское IV выполнен к. г.-м. н., доцентом кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена М.А. Кульковой.

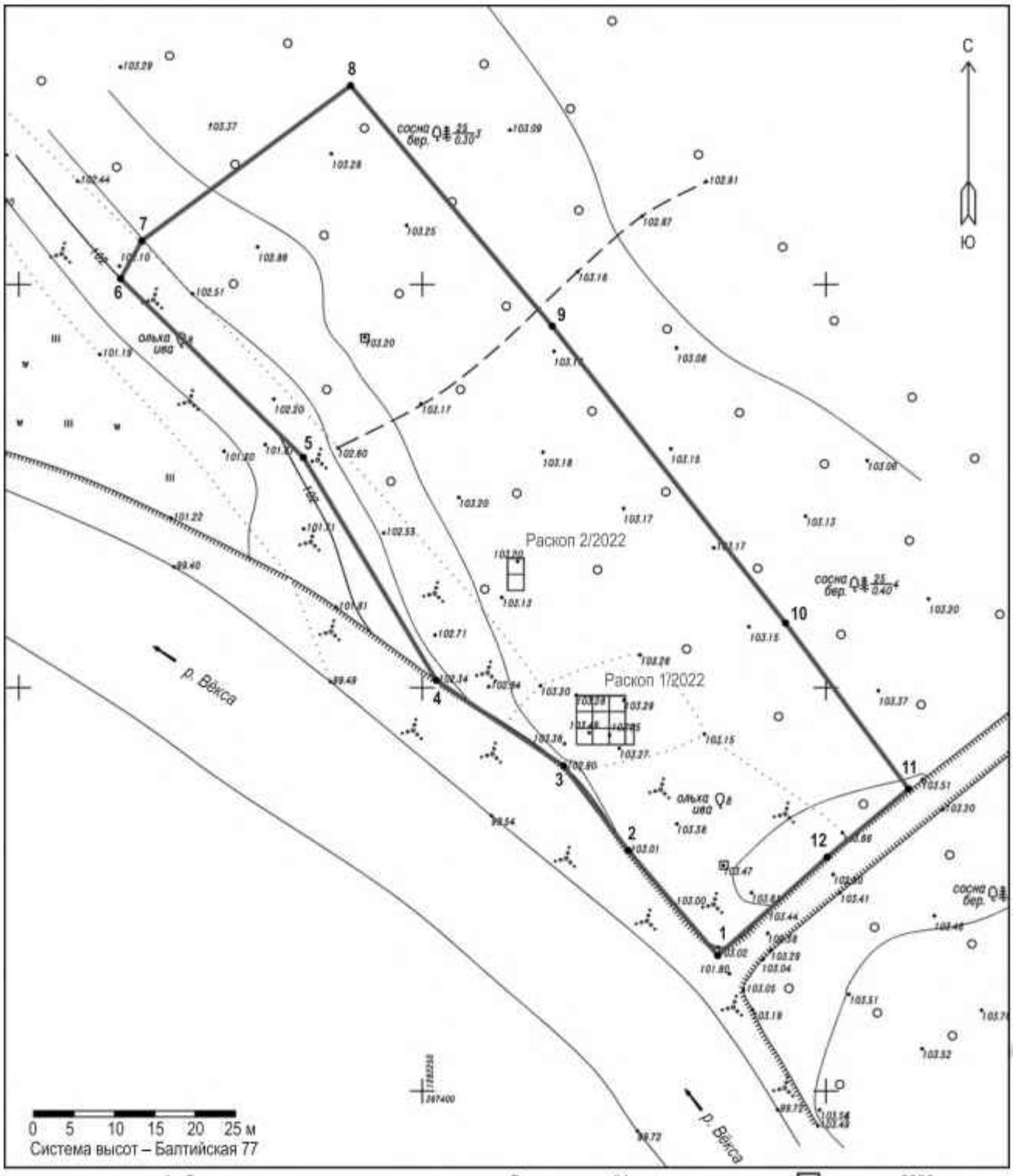

Рис. 2. План поселения Вознесенское IV

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Раскопом 2022 г. изучен весьма интересный объект, связанный с верхним горизонтом культурного слоя (рис. 3, 4). *Каменная вымостка* представляла собой площадку подовальной формы с неровными контурами, вытянутую с севера на юг. Фиксируемые размеры скопления камней 280×134–245 см (уходит в южную стенку раскопа, в сторону береговой линии). Камни – разноразмерные (4×5, 5×6, 5×8, 8×9 см, встречаются и более крупные – 18×10 см). Валунные камни – сколотые, чаще с острыми углами, редко имеющие плавные и округлые формы. При разборе каменной вымостки фиксировалась тёмно-серая супесь с угольками. Толщина каменной площадки вместе с включающим слоем тёмно-серой супеси составила 16–34 см. Похожие каменные сооружения изучены Е.И. Горюновой на Зубаревском могильнике, принадлежащем летописной мере [2], здесь фиксировались осевшие курганы под каменной вымосткой, размеры каменных площадок под курганы колебались от 4 до 8 м, что, впрочем, заметно больше каменных вымосток, найденных на поселении Вознесенское IV. Вместе с тем рядом с курганами на Зубаревском могильнике были обнаружены и пло-

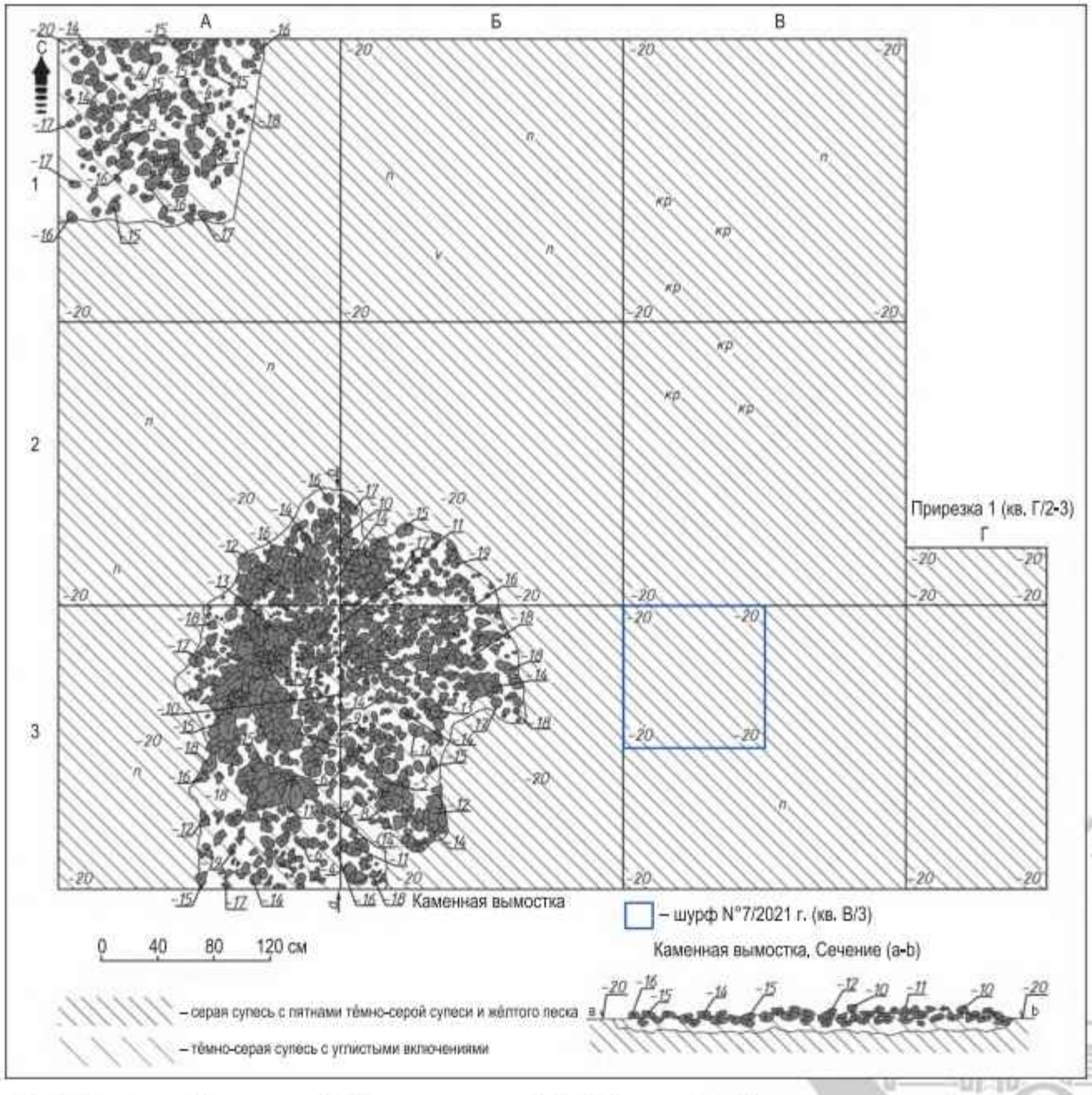

Рис.3. Поселение Вознесенское IV. План дна раскопа № 1 2022 г. на уровне 2-го пласта с каменной вымосткой

Рис. 4. Поселение Вознесенское IV. Каменное сооружение. Фото

щадки, вымощенные камнями меньших размеров, – 1,5–1,8 м (близкие размеры площадки и на Вознесенском IV поселении), находившиеся поодаль от могильника, примерно в 50 м. Е.И. Горюнова предположила, что это были ритуальные сооружения. Развалы подобных камней зафиксированы и на селище Минино I, правда, представляли они собой остатки двух печей [3, с. 79, рис. 58]. Развалы очажных камней исследованы, в свою очередь, на городище у с. Унорож Е.А. Рябининым в 1991 г. [4, рис. 11].

На время формирования каменного теплотехнического сооружения могут указывать фрагменты лепной керамики, обнаруженные при его разборке, и вещи, найденные рядом с площадкой, связанные с раннесредневековым этапом функционирования памятника. Всего в раскопе собраны 93 фрагмента лепной керамики X – 1-й пол. XI в. По характеру обработки поверхности и составу формовочной массы фрагментов посуда представлена следующими типами: 1) заглаженные, с примесью песка и мелкой дресвы; 2) шероховатые (такая поверхность образована из-за выступающих песчинок, при этом превалирующая примесь – песок, однако встречается и дресва, в т. ч. крупными кусочками); 3) бугристые (наиболее распространена среди керамики этого времени, её доля в коллекции достигает 75 %), основное содержание в примеси – крупная дресва. Посуда с поселения – с округлым краем, короткой прямой или отогнутой наружу шейкой. Найдены и плоские донца с небольшой закраиной. Незначительное скопление раннесредневековой керамики зафиксировано и при разборе каменного сооружения. Керамика аналогична посуде, найденной в слое тёмно-коричневой супеси с тленом на городище у с. Унорож [5, с. 156–158].

Среди индивидуальных изделий (рис. 5: 2, 4–7) к раннему Средневековью относятся литая двухрамчатая пряжка прямоугольной формы, изготовленная из цветного металла (рис. 5: 2); трубица для трута в виде цилиндрической трубки, свёрнутой из прямоугольной железной пластины (рис. 5: 4); железная привеска-амулет в виде лапы животного (рис. 5: 6) (по мнению к. и. н. В.С. Баранова, форма и материал изделия могли быть продиктованы скандинавской традицией изготовления и использования языческих амулетов, группируемых в связке с другими амулетами); шумящая подвеска, изготовленная из арабской серебряной монеты – дирхема (рис. 5: 7) (монета: дирхем. Саманиды. Ал-Муктадир биллах (908–932), Нух бин Наср (914–943), город чекана не известен, год чекана: 314 г. х. – определение сделано к. и. н., с. н. с. Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ Д.Г. Мухаметшиным), учитывая вторичное использование монеты в качестве подвески, предварительная её датировка – сер. – 2-я пол. X в.); железная копоушка (рис. 5: 5) (аналогичная известна

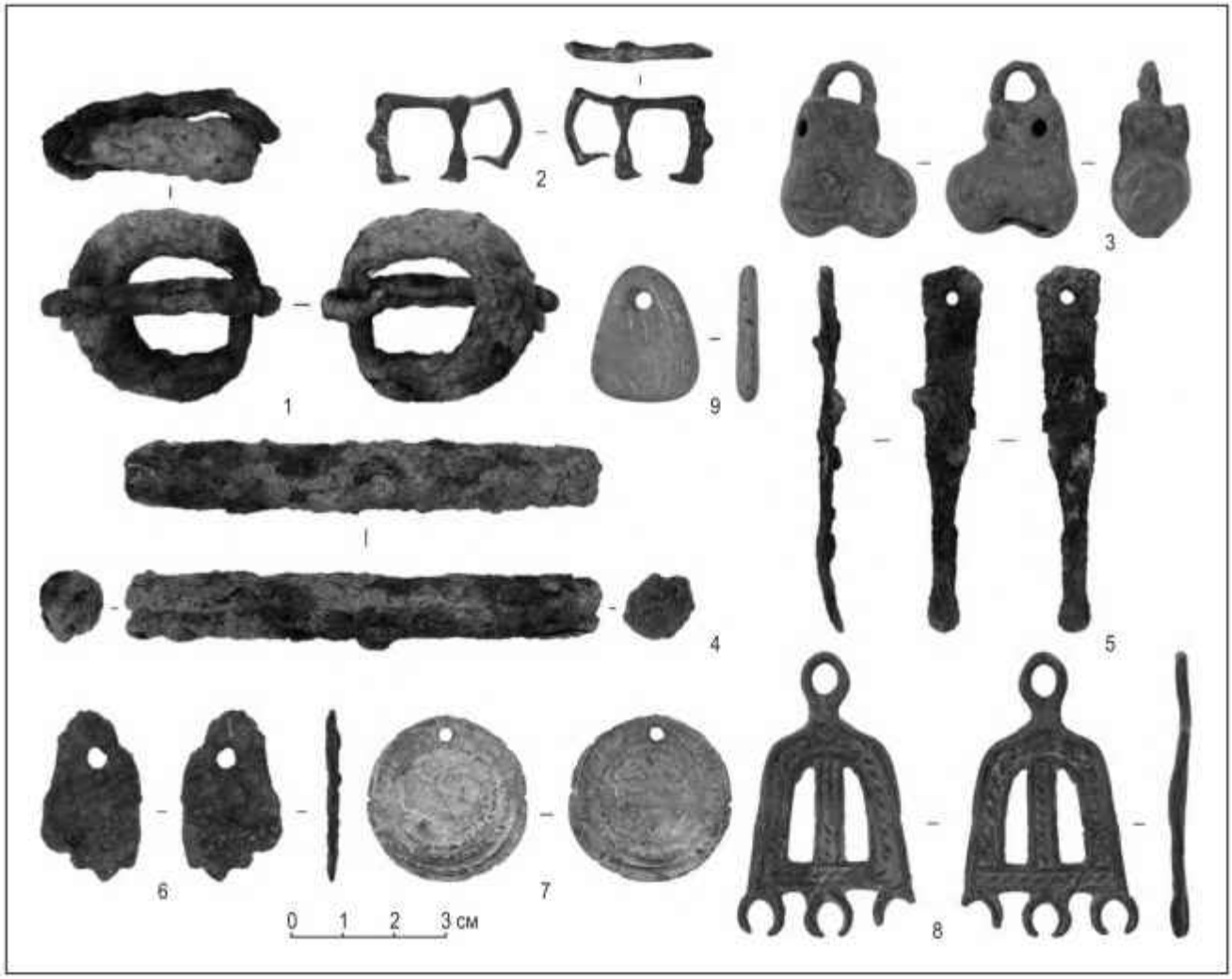

Рис. 5. Поселение Вознесенское IV. Индивидуальные находки

в погребении № 25 могильника Кузинские хутора в Шарьинском районе Костромской области, погребение датируется исследователями началом XI в. [6]). В свете изложенного каменную вымостку, зафиксированную в раскопе 1 2022 г. на поселении Вознесенское IV, предварительно можно датировать X – 1-й пол. XI в. На это время указывает и радиоуглеродное датирование (даты получены по углю из шурфа № 7 2021 г.): 995 (95,4 %) – 1021 cal AD, 901 (3,4 %) – 917 cal AD, 975 (92,1 %) – 1035 cal AD (1042±25 BP).

Таким образом, перечисленную группу предметов, очевидно, следует рассматривать как синхронно бытующую торгово-ремесленному посёлку на территории городища Унорож, периоду интеграции его экономики в систему международной пушной торговли.

Весьма оригинально выглядит литая привеска-амулет, изготовленная из цветного металла в форме таранной косточки бобра, с петлёй для подвешивания (данный предмет может демонстрировать процесс замещения вещей из кости на металлические, и возможно, изделие могло иметь ритуальный характер) (рис. 5: 3). Найден предмет в слое серой супеси, включающей артефакты как раннего Средневековья, так и позднего этапа раннего железного века. Датировка привески затруднена, пока можно предложить лишь широкую дату её бытования в рамках I тыс. н. э.

В верхних горизонтах культурного слоя поселения Вознесенское IV, в районе каменного сооружения, были обнаружены и железные лодочные ластильные эллиптические скобы, предназначенные для заделывания швов в бортах речных деревянных судов. Автор выражает благодарность В.С. Баранову за помощь при работе с этой категорией находок. Скобы данного типа применялись для заделывания швов при строительстве составных челнов, время широкого их применения в регионах средней полосы – не позднее XVII в. н. э. [7]. В археологической литературе использование подобных изделий описано для новгородских судов XIII – начала XIV в. [8]. В целом скобы эллиптической формы появляются в нач. XIII в., а в Новгороде – с

сер. 2-й пол. XIII в. [9, с. 136–140]. По-видимому, место с каменной площадкой, сооружённой в X в. на поселении Вознесенское IV, использовалось в качестве врéменной стоянки для ремонта речных судов и в более позднее время. Берега р. Вёксы в этих местах извилистые, илистые, удобных мест для размещения локаций по ремонту речных судов немного – вероятно, по этой причине и использовались ранее подготовленные площадки, вымощенные камнем. Это обстоятельство косвенно могут подтвердить и даты, полученные по углю, со следующими значениями: 1404 (68,3 %) – 1427 cal AD; 1327 (6,7 %) – 1346 cal AD; 1395 (88,8 %) – 1440 cal AD (1042±25 BP) (верхний горизонт, шурф № 6, 2021 г.); 800±25 BP (2σ 1216 – 1276 cal AD) (раскоп № 2 2022 г., пласт 2, кв. А/2–3); 543±25 BP (2σ 1324 – 1430 cal AD) (раскоп № 2 2022 г., кв. А/1). К Средневековью можно отнести и два кованых гвоздя. При разборе верхних культурных напластований найдены также 6 фрагментов стенок круговых сосудов восстановительного обжига.

Вещи позднего этапа раннего железного века. При раскопках поселения в 2022 г. обнаружены достаточно информативные комплексы керамики позднего этапа раннего железного века (рис. 6). Всего найдены 64 фрагмента лепных сосудов 1-й пол. I тыс. н. э. В формовочную массу этой керамики добавлены дресва и песок (характерные примеси), очень редко, но фиксируется и шамот. Керамика – коричневого или серо-коричневого цветов, толщина стенок от 0,3 до 0,8 см. Поверхность хорошо заглажена с обеих сторон. По морфологическим признакам выделяются заглаженные слабопрофилированные или плавнопрофилированные (в большинстве случаев) сосуды с вогнутой шейкой и выпуклыми или слабовыпуклыми плечиками, некоторые из них близки к тюльпановидной форме. Отметим, что на городище у с. Унорож подобная керамика распространяется в период кон. I тыс. до н. э. – 1-й трети I тыс. н. э. Край посуды – округлый, округло-уплощённый и с валиковым наплывом. Обнаружена на Вознесенском IV и керамика с утончающимся к краю венчиком и ребристым выступом по плечику (рис. 6: 4) и с утончающимся к краю венчиком, с орнаментом из сдвоенных коротких горизонтально расположенных оттисков гребенчатого штампа (рис. 6: 8). Ещё один фрагмент – с горизонтальной прочерченной линией. По срезу орнаментирован только один сосуд – мелкими разнонаправленными нарезками (рис. 6: 5). В целом декорируется посуда редко. Стоит заметить, что при раскопках в 2022 г. найдены и заглаженные плоские донца с закраиной (рис. 6: 11–12).

По ряду признаков керамика из верхнего слоя поселения Вознесенское IV обнаруживает определённое сходство с материалами с поселения Говядиново и городища у с. Унорож. В частности, в 2021–2022 гг. при раскопках в юго-восточной части городища у с. Унорож найдены заглаженная слабопрофилированная керамика с минеральными примесями, керамическое биконическое пряслице, грузило от рыболовных сетей (подцилиндрической формы), фрагмент железного ножа, донце миниатюрного сосудика, костяное остриё, обломок грузика «дьякова» типа, предметы связаны со слоем серой супеси. Грузик близок к классам 7 по К.А. Смирнову и V–VI по М.Г. Гусакову [10, с. 82; 11, с. 64; 12, с. 54–55], сформован небрежно, дно плоское, вершина головки имеет плоское основание – грузики такой формы распространяются в I в. до н. э. – III в. н. э. Внешняя поверхность тулова одного непрофилированного сосуда баночного типа из раскопок в Унороже в 2022 г. обработана сетчатыми отпечатками: отпечатки рябчатые, хаотично расположенные, но разреженные, не так часто и плотно заполняют пространство сосуда, как на сетчатой керамике начального периода раннего железного века (остаются свободные участки). По всей вероятности, в начале I тыс. н. э. в Костромском Поволжье происходит изживание традиции декорирования сосудов сетчатыми отпечатками, что и демонстрируют материалы с Унорожа. Остальная керамика заглажена с обеих сторон, относительно тонкостенная, толщина стенок от 0,3 до 0,7 см, средняя толщина 0,5 см, чаще фрагменты коричневого цвета. Край посуды скруглён, шейка прямая или слегка вогнутая. В целом обозначенный керамический комплекс с Унорожа можно отнести к первой половине I тыс. н. э. Близкая, но не идентичная посуда, датированная в рамках III–V вв. н. э., известна на поселении Говядиново [13].

Найдена на городище Унорож и керамика слабопрофилированных форм с утончающимся к краю венчиком (группа 2 по И.В. Исламовой). Посуда этой группы датируется 2-й пол. I тыс. до н. э. – 1-й третью I тыс. н. э. [14, с. 32]. Обнаружена и непрофилированная керамика (группа 1 по И.В. Исламовой), известная на памятниках дьякова типа 2-й пол. I тыс. до н. э. – 1-й четв. I тыс. н. э. [14, с. 32]. На Унороже подобная керамика также, вероятно, распространяется в период конца I тыс. до н. э. – 1-й четверти I тыс. н. э., когда и происходит постепенное угасание традиции декорирования стенок сосудов сетчатыми отпечатками.

По отдельным признакам керамика с памятников Костромского Поволжья (Говядиново, Унорож, Вознесенское IV) близка к выделяемой И.В. Исламовой группе 4 (формы Б, В) гладкостенной керамики (сосуды т. н. тюльпановидных форм) с городища Отмичи [14, с. 34, рис. 133: 1, 4, 134: 1–2, 135: 2–5; 15, с. 101, рис. 4], бытовавшей с конца I тыс. до н. э. по первые века н. э. (но возможно, и на протяжении всей первой половины I тыс. н. э.) [15, с. 103].

Таким образом, датировать керамический комплекс с поселения Вознесенское IV предварительно можно первой половиной I тыс. н. э. (предпочтительнее второй четвертью – серединой I тыс. н. э.). Следует отметить, что рядом с поселением Вознесенское IV и городищем у с. Унорож в окрестностях Галичского озера известен ещё один памятник с материалами III–V вв. н. э. – городище Брюхово [1].

Изучение комплексов, связанных с поздним периодом раннего железного века Костромского Поволжья, крайне актуально. Поселений этого периода в лесном Заволжье, на территории между реками Ветлугой и Костромой, известно немного, системное их изучение не проводилось, материалов собрано весьма мало [16].

На поселении Вознесенское IV обнаружены и предметы индивидуального характера, бытовавшие в сер. I тыс. н. э. (рис. 5: 1, 8). В частности, в этой группе можно выделить два изделия: железную поясную пряжку (рис. 5: 1) и шумящую подвеску из цветного металла (рис. 5: 8). Поясная пряжка предварительно датируется

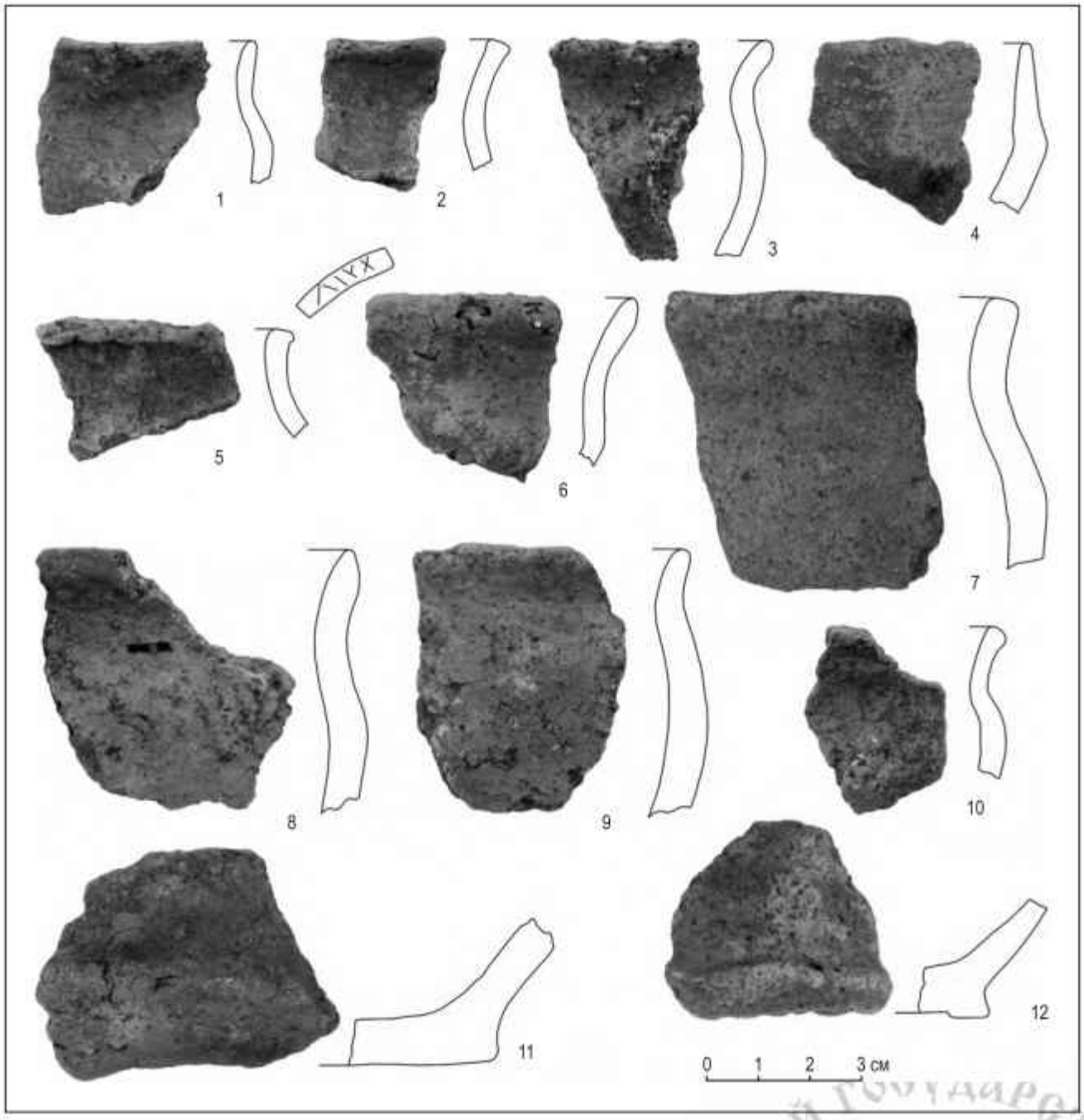

Рис. 6. Поселение Вознесенское IV. Керамика позднего периода раннего железного века

сер. I тыс. н. э. и относится к круглорамчатым или сегменторамчатым пряжкам (тип I, вариант 2), имевшим хождение на территории Евразии (Крым, Кавказ, Поволжье, Поднепровье, Башкирия) в основном в III–V вв. н. э. [17, с. 15, табл. I, 2]. Железные пряжки близкого облика есть в материалах Первомайского могильника (погребение 9) в Вятском Приуралье [18, табл. 141, 4]. Шумящая подвеска – арочной формы, с тремя кольцами внизу для крепления привесок и одной сверху, верхнее кольцо размещено на своеобразной «шейке». На обеих сторонах подвески есть оформление в виде верёвочного орнамента, окантованного бордюрной рамкой. Полные аналоги данному предмету пока не найдены: близкая по форме и оформлению, но с другими пропорциями, подвеска происходит из исследований Кошибеевского могильника III–V вв. н. э. [19, табл. XIII, 1], схожую форму и тип орнаментального оформления можно увидеть и в арочных украшениях Вятского края

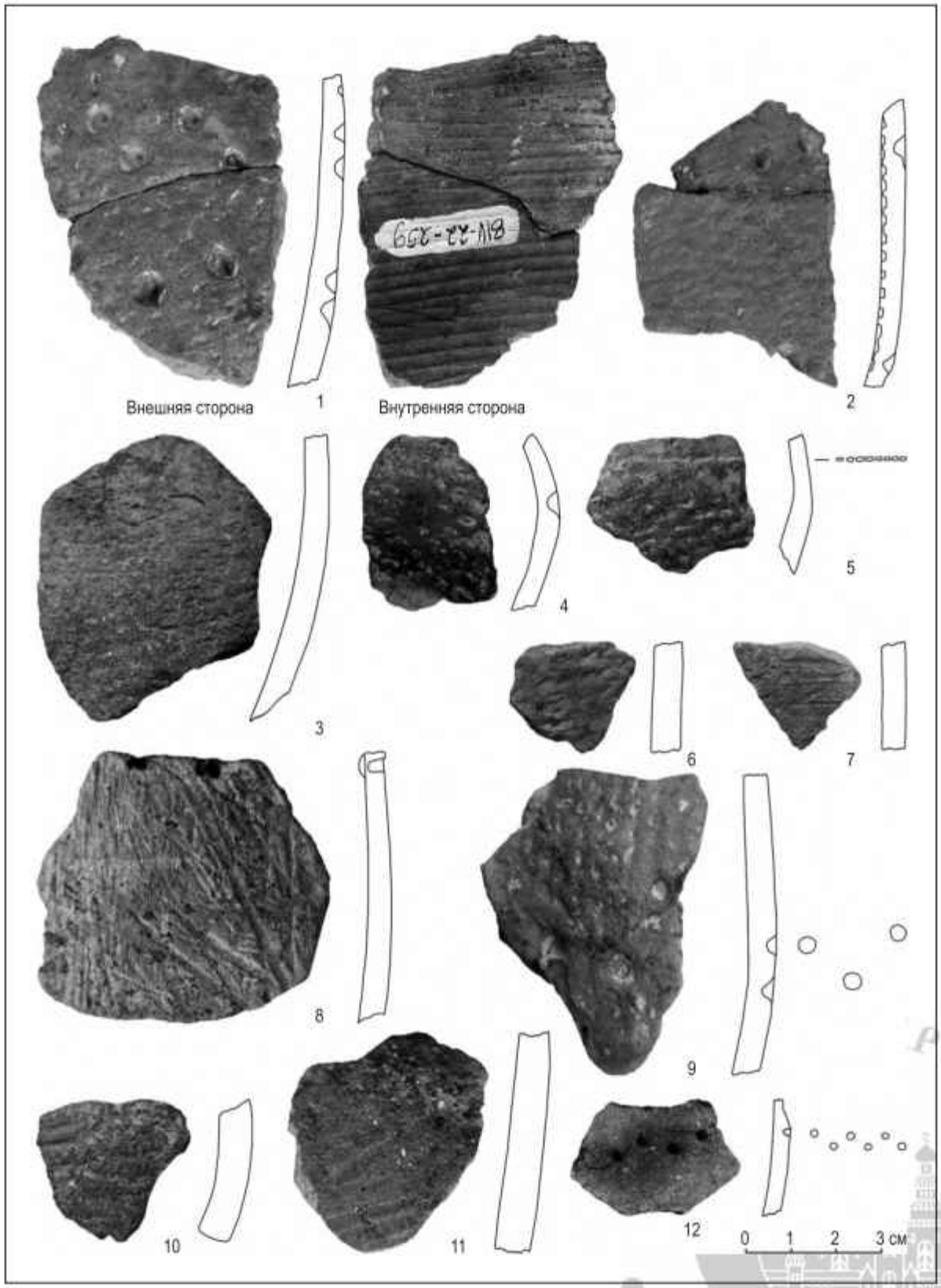

Рис. 7. Поселение Вознесенское IV. Сетчатая и подштрихованная керамика позднего этапа эпохи бронзы, финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века

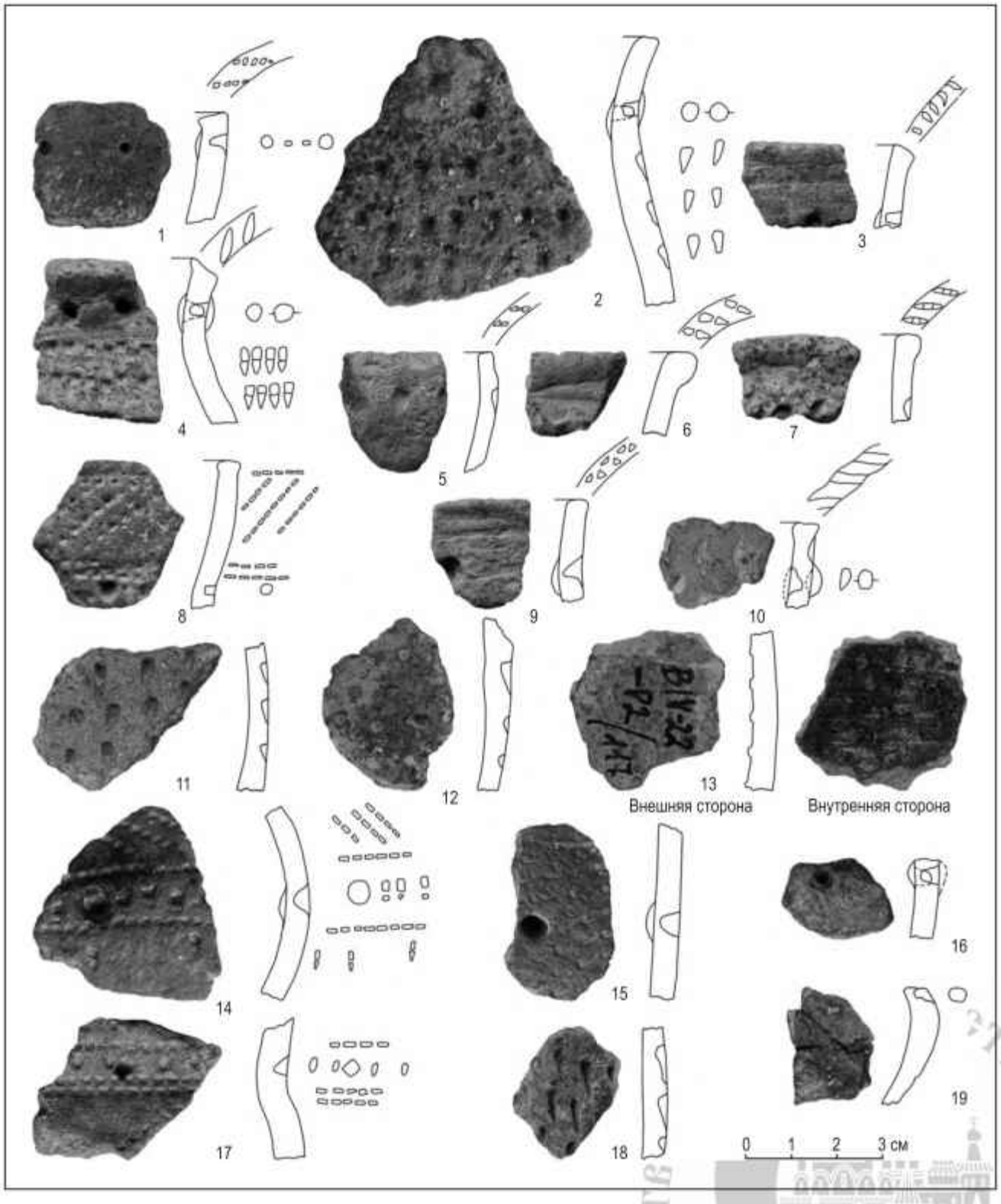

Рис. 8. Поселение Вознесенское IV. Сетчатая и подштрихованная керамика позднего этапа эпохи бронзы, финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

кон. IV–V в. н. э. [18, табл. 96, 12]. По всей видимости, предварительная датировка подвески арочной формы с поселения Вознесенское IV может укладываться в рамки середины I тыс. н. э.

Керамический комплекс позднего периода эпохи бронзы, финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века (РЖВ). Данный комплекс посуды – самый представительный в коллекции (рис. 7, 8) и происходит в основном из слоя светло-серой супеси. При раскопках найдена керамика разных типов: 251 фрагмент посуды, декорированной с внешней стороны сетчатыми отпечатками, и 36 фрагментов с подштрихованной внешней поверхностью. Толщина стенок сосудов варьирует от 0,4 до 0,7 см, средняя толщина – 0,5–0,6 см. По характеру обработки внешней поверхности выделяются несколько типов: керамика с сетчатой (77 %), заглаженной (16 %) и подштрихованной (7 %) поверхностью. Такое процентное сочетание в целом характерно для многих поселений этого периода лесного Заволжья. Внутренняя поверхность сосудов чаще заглажена, иногда подштрихована, при этом одной из особенностей обработки внутренней поверхности является штриховка с хорошо выраженными, достаточно широкими и глубокими горизонтальными штрихами (бороздками) (рис. 7: 1–2; 8: 13).

Стратиграфически материалы позднего периода эпохи бронзы и начального этапа РЖВ на исследованных участках поселения Вознесенское IV не разделяются, в отличие от поселения Вознесенское I (раскопки А.В. Новикова, 2020, 2022 гг.), где слои тёмно-серой супеси с пятнами серой супеси и коричнево-серой смешанной супеси с пятнами жёлтого песка связываются с финалом эпохи бронзы – начальным этапом РЖВ, а жёлто-коричневая супесь с пятнами жёлтого песка и серой супеси – с поздним периодом эпохи бронзы. Выявляются и различия в сетчатой керамике, происходящей из верхнего и нижнего слоёв этого памятника.

Керамика, декорированная сетчатыми отпечатками. На поверхности черепков в имеющейся коллекции с поселения Вознесенское IV доминируют рябчатые отпечатки, на долю которых приходится 96 %, и только 4 % составляют фрагменты с нитчатыми отпечатками. Единично встречается сетчатая керамика со «стежковыми» и ногтевидными отпечатками. Вся посуда – с минеральными примесями. Чаще всего наблюдаются рябчатые мелкоячеистые, хаотично расположенные отпечатки (нанесены достаточно плотно друг к другу). В общем-то, мелкоячеистый рябчатый – это характерный тип отпечатка на посуде для памятников бассейна Верхней Волги и более северных территорий распространения сетчатой керамики в финале эпохи бронзы и на начальном этапе РЖВ. Отпечатки подзатёртые, иногда сильно затёртые. Внутренняя поверхность посуды заглажена, или по ней нанесены частые тонкие, беспорядочные, поверхностные штрихи, больше похожие на расчёсы. Часть керамики с внутренней стороны заштрихована – штриховка при этом горизонтальная, с чётко выраженными бороздками (рис. 7: 1–2; 8: 13). Можно отметить, что подобная обработка внутренней поверхности сосудов встречается на поселениях Говядиново, Вознесенское I (характерна) и Фёдоровское, основные керамические комплексы с сетчатой посудой на которых формируются во 2-й пол. II тыс. до н. э., при этом на Фёдоровском поселении, вероятнее всего, прообразом ранней сетчатой керамики выступает фатьяноидная посуда с минеральными примесями, орнаментированная «жемчужинами» по желобчатому венчику. Заметим, в свою очередь, что похожая керамика имеется на Галичской стоянке, для неё также характерны «жемчужины», и в части типологически выделяемых комплексов с городища в г. Костроме и с поселений Ватажка и Шунга.

Керамика с заглаженной поверхностью – чаще шероховатая из-за примесей в формовочной массе песка и дресвы. Ряд фрагментов орнаментирован глубокими ямками, нередко образующими выпуклины с обратной стороны, имеются и оттиски гребенчатого штампа. Встречаются фрагменты с подштриховкой внутренней поверхности, больше похожей на расчёсы, при этом штрихи с внутренней стороны выполнены беспорядочно и выглядят не такими чёткими, как на сетчатой или собственно штрихованной керамике. Участки с заглаженной внешней поверхностью часто обнаруживаются именно в верхней части сосудов, одновременно с этим тулово обработано сетчатыми отпечатками, поэтому выделение такой посуды несколько условно – например, по шейке, в зоне нанесения орнаментов, сетчатая керамика часто заглажена. Однако следует отметить, что заглаженные участки по шейке и плечикам типичны именно для ранней сетчатой керамики, когда она часто орнаментировалась в этих зонах мотивами из оттисков гребенчатого штампа и ямок. У посуды финала эпохи бронзы – начального этапа РЖВ при упрощении орнаментации шейка начинает полностью покрываться сетчатыми отпечатками, а первоначальная традиция её заглаживания уходит на второй план. Необходимо добавить, что керамика позднего этапа раннего железного века более тщательно заглажена, в отличие от керамики позднего периода эпохи бронзы, начального периода РЖВ (где поверхность шероховатая из-за выступающих песчинок и дресвы).

Керамика с подштрихованной поверхностью. Штрихи – диагональные или горизонтальные, встречаются и беспорядочные. Такая керамика орнаментирована глубокими ямочными вдавлениями, часто образующими выпуклины с обратной стороны (рис. 7: 8). С внутренней стороны посуда заглажена или покрыта чёткими горизонтальными штрихами, образующими бороздки. Следует подчеркнуть, что на поселениях Костромского Поволжья, начиная с позднего этапа эпохи бронзы, керамика с подштрихованной поверхностью всегда сопровождает посуду, обработанную сетчатыми отпечатками. В коллекции с поселения Вознесенское IV встречается также посуда, внешняя поверхность которой одновременно подштрихована и покрыта сетчатыми отпечатками.

Важно отметить, что одним из основных признаков поселений финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века левобережной части Верхневолжского бассейна является сочетание на поселениях сетчатой (при этом значительно доминирует рябчатый отпечаток), подштрихованной и заглаженной ке-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

рамики, а также подштрихованной и одновременно обработанной по внешней поверхности сетчатыми отпечатками (рис. 7: 7, 11).

Формовочная масса керамики финала эпохи бронзы – начального этапа РЖВ состоит из глины, песка, реже дресвы, органического раствора – примерно такое сочетание примесей наблюдается на всём протяжении развития сетчатой керамики. Наиболее характерным рецептом изготовления посуды с поселения Вознесенское IV является глина и искусственно введённый песок, единично зафиксирован шамот.

Орнаментированы у сетчатых сосудов, как правило, шейка и плечики (рис. 8: 2, 4, 14), что в целом характерно для керамики позднего периода эпохи бронзы, в дальнейшем орнаментальная традиция претерпевает изменения, и в РЖВ чаще начинает украшаться только шейка, а сам орнамент становится разреженным, остаётся много неорнаментированных зон в верхней части сосуда. В начальный период РЖВ ямки уже не так часто образуют выпуклины с обратной стороны (рис. 7: 1, 9, 12; 8: 5, 19), как на более ранней сетчатой керамике, вместе с тем распространяются неглубокие тычки и наколы, ямки с рваными краями, не образующие выпуклин с обратной стороны. В то же время можно отметить, что часть ямок с рваными краями на керамике с поселения Вознесенское IV по-прежнему глубокие, образующие выпуклины с обратной стороны. Появляются оттиски гребенчатого штампа с широкой амплитудой шага, как на ананьинских поселениях Поветлужья (например, Одоевском городище), впрочем, характерны они и для лебяжской орнаментальной традиции [20], подобный стиль орнамента наблюдается и на посуде с раннедьяковских памятников. Кроме того, имеется в коллекции и керамика с лебяжским орнаментальным следом, когда по шейке нанесён поясок из ямок, прорезанных горизонтальной линией из оттисков гребенчатого штампа (рис. 8: 1).

Керамика с поселения Вознесенское IV, как правило, украшена округлыми ямочными глубокими вдавлениями, образующими выпуклины с обратной стороны (рис. 8: 1–4, 9–10, 14–16). Ямки в сечении – трёх видов: конические, с плоским или иногда округлым дном. Распространены «жемчужины» (рис. 8: 2, 4, 10, 16). Достаточно часто посуда декорирована каплевидными вдавлениями (рис. 8: 2, 11, 18), характерными для позднего периода эпохи бронзы. Также среди элементов орнамента можно наблюдать различные тычки или наколы (рис. 7: 12; 8: 5), более свойственные керамике финала эпохи бронзы – начала РЖВ.

Мотивы, выполненные оттисками гребенчатого штампа, образуют горизонтальные ряды, зигзаги и наклонные отрезки, имеются и короткие вертикальные оттиски гребенчатого штампа. Необходимо добавить, что при украшении посуды в финале эпохи бронзы – на начальном этапе РЖВ мотивы из оттисков гребенчатого штампа уходят на второй план, но иногда сохраняются, при значительном превосходстве различного «ямочного орнамента».

В коллекции выделяется и керамика, украшенная по шейке пояском из чередующихся ямок и «жемчужин» (рис. 8: 2, 4, 16). Так, у одного сосуда в одном ряду перемежаются «жемчужины» и каплевидные вдавления (рис. 8: 10). Близкая посуда найдена на поселениях Говядиново, Сокольское, Вознесенское I [13, рис. 6, 7; 21, рис. 78, 79], она характерна для поздняковских и особенно аким-сергеевских памятников [22]. Присутствует на памятнике и ранняя сетчатая керамика с фатьяноидными орнаментальными чертами.

Весьма оригинален орнамент, где в одном горизонтальном ряду чередуются ромбические и вертикально поставленные каплевидные мелкие вдавления (рис. 8: 17), в другом случае ямки периодически чередуются с короткими двухчастными оттисками гребенчатого штампа (рис. 8: 14), дополняются орнаментальные композиции на данных сосудах мотивами, исполненными из оттисков гребенчатого штампа (горизонтальные линии, наклонные отрезки).

В коллекции есть и керамика, украшенная зигзагом из ямок (рис. 7: 1, 9, 12). Такой сюжет характерен именно для посуды финала эпохи бронзы – начального этапа РЖВ. Посуда, декорированная поставленными в шахматном порядке по шейке ямками, имеется на поселениях Умиленье (раскопки В.И. Смирнова), Вёкса I (раскопки Н.Г. Недомолкиной), Фёдоровское VII (раскопки В.В. Ставицкого), где также встречается керамика с наколами или тычками [23–25].

Срез сосудов позднего периода эпохи бронзы – начального этапа РЖВ орнаментирован косо поставленными оттисками гребенчатого штампа или мелкими наколами, забивающими поверхность среза, а также косо поставленными насечками (рис. 8: 1, 3–7, 9–10).

Обращает на себя внимание небольшое количество в группе сетчатой керамики с поселения Вознесенское IV плоских донцев, в связи с чем вполне можно предположить наличие округлых днищ, более присущих керамике позднего периода эпохи бронзы. Плоские донца, нередко с закраиной, – яркий признак сетчатой керамики РЖВ, появляются они на поселениях лесного Заволжья уже в финале бронзового века.

Морфологические особенности посуды. На поселении Вознесенское IV найдена керамика плавнопрофилированных, баночно-чашевидных и слабопрофилированных форм с прямой или слегка вогнутой внутрь шейкой, низкими покатыми плечиками; вместе с тем есть и сосуды с выпуклыми плечиками (в т. ч. выделенным ребристым выступом) и округлым туловом (рис. 7: 4–5; 8: 14, 19). Формы венчиков (рис. 8: 1–10) – округлые, округло-неровные гофрированные, с валикообразным наплывом, скошенные внутрь или наружу в виде бортика. Имеются в коллекции и горшки с плоским краем, в т. ч. когда край имеет небольшие утолщения (Г-образные). Нужно подчеркнуть, что округлые и плоские венчики характерны именно для ранней сетчатой керамики позднего периода эпохи бронзы [26–28].

Носители сетчатых керамических традиций появляются на поселении Вознесенское IV на позднем этапе эпохи бронзы (вероятно, во 2-й пол. II тыс. до н. э., абсолютных дат, указывающих на этот период, пока нет). На конечный этап развития поселения с сетчатой керамикой указывают даты, полученные по углю из слоя светло-серой супеси: 758 (29,3 %) – 659 cal BC; 671 (60,5 %) – 453 cal BC, шурф № 7 2021 г. и 2450±45 BP

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

(2σ 757–410 cal BC) из раскопа № 2 2022 г. Заключительный этап функционирования поселения приходится на VI в. до н. э., вряд ли позднее. Поселение имеет крайне важное научное значение, отражает процесс формирования комплексов сетчатой керамики до ананьинского расселения на берегах Верхней Волги. Начиная с VI в. до н. э. облик материальной культуры поселений Костромского Поволжья с сетчатой керамикой изменяется, что связано с появлением на них носителей традиций вятско-ветлужской культуры ананьинской культурно-исторической области (АКИО) и распространением на памятниках гибридной керамики [29; 30]. Важно отметить, что керамика с ананьинскими и сетчатыми признаками на поселении пока не найдена.

Фатьяноидный керамический комплекс. Комплекс немногочисленный, но достаточно ярко отражает особенности фатьяноидных керамических традиций (рис. 9). Всего на памятнике найдены 6 фрагментов сосудов. Керамика хорошо заглажена как снаружи, так и изнутри. Толщина стенок сосудов – 0,4–0,5 см. Черепки чаще коричневого цвета или серовато-коричневых оттенков. Состав формовочной массы – глина и песок (встречаются крупные его фракции). Есть два фрагмента, дающих представление о морфологии верхней части горшка. Один из них – плавнопрофилированного сосуда с округло-приострённым краем (венчик отогнут наружу), плавновогнутой шейкой и слабовыпуклыми пологими плечиками (рис. 9: 1–2). Аналогичные

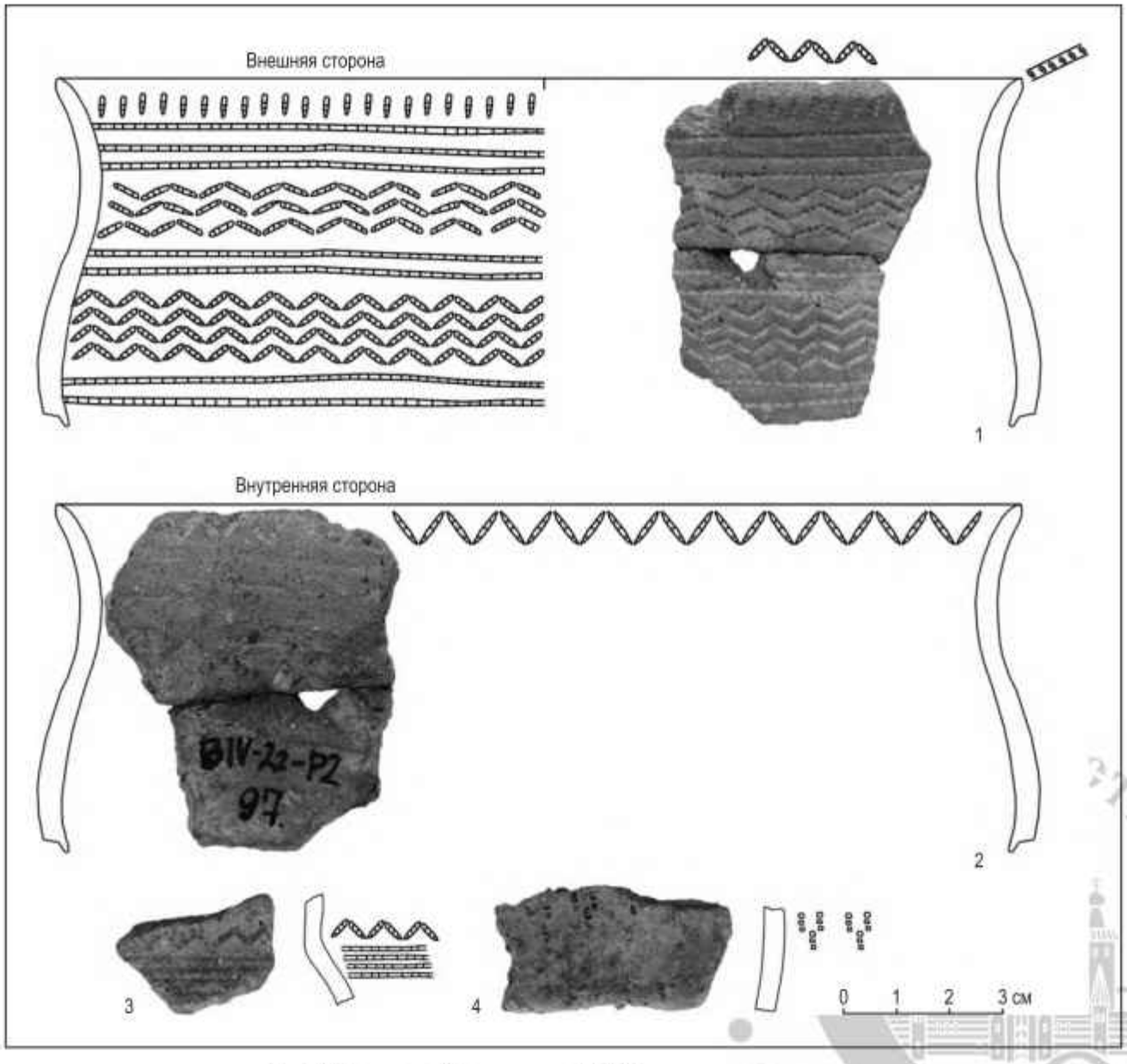

Рис. 9. Поселение Вознесенское IV. Фатьяноидная керамика

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

по форме и стилю орнаментации сосуды имеются на поселении Сахтыш I [31, рис. 6: 7, 9]. Подобные мотивы орнамента и близкая форма сосудов известны на памятниках, связываемых с поздняковскими древностями, например в могильнике Фефелов Бор [32, рис. 69: 4, 7]. Другой – горшка с раструбообразной или желобчатой шейкой (рис. 9: 3). Керамика разнообразно орнаментирована мелкими, плотно поставленными друг к другу оттисками гребенчатого штампа. Самый распространённый орнаментальный сюжет складывается из горизонтальных линий и многорядных зигзагов. Дополняются мотивы и короткими вертикальными оттисками гребенчатого штампа. Один сосуд орнаментирован с внутренней стороны, сразу под венчиком, одиночным зигзагом, у него же украшен и срез (рис. 9: 1–2). Весьма интересный орнамент имеется на одном фрагменте стенки, украшенной короткими вертикальными отрезками из оттисков гребенчатого штампа, при этом отрезки сгруппированы по три (рис. 9: 4).

Имеется в коллекции и один фрагмент венчика сетчатого сосуда с фатьяноидными признаками. Край плоский, с небольшими наплывами в обе стороны, шейка раструбовидная. Фрагмент орнаментирован по шейке оттисками мелкого гребенчатого штампа (горизонтальные линии, между которыми нанесены наклонные отрезки), заканчивается композиция горизонтальным рядом из округлых вдавлений. Ямки – с плоским дном (рис. 8: 8). Декор ещё одного фрагмента сетчатого сосуда близок к орнаментальному стилю фатьяноидной посуды: наблюдается сочетание горизонтальных линий из оттисков гребенчатого штампа и вертикальных коротких отрезков, выполненных этим же штампом (рис. 8: 14).

Ближайший к поселению Вознесенское IV известный памятник с подобной керамикой – это Вознесенское I, где А.В. Новиковым при раскопках в 2020 г. найдены 7 фрагментов фатьяноидной керамики. Посуда с внешней стороны хорошо заглажена, один фрагмент подлощён. Внутренняя поверхность у большинства также заглажена, у одного – подштрихована. Примесь – песок, дресва, и только у одного фрагмента прослеживается органика в формовочной массе, судя по выгоревшим пустотам. Средняя толщина стенок до 0,5 см, встречаются и фрагменты толщиной 0,6–0,8 см. Орнаментирована керамика мелким ячеистым штампом и оттисками гребенчатого штампа – ими составлены сюжеты в виде горизонтальных линий, многорядных зигзагов (или ёлочек), ромбов, вертикальных и наклонных отрезков. Подчеркнём, что такие элементы орнамента характерны для фатьяноидной керамики [31]. В небольшом количестве найдена на поселении и сетчатая керамика с фатьяноидными чертами (гибридная). В коллекции с поселения Вознесенское I присутствуют 3 фрагмента стенок таких сосудов. Орнаментирована керамика оттисками гребенчатого штампа (двойной зигзаг, горизонтальные линии, отрезки), «жемчужинами» и глубокими вдавлениями (коническими в сечении).

В окру́ге Галичского озера известен ещё один памятник с пористой профилированной керамикой – Галичская стоянка (Туровское поселение, «Заячья горка») (коллекция КМЗ КОК 15391 – исследования Костромского научного общества под руководством В.И. Смирнова, 20-е гг. XX в.) [1, рис. 16]. Керамика, имеющаяся в указанной коллекции, профилированная, с отогнутым наружу раструбным венчиком, реже с т. н. желобчатым, с примесью органики в формовочной массе. На особенности фатьяноидной керамики с Галичской стоянки обращала внимание И.В. Гаврилова, сравнивая её с подобной керамикой с Фёдоровского поселения и со стоянки Водыш: несмотря на некоторые различия (в частности, на галичской керамике фиксируется сетка из оттисков гребенчатого штампа), керамика с этих памятников близка, сосуды украшены с внутренней стороны, среди композиций преобладает сочетание горизонтальных поясков косых оттисков гребёнки и зигзагов [33]. Заметим также, что на Фёдоровском поселении и на Галичской стоянке появляется фатьяноидная посуда с минеральными примесями (песок, дресва) [33, с. 101, 106].

Есть фатьяноидная керамика и на многослойных памятниках в Костромской низине [21], в окрестностях Чухломского озера (Фёдоровское поселение) и Сусанинского болота (Водыш) [33, рис. 1, 2; 34, с. 113], подобная керамика обнаружена на реке Сулать [35, рис. 5: 38; 36, рис. 55–57], присутствует на поселении Усть-Рыбежна 2, стоянке Сяберской [37, рис. 1], поселениях Модлона, Селище и вообще широко территориально распространена [38, рис. 1–3]. Имеющаяся радиоуглеродная дата горшка с фатьяноидным орнаментом и текстильными отпечатками с поселения Кулламяги указывает на начало II тыс. до н. э. [36, с. 33]. К первой трети II тыс. до н. э. отсылают и другие радиоуглеродные и палинологические данные с верхневолжских памятников [39; 40]. Близкие к фатьяноидной культуре чирковские древности Б.С. Соловьёв датирует кон. III – 1-й третью II тыс. до н. э. [41, с. 90]. Фатьяноидная керамика встречается в одних постройках (Туровское (Галичская), Воймежное 1) и культурном слое (Берёзовая Слободка 2–3) с сейминско-турбинскими вещами [41]. К.В. Воронин, рассматривая керамику с поселения Песочное I, приходит к выводу, что сочетание сетчатой и чирковской керамики в слое бронзового века – это характерная черта поселений 1-й пол. II тыс. до н. э. Волго-Окского междуречья [42, с. 98–99]. Возможное взаимодействие чирковского населения с носителями традиций текстильной керамики предполагает и В.С. Патрушев [43, с. 202]. Фатьяноидная керамика вместе с сетчатой посудой найдена, кроме этого, и на памятниках Костромского Поволжья – обнаружена она в перемешанных слоях поселений Борань, Станок, Фёдоровское, Галичская, Водыш.

Таким образом, фатьяноидная керамика на поселении Вознесенское IV, вероятно, распространяется в 1-й трети II тыс. до н. э. В свой черёд, при влиянии носителей фатьяноидных керамических традиций могла формироваться ранняя сетчатая керамика в Костромском Поволжье.

Фатьяновский керамический комплекс. На Вознесенском IV обнаружены 11 фрагментов фатьяновской керамики. Черепки переотложены и находились в более поздних культурных напластованиях. Керамика имеет красноватый цвет внутренней и внешней поверхности, в изломе трёхслойная. Фрагменты заглажены как снаружи, так и изнутри. Поверхность шероховатая. Толщина стенок варьирует в пределах 0,3–0,6 см. В формовочную массу добавлены глина, дресва и песок. Фрагменты сосудов в большинстве случаев неорнамен-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

тированы, и только один обломок украшен горизонтальным многорядным зигзагом (орнамент, характерный для носителей фатьяновских традиций). Все найденные фрагменты венчиков имеют валик, шейка либо прямая (раструбообразная), либо слабовогнутая.

Фатьяновская керамика с поселения Вознесенское IV может быть датирована в пределах середины – третьей четверти III тыс. до н. э. По мнению Н.А. Кренке, рамки существования фатьяновской культуры определяет древняя группа дат, вписывающаяся в хронологический интервал 2750–2500 (2300) лет до н. э. В то же время есть и более молодая группа дат, указывающая на 2300–1900 гг. до н. э., однако она малочисленна по сравнению с первой группой [44, с. 114–115]. Тем самым начало складывания культуры Н.А. Кренке пока относит к сер. III тыс. до н. э. [36, с. 31]. Неорнаментированная керамика представлена в развитых фатьяновских комплексах Царицыно-1 и РАНИС [36, с. 28–29, рис. 39, 50], на поселении Засечье 3 почти половина венчиков фатьяновской посуды не имеет орнаментации [45, с. 14, рис. 4–7], неорнаментированная фатьяновская керамика свойственна и носителям таких традиций с поселения Вознесенское IV.

Керамика неолита. В раскопе 1 2022 г. обнаружен только один фрагмент такой керамики, который, вероятно, следует отнести к категории случайных находок, – происходит он из верхнего горизонта культурного слоя и, по всей видимости, оказался на поселении в результате прируслових процессов р. Вёксы. Фрагмент коричневого цвета, орнаментирован наклонными оттисками гусеничного штампа, внешняя и внутренняя поверхности заглажены, толщина 0,9–1,0 см, в формовочную массу добавлена органика. Вместе с тем к этому же времени следует отнести и каменную подвеску подтрапециевидной формы с отверстием в верхней части (рис. 5: 9), найденную сразу под лесным опадом.

Таким образом, материалы поселения Вознесенское IV отражают вероятное взаимодействие культур на позднем этапе эпохи бронзы (фатьяноидная и с сетчатой керамикой), показывают развитие традиций изготовления сетчатой керамики в финале эпохи бронзы и на начальном этапе РЖВ (до VI в. до н. э. включительно) в окрестностях Галичского озера. Небольшая группа сетчатой керамики с поселения Вознесенское IV может указывать на заимствование фатьяноидных керамических традиций населением, изготовлявшим сетчатую посуду.

Взаимосвязь керамических комплексов позднего этапа бронзового века, финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века требует дальнейшего изучения. Близкие типы слабопрофилированной или плавнопрофилированной керамики, орнаментированной только ямками или ямками в сочетании с оттисками гребенчатого штампа, «жемчужинами», известны на поселениях Костромского Поволжья этого времени, в частности, таких как Брюхово, Говядиново, Шунга, городище в Костроме, Галичская, Фёдоровское, Фёдоровское VII, Борань, Вознесенское I, IV и др. География распространения поселений с близкой сетчатой керамикой в Верхневолжском регионе охватывает Молого-Шекснинское междуречье на западе и достигает долины р. Унжи на востоке. Учитывая это географическое расположение, регион на начальном этапе раннего железного века оказался на стыке культурных традиций (позднекаргопольской, раннедьяковской, акозинской), стоит признать и его открытость, и естественный потенциал к взаимодействию и восприятию различных новых культурных элементов [16; 30]. Данные лесные левобережные волжские районы объединяет сходство протекавших культурных процессов в финале эпохи бронзы – начале раннего железного века (до VI в. до н. э.): «консервативность» при изготовлении сетчатой керамики, наличие в коллекциях предметов из камня, малое количество железных изделий, сочетание сетчатой, заглаженной и подштрихованной посуды, с превалированием при этом керамики, декорированной рябчатыми мелкоячеистыми, хаотично расположенными отпечатками («мода» на такую керамику сохраняется очень долго, на всём протяжении развития поселений), наличие керамики, имеющей на одном сосуде участки, покрытые с внешней стороны сетчатыми отпечатками и штриховкой, сходство хозяйственного уклада и расположения поселений. Керамика финала эпохи бронзы – начального этапа раннего железного века, изготавливавшаяся на поселениях до взаимодействия с носителями ананьинских культурных традиций, по совокупности признаков может быть выделена, на мой взгляд, в отдельный верхневолжский тип. В лесном Заволжье, от рек Мологи и Шексны до Костромы и Унжи, развитие сетчатых керамических традиций имеет похожий характер. Схожи с верхневолжскими поселениями посёлки и бассейна Верхней Сухоны, и Белого озера, где происходили подобные же процессы, только рассматривать их формирование предстоит в рамках позднекаргопольских древностей. В целом в середине I тыс. до н. э. в данных областях поселения с сетчатой керамикой становятся центрами формирования новых культурных традиций. Местное население устанавливает устойчивые связи с Волго-Камьем, и складывается культурное пространство с гибридными типами керамики – гибридной посудой, сочетающей сетчатые и ананьинские признаки, широко распространившейся на поселениях в V–III вв. до н. э. [29; 30].

Не менее важно, что на поселении Вознесенское IV обнаружены материалы позднего этапа раннего железного века (1-й пол. I тыс. н. э., предположительно 1-й четв. – сер. I тыс. н. э.). Поселения этого времени в Костромском Поволжье малочисленны (Говядиново, Унорож, Рапоновское, Минское), по имеющимся сейчас данным, в основном заселялись площадки, ранее обжитые населением с сетчатой и ананьинской керамикой. Развитие этих древностей в лесном Заволжье представляется пока ещё слабо, материалов собрано крайне недостаточно [16], необходима дальнейшая проработка данного вопроса.

В заключение отметим, что на Вознесенском IV найдена и довольно представительная группа предметов, связанных с раннесредневековым этапом его функционирования, – эту группу артефактов следует рассматривать как синхронную по времени торгово-ремесленному поселению на Унороже.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Новиков А.В.* К вопросу о развитии сетчатых керамических традиций в поздний период эпохи бронзы – раннем железном веке в окрестностях Галичского озера (по материалам городища Брюхово) // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2020. № 2. С. 329–368.
2. *Горюнова Е.И.* Мерянский могильник на Рыбинском море // КСИИМК. Вып. 54. М., 1954. С. 153–163.
3. Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / *И.Е. Зайцева, С.Д. Захаров, Н.А. Макаров, С.В. Меснянкина, М.Л. Мокрушин, Е.А. Спиридонова, А.В. Суворов* / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 1: Поселение и могильники. М.: Институт археологии РАН, 2007. 374 с.
4. *Рябинин Е.А.* Отчет о работе Заволжской экспедиции ИИМК РАН в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р. 1. № 16341.
5. *Новиков А.В., Баранов В.С.* Городище Унорож: предварительные итоги археологических работ 2014 г. // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 143–168.
6. *Никитина Т.Б., Акилбаев А.В., Аристов А.А.* Погребальный инвентарь могильника «Кузинские хутора» // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 82–98.
7. *Окороков А.В.* Древнейшие средства передвижения по воде на территории России (по материалам археологических и этнографических исследований) // Журнал Института наследия. 2016 / 1 (4).
8. *Дубровин Г.Е.* Блочное судно с Ярославова Дворища // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции. № 9. Новгород, 1995. С. 150–153.
9. История северорусского судостроения / *Г.Е. Дубровин, А.В. Окороков, В.Ф. Старков, П.Ю. Черносвитов.* СПб.: Алетейя, 2001. 404 с.
10. *Смирнов К.А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье (Троицкое городище) / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 184). С. 80–98.
11. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–96.
12. *Гусаков М.Г.* Глиняные грузики и таблички дьяковской культуры (к вопросу о назначении) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 51–64.
13. *Новиков А.В.* Керамика поселения Говядиново (из исследований В.И. Смирнова, 1925–1926, 1928 гг.) // Археология евразийских степей. Казань, 2019. № 4. С. 291–316.
14. *Исланова И.В.* Городище Отмичи. М.: Институт археологии РАН, 2008. (Раннеславянский мир. Вып. 11). 284 с.
15. *Исланова И.В.* Керамический комплекс городища Отмичи (по материалам раскопок 1968–1970 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Том II / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 94–103.
16. *Новиков А.В.* Керамические комплексы железного века поселения «Паново городище» // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2023. № 2. С. 214–242.
17. *Ковалевская В.Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука, 1979. 58 с. (САИ. Вып. Е 1–2)
18. *Лещинская Н.А.* Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Ижевск, 2014. 472 с. (МИИКВАЭ. Т. 27)
19. *Спицын А.А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1 // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб., 1901. 119 с.
20. *Новиков А.В.* Одоевское городище. К вопросу о культурной специфике Поветлужья в раннем железном веке // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2021. № 2. С. 108–169.
21. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции). М.; Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 85–203. (МИА. № 110)
22. *Ставицкий В.В.* Бронзовый век // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы / Ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИ гум. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2008. С. 107–209.
23. *Новиков А.В.* Сетчатая керамика поселения Умиленье // Поволжская археология. 2021. № 1 (35). С. 49–64.
24. *Новиков А.В., Недомолкина Н.Г.* Керамика позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века поселения Вёкса I (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.
25. *Ставицкий В.В.* Отчет об исследованиях в Чухломском районе Костромской области в 1994 г. // Архив Инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области. 12 с.: 48 илл. № 8 от 07.04.2008 г.
26. *Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. 120 с.
27. *Косменко М.Г.* Комплекс эпохи бронзы поселения Келка III на Водлозере в Юго-Восточной Карелии // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993. С. 61–81.
28. *Мапюхин И.С.* Поселение с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993. С. 82–112.
29. *Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2018. № 2. 282 с.
30. *Новиков А.В.* Культурная трансформация на Верхней Волге в раннем железном веке // Археология евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. Казань, 2022. № 2. С. 382–405.
31. *Гадзяцкая О.С.* Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Камское междуречье) // СА. 1992. № 1. С. 122–141.
32. *Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. С. 131–135. (Археология СССР)
33. *Гаврилова И.В.* Фатьяновидная керамика Костромского Поволжья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л.: Наука, 1983. С. 101–109.
34. *Новиков А.В.* Археологические исследования Фёдоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.
35. Археологическая разведка в нижнем течении р. Сулать (к вопросу об изменении ландшафтов и истории хозяйственного освоения региона Заболоцкого озера в позднем голоцене) / *Н.А. Кренке, Е.Г. Ершова, А.А. Войцик, А.К. Каспаров, М.В. Лавриков, В.А. Раева* // Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене: Коллективная монография / Сост. О.В. Лозовская, В.М. Лозовский. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 166–184.

36. *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019. 392 с.
37. *Юшкова М.В.* Памятники культуры сетчатой керамики в Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: Изд. МАЭ РАН, 2015. С. 278–318. (Замятнинский сборник. Вып. 4.)
38. *Жульников А.М.* О фатьяноидной керамике на древних поселениях южного побережья Белого моря // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 413–424.
39. *Воронин К.В.* Стоянка Липовка 3 – однослойный памятник чирковской культуры в центральной части Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 371–381.
40. *Алешинская А.С., Спиридонова Е.А.* Периодизация эпохи бронзы лесной полосы Европейской России (по палинологическим данным) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 352–358.
41. *Соловьев Б.С.* Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2016. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 9.) 412 с.
42. *Воронин К.В.* Результаты геоархеологического исследования слоя бронзового века поселения Песочное I // КСИА. Вып. 252. М., 2018. С. 87–103.
43. *Патрушев В.С.* Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. Казань, 2016. № 3 (17). С. 194–224.
44. *Кренке Н.А.* Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры // РА. 2019. № 2. С. 110–116.
45. *Иванов Д.А.* Комплекс фатьяновско-балановской керамики с поселения Засечье 3 в нижнем течении Прони // Археологическое наследие. 2019. № 1 (2). Воронеж: Научная книга. С. 13–32.

ООО «Костромская археологическая экспедиция», Кострома

A.V. Novikov

THE SETTLEMENT VOZNESENSKOYE IV – NEW RELICS OF REPEATIC OCCUPATION IN NEIGHBOURHOOD OF THE GALICHSKOYE LAKE

Summary

The article introduces into scientific circulation the materials obtained in 2022 during the excavations of the revealed multilayer settlement Voznesenskoye IV, located in the district of Galichskoye Lake. Fragments of Fatyanovo, Fatyanoid ware, mesh ceramics with Fatyanoid traditions were found in the excavations. In the Bronze finale – the beginning of the Early Iron Age, poorly ornamented (mainly with pits) mesh ceramics with a pockmarked fine-meshed imprint prevails, shaded ceramics ornamented with pits or pokes are distributed. The settlement is of great importance and reflects the process of formation of complexes of mesh ceramics before the Ananyinsky settlement on the banks of the Upper Volga, which began in the VI century BC. Individual objects and ceramic complexes are associated with the late stage of the Iron Age and the early Middle Ages. The final stage of development of the settlement site coincides with the XIII–XV centuries AD.

Limited Liability Company "Kostroma Archaeological Expedition",
10, Marshala Novikova St., Kostroma, 156013, Russia
E-mail: kae44@mail.ru
novikov-kostroma@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.Л. Александровский

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ И ПОЧВ НА ПОСЕЛЕНИИ ВОЗНЕСЕНСКОЕ IV (РАСКОП 2022 Г.)

Методами естественных наук исследованы почвы и культурный слой поселения позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века. Рассматриваются почвенные процессы, развивающиеся в приповерхностном слое и на глубине и трансформирующие культурный слой. Полученные результаты имеют большое значение для реконструкции стадий развития ландшафта, а также для выяснения характера деятельности человека в прошлом.

DOI: 10.70203/4445.2024.39.65.012

Поселение Вознесенское IV исследовалось в 2022 г. Костромской археологической экспедицией под руководством А.В. Новикова. На памятнике заложены раскопы общей площадью 46,4 кв. м. Поселение располагается, как и ранее изученное Вознесенское I (раскоп А.В. Новикова, 2020 г.), в краевой фронтальной части надпойменной террасы р. Вёксы, на правом её берегу. Терраса низкая (2–4 м над урезом реки), по высоте и возрасту – та же или близкая к таковой в Унороже. Сложена она позднеплейстоценовыми аллювиальными отложениями, накопившимися в условиях последних этапов Валдайского оледенения. Отложения террасы слоистые. В отличие от террасы в Унороже, сложенной с поверхности суглинками, в районе поселений Вознесенского IV и I отложения двуслойные: сверху лежит песчано-супесчаный слой, с глубины 40–60 см – суглинки с прослоями песка. Возраст отложений – позднеплейстоценовый. На дне контрольного прокопа в плане видны песчаные и суглинистые зоны. Их образование связано с мерзлотными процессами времени Валдайского оледенения. В начале голоцена, как и в Унороже, поверхность террасы полностью стабилизировалась и на ней, под зональной лесной растительностью, началось формирование почвы. В позднем голоцене почвенный профиль приобрёл современный вид. Почва на поселениях Вознесенское IV и I может быть названа дерново-подзолистой, сформированной на слоистых отложениях.

Суть почвообразования заключается в преобразовании ранее отложенного аллювия ледникового периода. Процессы и их признаки следующие: 1) накопление органического вещества (остатки корней, листьев и др.) и его гумификация (превращение в гумусовые вещества той или иной степени устойчивости) в верхнем горизонте А – в исследуемом регионе это обычно серогумусовый горизонт AY мощностью 10–20 см, его верхняя часть – дернина (дёрн) – отличается только тем, что переплетена корнями (при погребении корни разлагаются, и слой дернины полностью сливается с горизонтом AY); 2) оподзоливание – разрушение минеральной части под воздействием иона водорода (H^+) и вынос продуктов разрушения (тонких илистых частиц, железа и алюминия) вниз по профилю почвы; при этом остающийся на месте устойчивый кварц придаёт подзолистому (элювиальному) горизонту EL белёсый цвет; характерная глубина горизонта – 10–30 см; 3) иллювиирование (вмывание) – вымытые из подзолистого горизонта тонкие фракции: ил, мелкая пыль, а также железо (именно окисленные формы железа окрашивают горизонт в бурые тона) и другие субстанции – накапливаются ниже, на глубине 30–100 см, и формируют иллювиальный горизонт Bt (или сильно развитый BT); он характеризуется хорошей ребристой структурой (в почвоведении эта структура называется ореховатой), наличием вертикальных трещин с белёсым заполнением; 4) ряд процессов, ведущих к оструктуриванию, перемешиванию – гомогенизации или локальному нарушению (вывалы деревьев), оглеению (в условиях переувлажнения), переносу вещества вниз и вверх по профилю, которые развиваются и у поверхности почвы, и на глубине.

Следы современных процессов (голоцен), действующих на глубине, видны на зачистке дна контрольного прокопа в кв. А/1 (илл. 1). Плейстоценовые мерзлотные процессы вызвали здесь образование песчаных и суглинистых зон (суглинистая зона пёстрая, расположена в центре кв. А/1, песчаные – по краям). Они шли вслед за вытаиванием мерзлоты позднего плейстоцена. Современный профиль дерново-подзолистой почвы наследует слоистое строение плейстоценового аллювия – сверху лежит слой песка и супеси (0–50 см), ниже – суглинки с песчаными зонами (илл. 1, 2). В результате шедших на протяжении голоцена процессов

миграции железа подвижные его формы переместились из одних зон (осветлённых – зоны восстановления железа) в другие (ожелезнённые – зоны его окисления). Подзолистый горизонт выражен слабо, хорошо развит иллювиальный горизонт Bt. Он рассечён сетью трещин, формирующих структуру иллювиального горизонта Bt, что видно на дне шурфа в кв. А/1 (илл. 2).

В итоге в естественных условиях формируется система горизонтов AY-EL-Bt, характерная для дерново-подзолистых почв. Под влиянием древнего человека эта система периодически нарушается: увеличиваются мощность и тёмная окраска гумусового горизонта, особенно в ямах, появляются различные пятна, прослои,

Илл. 1. Поселение Вознесенское IV. Каменная вымостка (20 см), очаг позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века (глубина 40–45 см), следы позднеплейстоценовых мерзлотных процессов на дне шурфа (90 см) в кв. А/1

Илл. 2. Поселение Вознесенское IV. Кв. В/3. Яма 1. На дне ямы видны трещины, заполненные белёсым материалом, а также ходы с тёмным гумусированным заполнением

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

вымостки, включения древесного угля, кости, изменяется химический состав почвенной массы. Однако под воздействием природных процессов профиль подзолистой почвы снова постепенно восстанавливается. При малой мощности культурного слоя и лёгком песчано-супесчаном составе почвенной массы такое восстановление идёт особенно активно.

Описание профиля кв. В/3 раскопа 2022 г.

В профиле видны заполнение ямы 1 и подстилающие супесчано-суглинистые отложения террасы, проработанные почвообразованием.

AY (el) 0–25 см. Тёмно-серая супесь, рыхлая, комковатая. При высыхании появляется белёсый оттенок в виде отдельных зон. Переход постепенный.

AB 25–55 (60) см. Тёмно-серый с бурым оттенком супесь-лёгкий суглинок. Заполнение ямы с включениями керамики от V в. до н. э. до Средневековья. Внизу светлеет. В левой части яма несколько глубже и с углями. Артефакты раннего железного века (РЖВ) сер. I тыс. н. э. концентрируются в нижней части ямы, на глубине 40–60 см. Переход постепенный.

Bt 55–65 (70) см. Бурый суглинок с вертикальными трещинами с белёсым заполнением.

Правее ямы профиль другой: A1 0–20 – AB el 20–30 – B 30–40 (50) см, на уровне горизонта B 30–40 см – слой позднего периода эпохи бронзы / начального этапа раннего железного века. Переходы между этими горизонтами тоже постепенные.

В кв. А/1 строение профиля примерно то же и мощность тёмного слоя почти та же, что и в кв. В/3. Также здесь (кв. А/1) на глубине 20 см залегает вымостка X в. н. э., ниже 45 см – остатки очага позднего периода эпохи бронзы – РЖВ, что по глубинам сходно с кв. В/3. Переходы между слоями постепенные, так как вся толща в той или иной степени проработана почвообразовательными процессами, действовавшими в прошлом и в настоящее время. На дне шурфа (90 см) видны трещины с белёсым заполнением – горизонт Bt (илл. 1). Белёсый материал образуется на месте, но также поступает сверху, возможно, и из современного гумусо-элювиального горизонта 0–25 см. Вместе с минеральным материалом по трещинам и другим каналам перемещаются и остатки растений и животных, используемых для палеореконструкций. При отборе образцов следует учитывать возможность их загрязнения материалом, поступающим сверху.

Из профилей и ям раскопа на поселении Вознесенское IV отобраны образцы на комплексные анализы: почвенные, геохимические (содержание фосфора, определение микроэлементов с помощью РФА), палеоботанические: антракология (угли), карпология (семена) и другие макроостатки.

Следует отметить, что культурный слой на данном поселении маломощный, лёгкого гранулометрического состава (супесчано-песчаный), и следовательно, легко проницаемый для атмосферных осадков, корней, разнообразной почвенной фауны. В связи с этим культурный слой, особенно его верхний горизонт, превращается в естественную почву. При этом меняется набор углей, а древняя пыльца и фитолиты нередко полностью замещаются современными микрофоссилиями. Также велика вероятность того, что материал культурного слоя в пределах верхних 40–50 см локально прошёл через вывалы деревьев. Почвообразовательные процессы разнообразны, они влияют на культурный слой и в заполнениях ям, и за их пределами.

Кроме древних воздействий повлияли на строение и состав культурного слоя и антропогенные процессы последних веков, в течение которых достаточно долго территория была освоена в большей степени, чем в настоящее время. С ними может быть связано наличие более тёмного, чем в обычных подзолистых почвах региона, тёмного гумусового горизонта с угольками. Он присутствует и за пределами ям, и над ямами. Отметим, что на картах XX века освоено и показано полностью без леса всё правобережье Вёксы, а на картах XIX – частично и левобережье.

ФГБУН «Институт географии РАН»,
Москва

A.L. Alexandrovskiy

THE RESULTS OF THE CULTURAL LAYER AND SOIL STUDIES OF THE VOZNESENSKOYE IV SETTLEMENT (EXCAVATIONS OF 2022)

Summary

The soil and cultural layer of the settlement of the late period of the Bronze Age – Early Iron Age Voznesenskoye IV were studied by the methods of natural sciences. Soil processes developing in the near-surface layer and at depth and transforming the cultural layer are considered. The results obtained are of great importance for reconstructing the stages of landscape development, as well as for clarifying the nature of human activity in the past.

Institute of Geography,
Russian Academy of Sciences,
29, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia
E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

В.А. Шишков, А.С. Сыроватко, А.А. Гольева

ХИМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ И ОТХОДОВ ЛИТЬЯ С ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СРЕДНЕЙ ОКЕ

Химический анализ артефактов, полученных при обследовании двух городищ раннего железного века – «Чайка» и Свиридоново III (правый берег р. Оки в Московской области) – проведён с применением растрового электронного микроскопа и энергодисперсионного анализатора элементного состава. Анализ продемонстрировал, что в сплавах оловянистой или оловянисто-свинцовой бронзы присутствуют примеси фосфора и серы, причём только в одном случае зафиксировано сочетание серы и фосфора в одном предмете, что трактовано как маркёры разных источников руды. Авторы, однако, не исключают, что сера и фосфор могли быть введены в сплав в составе флюсов и указывают на разнообразие технологических приёмов бронзового производства. В некоторых случаях отмечен принципиально разный химический состав слоя на поверхности предмета и внутри, что авторы объясняют наличием декоративного покрытия оловом или свинцом.

DOI: 10.70203/4165.2024.56.59.013

Материалы с городища Свиридоново III неоднократно становились предметом публикаций [1–3]. Памятник интересен яркими признаками ювелирного производства – выплесками, ломом украшений, фрагментами литейных форм и тиглей, кладом «рубчатых» браслетов, обнаруженными в самых верхних его слоях, фактически на поверхности. Керамика с городища указывает на его принадлежность к т. н. каширской группе дьяковских поселений, а совокупность черт керамики из верхнего слоя с возрастом определимых изделий из металла позволяет датировать ювелирный комплекс IV–III вв. до н. э. Свиридоново III – ближайшее к Ростиславлю городище, расположенное выше по течению р. Оки. В 2017 г. в округе Ростиславля было открыто ещё одно городище, на этот раз – ниже его по течению.

Выявленное городище у турбазы «Чайка» расположено в Озёрском районе Московской области, на границе с Зарайским и Луховицким районами, на правом берегу р. Оки, в системе оврагов, впадающих в р. Оку[1]. Русло Оки удалено от памятника примерно на 600 м. До известного Ростиславльского городища расстояние по прямой составляет ок. 11 км на ЮЗ, до городища Городна I, расположенного на правом берегу р. Осётр, ок. 4,5 км на СВ.

Памятник занимает узкий, 20–30 м шириной, мыс, образованный двумя боковыми овражными отвершками, впадающими в основное русло оврага. Рельеф памятника склоняет нас именовать его городищем, хотя вопрос о наличии укреплений без специальных исследований решить нельзя (подробнее о топографии памятника см. [4]).

На площадке городища был пройден шурф 1×1 м на окончании мыса, в котором выявлен объект, являющийся, вероятно, канавкой от стены дьяковской постройки. Поверхность памятника была буквально усеяна подъёмным материалом: керамикой и предметами из металла. Керамика с этого памятника рассмотрена в отдельной публикации [4], по составу она близка к керамическим наборам с городищ т. н. каширской группы: из нижних слоёв Ростиславля, городищ Свиридоново III, Старшего Каширского, Мутёнковского, Корыстовского. Наблюдается заметное отличие её от комплексов «коломенской» группы, и в частности соседней Городны.

Металлические артефакты с этого городища, ставшие предметом нашего исследования, представлены как готовыми изделиями, так и отходами ювелирного производства (рис. 1): пятью выплесками цветного металла (рис. 1: 1–5), одним обрубленным литником (рис. 1: 6), двумя фрагментами дрота – круглого и квадратного сечения (рис. 1: 7, 8), причём у экземпляра № 8 заострён конец, что позволяет предположительно атрибутировать его как фрагмент браслета; бляшкой-скорлупкой (рис. 1: 9) и фрагментом украшения с пальметтой (рис. 1: 10) из белого металла. Изделие из железа – крючок (рис. 1: 11), один конец которого за-

[1] Памятник обнаружен коломенским краеведом Г. Якобсом, обследование проведено А.С. Сыроватко в 2017 г.

вёрнут в спираль. Возможно, предмет мог иметь вторую спираль на втором конце, в таком случае его можно считать очковидной подвеской. Керамических изделий три. Это фрагменты сильно ошлакованных тиглей (рис. 1: 12–14). Бóльшая часть предметов из коллекции указывает на ранний железный век (РЖВ), но два изделия – украшение с пальметтой и предположительно очковидная подвеска – могут быть моложе: эпохи

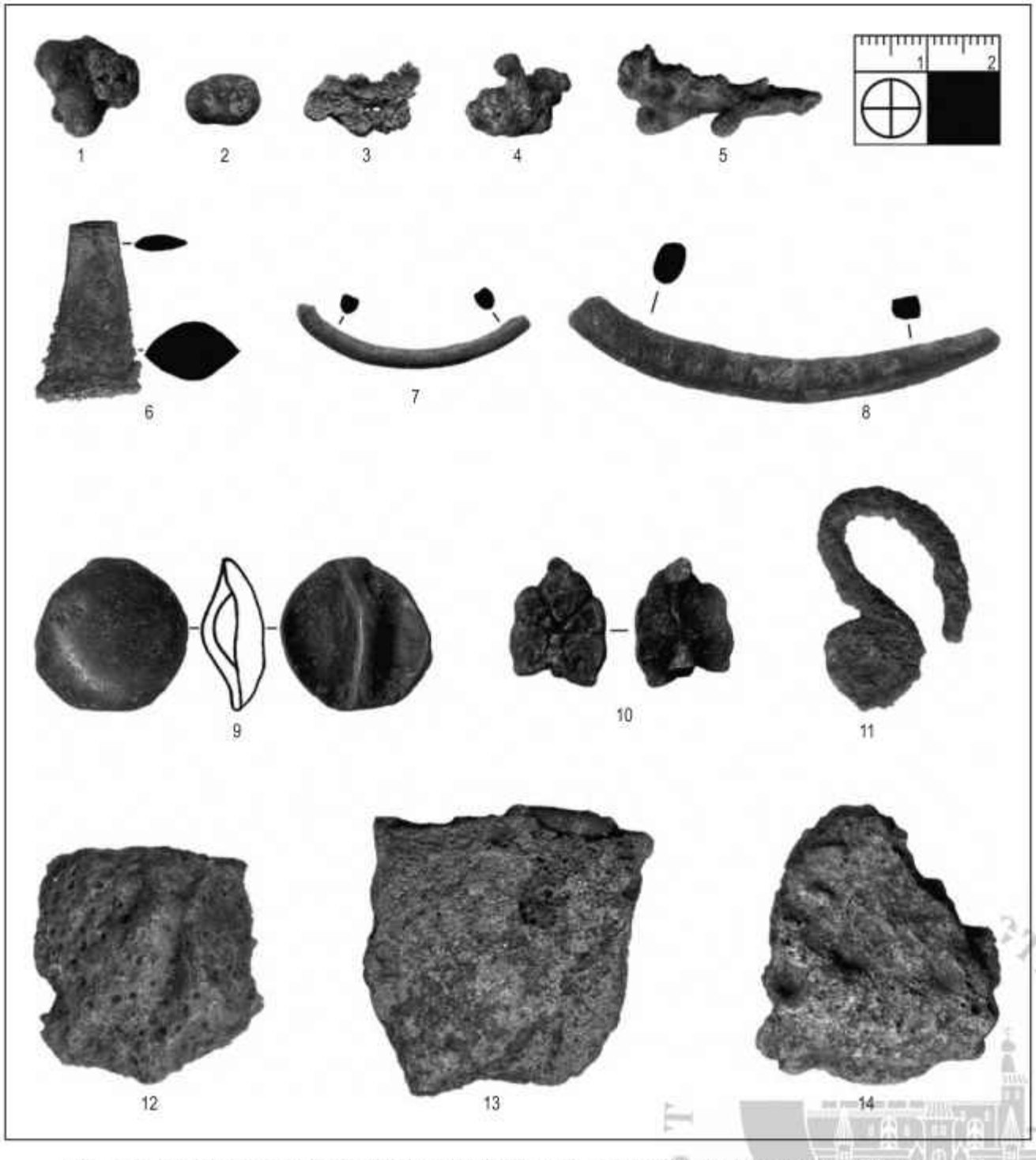

Рис. 1. Предметы из коллекции с городища «Чайка»: 1–5 – выплески цветного металла; 6 – литник; 7, 8 – фрагменты дротовых браслетов; 9 – бляшка-«скорлупка»; 10 – фрагмент украшения с «пальметтой»; 11 – изделие; 12–14 – фрагменты тиглей. 1–10 – цветной металл; 11 – железо; 12–14 – керамика

Великого переселения народов или даже Эпохи викингов. Однако заметим, что в керамической коллекции фрагменты сосудов этих периодов не встречены. Такой набор вещей, особенно отходов ювелирного производства и обломков тиглей, чрезвычайно схож с коллекцией с городища Свиридоново III [2]. Помимо близости керамических комплексов впечатление сходства усиливают также рельеф и близость обоих памятников к Ростиславлю. Следует упомянуть тот факт, что среди артефактов на городищах «каширской» группы довольно много аналогов «ювелирным комплексам» с «Чайки» и Свиридоново III: подвеска-лошадка из Ростиславля, литейные формы от умбоновидных украшений [5; 6; 7].

С целью определения состава сплавов металлических изделий был проведён металлографический анализ находок с применением растрового электронного микроскопа JEOL 6610 LV и энергодисперсионного анализатора элементного состава INCA Xact Oxford Instruments. Анализ показал основные компоненты сплавов металлических артефактов и дал представление об их однородности. Апробирование проводилось в процарапанной или зачищенной от окислов до металлического блеска зоне, анализ затрагивал материал изделия на глубину 1–2 мкм.

Изделия с городища «Чайка»

Обобщив результаты, можно разделить металлические предметы по составу сплавов на четыре основные группы (табл. 1). Первая группа – это изделия из чистой меди, их всего два. Вторая группа – два предмета из чистой оловянистой бронзы. Третья и самая многочисленная группа артефактов – из оловянисто-свинцовой бронзы. Содержание олова может колебаться от 10 до 30 %, свинца – от 1,5 до 25 %, причём преобладать могут как олово, так и свинец. Некоторые изделия демонстрировали неоднородность состава сплава на площади 2–3 кв. мм, что выражалось в разной концентрации меди, свинца и олова в соседних точках апробирования. Степень неоднородности сплава можно оценить по нескольким результатам анализа каждого изделия, приведённым в таблицах. К четвёртой группе относится одно оловянное изделие – возможно, литник. Причём следует отметить, что олово – чистое, без примеси свинца. Во всей группе изделий не были обнаружены следы серебра, цинка и других цветных металлов. Единственное железное изделие тоже демонстрирует высокую степень чистоты.

Как видно из результатов исследований (табл. 1), среди артефактов преобладают изделия из оловянисто-свинцовой бронзы. Оловянистая бронза и чистое олово также встречаются, но в меньшем количестве. Интересно, что в составе сплавов присутствуют сера или фосфор (сведения по этим элементам обобщены в табл. 2). Закономерность их присутствия такова: в оловянистой бронзе встречается сера, а в оловянисто-свинцовой – фосфор. Крайне редки артефакты, содержащие серу и фосфор одновременно. Вероятно, по каким-то причинам, оловянистая и оловянисто-свинцовые «бронзы» имели разное происхождение. Можно сделать предположение, что они были выплавлены из разной руды или по отличающимся технологиям.

Интересной особенностью бляшки-скорлупки и литника является высокое содержание олова на их поверхности. Как видно из таблицы 1, олово в поверхностном анализе преобладает по сравнению с анализом

Таблица 1. *Городище «Чайка». Химический состав металлических изделий*

Артефакт Нумерация по рис. 1	Состав сплава (%)		
	Cu	Sn	Pb
1. Выплеск	29,3 35,0	39,9 32,4	30,8 32,6
2. Выплеск	62,1 61,3	22,0 25,1	15,9 13,6
3. Выплеск (олово)	–	100	–
4. Выплеск	80,8 81,9	19,2 18,1	– –
5. Выплеск	61,6	15,0	23,4
6. Литник Поверхность литника	54,4 58,6 59,2 25,7	35,9 29,6 31,6 65,3	9,7 11,8 9,2 9,0
7. Ф-т браслета	79,5 78,7	8,1 10,4	12,4 10,9
8. Ф-т браслета	96,8 96,5	3,2 3,5	– –
9. Бляшка-скорлупка Петля бляшки Поверхность бляшки	64,9 48,5 51,3 23,9	27,1 20,0 31,8 67,1	8,0 31,5 16,9 9,0

Государственный объединенный музей

Таблица 2. *Городище «Чайка». Концентрация примесей серы и фосфора в металлических изделиях*

Артефакт Нумерация по рис. 1	Содержание примесей серы и фосфора (%)	
	S	P
1. Выплеск	–	2,5
2. Выплеск	–	–
3. Выплеск (олово)	–	–
4. Выплеск	–	–
5. Выплеск	–	2,4
6. Литник Поверхность литника	– – – –	1,3 1,0 1,2 1,5
7. Ф-т браслета	– –	0,8 2,1
8. Ф-т браслета	1,2 1,2	– –
9. Бляшка-скорлупка Поверхность бляшки Петля бляшки	– – –	2,9 1,0 0,7

в зачищенной зоне. Это распространённое и неоднократно описанное явление объясняется как высокой концентрацией олова в пограничных слоях отливки при содержании олова в сплаве более 8 %, так и неравномерным вымыванием олова и меди из корродирующего поверхностного слоя изделия [8–12]. Известно, что медь охотнее образует растворимые соли, в основном сульфаты, олово же при почвенной коррозии бронзы переходит в нерастворимый оксид, и относительная концентрация олова в патине увеличивается. Однако есть и ещё одно объяснение – лужение поверхности готового изделия. В пользу этой версии свидетельствуют наблюдения за составом металла изделий с городища Свиридоново III.

Изделия с городища Свиридоново III

Результаты исследований металлических артефактов с городища Свиридоново III приведены в таблицах 3 и 4. В таблице 3 указан общий состав сплава изделий, а на рис. 2 – сами предметы (номера в таблице соответствуют номерам на рис. 2). Точно так же, как и в выборке с городища "Чайка», в сплавах присутствуют либо сера, либо фосфор (данные по этим элементам приведены в таблице 5), и только в одном случае и

Таблица 3. *Городище Свиридоново III. Химический состав металлических изделий*

Артефакт Нумерация по рис. 2	Состав сплава, %		
	Cu	Sn	Pb
3. Бусина	95,6	4,4	–
4. Бусина	86,6 83,6	11,8 13,2	1,6 3,2
5. Ф-т пекторали	97,3 96,9 97,2	2,7 3,1 2,8	– – –
6. Ф-т пекторали	96,6 100	3,4 –	– –
7. Ф-т браслета	97,2	2,8	–
8. Ф-т браслета	100 100	– –	– –
9. Ф-т браслета	100 95,4	– –	– 4,6
10. Ф-т пластинчатого фигурного браслета	96,9 97,0	3,1 3,0	– –

Государственный объединенный музей

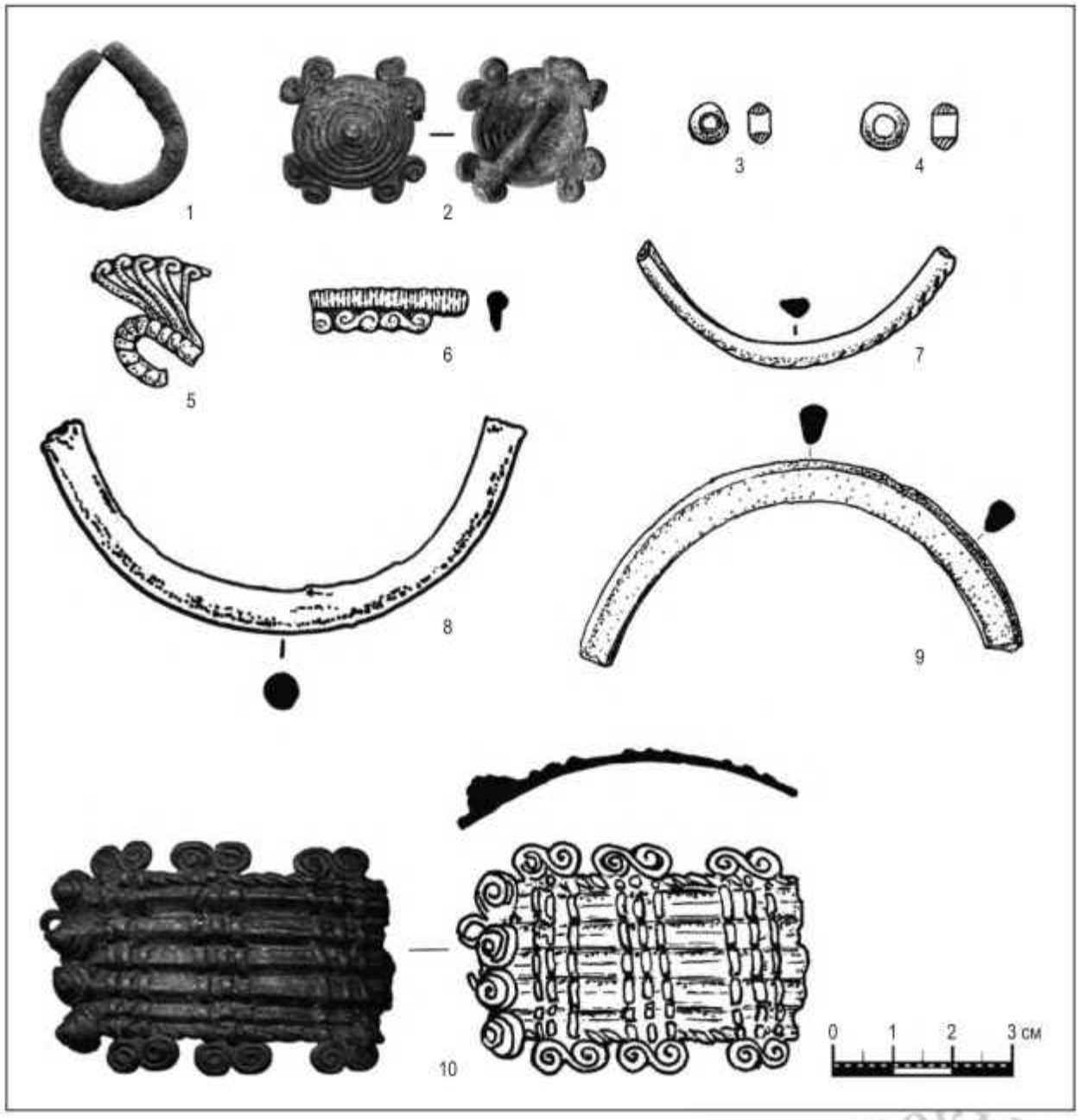

Рис. 2. Предметы из коллекции с городища Свиридоново III: 1 – изделие из медного сплава; 2 – нашивная бляшка «днепро-двинского стиля»; 3, 4 – бусины из медного сплава; 5, 6 – фрагменты пекторали; 7–10 – фрагменты браслетов из медного сплава

то и другое вместе (в предмете использован вторичный металл разного происхождения?). Таблица 4 – сравнение состава сплава и патины по содержанию олова и свинца. Проанализировав их распределение, можно предположить, что многие (но не все) изделия имели декоративное оловянное или оловянно-свинцовое покрытие (лужение). В пользу этой версии свидетельствует не только резкое увеличение содержания олова относительно меди в патине (до 1:4 в патине против 1:30 в сплаве), но и присутствие металлов, не обнаруженных в самом сплаве. Так, во фрагменте браслета (рис. 2: 9) сплав – чистая свинцовая бронза, в патине же свинец не наблюдается, хотя присутствует олово (рис. 2: 9, рис. 3). Сплав изделия № 6 (фагмент гривны или пекторали – рис. 2: 6) представляет собой оловянистую бронзу, но в патине наряду с повышением концентрации олова появляется свинец. Однако некоторые изделия, например фрагменты дротовых браслетов

Таблица 4. *Городище Свиридоново III. Сравнение состава сплава и патины по содержанию олова и свинца*

Артефакт Нумерация по рис. 2		Состав сплава, %		
		Cu	Sn	Pb
3. Бусина	Сплав	95,6	4,4	–
	Патина	84,4	15,6	–
4. Бусина	Сплав	86,6	11,8	1,6
	Патина	41,7	54,9	3,4
5. Ф-т пекторали	Сплав	96,3	3,7	–
	Патина	86,5	13,5	–
6. Ф-т пекторали	Сплав	96,6	3,4	–
	Патина	73,4	19,8	6,8
7. Ф-т браслета	Сплав	97,2	2,8	–
	Патина	95,0	5,0	–
8. Ф-т браслета	Сплав	100	–	–
	Патина	100	–	–
9. Ф-т браслета	Сплав	95,4	–	4,6
	Патина	88,9	11,1	–
10. Ф-т пластинчатого фигурного браслета	Сплав	97,0	3,0	–
	Патина	80,8	19,2	–

Таблица 5. *Городище Свиридоново III. Концентрация примесей серы и фосфора в металлических изделиях*

Артефакт Нумерация по рис. 2	Содержание примесей серы и фосфора (%)	
	S	P
3. Бусина	0,5	0,7
4. Бусина	0,8	–
5. Ф-т пекторали	– – –	0,7 0,7 0,6
6. Ф-т пекторали	–	2,2
7. Ф-т браслета	0,3	–
8. Ф-т браслета	–	0,8
9. Ф-т браслета	–	–
10. Ф-т пластинчатого фигурного браслета	–	–

№№ 7 и 8 (рис. 2: 7, 8), демонстрируют схожесть состава сплава и патины, что можно интерпретировать как отсутствие декоративных покрытий их поверхности.

Выводы

1. На первый взгляд, нами выявлена та же рецептура сплавов, которая известна по Троицкому и Настасьинскому городищам. Мы добавляем к ней данные ещё по двум памятникам, что увеличивает серию, но принципиально картину не меняет.

2. Однако факты наличия изделий из чистых металлов – и меди, и лигатур – могут свидетельствовать о доступе к исходным полуфабрикатам, а не только к лому. Из этого следует, что уровень знаний местного населения о ювелирном деле был выше, чем представлялось, и ювелиры умели сами составлять сплавы из чистых металлов.

3. Не менее важно, что вещи в нашей выборке, представленные в качестве лома, – отчётливого «днепро-двинского стиля». Никаких принципиальных отличий по составу сплавов от собственно дьяковских мы не видим. Либо население Верхнего Поднепровья пользовалось теми же технологиями и теми же пропорциями сплавов, либо основной источник металла, по крайней мере, для городищ Поочья, лежал на западе.

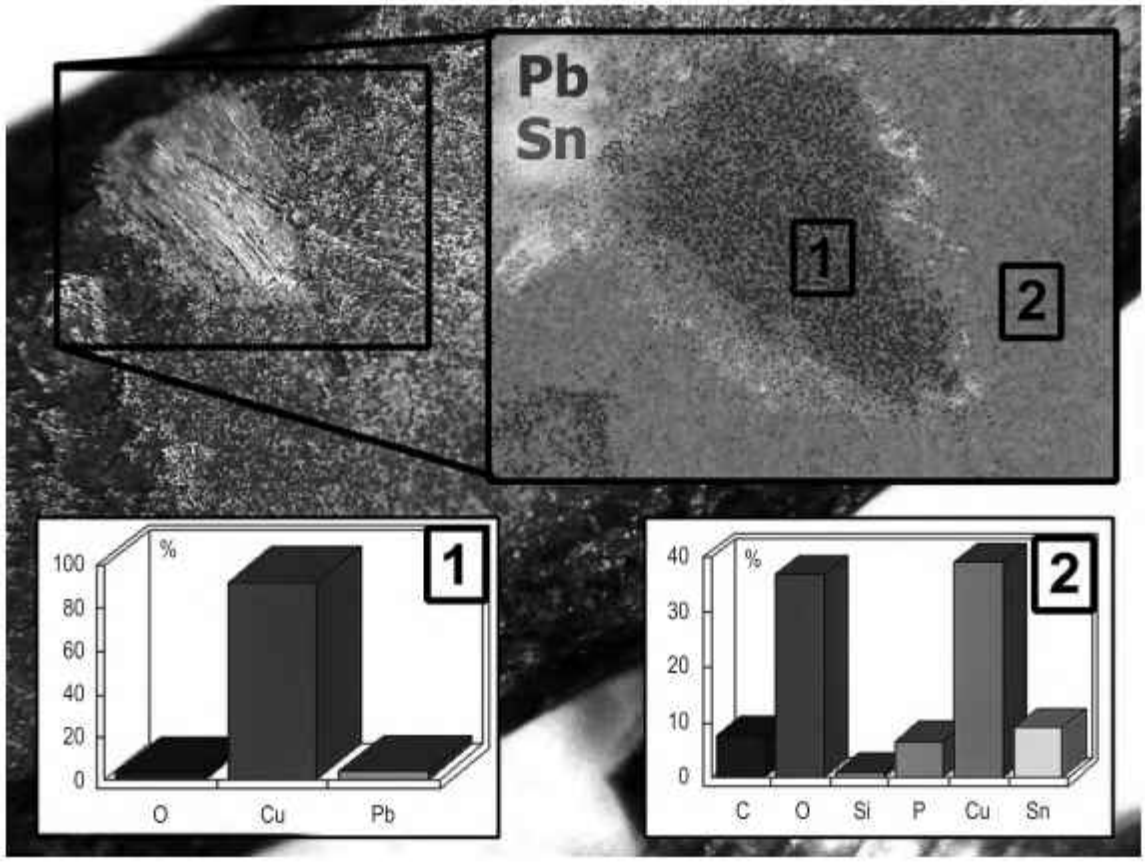

Рис. 3. Пример очевидного несоответствия состава сплава изделия и патины при рентген-спектральном элементном анализе: браслет б/н, городище Свиридоново III

4. Наша выборка продемонстрировала разные фоновые примеси (фосфор и серу), как правило (за исключением одного случая), не сочетающиеся в одном изделии, что мы склонны трактовать как маркёры разных источников металла. Однако нельзя исключать – до появления новых данных, – что эти элементы были введены в сплав в составе флюсов и раскислителей и указывают на разнообразие технологических приёмов бронзолитейного производства.

5. Повышенная концентрация олова на поверхности изделия может объясняться разными причинами. Но в нашей серии в двух случаях обнаружен разный состав самого сплава (олово на поверхности изделия из свинцовой бронзы и свинец на поверхности оловянистой), что мы, с долей осторожности, склонны всё-таки объяснять лужением готовых изделий. Помимо важной для реконструкции костюма подробности этот факт является дополнительным свидетельством в пользу умения дьяковского населения работать не только с ломом, но и с «чистыми» металлами, и применения их как для особых ювелирных приёмов, так и, возможно, в качестве компонентов для изготовления сплавов.

Аналитические работы, рисунок 3 и синтез материалов для таблиц №№ 1, 3, 4 проводились в рамках темы Государственного задания № 0148-2019-0006.

Авторы благодарят И.А. Сапрыкину (ИА РАН) за консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Обломский А.М., Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А.* Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. Вып. 226. 2012. С. 169–178.
2. *Сыроватко А.С.* Свиридоново III: памятник-загадка раннего железного века // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 220–227.
3. *Черных Е.Н., Барцева Т.Б.* Химический состав цветного металла Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1970. (МИА, № 156)
4. *Сыроватко А.С.* Несколько замечаний о границах локальных вариантов дьяковской культуры в контексте обнаружения нового городища // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 93–102.

Тверской государственный объединенный музей

5. *Сидоров В.В.* Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. I. Археология / Отв. ред. Н.В. Забигайло. Кашира: Каширский краеведческий музей, 2002. С. 22–47.
6. *Сапрыкина И.А.* Производственный ювелирный комплекс. Мутёнковское городище // Каширский край. Вып. II. Археология / Отв. ред. Н.В. Забигайло. Кашира: Каширский краеведческий музей, 2006. С. 60–65.
7. *Тавлинцева Е.Ю., Лопатина О.А.* Тигли и литейные формы Ростиславльского городища // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 5 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2009. С. 455–475.
8. *Равич И.Г., Бер Л.Б., Мухина Т.А.* Исследование микроструктуры и состава благородной черной патины на миниатюрных зеркалах сарматского времени // Исследования и консервация культурного наследия. Материалы научно-практической конференции. 12–14 октября 2004 г. ГосНИИР; М., 2005.
9. *Chase, W.T., Changsui, Wang, Minou, Suzuki.* Preliminary study on formation process and corrosion-resisting mechanism on Chinese black mirrors // International symposium «Archaeometry», 1996, May 20–24, Urbana, Illinois, USA, 1996.
10. *Meeks, N.* Patination phenomena on Roman and Chinese high-tin bronze mirrors and other artefacts // Metal plating and patination. Cultural, technical and historical development. Oxford, 1993.
11. *Shoukang, Zhu, Tangkun, He.* Studies of ancient Chinese mirrors and other bronze artefacts // Metal plating and patination. Cultural, technical and historical development. Oxford, 1993.
12. *Williams, W., Pankai, Sarin, Shangxui, Wang, Wisseman, S.* Interpretation of black surface of ancient Chinese bronze mirrors // 31st international simposium on archaeology, Budapest, 27 April – 1 may, 1998.

ФГБУН «Институт географии РАН», Москва

V.A. Shishkov, A.S. Syrovatko, A.A. Golyeva

THE CHEMICAL ANALYSIS OF ARTEFACTS AND CASTING WASTE FROM THE EARLY IRON AGE SETTLEMENTS ON THE MIDDLE OKA RIVER

Summary

Chemical analysis results of items were received with a scanning electron microscope and energy dispersive spectroscopy of elemental analysis. The artefacts were obtained guring the investigation of two Early Iron Age hillforts: 'Chaika' and Sviridonovo III (the right bank of the Oka River, Moscow Region).

The analysis shows phosphorus and sulfur impurities, which almost never come together, in tin and tin-lead bronze alloys. The phenomenon is interpreted as markers of different ore sources. This does not exclude the fact that sulfur and phosphorus could be added to the alloy as part of fluxes and that they indicate the diversity of bronze production techniques. Diverse alloy composition is also observed in some cases on the surface and inside the artefact that is explained by the tin or lead decorative coating.

Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of Geography", Russian Academy of Sciences, Building 4, 29, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia
V.A. Shishkov – E-mail: shishkov@igras.ru
A.S. Syrovatko – E-mail: sasha.syr@rambler.ru
A.A. Golyeva – E-mail: golyeva@igras.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

М.В. Иванищева

ПРЕДКИ КОМИ НА СРЕДНЕЙ СУХОНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СЕЛИЩА КРАСНОЕ-IV (САННОЕ) РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Статья представляет материалы селища Красное-IV (Санное), близкие к ванвиздинской археологической культуре, и более раннего времени, исследованного под руководством автора раскопками в среднем течении р. Сухоны в Тотемском районе Вологодской области. Дано описание выявленных объектов, хозяйственно-бытового инвентаря, предметов, связанных с обработкой чёрного металла, керамики. Сравнительный анализ керамического материала и инвентаря позволяет предполагать длительное обитание финно-пермского населения с гляденовского времени до раннего Средневековья и датировать селище первой половиной – третьей четвертью I тыс. н. э., ограничив верхнюю дату VIII в. В статье также даётся краткий обзор археологических данных по региону, демонстрирующих значимость восточно-финского компонента на протяжении всего раннего железного века и раннего Средневековья в бассейне Сухоны.

DOI: 10.70203/6102.2024.49.61.014

Памятники раннего Средневековья на территории Среднего Посухонья, расположенного в пределах южной части исторического Заволочья, долгое время не были известны [1, с. 29–30], что послужило основанием для представлений о слабой заселённости этих территорий до славяно-русской колонизации [2, с. 102–104]. В силу малой изученности памятников раннего железного века утвердилась точка зрения о значительном прибалтийско-финском компоненте в материальной культуре населения Среднего Посухонья в середине – третьей четверти I тыс. н. э. [3, с. 30–31]. Исследованиями последних десятилетий в бассейне Средней Сухоны на р. Толшме открыт ряд раннесредневековых селищ, оставленных финно-пермским населением. Результатам археологического изучения одного из них посвящена данная статья.

Селище Красное-IV (Санное) расположено на правом берегу реки Толшмы в 2,5 км к юго-востоку от д. Красное Толшменского сельского поселения Тотемского муниципального района Вологодской области и в 3 км выше впадения реки в Сухону. Памятник расположен на мысу в излучине нижнего течения притока южнее петлеобразной старицы (рис. 1). У местных жителей мыс носит название Санный, так как в послевоенные годы или ранее здесь изготавливали сани.

Площадка памятника занимает мыс коренного берега реки, выступающий на запад от основного направления коренника: с северо-запада на юго-восток. Пойменный луг отделяет мыс от современного русла реки, удалённого на 100 м к югу и 150 м к западу. Высота площадки памятника над поймой 5 м. Площадь памятника около 400 кв. м. С юга вплотную к основанию мыса примыкает заболоченная старица. По-видимому, в древности селище располагалось непосредственно у русла реки (рис. 2). Южный и западный склоны мыса крутые, возможно, эскарпированы. По северной стороне мыса с поймы поднимается лесная дорога, выходящая на старинный Никольский тракт, связывавший ранее Тотемскую округу с Солигаличем. Селище открыто в 1992 г. Л.С. Андриановой, в 2006, 2008, 2009 гг. исследовалось раскопками автором статьи. Двумя раскопами общей площадью 112 кв. м вскрыты юго-западная часть площадки на оконечности треугольного мыса и частично отложения на западном склоне.

Стратиграфически на памятнике выделяются два слоя. Под незначительным дерновым покровом (0,05–0,08 м) залегала серая золистая супесь, наиболее мощная в центральной части, где её толщина достигала 0,25 м, уменьшаясь в направлении к западному и южному склонам до 0,08 м. В ней обнаружены предметы, связанные с недавним прошлым: скобы для крепления саней, медная пуговица 30-х гг. XX века, обломок серпа. В нижнем уровне серой супеси выявлены пятна интенсивно-золистого цвета, которые, по-видимому, маркировали остатки древних кострищ, связанных с верхним культурным слоем, частично нарушенным в первой половине XX века.

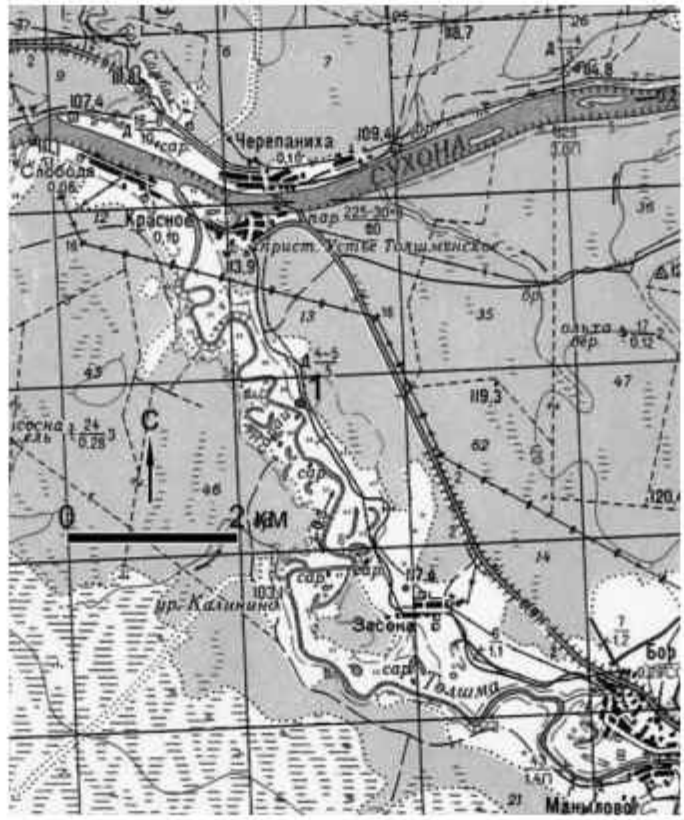

Рис. 1. Селище Красное-IV (Санное). Место расположения памятника (•1)

Ниже залегал слой серо-коричневой супеси мощностью 0,12–0,3 м. С ним связано основное количество керамики и вещевого инвентаря, которые концентрировались в выявленных объектах (рис. 3). На склоне мощность этого слоя достигала 0,5 м. Материк представлен плотной жёлто-коричневой супесью с пятнами подзола. Подстилающие литологические отложения в виде красного и белого суглинка и белёсого песка вскрыты при прокопке на различных участках площадки. Выявленные в серо-коричневой супеси объекты представлены в основном ямами. Ямы заглублены в материк и заполнены тёмно-серой супесью с угольками, иногда содержали очажные камни, но чаще были без них. По характеру заполнения среди ям выделяются очаги, кострища, хозяйственные ямы и другие объекты.

Конструкции

Кострища 1–4 представлены пятнами с интенсивно-тёмным углисто-золистым заполнением, в ряде случаев с включением прокалённого грунта. Они имели овальную или прямоугольную форму и в основном линзовидное сечение (табл.). С ними связаны металлические изделия, стеклянные бусы, железные окалины и пластины, обломки тиглей (рис. 3).

Таблица. *Характеристика кострищ селища Красное-IV (Санное)*

№ кострища	Квадрат	Размер кострища, см	Форма костища, форма разреза	Максимальная мощность линзы кострища, см	Размер прокала, см	Максимальная мощность линзы прокала, см
I	Б,В-4, 5	180×150	Округлая, линзовидная	20	40×40	8
II (вскрыто частично)	Б*-1, 2	180×(80)	Овальная, воронкообразная	10–15	–	–
III (вскрыто частично)	В*-5	180×(100)	Прямоугольная, линзовидная	10–15	–	–
IV	Б*,В*-3, 4	230×150	Прямоугольная, ?	10	–	–

Государственный объединенный музей

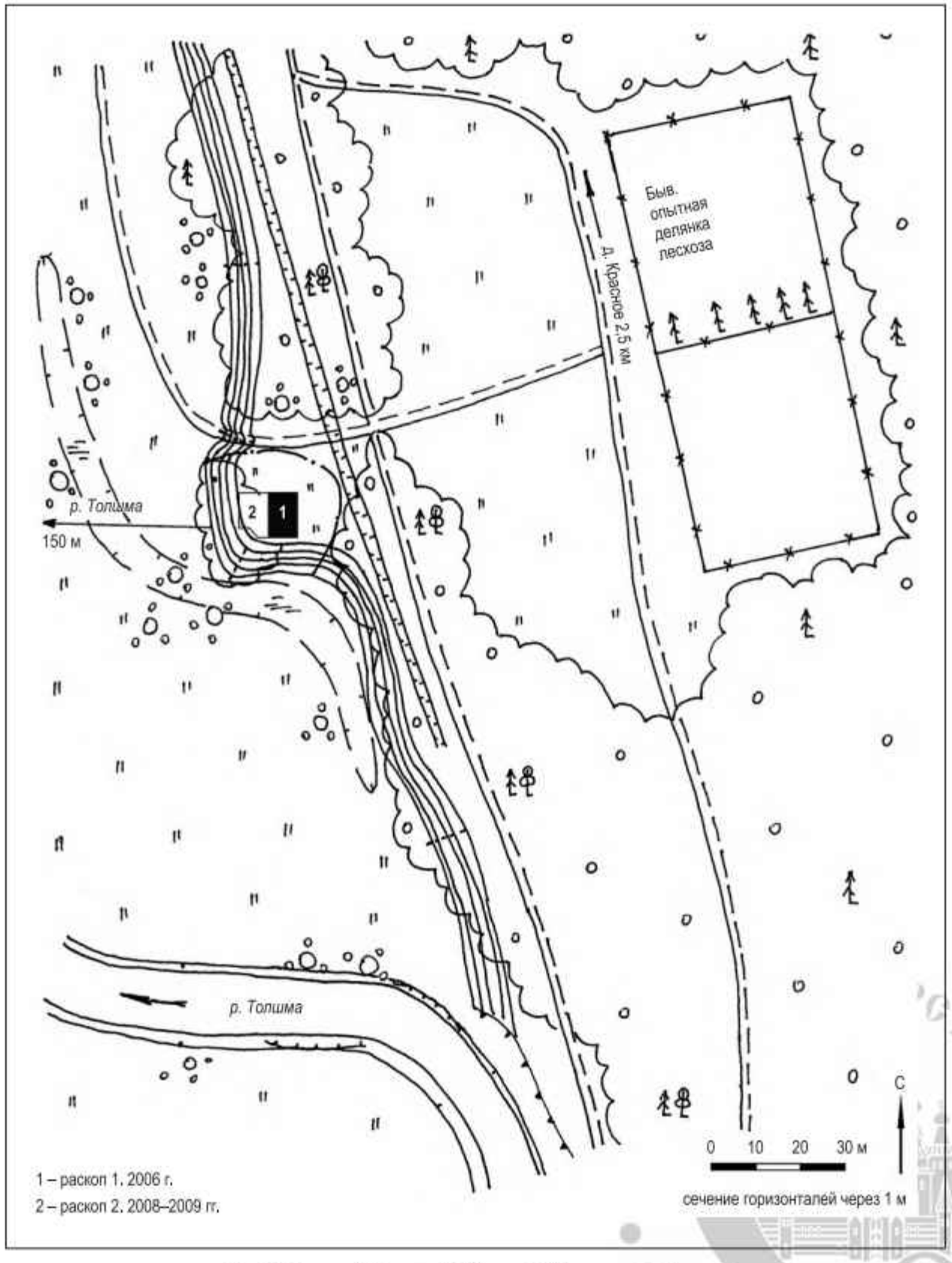

Рис. 2. Селище Красное-IV (Санное). Ситуационный план

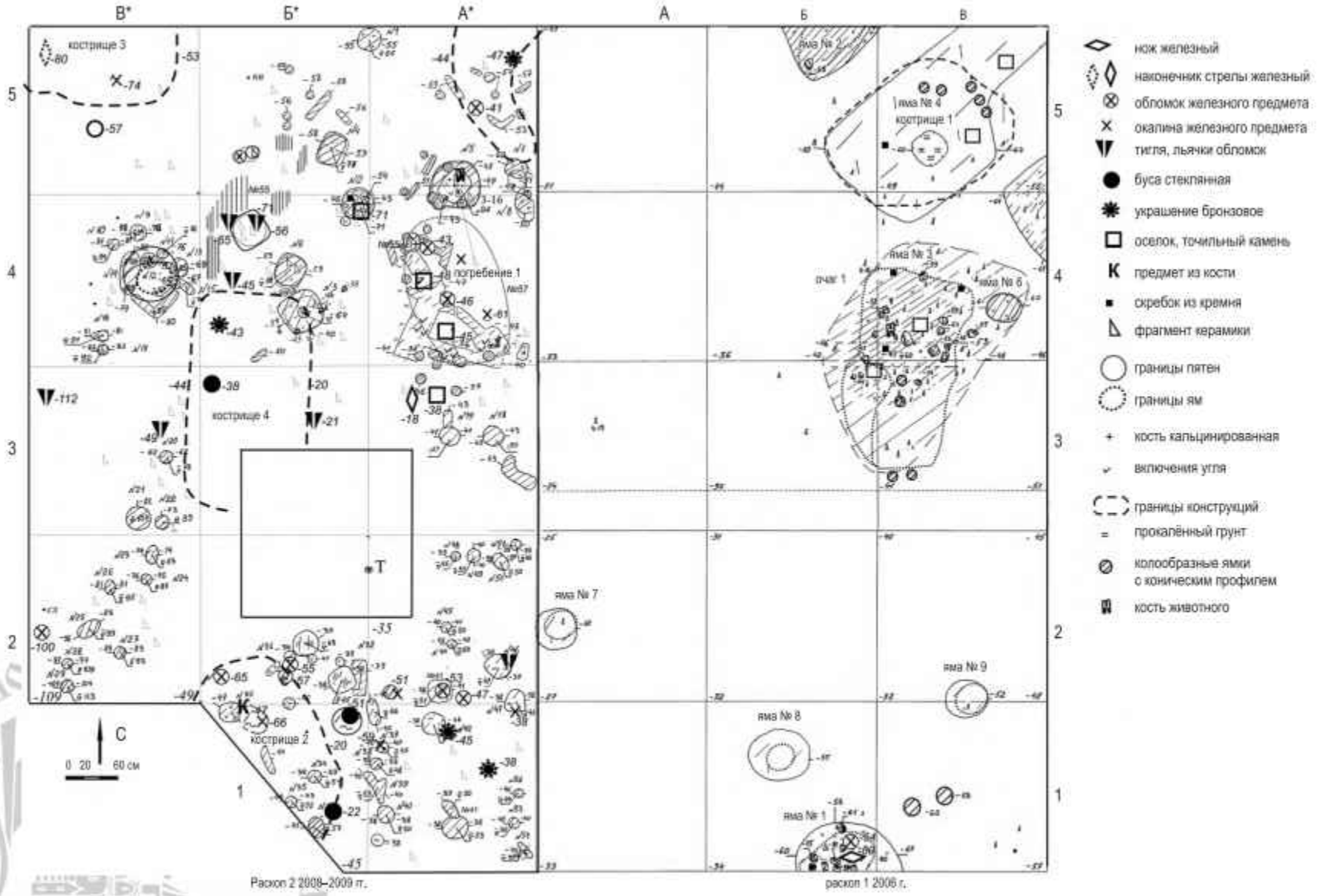

Рис. 3. Селище Красное-IV (Санное). План выявленных объектов

Очаг 1 выявлен в центральной части площадки в северо-восточном углу раскопа 1 в серо-коричневой супеси. Очажные камни концентрировались в яме прямоугольной формы размерами 1,2×1,2 м и глубиной 0,3 м. С юга к нему прилегала яма-зольник (яма № 3 раскопа 1). Небольшие колообразные ямки, расположенные на уступе западной стенки очага и вокруг зольника, указывают на существование каких-то деревянных крепёжных конструкций. В очаге сосредоточены фрагменты не менее 13 сосудов, найдены зуб животного (лося) и немногочисленные предметы каменного инвентаря, в том числе точильные плитки.

Яма № 1 выявлена у южной стенки раскопа 1, вскрыта частично на длину 0,6 м. Она опущена из слоя серо-коричневой супеси, имела овальную конфигурацию в верхней части и прямоугольную в нижней, чашевидный профиль и была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Яма имела ширину 0,9 м на уровне материка, почти отвесные стенки и была заглублена в него на 0,4–0,5 м. Два уровня заполнения ямы отмечены углистыми линзами, верхняя из которых толщиной 0,18 м содержала колотые очажные камни и золистые включения. Слой углистой супеси зафиксирован и на дне ямы. В нижнем уровне ямы обнаружены железный нож и фрагменты 5 сосудов, в верхнем – обломок железного шила. Характер ямы требует уточнения.

Серия ямок в юго-восточной части раскопа 2 примыкала к кострищу 2 (рис. 3). Ямки диаметром 0,2–0,3 м, глубиной 0,1–0,15 м прямоугольной и овальной формы с чашевидным профилем были заполнены серовато-золистой супесью, иногда с примесью органики. С ними связаны оплавленные бусы, бронзовые украшения, окалины и обломки железных предметов. В ряде случаев в них прослежены пылевидные включения кальцинированных костных остатков.

Из конструктивных деталей, связанных с организацией пространства, следует отметить серию ямок, расположенных цепочкой по краю западного склона по линии юго-запад – северо-восток. Округлые, с плоским или чашевидным дном ямы диаметром 0,18–0,25 м, заполненные сероватой супесью с включением угольков, могли быть столбовыми (№№ 1, 4, 21, 25 и др.). Расположенные между ними колообразные ямки округлой формы диаметром 0,1–0,13 м с коническим профилем, глубиной 0,07–0,15 м, скорее всего, остались от жердей. Обращает на себя внимание концентрация подобных ямок вокруг или рядом с выявленными конструкциями, что может указывать на существование построек каркасного типа, а также ограждений типа частокола.

В северной части раскопа 2 вскрыта **производственная площадка** с ямами (ямы №№ 2, 3, 5, 55), содержавшими включения очажных камней (яма № 3), угольков, керамики. В ряде случаев на дне ям прослежен прокалённый грунт. На поверхности ямы № 55 и в её заполнении найдены фрагменты тигля. На поверхности ямы № 5 – кости животного (лося). В яме № 2 наряду с очажным обнаружен точильный камень. В непосредственной близости к этим ямам собраны предметы производственного характера: фрагменты тиглей, литейной формы, окалины железных предметов, продукты металлообработки – бронзовое украшение (рис. 3).

Могильная яма (№ 57), овальная в верхнем и прямоугольная в нижнем уровнях, выявлена юго-восточнее производственных ям у восточной стенки раскопа 2 (рис. 3, 4). Верхний уровень ямы представлен мешаной серо-жёлтой супесью, на фоне которой выделялись полосы тёмного цвета и пятна с включениями угольков. По периметру большой ямы прослежены округлые конического профиля ямки диаметром 0,07–0,1 м с тёмным, иногда с включением угольков, заполнением, которые могли быть остатками внешней оградительно-опознавательной конструкции.

При расчистке ямы в западной её части прослежены участки золисто-углистой засыпки с включением кальцинированных костей, встречены отдельные фрагменты керамики, окалины железных предметов, обломки оселков, железные предметы. В верхнем уровне ямы под засыпкой прослежено своеобразное перекрытие прослойкой из белой глины. Нижний уровень ямы заполнен перемежающимися прослойками жёлто-коричневой супеси и песка с включениями угольков. Прямоугольная со скруглёнными углами яма чётко проявилась на уровне материка, она была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток и имела размеры 1,8×1,05 м, сужаясь ко дну до 0,4 м. Южная стенка уступом опускалась к неровному дну. Глубина ямы 0,5–0,7 м. С моей точки зрения, яма может быть интерпретирована как могильная.

Поиски аналогий выявленным объектам уводят нас на Европейский Северо-Восток (ЕСВ) и обращают к древностям ванвиздинской культуры и предшествующего гляденовского времени. Для интерпретации и датирования выявленных сооружений обратимся к полученному инвентарю, который представлен орудиями промысла, хозяйственно-бытовыми и связанными с металлообработкой предметами, украшениями и керамикой.

В числе **хозяйственно-бытовых изделий** – железный нож в костяной рукояти. Длина сохранившейся части 8 см, ширина 0,8 см. Изделие имеет черенок, почти в два раза более короткий, чем лезвие, слегка изогнутую спинку и плавный уступ со стороны лезвия при переходе от черенка к клинку (рис. 5: 2). Он близок ко второй группе ножей, обнаруженных на памятниках ванвиздинской культуры [4, с. 434], в том числе в материалах поселения Угдым-2 на Вычегде её раннего этапа (VI–VII вв. н. э.) [5, рис. 28: 14]. Ножи небольших размеров с плавно изогнутой спинкой и плавными уступами при переходе от черенка к клинку известны и в предшествующее гляденовское время на средневычегодских поселении Пожегдин-II и в могильнике Джуджидъяг [6, с. 370, 391, рис. 7: 3; 5, рис. 16: 33]. Небольшой стержень, округлый в сечении, являлся, скорее всего, обломком шила (рис. 5: 3). Другая часть хозяйственно-бытовых предметов представлена изделиями из камня – точильными камнями и оселками, а также кремнёвыми скребками (рис. 6), использование которых зафиксировано у финно-пермских народов вплоть до Средневековья [5, с. 129].

Промыслово-охотничий инвентарь включает железный наконечник стрелы. Общая длина изделия 9 см, длина насада 2,5 см (рис. 5: 1). Он близок к плоским наконечникам с гранёным пером треугольной формы и усечённым основанием (по типологии В.Ф. Генинга), идентичен по размерам найденному на Гляденовском костище на Средней Каме [7, с. 143, рис. 33: 6], функционировавшем с IV в. до н. э. по IV–VI вв. н. э. Близкий

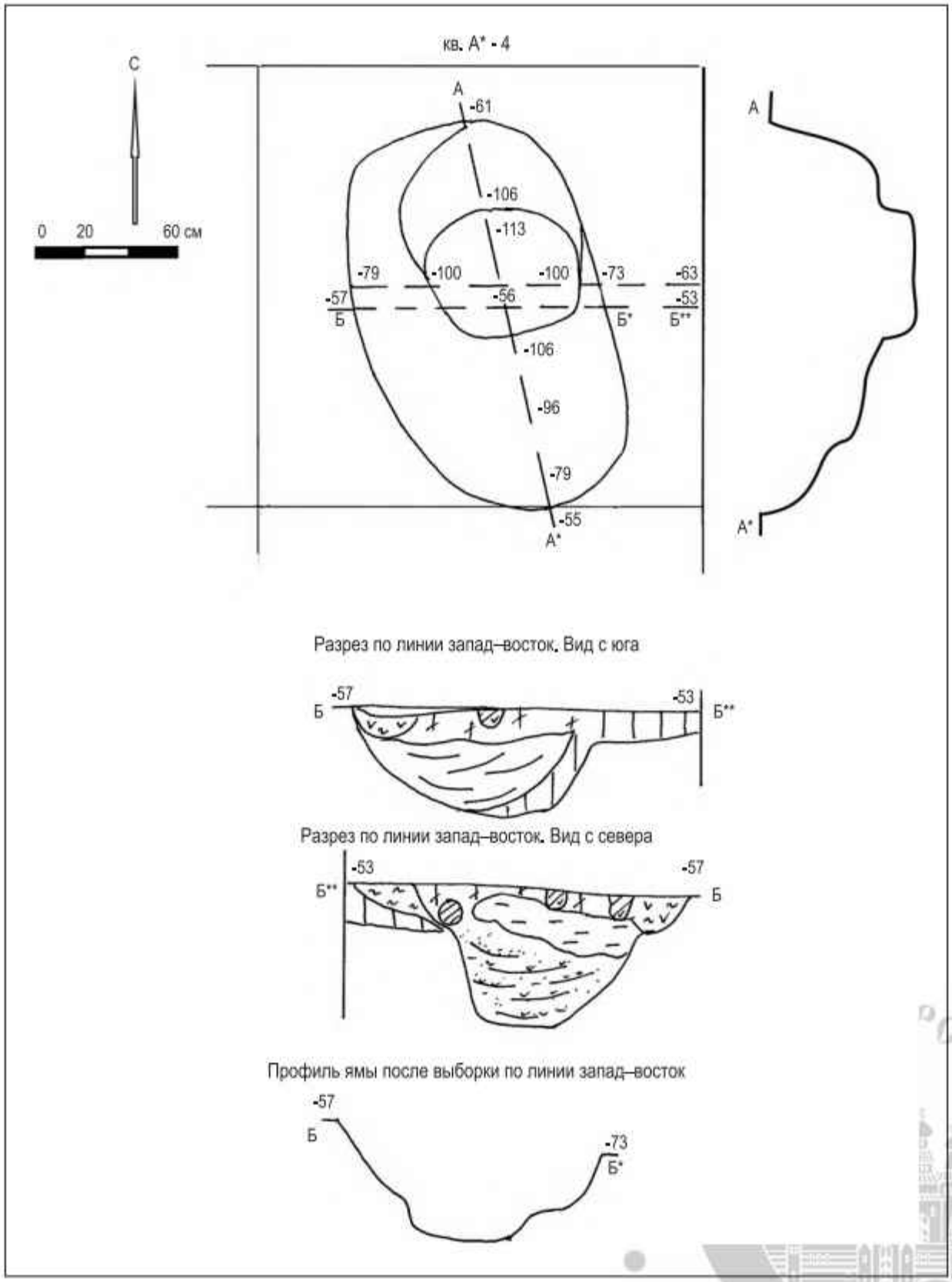

Рис. 4. Селище Красное-IV (Санное). Могильная яма. План, разрезы

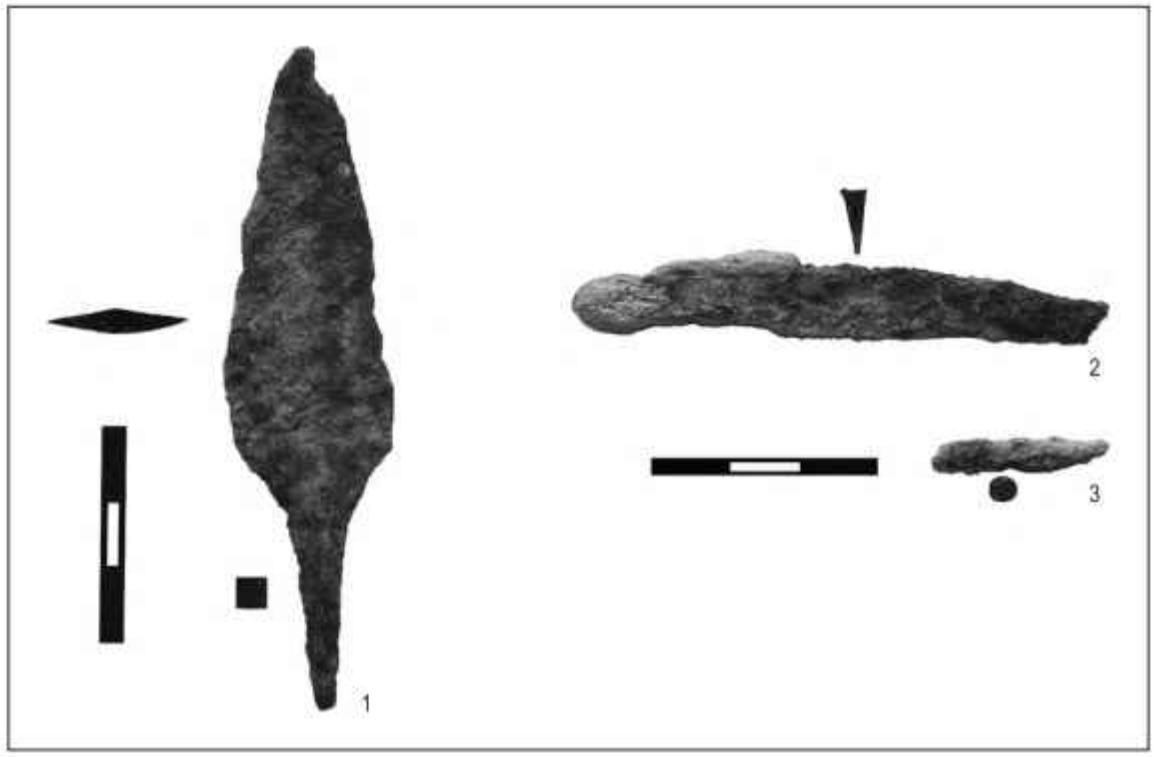

Рис. 5. Селище Красное-IV (Саинное). Железные изделия:
1 – наконечник стрелы; 2 – нож; 3 – шило. 1 – кострище 3; 2, 3 – яма № 1 раскопа 1

по пропорциям наконечник ромбической формы с прямыми сторонами и расширением в нижней половине пера, с шиловидным черешком (тип 3 по типологии Р.Д. Голдиной) происходит с верхнекамского городища Шудьякар, ломоватовский комплекс которого датирован в рамках VII–IX вв. н. э. [8, с. 74–75, табл. XLII – 1]. На памятниках Верхней Камы этот тип наконечников распространён с рубежа эпох по XIII в. [8, с. 56].

Фрагмент костяного изделия со шлифованной внешней поверхностью (рис. 7: 1), скорее всего, является частью наконечника, шестигранного в сечении. Заготовка такого наконечника происходит с поселения Пожегдин-II [6, с. 392, рис. 8: 10], готовые экземпляры известны на поселении Джиджидъяг в позднегляденовское время [5, рис. 16: 22, 24] на ЕСВ и в Гляденовском костище [7, с. 146, рис. 33: 18, 21, 22].

Фрагментированные железные предметы позволяют говорить о характере обработки металла. Пластина с резаными краями, в которой может быть усмотрен обломок двушипного наконечника (рис. 7: 2), и дугообразный предмет (рис. 7: 3) отражают технологию, распространённую в раннем железном веке и раннем Средневековье, указывая на относительно ранний характер обработки чёрного металла. Ещё один предмет в виде изогнутой пластины может быть обушковой частью проушного топора (рис. 7: 7), другой – втульчатого (рис. 7: 10).

В материалах селища представлены **украшения из бронзы**. Правда, все они деформированы из-за термического воздействия, оплавлены или фрагментированы, в силу чего типы вещей определяются не безусловно. Бляшка с тремя округлыми сферическими мелкими выпуклинами и с крепёжной пластинкой-скобкой (рис. 8: 3) находит аналоги в дьяковских древностях первой половины – середины I тыс. н. э., хотя подобные изделия имели распространение и в более позднее время. Бляшки являются наиболее массовой категорией украшений на памятниках гляденовского времени ЕСВ [6, с. 373]. Аналоги сложной (рис. 8: 3) и фигурной (рис. 8: 4) бляшкам известны в Адакской 1 пещере [6, с. 393, рис. 9: 4, 5], где относятся к позднегляденовскому времени в рамках III–V вв. н. э. Идентичные сложной трёхчастной бляшке изделия происходят с ряда памятников пьяноборской культурно-исторической общности (КИО) в Южном Приуралье и на Вятке. Они известны в комплексах III в. до н. э. – II в. н. э. Охлебининского могильника, где составляли часть поясного набора [7, с. 77, 80, рис. 18: 16], в составе Ильнишевского клада первых веков новой эры [9, с. 462, рис. 7: 8, с. 466] и в вятских могильниках рубежа эр [9, с. 529, рис. 2: 4].

Два оплавленных предмета являлись, возможно, фрагментами круглой бляхи (рис. 8: 2) и привески (рис. 8: 1), также известных в материалах гляденовского времени с различных территорий.

Стеклянные бусы представлены двумя оплавленными экземплярами шаровидной формы диаметром 1,8 см, имеют чёрный с блеском на сломе цвет (рис. 8: 6, 7).

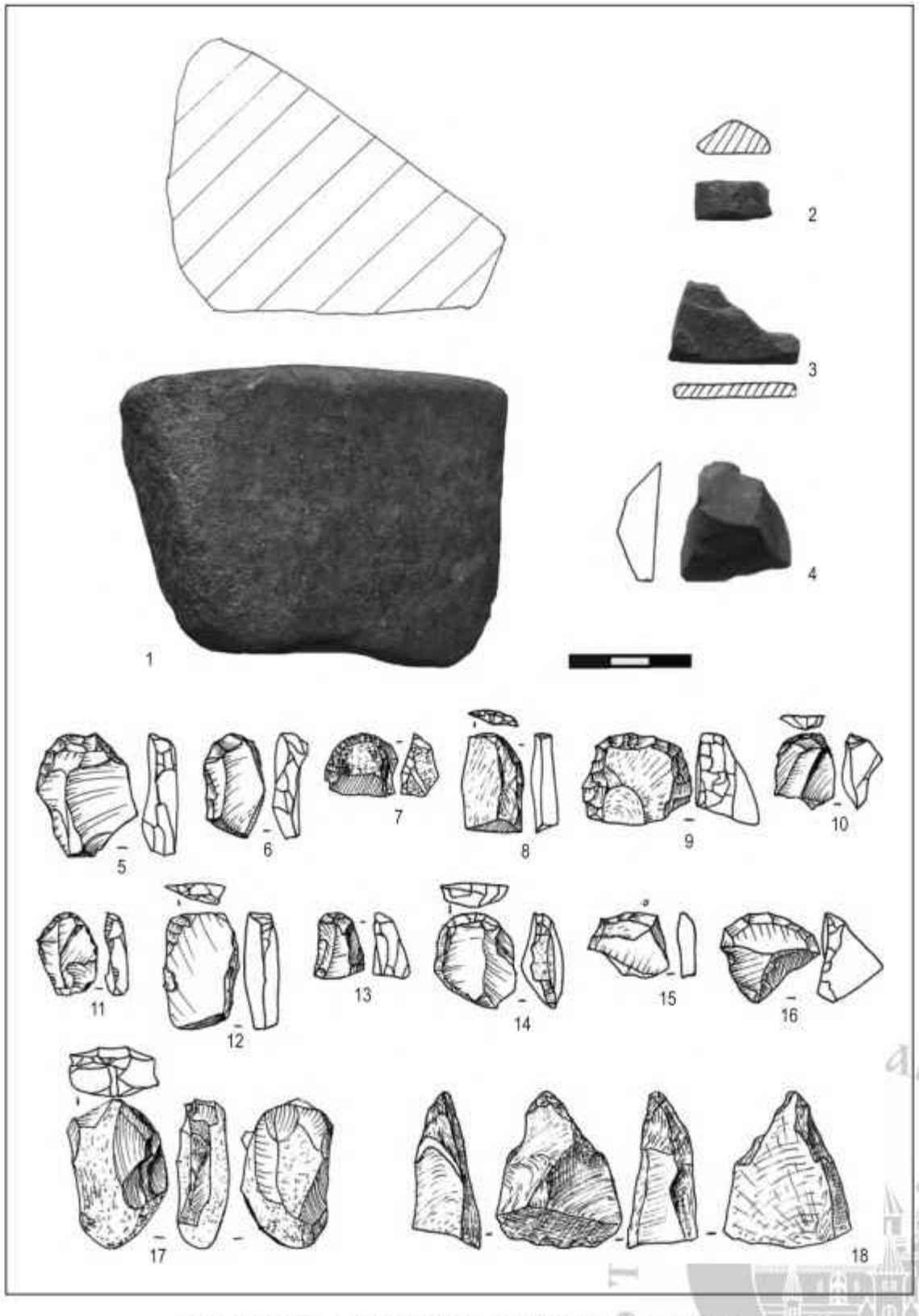

Рис. 6. Селище Красное-IV (Санное). Каменный инвентарь:
1 – точильный камень; 2, 3 – обломки оселков; 4 – орудие; 5–17 – скребки; 18 – сверло. 1–3 – сланец; 4–17 – кремень; 18 – опока. 1–4, 8–12, 18 – горизонт 3; 5–7 – горизонт 2; 13, 14, 16, 17 – яма № 3; 15 – яма № 4

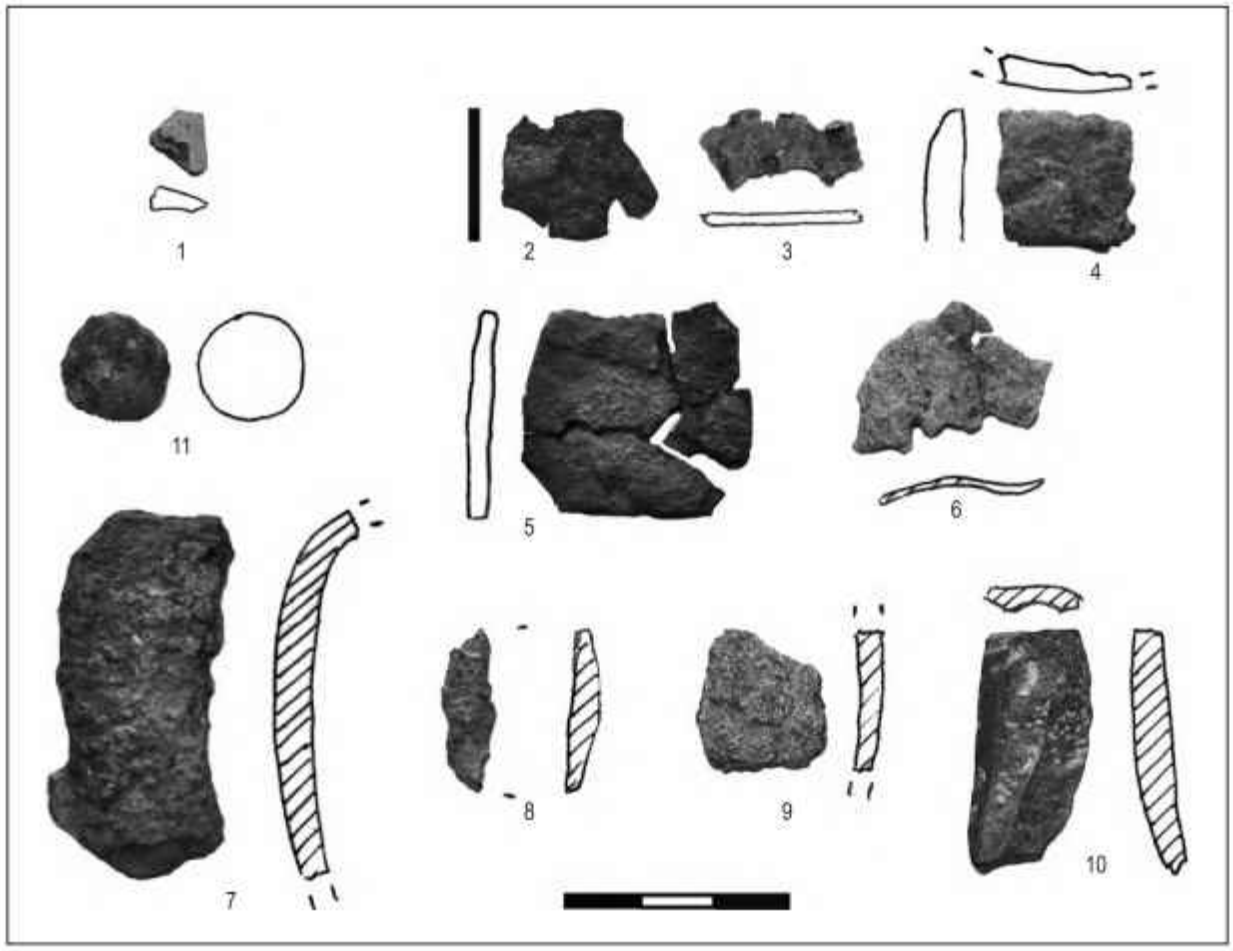

Рис. 7. Селище Красное-IV (Санное). Находки:

1 – фрагмент наконечника стрелы; 2–10 – фрагменты пластин и изделий; 11 – шарик. 1 – кость; 2–11 – железо. 1 – яма № 30; 2 – кострище 3; 3, 5 – яма № 57; 4 – кв. А*-5; 6 – кв. В*-2; 7 – яма № 31; 8 – яма № 41; 9 – кв. А*-2; 10, 11 – кв. Б*-1

В числе **предметов, связанных с металлообработкой,** фрагменты семи изделий, шесть из которых представляли собой части тиглей и льячек, а один являлся обломком литейной формы. Показательны рюмкообразные тигли (рис. 9: 1, 2). Этот тип широко распространён на памятниках ванвиздинской культуры в бассейне Вычегды, многочисленны они на поселении Вис-II [10, с. 149, с. 217, табл. XXXIII: 23, 24, 26; 5, рис. 28: 22]. Этот тип тиглей встречается и на гляденовских памятниках ЕСВ [6, с. 371]. Другой тип тиглей представлен фрагментами двух изделий полуяйцевидной формы (рис. 9: 4, 5) и фрагментами плоскодонных изделий крупных размеров (рис. 9: 3, 6), аналоги которым известны в раннесредневековом комплексе поселения Угдым-II [5, с. 112, рис. 28: 21, 29, 30]. Льячки полуяйцевидной формы есть также в славянских древностях VI–IX вв. [11, с. 12–15, табл. LXVI].

Небольшое изделие с внутренним каналом, скорее всего, являлось обломком литейной формы (рис. 9: 7).

Таким образом, найденный инвентарь даёт основание к датировке выявленных объектов в рамках раннего железного века и раннего Средневековья. Уточнение датировки возможно по керамике.

Керамика является наиболее многочисленной категорией находок на селище и представлена фрагментами не менее чем 72 сосудов. Она сильно измельчена.

По форме это в основном широкогорлые чаши закрытой, редко – открытой формы (рис. 10, 11). Половина сосудов имела намеченную шейку, одутловатые стенки и округлое или приплощённое дно. Есть экземпляры чашевидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком. Толщина стенок сосудов 0,3–0,8 см. Основная примесь – дресва. Единичны сосуды с примесью слюды и органики, кварцевого песка. Есть рецептура с различными примесями. Венчики прямые, овальные, редко грибовидные симметричные или внешне- и внутренне-асимметричные. Незначительная часть венчиков оформлена нависающим снаружи бортиком. Встречены приострённые венчики. Скорее всего, посуда была орнаментирована лишь в верхней части. Цвет черепков – от светло-серого до тёмно-коричневого, часть фрагментов – с нагаром. Выделяются сосуды крупных размеров с горловиной диаметром 24–28 см, небольшие и средних размеров с горлом диаметром 8–12 см и 20 см.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

По характеру орнаментации выделены 6 групп керамической посуды (рис. 12).

Группа I включает 18 сосудов без орнамента или с орнаментом только по торцу венчика, состоящим из ямчатых вдавлений, наклонных гребенчатых оттисков, оттисков двузубого штампа и насечек (рис. 12: I: 13–16; рис. 10: 1–3, 14–16; рис. 11: 1–7). В основном это чашевидные сосуды закрытой формы с короткой намеченной шейкой. Единичны сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 12: I: 1, 2). Поверхность некоторых покрыта беспорядочной штриховкой (рис. 10: 2, 16; рис. 11: 3–5). Незначительная часть венчиков оформлена внешним наплывом (рис. 10: 16; рис. 11: 2, 7). Чашевидные изделия со слегка отогнутым наружу венчиком представлены в ранних комплексах ванвиздинских поселений на Вычегде Шойнаты III, Угдым II,

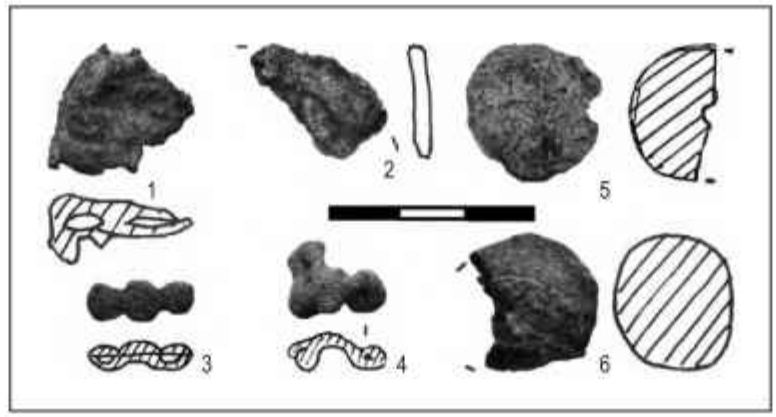

Рис. 8. Селище Красное-IV (Санное). Украшения: 1 – обломок пронизи (?); 2 – обломок круглой бляхи (?); 3, 4 – бляшки; 5, 6 – бусы. 1–4 – бронза; 5, 6 – стекло. 1 – яма № 41; 2 – кв. А*-1; 3, 6 – кострище 4; 4 – кв. А*-5; 5 – яма № 33

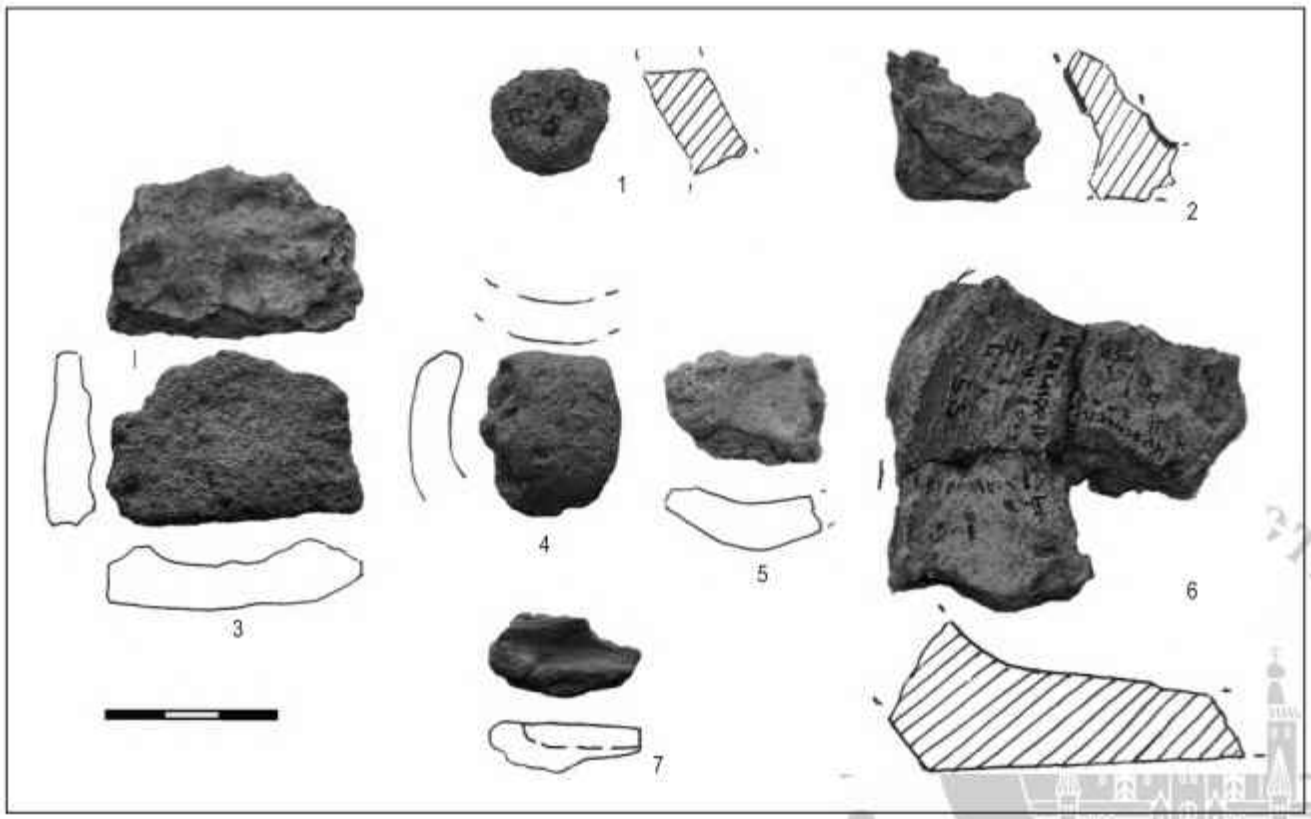

Рис. 9. Селище Красное-IV (Санное). Инструментарий металлообработки:
1–6 – фрагменты тиглей; 7 – фрагмент литейной формы. Глина. 1, 5 – яма № 55; 2 – кв. В*-3; 3, 4, 6, 7 – кострище 4

Рис. 10. Селище Красное-IV (Санное). Раскоп 1. Керамика. Фрагменты сосудов: без орнамента (1–3, 10, 14–16); с ямочным (4–5, 8, 11, 12, 13, 17); гребенчато-шнуровым (9, 18); гребенчато-зубчатым (19–21); зубчато-ямочным (6, 7, 22, 23) орнаментом. Фрагменты с примесью: дресвы (1–9, 11–23); дресвы и кварцевого песка (10). 1–10 – яма № 1; 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20–23 – очаг 1; 13, 16, 19 – предматериковый слой

отложившихся не позднее VI в. н. э. [5, с. 127]. Неорнаментированную посуду с внешним наплывом на венчике принято относить к более позднему, тохтинскому этапу этой культуры [5, с. 431].

Группа II включает 11 сосудов с ямочным орнаментом, состоящим из поясков ямчатых вдавлений (плоской ямки, мелкой конической, тычковой) без группировки (рис. 12: II). Орнамент располагался чаще под вен-

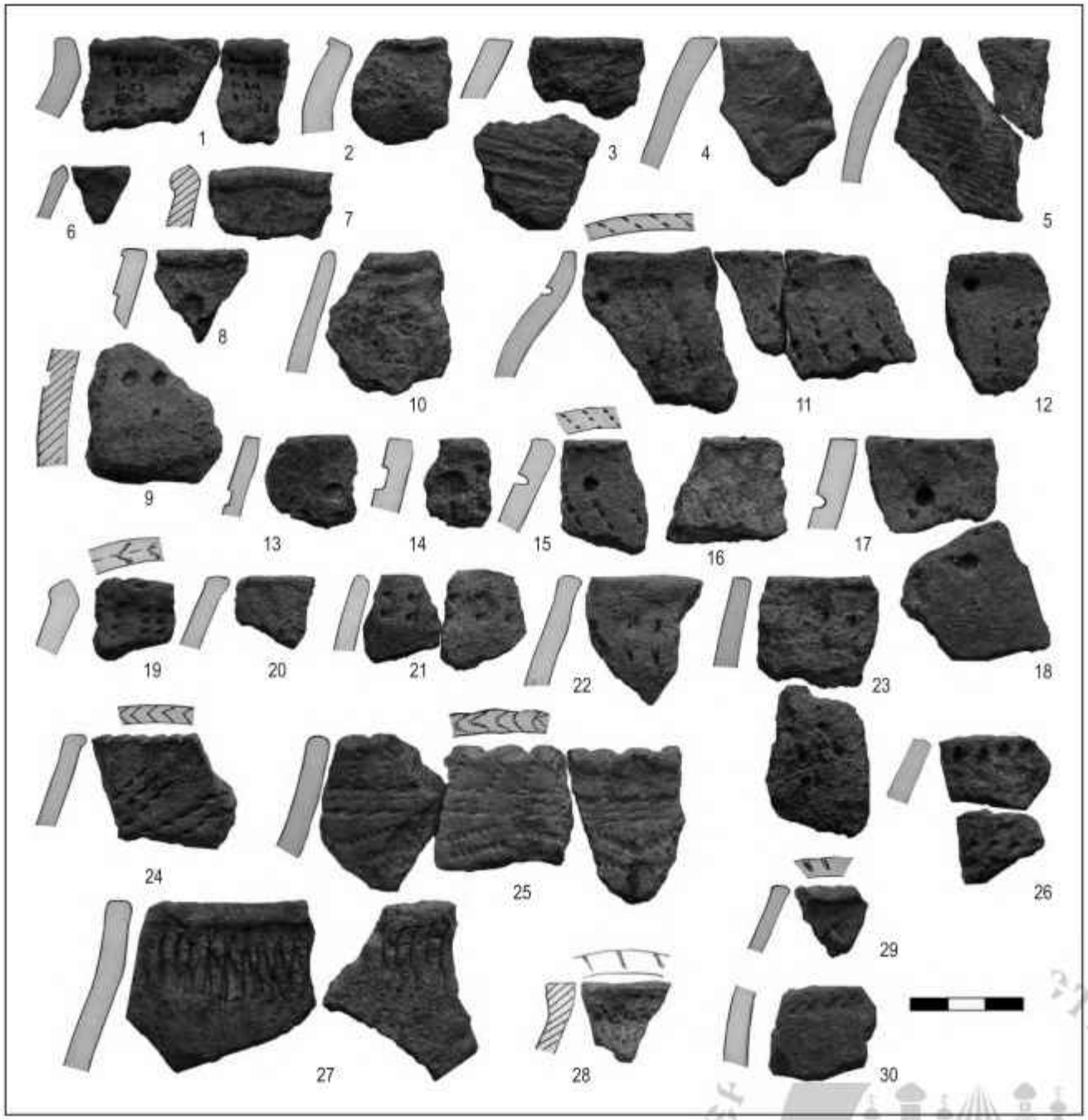

Рис. 11. Селище Красное-IV (Санное). Раскоп 2. Керамика. Фрагменты сосудов: без орнамента (1–7); с ямочным (8–10); зубчато-ямочным (11–18), в т. ч. двузубым (14); гребенчато-зубчатым (19–24, 26), в т. ч. двузубым (21–23, 26); гребенчато-шнуровым (25); резным (27), накольчатым (29, 30) и змеевидным (28) орнаментом. Фрагменты с примесью: дресвы (1–3, 8, 18, 28); песка (4–7, 12–17, 20–24); дресвы и песка (9, 11, 25–27, 29, 30); дресвы и органики (10). 2 – яма № 55; 5 – яма № 6; 15, 16, 23 – яма № 5; 28 – яма № 57; 19, 26, 30 – кострище 2; 13, 25 – кострище 3; 29 – кострище 4. Производственная площадка: 4, 21, 22, 23. Из культурного слоя: 1, 3, 8, 11, 12, 14, 17, 18 – горизонт 1; 5, 7, 9 – горизонт 2; 6, 10, 20, 26 – горизонт 3

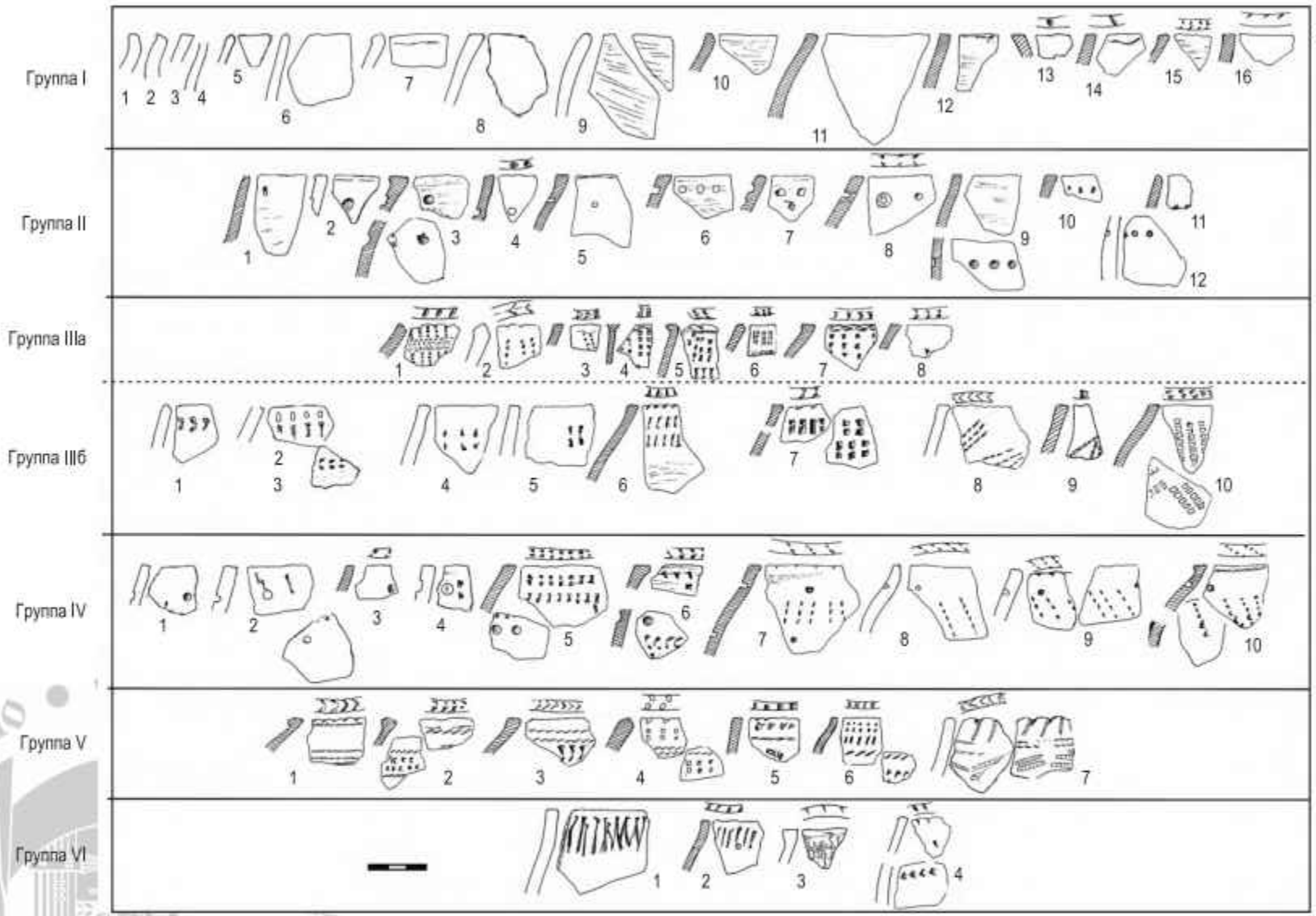

Рис. 12. Селище Красное-IV (Санное). Орнаментальные группы керамики:
I – без орнамента; II – с ямочным; III – гребенчато-зубчатым; IV – зубчато-ямочным; V – гребенчато-шнуровым; VI – резным и накольчатым орнаментом

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ ● АРХЕОЛОГИИ

чиком (рис. 10: 8, 12, 13, 17; рис. 11: 8), иногда на верхней части тулова (рис. 10: 4–5; рис. 11: 9). Часть сосудов имела на поверхности следы штриховки и орнамент по торцу венчика (рис. 10: 11). Керамика с исключительно ямочным орнаментом бытовала на раннем этапе ванвиздинской культуры [5, рис. 22], значение этой орнаментации не упало и на её заключительном, лозымском этапе, однако наиболее значительный процент орнаментальных композиций она составляла на развитом тохтинском (позднем, по Г.М. Бурову) этапе ванвиздинской культуры [4, с. 432]. Орнаментация из пояска ямок наиболее многочисленна на керамике памятников западного варианта ванвиздинской культуры, генетически она не связана с местными предшествующими традициями (ананьинской культуры), появляется на Европейском Северо-Востоке в предванвиздинское или ранневанвиздинское время [12, с. 12].

Группа III включает 21 сосуд только с гребенчато-зубчатым орнаментом (рис. 10: 19–21; рис. 11: 19–23, 25). По характеру орнаментиров выделены две подгруппы.

В подгруппу **«а»** отнесены сосуды с орнаментацией вертикальными оттисками зубчатого штампа (рис. 12: IIIа). Торцы венчиков украшены наклонными или гребенчатыми оттисками в виде ёлочки, в ряде случаев – двузубым штампом. К наиболее ранним относится сосуд с орнаментацией, включающей горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа (рис. 12: IIIа: 1), а также сосуды с приострённым (рис. 12: IIIа: 2; рис. 11: 19) и грибовидным (рис. 12: IIIа: 3, 4; рис. 10: 20) венчиками, характерными для керамики гляденовского времени. Орнаментация вертикальными гребенчатыми оттисками хорошо представлена на посуде вычегодских поселений Шойнаты-III, Угдым-II в комплексах раннего Средневековья VI–VII вв.

В подгруппу **«б»** объединены сосуды, орнаментированные оттисками двузубого штампа (рис. 12: IIIб: 1–7; рис. 10: 19; 11: 21–23, 26) и оригинальными гребенчатыми оттисками (рис. 12: IIIб: 8–10; рис. 10: 21; 11: 24). Двузубый штамп является признаком керамики среднего тохтинского этапа ванвиздинской культуры, аналогии могут быть указаны в комплексе керамики поселения Шойнаты VI, датированного в широких рамках VII–IX вв. н. э. [5, рис. 33: 6, с. 128]. Орнаментация узорами, состоящими из отпечатков гребенчатого штампа, в том числе и широкой гребёнки, характерна для заключительного лозымского этапа (IX–X вв.) ванвиздинской культуры [4, с. 432, 465, рис. 22: 7].

Группа IV включает 11 сосудов с зубчато-ямочным орнаментом, состоящим из двух элементов: ямочного и гребенчато-зубчатого, выполненного углом зубчатого штампа (рис. 10: 22; рис. 11: 17–18), отпечатками двузубого штампа (рис. 10: 23; 11: 13, 14) и гребенчато-зубчатыми штампованными (рис. 10: 6; 11: 11, 12, 15, 16). Орнаментация первых 6 сосудов (рис. 12: IV: 1–6) отчасти сопоставима с материалами позднего комплекса поселения Угдым–II конца I тыс. н. э. Сосуды с отпечатками крупной гребёнки с поясками конических ямок известны в раннем слое Подгорбуновского городища в бассейне Северной Двины и близки к поздневанвиздинским материалам VIII–IX вв. н. э. [5, с. 129]. Орнаментация углом зубчатого штампа известна в Верхнем Прикамье в материалах ломоватовской археологической культуры (АК) 2-й половины I тыс. н. э. [8, с. 243, табл. XXXVI: 19].

Группа V включает 7 сосудов с гребенчато-шнуровым орнаментом (рис. 12: V), является наиболее ранней в представленном комплексе. Сосуд с многорядной шнуровой орнаментацией (рис. 10: 9) коррелирует с шойнатыйским типом – переходным к керамике собственно ванвиздинской культуры. Орнаментация из вертикальных и зигзагообразных узоров из гребенчатых оттисков, разделённых поясками шнура (рис. 12: V: 7; рис. 11: 25), находит прямые аналоги в материалах поселения Шойнаты-III на Вычегде [5, рис. 23: 6–8], на поселении Ошчой-III (Пункт 14) середины I тыс. н. э. и Кужим II в бассейне Мезени, отнесённых к раннему этапу ванвиздинской культуры: VI–VII вв. н. э. [4, с. 404–405, 472, рис. 29, 30].

Группа VI включает 4 сосуда с орнаментом, выполненным гладким штампом. Орнаментальный мотив из ряда вертикальных нарезок представлен на одном из фрагментов венчиков (рис. 12: VI: 2), на другом – зигзагообразный узор, выполненный в технике шагания (рис. 12: VI: 1; рис. 11: 27). Третий фрагмент венчика имеет насечки по торцу, внешний край его подчёркнут линией наколов «концом лопаточки», а шейка выделена разнонаправленными оттисками в виде «уточек» или «змеек» (рис. 12: VI: 3, рис. 11: 28). Четвёртый сосуд украшен линиями клиновидных и треугольных наколов, выполненных углом штампа-лопаточки (рис. 12: VI: 4; рис. 11: 29, 30). Резные узоры и насечки, украшающие шейку сосуда, являются хронологическим признаком для выделения посуды пьяноборского времени (II в. до н. э. – II/IV вв. н. э.) на ЕСВ и определения её как гляденовской [6, с. 369]. Однако аналоги орнаментации в технике шагания в древностях I тыс. н. э. на ЕСВ и в Прикамье нам не известны. Орнамент в виде «уточек/змеек», является «фирменным» в западносибирских культурах Кулайской культурно-исторической общности Приобья, здесь же распространены наколы углом лопатки, бытовавшие на всех этапах раннего железного века (IV в. до н. э. – IV в. н. э. [13, с. 110–111] и, по-видимому, в модифицированном виде – в более позднее время. По крайней мере, появление «уголкового» штампа в комплексах конца I тыс. н. э. на ЕСВ рассматривается в контексте проникновения западносибирского населения [5, с. 131].

Анализ керамического материала позволяет основной комплекс селища Красное-IV (Санное) датировать второй половиной I тыс. н. э. в соответствии с современными представлениями о периодизации ванвиздинской АК [4, с. 442]. На памятнике хорошо представлена керамика переходного шойнатыйского типа (группы V, частично I, II) середины I тыс. н. э. и керамика, сопоставимая с кузьвомынским этапом культуры VI–VII вв. (группы IIIа, IIIб: 1–7; IV: 1–6). Оригинальный двузубый штамп с треугольными зубцами – хронологический признак ванвиздинской керамики VIII в. [14, с. 75] на её позднем (тохтинском) этапе [4, с. 432–433; 442]. Заключительный этап функционирования селища отмечен керамикой, сопоставимой с древностями Северной Двины VIII–IX вв. н. э., а также с орнаментацией финального лозымского этапа ванвиздинской керами-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ки (группы Iа: 7, 14; II: 2, 3, 9; IIIб: 8–10; IV: 7–10). Однако сосуды финального, лозымского этапа ванвиздинской культуры IX–X вв., как правило, обладают чётко профилированной отогнутой шейкой [4, с. 432], что совершенно не характерно для толшемской посуды. По-видимому, VIII в. – верхняя дата в существовании селища Красное-IV (Санное). Вещественный инвентарь, описанный ранее, также в основном укладывается в данные хронологические рамки. Лишь наличие бронзовых сложной и фигурной бляшек, аналоги которым известны в гляденовское время, указывает на более ранний комплекс селища, которому соответствуют керамика группы VI и, скорее всего, часть неорнаментированной посуды группы I. Поскольку гляденовские аналоги предметам вооружения и данным украшениям из бронзы относятся к позднему этапу этой культуры, можно ограничить время появления первых поселенцев на селище первой половиной I тыс. н. э., хронологически отражающей второй этап гляденовской АК ЕСВ [9, с. 583–584].

Полученный материал позволяет судить о хозяйственных занятиях и быте населения, оставившего селище Красное-IV (Санное). Наличие кострищ с мощным слоем и очага, предположительно функционировавшего в жилище, указывает на относительно долговременный характер обитания населения на селище или возобновлении его функционирования.

Промысловое вооружение свидетельствует о сохранении традиционных способов добычи пищи. К рыболовству относится рыболовное глиняное грузило, найденное Л.С. Андриановой при открытии памятника [15]. Охота на лесных животных, кости которых представлены в остеологическом материале, удовлетворяла потребности населения в мясной пище и шкурах, использовавшихся для изготовления одежды, в качестве покрывного материала, и возможно, в производственном инструментарии и снаряжении. Для обработки шкур использовались кремнёвые скребки, основное же количество хозяйственно-бытовых и промысловых орудий изготавливалось из железа.

Местные металлургия и металлообработка представлены обломками тиглей и частью литейной формы. Сосредоточение этого инструментария на обособленной площадке в ямах, прилегающих к кострищу, возможно, указывает на существование каких-то специальных сооружений производственного характера. Интересно отметить, что организованное подобным образом производственное пространство на поселении Угдым IV на Средней Вычегде интерпретируется его исследователем как остатки примитивной печи-домницы с ямами, в которых могли быть установлены простейшие меха (из шкур животных) для нагнетания воздуха в печь [16, с. 93, 94].

Наличие в инвентаре привозных изделий, в частности стеклянных бус, свидетельствует об обмене с соседними племенами. Основным предметом обмена являлась, по-видимому, пушнина, спрос на которую на мировом уровне особенно возрос с VIII в. н. э. в связи с завершением становления Багдадского халифата [5, с. 133].

Важным для этнической и хронологической атрибуции полученных материалов является выявленное погребение (рис. 3, 4). Ближайшие аналоги могут быть указаны в могильнике Шойнаты-I VII–VIII вв. н. э., когда у населения Средней Вычегды сосуществовали обряды ингумации и кремации [5, с. 112–119, 132). В могильнике выявлены 10 погребений, 4 из которых совершены по способу кремации на стороне, с засыпкой в яму останков погребённого и остатков поминального кострища. Ямы овальной и подпрямоугольной форм длиной 217–160 см, шириной 100–70 см и глубиной 60–45 см с наклонными краями и неровным дном имели засыпку углисто-золистым слоем, вещи находились неупорядоченно в засыпке ям, там же была обнаружена фрагментированная керамика. Наличие на селище Красное-IV (Санное) побывавших в огне украшений, кальцинированных косточек и фрагментированной керамики в могильной яме укрепляют в мысли о подобном обряде погребения у толшемских поселенцев.

Вопрос о генезисе памятников финно-пермского населения на Средней Сухоне остаётся открытым в силу почти полного отсутствия данных о предшествующем периоде раннего железного века. По той же причине весьма актуальным является открытие и изучение пласта памятников раннего Средневековья, поскольку с ним напрямую связано решение вопроса об исторической Чуди Заволочской и её местных компонентах.

В рамках этой тематики отметим, что предметы гляденовского времени найдены как сопутствующий материал при раскопках средневекового поселения Царева-I (Задняя), датированного XI – нач. XII в. н. э., в керамическом комплексе которого прослеживаются поволжско-финские и пермско-финские черты. Двушипный железный наконечник стрелы обнаружен в поде печи-каменки средневековой постройки, попал в него, по-видимому, с грунтом, взятым в ближайшей округе поселения. Фрагмент небольшого чашевидного сосуда с выступом на торце, аналоги которому известны в ритуальной посуде Гляденовского костища, происходит из предматерикового слоя поселения [1, с. 33–35, 38, рис. 3: 5; 40, рис. 5: 8]. Поселение Царева-1 расположено также в среднем течении р. Сухоны на левобережном притоке – р. Цареве, в 40 км северо-восточнее селища Красное-IV (Санное). В правобережье Северной Двины, образованной слиянием рек Сухона и Юг, исследованы два поселения с ванвиздинской керамикой – Краловское и Болгарино, удалённые от устья Сухоны на 5 и 10 км соответственно.

На поселении Крыловское древнерусский слой XII в. подстилался комплексом с ванвиздинской керамикой VIII в. На поселении Болгарино ванвиздинскому комплексу второй половины I тыс. н. э. предшествовало позднеананьинское поселение VII–II вв. до н. э. [14]. Гребенчато-шнуровая керамика ананьинского времени известна на всём протяжении Сухоны, включая верхнее её течение, как минимум со второго хронологического этапа этой культуры [17, с. 118; 18, с. 363–365, 372].

Столь пространственный обзор имеющихся материалов предпринят мной исключительно для демонстрации значимости восточно-финского компонента на протяжении всех раннего железного века и раннего

Средневековья в бассейне Сухоны, протяжённость которой около 560 км, при единичности археологически исследованных памятников этих периодов.

Материалы селища Красное-IV (Санное) демонстрируют непрерывное, возможно возобновляющееся, обитание на нём финно-пермского населения с гляденовского времени до раннего Средневековья. При всей схожести керамического комплекса селища Красное-IV (Санное) с материалами ванвиздинской АК ЕСВ они имеют и ряд отличий, в числе которых – преобладание минеральных примесей, значительный процент ямочной орнаментации. Прямые аналоги сосудам и вещам в комплексах Прикамья, возможно, дают основания предполагать самостоятельное развитие этих древностей в Среднем Посухонье, однако источниковая база для обоснования данного наблюдения на сегодня весьма скромна. На памятниках более позднего времени – на поселении Царева-1 (Задняя) на Средней Сухоне – в керамике и приёмах домостроительства отмечается значительный пермско-финский компонент [1, с. 32, 35], как и в керамических комплексах XII–XIII вв. н. э. поселений Болгарино и Крыловское [14, с. 73] в верховьях Малой Северной Двины (участок Северной Двины до впадения в неё р. Вычегды). Всё это является аргументом, с моей точки зрения, в пользу формирования средневекового населения Заволочья на основе восточно-финского компонента при значительном участии финно-пермского населения, присутствие которого в Южном Заволочье отразилось и в топонимике края [19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Иванищева М.В.* Поселение Царева-I в южном Заволочье // Известия ВОИСК. Вып. V. Вологда, 1996. С. 29–40.
2. *Макаров Н.А.* Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. 192 с.
3. *Макаров Н.А.* О некоторых комплексах середины – третьей четверти I тыс. н.э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. Вып. 183. М., 1986. С. 23–32.
4. *Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А.* Ванвиздинская культура (VI–X вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 400–443.
5. *Королев К.С.* Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997. 192 с.
6. *Васкул И.О.* Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 349–399.
7. *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988. 239 с.
8. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура Верхнего Прикамья. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 279 с.
9. Археология Волго-Уралья. В 7 томах. Т. 3. Ранний железный век. Казань, 2021. 676 с.
10. *Буров М.Г.* Древний Синдор. М., 1967. 220 с.
11. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. (Археология СССР). 327 с.
12. *Чеснокова Н.Н.* Ванвиздинская археологическая культура: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1983. 15 с.
13. *Плетнева Л.М., Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф.* Керамика Томского локального варианта Кулайской культурной исторической общности (по материалам поселений Кижирово II и Шеломок III) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Томск, 2020. № 4(30). С. 107–118.
14. *Макаров Н.А.*, Чеснокова Н.Н. Поселение Крыловское под Великим Устюгом // КСИА. Вып. 208. М., 1993. С. 68–77.
15. *Андрианова Л.С.* Отчет о работе Сухонско-Кубенской экспедиции в Харовском и разведках в Тотемском и Харовском районах Вологодской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1.
16. *Королев К.С.* Поселение Угдым IV на Средней Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла: материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 15. Сыктывкар, 1998. С. 92–99.
17. *Иванищева М.В.* Работы Сухонского отряда САЭ на средней и нижней Сухоне // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 113–122.
18. *Новиков А.В., Недомолкина Н.Г.* Керамика позднего периода эпохи бронзы – раннего железного века поселения Вёкса I (по материалам исследований 2007–2008 гг.) // ТАС. Вып. 12 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2021. С. 353–374.
19. *Кузнецов А.В.* Дославянское население Тотемского края // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 35–51.

Восточно-Прионежская археологическая экспедиция, Вологда

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

M.V. Ivanishcheva

ANCESTORS OF THE KOMI ON THE MIDDLE SUKHONA (BASED ON MATERIALS FROM EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT KRASNOE-IV (SANNOE) OF THE EARLY IRON AGE – EARLY PERIOD OF MIDDLE AGES)

Summary

The article presents materials from the village of Krasnoe-IV (Sannoe), close to the Vanvizdino culture and an earlier time, studied under the direction of the author by excavations in the middle reaches of the river Sukhony in the Totemsky district of the Vologda region. A description of the identified objects, household equipment, items related to the processing of ferrous metal and ceramics is given. A comparative analysis of ceramic material and implements allows us to assume a long-term habitation of the Finno-Permian population from the Glyadenovo time to the early Middle Ages and date the settlement to the first half – third quarter of the 1st millennium AD, limiting the upper date to the 8th century. The article also provides a brief overview of archaeological data for the region, demonstrating the significance of the East Finnish component throughout the Early Iron Age and Early Middle Ages in the Sukhona basin.

East-Prionezhskaya Archaeological Expedition,
Flat 10, 10a, Vologodskaya St., Vologda, 160010, Russia
E-mail: marin-ivanishchev@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.Ю. Тарасов

ДРЕВНИЕ МЕТАТУФОВЫЕ КАМЕНОЛОМНИ НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

Статья посвящена описанию древних горных выработок по добыче сырья для изготовления каменных рубящих орудий – зелёнокаменных пород вулканического происхождения на западном побережье Онежского озера. Работа по выявлению таких объектов, проводившаяся в последние годы, связана с исследованием производственного комплекса по изготовлению рубящих орудий т. н. русско-карельского типа, которые характерны для памятников с асбестовой и пористой керамикой энеолитического периода и активно использовались для обмена. К настоящему моменту выявлены три локации с несомненными признаками добычи камня в древности, в которых представлены каменоломни в вертикальных скальных обнажениях и мини-карьеры.

DOI: 10.70203/3393.2024.67.18.015

Введение

Цель данной статьи заключается в предоставлении накопленных к данному моменту сведений о древних каменоломнях по добыче сырья для изготовления каменных рубящих инструментов – зелёнокаменных пород вулканического происхождения (метатуфа), расположенных на западном побережье Онежского озера.

Впервые заключение о том, что данный материал – породы вулканического происхождения с большой твёрдостью и раковистым изломом – использовался для изготовления каменных рубящих орудий в древности, было сделано финляндским геологом Э. Мякиненом в начале XX в. [1, s. 58; 2, s. 5], главным образом, применительно к орудиям т. н. русско-карельского типа, которые, согласно современным представлениям, датируются энеолитическим периодом, второй половиной IV–III тыс. до н. э., и связаны с комплексами с асбестовой и пористой керамикой [3]. Изделия из этого сырья присутствуют среди находок в Антреа на Карельском перешейке, интерпретируемых как остатки древнего кораблекрушения и датированных радиоуглеродным методом самым начальным этапом его заселения в период позднего пребореала [4], и соответственно, можно утверждать, что он был известен древним обитателям Карелии непосредственно с начала её заселения в мезолите. Тем не менее наиболее активным периодом использования этого материала является именно время бытования индустрии русско-карельских орудий. В настоящее время известно ок. 40 стоянок-мастерских по изготовлению орудий русско-карельского типа, некоторые из которых расположены непосредственно вблизи скальных массивов, содержащих метатуфовую породу, однако большинство сосредоточено в низовье р. Шуи на расстоянии нескольких километров к югу от ближайших месторождений. Как показывают результаты проведённых исследований [3; 5], данные изделия производились для обмена, в большом количестве, что требовало достаточно планомерной организации не только процесса производства, но и добычи сырья и тем самым способствовало развитию горного дела.

В результате поисков потенциальных мест добычи сырья, проводившихся на протяжении ряда лет, были выявлены три пункта с достаточно явными признаками добычи камня в древности.

Каменоломни в горных и скальных массивах. Особенности расположения

Существование горного дела – намеренной, достаточно интенсивной и активной добычи сырья для изготовления каменных орудий в каменном веке, особенно начиная с периода неолита, хорошо известно и было описано для многих регионов Земного шара. В большинстве случаев объектом исследования становилась добыча кремнёвого сырья в местах залегания высококачественного мелового кремня. Для добычи кусков такого сырья, запечатанных в мягких известняковых породах, необходимо было обустройство шахт. Литература, посвящённая исследованию неолитических шахт по добыче кремня и происходящего из них сырья, весьма обширна [6, с. 98–126 и литература, на которую ссылается автор].

Однако на территории Балтийского щита, к которой приурочена котловина Онежского озера, лишённого мощного осадочного покрова и подобных известняковых отложений, а также и самих запасов мелового, равно как и карбонового кремня, ожидать существование древних шахт не приходится. Помимо сбора галек и валунов добыча сырья на этой территории могла предполагать организацию каменоломен в местах выхода на поверхность подходящих для изготовления орудий зелёнокаменных и различных окремнённых пород (собирательно «чёрт» – англ. «chert»), а также кварцев, обычно составляющих пласты, жилы или жеоды в скальных массивах. Для сырья, подходящего для изготовления рубящих орудий русско-карельского типа (метатуфа), характерно пластовое залегание.

Описания того, как происходит добыча каменного материала в скальных и горных ландшафтах с помощью технологий каменного века, можно встретить в этноархеологической литературе. О.В. Хэмптон на примере народа Дани, каменоломен региона Еинери в индонезийской части Новой Гвинеи описывает этот процесс следующим образом.

Хорошо разбирающиеся в свойствах каменных материалов специалисты используют целую серию каменоломен, в которых можно добыть камень, подходящий для разных целей. При выборе материала для рубящих орудий (тёсел) основным свойством является твёрдость. Поиск новых подходящих мест для организации каменоломен и новых валунных россыпей ведётся постоянно, чтобы иметь замену ранее известным источникам сырья после их истощения. Такой поиск проводится в радиусе трёх дней пути от места постоянного проживания. Хорошие возможности для выявления новых обнажений открываются после проливных дождей, в результате которых повышается уровень воды в реках и вода размывает новые участки суши, на которых открываются валунные залежи и очищаются прибрежные скальные обрывы.

Открывшиеся залежи материала тестируются для определения их качества, для чего проводится пробное расщепление, и если качество подходящее, устраивается каменоломня. «Методы разработки каменоломен включают использование огня, достаточно крупных окатанных округлых каменных валунов-отбойников, а также каменных и деревянных клиньев. Костры устраиваются на земле или на деревянных платформах напротив той скальной поверхности, которую предполагается расколоть, либо на вершинах крупных валунов, подлежащих раскалыванию. Кроме того, иногда относительно небольшие валуны закладываются в огонь, для того чтобы разбить их на несколько частей.

Помимо раскалывания с помощью нагрева для разламывания кусков породы без использования огня применяются крупные валуны-отбойники. Такие отбойники либо бросают с большой силой, либо закрепляют их в рукояти, после чего ими бьют как кувалдой по нуклеусу и так откалывают от него крупные куски.

В некоторых ситуациях для раскалывания породы используются каменные либо деревянные клинья, особенно если в каменном массиве имеются открытые трещины или щели, позволяющие такие клинья применить.» [7, p. 696–697].

Древние каменоломни, устроенные в открытых скальных выходах, в целом меньше привлекали интерес исследователей по сравнению с кремнедобывающими шахтами, однако они также описаны для многих регионов мира [8, с. 25–34 и литература, на которую ссылается автор; 9; 10; 11, p. 61–82; 12; 13; 14; 15; 16; 17, p. 66–71].

В некоторых случаях, правда, идентифицировать каменоломни не удавалось даже после целенаправленных поисков в окрестностях известных мастерских по производству орудий [18]. Большая работа по выявлению таких объектов проведена в Норвегии, где в настоящее время известно около 50 древних каменоломен, в которых добывались различные зелёнокаменные породы и чёрты [19; 20; 21; 22]. Размеры каменоломен и продолжительность их использования сильно различаются. Наиболее крупные – Хесприхольмен и Стаканесет – эксплуатировались около 5000 лет [23].

Наибольший интерес для нас могут представлять в контексте данной работы каменоломни в Норвегии – территории, также располагающейся в области Балтийского щита, и неолитические каменоломни района Лэнгдэйл в Великобритании, в графстве Камбрия, где так же, как и на западном побережье Онежского озера, добывался вулканический туф для производства рубящих орудий [11, p. 61–82]. В обоих случаях способы добычи камня реконструируются в целом так же, как и в приведённом выше этнографическом примере – использование огня, очень крупных отбойников и клиньев, по отдельности или в комбинации.

Каменоломни идентифицируются по кучам выломанного и отбракованного материала, лежащим вблизи скальных обрывов, нередко незадернованным, часто также по наличию в этих кучах очень грубых заготовок, оставленных в самом начале расщепления, по следам от намеренных (неприродных) ударов, которые иногда могут «читаться» на скальной поверхности, а также следам применения огня. Отмечаются искусственные углубления – навесы, ниши, очень небольшие штольни, возникшие в результате изъятия части породы в ходе добычи каменного материала. Поблизости иногда находят крупные округлые валуны со следами ударов – отбойники, использовавшиеся для откалывания крупных кусков породы. Ещё одним вариантом добычи камня вблизи скальных массивов является собирание кусков, отколовшихся в силу естественных причин, в результате которого постепенно образовывались ямы у подножия скал.

Как показывают некоторые эксперименты [9], раскалывание сильно нагретых зелёнокаменных пород даже с помощью каменных отбойников происходит без образования раковистого излома. В результате получаются угловатые блоки породы, не имеющие классических признаков намеренного расщепления. Соответственно, отходы на месте древних горных выработок, разрабатывавшихся таким способом, будут представлять собой скопления подобных угловатых блоков. Наличие классических отщепов и (пре)нуклеусов, тем не менее, не является обязательным признаком каменоломен.

Месторождения вулканических пород на западном побережье Онежского озера. Геологическая характеристика

Согласно современным представлениям, основная часть территории Онежского озера находится в пределах Онежской синклинальной структуры, которая, в свою очередь, располагается на территории докембрийского Карельского массива (кратона, карельской провинции) Балтийского щита. Массив сложен гранито-гнейсовыми и гранит-зелёнокаменными комплексами архейского фундамента, на которых залегают вулканогенно-осадочные отложения нижнепротерозойского возраста. Онежская структура представляет собой тектоническую депрессию (мульду), расположенную на юге Карельского массива и сложенную вулканогенно-осадочными отложениями палеопротерозоя [24, с. 127].

Вулканогенные образования онежской структуры преимущественно связаны со стадиями ятулия-людиковия российской стратиграфической шкалы докембрия, около 2,3–1,9 млрд лет назад. В стратиграфических разрезах они перемежаются с осадочными породами. Здесь представлены базальтовые лавовые потоки и их пирокластиты, габбро-долеритовые интрузивы, слюдисто-полевошпатовые, карбонатные и шунгитоносные сланцы, песчаники и известняки с горизонтами базальтов и их туфов. Особенно важными для рассматриваемой проблематики являются отложения т. н. суйсарской свиты и бесовецкой серии, представленные чередованием туфосланцев и туфопесчаников, базальтов, пикробазальтов, пикритов и их туфов, туффитов, туфоконгломератов, а также туфогенных алевролитов, аргилитов, часто кремнистых [24, с. 130; 25, с. 16].

Непосредственно территория, на которой располагаются почти все известные мастерские по изготовлению орудий русско-карельского типа, находится в зоне, перекрытой осадочными отложениями озёрного генезиса, поскольку в начальный этап голоцена она представляла собой залив Онежского озера. Однако обнажения туфосодержащих горизонтов имеются в скальных выходах, расположенных непосредственно к северу от устья р. Шуи, в районе оз. Укшезеро, Сургубское, Кончезеро, в северной части Петрозаводской Губы Онежского озера [26]. В различных зафиксированных здесь проявлениях вулканогенных пород отмечены агломератовые туфы плагиоклазовых, пироксен-плагиоклазовых базальтов суйсарского вулканического комплекса возрастом около 1,95 млрд лет (район станции Шуйской и расположенного напротив него скального массива на противоположном берегу Петрозаводской Губы Онежского озера); чередование мелкозернистых туфов с горизонтами агломератов и крупных бомбовых туфов (массив в районе поворота на д. Гирвас с федеральной трассы Р–21 «Кола»); переслаивание нескольких лавовых (базальтовых) потоков, реже базальтов, с туфогенно-осадочными породами, в которых встречаются линзы углеродсодержащих пород (д. Шуйская Чупа, берег оз. Кончезеро); агломератовые туфы в контакте с подушечными лавами базальтов с линзами туфов-туффитов толщиной до 1 м (д. Царевичи, оз. Кончезеро); слои туфов, пикробазальтов и маломощных (до 3–5 м) потоков массивных пикробазальтов (д. Царевичи, оз. Укшезеро); представлены чередующиеся серии лавовых потоков, агломератовых туфов с маломощными прослоями осадочного материала (северная окраина д. Косалма, гора «Сампо») [26].

Таким образом, специалистами выделяется довольно много разновидностей магматических и вулканогенно-осадочных пород, встречающихся в данном микрорегионе. Все эти разновидности, несомненно, не различались древним населением, однако если не все, то многие из них им использовались. О том, что среди обрабатывавшихся на стоянках кусках сырья имеются слегка различающиеся варианты горных пород, можно судить по степени зернистости материала. Хотя здесь и представлены очень тонкозернистые отдельности, почти не уступающие кремню, у большинства предметов зернистость всё же более выраженная. Однако, несмотря на эти различия, большинство пород имеют одно важное общее свойство – высокое содержание кремнезёма (SiO_2). Как показывают результаты химических анализов, кремнезём является основным компонентом в проанализированных пробах, содержание его может колебаться от 40 до 80 % [25, с. 76, 93; 26]. Благодаря этому свойству рассматриваемые породы, как правило, являются достаточно твёрдыми и относительно неплохо поддаются расщеплению, поскольку способны к раковистому излому.

Определение конкретной разновидности вулканогенного материала для каждого конкретного древнего изделия не представляется возможным и не является, строго говоря, абсолютно необходимым, если есть уверенность, что материал относится к вулканогенным породам западного побережья Онежского озера. Необходим какой-то общий термин, позволяющий достаточно корректно обозначить все эти разновидности. По предложению геолога из Тартуского университета Ю. Кирса [27] в представляемой работе в качестве такого термина используется название «метатуф».

Метатуфовые каменоломни западного побережья Онежского озера

В карельской археологической литературе ранее была описана только одна каменоломня по добыче сырья для изготовления каменных рубящих орудий – место добычи сланца на Вегоручейском месторождении на побережье Уницкой Губы Онежского озера, Заонежский полуостров [28; 29; 30, с. 136–140]. Каменоломня обнаружена А.П. Журавлёвым. Согласно его наблюдениям, «в отдельных местах на скале сохранились следы разработок, но орудий, связанных с добычей сланца, не найдено. Возможно, в связи с легкостью добычи сырья специальных орудий не требовалось. Пласты сланца легко скалываются и обрабатываются без труда. Шахт и штолен не требовалось. Ограничивались небольшими разработками» [30, с. 137]. Какие-либо конкретные следы на скале, свидетельствующие о намеренном разламывании скальной поверхности, автором не описываются. Однако наличие поблизости кусков сланца с признаками намеренного расщепления позволяет согласиться с тем, что здесь мы действительно сталкиваемся с местом добычи каменного материала.

Государственный объединенный музей

В районе к северу от низовья р. Шуи, наиболее интересующем нас в контексте этой работы, вблизи восточного и западного побережий оз. Укшезеро, на западном побережье оз. Кончезеро имеются скальные массивы, иногда подходящие непосредственно к берегу озера, но чаще отступающие от него на расстояние, по крайней мере, нескольких десятков метров. В скальных массивах встречаются обрывы с прослойками метатуфа, внешне и по качественным характеристикам соответствующего материалу, из которого изготавливались рубящие орудия в энеолитических мастерских в низовье р. Шуи. На стенках скальных обрывов иногда можно заметить повреждённые участки, разбитые трещинами. Вблизи таких участков на земле валяются отколовшиеся угловатые куски породы, в том числе незадернованные. Теоретически разрушение скалы могло быть связано с деятельностью человека в древности, однако доказать, что оно не является следствием простого выветривания, очень сложно.

В двух случаях свидетельства намеренного раскалывания скальной поверхности человеком с помощью древних техник, характерных для доисторического периода, признаны достаточными для выявления древних каменоломен как археологических памятников. Первым таким случаем является каменоломня Маткачи на полуострове Красков Наволок, разделяющем оз. Укшезеро и оз. Сургубское (рис. 1: 1). Объект пред-

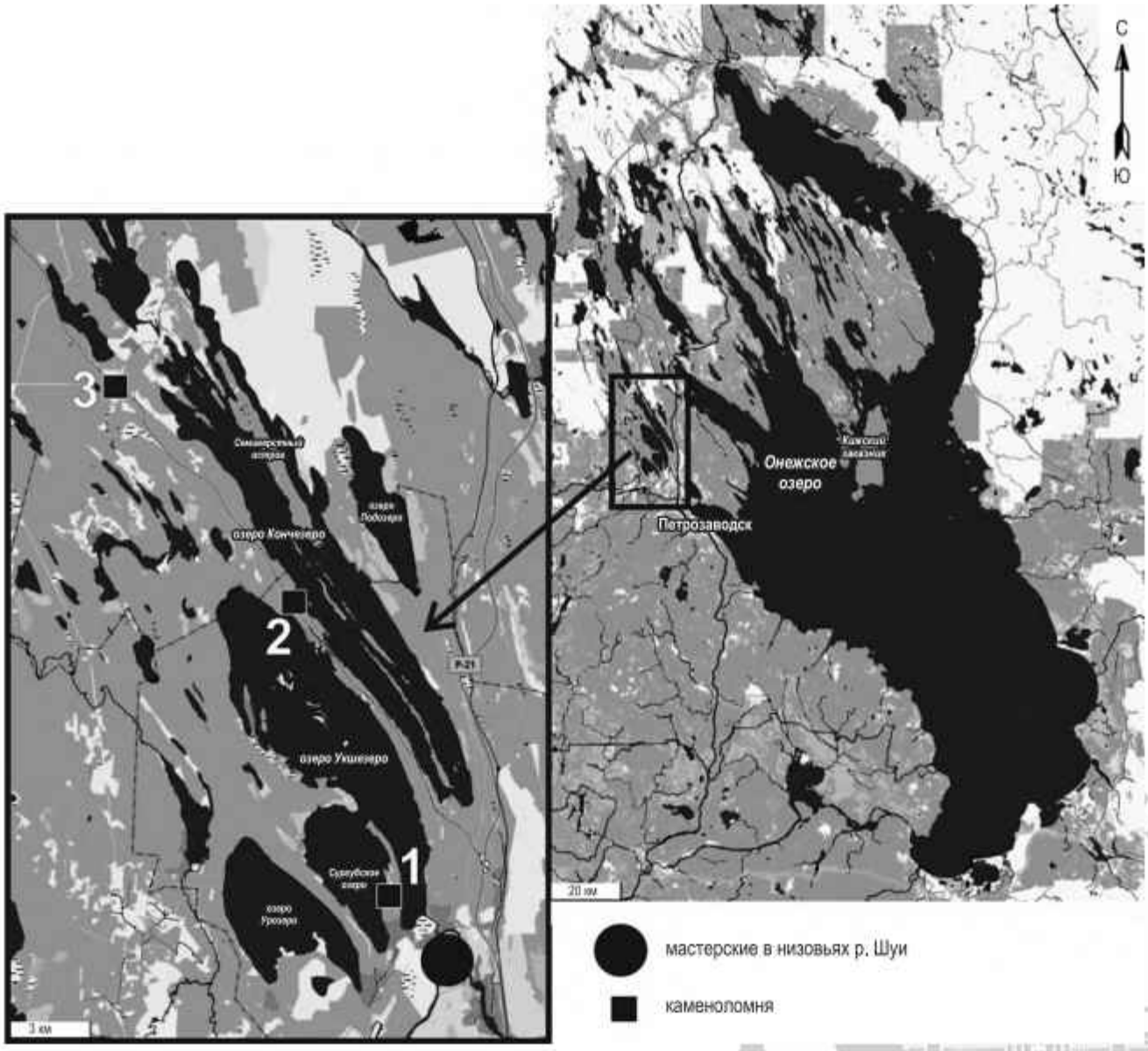

Рис. 1. Схема расположения метатуфовых каменоломен на западном побережье Онежского озера: 1 – Маткачи, 2 – Косалма XI («Гора Сампо»), 3 – Западное Кончезеро I

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ставляет собой скальный обрыв, в нижней части которого имеется навес, образовавшийся в результате частичного разрушения горизонта, сложенного метатуфовой породой. Повреждённый участок спускается непосредственно к основанию в восточной части скалы, в западном направлении он повышается, образуя постепенно сужающуюся щель. Далее к западу повреждённый горизонт продолжается, но уже без образования выраженного навеса. У подножия обрыва находятся очень многочисленные угловатые куски скальной породы (рис. 2). Общая длина разрушенного участка скалы составляет 20 м (без учёта изгибов линии основания скального обрыва).

Наиболее явным свидетельством того, что данный участок использовался для добычи каменного сырья, является небольшая ниша размерами 35×50×25 см в самой узкой и высокой части описанного выше скального навеса (рис. 3). Она не может быть проточена водой, поскольку имеет угловатые стенки. На дне ниши

Рис. 2. Каменоломня Маткачи. Общий вид

Рис. 3. Каменоломня Маткачи. Ниша в возвышенной части скального навеса

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

лежат отвалившиеся небольшие угловатые куски породы, на одном из которых была отмечена серия небольших сколов. Само по себе разрушение породы по внутренним трещинам может быть результатом выветривания, однако для образования ниши разбитые трещинами куски должны были быть кем-то вынуты, самостоятельно они вывалиться из неё не могли.

Поскольку классические признаки намеренного расщепления на скальной поверхности обнаружить не удалось, можно предположить, что куски камня откалывались с помощью нагрева, возможно также с использованием расклинивания. Хотя не исключено, что для добычи камня было достаточно существующих естественных трещин.

Вторая найденная каменоломня располагается к северо-востоку от д. Косалма в северной части перешейка, разделяющего оз. Укшезеро и оз. Кончезеро (рис. 1: 2). Объект приурочен к протяжённому высокому (до 45 м) скальному обрыву на восточном краю скальной возвышенности, ориентированному параллельно берегу оз. Кончезеро (рис. 4). Чуть ближе к озеру располагается моренная гряда, сложенная валунами, в том числе довольно крупными. Возвышенность имеет неофициальное название «Гора Сампо» и является одной из туристических достопримечательностей. Памятник назван «Каменоломня Косалма XI» («Гора Сампо»).

При осмотре скалы обнаруживались участки разрушенной скальной поверхности, приуроченные к горизонту залегания метатуфового материала, пригодного для изготовления каменных орудий. При этом в двух местах, вблизи северного и южного концов скального обрыва, были замечены явные следы намеренного расщепления, представляющие собой крупные негативы сколов (рис. 5). Негативы чёткие, регулярные, удары нанесены преимущественно перпендикулярно к основной вертикальной плоскости скалы. На северном участке с такими следами, представляющем собой небольшой навес – углубление в скальной поверхности, была произведена расчистка от мха. При расчистке обнаружились трещины, некоторые из которых достаточно широкие (до 10 см), заполненные грунтом. Вдоль краёв крупных трещин отмечаются серии ре-

Рис. 4. Каменоломня Косалма XI («Гора Сампо»): 1 – общий вид; 2 – скальный навес со следами намеренного расщепления до расчистки от мха; 3 – скальный навес со следами намеренного расщепления после расчистки от мха

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

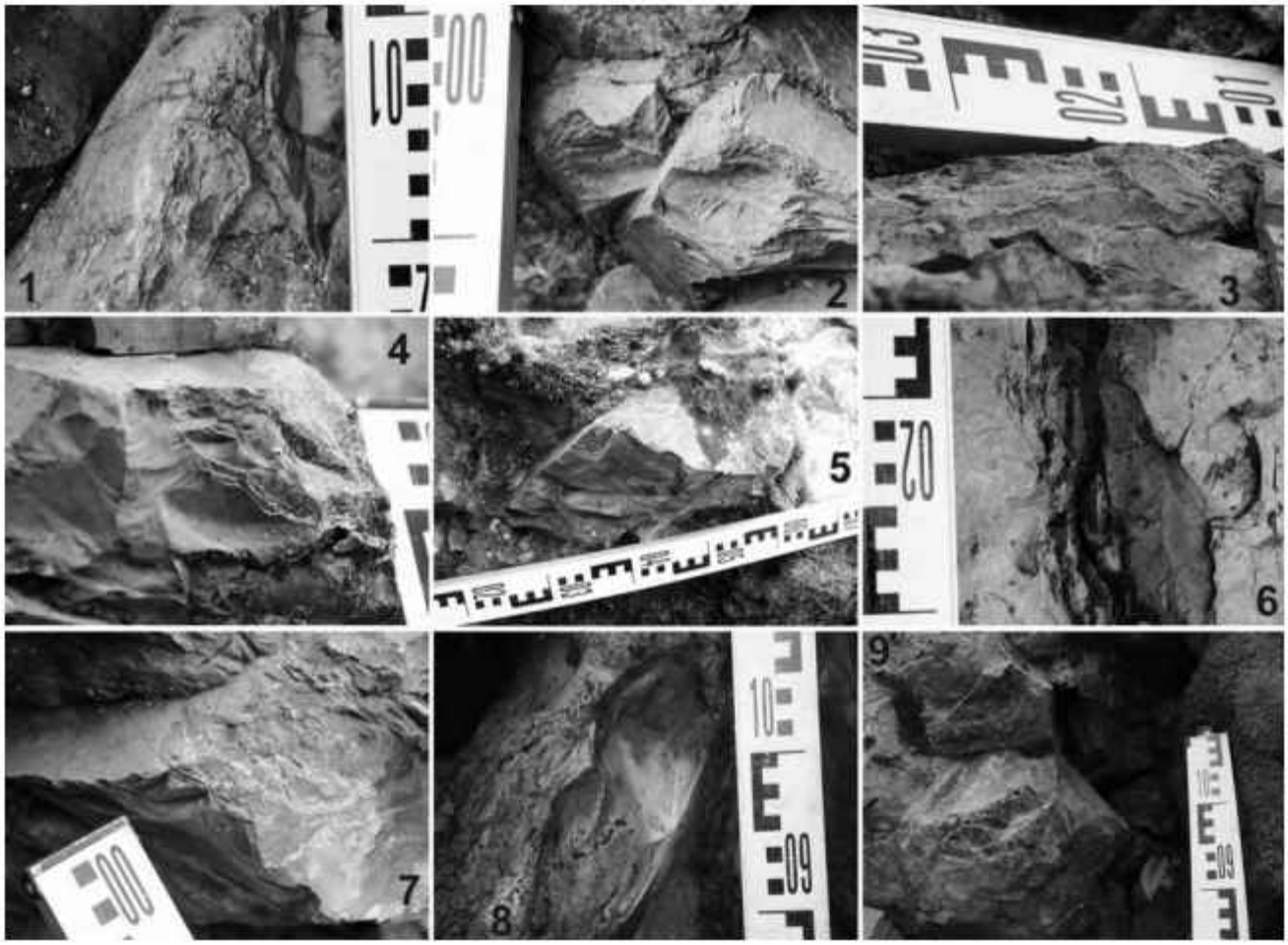

Рис. 5. Каменоломня Косалма XI («Гора Сампо»). Следы намеренного расщепления на скальной поверхности

гулярных конических трещин меньшего размера – конусов Герца, возникновение которых возможно только в результате направленных ударов тяжёлым предметом, ориентированных перпендикулярно (отвесно) относительно скальной поверхности.

В ходе разборки грунта в трещинах встречались многочисленные осколки каменной породы, в том числе сколы с диагностическими признаками отщепов – продуктов намеренного расщепления, такими как площадка, ударный бугорок, ударная волна. Подобные отщепы наряду с бесформенными осколками обнаружены и в шурфе, сделанном вблизи южного участка со следами намеренного расщепления.

Помимо добычи коренной породы из скального массива здесь происходила и добыча валунного сырья в моренной гряде, сопровождавшаяся тестированием качества валунов. В сделанном здесь разведочном шурфе вблизи небольшой, до 0,2 м, западины с неровными очертаниями помимо многочисленных грубых отщепов (187 экз.) найдены также 12 заготовок, в том числе фрагментированных, ещё одна заготовка обнаружена в корневом выворотне поблизости. Заготовки имеют размеры примерно от 6 до 20 см и более и представляют собой, скорее, результаты тестирования качества отдельностей сырья (валунов и крупных сколов с валунов). Почти все были оставлены на самом начальном этапе расщепления, однако на некоторых из них присутствует полностью сформированное бифасиальное ребро вдоль одного из краёв (рис. 6). Скорее всего, они были расценены как сырьё неподходящего качества и отбракованы. Основным недостатком его можно считать то, что в одном куске камня спаяны слои твёрдого тонкозернистого метатуфового материала и более крупнозернистой вязкой песчанистой породы, хуже поддающейся расщеплению. Подходящие по качеству куски при этом были унесены, что, по всей видимости, и привело к образованию заметной в рельефе неглубокой западины с неровными краями, к которой был приурочен разведочный шурф.

Подобный мини-карьер был обнаружен на третьем выявленном пункте, получившем название «Каменоломня Западное Кончезеро I». Объект находится у подножия южной части протяжённой скальной возвышенности, располагающейся между озёрами Кончезеро, Укшезеро, Габозеро и Гальозеро (рис. 1: 3). В нижних ярусах возвышенности имеются небольшие вертикальные участки, сложенные тонкозернистым метатуфо-

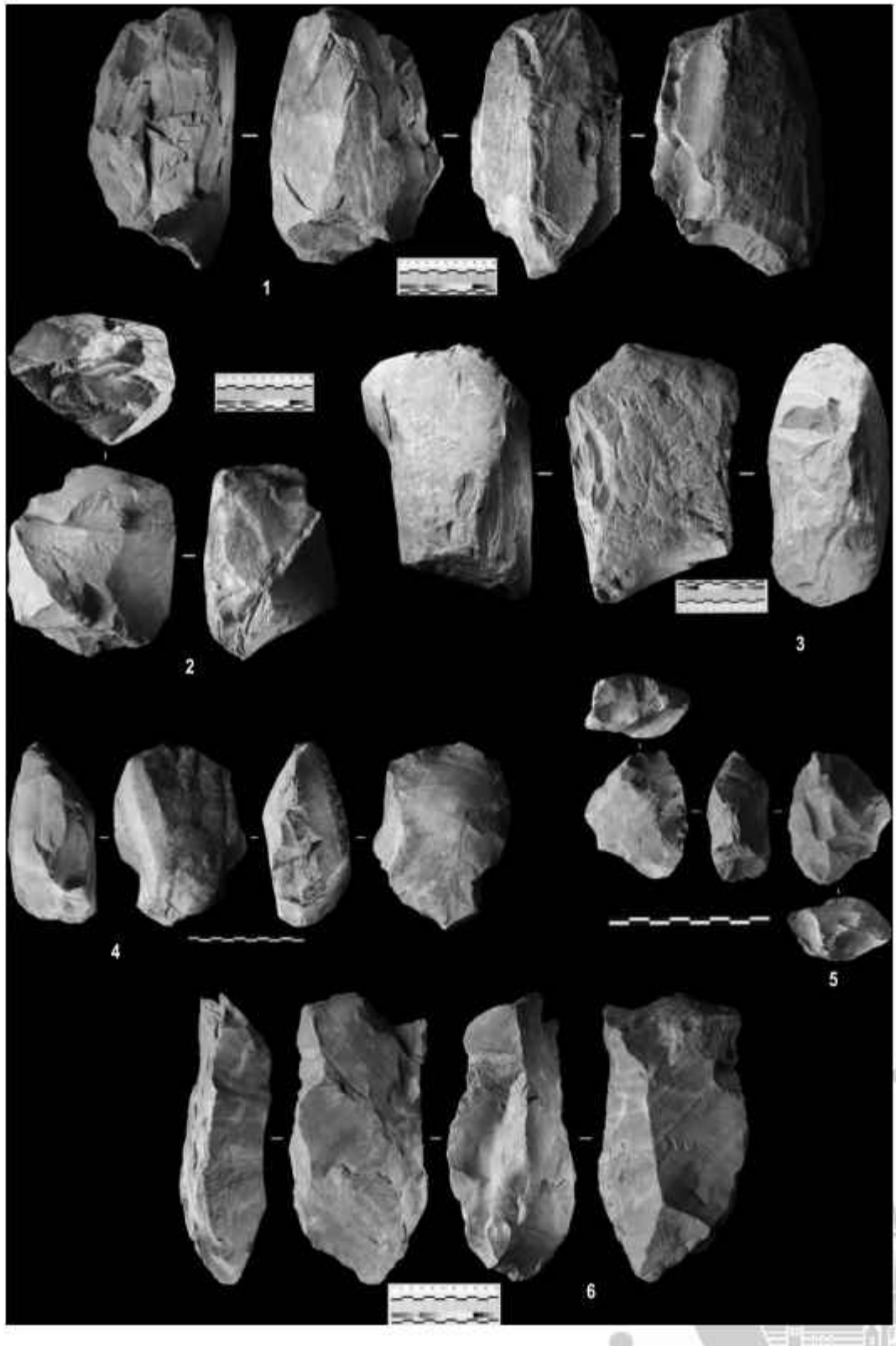

Рис. 6. Заготовки из шурфа на территории каменоломни Косалма XI («Гора Сампо»). Метатуф

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

вым материалом, хорошо подходящим для расщепления, однако при осмотре скальных поверхностей какие-либо следы намеренного их повреждения с целью добычи каменного сырья не обнаружены. Ниже открытых скальных обрывов располагается протяжённая задернованная осыпь, состоящая преимущественно из относительно небольших кусков скальной породы, местами выступающих на поверхность. У подножия осыпи, на участке между возвышенностью и небольшим безымянным озером, обнаружена небольшая западина подовальной формы размерами 2,5×1,5×0,5 м. Сделанная вблизи западины шурфовка предоставила основания рассматривать данный объект именно в качестве небольшого карьера, поскольку в шурфе найдены продукты намеренного расщепления – тестирования кусков сырья (рис. 7).

Заключение

Данный обзор можно считать предварительным, поскольку он не претендует на подробную реконструкцию горного дела энеолитического населения Онежского региона. Несомненно, существовали и другие каменоломни, которые пока не удалось обнаружить. Как свидетельствуют упоминавшиеся выше этноархеологические данные из Новой Гвинеи, окру́га, в которой могли разрабатываться такие каменоломни, довольно обширна – в радиусе до нескольких дней пути от места постоянного проживания либо места расположения мастерских по изготовлению орудий. Также существенно, что деятельность древних горняков не ограничивалась поиском и добычей только метатуфового сырья. Энеолитический период в Карелии в целом характеризуется активным использованием разнообразных местных материалов, в том числе окремнённых пород (лидит, халцедон и др.), асбеста и самородной меди. Многочисленные предметы из этих пород наряду с производственным комплексом, связанным с русско-карельскими рубящими орудиями из метатуфа, были обнаружены при исследовании стоянки-мастерской Фофаново XIII, являющейся в настоящее время наиболее значительной среди всех исследованных памятников такого рода в шуйском производственном центре и в Северо-Восточной Европе в целом [31]. Очевидно, что добыча всего этого минерального разнообразия являлась результатом сознательных усилий по разведыванию доступных месторождений.

Вместе с тем какие-либо надёжные основания для датировки описанных каменоломен в настоящее время отсутствуют. Образцы для радиоуглеродного датирования пока не получены, а обнаруженные здесь артефакты типологически не выражены и формально могут относиться к очень широкому диапазону каменного

Рис. 7. Каменоломня Западное Кончезеро I. Западина (мини-карьер)

Рис. 8. Продукты расщепления из шурфа на каменоломне Западное Кончезеро 1 (метатуф):
1–2 – заготовки; 3–6 – отщепы

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

века – эпохи раннего металла, тем более что, как уже упоминалось во введении, имеются петрографические подтверждения использования метатуфового сырья в мезолитический период, уже во время первоначальной послеледниковой колонизации Карелии. Тем не менее представляется наиболее вероятным, что хорошо выраженные каменоломни возникли в период наиболее активного производства рубящих инструментов в устье р. Шуи – период энеолита с асбестовой и пористой керамикой.

Работа выполнена в рамках госконтракта по плановой научной теме сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Äyräpää, A.* Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista. Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. Manuscript in the National Board of Antiquities of Finland, 1944 (рукопись).
2. *Heikkurinen, T.* Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat // Helsingin yliopiston arkeologian laitus. Moniste n:o 21. Helsinki: Helsingin yliopiston monistuspalvelu, 1980. 101 s.
3. *Tarasov, A., Nordqvist, K.* Made for exchange: the Russian Karelian lithic industry and hunter-fisher-gatherer exchange networks in prehistoric north-eastern Europe // Antiquity. Vol. 96 (385). 2022. Pp. 34–50. DOI: https://doi.org/10.15184/aqy.2021.133.
4. *Carpelan, C.* On the history and recent studies of the "Antrea Net Find" // Iskos. № 16. Karelian Isthmus. Stone Age Studies in 1998–2003. Helsinki, 2008. P. 88–127.
5. *Tarasov, A.* Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia // Estonian Journal of Archaeology. Vol. 19 (2). 2015. P. 83–109. DOI: 10.3176/arch.2015.2.
6. *Гурина Н.Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л.: Наука, 1976. 179 с.
7. *Hampton, O.W.* Rock quarries and the manufacture, trade, and uses of stone tools and symbolic stones in the central highlands of Irian Jaya, Indonesia: Ethnoarchaeological perspectives. A dissertation submitted to the Office of Graduate Studies of Texas A&M University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Austin, 1997.
8. *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
9. *Le Roux, C.T.* A stone axe factory in Brittany // Antiquity. Vol. XLV. 1971. P. 283–288.
10. *Le Roux, C.T.* Stone axes of Brittany and the Marches // McK. Clough, W.A. Cummins (eds.). Stone Axe Studies. Archaeological, petrological, experimental and ethnographis. Council for British Archaeology Research Reports. Vol. 23. London: Council for British Archaeology, 1979. P. 49–56.
11. *Bradley, R., Edmonds, M.* Interpreting the axe trade: Production and exchange in Neolithic Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 236 p.
12. *Petrequin, P., Errera, M., Petrequin, A.-M., Allard, P.* The Neolithic quarries of Mont Viso, Piedmont, Italy: Initial radiocarbon dates // European Journal of Archaeology. Vol. 9 (1). 2006. P. 7–30.
13. *Petrequin, P., Petrequin, A.-M., Jeudy, F., Jeunesse, Ch., Monnier, J.-L., Pelegrin, J., Praud, I.* From the raw material to the Neolithic stone axe: Production processes and social context // M.R. Edmonds, C. Richards (eds.) Understanding the Neolithic of North-Western Europe. Glasgow: Cruithne Press, 1998. P. 277–311.
14. *Bengtsson, L.* Knowledge and interaction in the Stone Age raw materials for adzes and axes, their sources and distributional patterns // L. Larsson, H. Kindgren, K. Knutsson, D. Loeffler, A. Åkerlund (eds.) Mesolithic on the Move. Papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm, 2000. Oxford: Oxbow Books, 2003. P. 388–394.
15. *Risch, R., Boivin, N., Petraglia, M., Gomez-Gras, D., Korisettar, R., Fuller, D.* The Prehistoric axe factory at Sanganakallu-Kupgal (Bellary District), Southern India // T.H. Clough (ed.) Stone axe studies III. London: Oxbow Books, 2011. P. 189–202.
16. *Burke, A.L., Desrosiers, P.M.* Quarry tools at the Naparutalik quarry, Nunavik (Quebec Arctic, Canada) // X. Mangado, O. Crandell, M. Sanchez, M. Cubero (eds.) International Symposium on knappable materials. Barselona, 7–12 September 2015, University of Barcelona. Barselona: Universitat de Barcelona, 2015. P. 20–21.
17. *Walker, K.* Axe-heads and identity: an investigation into the roles of imported axe-heads in identity formation in Neolithic Britain. Oxford: Archaeopress, 2018. 318 p.
18. *Ozbek, O.A.* Prehistoric stone axe production site in Turkish Thrace: Hamaylitarla // Documenta Praehistorica. Vol. XXVII. 2000. P. 167–171.
19. *Nyland, A.J.* Chapter Three. Quarrying as a socio-political strategy at the Mesolithic-Neolithic transition in southern Norway // T. Pereira, X. Terradas, N. Bicho (eds.) The exploitaton of raw materials in Prehistory: Sourcing, processing and distribution. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 30–45.
20. *Nyland, A.J.* Materialized taskscapes? Mesolithic lithic procurement in southern Norway // U. Rajala, Ph. Mills (eds.) Forms of Dwelling. 20 years of taskscapes in archaeology. Oxford & Philadelfia: Oxbow Books, 2017. P. 125–150.
21. *Nyland, A.J.* Quarrying in the Stone Age and Bronze Age in southern Norway studied as a socially situated phenomenon // Bulgarian e-Journal of Archaeology. Vol. 7. 2017. P. 133–154.
22. *Nyland, A.J.* Rock procurement in the Early Neolithic in southern Norway. Significance by association with people and places? // Current Swedish Archaeology. Vol. 24. 2016. P. 107–136.
23. *Bergsvik, K.A, Olsen, A.B.* Traffic in stone adzes in Mesolithic western Norway // L. Larsson, H. Kindgren, K. Knutsson, D. Loeffler, A. Åkerlund (eds.) Mesolithic on the Move. Papers presented at the Sixth International Conference on the Mesolithic in Europe, Stockholm, 2000. Oxford: Oxbow Books, 2003. P. 395–404.
24. Глава 2. Тектоника / *М.Г. Леонов, В.С. Куликов, Д.С. Зыков, С.Ю. Колодяжный, А.В. Полецук* // Онежская палеопротерозойская структура (геология, тектоника, глубинное строение и минерагения) / Л.В. Глушанин, Н.В. Шаров, В.В. Щипцов (ред.). Петрозаводск: Институт геологии, Карельский научный центр, Российская академия наук, 2011. С. 127–170.
25. *Кайряк А.И.* Бесовецкая серия в Онежской структуре. Л.: Недра, 1973. 175 с.
26. Палеопротерозойские вулкано-плутонические комплексы Онежской структуры / *С.А. Светов, А.И. Голубев, А.В. Степанова, В.С. Куликов* // Путеводитель геологических экскурсий XII Всероссийского петрографического совещания. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 28–54.

27. *Тарасов А.Ю., Крийска А., Кирс Ю.* Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. (Сер. «Гуманитарные исследования»). С. 56–65.
28. *Журавлев А.П., Горлов В.И.* Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы // СА. 1979. № 1. С. 245–248.
29. *Журавлев А.П.* Сырьевая база сланцевых орудий Средней Карелии // КСИА. Вып. 193: Памятники энеолита и бронзы. М.: Наука, 1988. С. 38–44.
30. *Журавлев А.П.* Пегрема: Поселения эпохи энеолита. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр Академии наук СССР, 1991. 206 с.
31. *Тарасов А.Ю.* Фофаново XIII – пример интенсивной производственной деятельности эпохи раннего металла в лесной зоне // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: Музей археологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, 2015. (Замятнинский сборник. Вып. 4). С. 307–317.

ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории, Петрозаводск

A.Yu. Tarasov

PREHISTORIC METATUFF QUARRIES ON THE WESTERN COAST OF LAKE ONEGA. A PRELIMINARY OVERVIEW

Summary

The article is devoted to description of Prehistoric rock quarries for acquisition of raw materials for making wood-chopping implements – greenstones of volcanic origin on the western coast of Lake Onega. Activities aimed at identification of such objects were a part of the investigation program devoted to the production complex for making the so-called Russian Karelian tools, which were characteristic for the Eneolithic sites with asbestos and porous ceramics and were actively used for long-distance exchange. Up to the present three locations with evident traces of Prehistoric rock extraction were identified, including quarries in rock cliffs and small extraction pits.

Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Institute for Linguistics, Literature and History, 11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, Russia E-mail: taleksej@drevlanka.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.А. Кашина, Е.И. Гак

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ДОЛБЛЁНЫХ ЛОДОК В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ (2019–2021 ГГ.)

В статье представлены результаты проекта, нацеленного на исследования одного из древнейших видов водного транспорта – долблёных лодок (однодеревок), – найденных случайно или в ходе археологических раскопок на территории Восточной Европы. В процессе поиска и анализа информации из различных источников в электронную базу были собраны и обобщены данные о 111 лодках. В ходе проекта был поставлен и решён ряд проблем, таких как определение и уточнение возраста лодок, изучение изменений в их морфологии, конструкции, технологии, функциях – во времени и пространстве. Был использован комплексный подход, основанный на синтезе гуманитарных, естественных и прикладных наук: археологии, истории, кораблестроения, изотопной геохимии, педологии и дендрологии. Так как у большинства лодок нет никаких хронологических индикаторов, наибольшее внимание было уделено их радиоуглеродному датированию. Основной результат этого исследования – создание доказательной базы для обоснования направлений развития и распространения этого древнего вида водного транспорта. Результаты проекта имеют большое практическое значение: для корректного экспонирования долблёных лодок в музеях, для усовершенствования методики отбора образцов с лодок для радиоуглеродного датирования, для консервации и реставрации деревянных археологических лодок.

DOI: 10.70203/3077.2024.28.94.016

Водный транспорт – одно из грандиозных изобретений человечества. Его истоки теряются в недрах верхнего палеолита. Первыми плавательными средствами могли быть брёвна и мешки из шкур животных, наполненные воздухом. К голоцену относят появление долблёных лодок-однодеревок. Самые ранние из них в Европе датируются VIII–VII тыс. до н. э. Долблёнками и сейчас продолжают пользоваться во многих частях земного шара, в том числе в нашей стране. Их часто находят по берегам и на дне рек, озёр, иногда морей. В редчайших случаях в них оставлены вещи, которые помогают определить возраст: черепки сосудов, воткнутый наконечник или брошенный нож. Обычно и этого нет, ведь большинство находок – отслужившие свой век повреждённые, брошенные или намеренно затопленные суда.

В рамках трёхлетнего проекта РФФИ (№ 19-09-00301), посредством мониторинга и анализа различных информационных ресурсов, включая архивные документы, научные и научно-популярные издания, а также медиа- и интернет-публикации, были собраны сведения об археологических долблёных лодках с территории Восточной Европы. Создана электронная база данных, в которой учтены 111 лодок и отражена вся ранее доступная и вновь полученная в ходе проекта информация об их географии, обстоятельствах и времени обнаружения, морфологических характеристиках, конструкции, породе дерева, датировке, GPS-координатах пункта находки, месте хранения и публикациях. По имеющимся данным проведено картографирование всех находок: лодки происходят с территории России, Латвии, Литвы, Беларуси, Украины, Молдовы и Приднестровья. Условно к восточноевропейским отнесены лодки из Армении, хронология которых надёжно определяется по погребальному контексту (рис. 1). Из длинной серии литовских лодок, затопленных в озёрах, многие из которых не поднимались из воды и опубликованы без иллюстраций, в базу данных были включены только те, которые имеют радиоуглеродные даты. Из 111 лодок 28 не сохранились до наших дней, 15 оставлены под водой, 24 исследованы археологическими методами, включая подводные работы. В результате систематизации собранных и полученных при реализации проекта материалов сформирован полноценный свод источников, характеризующих распространение и использование однодеревок в Восточной Европе с конца неолита вплоть до Новейшего времени.

Датирование долблёных лодок

В связи с отсутствием у большинства найденных долблёных лодок каких-либо хронологических индикаторов особое внимание уделялось радиоуглеродному датированию. Для этого производился отбор образцов

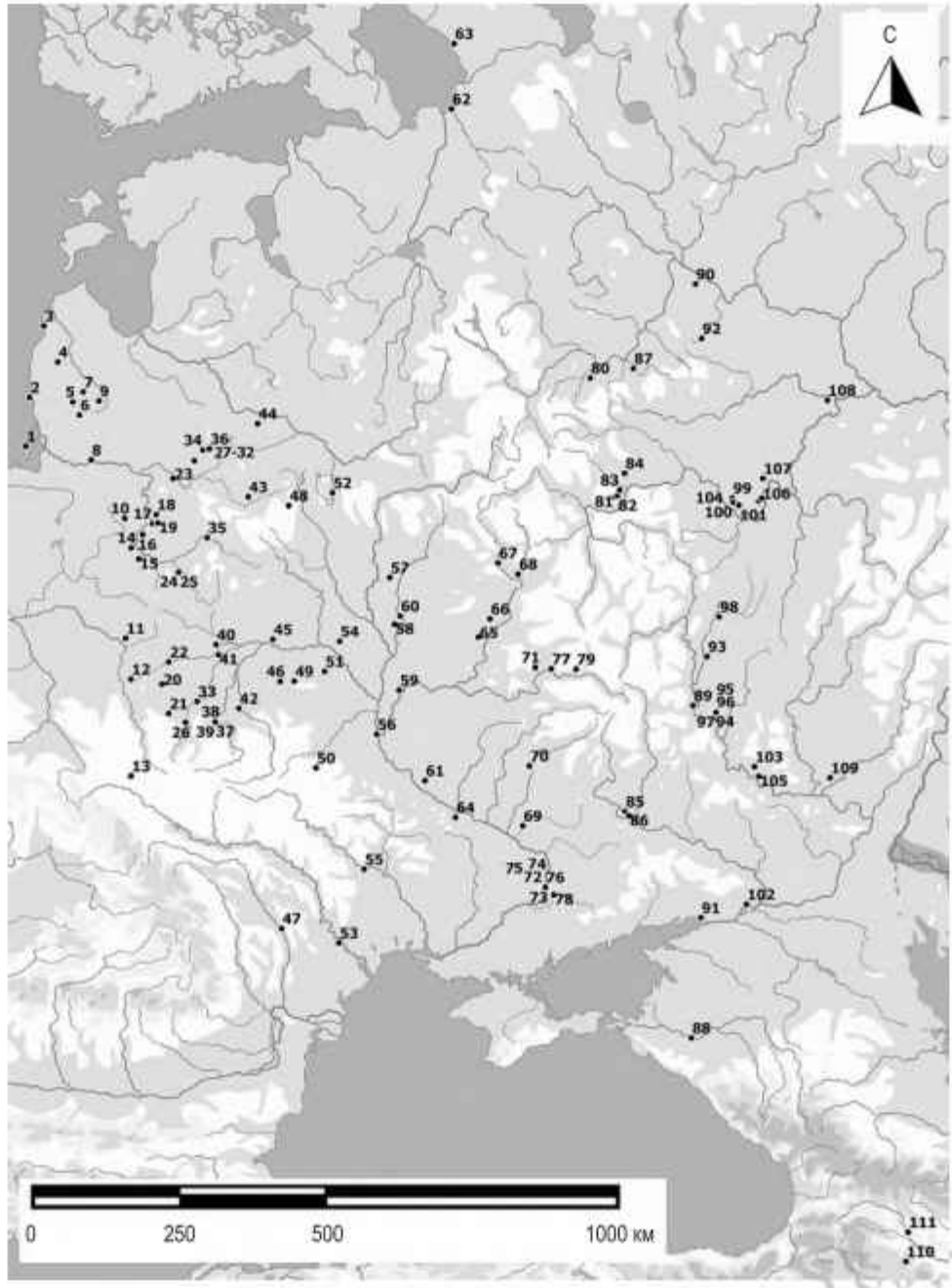

Рис. 1. Находки археологических долблёных лодок в Восточной Европе:

1 – Куршская коса; 2 – Швентойи 58; 3 – Сарнате; 4 – Плателяй 1; 5 – Маступис; 6 – Биржулис; 7 – Дягимай (Бачюнай); 8 – Нямунас (Кукарскес); 9 – Нелинда; 10 – Бальсис; 11 – Дружба (Скорбичи); 12 – Свитязь; 13 – Суховоля; 14 – Гродно; 15 – Корозичи; 16 – Молочное; 17 – Кастинис; 18 – Мяргяжярис; 19 – Линяжярис; 20 – Сереховичи; 21 – Ворончин; 22 – Турия; 23 – Думблюкас; 24–25 – Щара 1, 2; 26 – Стыр 1; 27 – Асвяя 1; 28 – Асвяя 3; 29 – Асвяя 4; 30–32 – Асвяя 6, 7, 8; 33 – Стыр 2; 34 – Пяршокшнай; 35 – Неман (Николаево); 36 – Шакалишке; 37 – Оржев 2; 38 – Оржев 3; 39 – Оржев 1; 40 – Пинск 1; 41 – Пинск 2; 42 – Ровно; 43 – Вилия; 44 – Иказнь; 45 – Долгая Дубрава; 46 – Хочино; 47 – Мэкэрешть; 48 – Запенье; 49 – Рудня Дубовая (Дубы); 50 – Червоное; 51 – Словечна; 52 – Асавец; 53 – Бендеры; 54 – Малые Автюки; 55 – Сабатиновка; 56 – Хотяновка; 57 – Литвиновичи (Струмень); 58 – Гомель; 59 – Десна 1; 60 – Ветка; 61 – Песчаное; 62 – Ладожская стоянка; 63 – Олонка; 64 – Тясьмин; 65 – Десна 2; 66 – Трубчевск; 67 – Вщиж; 68 – Десна 3; 69 – Орель; 70 – Ворскла; 71 – Курск 1; 72–76 – Хортица 1, 2, 3, 4, 5; 77 – Курск 2; 78 – Григоровка; 79 – Курск 3; 80 – Выголь; 81 – Алексин 2; 82 – Алексин 3; 83 – Алексин 1; 84 – Протва; 85 – Изюм; 86 – Оскол; 87 – Введенское; 88 – Кубань; 89 – Урыв-Покровка; 90 – Варегово болото; 91 – Ростов-на-Дону; 92 – Караш; 93 – Усманка; 94–97 – Щучье 1, 2, 3, 4; 98 – Липецк; 99 – Рязань 1; 100 – Рязань 2; 101 – Рязань 3; 102 – Пухляковский; 103 – Петропавловка; 104 – Рязань 6; 105 – Богучар; 106 – Рязань 5; 107 – Рязань 4; 108 – Плехановская стоянка; 109 – Медведица; 110 – Лчашен; 111 – Джуджеван

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

с предварительной оценкой степени сохранности изделий. По отобранным образцам определялись также породы древесины. Для минимизации повреждений лодок, являющихся зачастую экспонатами в действующих музейных экспозициях, группой реставраторов-участников проекта был разработан щадящий метод пробоотбора, создано специальное оборудование, определены условия и принципы пользования им, а также подобраны реставрационные материалы для визуальной нейтрализации места взятия образца. Апробация метода показала его эффективность и надёжность при отборе древесины лодок в Историческом музее, Эрмитаже и других. Из-за ковидных ограничений часть образцов была получена от сотрудников музеев почтой или с оказией.

Радиоуглеродное датирование в рамках проекта проводилось методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) на базе двух учреждений – Лаборатории радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии (Институт географии РАН, Москва) совместно с Центром изотопных исследований Университета Джорджии (г. Атенс, США) и Радиоуглеродной лаборатории г. Познани (Польша). Всего получены 25 радиоуглеродных дат. Учитывая прежние даты, полученные преимущественно сцинтилляционным методом, условия обнаружения и (в редких случаях) ситуативный археологический контекст, удалось установить абсолютный возраст 66 лодок с территории Восточной Европы, что составляет 60 % их общего числа.

Дендрохронологический метод непосредственно не использовался нами в рамках проекта, однако в нашем распоряжении оказались дендродаты двух белорусских долблёнок. Первая лодка была найдена в 2017 г. в р. Неман у д. Николаево Ивьевского района Гродненской области. После паводка в 2018 г. лодка была поднята археологами и поступила на хранение в Музей древнебелорусской культуры в Минске. Лодка крупная, выдолблена из цельного дубового ствола. Две переборки делят её на три отсека. По правому борту в носовом, центральном и кормовом отсеках сделаны три подпрямоугольных отверстия 8×7 см. Наличие этой особенности позволяет интерпретировать находку как часть наплавного моста или парома либо спаренной лодки. Дендродата лодки указывает на рубку дерева между 1500–1510 гг., что позволяет датировать саму лодку началом – первой четвертью XVI в. [1]. Полученная в рамках проекта AMS-дата хорошо верифицирует дендродату – 545±20 BP (IGAN-9502) – и в калиброванных значениях соответствует XVI в.

Вторая белорусская лодка была найдена в русле р. Свислочь у д. Корозичи Гродненского района Гродненской области. Она хранится в Гродненском государственном историко-археологическом музее и представляет собой фрагмент носовой части с одной сохранившейся переборкой. Лодка, по-видимому, была небольшой и низкобортной, изготовлена из дуба. Есть сведения о дендродате, которая указывает на XV в. [2]. Полученная в рамках проекта AMS-дата 545±20 BP (IGAN-9507) хорошо верифицирует её, соответствуя по калиброванным значениям XIV–XV вв.

Дендрологическое исследование

В рамках нашего проекта породы дерева были определены для 21 археологической лодки с территории Восточной Европы научным сотрудником ИА РАН Л.Н. Соловьёвой. По другим 62 лодкам данные о породе дерева взяты из публикаций и архивных источников. В них не всегда присутствует ссылка на автора исследования, поэтому часть этих определений может оказаться ошибочной. Основная масса лодок сделана из дуба. Меньшинство представлено сосной, елью, осиной, вязом, липой и тополем (?). Среди самых северных находок, локализованных в Московской и Тульской областях, к отличным от дуба породам относятся 5 экз.: сосна (3 лодки), осина и, возможно, тополь (по 1 лодке). В Литве таких 13 лодок. Они сделаны из сосны (11 лодок), ели и липы (по 1 лодке). Географический и хронологический тренды в выборе конкретной породы дерева для лодки достаточно очевидны. В настоящее время дуб и сосна формируют целые лесные массивы, как, например, в Черноземье, где дуб составляет более 50 %, а на втором месте сосна. После Малого климатического оптимума с XIII–XIV вв. климатические условия становятся более суровыми. С сокращением периода вегетации северная граница распространения лиственных пород деревьев, к которым относится и дуб, сместилась к югу. Дуб является медленнорастущим и при этом весьма востребованным, особенно в строительной сфере. В Центральной России Нового и Новейшего времени его ресурсная база резко снизилась. Одной из причин уменьшения количества дубов здесь являлась интенсивная вырубка, которая происходила параллельно с ростом экономики и речной торговли. Принимая во внимание тот факт, что древесина дуба сохраняется в условиях влажного грунта лучше, чем древесина иных пород, можно предполагать, что археологические лодки без дендрологических определений, найденные южнее 50-й параллели, особенно крупные экземпляры, были сделаны именно из дуба. Использование дуба вовсе не является прерогативой исторического времени, судя по дате лодок Щучье 1 и Швентойи 58 [3; 4]. Несмотря на твёрдую древесину, обработка дуба могла вестись каменными орудиями: помимо литовских материалов об этом свидетельствуют многочисленные примеры из Западной Европы, в том числе две дубовые долблёнки в Италии и Словении, одни из древнейших (возрастом около 6000 лет до н. э.) [5; 6].

Древнейшие лодки на территории Восточной Европы

Помимо долблёных лодок ещё с мезолита и неолита в лесной зоне Восточной Европы, вероятнее всего, использовались берестяные, а также каркасные лодки, обтянутые шкурами животных. Об их бытовании свидетельствуют косвенные данные источников: лёгкие небольшие вёсла с ряда мезолитических и неолитических памятников, а также керамическая модель каноэ из Шагарского могильника в Рязанском Поочье, датированная рубежом III–II тыс. до н. э. Берестяная лодка как индивидуальный транспорт использовалась на территории нынешних Архангельской области и Республики Коми до XVII в. включительно, пока не была

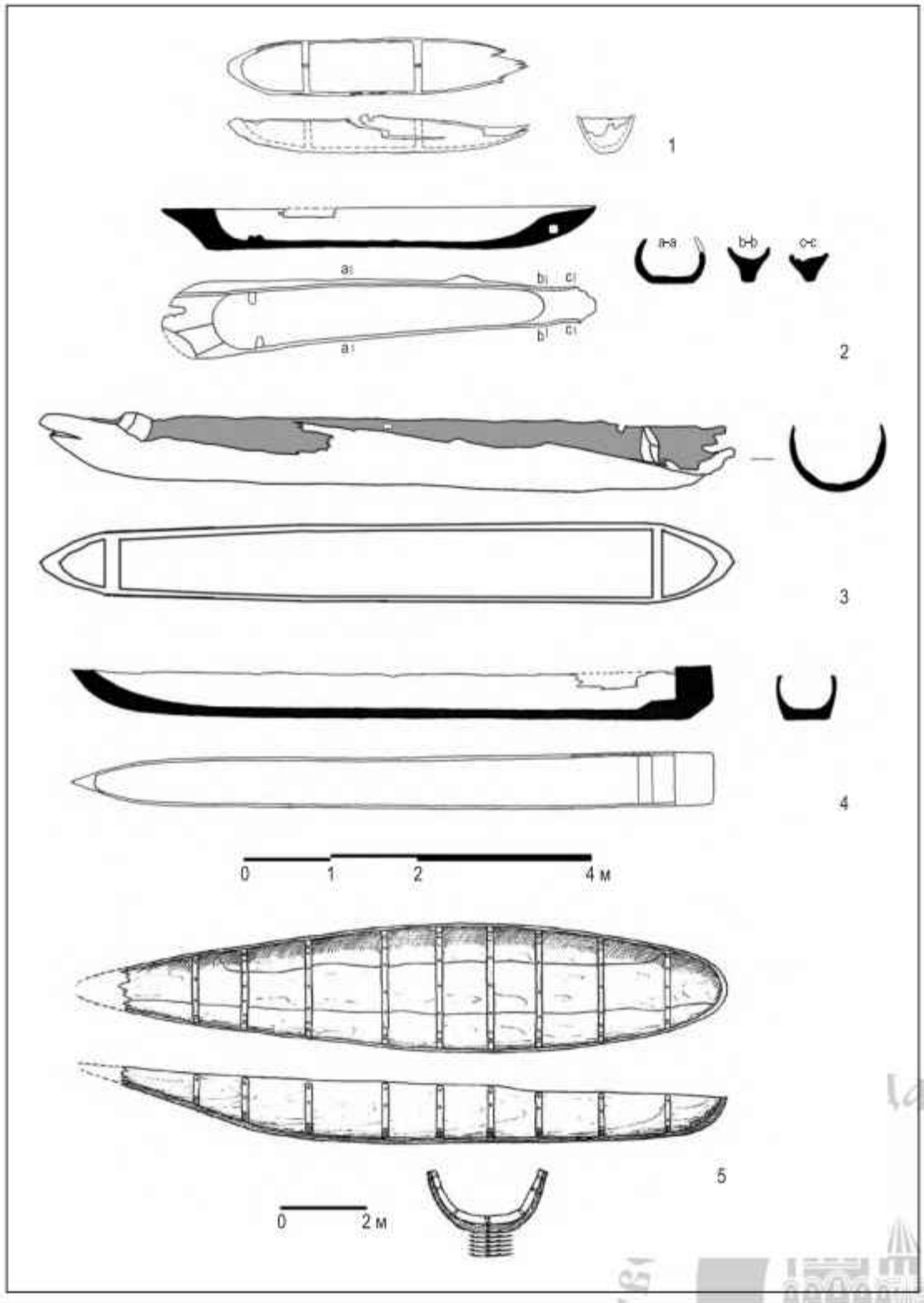

Рис. 2. Примеры долблёных лодок разных морфологических групп: 1 – группа 1, лодки длиной до 6 м с монолитными переборками (Пухляковский); 2 – группа 2, лодки длиной до 6 м без переборок (Хортица 1); 3 – группа 3, крупные высокобортные лодки длиной от 6 м с переборками (Неман/Николаево); 4 – группа 4, крупные высокобортные лодки длиной от 6 м без переборок (Протва); 5 – группа 5, сложносоставные лодки (Оржев 1)

Государственный объединенный музей

окончательно вытеснена дощатыми судами. Этой теме был посвящён, в частности, наш совместный доклад с А.В. Шутихиным на тверском семинаре в 2021 г. и сдана в печать статья [7]. К временно́му промежутку от конца каменного века до раннего Средневековья относятся 6 лодок.

1. Древнейшая лодка-однодеревка в Восточной Европе найдена в Литве летом 2015 г. при раскопках группы стоянок каменного и бронзового веков Швентойи (г. Паланга), она залегала на дне палеоозера. Лодка сделана из дуба и сохранилась почти полностью. По правому борту имеются пять округлых отверстий диаметром 2 см. Дно округлое, было повреждено в древности. Рядом была найдена дубовая доска, возможно, балансир от данной лодки, длиной около 3 м. Радиоуглеродное датирование методом AMS, выполненное в нескольких лабораториях, показало календарный возраст лодки между 2900–2600 гг. до н. э. (финал каменного века – ранний период эпохи бронзы, вероятно, культура шнуровой керамики) [4].

2. Особое внимание в рамках проекта было уделено долблёной лодке, которая с 1956 г. постоянно экспонируется в Государственном историческом музее (Москва, Россия). Найденная за два года до этого в размыве поймы правого берега р. Дон у села Щучье Лискинского района Воронежской области, эта лодка в СССР стала первой расчищенной и зафиксированной с помощью методов археологических раскопок. Тогда лодку гипотетически отнесли к концу неолита – началу бронзового века. В результате проведённых по проекту междисциплинарных исследований установлены датировка, культурная принадлежность и предназначение щучьинской лодки. Впервые для неё получены AMS-даты, которые указывают на XVIII–XVII вв. до н. э. – время экспансии срубной культуры в Подонье. На основе полученных в ходе полевой экспедиции данных был предпринят анализ археологических памятников (курганов, поселений) в окрестностях находки, а с применением методов геоморфологии и почвоведения реконструирован ситуативный палеоэкологический контекст. В основном своём качестве лодка была средством локальной внутриплеменной коммуникации с широким спектром применения, включая перевозку тяжёлых грузов, людей и скота. На сегодняшний день это самая древняя однодеревка в южной половине Восточной Европы, самая древняя на территории России и единственная, которая связана с номадами бронзового века [3; 8].

3. Ещё одна грузовая лодка хранится в Государственном Эрмитаже. Она была найдена в 1961 г. учителем Марковым (Мирковым?) в р. Медведице (левый приток р. Дон) на территории Волгоградской области. Сейчас лодка находится в комплексе «Старая Деревня». Она дубовая, крупногабаритная, высокобортная. На вытянутом носу вырублено сквозное отверстие. Сохранилась низкая переборка, оставленная при долблении. Полученная в рамках проекта AMS-дата 1860±20 BP (IGAN-9500) в калиброванных значениях соответствует II–III вв. н. э. В междуречье Дона и Волги это время безраздельной экспансии сарматов [9].

4. Лодка найдена в 2013 г. у д. Дружба (старое название д. Скорбичи) Брестского района Брестской области Беларуси в песчаном карьере у р. Лесная, притока Западного Буга. Законсервировать её не удалось – археологи смогли произвести лишь расчистку, замеры, фотографирование и отбор образцов. Это сделанная из сосны небольшая низкобортная лодка, дно и борта которой снаружи были покрыты смолой. Видимо, в носовой и кормовой частях имелось по одной переборке, оставленной при долблении. На носу и корме лежали кучами камни, что могло бы свидетельствовать об оставлении лодки в результате неудачного разведения бортов. В лодке обнаружены пять фрагментов керамики раннего железного века. Предшествующее радиоуглеродное датирование сцинтилляционным методом показало, что лодка была изготовлена в диапазоне IV–I вв. до н. э. Полученная в рамках проекта AMS-дата подтверждает это: 2070±30 BP (IGAN-9505), что в калиброванных значениях соответствует I в. до н. э. – I в. н. э. Лодка может относиться к поморской, вельбарской или пшеворской археологическим культурам [9; 10].

5. Лодка найдена в 1878 г. при работах по прокладке Сясьского канала на территории нынешней Ленинградской области и опубликована в монографии А.А. Иностранцева [11]. В отложениях слоистого песка на дне канала, где она залегала, обнаружены различные артефакты, включая кости человека, которые встречались на протяжении 16 км от правого берега р. Волхов и д. Немятово до урочища Коровкино. Лодка хранится в музее-заповеднике «Старая Ладога», сделана из дуба. Дно лодки плоское. Закруглённая корма имеет монолитное подобие сиденья. На расстоянии 112 см от края кормы сделана перегородка, оставленная при долблении. Общие габариты позволяют реконструировать её как небольшое промысловое низкобортное судно, в котором перегородка, возможно, отделяла садок для пойманной рыбы. Радиоуглеродная дата, полученная в 1960-х гг., – 1930±65 BP (Ле-365) – давала основание отнести лодку к раннему железному веку, точнее к I в. до н. э. – II в. н. э. Полученная в рамках проекта AMS-дата 1325±20 BP (IGAN-9501) в калиброванных значениях соответствует VIII–IX вв. н. э. [9].

6. Лодка была найдена осенью 2012 г. в частично высохшем русле р. Прут у с. Мэкэрешть Унгенского района Республики Молдова. Хранится в музее истории и этнографии г. Унгень. Лодка небольшая, сделана из вяза. Внутри три переборки, оставленные при долблении. Полученная в рамках проекта AMS-дата 1160±25 BP (IGAN-9503) в калиброванных значениях соответствует IX–X вв. н. э. [9].

Классификация долблёных лодок

В результате систематизации данных о габаритах, деталях конструкции и хронологии 41 лодки выделены пять конструктивно-морфологических групп долблёных лодок: 1) индивидуальная с переборками (рыбацкая), 2) индивидуальная без переборок, 3) грузовая с переборками, 4) грузовая без переборок, 5) грузовая с разводными бортами и шпангоутами. Сильно фрагментированные лодки, а также те из них, для оценки которых недостаточно имеющейся фото- и графической документации, выведены за рамки классификации.

Группа 1 насчитывает **15 экз**. Это лодки длиной до 6 м с монолитными переборками толщиной от 5 до 10 см в количестве от одной до трёх (*Рязань 1, Рязань 2, Корозичи, Гродно, Пинск 1, Щара 2, Богучар, Курск 1, Курск 2, Липецк, Орель, Турия, Десна 2, Пухляковский, Мэкэрешть* (наименования лодок курсивом даны по публикации-каталогу [9]). Чаще встречаются лодки с двумя переборками. На примере единственной пока в России доисторической лодки Щучье 1 при сопоставлении её с лодкой близкого возраста из Литвы (Швентойи 58) и рядом археологических долблёных лодок Западной Европы можно утверждать, что оставление высоких (до уровня борта) цельных переборок внутри корпуса было относительно поздней технологией, связанной с использованием исключительно железных рубящих орудий.

Низкие порожки на дне лодок появились ещё в мезолите и раннем неолите, но встречались крайне редко. Они служили для зонирования лодки, для упора ног гребца, возможно для накладки сверху «сухого» настила. Несколько позже, в позднем неолите и бронзовом веке Западной Европы, они стали использоваться для крепления на них через пропиленный паз вставных перегородок, причём точно так же могла крепиться и вставная кормовая доска. Ещё в начале нашей эры переборки европейских лодок едва достигают по высоте середины борта. Высокие переборки впервые появляются у лодок в Западной и Центральной Европе в IX–XI вв. [12]. Лодка Мэкэрешть с тремя высокими переборками, датированная в рамках проекта IX–X вв., а также лодка с Ладожской стоянки, датированная VIII–IX вв., как раз входят в число наиболее ранних экземпляров – представителей этого типа. Судя по картографированию средневековых и более поздних долблёнок, наличие высокой переборки, вероятно, было характерным на востоке Центральной Европы и во всей Восточной Европе. В Западной Европе практически единственная такая лодка «с рыболовным ящиком» найдена в Германии (оз. Арендзее, конец XIV в.) [13]. Высокая переборка не только отлично зонировала лодку, но и добавляла прочности корпусу. При её ширине в 10 см гребец или пассажир вполне могли сидеть на ней. Целый ряд лодок Восточной Европы, датированных Новым временем (начиная с XVI в.), имеет две переборки в центральной части, что может свидетельствовать о чётко выраженной рыболовной специализации – с предусмотренным устройством садка для рыбы или мокрой снасти. Эти лодки имеют небольшие размеры (до 6 м), рассчитаны на одного-двух человек и груз [14]. По Восточной Европе нами учтены 12 таких лодок [9]. Скорее всего, помимо промысловой функции они использовались в качестве повседневного индивидуального транспортного средства.

Группы 2, 3, 4. Группа 2 в целом сходна с группой 1, однако лодки этой группы не имеют монолитных переборок (*Алексин 2, Хортица 1, Выголь, Гомель, Словечна*). Группа 3 включает в себя крупные высокобортные лодки длиной от 6 м, наделённые монолитными переборками (двумя или тремя) (*Хортица 2, Сабатиновка, Хочино, Хотяновка, Неман, Десна 1*). Группа 4 в целом сходна с группой 3, но эти лодки не имеют монолитных переборок (*Куршская коса, Протва, Щучье 1, Щучье 2, Урыв-Покровка, Трубчевск, Медведица, Алексин 1, Введенское, Хортица 3, Литвиновичи, Стыр 2, Ровно, Ворскла, Изюм, Кубань, Бендеры*). Лодки этих групп встречаются повсеместно и использовались во все времена. Группа 2 – лодки длиной от 3 до 6 м (5 экз.); группа 3 – лодки с переборками, длиной более 6 м (6 экз.); группа 4 – такие же крупные лодки, но без переборок (17 экз.). Лодки последних двух групп, за редким исключением, следует считать грузовыми. Лодки *Неман* и *Ворскла*, относящиеся к грузовым по своим габаритам, тем не менее, по конструктивным особенностям могут интерпретироваться двояко: и как суда, которые ходили в спарке, и как поплавки понтонных переправ. Ещё несколько грузовых лодок, имеющих отверстия в бортах и/или носу (для крепления такелажа), могли ходить в спарке или являться частью катамарана (*Алексин 1, Щучье 2, Изюм, Введенское*) [9].

Группа 5 – сложносоставные лодки (4 экз.): лодка *Вщиж* (XIII–XIV вв.) и лодки *Оржев 1, 2, 3* (предположительно Новое время). Долблёный из дуба корпус у них имел разводные борта (по технологии распаривания мокрого дерева и закрепления распорками до полного высыхания) и составные шпангоуты. Три из четырёх упомянутых лодок относятся к категории грузовых судов [9]. Сама эта технология зародилась ещё на рубеже эр и в эпоху Великого переселения народов в Северной Европе [15]. Долблёнки с разводными бортами, шпангоутами или бимсами в Центральной и Восточной Европе больше известны по этнографии. Например, эстонский «хааблас» недавно был включен в список нематериального наследия ЮНЕСКО [16]. По-видимому, такие лодки сосуществовали с другими видами водного транспорта и в гораздо более раннее время. Датский путешественник Томас Франк прошёл на подобной лодке в 2021 году от Старой Ладоги до Астрахани [17].

Хронология долблёных лодок

Обобщение и комплексный анализ собранных в ходе проекта материалов, включая результаты радиоуглеродного датирования, археологический контекст, морфологические аналогии, конструктивные и технологические особенности, вид и состояние древесины, позволили выявить локальную и хронологическую специфику использования долблёных лодок разных типов и конструкций. В итоге удалось наметить этапы развития данного вида водного транспорта на территории Восточной Европы с древности до первой половины XX в. Выделенные хронологические этапы представлены объектами исследования неравномерно и охватывают пять в разной мере протяжённых исторических периодов: 1-й период – финал каменного века – ранний железный век (вторая половина IV тыс. до н. э. – III в. н. э.) – 6 лодок; 2-й период – раннее и развитое Средневековье (V–XII вв.) – 5 лодок; 3-й период – позднее Средневековье (XIV–XV вв.) – 11 лодок; 4-й период – Новое время (XVI–XIX вв.) – 23 лодки; 5-й период – Новейшее время («этнография») – 9 лодок (датировка периодов 2–4 – по С.В. Шполянскому).

Финал каменного века – ранний железный век. Древнейшими свидетельствами использования долблёных лодок на территории Восточной Европы являются фрагменты бортов нескольких лодок из раскопок

поселения Сарнате в Латвии. К сожалению, по этим фрагментам нельзя составить представления о самих челнах [18]. Самая древняя из сохранившихся – лодка *Швентойи 58*. Она единственная могла иметь балансир и по своим размерам находится на границе индивидуальной и грузовой групп. Лодки *Щучье 1 и Медведица* – крупногабаритные и по конструктивно-морфологическим признакам были многофункциональными. Принадлежность этих лодок скотоводам с подвижной моделью экономического уклада позволяет предполагать их использование, в том числе, для переправы скота. Лодка *Дружба*, судя по археологическому контексту, могла стать бракованной в процессе разведения бортов. В таком случае она гипотетически является одним из ранних образцов этого типа в Европе. Лодки эпохи бронзы *Лчашен и Джуджеван* (Армения) сильно повреждены, поэтому сложно оценить их функцию. Материал всех сохранившихся судов – дуб.

Раннее и развитое Средневековье. Количественно преобладают индивидуальные лодки. Суда *Мэкэрешть и Ладожская стоянка* имеют высокие переборки, что для данного периода в Европе может считаться инновацией. Ступень на корме *Ладожской* лодки находит аналоги среди западно- и центральноевропейских лодок, датированных от рубежа эр до X в. [12]. Лодки *Песчаное, Хортица 4 и Хортица 2* (последняя – грузовая по своим габаритам) имеют низкие переборки [9], что типично для этого периода в Европе. Основной материал для долблёнок – дуб. Единично зафиксирован вяз. Липа и сосна определены для литовских лодок, не поднимавшихся из воды.

Позднее Средневековье. К этому времени относятся восемь грузовых и три индивидуальные лодки. Обращает на себя внимание разнообразие типов и функционала грузовых лодок: *Вщиж* имеет разводные борта со шпангоутами, *Стыр и Алексин 1* предназначены для спарки, остальные лодки – с переборками и без них. Среди материала для долблёнок преобладает дуб, встречается сосна [9].

Новое время. Это период бурного экономического развития европейских стран и интенсификации внутренней торговли. На него приходится наибольшее количество археологических лодок. Большинство из них сделано из дуба, но есть и экземпляры из сосны. Среди индивидуальных лодок две без переборок (*Выголь, Кубань*), одна с одной переборкой (*Богучар*), одна со шпангоутами (*Оржев 3*). Семь лодок с двумя переборками (*Рязань 1, 2, Липецк, Курск 1, 2, Турия, Орель*), возможно, относятся к индивидуальным специализированным рыболовным судам. У грузовых судов наблюдается типологическое и функциональное сходство с лодками предыдущего периода. Среди них одна лодка с переборками (*Десна 1*), несколько лодок – без переборок (*Трубчевск, Изюм, Бендеры, Серпухов, Ровно*); одна лодка для спарки (*Щучье 2*), возможные понтонные поплавки – два судна (*Неман, Ворскла*), и наконец, ещё две – с разводными бортами и шпангоутами (*Оржев 1, 2*) [9].

Этнографические лодки. Эти долблёнки, скорее всего, были сделаны и использовались уже в XX в. В нашей базе данных их не меньше девяти, четыре из которых датированы AMS-методом радиоуглеродного анализа. Три судна – грузовые по габаритам и не имеют переборок (*Куршская коса, Литвиновичи, Введенское*). Лодка из Введенского в Подмосковье с большой долей вероятности являлась частью катамарана или спарки. Шесть лодок – индивидуальные по габаритам. Две из них не имеют переборок (*Гомель, Щучье 2*). У одной лодки сохранилась только одна переборка (*Гродно*). Ещё три лодки представляют тип, зафиксированный для предыдущего периода: индивидуальное с двумя высокими переборками, возможно, специализированное рыболовное судно (*Пинск 1, Десна 2, Пухляковский*). Для долблёнок использовались дуб и другие породы, например, осина (*Введенское*) [9].

Заключение

Таким образом, по итогам проекта сформирована научно обоснованная картина развития и распространения наиболее популярного вида озёрно-речных плавательных средств, какими являются долблёные лодки, на территории Восточной Европы от древности до современности. Перспективна дальнейшая работа по сбору информации о новых случайно обнаруженных долблёных лодках, обследованию их прямо на месте находки и отбору образцов для анализов с дальнейшей передачей их в лаборатории для датирования, дендрологического исследования и при возможности дендрохронологического изучения. К большому сожалению, основными проблемами остаются:

1) невежество и вандализм местных жителей;

2) поспешные и необдуманные решения местных краеведов, музейщиков и/или властей по немедленной выемке лодки и отправке на хранение в необорудованные помещения без обеспечения надлежащей консервации и реставрации, температурно-влажностного режима;

3) получение целевого финансирования на эти археологические и реставрационно-музейные нужды.

Гораздо безопаснее для новой найденной лодки будет оставить её *in situ*, предварительно взяв образцы. Затем, после получения надёжных результатов по образцам, можно и нужно начинать долгую, кропотливую и затратную работу по проведению раскопок, консервации, реставрации и музеефикации лодки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Линевич С.Б.* Находка деревянного плавательного средства возле д. Николаево Ивьевского района Гродненской области Республики Беларусь // Вопросы подводной археологии. Вып. 10. М.: Московский подводно-археологический клуб, 2019.

2. *Лакіза В.Л.* Новыя знаходкі старажытных чаўноў на Панямонні // Беларускі гістарычны часопіс. Мінск: Веды, 1997. Вып. 1.

3. Датировка и исторический контекст долбленой лодки ГИМ по данным комплексных исследований / *Е.П. Так, Е.А. Каштова, Д.Ю. Давыдов, А.В. Скоробогатов, М.В. Ельцов* // Stratum plus. СПб.-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2021. Вып. 2.

4. *Piličiauskas, G., Piličiauskas, G., Pranckėnaitė, E., Peseckas, K., Mažeika, J., Matuzevičiūtė, S.* Ancient logboats in Lithuania: new finds, wood taxa and chronlogy // Radiocarbon, 2020.
5. *Mineo, M., Bao, J., Caruso Ferme, L., Cubas, M., Remolins, G., Mazzucco, N.* Las piraguas de La Marmotta, auténtica ingeniería para navegar por el Mediterráneo durante la expansión neolítica // Drassana. 29. Barcelona, 2022.
6. *Erič, M., Kavur, B.* Late Mesolithic logboat from Hotiza. In: Gaspari, A., Erič, M. (eds.) Potopljena preteklost. Arheologija vodnyh okolij in raziskovanje podvodne kulturne dediščine v Sloveniji. Ljubljana, 2012.
7. *Kashina, E., Shutikhin, A.* Visible and invisible water transport components of the East European Plain and Trans-Urals in prehistory. In: Proceedings of the International Symposium of Boat & Ship Archaeology 16. Zadar: University of Zadar (in print).
8. *Кашина Е.А.* Долбленая лодка с Дона в экспозиции Государственного исторического музея: история находки и проблема датировки // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45. № 1. Новосибирск, 2017.
9. *Кашина Е.А., Гак Е.И., Окороков А.В.* Археологические находки долбленых лодок на территории Восточной Европы (иллюстрированный каталог) // Окороков А.В. (отв. ред.). Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 1. М., 2021.
10. *Анэйчык В.У., Белявец В.Г.* Рэшткі драўлянага чоўна з-пад в Скорбічы (Дружба) у Беларускім Пабужжы // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя. Вып. 3. Мінск, 2020.
11. *Иностранцев А.А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
12. *Arnold, B.* Pirogues monoxyles d'Europe centrale: construction, typologie, evolution // Archéologie Neuchâtelloise 20. 1. Neuchâtel, 1995.
13. *Leineweber, R., Lübke, H.* The logboat of Lake Arendsee: new evidence of inland watercrafts in Sachsen-Anhalt, Germany. In: Bockius, R. (ed.). Between the Seas. Transfer and exchange in nautical technology. Proceedings of the Eleventh International Symposium of Boat and Ship Archaeology, Mainz 2006. Mainz, 2009.
14. *Ossowski, W.* Some results of the study of logboats in Poland. In: J. Litwin (ed.) Down the River to the Sea: Proceedings of the 8th International Symposium on Boat and Ship Archaeology. Gdańsk, 2000.
15. *Van de Moortel, A.* Medieval boats and ships of Germany, the Low Countries, and northeast France – archaeological evidence for shipbuilding traditions, shipbuilding resources, trade and communication. In: F. Bittman et al. (eds.). Settlement and Coastal Research in the Southern North Sea Region. 34. Rahden/Westfalen. 2011.
16. Интернет-ресурс: https://et.wikipedia.org/wiki/Aivar_Ruukel.
17. *Frank, T.,* Rediscovering Russian-Scandinavian relations: The role of medieval Russian waterways // Scandinavian Philology, 2020, vol. 18, issue 2.
18. *Ванкина Л.В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.

ФГБУК «Государственный исторический музей», Москва

E.A. Kashina, E.I. Gak

ARCHAEOLOGICAL FINDS OF LOGBOATS IN EASTERN EUROPE: RESULTS OF THE STUDY (2019–2021)

Summary

The article presents the results of the project investigating of one of the oldest means of water transport – the dugouts (logboats), which were found occasionally or during the archaeological excavations at the territory of Eastern Europe. In the course of monitoring and analysis of different information sources, the data on 111 finds were collected and structured in frames of a digital database. Among the problems solved during the whole project term were those: definition and verification of dugout age, evolution of their morphology, construction, technology, functions in time and space. The complex approach was applied, based on a synthesis of humanities, natural and applied science methods: archaeology, history, shipbuilding, isotope geochemistry, pedology and dendrology. As the majority of finds lack any chronological indicators, the attention was paid to the radiocarbon dating. The main result of our study is the emergence of new scientific evidence on the ancient water transport means' development and dissemination in Eastern Europe and neighboring regions. The project results have the practical significance for the correct museum exibiting, for the improvement of radiocarbon dating sample taking methods, for the conservation, and restoration of archaeological wooden vessel finds.

Federal State Budgetary Institution of Culture "The State Historical Museum", 1, Krasnaya Sq., Moscow, 109012, Russia
E.A. Kashina – E-mail: eakashina@mail.ru
E.I. Gak – E-mail: e.i.gak@mail.ru

Тверской государственный объединенный музей

И.В. Калинина, В.И. Дейкун, В.Н. Колесин

РАННИЙ КОМПЛЕКС КОСТЯНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ИЗ ПЕЩЕРЫ «КАМЕНЬ ДЫРОВАТЫЙ» (ИЗ РАСКОПОК Н.А. ПРОКОШЕВА)

В Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранятся две коллекции наконечников стрел из раскопок Н.А. Прокошева пещеры «Камень Дыроватый» на реке Чусовой. Данная работа посвящена публикации раннего комплекса, насчитывающего около 3 тысяч костяных наконечников стрел, по технологическим и типологическим характеристикам датируемых мезолитом – неолитом.

Предполагаемая функция явилась основанием для выделения колющих, колюще-ударных и колюще-режущих наконечников стрел. Всего выделены 19 их типов. Большинство типов представлены устойчивыми сериями наконечников, имеющих аналоги на памятниках Восточной Европы и Урала.

В отделе колюще-режущих наконечников наиболее многочисленными являются массивные наконечники типов 12, 13 и 18, изготовленные из костей лося, свидетельствующие об интенсивной охоте на этого самого крупного промыслового зверя. Гравированные, окрашенные охрой орнаменты на них определяют культовый характер пещеры «Камень Дыроватый».

Индивидуальные особенности морфологии некоторых наконечников не связаны ни с естественной формой костей животных, используемых в изготовлении, ни с их функциональным назначением. Нами было высказано предположение, что морфология этих наконечников отражает семантику стрелы в архаических образных представлениях о «смерти-жизни».

DOI: 10.70203/1295.2024.22.59.017

В Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа хранятся две коллекции наконечников стрел из раскопок Н.А. Прокошева пещеры «Камень Дыроватый» на реке Чусовой. В 1951 году коллекции были переданы из ГАИМК в Государственный Эрмитаж. Всего по инвентарной описи № 23 и инвентарю № 592 числятся 6754 единицы хранения, из них 1065 – каменные наконечники, в том числе вкладыши, выпавшие из костяных оправ, 561 – бронзовые, 143 – железные, 4985 – костяные наконечники стрел. Сохранились деревянные наконечники с утолщённой головкой и обломанными черешками (4 экземпляра), а также обломки деревянных древков.

Работа по систематизации и изучению наконечников стрел была начата коллективом исследователей в начале 1990-х годов. С.В. Кузьминых выделил типы бронзовых наконечников стрел, характерные для территории Волго-Уралья, к сожалению, оставшиеся неопубликованными. Л.Я. Крижевская занималась классификацией каменных наконечников, позднее исследование их продолжила Т.М. Гусенцова [1, с. 373–390]. Изучение костяных наконечников, предпринятое И.В. Калининой и Г.Т. Ленц, было направлено на разработку функционально-технологического подхода, позволяющего, как предполагалось, наметить схему развития костяных наконечников стрел на протяжении всего голоцена. Работа осталась незавершённой, опубликованы только тезисы о принципах функционально-технологического подхода [2, с. 15–16] и разработанная Г.Т. Ленц классификация средневековых наконечников стрел [3, с. 208–210]. И.В. Калининой опубликованы две статьи, посвящённые семантике орнаментов на мезолитических костяных наконечниках стрел [4, с. 393–401; 5, с. 351–372], и статья, написанная совместно с орнитологом А.В. Пантелеевым, о семантике форм одной серии мезолитических наконечников стрел [6, с. 521–530]. Костяные наконечники стрел из пещеры «Камень Дыроватый» на протяжении ряда лет были темами курсовых и дипломной работ В.И. Дейкун (руководитель И.В. Калинина), что заставило вновь обратиться к проблеме соотношения функционально-технологического и формально-морфологического подходов при классификации наконечников [7, с. 516–520].

Данная работа посвящена публикации раннего комплекса костяных наконечников стрел, которые по технологическим и типологическим характеристикам датируются мезолитом – неолитом.

Принципы классификации наконечников

Отделы: предполагаемая *функция* является основанием для выделения колющих, колюще-ударных и колюще-режущих наконечников стрел.

Типы определяет *форма рабочей части* наконечника: *остриё* – коническое, трёхгранное или фигурно оформленное; *головка* – коническая, биконическая или биконического облика; *лезвие* – заточенное или с пазами для вкладышей. По наличию черешка выделены типы черешковых и бесчерешковых наконечников.

Подтипы характеризуются *морфологическими различиями в оформлении рабочей части* наконечников.

Варианты типов, подтипов выделены по *форме насада* наконечника: *клиновидный*, *клиновидный с уступом*; *конический гладкий*, *конический гранёный*, *конический с уступом*; *клинковидный* (рис. 1).

Бóльшая часть наконечников при стрельбе из лука из-за попадания в каменный свод и стены пещеры сохранилась в обломках. В подсчёт включены более или менее крупные фрагменты наконечников (экземпляры), позволяющие определение как типа наконечника, так и варианта типа по насаду, а также фрагменты наконечников (обломки), характеризующие только тип наконечника[1]. В описании типов указана длина сохранившейся части наконечника, так как у наконечников остриё или кончик острия, как правило, обломаны. Нумерация типов сплошная.

ОТДЕЛ КОЛЮЩИХ НАКОНЕЧНИКОВ

Отдел колющих наконечников представляют игловидные наконечники – сужающиеся на остриё стержни – с насадами: клиновидными, иногда оформленными уступами, коническими или клинковидными.

Тип 1. Игловидные наконечники

К типу игловидных отнесены наконечники длиной от 15 до 25 сантиметров, со стержнями округлого, а также треугольно-выемчатого сечения. Треугольно-выемчатое сечение стержней образуется за счёт используемого участка костяной трубки, имеющей естественное ребро жёсткости и выемку с внутренней стороны. У одного наконечника длиной 18 см, округлого в сечении, по всей длине стержня – два ряда продолговатых углублений (рис. 2: 1). Выделить обломки игловидных наконечников среди многочисленных обломков стержней, относящихся к черешкам наконечников других типов, не представляется возможным.

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз.

Наконечник с округлым в сечении стержнем диаметром 0,9 см имеет в длину 23 см (рис. 3: 1). Два наконечника с треугольно-выемчатым сечением длиной 15 и 18,5 см оформлены при переходе к насаду уступом (рис. 3: 2, 3).

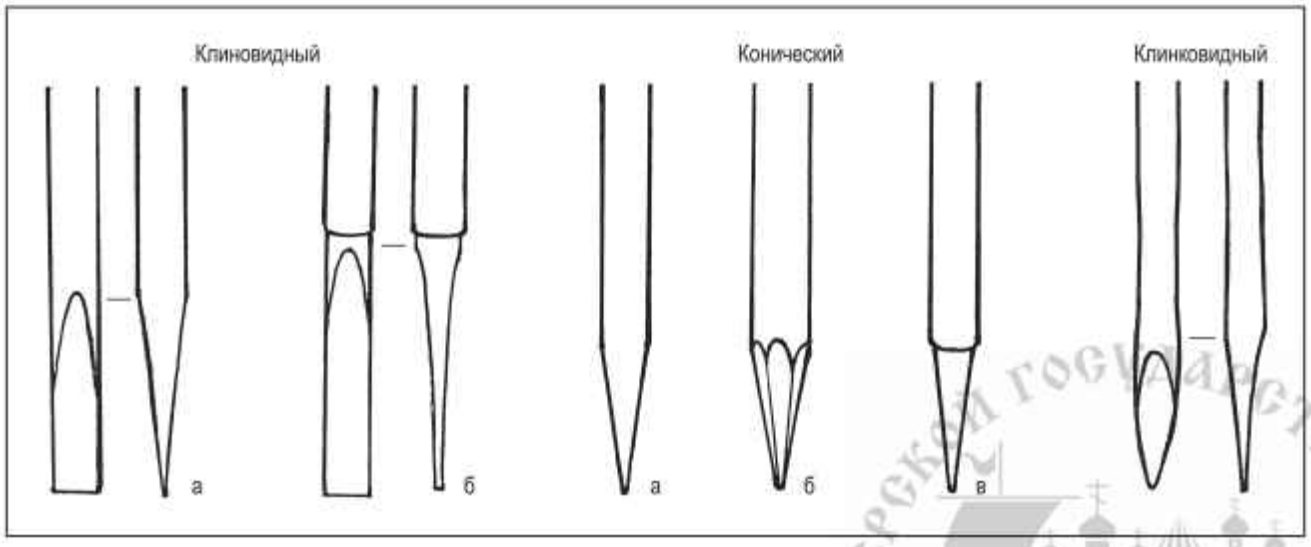

Рис. 1. Формы насадов наконечников. **Клиновидный**: а – клиновидный, б – клиновидный с уступом; **Конический**: а – конический гладкий, б – конический гранёный, в – конический с уступом; **Клинковидный**

[1] Подсчёт экземпляров и обломков наконечников проводился В.И. Дейкун. В сложившихся обстоятельствах её отсутствия для завершения работы совместно с В.Н. Колесином, выполнившим рисунки наконечников, потребовалась корректировка типов, тем не менее был сохранён, без уточнения, подсчёт целых экземпляров и обломков наконечников, чтобы дать некоторое представление о количественном соотношении наконечников того или иного типа.

Тверской государственный объединенный музей

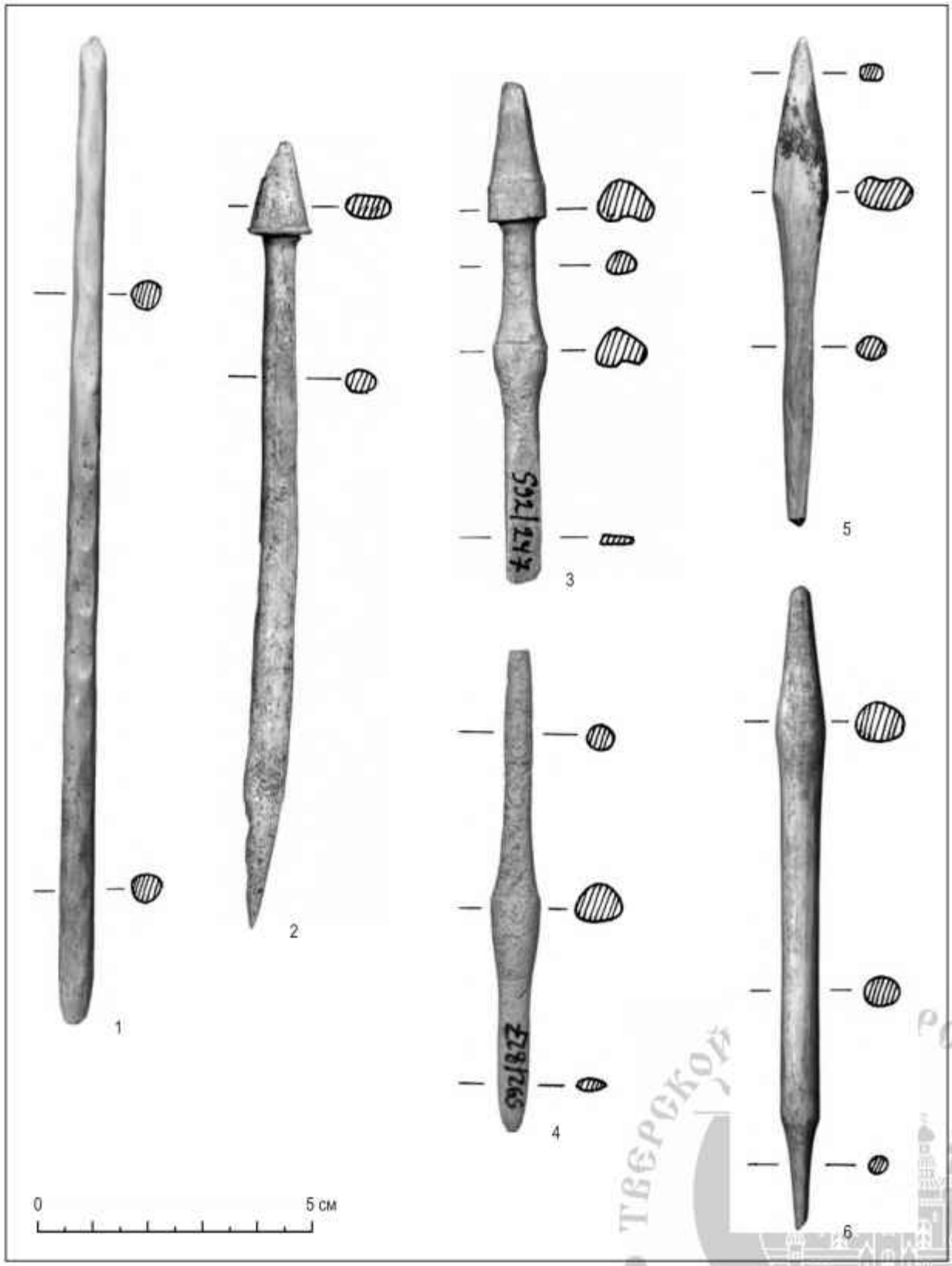

Рис. 2. **Тип 1**: 1 – ДК-4227; **Тип 2**: 2 – ДК-4031; **Тип 3**: 3 – ДК-592/247; 4 – ДК-592/827; **Тип 5**: 5 – ДК-5010: 6 – ДК-2614

Тверской государственный объединенный музей

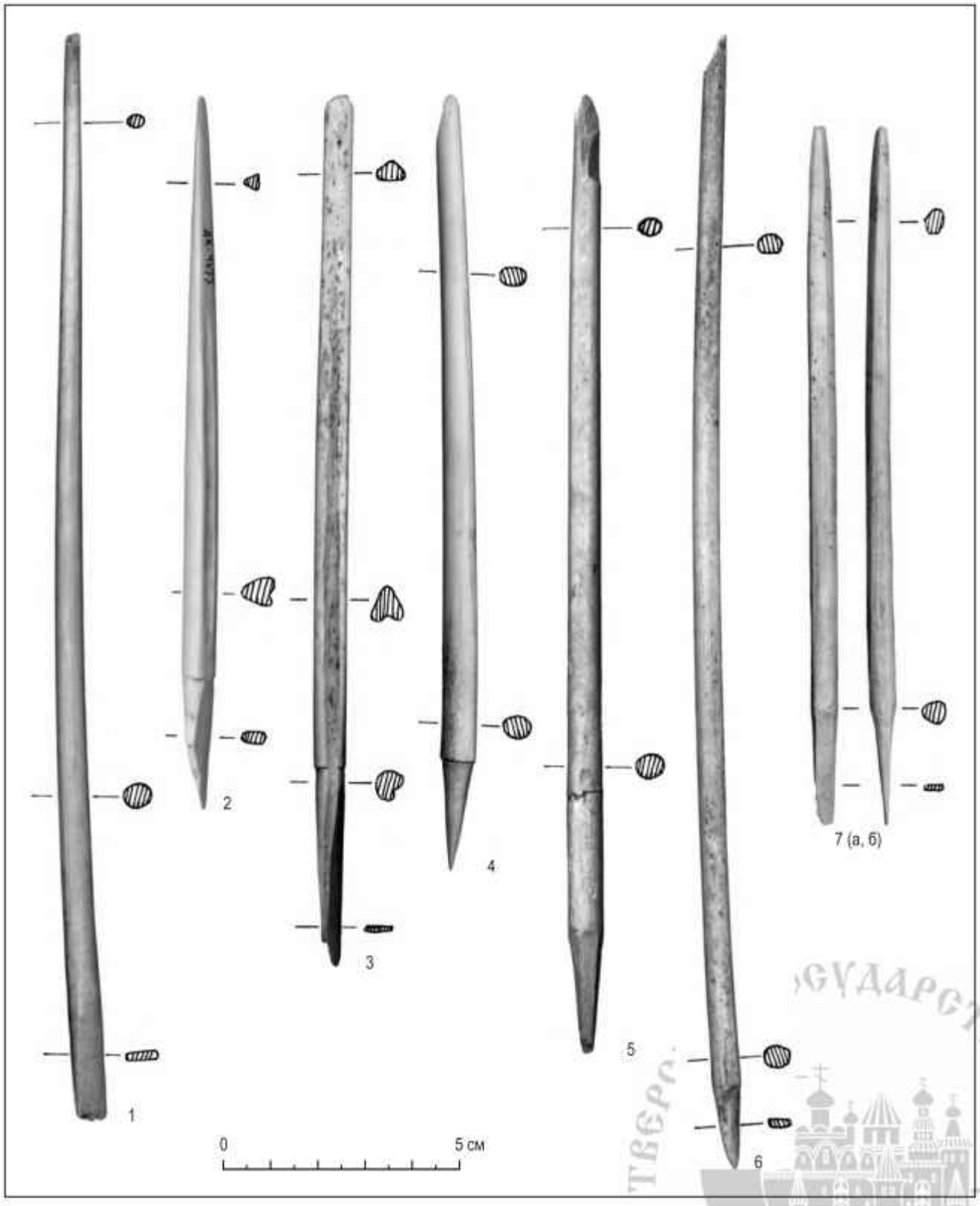

Рис. 3. **Тип 1**: 1 – ДК-5750; 2 – ДК-4677; 3 – ДК-5098; 4 – ДК-5742; 5 – ДК-4250; 6 – ДК-4216; 7 (а, б) – ДК-5751

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Вариант с коническим гладким насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 16,5 см с округлым в сечении стержнем диаметром 0,7 см. Переход к коническому насаду длиной 2,4 см оформлен уступом (рис. 3: 4).

Вариант с коническим гранёным насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 20,5 см с округлым в сечении стержнем диаметром 0,7 см. Длина насада 2,7 см (рис. 3: 5).

Вариант с клинковидным насадом – 2 экз.

Наконечник длиной 24,3 см с округлым в сечении стержнем диаметром 0,6 см, длиной насада 2,8 см. Наконечник длиной 15 см с округлым в сечении стержнем, переходящим в гранёное остриё. Длина насада 2,5 см (рис. 3: 6, 7).

ОТДЕЛ КОЛЮЩЕ-УДАРНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ

Отдел колюще-ударных наконечников составляют черешковые и бесчерешковые наконечники, рабочей частью которых является заканчивающаяся на остриё головка.

ЧЕРЕШКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ

Тип 2. Наконечники с гладкой конической головкой

Вариант с коническим насадом – 1 экз.

Длина наконечника 14,5 см. Основание конической, овальной в сечении головки оформлено тонким рельефным пояском. Черешок по всей длине округло-уплощённый в сечении, длина насада 2,5 см (рис. 2: 2).

Тип 3. Наконечник с гранёной конической головкой

Данный тип представлен одним наконечником, который, судя по морфологическим признакам, относится, возможно, к поздней группе рассматриваемого комплекса наконечников.

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз. + 1 обл.

Наконечник длиной 9 см с гранёной конической головкой подтреугольно-выемчатого сечения и биконическим утолщением на черешке. На головке на расстоянии 0,6–0,7 см от основания прорезана опоясывающая кольцевая канавка. Такая же канавка оформляет биконическое утолщение на черешке. Длина насада 3 см (рис. 2: 3). Обломок наконечника с клинковидным насадом длиной 2 см, с подобным оформлением черешка: опоясывающая кольцевая канавка на биконическом утолщении (рис. 2: 4).

Тип 4. Наконечники с гладкой биконической головкой

Тип объединяет наконечники трёх подтипов с разным оформлением биконической головки. Головка в самой широкой части имеет уступ либо рельефный поясок. Наличие серий позволяет рассматривать ширину рельефного пояска классификационным признаком для выделения двух подтипов наконечников: с узким выпуклым рельефным пояском – шириной до 1 мм – и с широким рельефным пояском – шириной от 1,5 до 5 мм. Поперечное сечение головки – в зависимости от использованного участка кости: округлое, округло-уплощённое; округло-выемчатое, подтреугольно-выемчатое. Острия головок – разной длины и форм: конические; конические удлинённые; конические удлинённые с утолщениями. Один наконечник орнаментирован.

Подтип 1. ***Наконечники с биконической головкой с уступом*** – 6 экз. + 14 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 5 экз.

Наконечники длиной от 10,5 до 21 см, имеют округлое и округло-выемчатое поперечное сечение головки (рис. 4: 1–5).

Подтип 2. ***Наконечники с биконической головкой с узким рельефным пояском*** – 7 экз. + 21 обл.

Наконечники длиной от 9 до 17 см. Острия у головок конические (рис. 5: 6–8), конические удлинённые (рис. 5: 1), конические удлинённые с биконическими утолщениями (рис. 5: 2, 3). У одного наконечника утолщение на обломанном острие выделено тонким пояском (рис. 5: 4). У наконечников из-за ударов о каменные своды пещеры, как правило, концы острий обломаны, но у одного наконечника на конце конического удлинённого острия – «шишечка» (рис. 5: 5)[2]. Наконечник длиной 11,5 см с обломанным насадом орнаментирован тонкими гравированными диагонально перекрещивающимися линиями[3]. У одного наконечника на головке и черешке – следы светло-красной охры (рис. 5: 6)[4].

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз.

Наконечники длиной от 10 до 15 см, с головками округлого и подтреугольно-выемчатого поперечного сечения (рис. 5: 6, 7).

---

[2] Подобные наконечники, по терминологии М.Г. Жилина, с «"шишечкой" на оттянутом острие», встречаются в мезолите лесной зоны Восточной Европы [8, с. 20; рис. 17: 13] и Урала [9, рис. 6: 5]. «Шишечка» на конце острия, не имеющая функционального значения, по мнению, высказанному в устной беседе М.Г. Жилиным, рассматривается им как «личный почерк автора».

[3] Все орнаментированные наконечники с прорисовкой орнаментов опубликованы И.В. Калининой в указанных работах [4, с. 393–401; 5, с. 351–372].

[4] Состав красящего вещества, здесь и далее, не установлен.

Вельский краеведческий объединенный музей

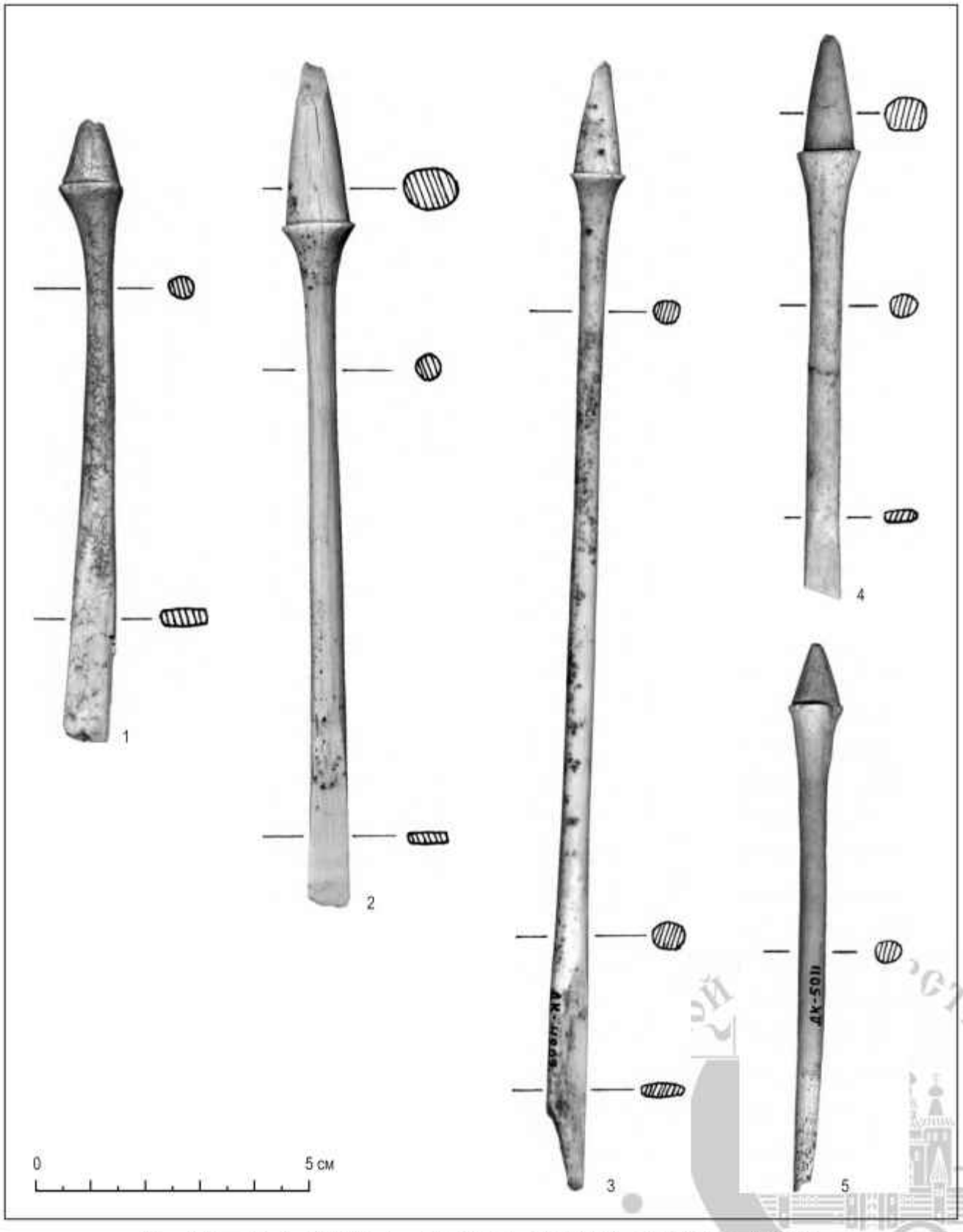

Рис. 4. **Тип 4/1**: 1 – ДК-1265; 2 – ДК-4032; 3 – ДК-4202; 4 – ДК-3228; 5 – ДК-5011

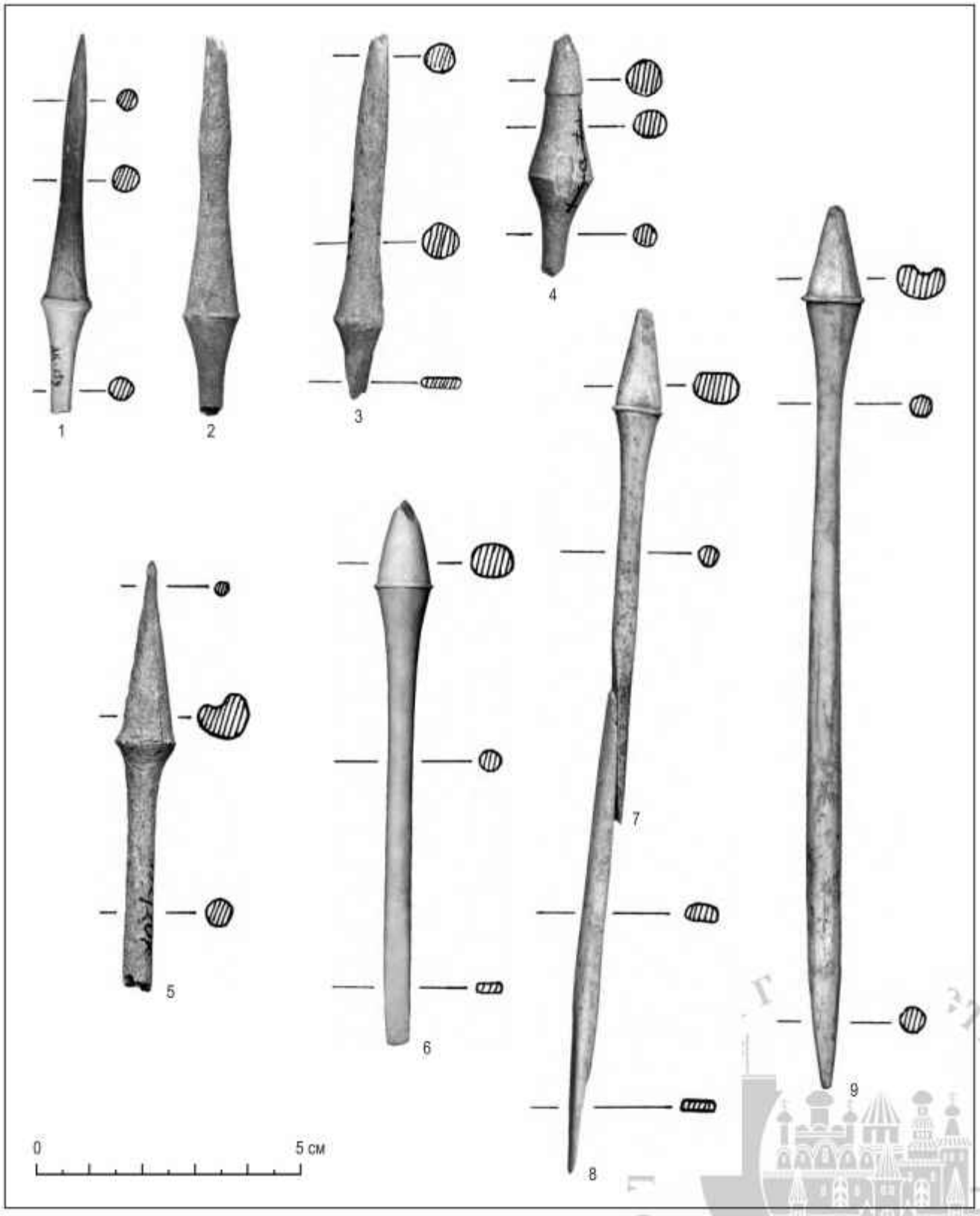

Рис. 5. **Тип 4/2**: 1 – ДК-159; 2 – ДК-615; 3 – ДК-592/684; 4 – ДК-592/248; 5 – ДК-592/207; 6 – ДК-5701; 7 – ДК-2813; 8 – ДК-2239; 9 – ДК-3227

Подвариант с двусоставными черешками – 2 экз.

Наконечники с черешками, округлыми в сечении, состоящими из двух частей, соединяющихся по диагональным срезам. На рисунке показан способ соединения двух частей, которые принадлежат разным наконечникам (рис. 5: 7, 8)[5].

Вариант с коническим гранёным насадом – 2 экз.

У двух наконечников длиной 13,5 см, длиной насада 3,5 см и длиной 16,8 см, длиной насада 2,3 см округло-выемчатое поперечное сечение головок (рис. 5: 9).

Подтип 3. ***Наконечники с биконической головкой с широким рельефным пояском*** – 23 экз. + 30 обл.

Наконечники длиной от 5 до 15,5 см. На биконических головках округлого поперечного сечения с коническими или удлинёнными коническими остриями имеются рельефные пояски шириной от 1,5 до 5 мм. Один прорезанный поясок сохранил след былого присутствия охры на головке наконечника (рис. 6: 3).

Вариант с клинковидным насадом – 9 экз.

Наконечники длиной от 5 до 12 см. Острия у биконических головок конические (рис. 6: 3), конические удлинённые (рис. 6: 1, 2, 4, 5). У двух наконечников на черешках, округлых в сечении, прорезаны едва различимые опоясывающие черешок линии, которые ограничивают тонкие окрашенные охрой пояски, – возможно, это след обмотки. У одного наконечника при переходе к насаду – уступ (рис. 6: 1). Длина насадов от 1,7 до 2,3 см.

Вариант с коническим насадом – 3 экз.

Наконечник длиной 15,2 см. Биконическая головка имеет поясок шириной 5,1 см, коническое удлинённое остриё со слабо выраженным утолщением. Длина насада 2,1 см (рис. 6: 6). Наконечник длиной 6,7 см, с пояском шириной 5,1 см на биконической головке с коническим остриём. При переходе к насаду на округлом в сечении черешке прослеживается окрашенный охрой поясок шириной в 2 мм, возможно, след опоясывающей черешок обмотки (рис. 6: 7).

Вариант с коническим гранёным насадом – 4 экз.

Наконечники длиной от 6,5 до 13,5 см, имеют округлое и подтреугольно-выемчатое сечение головок. Черешки округлого сечения, длина насадов – 1,7–2,3 см (рис. 6: 8). У одного наконечника при переходе от черешка к насаду присутствует слабо выраженный поясок.

Тип 5. Наконечники с редуцированной головкой-остриём

Вариант с коническим насадом – 2 экз.

У наконечника длиной 9 см сохранились следы первичной обработки в виде глубоких продольных бороздок. Поверхность наконечника длиной 12 см зашлифована (рис. 2: 5, 6).

БЕСЧЕРЕШКОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ

Бесчерешковые колюще-ударные наконечники имеют редуцированный черешок длиной до 2 см или только насад.

Тип 6. Наконечники с коническими гладкими и гранёными головками-остриями

У наконечников этого типа вместе с черешком исчезает и нижний конус головок. Длина наконечников – от 3,0 до 7,5 см. Головки-острия, сохраняя уступ или поясок, обретают коническую форму, если же головки утрачивают и верхний конус, то с насадом удлинённые конические гладкие и гранёные острия также связаны уступом или пояском. Такого рода наконечники разделить на типы не представляется возможным. Выделены два подтипа наконечников: с коническими гладкими и коническими гранёными головками-остриями.

Подтип 1. ***Наконечники с конической гладкой головкой-остриём*** – 13 экз.

Вариант с клиновидным насадом – 4 экз.

У наконечника длиной 3 см обломанное коническое остриё, на уступе головки следы охры; длина насада 1,5 см (рис. 7: 1). У наконечника длиной 7 см коническое удлинённое остриё; длина насада 2,2 см (рис. 7: 2). У двух наконечников на нижнем конусе головок нанесены радиальные нарезки (рис. 7: 3, 4).

Вариант с клинковидным насадом – 11 экз.

У наконечников длиной от 4,5 до 8 см головки с уступами (рис. 7: 5, 6). У наконечника длиной 4,7 см с обломанным остриём на головке широкий поясок. Длина насада 2,3 см; на рудименте черешка длиной 0,3 см – следы охры (рис. 7: 7). У наконечника длиной 4,5 см уступ оформлен радиальными нарезками (рис. 7: 8).

Подтип 2. ***Наконечники с конической гранёной головкой-остриём***

Вариант с клинковидным насадом – 9 экз. + 4 обл.

Длина наконечников 4,5–5,5 см (рис. 7: 9–11).

Подтип 3. ***Наконечники со следами токарной обработки***

В подтип выделены наконечники со следами токарной обработки, по форме головок не отличающиеся от подтипов 1–2. В отдельных случаях следы токарной обработки в виде круговых циркульных нарезок фиксируются только при увеличении (рис. 8: 14, 15).

---

[5] С.Н. Савченко относит косой плоский срез с одной стороны на черешке к формам насада и связывает «со способом крепления наконечника в древко стрелы» [9, с. 187, 189, рис. 5: 7].

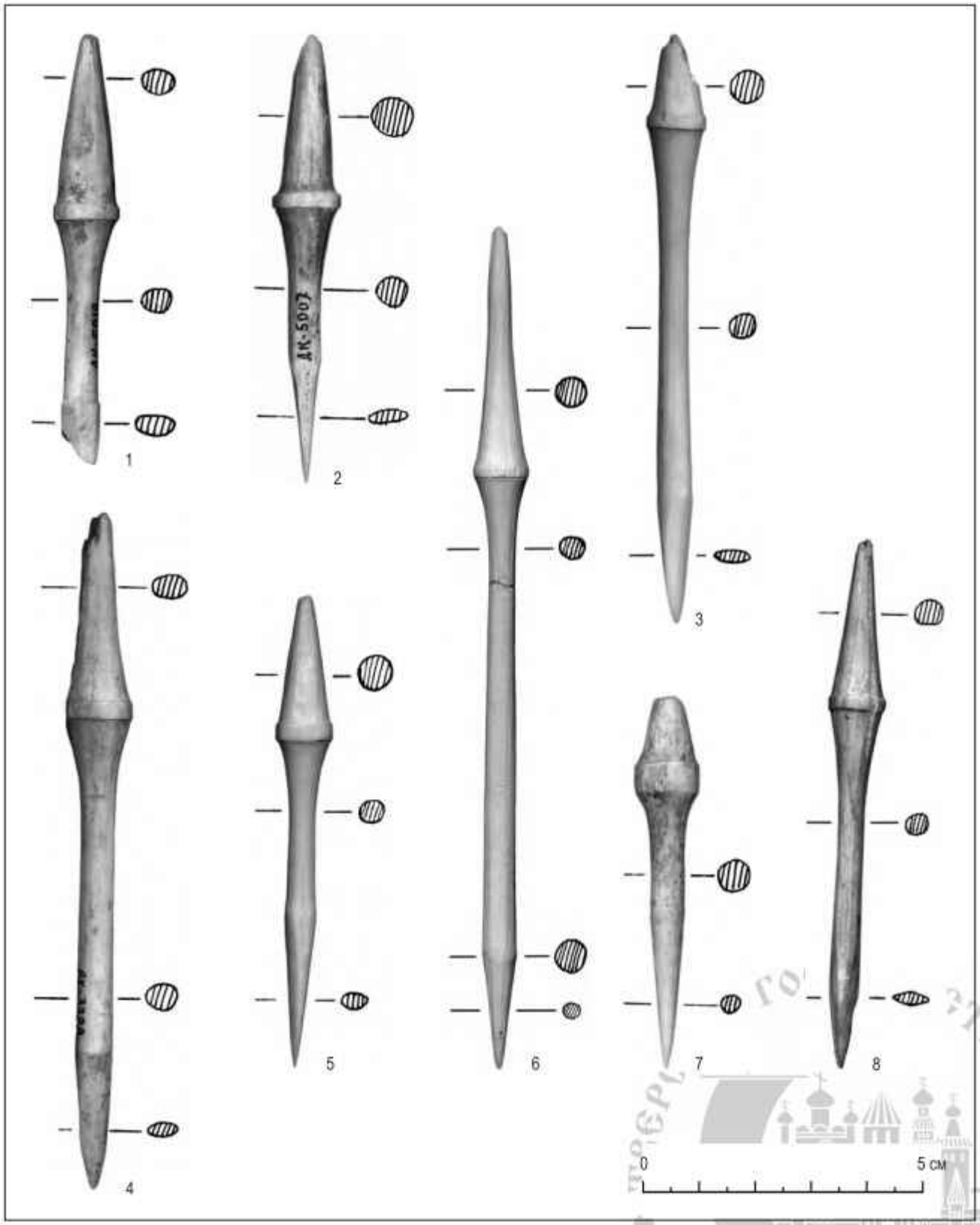

Рис. 6. **Тип 4/3**: 1 – ДК-5012; 2 – ДК-5007; 3 – ДК-5699; 4 – ДК-3229; 5 – ДК-4675; 6 – ДК-4404; 7 – ДК-4525; 8 – ДК-5009

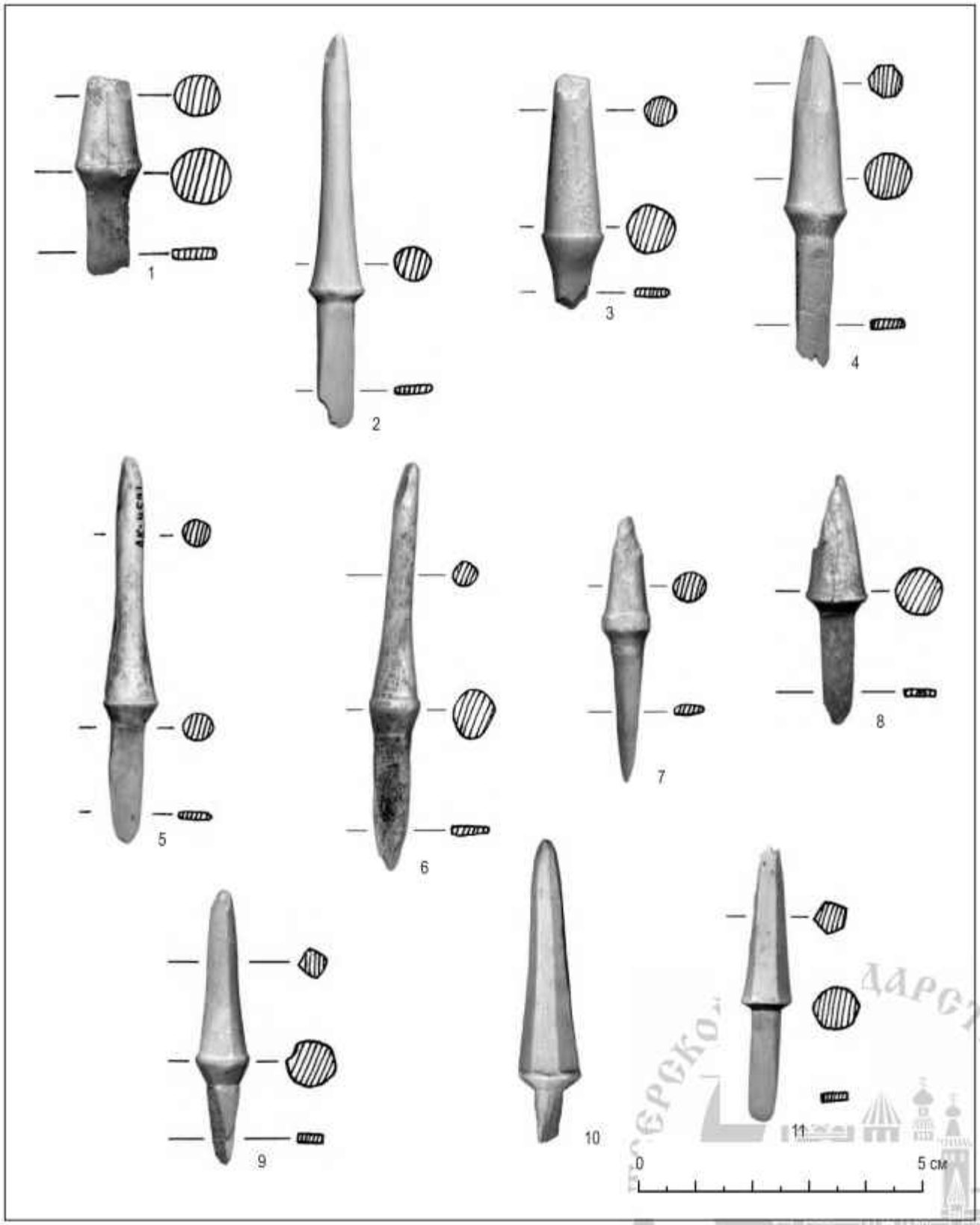

Рис. 7. **Тип 6/1**: 1 – ДК-3463; 2 – ДК-4669; 3 – ДК-3700; 4 – ДК-4120; 5 – ДК-4521; 6 – ДК-2044; 7 – ДК-4203; 8 – ДК-1707; **Тип 6/2**: 9 – ДК-3698; 10 – ДК-3568; 11 – ДК-4520

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

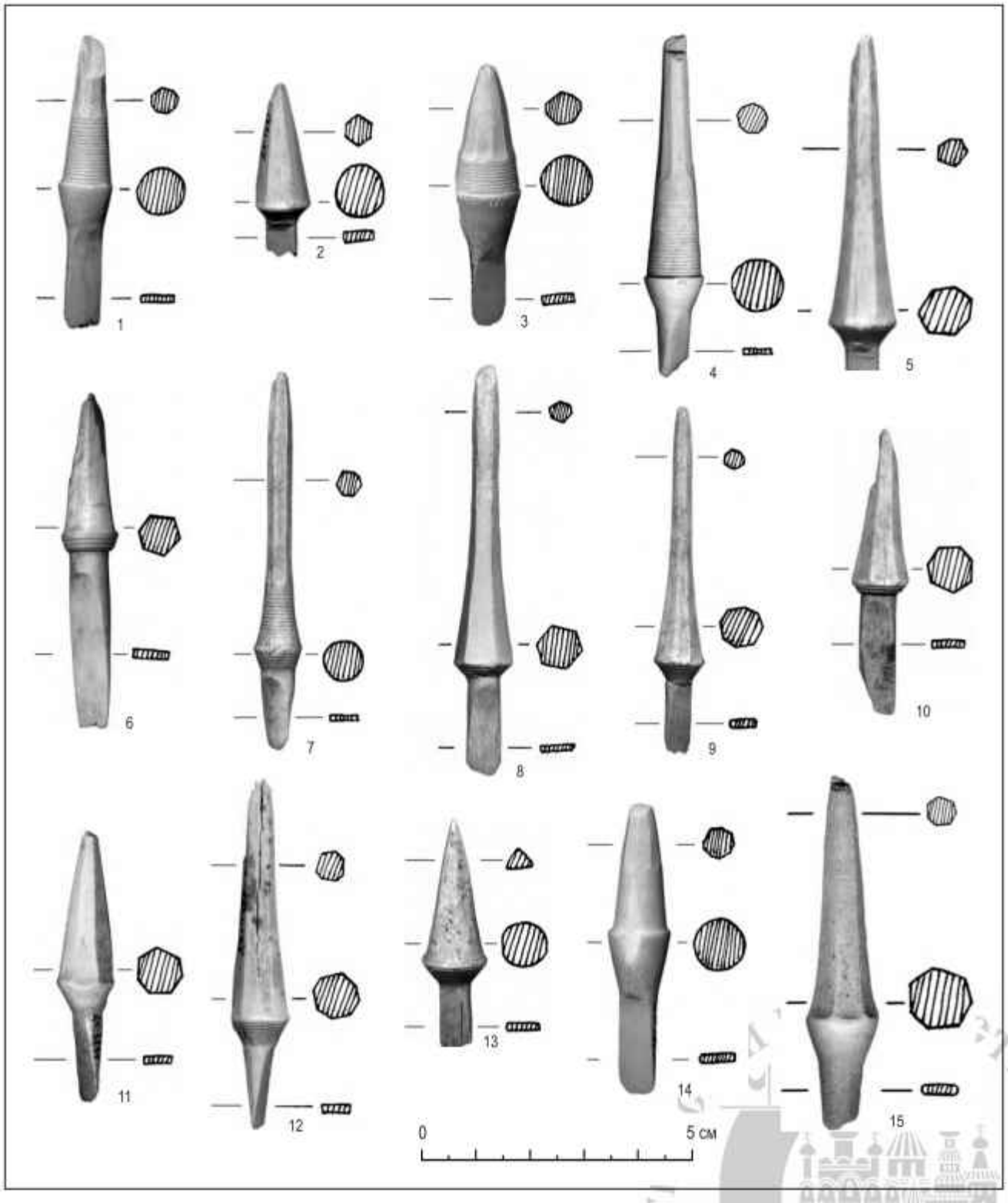

Рис. 8. **Тип 6/3**: 1 – ДК-4119; 2 – ДК-1621; 3 – ДК-4033; 4 – ДК-5709; 5 – ДК-2886; 6 – ДК-2588; 7 – ДК-5703; 8 – ДК-2884; 9 – ДК-3464; 10 – ДК-2976; 11 – ДК-3224; 12 – ДК-4590; 13 – ДК-870; 14 – ДК-4670; 15 – ДК-2335

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Вариант с клиновидным насадом – 167 экз. + 22 обл.

У наконечников длиной от 2,5 до 8 см верхний конус головок либо гладкий с гранёным остриём, либо гранёный вместе с удлинённым остриём от нижнего конуса (рис. 8: 1–13). Циркульная нарезка доходит до гранёного острия или присутствует только на нижнем конусе. На некоторых наконечниках есть следы охры.

Тип 7. Наконечники с головками биконического облика

Тип включает наконечники с головками биконического облика, нижний конус которых округлого, округло-выемчатого или подтреугольно-выемчатого сечения, форму которого определяет используемая для изготовления наконечника природная форма кости животного[6]. Наконечники имеют укороченные или удлинённые острия: конические, трёхгранные или фигурно оформленные. У большинства наконечников на стыке нижнего конуса с коническим остриём прорезаны одна или две тонкие опоясывающие линии, формирующие слабовыраженный уступ.

Подтип 1. ***Наконечники с головками биконического облика с укороченным гранёным коническим или трёхгранным остриём*** – 4 экз. + 7 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 4 экз.

Длина наконечников около 5 см, включая насад, длина которого 1,5–2 см. Наконечник с гранёным коническим остриём заглажен до блеска (рис. 9: 1). У наконечника с рудиментом черешка длиной 3,5 мм, с остриём подтреугольного сечения на стыке острия с нижним конусом прорезана тонкая линия, формирующая слабовыраженный уступ (рис. 9: 2). Наконечник с обломанным насадом длиной 4,7 мм. Две прорезанные тонкие линии отделяют подтреугольное в сечении остриё от нижнего конуса (рис. 9: 3).

Подтип 2. ***Наконечники с головками биконического облика с удлинённым коническим или трёхгранным остриём*** – 8 экз. + 10 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 8 экз.

Длина наконечников – от 5 до 9 см. Некоторые наконечники имеют редуцированные черешки длиной 1,5–1,7 см; длина насадов – от 2,0 до 3,8 см. Слабовыраженный уступ на стыке конусов головки оформлен прорезанной тонкой кольцевой линией (рис. 9: 4–7).

Вариант с коническим насадом – 8 экз.

Наконечники длиной от 4,5 до 9,5 см с насадами от 1,5 до 2 см; рудименты черешка длиной 0,4–2,0 см (рис. 9: 8–11). У уплощённого наконечника, длина которого 6 см, насад длиной 1,2 см (рис. 9: 12). Тонкие опоясывающие линии на стыке подтреугольного в сечении конуса с трёхгранным остриём у одного наконечника образуют двойной уступ (рис. 9: 8).

Подтип 3. ***Наконечники с головками биконического облика с фигурно оформленным остриём***

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 9,5 см с редуцированным черешком длиной 1 см; длина насада – 3 см. Коническое остриё завершает утолщение с сечением подромбической формы (рис. 9: 14).

Вариант с коническим насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 6 см, длина насада 2,5 см, с подтреугольно-выемчатой в сечении головкой с рельефным пояском на соединении с насадом. У конического острия со стреловидным по форме утолщением на конце кончик обломан (рис. 9: 13).

ОТДЕЛ КОЛЮЩЕ-РЕЖУЩИХ НАКОНЕЧНИКОВ

Отдел составляют наконечники, рабочей частью которых являются лезвия, заточенные либо с пазами для каменных вкладышей. У наконечников остриё заменяет колющий конец лезвия. Форма лезвия у вкладышевых наконечников определяется по форме костяной части, поскольку вкладыши редко сохраняются в пазах лезвий. Выделены типы черешковых и бесчерешковых наконечников и наконечники, у которых между насадом и частью наконечника с лезвием/лезвиями в отличие от черешка, круглого или округлого в сечении, уплощённый, по толщине совпадающий с лезвийной частью наконечника стержень.

НАКОНЕЧНИКИ С ПАЗАМИ ДЛЯ ВКЛАДЫШЕЙ

Тип 8. Черешковые однолезвийно-вкладышевые наконечники

Наконечники длиной от 17 до 25,5 см, с черешками округлого или округло-уплощённого сечения диаметром от 5 до 9 мм. Переход от лезвия к черешку может быть плавным – *подтип 1*; заканчиваться уступом – *подтип 2*, зубцом – *подтип 3*, шипом – *подтип 4*. Подтипы 2–4 объединяет общий технологический признак: под уступом, зубцом или шипом черешок, первоначально округлый, срезан продольным строганием до насада.

Подтип 1. *Наконечники с плавным переходом от лезвия к черешку* – 10 экз. + 7 обл.

Наконечники длиной до 25,5 см с длинными и короткими, менее 1/2 длины черешка, лезвиями. По форме лезвия могут быть прямые, сужающиеся к черешку, выпуклые, у единичных наконечников вогнутые (рис. 10: 1–3). По лезвиям длиной от 2 до 16 см прорезаны пазы шириной 2–2,5 мм, глубиной 3–4 мм.

[6] По М.Г. Жилину, первичная заготовка или «преформа» наконечника [8, с. 8].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

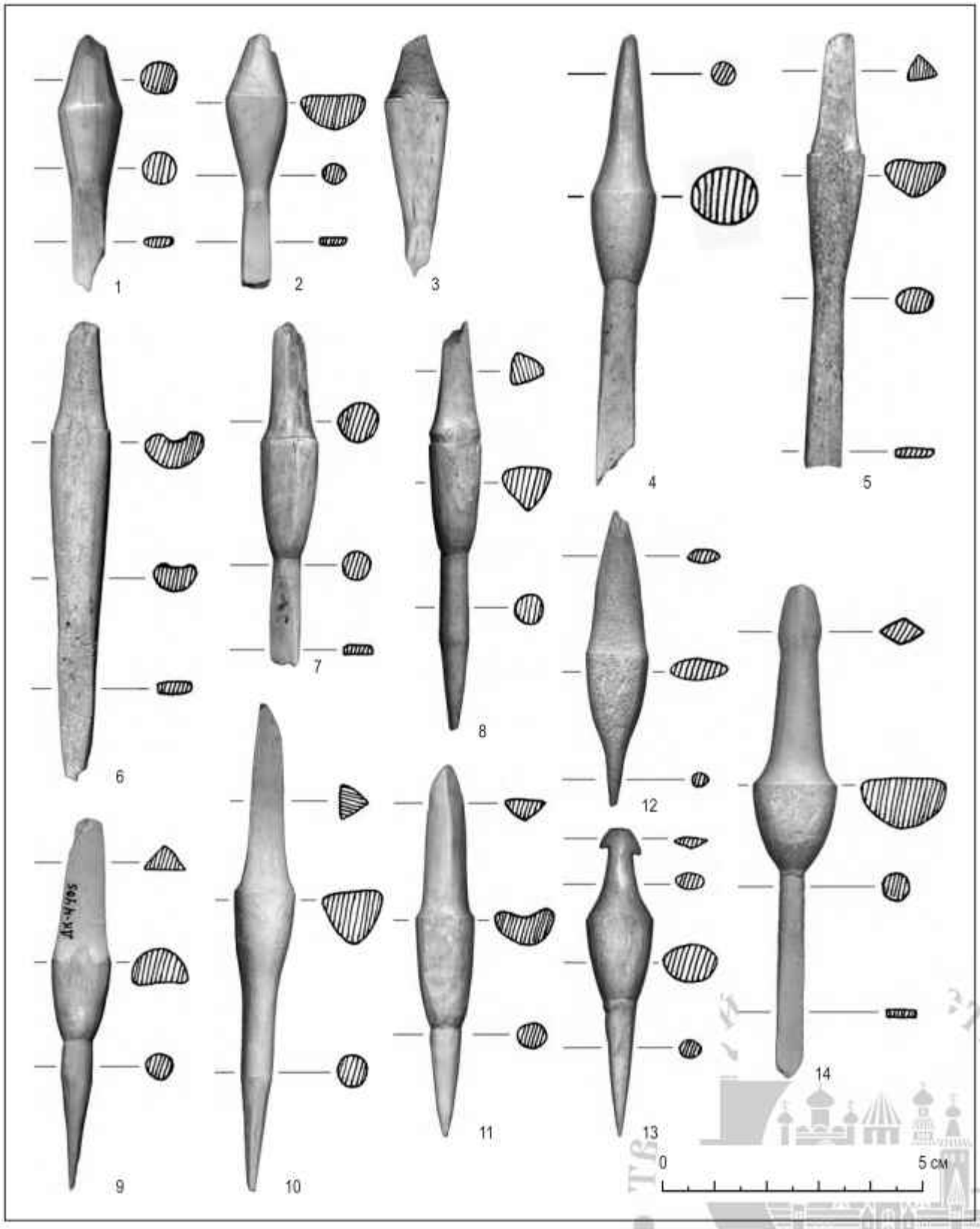

Рис. 9. **Тип 7/1**: 1 – ДК-5319; 2 – ДК-2338; 3 – ДК-1131; **Тип 7/2**: 4 – ДК-2811; 5 – ДК-929; 6 – ДК-4118; 7 – ДК-5328; 8 – ДК-2176; 9 – ДК-4405; 10 – ДК-4125; 11 – ДК-592/12; 12 – ДК-2237; **Тип 7/3**: 13 – ДК-2052; 14 – ДК-3660

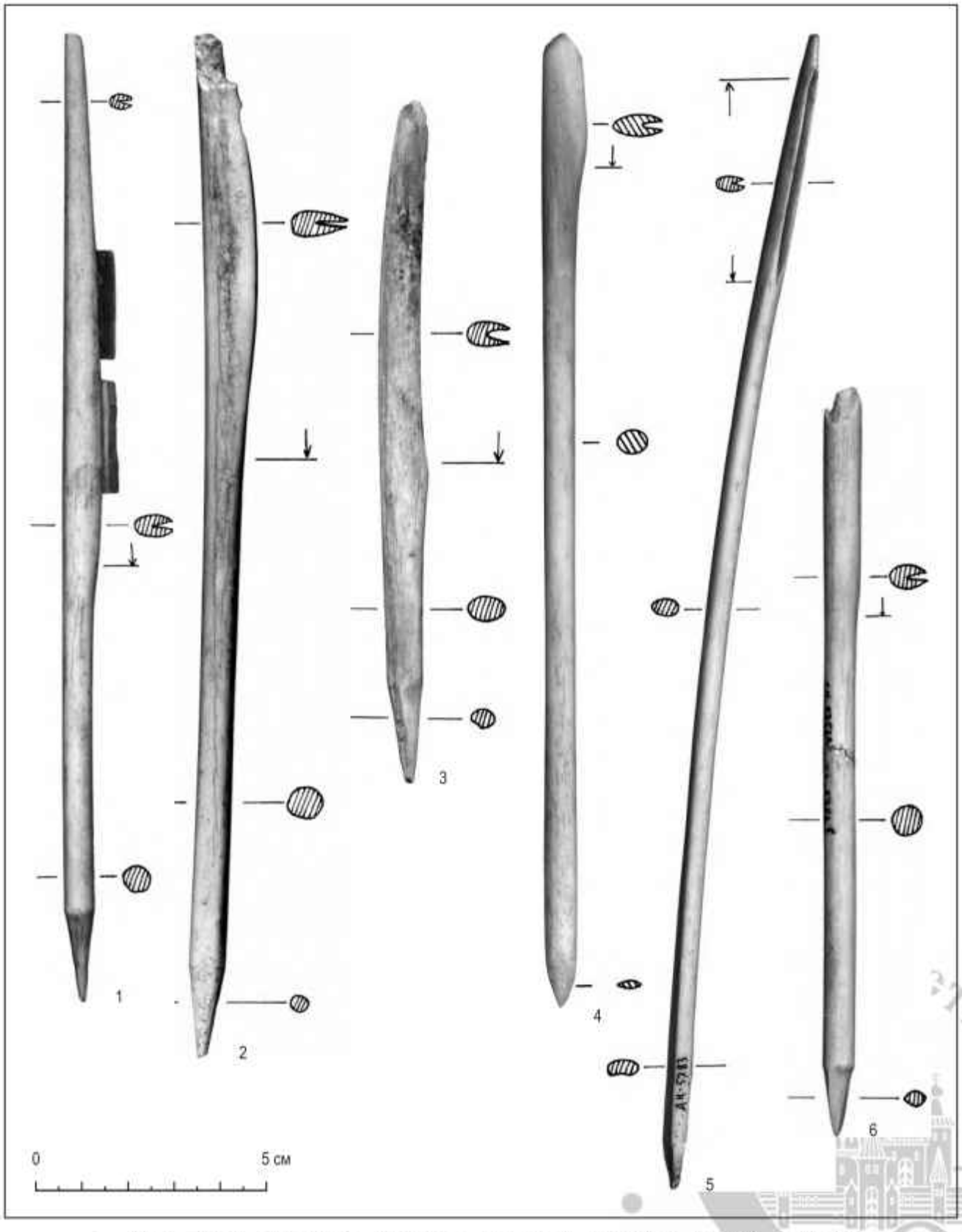

Рис. 10. **Тип 8/1**: 1 – ДК-5763; 2 – ДК-5762; 3 – ДК-5114; 4 – ДК-5761; 5 – ДК-5783; 6 – ДК-5756

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Вариант с коническим насадом – 7 экз.

Длина насадов у наконечников – от 1,5 до 3 см. У наконечника с округлым в сечении черешком, с насадом длиной 2 см, лезвие длиной 21 см – прямое, сужающееся к острию. В пазу длиной 11,5 см, шириной 2 мм сохранились две без вторичной обработки пластинки из серого кремня длиной от 2,4 до 2,5 см, выступающие за кромки паза на 4–5 мм (рис. 10: 1). Наконечник длиной 22,5 см с округлым в сечении черешком и выпуклым лезвием длиной 9,5 см окрашен охрой (рис. 10: 2).

Вариант с клинковидным насадом – 3 экз.

Длина насадов у наконечников – от 1,0 до 1,5 см (рис. 10: 4–6). У наконечника, длина которого 21,5 см, от обломанного лезвия длиной 3 см переход к округлому в сечении черешку орнаментирован (рис. 10: 4). У наконечника длиной 25,5 см черешок округло-уплощённого с выемкой сечения за счёт естественной ложбинки кости. На расстоянии 9 мм от кончика острия наконечника вырезан паз длиной 4,7 см (рис. 10: 5).

Подтип 2. *Наконечники с уступом на переходе от лезвия к черешку* – 25 экз. + 11 обл.

У наконечников округлый или округло-уплощённый черешок под уступом, как правило, срезан до насада. Только в трёх случаях у наконечников с короткими лезвиями срез на черешках не доходит до насада (рис. 11: 3, 4).

Вариант с клиновидным насадом – 4 экз.

Длинные, прямые, суживающиеся к острию лезвия наконечников имеют в сечении каплевидную форму. Длина насадов – от 1,8 до 3,3 см. У наконечника длиной 23 см с пазом длиной 10 см подквадратный в сечении черешок диаметром 7 мм; насад длиной 1,9 см (рис. 11: 1). Орнаментированный наконечник длиной 18 см с уплощённым черешком и насадом длиной 1,8 см, возможно, использовался вторично: края паза, длина которого 7,8 см, сточены и заполированы до блеска (рис. 11: 2).

Вариант с коническим насадом – 21 экз. + 11 обл.

Наконечники длиной от 8,2 до 22,5 см с прямыми длинными и короткими лезвиями. Длина насадов – 1,2–2,4 см (рис. 11: 3, 4; 12: 1–4). Одиннадцать наконечников – с гравированными, окрашенными охрой орнаментами. Для лезвий наконечников характерно каплевидное сечение, но у двух наконечников орнамент нанесён на уплощённую спинку лезвия.

У двух наконечников в пазу сохранились вкладыши – пластинки из серого кремня. У наконечника длиной 14,7 см, длиной лезвия 5,2 см и длиной насада 1,7 см пластинка длиной 1,2 см выступает за кромку паза на 2 мм (рис. 12: 4). У наконечника длиной 19,8 см, длиной лезвия 7,2 см и длиной насада 2 см пластинка длиной 2 см также выступает за кромку паза на 2 мм (рис. 12: 5).

Подтип 3. *Наконечники с лезвием, заканчивающимся фигурным зубцом* – 3 экз. + 2 обл.

Паз для вкладышей не прорезает зубец, толщина которого 3–4 мм.

Вариант с коническим насадом – 3 экз.

Наконечники длиной от 13,5 до 15,3 см, с пазами длиной от 4,3 до 7,2 см. Черешки продольно срезаны от зубцов до насадов, длина которых от 1,5 до 1,8 см (рис. 13: 1, 2). Один наконечник орнаментирован (рис. 13: 2).

Подтип 4. *Наконечники с рядом декоративных зубцов под лезвием* – 1 экз. + 4 обл.

Наконечник с обломанным насадом длиной 17 см, с лезвием длиной 7 см имеет под лезвием пять небольших, не выходящих за ширину лезвия зубцов (рис. 13: 3). Подобный обломок наконечника имеет под лезвием 4 зубца (рис. 13: 4).

Подтип 5. *Наконечник с лезвием, заканчивающимся шипом* – 1 экз. + 1 обл.

У наконечников паз для вкладышей не прорезает заострённый кончик шипа.

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз. + 1 обл.

У наконечника длиной 14 см с насадом длиной 2 см шип, прорезанный вдоль лезвия на 2 см, имеет асимметрично заострённый кончик длиной 6 мм. Паз для вкладышей длиной 5,2 см не доходит до кончика шипа (рис. 13: 5). У наконечника длиной 14,5 см, с обломанным насадом, длина паза 8 см, он не доходит до кончика шипа 1,4 см. Длина шипа – 3 см (рис. 13: 6).

Тип 9. Черешковые однолезвийно-вкладышевые наконечники с обратным шипом

Наконечники имеют треугольные шипы: длинные – от 1,5 до 4,0 см – или короткие – от 0,4 до 1,0 см (рис. 14: 1–4). Паз для вкладышей не доходит до кончика шипов 6–17 мм. Этот тип наконечников отличается тщательностью обработки: наконечники заполированы до блеска, орнаментированы, на них присутствуют следы окраски охрой.

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз. + 4 обл.

Наконечник длиной 21,5 см, длиной насада 2 см. Длина паза – 13,7 см; длина шипа – 4 см. На наконечнике – следы окраски охрой (рис. 14: 3). У наконечника, окрашенного охрой, орнаментированного, длиной 22,8 см длина паза для вкладышей 15,5 см, насада – 1,7 см (рис. 14: 1). Наконечник с обломанным насадом длиной 20,5 см. Длина паза 14,3 см, в нём сохранились две пластинки из серого кремня длиной 3,5 и 1,5 см, которые выступают за край паза на 3 мм. Наконечник орнаментирован (рис. 14: 4).

Вариант с коническим насадом – 1 экз. + 1 обл.

Наконечник длиной 25,5 см, длина паза для вкладышей – 19,5 см, длина насада – 1 см. Ниже паза – 7 зарубок-зубчиков (рис. 14: 2). Тонкая окрашенная охрой гравированная линия прочерчена на расстоянии 2 мм от края вдоль лезвия без паза.

Объединенный музей

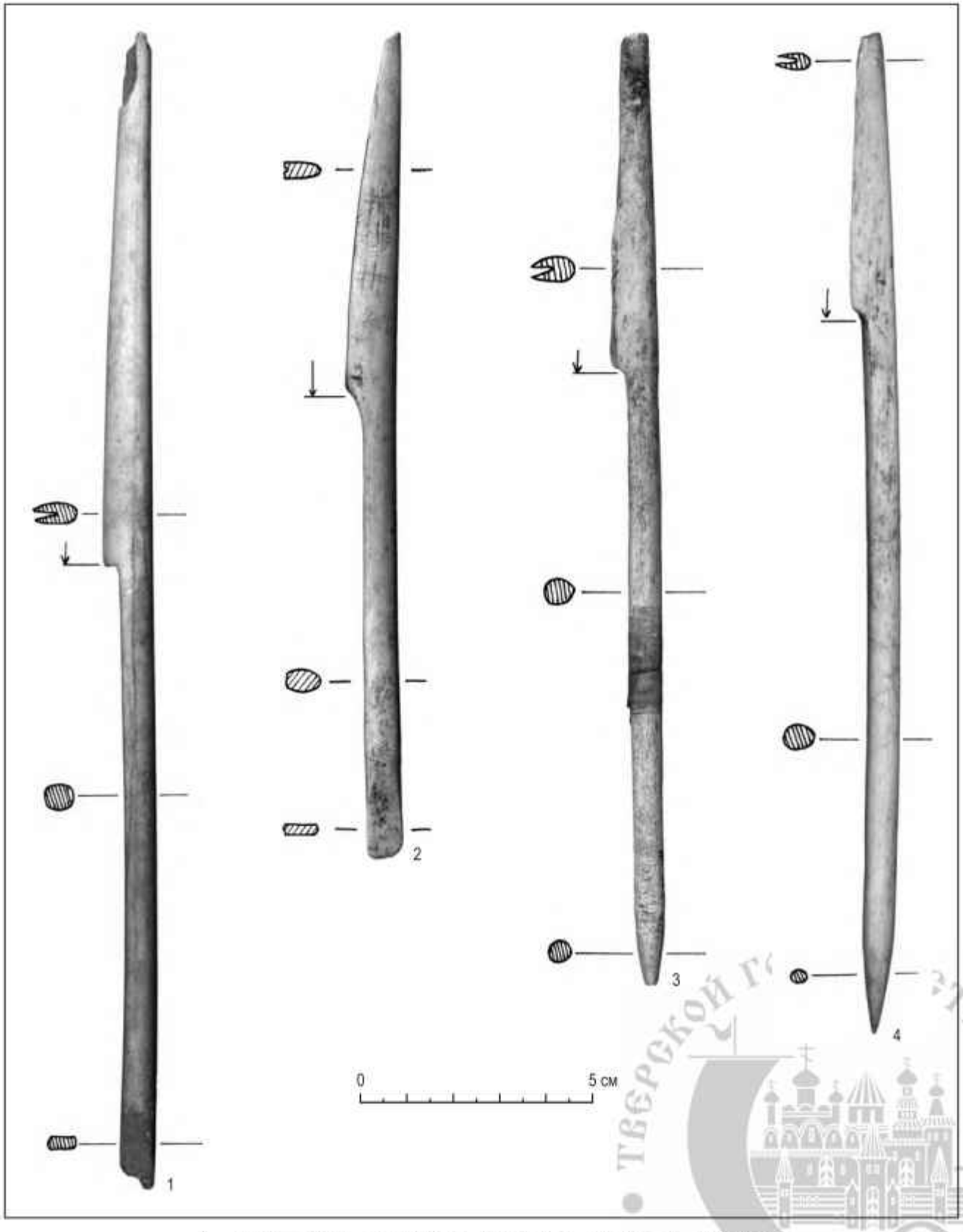

Рис. 11. **Тип 8/2**: 1 – ДК-1934; 2 – ДК-1408; 3 – ДК-1336; 4 – ДК-3902

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

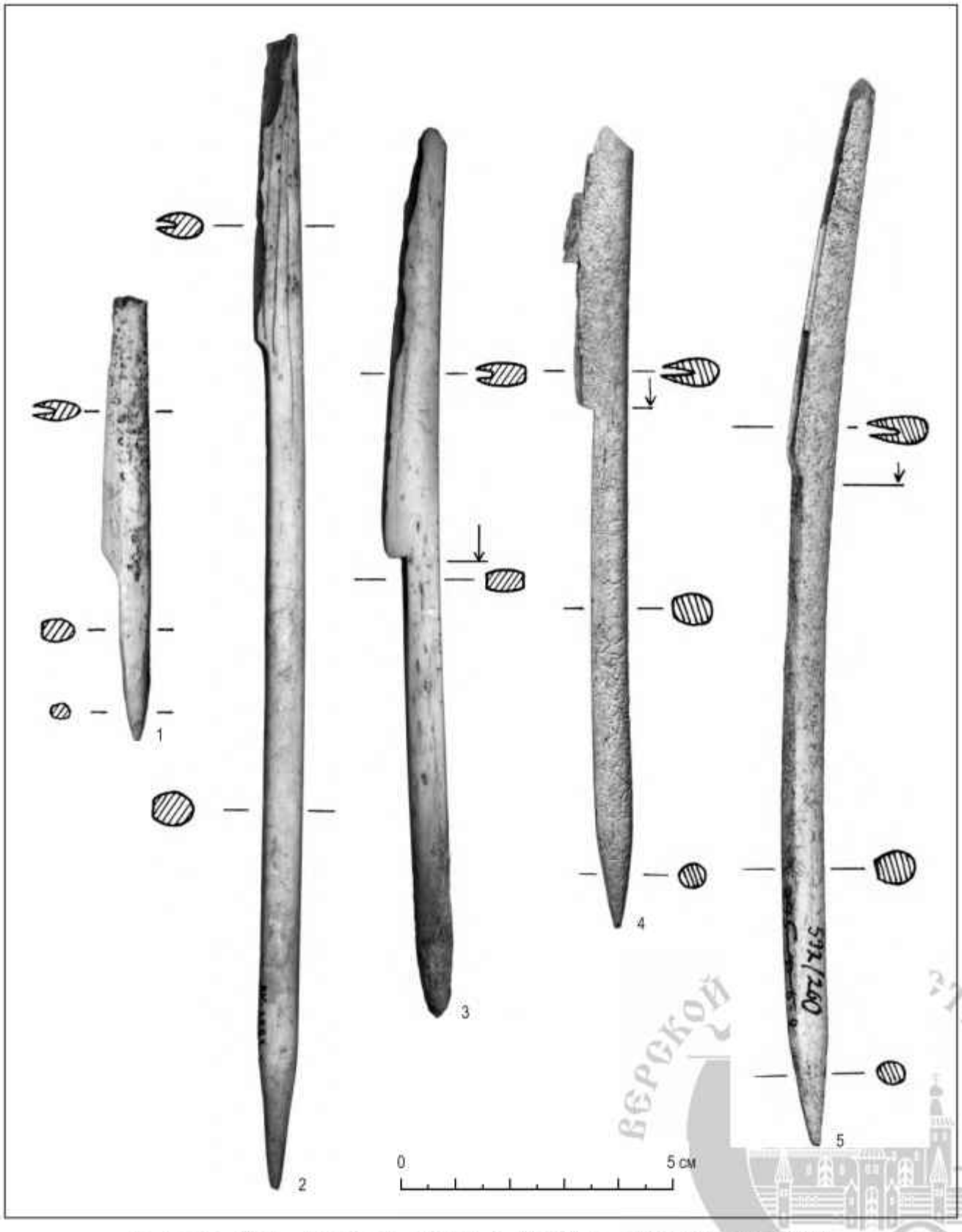

Рис. 12. **Тип 8/2**: 1 – ДК-2750; 2 – ДК-3283; 3 – ДК-3284; 4 – ДК-2978; 5 – ДК-592/260

ВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

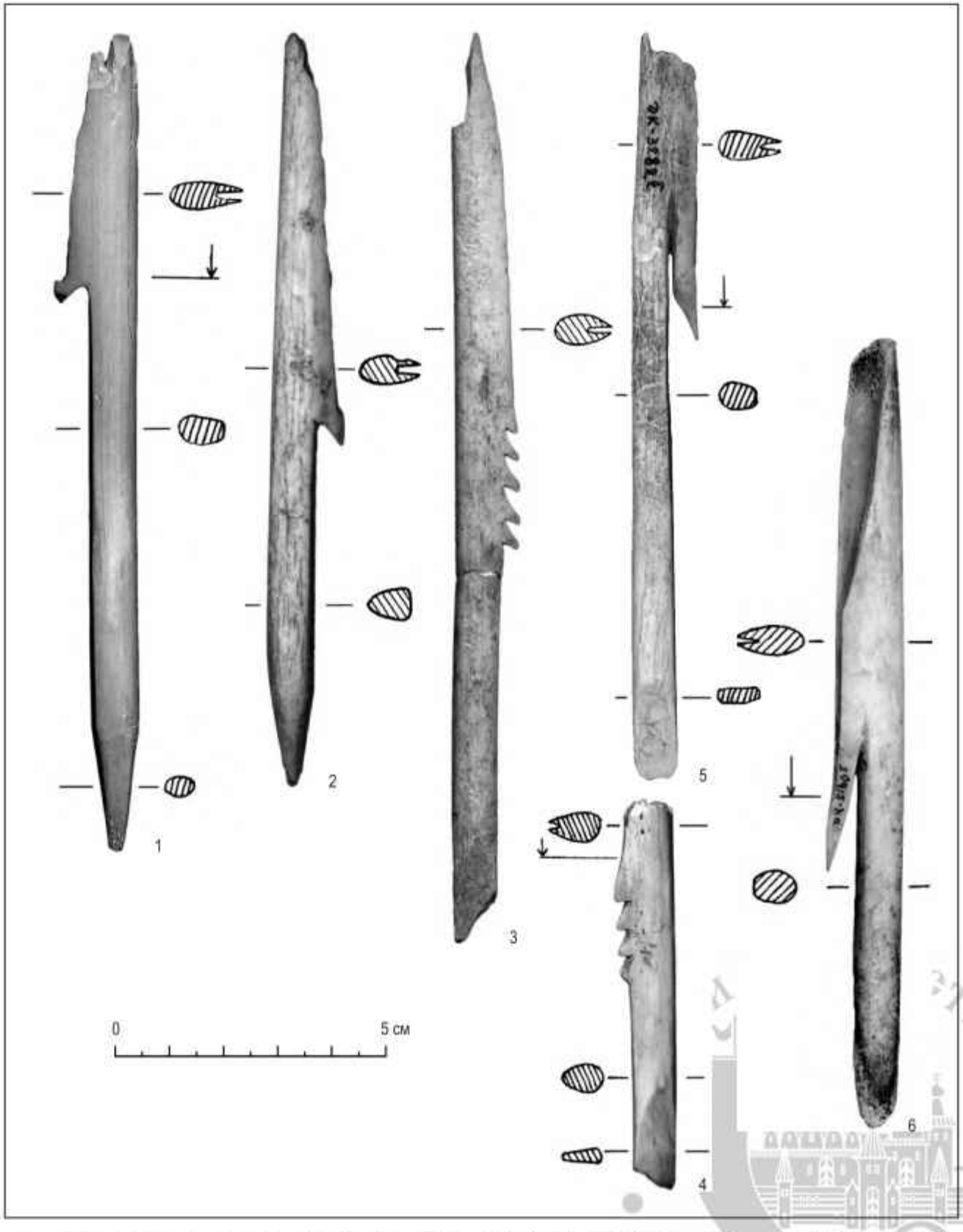

Рис. 13. **Тип 8/3**: 1 – ДК-4411; 2 – ДК-2977; **Тип 8/4**: 3 – ДК-1338; 4 – ДК-2985; **Тип 8/5**: 5 – ДК-3282; 6 – ДК-5160

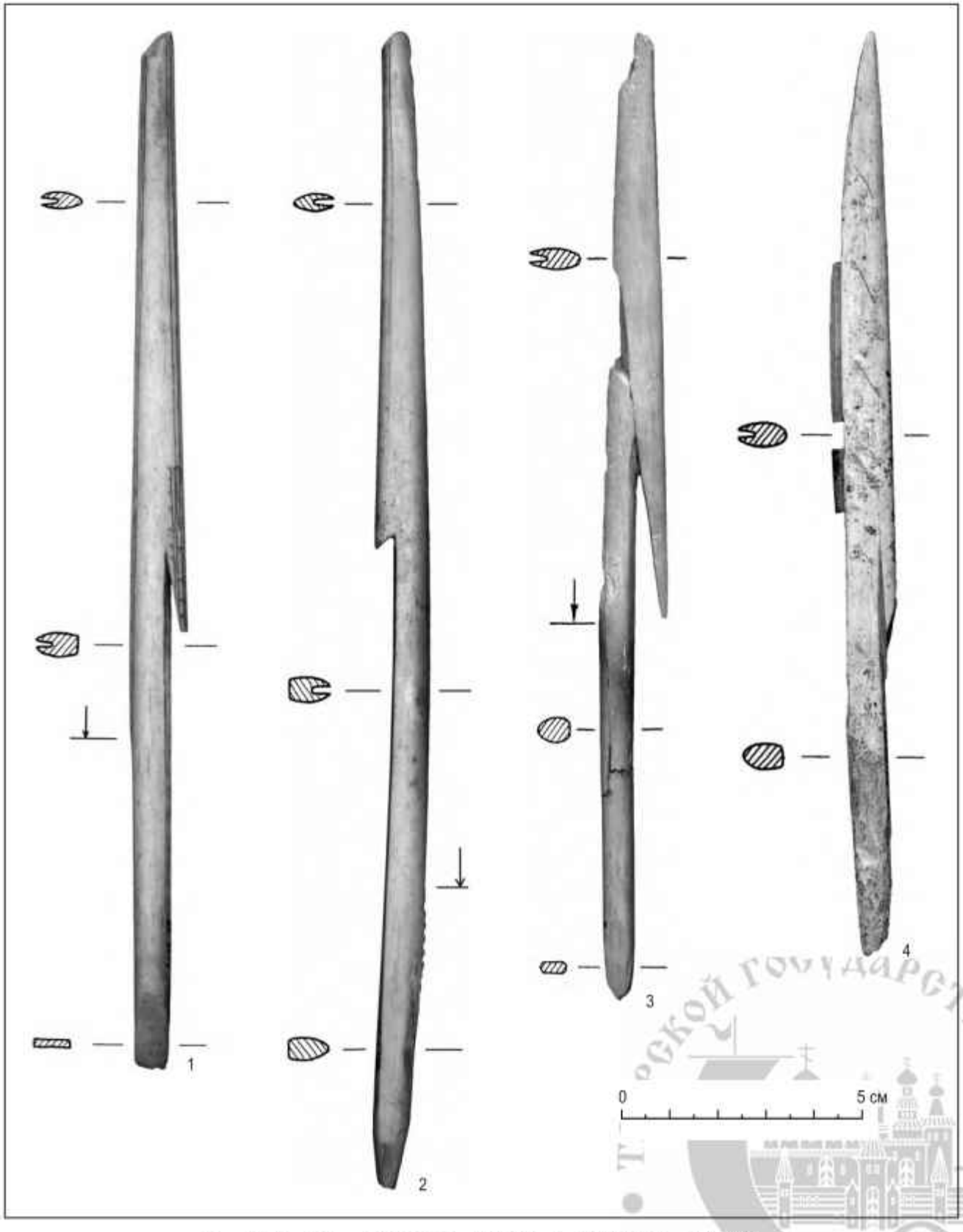

Рис. 14. **Тип 9**: 1 – ДК-5770; 2 – ДК-5759; 3 – ДК-1938; 4 – ДК-4533

Тверской государственный объединенный музей

Тип 10. Черешковые двулезвийно-вкладышевые наконечники

Наконечники длиной от 16 до 26 см, с короткими и длинными лезвиями разной формы.

Подтип 1. *Наконечники с плавным переходом от лезвий к черешку* – 7 экз.

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз.

Наконечник длиной 17,5 см с двумя короткими прямыми лезвиями разной длины – 5 и 4 см. Черешок – округлый в сечении, толщиной 8 мм, с насадом длиной 1,7 см (рис. 15: 1).

Вариант с коническим насадом – 4 экз.

У массивного наконечника длиной 26 см округло-уплощённый черешок, насад длиной 2 см, симметрично выпуклые лезвия длиной 11 см, ширина пазов – 2,5 мм (рис. 15: 2).

Подтип 2. *Наконечники с уступами на переходе от лезвий к черешку* – 2 экз. + 3 обл.

Вариант с коническим гранёным насадом – 2 экз.

Наконечники с гравированными окрашенными охрой орнаментами. Один наконечник – длиной 19,5 см, с короткими прямыми лезвиями длиной 4 см, ширина пазов 1,5 мм. Черешок округлого сечения, насад длиной 2,8 см (рис. 15: 3). Другой наконечник – длиной 25,8 см, с длинными, сужающимися к острию лезвиями длиной 14 см. Ширина пазов – 1,5 мм, один прорезан, отступая на 1,5 мм, другой – на 3,5 см от кончика острия. Черешок – квадратного сечения, толщиной 0,6 см; длина насада – 1,8 см (рис. 15: 4).

Подтип 3. *Наконечники с разным оформлением лезвий* – 2 экз.

Вариант с коническим насадом – 1 экз.

У наконечника длиной 19,8 см округлый в сечении черешок толщиной 6 мм, короткий обломанный насад. Одно лезвие – прямое, длиной 5 см, без выраженного перехода к черешку – отстоит от кончика острия на 3,5 см. Другое лезвие – с уступом при переходе к черешку – прорезает обломанное скошенное остриё (рис. 15: 5).

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз.

У этого наконечника длиной 18 см поперечное сечение подромбической формы, в отличие от других наконечников этого типа, у которых поперечное сечение линзовидной формы. Два лезвия наконечника имеют разную длину. Лезвие длиной 9,7 см заканчивается зубцом толщиной 3,5 мм. Лезвие длиной 11,8 см до насада не доходит 3,6 см. Длина насада – 1 см (рис. 15: 6).

Тип 11. Черешковые наконечники с двумя лезвиями: вкладышевым и без вкладышей

Подтип 1. *Наконечники с зубцом на лезвии без вкладышей* – 5 экз. + 6 обл.

Вариант с клинковидным насадом – 3 экз.

Наконечник длиной 13 см имеет лезвие с пазом для вкладышей длиной 6,5 см и гладкое лезвие длиной 4,7 см. Наконечник орнаментирован и окрашен охрой (рис. 16: 1). Обломок подобного наконечника орнаментирован: с двух сторон наконечника – ряд гравированных параллельных лезвиям линий, расположенных выше зубца на расстоянии 4,5 см (рис. 16: 2). Наконечник длиной 15,5 см, длина насада – 2,5 см. Длина лезвия с пазом – 11,5 см, длина заточенного с зубцом лезвия – 7,5 см. На лезвии выше зубца 8 мелких насечек, сохранивших следы окраски охрой (рис. 16: 3).

Подтип 2. *Наконечник с зубцами на двух лезвиях* – 1 экз.

Вариант с коническим насадом

Наконечник длиной 16 см, с двумя разными по длине лезвиями. Лезвие с пазом для вкладышей – 8,7 см, гладкое – 8 см, оба лезвия на переходе к черешку заканчиваются зубцами (рис. 16: 4).

Наконечник длиной 24,5 см с уплощённым коническим насадом, возможно, первоначально задуманный как вкладышевый, сломался и был заточен. На противоположной от заточенного лезвия стороне сохранилась длинная риска – след от паза для вкладышей. На черешке округлого сечения на расстоянии 4 см от насада имеется г-образной формы опущенный вниз шип (рис. 16: 5).

Тип 12. Наконечники однолезвийно-вкладышевые со стержнем

Этот тип включает наконечники каплевидного, уплощённо-овального сечения с уплощённым стержнем. Переход от вкладышевого лезвия к уплощённому стержню может быть отмечен насечками, выемчатыми нарезками (рис. 17: 1; 18: 4). Насады, как правило, клиновидные. На многих наконечниках, заполированных до блеска, имеются гравированные, окрашенные охрой орнаменты.

Вариант с клиновидным насадом – 119 экз.

Наконечники длиной от 10,5 до 26 см. Длинные лезвия у наконечников либо слегка выпуклые (рис. 17: 1–4), либо прямые, сужающиеся к колющему концу (рис. 18: 1–3), либо незначительно расширяющиеся, если колющий конец лезвия скошен под тупым углом (рис. 18: 4, 5). Пазы заканчиваются на 3–9 см выше насадов и не доходят до кончика острия 0,5–1,0 см. У двух наконечников пазы прорезаны до насадов. У одного наконечника, с коротким прямым лезвием, паз прорезает насад. Возможно, он был переделан из сломанного наконечника, первоначально с длинным лезвием (рис. 17: 5).

Вариант с уплощённо-коническим гранёным насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 19 см с гравированным орнаментом на спинке, с прямым лезвием, которое слегка расширяется перед скошенным под тупым углом колющим концом. Паз шириной 1 мм, длиной 10 см прорезает колющий конец лезвия. Длина насада – 1,7 см (рис. 18: 5).

Объединенный музей

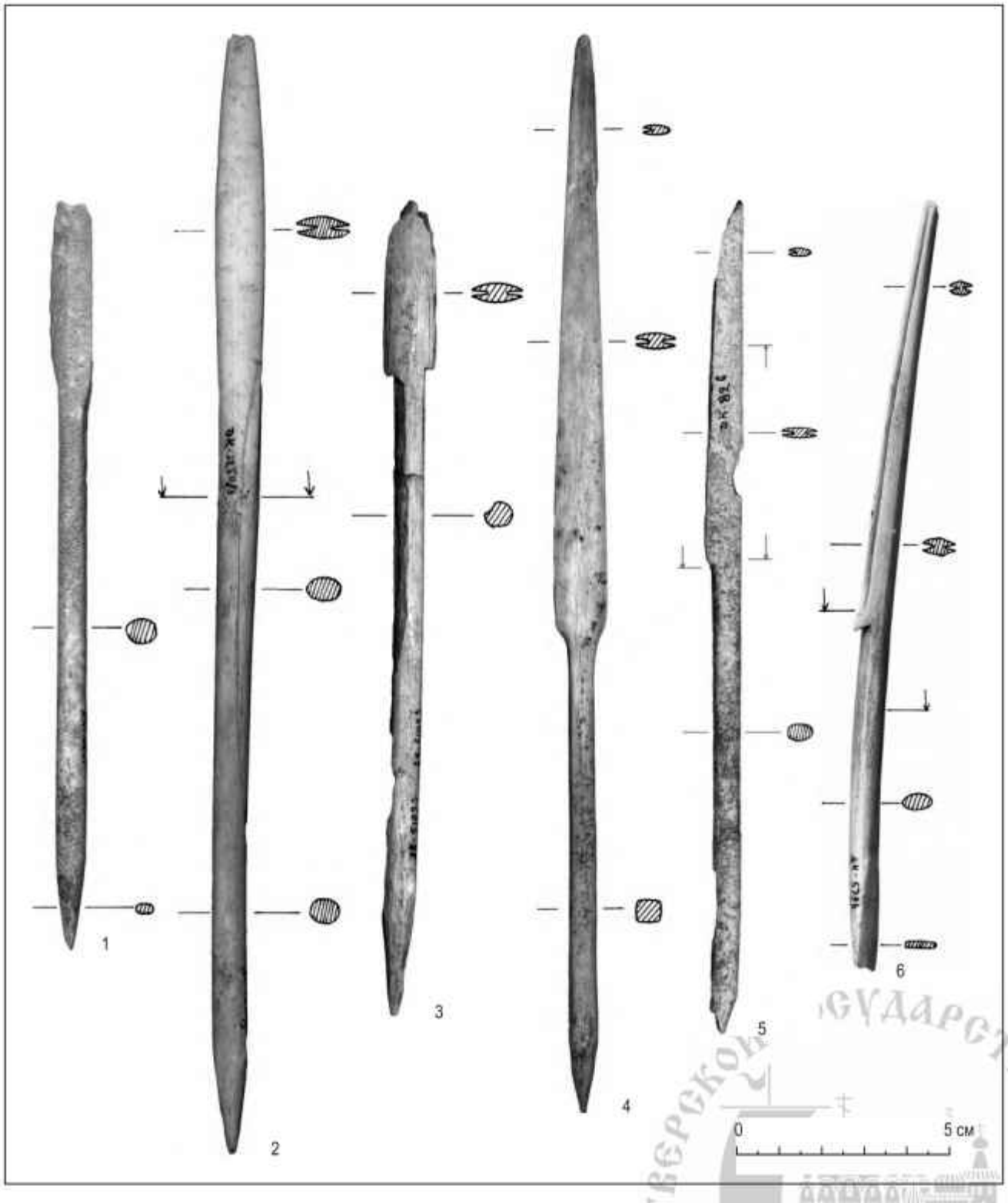

Рис. 15. **Тип 10/1**: 1 – ДК-3251; 2 – ДК-3250; **Тип 10/2**: 3 – ДК-5109; 4 – ДК-4265; **Тип 10/3**: 5 – ДК-82; 6 – ДК-5796

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

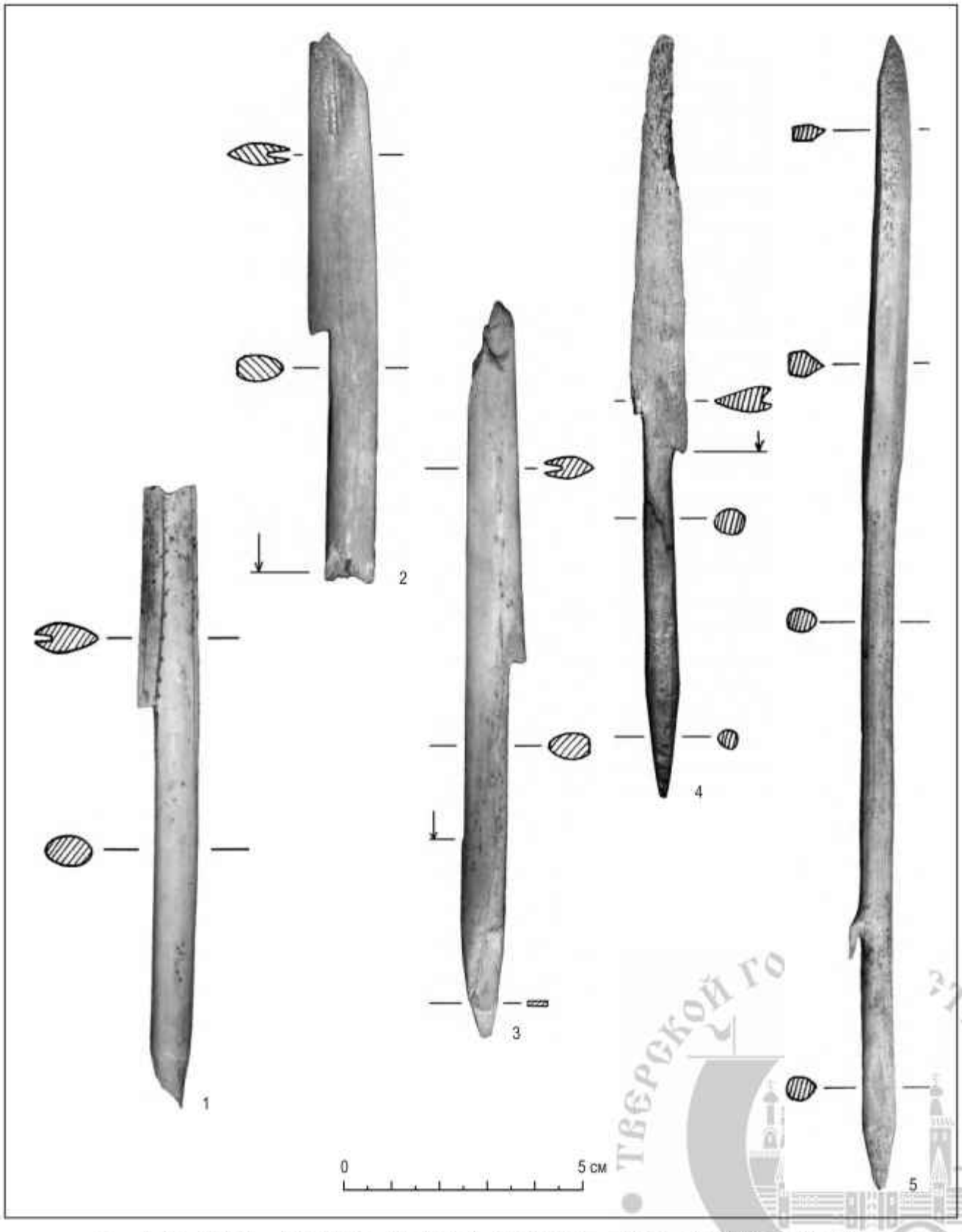

Рис. 16. **Тип 11/1**: 1 – ДК-5113; 2 – ДК-3560; 3 – ДК-5766; **Тип 11/2**: 4 – ДК-2392; 5 – ДК-4291

ТВЕРСКОЙ ГО ГВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

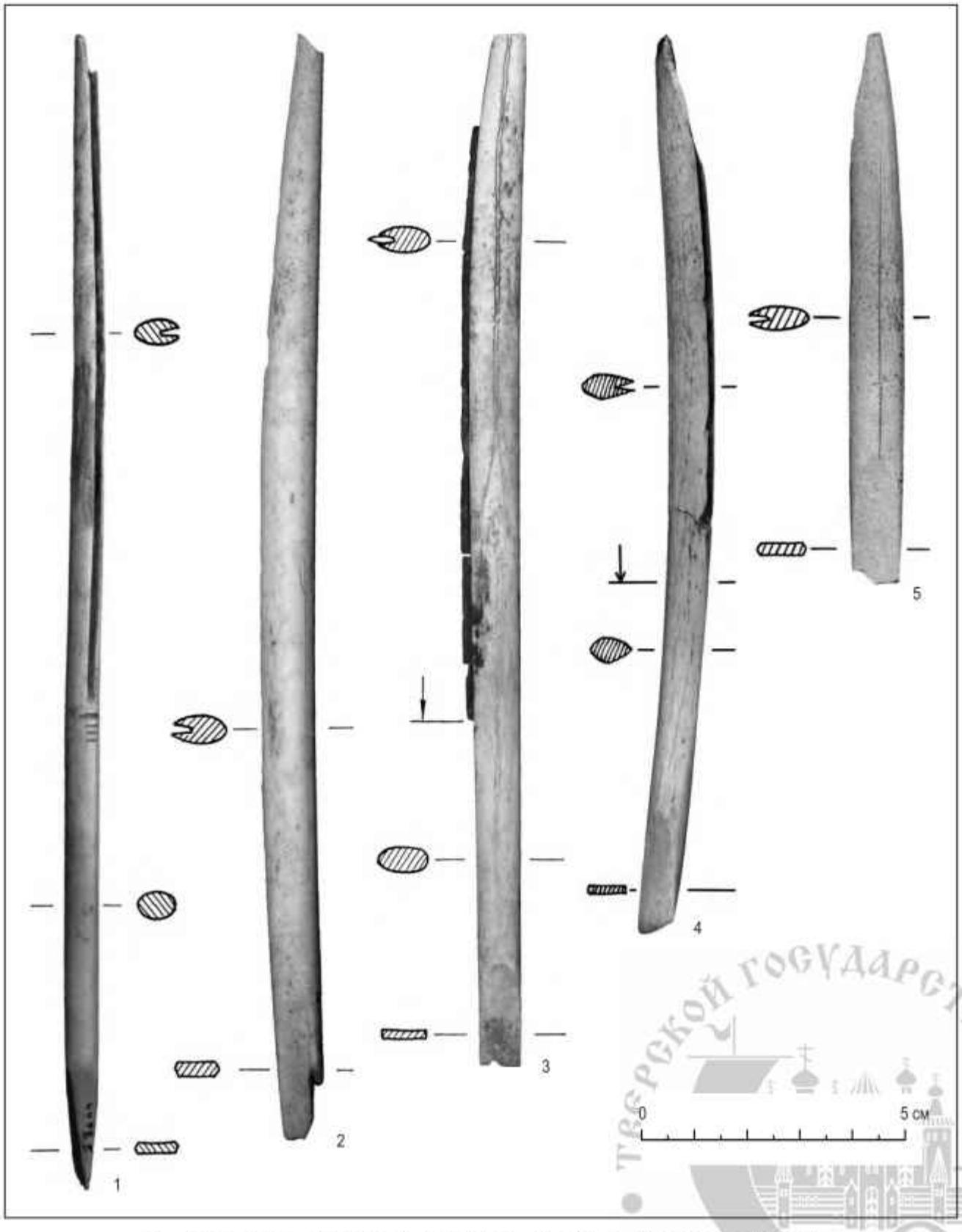

Рис. 17. **Тип 12**: 1 – ДК-4498; 2 – ДК-1935; 3 – ДК-5122; 4 – ДК-5768; 5 – ДК-4061

Тверской государственный объединенный музей

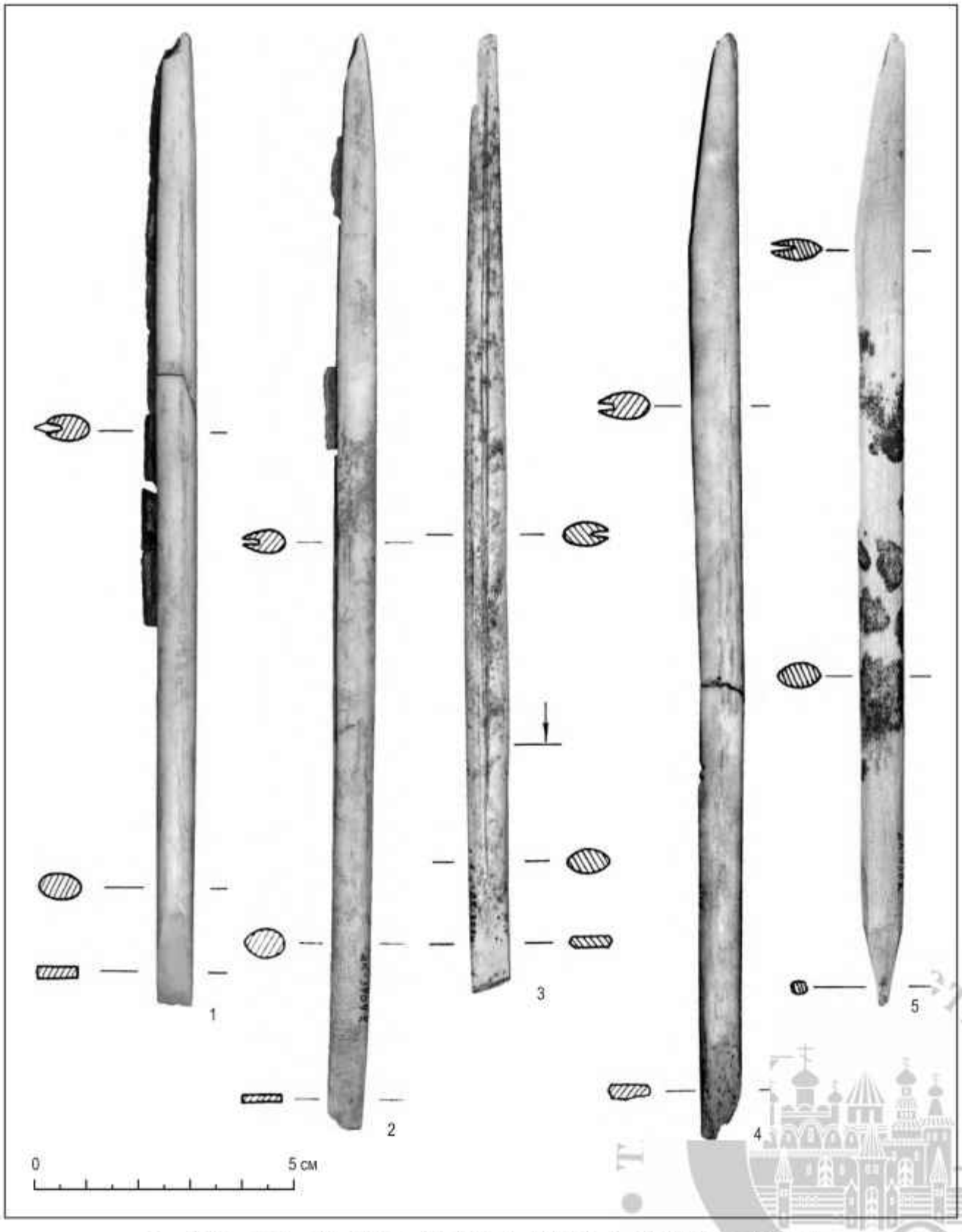

Рис. 18. **Тип 12**: 1 – ДК-5780; 2 – ДК-3904; 3 – ДК-3534; 4 – ДК-5373; 5 – ДК-4302

Тип 13. Наконечники двулезвийно-вкладышевые со стержнем

Наконечники длиной от 12,5 до 22,5 см, шириной от 0,8 до 1,2 см с прямыми или слегка выпуклыми лезвиями. Многие орнаментированы, у двух наконечников на переходе лезвий в уплощённый стержень двухсторонние ямчатые выемки.

Вариант с клиновидным насадом – 17 экз.

Наконечник длиной 22,5 см, шириной 0,8 см с прямыми длинными лезвиями. Расстояние от пазов до насада 5,7 см, длина насада 2,1 см. У наконечника с двух сторон гравированный, окрашенный охрой орнамент (рис. 19: 1). Наконечник длиной 18,3 см, шириной 0,9 см с длинными, прямыми лезвиями. Длина стержня от пазов лезвий до насада 4 см, длина насада 2,2 см (рис. 19: 2). Наконечник длиной 12,5 см, шириной 0,9 см со слегка выпуклыми лезвиями. Стержень длиной 2,7 см, длина насада 1,7 см. Наконечник до блеска заполирован (рис. 19: 3). Наконечник длиной 13,5 см, шириной 0,8 см с прямыми лезвиями длиной 8,4 и 8,7 см. Расстояние от пазов до насада 3,7 см, длина насада 1,5 см. Ниже лезвий имеются парные ямчатые выемки (рис. 19: 4).

Вариант с развёрнутым клиновидным насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 20,2 см, шириной 1,0 см с длинными прямыми лезвиями. Расстояние от пазов до насада 2 см, длина насада 2,7 см. С двух сторон наконечника гравированный, окрашенный охрой орнамент (рис. 19: 5).

НАКОНЕЧНИКИ С ЛЕЗВИЯМИ БЕЗ ПАЗОВ

Тип 14. Черешковые однолезвийные наконечники

Наконечники длиной от 9,5 до 22 см, с черешками округлого или округло-уплощённого сечения. Лезвия у наконечников либо короткие – черешок превышает длину лезвия, либо длинные – черешок короче лезвия. Выделены подтипы наконечников с плавным переходом от лезвия к черешку, с уступом, с зубцом. Два наконечника орнаментированы.

Подтип 1. *Наконечники с плавным переходом от лезвия к черешку* – 13 экз. + 21 обл.

Вариант с коническим насадом – 8 экз.

Наконечники длиной от 11 до 22 см с короткими и длинными лезвиями каплевидного сечения (рис. 20: 1–3).

Вариант с клиновидным насадом – 5 экз. + 1 обл.

Наконечник длиной 11,5 см, длина лезвия 5,5 см, длина насада 2 см (рис. 20: 4). Наконечник длиной 11,5 см, длина лезвия 3 см, длина насада 2,5 см (рис. 20: 5). Наконечник длиной 19 см, длина лезвия 6 см, длина обломанного насада 1,7 см (рис. 20: 6).

Подтип 2. *Наконечники с уступом на переходе от лезвия к черешку* – 5 экз. + 3 обл.

У наконечников под уступом первоначально округлый черешок срезан до насада, в отличие от наконечников с плавным переходом от лезвия к черешку.

Вариант с коническим насадом – 5 экз.

Наконечники длиной от 11 до 20,5 см с длинными и короткими лезвиями (рис. 21: 1, 2).

Подтип 3. *Наконечники с лезвием, заканчивающимся зубцом* – 7 экз. + 1 обл.

Вариант с коническим насадом – 4 экз.

Наконечники длиной 13,5–21,5 см с короткими и длинными лезвиями (рис. 21: 3, 4; 22: 1).

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз.

Наконечники длиной до 19,5 см с длинными прямыми или слегка выпуклыми лезвиями, длина которых до 15 см (рис. 22: 2, 4). Наконечник с обломанным прямым лезвием, длина лезвия 5,5 см (рис. 22: 3).

Тип 15. Черешковые двулезвийные наконечники

Этот тип черешковых наконечников с лезвиями разной длины и формы объединяет наконечники, предназначавшиеся для охоты как на крупных, так и мелких животных, также, возможно, птиц.

Подтип 1. *Наконечники с прямыми, сужающимися к острию лезвиями, с плавным переходом от лезвий к черешку* – 6 экз. + 10 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 4 экз.

Наконечник длиной 19,5 см линзовидного сечения – ребро жёсткости сглажено; длина лезвий 7 см, насада – 2,7 см (рис. 23: 1). Наконечник длиной 19 см подтреугольного сечения, с выраженным ребром жёсткости; длина лезвий 9,8 см, насада – 2,2 см (рис. 23: 2). Наконечник длиной 18 см линзовидного сечения – ребро жёсткости сглажено; длина лезвий 9 см, насада – 2,7 см (рис. 23: 3). Наконечник длиной 11,2 см ромбовидного сечения, длина лезвия 5 см (рис. 23: 4).

Вариант с коническим насадом – 3 экз.

Наконечник длиной 18,2 см с короткими, сужающимися к острию лезвиями; длина черешка 11,5 см; насада – 1,2 см (рис. 23: 5). Массивный наконечник длиной 22,7 см с асимметричными сужающимися к острию лезвиями: прямым и выпуклым – с укороченным рудиментом округлого в сечении черешка длиной 2 см (рис. 24: 1).

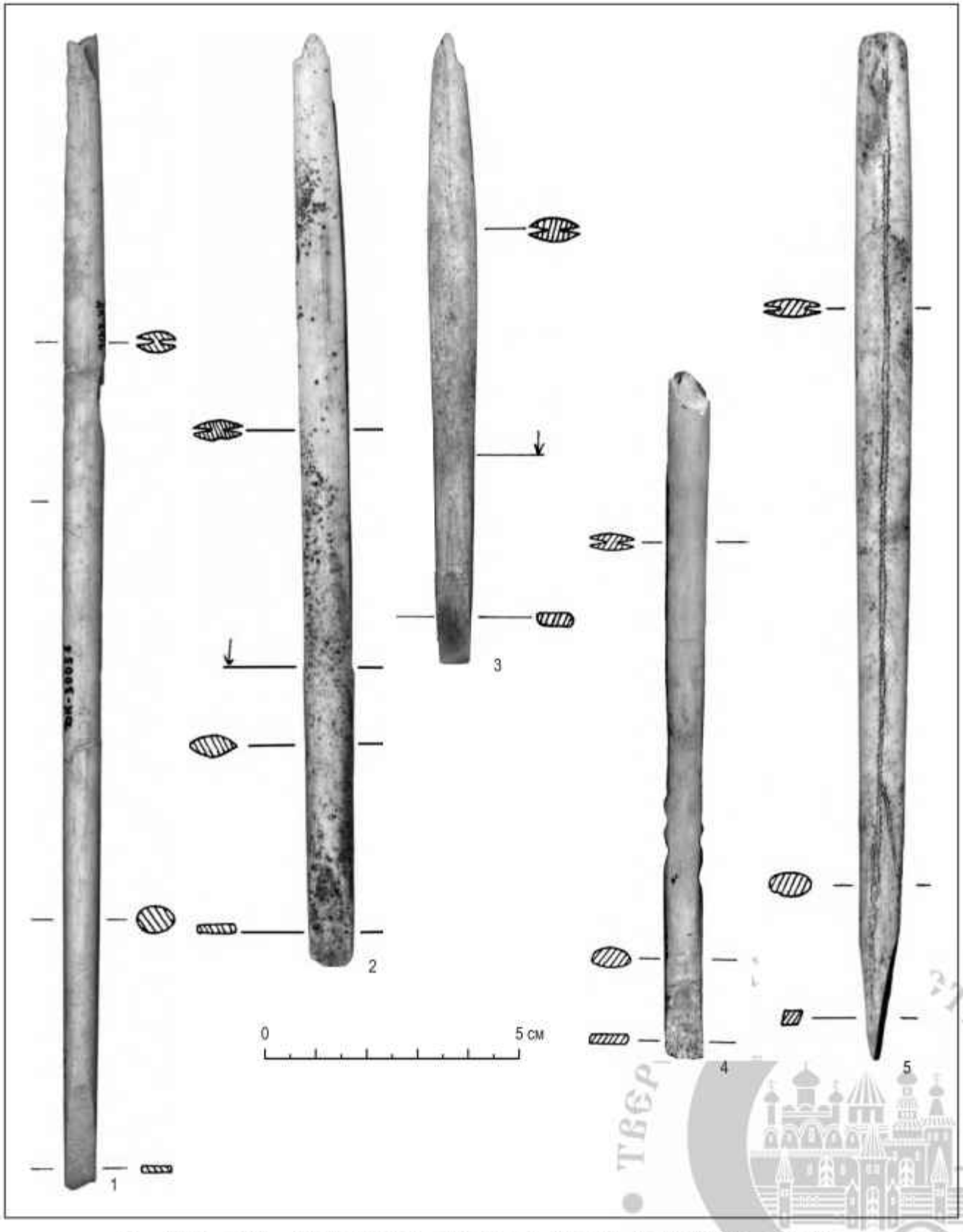

Рис. 19. **Тип 13**: 1 – ДК-3005/2416; 2 – ДК-4261; 3 – ДК-4263; 4 – ДК-5798; 5 – ДК-2825

ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

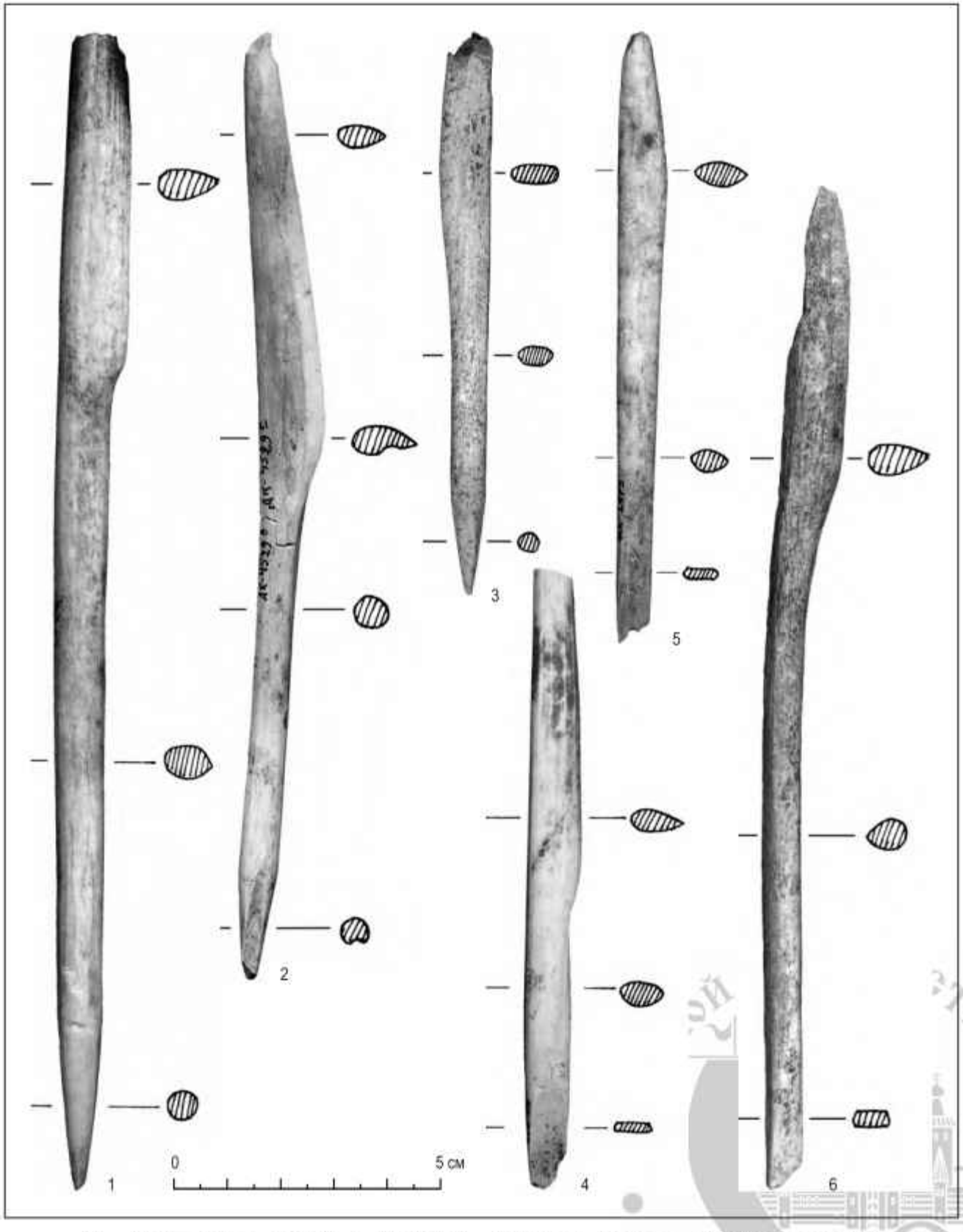

Рис. 20. **Тип 14/1**: 1 – ДК-3324; 2 – ДК-4529; 3 – ДК-1073; 4 – ДК-233; 5 – ДК-2075; 6 – ДК-1250

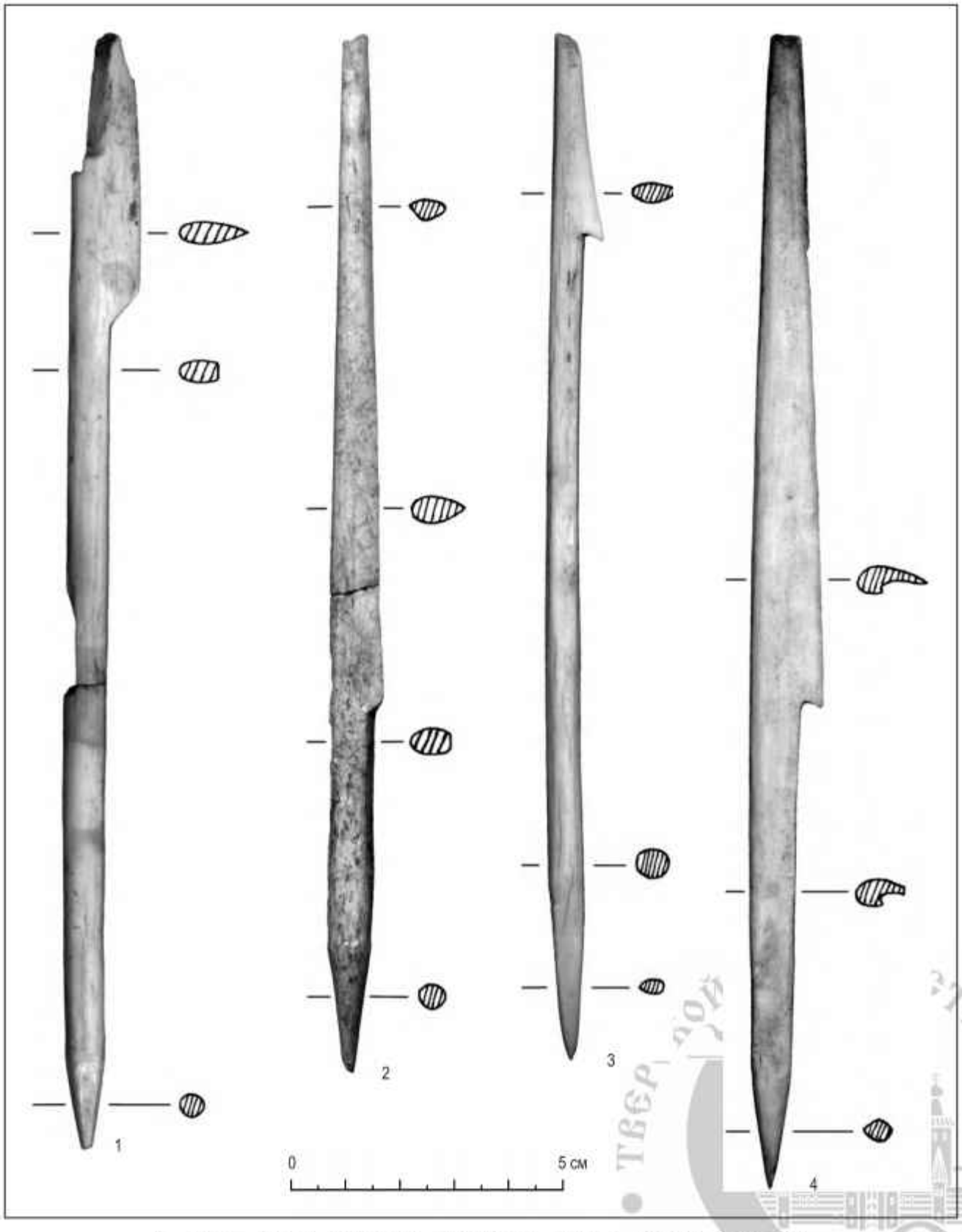

Рис. 21. **Тип 14/2**: 1 – ДК-3327; 2 – ДК-3326; **Тип 14/3**: 3 – ДК-5731; 4 – ДК-5730

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

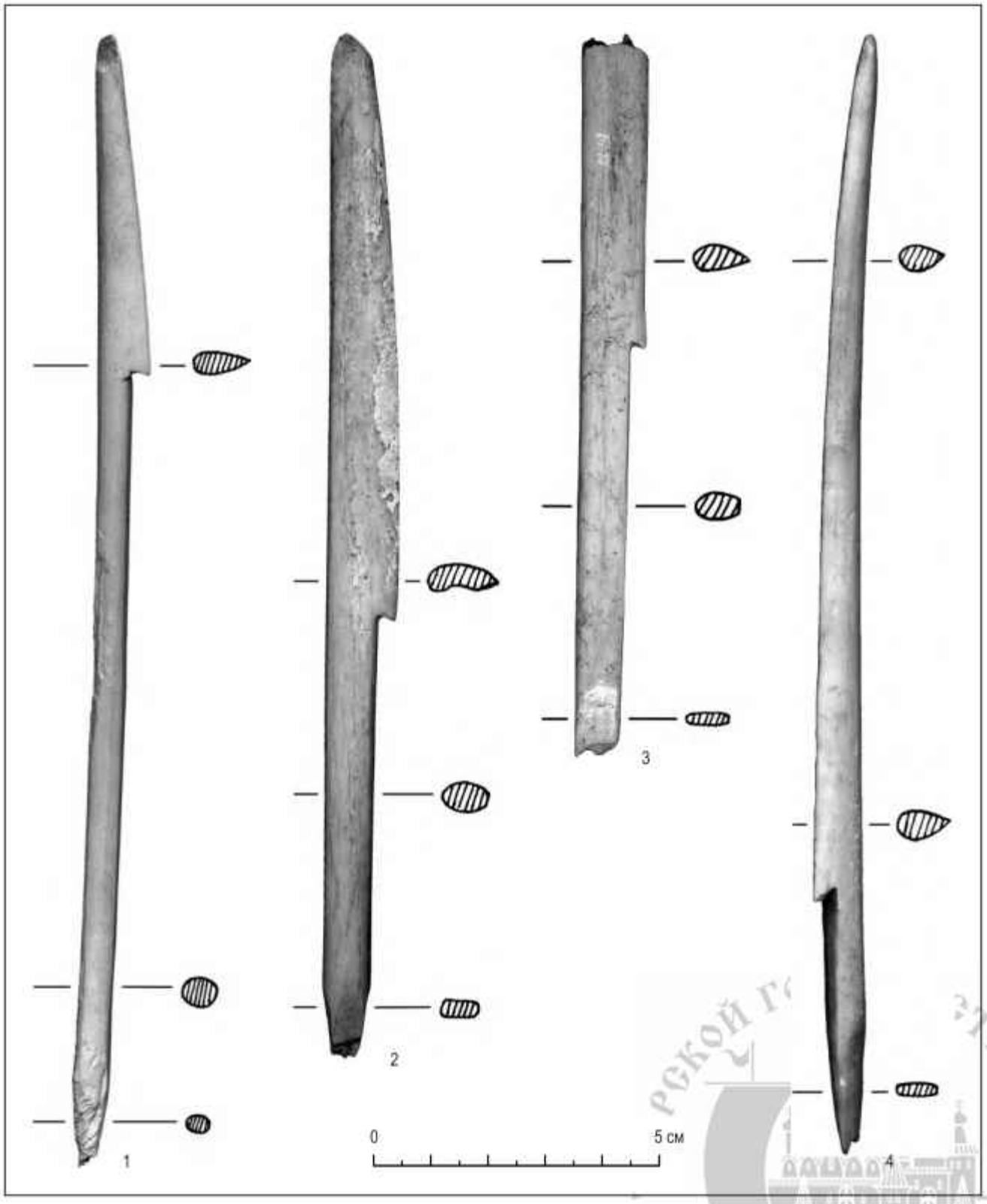

Рис. 22. **Тип 14/3**: 1 – ДК-1942; 2 – ДК-5718; 3 – ДК-3344; 4 – ДК-2417

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

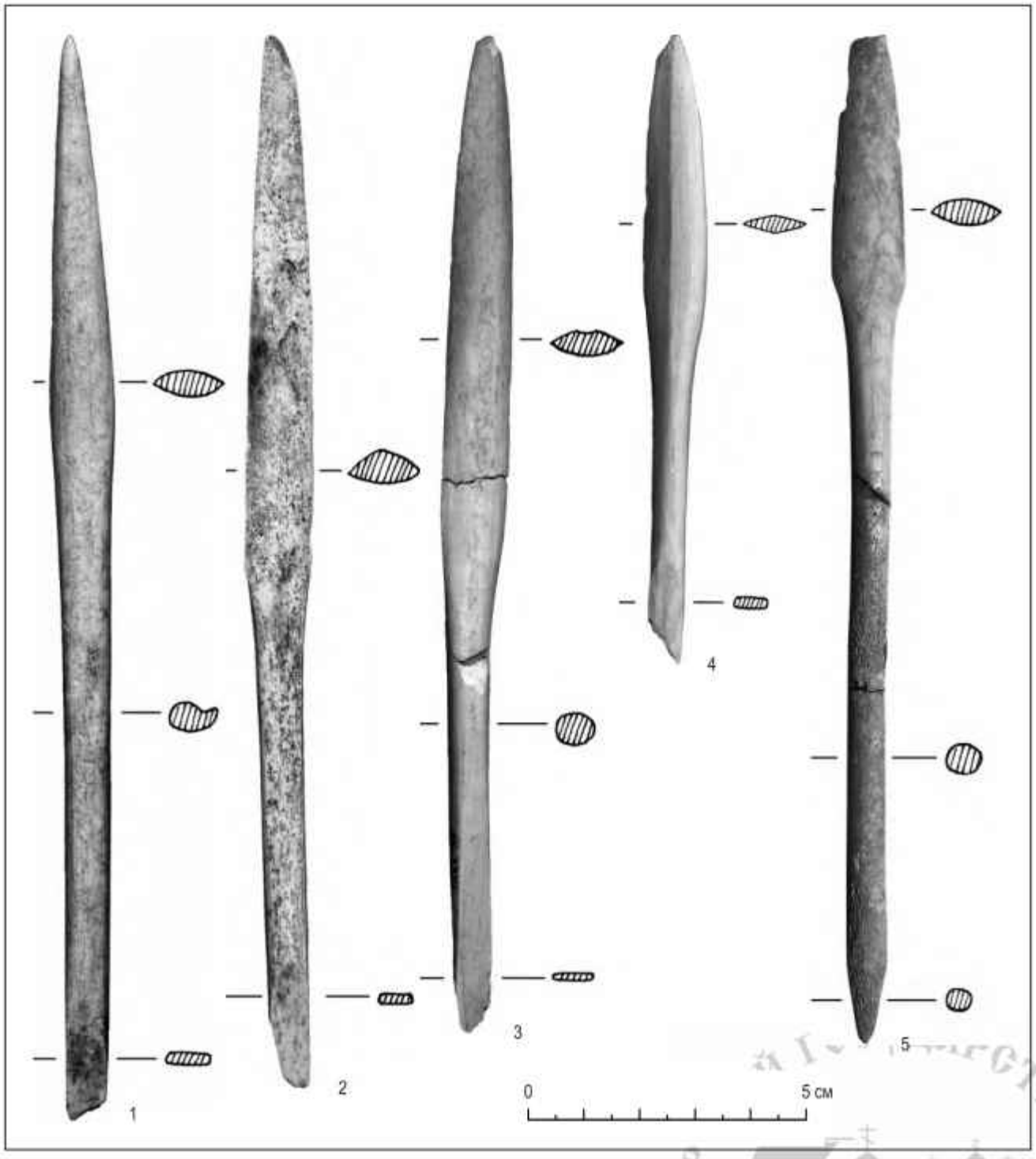

Рис. 23. **Тип 15/1**: 1 – ДК-2418; 2 – ДК-5720; 3 – ДК-3341; 4 – ДК-5349; 5 – ДК-2965

Тверской государственный объединенный музей

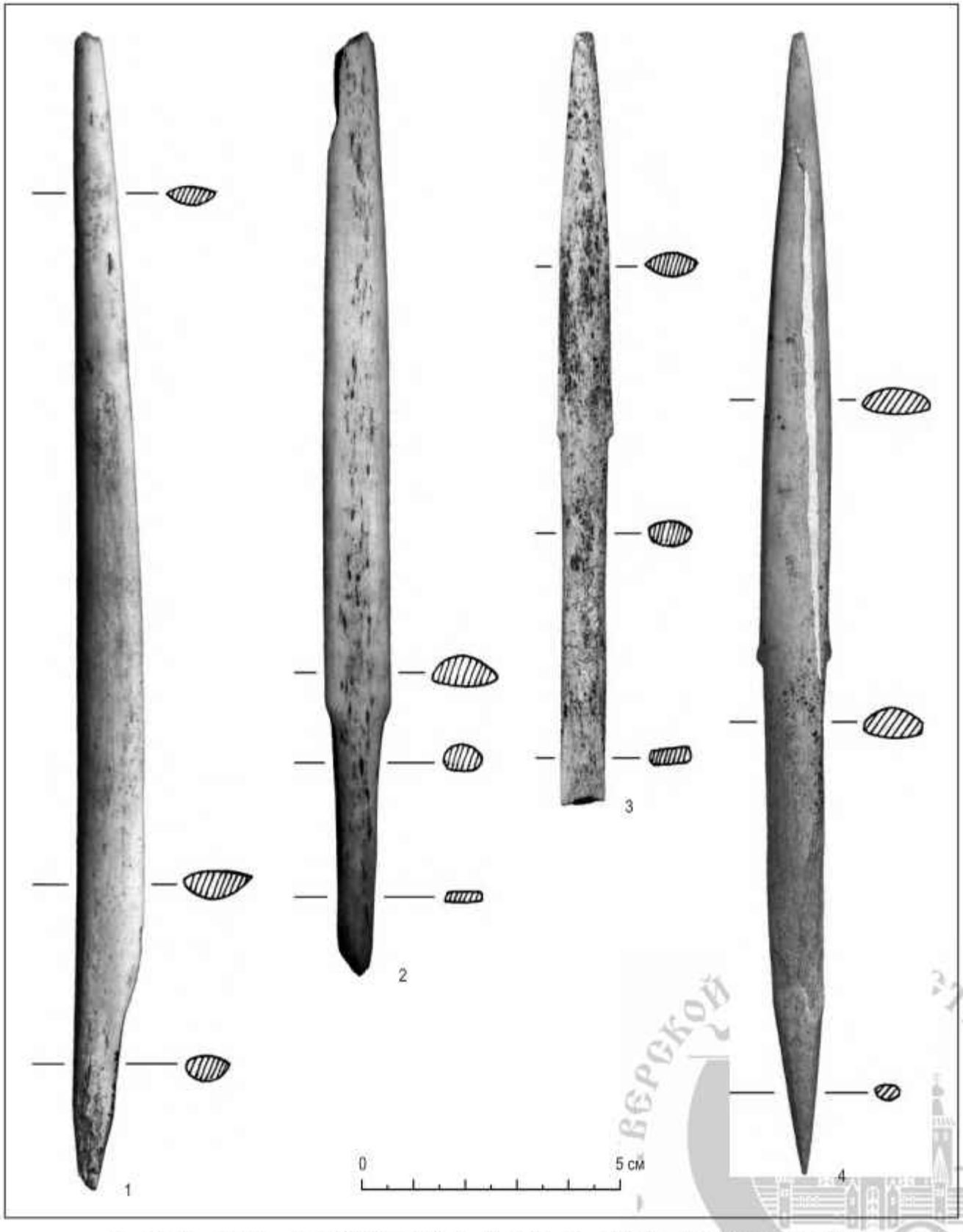

Рис. 24. **Тип 15/1**: 1 – ДК-5729; **Тип 15/2**: 2 – ДК-5721; **Тип 15/3**: 3 – ДК-2421; 4 – ДК-4210

Подтип 2. *Наконечники с уступами на переходе от лезвий к черешку* – 1 экз. + 1 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз.

Наконечник линзовидного сечения длиной 18,5 см с прямыми сужающимися к острию лезвиями, уплощённо-округлым черешком длиной 2 см, насадом длиной 3 см (рис. 24: 2).

Подтип 3. *Наконечники с небольшими декоративными зубцами на переходе от лезвий к черешку* – 2 экз.

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз.

Наконечник подтреугольного сечения с выраженным ребром жёсткости, длиной 15 см; длина уплощённого черешка 5 см, насада – 2 см (рис. 24: 3).

Вариант с коническим насадом – 1 экз.

Массивный наконечник линзовидного сечения длиной 22,4 см с длинными прямыми, сужающимися на остриё лезвиями; длина черешка 6,5 см, насада – 3 см (рис. 24: 4).

Подтип 4. *Наконечники с лезвиями, заканчивающимися шипами* – 4 экз. + 3 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз.

Наконечник ромбовидного сечения длиной 20,7 см с выраженным ребром жёсткости; одно из лезвий заканчивается треугольным шипом длиной 1,2 см; длина черешка 11,5 см, насада – 2,5 см (рис. 25: 1).

Вариант с коническим насадом – 1 экз. + 1 обл.

Наконечник длиной 14,8 см и обломок наконечника с асимметричными лезвиями (рис. 25: 2, 3). У наконечника длина шипа 1,3 см, черешка – 3,4 см, насада – 2,5 см.

Обломок наконечника линзовидного сечения с двумя длинными шипами, один из них обломан. Бóльшая часть черешка утрачена (рис. 25: 4).

Подтип 5. *Наконечники с ромбовидным абрисом лезвий* – 6 экз. + 10 обл.

Наконечники с короткими лезвиями, расширяющимися от черешка до середины рабочей части лезвий, затем сужающимися под тупым углом к острию – абрис рабочей части наконечника обретает ромбовидную форму.

Вариант с клиновидным насадом – 2 экз.

Наконечник линзовидного сечения длиной 14,5 см, длина насада 2,9 см (рис. 26: 1). Наконечник выемчатого треугольного сечения с выраженным ребром жёсткости, длина насада 2 см (рис. 26: 2).

Вариант с клинковидным насадом – 4 экз.

Наконечники ромбовидного сечения с выраженным на обеих сторонах ребром жёсткости; длина насадов 2,5 и 2,7 см (рис. 26: 3, 4). Наконечник треугольного сечения со слабовыраженным ребром жёсткости; длина насада 2,2 см (рис. 26: 5).

Подтип 6. *Черешковые наконечники с асимметричными декоративно оформленными лезвиями* – 3 экз. + 1 обл.

Наконечники длиной 22 и 19,7 см с коническими насадами длиной 2,2 и 1,7 см (рис. 27: 1, 2) опубликованы [6, с. 521–530; рис. 1: 6].

Подтип 7. *Наконечник с короткими лезвиями разной длины* – 1 экз.

Наконечник длиной 16,6 см с короткими выпуклыми лезвиями разной длины; длина насада 1,2 см (рис. 27: 3).

Тип 16. Двулезвийные со стержнем наконечники

Наконечники линзовидного сечения с выпуклыми длинными и короткими лезвиями, симметрично сужающимися к заострённому концу и стержню.

Подтип 1. *Наконечники с длинными лезвиями* – 3 экз. + 2 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 2 экз.

Наконечник длиной 24 см, максимальная ширина 0,9 см, длина насада 3 см. Наконечник длиной 20 см, максимальная ширина 1,4 см, длина насада 1,8 см. Наконечник длиной 14,3 см, максимальная ширина 1,1 см, длина насада 2,5 см. Наконечники заполированы до блеска (рис. 28: 1–3).

Вариант с коническим насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 16 см, максимальная ширина 1,8 см, длина насада 2 см (рис. 28: 4).

Подтип 2. *Наконечники с короткими лезвиями* – 2 экз. + 5 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 2 экз.

Наконечник длиной 14,7 см, длина стержня около 7 см, длина насада 3 см (рис. 28: 5).

Тип 17. Бесчерешковые однолезвийные наконечники

Наконечники с длинным, каплевидным в сечении лезвием, сужающимся к острию и насаду – 2 экз. + 2 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 1 экз. + 2 обл.

Наконечник длиной 18,5 см, длина насада 2,5 см (рис. 29: 1).

Два наконечника длиной 17 и 9 см с обломанными насадами (рис. 29: 2, 3).

Вариант с коническим гранёным насадом – 1 экз.

Наконечник длиной 15,2 см, длина насада 1,5 см, кончик насада обломан (рис. 29: 4).

Тверской государственный объединенный музей

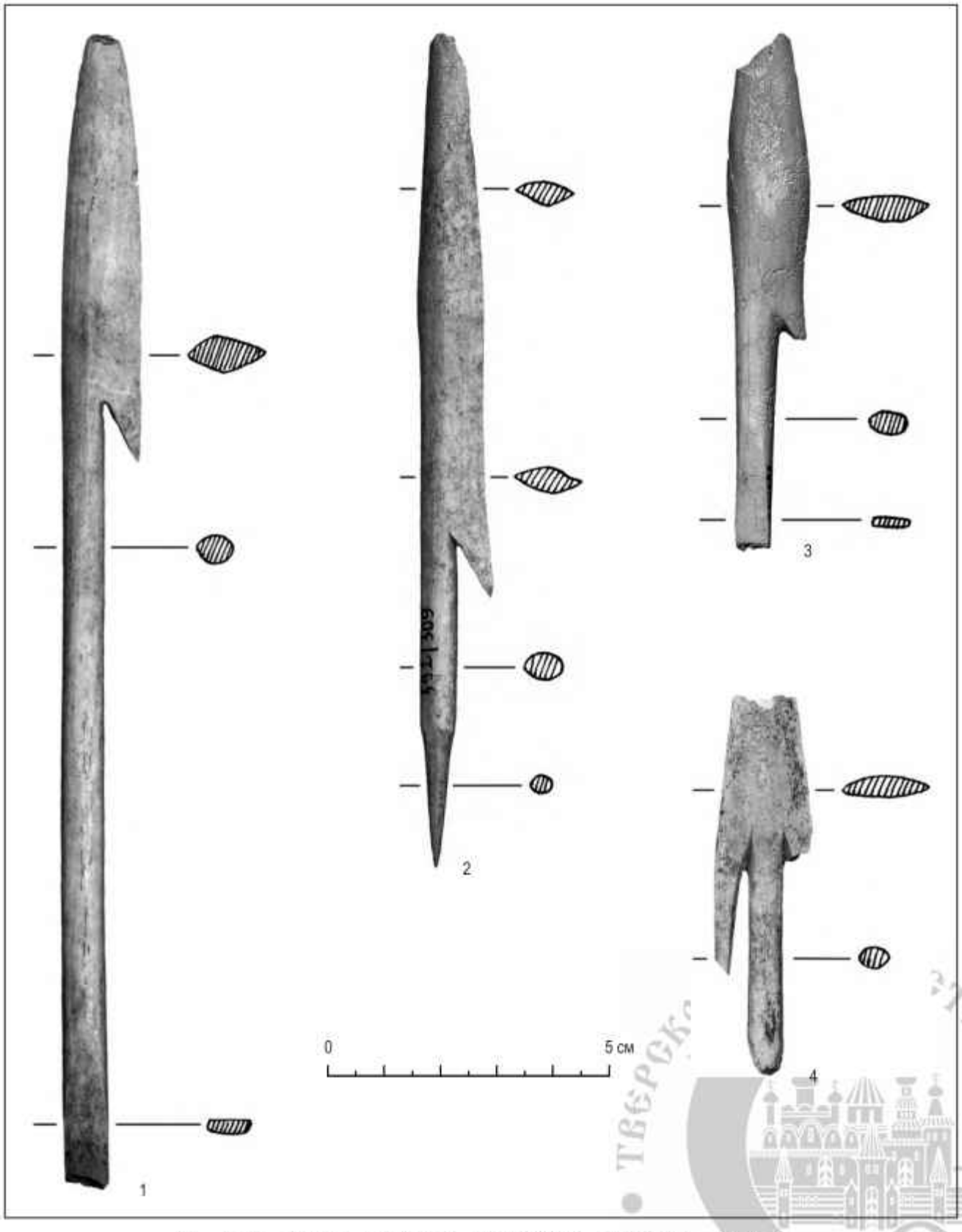

Рис. 25. **Тип 15/4**: 1 – ДК-3343; 2 – ДК-592/309; 3 – ДК-1888; 4 – ДК-3160

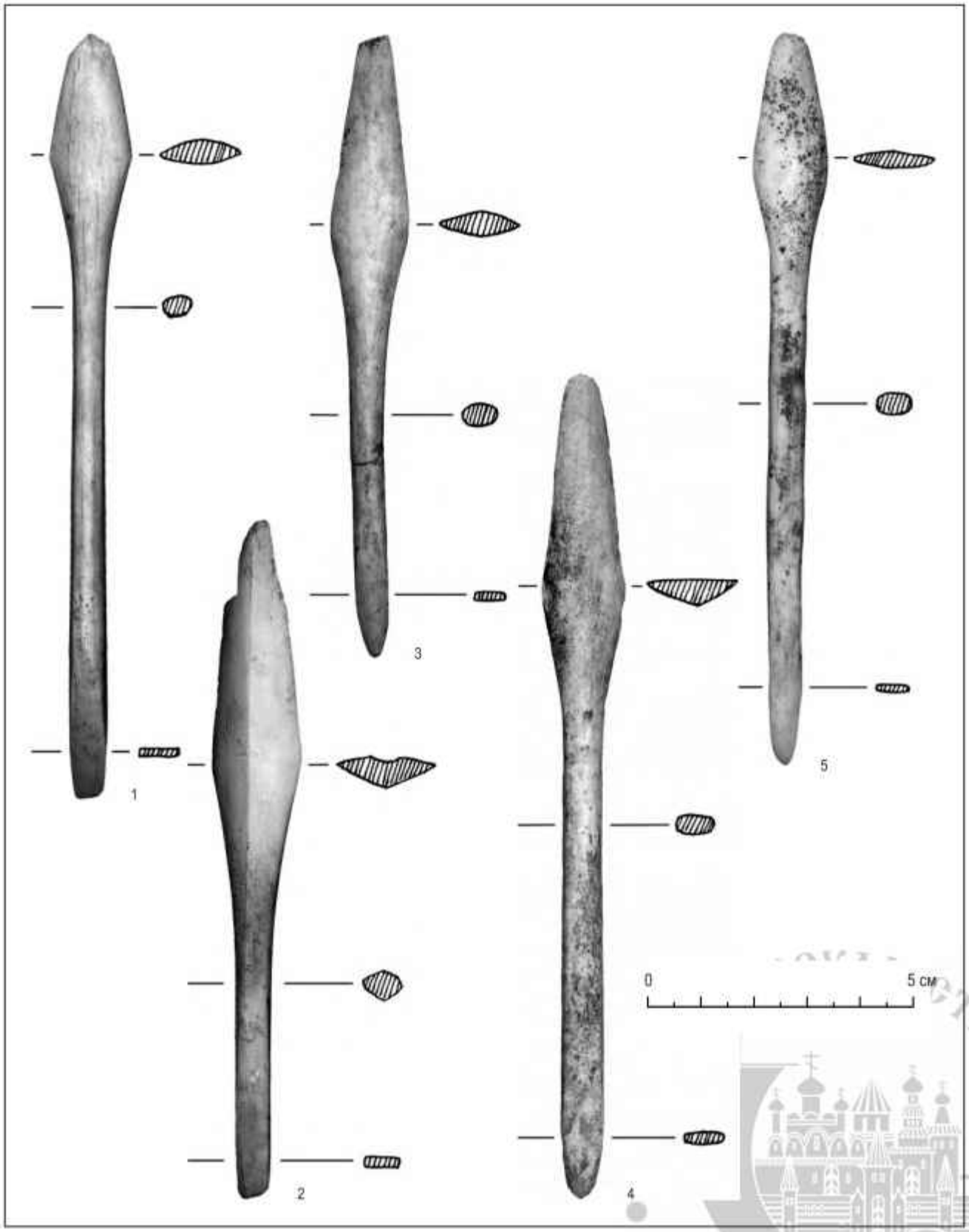

Рис. 26. **Тип 15/5**: 1 – ДК-3818; 2 – ДК-4055; 3 – ДК-3358; 4 – ДК-2964; 5 – ДК-4528

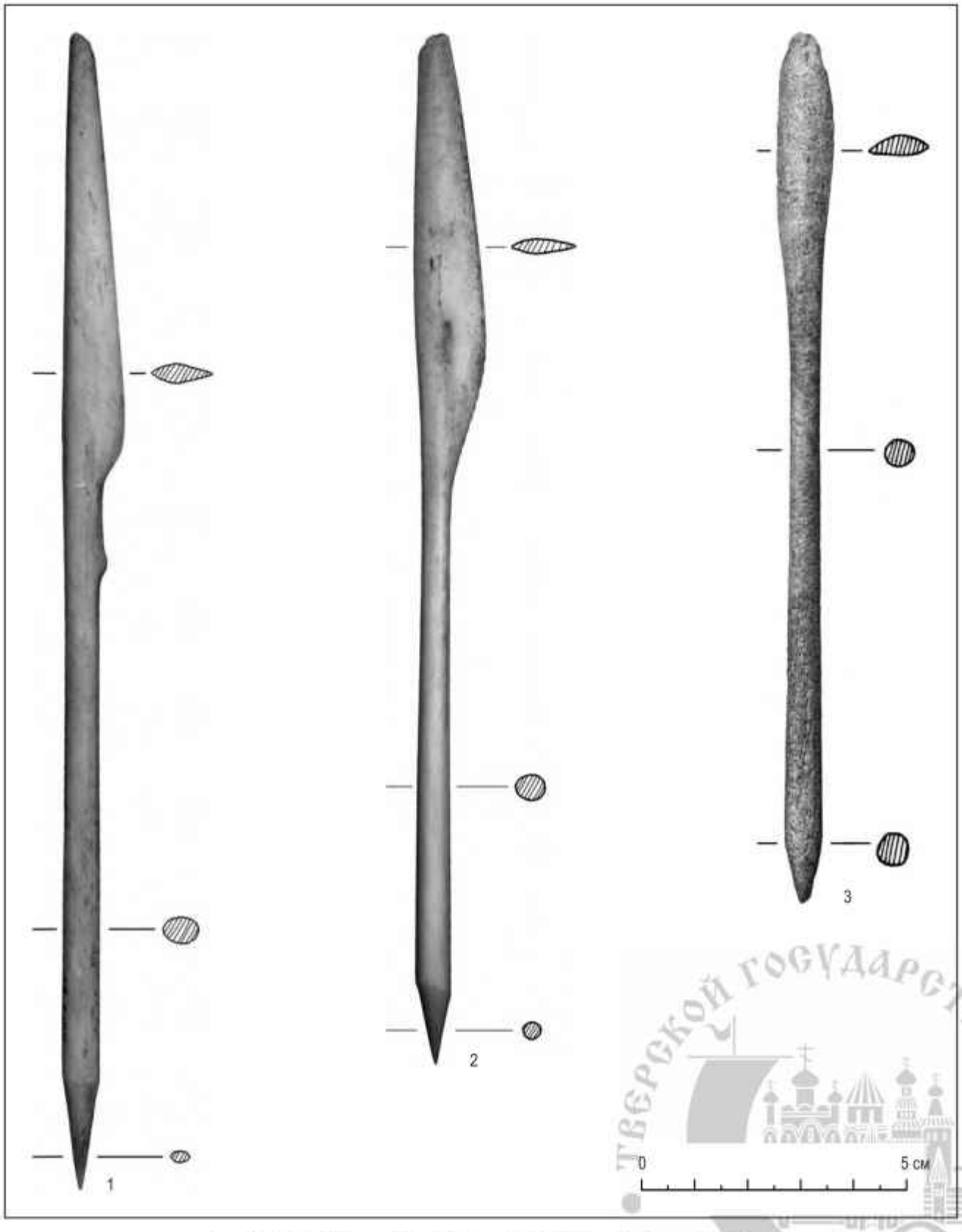

Рис. 27. **Тип 15/6**: 1 – ДК-5104; 2 – ДК-5542; **Тип 15/7**: 3 – ДК-228

Тверской государственный объединенный музей

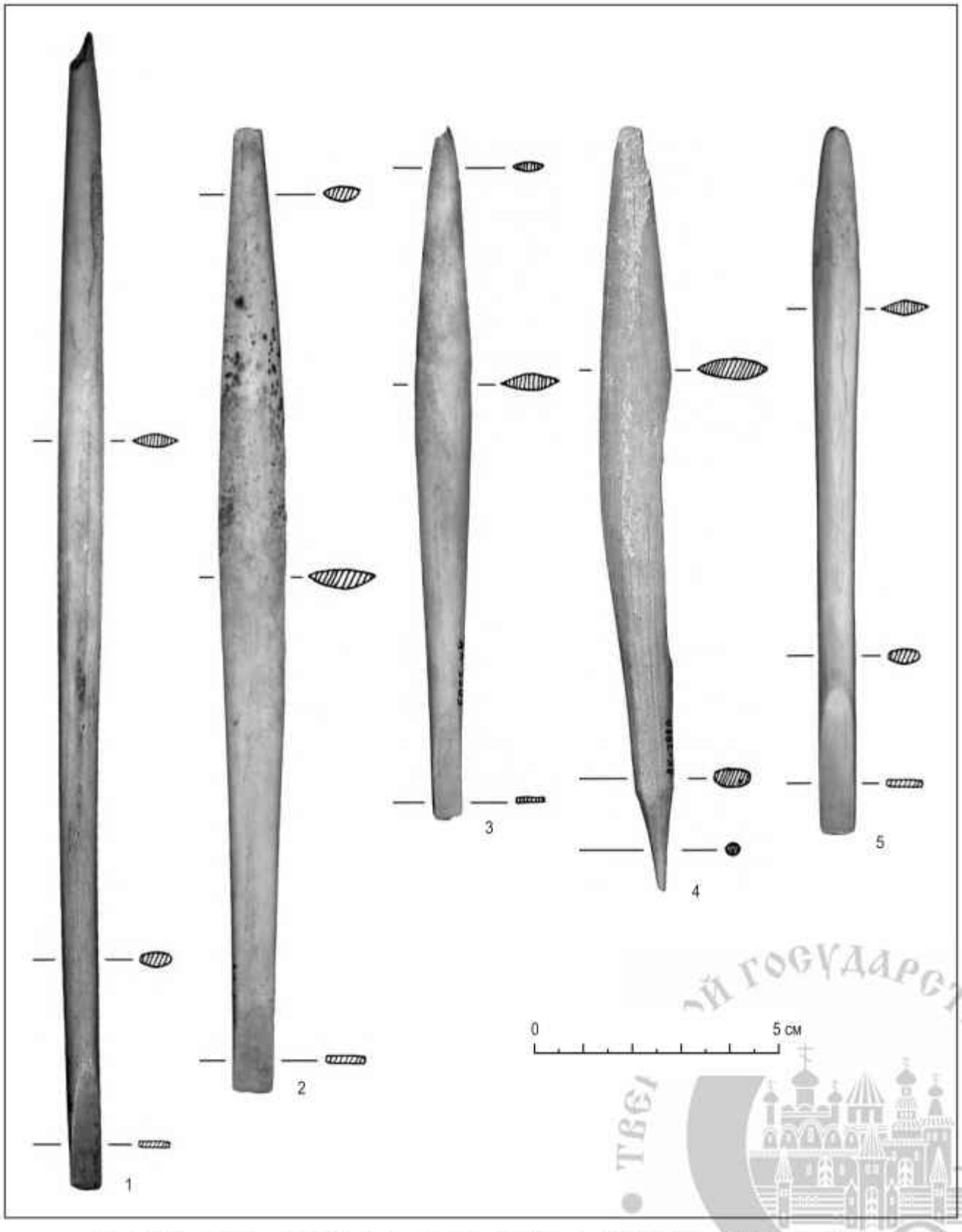

Рис. 28. **Тип 16/1**: 1 – ДК-5719; 2 – ДК-5106; 3 – ДК-5503; 4 – ДК-3220; **Тип 16/2**: 5 – ДК-5544

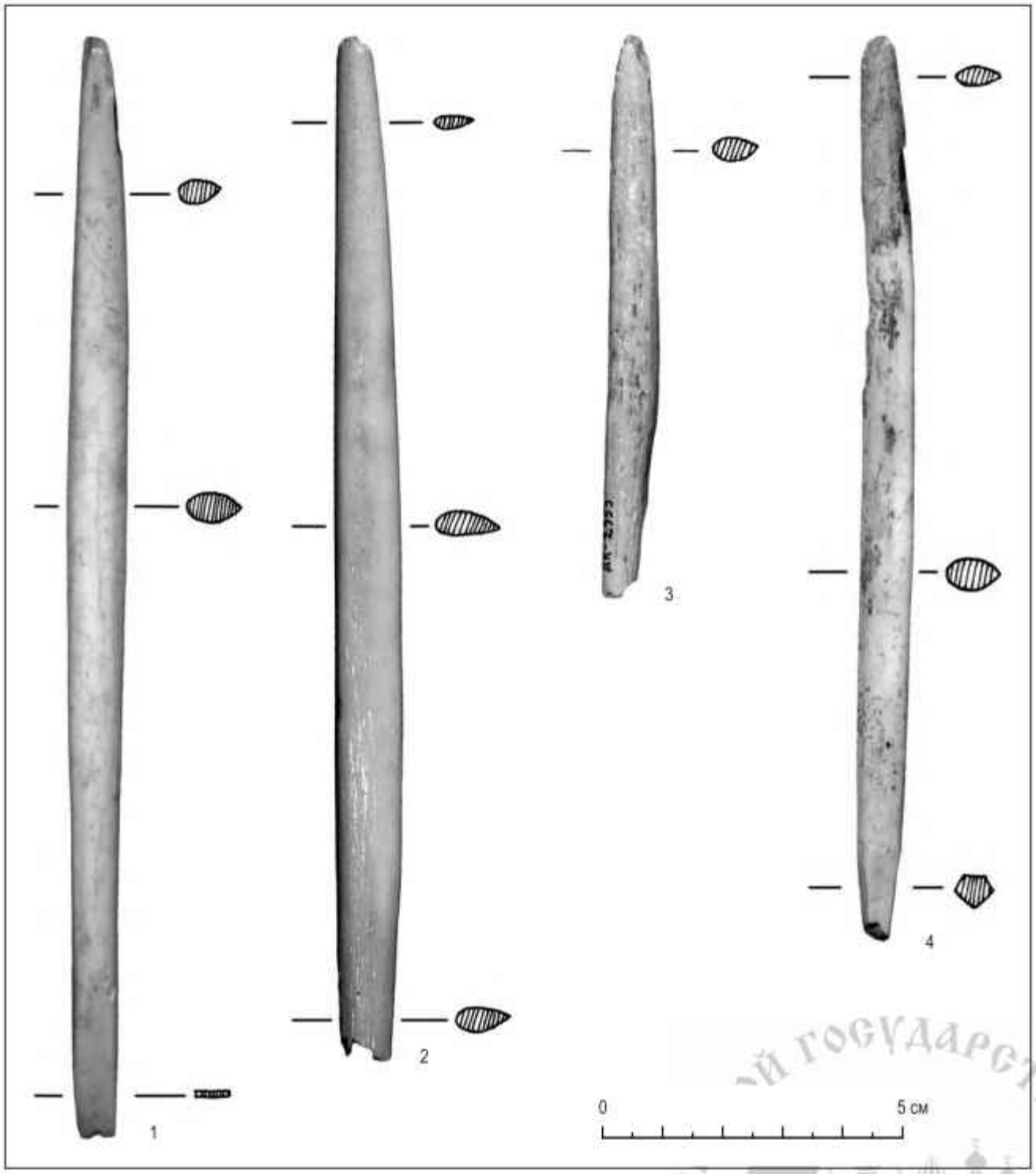

Рис. 29. **Тип 17**: 1 – ДК-2419; 2 – ДК-4686; 3 – ДК-2953; 4 – ДК-3937

Тверской государственный объединенный музей

Тип 18. Бесчерешковые двулезвийные наконечники

Наконечники с лезвиями линзовидного или треугольного сечения, с гранёным ребром жёсткости.

Подтип 1. *Наконечники с длинными прямыми или слегка выпуклыми лезвиями* – 11 экз. + 8 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 9 экз. + 3 обл.

Наконечники с лезвиями длиной около 24 см, шириной до 1,3 см (рис. 30: 1–4). Три наконечника орнаментированы.

Вариант с коническим гранёным насадом – 2 экз.

Два наконечника с лезвиями, сужающимися к острию, длиной 22 и 10,5 см (рис. 31: 1, 2).

Подтип 2. *Наконечники с выпуклыми лезвиями, сужающимися к острию и насаду* – 3 экз. + 2 обл.

Вариант с клиновидным насадом – 3 экз.

Наконечник с лезвием длиной 13,5 см, максимальная ширина лезвия 1,2 см, длина насада 2,2 см (рис. 31: 3).

Подтип 3. *Наконечник с асимметричными лезвиями* – 1 обл.

Наконечник с обломанным насадом, с выпуклым и прямым лезвиями, длина которых 15 см (рис. 31: 4).

Тип 19. Зубчатые острия

Вариант с клиновидным насадом – 2 экз. + 3 обл.

Зубчатое остриё длиной 8 см с одним зубцом (рис. 32: 1). У зубчатого острия длиной 10,5 см с орнаментом по спинке из ряда насечек и у трёх обломков острий – три клювовидных зубца (рис. 32: 2, 3).

Вариант с клинковидным насадом – 1 экз.

Зубчатое остриё длиной 17 см с тремя клювовидными зубцами (рис. 32: 4).

***

Ранний комплекс насчитывает вместе с обломками около 3 тысяч наконечников. Выделены 19 типов наконечников. Большинство типов представлены устойчивыми сериями наконечников, имеющих аналоги на памятниках Восточной Европы и Урала, но наибольшее сходство по ряду морфологических и функциональных признаков, включая клиновидный насад, обнаруживается с наконечниками из Шигирского торфяника.

В отделе колюще-режущих наиболее многочисленными являются массивные наконечники типов 12, 13 и 18, изготовленные из костей лося, свидетельствующие об интенсивной охоте на этого самого крупного промыслового зверя. Поверхность наконечников тщательно зашлифована, некоторые заглажены «до зеркального блеска». Гравированные, окрашенные охрой орнаменты на этих наконечниках определяют культовый характер пещеры «Камень Дыроватый».

Функционально-технологический подход направлен на изучение технологии изготовления наконечников, функциональные характеристики их рабочих частей [7, с. 516–520]. Однако при этом не находит объяснения всё морфологическое многообразие наконечников. При выделении типов необходимо было выявить также соотношение морфологических и функциональных признаков, определяющих тип наконечника. К примеру, однолезвийные наконечники без пазов отличает каплевидное сечение. У двулезвийных наконечников сечение линзовидное или ромбовидное, помимо этого, присутствует ребро жёсткости, образующееся при заточке лезвий, но которое при последующей шлифовке наконечников могло быть сглажено.

Индивидуальные особенности морфологии некоторых наконечников не связаны ни с естественной формой костей животных, используемых в изготовлении наконечников, ни с их функциональным назначением. Нами было высказано предположение, что морфология этих наконечников отражает семантику стрелы архаических образных представлений о «смерти-жизни» [6, с. 521–530].

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

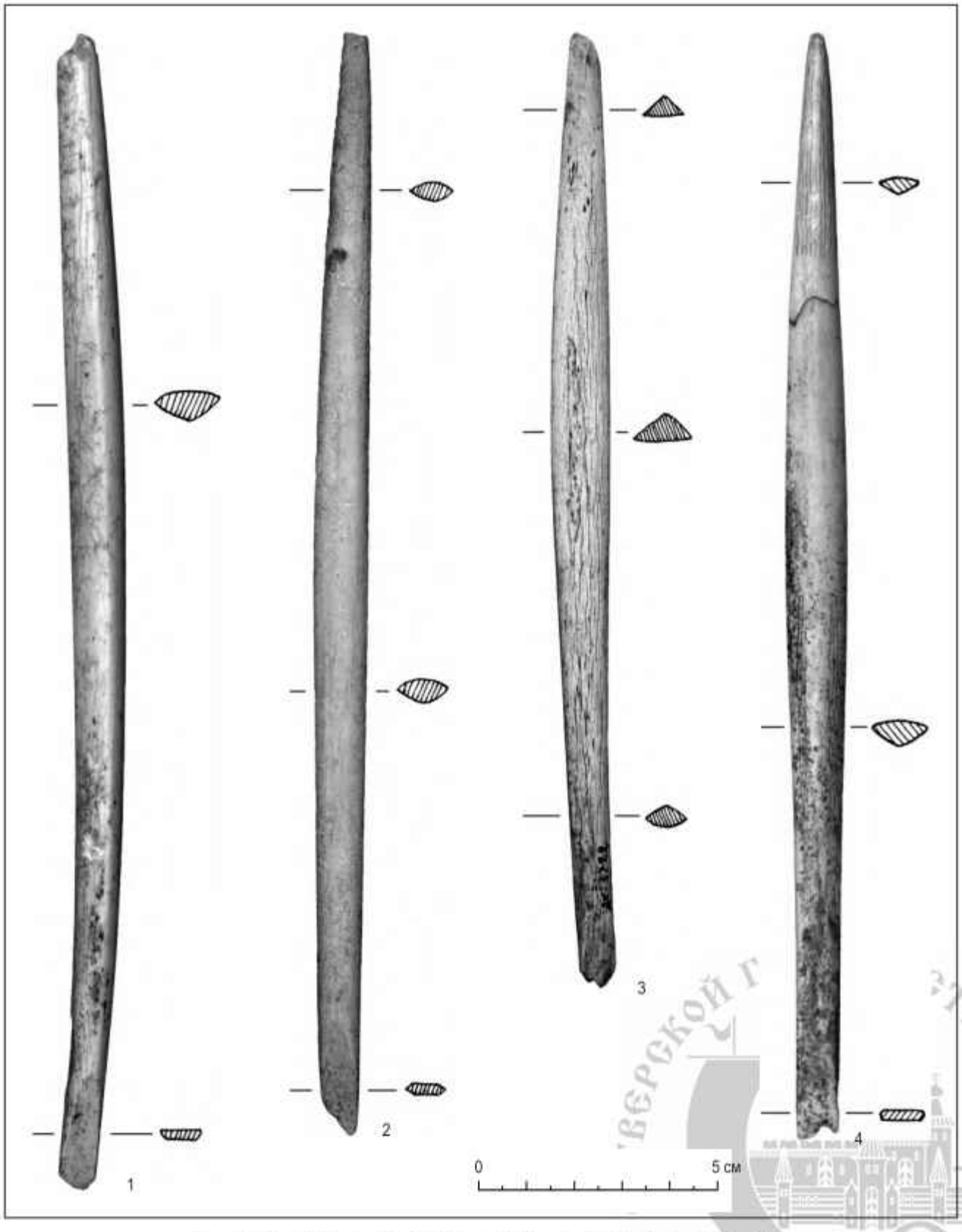

Рис. 30. **Тип 18/1**: 1 – ДК-3923; 2 – ДК-231; 3 – ДК-5722; 4 – ДК-4208

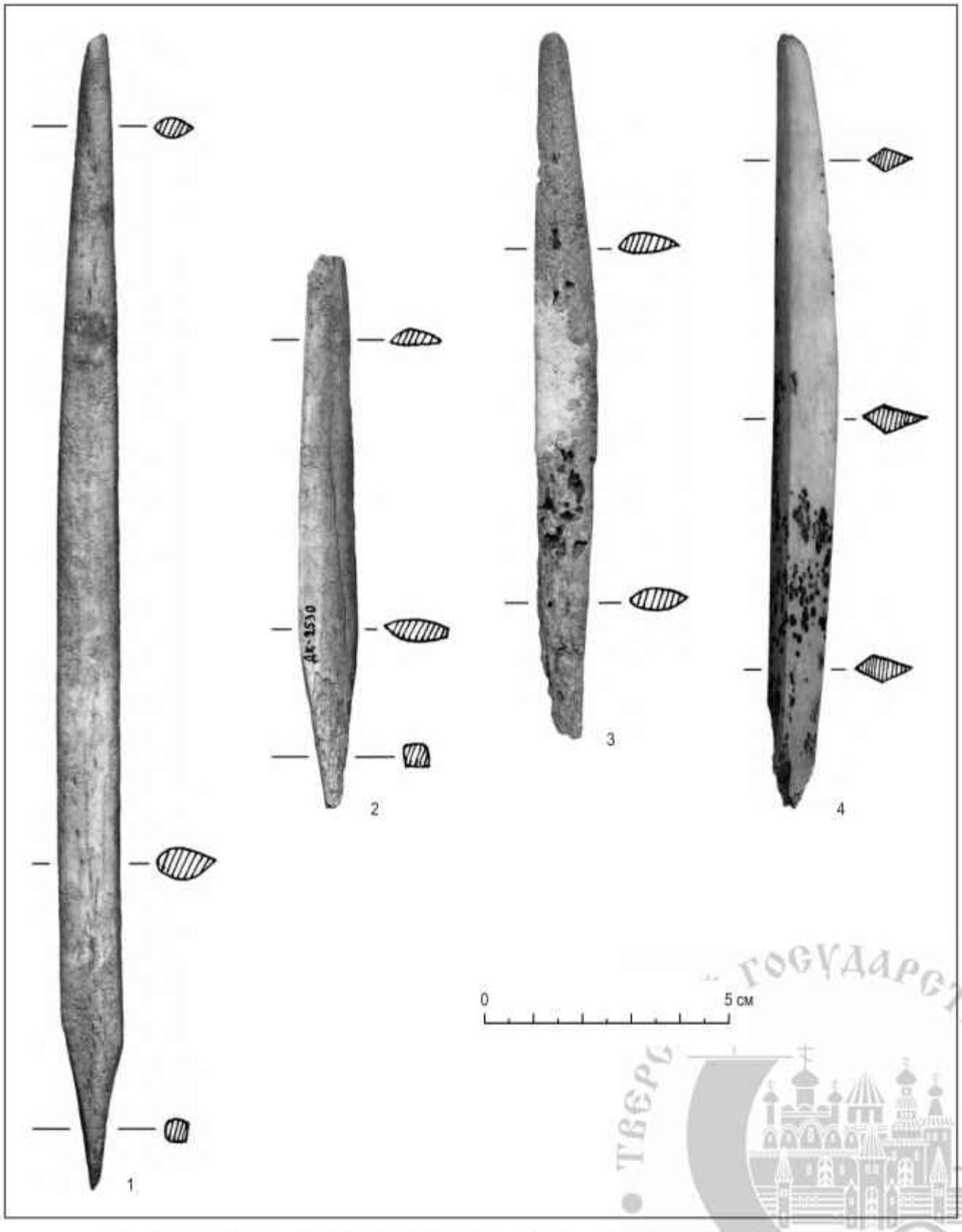

Рис. 31. **Тип 18/1**: 1 – ДК-1319; 2 – ДК-2530; **Тип 18/2**: 3 – ДК-887; **Тип 18/3**: 4 – ДК-3669

Тверской государственный объединенный музей

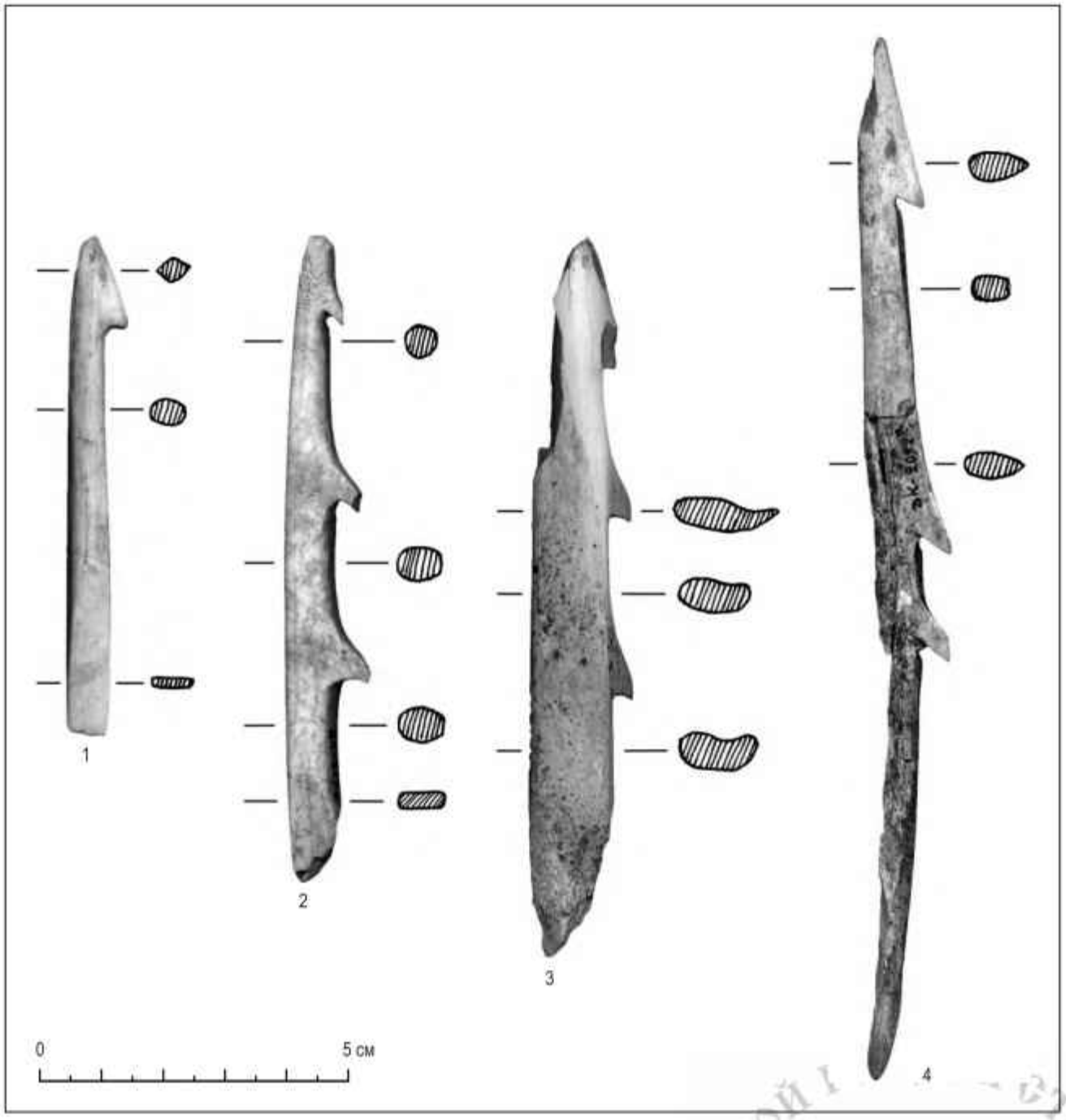

Рис. 32. **Тип 19**: 1 – ДК-3157; 2 – ДК-3176; 3 – ДК-3462; 4 – ДК-2092

Тверской объединенный музей

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гусенцова Т.М.* Каменные наконечники стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой (коллекция Государственного Эрмитажа) // ТАС. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2009. С. 373–390.
2. *Калинина И.В., Ленц Г.Т.* Принципы функционально-технологической классификации костяных наконечников стрел // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 15–16.
3. *Ленц Г.Т.* Классификация костяных средневековых наконечников пещеры Камень Дыроватый (из коллекции Прокошева Н.А., 1937 г.) // Международное (XVI) Уральское археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 208–210.
4. *Калинина И.В.* Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // ТАС. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2006. С. 393–402.
5. *Калинина И.В.* Орнаментальные «знаки-метки» и «граффити» на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой // ТАС Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2009. С. 351–372.
6. *Калинина И.В., Пантелеев А.В.* Перо наконечника стрелы и образ стрелы-птицы (мезолитические наконечники из пещеры Камень Дыроватый) // ТАС. Вып. 11: Материалы 18-го–20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2018. С. 521–530.
7. *Калинина И.В., Ленц Г.Т., Дейкун В.И.* Функционально-технологический подход к типологии костяных наконечников из пещеры Камень Дыроватый // ТАС. Вып. 11: Материалы 18-го–20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2018. С. 516–520.
8. *Жилин М.Г.* Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2021. 180 с.
9. *Савченко С.Н.* Формы насадов и крепление костяных наконечников стрел в мезолите Урала // Археология Евразийских степей / Каменный век и начало эпохи металла / Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии. 2017. № 2. С. 184–198.

И.В. Калинина – ФГБУК «Государственный Эрмитаж», Санкт-Петербург

В.И. Дейкун – независимый исследователь, Республика Казахстан

В.Н. Колесин – ФГБУК «Государственный музей истории религии», Санкт-Петербург

I.V. Kalinina, V.I. Deykun, V.N. Kolesin

THE EARLY COMPLEX OF BONE ARROWHEADS FROM CAVE "KAMEN' DYROVATYI" ("HOLES STONE") (FROM N.A. PROKOSHEV EXCAVATIONS)

Summary

In the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum there are two collections of arrowheads from the cave "Holes Stone" excavations of N.A. Prokoshev on the Chusovaya River. This work is devoted to the publication of an early arrowheads complex that has about 3 thousand bone items, dated from the Mesolithic – Neolithic according to technological and typological characteristics.

The proposed function was the basis for the allocation of piercing, piercing-shock and piercing-cutting arrowheads. There are 19 types of arrowheads in total. Most types are represented by stable series of arrowheads having analogies in Eastern Europe and the Urals.

Among the piercing-cutting types of arrowheads, the most numerous are the massive arrowheads of 12, 13 and 18 types, made of elk bones, which is the proof for the intensive hunting of elk – the largest animal to hunt. The engraved, ochre-colored ornaments on these arrowheads types determine the cult character of the cave "Holes Stone".

Individual morphological features of some arrowheads are not related either to the natural shape of animal bones used in the manufacture of arrowheads, or to there functional purpose. We have suggested that the morphology of these arrowheads corresponds to the semantics of the arrow in archaic beliefs of "death-life".

I.V. Kalinina – Federal State Budgetary Institution of Culture "The State Hermitage", 34, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191181, Russia. E-mail: irkalinina@yandex.ru

V.I. Deykun – Independent Researcher, Republic of Kazakhstan E-mail: wallentina@mail.ru

V.N. Kolesin - Federal State Budgetary Institution of Culture "The State Museum of History of Religion", 14, Pochtamtskaya St., Saint-Petersburg, 190000, Russia E-mail: victor.kolesin@gmir.ru

С.Н. Савченко

КОСТЯНЫЕ И РОГОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ И ДРОТИКОВ ИЗ ШИГИРСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ О.Е. КЛЕРА

В статье впервые публикуются костяные и роговые наконечники копий и дротиков из Шигирской археологической коллекции Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера. Трасологический анализ позволил выделить среди них изделия, изготовленные каменными и металлическими инструментами. В работе дано технико-морфологическое описание артефактов, рассмотрены аналогии и возможная датировка предметов.

DOI: 10.70203/4158.2024.57.10.018

Шигирская коллекция случайных находок, собранная при добыче золота в конце XIX – начале XX в. на нескольких приисках на территории Шигирского торфяника, включает артефакты, относящиеся к разным археологическим периодам и культурам. Они происходят с археологических памятников, уничтоженных во время золотодобычи, сведения о происхождении предметов весьма скудны, часто нет данных об условиях их залегания, а как пункт местонахождения указан Шигирский торфяник без обозначения приска [1]. Типолого-морфологический анализ материалов коллекции и радиоуглеродные даты, полученные по отдельным костяным и деревянным изделиям [2], позволили установить, что берега палеоозёр, существовавших в древности на месте Шигирского торфяника, были заселены непрерывно с начала мезолита и до позднего Средневековья.

В Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера (СОКМ) представлены артефакты различного функционального назначения, значительную часть из них составляют предметы вооружения, в том числе небольшая серия костяных наконечников копий и дротиков. Трасологический анализ, выполненный М.Г. Жилиным с применением бинокулярного микроскопа МБС-10, позволил разделить наконечники на изделия, сделанные каменными и металлическими инструментами.

Описание материала

Наконечники, изготовленные каменными орудиями, подразделяются на наконечники дротиков или лёгких копий и наконечники массивных колющих копий.

Наконечники дротиков и метательных копий

К категории наконечников дротиков и лёгких метательных копий, использовавшихся в качестве наконечников метательного вооружения при сухопутной охоте, по классификации, разработанной М.Г. Жилиным для материалов Восточной Европы, относятся изделия, имевшие жёсткое крепление в деревянных древках диаметром от 1,5 до 2,5 см [3, с. 33]. В Шигирской коллекции СОКМ представлены как цельные, так и составные вкладышевые наконечники этой категории.

1. Наконечники игловидные

Поперечное сечение изделий подтреугольное со скруглёнными углами и выемкой от естественного продольного желобка – сохранившаяся часть внутренней поверхности диафиза трубчатой кости (рис. 1: 3–5). Орудия сделаны из пластин-заготовок, продольно вырезанных из края с естественным ребром диафиза длинной массивной трубчатой кости, что обусловило подтреугольное поперечное сечение изделий.

Цельные колющие массивные игловидные наконечники представлены двумя экземплярами (рис. 1: 4, 5). Перо одного наконечника с коническим насадом (рис. 1: 4), судя по сохранившимся на поверхности следам обработки, было оформлено продольным строганием, насад обработан грубой косой шлифовкой на крупнозернистом абразиве. На пере следы строгания перекрывают следы чистовой тонкой поперечной шлифовки.

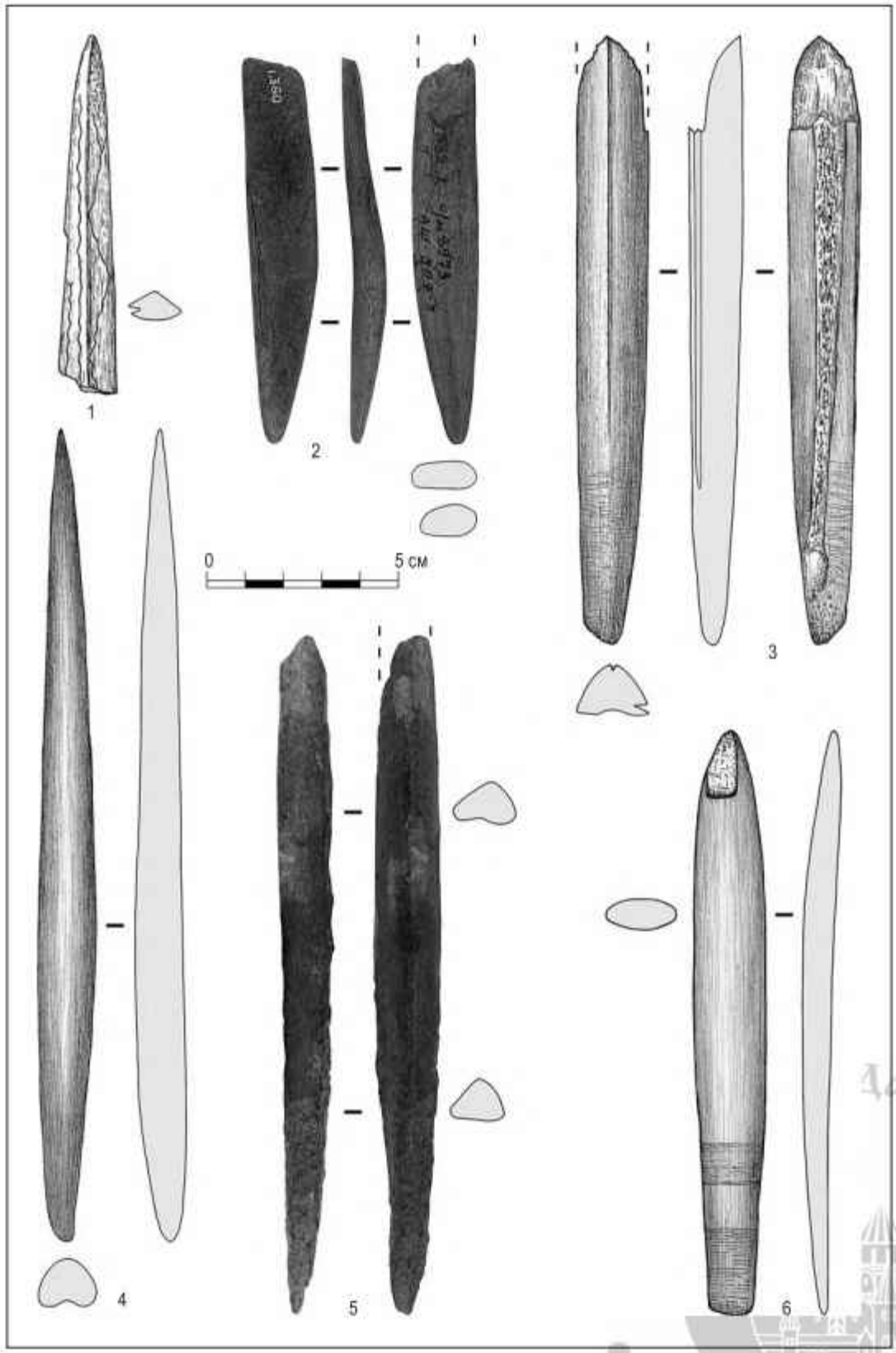

Рис. 1. Шигирская коллекция СОКМ. Наконечники дротиков и метательных копий: 1, 3–6 – кость; 2 – рог
(1, 3, 4, 6 – рис. М.Г. Жилина; 2, 5 – фото О.С. Савченко)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

От второго наконечника с пирамидальным насадом сохранилась только нижняя половина (рис. 1: 5), поверхность изделия эродирована. По-видимому, это заготовка, оформление которой не было завершено, на краях насада и прилегающей части пера хорошо видны следы оббивки, являющейся одним из приёмов первичной черновой обработки, следы которой, как правило, бывают убраны последующей обработкой.

Игловидные вкладышевые колюще-режущие массивные наконечники представлены обломком нижней части наконечника с одним пазом (рис. 1: 3). Паз шириной 2 мм, глубиной 3 мм завершается на стыке пера и насада. На выпуклой лицевой стороне изделия по центру прорезан неглубокий (до 0,5 мм) продольный желобок (орнамент?). Насад наконечника конический, на насад бессистемно со всех сторон нанесены очень тонкие поперечные линии, вероятно, для более прочного соединения наконечника с древком. Наконечник был продольно выструган, затем на нём был прорезан паз для вставки кремнёвых микропластинок-вкладышей, завершающим приёмом обработки стала тонкая поперечная шлифовка мелкозернистым абразивом.

2. Наконечники узкие плоские (уплощённые) симметричные

Представлены тремя экземплярами (рис. 1: 1, 2, 6). Два наконечника – цельные колющие. *Наконечник иволистный* узкий плоский симметричный (рис. 1: 6). Поперечное сечение наконечника овальное, насад клиновидный. На конце острия – скол от удара в твёрдый материал. На поверхности изделия сохранились следы продольного строгания, перекрытые следами чистовой лёгкой тонкой поперечной шлифовки. На плоскостях насада – отпечатки тёмной клеящей массы в виде двух широких поперечных полос, свидетельствующие о креплении наконечника в деревянное древко на смоле с обмоткой.

От второго, возможно, также иволистного наконечника, сделанного из расщеплённого рога, сохранился обломок нижней части (рис. 1: 2). Поперечное сечение наконечника овальное, насад уплощённо-конический. Орудие обработано продольным строганием и тонкой шлифовкой.

Узкие уплощённые симметричные составные вкладышевые колюще-режущие наконечники представлены обломком верхней части пера орудия с одним пазом (рис. 1: 1). Сечение пера наконечника подтреугольное (в виде сектора круга). Паз начинается в 52 мм от острия, ширина паза 2 мм, глубина – 3 мм. Наконечник был оформлен продольным строганием, затем на лицевую сторону изделия нанесён гравированный орнамент из волнистых линий, чистовая отделка наконечника выполнена тонкой шлифовкой и завершающей полировкой.

Наконечники массивных колющих копий

К ним относятся массивные острия, насад которых предполагает жёсткое крепление в древке толщиной более 3 см [3, с. 39]. В Шигирской коллекции СОКМ эта категория представлена только ***наконечниками рогатин*** (8 экз., включая обломки) (рис. 2: 1–3). Поперечное сечение наконечников (кроме острия) сохраняет естественную конфигурацию сечения заготовки из трубчатой кости. Остриё – коническое, как правило, скошенное.

Наконечники сделаны из продольно разделённых на две части диафизов трубчатых костей ног крупных копытных животных, преимущественно лося. Кость раскалывалась на пластины-заготовки с помощью клина по продольным пазам, прорезанным кремнёвым резчиком или резцом на глубину от 1/2 до 1/3 толщины стенки. Эпифизы удалялись – обламывались или откалывались, чаще всего, по надрубу или надпилу. У наиболее полно сохранившегося наконечника нижний край после удаления эпифиза выровнен сколами (рис. 2: 1). Остриё оформлялось продольным скоблением и/или строганием. В единичных случаях на остриях наконечников поверх строгания отмечены следы лёгкой полировки и тщательной шлифовки и полировки. Иногда самый кончик острия уплощён шлифовкой на мелкозернистом абразиве наискось под углом примерно 45–60° к оси орудия (рис. 2: 2, 3). Полученные на остриях микроплоскости – округлые или овальные, имеют размеры примерно 3–3,5 на 3–4 мм. Такой приём подправки острий наконечников рогатин отмечен на ряде предметов с мезолитических памятников Восточной Европы. Подправка острия выполнялась для защиты его от повреждений, если остриё начинало выкрашиваться, уплощение с помощью шлифовки предотвращало дальнейшее разрушение [3, с. 39].

На некоторых наконечниках отмечены следы, образовавшиеся в результате использования рогатин. У наконечника, сохранившегося почти целым, конец острия сломан в результате бокового нажима или удара (рис. 2: 1). В коллекции имеются два мелких обломка конических острий наконечников рогатин, один с пришлифованной микроплоскостью на конце, примерно соответствующих утраченному концу острия вышеназванного наконечника. Сериями подобные мелкие обломки острий рогатин представлены в культурных слоях раннего и среднего мезолита многослойной стоянки Становое 4 в Верхнем Поволжье [4, с. 19, 29, 47, рис. 35: 3–5; 94–99; 182: 2, 3]. На обломках наконечников с сохранившимся остриём (рис. 2: 2, 3) на остриях выявлены следы использования – кромка острия и вершина скоса сглажены и скруглены, кромка острия выкрошена. Яркая заполировка на кончике острия быстро тускнеет по мере удаления. В пределах заполировки под микроскопом видны тонкие царапины, идущие веером от острия вдоль оси орудия – следы многократного прокалывания мягкого загрязнённого материала (шкура и мясо зверя? втыкание в почву при промахе?), выкрошенность кромки свидетельствует о взаимодействии с твёрдым материалом (кости зверя? каменистая почва?), поперечные сломы наконечников позволяют говорить об очень больших нагрузках на орудие при его использовании.

Наконечники копий и дротиков, сделанные металлическими инструментами, из Шигирской коллекции СОКМ также подразделяются на наконечники лёгких копий или дротиков и наконечники массивных колющих орудий.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

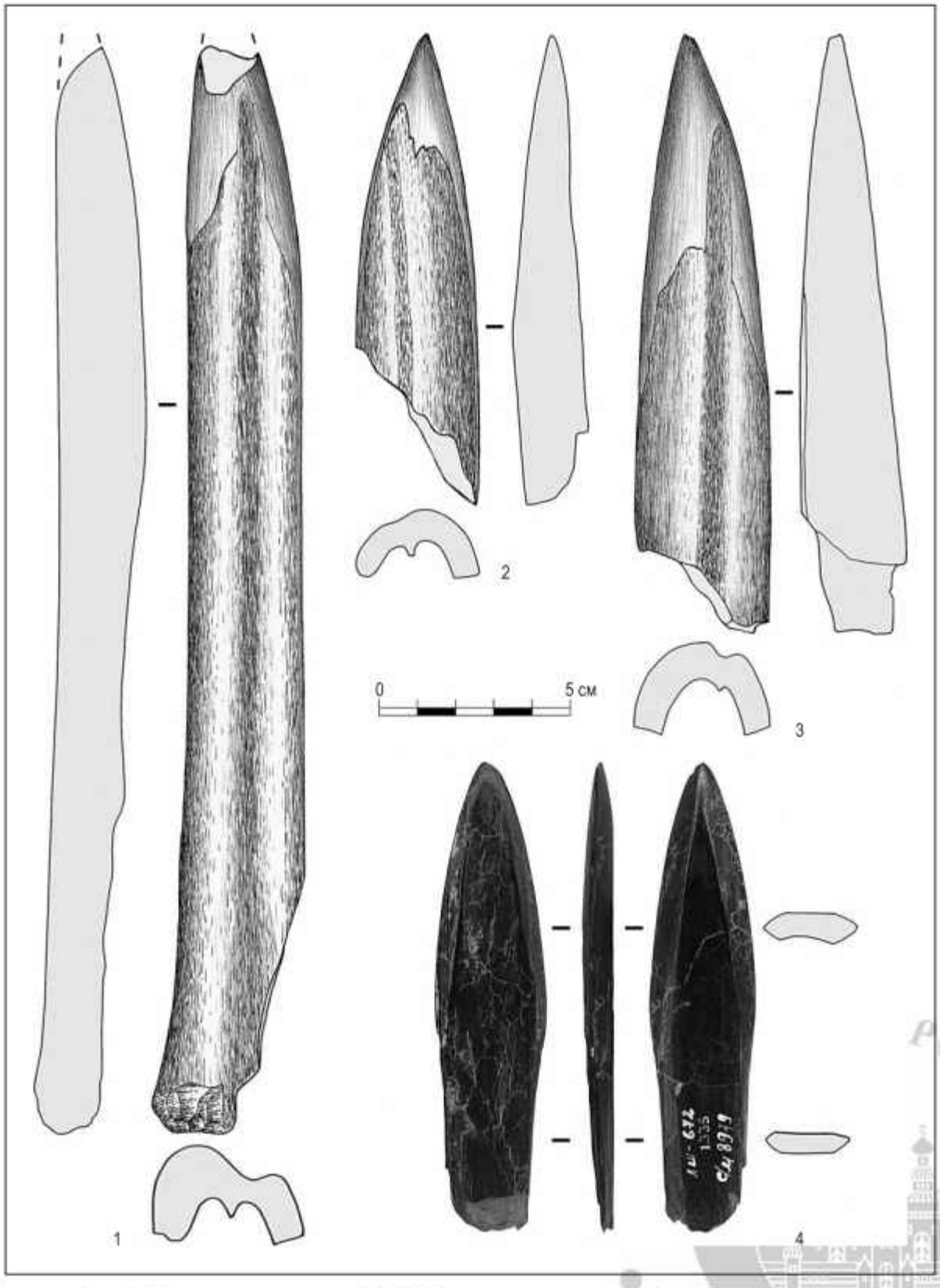

Рис. 2. Шигирская коллекция СОКМ. Наконечники рогатин (1–3) и дротика (4). Кость.
(1–3 – рис. М.Г. Жилина; 4 – фото О.С. Савченко)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Наконечники дротиков и метательных копий

К этой категории относятся два плоских наконечника с подтреугольным пером и широким клиновидным насадом (рис. 2: 4). На поверхности наконечников выявлены следы продольного строгания металлическим, вероятно железным, ножом, перекрытые следами тонкой шлифовки мелкозернистым абразивом.

Наконечники массивных колющих копий

Представлены двумя вариантами.

1. Наконечники втульчатые

Наконечники изготовлены из диафизов некрупных трубчатых костей (рис. 3: 1, 2). Перо, симметричное в плане, асимметричное в профиле, оформлено длинным косым срезом. Сечение втулок подовальное, у длинного наконечника втулка слегка расширяется к тыльному концу (рис. 3: 1), что связано с естественным утолщением участка кости, прилегающего к эпифизу, у короткого наконечника, сделанного из средней части диафиза, втулка ровная по всей длине (рис. 3: 2). Поверхность орудий тщательно продольно выстругана металлическим ножом, у длинного наконечника после строгания перо и край втулки отшлифованы мелкозернистым абразивом, у короткого – заполированы края пера. В литературе, посвящённой древностям ананьинского времени, подобные изделия часто интерпретируются как наконечники мотыгообразных орудий [5, с. 47–48].

2. Наконечник массивный уплощённый (наконечник рогатины?)

Колющий с тупыми краями, коническим остриём и прямым основанием, симметричный в плане и изогнутый в профиле (рис. 3: 3), изготовлен из расщеплённого рога лося. Изделие является заготовкой, оформление его не завершено. На основании наконечника сохранились следы поперечной рубки, очевидно, преформа изделия была отделена от пластины рога по надрубу. Края насада выровнены продольной отёской, начата обработка краёв наконечника продольным строганием, остриё оформлено строганием и тонкой шлифовкой.

Аналоги и возможные датировки предметов

Наконечникам, изготовленным каменными инструментами, удалось подобрать аналоги на памятниках Восточной Европы и Урала.

Игловидные цельные подтреугольного поперечного сечения колющие наконечники дротиков и лёгких метательных копий обнаружены на стоянках лесной зоны Восточной Европы разных периодов мезолита Звейниеки 2 в Латвии, Веретье I и Погостище 15 на севере Восточной Европы, Сахтыш 14 в Верхнем Поволжье [3, с. 35, 124, рис. 58; 6, с. 183, 184, рис. 52: 4, 5; 53: 1; 7, с. 123, рис. 4: 3]. На Урале обломок похожего наконечника найден в культурном слое, датируемом средним мезолитом, на стоянке Кокшаровско-Юрьинская II [8, с. 90]. Более поздние подобные наконечники неолита – энеолита найдены в лесной зоне в Эстонии на стоянках Акали и Нарва-Рийгикюла [9, с. 196, 197, табл. XXXV: 1] и в лесостепной зоне: в Самарском Поволжье на памятнике Лебяжинка IV [10, с. 225, рис. 3: 3] и в Среднем Подонье на стоянке Черкасская [11, с. 294, рис. 3: 1, 2, 4, 5]. Орудие из Поволжья, найденное в погребении на дне ранненеолитического жилища, интерпретируется автором статьи как кинжал, но, судя по приведённым размерам и форме, это наконечник дротика.

Игловидные вкладышевые подтреугольного сечения с одним пазом колюще-режущие массивные наконечники также находят аналоги в восточноевропейских мезолитических материалах. Целые и в обломках они найдены на стоянках Звейниеки 2 [12, с. 103], Веретье I [6, с. 183, рис. 52: 1, 2, 8], Погостище 15 [7, с. 123, рис. 4: 1, 2], в Верхнем Поволжье на стоянках Ивановское VII [13, с. 15, 132, рис. 9: 6], Становое 4 [4, с. 28, 47, рис. 90; 91: 1; 182: 1]. На Урале три обломка похожих вкладышевых орудий, но не с треугольным, а с высоким выпукло-вогнутым сечением были найдены на стоянке Кокшаровско-Юрьинская I. В публикации они определены как обломки прямых кинжалов или наконечников копий. Два мелких обломка происходят из культурного слоя стоянки, датируемого средним мезолитом, третий обломок нижней части изделия найден в смешанном слое, содержащем мезолитические и неолитические материалы [8, с. 47, 50, 51, 194, рис. 27: 5].

Узкие плоские (уплощённые) цельные симметричные наконечники с вытянутым листовидным или иволистным пером, плавно переходящим в плоский или уплощённый насад, единично присутствуют в материалах мезолита Восточной Европы. Они найдены в погребении 27 могильника Звейниеки и на стоянке Веретье I [3, с. 35, 124, рис. 58: 5; 14, с. 75, рис. 47: 4].

Аналоги *узкому уплощённому вкладышевому симметричному наконечнику с одним пазом* найти не удалось. Но нужно отметить, что цельные костяные наконечники стрел, имеющие такое же подтреугольное (в виде сектора круга) поперечное сечение пера, найдены в Среднем Зауралье в слое среднего мезолита стоянки Береговая II [15, с. 264–266, рис. 103: 1, 3; 104: 3; 105: 1].

Массивные колющие *наконечники рогатин* имеют многочисленные аналоги на мезолитических памятниках лесной зоны Восточной Европы. Наиболее ранние найдены на стоянках пребореального периода: Ивановское VII, культурный слой 4 [13, с. 15], Становое 4, раскоп 3, культурный слой III в Верхнем Поволжье, Пулли в Эстонии [4, с. 28, 29, рис. 92–100; 12, с. 104, 105]. Больше всего подобных орудий происходит с памятников бореального времени: Кунда-Ламмасмяги, Звейниеки 2, средний слой в Прибалтике [12, с. 104]; Веретье I [14, с. 83, 177], Сухое [6, с. 248, 250, рис. 117: 2, 3; 119: 1] в Восточном Прионежье; Становое 4, раскоп 2, культурный слой III [4, с. 47, рис. 182: 2, 3; 183], Озерки 17 [16, с. 18, 85, рис. 17] в Верхнем Поволжье. В небольшом количестве они встречены на памятниках позднего и финального мезолита: Звидзе, средний и поздний мезолитические слои; Оса в Латвии [12, с. 104]; Ивановское VII, культурный слой 2а в Верхнем

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

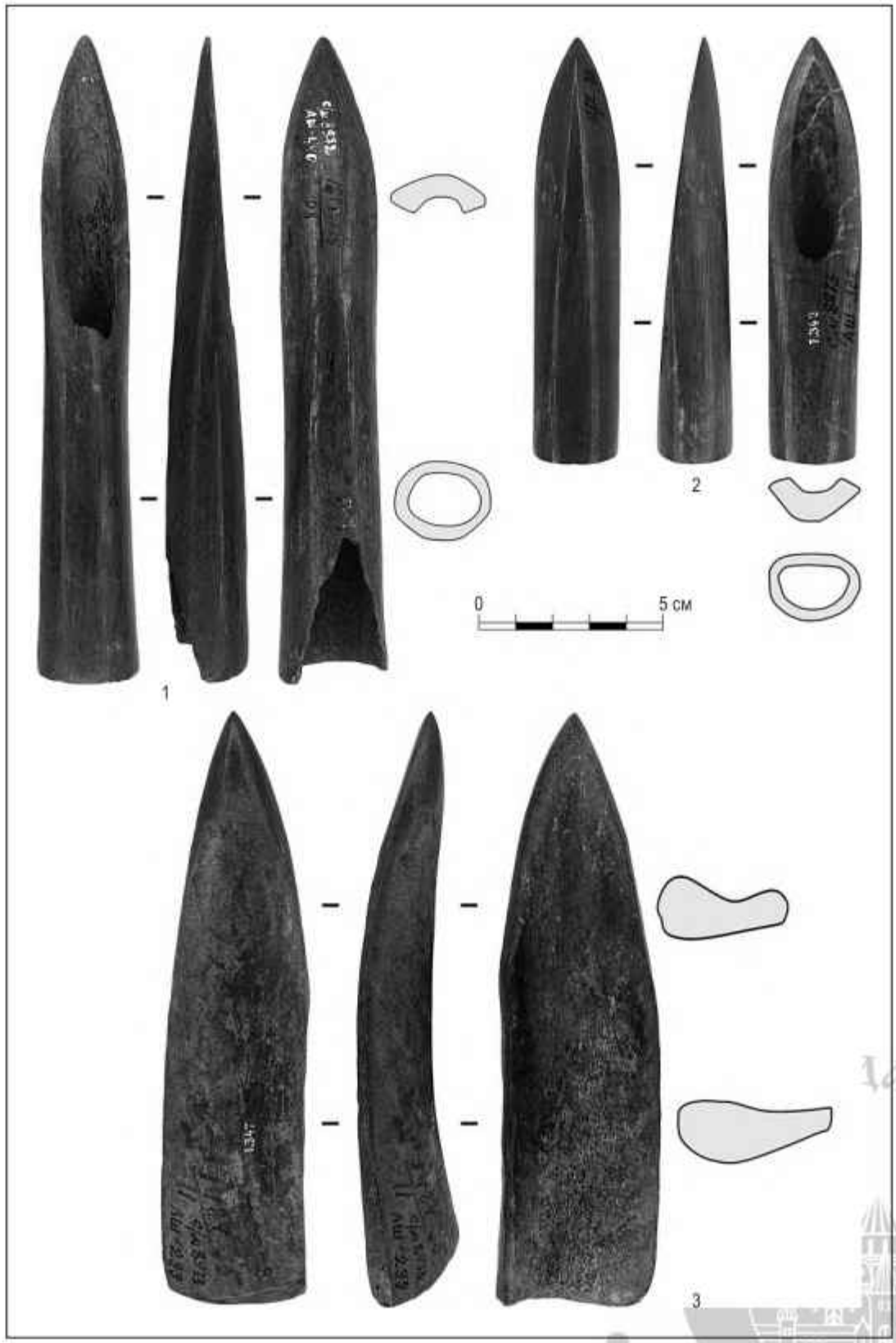

Рис. 3. Шигирская коллекция СОКМ. Наконечники копий втульчатые (1, 2) и заготовка наконечника копья (3).
1, 2 – кость; 3 – рог *(фото О.С. Савченко)*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Поволжье [13, с. 32, 163, рис. 40: 4]. Присутствуют такие орудия и в материалах неолитических памятников в Шарняле в Литве [17, pav. 2: 1, 2] и на поселении Ксизово 6, погребение № 3 на Среднем Дону, авторы связывают этот могильник с населением, пришедшим с северных территорий [18, с. 325, рис. 2: 3].

В уральских материалах два обломка наконечников рогатин, один из которых подвергся переделке, найдены в мезолитическом слое стоянки Кокшаровско-Юрьинская II [8, с. 90, 212, рис. 45: 1], датируемом по радиоуглероду и на основании восточноевропейских и уральских аналогов костяным изделиям бореальным периодом.

Один обломок наконечника рогатины из Шигирской коллекции (рис. 2: 2) был датирован в радиоуглеродной лаборатории Оксфордского университета, полученная дата 8565±45 BP (7656–7525 cal BC – OxA-22283) соответствует середине бореального периода или среднему мезолиту [2, с. 51].

Не всем артефактам, сделанным металлическими инструментами, удалось подобрать аналоги. *Плоским наконечникам дротиков с подтреугольным пером и широким клиновидным насадом* аналогов найти не удалось. Но в материалах раннего железного века Волго-Уральского региона сериями представлены наконечники стрел похожей формы, имеются подобные наконечники стрел и в Шигирской коллекции СОКМ. Можно предположить, что рассмотренные наконечники дротиков относятся к этому же периоду.

Втульчатые наконечники имеют многочисленные аналоги в материалах ананьинской культуры почти на всей территории её распространения. Наиболее массово подобные артефакты встречены на памятниках бассейна Вятки. Большинство орудий на втулке имеют от 1 до 3 отверстий, но есть предметы без отверстий, подобно шигирским [5, с. 47]. Функциональное назначение изделий до сих пор остаётся предметом дискуссии. Исследователи, изучающие древности ананьинского времени, рассматривали их как наконечники копий [19, с. 91, 92] или наконечники мотыгообразных орудий [20, с. 139]. Последняя точка зрения получила большее распространение. Изучение следов износа на некоторых орудиях под микроскопом укрепило мнение об их земледельческом (землекопном) назначении [21, с. 274], в связи с чем весьма интересно предположение о том, что такие изделия или часть из них могли быть втоками копий [5, с. 48]. На шигирских наконечниках следы износа отсутствуют, поэтому вопрос об их назначении остаётся открытым. П.А. Дмитриев считал длинный наконечник из Шигирской коллекции наконечником копья [22, с. 51, 52, рис. 3: 28].

Аналоги шигирским втульчатым наконечникам известны также в восточноевропейских материалах каменного века, где они интерпретируются как наконечники копий. По одному такому изделию происходит с мезолитических стоянок Ивановское VII в Верхнем Поволжье [13, с. 15, 16, 137, рис. 14], Веретье I в Восточном Прионежье [14, с. 130–132, рис. 99: 1] и неолитической стоянки Цедмар в Калининградской области [23, с. 118, рис. 1: 3]. Интересно отметить, что на наконечнике из Веретья I у края втулки сделаны два отверстия. Мезолитические орудия богато орнаментированы, тщательно отделаны, следы износа на них выражены слабо, это позволило авторам раскопок предположить их особое, возможно ритуальное, назначение [3, с. 41].

В Среднем Зауралье втульчатый наконечник копья, сделанный каменными инструментами, был найден в пещере Гебауэра при раскопках в 1878 г. На основании стратиграфических наблюдений и приведённых аналогов орудие предположительно было датировано неолитом [24, рис. 3: 5].

П.А. Косинцевым определено, что втульчатый наконечник с Ивановского VII сделан из трубчатой кости медведя [3, с. 41]. Из берцовых и бедренных костей медведя, преимущественно молодых особей, также изготовлены все многочисленные, за исключением одного, сделанного из кости лошади, ананьинские втульчатые наконечники из музея Удмуртского госуниверситета [5, с. 47]. Такой отбор сырья явно неслучаен и, возможно, свидетельствует об определённой роли этих орудий. Охота на медведя у лесных народов, по этнографическим данным, всегда сопровождалась ритуалами, где важную роль играли острые предметы – копья, ножи, посохи [5, с. 47–49].

Массивный уплощённый колющий наконечник из рога является заготовкой, форма его не завершена. Аналоги наконечнику не найдены.

Заключение

Технико-морфологический анализ рассмотренных артефактов подтвердил, что Шигирская коллекция содержит предметы нескольких археологических периодов. На основании приведённых восточноевропейских и уральских аналогий большинство наконечников дротиков и копий, сделанных каменными инструментами, можно датировать достаточно широко: мезолитом – неолитом. Мезолитический возраст, судя по аналогиям, наиболее вероятен для игловидного массивного вкладышевого наконечника дротика с одним пазом и наконечников рогатин, в последнем случае это предположение подтверждает радиоуглеродная дата, соответствующая середине бореального периода, полученная по одному из наконечников из коллекции.

Плоские наконечники дротиков и втульчатые наконечники копий, изготовленные металлическими инструментами, вероятно, относятся к раннему железному веку (I тыс. до н. э.). Датировать заготовку массивного уплощённого колющего наконечника с тупыми краями, оформленную металлическими орудиями, затруднительно из-за отсутствия аналогов.

Установление абсолютного возраста костяных и роговых предметов Шигирской коллекции AMS-методом позволило бы уточнить их датировку и соотнести определённые типы артефактов с конкретными хронологическими периодами.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савченко С.Н.* История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы научной конференции. Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург, 1999.
2. *Савченко С.Н., Лилли М., Жилин М.Г.* Новые AMS-даты предметов вооружения из кости и рога Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011.
3. *Жилин М.Г.* Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М., 2021.
4. *Жилин М.Г., Аверин В.А.* Многослойная торфяниковая стоянка Становое 4 в Верхнем Поволжье. М.; СПб., 2022.
5. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006.
6. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006.
7. *Жилин М.Г., Косорукова Н.В.* Предметы вооружения из кости из мезолитической стоянки Погостище 15 (типология, технология изготовления, следы использования) // Поволжская археология. 2018. № 3.
8. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника / *М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Ю.Б. Сериков, Л.Л. Косинская, П.А. Косинцев.* М., 2012.
9. *Янитс Л.Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
10. *Овчинникова Н.В.* Неолитическое жилище на поселении Лебяжинка IV в лесостепном Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 220–229.
11. *Скоробогатов А.М.* Изделия из кости с памятников неолита – энеолита Среднего Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 291–303.
12. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
13. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII / *М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова.* М., 2002.
14. *Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
15. Мезолитические памятники Горбуновского торфяника / *М.Г. Жилин, С.Н. Савченко, Л.Л. Косинская, Ю.Б. Сериков., П.А. Косинцев, А.Л. Александровский, Е.Г. Лаптева, О.М. Корона.* М.; СПб., 2020.
16. *Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М., 2006.
17. *Butrimas, A.* Šarnelės neolito gyvenvietė // Lietuvos archeologija. T. 14. Vilnius, 1996.
18. *Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н.* Неолитические погребения на территории Верхнего Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 323–326.
19. *Варакснна Л.И.* Костеносные городища Камско-Вятского края // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 34. Вып. 3–4. Казань, 1929.
20. *Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
21. *Салангина С.В., Маратканов С.Н.* Опыт трасологического исследования некоторых категорий предметов из кости с ананьинских городищ бассейна р. Вятки // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы научной конференции, Ижевск, 28–30 марта: 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск, 2000.
22. *Дмитриев П.А.* Шигирская культура на восточном склоне Урала // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II. М., 1951. (МИА. № 21)
23. *Тимофеев В.И.* Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) // КСИА. Вып. 165. 1981.
24. *Савченко С.Н., Жилин М.Г.* Археологическая коллекция из пещеры Гебауэра в собрании Горного музея Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II // Восьмые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2024.

ГАУК Свердловской области «Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера», Екатеринбург

S.N. Savchenko

BONE AND ANTLER SPEAR AND JAVELIN HEADS IN THE SHIGIR COLLECTION OF SVERDLOVSK REGIONAL MUSEUM OF LOCAL LORE NAMED AFTER O.E. CLAIRE

Summary

Bone and antler spear and javelin heads from the Shigir collection of Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Claire are published in the article for the first time. Artefacts made by stone and metal tools were singled out on the results of traceological analysis. The article presents technical and morphological description on these points, their analogies, and possible dating

Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Claire, 46, Malysheva St., Ekaterinburg, 620014, Russia
E-mail: sv-sav@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Д.А. Иванов

КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ ИЗ СОБРАНИЯ РЯЗАНСКОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Каменный топор является одним из основных и древнейших орудий труда, воплощавшим в себе рабочий инструмент, оружие и символ власти.

Настоящая работа представляет собой обзор всех каменных топоров, хранящихся в собрании Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, важного археологического источника для изучения эпох камня и палеометалла, в первую очередь для Среднего Поочья и всего Волго-Окского междуречья.

В статье содержится история формирования коллекции, приведены описание и основные характеристики отдельно по разновидностям и типологии каменных топоров с привязками каждой группы к водным объектам гидрографической сети Рязанской области.

Картографирование мест находок каменных топоров показало, что подавляющее большинство их концентрируется вдоль главной водной артерии региона – реки Оки и по всем её крупным правобережным притокам в зоне распространения серых лесных почв. Среди сверлёных топоров преобладают типы, характерные для балановских древностей, небольшую долю составляют топоры, являющиеся определяющими для верхневолжских фатьяновцев.

DOI: 10.70203/8216.2024.80.63.019

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (РИАМЗ) – один из старейших музеев России. В настоящее время это крупный федеральный музей и ведущее учреждение культуры Рязанской области. За 135 лет истории музеем собран значительный по объёму фонд археологических предметов, насчитывающий более 130 тысяч единиц хранения. Собрание включает в себя различные категории археологических артефактов всех без исключения исторических периодов. Одной из таких категорий является каменный топор – одно из основных и древнейших орудий труда.

С незапамятных времён топор служил человеку, являлся для него верным помощником и незаменимым инструментом в его хозяйственной деятельности. Кроме того, часто топор выступал и в роли грозного боевого оружия, потому издавна являлся символом силы и власти.

Настоящая работа представляет собой обзор всего массива каменных топоров, хранящихся в собрании Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, важного археологического источника для изучения эпохи первобытности, в первую очередь Среднего Поочья и всего Волго-Окского междуречья.

История формирования коллекции и историография

История формирования коллекции каменных топоров Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника начинается в конце XIX в. с момента создания Рязанской учёной архивной комиссии (РУАК) и историко-археологического музея при ней. Первые топоры попадают в музей в качестве даров и пожертвований от различных лиц, в том числе от самих членов комиссии. Так, в 1896 г. С.Д. Яхонтов, тогда редактор Трудов РУАК, а с 1905 г. её председатель, передал обломок каменного топора, найденный в его имении около с. Ухорь в Пронском уезде близ реки Прони. Ещё один топор поступил от него в 1911 г., а в 1929 г. в то время уже базовый Средне-Окский музей принимает в дар от С.Д. Яхонтова ещё несколько топоров. Летом 1897 г. близ д. Песцова в поле найден клиновидный каменный топор, который доставляет в музей РУАК член комиссии П.А. Андреев. Три топора были обнаружены В.А. Городцовым в 1889–1890 гг. в ходе археологического изучения Оки на дюне Борок у с. Дубровичи и на дюне Фефелов Бор под Рязанью. В коллекцию даже попал топор из Витебской губернии, принесённый в дар витебским землевладельцем и членом РУАК С.А. Сементовским-Курилло.

Пополнение коллекции топоров шло медленно, но количество их неуклонно росло. В составленном в 1900 г. каталоге предметов каменного века в Рязанском музее указаны уже 13 топоров, которые и стали основой будущей коллекции каменных орудий этой категории [1].

В 1905 г. музею РУАК священником о. Рябцевым среди прочих предметов, найденных в пределах Парахинского прихода Касимовского уезда, был пожертвован прекрасный образец каменного сверлёного топора. В 1915 г., вдохновлённый этой находкой и осознавая несомненный её научный интерес, С.А. Локтюшев совершает туда экскурсию, осматривает место обнаружения топора и присылает в РУАК подробный отчёт [2].

В том же году выходит из печати основополагающий труд В.А. Городцова «Культуры бронзовой эпохи в Средней России», где среди прочих впервые упоминается и один топор из музея РУАК, найденный в д. Плешки Зарайского уезда Рязанской губернии [3, с. 134].

С.А. Локтюшев в своей работе «Каменный период в Рязанской губернии. Доисторический очерк» также обращается к топорам из собрания музея, используя три из них в качестве примера наиболее характерных орудий трёх типов: ладьевидного, пальштабовидного и клиновидного [4, с. 15–16].

В 1918 г. коллекции музея РУАК, включая и каменные топоры, вошли в состав музейного собрания учреждённого в Рязани Губернского историко-художественного музея. Согласно путеводителю, изданному в 1926 г., каменные топоры экспонировались в археологическом подотделе культурно-исторического отдела музея, который представлял материальную культуру Рязанского края в эпоху камня и бронзы [5, с. 25–27].

В 1922 г., согласно инвентарной описи археологического отдела Рязанского губернского музея, составленной Н.И. Лебедевой, коллекция каменных топоров насчитывает уже 26 единиц [6].

В 1928–1930 гг. Рязанский музей организует и проводит несколько экспедиций по археологическому обследованию одного из крупнейших правобережных притоков Оки – реки Прони. Эти работы приносят в музей ещё несколько каменных топоров, а также целый ряд сведений о таких находках. Так, в 1928 г. в д. Ухорское один из руководителей экспедиции О.Н. Бадер от учителя Мало-Пироговской школы И.А. Никишина вместе со сведениями о многочисленных находках каменных орудий получает два сломанных каменных сверлёных топора, один целый топор и кремнёвый наконечник дротика. Другой учитель из д. Ухорское И.В. Богомолов передаёт в Рязанский музей обломок сверлёного топора, который был найден П.Н. Евдокушиным на поле во время пахоты приблизительно в 1925 г. А в 1929 г. в овраге между Прикурганным и Батыевом селищем на реке Проне Н.П. Милоновым найден и передан в Рязанский музей сланцевый хорошо шлифованный клин с отломанным краем. В коллекцию попадают топоры и от других сотрудников музея: в 1925 г. от Н.И. Лебедевой из с. Жерновицы, в 1930 г. от Н.В. Говорова со стоянки Шумашь 2.

Каменный сверлёный топор, имеющий часто изящную симметричную форму и прекрасно зашлифованную поверхность, представлял собой узнаваемую, яркую и притягательную вещь, которая связывалась тогда ещё с древностями эпохи камня. Поэтому не случаен повышенный и первостепенный интерес исследователей к этим орудиям. Когда членами РУАК, с целью получения от жителей Рязанской губернии информации о древних поселениях, случайных археологических находках и этнографических данных, была составлена анкета-опросник, то первый вопрос, который был поставлен в ней, относился именно к каменным топорам: «Не были ли находимы где-либо на пашнях или в других местах каменные молотки и кремневые (громовые) стрелы, и если находимы, то где именно, много ли и не известно ли о них чего-либо старикам?».

На первом месте стоял вопрос о топорах и в анкете по собиранию сведений об археологических памятниках, разработанной уже в советское время, в 1927 г., членом Общества исследователей Рязанского края А.А. Мансуровым. Звучит он так: «Находили ли в Вашей местности орудия, сделанные из камня – кремневые стрелки и пластинки, каменные топоры и др.?».

Вместе с тем в количественном отношении находки каменных топоров с территории рязанского Поочья заметно уступали и уступают подобным находкам с Волго-Окского междуречья и Средней Волги. Ещё в 1939 г. О.Н. Бадер, сравнивая количество каменных топоров, хранящихся в двух старейших музеях России – Тверском и Рязанском, писал: «…в первом число этих орудий измеряется многими десятками, тогда как во втором их не более 20…» [7, с. 116]. По описи археологических коллекций, составленной в 1945 г., в Рязанском музее числится всего 28 топоров и обломков топоров, часть которых к тому времени так и не была введена в научный оборот.

Первым изданием, в котором каменные топоры Рязанского музея были наиболее полно представлены, стал составленный Д.А. Крайновым свод источников по памятникам Московской группы фатьяновской культуры. В него вошла информация о 23 экземплярах [8, с. 49–50]. Два топора попали в сводку каменных сверлёных боевых топоров на территории Европейской части СССР, составленную А.Я. Брюсовым и М.П. Зиминой [9, с. 43]. В качестве части археологических источников, послуживших основой для создания своей типологии каменных топоров и иллюстративного материала к ней, рязанские топоры используются Д.А. Крайновым в монографии «Древнейшая история Волго-Окского междуречья. (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.)» [10, с. 39–66].

В 1993 г. выходит первый выпуск из запланированной В.П. Челяповым серии изданий «Памятники археологии Рязанской области», посвящённый известным к тому времени памятникам эпохи бронзы в регионе. В этот свод вошла, в том числе, и краткая информация о большинстве местонахождений топоров из собрания Рязанского музея и приведены графические изображения пяти из них [11, с. 197, табл. III: 1–5]. Двумя годами позже выходит статья В.П. Челяпова и Д.А. Иванова, продолжающая вводить в научный оборот каменные топоры и сверлёные орудия с территории Рязанской области, где среди прочих даётся характеристика 12 как уже известных, так и недавно попавших в музей орудий [12, с. 12–21]. Наиболее представитель-

ные образцы сверлёных и клиновидных топоров из коллекции музея используются в качестве иллюстрации типологического ряда каменных орудий в обобщающей публикации В.П. Челяпова и Д.А Иванова, посвящённой фатьяновско-балановским древностям в Рязанском Поочье [13, с. 359–366].

Коллекция каменных топоров продолжает пополняться до сих пор. Например, за последние 10 лет работы трёх археологических экспедиций, действующих на базе РИАМЗ, принесли музею 9 новых орудий и обломков орудий [14, с. 309, рис. 534; 535: 4; 15, рис. 537: 1–2, рис. 538: 5–6, с. 211. рис 822: № 150; 16, с. 288, рис. 492; 17, с. 159, рис. 4: 1; 18, с. 65, рис. 47–48; 19, с. 101, илл. 21–22].

В настоящее время в собрании Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся 128 топоров, обломков и заготовок топоров. Это самое крупное собрание предметов такого рода среди музейных учреждений региона, содержащее более половины всех известных в Рязанской области каменных топоров.

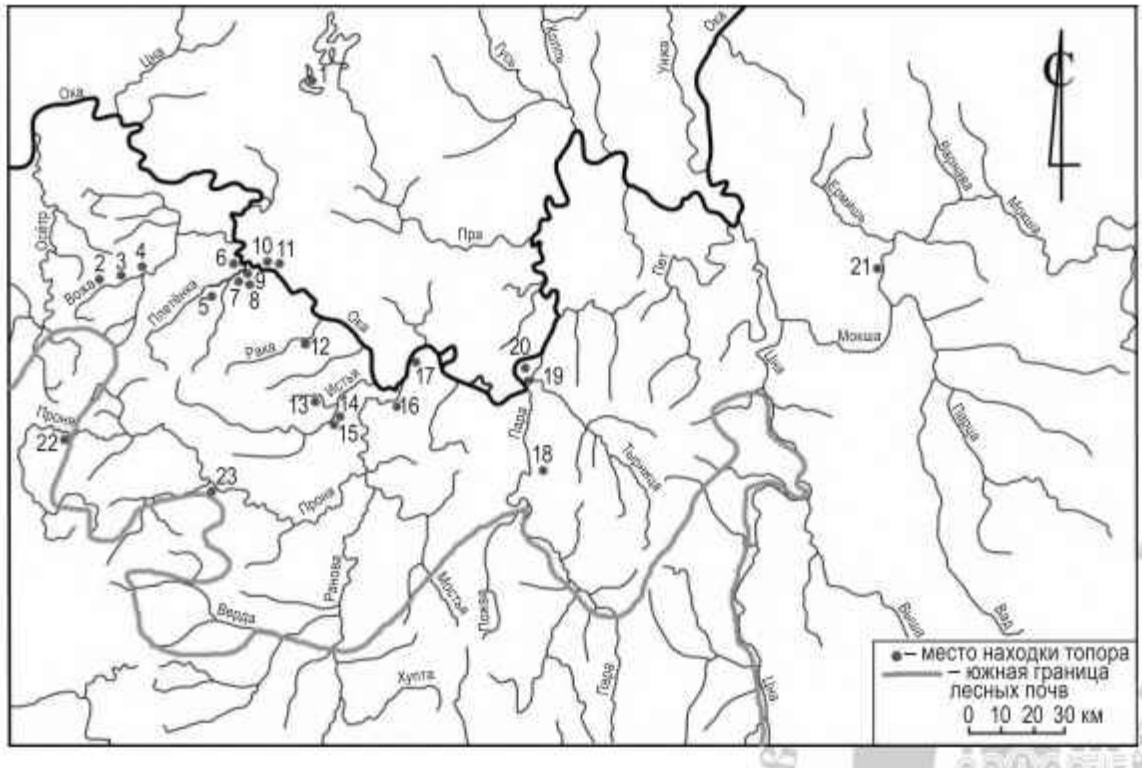
Бóльшая часть топоров и обломков топоров (около двух третей всей коллекции) относится к группе случайных находок, обнаруженных на поверхности вне археологического контекста. И только 46 экземпляров происходят из сборов или из раскопок культурного слоя на археологических памятниках, как правило, многослойных, часто содержащих материалы эпох камня и палеометалла. Ни одного топора, происходящего из достоверного погребального или какого-либо иного закрытого комплекса, в собрании музея в настоящее время нет.

Разновидности и типология каменных топоров

По способу соединения рабочей каменной части и деревянной рукояти топоры можно разделить на две основные группы. Это сверлёные топоры, имеющие отверстие (проушину) для крепления рукояти, и топоры, не имеющие такого отверстия (клиновидные). Вторая группа орудий, в свою очередь, разделяется на три подгруппы: клиновидные плоские топоры, топоры с выделенным черешком (черешковые) и клиновидные топоры с желобчатым перехватом. При насаживании таких орудий на прямые или коленчатые рукояти они вставлялись непосредственно в рукоять, в её съёмную муфту или дополнительно привязывались.

1. Клиновидные плоские топоры (рис. 1, 5–7)

Коллекция клиновидных плоских топоров и обломков таких топоров содержит 28 экземпляров, что составляет 22 % всей коллекции. Для описания клиновидных топоров использована классификация О.С. Гад-

Ока
Ока
Пра
Пра
Ока
Ока
Ока

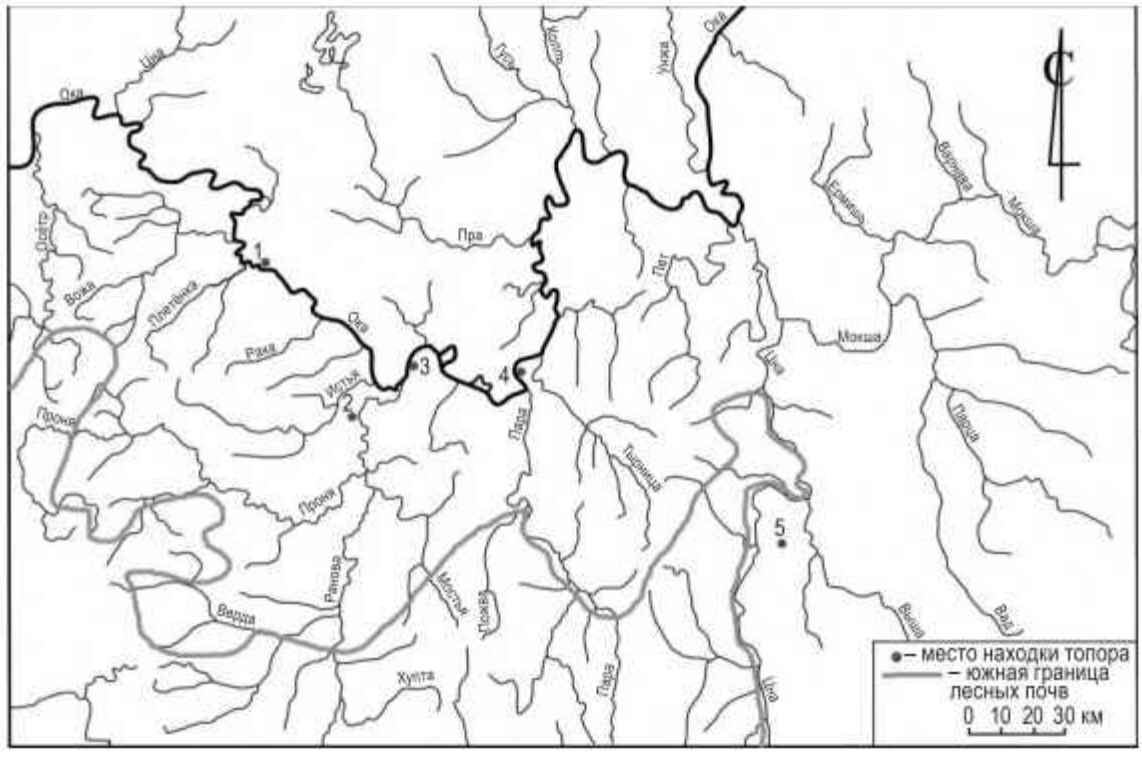

Рис. 2. Карта находок каменных клиновидных черешковых топоров из собрания РИАМЗ: 1 – с. Дубровичи; 2 – с. Перевлес; 3 – городище Старая Рязань; 4 – Прибрежный 1 поселение; 5 – Весёлый 3 поселение

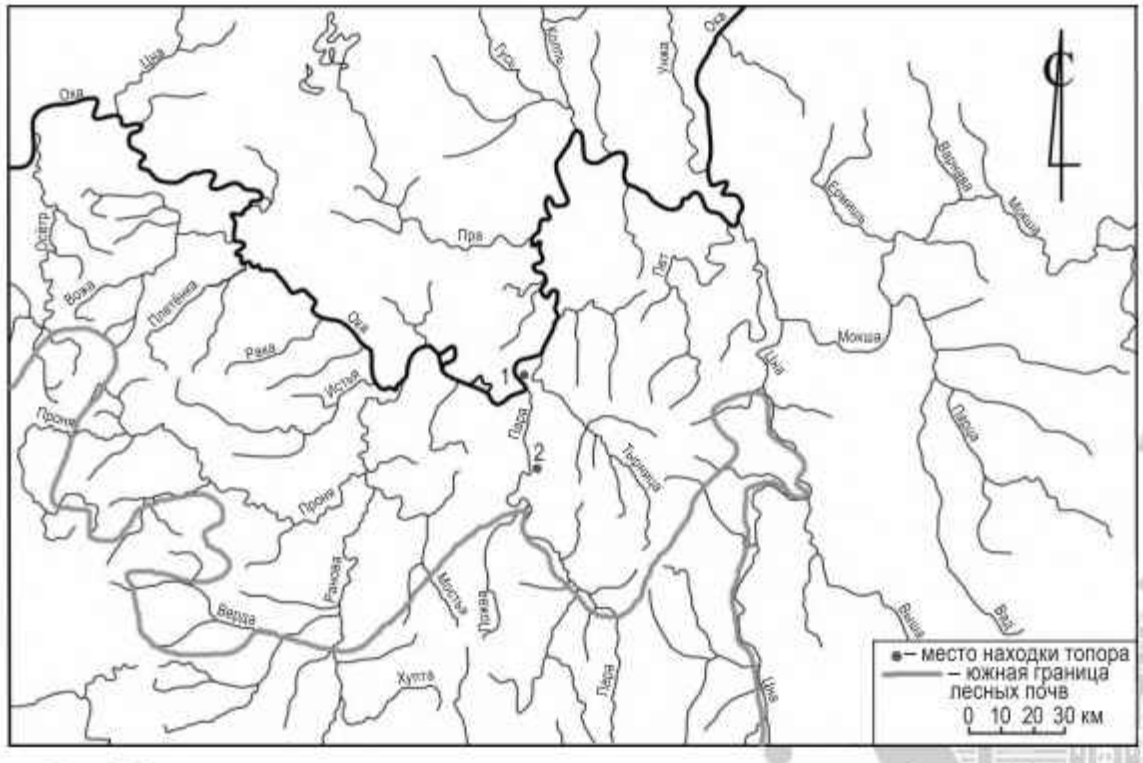

Рис. 3. Карта находок каменных клиновидных топоров с перехватом из собрания РИАМЗ: 1 – с. Борок; 2 – с. Береговое

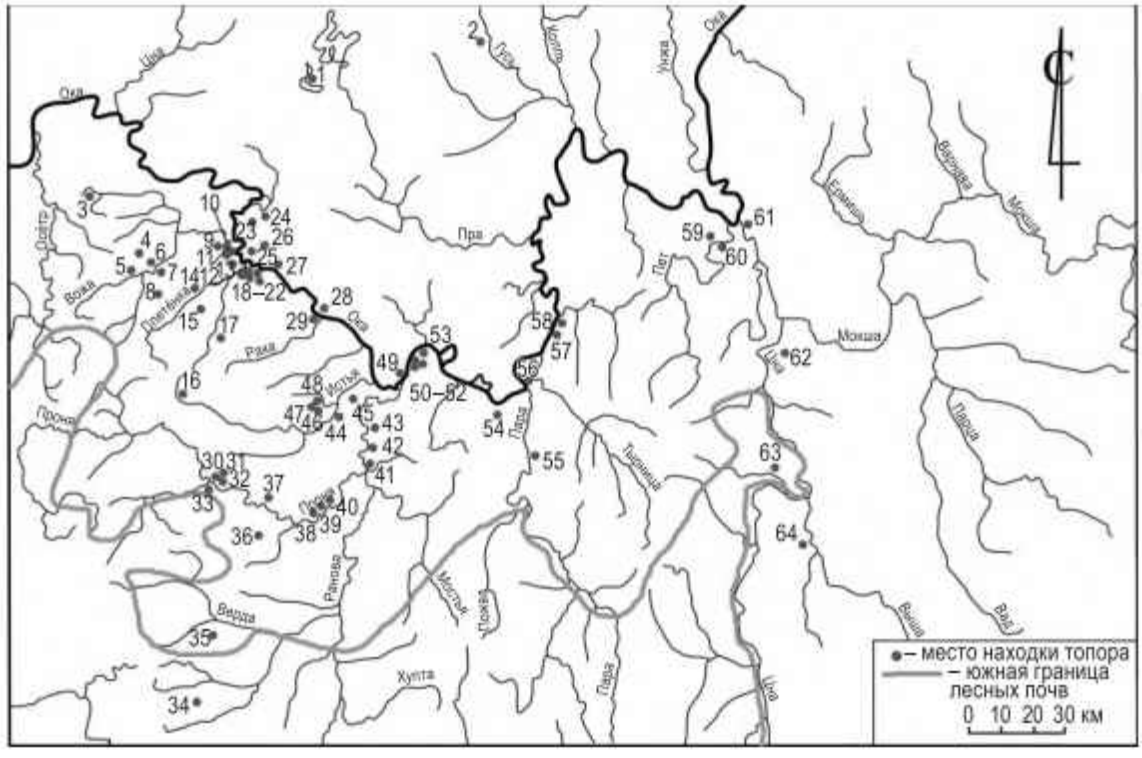

Рис. 4. Карта находок каменных сверлёных топоров, обломков, заготовок топоров и кернов из собрания РИАМЗ: 1 – стоянка Владычинская-Береговая; 2 – с. Парахино; 3 – д. Плешки; 4 – Булыгино 2 селище; 5 – Глебово-Городище Северный посад; 6 – Покровское III селище; 7 – Дураковское 3 поселение; 8 – д. Маточкино 2-е; 9, 12 – ур. Фефелов Бор; 10, 11 – стоянка Фефелов Бор 1; 13 – Борковская стоянка; 14 – с. Подвязье; 15 – с. Никольское; 16 – ур. Старое Дуброво; 17 – д. Алтухово; 18–22 – г. Рязань; 23, 24 – с. Агро-Пустынь; 25 – стоянка Шумашь 2; 26 – с. Поляны; 27 – Алеканово 1 поселение; 28 – д. Сунбулово; 29 – с. Вышгород; 30 – Гневнинское городище; 31 – пгт Пронск; 32 – д. Покровка; 33 – д. Красный Посёлок; 34 – Новодеревенский район; 35 – с. Поляны; 36 – с. Чижово; 37 – Денисовское городище; 38–40 – с. Ухорь; 41 – Бутырки 1 поселение; 42 – с. Жерновищи; 43 – с. Малое Пирогово; 44 – Истье 2 поселение; 45 – с. Залипяжье; 46–48 – д. Пожогино; 49 – Климентовская стоянка; 50–52 – городище Старая Рязань; 53 – Спасский район; 54 – с. Крутицы; 55 – с. Береговое; 56 – Борок XII местонахождение; 57 – Тырново IV поселение; 58 – Тырново 7 поселение; 59 – с. Ермо-Николаевка; 60 – д. Кононовка; 61 – Лебяжий Бор курганный могильник; 62 – с. Старое Амесьево; 63 – г. Шацк; 64 – Каширино II поселение

зяцкой, деление в которой построено на использовании цифровых характеристик, выражающих соотношение ширины обуха к ширине лезвия и к толщине обуха [20, с. 59–62]. Здесь и далее по всем типам и разновидностям топоров в качестве основной привязки мест нахождения использованы водные объекты гидрографической сети Рязанской области, крупнейшей рекой которой является Ока с её притоками первого и второго порядка – Проней, Мокшей и Цной (приток Мокши).

Тип 1. *Толстообушковые топоры с прямоугольным поперечным сечением* – 2 экз. (рис. 5: 5, 6). Данный тип представлен обломками довольно массивных почти полностью шлифованных топоров трапециевидной в плане формы. Ширина изделий не менее 48–54 мм, толщина – 28–32 мм, лезвие острое с углом заточки 83°. Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки, нижнее течение р. Истьи (правый приток р. Оки).

Толстообушковые топоры рассматриваются как наиболее ранний тип клиновидных плоских топоров. Известны на территории Московской, Калужской, Ивановской, Ярославской областей, на Средней Волге распространены в бассейнах Свияги и Цивиля [20, с. 60].

Тип 2. *Среднеобушковые с прямоугольным поперечным сечением* – 8 экз. (рис. 5: 1–4, 7–10). Преобладают шлифованные топоры трапециевидной в плане формы. Единичны топоры без шлифовки с оставленными фасетками от первичной обработки и топоры, у которых шлифованию подвергалась только прилезвийная часть. Длина изделий в пределах 104–129 мм, в одном случае 175 мм, длина лезвия 29–34 мм, 51–64 мм, ширина обуха 20–24 мм, 32–41 мм, угол заточки лезвия 57–70°, вес 120–152 г, 345–528 г. Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки, среднее течение р. Вожи, бассейн нижнего течения р. Истьи, бассейн нижнего течения р. Пары (правые притоки р. Оки).

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

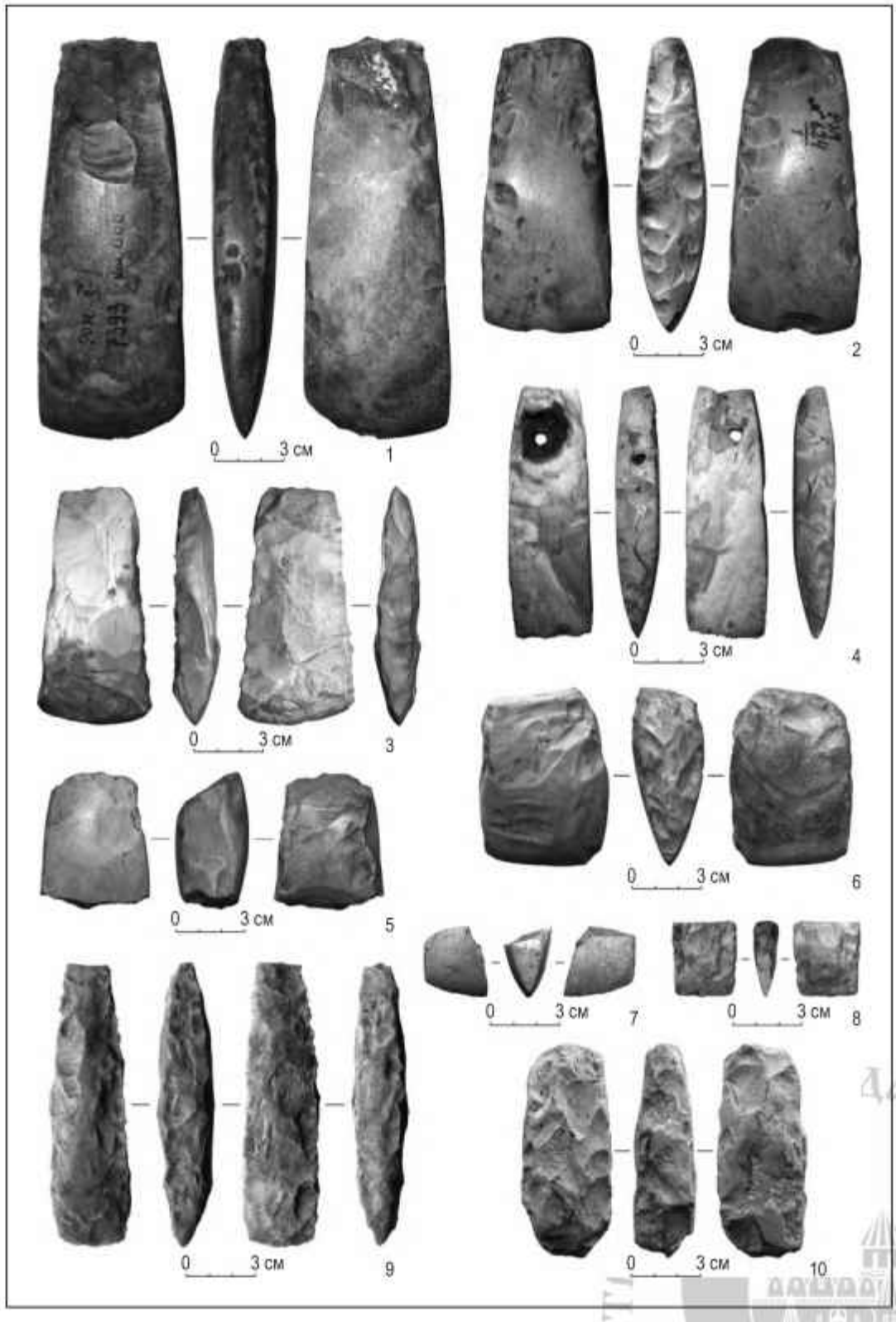

Рис. 5. Каменные клиновидные плоские топоры: 1 – Рязанская область; 2 – д. Волово (Путятинский район); 3 – д. Медвежье (Старожиловский район); 4 – с. Глебово-Городище (Рыбновский район); 5 – Истье 2 поселение (Старожиловский район); 6 – с. Борок (Шиловский район); 7, 8 – Житный раскоп (г. Рязань); 9 – Введенский раскоп (г. Рязань); 10 – Китаево 1 поселение (Рыбновский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Это наиболее распространённый тип клиновидных топоров. Часто встречается в могильниках Московской и Ярославской областей, известен на территории Тверской, Костромской областей и Ивановско-Горьковской группы фатьяновских памятников [20, с. 60]. На Средней Волге он наиболее характерен для бассейна Свияги [29, с. 10].

Тип 3. *Тонкообушковые с линзовидным поперечным сечением* – 11 экз. (рис. 6: 1–11). Все экземпляры в плане имеют трапециевидную форму. Преобладают шлифованные или частично шлифованные топоры, два орудия – без следов шлифовки с оставленными фасетками от скалывания и ретуширования. Длина изделий в пределах 52–67 мм, 71–94 мм и 113–130 мм, ширина обуха 16–35 мм, длина лезвия 25–27 мм, 36–38 мм и 45–56 мм, угол заточки лезвия 52–72°, вес 34–68 г, 112–146 г, 182 г. Гидрография находок: среднее течение р. Оки, средние течения рек Вожи, Прони, нижнее течение р. Мокши (правые притоки р. Оки).

Тонкообушковые топоры являются поздней формой по сравнению с толстообушковыми и среднеобушковыми, встречаются в комплексах с атликасинской и ошпандинской керамикой. Характерны для фатьяновских памятников Ярославской области и для балановских памятников Волго-Вятского междуречья и бассейна Свияги [20, с. 62].

Тип 4. *Клиновидные топоры из различных некремнёвых пород камня* – 7 экз. (рис. 7). Топоры изготовлены как из твёрдых, так и из мягких пород камня. Среди первых преобладают орудия трапециевидной в плане формы, прямоугольные или овальные в поперечном сечении; длина их в пределах 83–105 мм, максимальная ширина 36–59 мм, угол заточки лезвия 69–89°, среди способов обработки отмечены пикетаж и шлифовка. Топоры из мягких пород камня имеют небольшие размеры (длина 52–62 мм, ширина 30–32 мм) и вес (15–32 г). В плане – трапециевидной или прямоугольной формы, сечение линзовидное, способ обработки – шлифовка. Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки, нижнее течение р. Прони (правый приток р. Оки), Великие Озёра рязанской Мещёры.

2. Черешковые клиновидные топоры (рис. 2, 8)

Коллекция черешковых клиновидных топоров насчитывает 8 экземпляров (6,3 % всей коллекции). Особенностью этой группы клиновидных топоров является наличие рукоятки-черешка, переходящей через плечики в клиновидную рубящую часть в виде массивной лопатки трапециевидной или прямоугольной в плане формы. На черешок, как правило, приходится около половины длины топора, однако в коллекции имеются экземпляры, где длина черешка составляет три четверти и даже четыре пятых длины всего изделия. Сечение черешков овальное, у одного экземпляра – прямоугольное. Все топоры имеют следы пикетажа и шлифовки (рис. 8). Длина топоров варьирует в пределах 63–81 мм, 95–111 мм, 147 мм, ширина лезвия 29–34 мм, 44–47 мм, лезвие в основном закруглённое, острое или приострённое с углом заточки в пределах 52–77°. Гидрография находок: среднее течение р. Оки, бассейн среднего течения р. Цны (левый приток р. Мокши, правый приток р. Оки), нижнее течение р. Прони (правый приток р. Оки).

Черешковые клиновидные топоры так называемого лепельского или борисовско-лепельского типа являются частой находкой в Польше, Белоруссии, в западных областях России (Смоленская, Брянская), получили широкое распространение на Средней Волге на территории балановской культуры [8, с. 34; 21, с. 146, рис. 4: 22–27; 22, с. 65]. Черешковые рабочие топоры известны также и в культуре ранней сетчатой керамики, где они встречаются в комплексах как с пористой керамикой в Восточном Прионежье, так и с ямочно-зубчатой сетчатой керамикой в Верхнем Поволжье [23, с. 314, рис. 6: 4, 20]. В ареале фатьяновской культуры черешковые клиновидные топоры единичны. Случайные находки происходят с территории Ярославско-Калининской (Верхневолжской) группы, но ни в одном погребальном фатьяновском комплексе они не встречены [24, табл. XXII: 14, 18, 19]. Двумя экземплярами представлены такие топоры на правобережье Верхней Оки [25, с. 17], об одном орудии имеются данные для Верхнего Дона [26, с. 36, рис. 7: 3].

Количество найденных черешковых клиновидных топоров значительно увеличивается на территории балановских племён на Средней Волге. В своде археологических источников по балановской культуре О.Н. Бадер и А.Х. Халиков приводят данные о 28 подобных орудиях, бóльшая часть которых была найдена в нижнем течении р. Свияги [22, с. 65]. В реестре каменных топоров с территории Чувашской Республики учтены 20 экземпляров, они сосредоточены в основном в Волго-Сурском междуречье [20, с. 11, 56, рис. 2]. Спорадические находки известны на Суре, Вятке, Ветлуге, в нижнем течении Оки [22, с. 65] и в Марийском Предволжье [27, с. 86, рис. 3: 1].

3. Топоры с желобчатым перехватом (рис. 3, 9)

Топоры с желобчатым перехватом представлены 2 экземплярами (1,6 % всей коллекции). Это орудия с клиновидной рубящей частью, занимающей около двух третей топора, и широкими поперечными желобками под обухом для крепления к рукояти. Поперечное сечение клина топора прямоугольной формы, поверхность в разной степени зашлифована. С боков под жёлобом одного топора оставлены небольшие выступы, которые, возможно, имитируют ушки металлических двухушковых кельтов (рис. 9: 1). Длина орудий 104 и 141 мм, лезвие острое, зашлифованное у края, с углами заточки 47° и 77°, ширина лезвия 53 мм, обух плоский или выпуклый грибовидный, вес 397 и 652 г. К данной группе топоров можно отнести обломок нижней части сверлёного орудия с полностью сохранившимся лезвием и половиной сверлины, ниже которой путём пикетажа был сформирован неглубокий желобок (рис. 9: 3). Таким образом, топор после поломки обрёл вторую жизнь, перейдя при этом из сверлёных в разряд привязных. Типологически он подходит под описание топоров с желобчатым перехватом, отличаясь от них лишь формой.

Гидрография находок: среднее течение р. Оки, нижнее течение р. Пары (правый приток р. Оки).

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

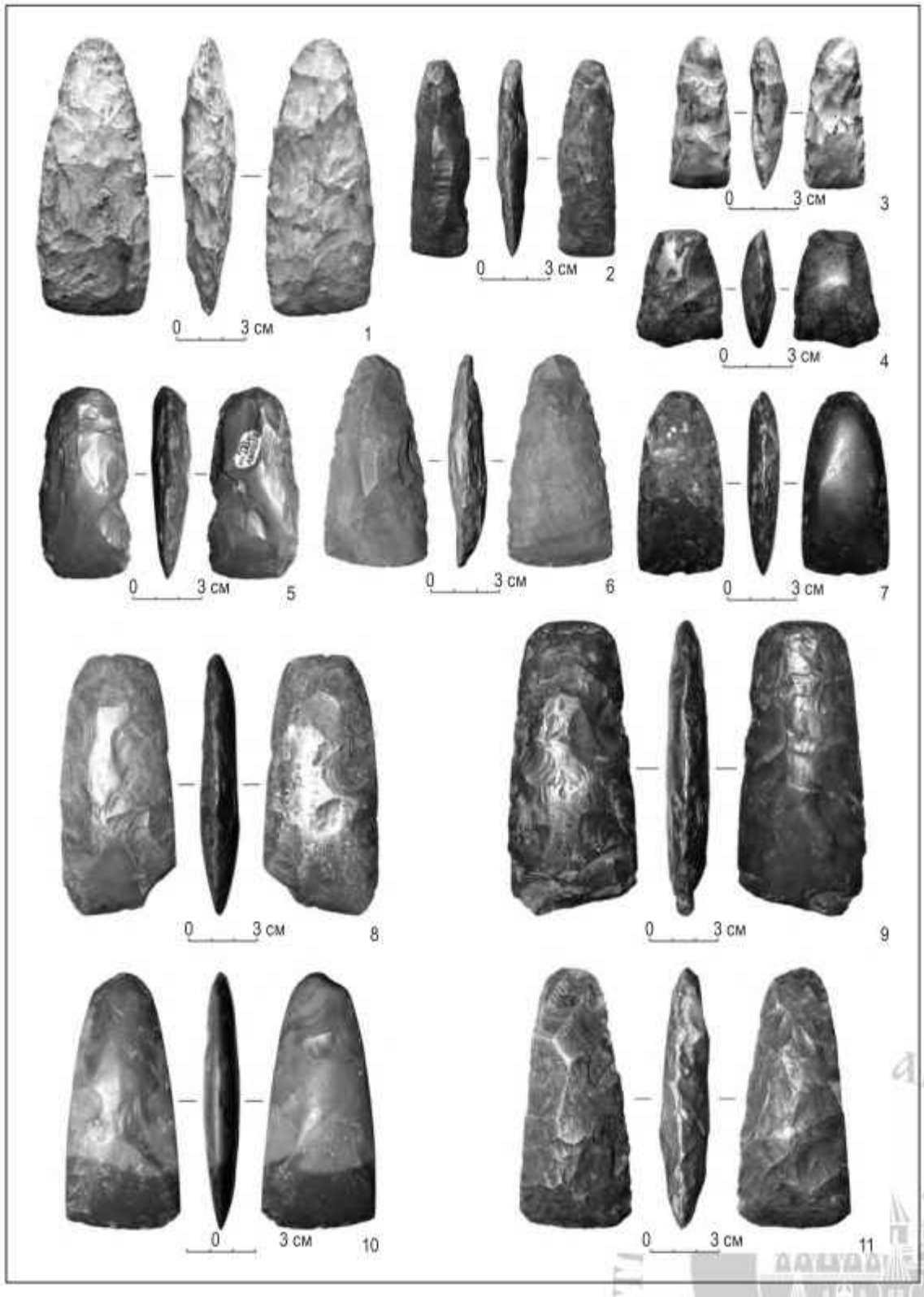

Рис. 6. Каменные клиновидные плоские топоры: 1 – Змеинка поселение (Михайловский район); 2, 6, 10 – Рязанская область; 3 – Истье 2 поселение (Старожиловский район); 4 – Кадом 4 (Кокуй) поселение (пгт Кадом); 5 – Болошнево 2 поселение (Рязанский район); 7 – городище Старая Рязань (Спасский район); 8 – пос. Ситники (г. Рязань); 9 – с. Дубровичи (Рязанский район); 11 – д. Красный Посёлок (Михайловский район)

ДРЕВНЕРУССКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

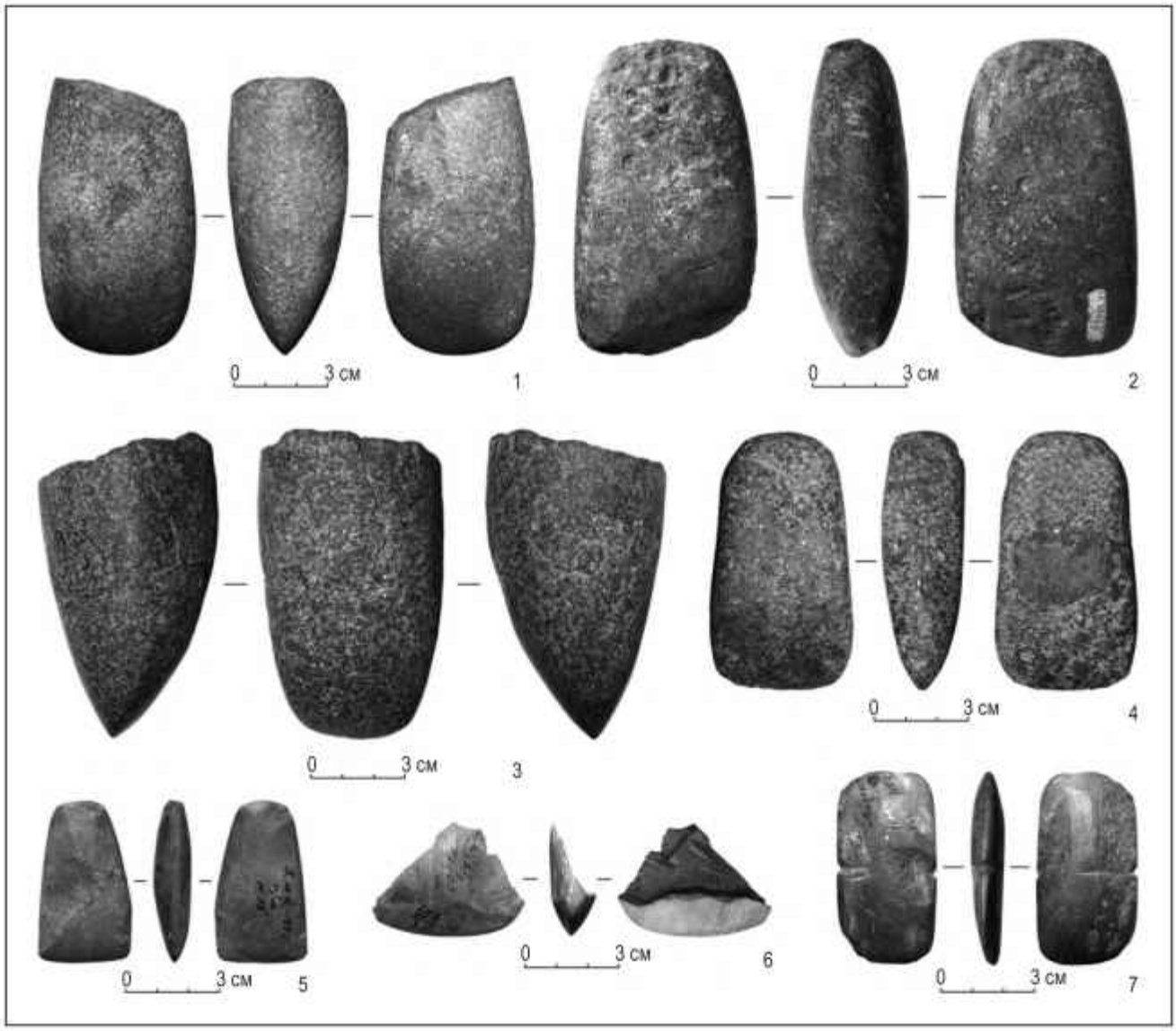

Рис. 7. Каменные клиновидные топоры: 1, 4 – Рязанская область; 2 – стоянка Владычинская-Береговая (Клепиковский район); 3 – с. Дубровичи (Рязанский район); 5 – Засечье 2 стоянка (Спасский район); 6 – Борковская стоянка (г. Рязань); 7 – Борок 9 поселение (Шиловский район)

Топоры с желобчатом перехватом распространены в основном в Среднем Поволжье, особенно в правобережье, и в Волго-Сурском междуречье [20, с. 11, 56, рис. 2]. Известны они также в Мордовии, в рязанском и нижегородском Поочье, на Мокше и Цне [28, с. 57]. На территории распространения фатьяновской культуры такие топоры не встречаются. О.Н. Бадер и А.Х. Халиков рассматривали топоры с перехватом в качестве орудий балановского типа и связывали их появление с племенами полтавкинской культуры [22, с. 65]. По мнению В.В. Ставицкого, топоры с перехватом являются самостоятельно выработанными типами орудий, поскольку имеют довольно широкий ареал – от Среднего Поволжья на востоке до Тульской области на западе [28, с. 57–58].

4. Сверлёные топоры (рис. 4, 10–22)

Сверлёный каменный топор для рязанского Поочья является одной из самых ярких и культурообразующих категорий орудий, которые традиционно связываются с фатьяновско-балановскими древностями. Однако часть из них по своим технико-типологическим и морфологическим особенностям выходит за пределы рамок фатьяновской и балановской культур и, скорее всего, имеет иную культурную интерпретацию.

Коллекция учтённых каменных сверлёных топоров и заготовок топоров насчитывает 90 экземпляров, что составляет 70,1 % всей выборки, в том числе 46 целых изделий и 44 фрагментированных.

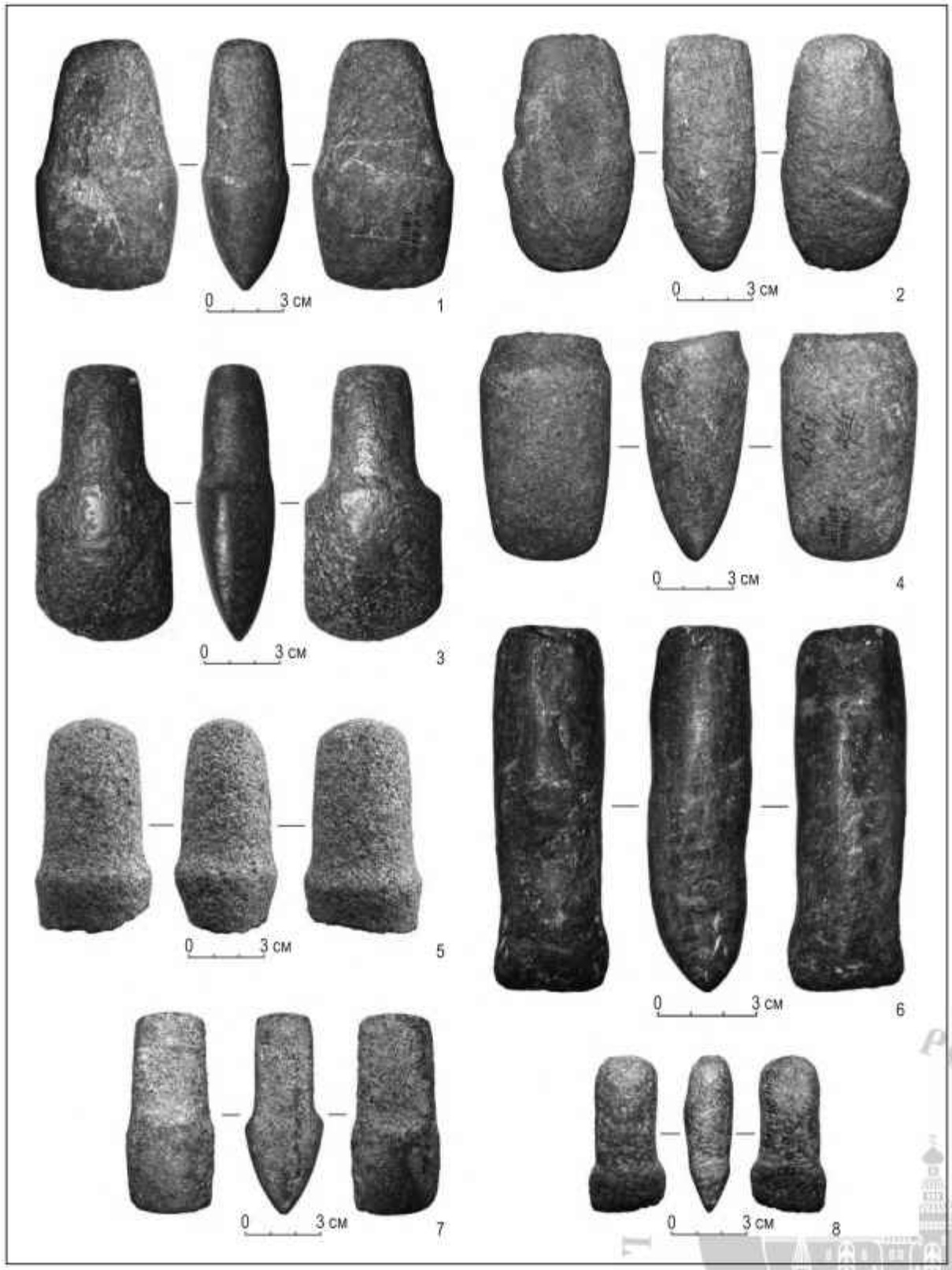

Рис. 8. Каменные клиновидные черешковые топоры: 1 – Весёлый 3 поселение (Шацкий район); 2, 4 – Рязанская область; 3 – Витебская губерния; 5 – с. Перевлес (Старожиловский район); 6 – с. Дубровичи (Рязанский район); 7 – городище Старая Рязань (Спасский район); 8 – Прибрежный 1 поселение (Шиловский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

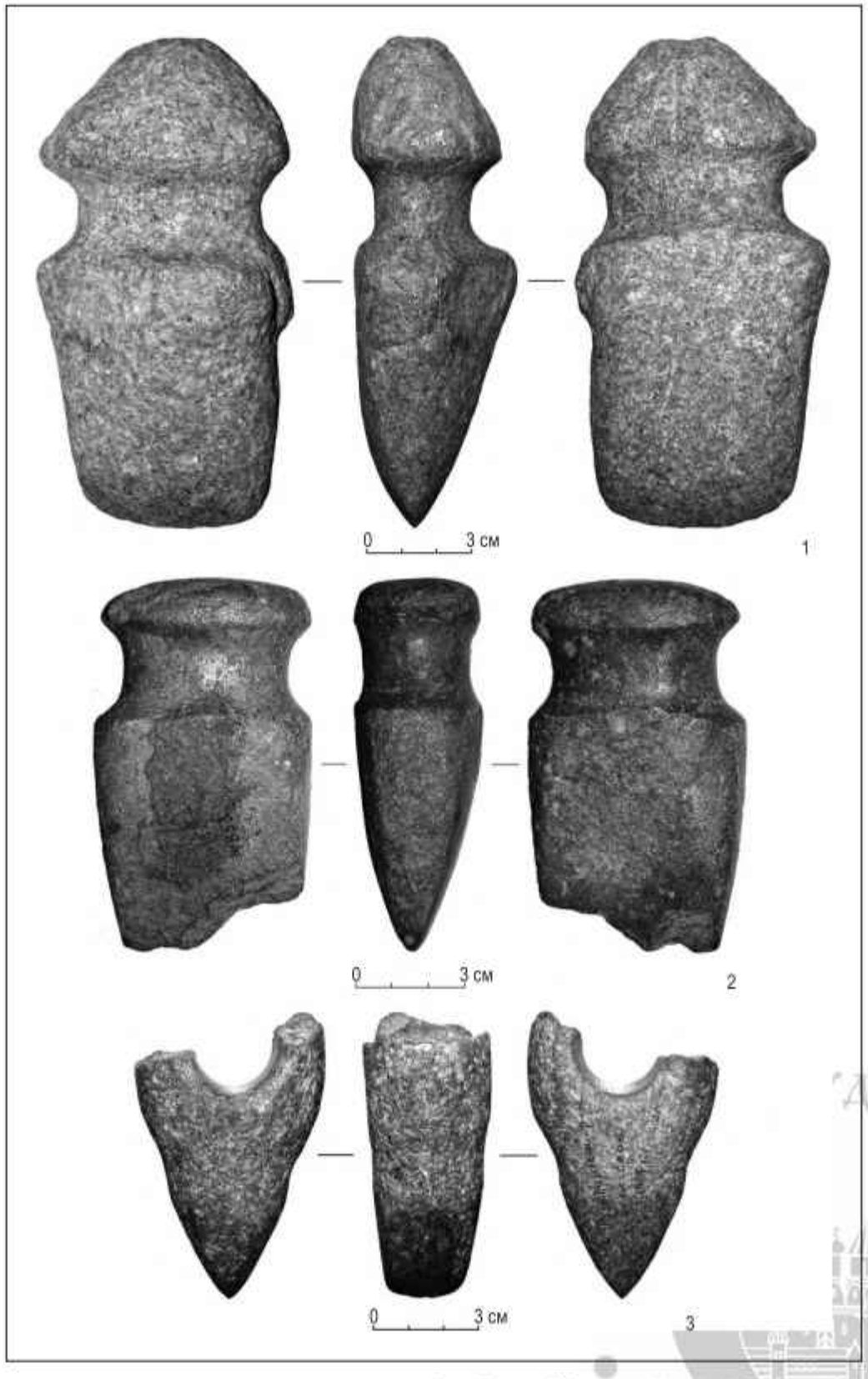

Рис. 9. Каменные клиновидные топоры с перехватом: 1 – с. Борок (Шиловский район); 2 – Рязанская область; 3 – с. Береговое (Путятинский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Обломки топоров представляют собой, как правило, верхнюю или нижнюю половину изделия с частью сверлёного канала, так как именно здесь, в наиболее ослабленном месте топора, и происходил слом (рис. 10: 1–5, 7, 8; 11: 1, 3, 4). Немногим меньше обломков лезвийной части топора (рис. 10: 6, 9–11; 11: 5–8), реже встречаются фрагменты обушковой части (рис. 11: 2). Некоторые крупные фрагменты с сохранившимся лезвием имеют следы вторичного использования, что ясно указывает на то, что не все обломки выбрасывались как безнадёжные. Достаточно было просверлить в них новое отверстие или проточить желобки для крепления, чтобы сломанный топор вновь стал рабочим орудием, только значительно уменьшившись в размерах и изменив свою внешнюю форму (рис. 9: 3; 13: 1, 3).

В собрании музея имеются бесспорные свидетельства одного из важнейших этапов технологического процесса изготовления сверлёного топора – трубчатого абразивного сверления. Это продукт (отход) сверления полым сверлом, так называемые высверлины или столбики керна. Таких кернов четыре (рис. 12: 5–8). Все они имеют усечённую слегка коническую форму с максимальным диаметром от 9–11 до 17–19 мм, длиной от 12 до 31 мм. Стенки кернов покрыты тонкими и регулярными концентрическими линиями. Гидрография находок кернов: среднее течение р. Оки, нижнее и среднее течение р. Прони, среднее течение р. Вожи (правые притоки р. Оки).

Наравне с кернами археологическим признаком местного производства топоров принято считать заготовки изделий на разных этапах их изготовления. Музейная коллекция насчитывает четыре таких артефакта (рис. 12: 1–4). Всем заготовкам путём пикетажа и шлифовки придана более-менее узнаваемая задуманная форма. На одной заготовке имеются следы начатого сверления (рис. 12: 4). Ещё на одной заготовке на месте будущего отверстия имеется выбранное пикетажем чашевидное углубление (рис. 12: 3).

Для описания сверлёных каменных топоров использована применяемая многими исследователями классификация О.С. Гадзяцкой, состоящая из 18 типов с подтипами [20, с. 50–56]. В настоящей работе основные характеристики сверлёных топоров, традиционно включающие в себя все линейные размеры и диаметр сверлины, дополнены сведениями о весе топоров и угле заточки его лезвия.

Тип 1. *Топоры клиновидной формы* – 13 экз. (рис. 13). Самая многочисленная группа во всей коллекции. Рязанские находки приурочены к долине Оки в её среднем течении и к долине р. Пары (правый приток р. Оки). Один фрагмент происходит с территории озёрной Мещёры и один – из среднего течения р. Прони (правый приток р. Оки).

Характеризуется простой округло-треугольной, реже треугольной в плане формой. В коллекции преобладают топоры со сверлиной, расположенной в верхней половине изделия. Два экземпляра изготовлены из обломков других сверлёных топоров, в том числе из нижней половины лопастного топора (рис. 13: 3). Длина орудий в пределах 108–115 мм и 151–176 мм, ширина 36–76 мм, длина лезвия 38–56 мм, диаметр сверлины в пределах 13–16 мм и 19–25 мм, угол заточки лезвия 60–85°, вес 416–855 г, 1252–1508 г.

Топоры типа 1 имеют широкий ареал. Это один из наиболее распространённых типов на Цне, в Сурско-Мокшанском и Сурско-Окском междуречьях [28, с. 46; 29, с. 144]. На Средней Волге находки клиновидных сверлёных топоров тяготеют к верховьям р. Цивиль [29, с. 7], встречаются в южных и юго-восточных районах ареала фатьяновской культуры [20, с. 51].

Тип 2. *Топоры простой формы с усечённо-коническим обухом* – 12 экз. (рис. 14). Происходят с берегов Оки и её правобережных притоков (Плетёнка, Истья). Преобладают изделия со сверлиной, расположенной у середины длины топора, и только у одного топора она расположена чуть ниже середины. Длина орудий в пределах 82–114 мм, ширина 45–64 мм, длина лезвия 21–45 мм, в одном случае 61 мм, угол заточки лезвия 70–86°, вес 303–501 г, преобладающий диаметр сверлины 19–25 мм. Гидрография распространения в рязанском Поочье: среднее течение р. Оки, р. Меча (правый приток р. Истьи, правый приток р. Оки), бассейн верхнего течения р. Павловки (правый приток р. Трубежа, правый приток р. Оки), бассейн среднего течения р. Рановы (правый приток р. Прони, правый приток р. Оки), бассейн верхнего течения р. Истьи (правый приток р. Оки).

Топоры типа 2 широко распространены на всей территории фатьяновской культуры [20, с. 51]. Основной ареал на Средней Волге охватывает Присурье и восточную часть Заволжья, в основном бассейны рек Илети и Малой Кокшаги [30, с. 7; 31, с. 64]. Это один из самых распространённых типов на Цне, Мокше и в Нижегородском Поочье [28, с. 51; 29, с. 144].

Тип 3. *Топоры простой формы с выделенным обушком и сверлиной, расположенной у середины длины топора* – 2 экз. (рис. 15: 1, 2). Точные места находок топоров не установлены. Длина орудий в пределах 104–115 мм, ширина 55–57 мм, длина лезвия около 40 мм, лезвие прямое острое, угол заточки лезвия 68°, диаметр сверлины 20–24 мм, вес 234–265 г.

О.С. Гадзяцкая отмечает повсеместное распространение топоров этого типа во всех основных районах фатьяновской культуры и на балановских территориях, особенно на правобережье Волги [20, с. 51].

Тип 4. *Топоры с коротким выделенным обушком и сверлиной, расположенной в верхней половине топора* – 5 экз. (рис. 16). Длина орудий 90–115 мм, ширина 42–63 мм, длина лезвия 32–45 мм, угол заточки лезвия 64–86°, вес 234–446 г, диаметр сверлин 18–26 мм. Гидрография находок: среднее течение р. Оки.

Короткообушковые топоры, по наблюдениям О.С. Гадзяцкой, преобладают в зоне обитания верхневолжских фатьяновских племён [20, с. 51]. По О.Н. Бадеру и А.Х. Халикову, этот тип распространён в Среднем Поволжье и характерен для атликасинского этапа балановской культуры [22, с. 60].

Тип 5. *Топоры с удлинённым обухом и сверлиной, расположенной ниже середины длины топора* – 2 экз. (рис. 15: 3, 4). Длина орудия 129 мм, ширина 55–56 мм, длина лезвия 30 мм, угол заточки лезвия 87°, вес

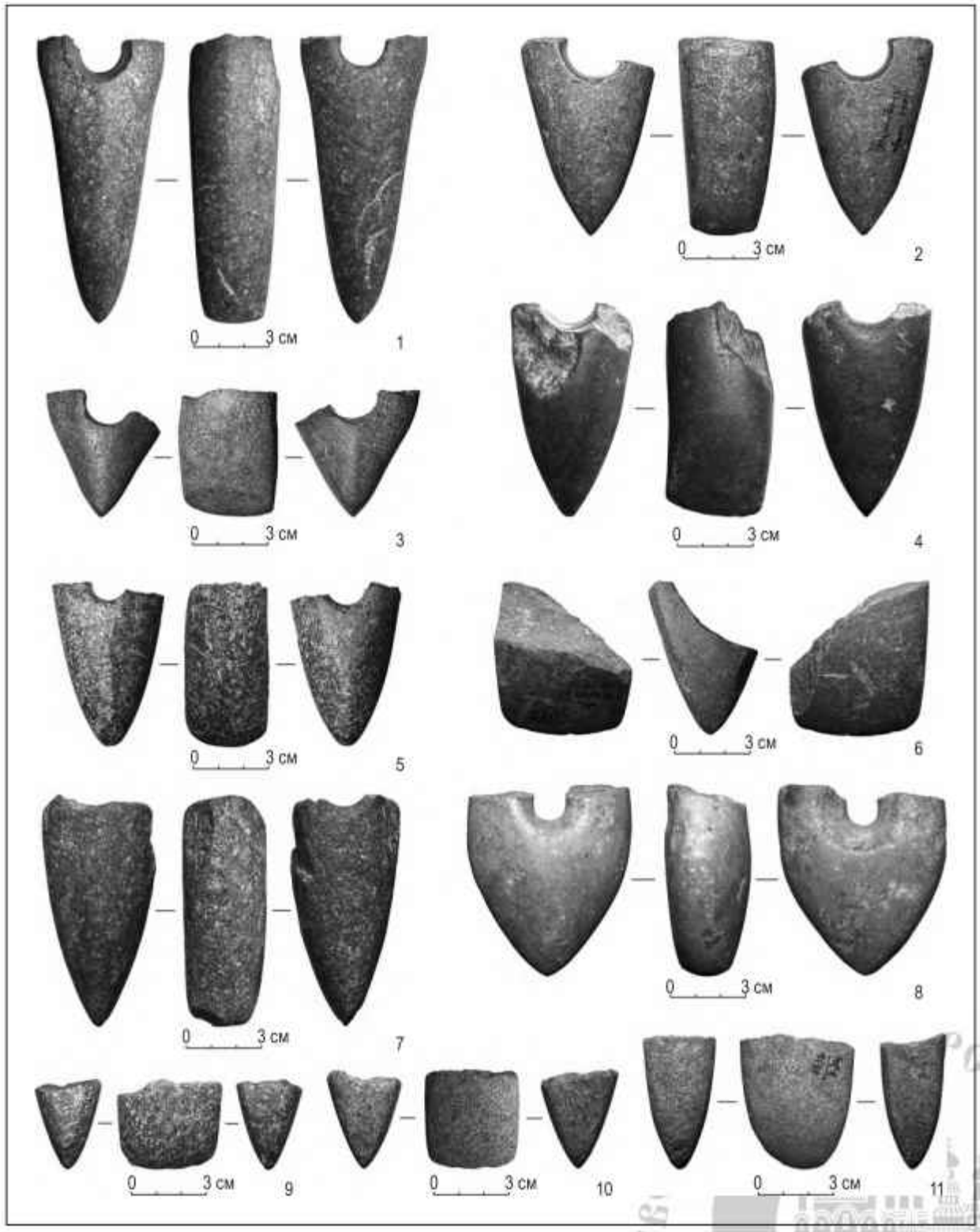

Рис. 10. Каменные сверлёные топоры (обломки): 1 – Рязанская область; 2 – Тырново IV поселение (Шиловский район); 3, 5 – с. Ухорь (Кораблинский район); 4 – д. Алтухово (Рязанский район); 6 – Каширино II поселение (Шацкий район); 7 – д. Пожогино (Старожиловский район); 8 – с. Агропустынь (Рязанский район); 9 – Покровское III селище (Рыбновский район); 10 – городище Старая Рязань (Спасский район); 11 – Фефелов Бор 1 стоянка (Рязанский район)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

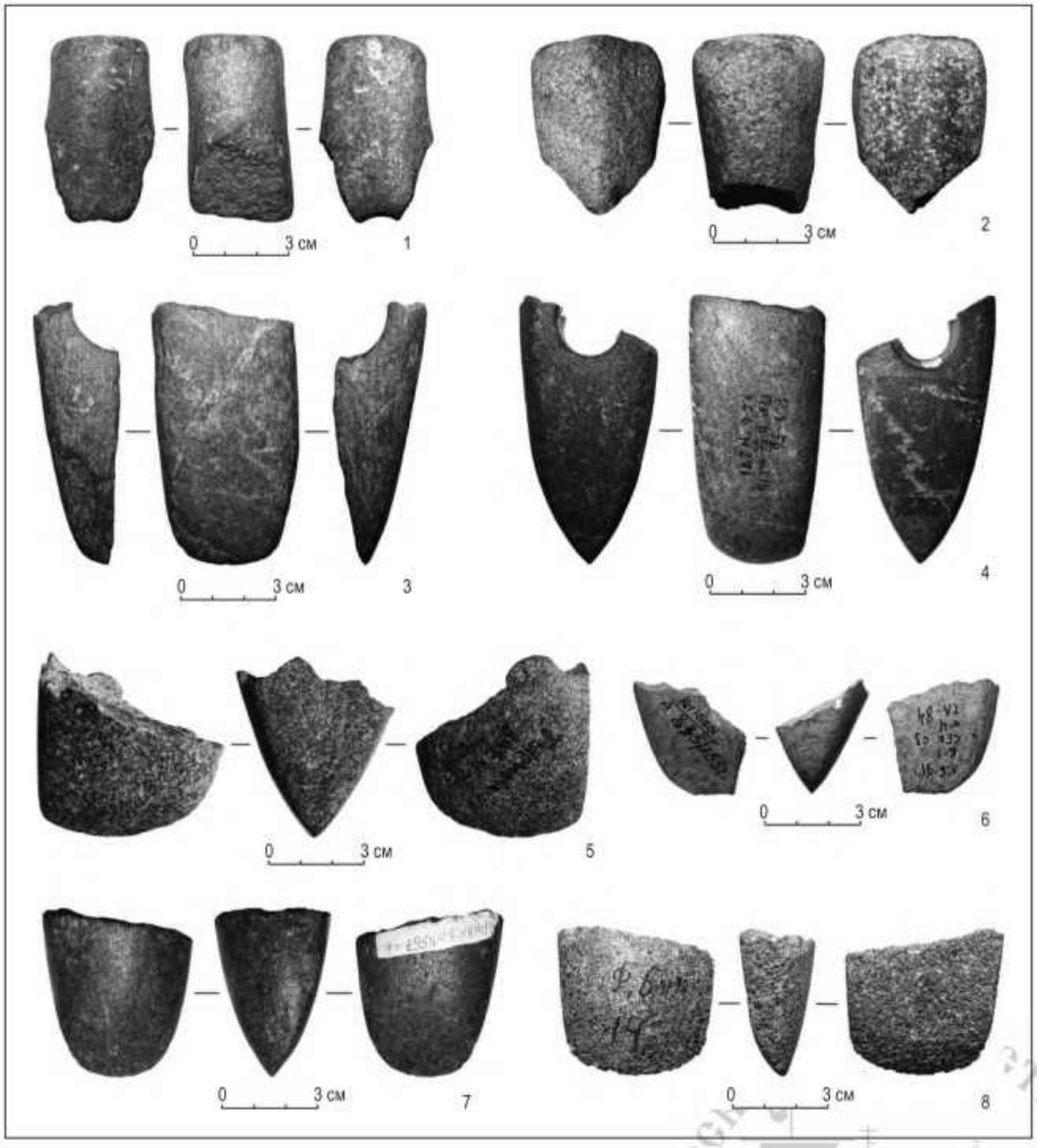

Рис. 11. Каменные сверлёные топоры (обломки): 1 – Булыгино 2 селище (Рыбновский район); 2 – Истье 2 поселение (Старожиловский район); 3 – Глебово-Городище Северный посад (Рыбновский район); 4 – г. Рязань; 5 – Тырново 7 поселение (Шиловский район); 6 – Лебяжий Бор курганный могильник (Ермишинский район); 7 – Рязанская область; 8 – дюна Фефелов Бор (Рязанский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

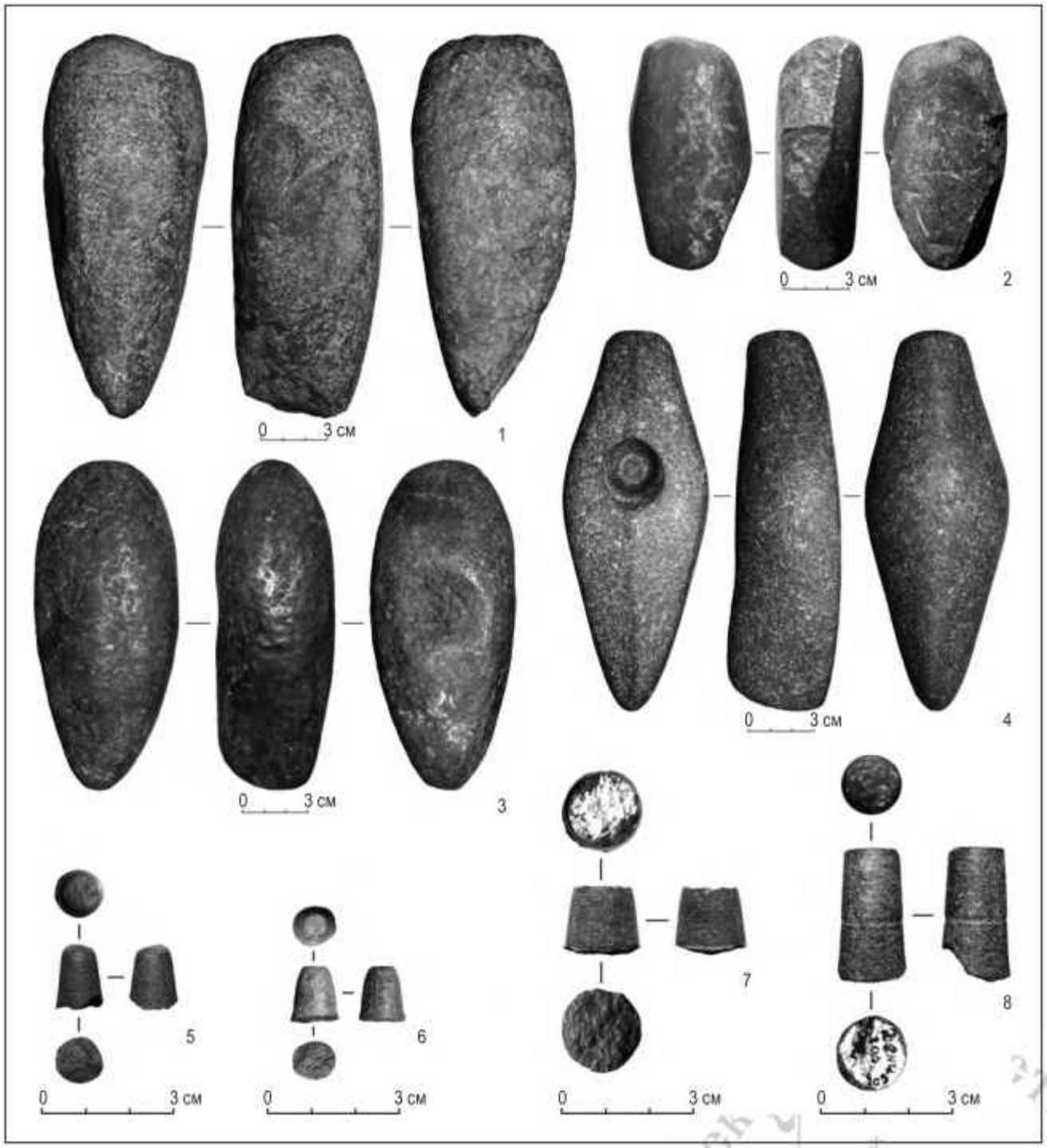

Рис. 12. Каменные сверлёные топоры (заготовки – 1–4 и керны – 5–8): 1, 3 – Рязанская область; 2 – д. Пожогино (Старожиловский район); 4 – Новодеревенский район (Рязанская область); 5 – Дураковское 3 поселение (Рыбновский район); 6 – Фефелов Бор 1 стоянка (Рязанский район); 7 – Бутырки 1 поселение (Старожиловский район); 8 – Денисовское городище (Пронский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 13. Каменные сверлёные топоры (тип 1): 1 – Спасский район (Рязанская область); 2 – с. Крутицы (Шиловский район); 3, 4 – Рязанская область; 5 – с. Береговое (Путятинский район); 6 – Климентовская стоянка (Спасский район); 7 – с. Красный Угол (Сапожковский район); 8 – Борок XII местонахождение (Шиловский район); 9 – д. Красный Посёлок (Михайловский район); 10 – стоянка Владычинская-Береговая (Клепиковский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

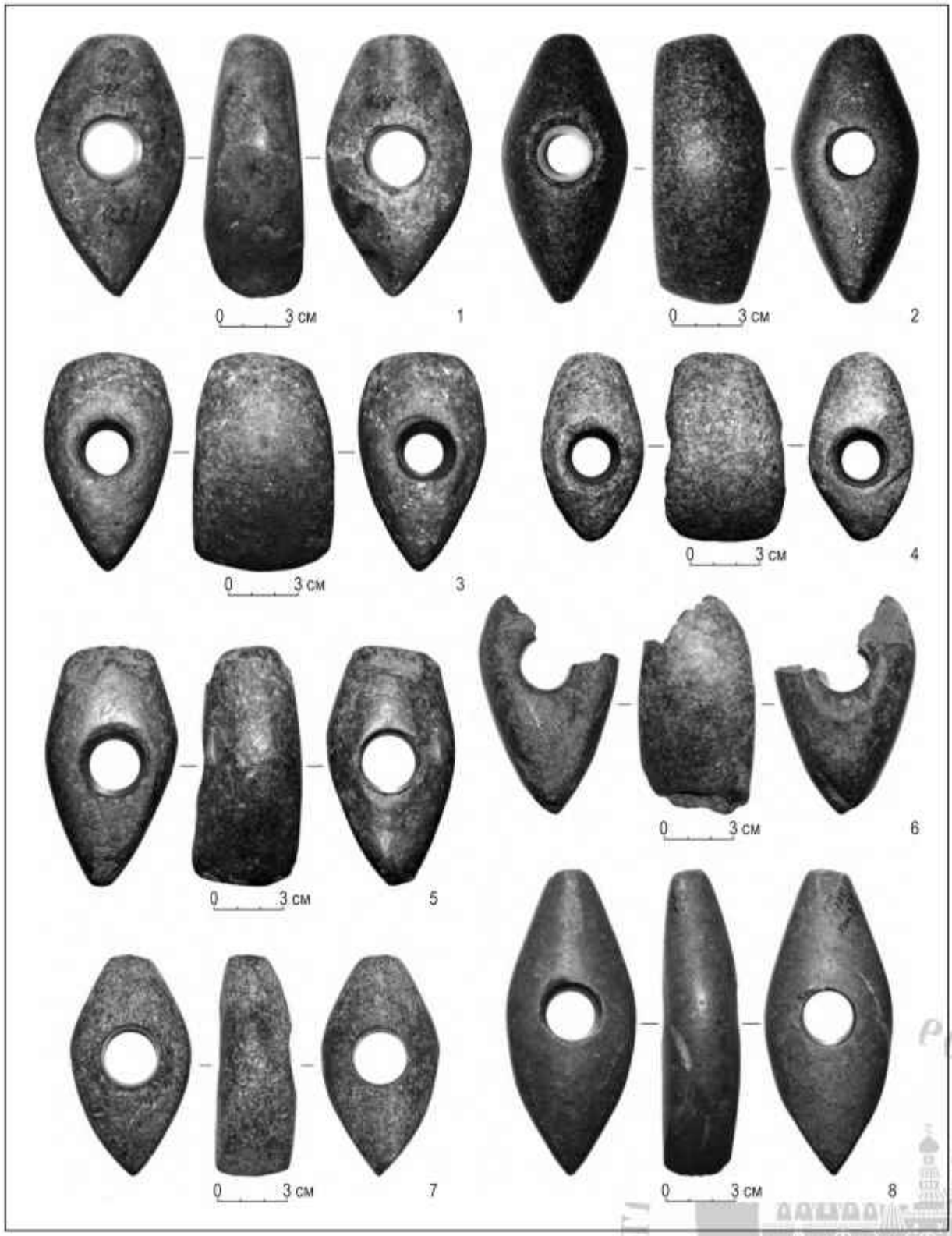

Рис. 14. Каменные сверлёные топоры (тип 2): 1 – Спасский район (Рязанская область); 2 – ур. Старое Дуброво (Захаровский район); 3 – с. Мелехово (Старожиловский район); 4 – городище Старая Рязань (Спасский район); 5 – с. Поляны (Скопинский район); 6 – Рязанская область; 7 – д. Покровка (Захаровский район); 8 – с. Никольское (Рязанский район)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

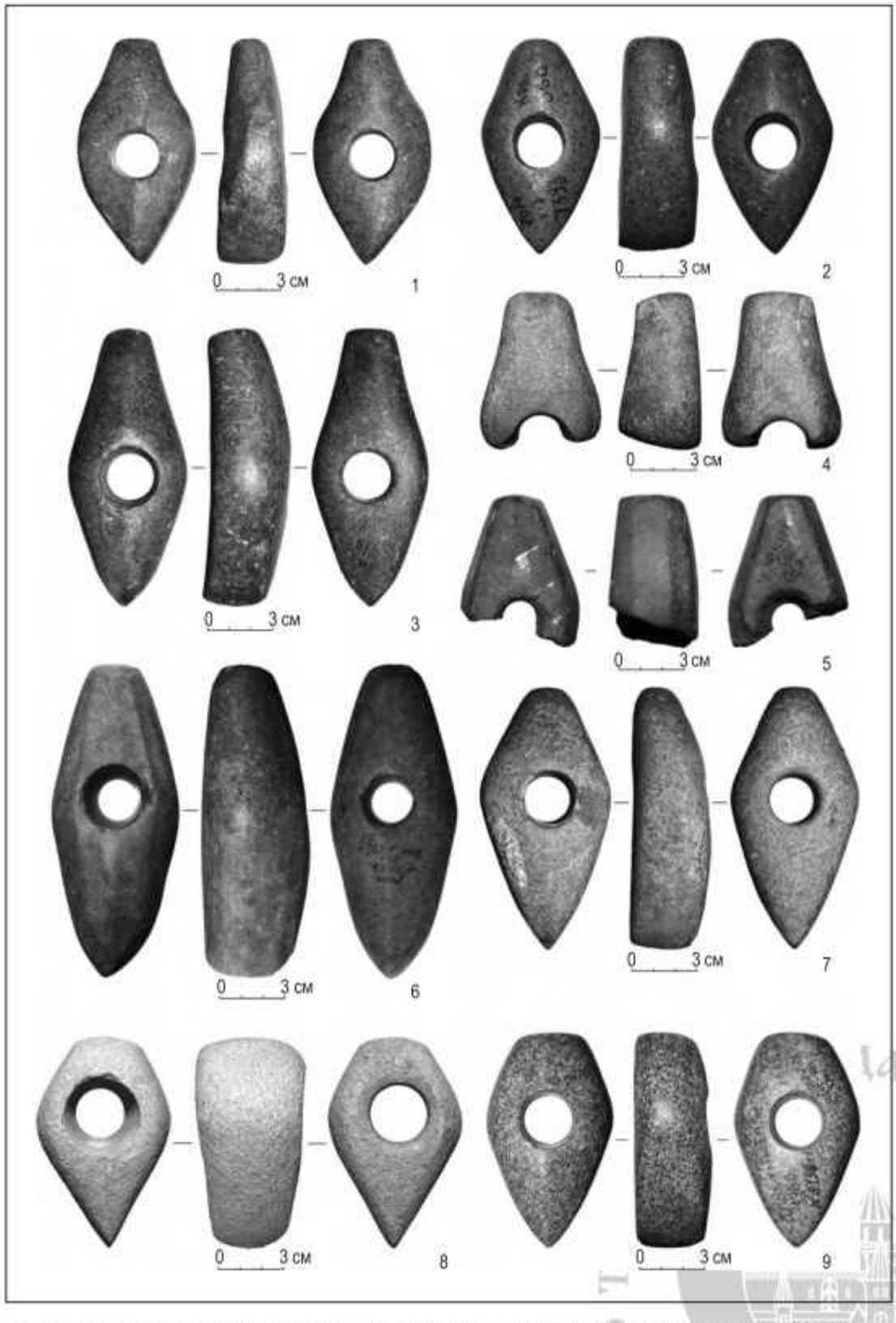

Рис. 15. Каменные сверлёные топоры (типы 3 – №№ 1, 2; 5 – №№ 3, 4; 7 – №№ 5, 7; 8 – №№ 8, 9): 1, 2, 7, 8 – Рязанская область; 3 – с. Устрань (Спасский район); 4 – д. Кононовка (Пителинский район); 5 – городище Гневна (Пронский район); 6 – с. Старое Амесьево (Сасовский район); 9 – с. Поляны (Рязанский район)

Государственный объединенный музей

Рис. 16. Каменные сверлёные топоры (тип 4): 1, 4, 5 – Рязанская область; 2 – г. Рязань; 3 – с. Вышгород (Рязанский район)

Твер. государственный объединенный музей

366 г, диаметр сверлины 23–25 мм. Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки, нижнее течение р. Пет (правый приток р. Оки).

Концентрация топоров с длинным обухом отмечена на Среднем и Верхнем Днепре, в Московской области; на территории распространения фатьяновских племён находок топоров этого типа мало, не характерен он для балановской культуры [20, с. 54].

Тип 6. *Обушковые топоры ромбической формы* – 8 экз. (рис. 17). Преобладают узкообушковые топоры с прогнутыми боками и сверлиной, расположенной у середины длины топора. Длина топоров в пределах 128–160 мм, в одном случае 101 мм, ширина изделий 52–69 мм, длина лезвия 25–37 мм, угол заточки лезвия 67–89°, диаметр сверлины 18–23 мм, вес 200–286 г и 413–491 г. Гидрография топоров из рязанской коллекции: среднее течение р. Истьи (правый приток р. Оки), среднее течение р. Плетёнки (правый приток р. Трубежа, правый приток р. Оки), нижнее течение р. Прони (правый приток р. Оки), верховье р. Мощенки (правый приток р. Вожи, правый приток р. Оки), верховье р. Мечи (левый приток р. Вожи, правый приток р. Оки).

Ромбические обушковые топоры характерны для Среднего Поволжья, наибольшее количество находок связано с бассейнами Суры и Свияги [20, с. 7]. Встречаются и на территории фатьяновской культуры, особенно в Московской области [20, с. 54].

Тип 7. *Топоры ромбической формы с усечённо-коническим обушком* – 4 экз. (рис. 15: 5–7). Длина найденных орудий составляет 122–146 мм, ширина 60–61 мм, длина лезвия 30–42 мм, угол заточки лезвия 72–86°, диаметр сверлины 22–28 мм, вес 356–564 г. Гидрография находок: среднее течение р. Прони (правый приток р. Оки), бассейн нижнего течения р. Мокши (правый приток р. Оки), нижнее течение р. Цны (левый приток р. Мокши, правый приток р. Оки).

Подавляющее большинство топоров типа 7 найдено на правобережной части Среднего Поволжья [30, с. 7]. О.С. Гадзяцкая указывает также на значительное количество таких топоров из Рязанской области и южных районов фатьяновской культуры [20, с. 54]. Кроме того, довольно представительные серии топоров ромбических форм (типы 6–8) найдены на Цне, в Примокшанье, в Нижегородском Поочье [28, с. 53].

Тип 8. *Топоры ромбической формы с усечённо-коническим коротким обушком* – 2 экз. (рис. 15: 8, 9). Основные параметры топоров: длина 98–100 мм, ширина 59–62 мм, длина лезвия 32–36 мм, угол заточки лезвия 73–88°, диаметр сверлины 23–30 мм, вес 304–335 г. Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки.

Основная часть топоров типа 8 происходит из восточных районов фатьяновской территории [20, с. 54], а в Среднем Поволжье они тяготеют к бассейну р. Суры [22, с. 63].

Тип 9. *Двулезвийные топоры* – 2 экз. (рис. 18: 1, 2). Топор ромбической формы со сверлиной, расположенной посередине длины изделия (рис. 18: 1). Длина орудия 192 мм, максимальная ширина 80 мм, ширина лезвий 19 и 24 мм, угол заточки лезвий 78° и 86°, вес 949 г, сверлина коническая диаметром 17–36 мм. Найден в верхнем течении р. Вынцы (правый приток р. Тырницы, правый приток р. Оки).

Ромбические обоюдоострые топоры встречаются на территории Среднего Поднепровья, Белоруссии, Прибалтики, случайные находки известны в Московской, Владимирской областях [10, с. 49] и на Средней Волге на территории Чувашской Республики [30, с. 7]. Связь с фатьяновской и балановской культурами не установлена [20, с. 54–55].

Тип 10. *Топоры с длинной лопастью* – 8 экз. (рис. 19: 1–5; 20: 1–3). Преобладают топоры с выделенным коротким (рис. 19: 4; 20: 2, 3), реже длинным (рис. 19: 2, 3) обушком. Один топор имеет ромбическую форму с усечённо-коническим обушком (рис. 19: 5). У двух топоров со стороны спинки – продольная хорда (рис. 19: 2, 3). В коллекции имеется заготовка длиннолопастного топора ромбической формы с усечённым обухом, начатой конической сверлиной и намеченной хордой вдоль продольной оси спинки топора (рис. 19: 1). Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки, нижнее течение р. Прони (правый приток р. Оки), среднее течение р. Гусь (левый приток р. Оки), бассейн верховий р. Хупты (правый приток р. Рановы, правый приток р. Прони, правый приток р. Оки). Длина орудий 111 мм, 145–148 мм и 174–193 мм, ширина 43–56 мм, 62–68 мм, ширина лезвия 37–45 мм, 55–57 мм, угол заточки лезвия 57–86°, вес 273–281 г, 745–871 г, диаметр сверлины 13–15, 22–25 мм.

Д.А. Крайнов считал длиннолопастные топоры основной и характерной формой для Верхневолжской группы фатьяновской культуры. Центр распространения таких топоров приходится на Ярославскую, Тверскую и север Московской области; находки в Костромской, Ивановской, Владимирской и Рязанской областях рассматриваются как результат продвижения верхневолжских и московско-клязьминских племён на восток [10, с. 54]. В Среднем Поволжье на территории балановской культуры находки тяготеют к бассейнам Нижней Свияги, Цивиля и Малой Кокшаги [30, с. 7–8; 31, с. 65].

Тип 12. *Топоры с короткой небольшой лопастью-носиком* – 2 экз. (рис. 20: 4, 5). Один из топоров имеет короткий выделенный обушок, другой – ромбической формы с усечённым обухом, сверлина – у середины длины топора. Длина изделий 121–137 мм, ширина 57–58 мм, длина лезвия 44–54 мм, угол заточки лезвия 87°, диаметр сверлины 21–25 мм, вес 404–577 г. Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Цны (левый приток р. Мокши, правый приток р. Оки).

Топор с короткой лопастью-носиком рассматривается как вырождающийся вариант коротколопастной формы. Отдельные экземпляры связаны с юго-западными районами фатьяновской культуры, и совсем не известны такие топоры на памятниках Верхневолжской группы [20, с. 56]. В незначительном количестве они встречаются на Средней Волге на территории Чувашской Республики [30, с. 8].

Тип 16. *Топоры простой формы с втулкой у сверлины* – 9 экз. (рис. 21, 22). Длина большинства изделий 90–123 мм, 151 мм, ширина 46–65 мм, ширина лезвия 39–69 мм, угол заточки лезвия 63–85°, втулки корот-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

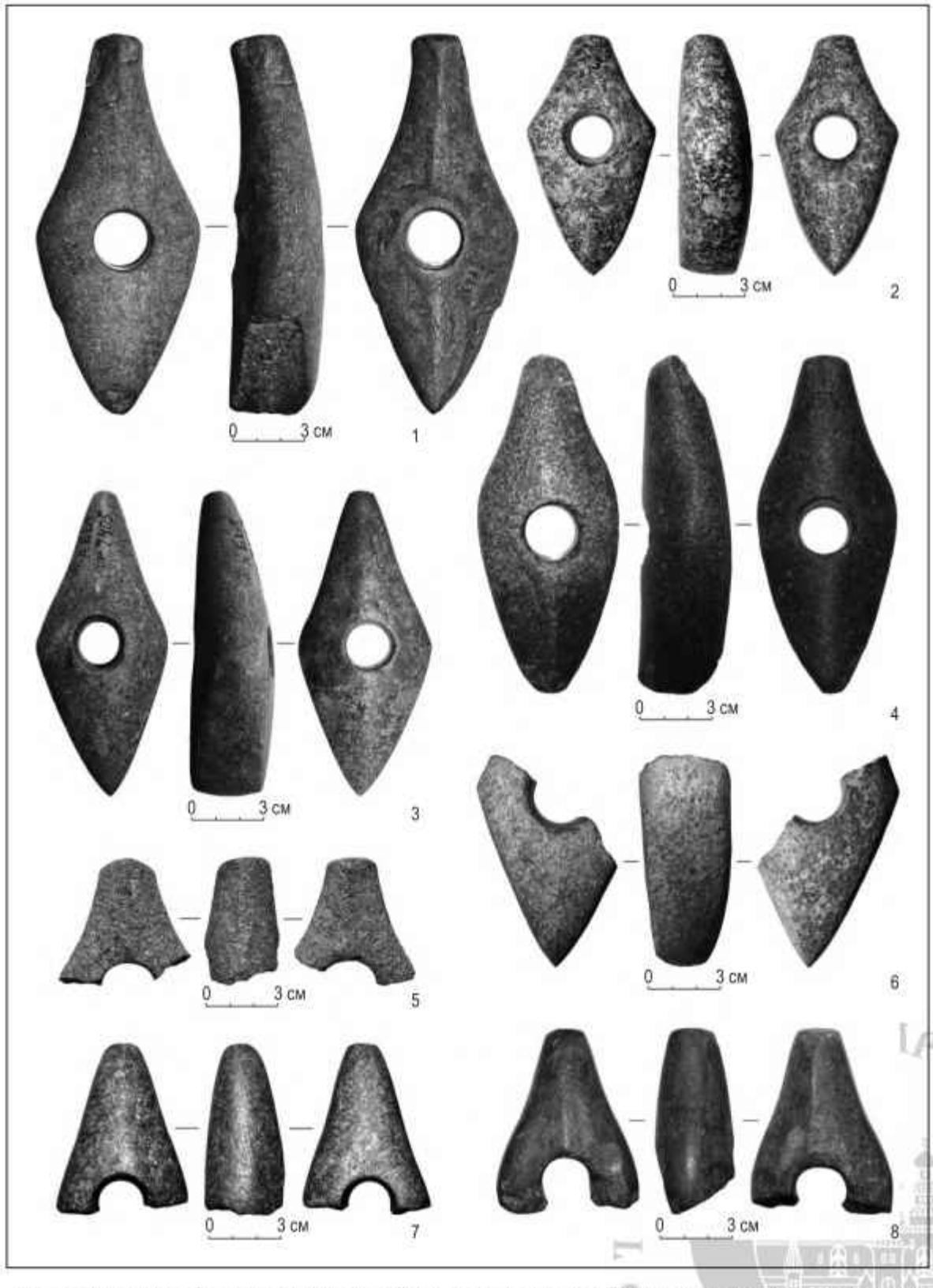

Рис. 17. Каменные сверлёные топоры (тип 6): 1 – д. Плешки (Зарайский район Московской области); 2 – д. Маточкино 2-е (Рязанский район); 3 – с. Подвязье (Рязанский район); 4 – с. Жерновищи (Спасский район); 5 – с. Залипяжье (Старожиловский район); 6–8 – Рязанская область.

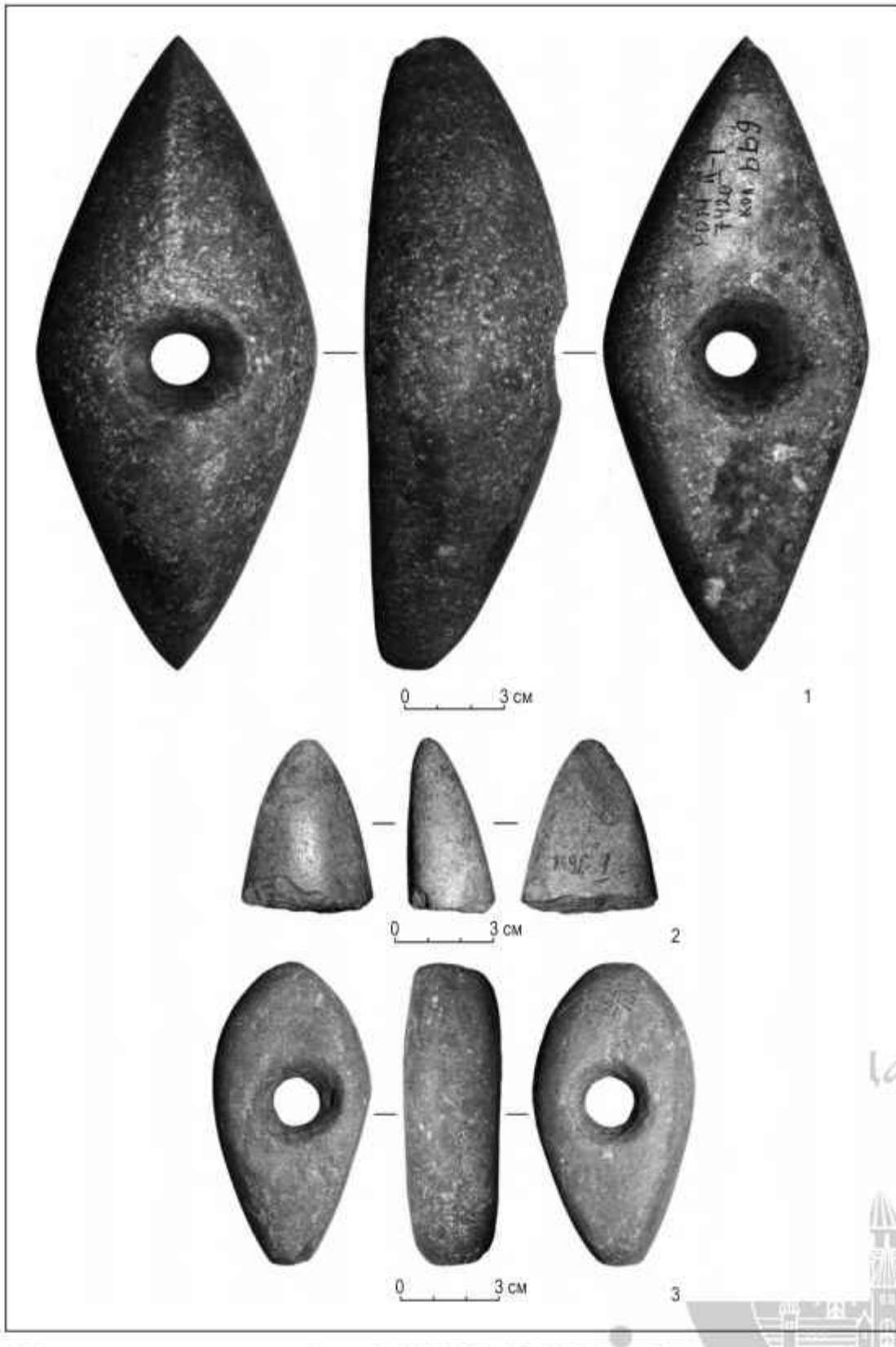

Рис. 18. Каменные сверлёные топоры (типы 9 – №№ 1, 2 и 17 – № 3): 1 – с. Назаровка (Чучковский район); 2 – пос. Борки (г. Рязань); 3 – Шумашь 2 стоянка (Рязанский район)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

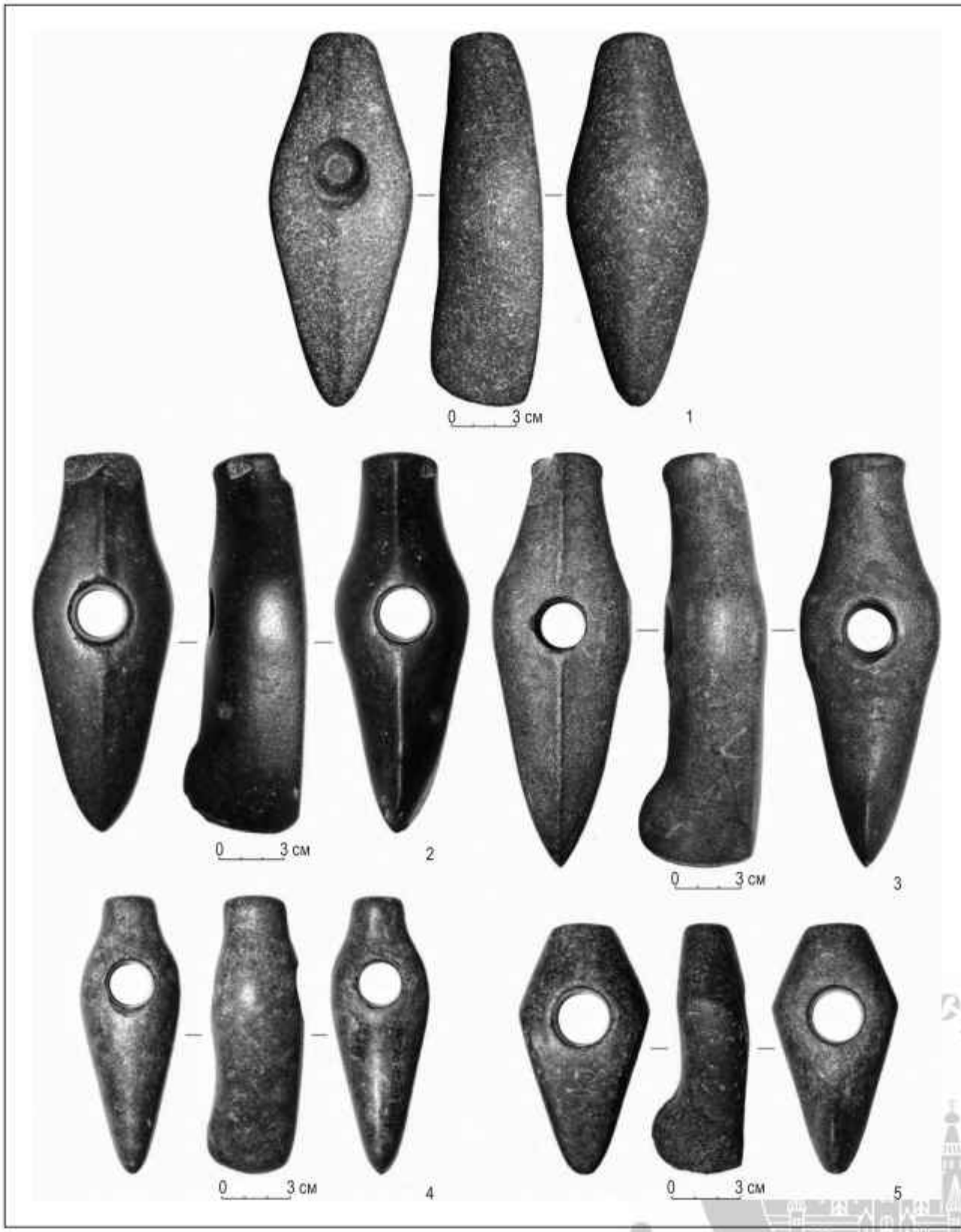

Рис. 19. Каменные сверлёные топоры (тип 10): 1 – Новодеревенский район (Рязанская область); 2 – с. Малое Пирогово (Спасский район); 3, 5 – Рязанская область; 4 – с. Агро-Пустынь (Рязанский район)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

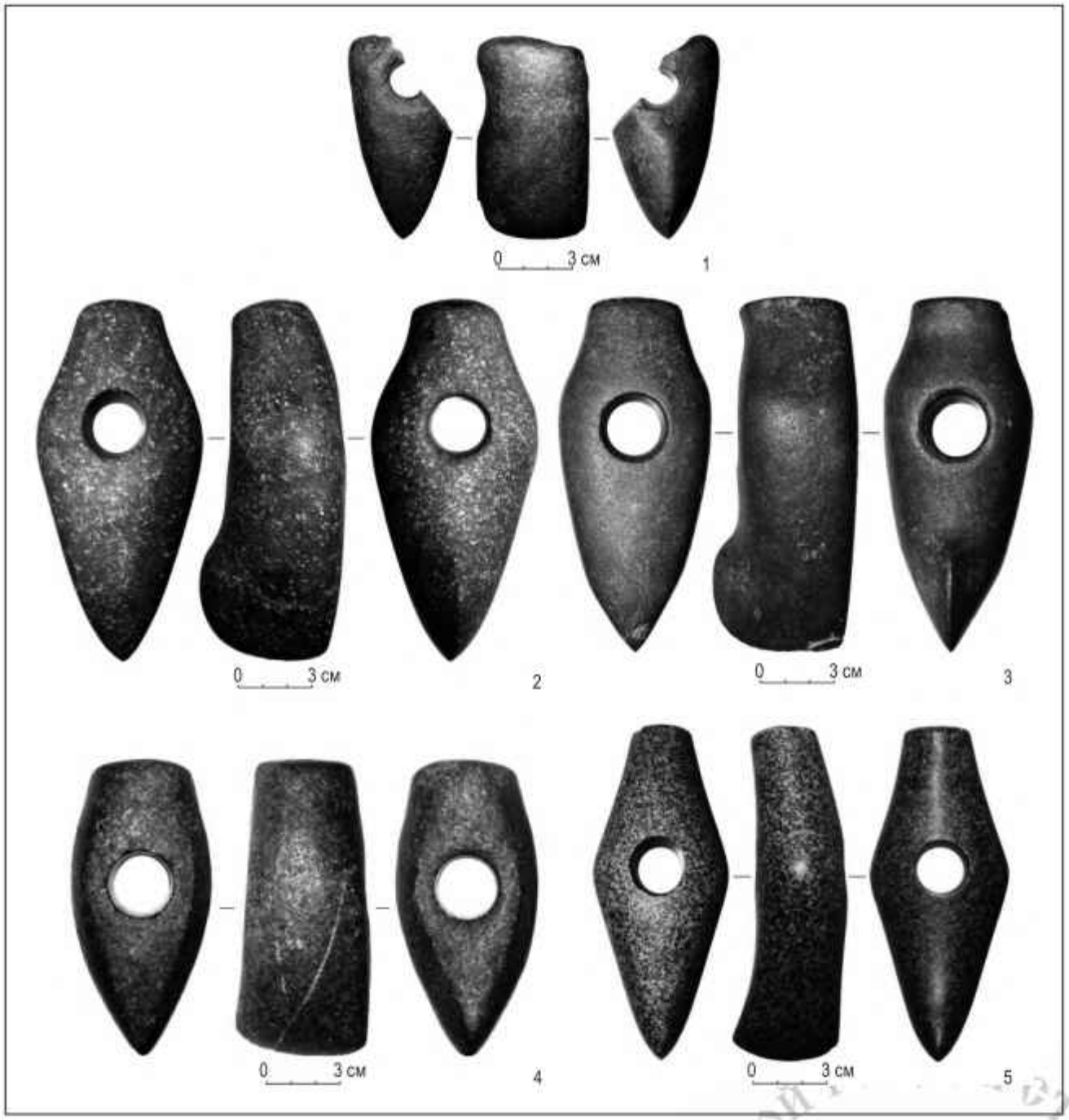

Рис. 20. Каменные сверлёные топоры (типы 10 – №№ 1–3 и 12 – №№ 4, 5): 1, 2, 4 – Рязанская область; 3 – с. Парахино (Гусь-Хрустальный район Владимирской области); 5 – г. Шацк

кие, диаметр сверлины 18–26 мм. При этом два экземпляра резко выделяются своими значительными размерами и весом (рис. 22: 1, 2). Длина одного из них составляет 232 мм, ширина 79 мм, длина лезвия 44 мм, угол заточки лезвия 80°, вес 2427 г (рис. 22: 1). Длина второго топора достигает 251 мм, ширина его 95 мм, длина лезвия 69 мм, угол заточки лезвия составляет 81°, вес равен 2490 г (рис. 22: 2). Гидрография рязанских находок: среднее течение р. Оки, среднее течение р. Прони (правый приток р. Оки), р. Марьинка (левый приток р. Молвы, правый приток р. Прони, правый приток р. Оки).

О.Н. Бадер и А.Х. Халиков считали втульчатые топоры более характерными для балановской культуры, чем для фатьяновской, на территории которой они почти не известны [22, с. 62]. Основная территория нахо-

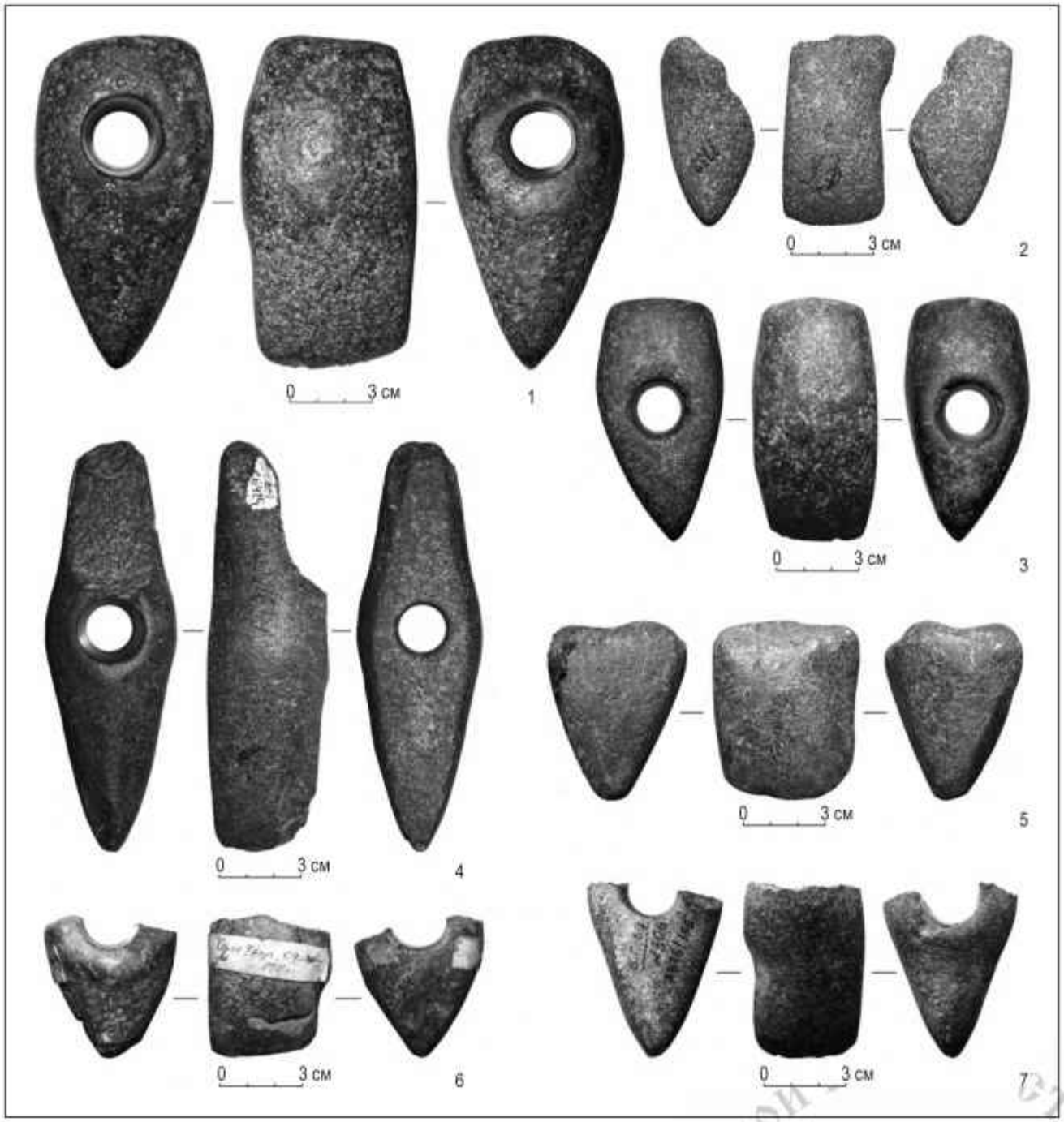

Рис. 21. Каменные сверлёные топоры (тип 16): 1 – Рязанская область; 2 – ур. Фефелов Бор (Рязанский район); 3 – д. Сумбулово (Спасский район); 4 – г. Рязань; 5 – Борковская стоянка (г. Рязань); 6 – с. Ухорь (Кораблинского района); 7 – пгт Пронск

док на Средней Волге – нижнее течение Свияги [30, с. 8]. Топоры с втулкой найдены также на Мокше, Цне [28, с. 56; 29, с. 146] и на Верхнем Дону [26, с. 129, рис. 2: 4–6, с. 131, рис. 4: 3, 6].

Тип 17. *Топоры молотковидной формы с широким тупым лезвием и выпуклым нечётким срезом обушка* – 1 экз. (рис. 18: 3). Длина изделия 93 мм, ширина 49 мм, ширина лезвия 21 мм, диаметр двусторонней конической сверлины 14–24 мм, вес 184 г. Гидрография находки: среднее течение р. Оки. Топор происходит с неолитической стоянки Шумашь 2.

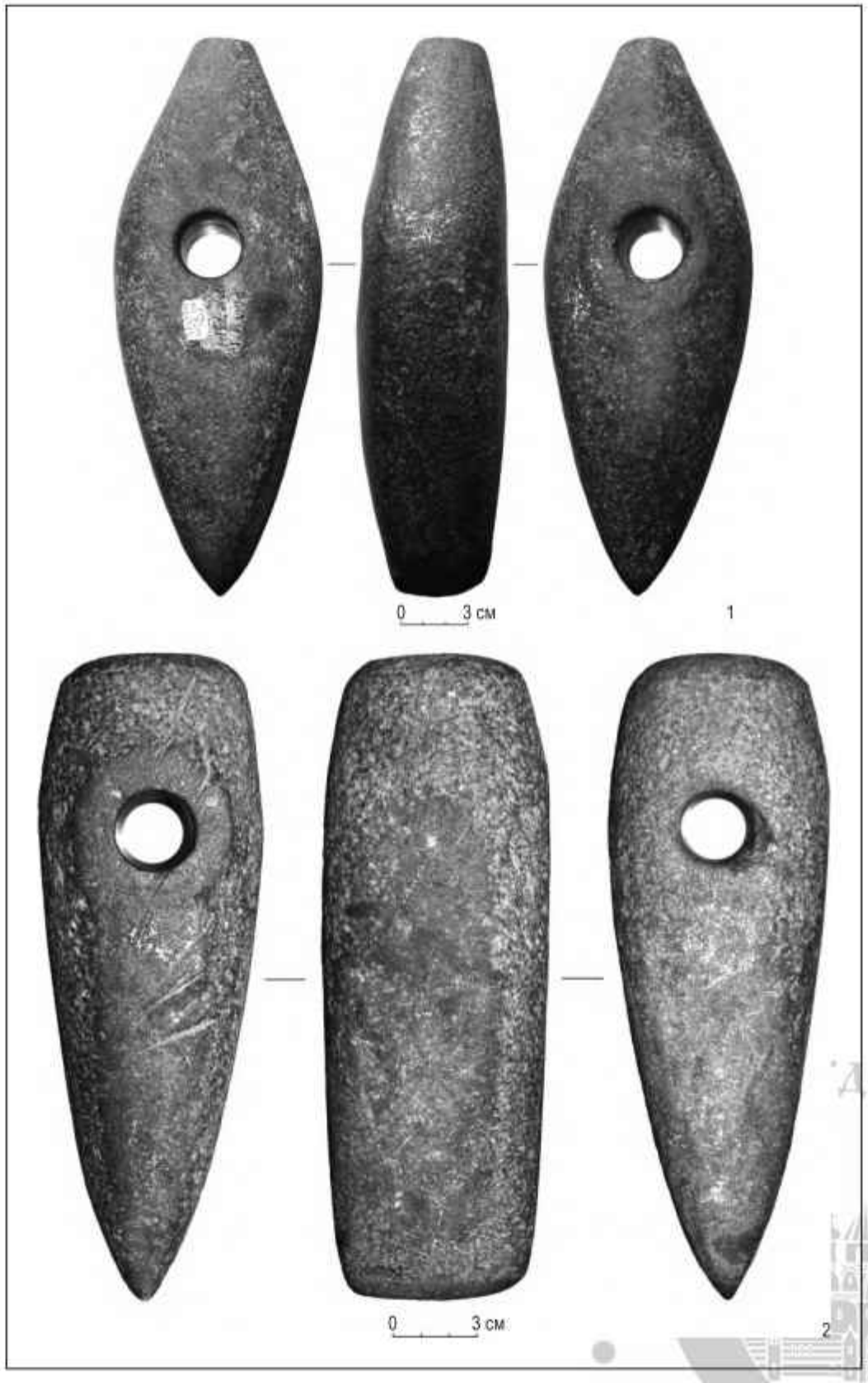

Рис. 22. Каменные сверлёные топоры (тип 16): 1 – с. Чижово (Кораблинский район); 2 – Рязанская область

Государственный объединенный музей

Заключение

Подводя итоги обзора коллекции каменных топоров из собрания Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, приведём некоторые наблюдения.

Картографирование мест находок каменных топоров показало, что подавляющее большинство их концентрируется вдоль главной водной артерии региона – реки Оки и практически по всем её крупным правобережным притокам в зоне распространения серых лесных почв (рис. 1–4). В лесостепной зоне на участках распространения чернозёмов и близких к ним почв топоры почти не встречаются. Нет их и на большей части рязанской Мещёры с болотистыми песчаными почвами в зоне смешанных хвойно-широколиственных лесов, за исключением района Великих озёр. Схожая картина в рязанском Поочье наблюдается и с известными поселениями, а также местонахождениями керамики т. н. фатьяновско-балановской общности. Налицо привязанность памятников этого культурного круга к природной зоне широколиственных лесов.

Наиболее распространёнными типами сверлёных топоров в коллекции являются типы 1, 2, 4, 6, 10 и 16 по классификации О.С. Гадзяцкой. Топоры остальных типов весьма немногочисленны или единичны, а орудия типов 11, 13–15 и 18 (по О.С. Гадзяцкой) в коллекции отсутствуют полностью. Подавляющее большинство имеющихся топоров характерно для культур лесной зоны. Анализируя типологический ряд, можно отметить преобладание орудий, более присущих балановским древностям. Это сверлёные топоры простых форм, втульчатые, клиновидные черешковые топоры, а также клиновидные топоры с перехватом. При этом последние концентрируются в нижнем течении и в приустьевой части р. Пары (рис. 3), клиновидные черешковые топоры тяготеют к участку Оки между 556-м и 699-м км от её устья. Втульчатые топоры сосредоточены в основном в восточной части Рязанской области по Оке и по Проне. Особенность рязанских втульчатых топоров – очень короткая, иногда лишь едва намеченная втулка.

При этом в коллекции имеется серия длиннолопастных топоров, появление которых можно связать со спорадическим проникновением в Среднее Поочье отдельных групп верхневолжских фатьяновцев, для которых тип топоров с длинной лопастью является определяющим.

Вместе с тем следует признать, что анализируемая коллекция из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника является хоть и объёмной, но случайной выборкой, которая не может претендовать на полноту и достаточность отображения общей ситуации по находкам каменных топоров в Среднем Поочье, то есть не отражает реальной картины ни их количества, ни типологического ряда, ни распространения того или иного типа орудий. Для решения этих вопросов потребуется работа по выявлению, научному описанию и систематизации каменных топоров, хранящихся в других государственных, муниципальных, народных и школьных музеях Рязанской области, и сведение их в единый реестр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Каталог предметов каменного века в Рязанском музее, 1900 г. // НА РИАМЗ. № 57.
2. *Локтюшев С.А.* Археологическая экскурсия в село Парахино Касимовского уезда. 1916 год // Этнологический архив общества исследователей Рязанского края. Книга X // НА РИАМЗ. № 240.
3. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического Музея Имени Императора Александра III за 1914 г. М.: Синодальная типография, 1915.
4. *Локтюшев С.А.* Каменный период в Рязанской губернии. Доисторический очерк. Рязань, 1916.
5. Рязанский государственный областной музей. Путеводитель. Составлен научным персоналом музея. Рязань, 1926.
6. *Лебедева И.Н.* Инвентарная опись археологического отдела, 1922 г. // НА РИАМЗ. № 127.
7. *Бадер О.Н.* К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла // Вестник древней истории. 1939. № 3.
8. *Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. М., 1963. (САИ. Вып. В1-19)
9. *Брюсов А.Я., Зимина М.П.* Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР. М., 1966. (САИ. Вып. В4-4)
10. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.). М.: Изд-во АН СССР, 1972.
11. *Челяпов В.П., Вячин А.А.* Археологические памятники эпохи бронзы на территории Рязанской области. Рязань, 1993.
12. *Челяпов В.П., Иванов Д.А.* Находки каменных топоров на территории Рязанской области // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.
13. *Челяпов В.П., Иванов Д.А.* Фатьяновско-балановские древности в Рязанском Поочье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
14. *Завьялов В.И.* Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2010 г. Т. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3976.
15. *Завьялов В.И.* Отчет об археологических исследованиях в кремле Переяславля Рязанского и на поселении Истье 2 Старожиловского района Рязанской области в 2012 г. Т. 2 // Архив ИА РАН. Р-1. № 24548.
16. *Завьялов В.И.* Отчет об археологических исследованиях в Кремле Переяславля Рязанского (г. Рязань) в 2016 г. Т. 2 // Архив ИА РАН. Р-1.
17. Археологические исследования Переяславля Рязанского / *В.И. Завьялов, О.А. Фатюнина, В.В. Судаков, Д.А. Иванов* // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк; Воронеж: Новый взгляд, 2017.
18. *Фатюнина О.А.* Отчет об археологических разведках на территории Рыбновского района Рязанской области в 2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
19. *Иванов Д.А.* Отчет об археологических разведках на территории Рыбновского района Рязанской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
20. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-Горьковская группа. М., 1976. (САИ. Вып. В1-21)

21. *Рнер Я.Г.* Каменные топоры эпохи бронзы из Могилевского Поднепровья // СА. 1975. № 3.
22. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры. М., 1976. (САИ. Вып. В1-25)
23. *Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 308–323.
24. *Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. М., 1964. (САИ. Вып. В1-20)
25. *Екимов Ю.Г.* Фатьяновские топоры на правобережье Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Тезисы докладов VII конференции 17–18 апреля 1997 г. Калуга, 1998.
26. *Чивилев В.А.* Каменные топоры и другие сверленые орудия на верхнем Дону // РА. 2000. № 2.
27. *Соловьев Б.С.* Каменные орудия балановской культуры Марийского Предволжья // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 368 с.
28. *Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.
29. Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. Саранск, 2008.
30. Каменные топоры балановской культуры (Чувашская республика) / *Б.С. Соловьев, К. Карпелан, С.В. Кузьминых, Е.П. Михайлов.* Чебоксары, 2014. 102 с. [электронный ресурс].
31. *Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В.* Каменные сверленые топоры Марийского Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья: сборник статей. Вып. 6. Йошкар-Ола: Мар. Гос. Ун-т; МарНИИЯЛИ, 2012.

ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», Рязань

D.A. Ivanov

THE STONE AXES FROM THE COLLECTION OF RYAZAN' HISTORICAL AND ARCHITECTURAL MUSEUM-RESERVE

Summary

The stone axe is one of the main and oldest tools of labor, being at the same time a tool, a weapon and a symbol of power.

This work is an overview of all the stone axes stored in the collection of the Ryazan' Historical and Architectural Museum-Reserve, an important archaeological source for the study of the stone and paleometallic periods, primarily for the Middle Pooch'ye and the entire Volga-Oka interfluve.

The article contains the history of the formation of the collection, a description and basic characteristics are given separately according to the varieties and typology of stone axes with links of each group to the water objects of the hydrographic network of the Ryazan' region.

Mapping of the sites of finds of stone axes has shown that the vast majority of them are concentrated along the main waterway of the region – the Oka River and along all its major right-bank tributaries in the area of gray forest soils. Among the drilled axes, the types characteristic of the Balanov antiquities predominate, a small proportion are axes that belong primarily to bearers of the Upper Volga Fatyanovo Culture.

Ryazan' Historical and Architectural Museum-Reserve,
15, Kremlin, Ryazan', 390000, Russia
E-mail: ivanov-ryazan@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Д.А. Иванов

КОМПЛЕКС МАТЕРИАЛОВ ФАТЬЯНОВСКО-БАЛАНОВСКОЙ ОБЩНОСТИ С ПОСЕЛЕНИЯ ГЛЕБОВО-ГОРОДИЩЕ 11 НА РЕКЕ ВОЖЕ

Настоящая публикация вводит в научный оборот комплекс материалов т. н. фатьяновско-балановской культурно-исторической общности с поселения Глебово-Городище 11, расположенного в среднем течении р. Вожи (правого притока р. Оки). Собрание находок состоит из фрагментов глиняной посуды, каменных орудий и отходов их производства.

Анализ керамической коллекции позволил выделить две основные рецептуры формовочных масс сосудов: с использованием добавок шамота и с использованием дресвы, при этом последняя является преобладающей. Форма и орнаментация сосудов находят широкие аналогии среди атликасинских древностей Среднего Поволжья. Отмечается высокий процент крупной неорнаментированной посуды. Кремнёвый инвентарь состоит из наконечника стрелы треугольно-черешковой формы, скребка, скобелей, нескольких невыразительных орудий и сколов и отщепов. Для изучения хозяйственной деятельности интересны фрагменты каменных шлифовальных плит и пест-тёрочник.

Предположительно поселение Глебово-Городище 11 можно включить в круг памятников, которые могут являться подосновой складывания средневолжских балановско-атликасинских древностей.

DOI: 10.70203/3955.2024.54.98.020

Вплоть до конца XX в. вопрос о поселенческих памятниках фатьяновско-балановских племён на территории Среднего Поочья оставался открытым. Признавая наличие находок каменных топоров и местонахождений керамики, исследователями отмечался факт отсутствия каких-либо достоверных данных о фатьяновских поселениях на большей части этой территории и даже делался вывод, что долина реки Оки в своём нижнем и среднем течении фатьяновским племенам не принадлежала [1, с. 87].

Однако работы последних лет заметно пополнили источниковедческую базу для изучения этого вопроса, что позволило существенно расширить и скорректировать наши представления о фатьяновско-балановских древностях на Средней Оке. При этом следует обратить внимание, что выявляется всё больше новых поселений и местонахождений, которые располагаются не в самой долине Оки, а на некотором отдалении от неё, в бассейнах её крупных правобережных притоков в зонах светло-серых, серых и тёмно-серых лесных почв.

В настоящей публикации приводится комплекс материалов с одного из таких недавно обнаруженных поселений. По своему объёму и составу представляемая коллекция артефактов является самой многочисленной и представительной среди всех фатьяновско-балановских комплексов из рязанского Поочья.

Поселение Глебово-Городище 11 выявлено автором в 2013 г. в ходе археологических разведок, проведённых в среднем течении р. Вожи (правый приток р. Оки) (рис. 1) на территории достопримечательного места «Поле Вожской битвы» и прилегающих к нему участках в Рыбновском районе Рязанской области [2].

Поселение находится в урочище «Ромадинское» в 1,1 км к юго-западу от церкви в с. Глебово-Городище, в 0,5 км к северу от современного русла р. Вожи и в 60 м к северо-западу от мелиоративного канала в пойме реки (рис. 2). В 120–130 м к северо-востоку от поселения расположено устье оврага «Вершок» при впадении его в пойму Вожи.

Памятник занимает очень низкий пологий склон первой надпойменной левобережной террасы долины р. Вожи, практически при переходе её в заливную пойму (рис. 3). Поселение вытянуто вдоль бровки террасы примерно на 270 м, ширина памятника составляет около 100–110 м. Бóльшая часть поселения распахивается, участок вдоль юго-восточной границы залужен и хорошо задернован. Высота поселения от уровня поймы от 1 м в южной и юго-восточной частях до 3 м в северной и северо-западной частях памятника.

Собранный на памятнике археологический материал указывает на то, что его территория несколько раз заселялась людьми в разные исторические периоды, начиная от среднего этапа эпохи бронзы до позднего

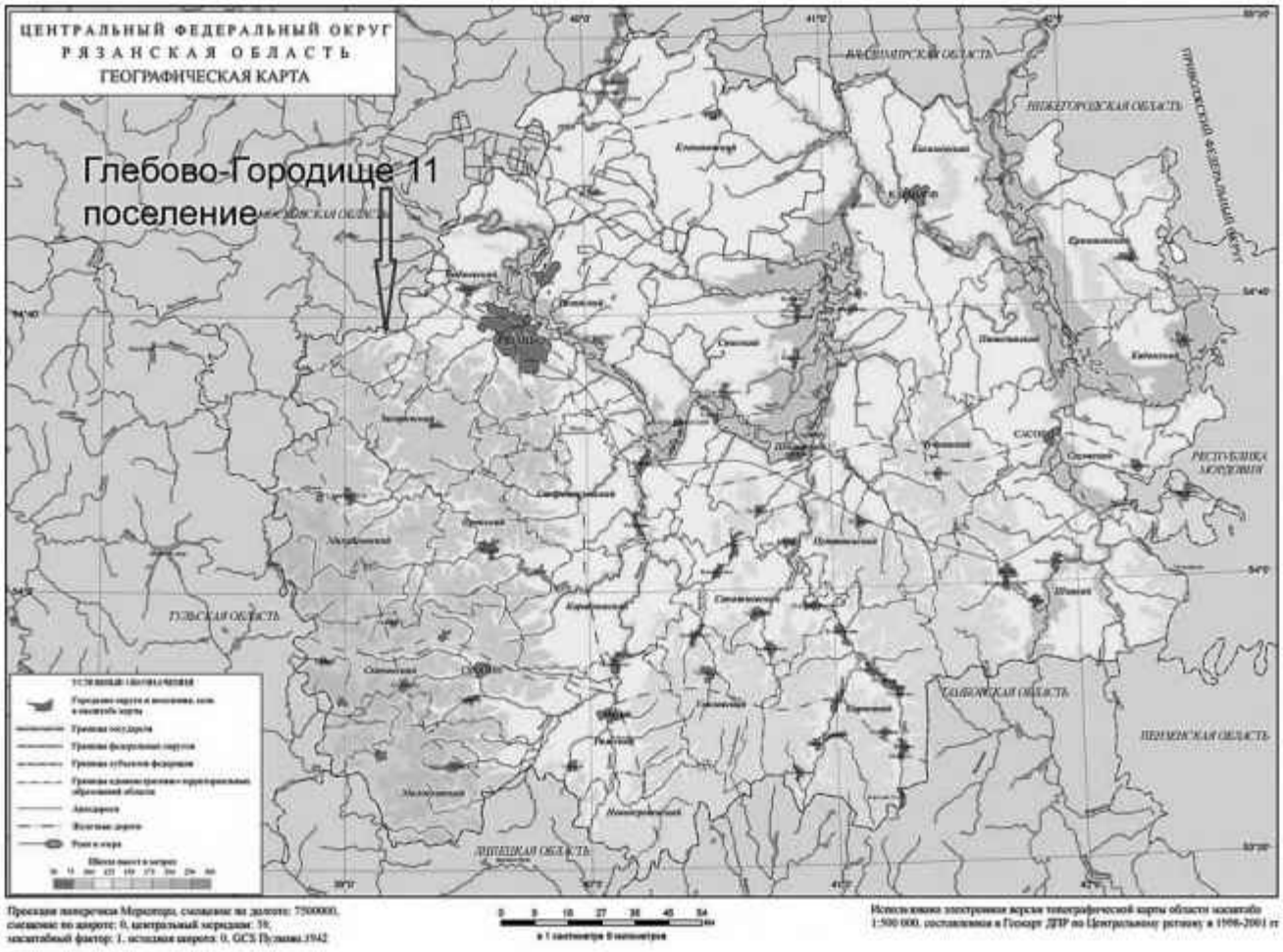

Рис. 1. Карта Рязанской области с указанием местоположения поселения Глебово-Городище 11

Средневековья. Культурный слой поселения представлен двумя горизонтами. Верхняя часть – пахотный серый суглинок мощностью 24–28 см, нижняя – однородный тёмно-серый суглинок мощностью 18–20 см, не тронутый распашкой. Материк – жёлто-коричневый суглинок.

Рассматриваемые в настоящей работе материалы т. н. фатьяновско-балановской общности происходят из сборов в центральной части памятника на участке размерами около 120×60 м. Этот комплекс представлен небольшой серией артефактов из камня и значительным количеством фрагментов лепных сосудов.

Анализ керамической коллекции позволил выделить внутри неё две группы посуды с различными технико-технологическими характеристиками, суть которых заключается в использовании разных рецептов при составлении формовочных масс.

К наибольшей группе относится посуда, в которой как исходное сырьё использовалась ожелезнённая (в редких случаях запесоченная) природная глина, а в качестве искусственных примесей применялась минеральная добавка в виде мелкой или средней дресвы (рис. 4–7). Такая посуда насчитывает 238 фрагментов, что составляет почти две трети (64 %) всей коллекции фатьяновско-балановской керамики.

Внешняя поверхность такой керамики – оранжевого, коричневого, серо-коричневого и красно-коричневого цветов, в изломе – тёмно-серого цвета. Черепки плотные, прочные, из-за обильной примеси дресвы, как правило, шершавые. Однако в ряде случаев поверхность сосудов была хорошо заглажена и залощена. Толщина стенок варьирует в пределах 0,4–0,8 см, реже встречаются фрагменты толщиной 0,9–1,2 см.

По верхним частям и особенностям орнамента выделены не менее 32 сосудов. Все они по типологии Д.А. Крайнова относятся к высокошейным с немного отогнутой наружу в виде раструба шейкой. Сосуды с вертикально расположенной шейкой представлены единичными экземплярами. Край венчика с внешней стороны в подавляющем большинстве имеет бортик в виде плоского валика, полученного путём заворота чернового края наружу либо оформленного простым отгибом наружу под небольшим углом самого края венчика. Шейка венчика – без резких уступов, довольно плавно переходит в покатые широкие плечики и округлое, возможно шаровидное, тулово.

Объединенный музей

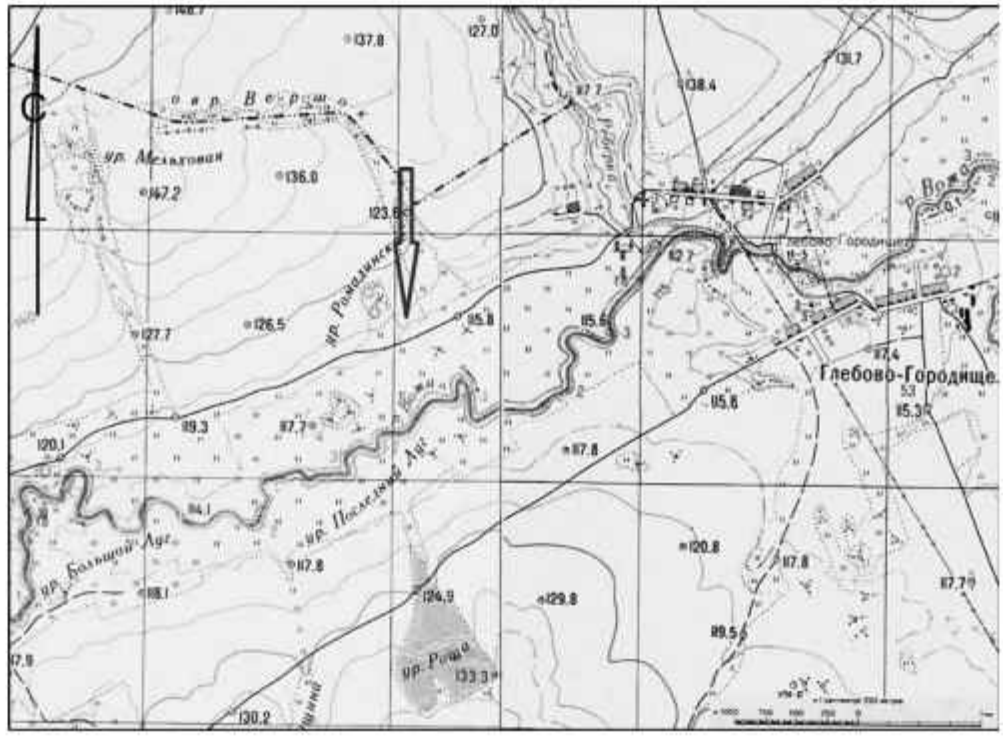

Рис. 2. Ситуационный план расположения поселения Глебово-Городище 11

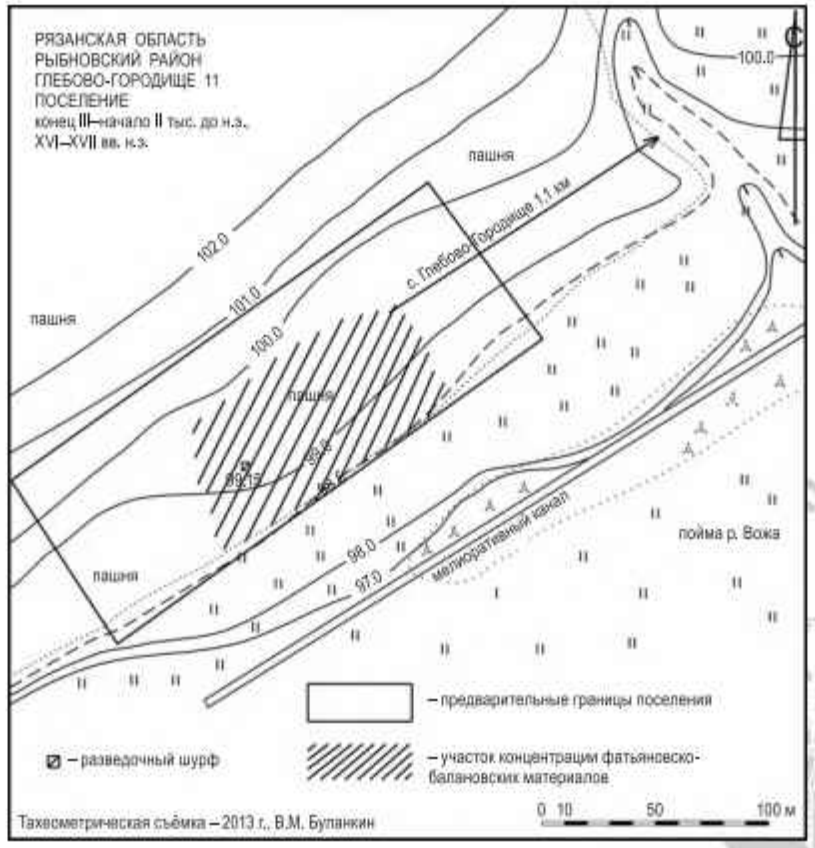

Рис. 3. Топографический план поселения Глебово-Городище 11

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В коллекции имеются также два фрагмента сосудов, где валик расположен не под самым краем, а смещён немного вниз, располагаясь в одном случае почти посередине высоты шейки (рис. 5: 7), в другом – у основания шейки (рис. 6: 3). По объёму сосуды делятся на средние с устьем диаметром от 13 до 18 см и крупные, устья которых достигают 22–26 см, а в одном случае 29 см.

Бо́льшая часть венчиков, а возможно, и вся поверхность сосудов данной группы не имела орнамента. Орнаментированными оказались всего 12 обломков, что составляет около 5 % от всех фрагментов керамики в своей группе. Орнаментальные композиции, как правило, строятся в верхней трети сосудов в виде двух зон, разделённых горизонтальными прочерченными линиями. Верхняя зона занимает полностью шейку сосуда, вторая зона располагается на плечиках и верхней части тулова. Ведущими орнаментальными элементами являются оттиски различных зубчатых штампов и прочерченные линии. Основные мотивы в орнаменте – пояски наклонных или группы переменно-наклонных оттисков зубчатого штампа, заштрихованные треугольники, в одном случае «балановский зигзаг». На одном фрагменте отмечен так называемый метоп в виде двух вертикальных прочерченных линий, спускающихся с плечиков на тулово сосуда, заполненных вертикальной ёлочкой из коротких оттисков зубчатого штампа (рис. 7: 7).

Вторая (меньшая) группа керамики насчитывает 134 фрагмента, что составляет 36 % от всей выборки фатьяновско-балановской керамики, собранной на памятнике. Посуда данной группы изготовлена из ожелезнённых, иногда запесоченных глин с включением в их состав искусственных примесей в виде шамота (рис. 8–10). Внешняя поверхность таких сосудов имеет оттенки коричневого с тонами от серого до красного и оранжевого цвета. В изломе черепок однородного тёмно-серого цвета. Керамика плотная, прочная, иногда очень хорошо заглажена, толщина стенок 4–6 мм, реже 7–8 мм. По особенностям венчиков и орнаментации выделены не менее 30 сосудов, ведущей формой которых являются высокошейные с прямыми немного отогнутыми, реже вертикальными шейками, плавно, без уступов переходящими в покатые плечики и округлое тулово. Край венчика сосудов оформлен в виде валика, сформированного путём заворота чернового края наружу. Один фрагмент венчика сосуда декорирован налепным невысоким округлым валиком, смещённым немного вниз от края (рис. 8: 2). Преобладают сосуды средних размеров с устьем диаметром от 13 до 17 см, но встречаются и крупные экземпляры с устьем диаметром 19–24 см, 26–28 см.

Какая-то часть посуды с примесью шамота была неорнаментированной (рис. 8: 5, 6, 8; 9, 1–3), и процент этот, вероятно, был довольно значительным, поскольку фрагменты с остатками нанесённого на них орнамента насчитывают всего 18 единиц, что составляет 13,4 % от всей керамики в своей группе.

Орнаментальные пояса строятся в виде двух зон (шейка сосуда и плечики), разделённых горизонтальными прочерченными линиями. В орнаменте преобладают элементы, нанесённые зубчатым штампом и прочерчиванием, часто сочетаясь в композициях. Среди орнаментальных мотивов чаще встречаются заполненные треугольники и пояски наклонных оттисков, реже – ромбы, «балановский зигзаг», косая решётка, зигзаг. Два фрагмента украшены вертикальными поясами (метопами), заполненными косыми оттисками зубчатого штампа (рис. 10: 11, 12).

К редким элементам орнамента можно отнести оттиски шнура. Использование шнура в качестве орнаментира отмечено только на одном сосуде, где его оттиски в сочетании с оттисками зубчатого штампа украшал шейку и плечики. Здесь горизонтальные линии из оттисков тонкого шнура подчёркивали основание шейки и налепной валик под краем венчика, тем же шнуром выполнен горизонтальный поясок заполненных треугольников между ними (рис. 9: 7).

Два сосуда из-за их небольших размеров можно отнести к разряду миниатюрных. Один имеет вид баночного неорнаментированного сосудика с устьем диаметром 9 см (рис. 8: 1). Второй – также неорнаментированный сосудик с высокой шейкой, переходящей через небольшой выступ-валик в очень низкое тулово с округлым дном диаметром 5,5 см (рис. 8: 9). Сосуд аналогичной формы, но орнаментированный и значительно больших размеров, имеется в коллекции фатьяновско-балановских материалов, собранных на стоянке Засечье 3 в нижнем течении Прони [3, с. 20, рис. 3].

Коллекция каменных изделий с поселения представлена 18 экземплярами (рис. 11–12). Кремнёвый инвентарь характеризуется сколами, отщепами, иногда с подработкой, и несколькими орудиями, изготовленными преимущественно из качественного кремня коричневых оттенков.

Среди них следует отметить наконечник стрелы, имеющий немного асимметричную треугольно-черешковую форму с выделенными шипами (рис. 11: 2). Наконечник изготовлен на пластинчатом отщепе светло-коричневого цвета и обработан в технике двусторонней отжимной струйной ретуши. Длина сохранившейся части изделия 2,5 см, максимальная ширина 1,4 см. Наиболее близкие по форме и размерам аналоги наконечнику мы находим в материалах Истринского могильника Московско-Клязьминской группы фатьяновской культуры [4, с. 69, рис. 26: 1] и в инвентаре фатьяновского погребения на стоянке Понюшенка в подмосковной Мещёре [5, с. 126, рис. 8: *3*, *4*]. В Среднем Поволжье подобные наконечники часто встречаются с атликасинскими комплексами [6, с. 251, рис. 66, *1*; с. 254, рис. 69, *1–4*] и в материалах чирковской культуры [7, с. 366, рис. 80, *1–7*; с. 369, рис. 83, *10*, *11*].

Коллекцию кремнёвых изделий дополняют крупный концевой скребок с округлой, несколько скошенной вбок рабочей поверхностью (рис. 11: 1), нож на крупном отщепе с одним прямым коротким лезвием (рис. 11: 7) и скобели с вогнутым рабочим краем (рис. 11: 4, 5). Ещё два отщепа имели небольшие ретушированные участки и, вероятно, также использовались как орудия (рис. 11: 3, 6).

Для изучения хозяйственной деятельности интересен крупный фрагмент гранитной шлифовальной плиты с прямой плоской зашлифованной рабочей поверхностью (рис. 12: 2). В качестве шлифовального камня,

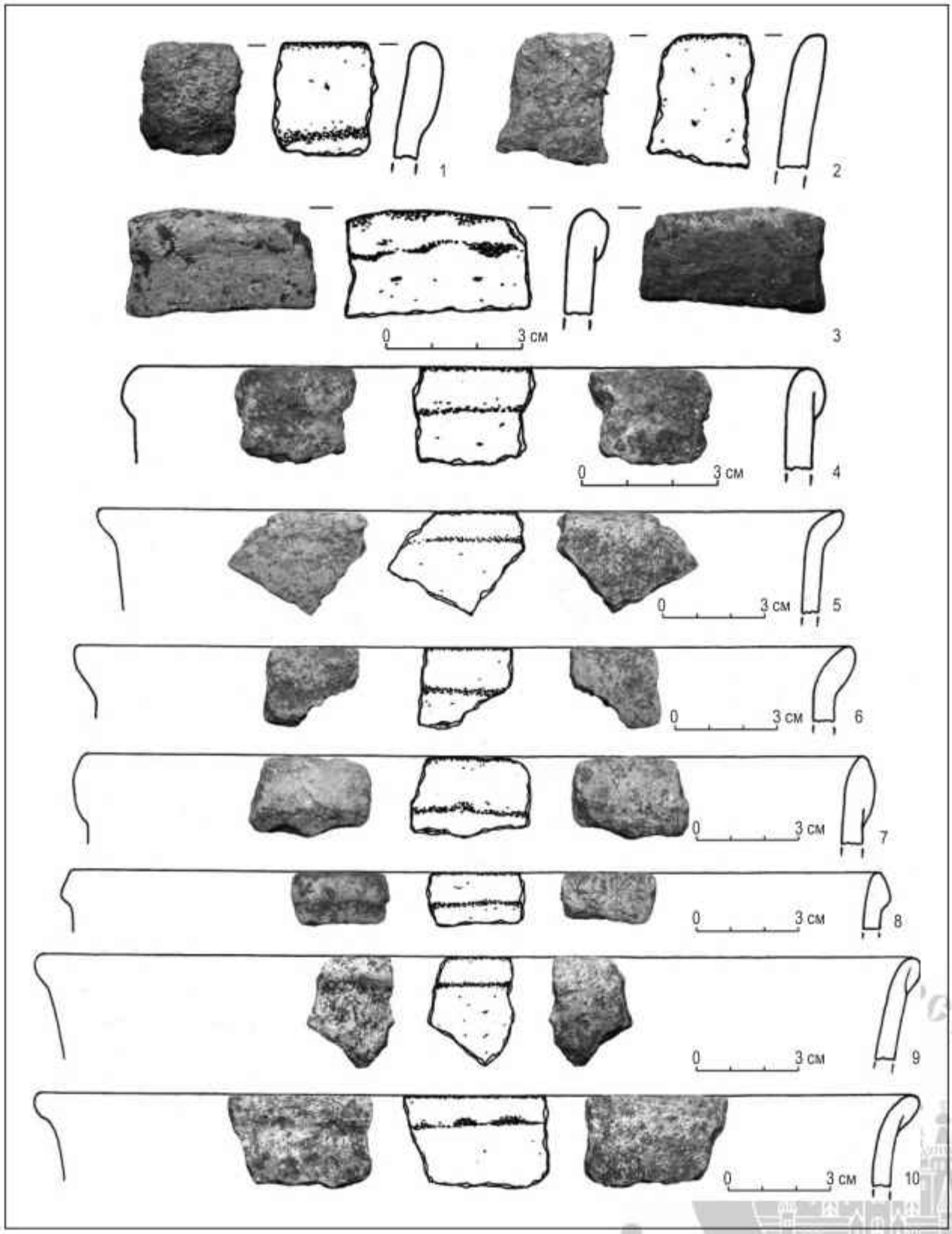

Рис. 4. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты и реконструкции частей фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью дресвы

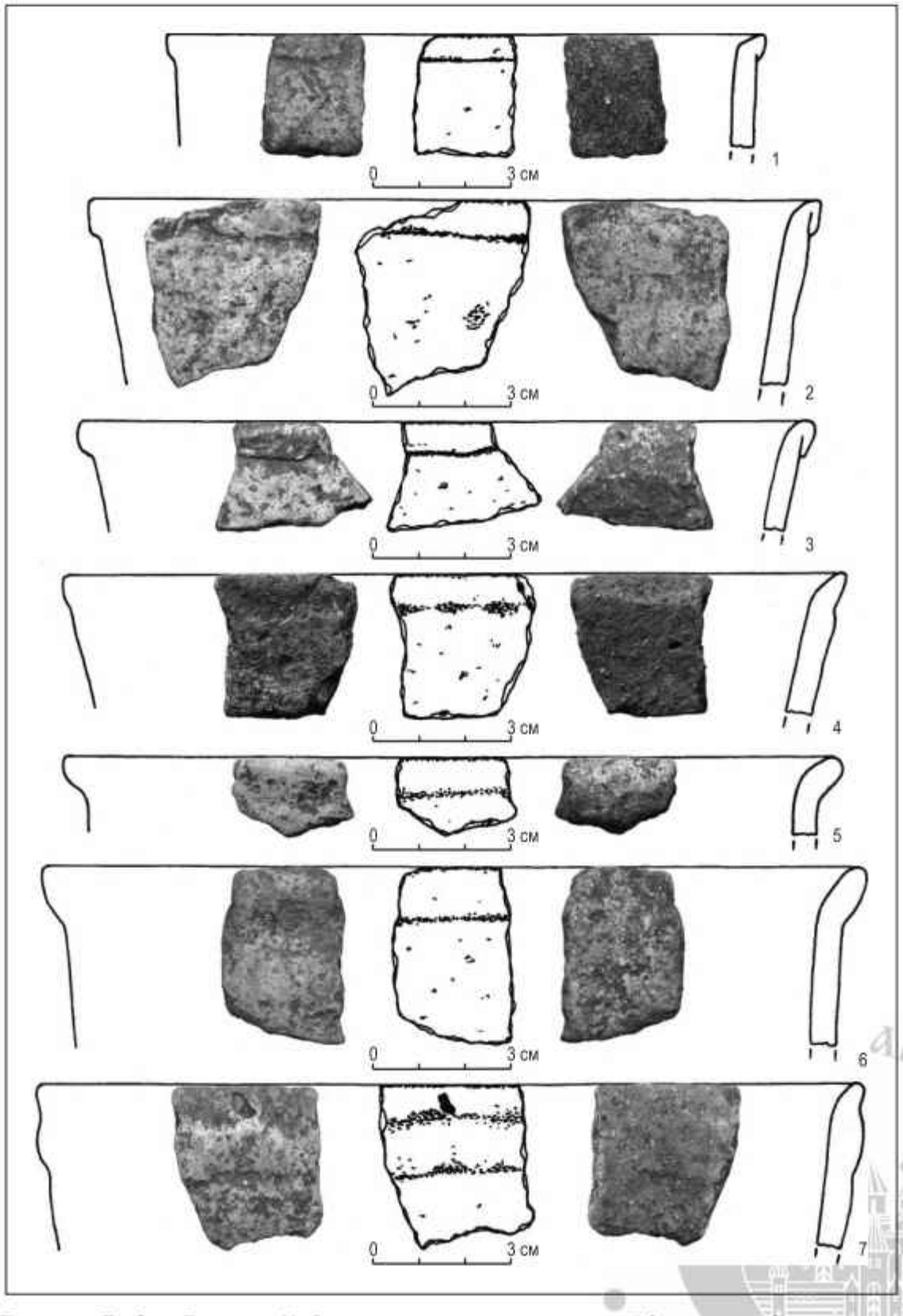

Рис. 5. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты и реконструкции частей фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью дресвы

ДРЕВНЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

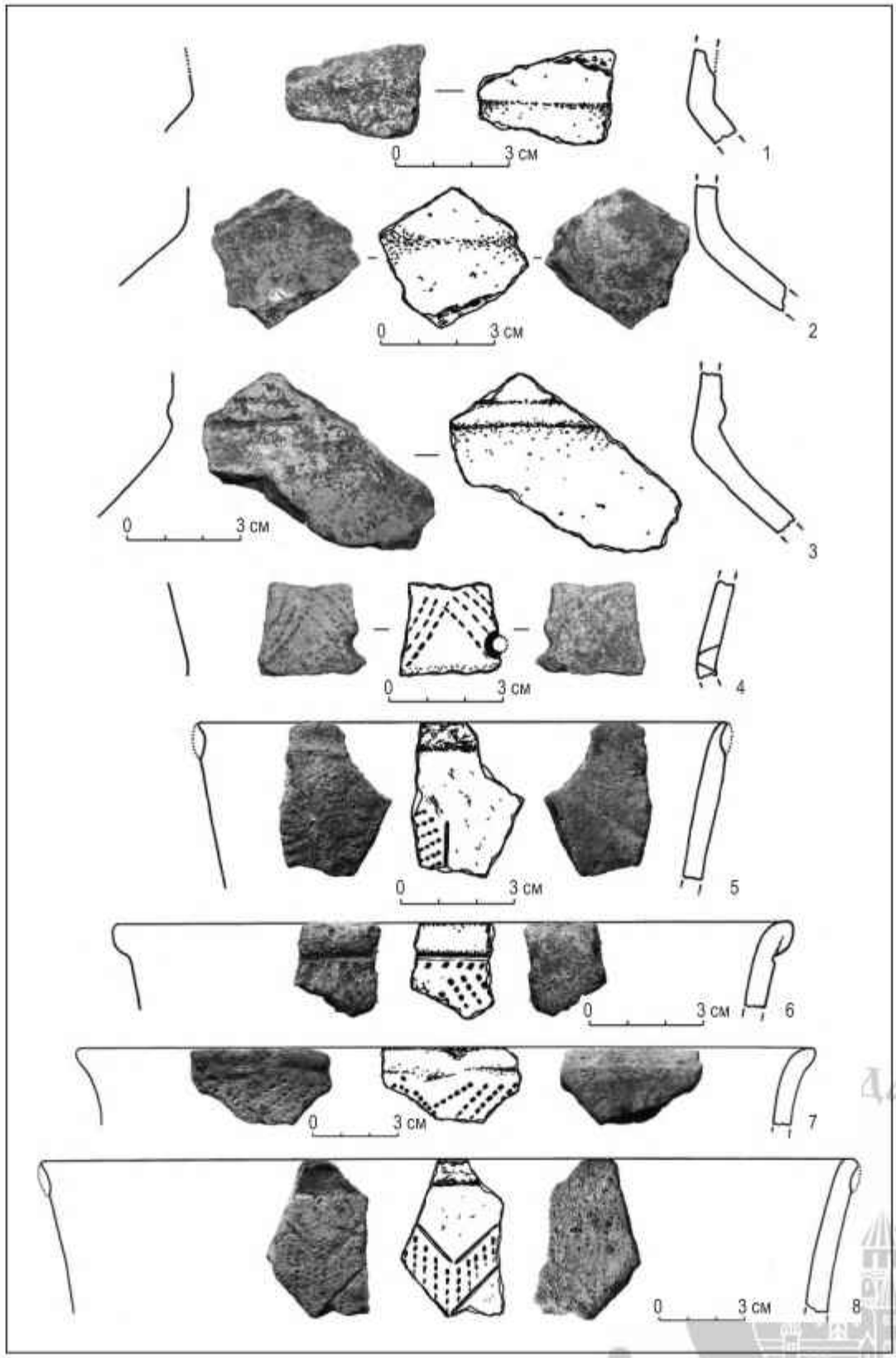

Рис. 6. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты и реконструкции частей фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью дресвы

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

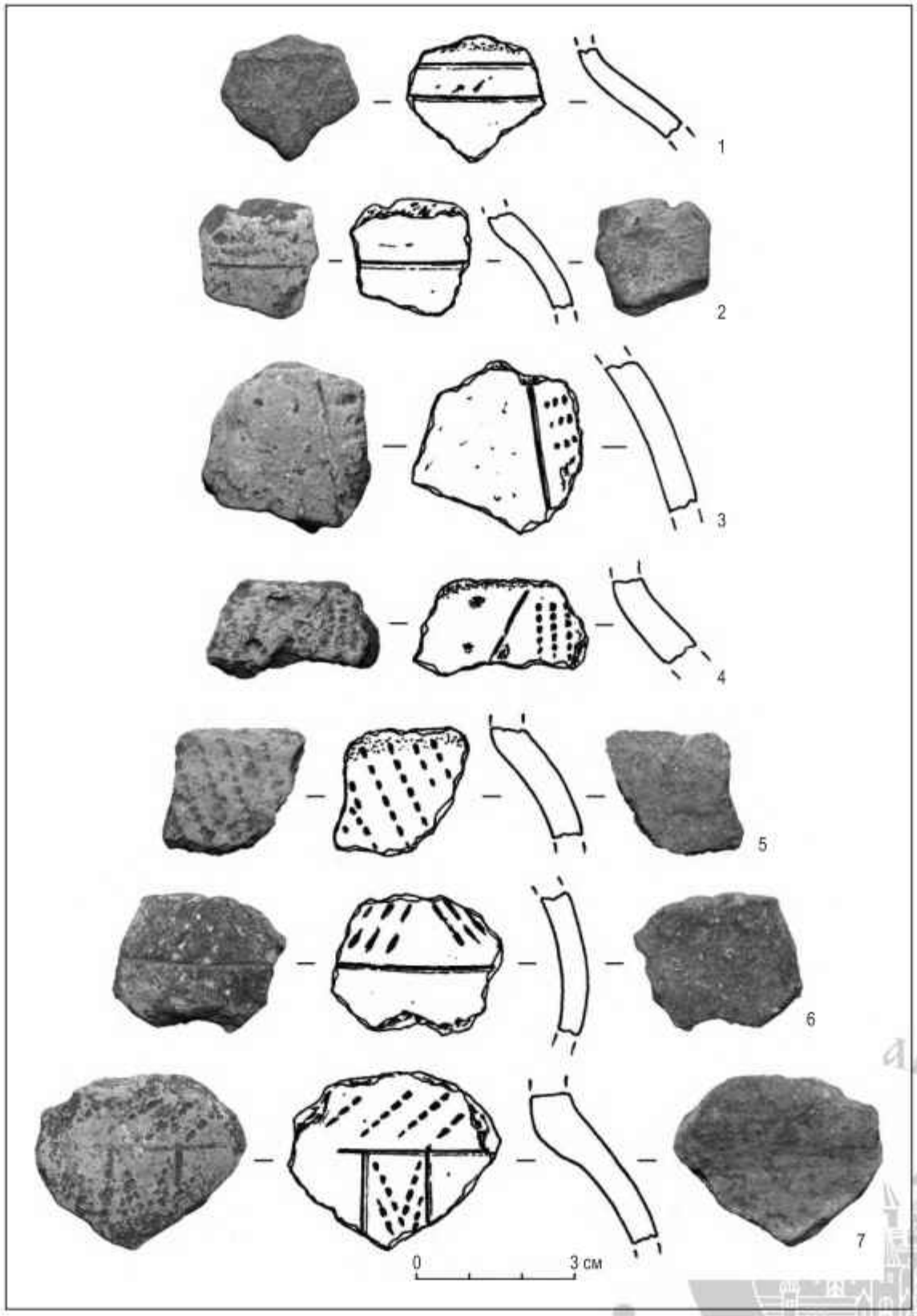

Рис. 7. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью дресвы

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕСТВЕННЫЙ

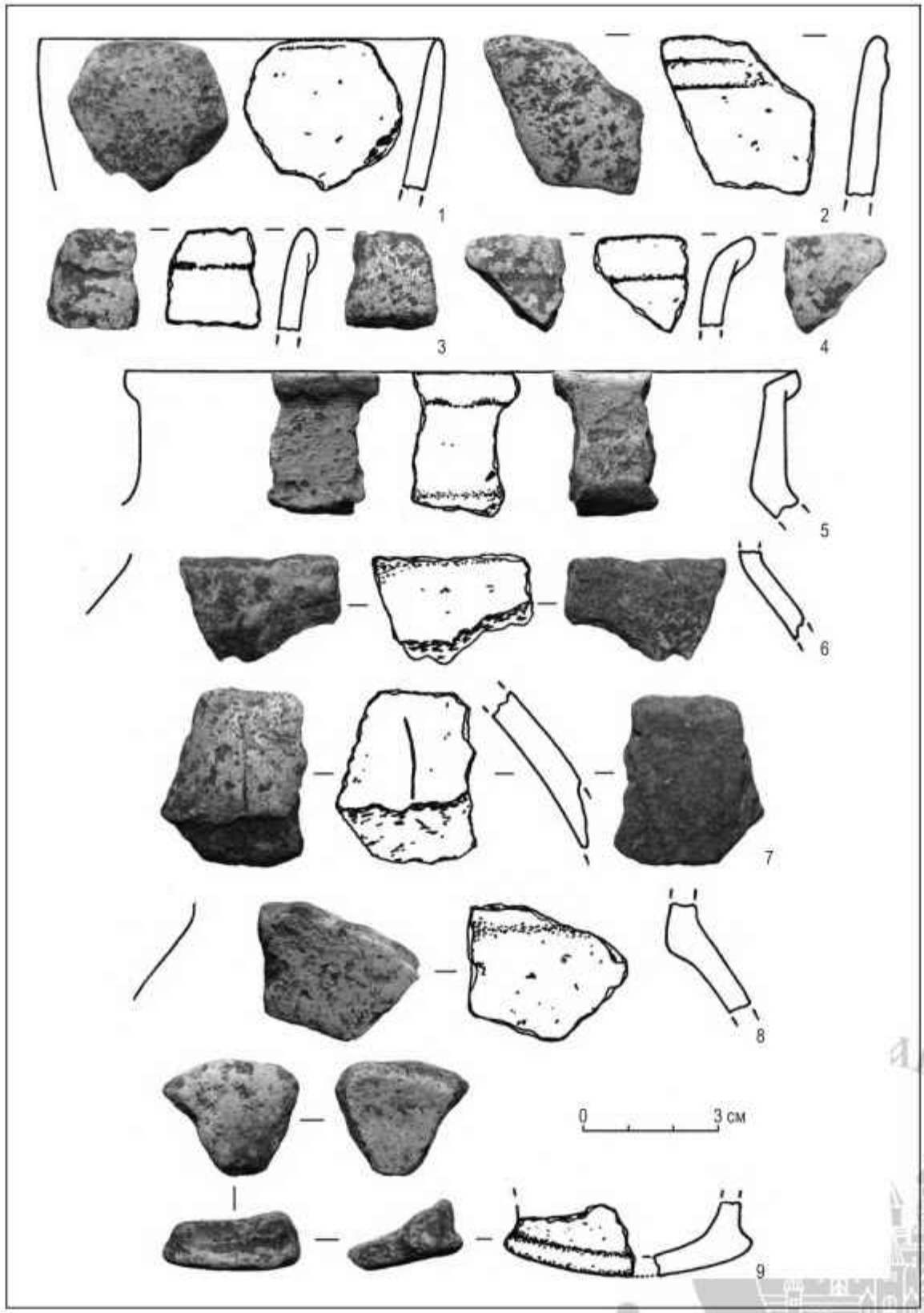

Рис. 8. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты и реконструкции частей фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью шамота

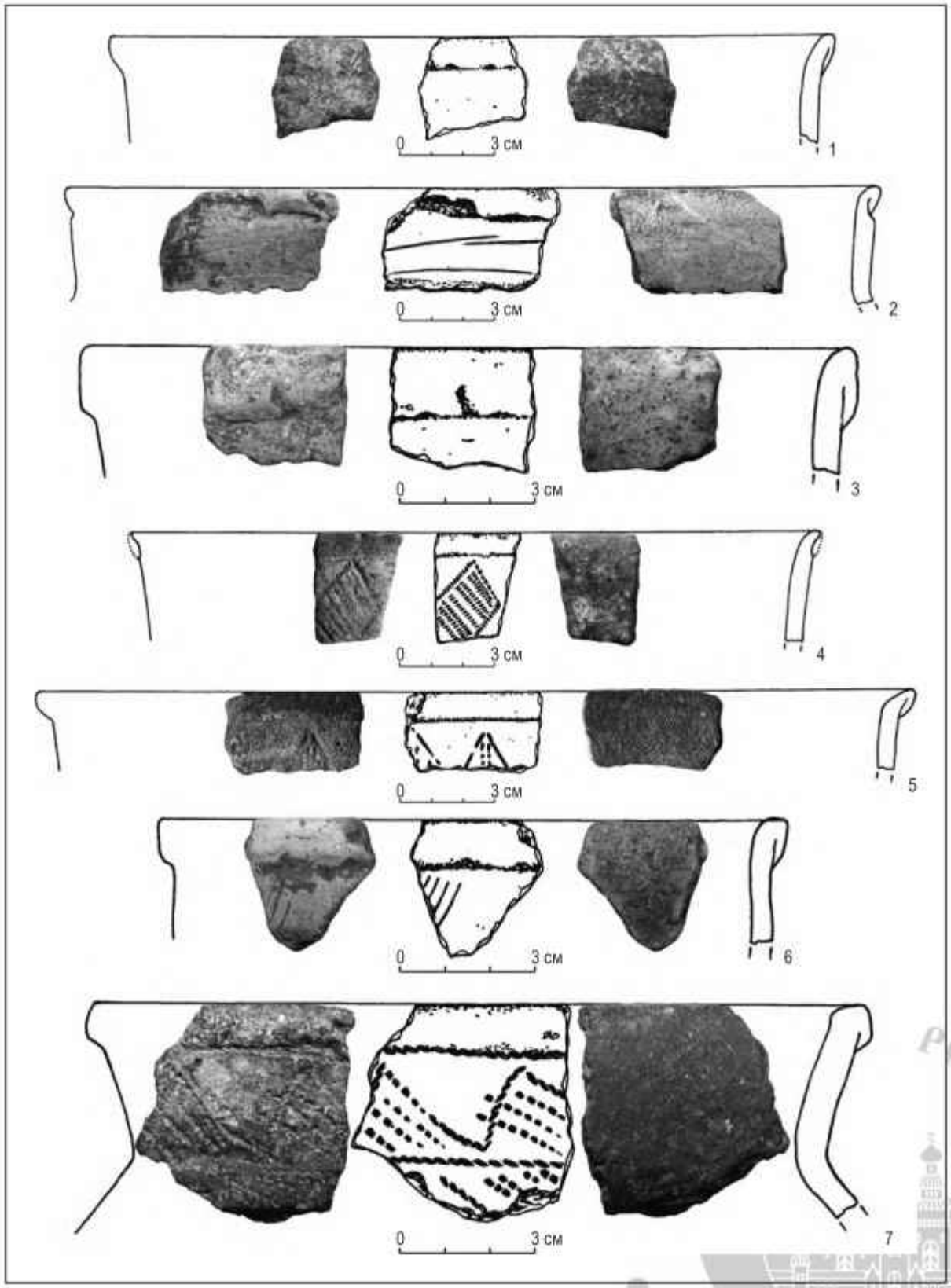

Рис. 9. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты и реконструкции частей фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью шамота

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

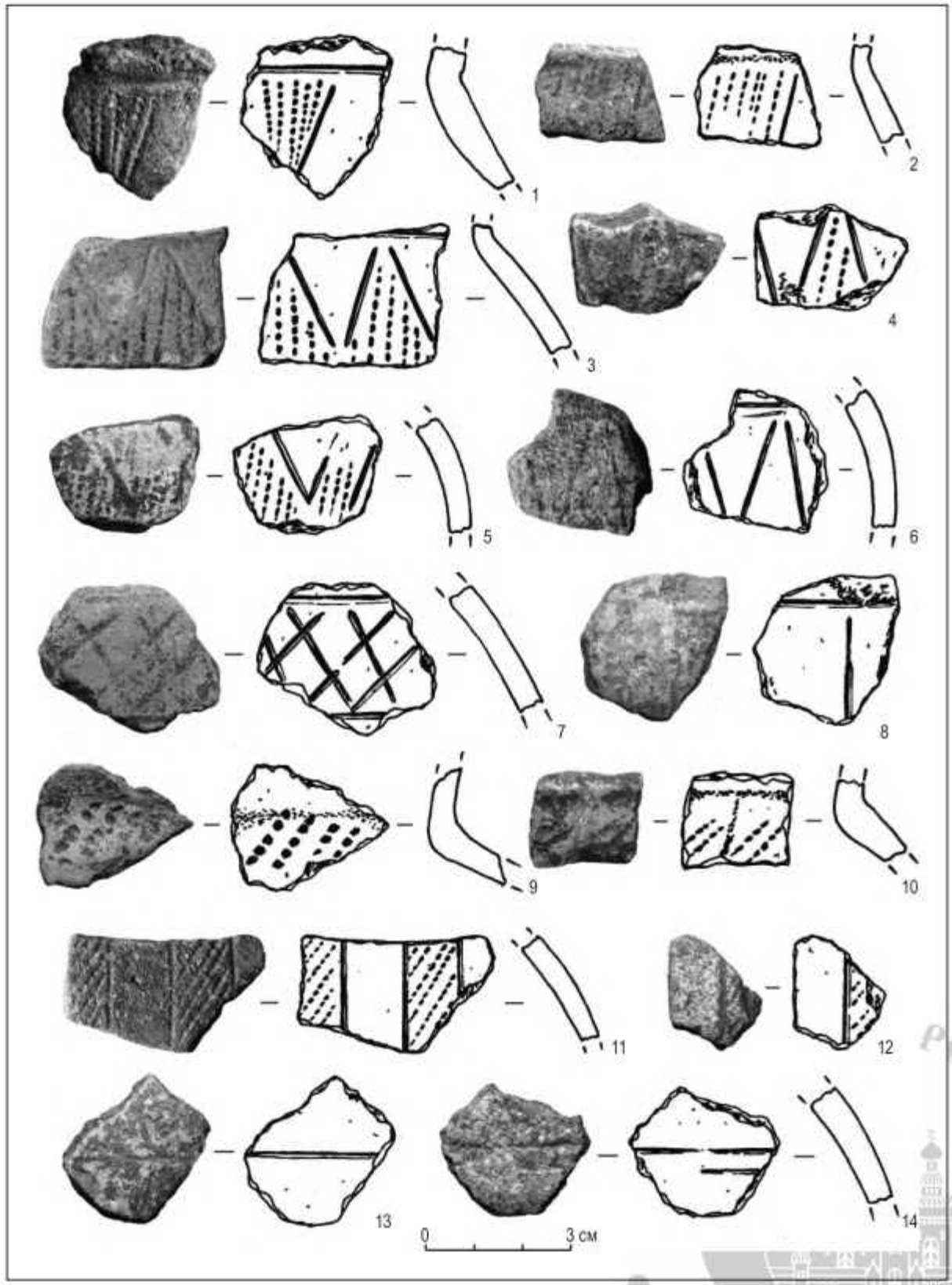

Рис. 10. Поселение Глебово-Городище 11. Фрагменты фатьяновско-балановских сосудов, изготовленных с примесью шамота

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

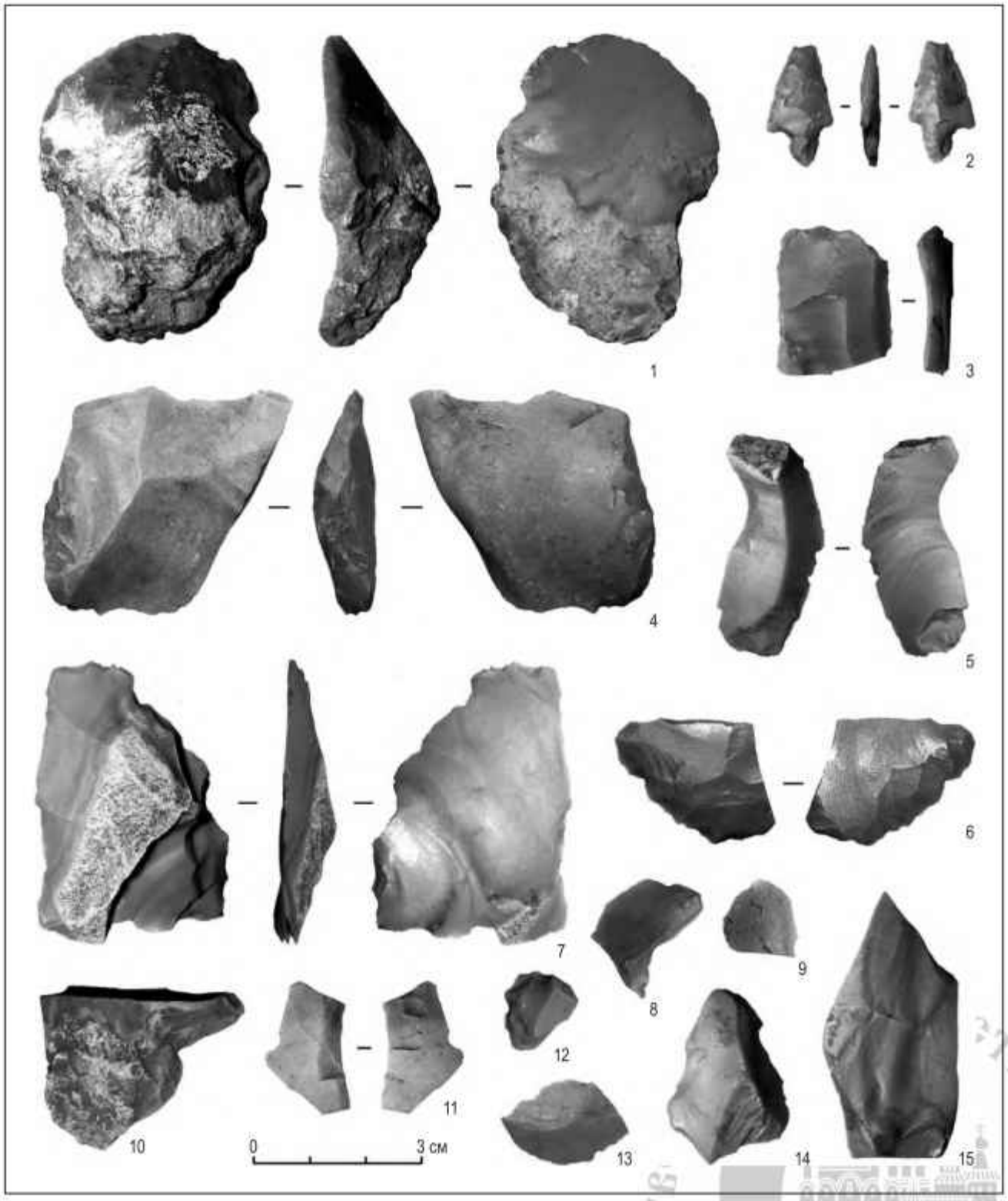

Рис. 11. Поселение Глебово-Городище 11. Изделия из кремня: 1 – скребок; 2 – наконечник стрелы; 3, 6 – отщепы с подработкой; 4, 5 – скобели; 7 – нож (?); 8–15 – отщепы без обработки

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

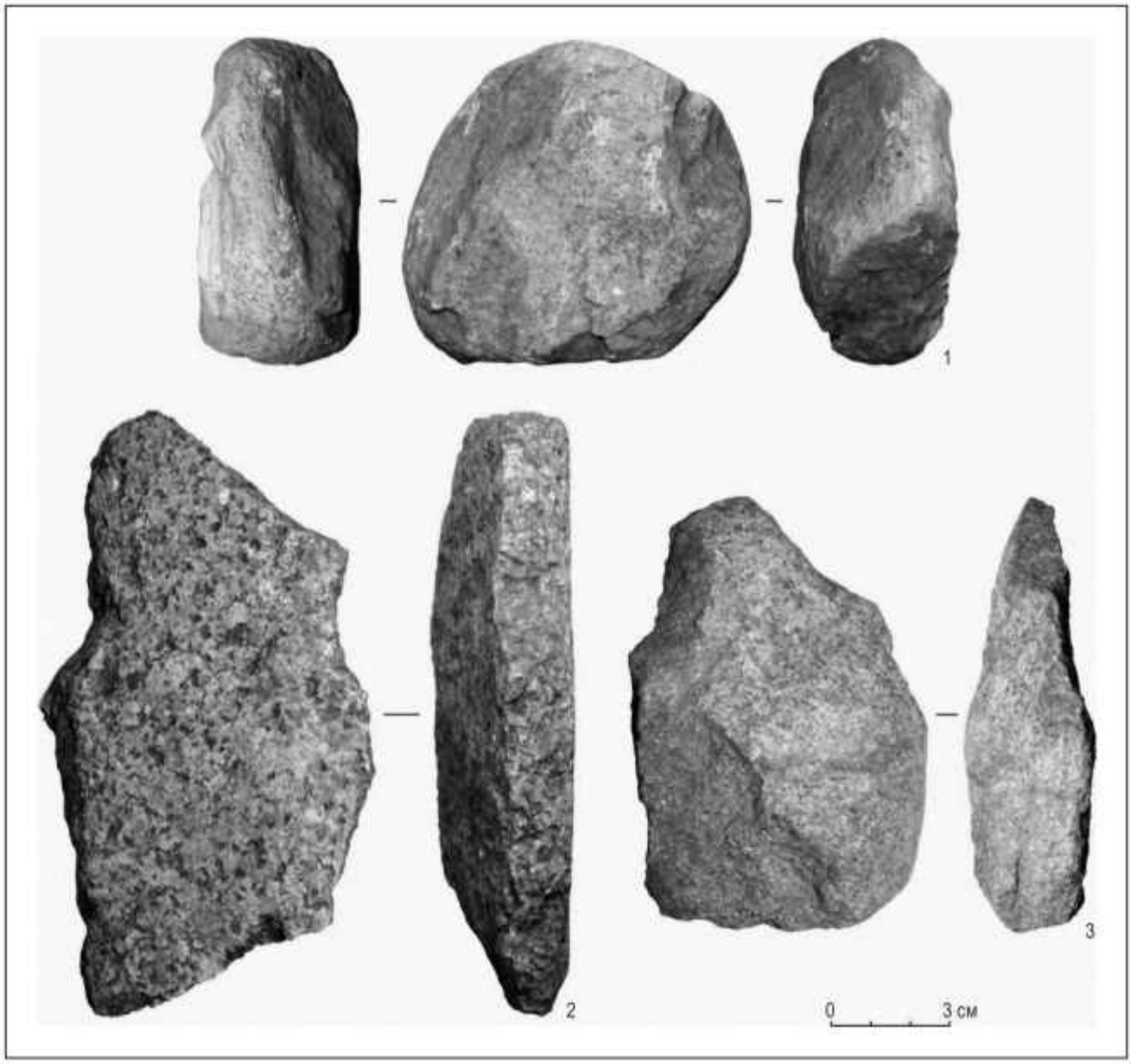

Рис. 12. Поселение Глебово-Городище 11. Изделия из камня: 1 – пест-тёрочник; 2 – шлифовальная плита; 3 – шлифовальный камень

вероятно, также использовался и крупный гранитный скол с одной пришлифованной неровной слабовыгнутой поверхностью (рис. 12: 3). Кроме того, из сборов происходит каменное орудие типа песта-тёрочника, которое имеет неправильную округлую в плане форму и при этом хорошо ложится в руку. Размеры его составляют 7,5×7,7×3,8 см, торцевые плоскости орудия пришлифованы, имеют следы толчения, растирания и разминания (рис. 12: 1).

Предварительный анализ комплекса материалов т. н. фатьяновско-балановской общности с поселения Глебово-Городище 11 позволил сделать следующие выводы.

1. В настоящее время среди известных поселенческих фатьяновско-балановских памятников с территории Среднего (рязанского) Поочья комплекс материалов с поселения Глебово-Городище 11 по своим объёмам является самым крупным и представительным. Памятник интересен для дальнейшего комплексного его изучения.

2. Исследование собранного на памятнике керамического материала позволило выделить две основные схемы составления формовочных масс, применявшиеся в изготовлении глиняной посуды. При идентичности

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

типологического ряда сосудов в процессе их формовки для отощения глины были использованы две разные группы минеральных примесей: дресва и шамот. Посуда с примесью дресвы численно преобладала, составляя около двух третей общего объёма. И это далеко не единичный случай, пунктов с фатьяновско-балановской керамикой с подобным рецептом изготовления в Среднем (рязанском) Поочье немало. Объяснить такое широкое применение данной минеральной примеси в качестве добавок, вероятно, можно влиянием гончарных традиций Московской локальной группы фатьяновской культуры, в посуде которой отмечалась сильная, но не преобладающая практика использования дресвы в формовочных массах [8, с. 183].

3. В керамике с поселения Глебово-Городище 11 отмечается высокая доля крупных неорнаментированных сосудов, что, скорее всего, отражает особенности бытовой повседневной поселенческой посуды. Аналогичная ситуация отмечается и на ряде других фатьяновско-балановских памятников Среднего Поочья, например Засечье 3 стоянка [3, с. 13–32] и Поповичи 1 поселение [9, с. 48–56; 10, с. 270–272]. Для декорированной же керамики в обеих группах характерен схожий геометрический орнамент с композициями в несколько ярусов, разделённых горизонтальными линиями. Орнаментация выполнялась прочерчиванием и оттисками мелкозубчатого штампа. Основные композиции состоят из заштрихованных оконтуренных треугольников, зигзагов, ромба, вертикальных поясков (метопов), косой решётки, групп переменно-наклонных оттисков – мотивов, характерных для атликасинских древностей Среднего Поволжья и Посурья [7, с. 28–29].

4. В литературе уже высказывалась мысль о том, что одной из вероятных территорий формирования атликасинских древностей могут быть Среднее Поочье, а также районы, расположенные к западу и юго-западу от него [11, с. 66; 12, с. 179]. Широкий круг местонахождений керамики и поселений с материалами атликасинского облика, охвативший почти все многочисленные правобережные притоки Оки в её среднем течении, вполне может стать хорошим доводом данного суждения [13, с. 360, рис. 1]. Если эти предположения верны, то поселение Глебово-Городище 11 можно включить в круг памятников, которые, вероятно, являлись подосновой складывания средневолжских балановско-атликасинских древностей, где в целом уже были сформированы и основные формы сосудов, и набор орнаментальных образов, но были ещё сильны такие позднефатьяновские гончарные традиции, как использование в формовочных массах дресвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966.
2. *Иванов Д.А.* Отчет об археологических разведках на территории Рыбновского района Рязанской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
3. *Иванов Д.А.* Комплекс фатьяновско-балановской керамики с поселения Засечье 3 в нижнем течении Прони // Археологическое наследие. Воронеж: Научная книга, 2019. № 1.
4. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1972.
5. *Кравцов А.Е.* Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере // СА. 1988. № 1.
6. *Соловьев Б.С., Кожин П.М., Михайлов Е.П.* Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья. Чебоксары: ЧГИГН, 2023.
7. *Соловьев Б.С.* Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: МарГУ, 2016.
8. *Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996.
9. *Иванов Д.А.* Фатьяновско-балановское поселение Поповичи 1 в рязанском Поочье // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань, 2013.
10. *Иванов Д.А.* Новые фатьяновско-балановские поселения в рязанском Поочье // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Материалы межрегиональной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи: поиски, находки, проблемы», посвященной 125-летию первых археологических раскопок под эгидой Императорской Археологической Комиссии в Липецком крае (бывшем Задонском уезде Воронежской губернии), проходившей в Липецке 20–22 декабря 2013 года. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014.
11. *Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2005.
12. *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2006.
13. *Челяпов В.П., Иванов Д.А.* Фатьяновско-балановские древности в Рязанском Поочье // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 344–351.

ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», Рязань

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

D.A. Ivanov

THE COMPLEX OF MATERIALS OF THE FATYANOVO-BALANOVO COMMUNITY FROM THE GLEBOVO-GORODISHCHE 11 SETTLEMENT ON THE VOZHA RIVER

Summary

This publication introduces into scientific circulation a complex of materials from the so-called Fatyanovo-Balanovo cultural and historical community from the settlement of Glebovo-Gorodishche 11, located in the middle reaches of the river Vozha (right tributary of the Oka River). The collection of finds consists of fragments of pottery, stone tools and waste from their production.

The analysis of the ceramic collection made it possible to identify two main formulas for the vessels molding masses: using fireclay additives and using gruss, with the latter being predominant. The shape and ornamentation of the vessels show broad analogies among the Atlicasin antiquities of the Middle Volga region. A high percentage of large, unornamented dishes are discarded. The stone implements consist of a triangular-shape flint arrowhead, a scraper and several featureless tools. Fragments of grinding plates and a trowel pestle are of interest for studying economic activity.

Presumably, the settlement of Glebovo-Gorodishche 11 can be included in the circle of monuments that may form the basis for the composition of the Middle Volga Balanovo-Atlicasin antiquities.

Ryazan' Historical and Architectural Museum-Reserve,
15, Kremlin, Ryazan', 390000, Russia
E-mail: ivanov-ryazan@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Т.Б. Крылова, Е.Ю. Медникова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ «ПОРИСТОГО» СОСУДА С РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЗЕХНОВО IV В ОСТАШКОВСКОМ РАЙОНЕ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ[1]

Зехново IV – один из 5 памятников, расположенных в 2,0–2,5 км к северо-востоку от д. Зехново Осташковского района Тверской области, в 1,5–2,0 км от истока р. Селижаровки. Поселение раскапывалось в 1977 г., вскрытая площадь составила 144 кв. м, коллекция насчитывала более 3,5 тыс. артефактов, из них свыше 1000 экз. – фрагменты керамики. Основной комплекс памятника относится к раннему неолиту. В керамике была выделена группа фрагментов, являющихся, возможно, обломками одного сосуда. При изготовлении сосуда использовались приёмы, характерные для ранненеолитических памятников Валдая и окружающих территорий: формовочная масса из глины с добавлением толчёной ракушки с телом моллюска, без шамота, ленточный налеп с соединением лент по боковому краю, простое заглаживание и лощение наружной поверхности и бороздчатое заглаживание – внутренней, заворачивание края ленты, неравномерный обжиг при температуре не выше 700 °С. Индивидуальной особенностью, не имевшей серьёзного распространения, возможно, своеобразным «экспериментом» мастера, является наличие в месте соединения лент, из которых собирался сосуд, выступов и углублений.

DOI: 10.70203/6382.2024.69.37.021

Зехново IV – один из группы 5 памятников, находящихся в 2,0–2,5 км к северо-востоку от д. Зехново Осташковского района Тверской области, расположенных по обоим берегам реки Селижаровки, левого притока Волги, в 1,5–2,0 км от её истока (рис. 1). Здесь река, в настоящее время являющаяся единственной водной артерией, вытекающей из озера Селигер, сильно петляя, образует широкую пойму. Микротопография данного района свидетельствует, что в этом месте находился древний берег оз. Селигер и поселения были расположены непосредственно у истока р. Селижаровки. Очевидно, этим и можно объяснить концентрацию памятников в районе д. Зехново [1, л. 5].

Все памятники в районе д. Зехново были выявлены сотрудниками Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной в середине 70-х гг. XX в. и раскапывались в 1975–1977 годах.

Зехново IV, единственный из всех, находится на левом берегу р. Селижаровки. Он расположен как бы на полуострове, на сравнительно небольшой (600 кв. м), несколько заниженной боровой террасе (высотой 2,0–2,5 м над уровнем реки), между двумя песчаными грядами, по-видимому, озового характера (рис. 2). Раскоп площадью 144 кв. м охватил основную часть стоянки. Это показали и данные фосфатного анализа, выполненного Е.Ю. Медниковой [1, л. 2–3]. Чётких следов конструкций прослежено не было. Культурный слой, как это подтверждают и местные жители, перепахивался в конце XIX – начале XX века [1, л. 4; 2, л. 9–10]. Согласно описи, коллекция памятника насчитывала более 3,5 тыс. артефактов, из них свыше 1000 экз. – фрагменты керамики. Основной комплекс памятника относится к раннему неолиту.

В керамике по фактуре, цвету, плотности, характеру пустот, способу обработки наружной и внутренней поверхностей была выделена группа фрагментов (20 экз.), являющихся, возможно, обломками одного сосуда. Это пористые, но не рыхлые черепки, снаружи – красноватые или пятнистые красновато-бежевые, иног-

[1] Работа выполнена в рамках темы Лаборатории камеральной и цифровой обработки, учёта и хранения археологических коллекций «Систематизация, научное описание и актуализация коллекций Верхневолжской неолитической экспедиции (1950-е–1980-е гг.)» (FMZF-2022-0017).

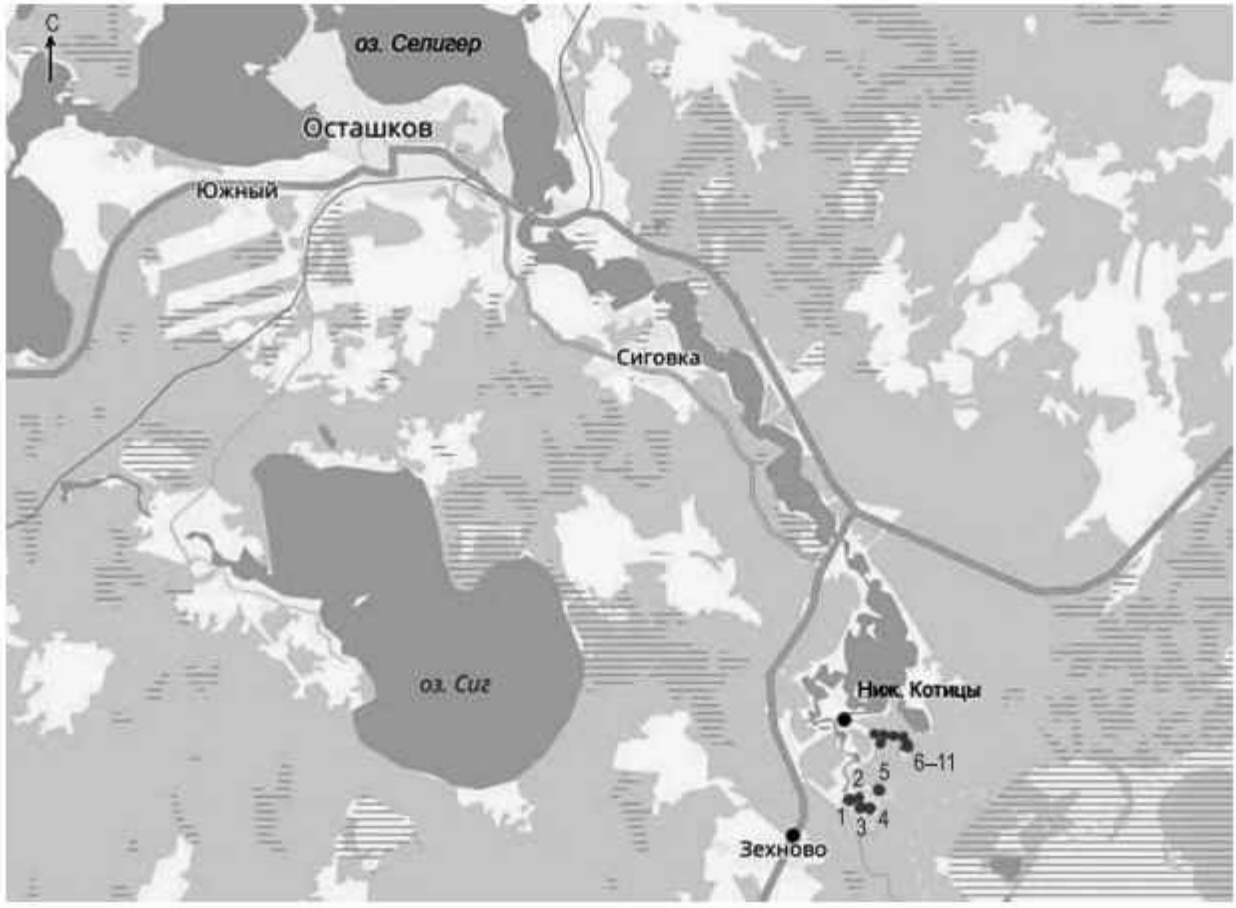

Рис. 1. Расположение археологических памятников в верховьях реки Селижаровки в Осташковском районе Тверской области:

1 – Зехново; 2 – Зехново II; 3 – Зехново III; 4 – Зехново I; 5 – Зехново IV; 6–11 – Нижние Котицы, Нижние Котицы I–V

да с серыми пятнами, заглаженные и иногда со следами лощения (рис. 3). Внутренняя поверхность – серая или тёмно-серая, единично – красновато-бежевая с серыми пятнами, с расчёсами, иногда заглаженными (рис. 4). В изломе черепки двух- и трёхслойные, в последнем случае средний слой – серый дымчатый, граница между слоями скорее нечёткая. На одном черепке есть единственный поверхностный отпечаток гребенчатого штампа, окружённый широкими участками без орнамента (рис. 3: 15), все остальные фрагменты – без следов орнаментации.

Размеры фрагментов небольшие: длина чаще 4,0–5,5 см, ширина – 3–4 см, только 4 обломка имеют более крупные размеры – от 6 до 8 см в длину.

Эти фрагменты были исследованы при помощи лупы и бинокулярного микроскопа. Определение состава формовочной массы выполнено методом полиполяризации, разработанным в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН В.Е. Куликовым и Е.Ю. Медниковой.

17 фрагментов из 20 были найдены в соседних квадратах 9–11 и 29, 31–34, в том числе 8 фрагментов – в кв. 32. Ещё 3 фрагмента происходят с квадратов 1, 3 и 18 (рис. 5). Несмотря на довольно компактное залегание обломков, их нельзя считать развалом: собрать из этих фрагментов даже часть сосуда не удалось.

Форма сосуда не восстанавливается из-за его фрагментарности: среди обломков 19 – фрагменты стенок и только 1 – венчика; фрагментов донца и выраженных придонных частей нет, сами обломки невелики по размеру. Можно предположить, что это был открытый, непрофилированный сосуд диаметром больше 20 см. Верхний край сосуда резко утончён изнутри: инструментом или пальцем была удалена часть влажной формовочной массы шириной 1,4–1,5 см; на поверхности сохранились тонкие линейные следы, параллельные краю сосуда. Венчик – нескошенный, утончённый с округлым торцом. Оформляющая его тонкая (около 3 мм) лента формовочной массы была наложена с внешней стороны сосуда, и её край был загнут внутрь, образуя не вполне ровную закраину шириной 2–3 мм (рис. 6: 1).

Сам сосуд довольно толстостенный: толщина стенок в основном равна 0,8–0,9 см (в единичных случаях – до 1,0–1,2 см) и может варьировать даже на одном фрагменте. На двух фрагментах есть просверлённые

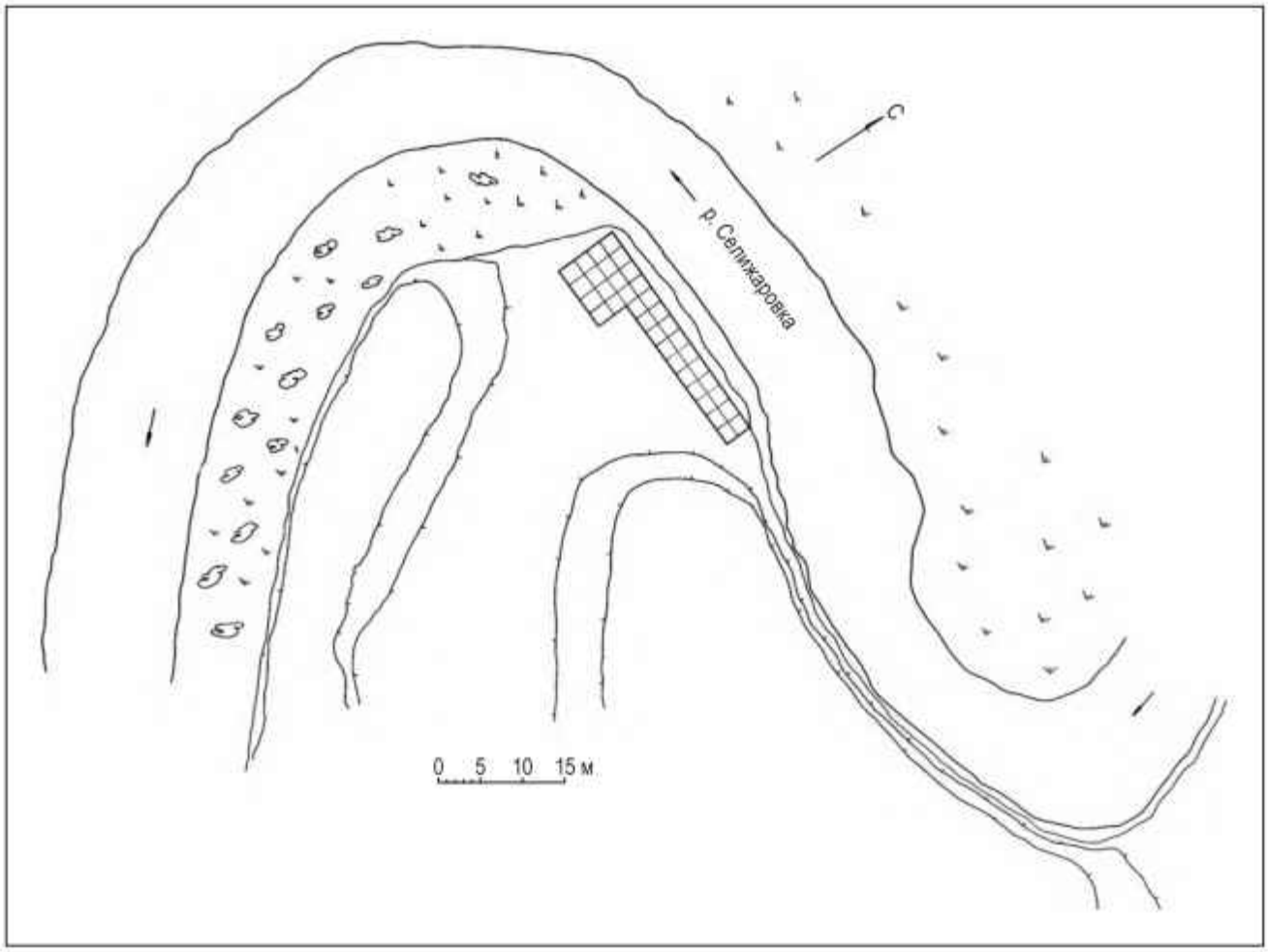

Рис. 2. Поселение Зехново IV на левом берегу р. Селижаровки. Глазомерный план 1977 г.

с внешней стороны конические сквозные отверстия наружным диаметром 6,0–6,5 мм (рис. 3: 13, 20; рис. 4: 13, 20; рис. 7: 4), часто трактуемые как следы ремонта сосуда [3, с. 227].

При приготовлении формовочной массы для сосуда скорее использовалась глина или илистая глина: органика животного происхождения (мелкие косточки, чешуя рыб и т. д.) в тесте фрагментов не обнаружена. Также отсутствуют целые раковины мелких пресноводных моллюсков, хотя есть очень немного фрагментированных. Примесью к глинистому сырью была дроблёная раковина с телом моллюска. На внешней и внутренней поверхностях фрагментов отмечены многочисленные угловатые углубления с плоским основанием (рис. 3, 4), какие оставляют выгоревшие при обжиге дроблёные ракушки [4, с. 81, 104; 5, с. 207]. Исследование фрагментов полиполяризационным методом также показало присутствие в формовочной массе большого количества мелких и мельчайших (от нескольких микрон до 0,5 мм) фрагментов дроблёных ракушек, обугленной органики (очевидно, от тела моллюска), во многих случаях – наличие геля. И органики, и фрагментов ракушек было зафиксировано больше в соскобах, взятых с серых, и особенно с тёмно-серых (не прокалённых) поверхностей черепков (изломы, внутренняя поверхность сосуда). Значительного количества шамота, характерного для ранненеолитической керамики Валдайской возвышенности [6, с. 266; 7, с. 88, 90], не отмечено.

Можно предполагать, что сосуд был изготовлен кольцевым способом из лент: на 14 из 20 фрагментов есть следы разлома по лентам. Ленты соединялись по боковому краю [4, с. 174]. Поры в вертикальных разломах – узкие наклонные и точечные, в горизонтальных – узкие горизонтальные и точечные, что может свидетельствовать об использовании техники выбивания при конструировании сосуда [5, с. 32–33]. На одном фрагменте стенки можно допустить использование приёма заворачивания края ленты, применение которого отмечено на ранненеолитических сосудах Валдайской возвышенности [7, с. 88]. Этот же приём использован при оформлении венчика (рис. 6: 1). Не исключено, что место соединения лент в отдельных случаях могло преднамеренно утончаться: в отдельных случаях на спае ленты заметны тонкие линейные следы, параллельные краю

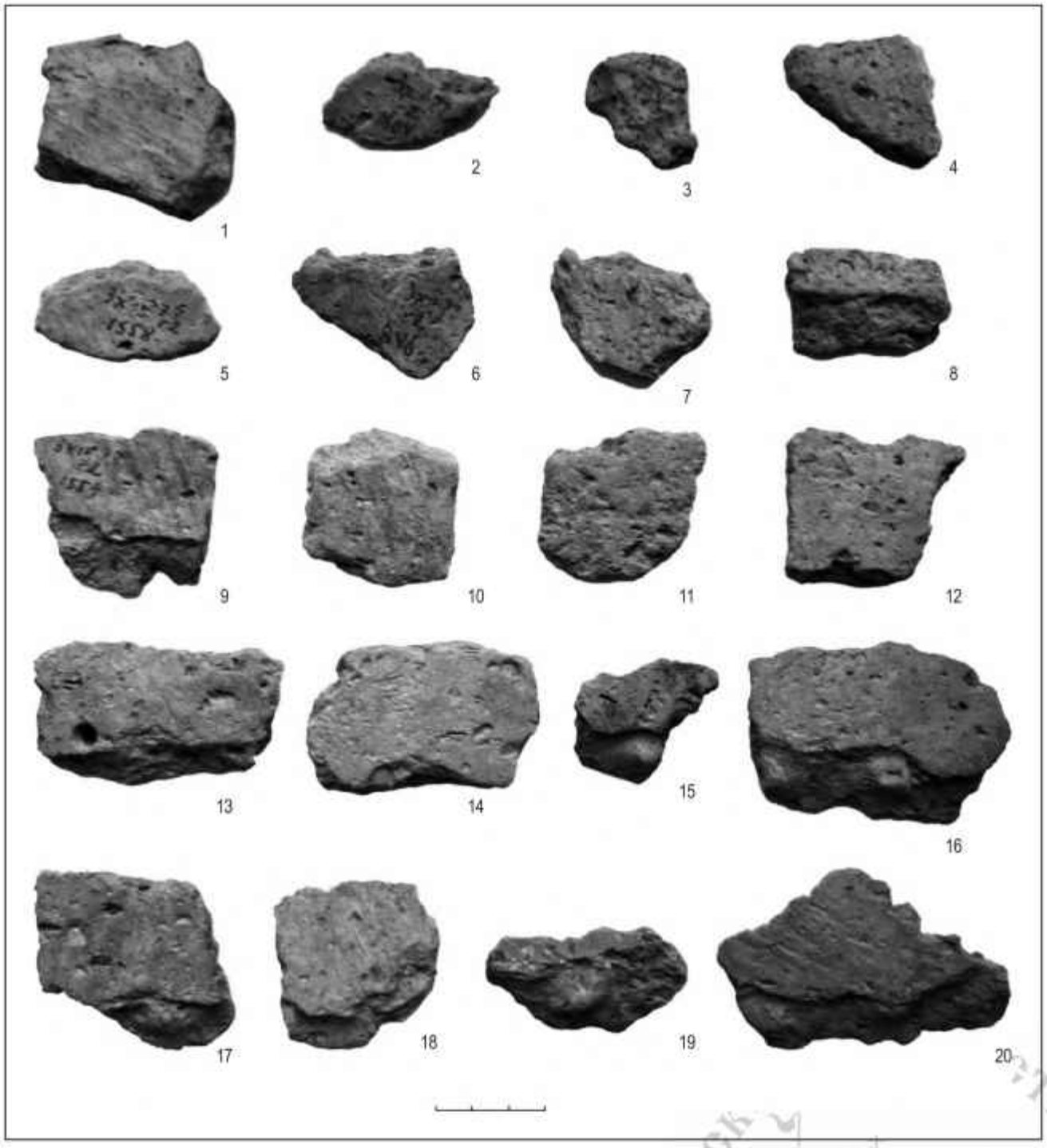

Рис. 3. Зехново IV. Фрагменты «пористого» сосуда, внешняя сторона

ленты или под углом к нему. Возможно, часть формовочной массы с края ленты снимали инструментом или просто пальцем. Приём обстругивания также был использован при оформлении венчика сосуда (рис. 6: 1, 2).

Трудноообъяснимой особенностью является наличие на некоторых спаях лент одного-двух полушаровидных или подпирамидальных выступов (6 фрагментов) и углублений (2 фрагмента). И углубления, и выступы располагаются на самом стыке лент, но все углубления – на спаях на внутренней стороне, в самой тонкой части черепка (рис. 6: 2, 3), а выступы – на спаях на внешней стороне фрагментов, у края утолщённой

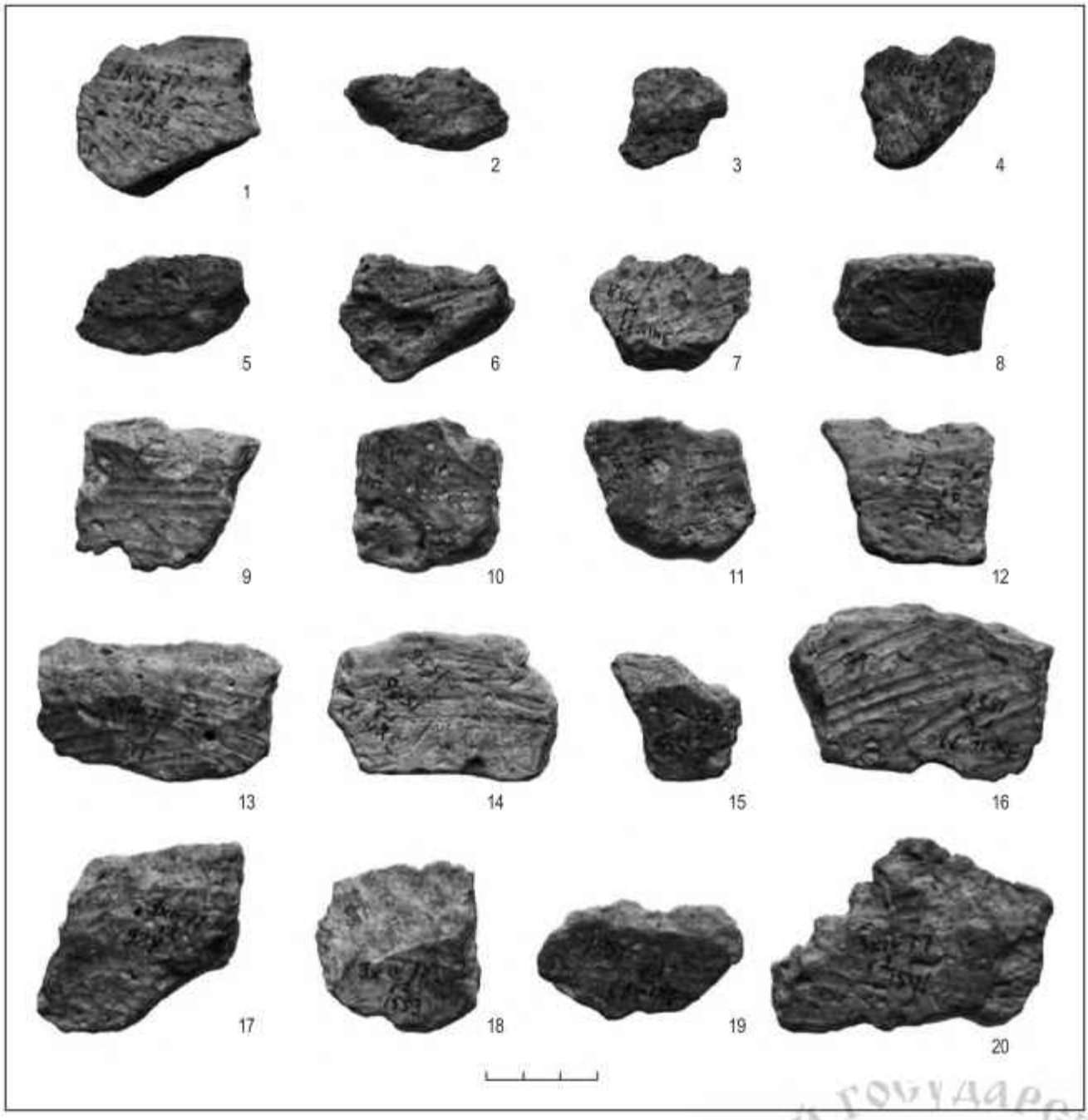

Рис. 4. Зехново IV. Фрагменты «пористого» сосуда, внутренняя сторона

части обломка (рис. 7: 1–4). Диаметр выступов – 10–17 мм, поверхность гладкая (до блеска). На выступах и вокруг них иногда встречаются линейные следы, возможно, от заглаживания пальцами. Углубления округлые, неглубокие, с пологими краями, диаметром 13,5 мм, стенки ровные и гладкие, без выраженных линейных следов. По мнению У.У. Каражанова, гончара, работающего в г. Ростове Ярославской области, никакого технологического значения ни эти выступы, ни углубления иметь не могли. В то же время они вряд ли могли появиться в результате слишком сильного нажатия пальцем при соединении лент: на фрагментах сосуда с выступами на внутренней стороне нет следов замазывания углубления от пальца. Также не похоже, чтобы это были уплотнения плохо промешанной формовочной массы или крупные фрагменты примеси и их отпечатки. Видимо, не были выступы и приёмом орнаментации, хотя в отдельных случаях могли прослеживаться на поверхности сосуда: их всегда покрывал слой глиняной обмазки, иногда очень тонкий (1 мм или меньше).

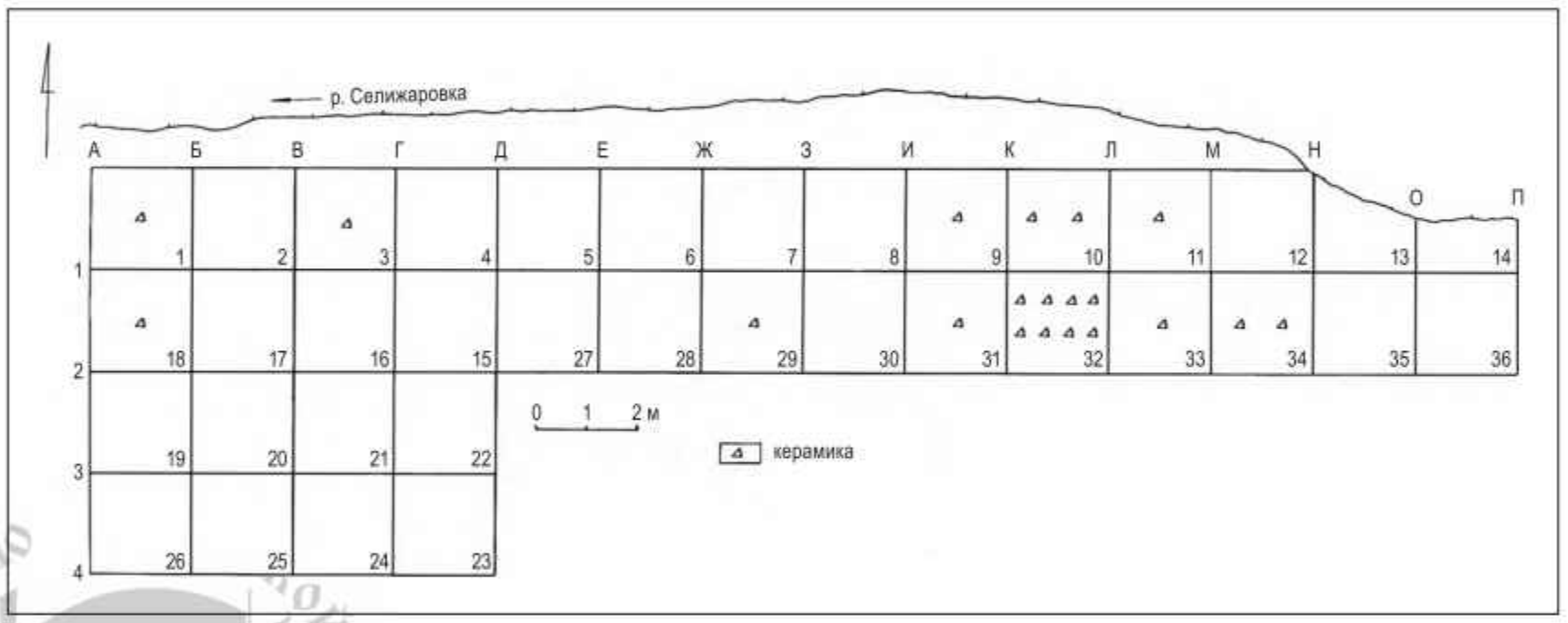

Рис. 5. Зехново IV, 1977 г. Распределение фрагментов «пористого» сосуда по площади раскопа

Псковский государственный объединенный музей

Рис. 6. Зехново IV. «Пористый сосуд»: 1 – фрагмент венчика; 2–3 – фрагменты стенок с углублением на спае ленты с внутренней стороны; 4 – фрагмент стенки орнаментированного сосуда с углублением на спае ленты на внутренней стороне

Не исключено, что подобный «приём» на керамике с Зехново IV использовался неоднократно: углубление, подобное описанным, отмечено на внутренней стороне фрагмента другого сосуда, орнаментированного сдвоенными удлинёнными наколами (рис. 6: 4).

После завершения конструирования и внешняя, и внутренняя поверхности сосуда подверглись дополнительной обработке. На внутренней поверхности всех фрагментов сохранились идущие в разных направлениях бороздчатые следы («расчёсы») угловатых очертаний (рис. 4) от заглаживания пучком травянистых растений или щепкой [4, с. 231]. На некоторых фрагментах эти бороздчатые следы частично сглажены, затёрты (рис. 4: 8, 11, 15, 17–20). Очевидно, после грубого выравнивания проводилось более тщательное час-

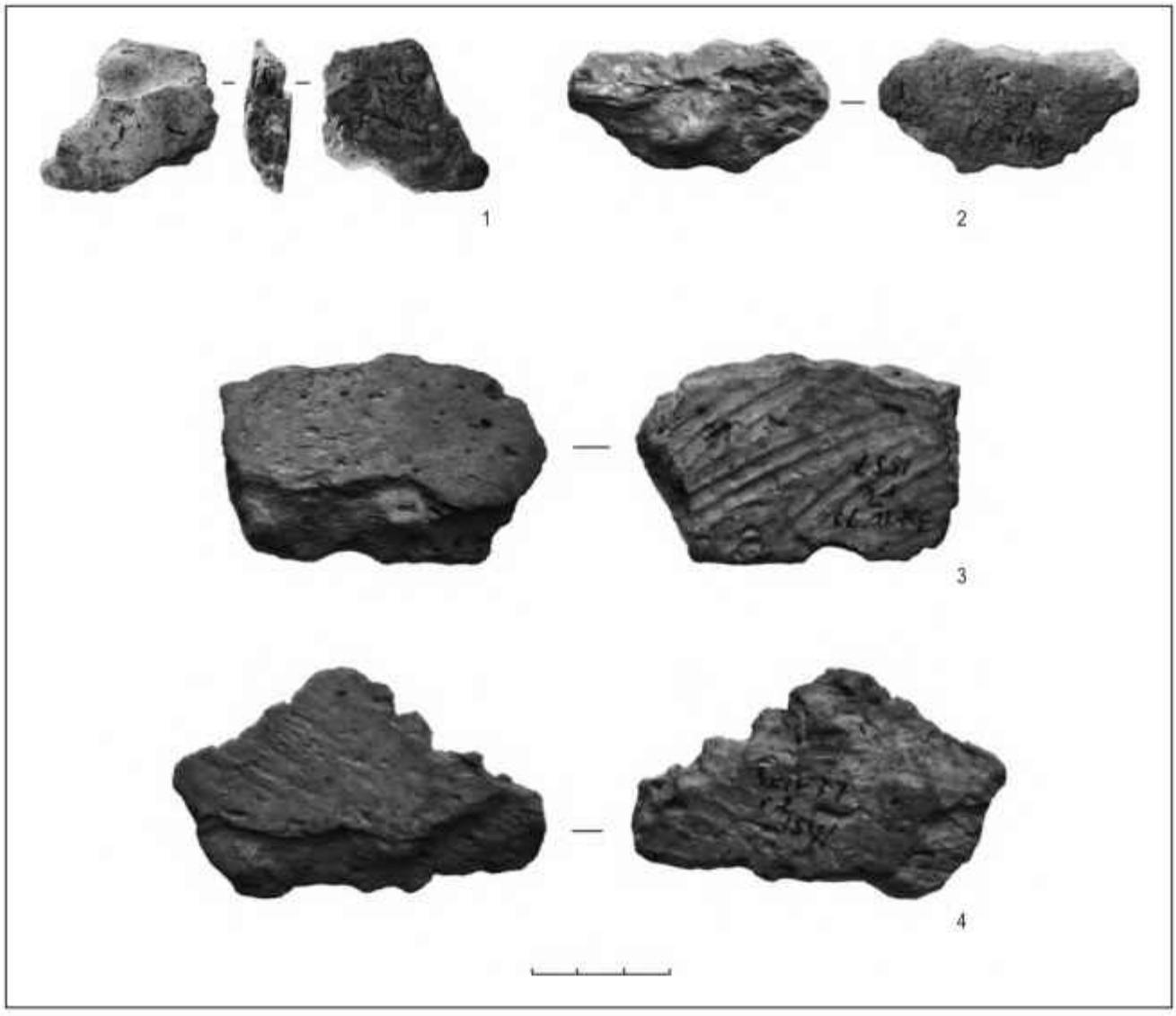

Рис. 7. Зехново IV. «Пористый» сосуд. Фрагменты с выступами на спае ленты на внешней стороне

тичное(?) заглаживание по влажной же основе, пальцами или куском кожи. Возможно, внутреннюю поверхность сосуда могли до обжига обмазывать массой из раздавленных тел моллюсков.

Ещё более сложной обработке подвергалась внешняя поверхность сосуда. Вначале она также выравнивалась пучком травы или щепкой: на отдельных фрагментах слабо заметны следы «расчёсов», похожих на бороздчатое заглаживание на внутренних сторонах черепков. Выровненная внешняя поверхность сосуда тщательно заглаживалась пальцами или куском кожи [4, с. 223, 225–227, рис. 94: 2, 6]. Затем сосуд подсушивался и лощился галькой [8, рис. 1: 5–7], возможно, частично: внешняя сторона большинства черепков гладкая до блеска, на некоторых фрагментах хорошо заметны характерные бороздчатые канавки (рис. 3: 1, 9, 18; рис. 6: 1). Возможно, после лощения сосуд был частично орнаментирован (рис. 7: 1).

Судя по пятнистости фрагментов, двух- и трёхцветности в изломах, разнице в окраске внешней и внутренней сторон черепков, обжиг был неравномерным, возможно, коротким. Температура обжига – около 650–700 °С, при ней происходит сгорание ракушек, но вряд ли выше, так как раковина сгорела не полностью. При этом температура внутри сосуда была ниже, чем снаружи, что отмечалось для обжига керамики раннего неолита [3, с. 227].

Рассматриваемый сосуд по способу конструирования (ленточный налеп с соединением лент по боковому краю), обработке внешней и внутренней поверхностей (в первом случае – простое заглаживание и лощение, во втором – «расчёсы», иногда с последующим заглаживанием) не отличается от большей части раннеолитической керамики поселения Зехново IV (как неорнаментированной, так и с орнаментом, среди которой

имеются и пористые фрагменты). Несмотря на отсутствие в формовочной массе значительного количества шамота, он является неотъемлемой частью этого комплекса. Такие же технологические приёмы, как использование толчёной раковины в качестве примеси и неравномерный обжиг при температуре не выше 700 °С, были распространены в раннем неолите Валдайской возвышенности и окружающих территорий [7, с. 81–90; 3, с. 227]. Наличие же в месте соединения лент, из которых собирался сосуд, выступов и углублений, скорее, является индивидуальной особенностью, не имевшей серьёзного распространения, возможно, своеобразным «экспериментом» мастера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Гурина Н.Н.* Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в 1977 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 13.
2. *Гурина Н.Н.* Верхневолжская экспедиция. 1977 г. Дневник № 3 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1977. Д. 15.
3. Зехновские стоянки позднего мезолита – раннего неолита валдайской археологической культуры / *В.Я. Шумкин, Г.В. Синицына, Е.Ю. Медникова, Т.Б. Крылова* // Сборник научных трудов VI (XXII) Всероссийского археологического съезда / Отв. редактор А.А. Выборнов. Т. 1. Самара, 2020. С. 226–228.
4. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
5. *Цетлин Ю.Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017.
6. Исследование керамики неолита Волговерховья методом полиполяризации / *Г.В. Синицына, В.Е. Куликов, Е.Ю. Медникова, Е.Л. Костылёва* // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова. Санкт-Петербург, 12–15 мая 2015 г. СПб., 2015.
7. *Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А.* Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы // Российский археологический ежегодник. № 3. СПб., 2013.
8. Ранненеолитические керамические традиции лесной зоны Восточной Европы: технологический анализ / *А.Н. Мазуркевич, М.А. Кулькова, Е.В. Долбунова, В.М. Лозовский, О.В. Лозовская* // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова. Санкт-Петербург, 12–15 мая 2015 г. СПб., 2015.

ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН», Санкт-Петербург

T.B. Krylova, E.Yu. Mednikova

SOME FEATURES OF THE MANUFACTURE OF A "POROUS" VESSEL FROM THE EARLY NEOLITHIC SETTLEMENT OF ZEKHNOVO IV IN OSTASHKOVSKY DISTRICT OF TVER REGION

Summary

Zekhnovo IV is one of the 5 sites located 2–2.5 km north-east of the village of Zekhnovo, Ostashkovsky District, Tver Region, 1.5–2 km from the source of the Selizharovka River. The settlement was excavated in 1977, the open area was 144 square meters. The collection of the site consisted of more than 3.5 thousand artifacts. The fragments of ceramics consist of more than 1000 items. The main complex of the site dates back to the early Neolithic. From the ceramic complex, a group of fragments was isolated, which may be fragments of one vessel. The vessel was made in the techniques common of the early Neolithic sites of Valdai and the surrounding territories: a molding mass of clay with the addition of a crushed shell with the body of a mollusk (but without fireclay), ribbon molding with the connection of tapes along the side edge, simple smoothing and glazing of the outer surface and grooved smoothing of the internal surface, wrapping the edge of the tape, uneven firing at a temperature not exceeding 700 °C. The presence of protrusions and depressions at the junction of tapes of the vessel perhaps was a kind of "experiment" of the master, an individual feature, which did not have a serious distribution.

Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18, Dvortsovaya Emb., Saint Petersburg, Russia
T.B. Krylova – E-mail: krilova.tatjana@yandex.ru
E.Yu. Mednikova – E-mail: vad.cul@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.М. Жульников

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫДЕЛЕНИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ В ОДНОТИПНОЙ КЕРАМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ЗАПАДНОМ ПРИОНЕЖЬЕ)

В статье представлены результаты поиска и апробации методических приёмов разделения на относительно кратковременные хронологические группы комплексов энеолитической асбестовой керамики с памятников многократного заселения, изученных на западном берегу Онежского озера. Исходя из результатов практического анализа хронологически сходных керамических комплексов, особенно при их небольшом количестве, актуально привлечение дополнительной информации, не имеющей прямого отношения к процедуре типологического изучения источника, в частности, данных о планиграфии, картографии, высотном расположении, стратиграфии, результатах радиоуглеродного датирования. Подобные сведения могут быть использованы при выборе признаков и определении их значимости в ходе типологического изучения древней керамики.

DOI: 10.70203/8996.2024.24.60.022

Введение

Одним из важнейших результатов изучения древней керамики традиционно считается выделение в ней групп, обычно именуемых типами, которые, обладая устойчивым набором количественных и качественных признаков, определённым образом локализованы во времени и пространстве. Такое понимание типа керамики во многом напоминает существующие определения археологической культуры.

Объективность результатов изучения пространственных и хронологических особенностей выделенных типов керамики во многом зависит от характера изучаемых комплексов, включая представительность анализируемой выборки, степень изученности территории, наличие возможности проверки полученных данных. Выводы о хронологии выделенных в ходе типологического анализа групп керамической посуды обычно сопоставляются с иными сведениями, которые могут пролить свет на соотношение изучаемых типов керамики: о характере залегания выявленных типов на стратифицированных памятниках, радиоуглеродном датировании и т. п. Нередко на практике тип керамики выделяется не с использованием всего доступного для проведения исследований корпуса источников, а путём анализа коллекций, собранных в ходе раскопок стратифицированных памятников, из замкнутых погребальных комплексов и т. д. Полученные таким путём данные о группировках признаков, характеризующих тип керамической посуды, экстраполируются на иные комплексы, в том числе полученные с памятников многократного заселения. Именно таким путём пошел автор настоящей статьи в 90-е годы XX века, взяв за основу классификации пористой и асбестовой энеолитической керамики Карелии кратковременные комплексы, полученные из слоя пола полуземляночных жилищ или со стоянок, расположенных в зоне заметного изостатического поднятия. В ходе подобного исследования выяснилось, что относительно замкнутые комплексы образуют три «сгущения/облака», определяемые путём выявления наибольшего количественного сходства как отдельных признаков, так и их комбинаций. Эти группы комплексов были определены как типы керамики, которые получили наименования по исследованным раскопками памятникам, где представлен комплекс посуды того или иного типа: Войнаволок XXVII, Оровнаволок XVI, Палайгуба II [1]. В настоящее время при использовании наименования этих типов в научных публикациях для удобства применяется сокращённое их наименование, без указания номера поселения. Статистические сопоставления коллекций керамической посуды, полученной из слоя жилищ или в условиях, когда существует возможность опереться при относительной датировке памятников на высотные данные, позволили построить опорный типологический ряд для нескольких комплексов с асбес-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

товой керамикой, исследованных в северной и западной частях Онежского озера. В ходе исследований был определён перечень типообразующих морфологических признаков и их характерные черты. Этот список, по мере получения данных о характеристиках энеолитической керамики соседних с Карелией регионов, в начале XXI века был уточнён и дополнен [2–5]. Кроме того, выяснилось, что в некоторых комплексах керамики, относящихся к определённому типу, присутствуют одиночные сосуды или их малочисленные серии, которые по некоторым показателям позволяют отнести их к иному типу. Посуда с подобными признаками и с их устойчивыми сочетаниями нередко обнаруживается не только на территории Карелии, но и в соседних регионах. Наблюдаемая размытость границ типа древней керамики, на мой взгляд, является естественным состоянием этого вида археологического источника. Количество «атипичной» посуды, обнаруживаемой вместе с «типичной» в слое пола полуземляночных жилищ, иногда оказывалось довольно велико, поэтому по количественным данным бывает затруднительно включить изучаемый комплекс в тот или иной тип. Подобные комплексы отнесены мною к так называемой керамике переходного облика. Выявление и изучение особенностей таких комплексов особенно важно при решении проблемы генезиса изучаемого типа керамики.

При дальнейшем использовании результатов типологического изучения энеолитической керамики Карелии из-за естественной нечёткости границ выделенных типов неизбежно возникали трудности расчленения материалов долговременных поселений (памятников многократного заселения). В ходе практического изучения материалов таких памятников приходилось оперировать преимущественно теми фрагментами сосудов, на которых удалось обнаружить хотя бы один качественный признак, который определённо указывал бы на его принадлежность к посуде определённого типа. Кроме того, далеко не во всех регионах Северной Европы имеются замкнутые или относительно замкнутые комплексы, поэтому привлечение для анализа материалов памятников многократного заселения остаётся насущной задачей археологических исследований, поскольку позволяет получить данные о пространственных и хронологических особенностях развития типов (локальные варианты и т. п.).

Цель настоящего исследования состоит в поиске и апробации методических приёмов разделения на относительно кратковременные хронологические группы комплексов энеолитической керамики с памятников многократного заселения. Результаты исследования основаны на изучении материалов группы поселений с асбестовой керамической посудой, компактно расположенных на участке западного берега Онежского озера.

Проблемы, возникающие при типологическом изучении энеолитической асбестовой и пористой керамики Карелии

Не претендуя на полноту освещения проблем, которые возникают в процессе типологического изучения энеолитической керамики лесной полосы Европы, выделю ряд из них, которые являются наиболее существенными для темы исследования.

Проблема 1. Различия в теоретических подходах исследователей к соотношению археологической классификации и типологии

В концентрированном виде дискуссия по поводу значения терминов «классификация» и «типология» и о возможности их применения в практических археологических исследованиях нашла отражение в опубликованных недавно работах Е.М. Колпакова [6] и Л.С. Клейна [7].

Е.М. Колпаков является сторонником строгого упорядочения археологического материала, с фиксацией чётких границ между выделяемыми группами. Подобные процедуры классификации, как пишет Е.М. Колпаков, могут совершаться как в служебных, так и в исследовательских целях. В зависимости от целей исследования проводится отбор признаков для классификации [6].

По мнению Л.С. Клейна, сталкиваясь с практическим изучением конкретного материала, приходится наблюдать, что границы между многими видами археологических источников оказываются размытыми. Изучение объектов с подобными нечёткими, многозначными границами происходит в рамках типологии [7]. Перефразируя тезис Л.С. Клейна, ***типы керамики*** образуют в первобытном керамическом континууме некие сгущения, выявляемые исследователями через определение степени удалённости (сходства) изучаемых комплексов от идеала, в качестве которого обычно выступают коллекции посуды с опорных памятников.

Как отмечают В.Б. Першин и И.В. Першина, нередко в исследованиях типологию (типологическую классификацию) рассматривают как одну из разновидностей классификации, однако между этими понятиями существует принципиальное различие: «при классификационном делении каждый объект множества попадает в одну из групп, между которыми имеются четко фиксируемые различия. Оно осуществляется без остатка. Типологизационному делению подлежат множества, в которых плавность переходов качественных состояний не позволяет проводить резкие границы между группами изучаемых объектов» [8, с. 7].

Мне кажется, что нет особого смысла противопоставлять эти два вида группировок материала как два взаимоисключающих способа его познания, так как традиционная классификация незаменима при упорядочивании археологических артефактов как в служебных, так и в некоторых исследовательских целях, например, в публикациях или в ходе изучения хронологических изменений морфологии ряда орудий. Древняя керамика, будучи результатом синтеза разнообразных традиций, напротив, требует поиска для её анализа тех методов группировки массового материала, которые, с одной стороны, учитывали бы невозможность получения чётких границ между выделяемыми типами, а с другой стороны, позволяли бы решать практические вопросы изучения тех исторических процессов, которые нашли косвенное отражение в этом виде археоло-

гического источника. Отмечу, что в современных методах анализа массового материала исследователи всё чаще прибегают не к выявлению устойчивых сочетаний признаков, а к поиску тех из них, которые наиболее полно объясняют характер наблюдаемых изменений в исследуемом материале (например, метод главных компонент).

Проблема 2. Использование разных или одиночных оснований для классификаций керамики Восточной Фенноскандии

Примеры разных оснований для выделения типов керамики эпохи раннего металла на территории Карелии и Финляндии:

а) по форме венчика или примеси (типы керамики на территории Финляндии – с примесью асбеста – Киерикки (слегка утолщённый прямосрезанный венчик), Пёлья (Г-образный венчик, загнутый внутрь), Йюсьмя (Т-образный венчик) [9; 10]; с примесью органики – Пюхеэнсилта (с венчиками, характерными для типов Киерикки и Пёлья);

б) по особенностям примеси (пористая, асбестовая и т. п. керамика);

в) по характеру обработки поверхности (гладкостенная, штрихованная, сетчатая и т. п.);

г) по особенностям элементов орнамента или их сочетаниям (ромбоямочная, гребенчатая, гребенчато-ямочная и т. п.).

Подобные нарушения правил, предъявляемых к классификации, нередко приводили при публикации коллекций к тому, что фрагменты керамики, оставленные явно одной группой населения (по данным планиграфии или особенностям расположения комплекса), распределялись по разным группам: гребенчатая, асбестовая, гладкостенная, штрихованная [11], хотя зачастую речь могла идти об одном и том же сосуде.

Проблема 3. Фрагментарность имеющегося источника, не позволяющая получить полные данные о морфологии некоторых изучаемых объектов

Асбестовая посуда, обнаруживаемая в культурном слое стоянок, как правило, измельчена настолько, что затруднено соотнесение венчика сосуда с его стенками и донышком. В ходе исследования нередко приходится оперировать числом сосудов, выделенных не только по венчикам, но и по различиям орнаментации стенок сосудов, с пониманием, что в коллекции могут отсутствовать те или иные их части (венчики, стенки, донышки), позволяющие получить объективное представление об изучаемом объекте. Зачастую при характеристике признаков асбестовой керамики приходится давать раздельное описание отдельных частей сосудов, а не их полную характеристику. При таком подходе число сосудов, выделенных по венчикам, может несколько отличаться от их количества, установленного по индивидуальным особенностям орнаментации стенок посуды. Энеолитическая керамика на многих стоянках Карелии представлена малым числом сосудов, явно недостаточным для статистических сопоставлений.

Проблема 4. Наличие существенных различий в источниковедческом потенциале изучаемых комплексов энеолитической керамики.

Культурные отложения на многих поселениях Карелии формируются, как известно, зачастую на протяжении многих тысячелетий, не образуя стратифицированных слоёв (рис. 1: 1). Так как мощность культурного слоя в условиях песчаных отложений, характерных для большей части территории Карелии, невелика, то выделение разновременных находок по глубине их залегания затруднено.

Принципиально иными источниковедческими возможностями для изучения типологии керамики обладают поселения с полуземляночными жилищами, где керамика образует относительно замкнутые комп-

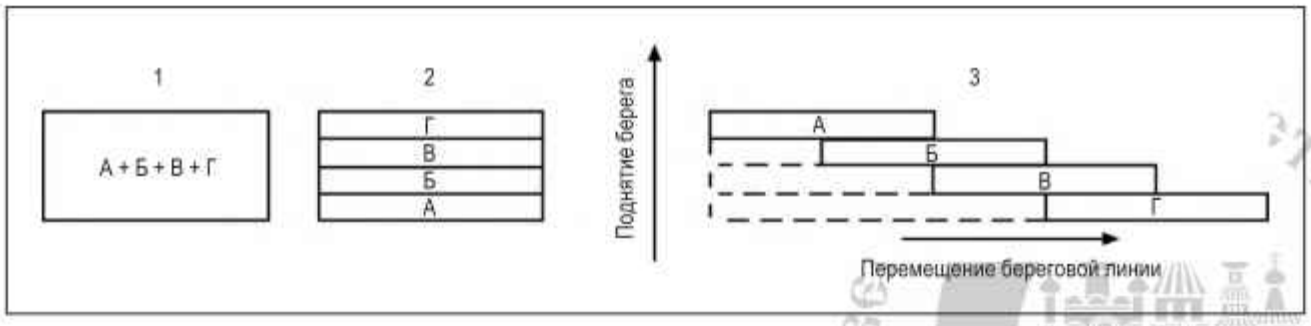

Рис. 1. Основные модели формирования культурного слоя на территории Карелии: (условные стадии заселения – А, Б, В, Г). 1 – формирование культурного слоя на нестратифицированных поселениях; 2 – формирование культурного слоя на стратифицированных поселениях или в виде последовательно сменяющих друг друга относительно замкнутых комплексов полуземляночных жилищ, функционировавших преимущественно в зимнее время; 3 – формирование культурного слоя на участках береговой линии, находящейся в зоне послеледникового поднятия

лексы, полученные из слоя пола полуземляночных жилищ. В ряде случаев выбросы из полуземлянок перекрывают друг друга, что позволяет установить относительную последовательность строительства жилищ (рис. 1: 2). Подобные же возможности для выявления хронологических различий в керамике имеются при изучении стратифицированных стоянок, которые иногда встречаются на территории Карелии [12], Карельском перешейке [13] и в иных регионах. На большей части региона подобные относительно кратковременные замкнутые комплексы не представлены, поэтому без изучения материалов памятников многократного заселения обойтись невозможно.

Береговая линия западного и северного побережий Белого моря, северных частей Ладожского, Онежского и ряда иных крупных озёр постепенно перемещается вследствие послеледникового изостатического поднятия Балтийского щита и воздействия неотектонических процессов [14]. В юго-восточных частях вышеуказанных водоёмов скорость поднятия ниже, чем в северо-западных [15]. На формирующиеся после ухода воды террасы, косы или береговые валы постепенно перемещались поселения древних людей (рис. 1: 3). На участках берега водоёма, находящегося в зоне послеледникового или тектонического поднятия, шанс повторного заселения одних и тех же участков значительно меньше, чем на озёрах или реках с относительно неизменной береговой линией. Различия в высотном размещении древних поселений позволяют выявлять хронологические изменения в керамике или иных артефактах. В отношении подобных комплексов, материалы которых рассматриваются в данной статье, важнейшей задачей является установление (проверка) относительной единовременности или «чистоты» представленного на поселении типа керамики.

Проблема 5. Тип сосуда или типы сосудов ≠ тип керамики

Керамическая посуда является той разновидностью артефактов, которая, как было выше отмечено, с трудом поддаётся традиционной классификации с её чётким разделением по группам. При изучении той или иной, зачастую малочисленной, коллекции керамики, например, происходящей из слоя пола энеолитического жилища, автору данной статьи приходилось сталкиваться с тем, что после выделения нескольких признаков для проведения классификации почти каждый сосуд образовал отдельный тип.

Проблема 6. Наличие на многих энеолитических поселениях лесной полосы Европы сосудов, которые сходны по ряду признаков или их сочетаниям

Внешняя схожесть найденных на этой территории пористых сосудов со слегка утолщёнными прямыми венчиками, со стенками, украшенными горизонтальными рядами оттисков гребёнки, перемежающихся полосами неорнаментированного пространства, и подобные черты сходства породили предположение о существовании гигантской культурной общности, охватывающей пространство от Северной Швеции до Прикамья [16; 17]. Одновременно, видимо, в ходе поиска причин формирования столь обширной общности, некоторыми исследователями была сформулирована гипотеза о миграции гаринско-борских (турбинских) племён в Карелию и Финляндию [11, с. 321–322; 18]. В 80-е годы XX века мне довелось присутствовать на заседании сектора археологии ИЯЛИ КФ АН СССР, где велась дискуссия о причинах появления в Прибеломорье пористой керамики, похожей на посуду, найденную на прикамских стоянках. Г.А. Панкрушев, отвечая на вопрос о причинах подобного явления, привёл в качестве аргумента точку зрения О.Н. Бадера, который, ознакомившись в 60-е годы XX века с коллекцией пористой керамики, найденной в низовье реки Выг, сообщил, что если поместить эти фрагменты в ящики, где хранятся коллекции раскопок из Прикамья, то разделить их будет уже невозможно, настолько велико наблюдаемое сходство. Подобные аналогии в керамике, по мнению О.Н. Бадера, к которому присоединился Г.А. Панкрушев, могут быть объяснены только миграцией прикамского населения на берега Белого моря.

Проблема 7. Возрастание числа радиоуглеродных определений по керамике (нагар, смола и т. п.) сопровождается возникновением существенных противоречий в синхронизации комплексов энеолитической керамики Восточной Фенноскандии

В археологической литературе отмечалось, что даты, полученные по нагару на керамике, оказываются в среднем более древними по сравнению с датами, полученными по углю, в том числе из стенок сгоревших жилищ, что предположительно связано с воздействием резервуарного эффекта [19]. Подобные различия в определении абсолютного возраста изучаемых объектов уже привели к применению различными исследователями трёх-четырёх вариантов шкал, основанных на радиоуглеродных определениях разных видов нагара, неодинаковых способах учёта резервуарного эффекта и меняющихся с течением времени калибровочных шкалах.

Среди наиболее ярких примеров наметившейся проблемы использования многочисленных радиоуглеродных дат для изучения хронологических и пространственных изменений в керамике можно отметить недавнее исследование К. Нордквиста и Т. Мёккёнена, посвящённое керамике Пёлья [20]. Подобная керамика, значительная часть которой изготовлена с примесью асбеста, достаточно широко представлена на территории Финляндии (250 памятников) и на Карельском перешейке (около 20 стоянок). Классификация керамики по сосудам К. Нордквистом и Т. Мёккёненом не проводилась. Статистическое описание ряда признаков, характеризующих тип Пёлья, было выполнено исследователями преимущественно по фрагментам керамики, происходящим в основном из восьми опорных комплексов, на некоторых из которых были исследованы остатки полуземляночных жилищ с керамикой этого типа. Для 15 комплексов с керамикой типа Пёлья на

данный момент имеется более 50 радиоуглеродных дат, бóльшая часть которых получена по нагару на керамике (29 дат) или углю (18 дат). Исследователи утверждают, что поскольку бóльшая часть образцов нагара была собрана с внешней поверхности сосудов, они, в отличие от образцов, собираемых с внутренней поверхности горшков, отчасти отражают используемую для топлива древесину, и следовательно, в меньшей степени подвержены воздействию резервуарного эффекта. Несмотря на установленный в ходе радиоуглеродного анализа продолжительный диапазон бытования типа (около 800 лет), К. Нордквист и Т. Мёккёнен не фиксируют заметных изменений в рассмотренных признаках асбестовой посуды (форма венчика, его орнаментация, элементы орнамента, характер обработки стенок сосудов и т. д.).

В ходе радиоуглеродного датирования комплексов керамики типа Пёлья был определён диапазон её бытования на территории Финляндии – 3300–2500 калиброванных лет до н. э. [20]. Отмечу, что следующий этап заселения центральной и северной частей Финляндии маркируется стоянками с сетчатой керамикой (типа Сарса-Томица), для которой наиболее ранние даты на территории региона – 2-я четв. II тыс. до н. э. [21]. В Верхнем и Среднем Поволжье, откуда, как предполагается рядом исследователей, население с сетчатой керамикой мигрирует на территорию Карелии и Финляндии, наиболее ранние даты по сетчатой керамике эпохи бронзы, полученные опять-таки по нагару, не уходят в III тыс. до н. э., а их усреднённые значения относятся ко 2-й четв. II тыс. до н. э. [22]. Исходя из опубликованных К. Нордквистом и Т. Мёккёненом датировок комплексов керамики типа Пёлья, бóльшая часть территории Финляндии на протяжении 700–800 лет оставалась незаселённой! На мой взгляд, эти данные порождают своего рода когнитивный диссонанс по отношению к устоявшимся в археологической науке представлениям о непрерывности заселения в энеолите территории Восточной Фенноскандии.

Керамика типа Пёлья, судя по публикациям финских исследователей второй половины XX века, в которых зачастую были даны лишь фотографии отдельных фрагментов асбестовой посуды, ранее представлялась мне сходной, во многом родственной энеолитической асбестовой и пористой керамике типа Оровнаволок, получившей распространение на территории Карелии [1]. Статистические данные, впервые опубликованные К. Нордквистом и Т. Мёккёненом по комплексам асбестовой керамики типа Пёлья [20], свидетельствуют о наличии существенных количественных отличий этой керамической группы от комплексов керамики типа Оровнаволок. Отличия касаются как элементов орнамента, так и форм венчиков, ряда иных признаков. Видимо, генезис этих типов энеолитической асбестовой керамики проходил на разной основе.

Проблема 8. Наличие нескольких видов примесей в энеолитической керамике Карелии и трудности использования этой группы признаков в выделении типов керамической посуды

При изготовлении энеолитической керамики Карелии древними людьми использовались разнообразные рецептуры приготовления керамического теста, среди которых наиболее часто встречаются следующие варианты: асбест + птичий пух; асбест; птичий пух; раковина; асбест + раковина. Поскольку в энеолитической керамике Карелии наряду с примесью асбеста встречается выгоревший при обжиге птичий пух, то подобная посуда может рассматриваться и как пористая, Наименование «асбестовая керамика» является на данный момент во многом условным, так как для изготовления энеолитической посуды на территории Карелии могли использоваться и иные примеси или их сочетания. Это наблюдение касается и финской энеолитической керамики типа Пёлья, в которой помимо волокнистого минерала, органики иногда встречаются слюда и тальк [20]. Применение в керамическом производстве некоторых групп древнего населения Фенноскандии примеси асбеста, как мне представляется, во многом обусловлено его наличием на территории Балтийского щита, тогда как на остальной части лесной полосы Европы залежи волокнистого минерала отсутствуют. Бóльшая часть населения Восточной Европы, проживавшего за пределами Фенноскандии, не имея возможности получения асбеста в процессе обмена, как известно, изготовляла керамическую посуду в энеолите с примесью органики или раковины. В Западном Прибеломорье, где выходы на поверхность асбеста сравнительно редки, значительная часть энеолитической посуды типа Оровнаволок имеет примесь органики и раковины, тогда как в Прионежье (юго-восточная часть Карелии), где волокнистый минерал часто встречается в горных породах, большинство сосудов этого типа содержит примесь асбеста и птичьего пуха. По остальным признакам комплексы керамики типа Оровнаволок, найденной в Западном Прибеломорье и в бассейне Онежского озера, не имеют существенных отличий. В этой связи кажется нецелесообразным включение в разряд типообразующих признаков тех из них, которые обусловлены локальными геологическими особенностями того или иного региона. С другой стороны, при выявлении направлений и характера контактов древнего населения региона без учёта состава примесей в формовочных массах вряд ли возможно обойтись.

Краткая характеристика типов асбестовой и пористой керамики Карелии на современном этапе исследований

Выделение типов энеолитической керамики Войнаволок, Оровнаволок, Палайгуба, получивших распространение на территории Карелии и соседних регионов, было проведено автором данной статьи с опорой на статистическое сопоставление признаков не отдельных сосудов, а комплексов керамической посуды из слоя полуземляночных жилищ, и лишь тип Залаврута был выделен при изучении особенностей его морфологии [1]. Между типами Войнаволок, Оровнаволок, Палайгуба имеются переходные комплексы, что указывает на их преемственность. Типы Войнаволок и Залаврута являются во многом синхронными. Генезис типа Залаврута требует дальнейшего изучения.

Керамика типа Войнаволок. Область распространения керамики типа Войнаволок значительно меньше территории, которую в предыдущий период занимали памятники с типичной гребенчатой и ромбоямочной керамикой. В настоящее время керамика типа Войнаволок найдена на 50 памятниках, где выделены минимум 596 сосудов. На территории Обонежья и в восточной части бассейна Ладожского озера исследованы 15 стоянок, где обнаружены от 7 до 36 сосудов типа Войнаволок. Имеются три комплекса с числом сосудов более 50 (Первомайская I, Илекса на Куштозеро, Фофаново XIII). За пределами основной (с сериями сосудов) территории распространения керамики геометрического стиля исследованы три стоянки, где подобная керамика входит в состав синкретических комплексов посуды с пористой структурой, обладающей признаками волосовской (стоянка Модлона) [23] или, видимо, поздней типичной гребенчатой (стоянки Охта 1, Подолье 1) [24]. Основной отличительной особенностью керамики типа Войнаволок является её орнаментация – зигзагообразные полосы, треугольники, иные геометрические фигуры из оттисков гребёнки, которые окаймлены бахромой из ямок-лунок, оттисков двух- и трёхзубого штампа. Доля таких узоров в орнаментации керамики типа Войнаволок варьирует от 40 до 100 %, в среднем составляя более 60 %. На стенках некоторых сосудов типа Войнаволок встречаются традиционные для типичной гребенчатой и ромбоямочной керамики геометрические фигуры из оттисков гребёнки (без бахромы). Другие варианты мотивов и композиций на посуде типа Войнаволок редки. Формы венчиков, характерные для керамики этого типа, можно обнаружить среди посуды иных типов пористой и асбестовой керамики Северной Европы, но их количественное соотношение достаточно оригинально. Для комплексов керамики типа Войнаволок имеются три даты из сгоревших конструкций жилищ (2 памятника) и 12 AMS-датировок (5 памятников). По AMS-датам керамика типа Войнаволок относится к периоду 3500–3300 лет до н. э., а по датировкам угля из конструкций жилищ – 3300–3100 лет до н. э. [5; 25] Период существования керамики типа Войнаволок, установленный как по AMS-датам, так и датировкам по углю, оказался несколько различным, но в обоих случаях непродолжительным – до 200 лет. На территории Финляндии около сер. IV тыс. до н. э. получает распространение асбестовая керамика типа Киерикки [26], которая синхронна керамике типа Войнаволок, отличается от неё бедностью орнаментации или, нередко, её полным отсутствием.

Керамика типа Залавруга. В северной части территории Карелии, в южной и центральной частях Кольского полуострова керамика этого типа найдена на 48 стоянках, где выделены 214 сосудов. Чистые комплексы с такой керамикой единичны. Керамика типа Залавруга I без труда идентифицируется в коллекциях благодаря сочетанию таких признаков, как пористая структура (иногда заметна примесь мелкого песка, асбеста или слюды) и гребенчато-ямочный стиль орнаментации. Мотивы орнамента, характерные для керамики данного типа, постоянно встречаются в ромбоямочной керамике финала неолита – начала энеолита Юго-Западного Прибеломорья. Доля этих мотивов в любом исследованном в этом регионе комплексе с ромбоямочной керамикой составляет до 15 %, тогда как в керамике типа Залавруга такие же композиции представлены на 60–84 % сосудов. Существенно отличаются элементы орнамента, варианты оформления верхнего края сосудов типа Залавруга от посуды с ромбоямочной орнаментацией (в последней преобладают скошенные внутрь венчики, встречаются не характерные для типа Залавруга гофрированные и двухгранные венчики). Переходные комплексы между ромбоямочной керамикой и керамикой типа Залавруга выявить пока не удалось. Ямки, которыми украшена керамика типа Залавруга, имеют неолитоидную форму. Они глубокие, чёткие, часто неправильной формы, но ромбических среди них почти нет, что, вероятно, можно рассматривать как признак отсутствия прямой генетической связи керамики типа Залавруга с ромбоямочной керамикой. Полностью различна орнаментация керамики типа Залавруга и сменяющей её керамики типа Оровнаволок. Немногочисленные радиоуглеродные определения (три AMS-датировки) позволяют отнести керамику этого типа ко времени 3500–3100 лет до н. э. [27]. Поскольку на севере Карелии комплексы ромбоямочной керамики, датируемой 1-й пол. IV тыс. до н. э., не известны, то не исключено, что некоторые исследованные здесь памятники с керамикой типа Залавруга раннего облика относятся к этому времени.

Керамика типа Оровнаволок. Посуда, отнесённая к данной группе, известна на всей территории Карелии, представлена на примыкающих к региону территориях Ленинградской, Вологодской, Мурманской областей. Примерно на 200 памятниках, исследованных в Карелии, выделены не менее 2000 сосудов этого типа. Многочисленность стоянок с керамикой типа Оровнаволок и значительное число сосудов на них по сравнению с комплексами керамики типов Залавруга и Войнаволок косвенно указывают на больший, чем у более ранних типов пористой и асбестовой посуды, период развития. Об этом свидетельствуют и существенные различия в орнаментации между ранними и поздними комплексами керамики типа Оровнаволок.

Подавляющая часть сосудов ранней подгруппы керамики типа Оровнаволок украшена полностью по всей внешней поверхности, но ещё более разреженным узором, чем керамика типа Залавруга и Войнаволок. Неорнаментированные сосуды составляют в среднем 6 %. Основу орнаментации в ранней керамике составляют композиции, выполненные одним элементом. В орнаменте преобладают отпечатки гребёнки (на 40–80 % сосудов), реже применяются отпечатки гладкого штампа (от 5 до 35 %), ещё более редки ямки-лунки, ногтевидные вдавления, отпечатки трубочки, прочерченные линии. Сочетание элементов орнамента наблюдается на 6–7 % сосудов. Почти все композиции в ранней керамике типа Оровнаволок состоят из простых мотивов. Общее количество мотивов, выделенных как отдельные признаки, невелико и колеблется в разных комплексах от 4 до 13. Основных, то есть встречающихся во всех комплексах, мотивов всего два. От 30 до 55 % сосудов украшены диагональными или зигзагообразными полосами из отпечатков гребенчатого штампа, часто между ними расположен горизонтальный ряд вертикального зигзага или пояс из отпечатков наклонно поставленной гребёнки в один-два ряда. Значительную долю в композициях (от 10 до 35 %) зани-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

мают чередования неорнаментированных зон и горизонтальных поясов из наклонно расположенных оттисков гребёнки, вертикального зигзага. Вертикальный зигзаг в некоторых наиболее ранних комплексах керамики типа Оровнаволок не представлен совсем, а на самых поздних памятниках данной подгруппы его доля доходит до 30 %. Для ранней стадии керамики типа Оровнаволок выявлены некоторые локальные вариации в применяемых примесях.

В поздней керамике типа Оровнаволок единичными экземплярами представлены сосуды с примесью органики, без асбеста. Часто встречаются уплощённые донышки и, видимо, на этой стадии изредка появляются плоские (с чётким ребром при переходе от дна к тулову). Отмечено увеличение числа венчиков Г-образной формы (с загибом края внутрь), в некоторых комплексах – до 30 %. На уровне элементов орнамента и их сочетаний наблюдается постепенная замена представленных в ранних комплексах элементов на отпечатки гребенчатого штампа. Мотивы, характерные для орнамента ранней керамики, в поздней посуде типа Оровнаволок присутствуют по-прежнему, но их доля значительно уменьшается. На многих поздних памятниках с керамикой типа Оровнаволок более половины сосудов украшены вертикальным зигзагом.

Для комплексов керамики типа Оровнаволок имеются 10 дат, полученных по углю из слоя сгоревших жилищ и со стратифицированного поселения (Деревянное XVI), а также 10 AMS-датировок [5; 25; 27]. Согласно имеющимся датам, хронологический диапазон бытования типа – 3300–2500 лет до н. э.

Керамика типа Палайгуба. Примерно в середине III тыс. до н. э. на территории Карелии распространяется новый тип асбестовой керамики – Палайгуба, которая по форме сосудов и наличию на многих из них горизонтальных линий у венчика, выполненных в гребенчатой технике, отдалённо напоминает внешний облик поселенческой посуды финской и эстонской шнуровой керамики [4]. Керамика типа Палайгуба на данный момент обнаружена на 156 древних поселениях Северной Европы, а общий корпус выделенных из коллекций сосудов этого типа составляет 943 экз. Полоса памятников с керамикой этого типа протянулась от севера Кольского полуострова до Карельского перешейка и южной части бассейнов Ладожского и Онежского озёр. Керамика типа Палайгуба изготовлена в основном с примесью асбеста, к которому иногда добавлен пух. Палайгубские сосуды чаще всего плоскодонные, они являются наиболее тонкостенными среди всех других разновидностей энеолитической асбестовой керамики Карелии. Среди новых элементов орнамента на посуде типа Палайгуба, не встречающихся на керамике типа Оровнаволок, выделяются оттиски «верёвочки, намотанной на палочку» и гребенчатые имитации подобного штампа (гребёнка с тонкой нарезкой). Элемент орнамента «верёвочка, намотанная на палочку» характерен для финской асбестовой керамики типа Пёлья [20]. Часть признаков палайгубской керамики отнесена к типообразующим. Так, многие сосуды палайгубского типа имеют слегка отогнутый венчик, придающий верхней части сосуда форму, близкую к S-образной. Этот признак часто сочетается с оригинальными орнаментальными композициями, среди которых наиболее часто встречается поясок в виде нескольких горизонтальных линий, расположенный у венчика (типа бордюра), выполненный из состыкованных оттисков штампа. Ниже подобных «бордюров» тулово сосудов полностью (включая донышко) покрыто орнаментом, составленным преимущественно из оттисков гребёнки, образующих вертикальный или горизонтальный зигзаг. Обычны для орнаментации палайгубской посуды композиции в виде горизонтального зигзага, выполненного из сгруппированных оттисков *длинного* гребенчатого штампа; узоры, составленные из горизонтальных рядов оттисков короткой гребёнки или овальных вдавлений, поставленных вертикально; вертикальные линии из оттисков штампа, имитирующего верёвочку, или оттисков, определяемых как «верёвочка, намотанная на палочку». Современная абсолютная хронология комплексов с керамикой палайгубского типа опирается на четыре AMS^{14}C-даты по органическим остаткам на керамике с поселений Западного Прионежья Шелтозеро XII, Укшезеро I, Верховье IV [25; 27, с. 66] и 13 дат, полученных по углю из сгоревших стенок или берестяного покрытия полуземляночных жилищ [2; с. 23–24; 28, с. 13]: 2500 (2600) – 1750 (1800) лет до н. э.

Кроме того, на территории Карелии известны около 200 стоянок, на которых обнаружены мелкие фрагменты от одного до двух-трёх сосудов с примесью асбеста, которые в равной степени могут относиться к типам Оровнаволок или Палайгуба.

Выделение типов асбестовой керамики позволило установить ряд тенденций в развитии энеолитической посуды на территории Карелии. В частности, наблюдается постепенный отказ от круглодонной посуды в пользу плоскодонной, с хорошо выраженным бортиком. В финале энеолита на территории региона резко увеличивается доля профилированной посуды, у которой у венчика оригинальной орнаментальной композицией выделен поясок (бордюр) (рис. 2). С течением времени асбестовая керамика становится тонкостенной, что наиболее заметно по посуде типа Палайгуба (рис. 3). Типологический ряд, построенный на основе опорных комплексов керамики типов Войнаволок, Оровнаволок, Палайгуба, позволил установить количественные показатели скачкообразных изменений ряда признаков, характеризующих эти типы (рис. 4–6).

История археологических исследований в районе села Деревянное

Первые исследования к северу и востоку от села Деревянное были проведены экспедицией Н.Н. Гуриной, открывшей в 1956 г. стоянки Деревянное I, II и местонахождение древней керамики рядом со стоянкой Деревянное I. Стоянка Деревянное I, находящаяся у восточной окраины села Деревянное, раскапывалась Н.Н. Гуриной в 1956–1957 годах [29, с. 278–290]. В 1980 г. раскопки стоянки были продолжены А.П. Журавлёвым. Всего на стоянке раскопаны 332 кв. м. В раскопах найдена ромбоямочная керамика, один фрагмент неорнаментированной асбестовой посуды неясного возраста, изделия из камня, единичные предметы из меди и янтаря. В 1957 г. стоянку Деревянное II, находящуюся в 200 м севернее северной окраины села, пов-

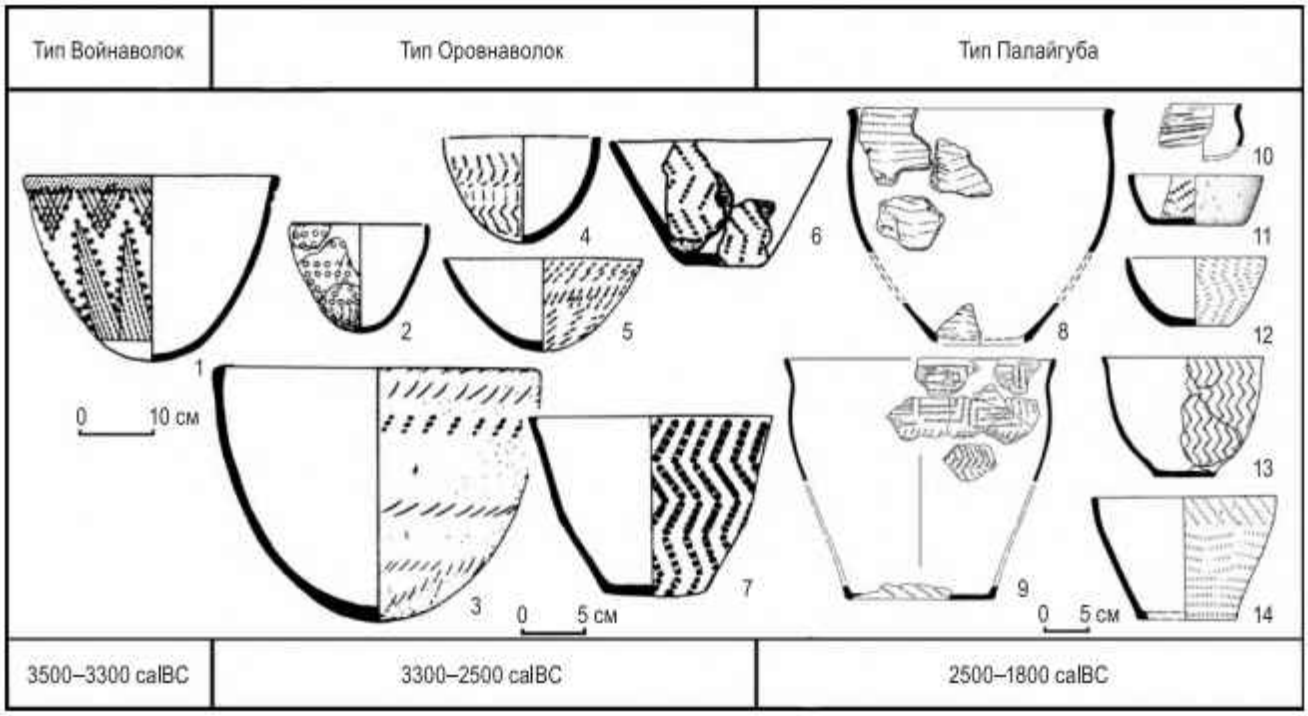

Рис. 2. Схема качественных изменений в форме сосудов энеолитической асбестовой керамики типов Войнаволок (1), Оровнаволок (2–7) и Палайгуба (8–14): 1 – Войнаволок XXVII; 2 – Войнаволок XXIX; 3 – Войнаволок XXV, жилище 2; 4 – Войнаволок XXV, жилище 1; 5 – Берёзово XIV; 6, 7 – Войнаволок XXXVIII; 8, 12, 14 – Чёлмужская Коса XXI, жилище 1; 9 – Вехкаранта Керимяки; 10 – Соломенное XI; 11 – Бесовы Следки IIIа; 13 – Кочнаволок II

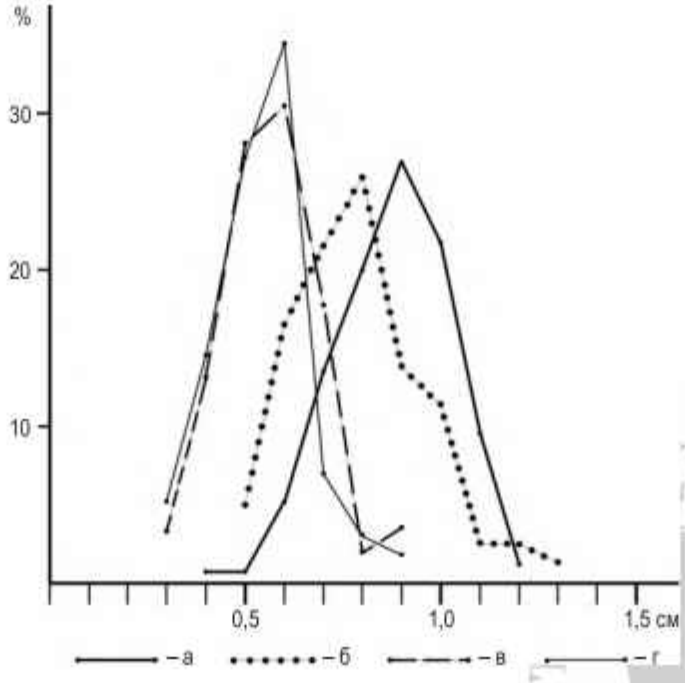

Рис. 3. Различия в толщине стенок сосудов типов Войнаволок, Оровнаволок (стоянка-мастерская Фофаново XIII), типа Палайгуба (группа стоянок на западном берегу Онежского озера у сёл Деревянное и Шёлтозеро) и ромбоямочной (стоянка Оровнаволок I): а – ромбоямочная керамика; б – керамика типа Войнаволок; в – керамика типа Оровнаволок; г – керамика типа Палайгуба

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

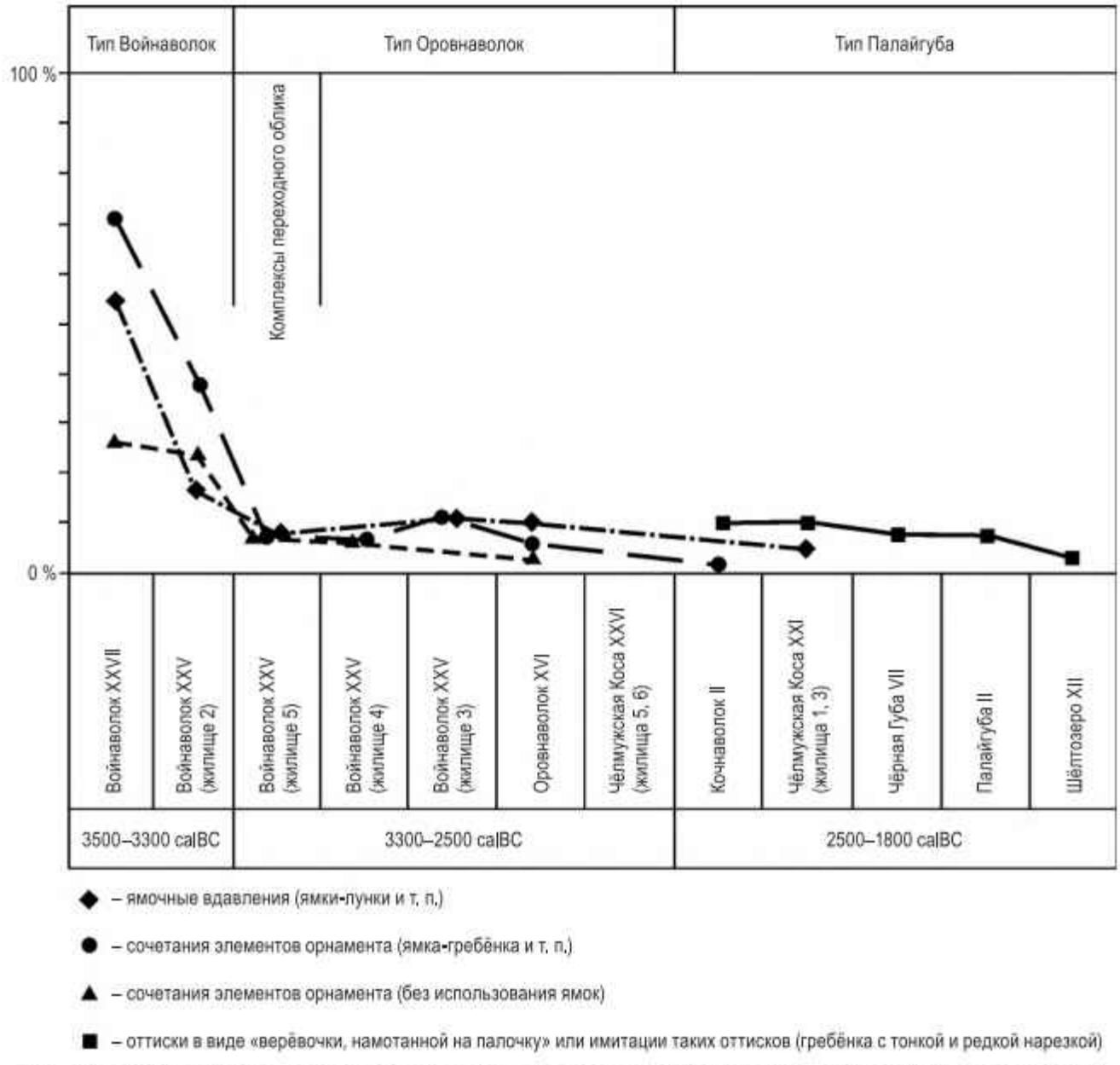

Рис. 4. График количественных изменений основных элементов орнамента и их сочетаний на энеолитической асбестовой керамике, найденной на западном и северном побережьях Онежского озера

торно открыл и исследовал Г.А. Панкрушев, он заложил на ней раскоп площадью 46 кв. м, в котором был обнаружен ранненеолитический комплекс керамики типа сперрингс. Исследователь обозначил памятник в публикации как стоянка Деревянное I, указав, что в работах Н.Н. Гуриной эта стоянка обозначена как Деревянное II [30, с. 87–88]. В 1995 г. Н.В. Лобановой в восточной части села Деревянное, неподалёку от стоянки Деревянное I, открытой в 1956 г. Н.Н. Гуриной, были зафиксированы две стоянки, которые получили наименования «Стоянка Деревянное II», «Стоянка Деревянное III», тогда как стоянка, открытая Н.Н. Гуриной, в учётных документах стала называться «Стоянка Деревянное IIа». В 1992 г. А.М. Жульниковым на северной окраине села была открыта мезолитическая стоянка Деревянное IV. В 1997 г. в 0,5 км восточнее села Деревянное Н.В. Лобановой была зафиксирована стоянка Деревянное V с асбестовой энеолитической керамикой. В 2010 г. А.М. Жульниковым у восточной окраины села Деревянное были открыты две стоянки – Деревянное VI с ямочно-гребенчатой керамикой и Деревянное VII с ромбоямочной керамикой. В 2012 г. А.М. Жульниковым в ходе разведочных работ в восточной части села Деревянное были выявлены 18 древних поселений (Деревянное VIII – XXV), повторно обследована стоянка Деревянное V, а к северу от села открыты

Государственный объединенный музей

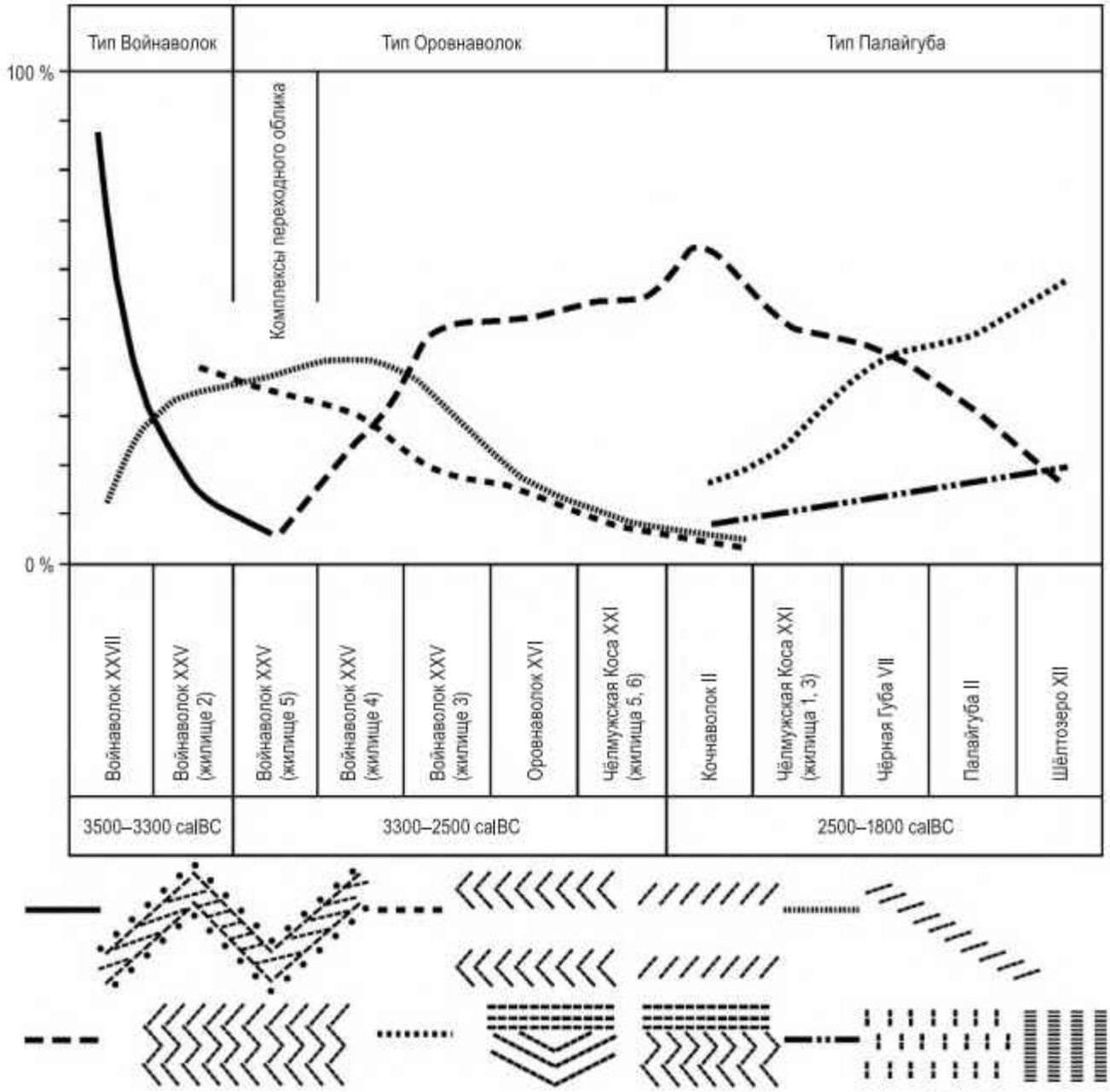

Рис. 5. График количественных изменений основных орнаментальных композиций энеолитической асбестовой керамики, найденной на западном и северном побережьях Онежского озера

четыре объекта археологического наследия (стоянки Деревянное XXVI, XXVII, XXIX, смолокуренная куча Деревянное XXVIII). В ходе сборов на противопожарных канавах, пересекающих стоянки к востоку от села Деревянное, был собран многочисленный материал, состоящий из каменного инвентаря и асбестовой керамики. В 2013 г. А.Ю. Тарасовым были заложены небольшие разведочные раскопы на двух стоянках с асбестовой керамикой Деревянное XII и Деревянное XVIII (по 18 кв. м). Особый интерес представляют находки со стоянки Деревянное XVIII, среди которых доминируют отходы изготовления рубящих орудий, в том числе четыре обломка заготовок рубящих орудий русско-карельского типа [31]. В 2020 г. А.М. Жульниковым на стоянках Деревянное XII, XV, XVI, XIX, XX повторно проведены сборы археологических артефактов. На стоянке Деревянное XVI в 2020 г. в ходе зачистки края противопожарной канавы был открыт замытый второй (нижний) культурный слой с асбестовой керамикой типа Оровнаволок, залегающий на глубине 0,45–0,85 м от поверхности. В верхнем культурном слое данной стоянки выявлены следы энеолитической

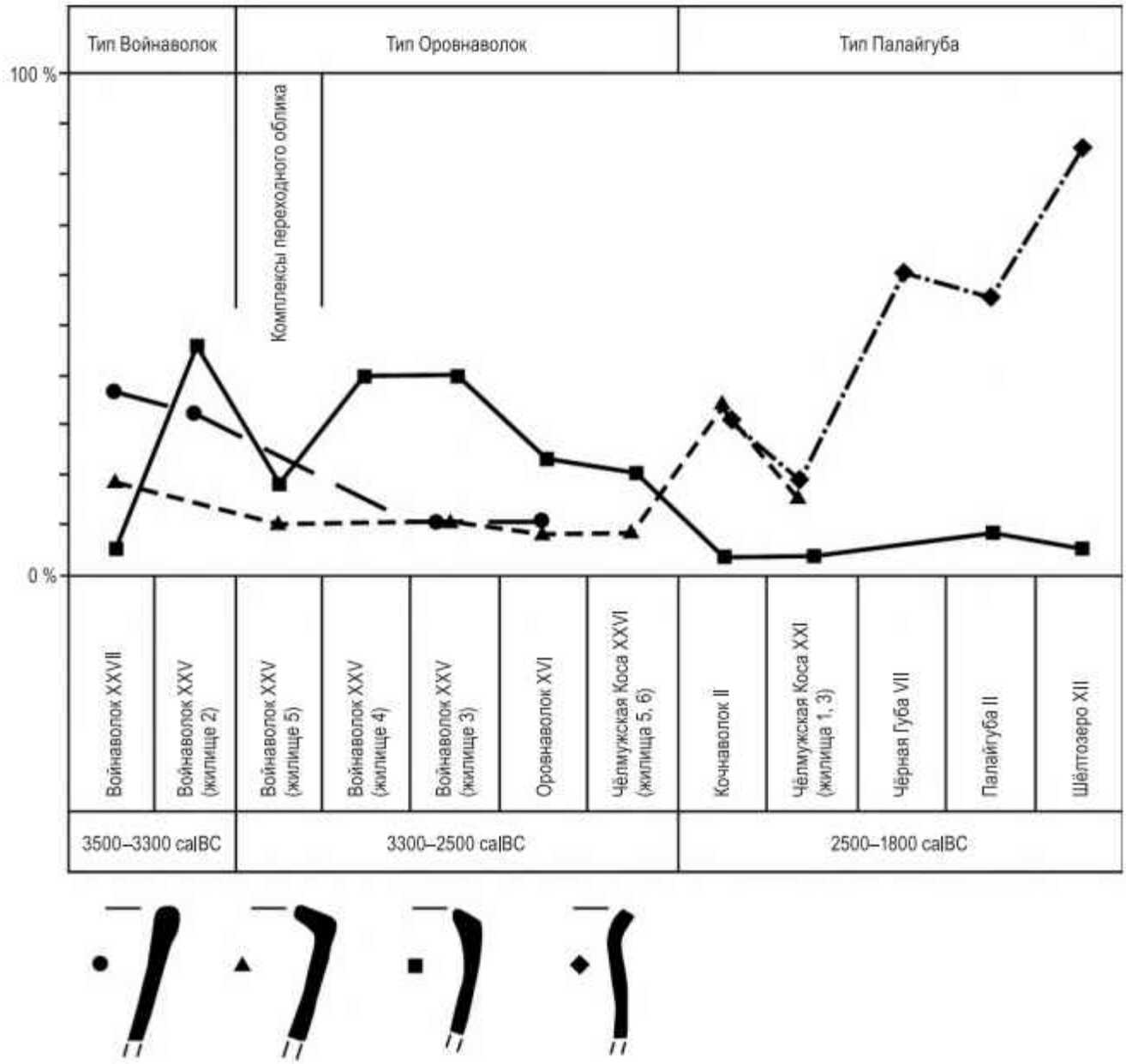

Рис. 6. График количественных изменений ряда форм венчиков на энеолитической асбестовой керамике, найденной на западном и северном побережьях Онежского озера

стоянки-мастерской по изготовлению рубящих сланцевых орудий с асбестовой керамикой типа Палайгуба [25]. В 2021 г. А.М. Жульниковым в ходе повторного обследования стоянки Деревянное XI в шурфе площадью 13,5 кв. м на глубине около 0,8–0,9 м от поверхности обнаружено погребение с многочисленными янтарными украшениями [32]. В 2023 г. разведочные работы были продолжены на стоянке Деревянное XIII, что позволило существенно пополнить собранную ранее на этом памятнике коллекцию асбестовой керамики и каменного инвентаря.

Наибольшая концентрация древних поселений в районе села Деревянное наблюдается у основания Уйского мыса, который в северной части смыкается с Деревянским мысом. Всего на Уйском мысе известны 22 стоянки и одна одиночная могила (рис. 7). На стоянках Деревянное II, VI, расположенных на высотных отметках 5–5,5 м над уровнем Онежского озера, найдена средненеолитическая ямочно-гребенчатая керамика льяловского облика. Стоянки Деревянное I, III, VII–X, XXII, находящиеся на высотных отметках около 4,5–5 м над уровнем озера, оставлены населением с ромбоямочной керамикой финала неолита – начала энеолита. На стоянках Деревянное V, XII–XXIV на высотных отметках от 4,5 до 3,5 м над уровнем озера собрана энео-

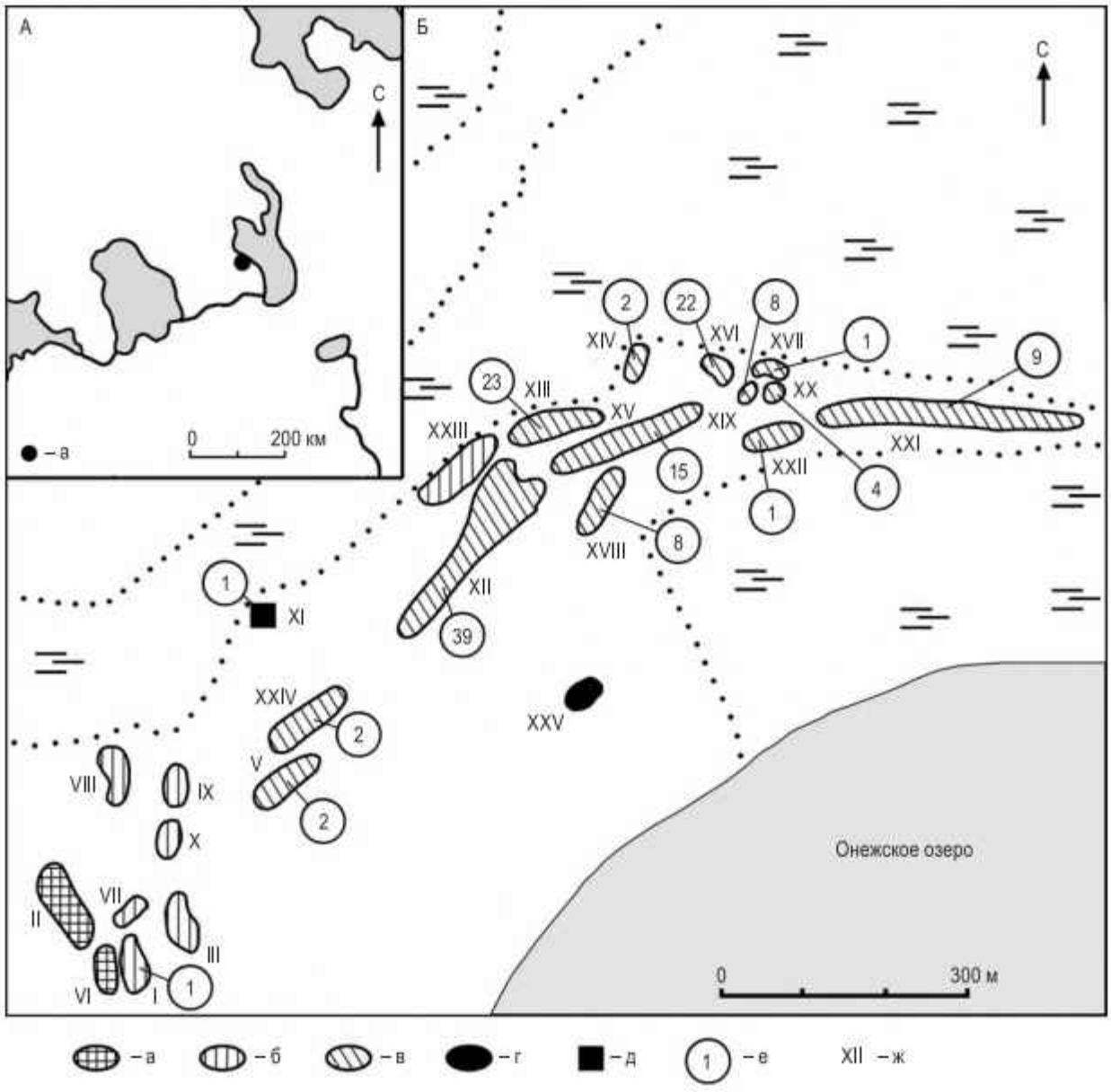

Рис. 7. Схемы расположения памятников археологии на западном берегу Онежского озера к востоку от села Деревянное. А – общая схема расположения группы памятников: а – место расположения археологических памятников. Б – схема расположения стоянок и одиночного погребения: а – стоянки с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой; б – стоянки с ромбоямочной керамикой финала неолита – начала энеолита; в – стоянки с энеолитической асбестовой керамикой; г – стоянка с сетчатой керамикой эпохи бронзы; д – одиночное энеолитическое захоронение; е – количество выделенных в коллекциях со стоянок сосудов с примесью асбеста и органики; ж – номер памятника

литическая асбестовая керамика типов Оровнаволок и Палайгуба. На поселении Деревянное XXV (около 3 м над уровнем водоёма) обнаружены сетчатая керамика (фрагменты одного сосуда) и немногочисленный кремнёвый инвентарь. Это кратковременное поселение относится к эпохе бронзы.

На стоянках Деревянное I, VII–X, XII, XVI, XXIV имеются впадины от полуземляночных жилищ (от одной до трёх). Бóльшая часть энеолитических стоянок с асбестовой керамикой на Уйском мысе приурочена к древним береговым валам, между которыми располагаются узкие заболоченные низины, которые отделяют поселения друг от друга. На противопожарных канавах, пересекающих Уйский мыс, находки иногда образуют скопления протяжённостью 20–40 м, в остальных случаях артефакты, маркирующие границы по-

селений, единичны. Культурный слой на Уйском мысе почти не окрашен охрой, выделяется нередко только по распространению находок.

Корпус энеолитической асбестовой керамики со стоянок Уйского мыса насчитывает 138 сосудов, выделенных по индивидуальным отличиям фрагментов венчиков и стенок. Относительно статистически многочисленные коллекции собраны на семи стоянках (от 8 до 39 сосудов). На остальных поселениях найдены от одного до четырёх сосудов (рис. 7). В ходе предварительного анализа одна часть асбестовой керамики с Уйского мыса была отнесена к поздней фазе типа Оровнаволок, а вторая часть – к типу Палайгуба.

Методика исследования и описание полученных результатов

Определение примеси в асбестовой керамике, собранной на Уйском мысе, проводилось в основном визуально, однако небольшую часть волокнистого минерала из керамики и его отдельные куски, найденные в культурном слое, удалось проанализировать методом петрографического анализа. Были выявлены существенные различия в составе асбеста, обнаруженного на Уйском мысе (поздняя стадия керамики типа Оровнаволок и керамика типа Палайгуба) и в низовье реки Шуя (керамика типа Войнаволок и ранняя фаза керамики типа Оровнаволок). Эти два скопления энеолитических памятников расположены на западном побережье Онежского озера, на удалении около 50 км друг от друга [33]. Наблюдаемые различия в составе асбеста между разновременными группами поселений могут быть связаны как с исчерпанием месторождения асбеста, так и с приходом в этот район населения из иного региона, которое нашло у западного побережья Онежского озера иные выходы волокнистого минерала. Недоступность некоторых выходов асбеста в этом регионе могла быть обусловлена тем, что некоторые из них в начале энеолита находились ещё под водой.

На начальной стадии изучения керамических коллекций, собранных на Уйском мысе, было выполнено их подробное описание по морфологическим признакам, включая количественные и качественные показатели. Малочисленные коллекции со стоянок Деревянное XIX, XX, XXI, образующих компактное скопление, были объединены в одну группу, чтобы получить возможность её статистического сравнения с иными комплексами. Некоторые результаты такой работы, касающиеся коллекций с относительно статистически представительными комплексами, включая собранные А.Ю. Тарасовым материалы, представлены в таблицах 1–3.

Далее было проведено сопоставление полученных данных с графиками изменений основных признаков керамики типов Войнаволок, Оровнаволок, Палайгуба, в том числе представленными на рисунках 4–6. В ходе подобного анализа, один из результатов которого изображён в виде графа на рисунке 8, было установлено, что наибольшее сходство одной части коллекций с Уйского мыса наблюдается с поздними комплексами керамики типа Оровнаволок, а другой – с довольно ранними комплексами керамики типа Палайгуба. Наибольшее сходство с керамикой типа Оровнаволок имеет керамика со стоянки Деревянное XII (рис. 9), а с керамической посудой типа Палайгуба – керамика со стоянки Деревянное XXI, с группы стоянок Деревянное XIX, XX, XXII (рис. 10). Керамические материалы со стоянки Деревянное XV по статистически данным, касающимся состава орнаментальных композиций, относятся к типу Оровнаволок, однако в их составе имеются фрагменты с чертами палайгубской посуды, что указывает на возможную смешанность этого комплекса.

Для получения дополнительных сведений о хронологии комплексов асбестовой керамики, собранной преимущественно на противопожарных канавах, были проведены исследования на стоянке Деревянное XVI, где в ходе зачистки края противопожарной канавы (7 м) были выявлены два культурных слоя, разделённых стерильной прослойкой намывного песка.

Керамика, обнаруженная в нижнем (втором) слое стоянки Деревянное XVI, относится к позднему варианту типа Оровнаволок. По индивидуальным особенностям стенок и венчиков выделены 15 сосудов. В ка-

Таблица 1. *Элементы орнамента и их сочетания на асбестовой керамике со стоянок на Уйском мысе*

№ п/п	Наименование стоянки	Элементы орнамента и их сочетания (%)								Всего сосудов (100 %)
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1	Деревянное XII	87,2	2,6	2,6	–	–	2,6	4,9	–	39
2	Деревянное XIII	82,6	4,3	8,7	–	–	4,3	–	–	23
3	Деревянное XV	86,7	–	–	–	13,3	–	–	–	15
4	Деревянное XVI (нижний слой)	86,7	13,3	–	–	–	–	–	–	15
5	Деревянное XVI (верхний слой)	71,4	–	–	–	28,6	–	–	–	7
6	Деревянное XVIII	75	–	–	12,5	–	–	–	12,5	8
7	Деревянное XXI	25	–	–	–	50	–	–	25	8
8	Деревянное XIX, XX, XXII	38,5				53,8			7,7	13

Элементы орнамента и их сочетания: 1 – оттиски гребенчатого штампа; 2 – ямки-лунки; 3 – оттиски гладкого штампа, в том числе ногтевые вдавления; 4 – оттиски трубочки; 5 – «верёвочка, намотанная на палочку» или её имитации (гребёнка с тонкой нарезкой); 6 – сочетание оттисков гребенчатого штампа и ямок-лунок; 7 – сочетания оттисков гребенчатого и гладкого штампов; 8 – сосуды без орнамента.

Таблица 2. *Орнаментальные композиции на асбестовой керамике со стоянок на Уйском мысе*

№ п/п	Наименование стоянки	Орнаментальные композиции (%)								Всего сосудов (100 %)
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1	Деревянное XII	74,3	12,8	5,1	5,1	2,6	–	–	–	39
2	Деревянное XIII	47,8	17,4	21,7	4,3	8,6	–	–	–	23
3	Деревянное XV	46,7	13,3	20	13,3	–	–	6,7	–	15
4	Деревянное XVI (нижний слой)	73,3	13,3	6,7	6,7	–	–	–	–	15
5	Деревянное XVI (верхний слой)	71,4	–	–	14,3	–	–	14,3	–	7
6	Деревянное XVIII	75	12,5	–	–	–	–	–	12,5	8
7	Деревянное XXI	25	–	–	–	–	–	50	25	8
8	Деревянное XIX, XX, XXII	50	–	–	–	–	16,6	25	8,3	12

Орнаментальные композиции: 1 – вертикальный зигзаг; 2 – диагональные ряды, в том числе зигзагообразные полосы; 3 – горизонтальные ряды (из оттисков гребенчатого, гладкого штампов, ямок-лунок), сочетающиеся с полосами неорнаментированного пространства; 4 – горизонтальные ряды оттисков гребенчатого или гладкого штампов; 5 – сочетание горизонтальных рядов гребенчатого штампа с рядами ямок-лунок, оттисков штампа, поставленного под разными углами; 6 – горизонтальный зигзаг; 7 – горизонтальные линии из состыкованных оттисков штампа (гребёнка, «верёвочка, намотанная на палочку», имитации «верёвочки, намотанной на палочку»), сочетающиеся с вертикальным или горизонтальным зигзагом; 8 – сосуды без орнамента на стенках.

Таблица 3. *Формы венчиков асбестовой керамики со стоянок на Уйском мысе*

№ п/п	Наименование стоянки	Форма венчика (%)							Всего сосудов (100 %)
		1	2	3	4	5	6	7	
1	Деревянное XII	60	–	–	–	10	20	–	10
2	Деревянное XIII	66,6	–	–	16,6	8,3	8,3	–	12
3	Деревянное XV	37,5	–	–	–	37,5	25	–	8
4	Деревянное XVI (нижний слой)	83,3	–	16,7	–	–	–	–	6
5	Деревянное XVI (верхний слой)	100	–	–	–	–	–	–	2
6	Деревянное XVIII	–	–	50	–	–	50	–	2
7	Деревянное XXI	33,3	33,3	–	–	–	–	33,3	3
8	Деревянное XIX, XX, XXII	100	–	–	–	–	–	–	4

Формы венчиков: 1 – прямой, плоскосрезанный, с утолщением или без него; 2 – прямой, округлый с утолщением; 3 – прямой, округлый без утолщения; 4 – прямой, скошенный срезом наружу; 5 – прямой, скошенный срезом внутрь; 6 – прямой, Г-образный с загибом края внутрь; 7 – отогнутый, с округлым краем.

честве примеси у 13 сосудов применялись асбест и птичий пух, в одном случае наряду с пухом и асбестом использован шамот, в одном сосуде птичий пух сочетается с песком (?). Минимум на четырёх фрагментах имеются признаки окатанности. Сосуды – круглодонные или с уплощённым донышком. Венчики сохранились от шести сосудов, все они прямые, в пяти случаях утолщены, разделяются по форме: прямосрезанные (5), округлый без утолщения (1). Четыре венчика орнаментированы по верхнему срезу оттисками гребёнки, два – мелкими ямками. На стенках 13 сосудов прослеживаются оттиски гребенчатого штампа. Два сосуда украшены мелкими ямками. Мотивы орнамента: вертикальный зигзаг (11), горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа (1), диагональные ряды оттисков гребёнки (1), горизонтальные ряды редко расставленных ямок, перемежающиеся с полосами неорнаментированного пространства (2) (рис. 11).

В верхнем (первом) культурном слое стоянки Деревянное XVI найдены фрагменты семи сосудов. В качестве примеси в них использовались асбест и птичий пух. Венчиков сохранилось всего два, они прямые, утолщёные, прямосрезанные, украшенные оттисками гребёнки. Стенки посуды орнаментированы оттисками гребёнки, в том числе два сосуда – штампом с тонкой нарезкой, вероятно, имитирующей оттиски «верёвочки, намотанной на палочку». Мотивы орнамента прослежены на шести сосудах: вертикальный зигзаг (5), горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа (1), горизонтальные линии из состыкованных оттисков гребёнки чередуются с горизонтальными рядами оттисков гребёнки, поставленной почти прямо (1). Обнаружены два плоских донышка. Оттиски гребёнки с тонкой нарезкой и горизонтальные линии из оттисков

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

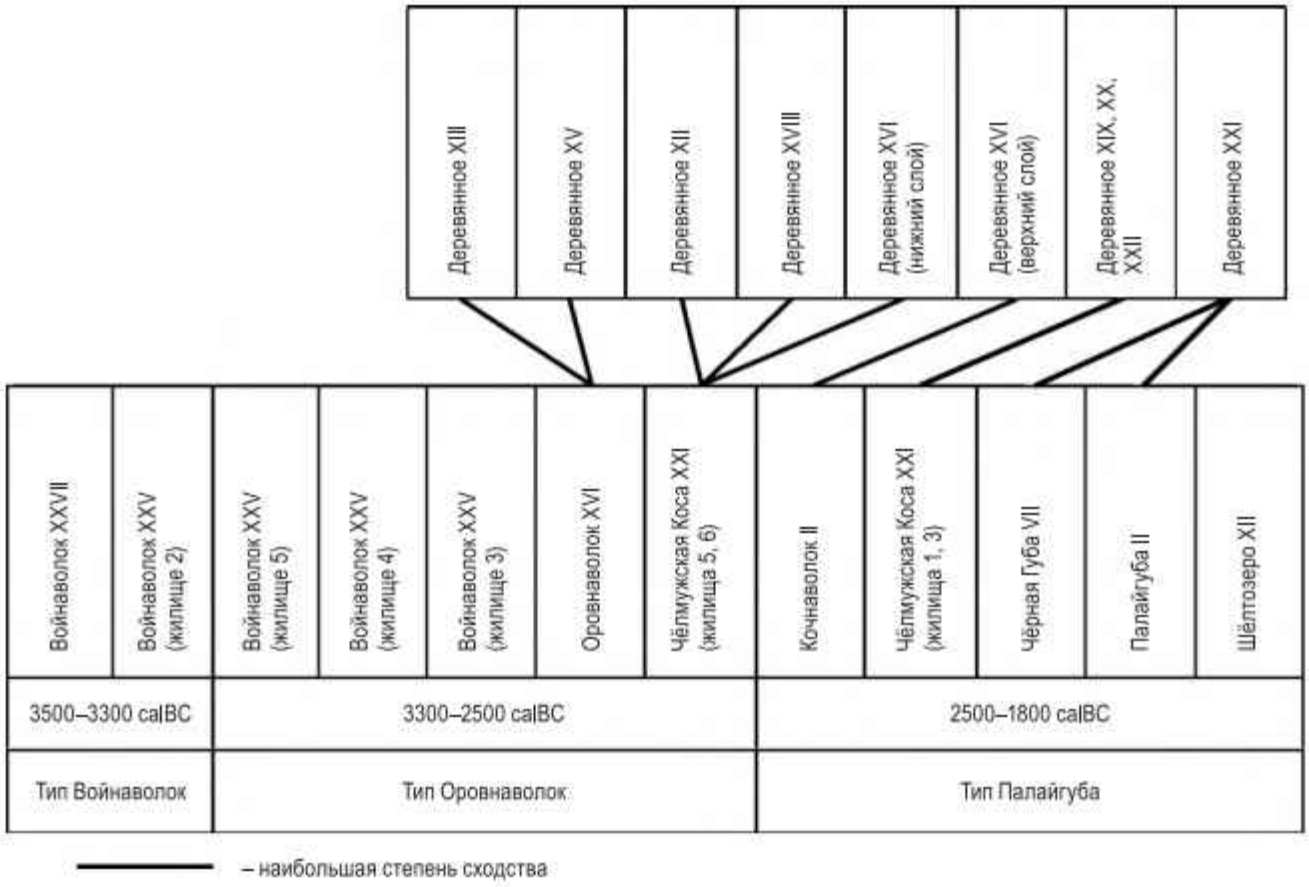

Рис. 8. Граф степени сходства орнаментальных композиций асбестовой керамики со стоянок Деревянное XII, XIII, XV, XVI, XVIII, XXI и опорных комплексов керамики, обнаруженной на западном и северном побережьях Онежского озера (в жилищах или на стоянках с чистыми комплексами)

гребёнки – признаки, характерные для керамики типа Палайгуба. Показательно различие в форме донышек, найденных в нижнем (округлые) и в верхнем (плоские) слоях (рис. 11).

Образец угля (берёзовая кора), обнаруженный в замытом (нижнем) слое стоянки Деревянное XVI с керамикой поздней фазы развития типа Оровнаволок, получил дату 2850–2490 лет до н. э. (4071±28, Hela-4909) [25]. Керамика верхнего слоя со стоянки Деревянное XVI, исходя из полученных данных, отнесена к типу Палайгуба, поскольку в её орнаментации нет композиций, типичных для типа Оровнаволок (диагональные ряды оттисков штампа и горизонтальные ряды оттисков штампа, чередующиеся с неорнаментированными зонами). Изучение материалов со стоянки Деревянное XVI подтвердило данные о хронологии типов керамики на Уйском мысу: комплексы посуды типа Палайгуба являются более поздними по отношению к комплексам с керамикой типа Оровнаволок.

Поскольку из-за малочисленности коллекций с некоторых стоянок Уйского мыса не всегда имеется возможность определения их принадлежности к тому или иному типу керамики, на первый план выходят качественные типообразующие признаки. Сведения о местах находок фрагментов керамики, обладающей подобными признаками, были нанесены на картосхему территории исследований (рис. 12). Керамика с морфологическими характеристиками, выделенными для керамики типа Оровнаволок, концентрируется в западной части скопления стоянок с асбестовой керамикой на Уйском мысу. Фрагменты посуды с признаками, выделенными как типичные для палайгубской керамики, напротив, размещаются в восточной части скопления. Участки террас (песчаных кос) на Уйском мысу в восточной части скопления стоянок с асбестовой керамикой имеют несколько более низкие отметки по сравнению с участками, где расположена западная группа стоянок. Эти данные являются ещё одним хронологическим показателем более позднего возраста керамики типа Палайгуба по отношению к керамике типа Оровнаволок. Наличие признаков керамики типов Оровнаволок и Палайгуба на поселении Деревянное XV, занимающем в пространственном отношении промежуточное между западной и восточной группами стоянок с асбестовой керамикой местоположение (рис. 12), видимо, обусловлено неоднократным посещением этого места носителями двух типов энеоли-

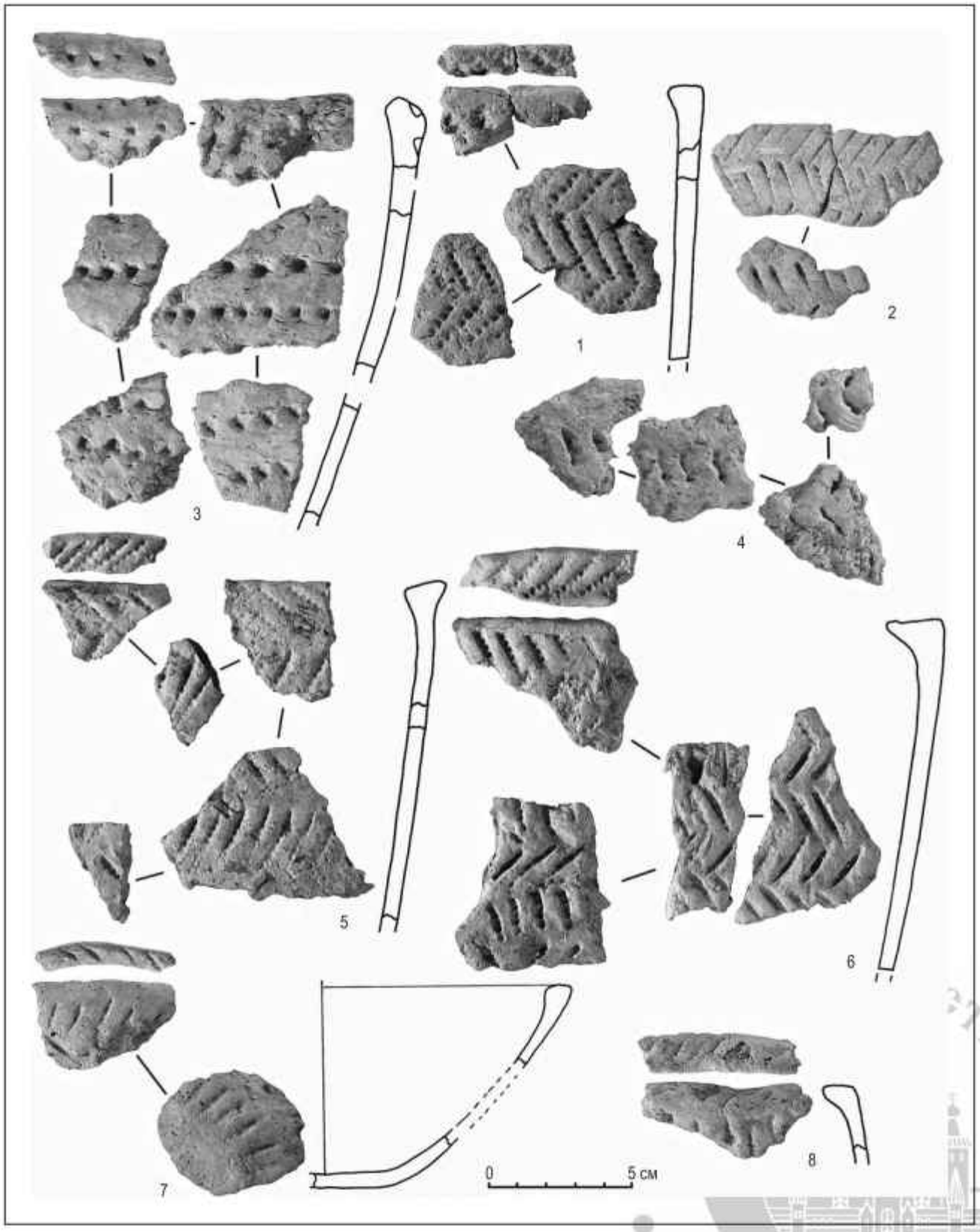

Рис. 9. Керамика типа Оровнаволок со стоянки Деревянное XII

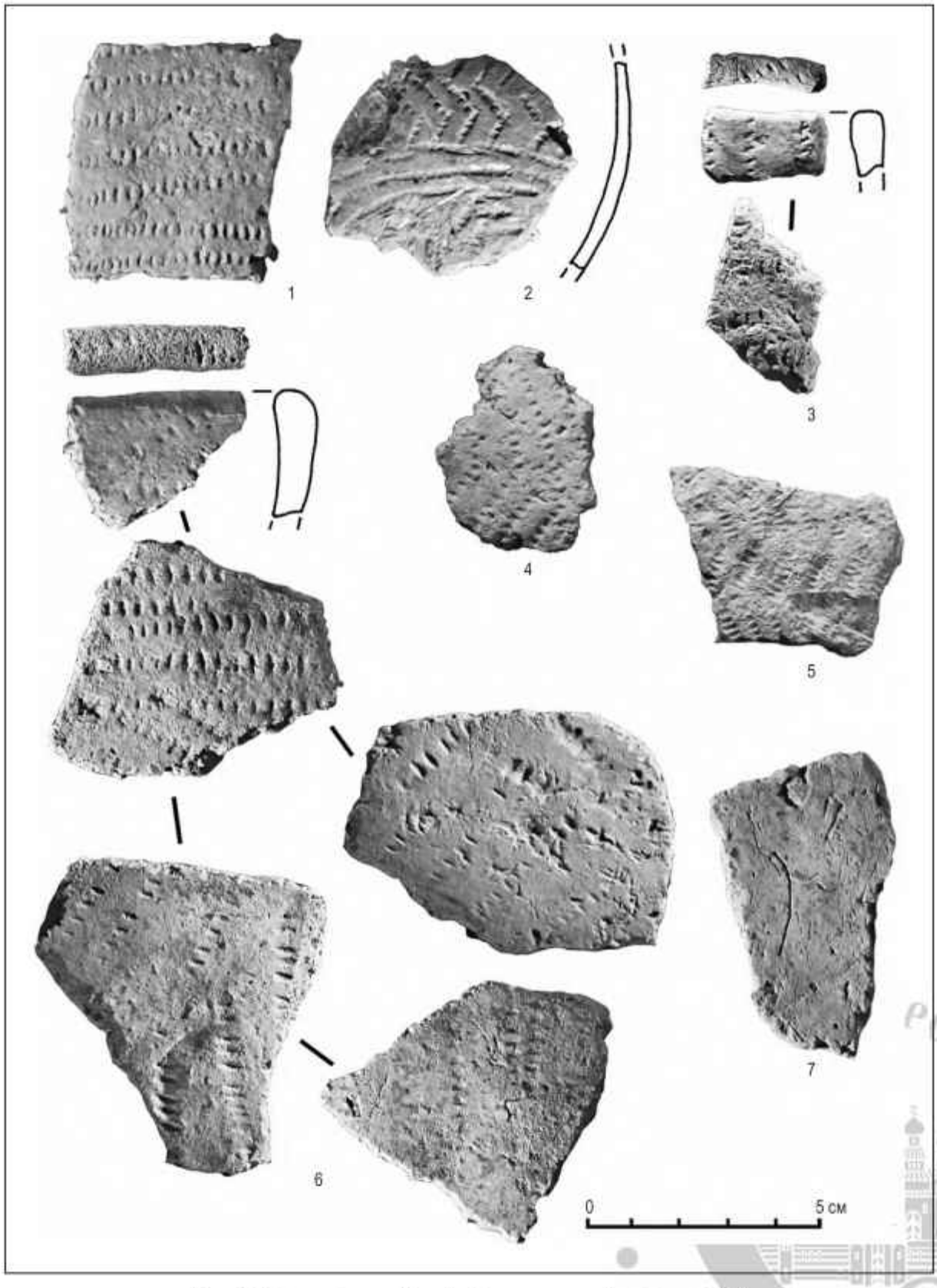

Рис. 10. Керамика типа Палайгуба со стоянки Деревянное XXI

ственный объединенный музей

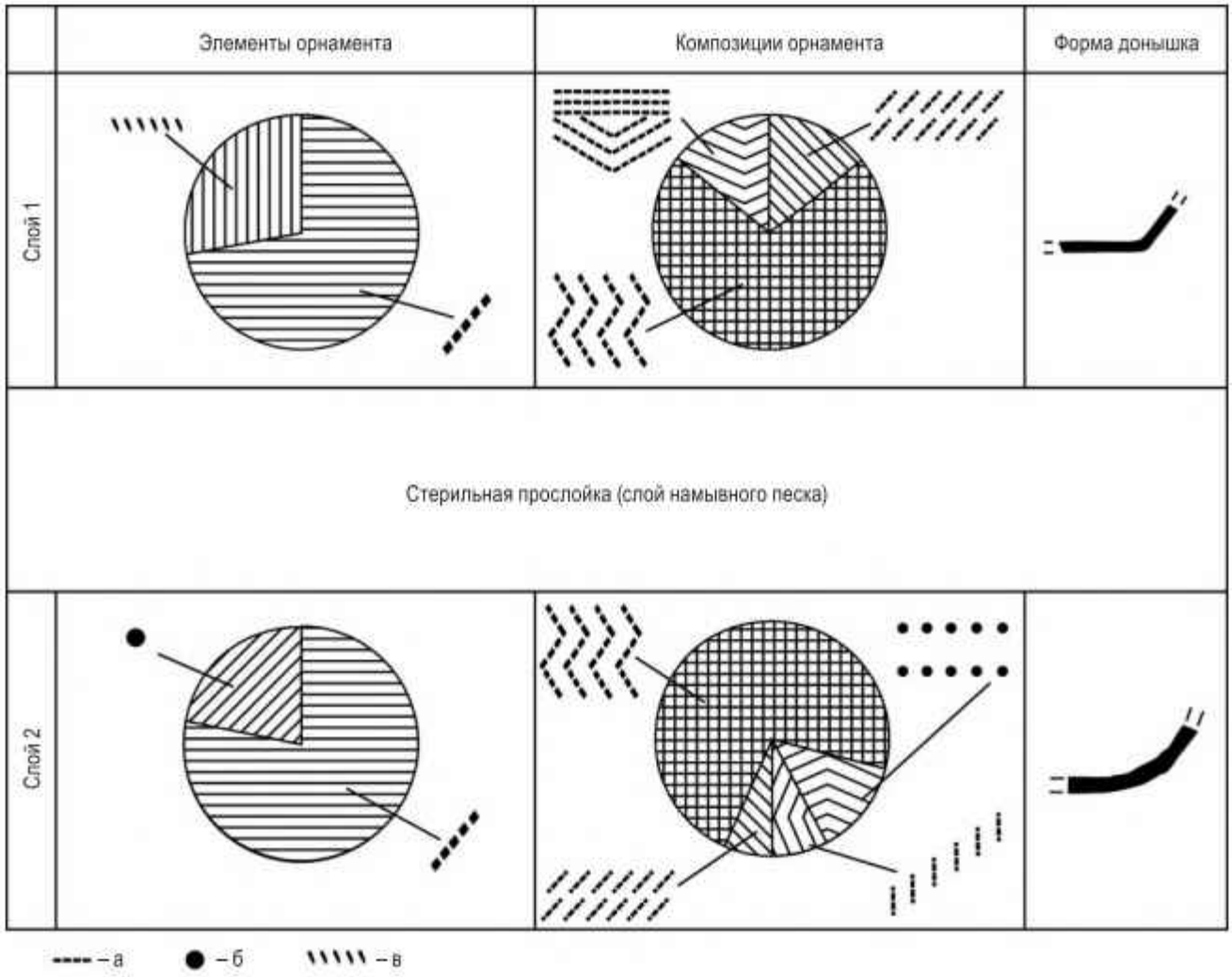

Рис. 11. Схема различий в элементах орнамента, орнаментальных композициях и форме донышек сосудов в комплексах асбестовой керамики, разделённых стерильной прослойкой на стоянке Деревянное XVI: а – оттиски гребенчатого штампа; б – оттиски тонкозубого штампа, имитирующие оттиски верёвочки; в – ямки-лунки

тической асбестовой керамики, однако нельзя исключить наличия на этом памятнике керамической посуды так называемого переходного облика.

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют детально реконструировать процесс формирования Уйского мыса в неолите – энеолите (рис. 13). Известные здесь средненеолитические стоянки располагались у оконечности мысовидного участка берега Онежского озера (рис. 13: А). По мере формирования мыса в финале неолита в его восточной части образуется узкая и длинная песчаная коса, на оконечности которой появляется поселение с ромбоямочной керамикой (Деревянное XXIII). Культурный слой этой стоянки оказался частично размыт, а местами перекрыт песчаными наносами. У основания мыса, напротив, культурный слой расположенных здесь стоянок не имеет признаков размыва, о чём свидетельствуют зафиксированные многочисленные жилищные впадины финала неолита – начала энеолита (на стоянках Деревянное III, VI–X) (рис. 13: Б). К сер. III тыс. до н. э. оконечность мыса смещается в восточном направлении примерно на 0,3 км, существенно увеличивается его площадь (рис. 13: В). В это время Уйский мыс, особенно его оконечность, начинает активно использоваться населением с керамикой типа Оровнаволок, в том числе для строительства полуземляночных жилищ и совершения одиночных (?) захоронений. Во 2-й пол. III тыс. до н. э. продолжается смещение оконечности Уйского мыса в восточном направлении, где в это время образуется длинная, узкая, низкая песчаная коса (рис. 13: Г), которая периодически посещалась населением с керамикой типа Палайгуба. В эпоху бронзы разрастание площади мыса в восточном направлении временно почти

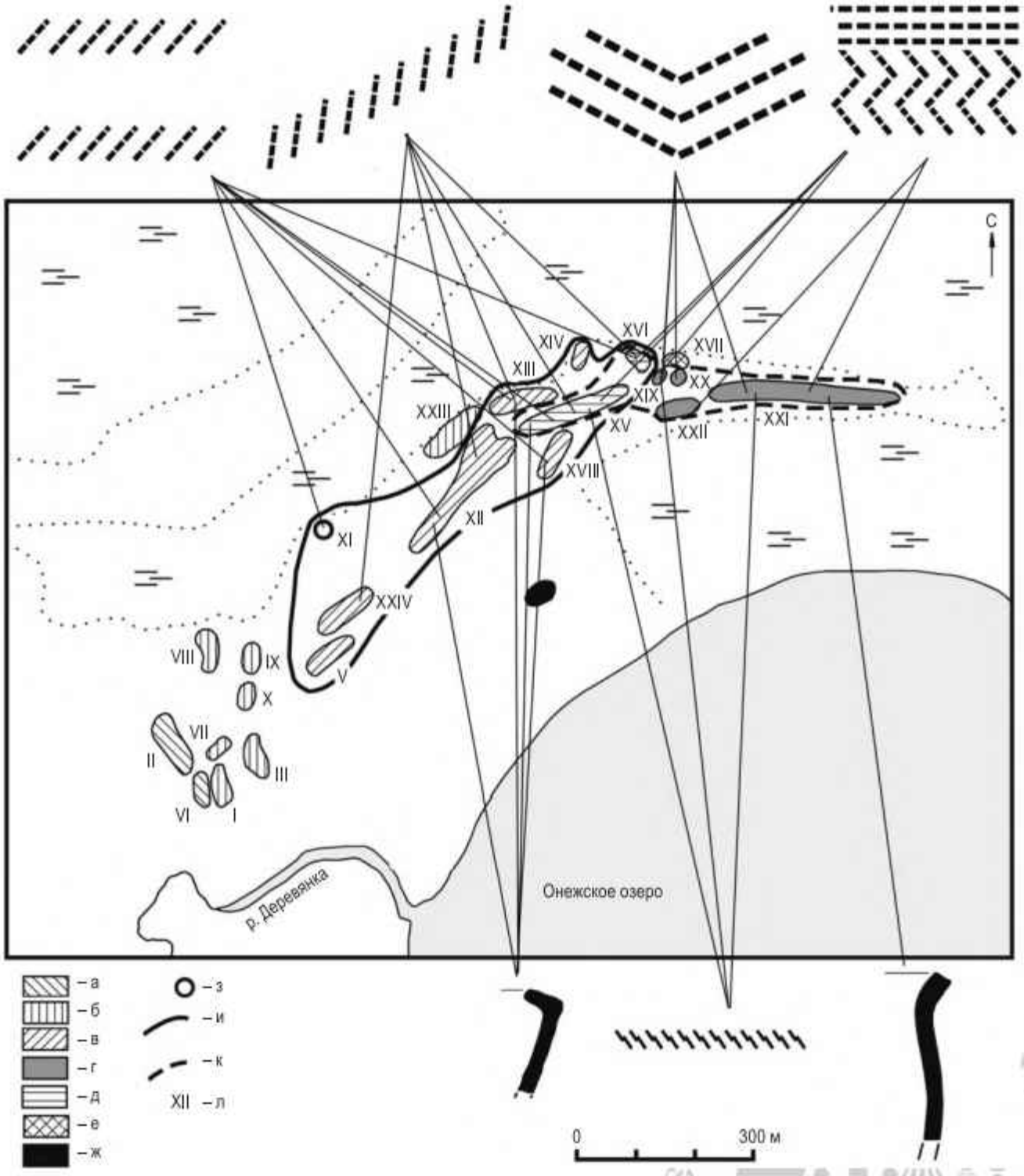

Рис. 12. Схема пространственного распространения отдельных признаков на асбестовой керамике, обнаруженной на стоянках у села Деревянное: а – стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой; б – стоянки с ромбоямочной керамикой; в – стоянки с асбестовой керамикой типа Оровнаволок; г – стоянки с асбестовой керамикой типа Палайгуба; д – стоянки, на которых представлена керамика типов Оровнаволок и Палайгуба; е – стоянка с асбестовой керамикой неопределённого типа; ж – стоянка с сетчатой керамикой; з – одиночное энеолитическое захоронение; и – граница распространения комплексов с керамикой типа Оровнаволок; к – граница распространения комплексов с керамикой типа Палайгуба; л – номер памятника

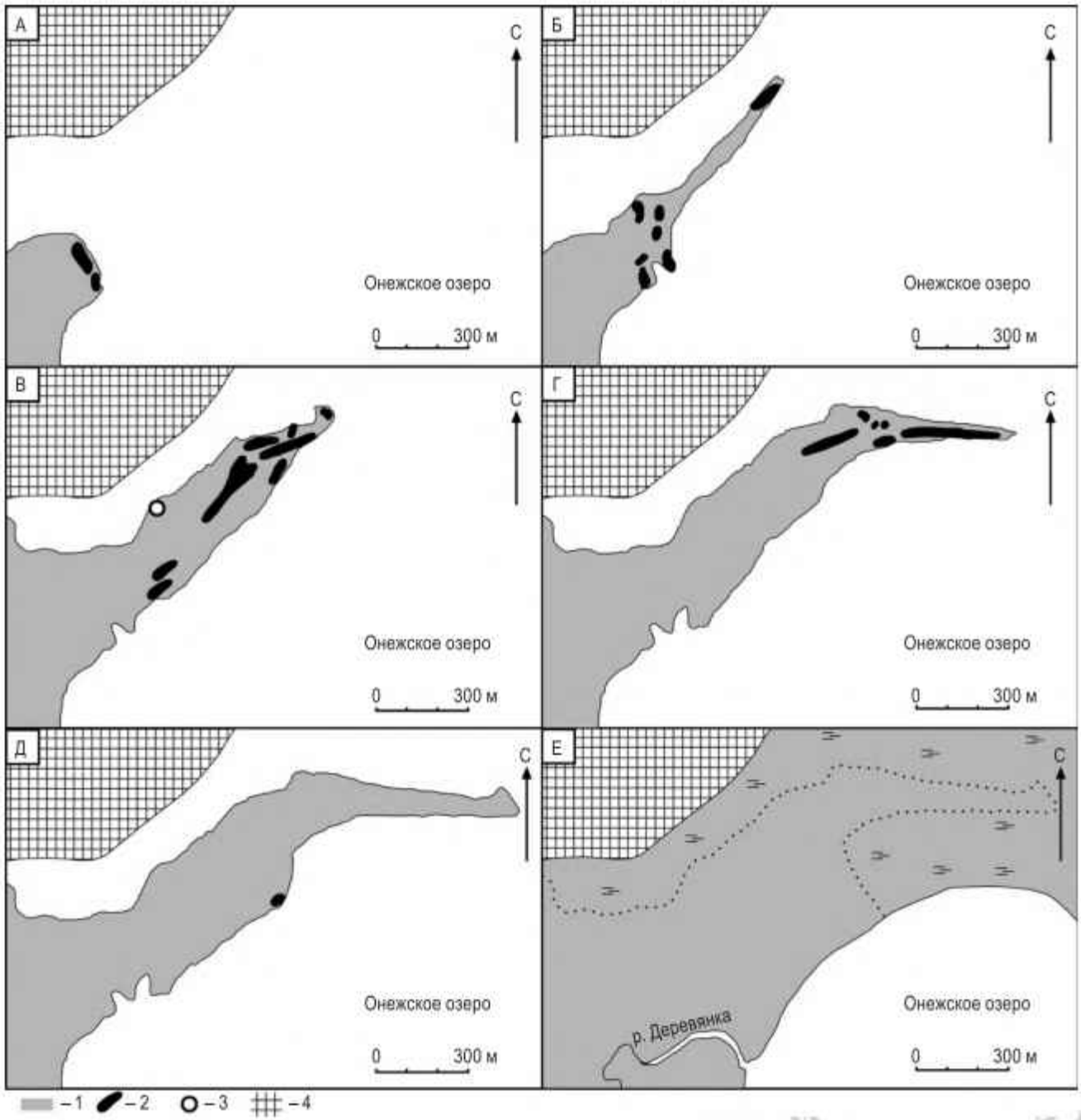

Рис. 13. Реконструкция этапов формирования мыса к востоку от села Деревянное: А – береговая линия в неолите (около 5 м над современным уровнем озера) (стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой); Б – береговая линия в финале неолита – начале энеолита (4,5 м над современным уровнем озера) (стоянки с ромбоямочной керамикой); В – береговая линия в энеолите на финальной стадии существования керамики типа Оровнаволок (4 м над современным уровнем озера); Г – береговая линия в конце энеолита (3,5 м над современным уровнем озера) (стоянки с асбестовой керамикой типа Палайгуба); Д – береговая линия в эпоху бронзы (3 м над современным уровнем озера) (стоянка с сетчатой керамикой); Е – современная береговая линия Онежского озера. 1 – территория Уйского мыса; 2 – стоянка; 3 – одиночное захоронение; 4 – неисследованный участок. Нумерация обозначенных на схемах памятников дана на рисунке 7

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

прекратилось (рис. 13: Д). Определение времени завершения процесса заболачивания залива, примыкающего к северной части Уйского мыса, требует проведения палеогеографических исследований.

Выводы

По мере поднятия берега Онежского озера энеолитические поселения в районе Уйского мыса наиболее заметно перемещались к его оконечности. Различия между комплексами керамики стоянок, расположенных вдоль длинной оси мыса, являются более явными по сравнению с материалами поселений, которые образуют цепочки пятен культурного слоя, ориентированных поперёк мыса. Эти данные, очевидно, могут помочь исследователям при выборе мест для заложения раскопов в тех ландшафтных ситуациях, где стоянки приурочены к мысовой (островной) части линии берега, изменяющейся вследствие тектонических или иных естественных процессов.

Наличие значительной серии дат, полученных по нагару или смоле на керамике, без привлечения данных классификации, планиграфических и стратиграфических наблюдений, на мой взгляд, не позволяет выявить хронологические и пространственные изменения в изучаемых керамических группах. Пример появления заметной хронологической лакуны в заселении большей части Финляндии, который наблюдается в имеющихся датах, вызывает вполне закономерный скепсис в использовании метода радиоуглеродного датирования для рассмотрения проблем хронологии энеолитических древностей Восточной Фенноскандии.

Проведённое исследование показало, что в заселении Уйского мыса в энеолите был заметный перерыв (около 300–400 лет), который выразился в отсутствии на данной территории комплексов с керамикой типа Войнаволок и ранней стадии керамики типа Оровнаволок. Высокая доля в орнаментации композиций в виде вертикального зигзага на собранной на Уйском мысу посуде типа Палайгуба, что характерно для ранней стадии этой группы керамики, косвенно указывает на то, что в финале энеолита (кон. III – нач. II тыс. до н. э.) древние охотники и рыболовы покидают эту территорию. В последующее время этот участок берега Онежского озера эпизодически посещался древними людьми лишь в эпоху бронзы. Относительно узкая пространственная граница на Уйском мысу между комплексами керамики типов Оровнаволок (поздняя стадия) и Палайгуба (ранняя стадия) дополнительно подтверждает сделанный ранее автором вывод о скачкообразном появлении/исчезновении пучка признаков в керамике этих типов. Вопрос о причинах подобной динамики изменений в морфологии энеолитической керамики Восточной Фенноскандии требует отдельного рассмотрения.

Приведённые выше примеры «раздельного» изучения отдельных качественных типообразующих признаков асбестовой керамики свидетельствуют, что подобный методический приём вполне применим для изучения малочисленных серий сильно измельчённой керамической посуды. Пространственное или стратиграфическое рассмотрение отдельных морфологических признаков позволяет значительно расширить возможный круг используемых источников за счёт привлечения небольших по численности комплексов керамической посуды, обычно считающихся малоинформативными.

Для асбестовой керамики, собранной на Уйском мысу, характерно наличие довольно многочисленной серии сосудов, которые обнаруживаются на всей площади мыса (посуда, украшенная вертикальным зигзагом из оттисков гребёнки, часто со слегка утолщёнными прямосрезанными венчиками). Такая посуда, которая встречается не только на территории исследований, но и на многих иных энеолитических поселениях Северной Европы, создаёт своего рода «посторонний шум», затрудняющий статистические сопоставления, что необходимо учитывать при отборе признаков и определении их «веса» для последующих типологических построений. Напротив, при решении задач установления родства и связей древнего населения Северной Европы керамической посуде с признаками, наблюдаемыми на обширных территориях, должно уделяться самое пристальное внимание.

Степень сходства (близости к «идеалу»), устанавливаемая путём статистического сопоставления образовавшихся за сотни лет однотипных комплексов керамической посуды с опорными кратковременными коллекциями (например, из слоя пола полуземляночных жилищ), видимо, далеко не всегда или не полностью отражает реальную ситуацию формирования изучаемых комплексов керамики. В этой связи при анализе близких хронологически комплексов керамики, особенно при их немногочисленности, актуальным становится привлечение дополнительных сведений, не имеющих прямого отношения к процедуре типологического изучения источника, в частности, данных по планиграфии, картографии, высотному расположению, стратиграфии, отчасти данных радиоуглеродного датирования и т. д.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жульников А.М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
2. *Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.
3. *Жульников А.М.* Памятники с керамикой типа Залавруга I и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов // Кольский сборник. СПб., 2007.
4. *Жульников А.М.* О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // Поволжская археология. 2022. № 3 (41).

5. *Жульников А.М., Тарасов А.Ю.* О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // РА. 2021. № 4.
6. *Колпаков Е.М.* Классификация в археологии. СПб., 2013.
7. *Клейн Л.С.* Классы и типы в археологии: Размышления о книге Е.М. Колпакова // Российский археологический ежегодник. 2015–2016. № 5–6.
8. *Першин В.Б., Першина И.В.* Классификация и типология: логико-методологический анализ // Вестник Нижегородской правовой академии. № 14 (14). 2017.
9. *Carpelan, C.* От asbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt Museum. Vol. 85. 1979.
10. *Lavento, M., Hornytzkij, S.* Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age pottery in Finland and Eastern Karelia // Helsinki Papers in Archaeology. No 9. Helsinki, 1996.
11. *Савватеев Ю.А.* Залаврута. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2: Стоянки. Л., 1977.
12. *Панкрушев Г.А.* Стоянки юго-западного побережья Онежского озера (двуслойные и под намывными валами) // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М., 1983.
13. *Герасимов Д.В.* «Мал золотник, да дорог!»: об опорных комплексах каменного века – эпохи раннего металла юго-восточной части региона Финского залива // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб., 2015. (Замятнинский сборник. Вып. 4)
14. *Никонов А.А.* Голоценовые и современные движения земной коры (геолого-геоморфологические и сейсмо-тектонические вопросы). М., 1977.
15. *Панкрушев Г.А.* Формирование берегов Онежского озера в голоцене (по археологическим данным) // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 1984.
16. *Козырева Р.В.* Керамика с органической примесью со стоянки Ильинский остров Архангельской области // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М., 1983.
17. *Chalikov, A.* Archaologische Denkmale vom Pyheensilta-Typ in Finnland und ihre östlichen Analogien // Fennoscandia Archaeologica. Vol. III. 1986.
18. *Панкрушев Г.А.* Турбинская керамика на древних поселениях Карелии // СА. 1975. № 3.
19. *Zhulnikov, A., Tarasov, A., Kriiska, A.* Discrepancies between conventional and AMS dates of complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of "reservoir effect"? // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XXIX. 2012.
20. *Nordqvist, K., Mökkönen, T.* Pöljä Ware: properties, dating and regional variation // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XXXVIII. 2021.
21. *Lavento, M.* Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. No. 109. Helsinki, 2001.
22. *Лавento М., Патрушев В.С.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые 14С-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2 (15).
23. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
24. *Gerasimov, D.V., Gusentsova, T.M., Kholkina, M.A.* Tracing the boundary: Southern periphery of the Neolithic asbestos ware // Estonian Journal of Archaeology. No 23 (2). 2019.
25. *Гусенцова Т.М., Жульников А.М.* Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 45, № 1. 2023.
26. *Mökkönen, T., Nordqvist, K.* Kierikki Ware and the contemporary Neolithic asbestos- and organic-tempered potteries in North-East Europe // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XXXIV. 2017.
27. *Нордквист К., Мёккёнен Т.* Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита – энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018.
28. *Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И.* Кольская археологическая экспедиция // АО–2018. М., 2020.
29. *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л., 1961. (МИА. № 87)
30. *Панкрушев Г.А.* Мезолит и неолит Карелии. Часть 2: Неолит. Л., 1978.
31. *Тарасов А.Ю., Зобков М.Б.* Энеолитические мастерские западного побережья Онежского озера: Статистико-планиграфический анализ // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия «Гуманитарные исследования». № 8. 2015.
32. *Жульников А.М.* Прибалтийские янтарные украшения с энеолитических памятников Карелии // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск, 2022
33. Минералого-геохимические критерии для установления источников сырья и технологии изготовления керамики с примесью асбеста из археологических памятников Карелии и Карельского перешейка / *М.А. Кулькова, Д.В. Герасимов, А.М. Кульков, М.А. Стрельцов, А.М. Жульников* // Геоархеология и археологическая минералогия. Т. 7. 2020.

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

A.M. Zhul'nikov

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE IDENTIFICATION OF MULTI-TIME COMPLEXES IN THE SAME TYPE OF CERAMICS (BY THE EXAMPLE OF THE STUDY OF ENEOLITHIC COMPLEXES IN THE WESTERN PRIONEZHYE)

Summary

The article presents the results of the search and testing of methodological techniques for dividing into relatively short-term chronological groups of complexes of Eneolithic asbestos ceramics from monuments of a multiple settlement studied on the western shore of Lake Onega. Keeping in mind the results of the practical analysis of chronologically similar ceramic complexes, especially with their small number, it is important to attract additional information that is not directly related to the procedure of typological study of the source, in particular, data on planography, cartography, altitude location, stratigraphy, and the results of radiocarbon dating. Such information can be used to select features and determine their significance during the typological study of ancient ceramics.

Petrozavodsk State University,
33, Lenina St., Petrozavodsk, 185910,
Republic of Karelia,
Russian Federation
E-mail: rockart@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Д.А. Иванов

КЕРАМИКА ПРИМОКШАНСКОЙ (ИВАНОБУГОРСКОЙ) КУЛЬТУРЫ СО СТОЯНКИ СУМБУЛОВО IV НА СРЕДНЕЙ ОКЕ

Публикация вводит в научный оборот коллекцию керамики эпохи раннего металла, полученную в ходе раскопок В.П. Челяповым стоянки Сумбулово IV на Средней Оке. Посуда находит широкие аналогии в кругу материалов примокшанской культуры на Средней Оке, в Примокшанье, в Посурье, на Цне. Вместе с тем у основной части коллекции сумбуловской посуды отчётливо прослеживаются керамические традиции иванобугорской культуры лесостепного Подонья, проявление которых можно заметить в технологии изготовления, морфологии и декоре. Так, отличительной особенностью примокшанских (иванобугорских) племён можно признать использование ими при формовке посуды специфического технологического приёма включения в формовочные массы шерсти и волоса. Профилировка венчиков и формы сосудов сумбуловской керамики полностью соответствуют основным типам иванобугорской посуды. В орнаментации сосудов использованы основные иванобугорские элементы орнамента и композиции, но отсутствуют черты, свойственные посуде поздней стадии развития (воронежская культура). Таким образом, материалы со стоянки Сумбулово IV можно сопоставить с иванобугорскими древностями на развитом этапе вплоть до начала формирования посуды воронежского типа.

DOI: 10.70203/8894.2024.47.23.023

История изучения примокшанской культуры насчитывает уже более чем полувековой период. За это время была создана обширная база источников, благодаря которой удалось установить, что ареал культуры гораздо шире, чем представлялось ранее. Помимо собственно географического Примокшанья памятники были обнаружены в верховьях Воронежа, по всему течению Цны, в Посурье и на Средней Оке. Вместе с тем расширение географии культуры, рост объёма археологических материалов, анализ и сопоставление их с комплексами иванобугорской культуры позволили исследователям иначе взглянуть на саму примокшанскую культуру и подвергнуть сомнению её самостоятельный статус, усматривая истоки её культурной традиции на территории Среднего Дона [1, с. 142–143]. Помимо того что это культурное образование уже не отвечало своему названию (примокшанская), были обнаружены прямые параллели с иванобугорскими древностями. Так, была очерчена обширная территория, освоенная племенами с очень близкой материальной культурой, но расположенная в разных географических зонах с различающейся растительностью. Таким образом, сложилась ситуация, когда одни и те же древности, обнаруженные на территории современной лесостепи, относились к иванобугорской культуре, а памятники, выявленные в зоне смешанных и широколиственных лесов, – к примокшанской.

Принимая во внимание, что в археологической литературе понятие о самостоятельном статусе примокшанской культуры уже успело сложиться, но также поддерживая исследователей в том, что она являет собой не что иное, как локальный вариант иванобугорской культуры, в настоящей публикации для этого культурного археологического образования будет применяться двойное название: примокшанская (иванобугорская) культура.

Для территории Средней Оки итог изучения примокшанских (иванобугорских) древностей был подведён в начале 2000-х годов В.П. Челяповым [2, с. 378–386], но объём источников продолжает увеличиваться. К настоящему времени в Среднем Поочье в пределах рязанского течения реки известны около 70 памятников, на которых были выявлены аналогичные материалы, представленные, как правило, обломками глиняной посуды. Фрагменты сосудов характерного профиля, богато украшенные своеобразными орнаментальными бордюрами, легко распознаются и вычленяются в керамических коллекциях. Керамический материал с памятников, как правило, не велик по объёму и в основном представлен единичными фрагментами сосудов, найденными в ходе сборов или шурфовки. По информативности случайные находки сильно уступают ке-

рамическим комплексам, происходящим из раскопок, которые позволяют получить более полную и целостную картину, сделать стратиграфические и планиграфические наблюдения.

Материалы со стоянки Сумбулово IV выборочно уже использовались в обобщающих исследованиях по примокшанским (иванобугорским) древностям Среднего Поочья [2, с. 380, рис. 2: 1; 3, с. 123; 4, с. 15–16], однако полностью коллекция так и не была введена в научный оборот. Настоящая публикация направлена на восполнение этого пробела.

Стоянка Сумбулово IV (по АКР – Сумбулово. Поселение 2) [5, с. 204, № 708] расположена на территории бывшей базы отдыха «Мосэнерго» в северо-восточной части д. Сумбулово Спасского района Рязанской области. Памятник занимает участок довольно высокой первой надпойменной песчаной террасы левого берега р. Оки, в 800 м к северу от северного берега старичного оз. Сельное, высота его над уровнем озера около 10 м, точные размеры поселения не определены (рис. 1–3).

Стоянка обнаружена в 1976 г. разведочным отрядом Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника в рамках работ по составлению Свода памятников археологии Рязанской области. Разведочный шурф размерами 2×3 м выявил культурный слой, состоящий из верхнего полностью перевеянного жёлтого песка мощностью до 14 см и нижнего коричневого или светло-коричневого плотного песка с включениями угольков мощностью до 40 см. В шурфе на глубине 20 см от дневной поверхности зафиксирована подовальная в плане яма, ориентированная по линии север–юг. Размеры её составляли 185×80 см, глубина от уровня материка – 30 см. В заполнении ямы, состоявшем из светло-коричневого песка, было отмечено большое количество угольков. В самой яме, а также у её краёв найдены фрагменты лепной посуды эпохи бронзы, близкие к керамике «примокшанского типа», других находок не было. Исследованная в разведочном шурфе яма, правда, с некоторой долей сомнения, интерпретировалась как могильная, и в отчёт памятник вошёл под названием «Сумбуловский могильник» [6, с. 6–7].

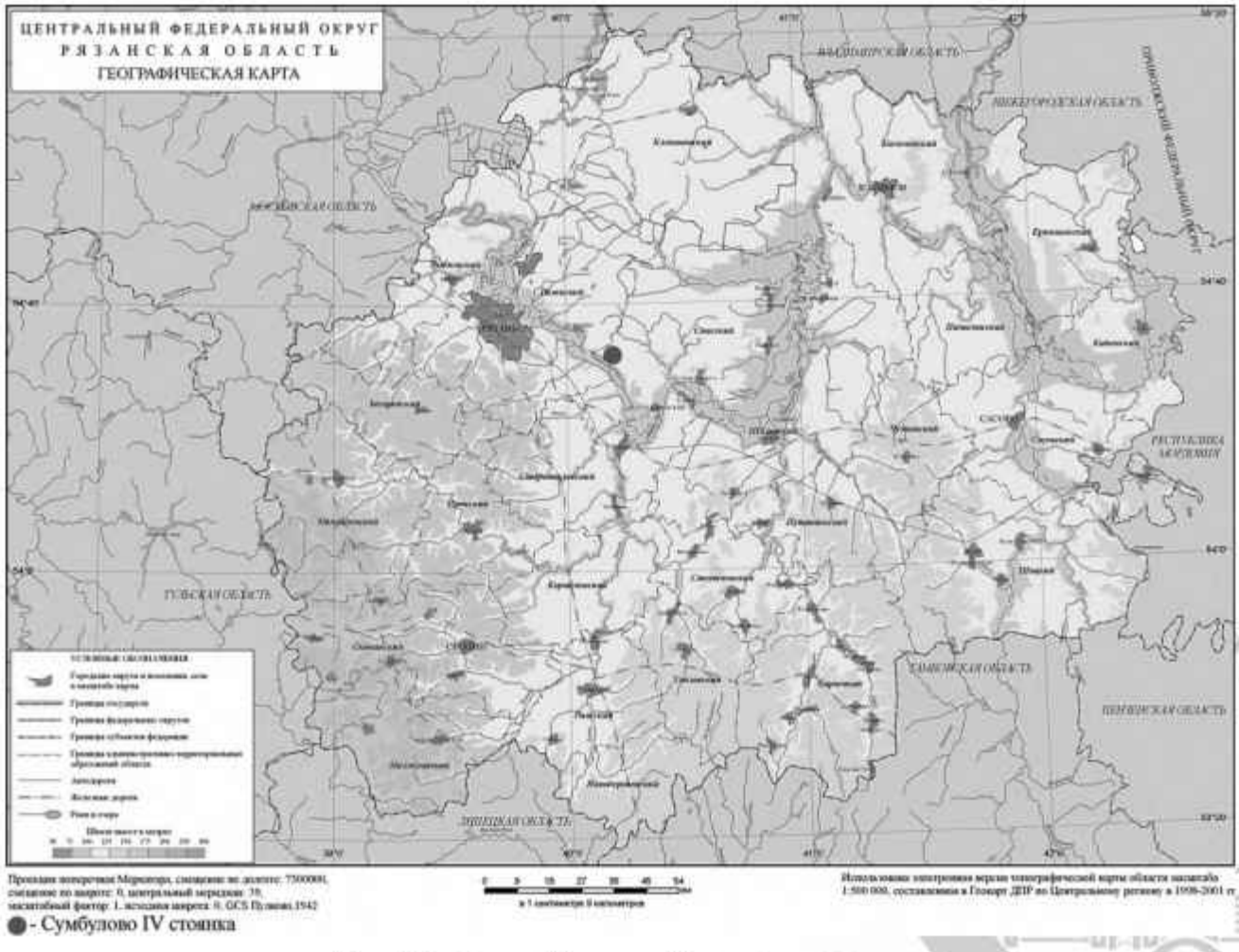

Рис. 1. Сумбулово IV стоянка. Место расположения

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

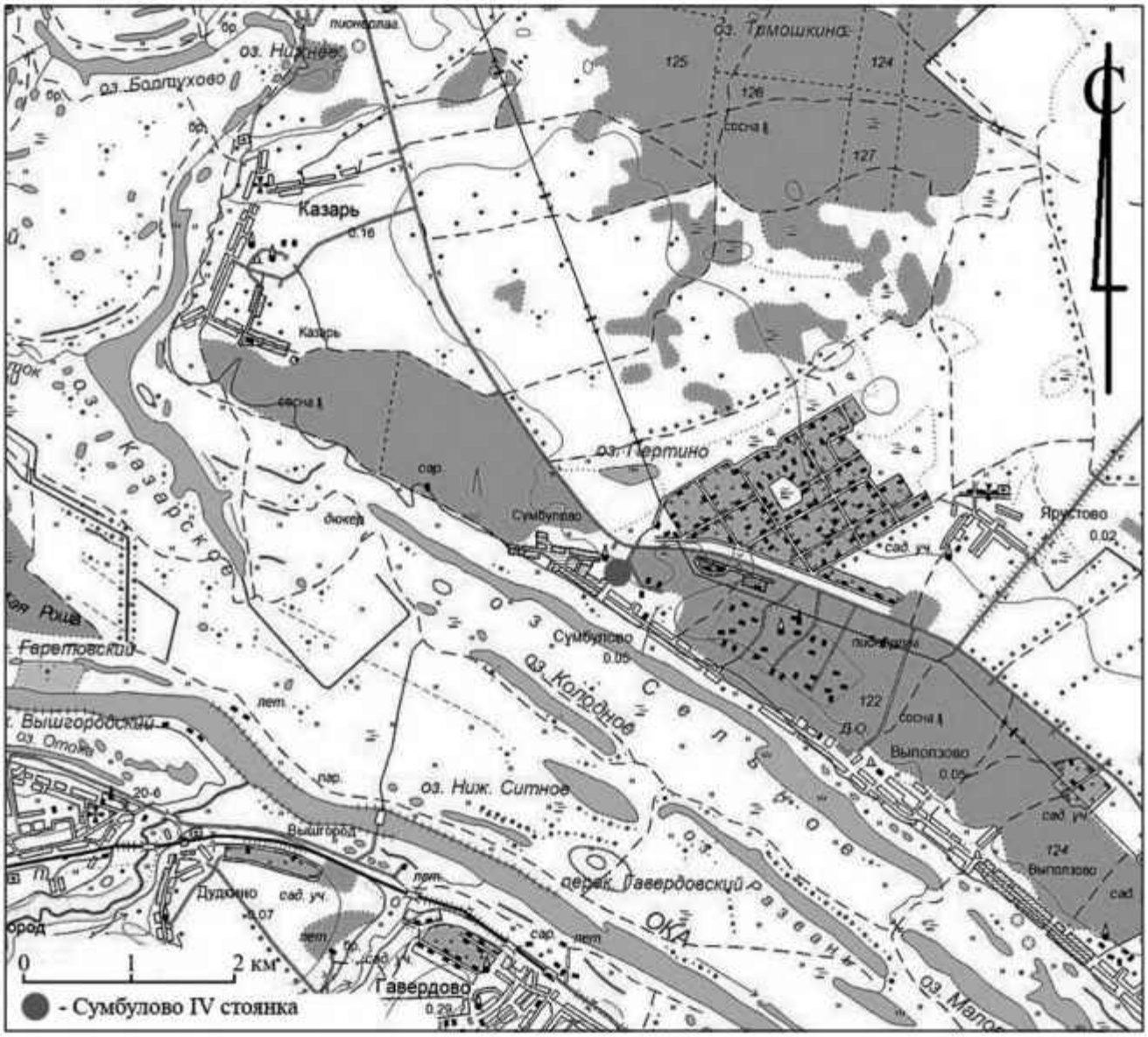

Рис. 2. Сумбулово IV стоянка. Ситуационный план: бр. – брод; Д.О. – Дом отдыха; лет. – летник; пар. – паром; перекр. – перекрёсток; сад. уч. – садовый участок; сар. – сарай

С целью проверки этой догадки в 1977 г. В.П. Челяпов на памятнике закладывает раскоп площадью 88 кв. м, примыкающий своей южной стенкой к разведочному шурфу 1976 г. Раскопками было установлено, что верхняя часть культурного слоя на всей исследованной площади полностью повреждена воздействием антропогенных и природных факторов, а слой, сохранившийся у материка, частично уничтожен поздними перекопами. На уровне материка расчищены полтора десятка ям, преимущественно столбовых, наиболее крупная яма (яма 15) имела подовальную в плане форму, размеры 200×100 см, глубину 32 см, была ориентирована длинной осью по линии ЮЗ–СВ. В центральной и восточной частях раскопа выявлены пятна прокалённого грунта размерами 56×60 см и 39×41 см – вероятно, следы небольших очагов. По итогам работ предположение о наличии здесь могильника эпохи бронзы не подтвердилось, памятник был переименован в стоянку Сумбулово IV [7].

Согласно отчёту о раскопках, в ходе работ получена небольшая коллекция керамики, состоящая из 193 фрагментов [7, с. 5–6]. Из них почти треть (72 фрагмента) происходила от круговой посуды позднего Средневековья. Бóльшую часть коллекции (121 фрагмент) составляли в основном мелкие и неорнаментированные фрагменты посуды, отнесённые к эпохе бронзы. В фонды Рязанского историко-архитектурного му-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

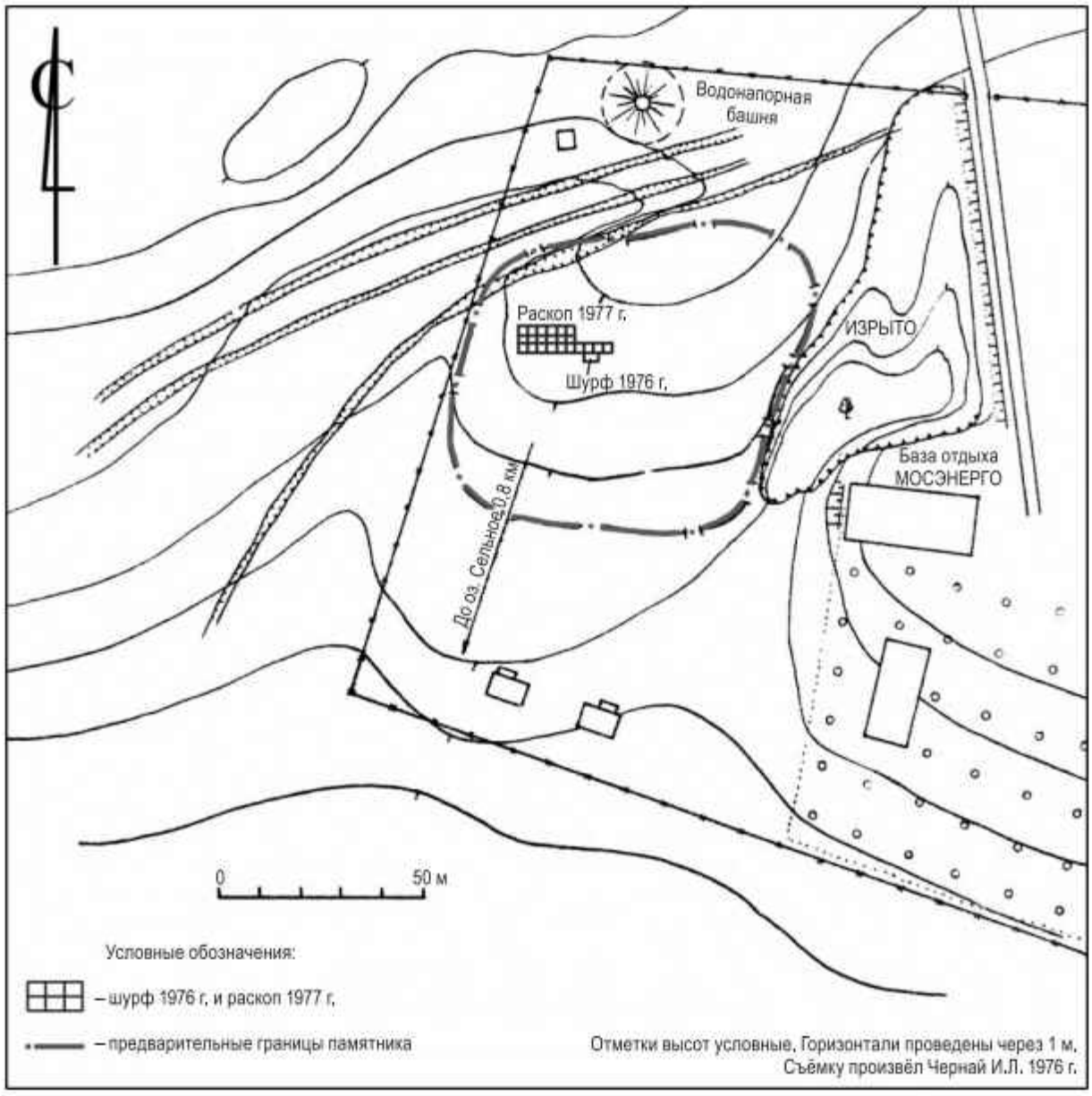

Рис. 3. Сумбулово IV стоянка. Топографический план

зея-заповедника последние поступили в виде выборки, представленной фрагментами венчиков и орнаментированными стенками сосудов, в количестве 31 единицы (РМЗ, КП-7974, коллекция А690).

Планиграфический анализ распределения примокшанской (иванобугорской) керамики показал довольно равномерное распределение её по всей площади раскопа, при этом около трети фрагментов были сконцентрированы в центральной части раскопа вокруг ямы 15.

По технологии изготовления, морфологии и орнаментации эта посуда довольно однородна. Сосуды изготовлены из ожелезнённой глины, часто с примесью мелкого песка и шамота. На внешней и внутренней поверхностях большинства фрагментов хорошо «читаются» следы из длинных беспорядочных канальцев от выгоревшей при обжиге грубой шерсти или волос. С внешней стороны керамика часто тщательно, почти до лощения, заглажена, имеет коричневый или серо-коричневый цвет, в изломе – тёмно-серого, почти чёрного цвета. Обжиг сосудов хороший, вероятно, костровой, черепок плотный, прочный, толщина стенок в пределах 6–8 мм, редко больше. Фрагменты двух сосудов имеют следы, возможно ремонта, в виде просверлённых с внешней стороны конических отверстий (рис. 4: 4; 6: 1).

Подавляющее большинство сосудов было с орнаментом, который всегда покрывал венчик, в ряде случаев и с внутренней стороны, и верхнюю треть тулова. В качестве основного элемента, из которого построен

орнамент, выступают оттиски гребенчатых и прямых гладких штампов, поставленных прямо, реже – под углом (рис. 4: 1–6; 5: 1–4; 6: 1, 2). Помимо этого, имеются небольшие овальные вдавления, насечки, используемые в основном для украшения края венчика. Реже встречаются ногтевые защипы и неглубокие ямки подромбической и подтрапециевидной форм с рельефным дном (рис. 5: 5, 6). Преобладает орнаментальный мотив в виде горизонтальных поясков из ромбических фигур, расположенных в шахматном порядке, сформированных из оттисков штампа, кроме этого, отмечены зигзаги, пояски из вертикальных или наклонных оттисков штампа, ногтевых защипов.

По верхним частям и особенностям орнаментации в рассматриваемой коллекции выделены 12 сосудов. Ведущая их форма – сосуд, венчик которого имеет невысокую прямую раструбовидную или желобчатую шейку с выраженным внутренним ребром в её основании. Края венчиков косо срезаны наружу или скруглены, тулово сосудов яйцевидной, и возможно, колоколовидной формы. По типологии, разработанной для иванобугорских сосудов, большинство их сопоставимы с типом Б (сосуды с ровным раструбовидным горлом), типом В (сосуды с желобчатым оформлением горла) и типом Г (сосуды с воротничковым оформлением горла, в данном случае в виде «распухшего» воротничка) [8, с. 20]. Среди реконструируемых сосудов типа Б и типа В преобладают сосуды с устьем диаметром 17–18 см. Кроме того, отмечен и совсем маленький экземпляр, диаметр устья которого составляет всего 8 см. Этот сосудик имеет горшковидную форму, слабовыраженную и слабоотогнутую наружу шейку, край венчика украшен насечками, тулово – поясками ромбических фигур, выполненных из плотно прилегающих друг к другу оттисков гребенчатого штампа (рис. 5: 1).

В то же время в коллекции имеются фрагменты одного сосуда (рис. 4: 1, 2), схожего с посудой Мостищенского 1 поселения, которую А.Т. Синюк и В.Д. Березуцкий относили к переходному иванобугорско-воронежскому облику. Посуда данной группы была выделена исследователями в отдельный тип (тип Д), объединяющий сосуды, в которых прослежена органичная связь и преемственность гончарных традиций с иванобугорской и воронежской культурами [8, с. 21].

Ассортимент посуды дополняют два сосуда низких пропорций, выделяющиеся своими значительными размерами и своеобразной морфологией, особенность которой заключается в биконическом тулове и оформлении ребра в верхней трети тулова (рис. 6: 1, 2). Диаметры устьев у них одинаковы и составляют 28 см, реконструируемая высота одного из них 15 см, дно плоское, с небольшой закраиной, диаметром 10,6 см. Основной орнамент на этих сосудах покрывает их верх до ребра, состоит из ромбических фигур, расположенных в шахматном порядке, сформированных параллельными оттисками гребенчатого штампа. Ребро одного из сосудов украшено пояском ногтевых защипов. В одном случае сдвоенным зигзагом, в другом – пояском из вертикальных оттисков штампа украшены венчики сосудов, один из которых при этом дополнительно орнаментирован ромбическими фигурами и с внутренней стороны шейки.

В отличие от сосудов с плавно расширяющимся туловом посуда с хорошо выраженной биконической профилировкой встречается значительно реже, но повсеместно на всей территории распространения иванобугорских древностей. То есть для иванобугорских керамических традиций биконическая посуда может считаться устоявшимся и традиционным типом. В небольшом количестве она известна в материалах поселения Мостище 1 на Среднем Дону [8, с. 23, рис. 11: 9; с. 33, рис. 21: 1; с. 43, рис. 31: 12], на Шокшинском [9, с. 25, рис. 2: 3; с. 26, рис. 3: 1; с. 28, рис. 5: 8, 9], Теньгушевском [10, с. 156, рис. 98: 6, 11] поселениях, Вознесенском городище [11, с. 35, рис. 2: 11] и стоянке Мыс Доброй Надежды 1 [12, с. 25, рис. 4: 12] в Примокшанье. Небольшие острорёберные сосуды известны в инвентаре связываемых с кругом иванобугорских древностей погребений второй группы Шагарского могильника в Центральной Мещёре [13, с. 154, рис. 3: 7; 14, с. 17, рис. 5: 1, 3, 6] и третьей группы могильника Одоевские фермы [15, с. 46, рис. 9: г].

Несколько особняком в коллекции находится фрагмент баночного сосуда открытой формы, с плоским краем венчика и полностью лишённый орнамента (рис. 4: 7). В иванобугорской культуре банки как тип глиняной посуды не создают значительных серий, а неорнаментированные баночные сосуды весьма немногочисленны. Фрагменты таких сосудов имеются в керамике примокшанского типа, полученной в ходе раскопок на поселении Широмасово II [16, с. 8, рис. 2:16], целые формы известны в Шагарском могильнике [13, с. 154, рис. 3: 5, 6, 8, 10, с. 156].

В целом у основной части коллекции сумбуловской посуды отчётливо прослеживаются иванобугорские керамические традиции, проявление которых можно заметить в технологии изготовления, морфологии и декоре. Так, отличительной особенностью примокшанских (иванобугорских) племён можно признать использование ими при формовке посуды специфического технологического приёма включения в формовочные массы шерсти и волоса. Это единственная в Центральной России культура эпохи раннего металла, широко использующая в своём гончарстве этот органический материал.

Профилировка венчиков и формы сосудов сумбуловской керамики полностью соответствуют основным типам иванобугорской посуды. В их орнаментации использованы основные иванобугорские элементы и композиции орнамента (оттиски зубчатого и гладкого штампов, образующие горизонтальные пояски и ромбические фигуры, ямчатые вдавления). Однако в коллекции нет типичных иванобугорских сосудов с высоким «раздутым» венчиком и венчиками со срезанным внутрь краем. Полностью отсутствуют и черты, свойственные иванобугорским древностям на поздней стадии развития (воронежская культура), такие как вертикальные композиции, композиции из прочерченных линий, налепные валики, широкое использование защипов. Таким образом, материалы со стоянки Сумбулово IV можно сопоставить с иванобугорскими древностями на развитом этапе вплоть до начала формирования посуды воронежского типа.

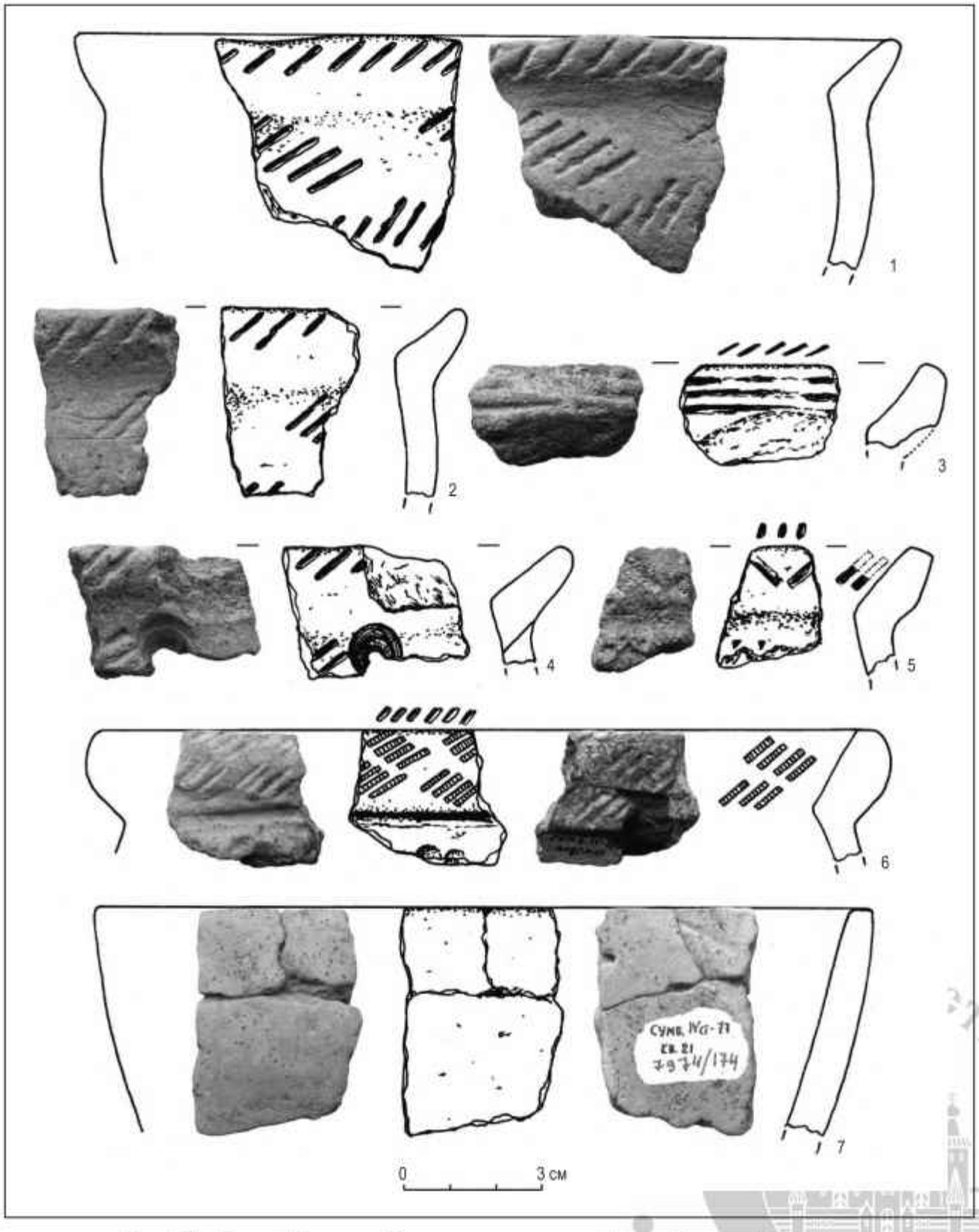

Рис. 4. Сумбулово IV стоянка. Керамика примокшанской (иванобугорской) культуры

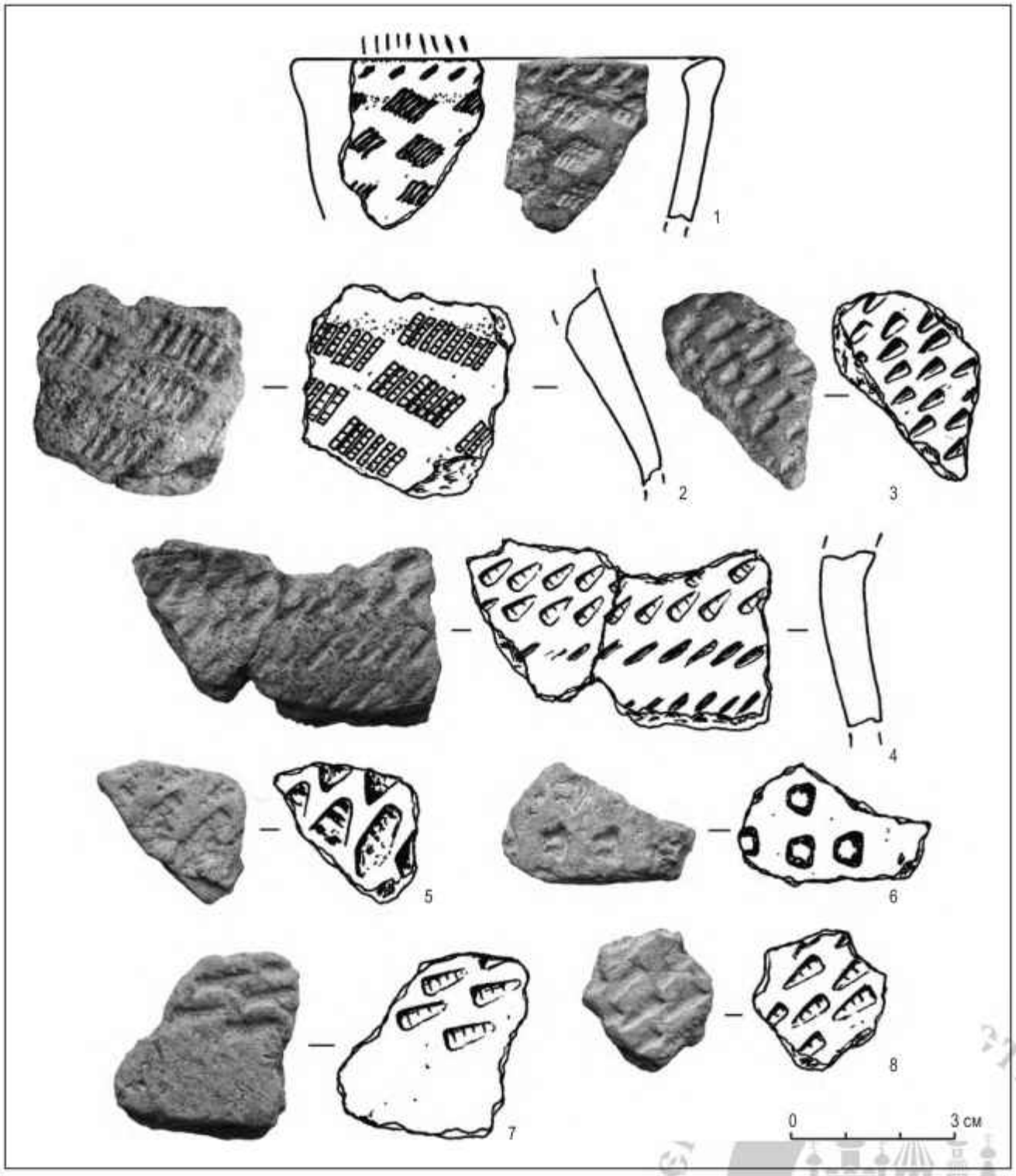

Рис. 5. Сумбулово IV стоянка. Керамика примокшанской (иванобугорской) культуры

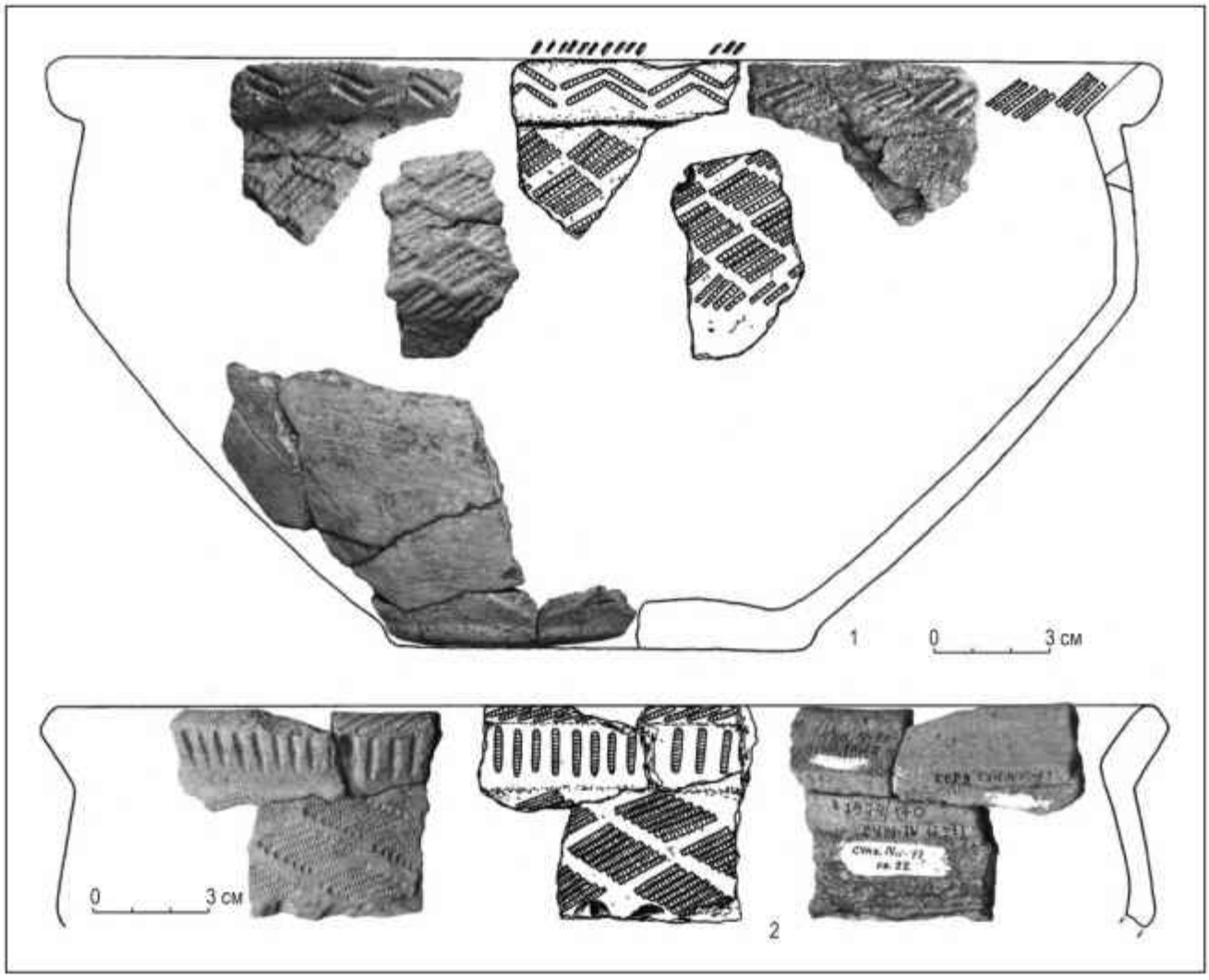

Рис. 6. Сумбулово IV стоянка. Керамика примокшанской (иванобугорской) культуры

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ставицкий В.В.* Периодизация и хронология примокшанской культуры // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология, периодизация: Материалы международной научной конференции «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара: НТЦ, 2001.
2. *Челяпов В.П.* Памятники примокшанской культуры на Средней Оке // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
3. *Челяпов В.П.* Новые памятники примокшанского типа на Средней Оке // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: Тезисы докладов конференции. Липецк, 1992.
4. *Челяпов В.П.* К вопросу о памятниках примокшанского типа // Археологические памятники Среднего Поочья: Сборник научных статей. Вып. 3. Рязань, 1993.
5. Археологическая карта России. Рязанская область. Часть 1 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1993.
6. *Челяпов В.П.* Отчет о разведочных работах на территории Рязанской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6155.
7. *Челяпов В.П.* Охранные раскопки Сумбуловской IV стоянки в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6796.
8. *Синюк А.Т., Березуцкий В.Д.* Мостищенский комплекс древних памятников (Эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001.
9. *Шитов В.Н.* Примокшанский комплекс Шокшинского поселения // Археологические памятники Среднего Поочья: Сборник научных статей. Вып. 3. Рязань, 1993.
10. *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2006.
11. *Челяпов В.П.* Примокшанская керамика с Вознесенского городища в Кадоме // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2009.
12. *Челяпов В.П.* Стоянка Мыс Доброй Надежды 1 на р. Мокше // Археологические памятники Среднего Поочья: Сборник научных статей. Вып. 2. Рязань, 1992.
13. *Каверзнева Е.Д.* Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3.

14. *Каверзнева Е.Д., Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников эпохи энеолита – ранней бронзы Озерной Мещеры // Труды ГИМ. Вып. 96. М., 1998.
15. *Климкова И.В.* Одоевские фермы 1 (материалы погребений) // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.
16. *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Поселение и могильник эпохи раннего металла у с. Широмасово // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2009.

ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», Рязань

D.A. Ivanov

CERAMICS OF THE PRIMOKSHAN (IVANOBUGORSK) CULTURE FROM THE SUMBULOVO IV SITE ON THE MIDDLE OKA

Summary

The publication introduces into scientific circulation a collection of ceramics of the early Metal Era, obtained during excavations by V.P. Chelyapov at the site Sumbulovo IV on the Middle Oka. The crockery show broad analogies in the range of materials from the Primokshan Culture on the Middle Oka, in Primokshan, in Posurye, on the Tsna. At the same time, the main part of the collection of Sumbulovo crockery clearly follows the ceramic traditions of the Ivanobugorsk Culture of the forest-steppe Don region, the manifestation of which can be seen in the manufacturing technology, morphology and decor.

Thus, a distinctive feature of the Primokshan (Ivanobugorsk) tribes can be recognized as the use of a specific technological method of including wool and hair in the molding mass when molding dishes.

The profiling of the rims and the shape of the vessels of the Sumbulovo ceramics fully correspond to the main types of dishes from the Ivanobugorsk analogs. In the ornamentation of the vessels, the main Ivanobugorsk elements of ornament and composition are used, but there are no features characteristic of the late stage of development (Voronezh Culture). Thus, the materials from the Sumbulovo IV site can be compared with the Ivanobugorsk antiquities at an advanced stage up to the beginning of the formation of Voronezh-type utensils.

Ryazan' Historical and Architectural Museum-Reserve,
15, Kremlin, Ryazan', 390000, Russia
E-mail: ivanov-ryazan@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

С.Н. Панина

БЕРЕСТА И БЕРЕСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСАХ УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА (ЛЕСНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

В статье дано описание берестяных поделок и применения бересты на Усть-Вагильском культовом холме с раннего неолита до X–XIII вв. н. э. Во все эпохи бересту использовали в качестве изолирующего материала в отдельных комплексах, связанных с «огненными» обрядами, следами которых являются прокалы, углистые прослойки, охра. Береста была применена при позднем захоронении коня. Отдельные изделия из бересты использовались в быту: поплавки для сетей, посуда. Часть берестяных ёмкостей имела культовую принадлежность: берестяная «куколка», короб, туес с крышкой.

DOI: 10.70203/7819.2024.94.66.024

Усть-Вагильский холм – культовое место на северо-востоке Свердловской области. Искусственно созданный, он расположен на левом берегу р. Тавды при впадении в неё р. Вагиль (рис. 1). Холм как место проведения обрядов функционировал начиная с раннего неолита до X–XIII вв. н. э. включительно.

Это насыпное сооружение в форме правильного овала, вытянутого с запада на восток, размерами 53 м (ВЗ) на 48 м (СЮ). Высота холма в западной части 6 м, в восточной – 5,5 м.

Раскопками 2005–2015 гг. вскрыты 112 кв. м в восточной части холма (рис. 1).

Мощность культурного слоя памятника в центре холма 4,67 м, у подошвы – 3,08 м. На холме проводились обряды, связанные с использованием огня. Линзы прокалов пронизывают всю толщу культурного слоя памятника, начиная с самых нижних горизонтов.

Стратиграфия объекта сложная, количество слоёв и прослоек – 23 [1, с. 91–93]. Сложность объясняется искусственным характером создания холма. После проведения обрядов место действия перекрывалось слоем земли, которую брали из поймы реки Тавды.

На памятнике найдены отдельные фрагменты бересты и берёзовой коры, а также берестяные поделки разной степени сохранности, начиная с самых нижних горизонтов вплоть до верхнего поддёрнового слоя.

Описанию и классификации фрагментов бересты и берестяных ёмкостей посвящена эта статья.

Береста на холме использовалась в качестве материала, изолирующего тот или иной объект, являясь, по сути, «стерильной прослойкой» между культовыми комплексами в культурных слоях памятника.

Известно, что кора берёзы обладает антисептическими свойствами, возможно, поэтому береста перекрывает комплексы, связанные с прокалами, обугленными деревянными плашками, крупными кусками угля и кусочками охры или охристыми линзами в слое. Важно, что береста при этом остаётся белой, не сгоревшей, это означает, что в само́м огненном обряде она не участвует. Перекрытие объекта происходит позже при обычной температуре. Поверх бересты насыпается слой земли (рис. 2).

На холме исследованы отдельные фрагменты бересты (рис. 1а:3; 3), берестяные покрытия крест-накрест (рис. 1а:4; 4), внахлёст (рис. 1а:5; 5), берестяные выкладки по конусовидной (рис. 1а:7; 7), горизонтальной (рис. 1а:8; 8), вертикальной (рис. 1а:9; 9) поверхностям.

Так, в северо-восточной части кв. Б 2, на глубине -300 (здесь и далее – в см от репера), проявились три овальных пятна, перекрытых берестой. При расчистке этих пятен удалось проследить, что береста была положена сверху крест-накрест. Под тонким слоем бересты зафиксированы угольки, углистые плашки, прокал, охра (рис. 1а:6; 6). Датировка этого объекта пока не произведена. Скопление костей животных (по определению палеозоолога П.А. Косинцева, лось, северный олень, собака, волк, соболь, щука) с фрагментами человеческих черепов (7 ед.) в северо-восточном углу кв. Б 2, глубина -320…-340, на жертвенном месте раннего неолита [2, с. 118–121] было перекрыто конусовидным холмиком земли, обложенным сверху берестой (рис. 7).

Берестяные выкладки по горизонтальной и вертикальной поверхностям связаны с поздним объектом на холме – захоронением коня. В кв. ВГ 3–4 на глубине -250…-260 в слое коричневой супеси зафиксировано золистое пятно с включениями бересты неправильных очертаний, размерами 1,2×0,3 м. На глубине -270 пятно с берестой сместилось к северу, приобрело более правильные очертания овала размерами 1,34×0,6 м

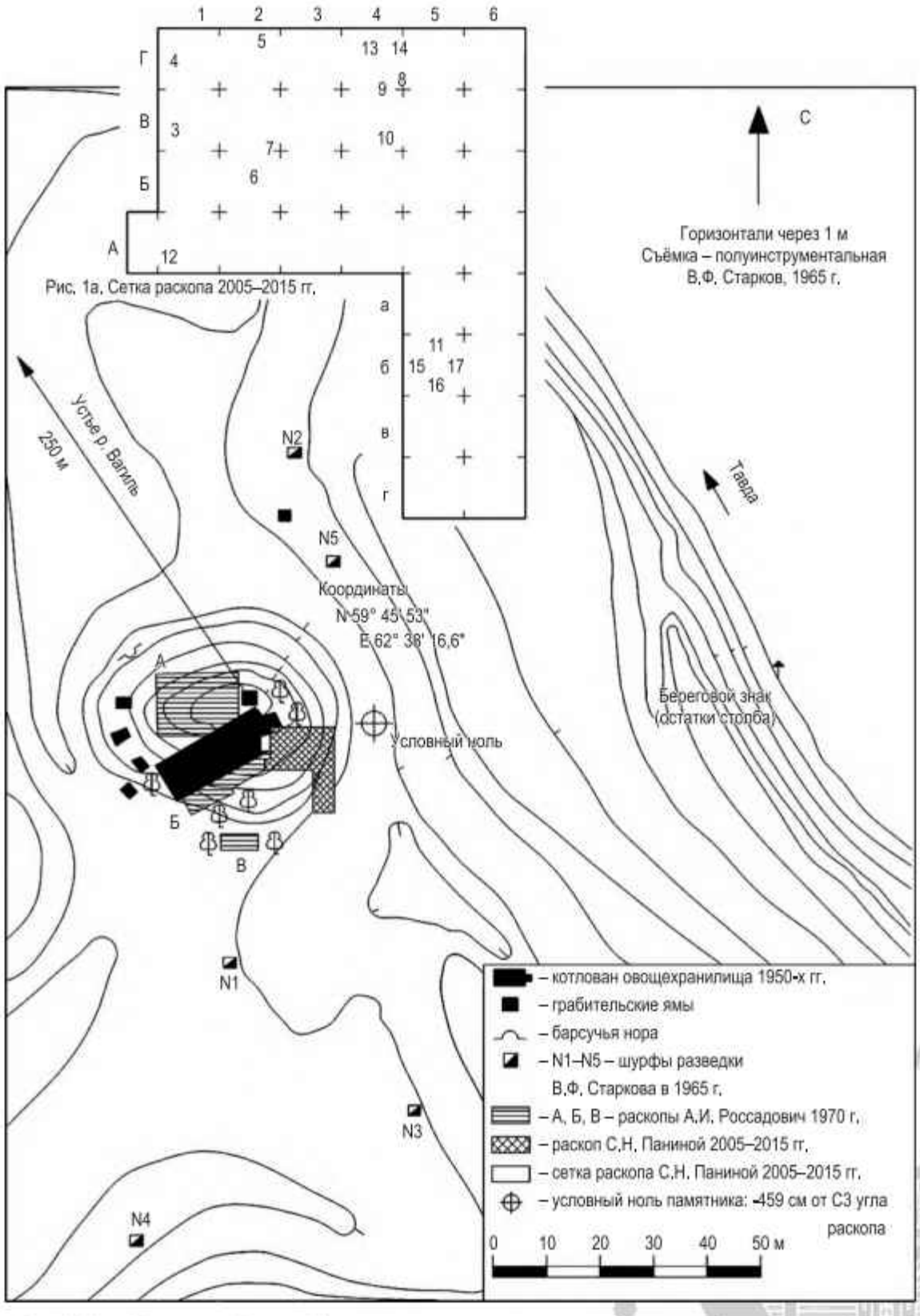

Рис. 1. Усть-Вагильский холм. Топоплан и схема расположения бересты и берестяных изделий в раскопе 2005–2015 гг. (рис. 1а)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

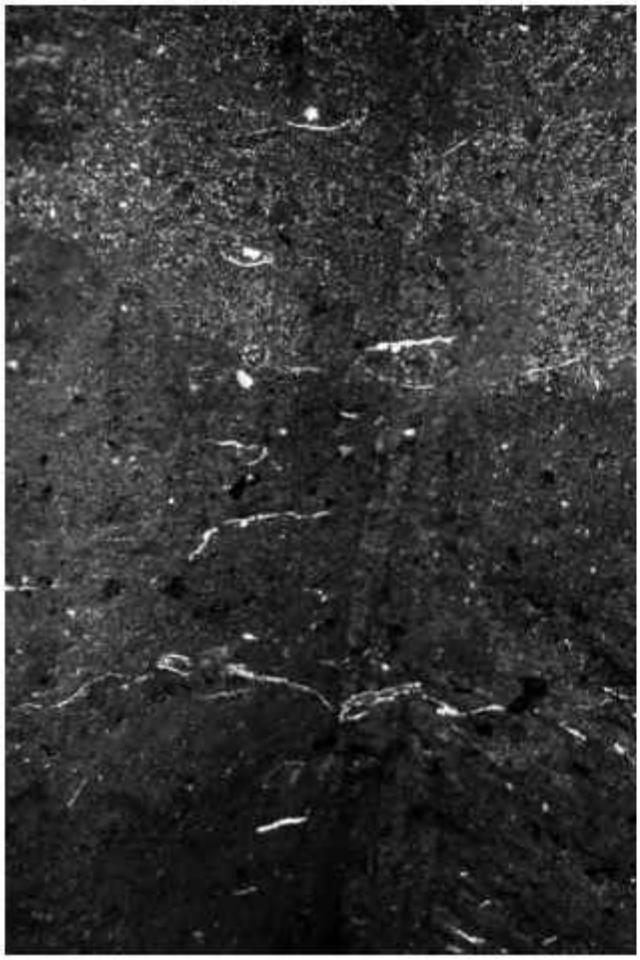

Рис. 2. Усть-Вагильский холм.
Раскоп 2005–2015 гг. (1а).
Прослойки бересты в профиле

Рис. 3. Усть-Вагильский холм.
Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. В 1, гл. -217.
Отдельные фрагменты бересты

(рис. 1а:8; 8), в нём появились включения белой глины. На глубине -290 на границе кв. ВГ 4 было зафиксировано надгробие захоронения в виде остова деревянной лодки с обрубленным носом. Вероятно, крупные фрагменты бересты перекрывали сверху площадку с захоронением. На глубине -340 в кв. ВГ 4 обозначилось могильное пятно. В могиле были расчищены останки коня, лежащего на левом боку с подогнутыми ногами, головой на восток. Северная стенка могилы была обложена горбылём, западная, более пологая, была выстлана берестой (рис. 1а:9; 9). Вероятно, береста использовалась при транспортировке останков в могилу.

Изделия из бересты

Берестяные поделки встречены как на самом холме, так и у его подошвы.

Поплавки от сетей из бересты, свёрнутой в трубочку, фиксировались на холме на разных горизонтах. Один из них находился в кв. В 4 на глубине -430 в прямоугольной яме (рис. 1а:10; 10).

В кв. б 5, у подошвы холма, на глубине -432 была найдена обугленная берестяная ёмкость баночной формы с округлым дном. При расчистке она распалась на фрагменты (рис. 1а:11; 11). Береста в верхней части сосуда была загнута внутрь, образуя край ёмкости.

Берестяная ёмкость (короб) ромбовидной формы была зафиксирована на холме в кв. А 1 и в прирезке к нему на глубине -215…-225 в слое чёрно-коричневой супеси с включением мелких фрагментов угля.

Вначале, на глубине -210, появилось очертание пятна коричневой супеси ромбовидной формы, обрамлённое тонким слоем бересты по замкнутому контуру. Размеры пятна – 0,7×0,9 м. Ниже, на глубине -215…-218, были расчищены остатки берестяного короба (рис. 1а:12; 12).

В процессе расчистки внутри короба и рядом с ним были найдены 3 фрагмента неолитических сосудов, две глиняные поделки – «фишки» в виде плоских кружочков, отщеп, пластинчатый отщеп из кремнистой породы и тёслышко из глинистого сланца.

Рис. 4. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. Г 1, гл. -250…-255. Берестяное покрытие крест-накрест

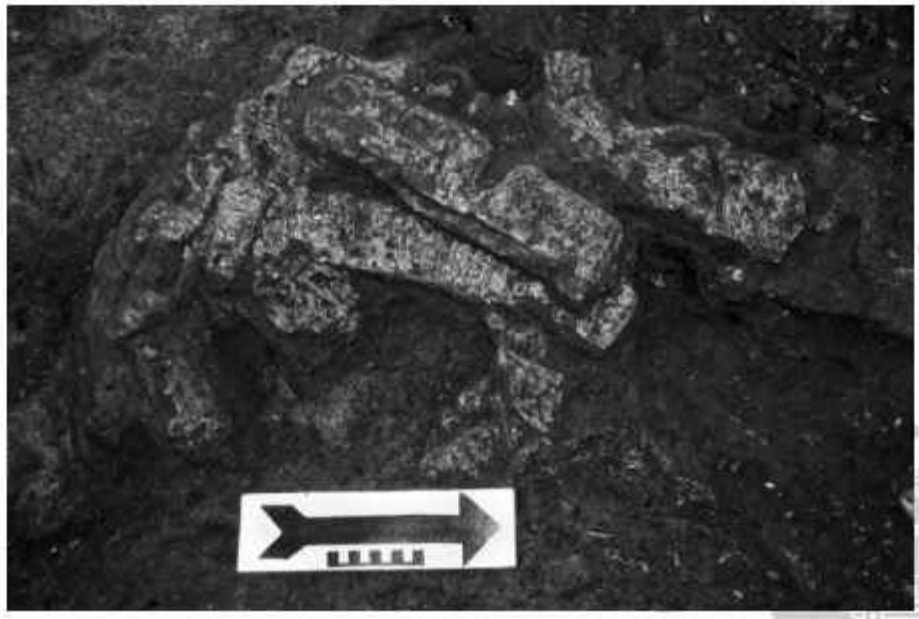

Рис. 5. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. ВГ 3–4, гл. -390. Береетяное покрытие внахлёст

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 6. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. Б 2, гл. -300.
Уголь, охра, прокал, перекрытые берестой

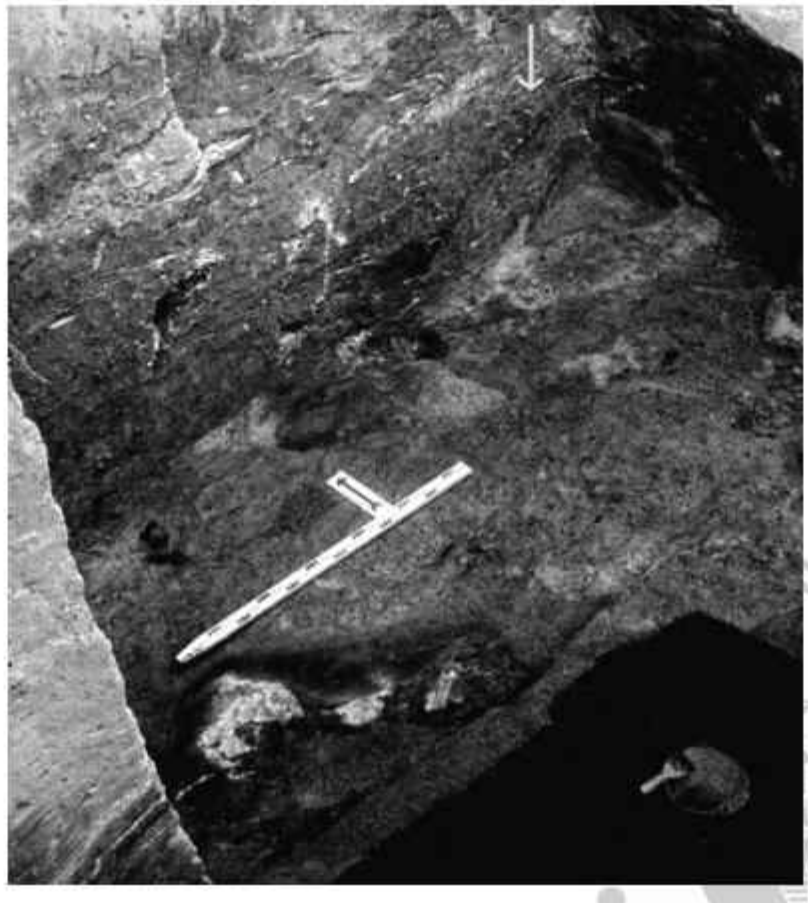

Рис. 7. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. Б 2, гл. -320.
Прослойка бересты, покрывающая холмик земли над жертвенным местом

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

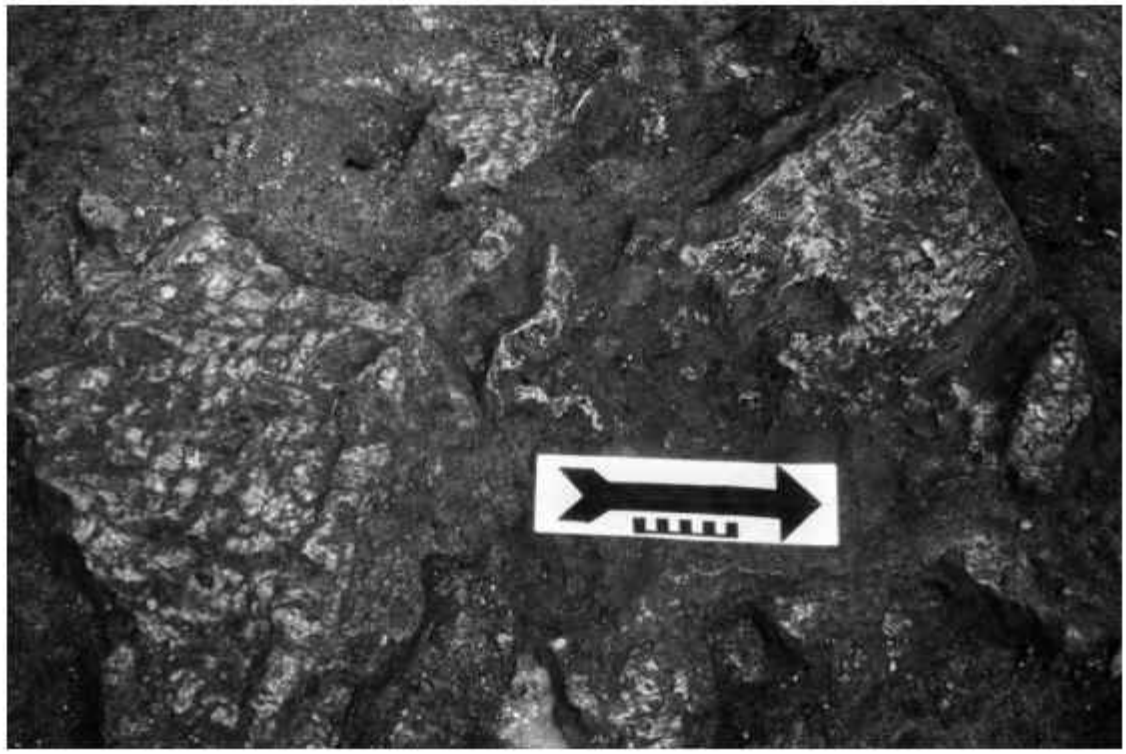

Рис. 8. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. ВГ 4, гл. -270.
Берестяное перекрытие над захоронением коня

Рис. 9. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. ВГ 4, гл. -353…-360.
Берестяное покрытие западной стенки могилы коня

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

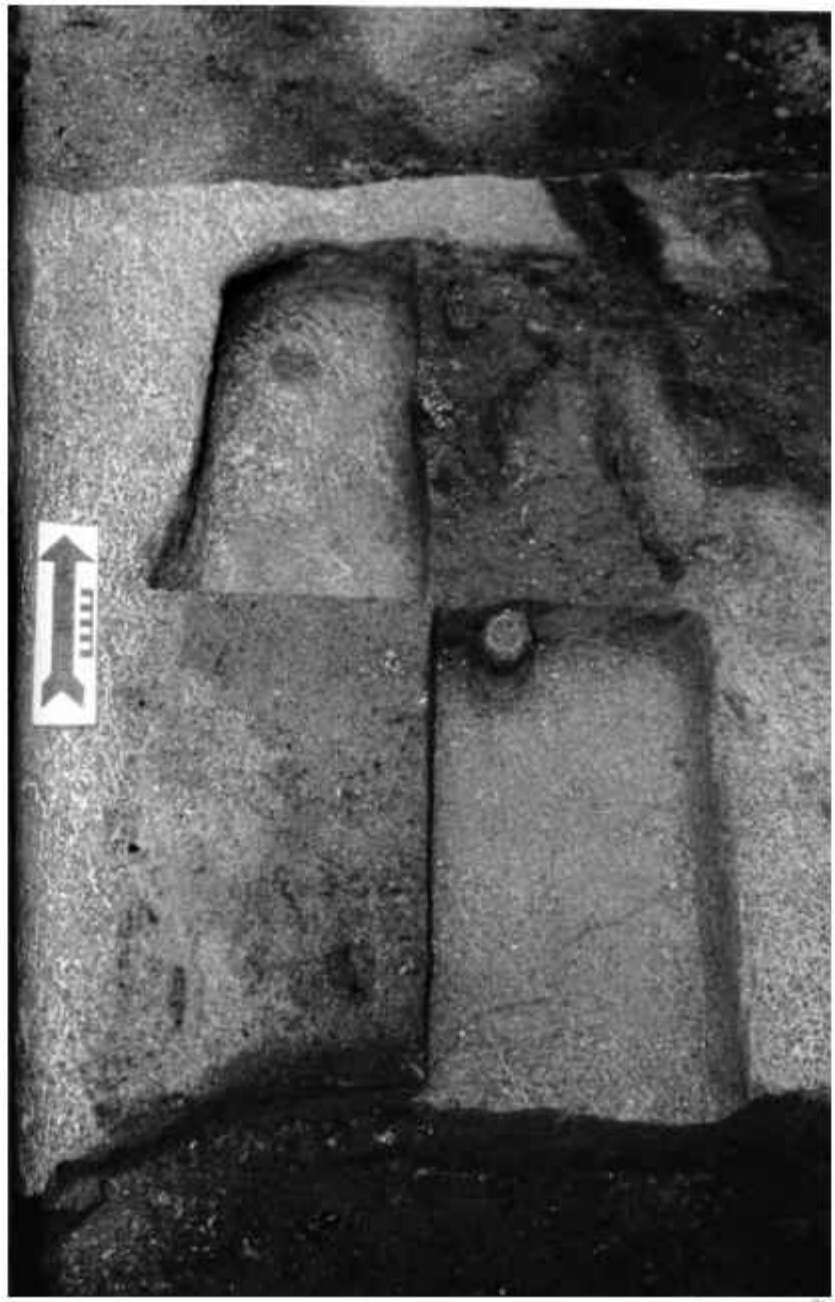

Рис. 10. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. В 4, гл. -430.
Берестяной поплавок в прямоугольной яме

Берестяной туесок круглой формы с крышкой и плоским дном был найден в кв. Г 4 на глубине -450 в яме, в слое чёрно-коричневой супеси. Над ним был обнаружен кусочек охры, затем в процессе расчистки показалась верхняя часть крышки туеска, ниже была расчищена нижняя часть крышки, далее – его стенки с круглым дном (рис. 1а:13, 14; 13, 14).

У подошвы холма, в кв. б 5, на глубине -470, на границе слоя коричневой и тёмно-серой супеси найден комплекс предметов (рис. 1а:15, 16, 17; 15, 16, 17): поделка из скрученной бересты с прямоугольным вырезом в верхней части (рис. 15), шлифованный наконечник стрелы из туффита с гранью (рис. 16).

В комплексе зафиксирована треть ладьевидного неолитического сосуда с орнаментом: по венчику цепочка ромбов в прочерченной технике, стенки и дно сосуда орнаментированы в технике отступающей палочки (рис. 17).

Объединенный музей

Рис. 11. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. б 5, гл. -432.
Фрагменты обугленного берестяного короба

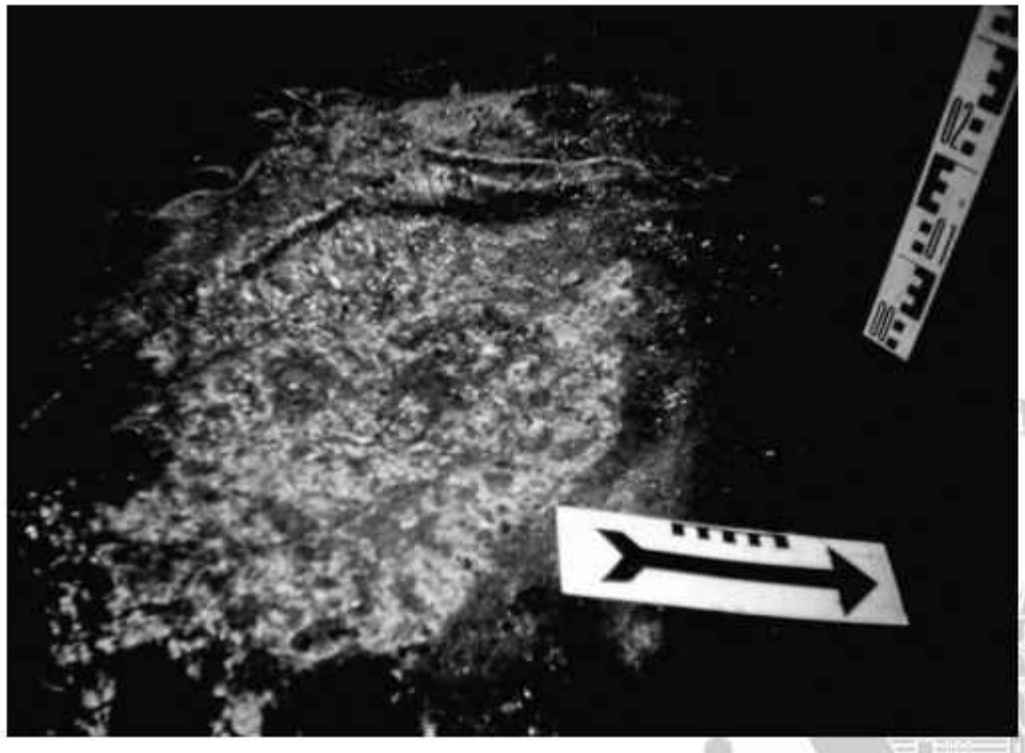

Рис. 12. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. А 1 и привязка к кв. А 1, гл. -215...-218.
Остатки берестяного короба

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

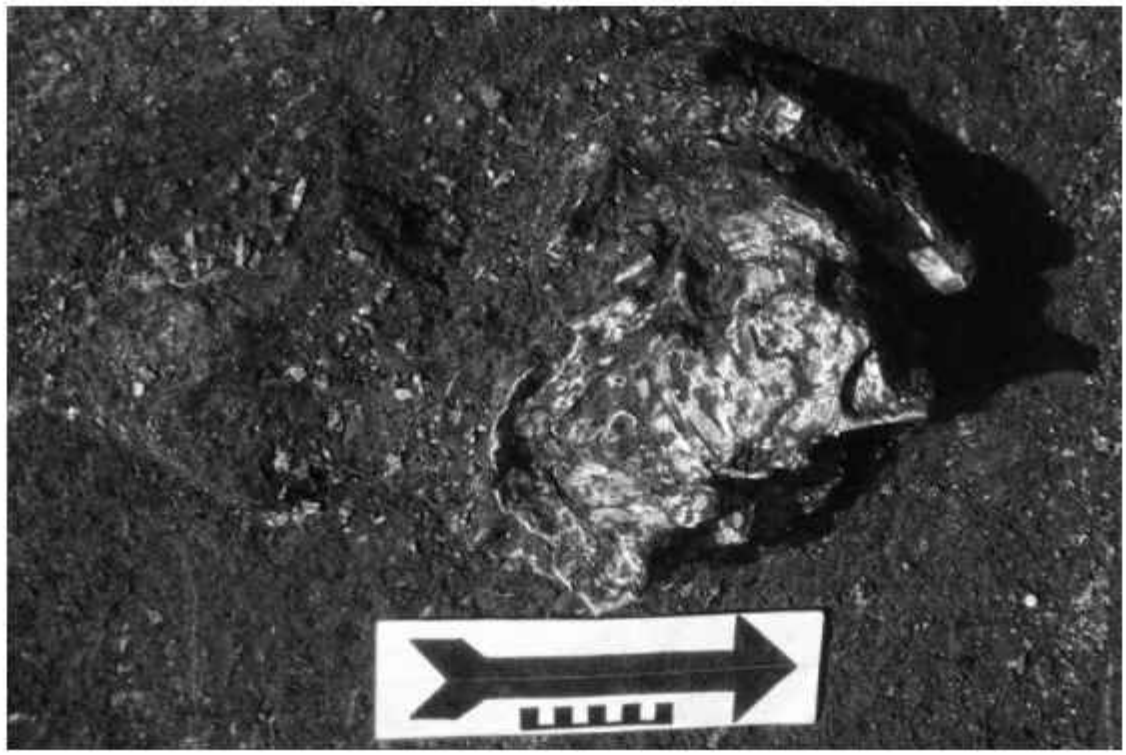

Рис. 13. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. Г 4, С-З угол, гл. -470.
Крышка берестяной поделки

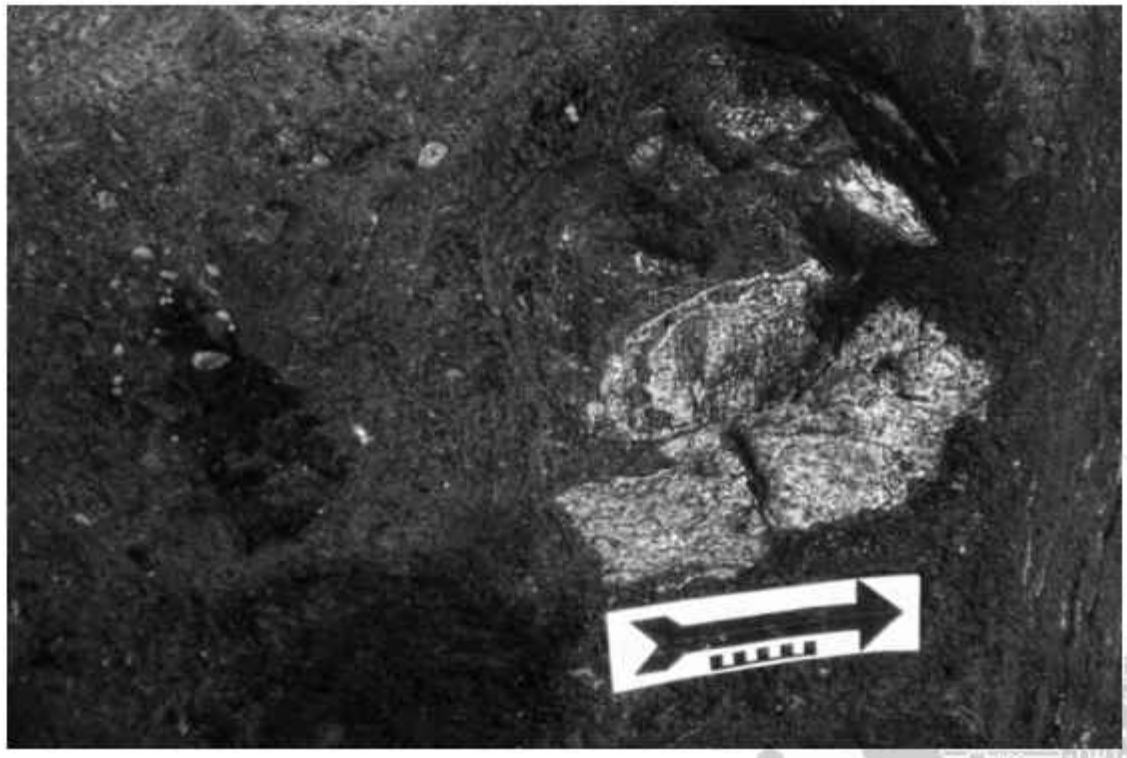

Рис. 14. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. Г 4, С-З угол, гл. -470.
Дно и стенки берестяной поделки

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 15. Усть-Вагильский холм.
Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. б 5, гл. -470.
Комплекс находок: берестяная куколка

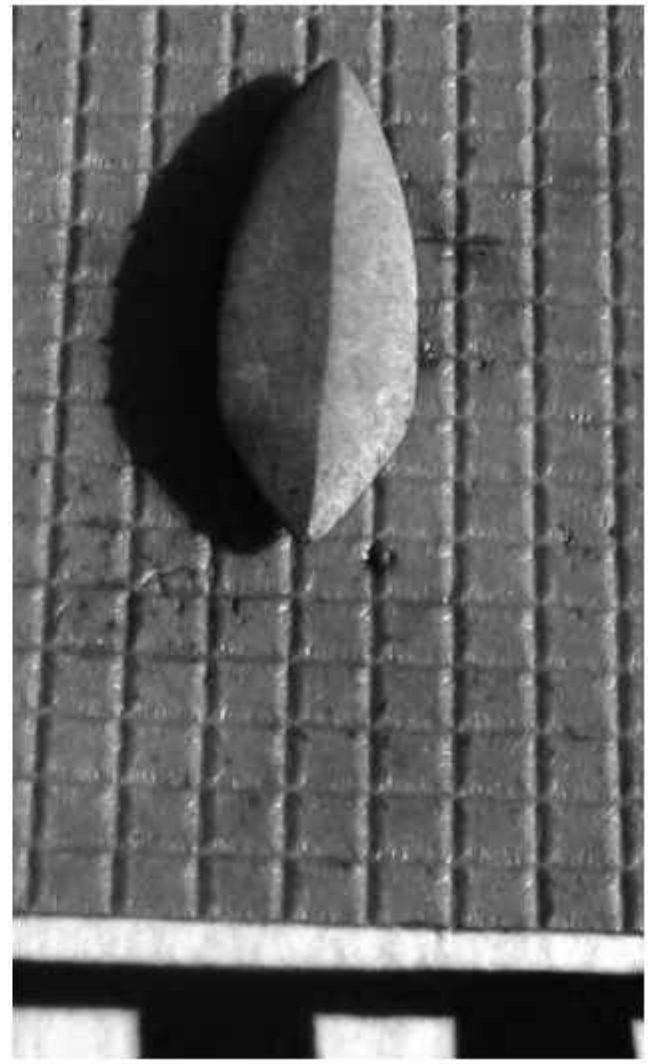

Рис. 16. Усть-Вагильский холм.
Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. б 5, гл. -470.
Комплекс находок: шлифованный наконечник стрелы

Выводы

На Усть-Вагильском холме береста как материал перекрытия культовых комплексов использовалась во все периоды существования памятника. В двух описанных в статье случаях она перекрывала объекты, связанные между собой: прокал с угольками, сгоревшими плашками, охрой (кв. Б 2, -300) и обкладка холмика земли над скоплением костей № 2 жертвенной площадки (кв. Б 2, -320…-340). В этом случае покрытие берестой – это завершающий этап культового действия/обряда. Жертвенное место со скоплением костей датировано по рогу лося, обугленному дереву, черепам человека, нагару на сосудах, и наиболее вероятные даты укладываются в ранний неолит (6400–6300 лет до н. э.) [2, с. 118–121].

При захоронении коня береста использовалась дважды: ею обложены западная стенка могилы и её край, вероятно, для спуска останков в могилу (технический приём), и сделана горизонтальная выкладка в культурном слое над могилой. Последнее действие могло произойти значительно позже самого захоронения, так как в слое над могилой был расчищен остов лодки, являющийся, вероятно, надгробием.

Берестяные поплавки и часть берестяных поделок (фрагменты обугленной ёмкости) являются обыденными предметами жизнедеятельности людей на Усть-Вагильском холме. Не совсем понятно назначение туеса с крышкой (рис. 13, 14), Он был найден в кв. Г 4 на глубине -450, в яме. Над ним был зафиксирован крупный фрагмент охры.

Комплекс предметов, состоящий из крупного фрагмента ладьевидного сосуда с орнаментом, шлифованного наконечника стрелы из туффита и скрученной в трубочку берестяной поделки с прямоугольным вы-

Рис. 17. Усть-Вагильский холм. Раскоп 2005–2015 гг. (1а). Кв. б 5, гл. -470.
Комплекс находок: фрагмент ладьевидного сосуда

резом в верхней части, найден у подошвы холма на глубине -470. Стратиграфически он самый ранний на памятнике. Наконечник стрелы листовидный, шлифованный, с гранью, по определению Л.Л. Косинской, имеет аналоги на севере в раннем–среднем неолите. Ладьевидный сосуд по форме и орнаментации дна наиболее близок к энеолитическому сосуду с поселения Геологическое XVI [3, с. 64, рис. 36, *3*] на севере Западной Сибири. Берестяное изделие изготовлено так, чтобы в прямоугольный вырез его верхней части можно было вставить какой-либо предмет. Для рукояти орудия (например ножа) скрученная береста слишком тонка. Но для вкладывания в неё какого-нибудь изображения (личины) на тонком стержне вполне подходит. Такие куклы с личинами, в том числе и деревянными, известны на памятниках Северо-Западной Сибири, но в более позднее время [4, с. 26–51].

Берестяная ёмкость (короб) найдена на глубине -215…-225, часть её уходила в западную стенку раскопа, для её исследования была сделана прирезка к кв. А 1 (рис. 1а:12). Нижняя часть короба имела подромбическую форму, дно было усилено двумя слоями бересты. Следов игл на бересте нет. Рядом с коробом были найдены две глиняные поделки, т. н. фишки [5, с. 482, № 12]. Назначение короба неясно.

Из всех ныне известных культовых холмов Зауралья и Западной Сибири, по опубликованным источникам, береста и берестяные изделия использовались на памятнике «Чертова Гора» [6, с. 147–158]. Как и на Усть-Вагильском холме, берестой перекладывались прокалы, скопления углей и охры. Автор отмечает, что прослойки бересты и берёзовой коры – не сгоревшие, то есть процесс обкладки происходил позже самого обряда. В северной зоне культовой площадки (объекты II, III) канавки были обложены фрагментами бересты. В южной зоне культовой площадки, в объекте V, исследованы берестяные изделия (коробки с крышкой и без неё), В некоторых из них были найдены зёрна конопли и охра. Анализ на человеческий гемоглобин, взятый из образцов почвы из коробок, дал положительный результат. Возможно, они использовались в обряде захоронения последа, т. е. принимали участие в обрядах, связанных с родовспоможением и родами. Усть-Вагильские находки менее информативны. Необходимы дальнейшие исследования памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Панина С.Н.* Гребенчатый комплекс керамики эпохи энеолита Усть-Вагильского холма // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2011. С. 91–97.
2. Жертвенное место с керамикой сатыгинского типа эпохи неолита на Усть-Вагильском холме (Средний Урал, Россия) / *С.Н. Панина, Х. Пиецонка, З. Хартц, Т. Тербергер* // V Северный археологический конгресс. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2019. С. 118–121.
3. *Кокшаров С.Ф.* Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009. 271 с.
4. *Карачаров К.Г.* Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002.
5. *Панина С.Н.* Культовая пластика из раскопок Усть-Вагильского холма // ТАС. Вып. 10. Т. I. Тверь, 2015. С. 481–491.
6. *Сладкова Л.Н.* «Чертова Гора» – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут, 2008.

ФАУК «Свердловский областной краеведческий музей имени О.Е. Клера», Екатеринбург

S.N. Panina

BIRCH BARK AND BIRCH BARK PRODUCTS IN CULT COMPLEXES OF UST'-VAGIL HILL (FOREST TRANS-URALS)

Summary

The article describes the use of birch bark and birch bark crafts at the Ust'-Vagil cult hill from the Early Neolithic to the 10th–13th centuries A.D. In all epochs birch bark was used as isolating material of separate complexes connected with "fire" rites, the remains of which are procals, charcoal interlayers, ochre. Birch bark was used in late horse burial. Some birch bark products were used in everyday life: floats for nets, utensils. Some birch bark containers had cultic belonging: a birch bark "doll", a box, a tuez with a lid.

Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore named after O.E. Kler,
46, Malysheva St., Ekaterinburg, 620014, Russia
E-mail: snpanina@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Н.Г. Недомолкина

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ОХРИСТО-УГОЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ СЛОЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА 1

Комплекс многослойных поселений Вёкса, расположенных в месте слияния реки Вологды и её небольшого притока реки Вёксы (бассейн Сухоны), является опорным пунктом в реконструкции доисторической и историко-культурной ситуации в регионе на протяжении 8 тысячелетий. Исключительное значение этих поселений объясняется хорошо стратифицированной последовательностью археологических слоёв и стерильных прослоек на них общей мощностью до 3 м.

В 2003–2004 годах раскопом площадью 36 кв. м исследовался пятый участок поселения. На участке фиксируются культурные слои с материалами девяти различных культурно-хронологических комплексов. При выборке светло-коричневой глины на различной глубине выявлены угольно-охристые объекты. Эта площадка поселения, очевидно, использовалась для приготовления охристого пигмента, который применялся при засыпке погребений. Датируются угольно-охристые объекты периодом энеолита в рамках III тыс. до н. э.

DOI: 10.70203/5635.2024.26.16.025

Комплекс многослойных поселений Вёкса (Вёкса 1, Вёкса 3) расположен в месте слияния реки Вологды и её небольшого притока – реки Вёксы. Реки относятся к бассейну реки Сухоны, левой и основной составляющей Северной Двины. Территория находится в административных рамках Вологодской области. Работы Вологодской археологической экспедиции на комплексе многослойных поселений Вёкса начались в 1981 году и продолжались до 2016 года. В результате многолетних исследований комплекс поселений Вёкса с хорошо стратифицированной последовательностью археологических слоёв и стерильных прослоек общей мощностью до 3 м является ключевым пунктом для реконструкции культурно-исторических событий на северо-востоке лесной зоны Европы на протяжении 8 тысячелетий: от раннего неолита до Средневековья [1, с. 277–283; 2, с. 1–23; 3, с. 49–53].

Раскопом 2003–2004 гг. автором исследовался пятый участок поселения (рис. 1). Общая площадь раскопа 36 кв. м. Он ориентирован вдоль берега реки. По линии запад–восток это квадраты 514–516 – У, по линии север–юг квадраты получили буквенное обозначение С–У в соответствии с общей сеткой разбивки памятника. Так как береговая линия и культурные слои поселений разрушаются, две линии раскопа – С, Т – были разбиты на береговом склоне. Стратиграфия раскопа сложная, выявлены слои неолита – раннего железного века и раннего Средневековья? (рис. 2). Ситуацию осложняют многочисленные разновременные перекопы, хозяйственные и столбовые ямы. Природные отложения, сформировавшиеся в голоцене в Присухонской низине и в долинах примыкающих к ней крупных рек, представлены озёрно-аллювиальными осадками. Сложены они серыми или жёлтыми лёгкими суглинками и глинами с единичными включениями гравия и растительных остатков [4, с. 58]. В зависимости от антропологического воздействия они окрашены в тот или иной цвет.

На данном участке поселения Вёкса 1 под дёрном находится слой коричневой супеси с углистыми включениями от кострищ позднего Средневековья, Нового и Новейшего времени, нижний уровень которой отражает границу поздних культурных отложений. Линзы тёмно-коричневого суглинка – верхний археологически изучаемый культурный слой. Из него происходят мешанный керамический материал и единичные вещи. Предварительная датировка – V–VIII вв. н. э. Тёмно-серый суглинок, культурный слой раннего железного века (РЖВ), содержит материалы I–III вв. н. э. Низ тёмно-серого суглинка и верх светло-коричневой глины – культурный слой РЖВ, сер. – 2-й пол. I тыс. до н. э. Ниже залегает намывной слой светло-коричневого суглинка мощностью от 0,08 до 0,18 м, из нижней части которого происходят единичные фрагменты сосудов чирковско-сейминского типа. Здесь же найдена керамика, которая в качестве примеси имеет песок и мелкую дресву. Основные элементы орнамента – ямка и оттиск короткого гребенчатого штампа. Орнамент нанесён на верхнюю часть, основное поле сосудов имеет следы заглаживания. Сетчатые отпечатки на данной керамике не прослежены. Материал датируется поздним этапом эпохи бронзы – кон. II тыс. до н. э.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

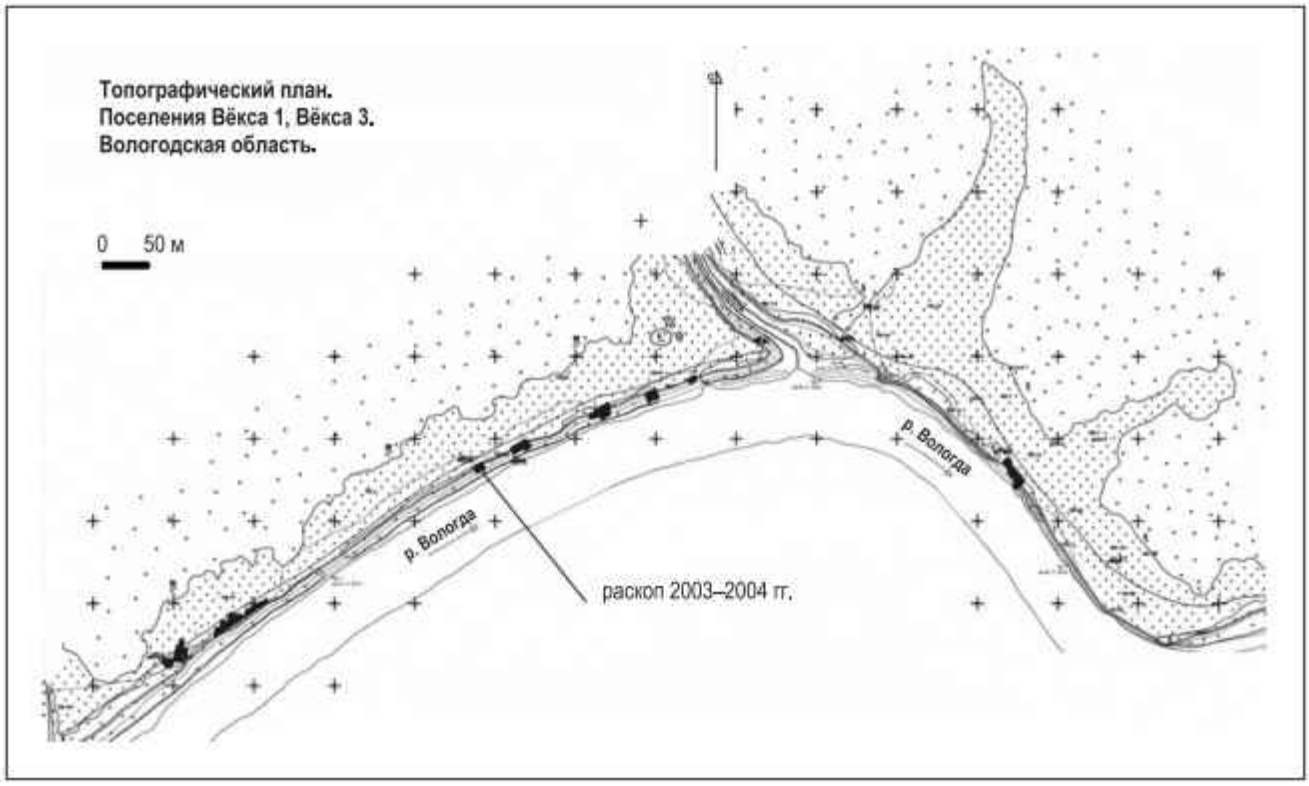

Рис. 1. Поселения Вёкса 1, Вёкса 3. Топографический план с указанием места раскопов

Отложения периода энеолита на этом участке памятника не имеют стерильных прослоек и состоят из тёмного сильно гумусированного суглинка мощностью от 0,8 до 1,05 (в ямах) м. Верхняя часть слоя, имеющая коричневый оттенок, содержит единичный фатьяновский и фатьяноидный материал, традиционно относимый к сер. – 3-й четв. II тыс. до н. э. Керамика слоя, среди которой выделено несколько фрагментов с примесью асбеста, представлена обломками пористых сосудов с Т- и Г-образными венчиками, близкими к поздневолосовским материалам, и сосудам типа Модлона II (III – нач. II тыс. до н. э.). Конструкции данного слоя сильно нарушили лежащий ниже слой. Светло-коричневая намывная глина до 0,8 м, с которой связаны охристо-угольные сооружения, отделяет нижележащие слои с неолитическими материалами. Это светло-серый суглинок, наибольшая мощность которого 0,5 м, с неолитическими каргопольскими материалами IV тыс. до н. э. и нижняя тёмная гумусированная глина – 0,15 м – культурный слой неолита с ямочно-гребенчатым комплексом раннего этапа развития льяловской культуры руб. V–IV – сер. IV тыс. до н. э. Материковая глина имеет серый оттенок. Это уже отложения палеоозера.

На участке фиксируются культурные слои с материалами девяти различных культурно-хронологических комплексов. Общая глубина раскопа – 2,0–2,2 м.

При выборке светло-коричневой глины на различной глубине выявлены угольно-охристые объекты. У северной стенки раскопа на глубине -158 см (здесь и далее – от условного 0. – *Авт.*) выявлено тёмное гумусированное пятно размерами 0,9×2,2 м, уходящее за пределы раскопа. При выборке прослежена конструкция сооружения. Верхнее тёмное пятно (крышка?) было поставлено на горизонтальные «лаги» диаметром до 10 см. Разрез конструкции хорошо прослеживается в северной стенке раскопа. Нижнее пятно из охры, углей, кальцинированной кости имело размеры 0,5×1,6 м (рис. 3). В восточной части пятна найдено янтарное кольцо. Рядом, в квадратах 515–У–Т, на глубине -153 см выявлено кострище? диаметром 1,6 м с сильным прокалом и охрой (рис. 4, 5). По контуру его прослежена угольная полоса шириной до 0,2 м. Мощность охристого заполнения – до 0,2 м, при выборке его найдены несколько отщепов и малоинформативный фрагмент пористой керамики. Возможно, эти объекты составляют единый комплекс.

Ещё семь угольно-охристых пятен зафиксированы на площади раскопа на различной глубине (рис. 6). В наибольшем числе различные конструкции проявились в кв. 515–У. На глубине -202 см зафиксировано ещё одно охристо-угольное пятно диаметром 1,4 м. В кв. 515–Т на глубине -185 см наблюдалось углистое с охрой пятно диаметром 1,3 м. В квадратах 516–Т, С выявлены три угольных пятна с прокалом. Центральная часть объектов жёлто-охристого цвета размерами 0,3×0,5 м и 0,4×1 м вошли в раскоп частично. Угольные контуры нечётки, размыты. Ещё одно частично размытое пятно на глубине -173 см проявилось в квадрате 514–С. Наиболее мощное пятно размерами 1,2×1,4 м большей частью находилось в кв. 516–Т на глубине -204 см

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

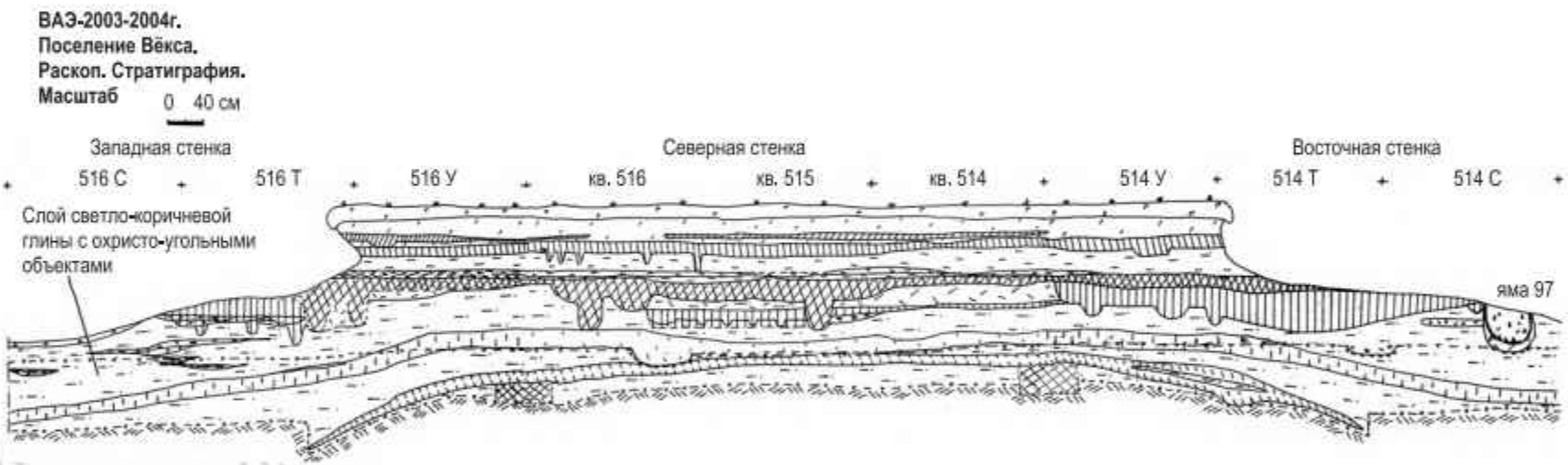

Рис. 2. Вёкса 1. Поселение. Раскоп 2003–2004 гг. Стратиграфия

Ижевский музей • Удмуртский государственный

Рис. 3. Вёкса 1. Поселение. Квадрат 515–У. Объект с гумусированным заполнением. Вид с юга

Рис. 4. Вёкса 1. Поселение. Квадраты 515–У–Т. Объект с охристо-угольным заполнением, верхний уровень. Вид с юго-востока

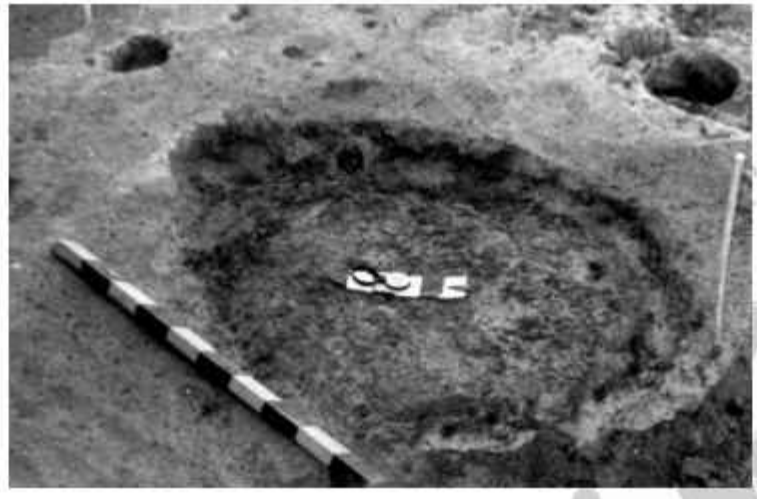

Рис. 5. Вёкса 1. Поселение. Квадраты 515–У–Т. Объект с охристо-угольным заполнением в процессе выборки. Вид с запада

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

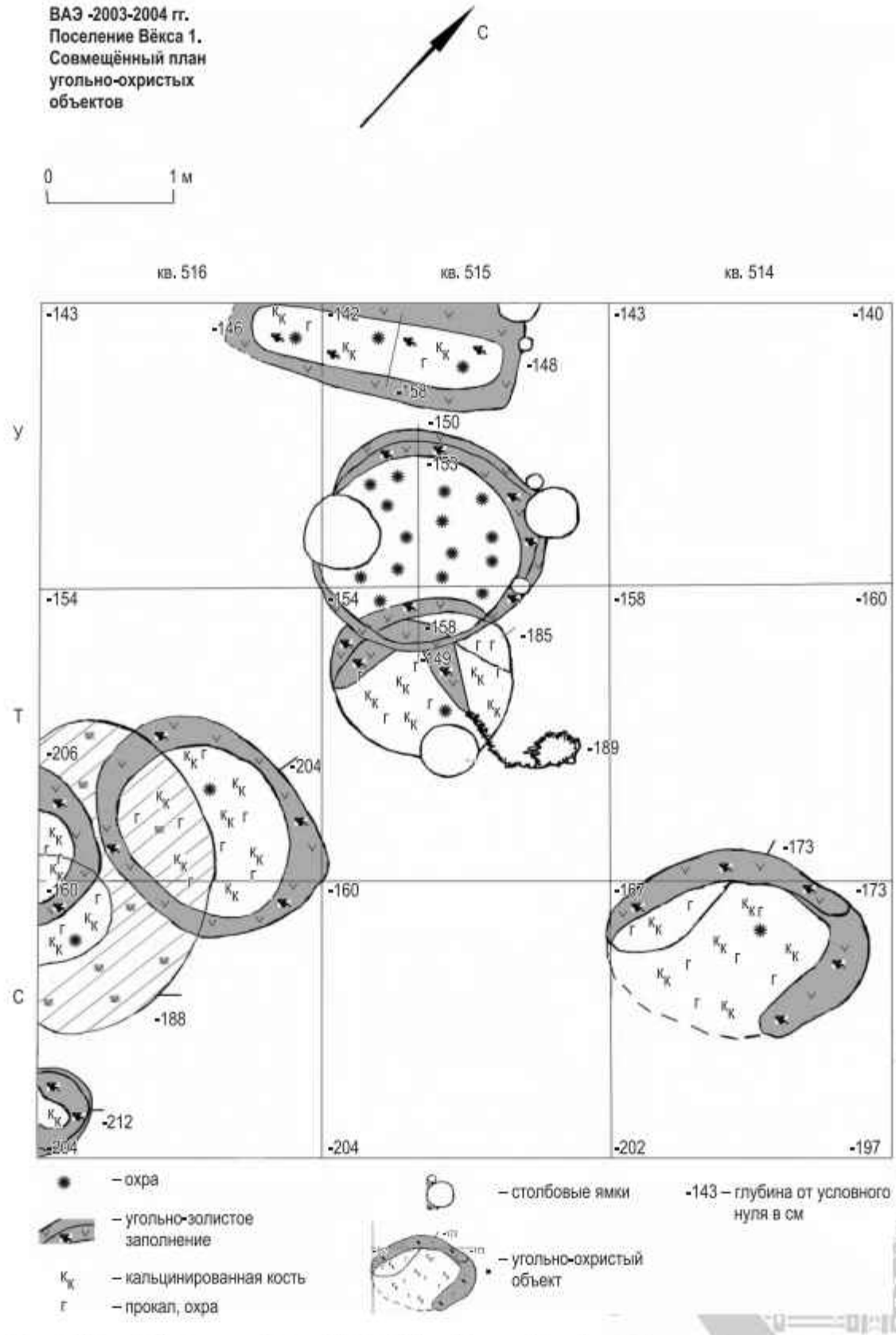

Рис. 6. Вёкса 1. Поселение. Раскоп 2003–2004 гг. Совмещённый план охристо-угольных объектов

Рис. 7. Вёкса 1. Поселение. Квадрат 516–Т. Объект с охристо-угольным заполнением. Вид с востока

(рис. 7). В заполнении пятна сохранилось большое количество крупных определимых обломков кальцинированных костей животных. Перепад глубин охристо-угольных объектов – до 0,4–0,5 м. Все они имеют приблизительно одинаковую конструкцию. Проявляется большое аморфное гумусированное пятно. Ниже по контуру пятна фиксируется наибольшая концентрация угля. В центре угольного пятна прослеживается прокалённое, возможно с охрой, красное заполнение с большим количеством кальцинированных костей. Мощность пятен – 0,05–0,1 м.

Угольно-охристые объекты находятся в ста метрах от могильника, который был выявлен на 4-м участке поселения Вёкса [5, с. 100–106]. Как показал анализ охры из погребений, это был специально приготовленный пигмент. Очевидно, данные объекты являлись частью погребального комплекса. Эта площадка поселения, возможно, использовалась для приготовления охристого пигмента. Но на настоящем этапе изучения памятника при отсутствии аналогий вопрос о назначении таких объектов остаётся открытым.

Материал, найденный при выборке светло-коричневой глины, представлен небольшим количеством фрагментов ранневолосовской керамики, орнаментированной гребенчатым и ямчатым штампами (рис. 8). Кремнёвые изделия из слоя малочисленны, представлены наконечником стрелы листовидной формы, скребками, обломками орудий. Керамика, найденная в заполнении хозяйственной ямы № 97, имеет орнамент, до этого времени не встречавшийся в поселенческих комплексах памятника (рис. 9).

Датируются угольно-охристые объекты периодом энеолита в рамках III тыс. до н. э.

ГВЕННЫЙ • ЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 8. Вёкса 1. Поселение. Пористая керамика из слоя светло-коричневой глины

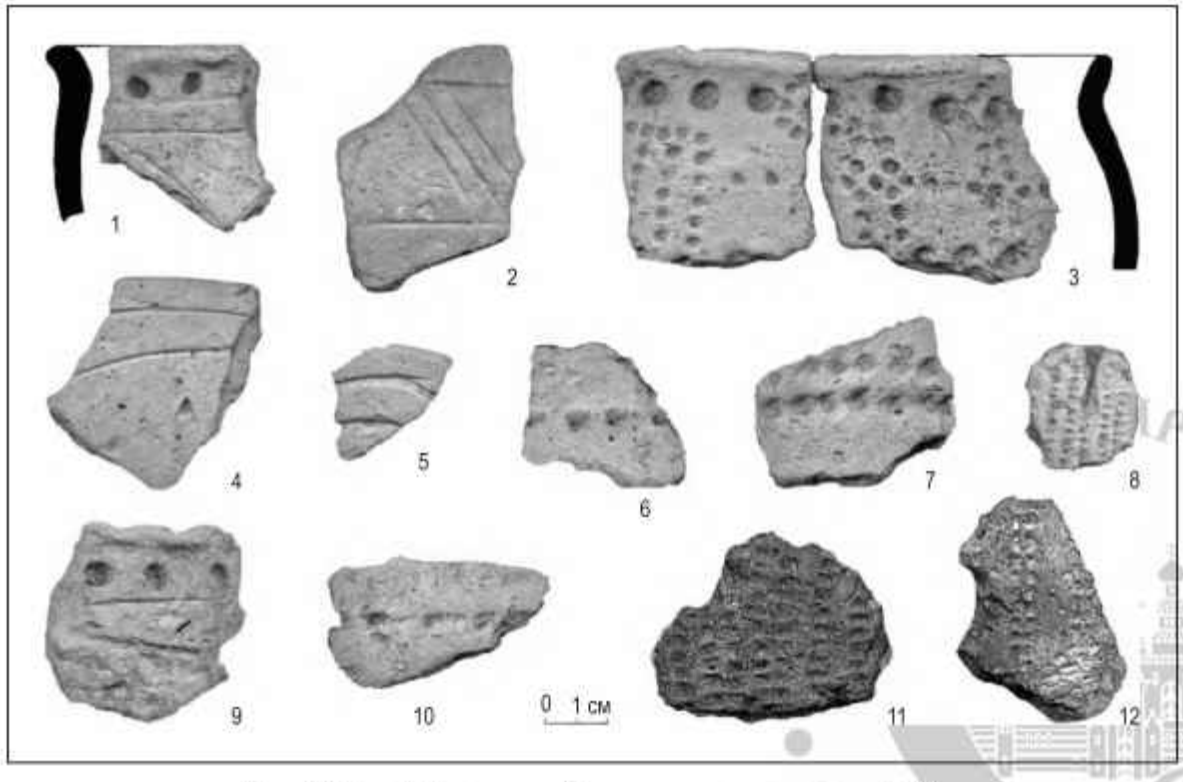

Рис. 9. Вёкса 1. Поселение. Пористая керамика из ямы № 97

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Недомолкина Н.Г.* Многослойное поселение Вёкса // ТАС. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь, 2000. С. 277–283.
2. *Недомолкина Н.Г.* Неолит Верхней Сухоны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Вологда: Легия, 2007. 23 с.
3. Многослойный археологический комплекс Вёкса в бассейне Верхней Сухоны: мультидисциплинарные исследования о взаимодействии человека и природы от каменного века до средневековья / *Н.Г. Недомолкина, Х. Пиконка, В. Кирлейс, С. Лоренс, М. Вицковска-Льют* // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе: сборник научных статей: в 3 т. Т. III. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2017. С. 49–53.
4. *Авдошенко Н.Д., Труфанов А.И.* Геологическая история и геологическое строение Вологодской области. Вологда, 1989. С. 58–59.
5. *Недомолкина Н.Г.* Нео-энеолитический могильник поселения Вёкса 1 // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы: К 60-летию А.В. Уткина / Под ред. Е.Л. Костылёвой, В.А. Аверина. Вып. IV. Иваново, 2015. С. 100–106.

БУК Вологодской области «Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», Вологда

N.G. Nedomolkina

ON THE QUESTION OF THE FUNCTION OF OCHRE-COAL OBJECTS IN THE ENEOLITHIC PERIOD CULTURAL LEVEL VYOKSA 1 SETTLEMENT

Summary

The multilayered settlements Vyoksa located at the confluence of the Vologda River and its small tributary Vyoksa River (Sukhona Basin) are a key point to reconstruction of pre-historical and historical cultural developments over the course of 8 millennia. The exclusive importance of these settlements is explained by their well-stratified sequence of archaeological layers, up to 3 m thick.

In 2003–2004, the fifth site of the settlement was investigated by excavation with an area of 36 sq. m. Cultural layers with materials from nine different cultural and chronological complexes are recorded on the site. During the sampling of light brown clay at different depths, coal-ochre objects were revealed. This site of the settlement was obviously used for the preparation of ochre pigment, which was used in the filling of burials. Coal-ochre objects are dated to the Eneolithic period within the III millennium BC.

The Vologda State Museum-Reserve of History, Architecture and Decorative Arts, 15, Orlova St., Vologda, 160035, Russia
E-mail: Nedomolkiny_ljv@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.Л. Костылёва, Д.А. Хавина, М.Э. Бродин

ОБЪЕКТ СО СТОЯНКИ САХТЫШ I: РИТУАЛЬНЫЙ «КЛАД» ИЛИ МАСТЕРСКАЯ ПО ОБРАБОТКЕ КРЕМНЯ?

Анализ коллекций кремнёвых артефактов из раскопок Д.А. Крайнова в 1960–1970-е гг. на многослойной торфяниковой стоянке Сахтыш I (Ивановская область) выявил артефакты со следами воздействия огня. Сравнение их с материалами других памятников позволило определить эти предметы как ритуальные погребальные «клады». Основное отличие их от мастерских, где применялась термическая обработка кремня, – расположение вблизи захоронений финального этапа развития волосовской культуры.

DOI: 10.70203/3758.2024.92.67.026

Финальный этап развития волосовской культуры (энеолит лесной полосы Центральной России) ознаменован созданием ритуальных «кладов», состоящих из орудий и украшений. Такие «клады» были обнаружены в пределах Нижегородской, Рязанской, Ярославской и Ивановской областей на стоянках Волосово, Велетьма, Панфилово, Володары, Владычино, Ивановское III, Сахтыш II, VIII [1].

Наибольшее количество «кладов» было зафиксировано на специальных ритуальных площадках могильника Сахтыш II (более двух десятков) [2; 3]. Пять «кладов» были обнаружены на стоянке Сахтыш VIII, однако они были связаны не с захоронениями, как на Сахтыше II, а с жилищами и являлись, возможно, «закладными» [4].

Нами была предпринята попытка выявить подобные «клады» и среди старых коллекций с многослойной стоянки Сахтыш I. Памятник исследовался Д.А. Крайновым на протяжении 12 лет: 1962–1966, 1970–1975, 1981 гг. – несколькими раскопами (1, 1-а, 2, 3, 3-а, 3-б, 3-в, 4), расположенными в разных частях памятника и часто не связанными между собой (рис. 1)[1]. В результате полевых работ было получено огромное количество разнообразной керамики, вещей из кремня, камня, кости, рога, дерева, а также были изучены остатки нескольких жилищ и 15 погребений. Опубликована лишь незначительная часть материалов: это погребения [3; 6], одно жилище [7] и наиболее яркие артефакты [8; 9].

При определении возможной принадлежности находок из раскопок Сахтыша I к «кладам» мы учитывали особенности таковых в «кладах» со стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII. Прежде всего это достаточно компактное расположение предметов на поверхности или в специальных ямках на площади раскопа, их связь с погребениями или жилищами, присутствие на артефактах следов воздействия огня, в результате чего они часто разрушались, а кремень и кость меняли цвет.

Основными источниками работы послужили архивные материалы (научные отчёты Д.А. Крайнова и описи предметов), а также коллекции, хранящиеся в археологическом музее Ивановского государственного университета (далее – АМУ) и в Ивановском государственном историко-краеведческом музее имени Д.Г. Бурылина (далее – ИГИКМ). Сложность работы с источниками была связана с недостаточной документированностью расположения артефактов на планах раскопов и их суммарным описанием в отчётах. В связи с этим основное внимание нами уделялось выявлению в коллекциях предметов со следами термического воздействия и локализации их на планах.

Более всего кремнёвых предметов со следами термического воздействия, нашедшими отражение в изменении цветности кремня и наличии термических сколов, было обнаружено в западной части памятника в раскопах 1963, 1964 и 1970 гг. – в зоне захоронений людей волосовской культуры. Некоторые из обожжённых артефактов были найдены в ямках или прослеживались в виде небольших скоплений (рис. 2). Отметим, что информация о них в научных отчётах чрезвычайно скудна и не позволяет сказать что-то более определён-

[1] Отсутствие в отчётах точных привязок раскопов 1974, 1975 и 1981 гг. к раскопам предыдущих лет не позволило нам дополнить представленный план.

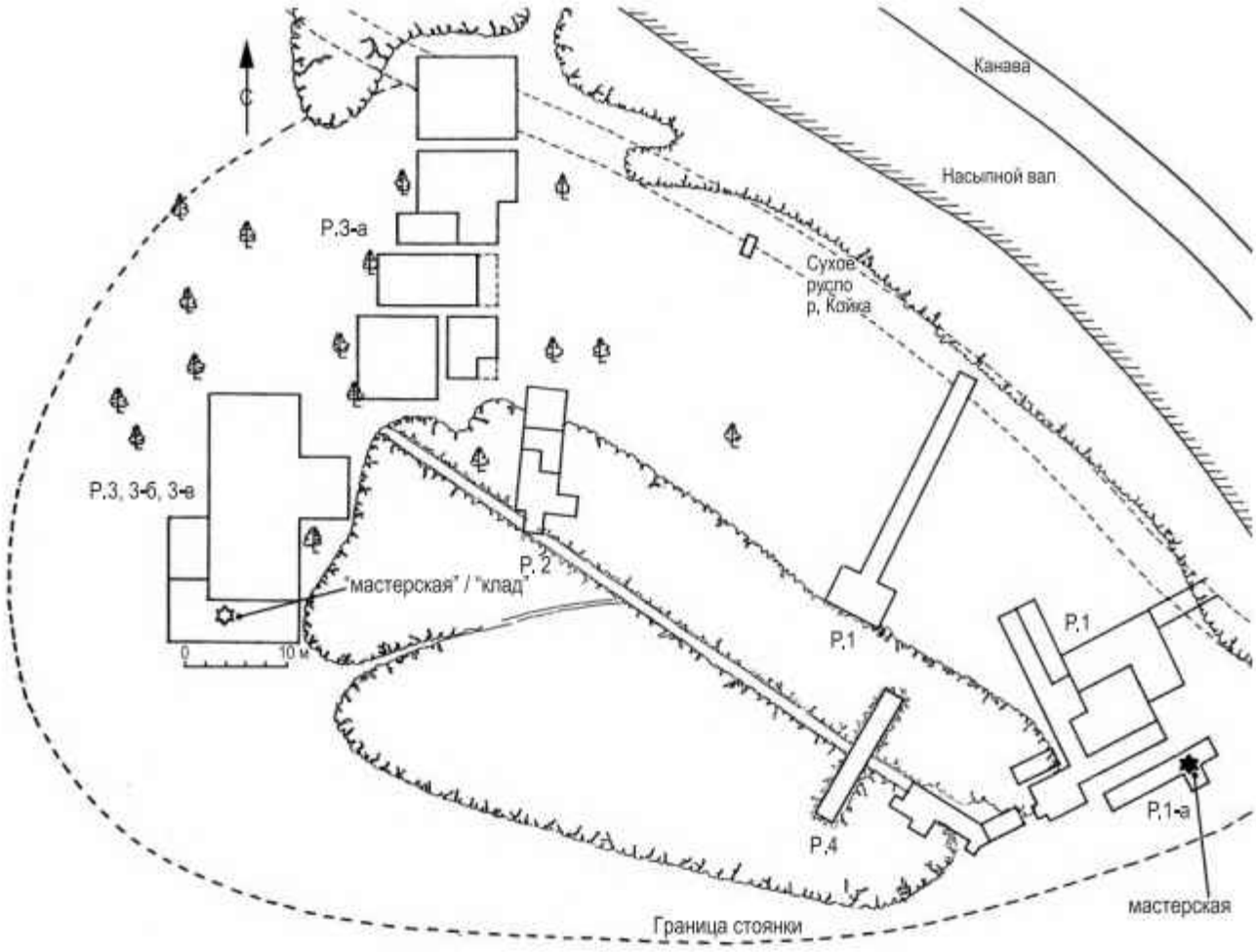

Рис. 1. План стоянки Сахтыш I. Раскопы 1962–1973 гг.
([5], *в обработке Е.Л. Костылёвой с уточнениями и дополнениями*)

ное [10–13]. И лишь одно скопление кремнёвых изделий – из раскопа 3-б 1970 г. – благодаря своей компактности, численности и большим размерам некоторых предметов (рис. 3) было интерпретировано как «мастерская» с кратким указанием относящихся к ней предметов, однако без их детального описания [14, с. 70][2].

Раскоп 3-б очень небольшой: четыре квадрата два на два метра – всего 16 кв. м (рис. 4). В основном все предметы из «мастерской» 1970 г. хранятся в археологическом фонде ИГИКМ, небольшая часть – в АМУ. На площади этого раскопа на глубине 20–40 см, связанной с волосовским культурным слоем, были обнаружены обломки человеческих черепов, кости, нижняя челюсть и целый череп медведя, развалы волосовских сосудов [14].

Согласно отчёту, уже с глубины 0–20 см наблюдается значительное увеличение находок в квадратах 3 и 4 [14, с. 68]. Наибольшая концентрация артефактов на планах третьего квадрата отмечалась уже с глубины 20–30 см. Кроме того, в кв. 2 на глубине 20–30 см пунктирной окружностью отмечено скопление орудий, которое, видимо, началось ещё на глубине 0–20 см.

В АМУ находятся каменный клиновидный топор, упомянутый в отчёте Д.А. Крайнова как связанный с мастерской, а также шесть предметов из обожжённого кремня бордового цвета[3].

---

[2] В отчёте указывается, что в мастерской «в общей сложности найдено свыше 100 кремневых отщепов, два кремневых клина, пиковидные орудия, скребки, наконечники стрел, плита, отбойники, каменный клиновидный топор, костяные вещи и т. д.» [14, с. 70].

[3] Два из них – обломок острия наконечника копья или дротика и обломок грубо обработанного наконечника копья или его заготовки – происходят из кв. 3 с глубины 20–30 см (рис. 5: 1, 5) и относятся к верхней части «мастерской». Как обожжённые вещи из мастерской они отмечены и в описи артефактов, составленной Л.С. Китицыной и хранящейся в АМУ. Ещё два – обломок нижней части наконечника копья и скребок – обнаружены на глубине 20–30 см в кв. 1 (рис. 5: 2, 6); два целых орудия – листовидный наконечник стрелы и скребок – найдены в кв. 2 на глубине 30–40 см (рис. 5: 3, 4). Все эти артефакты, скорее всего, также связаны с «мастерской», и поэтому включены нами в общую статистику.

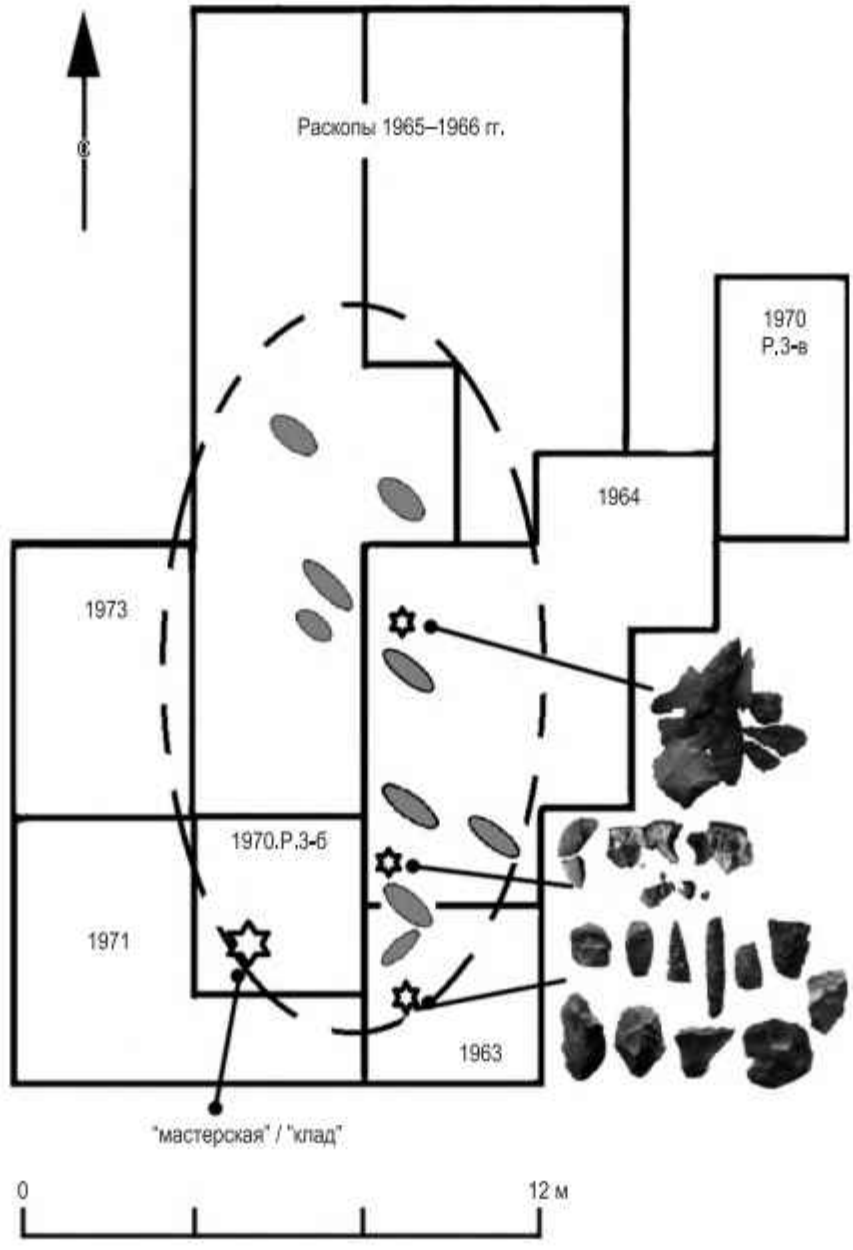

Рис. 2. Сахтыш I. План раскопов 3, 3-б и 3-в 1963–1966, 1970, 1071, 1973 гг. на западном участке памятника с обозначением мест скопления обожжённых кремнёвых артефактов и захоронений (*рис. Е.Л. Костылёвой с уточнением местоположения раскопов*)

В археологическом фонде ИГИКМ хранится опись находок из «мастерекой», составленная в 1971 г. хранителем фонда ИГИКМ Е.М. Молодцовой. В этой описи 152 предмета были объединены в 53 единицы хранения. Однако на момент написания статьи нами были обнаружены только 49 единиц хранения общим количеством 129 изделий. Среди необнаруженных вещей особого внимания заслуживает фигурный кремень, цвет которого в коллекционной описи обозначен как «красный с черным» (коллекционная опись, 1971). Три предмета из 129 были изготовлены не из кремня, а из других материалов. Это обломок шлифовальной плиты из песчаника фиолетового цвета и два отбойника, один из них из известняка тёмно-коричневого, почти чёрного цвета, второй, вероятно, из кварцита светло-коричневого цвета. Таким образом, с «мастерской» могут быть связаны 135 предметов.

Типологически весь комплекс предметов из кремня (132 экз.) можно разделить на четыре группы. К первой группе относятся отщепы без следов обработки. Они разных размеров – от крупных сколов до чешуек; всего 100 единиц, в том числе 21 крупный скол. Вторая группа включает в себя отщепы со следами об-

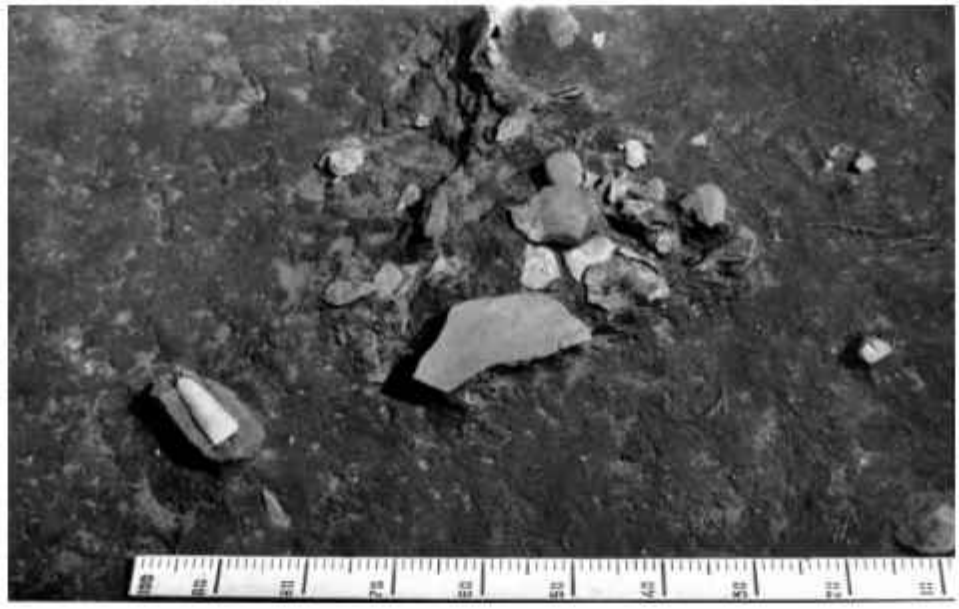

Рис. 3. Сахтыш I, 1970 г., раскоп 3-б, квадрат 3, глубина 40 см. Скопление предметов («мастерская»). Вид с запада [14, рис. 113]

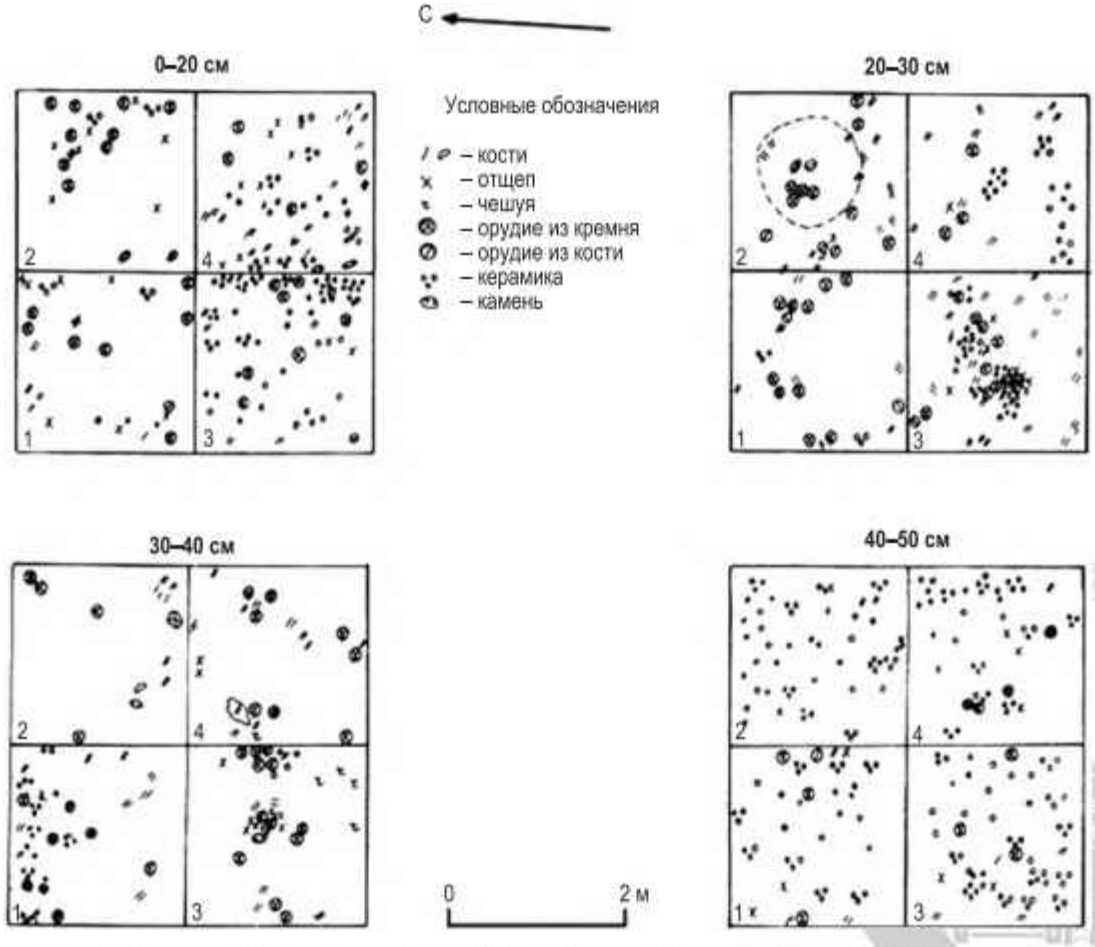

Рис. 4. Сахтыш I. План раскопа 3-б 1970 г. ([14, рис. 106] *в обработке Е.Л. Костылёвой*)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

работки и насчитывает семь предметов разного размера. К третьей группе нами были отнесены заготовки орудий, всего два изделия: заготовка наконечника дротика и заготовка неопределённого орудия. Четвёртая группа состоит из орудий и обломков орудий. Это 23 предмета, все они изготовлены на отщепах. Среди них семь скребков, два скобеля, два ножа, одно сверло, один наконечник копья, а также три обломка наконечников, один обломок скребка, один обломок ножа и пять обломков неопределённых орудий (рис. 5–7). Цвет и качество сырья изученных артефактов сильно разнились.

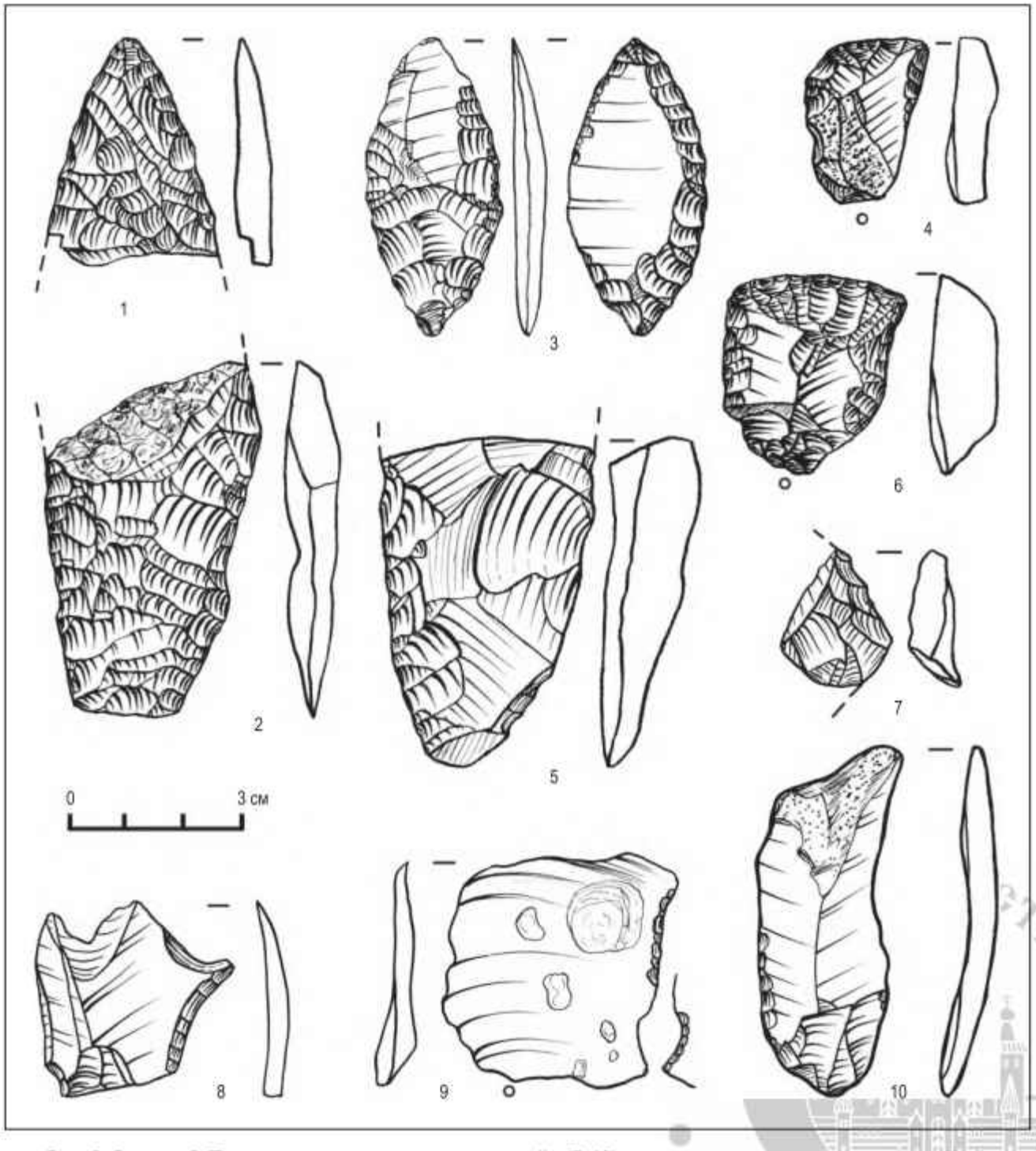

Рис. 5. Сахтыш I. Предметы из скопления-«мастерской» (7–10) и прилегающего культурного слоя (1–6) (*рис. Е.Л. Костылёвой*)

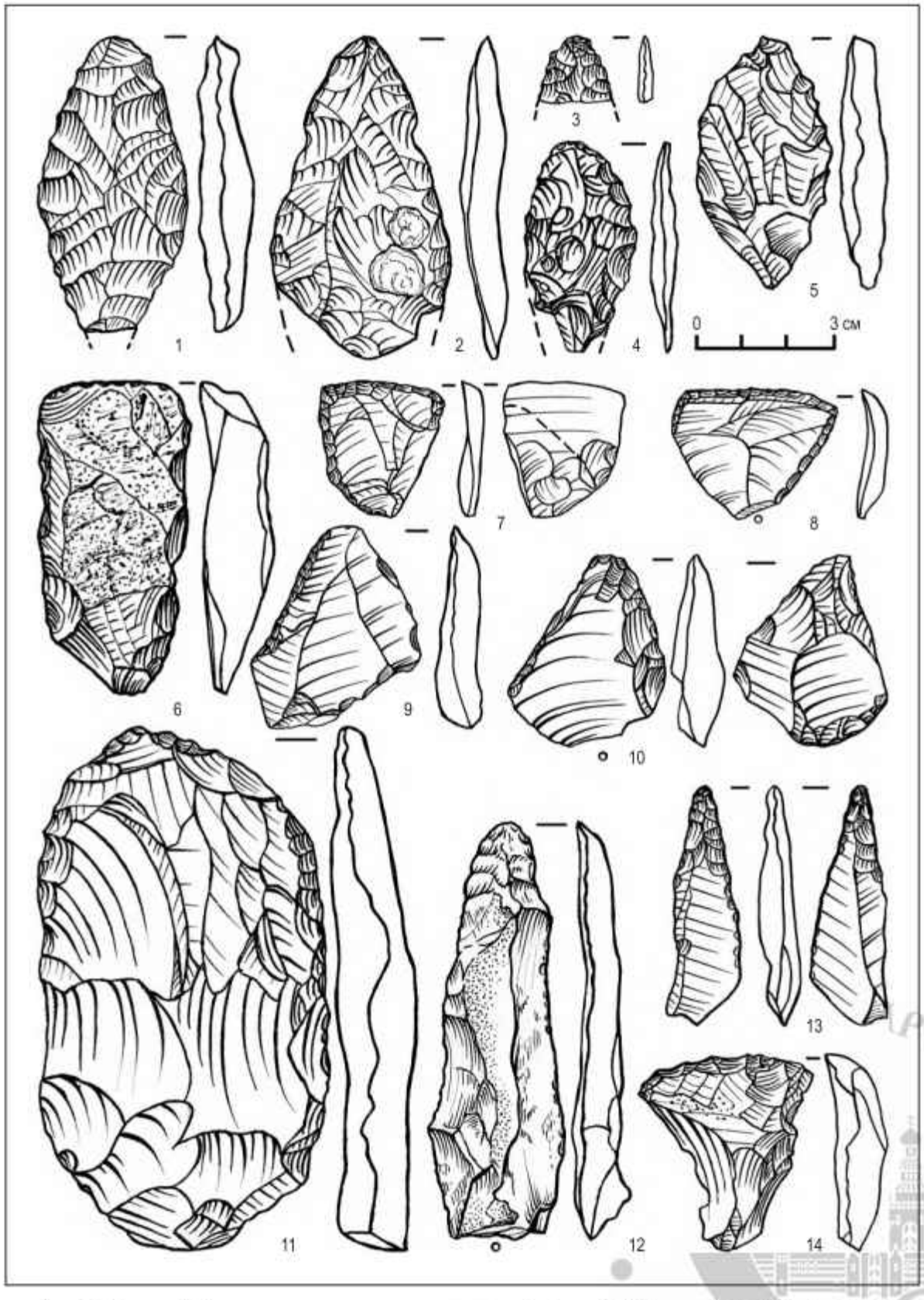

Рис. 6. Сахтыш I. Предметы из скопления-«мастерской» (*рис. Е.Л. Костылёвой, М.Э. Бродина*)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 7. Сахтыш I. Предметы из скопления-«мастерской» (*фото Д.А. Хавиной в обработке Е.Л. Костылёвой*)

Исходя из заявленной в статье проблематики, весь комплекс вышеупомянутых кремнёвых артефактов был разделён на две группы: предметы без следов термического воздействия и предметы со следами термического воздействия. Из 132 единиц только 12 не несли следы воздействия огня. Это сверло светло-коричневого цвета с двусторонней ретушью; комбинированное орудие (скребок-нож) с приостряющей ретушью по одному краю и с притупляющей по другому на отщепе коричневого цвета с жёлтыми вкраплениями; обломок ножа с приостряющей односторонней ретушью по краю отщепа жёлтого цвета с красными разводами; обломок скребка с притупляющей ретушью на отщепе коричневого цвета и концевой скребок с притупляющей ретушью, изготовленный из светло-коричневого кремня с коркой. К этой же группе относятся три крупных скола жёлто-коричневого цвета, один отщеп из коричневого кремня с белой коркой, один отщеп серого цвета с разводами, один отщеп белого цвета (вероятно, фрагмент корки) и одна «чешуйка» серого цвета без термических сколов.

Предметы со следами термического воздействия (120 экз.) имели разный цвет – от светло-коричневого до чёрного – в соответствии со степенью интенсивности воздействия огня[4].

Самая светлая часть палитры представлена 51 экз. (отщепы и чешуйки) светло-коричневого цвета, в том числе с коркой, со следами термических сколов; 13 экз. (отщепы) – розового цвета без термических сколов.

32 экз. (20 – отщепы, 12 – орудия, обломки и заготовки орудий) имели термические сколы и были представлены более тёмной гаммой: от коричневого цвета с бордовыми и красными разводами и чёрными пятнами до насыщенного бордового. Кремень бордового цвета с термическими сколами представлен 20 экз. (12 отщепов, 8 обломков орудий). Прочие предметы – 24 экз. (13 – отщепы и сколы, 11 – орудия и заготовка) – были без термических сколов и при этом относились к самой тёмной части цветового спектра: от тём-

[4] Заметим, что эксперименты, связанные с воздействием огня на кремень, проводились в России со времён В.А. Городцова [15]. Особенно большая работа в этом направлении была проделана в 1980–1990-е годы на базе экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА АН СССР. В результате были выяснены признаки тепловой обработки разнообразных кремнистых пород, в том числе и изменение цветности кремня [16, с. 168–174; 17, с. 52–57]. Полученные данные позволили выявить эти признаки на кремнёвых артефактах ряда памятников мезолита – энеолита [18–24].

Объединенный музей

но-бордового цвета, переходящего в чёрный с красными разводами, до монохромного чёрного, а также чёрного с красными и жёлтыми разводами.

С целью установить зависимость изменения цвета кремня от длительности кострового воздействия и глубины залегания предмета относительно источника тепла в августе 2020 года авторами статьи был проведён эксперимент по термическому воздействию на кремень. Это был первый эксперимент в полевых условиях с хорошо узнаваемым кремнем волосовской культуры жёлтого цвета[5].

Описание эксперимента и его результаты

Исследования проводились на территории Клязьминского заказника Южского района Ивановской области на берегах озёр Ореховое и Долгое. Материалом для экспериментов стали 13 отщепов из жёлтого волосовского кремня[6]. Эксперимент проводился в два этапа. На первом все отщепы были помещены в специально подготовленную ямку диаметром 7 см и глубиной 6 см, вырытую в тёмно-серой супеси в 25 метрах от раскопа на неолитическом памятнике Ореховое 1. Поверх кремня были положены две фаланги лося[7], после чего «клад» был засыпан. Над ямкой был разведён небольшой костёр из сосновых поленьев высотой около 30 см. Время горения костра составило 40 минут. Ещё 30 минут происходило остывание углей. Когда угли были сняты, обнаружилось, что лежавшие сверху фаланги лося полностью поменяли свой цвет с желтовато-серого на чёрный, в то время как находившийся ниже кремень не претерпел никаких изменений ни в цвете, ни в структуре.

На втором этапе эксперимент проводился непосредственно в лагере Ивановской Археологической Экспедиции на берегу озера Долгое[8]. Те же 13 отщепов, задействованных в первом эксперименте, и добавленные к ним четыре новых были уложены в три слоя в ямку глубиной 5 см и присыпаны прокалённым песком мощностью в 1 см от расположенного здесь ранее кострища. Затем над «кладом» был разведён большой костёр из берёзовых поленьев. Высота костра достигала 50–70 см, диаметр кострища – до 1 м. Костёр горел на протяжении пяти часов, выемка материала была проведена через 10 часов после начала эксперимента. Отщепы были очень горячие. В результате такого длительного термического воздействия весь кремень поменял свой цвет. Отщепы, находившиеся в верхнем слое, изменили цвет с жёлтого на чёрный с красными разводами, причём на двух из них появились термические сколы. Кремень из среднего слоя стал тёмно-фиолетовым, но термические сколы на нём выявлены не были. Цвет материала из нижнего слоя варьировал от чёрного и тёмно-коричневого до серого, также не было видимых термических сколов. Интересно, что через сутки после выемки из костра кремень продолжал менять свой цвет. Предметы из верхнего слоя стали красно-коричневыми, из среднего – серовато-коричневыми с красными разводами, из нижнего – красными и бордовыми. Результаты этого эксперимента подтвердили прямую зависимость изменения цвета кремня от длительности и мощности теплового воздействия на него, а также дали возможность для реконструкции в дальнейшем местоположения предметов в ритуальных «кладах» из раскопок прежних лет. Последнее представляется нам крайне важным, учитывая особенности ведения полевой документации в 1960–1970-е годы. Данные этих экспериментов позволяют отказаться от высказанного ранее одним из авторов статьи положения, что костры над «кладами» стоянки Сахтыш II «горели сравнительно непродолжительное время… кремень инвентаря из желтого превращался в бордово-черный» [4, с. 112].

При обработке коллекции авторами статьи был произведён ремонтаж нескольких орудий. При реконструкции этих артефактов принимались во внимание три признака – цвет кремня и его структура (наличие термических сколов и вкраплений другой цветности), особенности ретуши и близость порядковых номеров в полевом шифре. Так, из трёх крупных сколов серого цвета с коркой удалось сложить верхнюю часть долота. Все они были обнаружены на глубине 30–40 см от дневной поверхности. Два отщепа с ретушью, изготовленных из кремня красно-оранжевого цвета со следами термических сколов, один из которых был обозначен в описи как скребок, а второй – как обломок неопределённого орудия, оказались трёхлезвийным скребком, а при соединении этих фрагментов стал виден переход цвета от оранжевого на основной части орудия к красному по его краю (рис. 6: 7). Эти предметы были также обнаружены на одной глубине 30–40 см от дневной поверхности. Ещё два обломка орудий из кремня бордового цвета удалось соединить в часть ножа с двусторонней приостряющей ретушью по краям. Оба они были обнаружены на глубине 30–40 см от дневной поверхности (рис. 6: 4). Особый интерес, на наш взгляд, представляет опыт ремонтажа наконечника дротика из кремня тёмно-бордового цвета, переходящего в чёрный с красными разводами (рис. 6: 2). Такая «пестрота» оттенков и большое количество негативов термических сколов помогли подобрать отщеп, точно подо-

[5] Одним из авторов данной статьи отмечалось: «Экспериментальным путем установлено, что чем дольше волосовский кремень оставался в огне, тем темнее становился его цвет, проходя несколько стадий от желтовато-оранжевого и красного оттенков к темно-фиолетовому и черному цветам» [4, с. 112]. Однако необходимо заметить, что упомянутый эксперимент не отличался «чистотой», и данные его нигде не были опубликованы. В своё время Е.Ю. Гиря указывал (вне культурно-хронологического контекста), что «коричнево-желтый кремень после тепловой обработки приобретал темно-малиновый или красноватый оттенок» [16, с. 173].

[6] Отщепы происходят из депаспортизированной части коллекции артефактов со стоянки Сахтыш II (раскопки О.С. Гадзяцкой 1962 и 1966 гг.).

[7] Происходят также из депаспортизированной части коллекции фауны с Сахтышских стоянок.

[8] Руководитель экспедиции – к. и. н. В.А. Аверин.

шедший к поверхности орудия. Вероятно, наконечник подвергался длительному нагреванию, что привело не только к такому причудливому изменению цвета кремня, но и к сильному разрушению структуры предмета.

Следует отметить, что ещё, по меньшей мере, два орудия из этого комплекса могут быть восстановлены путём ремонтажа. Это шлифованное долото из кремнёвых отщепов розового цвета, почти сплошь покрытых негативами термических сколов. На большинстве этих фрагментов присутствует отшлифованная серовато-белая корка. Скопления крупных сколов, отщепов и чешуек, сходных по цвету и структуре, также могут быть частями одного орудия или заготовки.

Таким образом, анализ комплекса кремнёвых артефактов из раскопа 3-б стоянки Сахтыш I показал, что эти предметы с уверенностью можно отнести к ритуальному «кладу», а не к мастерской. Преобладание в этом комплексе изделий из кремня красного, бордового, чёрного цветов со следами термических сколов указывает на то, что они находились в огне. Результаты ремонтажа свидетельствуют о том, что орудия были подвержены термическому воздействию уже после их изготовления и являлись самостоятельными изделиями, а не сырьевой заготовкой. Скопления микроотщепов или «чешуек», которые на первом этапе систематизации коллекции были приняты за отходы производства без следов термического воздействия, могут быть теми самыми термическими сколами, т. е. частями, на которые огонь повлиял в первую очередь, отсоединив их от поверхности артефакта. Однако этот тезис требует дополнительного экспериментального подтверждения.

При этом мы не исключаем, что вещи, предназначенные для сопровождения умерших в иной мир («клады»), могли изготовляться на ритуальной площадке. Однако следы теплового воздействия, выразившиеся бы не только в изменении цветности кремня, но и в глянцевых сколах снятий, сделанных после прокаливания, на артефактах из «мастерской» обнаружены не были[9].

Кроме того, на Сахтыше I вне зоны основной массы захоронений, примерно в 100 м к востоку от них в раскопе 1-а, находившемся на окраине памятника, ближе к реке, располагалась обычная «домашняя» мастерская «волосовцев» (рис. 1). Обнаруженные в её пределах многочисленные отходы производства, заготовки и орудия из преимущественно использовавшегося «волосовцами» жёлтого кремня не несли следов теплового воздействия [25].

Аналогичную картину можно было наблюдать и на стоянке Сахтыш II, где среди захоронений «волосовцев» и вблизи них на двух ритуальных площадках располагалось около двух десятков «кладов», состоявших из кремнёвых, а также из костяных/роговых вещей, подвергшихся тепловому воздействию в результате разведения над ямками с «кладами» и рядом с ними костров. Многие орудия в результате воздействия огня имели разную степень повреждения (растрескивание, фрагментация). Цветовая палитра кремнёвых предметов варьировала от разных оттенков красного и бордового до чёрного цвета. Предметы из кости/рога имели чёрный, серый, белёсый цвета. Лишь изделия из «клада», накрытого во время ритуала глиняным сосудом, сохранили изначальный жёлтый цвет сырья [26]. «Домашняя» мастерская находилась примерно в 20 м к западу от ритуальных площадок на берегу реки в раскопе 1987 г. Предметы, связанные с ней, не несли следов термического воздействия, и кремень сохранял свой жёлтый цвет [27, с. 9].

На основании вышеизложенного мы приходим к заключению, что кремнёвые предметы со следами термического воздействия на стоянке Сахтыш I, так же, как и на стоянке Сахтыш II, связаны не с мастерской по производству орудий, а с ритуальной погребальной практикой.

Наличие в раскопах в западной части стоянки Сахтыш I среди захоронений участков со скоплениями обожжённых предметов, развалов волосовских сосудов, костей медведя (череп, челюсти и др.), фигурного кремня, роговых подвесок в виде птичьих головок – неотъемлемых атрибутов ритуальных площадок на Сахтыше II – также позволяет говорить о том, что объект, первоначально определённый как «мастерская», связан с погребальными ритуалами и является «кладом».

Можно предположить, что могильник «волосовцев» на стоянке Сахтыш I более поздний, чем могильник на Сахтыше II. Прекращение функционирования кладбища на Сахтыше II, возможно, было связано с какой-то трагедией, нашедшей отражение в массовом захоронении (около 20 костяков) [3, с. 20]. После этого погребения совершаются на Сахтыше I. Состав «кладов», как по ассортименту, так и по количеству инвентаря, заметно обедняется. В них уже нет таких артефактов, представленных в погребальных «кладах» Сахтыша II, как гарпуны и зубчатые острия из кости, роговые клювовидные орудия, которые, возможно, являются орудиями лова [28], также роговые ретушёры для обработки кремнёвых орудий [29]. Основные составляющие «кладов» Сахтыша I – заготовки орудий, наконечники стрел и дротиков, перфораторы, скребки, ножи, долота.

Таким образом, на Сахтыше I имелась ритуальная площадка с погребальными «кладами», расположенная вблизи захоронений. Время функционирования её может соответствовать дате 4060±60 л. н. (Ле-1023), полученной из волосовского слоя памятника [3, с. 13]. Скопление обожжённых предметов в раскопе 3-б 1970 года, принятое сначала за мастерскую, представляет собой ритуальный «клад». Следы воздействия огня на кремнёвых предметах из него связаны именно с ритуалом, а не с тепловой обработкой кремня для последующего изготовления орудий.

---

[9] В 2015 г. на Тверском археологическом семинаре был сделан доклад: Костылёва Е.Л., Уткин А.В. «Волосовские «клады» стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII: планиграфия, структура, значение». В выступлении по докладу В.Н. Карманов заметил, что представленные на Сахтыше «клады», возможно, связаны не с ритуалами, а с тепловой обработкой кремня, которая отмечалась на ряде памятников Северо-Востока Европы. Однако приведённые нами данные явно свидетельствуют не о тепловой обработке кремня, а об «огненных» ритуалах, связанных с погребальной обрядностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // ТАС. Вып. 8. Т. I. 2011.
2. *Крайнов Д.А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
3. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Хронологические и планиграфические структуры. М., 2010.
4. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Волосовские «клады» стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015.
5. *Крайнов Д.А.* Стоянка Сахтыш I // Крайнов Д.А., Кольцов Л.В., Комаров К.И., Молодцова Е.М., Ерофеева Е.Н., Бодуксов Е.В. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1973 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 5033.
6. *Крайнов Д.А., Уткин А.В.* Погребения на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 203. 1991.
7. *Крайнов Д.А.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 177. 1984.
8. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. (Археология СССР)
9. *Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
10. *Крайнов Д.А.* Продолжение археологических исследований в районе озера «Сахтыш» // Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., Кирьянова Н.А. Отчет о результатах работ Верхневолжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР за 1963 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2704.
11. *Крайнов Д.А.* Стоянка Сахтыш I // Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции за 1964 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2918.
12. *Крайнов Д.А.* Стоянка Сахтыш I // Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., Кирьянова Н.А., Ерофеева Е.Н., Кольцов Л.В., Зимина М.П., Ильин С.Н. Отчет о раскопках и разведках Верхневолжской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3125.
13. *Крайнов Д.А.* Стоянка Сахтыш I // Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., Ерофеева Е.Н., Зимина М.П., Кольцов Л.В. Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях в 1966 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3385.
14. *Крайнов Д.А.* Раскопки стоянки Сахтыш I // Крайнов Д.А., Кирьянова Н.А. Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1970 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4551, № 4551а.
15. *Городцов В.А.* К истории развития техники первобытных каменных орудий // СЭ. 1935. № 2. С. 63–85.
16. *Гиря Е.Ю.* Тепловая обработка кремнистых пород и способы её определения в археологических материалах // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.
17. *Гиря Е.Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.
18. *Васильева Н.Б., Суворов А.В.* Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению на стоянках каменного века Вологодской области (по материалам мезолитических стоянок Молого-Шекснинского междуречья и неолитического поселения Павшино-2) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: материалы научной конференции (Вологда, 5–6 февраля 2004 г.). Вологда, 2005.
19. *Васильева Н.Б., Суворов А.В.* Применение тепловой подготовки кремня к расщеплению (по материалам неолитического поселения Павшино 2 на реке Юг) // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы международного семинара (Сыктывкар, 30 мая – 4 июня 2005 г.). Сыктывкар, 2005.
20. *Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня по материалам поселения раннего металла Угдым I на Средней Вычегде // ТАС. Вып. 10. Т. I. 2015.
21. *Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня в неолите Крайнего Северо-Востока Европы // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 14. № 3. Иркутск, 2018. С. 22–42.
22. *Карманов В.Н.* Тепловая обработка кремня на Крайнем Северо-Востоке Европы в энеолите // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 15. № 3. Иркутск, 2019. С. 28–46.
23. *Карманов В.Н., Гиря Е.Ю.* Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. Казань, 2018. № 3 (25).
24. *Лукинцева В.А.* Следы воздействия тепла на изделиях из кремня с мезолитической стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже (по материалам раскопок 2019 г.) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 12. Липецк, 2022.
25. *Жихарев Д.Л., Мамедов Р.И.* «Домашняя» мастерская волосовской культуры со стоянки Сахтыш I (из фондов археологического музея ИвГУ) // Молодая наука в классическом университете: тезисы докладов. Ч. 4. Иваново, 2018.
26. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Ритуальные клады волосовской культуры стоянки и могильника Сахтыш II: новые исследования старых коллекций (Часть первая) // ТАС. Вып. 12. 2021.
27. *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.* Отчет о раскопках стоянки Сахтыш II в 1987 году // Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР об исследованиях в 1987 г. (Ярославская и Ивановская области) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14374.
28. *Костылёва Е.Л., Мацане А.* Орудия рыбной ловли из ритуальных «кладов» волосовской культуры со стоянки Сахтыш II Центральной России // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. СПб., 2018.
29. *Жилин М.Г., Костылева Е.Л.* Ретушеры волосовской культуры // КСИА. Вып. 264. 2021.

Е.Л. Костылёва – ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново

Д.А. Хавина, М.Э. Бродин – ГБУ ИО «Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина», Иваново

E.L. Kostyleva, D.A. Khavina, M.E. Brodin

THE OBJECT FROM THE SAKHTYSH I SITE: A RITUAL "HOARD" OR A WORKSHOP FOR PROCESSING FLINT?

Summary

The analysis of collections of flint artifacts from D.A. Krainov's excavations in the 1960s–1970s at the multilayer peat site of Sakhtysh I (Ivanovo region) identified objects with traces of fire exposure. Comparing them with the materials of other sites made it possible to identify these objects as ritual burial "hoards". The main difference between them and workshops where thermal processing of flint was used is the location near the graves of the final stage of the development of the Volosovo culture.

Ivanovo State University,
39, Ermaka St., Ivanovo, 153025, Russia
E.L. Kostyleva – E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

Ivanovo State Museum of Local History named after D.G. Burylin,
6/40, Baturina St., Ivanovo, 153002, Russia
D.A. Khavina – E-mail: plusquam@mail.ru
M.E. Brodin – E-mail: max111ed@gmail.com

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин

«РАБОТА НАД ОШИБКАМИ»: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ АТРИБУЦИИ ЗАХОРОНЕНИЙ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА БЛИЗ ОЗЕРА САХТЫШ (ЦЕНТР РУССКОЙ РАВНИНЫ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В статье рассматривается ошибочная интерпретация ряда захоронений льяловской и волосовской культур. Например, погребение № 11 могильника Сахыш IIа раньше было отнесено к льяловской культуре. Однако благодаря AMS-датам оно заняло своё место на шкале бронзового века (фатьяновская культура). Захоронения волосовской культуры с янтарными украшениями, согласно модели Джона Медоуза, применённой к AMS-датам, оказались моложе захоронений с украшениями из камня. Это обстоятельство перевернуло наши представления о хронологии волосовской культуры и поставило вопрос о пересмотре её происхождения и этапов развития.

DOI: 10.70203/2781.2024.99.36.027

Археологические памятники – стоянки, поселения и могильники, связанные с палеоозером Сахтыш, – открывались и исследовались на протяжении нескольких десятилетий. В XX в. это были 1930, 1957, 1962–1966, 1970–1982, 1984–1999 годы, а в первой четверти XXI в. – 2000–2001, 2003–2006, 2015, 2021, 2023 гг. Основные работы проводились Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР (РАН) под руководством Д.А. Крайнова (с 1962 г.) и М.Г. Жилина (с 1996 г.).

В научной литературе результаты исследований сахтышских памятников освещены достаточно хорошо, хотя и не в полном объёме[1].

Поселенческие материалы относятся к весьма широкому хронологическому диапазону – от мезолита до Средневековья. Опубликована сравнительно небольшая их часть, в основном в виде отдельных статей. В них представлены произведения искусства [1–8], орудия труда, охоты и рыболовства [9–20], система расселения на Сахтышском торфянике [21], история изучения памятника, заселения и природного окружения стоянки Сахтыш IIа [22; 23], хронология памятников и культур [24–29], территориальные связи [30], а также даётся общая характеристика поселенческих материалов отдельных стоянок [31–44], в том числе промыслового жилища Сахтыша I [45].

В первый же год работ в сахтышском регионе Верхневолжской экспедиции на Сахтыше I были открыты и первые древние захоронения. В 1963 и 1964 гг. были исследованы погребения на Сахтыше II. 1965 г. принёс открытие захоронений на Сахтыше VII и Сахтыше VIII. Появляются и первые статьи, в которых нашли отражение как поселенческие, так и погребальные материалы Сахтыша II и VIII [46; 47].

Наиболее значительные исследования проводились на территории могильников Сахтыш VIII в 1960–1970-е гг., Сахтыш II в 1960–1980-е гг. и Сахтыш IIа в 1980–1990-е гг.

Выходившие по результатам раскопок сахтышских могильников работы достаточно многочисленны. В них даётся общая характеристика могильников и захоронений [48–53], представляются погребальный инвентарь [54–59], ритуальные площадки с «кладами» и состав «кладов» [60–67], «святилища» [68–70], уникальные и необычные вещи из погребений и ритуальных комплексов [71–75]. А также уделяется внимание антрополо-

[1] Ниже мы не ссылаемся на информационные сообщения в «Археологических открытиях», а также на некоторые статьи, в которых сахтышские материалы представлены лишь в незначительном объёме на фоне более широкой проблематики.

гическим данным, культурной и хронологической интерпретации захоронений и ритуальных составляющих [76–84], рассматривается соотношение поселений и могильников [85]. Все данные по захоронениям и ритуальным комплексам сахтышских могильников были обобщены в первой главе книги «Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры» [86].

Полевые исследования сахтышских могильников завершились[2]. Однако изучение их материалов продолжается на разных уровнях и сейчас. В частности, большое внимание привлекают антропологические материалы, по которым были получены новые радиоуглеродные AMS-даты и данные по генетике.

Большая работа в данном направлении, посвящённая геномике населения Евразии каменного века, была проделана коллективом датских учёных во главе с проф. Мортеном Аллентофтом (Morten Erik Allentoft)[3]. Источниковой базой исследования послужили образцы из более чем 300 захоронений, происходящих с территории 22 стран (Дания, Россия, Украина, Испания, Португалия, Италия, Франция, Великобритания, Швеция, Норвегия, Иран, Румыния, Сербия, Польша, Туркменистан, Латвия, Эстония, Грузия, Венгрия, Чехия, Армения, Казахстан). По количеству привлечённых образцов первые два места занимают Россия и Дания (более 90 от каждой страны). Среди российских материалов были и 18 образцов из захоронений Сахтыша IIа, II и VIII. Для всех них были получены AMS-даты. Результаты этого исследования были представлены пока лишь в препринте статьи [87].

По сахтышским материалам Джоном Медоузом (John Meadows)[4] с соавторами была подготовлена к печати большая статья по радиоуглеродной хронологии и влиянию резервуарного эффекта на точность датирования согласно разработанной им модели. Результаты этого исследования были представлены также пока лишь в препринте статьи [88].

Сахтышские материалы из захоронений привлекались наряду с таковыми из могильников Скейтхольм (Швеция) и Звейниеки (Латвия) одной из участниц Тверского археологического семинара Айей Мацане (Aija Macāne), защитившей диссертацию в Гётенбургском университете (Швеция) в 2022 г. [89].

Не один год посвятила изучению древних захоронений, в том числе сахтышских могильников, другая участница Тверского археологического семинара – Анастасия Храмцова, успешно защитившая в 2022 г. в Киле (Германия) диссертацию по трансформации ритуальных практик охотников-рыболовов-собирателей на обширных просторах от Балтики до Урала [90].

Таким образом, необходимо отметить большой интерес к материалам сахтышских могильников и их востребованность в российском и зарубежном научных сообществах.

Однако мы должны заметить, что в ряде публикаций присутствуют неточности, ошибки и спорные моменты, особенно по захоронениям могильника Сахтыш IIа, представление и исправление которых и является целью настоящей статьи. На памятнике Сахтыш IIа – самом крупном и наиболее изученном – были зафиксированы 72 захоронения: 15 льяловской и 57 волосовской культур [86, с. 37, 41].

О захоронениях льяловской культуры

Замечания касаются прежде всего захоронений №№ 11, 12 и 61 Сахтыша IIа, отнесённых нами к льяловской культуре [86, с. 37]. Льяловские могилы располагались на территории древнего кладбища параллельно реке, вдоль её берега, в то время как волосовские были ориентированы головой в сторону реки перпендикулярно к её берегу (рис. 1). Почти все умершие льяловцы были похоронены в положении вытянуто на спине и ориентированы в близком к меридиональному направлении по оси северо-запад – юго-восток [86, с. 39].

Восемь захоронений из пятнадцати, представленных в этой группе (№№ 11, 12, 16, 29, 40, 42, 43, 61), имеют радиоуглеродные даты (табл. 1).

Первые даты были получены по костям погребённых в Геологическом институте РАН в Москве [80; 81]. Позднее было проведено AMS-датирование в лабораториях радиоуглеродного датирования в Орхусе (Дания) [82, с. 60], Белфасте (Ирландия) [87], Киле (Германия) и Гронингене (Нидерланды) [88]. Причём для двух захоронений (№№ 40, 42) возраст был определён трижды и ещё для двух – дважды (№№ 11, 61) в разных лабораториях. Даты в основном «шеститысячные» (BP unCal). Однако две AMS-даты одиннадцатого захоронения заметно отличаются от всех прочих льяловских дат могильника. Они «четырёхтысячные» (BP unCal). Одна из них была сделана в Белфасте, другая – в Гронингене.

Погребение № 11

Выпадающее из общего хронологического контекста погребение № 11 молодой женщины (20–25 лет) первоначально было отнесено нами к льяловской культуре [86, с. 37, 38]. Оно располагалось несколько в стороне от основных льяловских захоронений (рис. 2). Женщина была похоронена в сильно скорченном положении

---

[2] Последнее (№ 39) захоронение было обнаружено экспедицией В.А. Аверина в ходе охранных работ в 2021 году на Сахтыше VIII (не опубликовано).

[3] Trace and Environmental DNA (TrEnD) laboratory School of Molecular and Life Sciences Curtin University, Perth, Australia; Lundbeck Foundation GeoGenetics Centre GLOBE Institute, University of Copenhagen, Denmark.

[4] Centre for Baltic and Scandinavian Archaeology (ZBSA), Schloss Gottorf, Schleswig, Germany, Leibniz Laboratory for AMS Dating and Isotope Research, Kiel University, Germany.

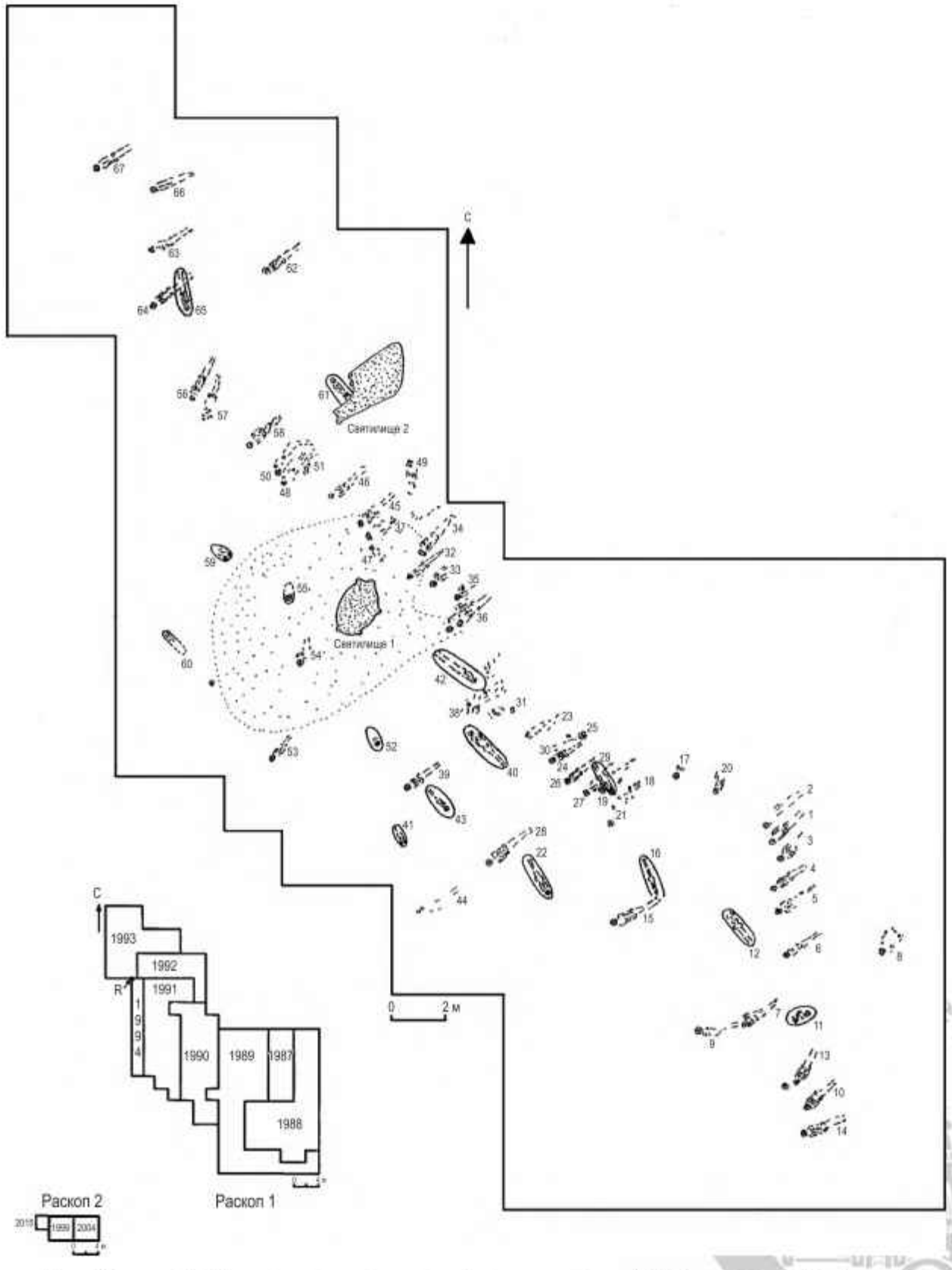

Рис. 1. Сахтыш IIа. План раскопов и захоронений могильника (*рис. Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткина*)

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Таблица 1. *Даты льяловских захоронений могильника Сахтыш IIа [80; 82; 86; 87; 88]*

№ погребения	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Дата BC CaI (среднее значение)	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal
12	ГИН-7185	**6110±200**							
16	ГИН-7492	**6130±120**							
29	ГИН-7195	**5820±200**							
42	ГИН-6586	**6060±150**	UBA-39998	6317±91		KIA-53536	6012±26		
40	AAR-15050	**6406±24**	UBA-39997	6339±39		KIA-53539	6432±28		
43								GrM-17641	6755±35
61	AAR-15052	**6356±23**						GrM-17642	6730±30
11			UBA-39999	4616±38	2990			GrM-17399	4730±25

Полужирным шрифтом представлены опубликованные даты, полученные в лабораториях Геологического института РАН (ГИН) [80; 86] и Орхуса (Дания) (AAR) [82]. Остальные даты получены в лаборатории Белфаста (Ирландия) (UBA) и представлены в препринте статьи М. Аллентофта с соавторами [87], а также в лабораториях Киля (Германия) (KIA) и Гронингена (Нидерланды) (GrM) и представлены в препринте статьи Дж. Медоуза с соавторами [88].

на левом боку с ориентировкой головой на восток (с небольшим отклонением к ВСВ). Правая рука была согнута в локте и прижата к груди. Левая лежала вытянуто. При расчистке могилы был найден один маленький обломок льяловского сосуда с ямочным орнаментом. Костяк находился в слое сплошных ортзандов, сопровождавших жёлтый материковый суглинок, несколько выше остальных льяловских захоронений, но ниже захоронений волосовского времени, расположенных вблизи от него (№№ 7–10, 13, 14) [86, с. 51, табл. 5]. Захоронение было отнесёно нами к льяловской культуре не только на основе своего положения в слое, но также по аналогии со скорченными захоронениями из раскопок В.В. Сидорова на стоянках Языково I, Ловцы I, Маслово Болото II, которые он относит к позднему этапу льяловской культуры [91, с. 30; 92, с. 55][5]. Почти полным аналогом сахтышскому захоронению было погребение с Маслова Болота II. Автор раскопок описывает его следующим образом: «Сильно скорченный скелет лежал на левом боку с руками перед лицом и был ориентирован головой на восток. Хорошо сохранились (будучи сильно ожелезнёнными) кости, возвышавшиеся над дном могилы, а те, что были утоплены в материковый песок, полностью разложились. Льяловский возраст определяется тем, что могила была заполнена культурным слоем, крепко сцементированным гидроокислами железа… Инвентаря не было…» [91, с. 28].

На наш взгляд, представленная аргументация относительно датировки звучит не слишком убедительно. Культурный слой мог попасть в могилу Маслова Болота II при засыпке могильной ямы. Очевидно, что в обоих случаях, как на Масловом Болоте II, так и на Сахтыше IIа, могилы были вырыты до начала заболачивания участков с захоронениями. На Сахтыше IIа это, скорее всего, было связано с поднятием уровня стока воды из ручья, разделявшего стоянки Сахтыш IIа и II, в реку Койка в результате процесса торфообразования. Юго-восточный участок раскопанной площади Сахтыша IIа, где находилось захоронение 11, имеет хорошо выраженное в рельефе понижение. Здесь, как в планиграфии, так и в профиле, хорошо прослеживались слои ожелезнённости [93, с. 2, 13, 27, 36, 37]. Стратиграфическое положение погребённой женщины ниже волосовских захоронений вполне объяснимо тем, что фатьяновские могилы имели достаточную глубину: в большинстве случаев – от 100 до 150 см, хотя она могла колебаться от 10 до 270 см [94, с. 170].

Упомянутые выше две AMS-даты одиннадцатого захоронения Сахтыша IIа дали возможность пересмотреть культурную принадлежность покойницы. Калиброванные значения (CalBC) этих дат с учётом резервуарного эффекта помещают время совершения захоронения в диапазон ~3088–2892 (при среднем значении 2990) [87, supplementary table II]. Достаточно наглядно примерно такой же диапазон показан и в графическом изображении [88, p. 13, fig. 4]. Вышеуказанные даты близки к имеющимся в современной литературе AMS-датам фатьяновской культуры, в том числе полученным в лаборатории Белфаста по зубам погребённых из раскопок Д.А. Крайнова фатьяновских могильников на территории Тверской, Ярославской и Ивановской об-

[5] По вопросу хронологии этих захоронений мы в январе 2023 г. имели с В.В. Сидоровым переписку. Он по-прежнему настаивает на их принадлежности к льяловской культуре, основываясь на «безупречной стратиграфии».

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

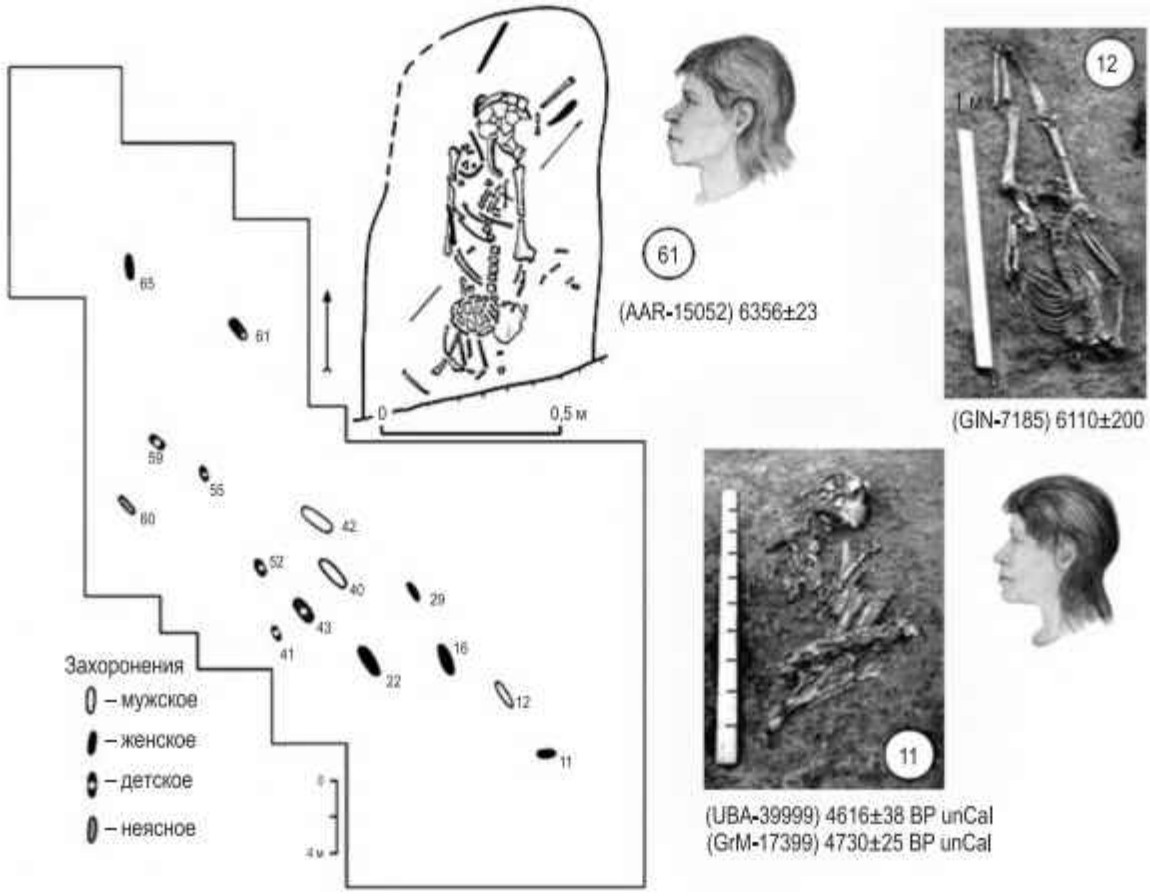

Рис. 2. Сахтыш IIа. Схема могильника льяловской культуры; рисунок и фото захоронений №№ 11, 12 и 61 с указанием их С-14 дат (*рис. А.В. Уткина, И.В. Купцова, фото Е.Л. Костылёвой*); фото реконструкций, выполненных Г.В. Лебединской [78, рис. 12, 19]

ластей. Они определяют время существования культуры в пределах ~2880 (2750) и 2500 (2300) CalBC, а предфатьяново относят к ~3000–2550 CalBC [95, с. 115; 96, p. 70; 97, tab.].

Погребальный обряд, представленный в захоронении № 11, характерен для фатьяновской культуры, согласно ему, женщин хоронили в положении скорченно на левом боку головой в восточном направлении. Причём женские захоронения имели бóльшую скорченность, чем мужские [94, с. 188, 189]. Заметим, что на сахтышских стоянках неоднократно встречались обломки сверлёных топоров и высверлины от них, фрагменты сосудов фатьяновского типа, в том числе и в раскопе 1988 г. Сахтыша IIа, где было найдено одиннадцатое захоронение.

Ранее сильно скорченные захоронения эпохи бронзы были встречены на стоянках Сахтыш I (1962 г.) и Сахтыш II (1964 г.). Относительно захоронения с Сахтыша I отмечалось, что оно «по положению напоминает захоронения 12 и 14 Тимофеевского фатьяновского могильника» [46, с. 37]. Было высказано также мнение, что оно может датироваться поздним бронзовым веком [46, с. 38; 53, с. 4; 86, с. 12] и даже может быть отнесено к «лесному варианту абашевской культуры» [76, с. 4].

На Сахтыше II сильно скорченное погребение располагалось на восточной окраине могильника. Костяк лежал на левом боку головой на восток с незначительным отклонением к югу [98, с. 89]. Однако он вряд ли относится к энеолиту, как посчитали авторы настоящей статьи, поместив его в своей обобщающей работе в раздел с энеолитическими погребениями [86, с. 17]. По мнению О.С. Гадзяцкой, проводившей раскопки этого захоронения, оно может быть отнесено к эпохе бронзы, т. к. «по обряду отличается от неолитических и, видимо, датируется более поздним временем – эпохой бронзы. По положению оно напоминает фатьяновские погребения…» [98, с. 92]. Заметим также, что фатьяновский/фатьяноидный компонент среди поселенческих материалов Сахтыша II особенно заметен в керамике [99, с. 123–130].

Сходство с фатьяновской погребальной обрядностью, в том числе в украшениях в виде многочисленных костяных пронизок, прослеживается в коллективном захоронении № 12 Сахтыша II [60, с. 82; 86, с. 19].

Таким образом, захоронение № 11 Сахтыша IIа, ошибочно отнесённое нами к льяловской неолитической культуре, оказалось останками женщины эпохи бронзы, а конкретнее, фатьяновского времени.

Объединенный музей

Погребение № 12

Погребение № 12 Сахтыша IIа было совершено примерно в трёх метрах к северо-западу от погребения 11 (рис. 2). Оно, как и прочие льяловские захоронения, располагалось параллельно берегу реки. Скелет покоился в нижней части серой осуглиненной супеси (предматерик) и был частично разрушен: отсутствовали череп, плечевая кость, кости ступней и коленные чашечки. Мы долго не могли решить, как было совершено захоронение: на животе или на спине (не сильны мы были в антропологии)[6]. Решили, что всё-таки на животе. И в такой интерпретации оно попало в нашу книгу по могильникам [86, с. 38, 51, табл. 5], а затем пошло «гулять» и дальше. Именно так оно представлено в публикации 2013 г. Х. Пиецонки (H. Piezonka) с соавторами [82, с. 59] и в статье 2020 г. М. Ахолы (M. Ahola) с соавторами [100, с. 51, 54, табл. 1]. И лишь благодаря А. Храмцовой, работавшей над своей диссертацией по захоронениям, было установлено, что умерший был захоронен на спине.

Погребение № 61

Относительно погребения № 61 необходимо сказать следующее. Это было льяловское захоронение женщины 20–25 лет с младенцем около двух лет. От последнего сохранились только остатки черепа в области живота женщины. Сама она была похоронена на спине, с ориентировкой на северо-запад (рис. 2). Ошибка была допущена уже не нами, а коллегами (М. Ахола с соавторами), которые в своей публикации, посвящённой захоронениям на животе на стоянке Кубенино, отнесли и сахтышское погребение к захоронениям на животе [100, с. 51, 54, табл. 1]. Возможно, это было связано с тем, что в тексте нашей книги упоминалось, что похороненная женщина лежала «навзничь», что значит – лицом вверх [86, с. 38]. А авторы статьи, не зная тонкостей русского языка, решили, что она лежала ничком, т. е. вниз лицом – на животе, хотя в обобщающей таблице сведений по захоронениям Сахтыша IIа было указано, что женщина была похоронена в положении вытянуто на спине [86, с. 53, табл. 5].

Таким образом, среди льяловских захоронений Сахтыша IIа лишь одно – № 22 – было совершено в положении вытянуто на животе. Остальные льяловские покойники находились в могилах в положении вытянуто на спине.

Неточности или неясности в отношении льяловских захоронений имеются и в других публикациях, в частности, в определении возраста погребённых могильника Сахтыш IIа.

Обратимся к нижеприведённой таблице, в которой представлены данные из статьи А.В. Энговатовой с соавторами [83], коллективного труда во главе с Т.И. Алексеевой, состоящего из отдельных статей антропологов и археологов [78], а также книги Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткина [86] (табл. 2)[7].

Таблица 2. *Половозрастная атрибуция льяловских захоронений могильника Сахтыш IIа*

№ погребения	[83, с. 139]		[78, с. 11, 14, 99]		[86, с. 51–53]	
	Пол	Возраст, лет	Пол	Возраст, лет	Пол	Возраст, лет
61	?	П, ок. 10	Ж ?	ок. 20 Р, ок. 2	Ж ?	20–25 Р, ок. 2
16	?	П, ок. 10	Ж	20–25	Ж	20–25
29	?	Р, 5–9	? М	Р, 5–7 [78, с. 11] 30–40 [78, с. 99]	Ж	40–45

Из таблицы явствует, что погребение № 61, рассмотренное нами в вышеописанном сюжете как захоронение молодой женщины с ребёнком примерно двух лет, в одном случае определено как захоронение подростка 10 лет [83, с. 139]. Это, конечно, нонсенс. Так же, как и № 61 (и в той же публикации), атрибутирована и покойница из 16-й могилы, что не соответствует определениям, представленным в других работах, которые мы считаем более обоснованными [78, с. 11; 86, с. 51].

Разногласия имеются также в половозрастном определении человека из могилы № 29, которому в этом плане не повезло больше всего. Кто это – ребёнок [83, с. 139; 78, с. 11] или женщина-карлица? По размерам костяка – ребёнок. Однако В.Н. Федосова, изучавшая скелет в поле, устно высказала нам предположение, что по некоторым особенностям костей это может быть женщина-карлица [86, с. 40]. Заметим, что в коллективном труде по антропологии сахтышских стоянок этот покойник сначала определён как ребёнок 5–7 лет [78, с. 11], а потом как мужчина 30–40 лет [78, с. 99][8]. В этом же труде в части «Приложение 1. Сохранность ос-

---

[6] Из антропологов на раскопках сахтышских могильников присутствовали в отдельные годы Г.В. Лебединская, В.Н. Федосова и М.В. Козловская (Добровольская).

[7] Обозначение пола/возраста: Ж – женщина, М – мужчина, П – подросток, Р – ребёнок.

[8] Возможно, определённая путаница вызвана была тем, что В.Н. Федосова при составлении описи поступивших в ИА РАН останков из раскопок захоронений могильника Сахтыш IIа составила свою опись, нумерация погребений в которой отличалась от полевой нумерации (устное сообщение М.В. Добровольской нам – Е. Костылёвой, А. Храмцовой и Б. Краузе-Кьора (B. Krause-Kyora) – при встрече с ней в ИА РАН в марте 2018 г.).

Объединенный музей

теологических и краниологических материалов» почти в двух десятках случаев присутствует явное несоответствие текстовой части графической составляющей Приложения [78, с. 126–141]. Мы не останавливаемся подробно на этом моменте, однако обращаем внимание будущих исследователей на необходимость более тщательного анализа и сопоставления сведений, приводимых в указанном коллективном труде. Скорее всего, некоторая небрежность в представлении захоронений сахтышских могильников связана с тем, что работа проводилась по гранту РФФИ [78, с. 2] и участники этой работы просто не успевали в ограниченные сроки «отработать» свой грант и провести качественную редактуру представленных к публикации материалов.

О захоронениях волосовской культуры

Особого внимания заслуживают новые AMS-даты захоронений, отнесённых нами к волосовской культуре. Мы не касаемся сейчас разногласий по половозрастной атрибуции волосовских захоронений (они единичны). Остановимся лишь на новой интерпретации времени их совершения. Ранее погребения с янтарными украшениями нами, вслед за А.Л. Никитиным [101], были отнесены к раннему этапу волосовской культуры, «рождение» которой мы связывали с приходом в Верхнее Поволжье «пассионариев» из Восточной Прибалтики [102]. К более позднему времени мы отнесли захоронения, в погребальном инвентаре которых присутствовали украшения из серпентина. Появление серпентина мы ассоциировали не с импортом этого поделочного камня из Приуралья, а с приходом женщин с этими украшениями, так как серпентин встречался исключительно в женских захоронениях [73]. К тому же в одном из захоронений Сахтыша IIа наряду с украшениями из серпентина одежду умершей женщины украшало около четырёх десятков резцов сурка, которые явно не были предметом импорта. А учитывая ареал зверька и аналогии в погребальном инвентаре (украшения из серпентина) ряда могильников, родиной женщины могли быть территории, расположенные к юго-востоку от Волго-Окского междуречья [73]. Однако убедительно подкрепить нашу хронологическую схему датами С-14 было достаточно сложно. В лаборатории Л.Д. Сулержицкого по волосовским погребениям Сахтыша IIа были получены 14 дат. Почти все они имели большой доверительный интервал, и лишь половина из них соответствовала нашим представлениями о хронологии волосовской культуры [80, с. 32; 86, с. 56]. Среди них: дата по мужскому погребению с янтарём (№ 28) – 4740±110 (ГИН-7190) и дата по женскому захоронению (№ 13) с каменными подвесками, в том числе и одной серпентиновой, – 4200±240 (ГИН-7189). Больше радиоуглеродных дат по останкам людей сахтышских могильников с янтарными или серпентиновыми украшениями у нас не было. И в своих хронологических построениях мы в основном руководствовались данными стратиграфии и планиграфии, а также типологией янтарных украшений. Стратиграфически захоронения на Сахтыше IIа, в которых присутствовали янтарные украшения, находились на относительно большей глубине, нежели таковые с серпентином [86, с. 51, 52, табл. 5]. А планиграфически можно было выделить ряды довольно близко расположенных захоронений с янтарём, вписывающихся в достаточно чёткую рядовую структуру могильника [86, с. 107, рис. 44]. Типология украшений основывалась на восточно-прибалтийских аналогах, прежде всего из раскопок могильника Звейниеки в Латвии [103], а также с хронологической шкалой, разработанной Илзе Лозе [104]. Кроме того, учитывались типы украшений из захоронений фатьяновской культуры.

Представленная, как нам казалось, стройная схема происхождения и развития волосовской культуры теперь в связи с получением серии AMS-дат в нескольких независимых лабораториях требует пересмотра. Так, всего по останкам погребённых в могильниках Сахтыш II, IIа и VIII, которые мы отнесли в своё время к волосовской культуре, были получены 39 AMS-дат: 2 – в Орхусе [82], 11 – в Белфасте [87], 19 + 7 – в Киле и в Гронингене соответственно [88]. Абсолютное большинство дат – по останкам погребённых в могильнике Сахтыш IIа. Мы отобрали из них те, которые относятся непосредственно к погребениям с янтарными и серпентиновыми украшениями, и дали их в сравнении с датами из Геологического института РАН (табл. 3).

Мы намеренно не дали калиброванные значения этих дат во избежание дополнительных пояснений к ним и расширения таблицы. Отметим лишь, что новые AMS-даты заметно отличаются от дат, полученных в ГИН РАН ранее. Но вместе с тем некоторые из них в своём некалиброванном значении очень близки и у захоронений с янтарём, и у захоронений с серпентином. Однако калибровка дат и применение к ним попра-

Таблица 3. *Даты волосовских захоронений могильника Сахтыш IIа [80; 86; 87; 88]*

№ погребения	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal	Индекс лаборатории, номер образца	Дата BP unCal
Даты мужских захоронений с янтарём						
9			UBA-40000	4916±35	KIA-56422	4978±28
15					KIA-53562	5293±26
28	ГИН-7190	4740±110				
39			UBA-40001	5157±35	KIA-53538	5218±26
Даты женских захоронений с серпентином						
7					KIA-53531	5147±25
13	ГИН-7189	4200±240	UBA-39991	4919±30	KIA-56423	4935±28

Рис. 3. Сахтыш II. Погребение № 15. Вид с северо-востока (*фото Е.Л. Костылёвой*)

вок на резервуарный эффект, согласно модели, предложенной Джоном Медоузом, показали, что «янтарные» захоронения являются более поздними по отношению к захоронениям с украшениями из сланца и серпентина [88, p. 7]. Таким образом, захоронения с янтарём и захоронения с серпентином оказались по сравнению с нашими прежними хронологическими построениями «перевёрнутыми во времени» на 180 градусов.

Вместе с тем необходимо отметить, что на Сахтыше II в коллективном двухъярусном захоронении (№ 15), где находилось около 20 костяков (рис. 3, 4), были представлены останки людей как с поздними типами янтаря (массивные кольца, шайбы, бочонковидные пронизки, кулон), так и с украшениями из серпентина [86, с. 20; с. 81, рис. 16]. Янтарные украшения связаны в основном с захоронениями № I–III (14 штук), серпентиновые найдены при костяке V (9 штук) (рис. 5). С последним обнаружена и одна янтарная шайба. Все эти погребения находились в верхнем ярусе.

Женщина, «подхороненная» последней у западного края могильной ямы (костяк VII), умерла 5114±26 BP unCal (KIA-53561) и, согласно модели, предложенной Д. Медоузом, относилась к поздневолосовскому времени [88, tabl. 1]. Мы можем предположить, что женщины с серпентиновыми украшениями могли появляться в сахтышском регионе как в относительно раннее, так и в поздневолосовское время, что могло быть обусловлено устойчивыми брачными связями.

К тому же необходимо указать на присутствие в могилах Сахтыша IIа и Сахтыша VIII ранних типов янтарных украшений, которые И. Лозе относит к среднему неолиту: пронизки с утолщением в середине и кольца с подтреугольным сечением [104]. Такие украшения есть и в погребении мужчины (№ 15) могильника Сахтыш IIа [55, с. 179, рис. 3; 86, с. 115, рис. 52], которое также имело AMS-дату: 5293±26 BP unCal (KIA-53562) и попадало по модели Д. Медоуза в поздневолосовское время [88, tabl. 1].

Приведённые данные показывают, что впереди предстоит ещё большая работа и по уточнению типологии янтарных украшений, и по созданию новых хронологических структур, учитывающих не только данные

Рис. 4. Сахтыш II. Погребение № 15. Чёрным цветом выделены костяки нижнего яруса (*рис. Е.Н. Ерофеевой, А.В. Уткина*)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

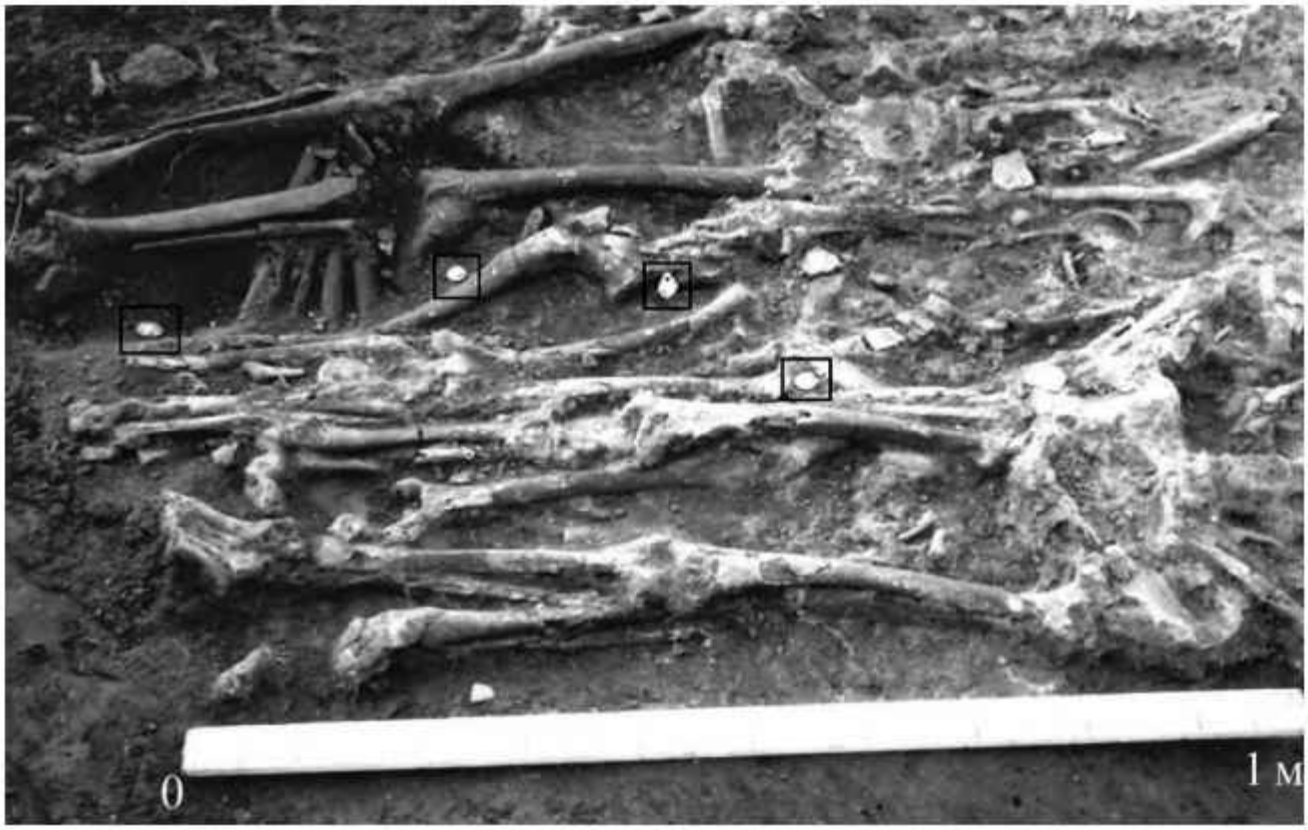

Рис. 5. Сахтыш II. Погребение № 15. В квадратных рамках выделены украшения из серпентина в нижней части костяка V. Вид с юго-востока (*фото Е.Л. Костылёвой*)

С-14 датирования, но и археологические компоненты. Возможно, в будущем при более глубоком и всестороннем анализе всех обстоятельств, связанных с захоронением каждого конкретного индивида сахтышских могильников, погребённые обретут своё реальное положение во времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Китицына Л.С.* Находка изображения уточки на стоянке Сахтыш I // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
2. *Рыбаков Б.А.* Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976.
3. *Utkin, A.* Waterfowl representations on ceramics from Sakhtysh I and VIII // Fennoscandia Archaeologica. Vol. VI. Helsinki, 1989.
4. *Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П.* Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992.
5. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Фигурный кремень со стоянки Сахтыш IIA // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново, 1994.
6. *Уткин А.В., Костылева Е.Л.* Орнаментированные костяные изделия Сахтышских стоянок // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.
7. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Изображения водоплавающих птиц на льяловских сосудах с Сахтышских стоянок // Человек, адаптация, культура. М., 2008.
8. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мельников В.Н.* Костяные фигурки птиц волосовской культуры: контекст местонахождения (по материалам Сахтышских стоянок в Верхнем Поволжье) // СНВ. Т. 11. № 1. 2022.
9. *Гадзяцкая О.С.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 106. 1966.
10. *Аверин В.А., Кадникова А.В., Цветкова Н.А.* Каменный инвентарь стоянки Сахтыш 2а (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник молодых учёных Ивановского государственного университета. Иваново, 2002.
11. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* «Когтевидные долота» Сахтышских стоянок // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. I. М., 2003.
12. *Аверина А.В.* Выделение инвентаря раннего облика из коллекции стоянки Сахтыш 2А (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Археология: история и перспективы: Вторая международная конференция: сборник статей / Ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль, 2006.
13. *Костылева Е.Л.* Уникальные находки орудий рыболовства из раскопок стоянки Сахтыш IIA в Тейковском районе Ивановской области // Вестник научно-промышленного общества. М., 2006.
14. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Неолитические скульптурные орнаментиры с Сахтышских стоянок // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2012. Вып. 4.
15. *Костылёва Е.Л., Тарасов А.Ю., Уткин А.В.* Импортные орудия русско-карельского типа из раскопок Сахтышских стоянок: стратиграфия, планиграфия, хронология // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2014. Вып. 3.

16. *Тарасов А.Ю., Костылёва Е.Л.* Рубящие орудия из волосовских комплексов сахтышских стоянок. Технико-типологический и планиграфический анализ // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1. Тверь, 2015.
17. *Калинина И.В., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Зубчатые орнаментиры Сахтышских стоянок (опыт экспериментального исследования) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018.
18. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Калинина И.В.* Гребенчатые штампы Сахтышских стоянок (условия нахождения и каталог) // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018.
19. Эталонные памятники верхневолжской культуры Сахтыш II, IIA, VIII: хронология, типология и использование глиняной посуды / *Е.В. Долбунова, Е.Л. Костылева, А.Н. Мазуркевич, Дж. Медоус, М.А. Кулькова, Б. Курель, А. Ликвин, К. Херон О. Крэг* // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М.Е. Фосс, 110-летию Н.Н. Гуриной и 80-летию А.Т. Синюка / Под редакцией А.А. Выборнова, Е.В. Долбуновой, Е.М. Колпакова, Е.С. Ткач. СПб.; Самара, 2019.
20. *Жилин М.Г., Костылева Е.Л.* Ретушеры волосовской культуры // КСИА. Вып. 264. 2021.
21. *Жилин М.Г.* Заселение Сахтышского торфяника в мезолите и неолите // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
22. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш IIA // СНВ. 2014. № 4 (9).
23. Природное окружение и история заселения многослойного памятника Сахтыш 2а / *М.Г. Жилин, Е.Л. Костылёва, Н.Е. Зарецкая, Е.А. Спиридонова* // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–21 мая 2014 г. СПб., 2014.
24. Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / *Д.А. Крайнов, Г.И. Зайцева, Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин* // АПВКМ. Вып. 5. Иваново, 1991.
25. *Костылёва Е.Л., Зарецкая Н.Е.* Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: Хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европе. СПб., 2004.
26. *Зарецкая Н.Е., Костылева Е.Л.* Радиоуглеродная хронология начального этапа верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам стоянки Сахтыш 2А) // РА. 2008. № 1.
27. *Зарецкая Н.Е., Костылёва Е.Л.* Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
28. Новые данные по хронологии ранненеолитических материалов памятника Сахтыш IIa / *Е.В. Долбунова, М.А. Кулькова, Е.Л. Костылева, А.Н. Мазуркевич* // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н.э. Смоленск, 2016.
29. *Dolbunova, E., Kostyleva, E., Kulkova, M., Meadows, J., Mazurkevich, A., Lozovskaya, O.* Chronology of Early Neolithic materials from Sakhtysh IIa (Central Russia) // Documenta Praehistorica. XLIV. 2017.
30. *Костылева Е.Л., Мацане А.* Урал и Волго-Окское междуречье в энеолите: связующие нити (по материалам памятников Сахтышского палеоозера) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 2018.
31. *Дубынин А.Ф.* Стоянка Малый Островок на озере Сахтыш в Ивановской области // Новое в советской археологии. М., 1965.
32. *Костылева Е.Л.* Остатки ранненеолитической верхневолжской культуры на стоянке Сахтыш II // КСИА. Вып. 177. 1984.
33. *Гадзяцкая О.С.* Стоянка Сахтыш VII // КСИА. Вып. 185. 1986.
34. *Костылева Е.Л.* Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986. № 4.
35. *Крайнов Д.А., Лозовский В.М., Костылёва Е.Л.* Мезолитическая стоянка Сахтыш IX // АПВКМ. Вып. 3. Иваново, 1990.
36. *Уткин А.В.* Многослойное поселение Сахтыш VII: Раскопки 1991 года // АПВКМ. Вып. 6. Иваново, 1992.
37. *Жилин М.Г.* Многослойное мезолитическое поселение Сахтыш 14 (по раскопкам 1999–2001 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
38. *Аверин В.А., Жилин М.Г., Костылёва Е.Л.* Мезолитические слои стоянки Сахтыш IIA (по материалам раскопок 1999 и 2004 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009.
39. *Докучаева А.Ю.* Культурно-хронологическая атрибуция украшений со стоянок Сахтыш II и IIA // Вестник молодых учёных. Вып. 9. Иваново, 2009.
40. *Докучаева А.Ю.* Отражение культа медведя в украшениях, зоофактах и мелкой кремнёвой пластике Сахтышских стоянок // Краеведческий сборник. Вып. 12. Иваново, 2010.
41. *Костылёва Е.Л., Жилин М.Г., Уткин А.В.* Многослойная сезонная стоянка эпохи первобытности Сахтыш III // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2016. Вып. 3.
42. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Многослойная стоянка эпохи первобытности Сахтыш X // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2016. Вып. 4.
43. Сезонная стоянка мезолита – раннего неолита Сахтыш XI / *А.В. Уткин, М.Г. Жилин, Е.Л. Костылёва, И.Ю. Климашов* // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2018. № 3.
44. *Уткин А.В., Костылёва Е.Л.* Многослойная стоянка эпохи неолита Сахтыш IV // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2018. Вып. 4.
45. *Крайнов Д.А.* Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 177. 1984.
46. *Гадзяцкая О.С., Крайнов Д.А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 100. 1965.
47. *Крайнов Д.А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.
48. *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Льяловские погребения на стоянке Сахтыш II // АПВКМ. Вып. 4. Иваново, 1990.
49. *Крайнов Д.А., Уткин А.В.* Погребения на стоянке Сахтыш I // КСИА. Вып. 203. 1991.
50. *Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш IIA // Археологические вести. Вып. 2. СПб., 1993.
51. *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш IIA // РА. 1994. № 2.
52. *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Исследования стоянки и могильника Сахтыш IIA // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.
53. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2008. Вып. 4.
54. *Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIA // РА. 1994. № 3.
55. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш IIA // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000.

56. *Костылёва Е.Л., Трейо Ж. (Treuillot J), Уткин А.В.* Костяной инвентарь льяловских захоронений могильника Сахтыш IIа (Из фондов археологического музея ИвГУ) // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2015. Вып. 4.
57. *Костылёва Е.Л.* Артефакты из органических материалов из захоронений и «святилищ» могильника Сахтыш IIа (Центральная Россия) // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2018. Т. 2. № 4.
58. *Treuillot, J., Kostyleva, E., Utkin,* A. A new technological analysis of the bone grave goods from the Sakhtysh IIa cemetery: What meanings for the Lyalovo culture of the 4th millennium BC? // Journal of Archaeological Science: Reports. 42. 2022. 103398.
59. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Янтарь из захоронений волосовской культуры сахтышских могильников: гендерно-хронологический аспект // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века: Материалы симпозиума (Самара, 24–26 апреля 2023 г.). СПб., 2023.
60. *Крайнов Д.А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982.
61. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. Тверь, 2011.
62. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Волосовские «клады» стоянок Сахтыш II и VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб., 2015.
63. *Костылёва Е.Л., Мацане А.* Орудия рыбной ловли из ритуальных «кладов» волосовской культуры со стоянки Сахтыш II Центральной России // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского. СПб., 2018.
64. *Костылёва Е.Л., Мацане А.* Клювовидные предметы и орудия рыбной ловли из ритуальных «кладов» волосовской культуры со стоянки Сахтыш II (Центральная Россия) // СНВ. 2018. Т. 7. № 4 (25).
65. *Костылёва Е.Л.* Проблема выделения ритуальных «кладов» на стоянке Сахтыш I // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. Т. I. Самара, 2020.
66. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Ритуальные «клады» волосовской культуры стоянки и могильника Сахтыш II: новые исследования старых коллекций (Часть первая) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь, 2021.
67. *Костылева Е.Л., Хавина Д.А., Уткин А.В.* Ритуальные «клады» и «домашние» мастерские волосовской культуры (по материалам Сахтышского археологического комплекса) // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции. Т. 7. Донецк, 2022.
68. *Уткин А.В., Костылёва Е.Л.* Погребальные «святилища» волосовских могильников // Святилища: Археология ритуала и вопросы семантики: Материалы конференции. СПб., 2000.
69. *Уткин А.В., Костылёва Е.Л.* Волосовские погребальные «святилища» Сахтышских стоянок // Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад, 2001.
70. *Уткин А.В., Костылёва Е.Л.* Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002.
71. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Календарная символика волосовского сосуда со стоянки Сахтыш II // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
72. *Kostyleva, E., Outkin, A., Ramseyer, D.* Fiche masque sur bois d'elan // Objets meconnus: Industrie de l'os prehistorique. Cahier IX. Paris: Societe Prehistoque Francaise. 2001.
73. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мацане А.* «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь, 2018.
74. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* «Восточноприбалтийский след» в оформлении ритуальной маски из «святилища» могильника Сахтыш IIа (Центр Русской равнины) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь, 2021.
75. *Macāne, A., Kostyleva, E., Nordqvist, K.* Long-distance circulation of exotic teeth and non-local minerals in forested northeastern Europe 4th millennium BC // Contact, Circulation, Exchange. Proceedings of the Modified Bone & Shell UISPP Commission Conference (2–3 March 2017, University of Trnava) / Edited by Éva David and Erik Hnrčiarik. Archaeopress Publishing Ltd., 2023.
76. *Уткин А.В.* Одиночные могилы абашевцев в лесах Восточной Европы // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.
77. *Козловская М.В.* Реконструкция питания и палеоэкологические исследования антропологических материалов могильника Сахтыш IIА // Гуманитарная наука в России: Соровские лауреаты. М., 1996.
78. Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) / *Т.И. Алексеева, Р.Я. Денисова, М.В. Козловская, Е.Л. Костылева, Д.А. Крайнов, Г.В. Лебединская, А.В. Уткин, В.Н. Федосова.* М., 1997.
79. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита // Вторые антропологические чтения памяти академика В.П. Алексеева: Тезисы докладов. М., 1999.
80. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш-IIА // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2009. № 4.
81. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Основные принципы построения культурно-хронологической шкалы нео-энеолитических погребений лесной зоны Европейской части России (по материалам могильников Сахтыш II, IIА и VIII) // Вопросы археологии и истории каменного века. Тверь, 2010.
82. *Piezonka, H., Kostyleva, E., Zhilin, M., Dobrovolskaya, M., Terberger, T.* Flesh or fish? First results of archaeometric research of prehistoric burials from Sakhtysh IIa, Upper Volga region, Russia // Documenta Praehistorica. XL. Ljibbljana, 2013.
83. *Энговатова А.В., Добровольская М.В., Костылева Е.Л.* Изотопные характеристики индивидов из погребений неолитического могильника Сахтыш-2а: данные к реконструкции питания // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара / Отв. ред. А.В. Энговатова. М., 2015.
84. *Macāne, A., Nordqvist, K., Kostyleva, E.* Marmot incisors and bear tooth pendants in Volosovo hunter-gatherer burials. New radiocarbon and stable isotope data from the Sakhtysh complex, Upper-Volga region // Journal of Archaeological Science: Reports 26. 2019. 101908.
85. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Проблема пространственно-хронологического соотношения поселений и могильников волосовской культуры (по материалам поселений Сахтыш II, IIа и VIII) // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России. Санкт-Петербург, 13–15 ноября 2014 г. СПб., 2014.
86. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского Междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.
87. *Allentoft, M.E., Sikora, M., Refoyo-Martinez, A. et al.* Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature 625, 301–311 (2024). https://doi.org/10.1038/s41586-023-06865-0.

88. *Meadows, J., Khramtsova, A., Piezonka H. et al.* Dietary 14C reservoir effects and the chronology of prehistoric burials at Sakhtysh, central European Russia // Science Advances 10, eadk2904 (2024). DOI: 10.1126/sciadv.adk2904. https://www.sience.org/doi/10.1126/sciadv.adk2904.
89. *Macāne, A.* Stone age companions. Humans and animals in hunter-gatherer burials in north-eastern Europe. Doctoral dissertation in Archaeology, University of Gothenburg, Department of historical studies, 2022 (электронный ресурс археологического музея Ивановского государственного университета).
90. *Khramtsova, A.* Death in times of change. Transformation of the hunter-fisher-gatherer burial rituals between the Baltik and the Urals in the early to mid-holocene. Kiel, 2022 (электронный ресурс археологического музея Ивановского государственного университета).
91. *Сидоров В.В.* Погребения льяловской культуры в Подмосковье // АПВКМ. Вып. 4. Иваново, 1990.
92. *Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
93. *Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.* Отчет о раскопках стоянки Сахтыш IIа в 1988 г. // Отчет Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР об археологических исследованиях на территории Ивановской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 14379.
94. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э.). М., 1972.
95. *Кренке Н.А.* Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры // РА. 2019. № 2.
96. *Nordqvist, K., Heyd, V.* The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context // Proceedings of the Prehistoric Society. 86, 2020.
97. *Saag, L., Vasilyev, S.V., Varul, L. et al.* Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // Science Advances. 7. 2021. eabd6535.
98. *Гадзяцкая О.С.* Раскопки стоянки Сахтыш II (Тейковский район Ивановской области) // Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции за 1964 год // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2918.
99. *Гадзяцкая О.С.* Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье) // СА. 1992. № 1.
100. *Ahola, M., Kashina, E., Mannermaa, K.* Hunter-Gatherer Prone Burials of the Kubenino Site, NW Russia (c. 5000 cal BC): Normative or Deviant Burials? // Archaeology and Analogy: Papers from the Eighth Theoretical Seminar of the Baltic Archaeologists (BASE) Held at the University of Helsinki and Tvärminne Zoological Station, Hanko, Finland, November 30th – December 2nd, 2017 / Edited by M. Marila, M. Ahola, K. Mannermaa & M. Lavento. Helsinki, 2020.
101. *Никитин А.Л.* Существовала ли «волосовская культура»? // СА. 1974. № 2.
102. *Уткин А.В., Костылёва Е.Л.* «Рожденне» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 года). Липецк, 2006.
103. *Zagorskis, F.* Zvejnieku akmens lakmeta kapulausks. Riga, 1987.
104. *Loze, I.* Neolithic amber ornaments in the eastern part of Latvia // Przeglad Archeologiczny. Vol. 23. Ossolineum, 1975.

Е.Л. Костылёва – ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново

А.В. Уткин – независимый исследователь, Иваново

E.L. Kostyleva, A.V. Utkin

"CORRECTION OF ERRORS": REVISITING SOME FUNERAL RITE PECULARITIES AND THE ISSUE OF CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF NEOLITHIC – ENEOLITHIC BURIALS NEAR LAKE SAKHTYSH (CENTRAL RUSSIAN PLAIN, IVANOVO REGION)

Discussed in the paper are some erroneous interpretations of a number of burials of Lyalovo and Volosovo cultures. For instance, burial № 11 of the Sakhtysh IIa burial ground used to be attributed to the Lyalovo culture. However, thanks to the AMS-dates, it may be placed within the Bronze Age time scale (Fatyanovo culture).

If John Meadows' model is applied to AMS-dates, then the burials of the Volosovo culture containing amber decorations prove to be younger than burials containing stone decorations. This finding turns our concepts of chronology of the Volosovo culture upside down and raises the question of revising its origins and stages of development.

E.L. Kostyleva – Ivanovo State University, 39, Ermaka St., Ivanovo, 153025, Russia
E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

A.V. Utkin – Flat 47, 26, Avdot'inskaya St., Ivanovo, 153025, Russia
E-mail: a_two55@mail.ru

Г.В. Синицына

ПОГРЕБЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ БЕРЕГУ ОЗЕРА ВОЛГО (СЕЛИЖАРОВСКИЙ РАЙОН ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)

На северном берегу озера Волго были обнаружены два погребения. Одно из них расчищено. Погребение было датировано по костным останкам радиоуглеродным методом 2230±180 BP (Ле-3776). Для приведения радиоуглеродной даты к календарному возрасту была использована программа, разработанная в Гронингене в 1993 году. Предполагалось, что данное захоронение было осуществлено в IV–III веках до н. э. Новая, 2021 г., калибровочная кривая той же самой даты свидетельствует, что захоронение может быть датировано в широких хронологических рамках от VIII до II века до н. э.

DOI: 10.70203/7631.2024.91.13.028

Многолетними исследованиями Верхневолжской неолитической экспедиции (1974–1983 гг., под руководством Н.Н. Гуриной; Тверской археологической экспедиции, с 1986 г. под руководством Г.В. Синицыной) ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН на северном берегу озера Волго была, в том числе, выявлена концентрация разновременных стоянок на значительном протяжении (более 2 км) вдоль береговой полосы. На возвышенных участках в черте д. Ланино было исследовано 837 кв. м шестью раскопами. Материалы нашли отражение в томе Мезолит СССР М.: Наука, 1989 (Археологии СССР) [1, с. 352] и во втором выпуске коллективной монографии «Каменный век Верхневолжского региона. СПб., 1997» [2]. В это же время на размытых водохранилищем участках и на бечевнике был собран значительный по объёму разновременный инвентарь в основном позднего мезолита и неолита. Одной из знаковых находок был топор-молот с головой медведя на обушке из серовато-зелёного сланца. В публикации указано, что «в 1972 году на стоянке Волго I близ с. Селище Селижаровского района Калининской области, в 30 км от оз. Селигер, был случайно найден каменный топор-молот с головой медведя на обушке (№ 102598; рис. 1)», хранящийся в ГИМе, опубликованный С.В. Студзицкой [3]. Более точное местонахождение топора-молота неизвестно, но судя по указанию большого количества найденных кремнёвых орудий и керамики, это левобережье реки Волги, напротив Селища.

Именно на этом, самом узком, месте, где река Волга вытекает из озера Волго и где находился самый массовый подъёмный материал, в дальнейшем были сосредоточены полевые исследования. С 1990 г. работы проходили на площадке между озером Волго и коренным склоном, сложенным известняками карбонового возраста, напротив посёлка Селище. Здесь открыто многослойное поселение Подол III, где было установлено наличие культурных слоёв от финального палеолита до позднего Средневековья [4–6]. Культурные слои размывались Верхневолжским водохранилищем после постройки бейшлота в 1843 году, и соответственно, разновременные находки были распространены на заливаемой прибрежной полосе и на бечевнике. В 1989 г. была разбита сетка с квадратами 2×2 м для сбора подъёмного материала (квадраты 1–26) и увеличена в 1990 г. (квадраты 27–82) (рис. 1, 2), всего на площади 328 кв. м. Сетка сбора материала была привязана к восточной границе раскопа многослойной стоянки Подол III/1. Среди обломочного материала и массового разновременного инвентаря в кв. 80 и 82 обнаружены два костяка (рис. 3, 4, 5). Из двух погребений удалось расчистить только одно в кв. 80, поскольку уровень воды в Верхневолжском водохранилище резко стал подниматься и погребение в кв. 82 оказалось затопленным.

В кв. 80 был обнаружен скелет человека. Контуры могильной ямы выявлены не были (рис. 5). Скелет длиной 170 см ориентирован в широтном направлении, головой на запад, черепная коробка раздроблена, плохой сохранности, лицевая часть черепа обращена на север. Среди фрагментированных костей черепа был обнаружен кремнёвый наконечник стрелы. Зубы нижней челюсти имеют хорошую сохранность, но сама челюсть сильно раздроблена. Позвоночный столб сохранился в анатомическом порядке, несколько поясничных позвонков отсутствуют. Часть верхних грудных позвонков разрушена. Обломки рёбер располагаются вокруг позвоночного столба в хаотическом нагромождении. Ключицы сломаны в средней части. Кости рук представлены отдельными сегментами: предплечий и кистей (пястные и фаланговые косточки). Кости таза фрагментированы, суставная поверхность сохранена, нижняя часть бёдер отсутствует, кости голени сильно фрагментированы. Они представляют собой набор мелких остатков, напоминающих по очертаниям кости голени. От костей стоп сохранились отдельные косточки плюсны и предплюсны.

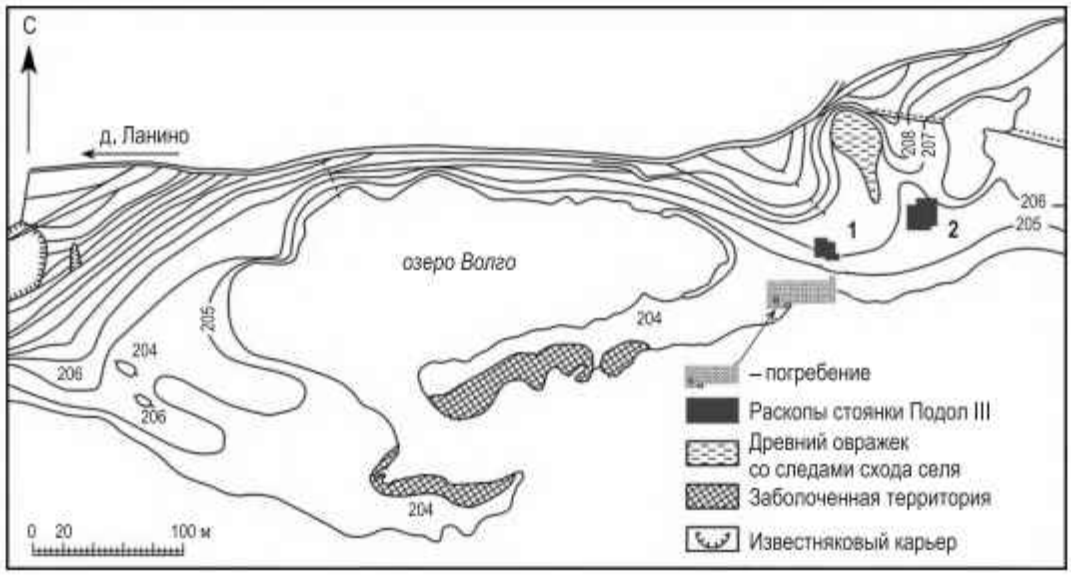

Рис. 1. Топографический план северного берега озера Волго в Тверской области в месте расположения многослойного поселения Подол III

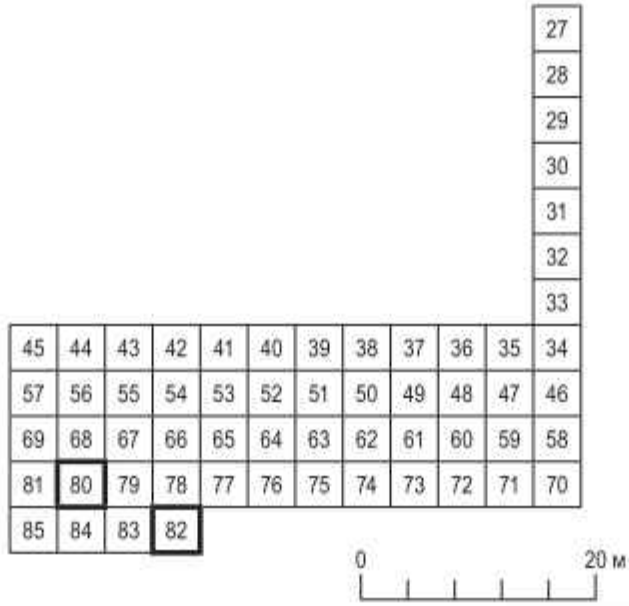

Рис. 2. Схема квадратной сетки 1990 г. для сбора подъёмного материала

Фрагменты черепа были взяты на хранение в Отдел антропологии МАЭ РАН В.И. Хартановичем, остальные кости находятся в ИИМК РАН. Определение пола, возраста не проведено, так же как и ДНК.

Датировать погребение оказалось возможным только по С14 [7]. Дата получена по костям скелета в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. Абсолютный возраст костных останков, определённый радиоуглеродным методом по фракции коллагена, составил 2230±180 ВР (Ле-3776). Для приведения радиоуглеродной даты к календарному возрасту была использована программа, разработанная в Гронингене в 1993 г. на основании калибровочных кривых Pearson and Stuiver [7]. Соответствующие интервалы календарного возраста для значения 1 сигма составляют 420 calBC – 0 calAD, для 2 сигма 780 calBC – 90 calAD. На основании этой датировки предполагалось, что данное захоронение было осуществлено в IV–III веках до н. э. Новая калибровка той же самой даты, выполненная в ИИМК РАН Н.Д. Буровой в 2021 г., уточняет возраст погребения в широких хронологических рамках: от VIII до II в. до н. э. (рис. 7). Калибровка выполнена при помощи программы OxCal 4.4.2 [8].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

На корректность радиоуглеродной даты, полученной по образцу антропологических останков, мог влиять резервуарный эффект, поскольку останки находились под водой более века. Изучение соотношения стабильных изотопов углерода (δ13C) и азота (δ15N) не проводилось. Именно эти результаты могли бы позволить более точно определить время совершения захоронения.

Вокруг костяка и на всей площади сбора подъёмного материала были найдены нуклеусы, наконечники стрел различных типов, отщепы, пластинки, фрагменты керамики разных эпох. Но связать с погребением какие-либо предметы нет оснований.

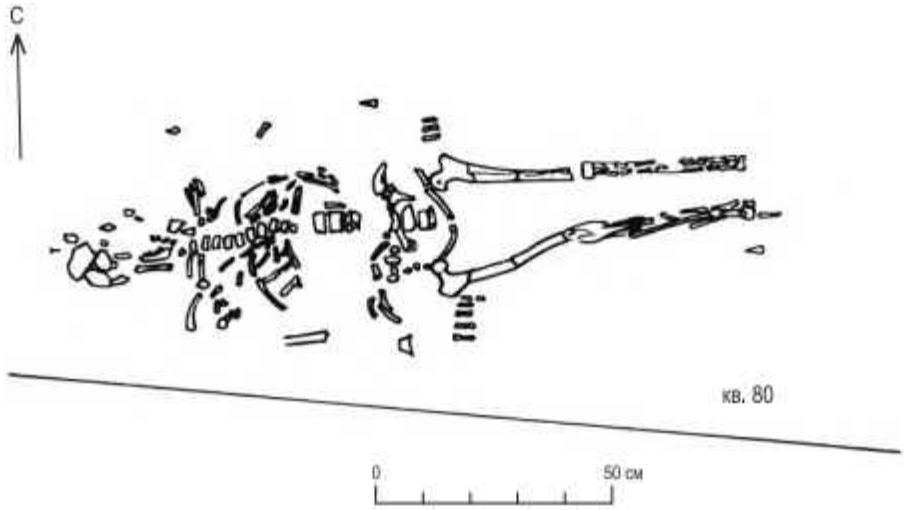

Рис. 3. Подол III. 1990 г. Погребение в кв. 80

Рис. 4. Подол III. Заливаемая поверхность берегового участка в месте расположения погребения, 15 августа 1990 г. Вид с востока

Рис. 5. Подол III. 1990 г. Костяк в кв. 80 перед расчисткой. Вид с запада

Рис. 6. Подол III. 1990 г. Расчищенное погребение в кв. 80. Вид с севера

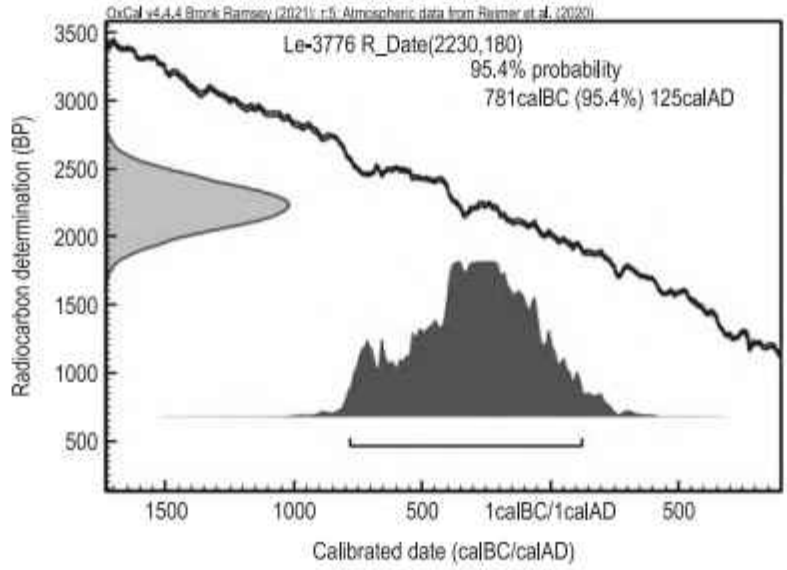

Рис. 7. Подол III. 1990 г. Калиброванная дата погребения в кв. 80 по данным 2021 года

Возможно, дальнейшие исследования позволят выделить комплекс инвентаря, соответствующий погребению, но в настоящее время соотнести инвентарь поселений и погребения, радиоуглеродная дата которого столь широка, не представляется возможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурина Н.Н.* Мезолит верховьев р. Волги // Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. (Археологии СССР). С. 63–67.
2. *Синицына Г.В.* Ланино I – памятник каменного века // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2 (по материалам Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН). ИИМК РАН. СПб., 1997. (Археологические изыскания. Вып. 55). С. 5–62.
3. *Студзицкая С.В.* Фигурные топоры-молоты из новых поступлений Государственного Исторического музея // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР / Отв. ред. Л.Я. Крижевская. Л.: Наука, 1983. С. 130–135.
4. *Синицына Г.В.* Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году. СПб.: ИИМК РАН, 1996. (Археологические изыскания. Вып. 39). 52 с.
5. *Синицына Г.В., Кильдюшевский В.И.* Хронологические комплексы археологического памятника Подол III // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Тверской государственный объединенный музей, 1996. С. 133–140.
6. *Синицына Г.В., Исланова И.В.* Раннесредневековые материалы с северного берега озера Волго в Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Материалы 9-го–11-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. выпуска И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 484–495.
7. *Свеженцев Ю.С., Синицина Г.В.*[1] Погребение на северном берегу озера Волго // Вестник Карельского краеведческого музея. Сборник научных трудов. Вып. 2. Петрозаводск, 1994. С. 39–40.
8. Bronk Ramsey, C. OxCal 4.4.2. 2020. // URL: http://c14.arch.ox.ac.uk.

[1] В публикации Синицына Г.В. ошибочно указана как Синицина Г.В.

ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН», Санкт-Петербург

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

G.V. Sinitsyna

BURIALS ON THE NORTHERN SHORE OF LAKE VOLGO (SELIZHAROVSKY DISTRICT, TVER' REGION)

Summary

Two burials were discovered on the northern shore of Lake Volgo. One of them has been cleared. The burial was dated by the radiocarbon method 2230±180 BP (Le-3776) based on bone remains. A program developed in Groningen in 1993 was used to bring the radiocarbon date to the calendar age. It was assumed that this burial was carried out in the IV–III centuries BC. The new 2021 calibration curve of the same date indicates that the burial can be dated in a wide chronological framework from the VIII to the II century BC.

Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb.,
Saint-Petersburg, 191065, Russia
E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.С. Сыроватко, В.П. Гусева

НОВАЯ ФОРМА ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ В СОКОЛОВОЙ ПУСТЫНИ: ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЛИ «ТЁМНЫЕ ВЕКА»?

В статье публикуются материалы исследования двух погребений. Это кремации, захороненные на могильнике Соколова Пустынь 2 второй половины X – начала XI в. н. э. (левый берег р. Оки, возле г. Ступино). Погребение 21 типично для периферии могильника: небольшая порция костей была уложена на древнюю поверхность или в небольшую ямку. Инвентарь отсутствовал. Погребение 20 представляло собой редкий тип кремации в глубокой яме. Артефакты из ямы относятся к слою мощинской культуры (III–V вв. н. э.) и перекрывают погребение. Связь вещевого инвентаря и керамики с костями не выявлена. В обоих погребениях удалось определить видовой состав животных, сожжённых вместе с человеком: в погребении 21 это неродившийся или молочный поросёнок; в погребении 20 – корова.

DOI: 10.70203/4989.2024.19.38.029

В ходе раскопок археологического комплекса у д. Соколова Пустынь (левый берег р. Оки, у г. Ступино) на раскопе № 3, т. е. на краю береговой террасы, были обнаружены два новых погребения, одно из которых по многим деталям обряда оказалось весьма необычным. Соколова Пустынь исследуется коломенскими археологами давно, и самыми яркими объектами на памятнике являются два могильника с кремациями: Эпохи Великого переселения народов (раскоп № 2) [1; 2] и Эпохи викингов [3; 4].

Охарактеризуем в первую очередь «обычное» погребение: № 21 могильника Соколова Пустынь 2.

Это безынвентарное и небольшое по объёму скопление костей располагалось во «втором ряду» погребений, в глубине террасы, в 17 м от её края (рис. 1, 2). Оно во многом сходно с безынвентарными погребени-

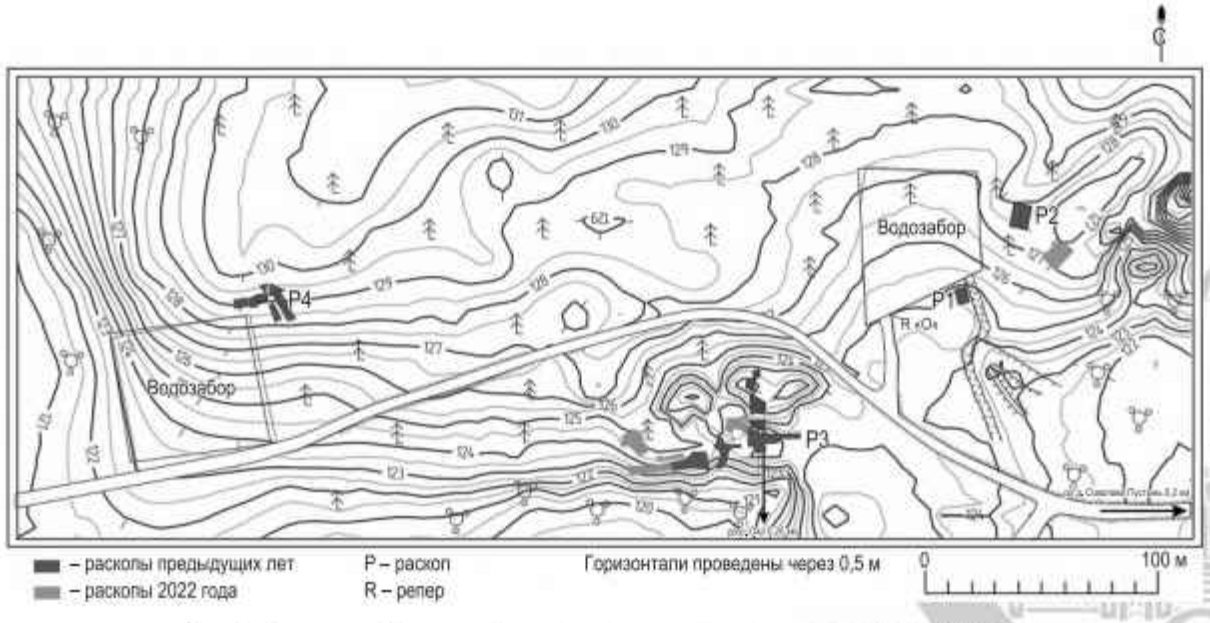

Рис. 1. Соколова Пустынь 2 – план памятника с раскопами 2008–2022 гг.

Рис. 2. Соколова Пустынь 2. Сводный план раскопа 3. Серым цветом показаны контуры погребений могильника 2 второй половины X в.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

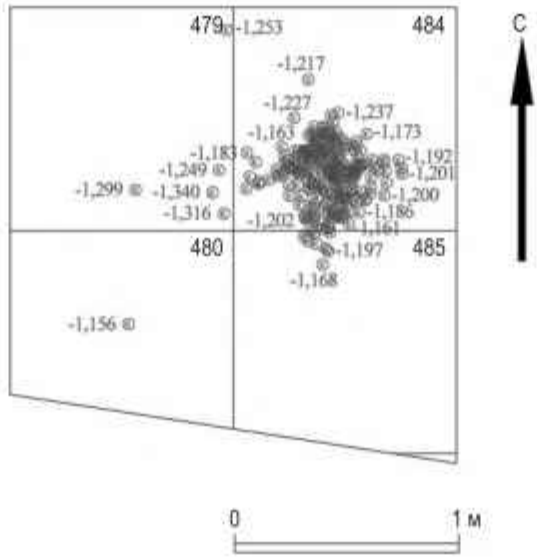

Рис 3. Соколова Пустынь 2. 3D-модель погребения № 21, выполненная с помощью тахеометра. Вид сверху

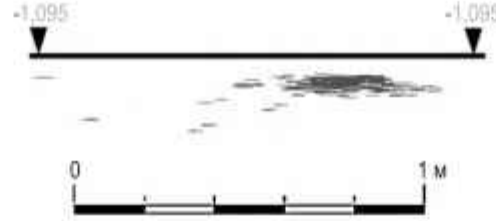

Рис. 4. Соколова Пустынь 2. 3D-модель погребения № 21, выполненная с помощью тахеометра. Вид с севера

ями западного края могильника – небольшое по объёму, без инвентаря (рис. 3–5). Общая масса останков из погребения – 53,01 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 47,97 г, костей животных – 2,18 г, костей человека – 2,86 г.

Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных [5, s. 273; 6, s. 26–27; 7], можно предположить, что температура горения погребального костра была около 550–650 °С. Средний размер останков меньше 1 см.

Они принадлежали животному и человеку. Среди человеческих останков определимы фрагменты свода черепа, слуховое отверстие, фрагмент фаланги, фрагмент корня зуба, фрагмент лопатки (рис. 6). Пол определить невозможно, останки принадлежали взрослому индивиду. Останки животного представлены фрагментами ребра и фаланги, принадлежат неродившемуся или новорождённому поросёнку[1] (рис. 7).

Перейдём теперь к наиболее интересному в могильнике Соколова Пустынь 2 погребению № 20. Это самое необычное захоронение на памятнике – единственное помещённое в сравнительно глубокую яму, что является общей чертой со Щурово и Лужками Е. Причём в Щурово такие погребения так же, как и на других памятниках, сравнительно редки (примерно одно из 11), что делает соотношение захоронений в яме с другими типами могил весьма схожим.

Яма – полукруглого сечения, глубиной 65 см, диаметром 150 см (рис. 8–10). В разрезе заметны три слоя: придонный чёрный песок с костями (рис. 9), который, собственно, и является погребением; сравнительно чистая прослойка песка; культурный слой с керамикой и вещами мощинского времени (рис. 10–12). В этом слое найдены полихромная бусина (рис. 13: 6) а также фрагменты биконических пряслиц (рис. 13: 7, 8) и кремнёвые пластинки. Шаровидная бусина – с основой красного глухого стекла («печёночного»), с растительным орнаментом, выполненным белым стеклом, вмонтированным в светло-зелёное прозрачное стекло (рис. 13: 6). По мнению О.С. Румянцевой, корректно соотнести эту бусину с типом «миллефиори». Такие бусы находят аналоги в антских кладах первой группы, в частности в кладе из Суджи-Замостья [8, рис. 4, *70*].

[1] Определения Е.Ю. Полянской (ИА РАН).

Рис. 5. Соколова Пустынь 2. Погребение № 21 в процессе расчистки. Общий вид

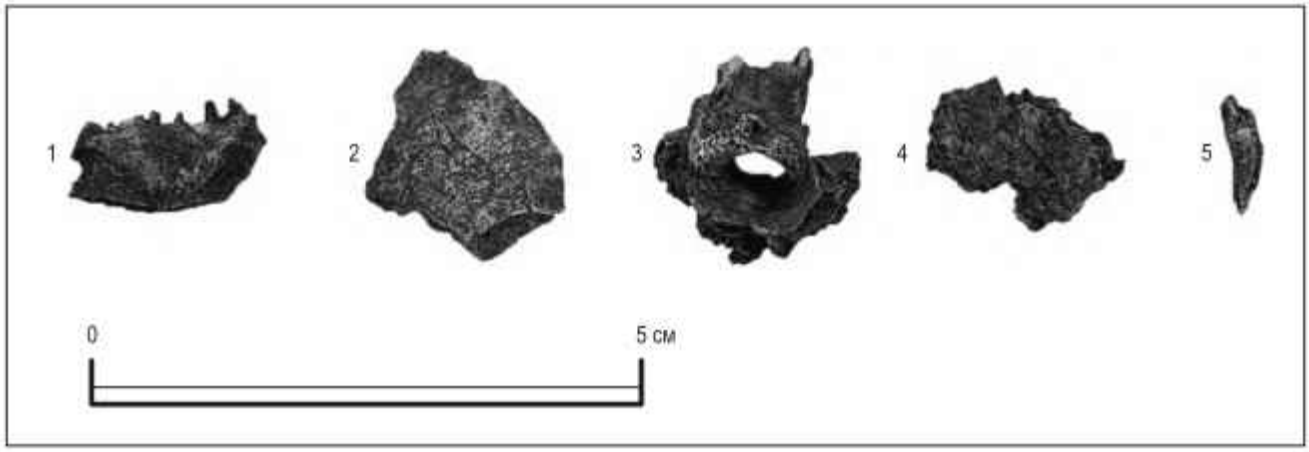

Рис. 6. Соколова Пустынь 2. Погребение № 21. Фрагменты костей человека

Рис. 7. Соколова Пустынь 2. Погребение № 21. Фаланга поросёнка

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 8. Соколова Пустынь 2. Яма с погребением № 20 на фоне материка

Рис. 9. Соколова Пустынь 2. Разрез погребения № 20

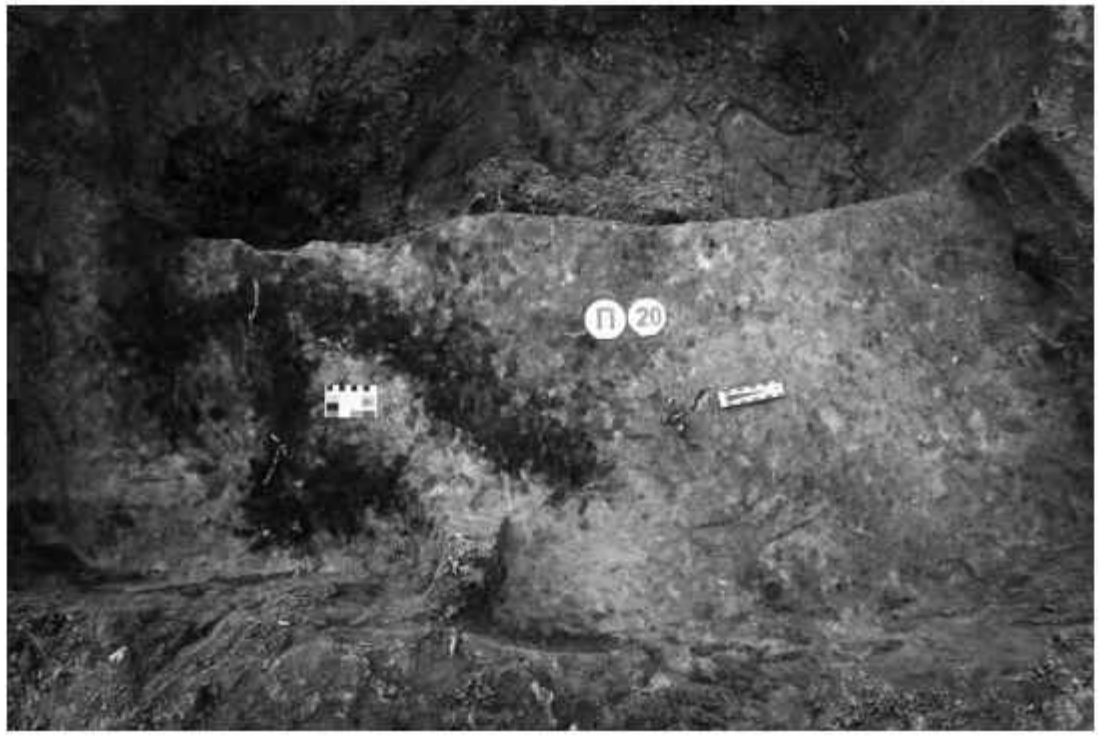

Рис. 10. Соколова Пустынь 2. Заполнение ямы погребения № 20 в придонной части. Фото выполнено после разреза объекта

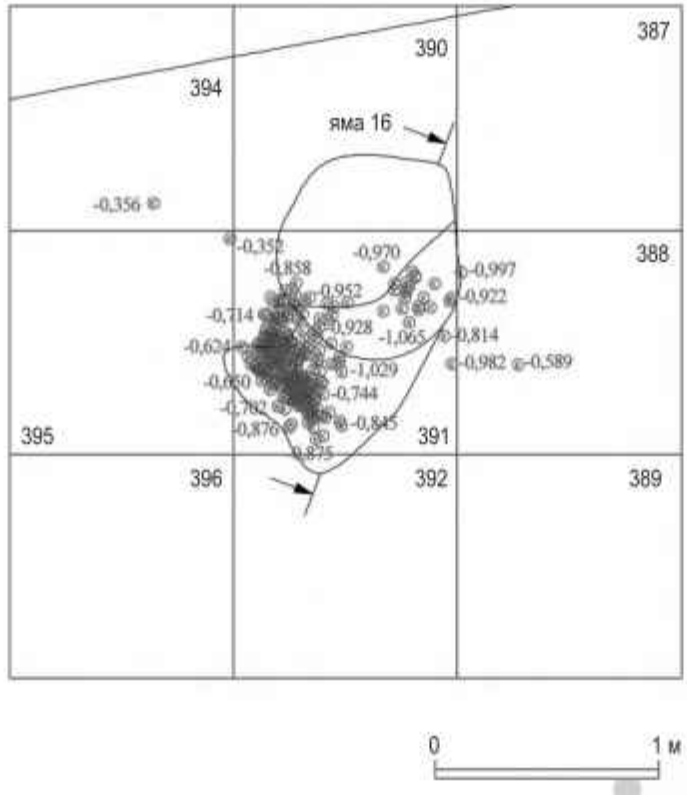

Рис. 11. Соколова Пустынь 2. 3D-модель погребения № 20, выполненная тахеометром. Вид сверху. Контуром показаны очертания ямы

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

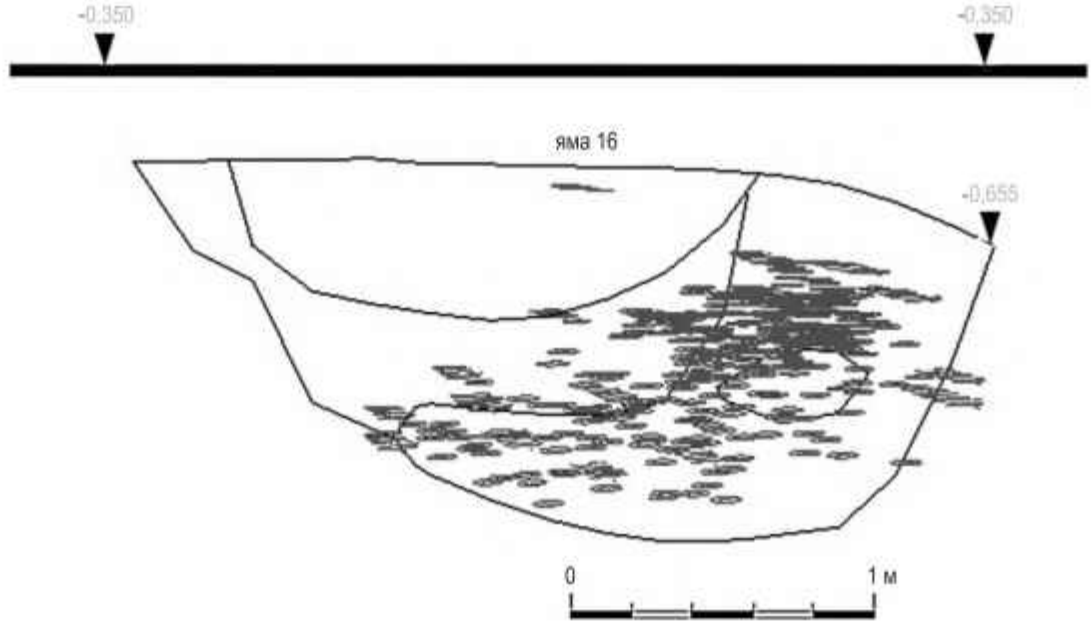

Рис. 12. Соколова Пустынь 2. 3D-модель погребения № 20, выполненная тахеометром. Вид с запада. Контуром показаны слои ямы

Если предложенная аналогия верна, её контекст выглядит существенно более ранним, но поскольку заполнение могильной ямы, вероятно, осуществлено в Эпоху викингов, противоречие это снимается.

Так как среди костей предметов не было, погребение остаётся недатированным. Однако оно образует ряд с другими, вдоль края берега. Мощинский слой мог быть просто засыпкой могильной ямы. Это наиболее вероятные трактовка стратиграфии и датировка погребения, хотя полностью исключать более ранний («домощинский») возраст объекта нельзя: условно «стерильная» прослойка песка над слоем костей может быть отражением фазы естественного оплывания ямы. В этом случае слой мощинского времени отложился автохтонно. Но, повторим, такую трактовку стратиграфии мы считаем менее вероятной.

Теперь охарактеризуем костный материал. Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от чёрного, синего до белого, средний размер фрагментов – до 1,5 см, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия. Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных [5, s. 273; 6, s. 26–27; 7], можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьировать в среднем от 400 до 800 °С (преобладала температура 550–650 °С).

Общая масса останков из погребения – 216,07 г. Вес неопределимых фрагментов костей – 194,24 г, костей животных – 11,3 г, костей человека – 10,3 г.

К определимым фрагментам костей человека относятся фрагменты свода черепа с открытыми швами, корней зубов, фрагмент атланта (рис. 14). Стоит отметить, что атлант имеет миниатюрный размер. Фрагмент свода черепа (ближе к затылку) – с открытым сагиттальным швом, индивиду до 40 лет. Фрагменты костей животного принадлежат корове[2] (рис. 15).

Определение костей животных до вида в кремациях удаётся сравнительно редко. В наших случаях удалось сделать сразу два определения. Ранее И.Р. Ужастовой в погребениях №№ 15 и 18 были определены кости лошади [9]. Что мы знаем о кремациях животных на других подобных могильниках?

Самыми яркими, ставшими предметом отдельных публикаций, являются когтевые фаланги медведя, позволяющие предположить использование медвежьей шкуры. По одному случаю известно на Щуровском могильнике [10], относящемуся к IX – 1-й пол. X в., и на могильнике Кременье сер. XII в. [11; 12]. В единственном погребении Усть-Матырки 1 удалось определить кости МРС и «среднего копытного» [13]. Для материалов могильника Щурово существуют только эпизодические определения, системной работы с коллекцией не было. Однако в погребении 15 определены МРС, свинья и крупное копытное; для погребений 17, 19, 32 – хвостовые отделы позвоночника (коровы?), в погребении 27 выявлено сочетание «крупного и мелкого» животных, а в погребении 46 – птица и/или грызун. Как видим, простое перечисление определённых археозоологами животных внешне выглядит как отсутствие какой-либо системы. Роль животных в погребальном

[2] За определение костей животного благодарим Е.Ю. Полянскую, ИА РАН.

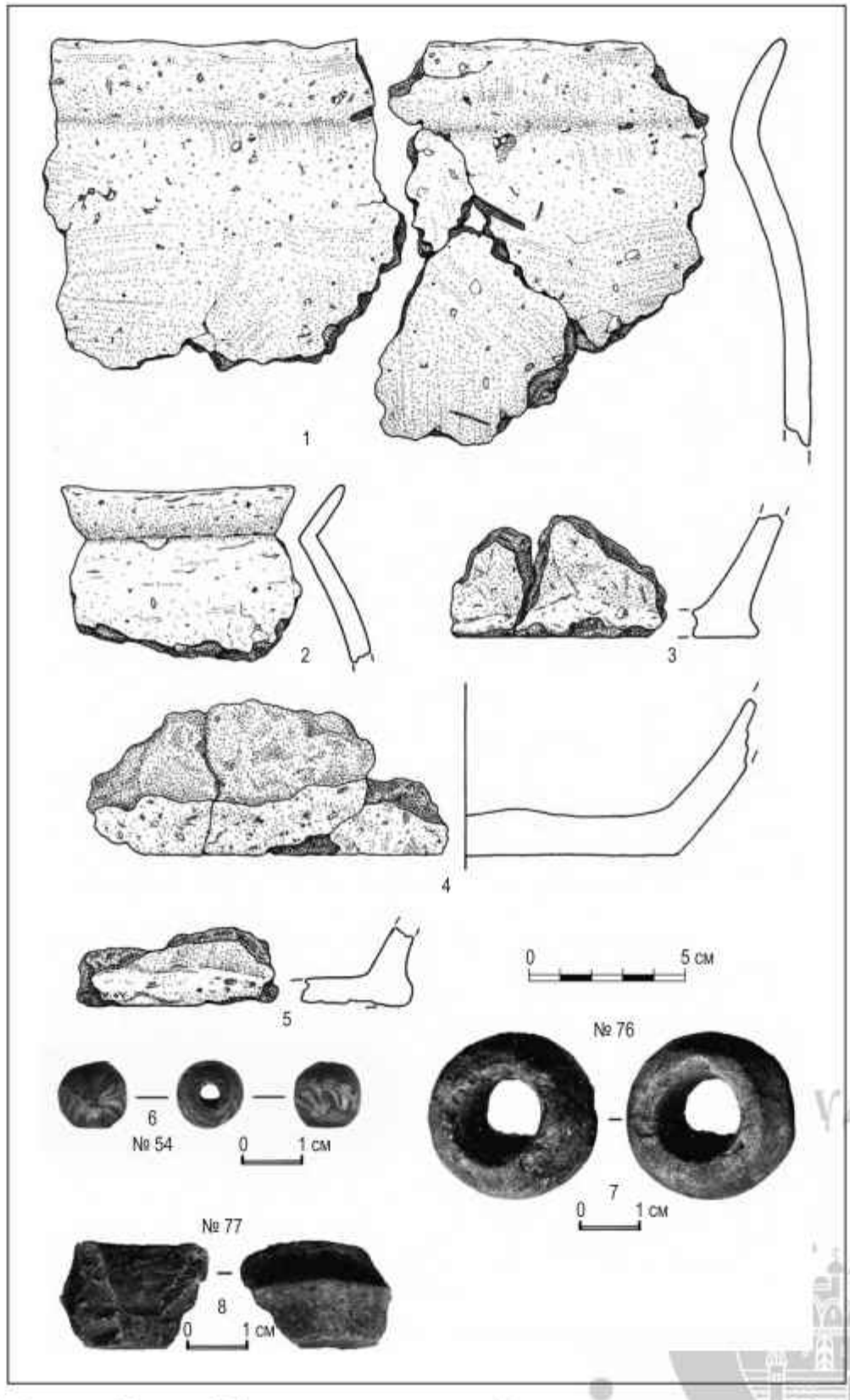

Рис. 13. Соколова Пустынь 2. Керамика и вещи из верхней части заполнения ямы погребения № 20.
В подписях указаны полевые номера

ударственный объединенный музей

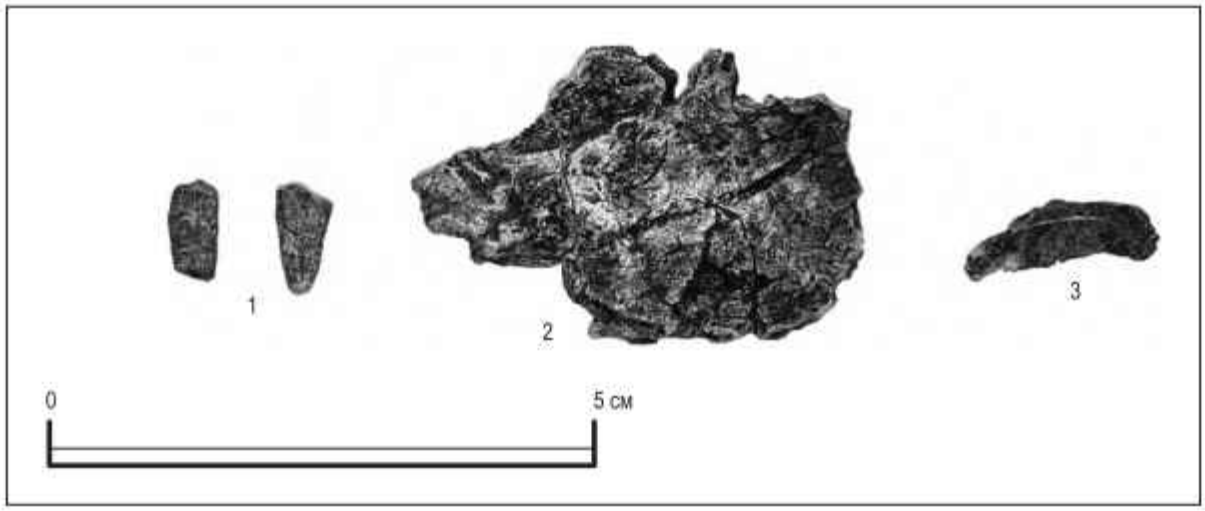

Рис. 14. Соколова Пустынь 2. Погребение № 20. Фрагменты костей человека

Рис. 15. Соколова Пустынь 2. Погребение № 20. Фрагмент лодыжки коровы

обряде остаётся совершенно непонятной, а в могильнике XII в. Кременье животных нет совсем – за исключением костей медведя (одно погребение из 15).

Выводы

1. Погребение № 20 впервые на могильнике Соколова Пустынь 2 стало примером погребения в сравнительно глубокой яме. Эта деталь обряда сближает памятник со Щуровским могильником. Соотношение погребений в глубокой яме и на дневной поверхности для обоих могильников оказывается примерно одинаковым. Вероятно, погребения в глубоких ямах являются особенными, но в чём эта особенность заключалась (возможно, связанная с личностью и/или биографией умершего), остаётся неизвестным. Накопление общих деталей погребального обряда в Щурово и в Соколовой Пустыни при всём его разнообразии даёт всё больше оснований рассматривать эти могильники в рамках одного культурного явления («Щуровской традиции»).

2. Увеличение данных по видам животных, использованных при кремациях, пока не приводит к качественному результату. Нам остаётся только констатировать исключительное разнообразие, но понимания роли животных в обряде по-прежнему нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А.* Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. Вып. 230. М., 2013. С. 260–266.

2. *Сыроватко А.С.* Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н.э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.
3. Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года / *А.С. Сыроватко, О.Ю. Потемкина, А.А. Трошина, Н.Г. Свиркина* // КСИА. Вып. 241. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 165–173, 469.
4. Погребения Соколовой Пустыни из исследований 2019 г.: парадоксы новых открытий / *А.С. Сыроватко, В.П. Гусева, Н.Г. Свиркина, Е.А. Клещенко* // ТАС. Вып. 12. Тверь, 2021. С. 150–161.
5. *Wahl, J.* Ein Beitrag zur metrischen Geschlechtsdiagnose verbrannter und unverbrannter menschlicher Knochenreste – ausgearbeitet an der Pars petrosa ossis temporalis // Zeitschrift Für Rechtsmedizin. 86. 1981. S. 79–101.
6. *Großkopf, B.* Leichenbrand Biologisches und kulturhistorisches Quellenmaterial zur Rekonstruktion vor- und frühgeschichtlicher Populationen und ihrer Funeralpraktiken // Zur Erlangung des akademischen Grades Dissertation D.Ph. Leipzig, 2004. 339 s.
7. *Walker, P.L., Miller, K.W.P., Richman, R.* Time, temperature and oxygen availalbility: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // The analysis of burned human remains. San Diego: Acad. Press, 2008. P. 129–135.
8. *Родинкова В.Е., Сапрыкина И.А., Сычева С.А.* Клад из Суджи-Замостья: проблема социокультурной интерпретации днепровских раннесредневековых кладов I группы // РА. 2018. № 2. С. 130–147.
9. Погребения-кремации из Соколовой пустыни из раскопок 2021 года / *А.С. Сыроватко, В.П. Гусева, Е.А. Клещенко, И.Р. Ужастова* // АП. Вып. 19. Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. 2023. С. 32–44.
10. *Сыроватко А.С., Гусева В.П., Ужастова И.Р.* Кость медведя в погребении 50 Щуровского могильника и ее культурно-исторический контекст // КСИА. Вып. 266. 2022. С. 373–379.
11. *Сыроватко А.С., Свиркина Н.Г., Клещенко Е.А.* Биритуальность в погребальном обряде «вятичей»: парадоксы могильника Кременье // РА. 2019. № 4. С. 86–101.
12. *Syrovatko, A., Svirkina, N., Plekhanova, L.* Cremation burial with a bear as the latest cremation in the Moscow region // Bear and human – facets of a multi-layered relationship from past to recent times with an emphasis on Northern Europe // The Arhaeology of Northern Europe. 3. Turnhouy, Belgium: Brepols Publishers. 2023. P. 639–650.
13. *Сыроватко А.С., Гусева В.П., Ужастова И.Р.* Усть-Матырка 1 – новый могильник с кремациями и его роль в понимании традиций погребальной обрядности I тыс. н.э. // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций. Сборник тезисов. М.: ИА РАН, 2021. С. 66–71.

А.С. Сыроватко – ФГБУН «Институт географии РАН», Москва

В.П. Гусева – МБУ «Коломенский археологический центр», Коломна, Московская область

A.S. Syrovatko, V.P. Guseva

A NEW FORM OF FUNERAL RITES IN THE SOKOLOVA PUSTYN': THE GREAT MIGRATION PERIOD OR THE "DARK AGES"?

Summary

The article publishes materials from the study of two burials. These are cremations buried at the Sokolova Pustyn' 2 burial ground in the second half of the X – early XI c. AD (left bank of the Oka River, near the city of Stupino). Burial No. 21 is typical for the periphery of the burial ground: a small portion of bones was placed on an ancient surface or in a small hole. There was no inventory. Burial No. 20 was a rare type of deep pit cremation. Artifacts from the pit belong to the Moshchino culture layer (III–V cc. AD) and cover the burial. The connection of artifacts and ceramics with bones has not been identified. In both burials, it was possible to determine the species composition of the animals burned along with the human: in burial 21 these were unborn or suckling pigs; in burial 20 – a cow.

A.S. Syrovatko – Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of Geography", Russian Academy of Sciences, Building 4, 29, Staromonetny Lane, Moscow, 119017, Russia E-mail: sasha.syr@rambler.ru

V.P. Guseva – Municipal Budgetary Institution "Kolomna Archaeological Centre", 5, Kremlevskaya St., Kolomna, 140400, Moscow region, Russia E-mail: gusewa.violetta2018@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.С. Сыроватко, Б.Е. Янишевский

О ПОЛЬЗЕ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦЕВ: АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ЛУЖКИ Е

В статье публикуются архивные материалы Б.Е. Янишевского, отражающие раскопки погребального сооружения на могильнике Лужки Е (Московская область, левый берег р. Оки, возле г. Серпухова). Ряд обстоятельств стал причиной того, что раскопки 1993 г. погребения-кремации не попали в отчёт и не были опубликованы. Коллекция из раскопок утрачена в 1990-е годы.

В раскопе 1993 г. Б.Е. Янишевским был открыт объект, представлявший собой квадрат из известняковых камней (рис. 2–4), на который были уложены последовательно рама из брёвен (рис. 2) и два или три ряда тонких брёвен (рис. 1). Это сооружение горело. Между брёвнами обнаружены обгоревшие бусы, керамика и кальцинированные кости (рис. 5). Авторы интерпретируют этот объект как специальное сооружение для кремации. Являлся ли он одновременно и погребением, осталось не выясненным. Авторы не исключают, что часть костей была собрана и захоронена в урнах отдельно [4]. Введённые в научный оборот аналогии этому объекту авторам не известны. Ещё один такой же объект («кремация на настиле») был исследован на этом могильнике В.В. Сидоровым [8], но не опубликован.

DOI: 10.70203/6102.2024.49.91.030

Лужки – уникальный археологический комплекс на левом берегу р. Оки у г. Серпухова. Это сложный конгломерат почти из двух десятков стоянок каменного века, поселений раннего железного века и раннего Средневековья. Открыты они были в довоенное время в результате работ А.В. Арциховского и краеведа А.Н. Воронкова, однако известность получили после развернувшихся в 1990-е гг. спасательных работ. Поводом послужило строительство серии водозаборных скважин, первые уточняющие археологические разведки проведены в 1988–1989 гг. [1]. Археологические раскопки развернулись уже в начале 1990-х, сразу на нескольких памятниках, из которых самыми яркими (с нашей точки зрения) являлись два уникальных могильника – грунтовый, Лужки Д, и могильник с кремациями Лужки Е, – исследованные площадью в 1993 г., после чего финансирование проекта прекратилось. В итоге часть материалов раскопок Лужков Е пропала, часть сохранилась благодаря стараниям В.В. Сидорова в Каширском музее. В.В. Сидоровым был также написан отчёт о раскопках 1993 г., в инициативном порядке (!), поскольку держатель Открытого листа остался ему неизвестен [2]. Этот отчёт в основном характеризует только те работы, которыми В.В. Сидоров руководил лично. Местонахождение материалов раскопок могильника Лужки Д вообще неизвестно. Между тем оба памятника уникальны: могильник Лужки Е на момент открытия являлся первым в Подмосковье грунтовым могильником с кремациями [3; 4; 5]. Могильник Лужки Д не менее интересен – это грунтовый могильник с ингумациями, который, вероятно, датируется Эпохой Великого переселения народов [6]. Интересно, что оба памятника получили определённую известность, во многом благодаря тому, что сведения о них стараниями одного из авторов данной статьи были включены в четвёртый том Археологической карты России по Московской области [7]. Спустя много лет после раскопок вышла и небольшая публикация по могильнику Е [8].

Один из авторов настоящей статьи – Б.Е. Янишевский – принимал участие в раскопках и до определённого момента руководил раскопками на обоих могильниках. В его личном архиве сохранились чертежи[1], фотографии, полевые записи, которые ввиду отсутствия отчёта по раскопкам остались невостребованными. Мы видим целью статьи публикацию сохранившихся архивных материалов, с тем чтобы восполнить пробел в источниках.

[1] В настоящее время переданы в архив ИА РАН.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

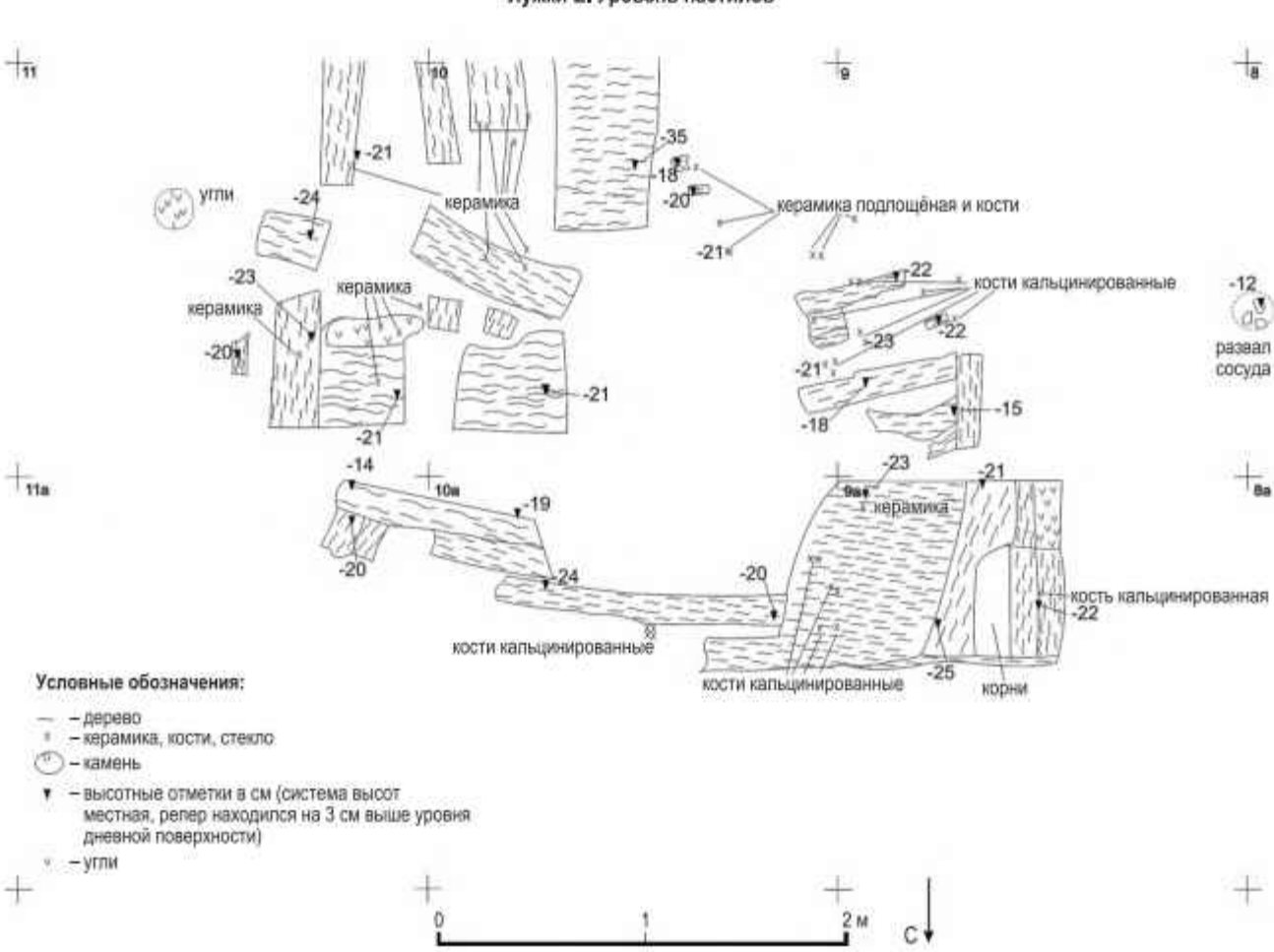

Рис. 1. Могильник Лужки Е. 1993 г., раскопки Б.Е. Янишевского. Погребальная конструкция («настил»), верхний уровень

Перейдём к описанию материалов по могильнику Лужки Е[2]. Важнейшим открытым тогда объектом является «сожжение на настиле» – сложное погребальное сооружение, не имеющее аналогий на соседних памятниках. Для этого объекта были выполнены два чертежа, сохранилась также одна фотография с расчищенными камнями основания конструкции. При подготовке публикации чертежи были «перебелены», а объекты на них разнесены на три уровня.

Ниже мы приводим описание главного объекта могильника Лужки Е – т. н. погребального настила.

Следы погребального сооружения выявились практически под дёрном в 2–3 м от края надпойменной террасы левого берега р. Оки в виде мощного слоя углей, достигавшего 30 см в толщину. В процессе разборки слоя углей проявились обугленные брёвна, составившие конструкцию в форме квадрата со стороной ок. 3 м. Обугленные брёвна достигали в диаметре 20 см. Часть конструкции разрушена корнями сосен. Этот уровень расчистки отражён на рис. 1.

На основании полевых наблюдений, чертежей и фотографий сооружение может быть реконструировано следующим образом.

В начале строительства настила была вырыта неглубокая (ок. 30 см глубиной) яма размерами чуть больше 3×3 м. В эту яму были уложены квадратом в один ряд известняковые камни размерами ок. 20×30 см, плоские, до 5–10 см в толщину, возможно, подтёсанные. Квадрат из камней отражён на рис. 2 и на фото на рис. 4. В некоторых местах квадрата были положены сверху на первый ряд камней камни вторым рядом в качестве выравнивающего слоя, так, чтобы квадрат был горизонтальным, то есть образовался своего рода фундамент. На эти камни фундамента были положены брёвна, образовавшие квадрат со стороной ок. 3 м. От этих

[2] Это второй объект на памятнике, ещё один исследован В.В. Сидоровым.

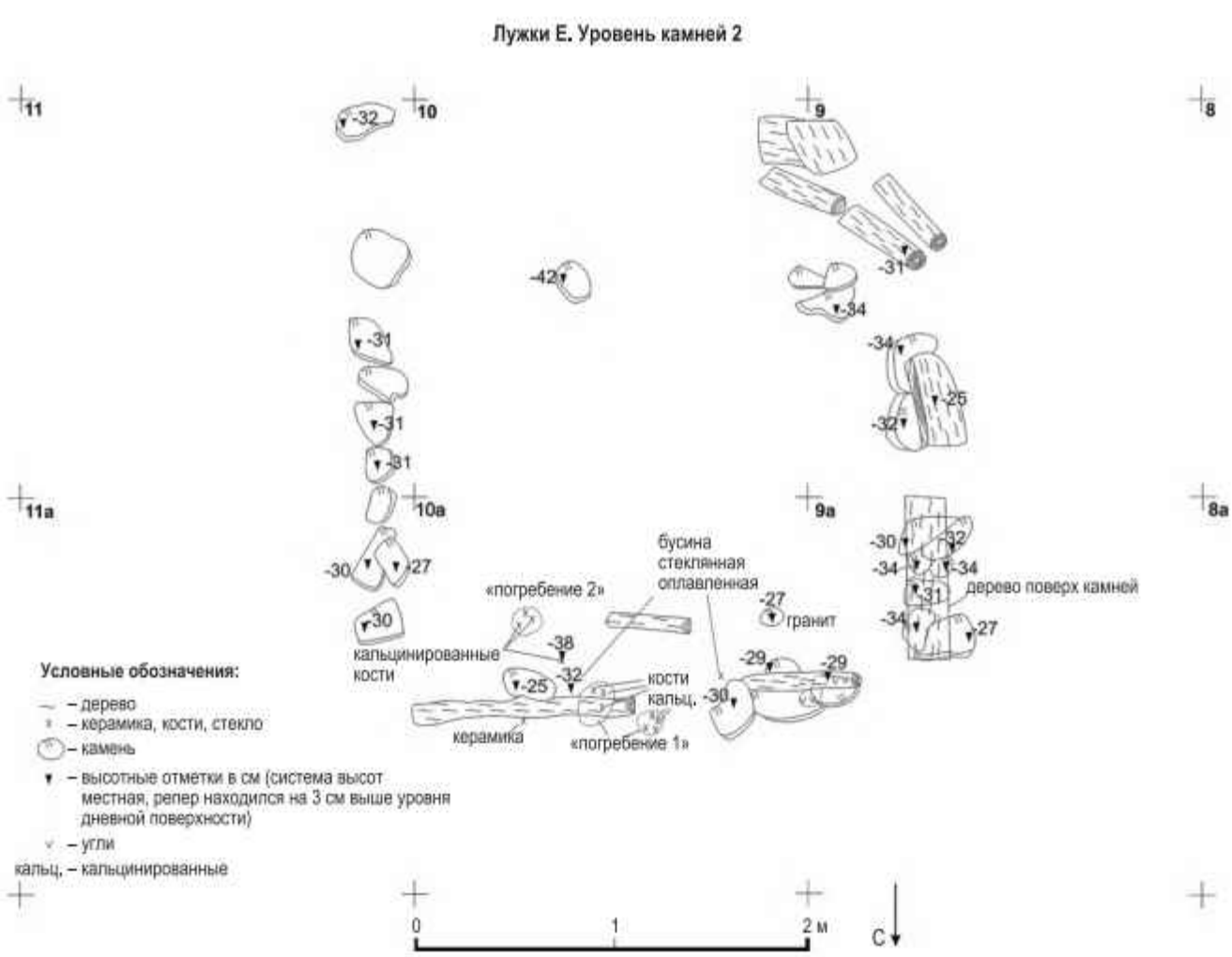

Рис. 2. Могильник Лужки Е. 1993 г., раскопки Б.Е. Янишевского. Погребальная конструкция, верхний пласт камней, уровень расчистки 2

брёвен остались обугленные фрагменты, но сохранившие форму (рис. 2). Северная и южная стороны квадрата были параллельны краю террасы и, в общем, руслу Оки, текущей здесь в широтном направлении. На этот квадрат брёвен были помещены брёвна настилов. Настилы состояли из двух (трёх?) рядов брёвен, уложенных параллельно, но брёвна второго снизу настила уложены перпендикулярно к брёвнам первого ряда. Это видно по направлению волокон (рис. 1). Брёвна (брус?), положенные поверх брёвен на камнях (2-й и 3-й уровни настила – рис. 1 и 2), клались во взаимоперпендикулярных направлениях, просто поверх друг друга, без прокладок. Брусообразные брёвна (ок. 20 см в диаметре, возможно сырые, были, вероятно, толще) клались по краям настила, в середине были уложены плоские «плахи» до 12 см толщиной, шириной до 60 см. Следует отметить, что некоторые брёвна настилов имели форму плоских плах шириной до 25 см, толщиной до 10 см. Некоторые были округлыми в сечении, диаметром до 10 см.

В средней части сооружения было отмечено скопление отдельных фрагментов как гончарной (или очень качественной лепной, возможно, подлощёной), так и достоверно лепной керамики. Эти фрагменты отмечены на рис. 1 (кв. 9). С западной стороны найден развал сосуда, а в юго-восточном углу прослежена круглая ямка с углём (оба объекта отмечены на рис. 1). Точно такая же ямка известна в аналогичном сооружении, исследованном в том же году В.В. Сидоровым [2].

После разборки обгоревших брёвен и плах на северном краю настила, ближе к северо-восточному углу, найдены два скопления (не более 20 фрагментов в каждом) кальцинированных костей, условно названные «погребениями 1 и 2» (рис. 2). Погребение 2 было внутри квадрата, кости погребения 1 – на северном бревне и частично за его пределами (эта часть костей показана на рис. 5). Снаружи северного бревна была обнаружена и керамика. С южной стороны северного бревна у погребения 1 найдена оплавленная стеклянная бусина синего цвета, а в 1,2 м к востоку от СЗ угла квадрата прямо между камнями имелась ямка с кальцинированными костями – «погребение 3» (рис. 3).

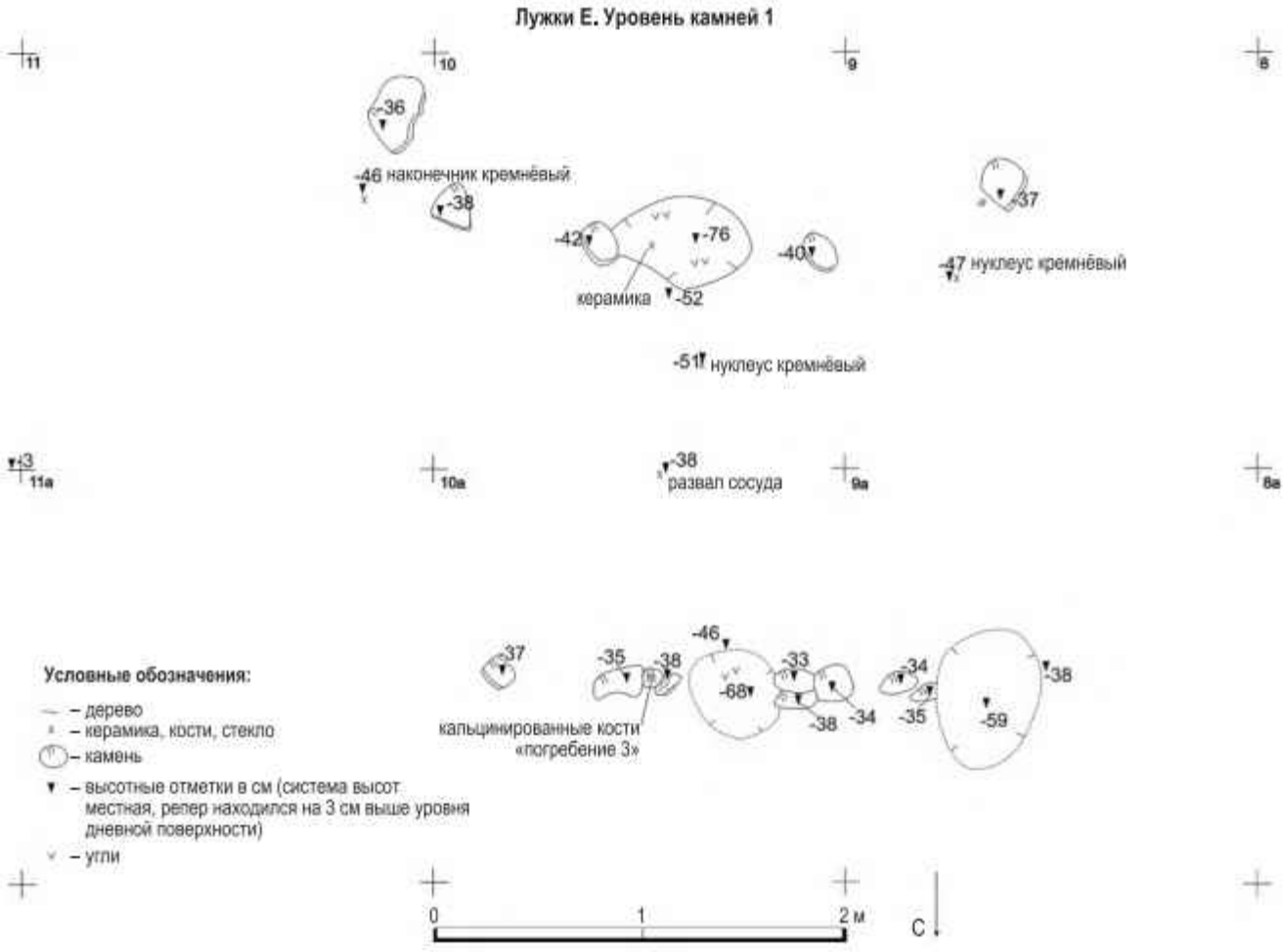

Рис. 3. Могильник Лужки Е. 1993 г., раскопки Б.Е. Янишевского. Погребальная конструкция («настил»), нижний пласт камней (1). Вид с востока

В юго-восточной четверти квадрата из камней была прослежена яма с углями диаметром до 40 см. Форма дна ямы – линзообразная. Глубина – 20 см. В этой яме была и керамика (рис. 3). У юго-восточного угла квадрата найден фрагмент лепного сосуда. На границе северной трети квадрата – развал сосуда (рис. 3).

Отметим также, что в ходе разбора объекта были прослежены несколько скоплений черепков, не побывавших в огне (следы тризны?) (рис. 1). Костей некальцинированных не было. Жар был достаточный, чтобы сгорели все ветки и ткани, оплавились стеклянные бусы, а кости кальцинировались. Частично сгорели и обуглились и плахи с брёвнами.

Не исключено, что кости с этого погребального сооружения были собраны в урны, которые позднее были обнаружены с северной стороны от платформы, в 1 м от неё, В.В. Сидоровым [4; 8]. Часть костей провалились сквозь плахи вниз (рис. 1). Платформу после сожжения и предполагаемого сбора костей не разбирали.

«Сожжения на настилах» остаются уникальными объектами, и авторам аналогии таким объектам не известны. Многие вопросы остались непрояснёнными, и в первую очередь – вопрос о том, были ли кости собраны с настила и захоронены в отдельном месте или же «настилы» являлись и местом сожжения, и собственно погребением. Осталось невыясненным, сколько человек на этом настиле были сожжены и/или захоронены. Тем не менее авторы посчитали необходимым опубликовать сохранившиеся архивные данные, которые, несомненно, помогут в будущих исследованиях.

Твер... объединенный музей

Рис. 4. Могильник Лужки Е. 1993 г., раскопки Б.Е. Янишевского. Фото конструкции из камней, вид с востока. Раскоп В.В. Сидорова примыкал к западному окончанию траншеи, видной на заднем плане снимка

Рис. 5. Могильник Лужки Е. 1993 г., раскопки Б.Е. Янишевского. Фото погребения 1, вид с юга. Камень справа от костей показан на рис. 3 с отметкой -35 см от репера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Сидоров В.В.* Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 года // Архив ИА РАН. Р 1. № 15433.
2. *Сидоров В.В.* Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском районах Московской области. Часть II. 1993 // Архив ИА РАН. Р-1. № 17982.
3. *Сыроватко А.С.* Новые материалы могильника Лужки Е // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 57–67.
4. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями / *А.С. Сыроватко, В.В. Сидоров, Е.А. Клещенко, А.А. Трошина* // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2013. С. 52–56.
5. *Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Свиркина И.Г.* Лужки Е – кремации и ингумации на одном могильнике // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 17 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2021. С. 98–109.
6. *Ахмедов И.Р., Казанский М.М.* После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье: доклады научной конференции, посвященной 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2004. С. 168–202.
7. Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997.
8. *Сидоров В.В.* Первые вятичи на Средней Оке // Археология Верхнего Поочья: материалы VI научной конференции 28 февраля – 3 марта 1995 г. Калуга: Издательство научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2004. С. 48–51.

А.С. Сыроватко – ФГБУН «Институт географии РАН», Москва

Б.Е. Яншевский – ФГБУН «Институт археологии РАН», Москва

A.S. Syrovatko, B.E. Yanishevsky

ON THE BENEFITS OF EYEWITNESS' MEMORIES: ARCHIVAL MATERIALS FROM EXCAVATIONS OF THE LUZHKI E BURIAL GROUND

Summary

The article is based on archival materials of the excavations of the burial structure Luzhki E (Moscow region, Serpukhov city district, left bank of the Oka River, southwest of the village Luzhki). The preserved excavation materials consist of drawings and photographs.

The discovered object was the horizontal square made up of limestone stones as a basement (Fig. 2–4). On this basement along a row of stones were put the logs (Fig. 2). Then two or three rows of thin logs (Fig. 1) were laid sequentially, forming a platform. A dead body was placed on this platform and than was burnt, judging by the fact that burnt bones were found in the coals. Also there were found burnt beads, ceramics, and calcined bones (Fig. 5). The authors interpret this object as a special structure for cremation. The authors do not exclude that some of the bones were collected and buried separately in urns, were found late in 2 m to north [4]. The authors are unaware of any analogues to this object. Another similar object ("cremation on a wooden structure") was found and investigated by V.V. Sidorov [8] about 50 m to west.

A.S. Syrovatko – Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Building 4, 29, Staromonetnyi Lane, Moscow, 119017, Russia
E-mail: sasha.syr@rambler.ru

B.E. Yanishevsky – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Uljanova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: bobbyy@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В.И. Вишневский, Т.Н. Новоселова

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАТЬКОВСКОГО ПОЗДНЕДЬЯКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Статья представляет предварительные итоги анализа погребального обряда Ратьковского раннесредневекового позднедьяковского могильника на р. Дубне (Владимирская область). Обряд – исключительно кремация на стороне, кремированные кости, детали одежды, посуда и орудия труда помещались в наземные сооружения, располагавшиеся отдельными гнёздами. Материал могильника сходен с вещами из погребения на Саввино-Сторожевском городище.

DOI: 10.70203/1642.2024.82.77.031

Ратьковский могильник позднедьяковской культуры, расположенный на мысу при впадении р. Рассоловки (Куньéма) в р. Дубну у д. Ратьково Александровского района Владимирской области, был открыт в 1996 году В.И. Вишневским и исследовался им и Т.Н. Новоселовой с 1999-го по 2022 год [1, с. 550–557; 2, с. 89–107; 3, с. 67–83]. На сегодняшний день раскопана площадь в 1038 кв. м и найдены 1877 предметов (1474 – бронза, 189 – железо, 32 – керамика, 82 – камень, 67 – кремень, 4 – стекло).

Памятник, отделённый с трёх сторон реками и оврагом, – это могильник, городищем он не является. Ровная площадка мыса около 1000 кв. м была распахана в древнерусский период [4, с. 52–63]. О посещении её свидетельствуют найденные здесь фрагменты стеклянного витого браслета, обломок каменного жёрнова, кавалерийская шпора XIII–XV вв. н. э. Обугленные зёрна, просеянные из заполнения ям, при радиоуглеродном анализе дали следующие даты: для ямы 1 (2006 г.) – сер. XI в. (калиброванная дата – сер. XI – сер. XII в.), для ямы 5 (2007 г.) – сер. X в. (калиброванная дата – кон. X – кон. XI в.) [3, с. 77, табл. 7].

Культурный слой представляет собой рыхлую тёмно-коричневую супесь мощностью от 0,3–0,5 м и содержит остатки погребений – погребальный инвентарь, измельчённые кремированные кости людей и животных, фрагменты керамики и обугленные зёрна.

Анализ почвы показал, что мы имеем дело с пахотным горизонтом, содержание фосфора в нём меньше нормы культурных слоёв поселений [4, с. 61]. Как показала траншея на южном склоне мыса, от коренного берега его отделяет не искусственный ров, а небольшой овраг [5, с. 29]. В разрезе не выявлены следы культурного слоя, сползшего по склону, и остатки каких-либо сооружений.

Мыс имеет две особенности, делающие его не пригодным к устройству укреплённого поселения: 1) изрезанные очертания и 2) неровная (покатая) поверхность. Таким образом, из средней для дьяковских городищ площадки (2400 кв. м) ровный участок составляет меньше половины (около 1000 кв. м). Это, на наш взгляд, объясняет, почему могильник сохранился. В случае если могильники устраивали на мысах, пригодных для устройства поселения, то в последующие века, после запустения могильника, он уничтожался в процессе строительства следующего поселения. Памятнику на мысу в устье Куньéмы в этом отношении повезло.

Топография могильника имела гнездовую структуру: участки, заполненные погребальными комплексами, отделены друг от друга пространствами, практически не содержащими вещей, а лишь единичные обугленные зёрна и фрагменты кремированных костей. Вещи и кремированные кости не имеют определённой концентрации – рассеяны по всему раскопу на разной глубине, не связаны с ямами (рис. 1).

Учитывая, что инвентарь и остатки погребений – вещей, костей, зёрен и керамики – фиксируются главным образом на глубине 0,1–0,3 м, мы склонны считать, что захоронения совершались в наземных сооружениях, может быть, слегка заглублённых.

В могильнике обнаружены остатки кремаций. Людей (мужчины, женщины, дети) сжигали при высокой температуре, кости очищены от углей и золы и специально измельчены. Обращает на себя внимание то, что сожжение происходило при разных температурах. Первая группа – белые прокалённые кости с деформациями и трещинами (высокая температура кремации – 800–1000 °С), вторая – чёрные обожжённые кости без деформации (температура сжигания – около 500 °С). Части животных, сожжённые при менее высокой тем-

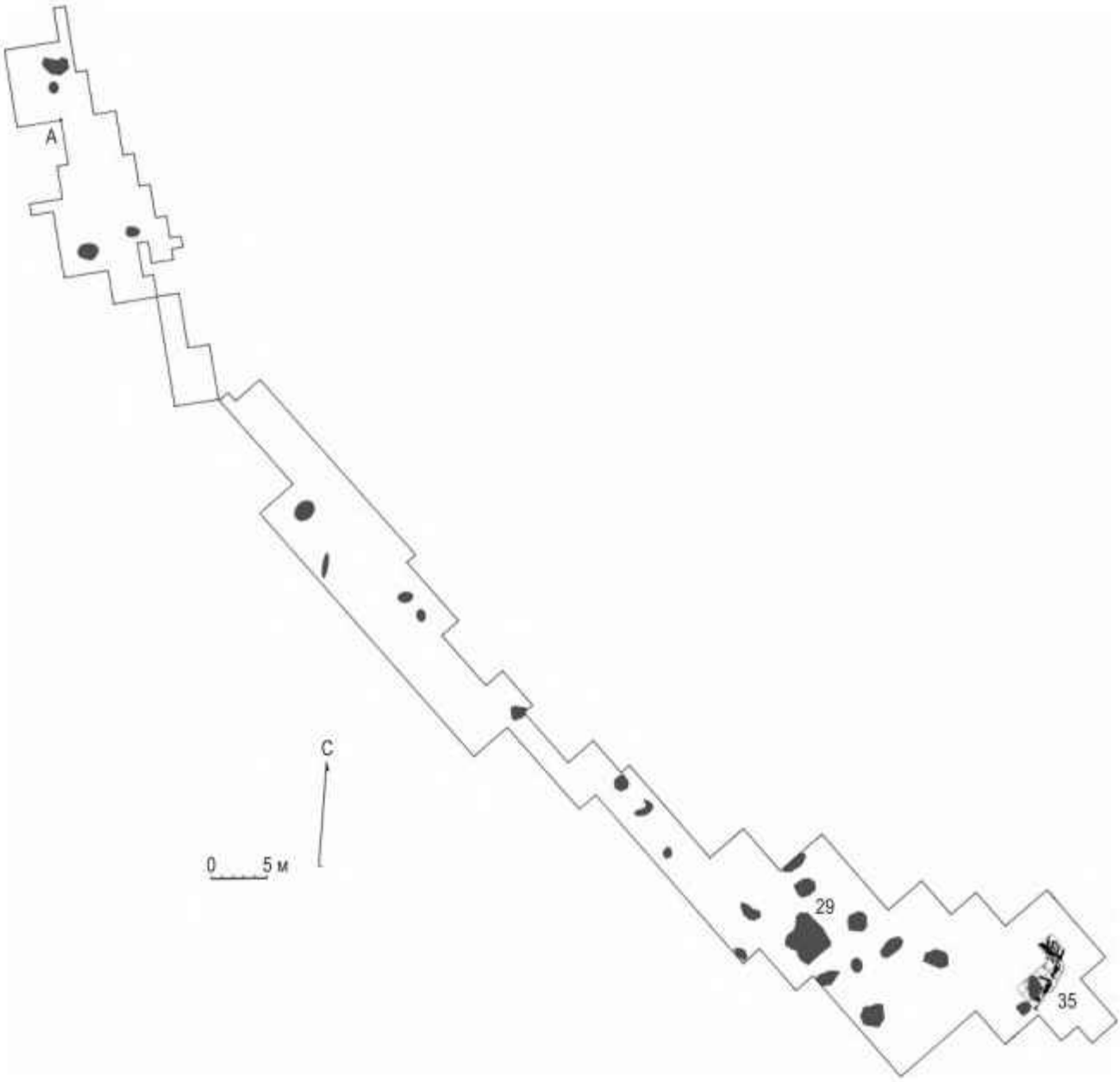

Рис. 1. Ратьковский могильник. Ситуационный план погребальных комплексов

пературе, были предварительно обработаны (возможно, сварены?), кости измельчены [6, с. 153–161]. В отсевках они встречены вместе с костями человека.

В узкой северо-западной части могильника (475 кв. м) собраны более 40000 фрагментов кремированных костей, 188 бронзовых слитков (капель металла) и 70 оплавленных бронзовых вещей, а на широкой юго-восточной (525 кв. м) – 9000 фрагментов костей, 47 слитков (капель метала) и 62 оплавленных предмета. Вероятно, в северо-западной части располагался более древний участок, когда в «домики мёртвых» помещали большие объёмы кремации и сожжённых вещей, позже этот обряд мог стать более символическим. Традиция «домиков мёртвых» и обряд исключительно кремации распространён в Молого-Шекснинском междуречье с конца I тыс. до н. э. до конца X в. н. э. [7, с. 14–24]. В могильниках мери, муромы, мордвы и рязано-окцев трупосожжение не было преобладающим и представляет небольшую долю: у мордвы от 13 до 30 %, у марийцев от 19 до 50 %, у муромы 16–17 % погребений [8, с. 97, 129, 177].

Комплексы 26–29. В раскопе 2015 г. при зачистке 3-го пласта в кв. Л-5-8, М-5-8, Н-5-8 зафиксировано подпрямоугольной формы углистое пятно (2×3 м), сопоставимое по размерам с «домиком мёртвых» Савви-

но-Сторожевского городища (2×2,5 м) [9, с. 141–145], – комплекс № 29, с концентрацией находок (рис. 1, 2). Здесь и в примыкающих квадратах (комплексы 26–28) были зафиксированы 40 артефактов [10, с. 19–31]: 9 шумящих подвесок и 7 фрагментов таких подвесок (рис. 3: 1–16), 15 деталей головных венчиков типа латгальской вайнаги, хорошо известной по балтским древностям Латвии и Литвы V–XI вв., длинным курганам Смоленской и Тверской областей, а также по могильникам поволжских финно-угров. Это – пронизки-спирали из бронзовой проволоки (2 экземпляра и 2 фрагмента) (рис. 3: 17–20), пронизки-трубочки (1 экз. и 2 фр.) (рис. 3: 21–24), полусферические бляшки-скорлупки с петлями сзади (3 экз.) (рис. 3: 24–26), бляшка-пронизка из трёх спаянных последовательно скорлупок (рис. 3: 35), пластинчатые пронизки-обоймы с точечным полусферическим орнаментом – шесть полусфер в два ряда (рис. 3: 27–29), две прямоугольные и трапециевидная привески, соединённые в цепь двумя колечками (рис. 3: 36), квадратная пронизка, состоящая из четырёх сомкнутых круглых бляшек с кольцевой окантовкой (рис. 3: 34). Возможно, к головному венчику относится прямоугольная бронзовая пластина (толщиной 2 мм) с 8 круглыми отверстиями, расположенными в 2 ряда, аналоги ей нам не известны (рис. 3: 30). Найдены три фрагмента обугленной ткани, насыщенной шлаками металлов. Среди артефактов – детали поясного набора: наконечники и накладки. Наконечники поясов (4 экз.) – из тонких бронзовых пластин, согнутых пополам для зажима ремня, в отверстиях на концах пластин сохранились тонкие шпеньки-заклёпки (рис. 3: 37–40). На двух экземплярах вдоль края, у соединения с ремнём – орнамент: полоса круглых выпуклин-«жемчужин» (рис. 3: 39–40). Поясные накладки – две

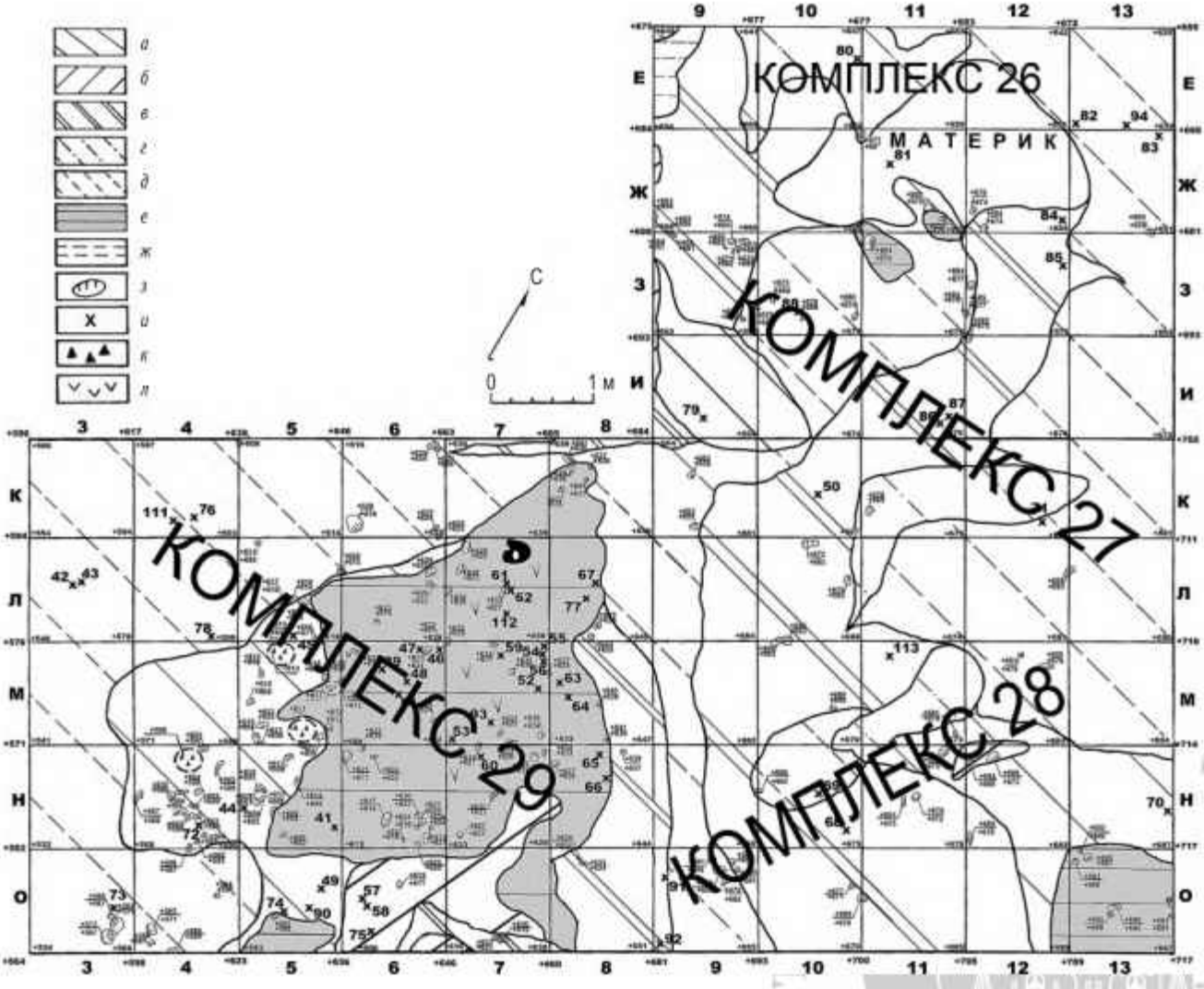

Рис. 2. Ратьковский могильник. Раскоп 2015 г. План 3-го пласта. *а* – тёмно-коричневая супесь; *б* – светло-коричневая супесь; *в* – коричневая супесь; *г* – светло-коричневая супесь+тёмно-коричневая супесь; *д* – серо-коричневая супесь; *е* – чёрная супесь; *ж* – рыже-коричневая супесь; *з* – камни; *и* – находки; *к* – скопления керамики; *л* – угли

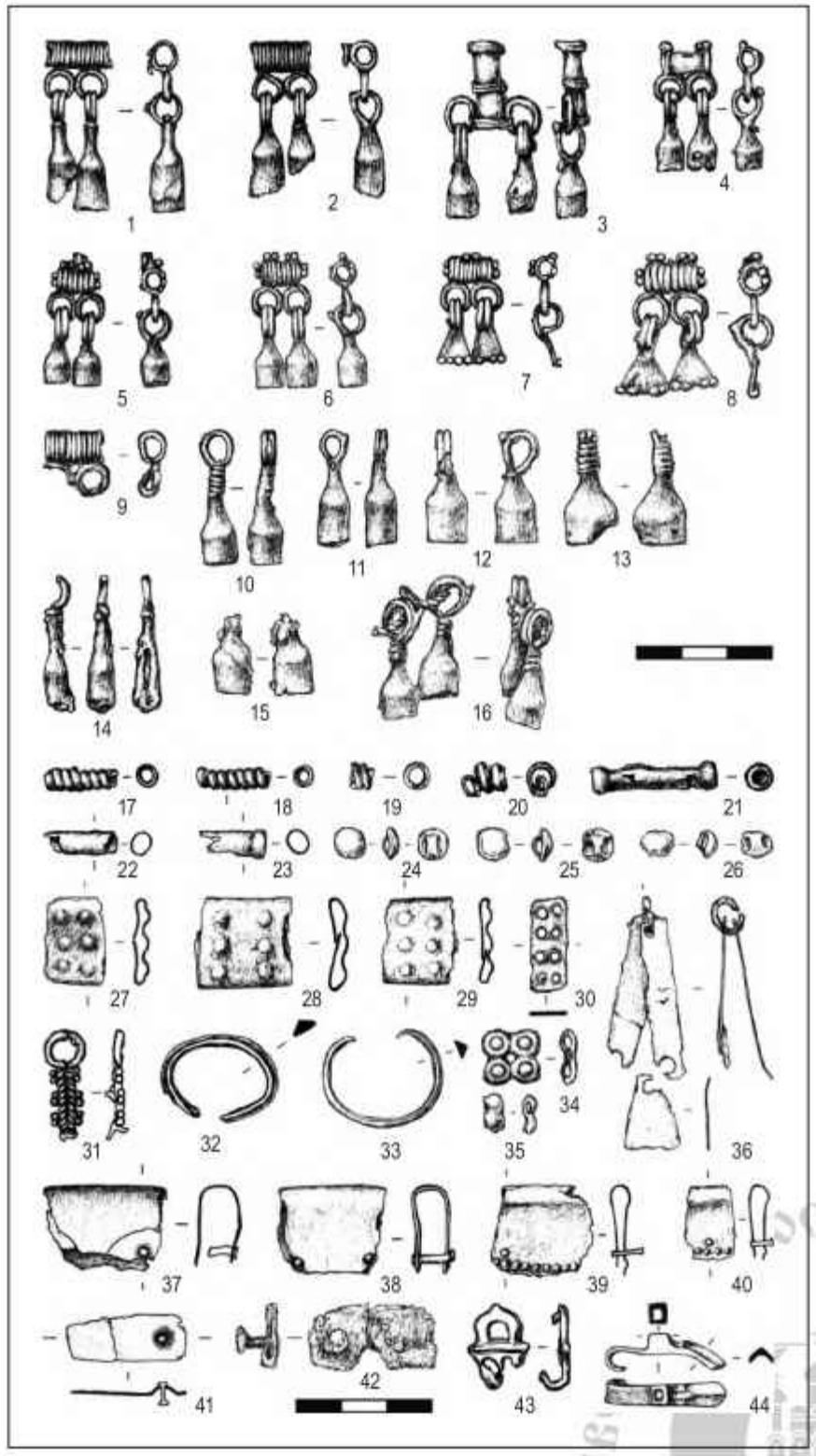

Рис. 3. Ратьковский могильник. Комплекс 29. Шумящие подвески-пронизки (1–8) и фрагменты подвесок-пронизок (9–16); детали головных венчиков: 17–20 – пронизки-спирали; 21–23 – пронизки-трубочки; 24–26, 34–35 – пронизки-бляшки; 27–29 – пронизки-обоймицы; 30 – соединительное звено; 31 – фрагмент серьги; 32–33 – перстни; 36 – привески прямоугольные и трапециевидная; детали поясного набора: 37–40 – наконечники поясов; 41–44 – поясные накладки

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

прямоугольные вытянутые пластины с круглыми отверстиями на концах, в которых сохранились шпеньки-заклёпки круглого сечения. Одна накладка – бронзовая, другая – железная (рис. 3: 41–42). Две фигурные накладки (рис. 3: 43–44) – «бляшки южного происхождения» по В.В. Седову или «геральдические накладки», близкие к салтовским типам, – встречаются в могильниках: рязано-окских (Борки) [11, с. 29. табл. XVI: 4–79; 12, с. 93–96, табл. XXXIX: 16–20], мерянских (Хотимльский [13, с. 120, рис. 56, *7*], Усть-Чёрная [14, с. 224, рис. 96, *2*]), мордовских (Второй Старобадиковский [15, с. 55, рис. 6, *3, 4, 11, 20, 21, 22*] и муромских (Безводнинский [16, с. 21, рис. 42, *1–8*]). Особенно интересен фрагмент позднедьяковской серьги – подвижной цепочки, представляющей собой фигурный стержень из плетёнки, по обе стороны которой группами в два шарика расположена зернь, а концы завершаются неподвижными кольцами (рис. 3: 31). Стержень соединял щиток треугольными привесками. Два аналогичных украшения происходят из погребального комплекса на Саввино-Сторожевском городище [9, с. 145, рис. 5], одно – с Кунцевского городища. И.Г. Розенфельдт этот тип позднедьяковских серёг (Отдел А. Серьги с двумя кольцами. Тип V, вариант 3) датировала 2-й пол. VIII – нач. IX в. н. э. [17, с. 158–164, рис. 1; 18, с. 34, рис. 8, *2, 3*, с. 35–38]. Найдены также три бронзовых перстня неоднократно встречавшегося на памятнике типа – незамкнутые, из стержней с заострёнными концами (рис. 3: 32–33), имеющих аналоги на муромских памятниках [19, с. 33].

Найдены железные изделия. Это ножи, наконечник стрелы, шилья, игла, застёжки-сюльгамы, петля, кольцо, кресало. Два ножа – с прямой спинкой и выделенным черешком (рис. 4: 1–2). Трёхлопастный наконечник стрелы – тип 17 по А.Ф. Медведеву (рис. 4: 3), датируется V–VIII вв. [20, с. 347–249]. Такие наконечники встречаются на поселениях мери (Сарское [14, с. 101, рис. 39, *2, 6*], Криушкино [14, с. 50, рис. 15, *1*], Попадьинское [13, с. 88, рис. 33, *16*]). Две железные застёжки-сюльгамы – кольцевидные, с короткими усами-трубочками, слегка выступающими за диаметр кольца (рис. 4: 21, 22). К деталям поясного набора относятся петля-скоба (рис. 4: 23) и плоское кольцо (рис. 4: 24). Шильев – 16 (10 целых и 6 фрагментов): 12 – четырёхгранные, с жалом круглого сечения (рис. 4: 4–19), 2 экземпляра в середине перекручены в 5 оборотов (рис. 4: 5, 7). Аналоги происходят исключительно с позднедьяковских поселений (Троицкое [21, с. 75, табл. 14, *3, 5*], Кикинское [22, с. 142, рис. 46, *39–97*; 23, с. 33, рис. 1, *14*], Попадьинское [13, с. 88, рис. 33, *17*]). Игла – круглого сечения с ушком (рис. 4: 20). Сегментовидная железная пластина являлась, по-видимому, кресалом, которое вставлялось в деревянную рукоять (рис. 4: 25) [10, с. 25–26].

Найдены также три фрагмента литейных формочек из мягкого камня (рис. 4: 27–29) и фрагмент льячки с чашкой, по-видимому, круглой формы, ручкой усечённо-конической формы и втулкой круглого сечения (диаметром 0,6 см) (рис. 4: 26).

Собраны 1456 фрагментов лепных сосудов из красной глины с примесями песка и дресвы, реконструированы 2 миниатюрных сосуда (рис. 5: 1, 2), и 690 фрагментов костей [10, с. 19–31].

Комплекс 35. В 2018–2022 гг. в юго-восточной части могильника, на самом южном краю мыса, у «входа» на кладбище, на краю оврага, были вскрыты остатки сооружения, которые сохранились и не были уничтожены поздней распашкой, будучи обугленными и расположенными во впадине, а затем запаханными. Размеры – 9×1,7 м, общее протяжение – по линии север–юг. Сооружение было из брёвен диаметром от 14 до 20 см, лежащих на материке, в трёх местах выявлены соединения «в чашу» (рис. 1). Использовались стволы ели (определение Л.Н. Гриценко, Лаборатория естественно-научных методов ИА РАН). Они располагались по краю склона с общим перепадом высот около 0,8 м. Можно выделить два отдельных сруба размерами 2,6×2,4 м и 2,4×3,6 м. Срубы были впущены в материк на глубину от 30 до 50 см, столбовые ямы в материке не обнаружены (рис. 6).

Рядом с южным срубом и частично под ним была выявлена яма № 5 размерами 2,6×2,4 м, глубиной 0,6 м, на дне которой были обнаружены развал лепного красноглиняного сосуда *in situ* (рис. 7: 1), около 40 фрагментов кремированных костей и 6 обугленных зёрен. Ещё два сосуда находились также *in situ*: один – в восточном углу конструкции (рис. 7: 2), другой – небольшой горшочек с почти сферическим туловом и отогнутым наружу венчиком, тонкими стенками, заглаженной и подлощённой поверхностью – в 0,5 м к северу от неё (рис. 7: 4).

Два горшка (рис. 7: 1, 2) имеют высокую степень сходства с сосудом из «домика мёртвых» на Саввино-Сторожевском городище [24, с. 328, рис. 43].

В квадратах, прилегающих к северной части постройки, найдены 5 железных трёхлопастных наконечников стрел (рис. 8: 2–6) и развал крупной миски с развёрнутым широким горлом, заметно сужающейся к днищу (рис. 7: 3). При переходе стенок в днище – небольшой уступчик. В верхней части сосуда – выделенное плечико, переходящее в чуть отогнутый наружу венчик. Диаметр горловины вдвое превышает высоту сосуда. Поверхность заглажена и подлощена.

Подобные миски немногочисленны среди инвентаря рязано-окских могильников [25, с. 262, рис. 8, *3*], в большинстве случаев они были найдены разбитыми в засыпке погребений [25, с. 254]. По мнению исследователя, лощёные миски являются характерными для дьяковской культуры [25, с. 253, 254]. Подобная посуда есть на позднедьяковских городищах – Дьяково [26, с. 509, рис. 211, *142*], Отмичи [27, с. 35, рис. 106: *Е*; 151], Кикинское [22, с. 155, рис. 59, *3*]. Миски с отогнутым краем и туловом, резко сужающимся ко дну, отмечены (тоже скорее как исключение) в материалах муромского Безводнинского [16, с. 217, рис. 54, *1*] и мерянского Сарского [14, с. 181, рис. 77, *4*, с. 183] могильников.

В южной части постройки, во впадине, под деревянными обугленными брёвнами, на глубине 0,5–0,6 м найдено *in situ* скопление обожжённых, сильно корродированных бронзовых предметов – по-видимому, остатков головного венчика, перемешанных с углём и фрагментами ткани простого полотняного плетения.

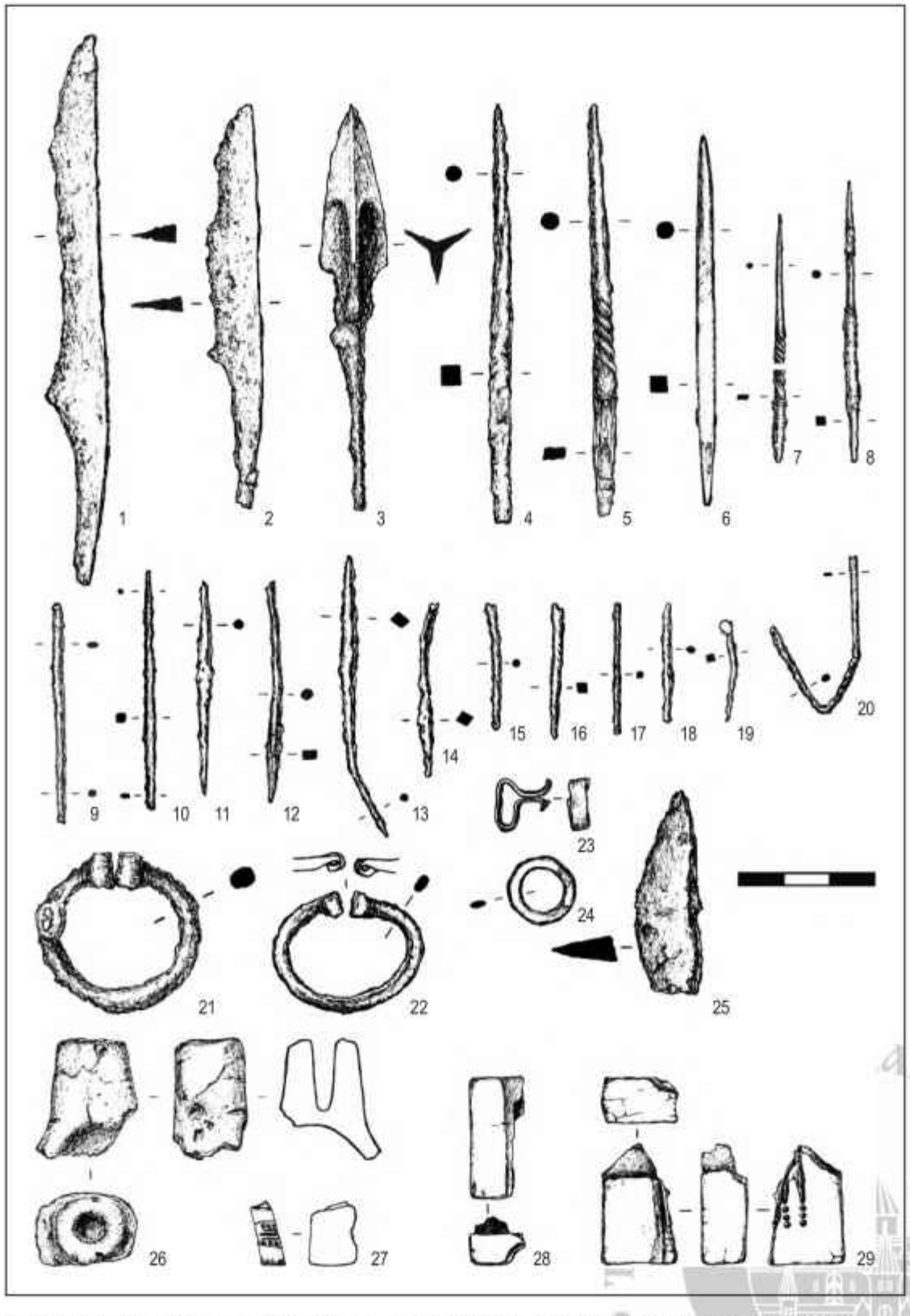

Рис. 4. Ратьковский могильник. Комплекс 29. 1–2 – ножи; 3 – наконечник стрелы; 4–19 – шилья; 20 – игла; 21–22 – застёжки-сюльгамы; 23 – петля; 24 – кольцо; 25 – кресало (?); 26 – фрагмент льячки; 27–29 – фрагменты литейных форм. 1–25 – железо; 26 – керамика; 27–29 – камень

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

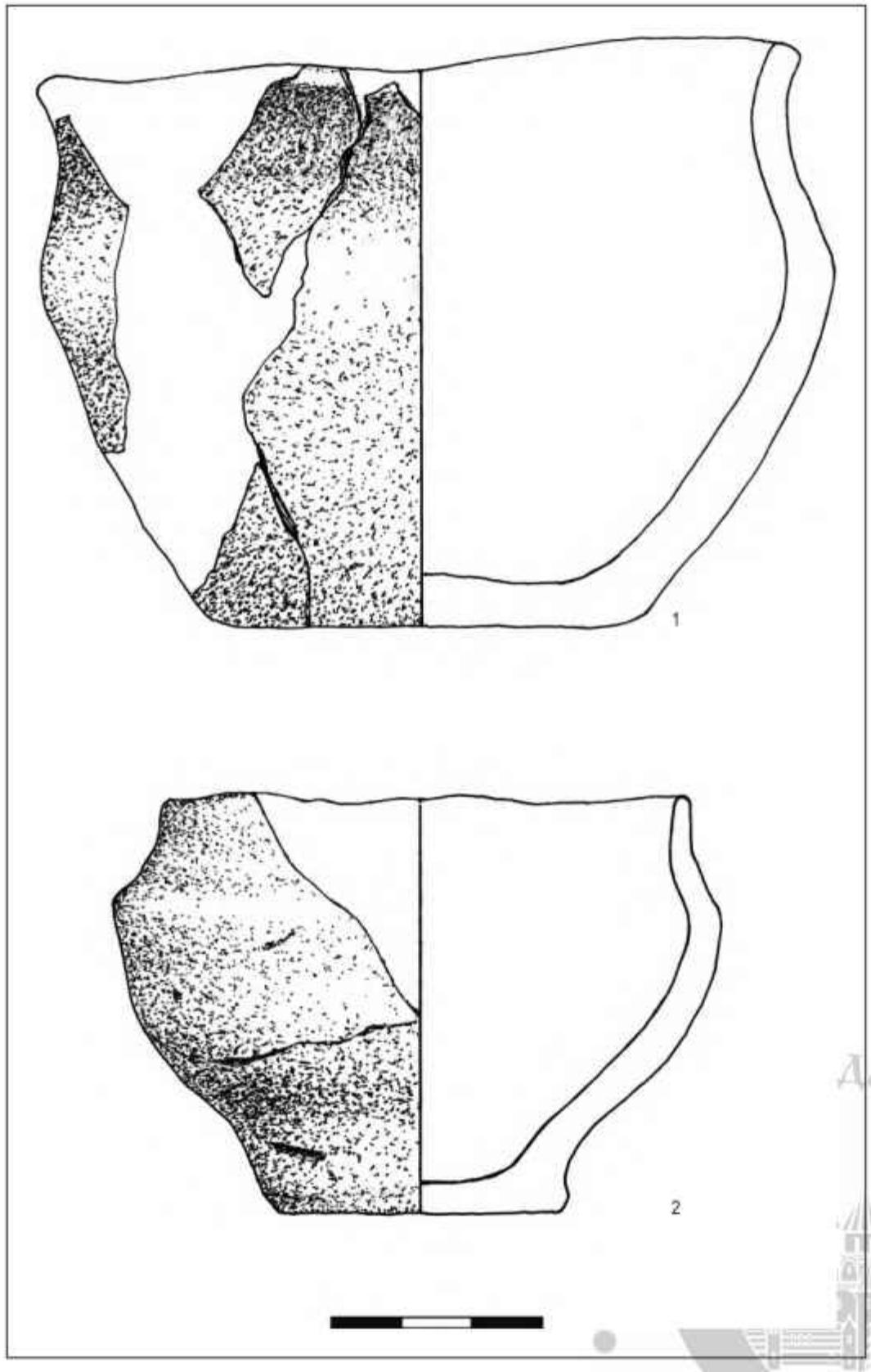

Рис. 5. Ратьковский могильник. Комплекс 29. Керамические сосуды

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В этом скоплении собраны 57 бронзовых деталей головного убора (венчика): 16 бляшек с петлёй – 10 полусферических (таких, как на рис. 9: 8) и 6 конических (таких, как на рис. 9: 7), причём некоторые – с остатками ткани, к которой они были пришиты; 9 фрагментов трапециевидных привесок из тонкого листа с отверстиями вверху, через которые были продеты колечки для привешивания. На пяти из них сохранился чеканный выпуклый орнамент в виде полусферы в кружкé (рис. 9: 10); 13 пронизок-спиралей из плющеной проволоки (таких, как на рис. 9: 12); 3 пронизки-трубочки из тонкого листа – такие же, как в комплексе 29 (рис. 3: 22);

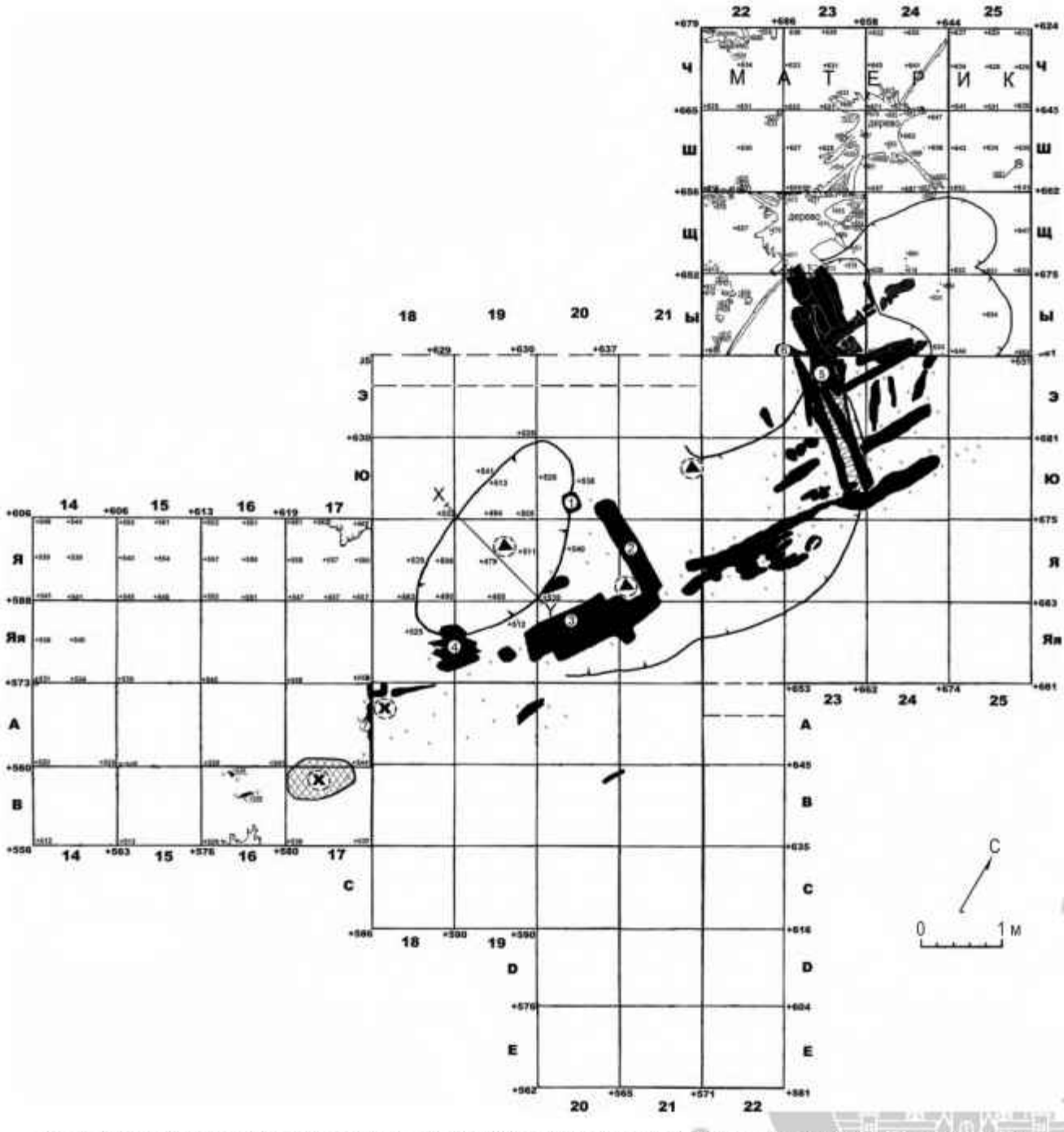

Рис. 6. Ратьковский могильник. План-схема раскопов 2018–2021 гг. с остатками погребений и деревянных сооружений («домиков мёртвых»). 1–7 – места проб на С-14;
X – скопления бронзовых артефактов *in situ*, ▲ – развалы сосудов *in situ*

13 колечек-бусин, причём в трёх случаях они спеклись по 2 и по 3 вместе (рис. 9: 13); 3 фрагмента ушек от привесок, 1 фрагмент шумящей привески, 1 фрагмент пластины, мелкие фрагменты обожжённой ткани.

Южнее, на стыке квадратов А17 и В17, в большей степени на уровне 0,5–0,6 м от дневной поверхности, было обнаружено ещё одно скопление из 98 предметов *in situ* (рис. 6). В верхнем горизонте всего этого скопления (в 3-м пласте) был обнаружен железный втульчатый наконечник дротика с двумя шипами в нижней части на вытянутом подтреугольном пере, в поперечном сечении листовидной, ближе к ромбической, формы (рис. 8: 1) [27, с. 20–21, рис. 1].

В скоплении представлены 85 бронзовых украшений (целыых и фрагментов), 7 фрагментов тканей и шнурочков, 2 двустворчатые каменные литейные формы (рис. 10).

В непосредственной близости от литейных форм находились два накосника и фрагменты накосников, колокольчик от накосника и несколько комков из сильно окисленных бронзовых украшений. На этом же уровне в 5–15 см было расчищено скопление мелких бляшек (всего 56): конических – 4 (рис. 9: 7), полусферических – 15 (рис. 9: 8), трёхполусферических – 36 (рис. 9: 11) и одна четырёхконическая (рис. 9: 6). Причём бóльшая часть трёхполусферических бляшек были расположены в кв. В17 в круглом пятне жёлтой супеси диаметром 2 см. Они плотно и ровно смыкались друг с другом, образуя цилиндрический ком. Можно предположить, что они крепились на какую-то ленту, которую поместили в скрученном виде.

В двух местах по линии СЗ–ЮВ найдены две восьмиколокольчатые шумящие подвески с ажурным прямоугольным щитком (рис. 9: 1, 2). Они были частично оплавлены в огне, плотно слиплись с остатками тка-

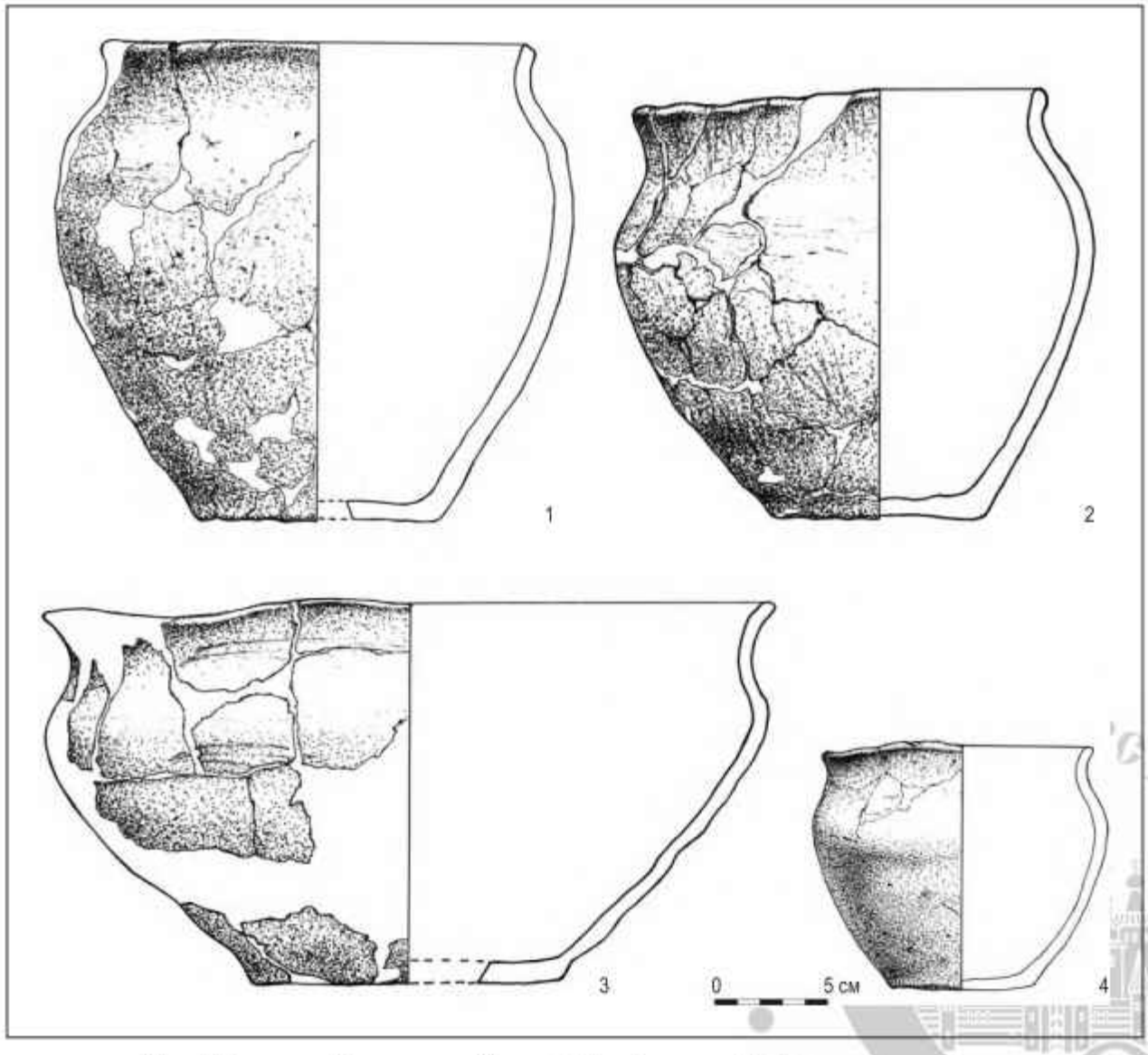

Рис. 7. Ратьковский могильник. Раскоп 2021 г. Комплекс 35. Керамические сосуды

ственный объединенный музей

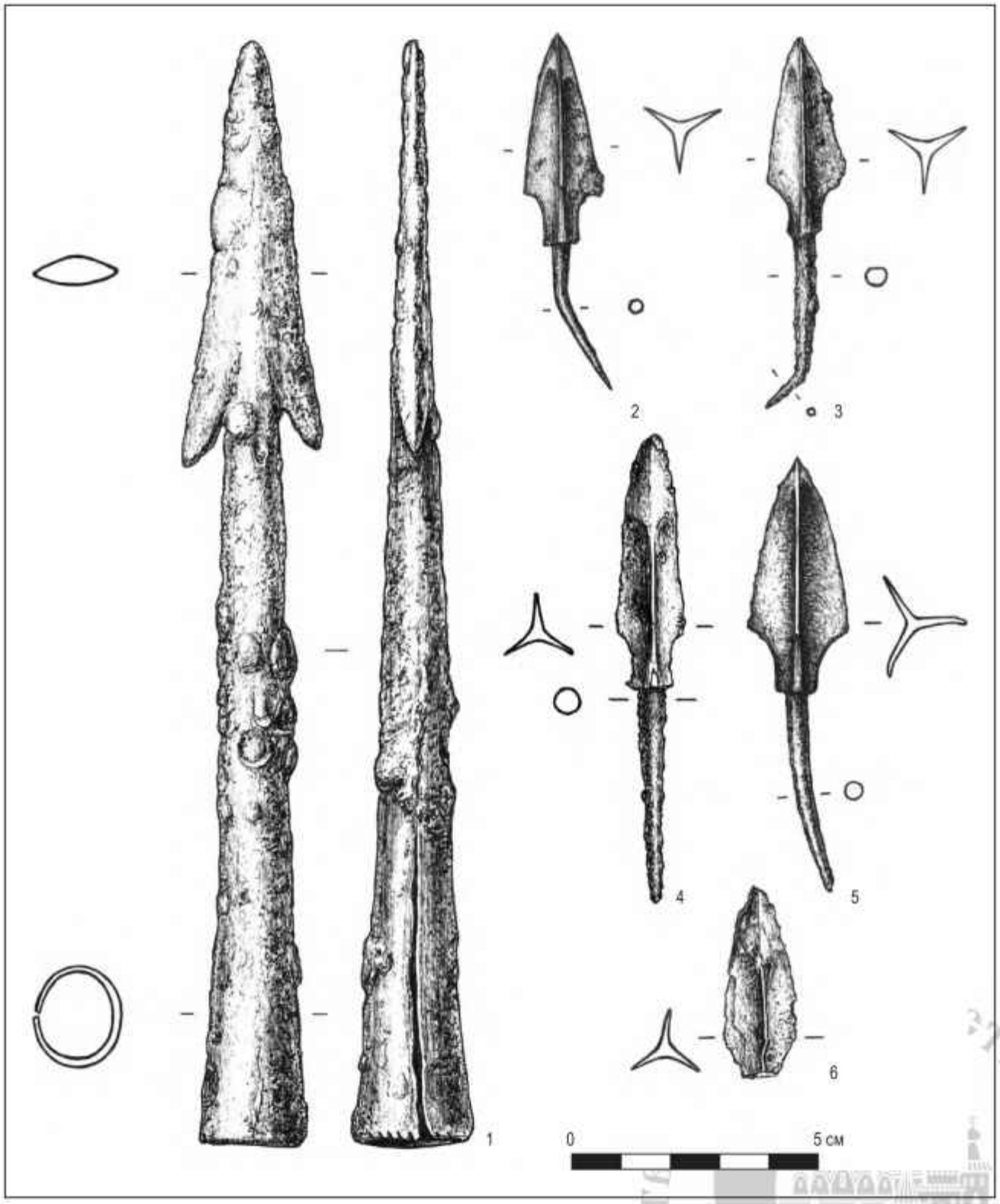

Рис. 8. Ратьковский могильник. Раскоп 2021 г. Комплекс 35. Железные предметы: 1 – наконечник дротика; 2–6 – наконечники стрел

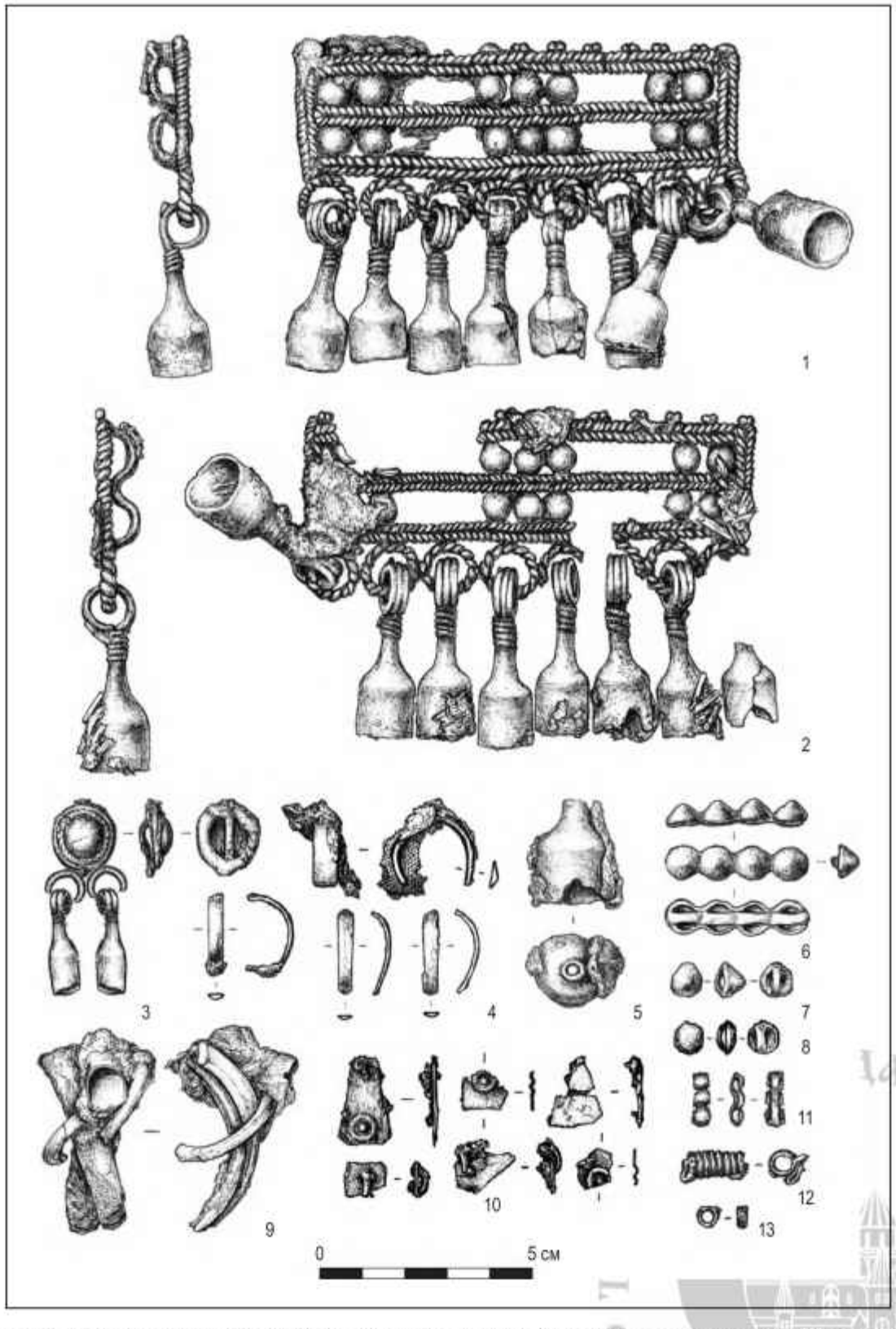

Рис. 9. Ратьковский могильник. Раскоп 2021 г. Комплекс 35. 1–3 – бронзовые шумящие подвески; 4 – фрагменты перстня; 5 – колокольчик от накосника; 6–8, 11 – бляшки-пронизки; 9 – фрагменты браслета; 10 – фрагменты трапециевидных привесок; 12 – пронизка-спираль; 13 – колечко-бусина

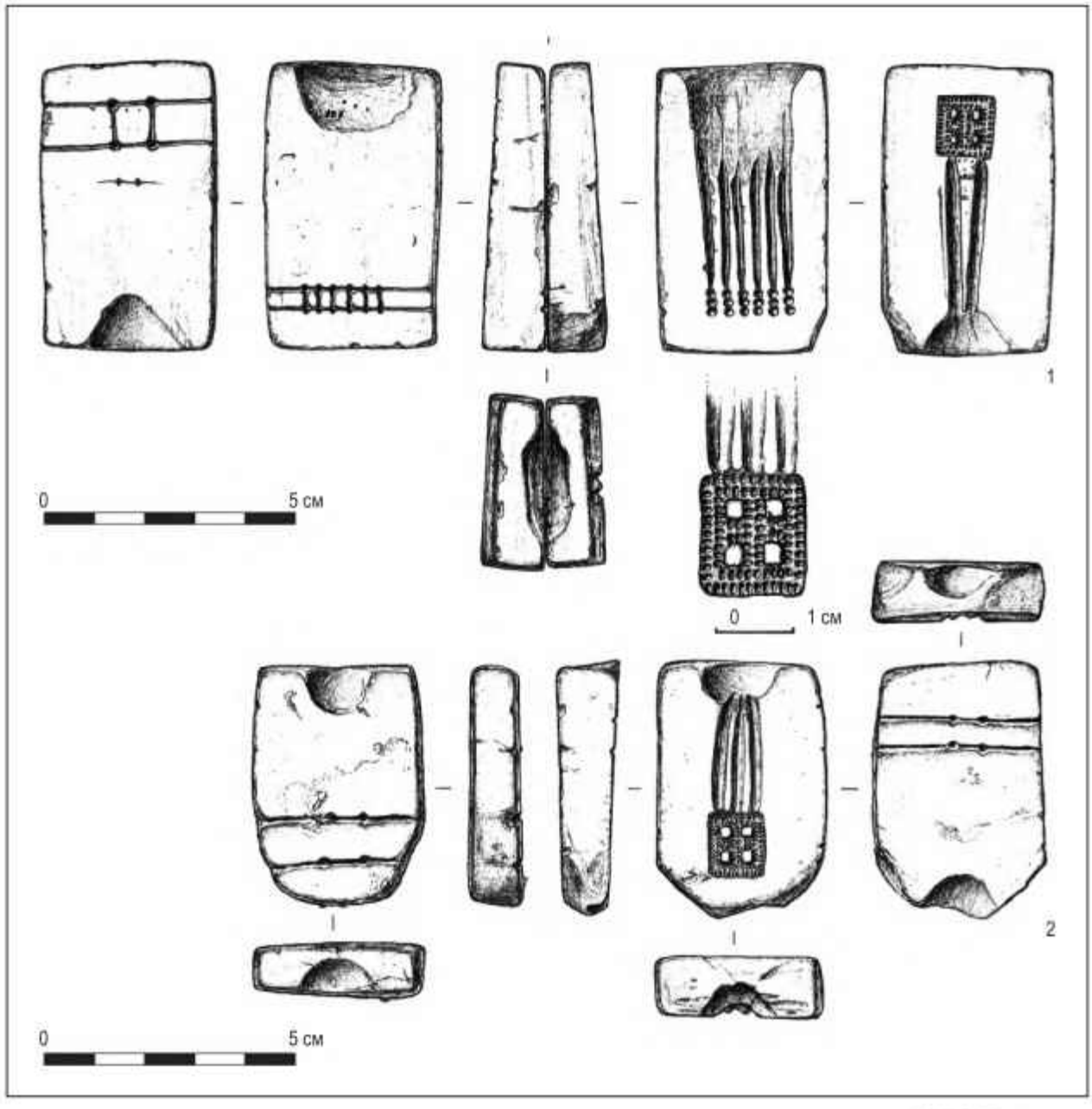

Рис. 10. Ратьковский могильник. Раскоп 2021 г. Комплекс 35. Каменные литейные формы

ни. В Ратьковском могильнике известны пять экземпляров подвесок с подобными щитками. Аналогичные подвески широко встречаются среди финно-угорских украшений VIII–IX вв. (Новленский, Темниковский могильники) [13, с. 50, рис. 10, *9*] и более поздних муромских украшений IX–X вв. (Чулковский могильник) [29, рис. 8, *23, 26*].

Впервые была обнаружена шумящая двухколокольчатая подвеска с крупным полусферическим щитком (рис 9: 3). Аналогами являются подвески из рязано-окских могильников [30, с. 208, рис. 2, *40*]. Рядом были обнаружены спиралевидные пронизи (10 экз.) (рис 9: 12), фрагменты спиралевидного браслета (рис. 9: 9) и спиралевидного перстня (рис. 9: 4).

В нескольких местах сохранились фрагменты тканей (не более 7,5 см каждый), один – в самом центре ареала украшений (под восьмиколокольчатой подвеской) в сложенном виде. На двух кусках ткани – по одной нашитой бронзовой полусферической бляшке. Ткань – полотняного переплетения из шерстяных нитей (определение В.С. Бусовой, ИИМК РАН).

Под погребением расчищены деревянная щепа и тлен. Возможно, погребальный инвентарь укладывался на какую-то тонкую древесную основу, о которой позволяют говорить остатки щепы и тлена в нижнем горизонте скопления находок. Возможно, существовало и верхнее древесное покрытие, которое не удалось зафиксировать. Захоронения (ингумации) в лубе встречены в половине погребений Никитинского могильника [31, с. 11, 15, 22, 24, 29, 33, 37, 39, 40].

Ряды круглых ямок диаметром в среднем 10 см и глубиной в среднем 6–10 см, с общим расположением по линии север–юг, с западной стороны от погребения могли быть остатками неглубокой оградки могилы. Подобные оградки были зафиксированы на Безводнинском могильнике в девяти погребениях [16, с. 13]. Камни на материке (от 8 до 22 см), расположенные в непосредственной близости к скоплению погребального инвентаря, возможно, имеют отношение к погребальному обряду, например, их можно рассматривать как некое основание или фундамент, на которые могли ставить деревянную основу с погребением.

На Саввино-Сторожевском городище по краям «домика мёртвых» прослежен тлен брёвен сруба-постройки. По периметру, в 0,2–0,4 м от края углубления, лежали крупные камни, которыми, вероятно, была обложена внешняя сторона стен сруба [9, с. 140–141]. В Безводнинском могильнике кремация проводилась на стороне, на место захоронения остатки сожжения переносились вместе с углём и золой погребального костра. В одном случае под остатками сожжения на дне могилы обнаружен слабый прокал материковой глины, в нескольких случаях отдельные вещи несли следы слабого обжига. Эти факты могут свидетельствовать в пользу того, что остатки сожжения иногда складывались на дно могилы ещё в горячем виде. В большинстве же случаев вещи не имели никаких следов воздействия огня. Вся масса кальцинированных костей переносилась на место захоронения в редких случаях. В большинстве погребений было найдено лишь небольшое количество кальцинированных костей, иногда буквально единицы. Такие погребения были в известном смысле символическими [16, с. 27]. Могилы без костей, а зачастую и без инвентаря, встречаются как исключение в грунтовых могильниках муромы (Кочкинский – 4, Безводнинский – 11, Желтухинский – 9), мордвы (Армиевский), рязано-окских (Шатрищенский – 4).

В 2018–2021 гг. с обугленных брёвен были сделаны семь спилов для радиоуглеродного датирования, проведённого в лаборатории Геологического института РАН. По пробам были получены даты, калиброванные по программе OxCalv 4.3.2 (табл.).

Таблица. *Ратьковский могильник. Радиоуглеродные даты постройки – «домика мёртвых»*

№№ п/п	№№ ГИН	Возраст C^{14} BP	Калиброванный возраст AD	Место отбора образца (пласт, квадрат)
1	15776	1520±20	530–600 гг.	пл. 6, кв. Ю-20
2	15777	1500±20	535–620 гг.	пл. 6, кв. Я-21
3	15778	1525±20	530–600 гг.	пл. 6, кв. ЯЯ-20
4	15779	1440±20	580–650 гг.	пл. 7, кв. ЯЯ-19
5	16123	1680±30	325–445 гг.	пл. 6, кв. Э-23
6	16124	1600±30	415–548 гг.	пл. 7, кв. Ы-22
7	16125	1600±40	405–568 гг.	пл. 5, кв. А-17

Первые четыре пробы датировали конструкцию сер. VI – сер. VII в. н. э., что сопоставимо с большей частью датировок вещей небольшого хронологического диапазона (VI–VII вв. н. э.) и не противоречит датировкам долго бытовавших вещей. Радиоуглеродный анализ образцов с брёвен обугленной конструкции позволяет сузить дату могильника, ранее определённую как VI–IX вв., до VI–VII вв. н. э. Последующие три пробы дали даты: руб. IV–V – сер. VI в. н. э. (рис. 6). Отметим, что погребальные комплексы, вскрытые на противоположном, северном, краю площадки могильника, включают крестовидную фибулу типа A14 по А.Р. Ахмедову, датируемую 2-й четв. V в. н. э. [32, с. 13], что может предполагать более раннюю начальную дату функционирования могильника.

Выводы по Ратьковскому могильнику

1. Господствующий погребальный обряд – трупосожжение на стороне.
2. Наземные погребальные сооружения – «домики мёртвых», в которые помещались кремации и вещи.
3. Фиксируется «парциальность» захоронения останков разных индивидов в границах единого погребального пространства и использование останков животных в ритуальных практиках. Предположительно на раннем этапе кремация тел проводилась частично с одеждой, в позднее время объём захораниваемых кремированных костей уменьшается и приобретает символический характер – в могилы помещаются только одежда и вещи.
4. Присутствие набора «ножи–шилья–пряслица» сопоставимо с могильниками муромы и рязано-окской культуры. Такой набор в составе инвентаря, как ножи (17), шилья (51), пряслица (22), соответствует традициям финских могильников. Шилья, иглы, ножи, наконечники стрел, веретёна с пряслицами являлись эле-

ментами охранительной магии в погребальном обряде. И.В. Белоцерковская отмечает в могильниках Заречье и Кораблино строго определённый набор из этих трёх инструментов в женских захоронениях [33, с. 142, 150]. Все они являлись оберегами: железные острые предметы (ножи и шилья), пряслица и веретёна, иглы и нитки [12, с. 123–127]. При этом в Ратьково фиксируется значительно большее количество шильев, чем в других финских могильниках.

5. Отличительной чертой ратьковского погребального инвентаря является присутствие иголок, каменных литейных форм, рыболовных крючков, наконечников стрел, которых нет в могильниках соседних территорий – мери, муромы, рязано-окской культуры.

6. О культурной принадлежности могильника. Располагаясь на значительном удалении от другого подобного памятника дьяковской культуры – «домика мёртвых» на Саввино-Сторожевском городище, – он имеет с ним прямые аналогии в виде фрагмента позднедьяковской серьги (рис. 3: 31). Ю.А. Краснов датирует «домик мёртвых» Саввино-Сторожевского городища 3-й четв. I тыс. н. э. [9, с. 150]. Типы горшков из комплексов «домиков мёртвых» Саввино-Сторожевского городища [24, с. 327, рис. 158] и Ратьковского могильника очень близки. Позднедьяковский характер памятника помимо описанных вещей определяют бляшки-скорлупки и железные шилья с витой серединой. Позднедьяковской чертой могильника следует, по-видимому, признать обряд трупосожжения как исключительный.

Традиция «домиков мёртвых» и обряд исключительно кремации распространён в Молого-Шекснинском междуречье с кон. I тыс. до н. э. до кон. X в. н. э. [34, с. 125]. Отличительной чертой погребальной практики поволжских финнов эпохи раннего Средневековья становится биритуальность. Доля кремированных захоронений у мордвы варьирует от 13 до 30 %, у марийцев – от 19 до 50 %, у муромы – 16–17 %.

В то же время в инвентаре Ратьковского могильника значительны аналоги вещам из других групп могильников: рязано-окских (крестовидная фибула окского типа, шумящие подвески-пронизки, спирали-пронизки, обоймицы-пронизки, поясные накладки геральдического типа), муромских (подвески трапециевидные, кресало, спирали-пронизки, обоймицы-пронизки, незамкнутые перстни); мерянских (шумящие подвески-пронизки, трёхгранные наконечники стрел, литейные формы). Сходство с инвентарём мордовских могильников значительно меньше.

Эти элементы ратьковских погребальных комплексов свидетельствуют о культурной инфильтрации в позднедьяковскую культуру населения с соседних территорий.

Ратьковский могильник – не первое место обнаружения погребальных сооружений в Волго-Окском междуречье, относящихся к позднедьяковской культуре, но первый исследованный могильник позднедьяковской культуры, занимавший всю площадь мысового холма.

Заметим, что в двух случаях (Ратьковский могильник и погребение на Саввино-Сторожевском городище) мыс не превышает 1000 кв. м, кладбище устроено не на существующем поселении, а на пустом месте (в Ратькове поселенческого культурного слоя нет, а на Саввино-Сторожевском городище период существования поселения датируется кон. I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э. [35, с. 207], так что к появлению погребений мыс был уже заброшен). Оба этих примера подтверждают справедливое замечание Ю.А. Краснова о том, что «домики мёртвых» обычно располагались вне поселений. «Могильники в Молого-Шекснинском междуречье, как и поселения, располагаются на высоких берегах, занимая самый край береговой полосы и находясь практически около обрыва. Могут быть приурочены к устью реки, ручейка, небольшой низине или находиться в глубине бора, на отдельных возвышенностях и грядах» [7, с. 20]. У обских угров «кладбище, как правило, располагалось на возвышенном месте, речном яру, близ поселка, от которого отделялось обычно водной преградой – ручьем, старицей и т. п.» [36, с. 106].

«Домик мёртвых» на городище Березняки противоречит указанным закономерностям. А.Е. Леонтьев высказал сомнение в том, что постройка № 5 на городище Березняки являлась захоронением, а не местом с жертвами большого пожара [14, с. 231–232]. Последствия такого пожара налицо: почти не сохранились кость и рог, как в виде изделий, так и в виде кухонных отбросов [37, с. 61, 114], сильно (на 50 %) пострадала от огня керамика [37, с. 124]. Трактовка постройки № 5 на городище Березняки явно противоречит археологическим и этнографическим данным, тем более что сам П.Н. Третьяков отмечал, что «погребальный домик на поселении в устье р. Сонохты не являлся, по-видимому, единственным местом погребения, так как число встреченных там погребений не соответствует числу жителей поселения, существовавшего не одно столетие. Где покоятся останки других умерших … – это остается пока неизвестным» [37, с. 60]. Наличие погребального инвентаря, характерного для финно-балтской культуры, не отмечено – вещи из «домика мёртвых» мало чем отличаются от набора находок в других постройках. В то же время в постройке № 5 на городище Березняки нет остатков керамической посуды, которая присутствует в погребениях Саввино-Сторожевского и Ратьковского могильников.

Почему сруб был сожжён? Мы не склонны считать, что это было ритуальное сожжение – аналогии нам не известны. На некоторых вещах из комплекса № 35 огонь оставил следы (керамика, бронзовые вещи), имеющиеся небольшие места прокалов почвы рядом с комплексом свидетельствуют о том, что интенсивность огня вряд ли связана с сожжением срубов. Срубы, скорее всего, были сожжены много позднее совершения погребения. Уничтожение ратьковского кладбища, а затем превращение его в пашню произошло не позднее XI–XII вв. н. э.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Вишневский В.И.* Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002.
2. *Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В.* Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: Хронология, культура, обряд // РА. 2007. № 2.
3. *Вишневский В.И., Новоселова Т.Н.* Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2006–2007 гг.) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010.
4. *Новоселова Т.Н., Вишневский В.И., Гольева А.А.* Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник (результаты раскопок 2016 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 14. М.: ИА РАН, 2018.
5. *Новоселова Т.Н., Вишневский В.И.* Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (результаты раскопок 2013 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 11. М.: ИА РАН, 2015.
6. *Вишневский В.И., Козловская М.В.* О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратьковском городище в верховьях р. Дубна // «OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии». Вып. 3. М., 2004.
7. *Васенина М.Г.* Научные идеи А.Н. Башенькина и его вклад в изучение эпохи раннего железного века // Историки. Поколения. Взгляды: материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 19–21 октября 2017 г.) / Министерство образования и науки РФ, Вологодский государственный университет. Вологда: ВоГУ, 2018.
8. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.
9. *Краснов Ю.А., Краснов Н.А.* Погребальное сооружение на городище дьякова типа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
10. *Новоселова Т.Н., Вишневский В.И.* Ратьковский раннесредневековый могильник (результаты раскопок 2015 года) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2017.
11. *Спицын А.А.* Древности бассейна рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. СПб. (Типография «Т-ва Художественной Печати», Английский пр., 28), 1901.
12. *Сидоров А.С.* Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л.: Издание Центросовнацмена Наркомпроса РСФСР, 1928.
13. *Горюнова Е.И.* Древняя история Волго-Окского междуречья. М.; Л., 1961. (МИА. № 94)
14. *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Гоэко, 1996.
15. *Петербургский И.М.* Второй Старобадиковский могильник // Вопросы древней истории мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1987. (Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 80)
16. *Краснов Ю.А.* Безводнинский могильник. К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1980.
17. *Розенфельдт И.Г.* Об одном типе позднедьяковских племенных украшений // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
18. *Розенфельдт И.Г.* Древности Западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982.
19. *Горюнова Е.И.* Муромский могильник // КСИИМК. Вып. 52. 1953.
20. *Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф.* Вооружение // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.: Наука, 1985. (Археология СССР)
21. *Дубынин А.Ф.* Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1970. (МИА. № 156).
22. *Вишневский В.И.* Кикинское городище. Древнее поселение середины I тыс. н.э. на севере Подмосковья. М.: Белый ветер, 2021.
23. *Вишневский В.И.* Финно-угры и балты Северного Подмосковья в раннем Средневековье (Кикинское городище и Ратьковский могильник) // Древности Радонежской земли. Научная конференция к 25-летию археологической экспедиции музея. Сергиев Посад, 2009.
24. *Кренке Н.А.* Позднедьяковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016. (Раннеславянский мир. Вып. 17)
25. *Румянцева О.С.* Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. (Раннеславянский мир. Вып. 9)
26. *Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011.
27. *Исланова И.В.* Городище Отмичи. М.: ИА РАН, 2008. (Раннеславянский мир. Вып. 11)
28. *Вишневский В.И.* Железные изделия Ратьковского раннесредневекового могильника V–VII веков // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 19. М.: ИА РАН, 2023.
29. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома VII–XI вв. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990.
30. *Белоцерковская И.В.* Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: ИА РАН, 2007. (Раннеславянский мир. Вып. 9)
31. *Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В.* Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН, 2005. (Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН. Т. 3)
32. *Ахмедов И.Р.* Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2008.
33. *Белоцерковская И.В.* Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань: Поверенный, 2003.
34. *Башенькин А.Н.* Финны, угры, балты, славяне и скандинавы в Молого-Шекснинском междуречье // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Книжное наследие, 2007.
35. *Краснов Ю.А., Краснов Н.А.* Обследование памятников дьяковской культуры в бассейне Москва-реки // СА. 1963. № 1.
36. *Зенько А.П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск: Наука, Сибирское предприятие РАН, 1997.
37. *Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. (МИА. № 5)

ГБУК Московской области
«Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник»,
Сергиев Посад, Московская область

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

V.I. Vishnevskiy, T.N. Novoselova

BURIAL RITE OF RAT'KOVSKY LATE DYAKOVO CEMETERY: PRELIMINARY RESULTS

Summary

The article deals with the preliminary results of the analysis of the funeral rite of the Rat'kovsky Early Medieval Late Dyakovo burial ground on the Dubna River (Vladimir region). The ritual was exclusively performed as a cremation on the side: cremated bones, clothing items, dishes and tools were placed in ground structures located in separate nests. The material of the burial ground is similar to the things of burial at the Savvino-Storozhevsky hillfort.

V.I. Vishnevskiy – Sergiev Posad State Historical and Art Museum-Reservation,
208 Flat, 52, Novouglichskoe highway, Sergiev Posad, Moscow Region, 143001, Russia
E-mail: vladwish@mail.ru

T.N. Novoselova – Sergiev Posad State Historical and Art Museum-Reservation,
5A, Lazo St., Sergiev Posad, Moscow Region, 143003, Russia
E-mail: novoselovatatyan@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.О. Челогаева

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Деревянные сооружения – редкий и малоизученный элемент погребального обряда культуры псковских длинных курганов. Проведение целенаправленного исследования, основанного на анализе 300 курганов из 70 могильников, выявило наличие как минимум двух различных погребальных традиций: «оградок» и «погребальных домиков». Конструкции первой группы отличает размещение деревянного сооружения по периметру насыпи в специально выкопанных «канавках». Они маркируют определённые завершённые курганы или насыпи одного из этапов их строительства. «Погребальные домики», напротив, обозначают отдельные захоронения, которые находились внутри этих сооружений. Вероятно, они являются ещё одним вместилищем для кремированных останков, становясь в один ряд с уже известными погребениями в урнах, туесках и прочих органических ёмкостях. Отдельно выделяется группа курганов с бессистемно расположенными плахами в основании кургана. Функциональное назначение их остаётся неизвестным.

Аналогии выделенным группам деревянных сооружений существуют во многих культурах Восточной Европы во второй половине I тысячелетия нашей эры. Целенаправленно проведённым исследованием установлено, что «оградки» распространены гораздо шире «погребальных домиков».

DOI: 10.70203/7738.2024.60.82.032

Вариативность характерных черт погребального обряда культуры псковских длинных курганов (далее – КПДК) неоднократно подчёркивалась исследователями [1, с. 16–25; 2, с. 70; 3, с. 17]. Многообразие форм насыпей в одном могильнике, различия в количестве этапов сооружения курганов, расположении и типах погребений являются причинами многочисленных дискуссий относительно культурной и этнической принадлежности изученных памятников [1, с. 36–41; 4, с. 43–46; 5, с. 213–224]. Активная волна полевых исследований, прервавшаяся в начале XXI века, поспособствовала выявлению обширного ареала КПДК. Однако накопленный материал на уровне единой культуры практически не был осмыслен. Выводы о погребальном обряде, полученные на основе изучения памятников локальных зон, нередко экстраполировались рядом исследователей на всю территорию распространения культуры [3, с. 16–17; 5, с. 221–224]. Исключение составляет блок работ Е.Р. Михайловой, посвящённых анализу и систематизации материала по структуре курганов [2; 6]. Выявление т. н. конструктов – составных элементов любого кургана КПДК – является важной вехой в историографии культуры. Между тем обращение к структурному анализу сводилось до сих пор к определению количества этапов сооружения курганов. Однако не менее актуально и изучение разнообразных редких элементов погребального обряда. Одним из таких элементов являются деревянные конструкции.

Несмотря на отсутствие работ по столь узкой проблематике, в историографии существует гипотеза о назначении и происхождении деревянных сооружений. В.Я. Конецкий интерпретировал все конструкции, прослеженные по периметру насыпей подчетырёхугольных форм, как дополнительные укрепления склонов, препятствовавшие их оползанию [5, с. 221–224]. По мнению Владимира Яковлевича, своеобразие четырёхугольной формы генетически связано с «домиками мёртвых» местного финно-угорского населения раннего железного века. Общность идеи «домиков мёртвых» и сооружения курганов КПДК предполагает и С.Г. Попов [7, с. 184]. В целом мнение В.Я. Конецкого о прагматическом использовании конструкций поддерживают многие исследователи [8, с. 15; 9, с. 352; 10]. Однако следует обозначить, что эти выводы сделаны на единичных памятниках, расположенных в определённых микрорегионах, следовательно, они не могут быть применимы ко всему ареалу культуры. Владимир Яковлевич изложил свою гипотезу, основываясь лишь на двух раскопанных курганах в могильнике Квасильниково III, что вынуждает проверить объективность полученных выводов [5, с. 224–225; 11]. Представление результатов проведённого сравнительного анализа известных курганов с предполагаемыми конструкциями – цель данной статьи.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

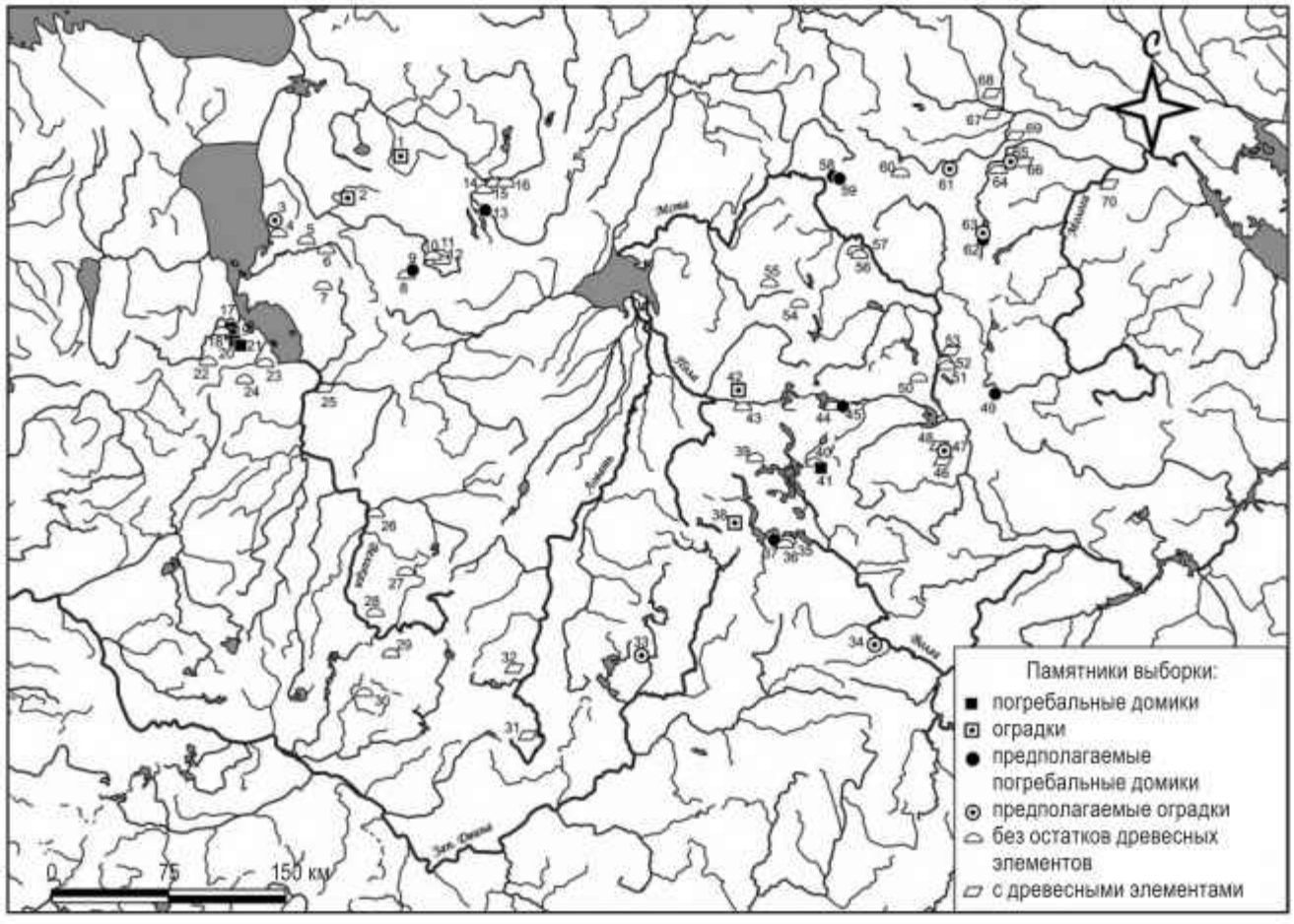

Рис. 1. Карта распространения погребальных памятников КПДК с выявленными деревянными конструкциями.
1 – Засобье II; 2 – Березно I; 3 – Сторожинец; 4 – Залахтовье; 5 – Надозерье-1; 6 – Безьва III; 7 – Совий бор; 8 – Березицы I; 9 – Березицы IV; 10 – Курея I; 11 – Курея II; 12 – Которск XII; 13 – Ранти-Наволок III; 14 – Турово I; 15 – Мерёво III; 16 – Поддубье III; 17 – Лаоссина II; 18 – Лаоссина V; 19 – Рысна-Сааре I; 20 – Рысна-Сааре II; 21 – Сууре-Рысна; 22 – Линдора; 23 – Лезги; 24 – Дуброво; 25 – Ерусалимская; 26 – Михайловское; 27 – Зайцево; 28 – Казихи; 29 – Грицково; 30 – Мыленки; 31 – Жабино; 32 – Полибино; 33 – Дербеш VII; 34 – Струйское; 35 – Девичье 2; 36 – Девичье 4; 37 – Тухачёво 1; 38 – Бервенец-1; 39 – Берёзовский Рядок; 40 – Гринино 1; 41 – Гринино 2; 42 – Липицы IV; 43 – Хозюпино I; 44 – Яблонька 3; 45 – Паршуково III; 46 – Березино; 47 – Шитовичи; 48 – Чамка; 49 – Шихино; 50 – Подол I; 51 – Рыжаково; 52 – Пуйга; 53 – Млёвский Бор; 54 – Заозерье; 55 – Нестеровичи; 56 – Плёсо; 57 – Потерпелицкая V; 58 – Квасильниково III; 59 – Квасильниково IV; 60 – Съезжее; 61 – Стёпаново III; 62 – Раха I; 63 – Раха II; 64 – Левоча-Кабожа; 65 – Усть-Белая IV; 66 – Усть-Белая I; 67 – Варшавский шлюз I; 68 – Варшавский шлюз II; 69 – Любахин I; 70 – Куреваниха III

При проведении исследования мной были проанализированы 300 курганов, расположенных в 70 могильниках КПДК (рис. 1). Выборка охватила памятники, раскопанные исключительно «на снос», для чистоты результатов. Всего наличие каких-либо древесных остатков (плах, брёвен, углистых полос и пятен, отпечатков брёвен) и столбовых ям (т. е. любое свидетельство наличия дерева в слое) выявлено в 72 курганах 36 могильников. Их распространение не имеет какой-либо пространственной или хронологической зависимости. Однако далеко не во всех этих памятниках деревянные элементы имеют закономерности расположения, что препятствует их интерпретации как сооружений.

Для разрешения проблемы из общей выборки мной были выделены памятники, обладавшие самой лучшей сохранностью и информативностью, – это 9 курганов: курган 11 Лаоссина II [12, с. 96, 118], курган 1 Рысна-Сааре I [12, с. 98, 118], курган 6 Рысна-Сааре II [12, с. 101, 118], курган 7 Сууре-Рысна [12, с. 102, 118], курган 2 Засобье II [13], курган 13 Березно I [14], курган 2 Гринино 2 [15], курган 4 Липицы IV [16], курган 1 Бервенец-1[1]. Во всех из них прослеживается чёткий контур деревянных конструкций, выстраивающихся в определённую систему (геометрическую форму). По отношению к другим памятникам они являются эталонными.

[1] Выражаю благодарность М.В. Добровольской и А.Л. Смирнову за возможность использования неопубликованных материалов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Примечательно, что по характеристикам формы, размера, положению в насыпи, конструктивным особенностям, взаимосвязи с погребениями и функциональному назначению перечисленные сооружения чётко разделяются на два типа: «оградки» (курганы 2 Засобье II, 13 Березно I, 4 Липицы IV, 1 Бервенец-1) и «погребальные домики» (курганы 11 Лаоссина II, 1 Рысна-Сааре I, 6 Рысна-Сааре II, 7 Сууре-Рысна, 2 Гринино 2).

«Оградки» расположены по периметру кургана, подчёркивая контур и форму насыпи. Известны сооружения подчетырёхугольной (первичная насыпь кургана 2 Засобье II, курган 1 Бервенец-1), округлой (завершённый насыпкой курган 2 Засобье II, курган 4 Липицы IV), многоугольной или «сотообразной» формы (курган 13 Березно I). Их конструктивной особенностью и главным опознавательным признаком является размещение в специально вырытой замкнутой «канавке», противопоставленной основному рву (курганы 4 Липицы IV, 1 Бервенец-1) или выкопанной в донной части рвов (курган 2 Засобье II) и рвов-подрезок (курган 13 Березно I). В отличие от ровика «канавка» является дополнительным элементом и указывает на второстепенный характер конструкции по отношению к основным составляющим погребального обряда КПДК. Её наличие не исключает необходимости создания основного рва вокруг насыпи (рис. 2, 3, 4). Особо хорошо эта идея прослеживается на курганах с прерывистыми ровиками, где вытянутые ямки вдоль сторон насыпи выполняют функции рва, а «канавка» служит исключительно для размещения конструкции (курган 1 Бервенец-1).

«Оградки» известны как столбовые (курганы 4 Липицы IV, 1 Бервенец-1), так и срубные или срубно-столбовые (курганы 13 Березно I, 2 Засобье II). Их высота остаётся неизвестной в силу плохой сохранности материала. «Оградки» связаны не с погребениями и конкретными индивидами, а с телом насыпи и его внешними характеристиками. Любопытна в этом отношении строительная история кургана 2 Засобье II (рис. 2) [13, с. 101–105]. Первичный курган имел подчетырёхугольную форму, подчёркнутую рвом и «оградкой», следы которой, несмотря на её преднамеренное извлечение при продолжении строительства насыпи, хорошо прослеживались. На финальной стадии округлый курган, контуры которого надёжно реконструируются формой рва и остатками «оградки», полностью перекрыл насыпь предшествующего этапа. Это единственный известный курган, в котором прослежены конструкции по периметру для двух этапов строительства насыпи. Соответственно, «оградки» маркируют определённые курганы на разных периодах сооружения.

В противовес деревянным конструкциям первого типа «погребальные домики» не соотносятся с архитектурой кургана, а маркируют определённое погребение или целую группу захоронений. В их пределах фиксируется заполнение из тёмно-серой или тёмно-коричневой супеси, насыщенной углями и древесными остатками. Они занимают различное положение в планиграфии кургана. Постройка в кургане 11 Лаоссина II размещена в геометрическом центре, формируя своеобразную композиционную модель: все прочие – «внешние» – захоронения концентрировались вокруг неё и помещённых внутри погребений (рис. 5). Однако известен и обратный сценарий в кургане 2 Гринино 2: к центральному погребению без следов конструкции тяготели захоронения в деревянном сооружении (рис. 6). В курганах 6 Рысна-Сааре II и 7 Сууре-Рысна постройки с погребением расположены на окраине длинных насыпей, практически никак не влияя на заданную систему размещения остальных захоронений [12, с. 101–102, 118]. Примечательно положение деревянного сооружения в ровике между площадками длинного кургана соседнего могильника Рысна-Сааре I (рис. 7). Таким образом, «погребальные домики», вероятно, являются дополнительным типом вместилища кремированных останков, подобно захоронениям в туесках и урнах, известных ранее. Они полностью вписываются в традиции погребального обряда КПДК, но выступают его редким элементом. Любопытно, что состав инвентаря этих захоронений и его количество мало чем примечательны. Напротив, соседние погребения без дополнительных вместилищ оказываются представительнее. Соответственно, связывать деревянные сооружения этого типа с элитарным признаком не представляется возможным.

Из общей выборки выделяются памятники, которые согласуются с концепциями «оградок» и «погребальных домиков», но не отвечают одному или нескольким выделенным признакам. В курганах 11 Тухачёво 1 [17, с. 172], 10 Квасильниково IV [18] и 6 Квасильниково III [11, с. 31–33] фиксируется чёткий четырёхугольный контур построек небольшого размера. Однако в их пределах не обнаружены явные погребения и отличающийся по цвету и насыщенности древесными остатками грунт в заполнении. Напротив, в курганах 21 Рапти-Наволок III [19] и 6 Раха I [20] погребения найдены между остатками двух параллельно лежащих плах, в зоне тёмно-углистых пятен. Тем не менее по причине отсутствия явных подпрямоугольных контуров эти объекты нельзя отнести к сооружениям. Аналогичная ситуация прослежена и в кургане 1 Паршуково III, где размещение плах не позволяет говорить о наличии постройки, а отсутствие захоронения в их пределах – и о погребальном характере конструкции [21]. Отсутствие чётких четырёхугольных контуров характерно и для углистых пятен, выявленных в курганах 27 и 28 могильника Шихино [22]. Не отмечено в пределах очерченного ими пространства и особое заполнение, отличавшееся от остального грунта основания насыпи. Другие же признаки присутствуют, но интерпретация этих предположительных конструкций как «погребальных домиков» крайне сомнительна. Особняком в этом ряду стоит сооружение кургана 1 Березицы VI [23, с. 122–124]. Оно по всем признакам соответствует эталонным памятникам, однако по причине плохой сохранности деревянных плах четырёхугольный контур и размер погребальной постройки реконструируются лишь гипотетически. Следовательно, этот объект не может быть причислен к эталонным.

Предположительно конструкции типа «оградка» выявлены в 13 курганах. По всем характеристикам остатки «сотообразного» сооружения в кургане 17 могильника Березно I идентичны «оградке» эталонного кургана № 13 [14]. Различие между ними состоит только в степени сохранности деревянных элементов, которые в кургане № 17 прослежены исключительно в юго-западной части «канавки», а не по всему её периметру. В курганах 7 Сторожинец [24, с. 76–81], 2 и 6 Рысна-Сааре I [12, с. 98, 118], 18 и 3 Березно I [8, с. 10–14, 37–39],

Объединенный музей

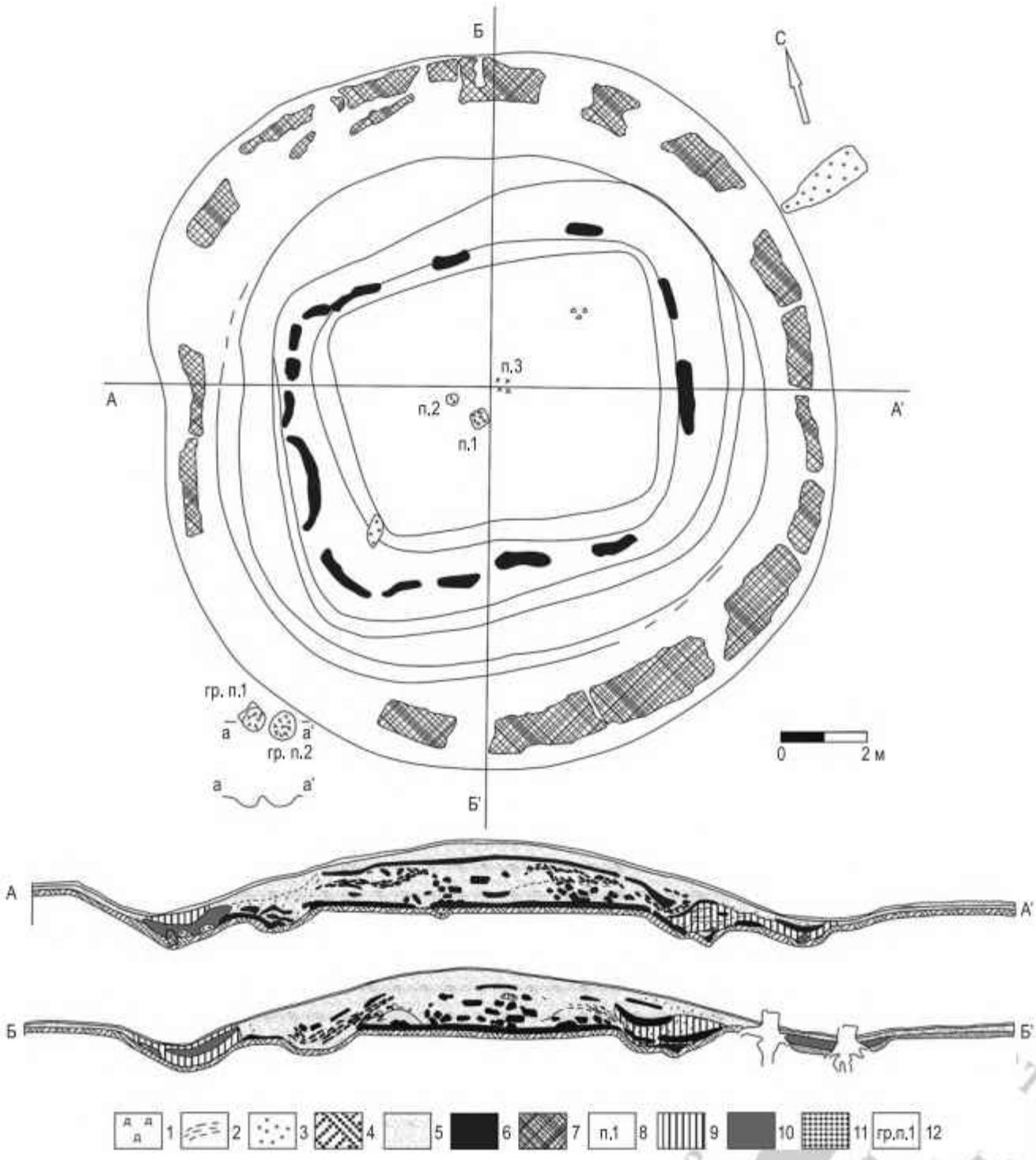

Рис. 2. Сводный план кургана 2 Засобье II [13, рис. 18].

Условные обозначения: 1 – дёрн; 2 – наброс белёсого песка; 3 – угли; 4 – материк; 5 – жёлтый песок; 6 – погребённый дёрн (на стратиграфии) / отпечатки погребённого дёрна в заполнении рва (на планиграфии); 7 – древесный тлен; 8 – номер погребения в кургане; 9 – серовато-жёлтый песок; 10 – серый гумусированный песок; 11 – погребение; 12 – номер грунтового погребения

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

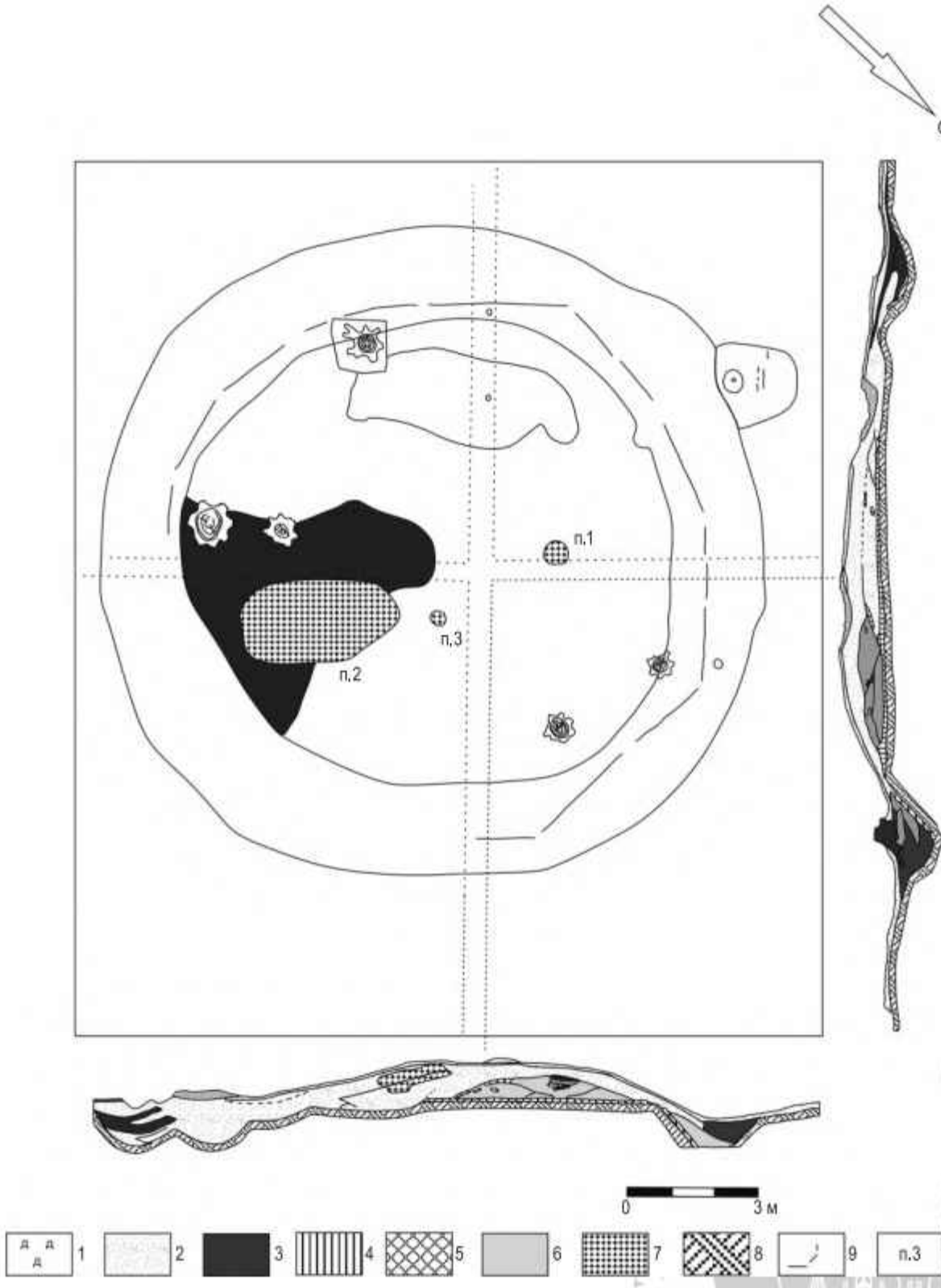

Рис. 3. Сводный план кургана 13 Березно I [14, рис. 28].

Условные обозначения: 1 – дёрн; 2 – жёлтый песок; 3 – тёмно-серый гумусированный песок; 4 – погребённая почва (серый гумусированный песок); 5 – перекоп; 6 – сероватый слабогумусированный песок; 7 – погребение; 8 – материк; 9 – следы деревянной конструкции (на планиграфии); 10 – номер погребения

ственный объединенный музей

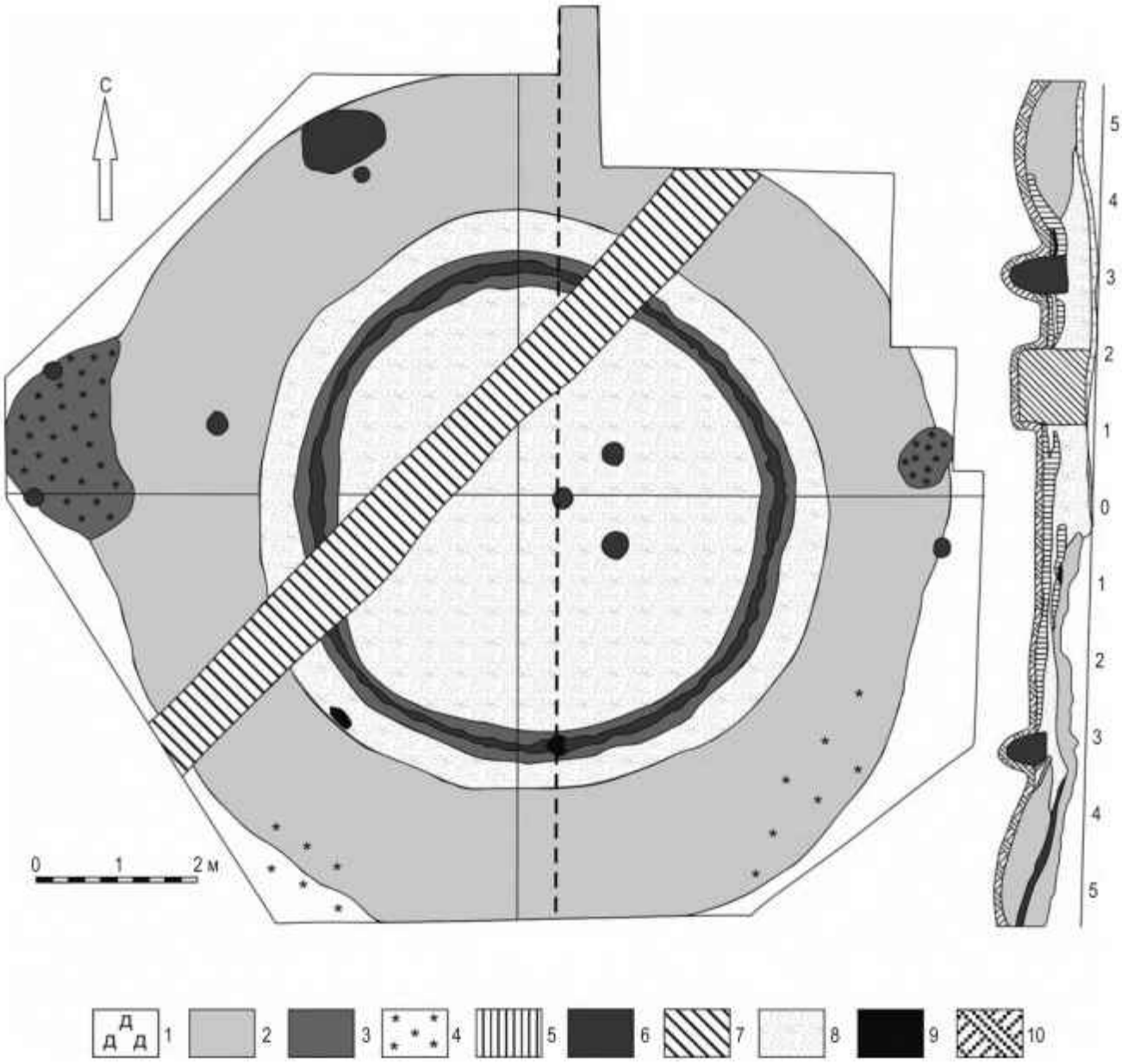

Рис. 4. Сводный план кургана 4 Липицы IV [16, рис. 57].

Условные обозначения: 1 – дёрн; 2 – серая аморфная супесь; 3 – золисто-углистые прослойки; 4 – включения углей; 5 – погребённая почва (тёмно-серая супесь); 6 – углистый слой; 7 – перекоп; 8 – песок; 9 – обугленные плахи; 10 – материк

3 Усть-Белая IV [25], 2 Раха II [20], 7 Квасильниково III [11, с. 34–36] частичная сохранность древесных остатков осложнена отсутствием главного признака – специально вырытой «канавки» для установки конструкции. Не прослежены следы «канавки» и в трёх курганах подчетырёхугольной формы с прерывистыми ровиками: курганы 6 Усть-Белая IV [25], 47 и 48 Стёпаново III [26; 27]. Деревянные плахи и древесный тлен обнаружены в контексте вытянутых вдоль сторон курганов рвов. По предположению авторов раскопок, некогда эти плахи поддерживали насыпь курганов по периметру, а по прошествии времени обрушились и сползли во рвы [25–27]. Однако реконструировать их форму, конструкцию и функциональное назначение практически не представляется возможным в силу плохой сохранности материала. Все предпринятые реконструкции и доводы остаются лишь гипотетическими и не предоставляют на данный момент новых сведений о традиции сооружения «оградок». Предположительно столбовые конструкции были установлены по периметру курганов 60 могильника Шитовичи [28, с. 56] и 5 Усть-Белая IV [25], но отсутствие «канавки» и чёткого ритма расположения столбовых ям не позволяет уверенно идентифицировать их как «оградки».

Объединенный музей

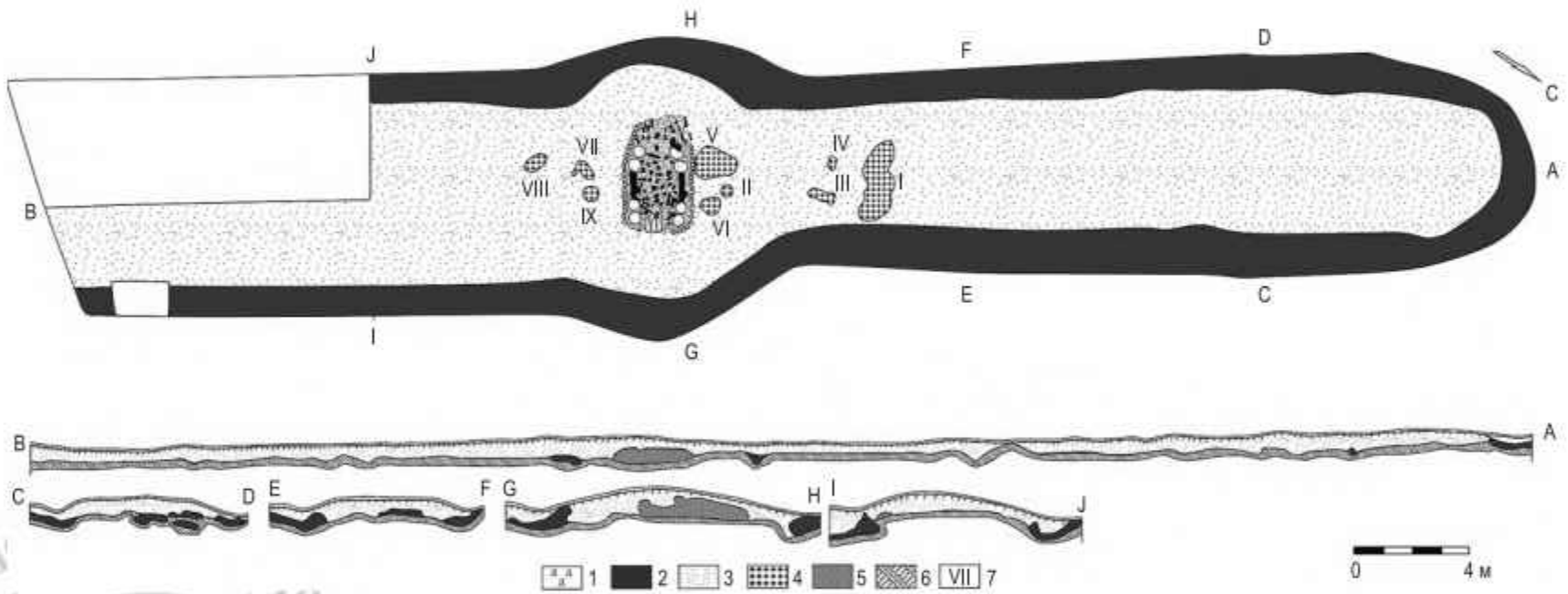

Рис. 5. Сводный план кургана 11 Лаоссина II [12, рис. 37].

Условные обозначения: 1 – дёрн; 2 – углистый песок; 3 – смешанный жёлтый песок; 4 – погребение; 5 – перегорелый песок; 6 – материк; 7 – номер погребения

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖНЫЙ МУЗЕЙ

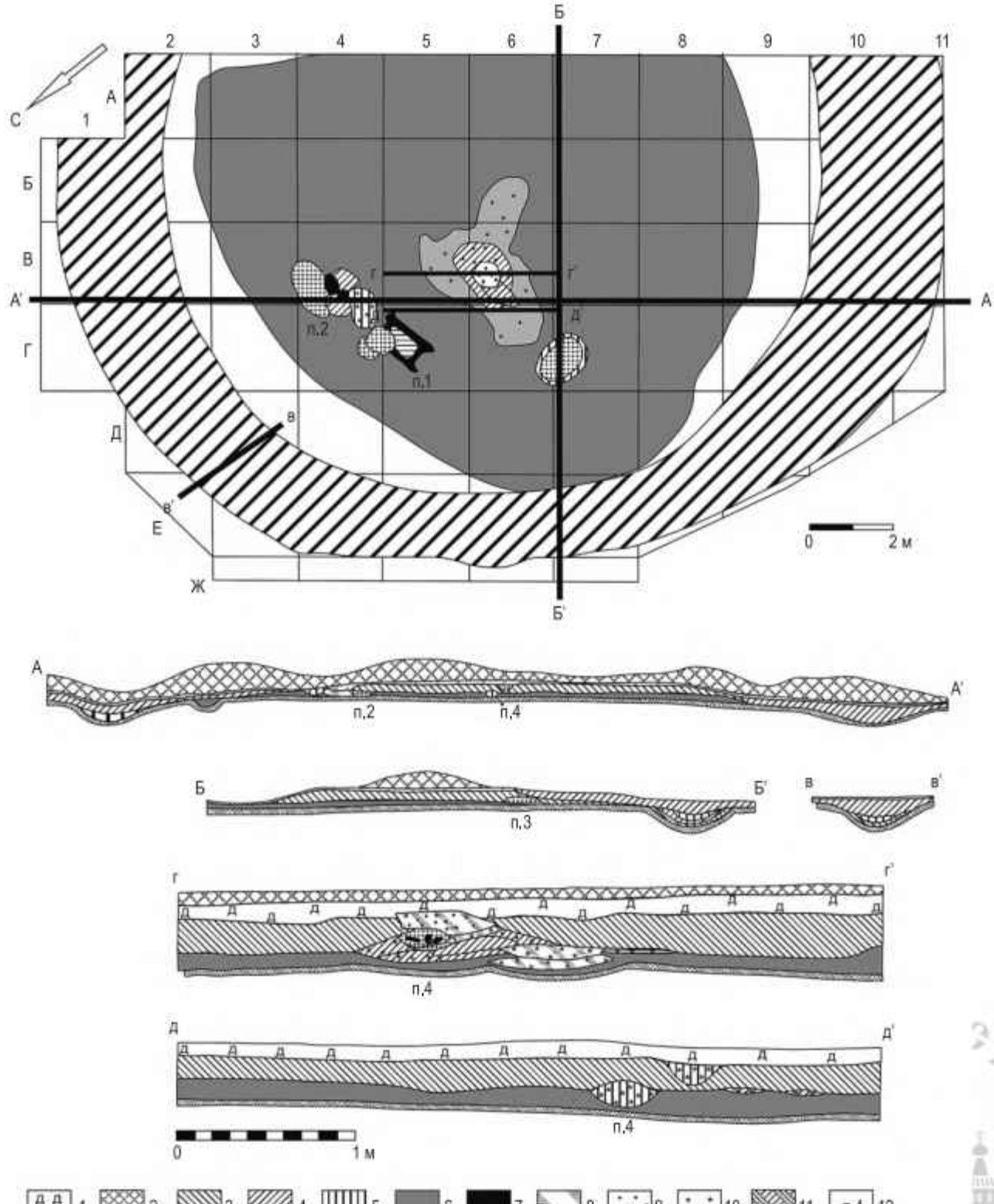

Рис. 6. Сводный план кургана 2 Гринино 2 [15, рис. 8, 9].

Условные обозначения: 1 – дёрн; 2 – перекоп; 3 – светло-коричневый песок; 4 – коричневый песок; 5 – тёмно-коричневый песок; 6 – подзол; 7 – остатки срубного сооружения; 8 – серый золистый песок; 9 – кальцинированные кости; 10 – уголь; 11 – материк; 12 – номер погребения

ственный объединенный музей

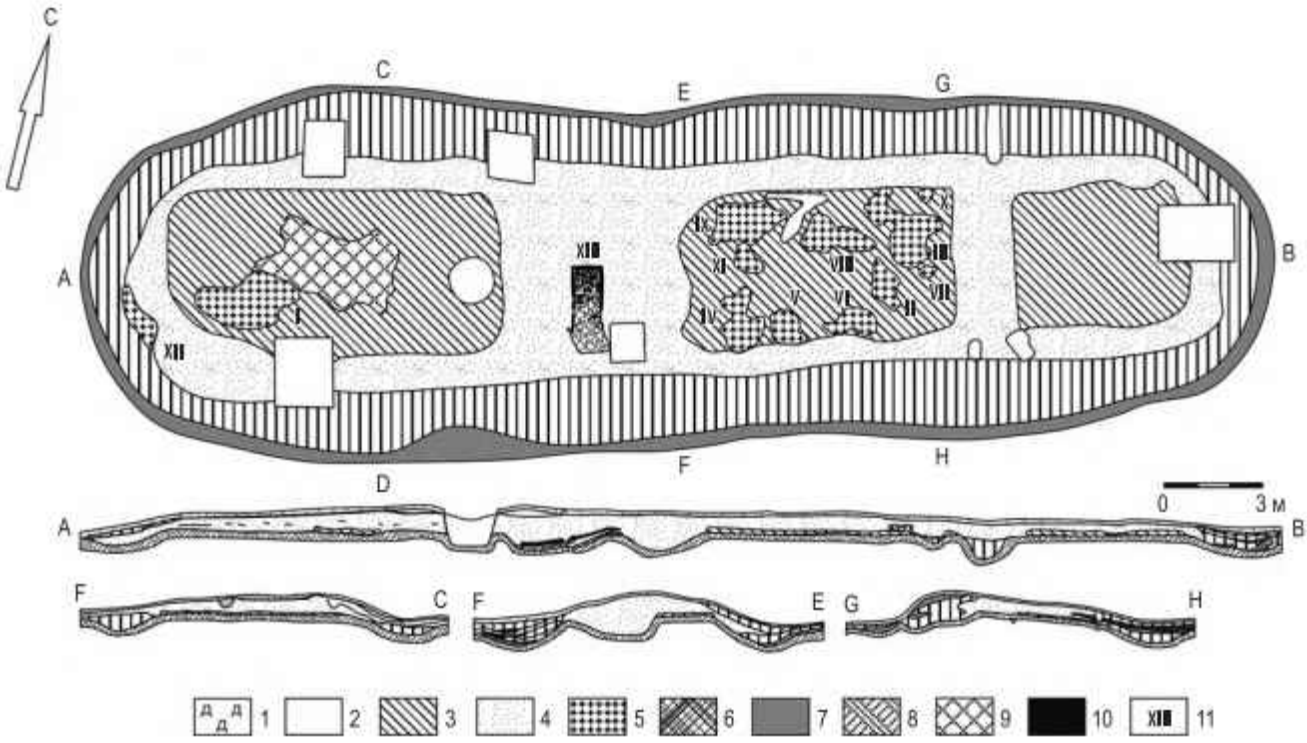

Рис. 7. Сводный план кургана 1 Рысна-Сааре I [12, рис. 39].

Условные обозначения: 1 – дёрн; 2 – грабительские ямы; 3 – погребённая почва; 4 – смешанный жёлтый песок; 5 – погребение; 6 – углистый песок; 7 – красновато-бурый песок; 8 – материк; 9 – пережжённый песок; 10 – обгорелые брёвна; 11 – номер погребения

В оставшихся 40 курганах 13 могильников деревянные элементы представлены бессистемно расположенными плашками, брёвнами, столбовыми ямами, углистыми пятнами, назначение которых остаётся неясным. Они не отвечают выделенным признакам и не подходят под определения ни «оградок», ни «погребальных домиков». Некоторые из них имеют общие черты и образуют отдельные группы.

1. Единичные плахи и брёвна на площадках курганов. Под насыпями курганов 8 Сууре-Рысна [12, с. 104], 17 Чамка [29], 15 Куреваниха III [30] выявлены единичные обугленные брёвна и плахи, без сопровождения каких-либо других погребальных элементов. Они расположены на площадке, в основании кургана, на достаточно значительном расстоянии от погребений. Соответственно, выявленная группа деревянных элементов не может быть отождествлена с погребальными постройками.

2. Столбовые конструкции в курганах без погребений. К ним относятся два кургана – 1 Яблонька 3 [31] и 2 Паршуково III [21]. Оба кургана имели полусферическую форму. В первом случае столбовые ямы были зафиксированы на перемычках двух рядов прерывистых рвов, которые наравне со стратиграфией указывают на существование двух строительных периодов кургана, несмотря на отсутствие погребения. В кургане III Паршуковского могильника, сооружённого в один этап, столбовые ямы располагаются по периметру прямоугольника со сторонами 5,5×4,5 м. Однако захоронения в этом кургане также не найдены. Назначение подобного рода насыпей остаётся неизвестным.

3. Бессистемно расположенные обугленные плахи и брёвна в зоне тёмно-углистых пятен в основании или в насыпи курганов. Деревянные элементы такого типа встречаются в курганах могильников Шихино (№№ 6, 9а, 11, 12, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 26) [22; 32–35], Березно I (№№ 1, 8, 15) [8, с. 16, 21], Березино (№ 7) [33], Млёвский бор (№№ 1, 23) [35], Полибино (№№ 2, 3) [36, с. 278–287], Жабино (№№ 1–5) [36, с. 266–270], Ерусалимская (№ 3) [37], Усть-Белая IV (№ 4) [25], Раха I (№ 7) [38], Любахин I (№№ 1, 4) [25], Засобье II (№ 3) [13, с. 99–101], Варшавский шлюз I (№ 5), II (№№ 4, 7) [30]. Отсутствие какой-либо системы в размещении, но прямая корреляция с углистыми пятнами и обугленный характер древесины позволяют предполагать их иное, неконструктивное предназначение.

Отдельного комментария заслуживают две плахи, лежавшие под углом друг к другу, в кургане 3 могильника Усть-Белая I [10]. Исходя из их обособленного положения от групп погребений, наличия ямы в материке с предметами дьяковской культуры, соотнесение обнаруженного угла сооружения с погребальным обрядом КПДК весьма спорно. Вероятно, по словам А.Н. Башенькина, более поздняя курганная насыпь перекрыла остатки постройки поселения раннего железного века [10].

Объединенный музей

Таким образом, по своему назначению деревянные конструкции в погребальном обряде КПДК подразделяются на три группы: 1) «оградки», 2) «погребальные домики», 3) «деревянные элементы неизвестного назначения» (3 подгруппы).

«Оградки» и «погребальные домики» встречаются в курганах разных форм. Отнюдь не все насыпи четырёхугольной формы были обнесены «оградкой», что опровергает гипотезу В.Я. Конецкого. Среди выявленных эталонных по степени сохранности материала и информативности памятников известны и многоугольные («сотообразные»), и округлые конструкции. Особо примечателен курган № 2 Засобье II, строительная история которого указывает на возможность изменения формы насыпи и конструкции по её периметру. Следовательно, «оградка» выступает дополнительным, второстепенным погребальным элементом, вероятно, маркирующим определённые курганы.

География распространения курганов с «оградками» довольно обширна как в пределах ареала КПДК, так и вне его. Известны подобные сооружения в курганных (Кветунь-Макорзно, Колос) [39, с. 91–93; 40, с. 366–370] и бескурганных (Картамышево II) [41] могильниках колочинской культуры, в курганах пражской культуры (Мирополь) [42], культуры смоленско-полоцких длинных курганов (Акатово, Торопецкий II могильник и др.) [43, с. 61–64; 44], мощинской культуры (Горячево-Дюкино) [45], древностях, заполнявших хронологическую лакуну между позднедьяковским и славянским населением на Средней Оке (Щурово) [46]. В роменской и боршевской культурах известны исключительно столбовые «оградки» и нередко в сочетании с наземными погребальными камерами [47, с. 151–180]. Эта характеристика является их особенностью по сравнению с другими культурами, где «оградки» и «погребальные домики» представлены обособленно друг от друга. Любопытно, что нижняя граница появления «оградок» в погребальных памятниках Восточной Европы варьирует в пределах сер. – 3-й четв. I тыс. н. э., что прослежено по памятникам КПДК, колочинской и пражской культур. Начиная с VIII века курганы с «оградками» распространяются шире. Истоки же этой традиции остаются пока неизвестными.

Напротив, «погребальные домики» встречаются гораздо реже. Из 5 эталонных памятников этого типа четыре расположены в особом микрорегионе культуры – на западном побережье Псковского озера в Юго-Восточной Эстонии. Второй центр – зона Верхневолжских озёр. Для всех прочих микрорегионов КПДК эта традиция крайне спорна. Стоит отметить, что эстонские погребальные постройки имеют ряд конструктивных особенностей. У двух из них зафиксировано наличие перегородки, разделяющей сооружения на 2 части [12, табл. XLVI], а у постройки из Лаоссина II прослежена сложная, двухкамерная конструкция стен (рис. 5). По сравнению с западными аналогиями верхневолжский «погребальных домик» имеет более упрощённый вид. Версии о происхождении этой традиции также пока отсутствуют. Примечательно, что подобные сооружения не известны в других культурах Восточной Европы. Не получают они развития и в дальнейшем, при распространении подкурганного обряда захоронения на широкой территории. Камеры курганов роменской и боршевской культур, несмотря на наземный характер построек, всё же не являлись точными аналогиями сооружений КПДК. Кроме того, положение, конструктивные особенности и форма камер в славянских курганах имели более регламентированный, унифицированный характер, в то время как для древностей круга псковских длинных курганов наблюдается бóльшая вариативность. Примечательно, что в культуре смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК) «погребальные домики» тоже не получили распространения. Уверенно связывать с этой традицией можно только срубное сооружение из кургана 3 могильника Озерцо II [48, с. 173–174]. Чем объясняется столь узкий ареал «погребальных домиков» – тема дальнейших исследований.

Заключение

В погребальном обряде культуры псковских длинных курганов (КПДК) дерево использовалось достаточно широко. Однако далеко не все зафиксированные элементы можно связывать с традициями сооружения деревянных конструкций в курганах. Проведённое исследование позволило выявить 9 эталонных памятников относительно хорошей сохранности и информативности. На основе их анализа установлено наличие двух типов деревянных конструкций: «оградки» и «погребальные домики», – различающихся своим назначением и, вероятно, имеющих разное происхождение. Распространение «оградок» зафиксировано гораздо шире ареала КПДК. Таким образом, исследование деревянных сооружений и прочих малоизученных элементов погребального обряда является перспективным в отношении уточнения сведений не только о КПДК, но и о макрокультурных процессах в раннесредневековой Восточной Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Седов В.В.* Длинные курганы кривичей // М., 1974. (САИ. Вып. Е1-8/2). 68 с.
2. *Михайлова Е.Р.* О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 7. Новгород, 1993. С. 70–78.
3. *Носов Е.Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. Вып. 179. М., 1984. С. 11–17.
4. *Носов Е.Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н.э. в Приильменье // СА. 1981. № 1. С. 42–56.
5. *Конецкий В.Я.* К вопросу о формировании культуры длинных курганов // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.). Вып. 11. Новгород, 1997. С. 213–225.
6. *Михайлова Е.Р.* О деталях строения насыпей и структуры некрополей культуры псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. 5. Мінск, 2009. С. 75–88.

7. *Попов С.Г.* К типологии и хронологии некоторых форм насыпей культуры длинных курганов (по материалам могильников Надозерье и Залахтовье) // Записки ИИМК. № 6. СПб., 2011. С. 175–185.
8. *Михайлова Е.Р.* Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Березно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб., 2010. С. 7–54.
9. *Петров Н.И.* Погребальные древности культуры псковских длинных курганов в среднем течении р. Кушавера // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.). Вып. 11. Новгород, 1997. С. 343–354.
10. *Башенькин А.Н.* Отчет Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 1986 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 11418.
11. *Конецкий В.Я. (Новгород), Иванов А.Ю. (Любытино), Торопов С.Е. (Новгород).* Новые исследования памятников культуры длинных курганов в долине р. Белой // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января 1997 г.). Вып. 11. Новгород, 1997. С. 29–36.
12. *Аун М.* Археологические памятники второй половины 1-ого тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин, 1992. 198 с.
13. *Михайлова Е.Р.* Комплекс памятников в урочище Колода близ деревни Засобье // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб., 2010. С. 81–108.
14. *Кузьмин С.Л.* Отчет о раскопках отряда Северо-Западной археологической экспедиции СПбф РНИИ КПН в курганной группе Березно I в Плюсском районе Псковской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23603.
15. *Олейников О.М.* Курганная группа Гринино 2 (Тверская область, Осташковский район) // ТАС. Вып. 9. Тверь, 2013. С. 482–496.
16. *Мильков В.В.* Отчет о проведении раскопок у дд. Хозюпино и Липицы Демянского района и о разведках в Демянском и Валдайском районах Новгородской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12195.
17. *Олейников О.М.* Исследования кургана № 11 курганной группы Тухачево 1 в Селижаровском районе Тверской области в 2001 году // ТАС. Вып. 10. Т. II. Тверь, 2015. С. 156–177.
18. *Конецкий В.Я.* Отчет о проведении археологических раскопок в окрестностях пос. Любытино Новгородской области в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 19606.
19. *Лебедев Г.С.* Отчет о работах Северо-Западной археологической экспедиции ЛГУ 1971 года на Верхней Луге // Архив ИА. Р-1. № 4848.
20. *Пронин Г.Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7843.
21. *Розенфельдт Р.Л.* Отчет об археологической разведке в Валдайском районе Новгородской области и Вышневолоцком районе Калининской области по берегам оз. Шлино и р. Шлины в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3731.
22. *Фехнер М.В.* Отчет о раскопках курганов в 1952 году в Брусовском районе Калининской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 756.
23. Соболев В.Ю. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археологические вести. Вып. 15. СПб., 2008. С. 118–132.
24. *Попов С.Г.* Могильник Сторожинец в Восточном Причудье: курганы с сожжениями (исследования 1988–1990 гг.) // Бюллетень ИИМК РАН. Т. 6. СПб., 2017. С. 75–102.
25. *Башенькин А.Н.* Отчет о раскопках могильников Усть-Белая, Любахин в Чагодощенском районе, курганной группы Бабаево IV в Бабаевском районе, разведках в Бабаевском, Кадуйском, Чагодощенском и Устюженском районах Вологодской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14580.
26. *Петров Н.И.* Отчет о работе II отряда Северо-Западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23430.
27. *Петров Н.И.* Отчет об исследованиях Хвойнинского отряда Новгородской областной экспедиции Института истории материальной культуры РАН в Хвойнинском районе Новгородской области в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22692.
28. *Исланова И.В.* Верхнее Помостье в раннем средневековье. М., 2006. 288 с.
29. *Репман А.Х.* Отчет о раскопке курганов на ручье Чамка в 1955 г. в Вышневолоцком районе Калининской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1144.
30. *Башенькин А.Н.* Отчет о раскопках могильников и поселения у д. Падун Чагодощинского района и у д. Куреваниха Устюженского района Вологодской области, а также разведках в Чагодощенском, Устюженском и Бабаевском районах Вологодской области и Бокситогорском районе Ленинградской области 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14943.
31. *Новиков А.В.* Отчет об охранных археологических раскопках курганной группы Яблонька 3 в Фировском районе Тверской области в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 22688.
32. *Фехнер М.В.* Отчет о раскопках курганной группы близ д. Шихино Удомельского района Калининской области в 1965 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 3098.
33. *Фехнер М.В.* Отчет об археологических раскопках 1966 г. на территории Новгородской и Калининской областей // Архив ИА РАН. Р-1. № 3258.
34. *Фехнер М.В.* Отчет об археологических работах 1967 г. в Калининской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 3566.
35. Фехнер М.В. Отчет о раскопках на территории Калининской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3735.
36. *Станкевич Я.В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Древности северо-западных областей РСФСР. М.; Л., 1960. (МИА. № 76). С. 7–327.
37. *Тюленев В.А.* Отчёт о раскопках курганной группы у д. Ерусалимская Псковского района Пековской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 6655.
38. *Пронин Г.Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 8420.
39. *Артишевская Л.В.* Могильник раннеславянского времени на р. Десне // МИА. № 108. М., 1963. С. 85–96.
40. *Макушников О.А.* Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники в VIII–X вв. // КСИА. Вып. 235. М., 2014. С. 363–380.
41. *Горюнова В.М.* Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимные влияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Труды ИИМК. Т. XI. СПб., 2004. С. 18–28.
42. *Русанова И.П.* Отчет о работе Волынской экспедиции Института археологии АН СССР за 1969 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 4655.
43. *Шмидт Е.А.* Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н.э. // МИА. № 108. М., 1963. С. 51–67.
44. *Лесман Ю.М.* Отчет Вадайского археологического отряда в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6453.
45. *Фролов И.К.* Отчет о работе Калужского и Орловского отрядов. 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6037.

46. *Сыроватко А.С.* Реконструкция погребальных сооружений Щуровского могильника // КСИА. Вып. 224. М., 2010. С. 297–303.
47. *Винников А.З.* Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984. 192 с.
48. *Штыхов Г.В.* Кривичи: по материалам раскопок курганов Северной Белоруссии. Минск, 1992. 191 с.

ФГБОУ «Государственный академический университет гуманитарных наук», Москва

E.O. Chelogaeva

WOODEN STRUCTURES IN THE FUNERARY CULTURAL MONUMENTS OF PSKOV LONG BARROWS

Summary

Wooden structures in the culture of Pskov long barrows have hardly been studied in historiography. Conducting a targeted study based on the analysis of 300 burial mounds of 70 burial grounds revealed the presence of at least two different burial traditions – "fences" and "burial houses". The concept of the first one consists in placing a wooden structure around the perimeter of the mound, in specially dug "grooves". They mark certain mounds or mounds of one of the construction stages. The "funerary houses" on the contrary mark individual burials that were inside these structures. They are probably another receptacle for cremated remains (as well as pots, organic containers). A group of mounds with randomly arranged wooden remains was also identified. However, the functional purpose of the randomly scattered scaffolds on the mound site remains unknown.

Analogies of "funeral houses" and "fences" exist in many cultures of Eastern Europe in the second half of the 1st millennium AD. It has been established that "fences" are much more widespread than "funeral houses".

State Academic University of Humanities,
26, Maronovsky Lane, Moscow, 119049, Russia
E-mail: Chelogaeva2000@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

И.В. Исланова, Е.А. Дементьев, А.Н. Пичугина, С.М. Смирнова

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ У Д. ФЁДОВО ВЫШНЕВОЛОЦКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ (ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ)[1]

В статье анализируется опубликованный и хранящийся в архивах источниковый материал по комплексу погребальных памятников у д. Фёдово, позволяющий существенно дополнить сведения об этих известных объектах. Общепринятое в археологической литературе мнение о почти полном исследовании здесь в 1903 г. Фёдовского грунтового могильника было откорректировано. Публикуются фотографии погребального инвентаря из раскопок 1903 г., хранящиеся в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН. Приводятся сведения и архивные данные о раскопках могильника не только в 1903 г., но и в 1905 г., когда предположительно было вскрыто около 40 могил. Публикуется также информация о рекогносцировочных работах на территории могильника в 1980 г., показавших перспективность дальнейшего изучения остатков этого объекта.

DOI: 10.70203/4045.2024.37.36.033

Археологические объекты у д. Фёдово хорошо известны в научной литературе, прежде всего благодаря проведённым в начале XX в. масштабным раскопкам князя А.А. Ширинского-Шихматова на Фёдовском грунтовом могильнике XI–XII вв. [1; 2, с. 4–19]. Полученные материалы исследований сразу же заинтересовали А.А. Спицына [3]. Отдельные сведения о могильнике и расположенных рядом курганах и сопках были включены в разные своды древностей, причём эти археологические объекты привязаны или к д. Фёдово, или к д. Подшевелиха [4, с. 87; 5, с. 322, 323 (№ 12, 13); 6, с. 127 (№ 461); 7, с. 39 (№ 187); 8, с. 121 (№ 3334), с. 122 (№ 3335)]. Детальному изучению результатов раскопок 1903 г. и погребального обряда Фёдовского могильника были посвящены разделы в диссертационной работе и серия статей В.Я. Конецкого [9; например 10–12]; женский погребальный костюм анализировался И.В. Ислановой [13]. К материалам Фёдовского могильника обращались и обращаются многие исследователи при решении вопросов, связанных с этнокультурной принадлежностью древнерусских захоронений, соотношением грунтовых могильников и жальников [например 14–16]. Однако некоторые материалы остаются неопубликованными, а некоторые сведения остались неизвестными большинству исследователей. Заполнить эти источниковые лакуны – задача данной публикации[2].

Археологический комплекс у д. Фёдово состоит из двух селищ, двух сопок, остатков трёх курганов и грунтового могильника (рис. 1) [8, с. 121–122]. Объекты культурного наследия расположены в 0,5–0,6 км от д. Фёдово Вышневолоцкого района Тверской области на разных берегах р. Боровёнки, правого притока р. Володни (Тубаски), правого притока Верхней Мсты.

Наиболее значимым среди этих памятников, несомненно, является исследованный в начале XX в. древнерусский грунтовый могильник, который до 2022 г. был единственным из выявленных подобных объектов в восточной области Новгородской земли. Остальные известные грунтовые могильники вблизи сопок (Нередицкий, Деревяницкий, Шелгуновкий и др.) зафиксированы в Приильменье [9].

Фёдовский могильник расположен на краю заболоченной поймы коренного правого берега р. Боровёнки (её называют также протокой между озёрами Боровенское и Дивинец) вокруг т. н. Путятинской сопки[3] и частично на насыпях фланговых курганов (восточного и западного от сопки) (рис. 2; 3; 4; 5). Сохранившая-

---

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Панорама историко-культурных процессов на территории Восточной Европы в римское время и эпоху Великого переселения народов по археологическим данным» (№ НИОКТР 122011200267-0).

[2] Вопросы, связанные с анализом элементов погребального обряда, с уточнением хронологии и культурной принадлежности, не входили в задачи настоящей статьи.

[3] Далее при описании сопочных и курганных насыпей будут в основном использоваться наименования И.А. Тихомирова [17].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

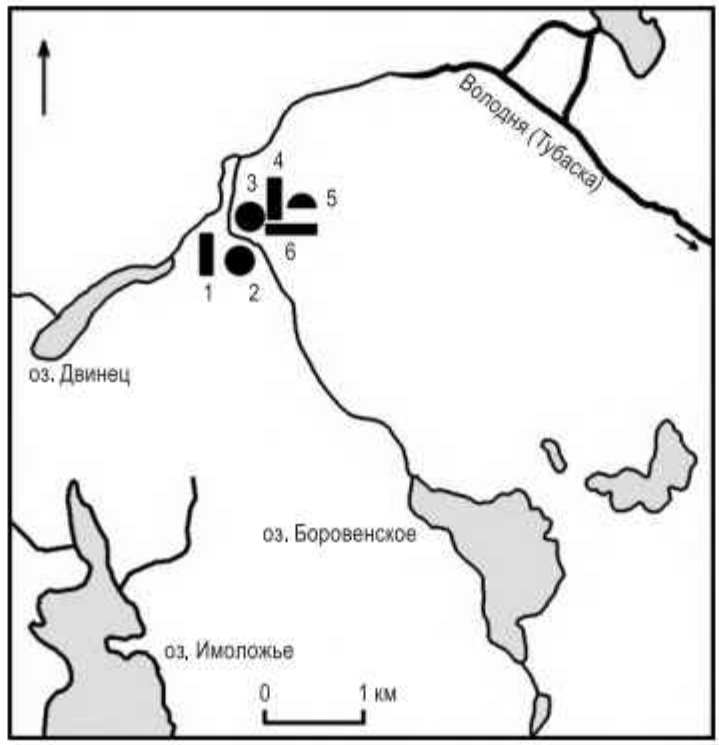

Рис. 1. Схема местоположения археологических объектов у д. Фёдово:
1 – Фёдовская сопка; 2 – селище Фёдово; 3 – селище 2 Фёдово; 4 – Путятинская сопка; 5 – курганы; 6 – грунтовый могильник у сопки

Рис. 2. Погребальный комплекс у д. Фёдово. Вид с востока на остатки восточного флангового кургана (на переднем плане), раскопанные участки Фёдовского могильника и на Путятинскую сопку. 2022 г. Фото Е.А. Дементьева

ся высота сопки – 4,5–5 м, поперечник основания – около 30 м, с юга достаточно чётко фиксируется ровик шириной 2–3 м. В 30 м к северо-западу от сопки находится ещё один полуразрушенный курган – т. н. Малая сопка (рис. 6). Соотношение этой насыпи с грунтовым могильником остаётся неясным. Между этими насыпями в настоящее время расположен карьер глубиной до 4–5 м. Местность задернована, поросла хвойными и лиственными деревьями. Селище 2, связанное с этими погребальными объектами, находится при-

Рис. 3. Путятинская сопка, остатки фланговых курганов и Фёдовского могильника, вид с юга. 1958 г. Фото А.Х. Репмана [27]

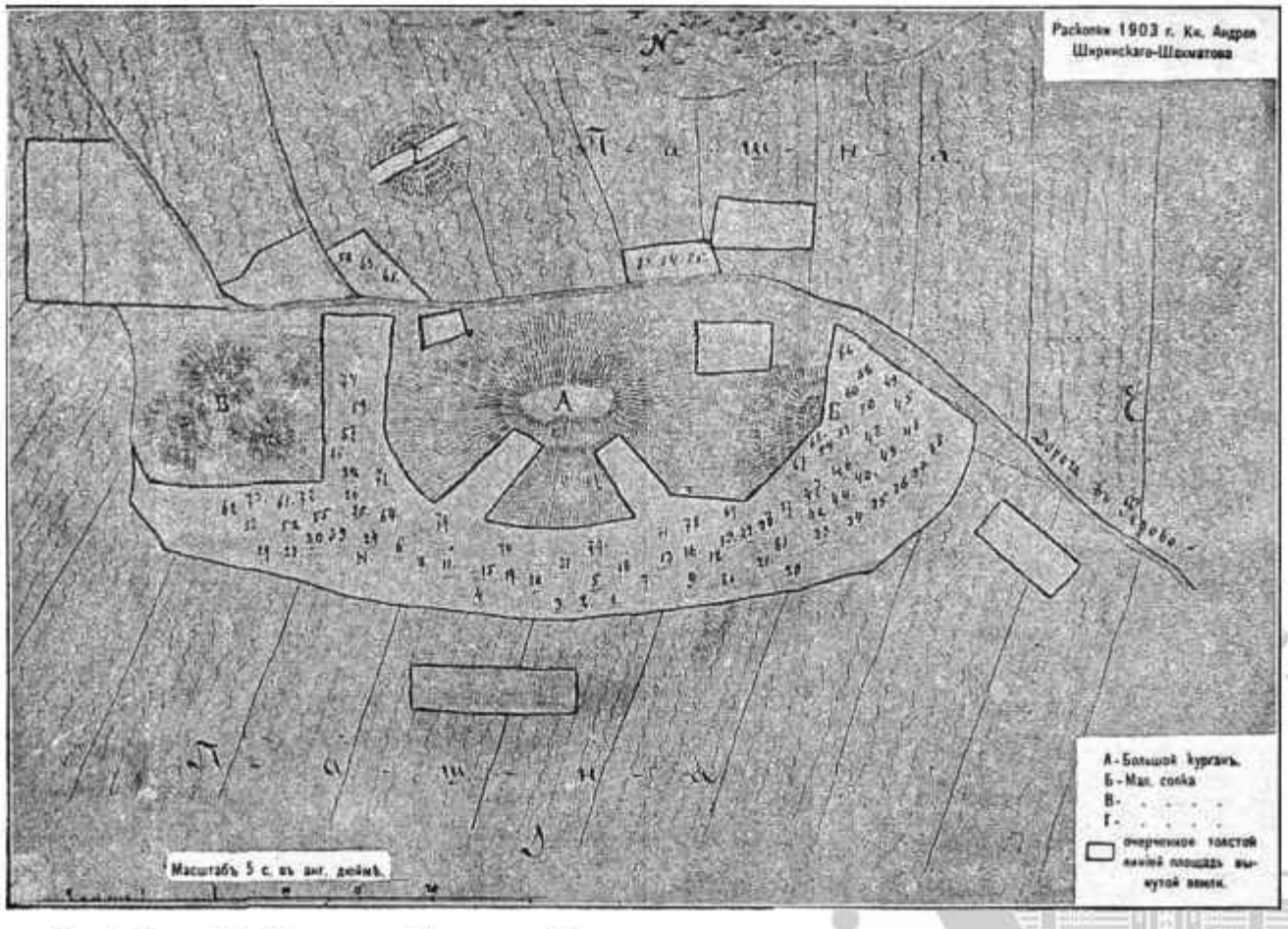

Рис. 4. План А.А. Ширинского-Шихматова Фёдовского могильника, сопок и курганов [1, рис. к стр. 56]: А – Путятинская сопка; Б – восточный фланговый курган; В – западный фланговый курган; Г – малая сопка

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

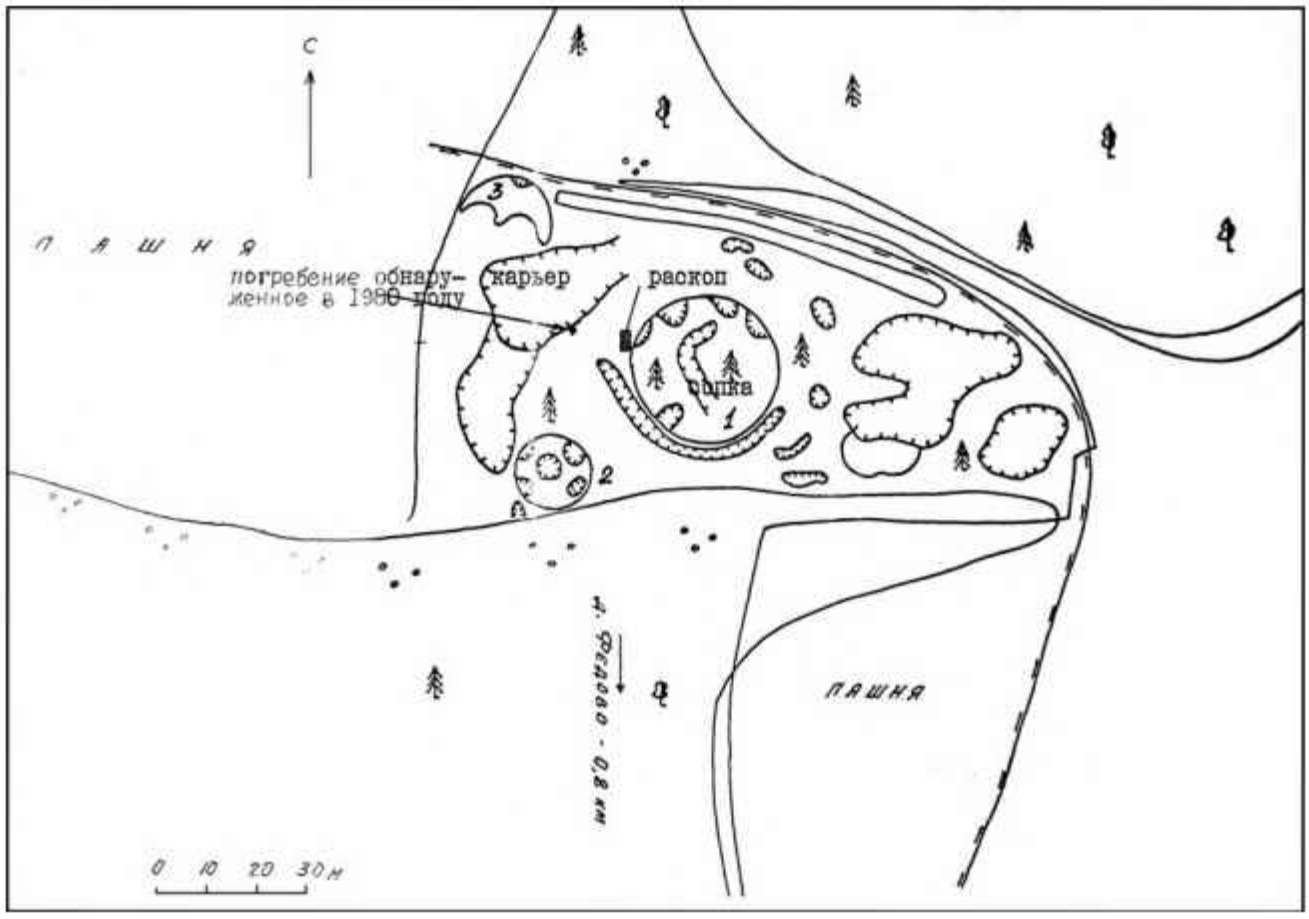

Рис. 5. Глазомерный план 1980 г. Е.В. Бодунова и А.Д. Максимова местоположения Путятинской сопки и остатков курганов и могильника [28]:

1 – Путятинская сопка; 2 – западный фланговый курган; 3 – остатки Малой сопки

Рис. 6. Остатки Малой сопки. 2022 г. Фото Е.А. Дементьева

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 7. Фёдовская сопка (сопка № 2 по А.Х. Репману), вид с юго-запада. 1958 г.
Фото А.Х. Репмана [27, фото № 8]

мерно в 200 м к юго-западу. В XX в. территория вблизи погребального комплекса была занята полями, а теперь поросла борщевиком.

На противоположном берегу р. Боровёнки находится ещё одно селище Фёдово, а через ручей – т. н. Фёдовская сопка, сильно повреждённая ямами на вершине и по склонам (рис. 7). Высота насыпи около 4 м, сохранившийся поперечник основания северо-запад – юго-восток 33×23 м.

Первые сообщения о больших курганах близ д. Фёдово были помещены в своды древностей В.А. Плетнёва, опубликованные в конце XIX и начале XX в. [4, с. 87; 5, с. 322–323]. В 1901 г. во время разведки в верховьях Мсты И.А. Тихомиров осмотрел обозначенные выше сопки и курганы. В публикации он поместил рисунок Фёдовской сопки [17, с. 5–7, рис. 5]. Местные крестьяне сообщили ему, что с северо-восточного склона насыпи брался песок и здесь были найдены человеческие кости и отдельные предметы. А.А. Спицын, опираясь на сведения о находках костяков с вещами и предполагая, что древнерусские грунтовые могильники связаны с сопками, высказался о возможном наличии могильника и у этой сопки [3, с. 1].

Малую сопку И.А. Тихомиров застал уже полуразрушенной: «все бока ее обвалены и песок свезен на дорогу» [17, с. 5]. Крестьяне также рассказали и о раскопках П.А. Путятиным самой большой сопки. При этих работах находок, видимо, не было. В начале XX в. А.А. Ширинский-Шихматов на вершине Путятинской сопки видел «канаву в направлении с юга на север» глубиной около 1,8 м [1, с. 53]. Однако вблизи основания этой сопки в картофельных ямах ещё до работ П.А. Путятина были обнаружены отдельные вещи, в том числе образок и перстень.

Работы А.А. Ширинского-Шихматова в 1903 г.

Раскопки А.А. Ширинского-Шихматова в 1903 г. были непосредственно связаны с проходившим тогда Тверским областным археологическим съездом [3, с. 1]. Опираясь на сведения о местонахождениях вещей, А.А. Ширинский-Шихматов заложил раскоп («канаву») к югу от Путятинской сопки («большого кургана» по А.А. Ширинскому-Шихматову) у её подножия [1, рис. к стр. 56]. 18 августа исследуемый могильник посетили, приняв участие в раскопках, 27 участников Тверского областного археологического съезда [1, с. 55; 3, с. 1; 18, с. LXXXVI]. К этому времени уже были обнаружены три десятка погребений. Затем раскоп был расширен на фланговые курганы, и были вскрыты участки к северу от сопки, где обнаружены единичные погребения, а также заложены две «канавы» на южных склонах сопки, где захоронения отсутствовали (рис. 4).

9 октября 1903 г. на заседании Тверской учёной архивной комиссии (ТУАК) А.А. Ширинским-Шихматовым был представлен отчёт о раскопках могильника с характеристикой конкретных могил и найденного в них инвентаря, который в 1904 г. был опубликован в Журнале ТУАК (Приложение 1) [2, с. 14–19]. В начале 1904 г. отчёт о раскопках могильника, «а также предметы, найденные при раскопках, план раскопок и вид местности» поступили в Императорскую Археологическую комиссию (далее – АК) и, судя по записи на полях сопроводительного документа, направлены А.А. Спицыну [19, л. 39].

Отчёт, идентичный изданному ТУАК, вышел в Трудах Тверского съезда [1, с. 53–62]. Здесь появились и две иллюстрации: рисунок А.А. Ширинского-Шихматова вида на могильник и план погребального комп-

лекса с раскопами и местами исследованных пронумерованных могил (рис. 4) [1, рис. к стр. 54 и к стр. 56]. Именно на публикацию в Трудах съезда и рукопись отчёта, хранящуюся в архиве ИИМК [19, л. 41–46 об.], в дальнейшем и ссылались исследователи, изучавшие древнерусские могильники и анализировавшие элементы погребального обряда в Фёдовском некрополе.

Следует отметить наличие противоречивых сведений о количестве вскрытых в 1903 г. могил. Дело в том, что в текстах отчёта и в ТУАК, и в Трудах съезда указано: «всех могил обнаружено 85 штук» [1, с. 55; 2, с. 7], однако далее в дневнике дано подробное описание только 84 могил [1, с. 62; 2, с. 19]. Все последующие исследователи анализировали только 84 могилы.

В письме-запросе, присланном в АК, была указана просьба ТУАК «возвратить предметы из раскопок Фёдовского могильника, план раскопок и вид местности», так как А.А. Ширинский-Шихматов собирался прочесть доклад о раскопках в Московском археологическом обществе [19, л. 39, 39 об.][4].

Действительно, в начале февраля 1904 г. отчёт, план могильника и рисунок местности были возвращены в Тверь, а погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. был задержан на время устраиваемой «ежегодной Выставки». Видимо, поэтому предметы 1903 г. и прошли определённую камеральную обработку. Вещи «нашивались на таблицы», а также была проведена прекрасная фотофиксация, судя по сохранившимся в Фотоотделе Научного архива ИИМК снимкам 11 планшетов (рис. 8–18) [19]. До того как эти вещи были сданы в музей, по всей видимости, их изучил и А.А. Спицын. Судя по его почерку на прикреплённых к предметам бирках (это отметил В.Я. Конецкий [10, с. 90]), А.А. Спицын и произвёл первичную обработку коллекции, распределив (правда, не всегда точно) предметы по комплексам. Он также опубликовал рисунки некоторых предметов (рис. 19) и проанализировал вещевой состав, завершив описание раскопок на могильнике словами: «повидимому, могильник исчерпан» [3, с. 1].

В письме АК в ТУАК от 9 февраля 1904 г. была оговорка: если А.А. Ширинский-Шихматов «пожелает получить коллекцию, то она может быть в скором времени выслана» [19, л. 40, 40 об.]. Остаётся неясным, когда вещи были возвращены в Тверь. Возможно, «картоны с прикрепленными предметами» потом находились какое-то время у А.А. Ширинского-Шихматова и, судя по записи в Книге поступлений Тверского музея (далее Книга поступлений) и публикации этих поступлений, инвентарь раскопок 1903 г. был принят в Тверской музей только в 1906 г. (Приложения 2 и 3) [20, л. 350–358 об.; 21, л. 17–21].

Работы А.А. Ширинского-Шихматова в 1905 г.

В 1905 г. А.А. Ширинский-Шихматов продолжил раскопки Фёдовского могильника. Следует отметить, что все последующие археологи, изучавшие и упоминавшие фёдовские материалы, ничего не сообщают ни об этих работах, ни о вещевых комплексах 1905 г. Однако коллекция погребального инвентаря, полученная при раскопках 1905 г., также была сдана в Тверской музей. Сведения об этом имеются в опубликованном Журнале сотого заседания ТУАК от 27 февраля 1906 г. под пунктом 9 (далее – Журнал ТУАК) [22, с. 3, 42, 43]. Здесь сообщается, что обсуждался вопрос приёмки в Тверской музей присланных А.А. Ширинским-Шихматовым 325 предметов из раскопок 1905 г., и опубликован список этих вещей по категориям с указанием их общего количества, но без распределения по могилам (Приложение 1). Члены ТУАК «постановили поместить эти предметы в музей» и выразили признательность А.А. Ширинскому-Шихматову [22, с. 43].

О том, что работы на Фёдовском могильнике проводились не только в 1903 г., но и в 1905 г. и все вещевые артефакты были приняты на хранение в Тверской музей в 1906 г., существуют подтверждения в сборнике «Тверской музей и его приобретения»[5] и рукописной Книге поступлений (Приложения 2, 3) [21, с. 17–21; 20, л. 350 об. – 357 об.]. Коллекции предметов из Фёдовского могильника находились в отдельной комнате во второй витрине, о чём есть запись в примечании к Книге поступлений: «Комната Ширинского Шихматова, 2 витр.», «К. Ш. Ш., 2 витрина» [20, л. 351, 352]. Также в примечании обозначено, что «Цифры стоящие за названием предметов указывают № кургана». Действительно, в этой описи поступивших предметов 1903 г. ошибочно указываются курганы, а не могилы.

Следует отметить, что в Книге поступлений и в её публикации приведены не такие детальные и информативные списки вещей, какие были в опубликованном дневнике раскопок 1903 г. [1, с. 58–62; 2, с. 12–19] и в публикации заседания ТУАК 1906 г. [20, с. 42–43]. Вещи из раскопок 1903 г. перечислены под номерами 10953–10969, а из раскопок 1905 г. – под номерами 10970–10979. При этом нескольким предметам из нескольких погребений дан общий номер. Для вещей 1903 г. указано, из каких они происходят могил («курганов»); для вещей 1905 г. – ссылки на номера могил отсутствуют (Приложения 1–3). Наверное, таких обозначений и бирок не было и на сданных на хранение предметах. Вещи в рукописной и опубликованной описях также перечислены суммарно и в некоторых случаях без указания их количества, хотя в Журнале ТУАК такие сведения, как правило, имеются: например, для височных колец и фрагментов колец.

Необходимо отметить, что в рукописной Книге поступлений сделана правка года при записи коллекции раскопок 1905 г. (Приложение 3). По-видимому, первоначально хранитель ошибся с датой, так как вещи из раскопок 1905 г. поступили в 1906 г. [20, л. 356 об.].

---

[4] Приносим глубокую признательность Н.И. Платоновой за содействие в публикации материалов, сохранённых в Научном архиве ИИМК.

[5] Приносим благодарность Ю.В. Степановой за содействие в публикации Приложения 2.

Рис. 8. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 5 (цепь с коньком – неверный номер на бирке), 7, 8, 9 [Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8988]

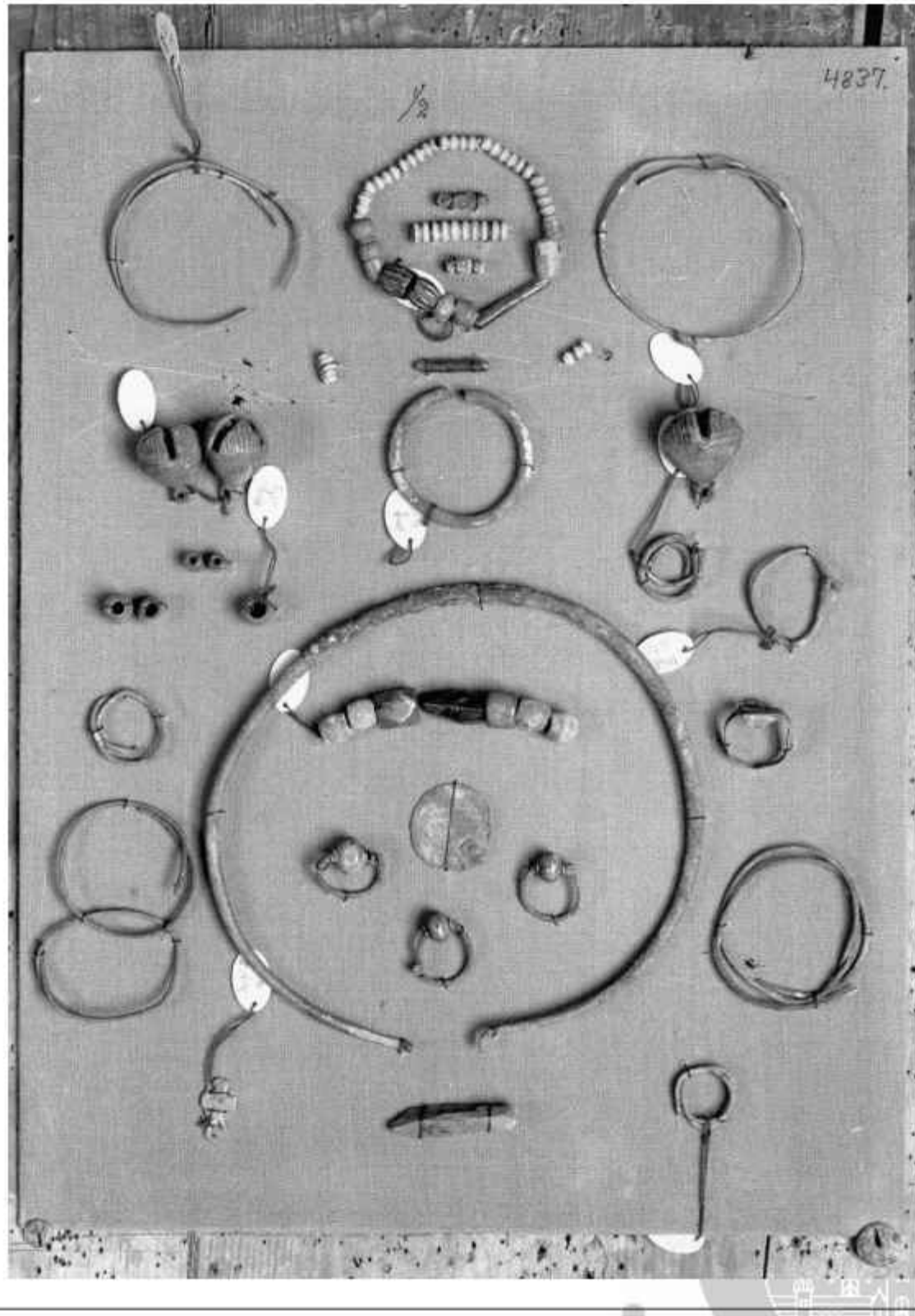

Рис. 9. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 26, 27, 28
[Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8989]

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

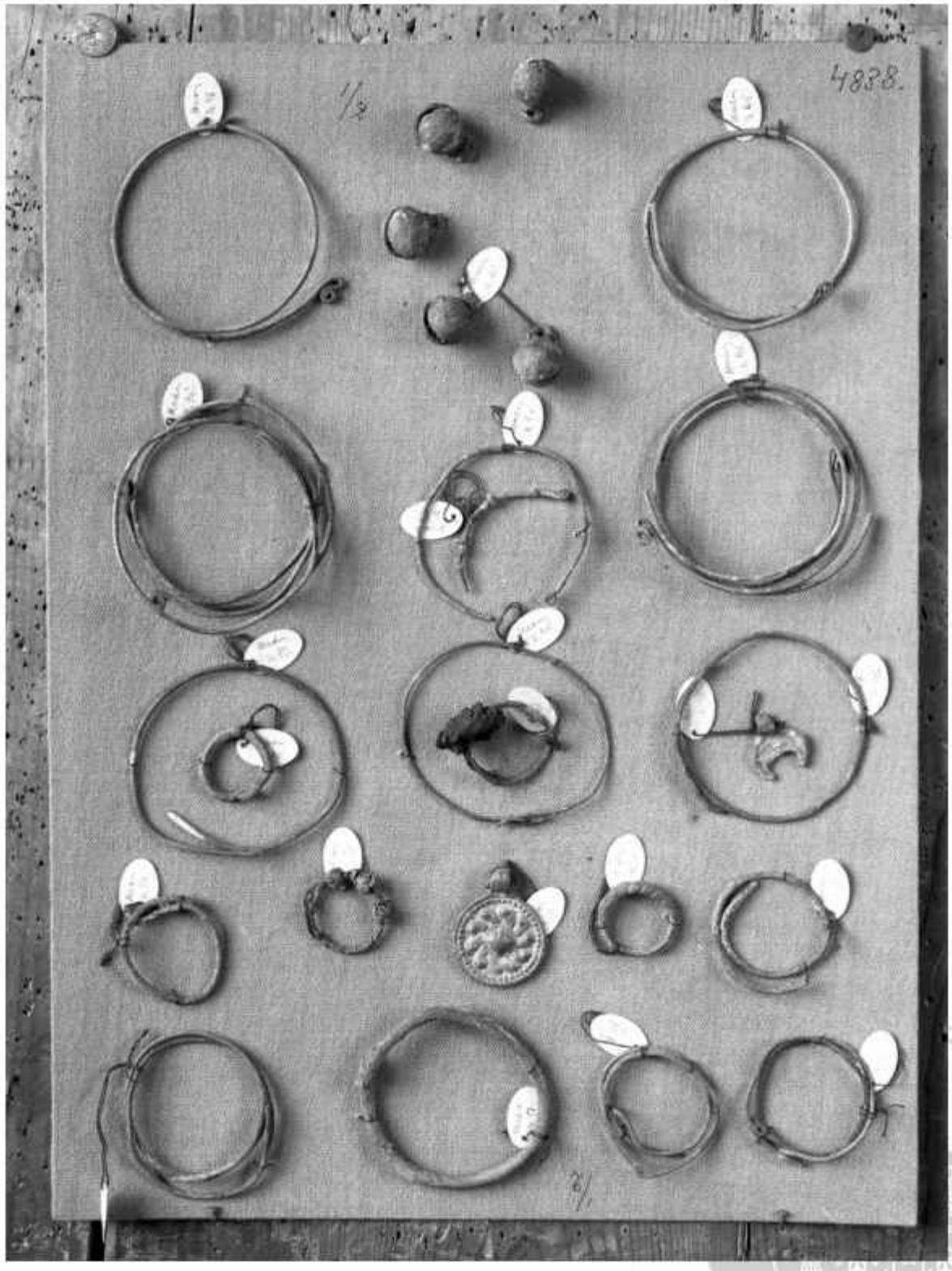

Рис. 10. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 45?, 46, 47, 50, 51
[Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8990]

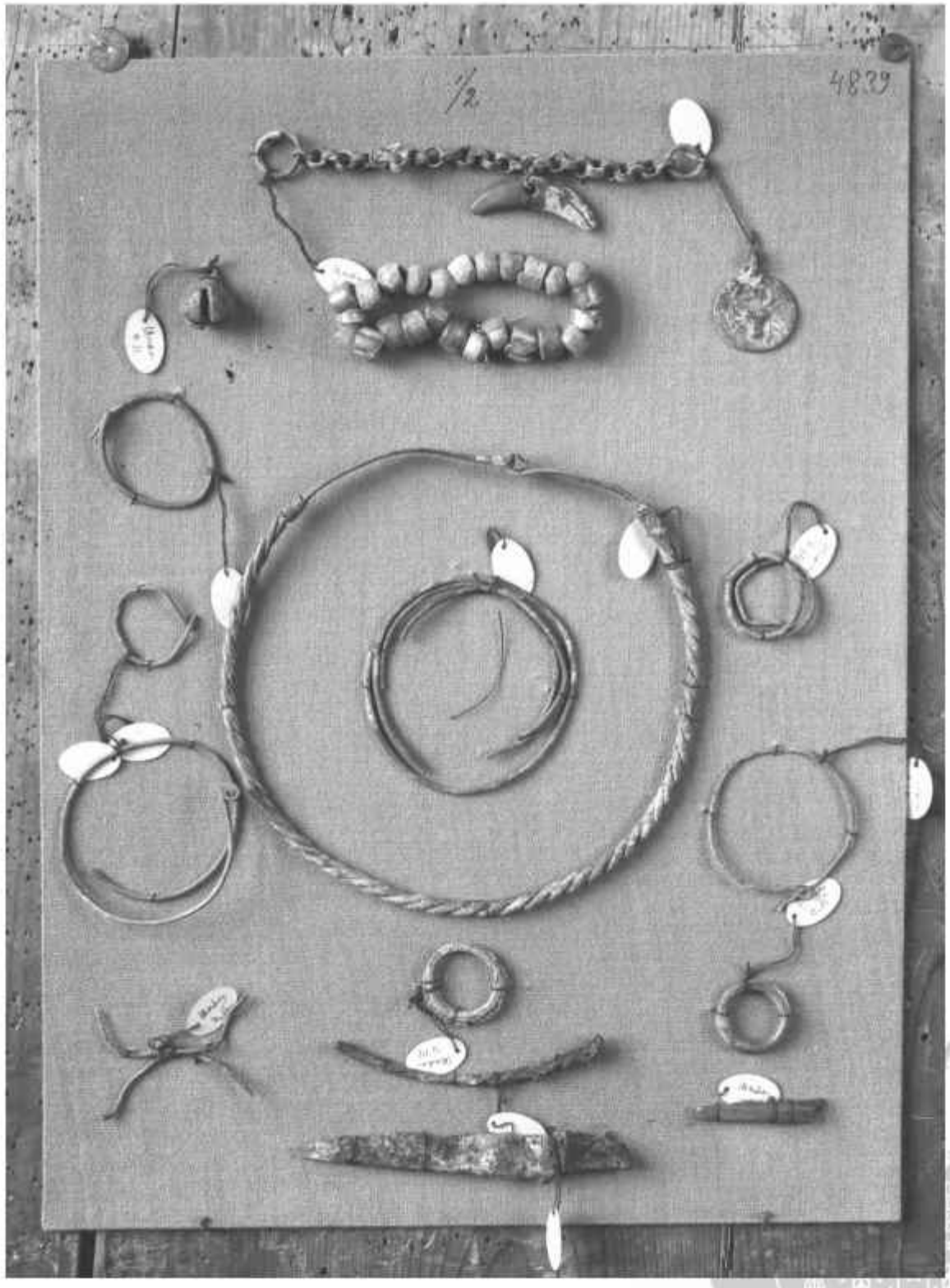

Рис. 11. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 11, 14, 15
[Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8991]

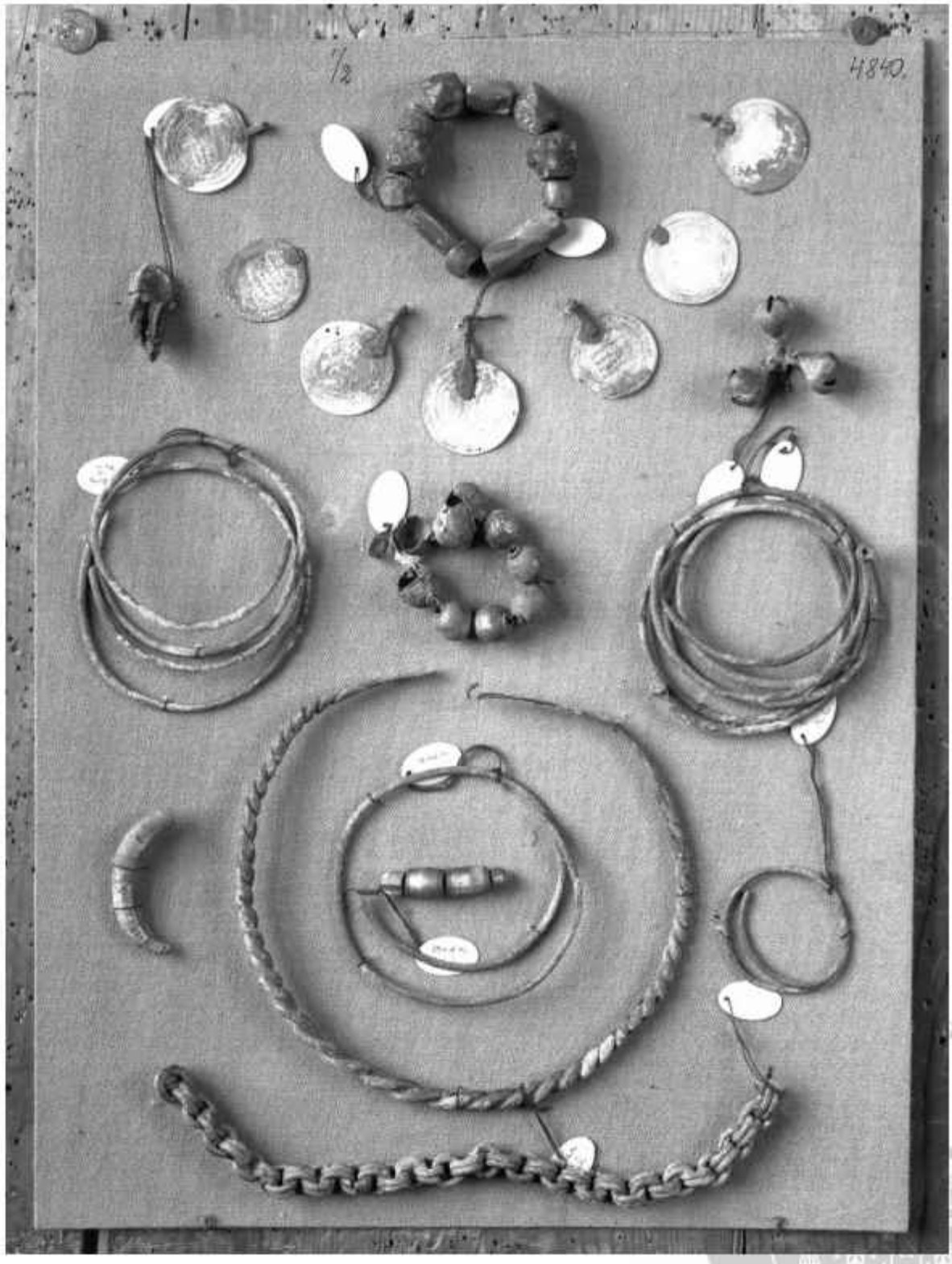

Рис. 12. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могила № 2 и ?
[Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8992]

Рис. 13. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 40, 41, 43, 45 [Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8993]

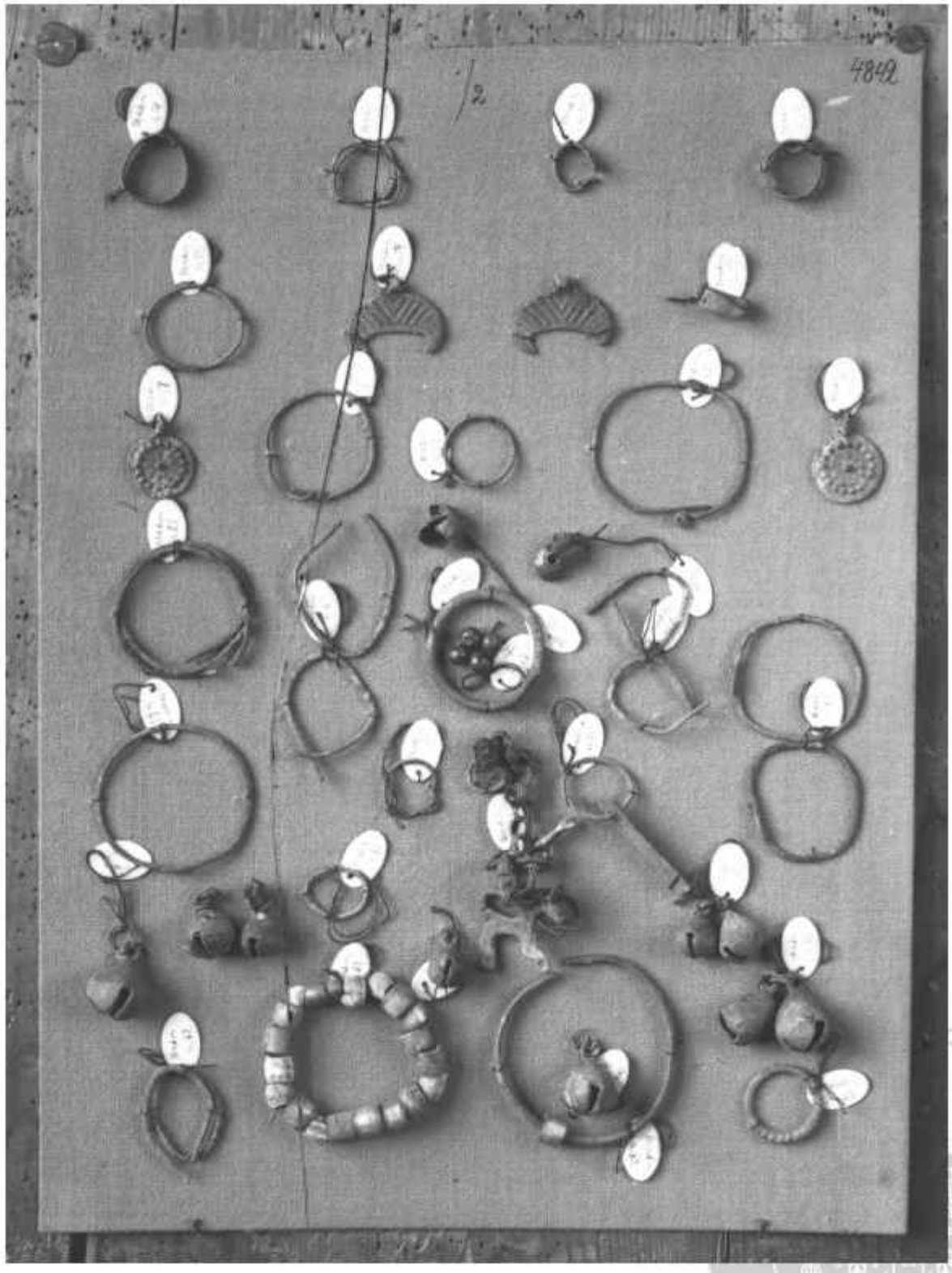

Рис. 14. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г.
Могилы №№ 54, 57, 59, 61, 63, 67 [Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8994]

Рис. 15. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 3, 5, 6
[Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III.8995]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 16. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могилы №№ 30, 34, 35, 39 [Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8996]

Рис. 17. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Предметы и фрагменты предметов из железа и камня под № 8 [Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8997]

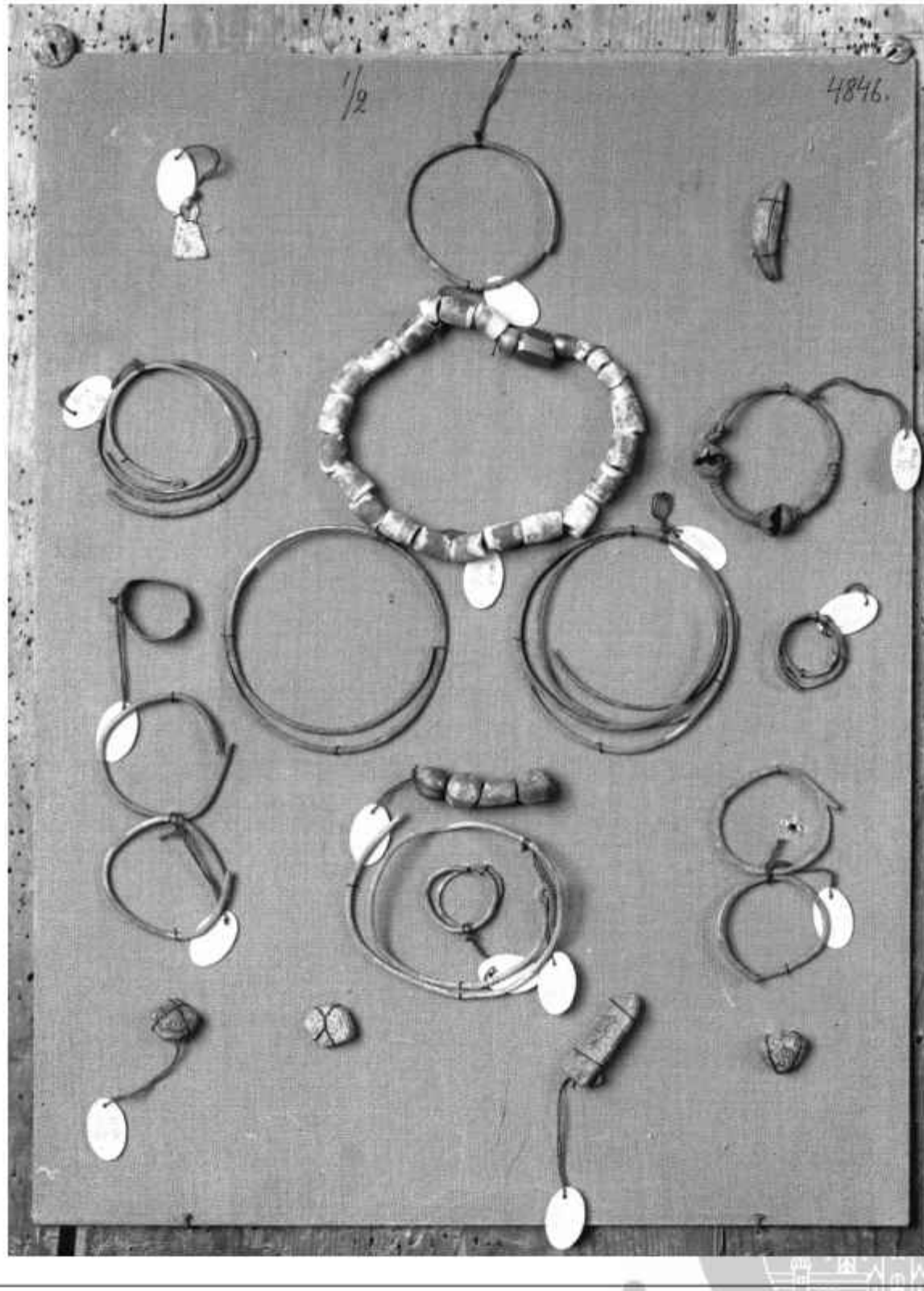

Рис. 18. Фёдовский могильник. Погребальный инвентарь из раскопок 1903 г. Могила № 17
[Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН. III 8998]

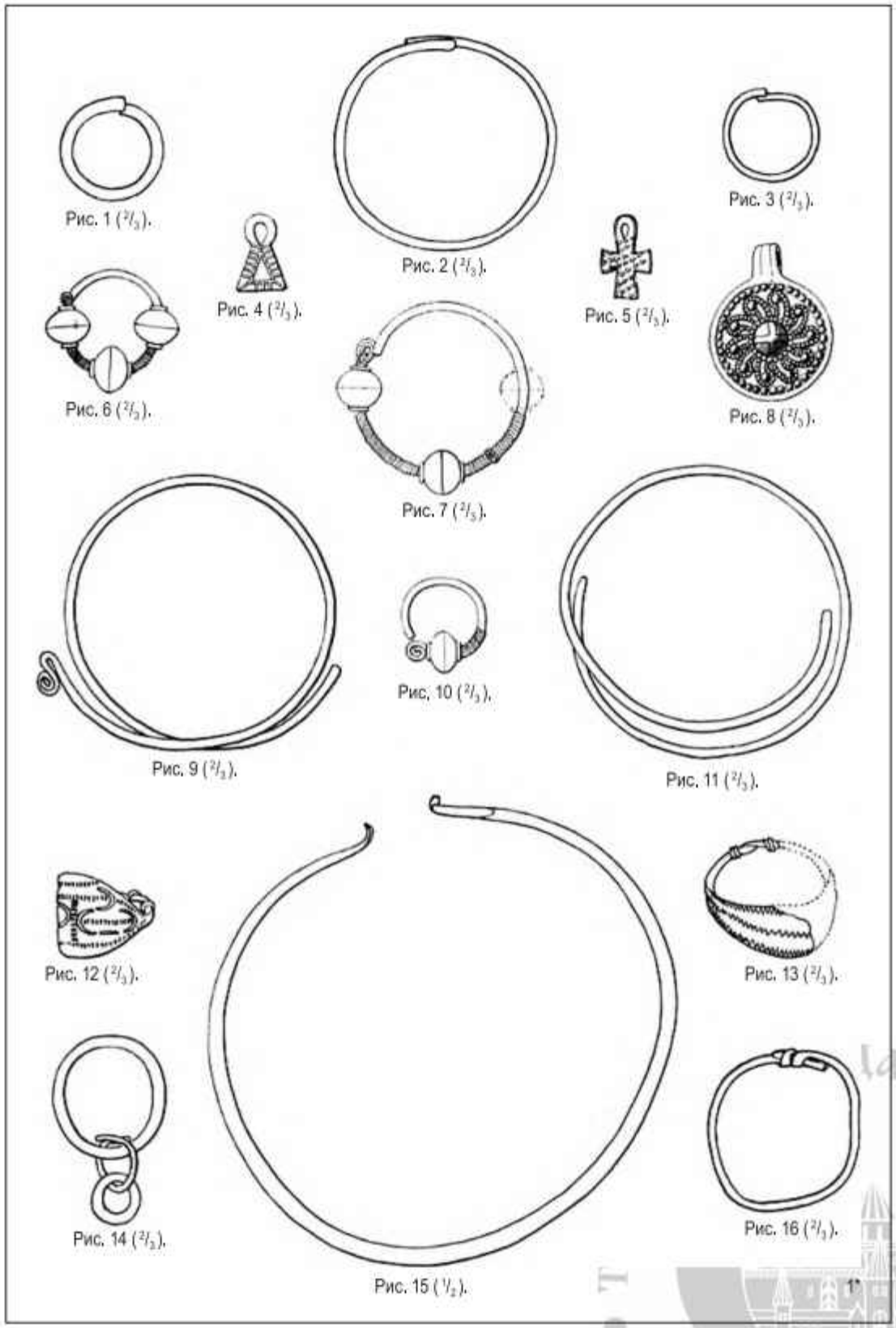

Рис. 19. Рисунки погребального инвентаря из Фёдовского могильника [3, с. 3].
Нумерация приведена по публикации А.А. Спицына

О материалах, сданных в музей

Погребальный инвентарь, найденный в разные годы раскопок, по общему составу во многом схож, что вполне объяснимо, так как артефакты происходят из одного и того же могильника: это височные кольца из цветного металла, ожерелья из стеклянных и каменных бус, бусинный бисер, лунницы, бубенчики, железные ножи, единичные металлические гривны, перстни и фибулы. В 1905 г. найдено значительно меньше подвесок-дирхемов (четыре), наверное, происходящих из одной могилы. Только в 1905 г. обнаружены роговой гребень и костяная орнаментированная рукоятка ножа.

Имеется косвенное свидетельство того, что А.А. Спицын при последующих посещениях Тверского музея также познакомился с вещами из исследований 1905 г. В рукописи 1921 г. он упоминает среди вещевых материалов Фёдовского могильника «широкий костяной гребень» [23, с. 74], который, судя по Книге поступлений, происходит из раскопок 1905 г. [20, л. 356 об.; 22, с. 43].

Сведений о найденных в могильнике глиняных горшках немного. Во всех упоминаниях фигурирует только керамика, изготовленная на гончарном круге (т. е. круговая), как правило, имеющая орнамент и иногда клейма на дне. Форма сосудов не известна. В Дневнике работ 1903 г., где приводится описание могил, сказано только о 5 горшках при погребениях (могилы №№ 13, 19, 25, 52, 64) [1, с. 59–62]. В Книге поступлений сведения о керамике 1903 г. иные: под номером 10968 указаны «четыре целых и четыре побитых горшка и довольно большая коллекция черепков» (20, л. 35 об.). Данные о керамике из раскопок 1905 г. в публикации ТУАК и в Книге поступлений также не совпадают. В музей поступили «два целых [*сверху надпись мелким шрифтом* – «с клеймами». – *Авт.*] и четыре побитых с орнаментом горшков» и «несколько орнаментированных горшечных черепков» [20, л. 357 об.]. На заседании ТУАК обсуждался список, где указано: «целых горшков с клеймами – 2», «разбитых горшков – 5», «черепков глиняных с орнаментом – 10» [20, с. 43].

Небольшая информация имеется по антропологическому материалу из работ 1903 г. В дневнике раскопок сказано о 7 целых черепах; остальные черепа «имели изъяны» [2, с. 10]. В Книге поступлений и в её публикации есть сведения о сданном в 1903 г. в музей материале: 10969 «восемь (а-з) черепов, несколько (и) позвонков, копчик, две кости таза и связка (к) бедровых, берцовых и локтевых костей» [20, л. 355 об.; 21, с. 20]. В 1905 г. антропологические материалы в музей не передавались, так как А.А. Ширинский-Шихматов посчитал, что эти материалы «не представляют существенных отличий от выкопанных ранее в том же могильнике» [22, с. 43].

Погребальный инвентарь могильника с 1906 г. хранился в Тверском музее. Во время Великой Отечественной войны коллекции Калининского (Тверского) музея не были эвакуированы, в результате большинство вещей, в том числе и из могильника, были полностью утрачены.

Итак, опубликованные и архивные материалы не оставляют сомнений о проведённых, помимо 1903 г., раскопок и в 1905 г. В этой связи следует указать на опубликованные сведения о получении А.А. Ширинским-Шихматовым Открытых листов и в 1903 г., и в 1905 г. [24, с. 180; 25, с. 111]. При этом в Отчёте АК указано, что в 1903 г. были проведены раскопки Фёдовского могильника [24, с. 180], а в «таблице распределения древностей» Отчёта АК о проводимых работах в России по Открытым листам сообщено следующее: «1905 г. Тверская губ. Вышневолоцкий уезд. Князь А.А. Ширинский-Шихматов. Раскопок не проводил» [25, с. 122]. Следовательно, о раскопках могильника в 1905 г. сообщено не было. Не исключено, конечно, что в 1905 г. А.А. Ширинский-Шихматов вёл дневник, который по каким-то причинам не сохранился. Полевой отчёт в ИАК не сдавался. Результаты работ 1905 г. на могильнике не были опубликованы, и нет данных о числе раскопанных погребений.

Количество вскрытых могил и место раскопок

Соответственно, возникают два основных вопроса: сколько в 1905 г. могил было вскрыто и где они находились? Судя по сведениям о количестве погребального инвентаря – в 1903 г. найдено более 500 предметов [2, с. 7] и после раскопок 1905 г. прислано в музей 325 предметов [22, с. 42], – во второй год работ могил было вскрыто существенно меньше. Поэтому с определённой долей вероятности можно выяснить число раскопанных могил и предположить их местонахождение.

Основанием для подсчётов являются состав инвентаря, количество вскрытых могил в 1903 г. (на основании дневника раскопок) и сведения о полученном инвентаре в 1905 г. Для корректного вычисления больше всего подходят женские погребения с наиболее распространённой в могильнике категорией инвентаря – проволочными височными кольцами (без учёта их размеров и формы их концов). Височные кольца в коллекциях 1903 г. и 1905 г. представляют достаточную выборку, в отличие от бус и бисера, число которых в конкретной могиле часто было неясным.

В подсчёты включены не только целые височные кольца, но и найденные фрагменты – «куски», «половинки». В таких случаях один или два фрагмента приняты за одно кольцо, три или четыре обломка – за два кольца и т. д. Для коллекции 1903 г. известно, что погребения с височными кольцами находились в 27 могилах, а височных колец с учётом обломков было примерно 136 экз. Если абстрагироваться от конкретики, то получается, что в 1903 г. на одно женское захоронение в среднем приходится 5 височных колец. В 1903 г. исследованы 84 могилы; таким образом, погребения с височными кольцами составляют 32 % всех вскрытых в этот год погребений.

Количество погребений, раскопанных в 1905 г., где были височные кольца, не известно. Судя по описям вещей, тогда было обнаружено около 65 височных колец (58 целых и 14 фрагментов – «кусков»). При полу-

ченном для находок 1903 г. среднем числе для одной могилы (5 колец) получается, что найденные в 1905 г. височные кольца могли происходить примерно из 13 женских могил. Если захоронения с височными кольцами в 1903 г. составляли от всех вскрытых 32 %, то вполне можно предполагать, что в 1905 г. на том же могильнике было раскопано ещё около 40–41 могилы. Тогда получается, что за два года на Фёдовском могильнике были исследованы около 124–125 могил.

Опираясь на план А.А. Ширинского-Шихматова, где отмечена концентрация могил к югу от Путятинской сопки и на фланговых курганах, и учитывая единичность найденных погребений к северу, можно предполагать, что в 1905 г. были продолжены раскопки преимущественно на северных участках восточного и западного фланговых курганов. Действительно, в настоящее время насыпи фланговых курганов представляют аморфные возвышения с неровностями, похожие на задернованные отвалы. При этом нельзя исключать проведение работ и в северной части могильника, уничтоженной теперь карьером.

Исследования во второй половине XX в.

В августе 1958 г. погребальный комплекс у д. Фёдово посетил директор Вышневолоцкого краеведческого музея А.Х. Репман. Сведения об этом содержатся и в полевом дневнике исследователя [26], и в полевом отчёте [27]. Было оценено состояние сопок, в том числе Путятинской (сопка № 1 по А.Х. Репману) и Малой (кургана по А.Х. Репману) (рис. 20: А). С востока и запада, «несколько отступя от подошвы» Путятинской сопки, отмечены «ряд неправильных больших и глубоких ям». А.Х. Репманом сделаны замеры и составлены планы сопок. Высота Путятинской сопки определена как 5,5 м, поперечник основания – 30 м. На вершине отмечена площадка диаметром 10,2 м, образовавшаяся, «повидимому, в результате произведенного П.А. Путятиным раскопа, задернованные следы которого хорошо были еще заметны» [26, л. 12]. Ровик прослежен только с южной стороны.

В 45 м к северо-западу от этой сопки осмотрена Малая сопка, названная «сильно разрушенным курганом» (рис. 20: А). Определены её примерный диаметр – 11–12 м и высота – 2,5 м. В осыпях следы кострища не обнаружены. Между этими насыпями, судя по записи в полевом дневнике, находился триангуляционный знак [26], который также присутствует и на топографической съёмке 1956–1957 гг.

Фёдовская сопка, названная А.Х. Репманом сопкой № 2, была расположена «на открытом месте, среди пашни…» на противоположном берегу примерно в 500 м от Путятинской. Она имела следы раскопа траншеей, и из-за «срытой» юго-западной части её основание приняло овальную форму. Были установлены её диаметр «по линии СЗ–ЮВ – 25,0 м» и высота – 5 м. С восточной и западной сторон отмечены «следы кольцевого ровика» (рис. 7; 20: Б) [27]. Следует отметить, что при последующих обследованиях сведений о наличии ровика [паспорт] уже нет.

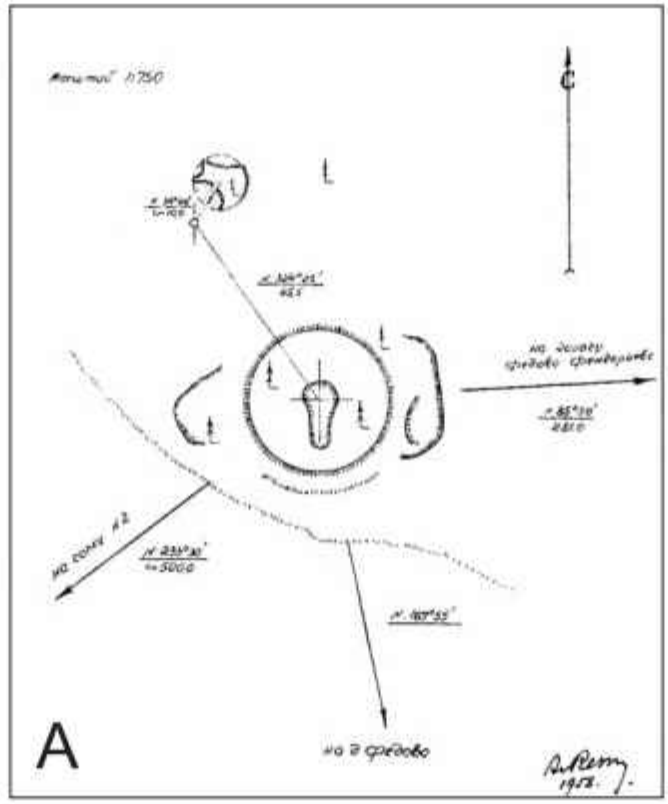
Вызывает недоумение предположение А.Х. Репмана, что расположенная «в нескольких десятках метров» на юго-восток от Фёдовской сопки «ровная округлая площадка заросшая соснами – повидимому след раскопанного Ширинским-Шихматовым «флангового» кургана» [27, л. 14]. В альбоме к отчёту приведена фотография, где эта площадка видна «влево от сопки» (рис. 21).

В 1980 г. (или в 1978 г. ?) археологические памятники у д. Фёдово были обследованы сотрудниками Историко-археологической экспедиции Калининского (ныне Тверского) государственного университета Е.В. Бодуновым и А.Д. Максимовым [28; 29, с. 62][6]. Тогда были сделаны глазомерные планы Фёдовской сопки [паспорт] и погребального комплекса на другом берегу р. Боровёнки (рис. 5). Исследователи привели иные размеры Путятинской сопки: высота 4,5 м, диаметр 30 м. Около неё упомянуты «остатки, по видимому, двух округло-полусферических курганов». Это западный фланговый курган (№ 1 в тексте и № 2 на плане) диаметром 15 м, высотой 0,7 м, «насыпь изрыта кладоискательскими ямами») и Малая сопка (курган № 2 в тексте и № 3 на плане) диаметром около 18 м, высотой 2,4 м. Насыпь «разрушена песчано-гравийным карьером». Остатки восточного флангового кургана остались без описания; на плане они обозначены, но не пронумерованы.

Между Малой и Путятинской сопками зафиксирован карьер, появившийся, видимо, между кон. 50-х и кон. 70-х гг. XX в. В юго-восточной стенке карьера в 14 м от северо-западной полы Путятинской сопки были обнаружены человеческие кости. В сделанной врезке в жёлтом песке с гравием расчищена сохранившаяся нижняя часть костяка (рис. 5; 22). Судя по расположению найденных костей, захоронение произведено головой на ССЗ. Глубина погребения от современной дневной поверхности была 0,24–0,35 м. Пятно могильной ямы и следы гробовины не прослеживались, не найден и погребальный инвентарь.

Для выяснения перспективности дальнейшего изучения могильника исследователи заложили рекогносцировочный раскоп площадью 8 кв. м у северо-западной полы сопки (рис. 5; 23). Раскоп был прокопан до 1 м от дневной поверхности. Общая мощность культурных напластований была 0,35–0,6 м. Помимо дёрна здесь зафиксирована серия слоёв толщиной до 0,2–0,24 м из коричневой, светло-коричневой (с линзами жёлтого материкового песка) или тёмно-серой супеси (рис. 24). По мнению исследователей, напластования в раскопе были перемешаны, так как во всех слоях с фрагментами «раннегончарной» керамики XI–XII вв. были найдены и обломки «поздней деревенской керамики XVIII–XIX вв.», а грунт, видимо, сполз по склонам сопки. Найденные «раннегончарные» фрагменты были отнесены к керамике, связанной с погребальным обрядом могильника [28, л. 54, 55].

[6] Пользуясь случаем, выражаем глубокую признательность Е.В. Бодунову, позволившему опубликовать материалы его работ.

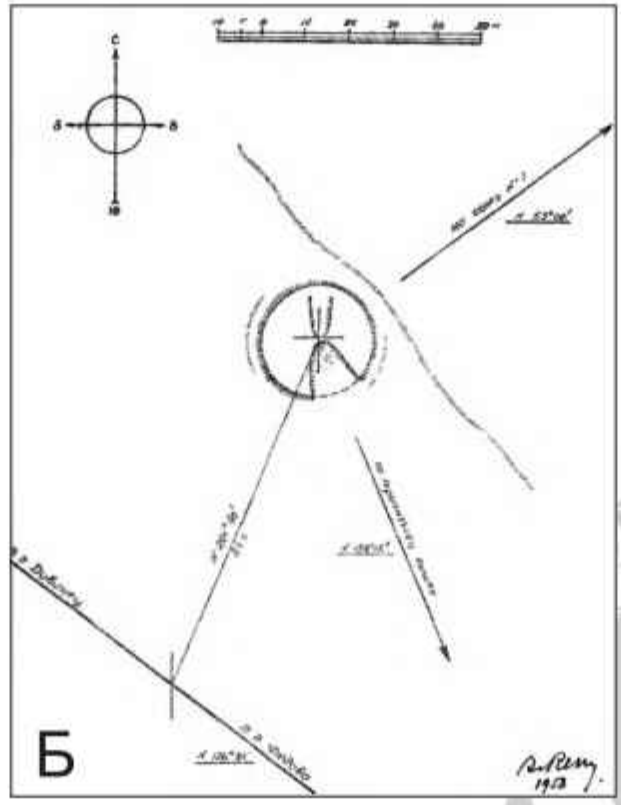

Рис. 20. Планы сопок у д. Фёдово, снятые А.Х. Репманом в 1958 г. [27, №№ 25, 26]:
А – Путятинская и Малая сопки (сопка № 1 и курган по А.Х. Репману); Б – Фёдовская сопка (сопка № 2 по А.Х. Репману)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 21. Фёдовская сопка. Вид с северо-востока с Путятинской сопки. 1958 г. Фото А.Х. Репмана [27, № 6]

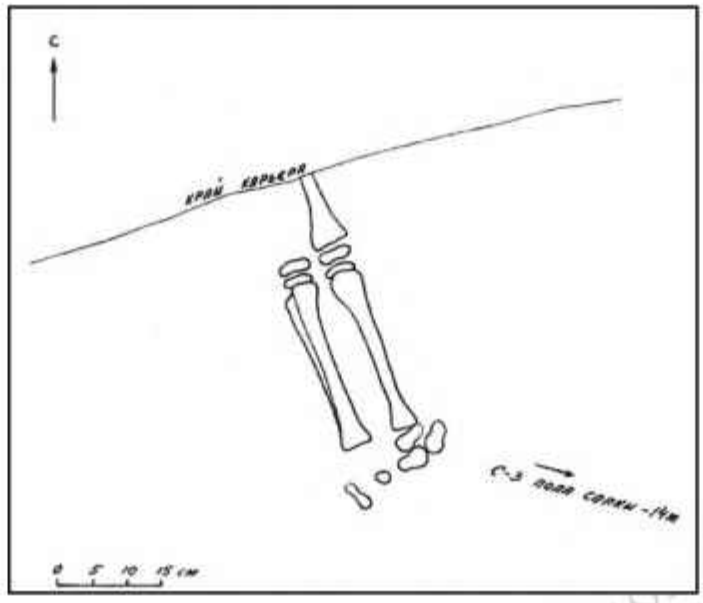

Рис. 22. Фёдовский могильник, работы 1980 г. Остатки погребения в стенке карьера [28, рис. 227]

На сводном плане находок в рекогносцировочном раскопе обозначены 30 фрагментов керамики (рис. 23). Здесь также обнаружены кремнёвые ребристая пластина, отщеп и глиняное рыболовное грузило [28, рис. 229], зуб свиньи и четыре кремированные косточки (рис. 25: 1–5). Коллекция керамики почти полностью сохранена в фондах ТГОМ (рис. 25; 26). Это 26 фрагментов круговых древнерусских и средневековых сосудов. Обломков поздней деревенской керамики нет, но возможно, это были те четыре не сданные в музей поздние фрагменты, обозначенные на чертеже. В коллекции только два фрагмента (венчика и стенки) – белоглиняные (рис. 26: 8, 10), остальные имели коричневый и тёмно-коричневый цвет (т. н. красноглиняные). У 17 фрагментов – плотное глиняное тесто с мелкими примесями песка. У 9 фрагментов глиняное тесто не такое плотное, в нём примеси мелкой дресвы и крупного песка. Шесть фрагментов стенок имеют линейный

Государственный объединенный музей

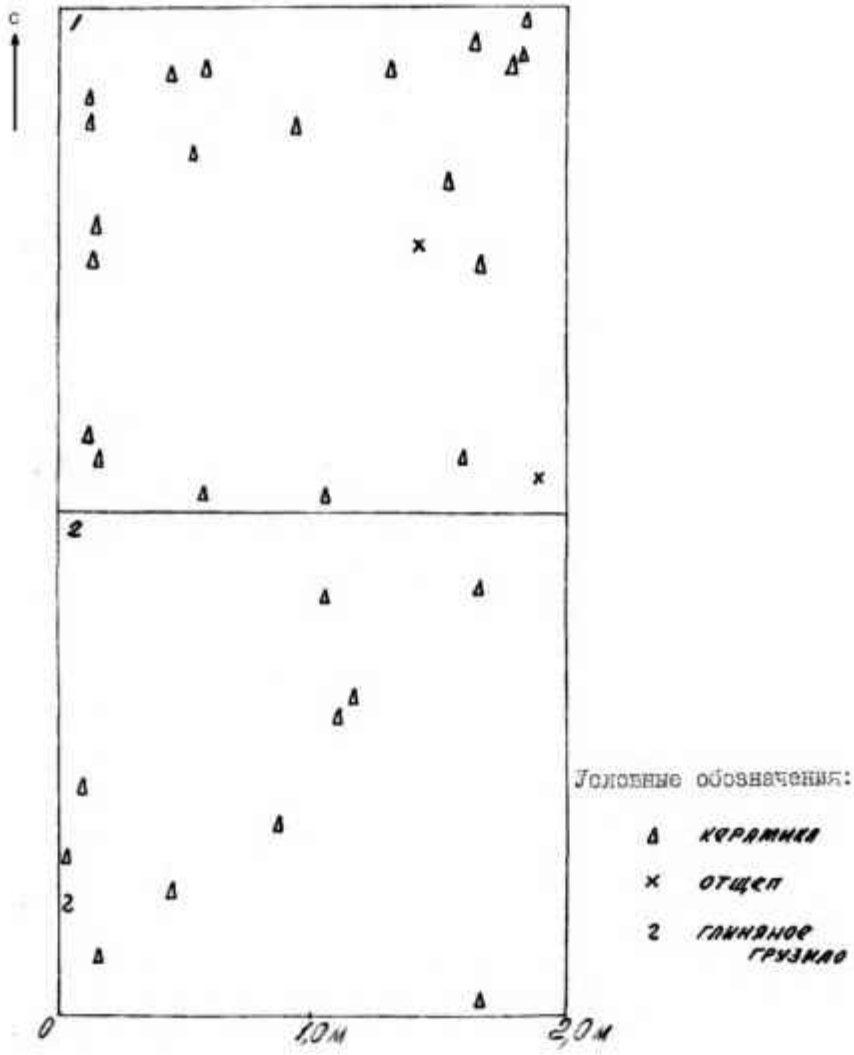

Рис. 23. Фёдовский могильник, работы 1980 г. Сводный план находок в рекогносцировочном раскопе [28, рис. 230]

орнамент (рис. 26: 2, 14; рис. 25: 7, 8, 10, 11) и один фрагмент – возможно, орнамент в виде волны (рис. 26: 4). Два фрагмента – это придонные части разных сосудов (рис. 25: 6, 9). По классификационной шкале Новгорода один фрагмент венчика можно отнести к типу IB (рис. 26: 7), остальные 5 фрагментов венчиков, включая белоглиняный, – к типу VA (рис. 26: 1, 3, 6, 8, 9). Керамика типа I бытовала в Новгороде со 2-й трети X по сер. XII в. [30, с. 88]. Керамика типа VA известна с сер. X по XIV в., но массово она бытовала с кон. X по кон. XII в. и затем – во 2-й пол. XIII – сер. XIV в. [30, с. 87, 94, 96]. Вполне допустимо, что часть обнаруженной керамики могла быть связана с погребальным обрядом Фёдовского могильника.

В 1986 г. на объекты историко-культурного наследия – на два селища у д. Фёдово и Фёдовскую сопку, получившую № 1, – были составлены паспорта. При характеристике сопки в паспорте дана ссылка на отчёт 1978 г., и в учётной карточке на памятник (№ 6986) указано, что сопка обследовалась в 1978 г. Однако сведения о сопке в полевых отчётах за этот год отсутствуют. На Путятинскую сопку, курганы и могильник паспорта не были составлены[7].

В 1996 г. А.Д. Максимовым проводилась инвентаризация памятников на анализируемой территории. В полевом отчёте даны сведения об осмотренных паспортизированных объектах у д. Фёдово (селище без номера, селище 1 и сопка № 1). Изменений на этих памятниках не было отмечено [31]. В 2021 и 2022 гг. авторами статьи были осмотрены погребальные объекты у д. Фёдово и проведены съёмка квадрокоптером и фотофиксация.

[7] В Археологической карте России приведена неверная ссылка на наличие паспорта на грунтовый могильник [8, с. 122].

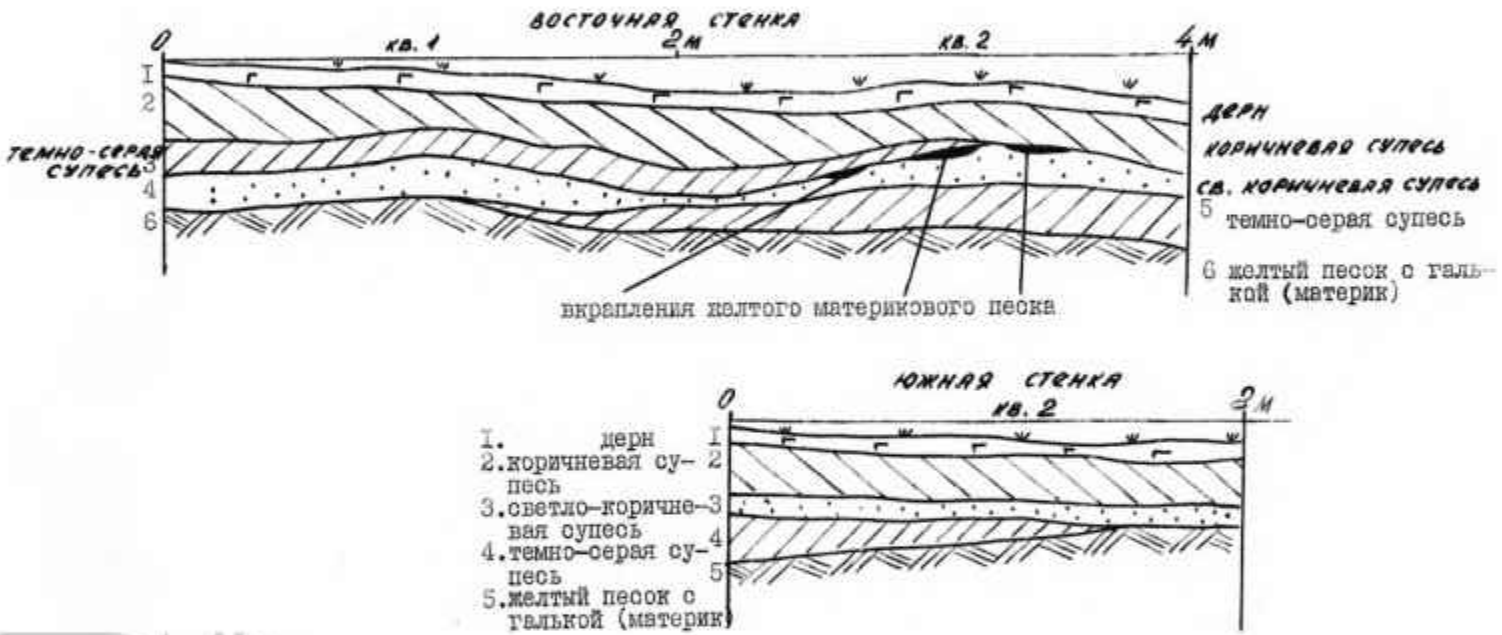

Рис. 24. Фёдовский могильник, работы 1980 г. Стратиграфия рекогносцировочного раскопа [28, рис. 231]

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

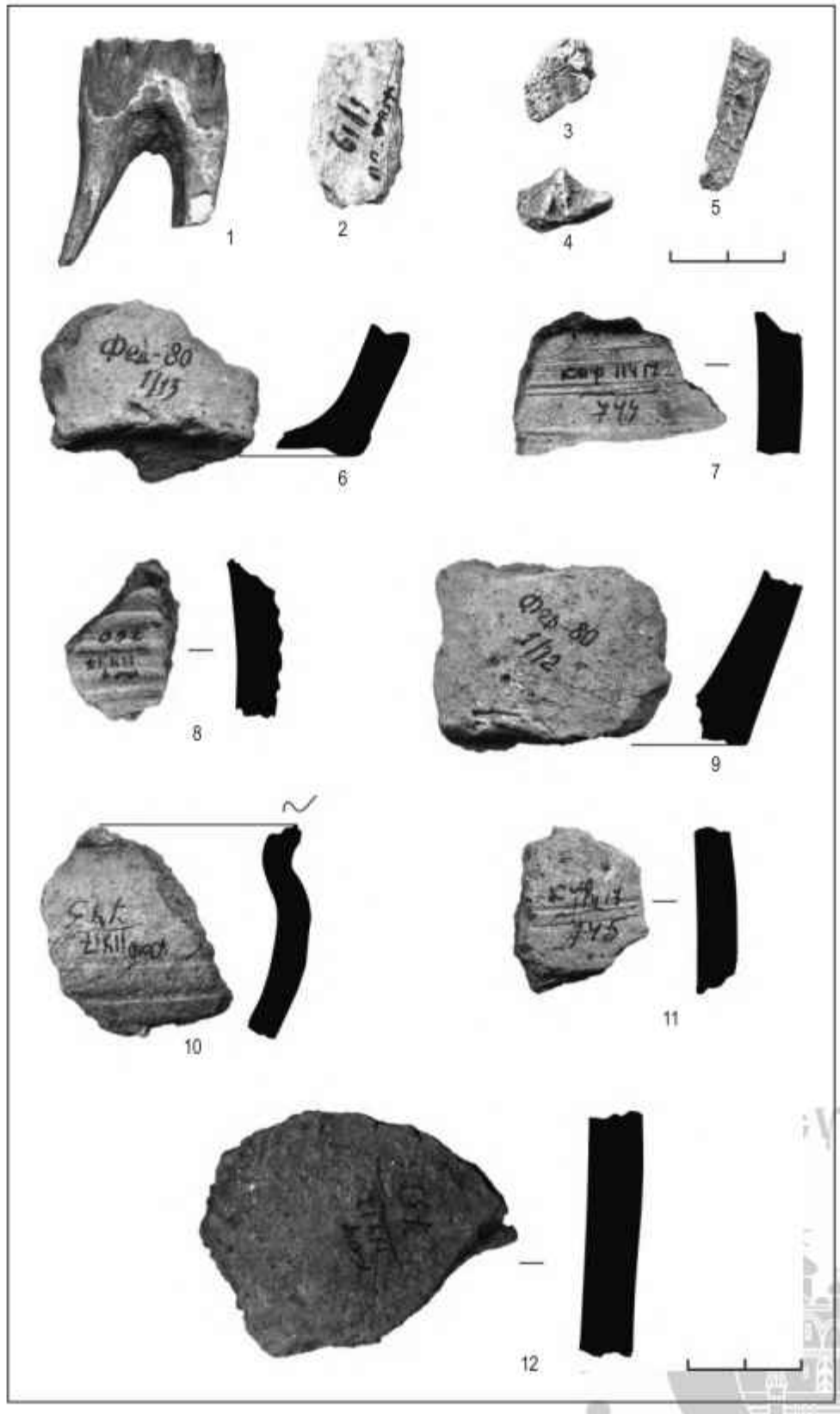

Рис. 25. Фёдовский могильник. Артефакты из рекогносцировочного раскопа 1980 г.:
1 – кость; 2–5 – кремированные кости; 6–12 – фрагменты красноглиняных сосудов

Государственный объединенный музей

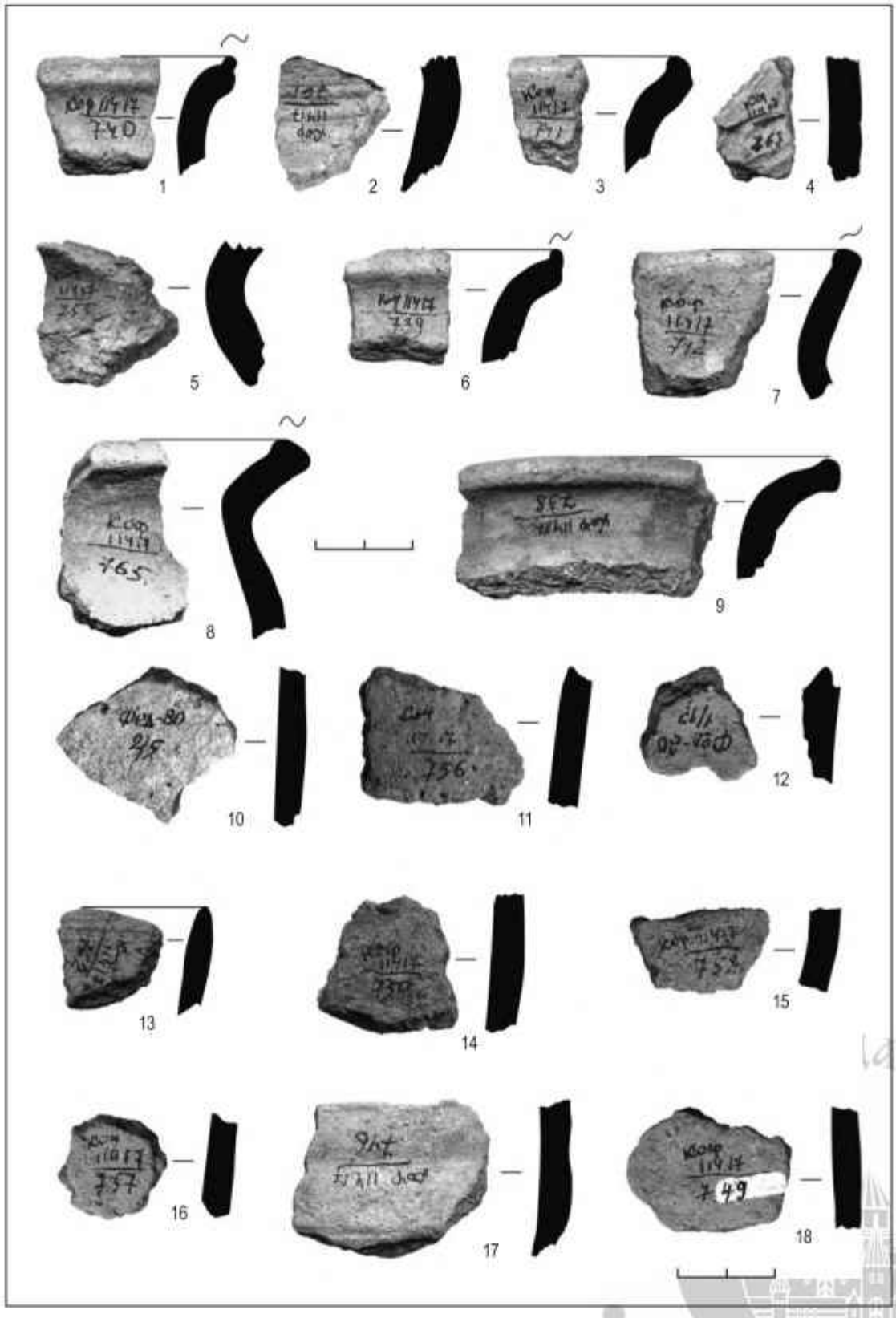

Рис. 26. Фёдовский могильник. Круговая керамика из рекогносцировочного раскопа 1980 г.:
1–7, 9, 11–18 – фрагменты красноглиняных сосудов; 8, 10 – фрагменты белоглиняных сосудов

Государственный объединенный музей

Заключение

В итоге после изучения и анализа всей доступной опубликованной и хранящейся в архивах информации о погребальных древностях у д. Фёдово, и прежде всего о знаменитом Фёдовском могильнике, стало возможным существенно дополнить сведения об имевших место здесь археологических исследованиях. Раскопки были проведены А.А. Ширинским-Шихматовым не только в 1903 г., но и в 1905 г.; последние работы не попали в поле зрения археологов, анализировавших материалы Фёдовского могильника. В 1905 г. могло быть вскрыто около 40 захоронений, в том числе с инвентарём, который в 1906 г. поступил в Тверской музей. Всего в начале XX в. на могильнике было раскопано ориентировочно 124–125 могил. Проведённое обследование территории могильника в 1980 г. показало перспективность дальнейшего изучения остатков этого памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ширинский-Шихматов А.А.* Федовский могильник // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Типография губернского правления, 1906. С. 53–62.
2. Журнал 92-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 6 октября 1903 г. / Под ред. И.А. Виноградова. Старица: Типография А. Крылова, 1904. 34 с.
3. *Спицын А.А.* Старейшие русские могильники в Новгородской области // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 1–5.
4. *Плетнев В.А.* О курганах и городищах Тверской губернии. Тверь, 1884.
5. *Плетнев В.А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь: Типография губернского правления, 1903. 599 с.
6. *Чернягин Н.Н.* Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т. 1. М.; Л., 1941. (МИА. № 6). С. 93–148.
7. *Седов В.В.* Новгородские сопки // М.: Наука, 1970. (САИ. Вып. Е1-8). 77 с.
8. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 3. Бежецкий, Весьегонский, Вышневолоцкий, Кесовогорский, Краснохолмский, Кувшиновский, Лесной, Максатихинский, Молоковский, Сандовский, Селижаровский, Сонковский районы / Кашкин А.В., Комаров К.И., Король Г.Г., Нефёдов В.С., Патрик Г.К., Янишевский Б.Е. / Редактор Г.Г. Король. М.: ИА РАН, 2010. 312 с.
9. *Конецкий В.Я.* Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н.э.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1984. 16 с.
10. *Конецкий В.Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 89–98.
11. *Конецкий В.Я.* Об ориентировке погребенных в Федовском могильнике // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л., 1982. С. 74–77.
12. *Конецкий В.Я.* Об этнической проблематике в исследованиях древнерусских погребальных памятников Новгородской земли (по материалам Федовского могильника) // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 139–144.
13. *Исланова И.В.* Субстратные традиции в элементах погребального обряда Федовского могильника // КСИА. Вып. 198. 1989. С. 84–89.
14. *Никольская Т.Н.* Этнические группы Верхнего Поволжья в XI–XIII вв. // КСИИМК. Вып. 24. 1949. С. 78–83.
15. *Лебедев Г.С., Рябинин Е.А.* Жальники и сопки // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 152–163.
16. *Седов В.В.* Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // СА. 1961. № 2. С. 103–121.
17. *Тихомиров И.А.* Поездка на р. Мсту // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. 1903. С. 1–13.
18. Дневник съезда. Экскурсии. Закрытие съезда // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Типография губернского правления, 1906. С. XXXI – LXXXVI.
19. Отчет о раскопках Тверской ученой архивной комиссии // Научный архив ИИМК РАН. Д. 93. 1903.
20. Книга поступлений Тверского музея (№№ 9017–11925) за 1895–1909 гг. Часть 5. // Научный архив ТГОМ. Ф. 11, опись 1, ед. хр. 26, св. 6.
21. Тверской музей и его приобретения в 1906 году / Сост. В.И. Колосов. Тверь, 1906. 38 с.
22. Журнал сотого заседания Тверской ученой архивной комиссии 27 февраля 1906 г. / Под ред. И.А. Виноградова. Тверь: Типография Тверского Губернского Правления, 1907. 72 с.
23. *Спицын А.А.* Археологический очерк Тверской губернии. Тверь: Тверской гос. университет, ТГОМ. 2022. 134 с. (серия «Археология Верхневолжья. Вып. 2) [Электронное издание].
24. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. 245 с.
25. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1905 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1908. 129 с.
26. *Репман А.Х.* Дневник 1958 г. Открытый лист № 94 // Архив Вышневолоцкого краеведческого музея-филиала ТГОМ, без номера.
27. *Репман А.Х.* Отчет об археологических работах в 1958 г. в Вышневолоцком районе Калининской области // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 1683, 1683а.
28. *Бодунов Е.В.* Отчет об археологических работах в Бологовском и Вышневолоцком районах Калининской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 8334, 8334а.
29. *Бодунов Е.В.* Разведки в Бологовском и Вышневолоцком районах Калининской области // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 62.
30. *Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М.* Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2001. С. 82–97.
31. *Максимов А.Д.* Отчет о разведочных работах в Удомельском и Вышневолоцком районах Тверской области в 1996 г. Рукопись.

И.В. Исланова – ФГБУН «Институт археологии РАН», Москва

Е.А. Дементьев, С.М. Смирнова – ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина», Научный институт археологических и историко-культурных исследований, Тверь

А.Н. Пичугина – ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», Тверь

Журнал 92-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 6 октября 1903 г. / Под ред. И.А. Виноградова. Старица: Типография А. Крылова, 1904. С. 12–19.

ДНЕВНИКЪ РАСКОПОКЪ,

произведенныхъ въ 1903 г. княземъ Андреемъ Ширинскимъ-Шихматовымъ.

Могила № 1-й. Костякъ лежитъ головою на N. Глубина могилы—6 вер. Найдено: 7 диргемъ и 11 бусъ.

» № 2-й. Головою на NE, глубина—1 ар., длина костяка—2 арш. 3 верш. При немъ: 1 цѣпь, ножикъ, 1 коготь, 1 гривна витая, часть перстня, 8 височныхъ колецъ, 11 круглыхъ подвѣсокъ, 3 бубенчика, 1 серьга, 1 подвѣсокъ и 4 бусы.

» № 3-й. Голова на N: длина костяка—2 арш. 7 в. Бляха круглая съ орнаментомъ, 1 перстень.

» № 4-й. Костякъ разрушенъ.

» № 5-й. Головою на SO. Голова на правой сторонѣ, глубина могилы—1 1/2 ар., длина костяка 2 ар. 5 вер. При костякѣ: 3 височн. кольца и половинка; 1 цѣпь съ конькомъ, 1 диргемъ, 2 перстня, подвѣсокъ изъ 3-хъ колецъ, краснаго камня оселокъ, подвѣсокъ круглый полый, 3 куска гривны.

» № 6-й. Головою на SO. Глубина могилы 1 ар. Длина костяка 2 ар. 4 вер. При немъ найдено: 6 височныхъ колецъ больш. и 1 малое; 1 браслетъ, 2 цѣльныхъ и 1 кусокъ диргема; 1 каменная крас-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ная подвѣска; 17 разныхъ бусъ; 11 бубенчиковъ; 1 подвѣсокъ проволочный; 1 синяя буса и 4 лунницы.

Могила № 7-й. Голова на N; глубина $^3/_4$ арш. Найдены: 2 лунницы (одна съ кольцомъ) и 1 кольцо отъ пряжки.

» № 8-й. Голова на Е. Глубина—$1^1/_2$ аршина, длина костяка 2 арш. 7 верш. Найдено: 1—фибула безъ орнамента; 1—ножъ; 1 топоръ, 2 височныхъ кольца и 1—ножны.

» № 9-й. Голова на N. Длина костяка 2 арш. 4 в. При немъ 6 мелк. височныхъ колецъ и одно толстое кольцо.

» № 10-й. Голова на N. Глубина могилы 1 ар. $^1/_2$ в. Лежитъ на правомъ ухѣ лицомъ на Е. При немъ: 5 вис. колецъ и 4 бусы.

» № 11-й. Голова на Е. Лежитъ на правомъ ухѣ. Длина костяка 2 арш. 3 вер. При немъ: 4 височн. кольца и 2 половинки; 1—витая гривна, 1—цѣпь съ когтемъ; 1—малаго размѣра монета; 1—подвѣсокъ съ изображеніемъ быка; 1—бубенчикъ, 24 бусъ разныхъ.

» № 12-й. Костякъ разрушенъ.

» № 13-й. Костякъ разрушенъ; въ ногахъ горшокъ.

» № 14-й. Костякъ разрушенъ. Два (2) височныхъ кольца.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Могила № 15-й. Голова на NE. При немъ 1 кусокъ гривны, 2 полов. вис. колецъ, 1—ножъ, 1 перстень, 1—монета, 1 кусокъ ножа и 1 мал. височ. кольцо.

» № 16-й. Костякъ безъ головы. Найдено: 1 коготь звѣря; 2 подвѣски и 1 средн. разм. височн. кольцо.

» № 17-й. Голова на N. Глубина могилы 1 ар., длина костяка 2 арш. 4 в. Найдено: 7 височныхъ колецъ, 1—перстень, 1 серьга и 28 бусъ.

» № 18-й. Костякъ разрушенъ. Направленіе на N.

» № 19-й. Голова на NE. Лежитъ на правомъ ухѣ; возлѣ горшокъ.

» № 20-й. Голова на NE. Глубина могилы 1½ арш. Длина костяка 2 арш. 6 вер. При немъ ножъ и перстень.

» № 21-й. Голова на NO. Глубина могилы 2 ар., длина—2 арш. 5 в. Найдено:—7 височныхъ колецъ и 4 бусы.

» № 22-й. Голова на NO. Длина—2 арш. 7 в. При немъ: 1 большая бляха и 3 мелкихъ.

» № 23-й. Костякъ тронутъ. Направленіе NO. Глубина могилы 1 ар. ½ в.

» № 24-й. Костякъ разрушенъ. Найдено: 2 малыхъ височн. кольца; 1—кам. наконечникъ.

» № 25-й. Голова на N. Длина 2 ар. 6 в. Найдены: 1—ножъ и въ ногахъ горшокъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Могила № 26-й. Голова на NO. Лежитъ на правомъ ухѣ. Глубина могилы 2½ аршина. Длина костяка 2 арш. 8 вер. Ножъ у правой руки, 2 серебр. крестика (одинъ поломанъ).

» № 27-й. Голова на NO. Длина 2 арш. 4 в., глубина—1½ аршина. При немъ: 1—гривна гладкая; 5 височ. колецъ; 1—перстень съ гнѣздомъ для камня; 3—серьги; 1 диргемъ; 7 крупныхъ бусъ и мелкія бусы.

» № 28-й. Голова на SO. Длина костяка 2 ар. 5 в. Найдено: 2 мал. височ. кольца; 5 бусъ и 1 просверленный камень.

» № 29-й. Костякъ разрушенъ.

» № 30-й. Костякъ разрушенъ. Глубина 2 ар. При немъ—1 горшокъ, 1—толстое кольцо; 3 крупныхъ бубенца.

» № 31-й. Голова на N. Лежитъ на правомъ ухѣ. Длина 2 арш. 8 в. Часть лица разрушена. При немъ 1—ножъ.

» № 32-й. Костякъ разрушенъ.

» № 33-й. Голова на NO. Костякъ плохо сохранился. Найдены: 3 височ. кольца; 6—голубыхъ и нѣсколько бѣлыхъ мелкихъ бусъ.

» № 34-й. Костякъ разрушенъ. Найдено: 6 височныхъ колецъ; 1 кусокъ диргема; 2 мал. монеты; 15 шт. бусъ стекл. и глин. и 11 синихъ бусъ; 2 серьги и куски колецъ височныхъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Могила № 35-й. Голова на NO. Глубина могилы 1½ арш. Длина 2 арш. 2 вер. Найдено: 3 височ. кольца, 2 мал. толстыхъ и мелкія бусы.

» № 36-й. Голова на NO. Длина 2 арш. 4 вер. Глубина 1 арш. При костякѣ: 4 половинки отъ 2-хъ серегъ; 1 диргемъ и 34 бусы.

» № 37-й. Голова NO. Лѣвая рука на тазу. Длина 2 арш. 6 в.

» № 38-й. Голова NO. Глубина 1 арш.; длина костяка 2 ар. 7 в. Найдена серповидная желѣзка.

» № 39-й. Костякъ плохой сохранности. Найдены: 2 серьги, 4 цѣльныхъ и 4 куска височ. колецъ и 1 красная буса.

» № 40-й. Костякъ разрушенъ. Найдено: 1 перстень, 1 монета, 3 цѣлыхъ и 4 куска височ. колецъ.

» № 41-й. Голова на NO. Костякъ лежитъ на лѣвомъ ухѣ. Глубина 2 арш., длина 2 ар. 4 в. При немъ: браслетъ, 2 перстня, 4 цѣлыхъ и 2 куска вис. колецъ; 1 кусокъ перстня и бусы.

» № 42-й. Голова на N. Лежитъ на правомъ ухѣ. Глубина могилы 1½ аршина, длина 2 ар. 6 в.

» № 43-й. Костякъ разрушенъ. Черепъ мелкій. При немъ найдено: 3 колечка, 1 бубенчикъ, 1 подвѣсокъ и 2 бусы.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Могила № 44-й. Голова на О. Лежитъ на лѣвомъ ухѣ, лицомъ на N. Глубина могилы 2 ар. Ничего не найдено.

» № 45-й. Голова на О. На лѣвомъ ухѣ, лицомъ на N. Длина 2 ар. 2 в. Найдено: 5 лунницъ; 1 серьга; 1 бубенчикъ; 2 колечка и 6 бусъ.

» № 46-й. Голова на NO. Длина костяка 2 ар. 4 в. Найдено: 7 височ. колецъ и 2 куска, 5 бубенчиковъ.

» № 47-й. Голова на О. Правая рука на тазу. Глубина $^1/_2$ арш. Найдены: 1 лунница; 1 перстень; 1 кольцо съ утолщеніемъ; 3 височныхъ кольца и нѣсколько кусковъ. Мелкія бѣлыя бусы.

» № 48-й. Голова на NO. Лежитъ на правомъ ухѣ, лицомъ на SO. Длина 2 арш. 5 в. Ничего не найдено.

» № 49-й. Голова на О. Костякъ плохо сохранился.

» № 50-й. Голова на О. Длина 2 арш. 5 вер. Глубина 1 ар. Найдено: 10 бубенчиковъ; 7 височныхъ колецъ; 25 бусъ 1 браслетъ и 1 перстень.

» № 51-й. Голова на NO. Найдены: 1 браслетъ, 6 вис. колецъ и 1 буса.

» № 52-й. Костякъ разрушенъ. Между колѣнъ — горшокъ. Глубина 2 ар.

» № 53-й. Голова на NO. Между ногъ горшокъ. Глубина 1 ар. Найденъ 1 — ножъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Могила № 54-й. Костякъ разрушенъ. При немъ: 2 лунницы; 1 толст. кольцо; 1 подвѣска съ гривны; 1 серьга; 2 перстня; 4 малыхъ кольца и 3 куска гривны.

» № 55-й. Голова на NN0. Правая рука на тазу; глубина $^3/_4$ арш. Длина 2 ар. 6 верш.

» № 56-й. Костякъ тронутъ (разрушенъ).

» № 57-й. Костякъ разрушенъ. При немъ: 2 колечка и 1 буса.

» № 58-й. Голова на SE. Лежитъ на лѣвомъ ухѣ. Длина костяка 2 арш. 8 верш.

» № 59-й. Костякъ разрушенъ. Глубина $^3/_4$ ар. Найдены: 2 подвѣски; 1 кусокъ гривны и 2 бусы.

» № 60-й. Костякъ разрушенъ. Глубина 1 ар.

» № 61-й. Костякъ разрушенъ. При немъ: цѣпь съ конькомъ и когтемъ и 1 буса.

» № 62-й. Костякъ разрушенъ.

» № 63-й. Голова на SE. Лежитъ на лѣвомъ ухѣ, рядомъ съ № 58. Длина 2 ар. 4 в. При немъ: 7 височныхъ колецъ и 1 половина; 4 половинки отъ серегъ.

» № 64-й. Костякъ разрушенъ. Найденъ горшокъ.

» № 65-й. Голова SE. Рука лежитъ на тазу. Глубина $^3/_4$ ар., длина 2 арш. 5 в. Ничего не найдено.

» № 66-й. Костякъ разрушенъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Могила № 67-й. Костякъ разрушенъ. Найдены: 1 серьга; 3 бусы; 2 височн. кольца; 1 подвѣска; 3 куска бусъ и двойной камень.

» № 68-й. Голова на N. Женскій костякъ съ маленькимъ костякомъ (ребенка 5—6 л.) на лѣвомъ плечѣ, держитъ рукою.

» №№ 69—84. Костяки разрушены настолько, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ положеніе. Ничего при нихъ не найдено.

Близъ кургана дѣтьми найдена мѣдная коробочка, — назначенія неизвѣстнаго. Предполагаю, могла служить дномъ колчана.

Список сокращений

ар., арш. – аршин (71,12 см)
вер., в. – вершок (4,445 см)
вис., височ., височн. – височное
г. – год
глин. – глиняный
кам. – каменный
л. – лет
мал. – малое
мелк. – мелкий
полов. – половинки
разм. – размер
Р. Хр. – Рождество Христово
серебр. – серебряный
средн. – средний
стекл. – стеклянный
толст. – толстое
шт. – штук
N – Le nord (Север)
O – L'ouest (Запад)
E – L'est (Восток)
S – Le sud (Юг)

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Приложение 2

Журнал сотого заседания Тверской ученой архивной комиссии 27 февраля 1906 г. / Под ред. И.А. Виноградова. Тверь: Типография Тверского Губернского Правления, 1907. С. 42–43.

9. Предсѣдатель доложилъ, что князь Андрей Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ прислалъ для помѣщенія въ Музеѣ 325 предметовъ изъ раскопокъ Федовскаго могильника, произведенныхъ имъ въ 1905 году. Предметы слѣдующіе:

I. Диргемы и монеты.

1) Диргемы серебряные	4	шт.
2) Монета (съ отломаннымъ краемъ)	1	»

II. Бусы каменныя.

3) Бусы бѣлыя граненыя (горнаго хрусталя)	8	»
4) Каменныя подвѣски разныхъ формъ	3	»
5) Сердоликовыя мелкія круглыя	6	»
6) » крупныя граненыя	6	»

III. Бусы стеклянныя.

7) Вызолоченныя и высеребренныя разныхъ формъ .	160	»

IV. Металлическія.

8) Дутыя, круглыя, цѣльныя и половинки	15	»

V. Бубенчики.

9) Крупные, средніе и мелкіе	9	»

VI. Разныя металлическія украшенія.

10) Браслетъ витой проволоки	1	»
11) Перстни (у одного отломана часть)	2	»
12) Пряжка	1	»
13) Цѣпочка съ кольцомъ	1	»
14) Серьга	1	»
15) Колечко	1	»
16) Пластинки	2	»
17) Кусокъ массивной гривны	1	»
18) Тоже	2	»

VII. Разные предметы.

19) Ножей желѣзныхъ	5	»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

20) Гвоздь желѣзный	1	»
21) Гребень роговой	1	»
22) Кусокъ костянаго черенка съ орнаментомъ . . .	1	»
23) Желѣзка съ крючкомъ на концѣ	1	»

VIII. Височныя кольца.

24) Кольца разныхъ размѣровъ	58	»
25) Кусковъ	14	»
26) Три куска проволоки отъ гривнъ	3	»

IX. Горшки глиняные.

27) Цѣльныхъ горшковъ съ клеймами	2	»
28) Разбитыхъ горшковъ	5	»
29) Черепковъ глиняныхъ съ орнаментомъ	10	»

Найденные вмѣстѣ съ этими предметами костяки, по словамъ князя А. А., не представляютъ существенныхъ отличій отъ выкопанныхъ раньше въ томъ же могильникѣ, почему они и не представлены въ Музей.

Постановлено: Предметы помѣстить въ Музей, князю А. А. Ширинскому-Шихматову выразить глубокую признательность.

Список сокращений

шт. – штука

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Тверской музей и его приобретения в 1906 году / Сост. В.И. Колосов. Тверь, 1906. С. 17–21.

Картоны съ предметами изъ раскопокъ Федовскаго могильника въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ, произведенныхъ лѣтомъ 1903 г. членомъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи кн. А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ (цифры, стоящія за названіемъ предмета, указываютъ № кургана):

10953. 5 лунницъ (изъ 45 кургана); браслетъ (41); четыре височныхъ кольца (41); серьга (45); два колечка (45); пять бусъ (45); подвѣсокъ (43); шесть бусъ (41); три бусы (43); три колечка (43); два перстня (41); два бубенчика (43 и 45); три цѣльныхъ и четыре куска височныхъ колецъ (40); одна монета (40).

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

10954. Двѣ серьги (39); три цѣльныхъ и четыре куска височныхъ колецъ (39); 34 стеклянныхъ позолоченныхъ бусы (36); четыре половинки отъ двухъ серегъ (36); одна красная буса (39); четыре большихъ височныхъ кольца (34 и 35); два малыхъ височныхъ кольца (35); 21 буса различныхъ формъ и цвѣта—глиняныя и стеклянныя (34); пять височныхъ колецъ цѣльныхъ и четыре куска (34); двѣ серьги (34); двѣ стеклянныхъ продолговатыхъ бусы синяго цвѣта (34); Саманидскій диргемъ Абдулъ-Мелика I; Балхъ, 357—967 г. по Р. Хр. (36); двѣ малыхъ монеты: одна — Іоанна I Циммисхія (969—976 по Р. Хр.), другая—Бруно III, графа Фрисландскаго (1038—1057)—(34).

10955. Желѣзный ножъ (15); кусокъ желѣзнаго ножа (15); кусокъ гривны (15); два куска височныхъ колецъ (15); одно малое височное кольцо (15); перстень (15); два височныхъ кольца (14); перстень (14); одна витая гривна (11); четыре височныхъ кольца цѣльныхъ и двѣ половинки (11); двадцать пять стеклянныхъ и глиняныхъ бусъ (11); цѣпь съ когтемъ (11); одинъ бубенчикъ (11); одинъ подвѣсокъ съ изображеніемъ головы быка (11).

10956. Шесть височныхъ колецъ большихъ и одно малое (6); одинъ браслетъ (6); два диргема: одинъ Саманидскій, нашъ 36* года, другой—варварское подражаніе саманидскому диргему X вѣка (6); одна каменная красная подвѣска (6); 17 разныхъ бусъ (6); 11 бубенчиковъ (6); одинъ подвѣсокъ проволочный (6); одна синяя буса (6); четыре лунницы (6); три височныхъ кольца цѣльныхъ и одна половинка (5); одинъ диргемъ Самонидскій, нашъ 333—944 г. по Р. Хр. (5); два перстня (5); подвѣсокъ изъ трехъ колецъ (5); красная каменная подвѣска (5); одинъ перстень (3) и бляха круглая съ орнаментомъ (3).

Государственный объединенный музей

10957. 11 разныхъ бусъ (1); семь Саманидскихъ диргемъ, битыхъ въ началѣ X вѣка по Р. Хр. въ Эндеробѣ (1); одна серьга (2); три бубенчика (2); 11 круглыхъ подвѣсокъ (2); восемь височныхъ колецъ (2); одна гривна витая (2); четыре бусы (2); одинъ коготь (2) и цѣпь (2).

10958. Двѣ лунницы (одна съ кольцомъ)—(7); одно кольцо отъ пряжки (7); цѣпь съ конькомъ (8); фибула безъ орнамента (8); одинъ ножъ (8); одни ножны (8); два височныхъ кольца (8); одинъ топоръ (8); шесть мелкихъ височныхъ колецъ и одно толстое (9); пять височныхъ колецъ (10) и четыре бусы (10).

10959. Одинъ каменный наконечникъ (24); два малыхъ височныхъ кольца (24); серебряный крестикъ (26); одна гривна гладкая (27); пять височныхъ колецъ (27); одинъ перстень съ гнѣздомъ для камня (27); три серьги (27); одинъ диргемъ—варварское подражаніе саманидскому диргему X вѣка (27); семь крупныхъ бусъ (27); три малыхъ височныхъ кольца (28); пять бусъ (28); одно толстое кольцо (30); три крупныхъ бубенца (30); три височныхъ кольца (33); шесть голубыхъ и нѣсколько мелкихъ бѣлыхъ бусъ (30).

10960. Одна большая и три мелкихъ бляхи (22); семь височныхъ колецъ (21); четыре бусы (21); семь височныхъ колецъ (17); одинъ перстенъ (17); одна серьга (17); двадцать восемь бусъ (17); коготь звѣря (16); одно среднихъ размѣровъ височное кольцо (16) и одна подвѣска.

10961. Восемь большихъ височныхъ колецъ (46); два куска височныхъ колецъ (46); пять бубенчиковъ (46); одно малое толстое кольцо и одно кольцо съ какимъ-то сплавомъ (46); одна лунница (47); одно височное кольцо (47); два височныхъ кольца (50); одна серьга (50); одинъ перстень (50); одна металлическая подвѣска (50); одинъ браслетъ (51) и шесть височныхъ колецъ (51).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

10962. Двѣ лунницы (54); одно толстое кольцо (54); одна подвѣска съ гривны (54); одна серьга (54); два перстня (54); четыре малыхъ кольца (54); цѣпь съ конькомъ и когтемъ (61); два малыхъ кольца (59); двѣ подвѣски (57); пять височныхъ колецъ (63); четыре половинки отъ серегъ (63); шесть кусковъ височныхъ колецъ (67); четыре бусы (67); одно малое кольцо (67); девять бубенчиковъ (67); одна буса (67); двадцать бусъ (67); одинъ перстень и одинъ браслетъ (67).

Тамъ-же найденные предметы (расположены не на картонахъ):

10963. Пять желѣзныхъ ножей изъ кургановъ: 2, 20, 25, 31 и 38.

10964. Куски гривенъ—изъ кургановъ: 5, 54, 57 и куски колецъ—изъ кургановъ: 2, 41, 46, 57 и 63.

10965. Коллекція бусъ различной формы, подвѣски, бубенчики и проч.

10966. Монеты.

10967. Неопредѣленный мѣдный предметъ, въ родѣ коробочки; по мнѣнію А. А. Ширинскаго-Шихматова, этотъ предметъ могъ служить дномъ колчана.

10968. Четыре цѣлыхъ и четыре побитыхъ горшка (а—з) и коллекція горшечныхъ черепковъ—орнаментированныхъ. «Препровождаемые горшки, говоритъ А. А. Ширинскій-Шихматовъ, цѣльные и осколки, найдены въ ногахъ нѣкоторыхъ костяковъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ зажатыми между колѣнами; не были найдены горшки зарытыми безъ связи съ костяками».

10969. Части костяковъ: 8 (а—з) череповъ нѣсколько (и) позвонковъ, копчикъ, двѣ кости таза и связка (к) бедровыхъ, берцовыхъ и локтевыхъ костей. Относительно положенія костяковъ въ моменты раскопокъ А. А. говоритъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

слѣдующее: «положеніе костяковъ покойное, на спинѣ, съ вытянутыми по сторонамъ тѣла руками. Только въ трехъ случаяхъ руки оказались положенными на тазу. Дѣтскихъ костяковъ найдено 2; одинъ изъ нихъ, 5—6 лѣтъ, положенъ на лѣвомъ плечѣ женскаго костяка—вѣрно матери, при чемъ рука матери обнимала тѣло ребенка; большинство головъ лежало на правомъ ухѣ; почти всѣ костяки расположены преимущественно головами къ среднему кургану, обступая его почти со всѣхъ сторонъ. Наибольшій костякъ былъ 2 арш. 9 верш., наименьшій—2 арш. 2 верш.».

Предметы, найденные А. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ при раскопкахъ Федовскаго могильника въ 1905 году:

10970. Коллекція височныхъ колецъ цѣльныхъ и поломанныхъ, различныхъ размѣровъ.

10971. Браслетъ изъ витой проволоки.

10972. Желѣзка съ крючкомъ на концѣ.

10973. Девять бубенчиковъ.

10974. Четыре серебряныхъ диргема.

10975. Бусы стеклянныя вызолоченыя, гладкія и граненыя, каменныя и металлическія—дутыя.

10976. Пять ножей желѣзныхъ, гвоздь, гребень роговой, кусокъ костянаго черепка съ орнаментомъ.

10977. Два куска перстня, пряжка, цѣпочка съ колечками, три пластинки—одна витая, часть лунницы, два куска гривны, серьга и малое височное кольцо.

10978. Шесть крупныхъ граненыхъ и три мелкихъ сердоликовыхъ бусы, пять бѣлыхъ горнаго хрусталя граненыхъ бусъ и три каменныхъ подвѣски различной формы.

10979. Два цѣльныхъ съ клеймами и четыре побитыхъ съ орнаментомъ горшка; нѣсколько орнаментированныхъ горшечныхъ черепковъ.

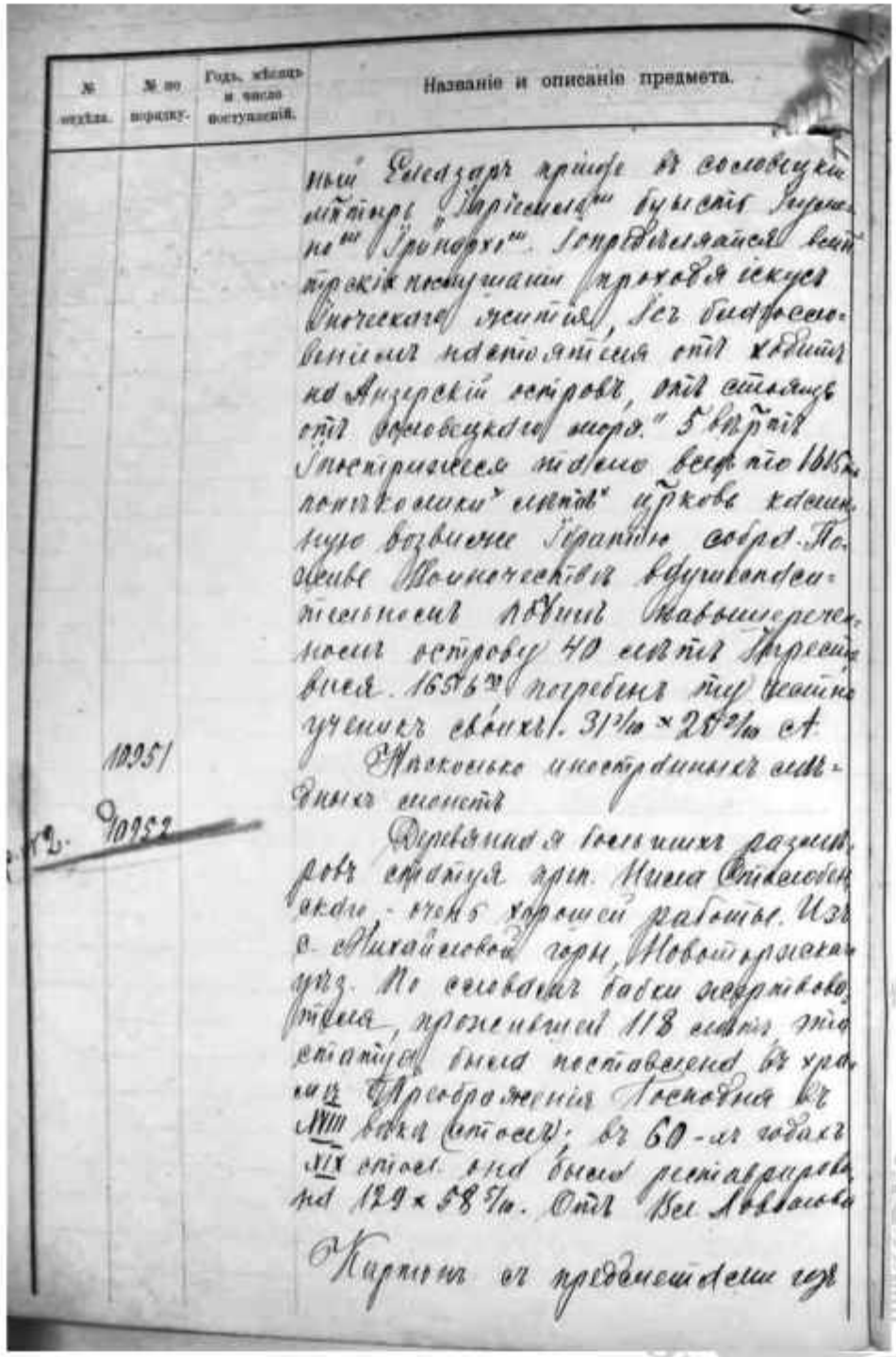
Список сокращений

ар., арш. – аршин (71,12 см)
вер., в. – вершок (4,445 см)
г. – год
Р. Хр. – Рождество Христово

ГМЗ • Государственный объединенный музей •

Приложение 4

Книга поступлений Тверского музея (№ 9017–11925) за 1895–1909 гг.
Часть 5 // Научный архив ТГОМ.
Ф. 11, опись 1, ед. хр. 26, св. 6, л. 350 об. – 357 об.

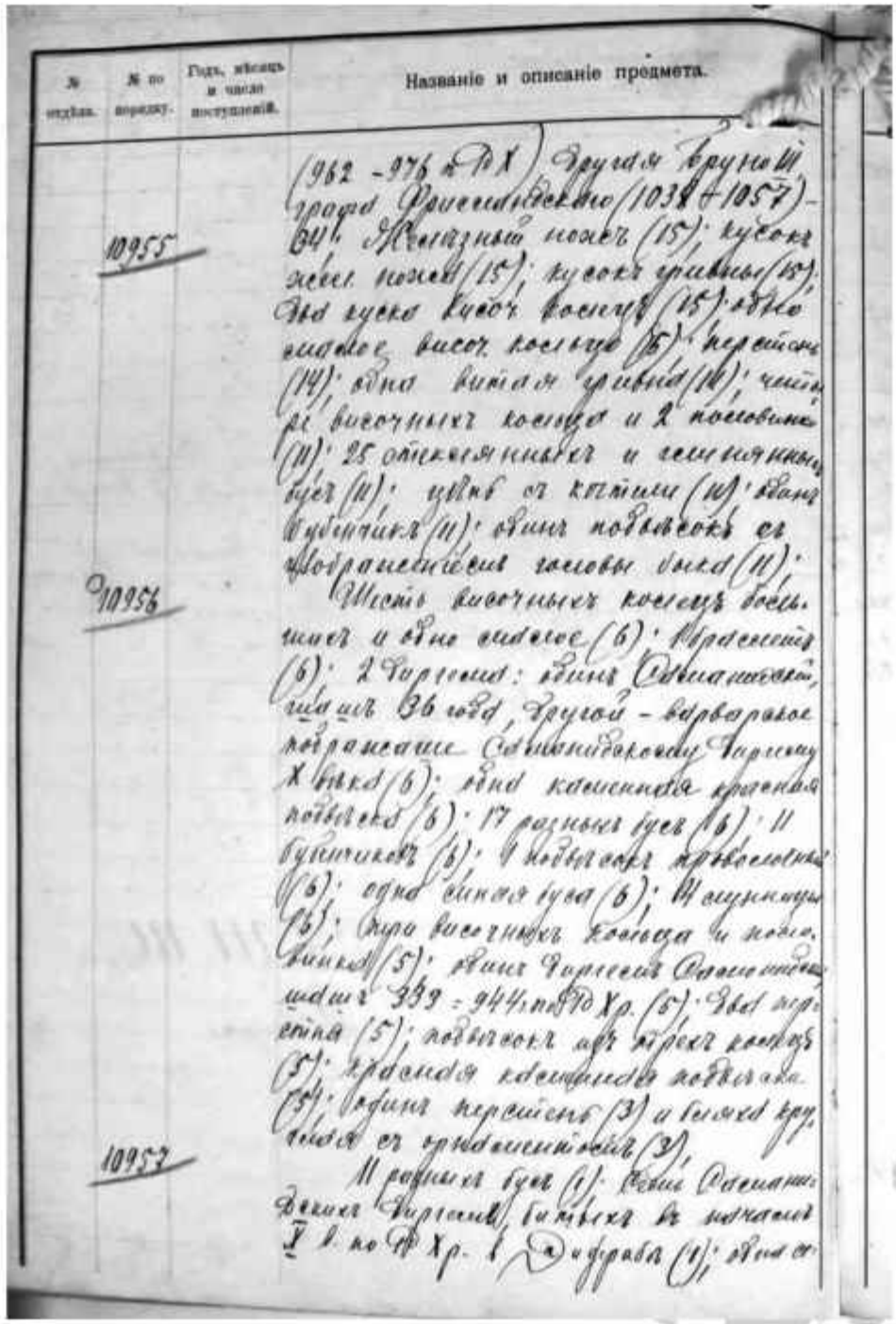

№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленій.	Названіе и описаніе предмета.
			ный Ѳеодоръ грѣшенъ въ соловецкомъ мѣдномъ "Царскомъ" бумажномъ "Ерофеи". Сохранившійся весь царскій поступокъ прекрасной искусной Греческаго письма, Съ благословеніемъ напечатанъ отецъ Авдій на Анзерскій островъ, отецъ отшельникъ Соловецкаго моря." 5 марта Географическое изданіе весь по 1885 г. почтовыми" святой церкви хвалитъ Царское возвеніе Царскій собор. По. Обѣдня Божественная Архіепископъ Литургія Жаворонковскаго острову 40 святыхъ Царскій Вѣсть. 1656 г. погребенъ тутъ Иванъ Грозный своихъ. 31 1/10 × 28 1/10 ст.
	10951		Жалованье иностранныхъ монетъ
	10952		Деревянная большихъ размѣровъ старинная Царь. Миша Спасовой школы - очень хорошей работы. Изъ с. Михайловской горы, Новой Красной улиц. По сказкамъ бабки Акулины, Отца, прожившей 118 лѣтъ. Это старинная была поставлена въ храмѣ Преображенія Господня въ XVIII вѣкѣ (80-ые); въ 60-хъ годахъ XIX столѣт. она была реставрирована 129 × 58 1/10. Отецъ Всѣ Любовь
			Картина отъ предшествующаго года

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленій.	Названіе и описаніе предмета.
			раскопокъ Федевскаго епископскаго дома въ Шиневенскомъ уѣздѣ произведенныхъ епископомъ 1903 года. Пожертвованіе Тверской Архивной Комиссіи А.А. Шереметевымъ. Шиневенскій курганъ №5.
10953			5 сердецъ (изъ 45 кургана); бронзовый (41). Изъ бисерныхъ колецъ (41) серебр (45). Два колечка (45). 5 бусъ (45) позолоченныхъ (43). 6 бусъ (44). 3 бусы (43); три колечка (43). Два турецкихъ (41), два бубенчика (45-43) двѣ цѣпочки и четыре куска бисерныхъ колецъ (40), одна монета (40).
10954			Двѣ серги (39). Три кольца и 4 куска бисерныхъ колецъ (39). 34 стеклянныхъ позолоченныхъ бусы (36). 4 пластинки отъ двухъ сергъ (36). одна красная бусъ (39). четыре бисерныхъ бисерныхъ колецъ (35-34). 2 кол. стеклянныхъ бисерныхъ колецъ (35). 21 бусъ разсѣчной формы и цвѣтной, стеклянныя и бисерныхъ колецъ цвѣтныхъ и 4 куска (34). двѣ серги (34). двѣ стеклянныхъ краснозолотыхъ бусы синяго цвѣта (34). Одна пирамидальная бусъ Двѣ бусы Мелкія 1. бисер. 37 года = 36 гг. по Д. Хр. (36). 2 бисерныхъ стеклянныхъ. одна красная 1 цилиндрическая

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

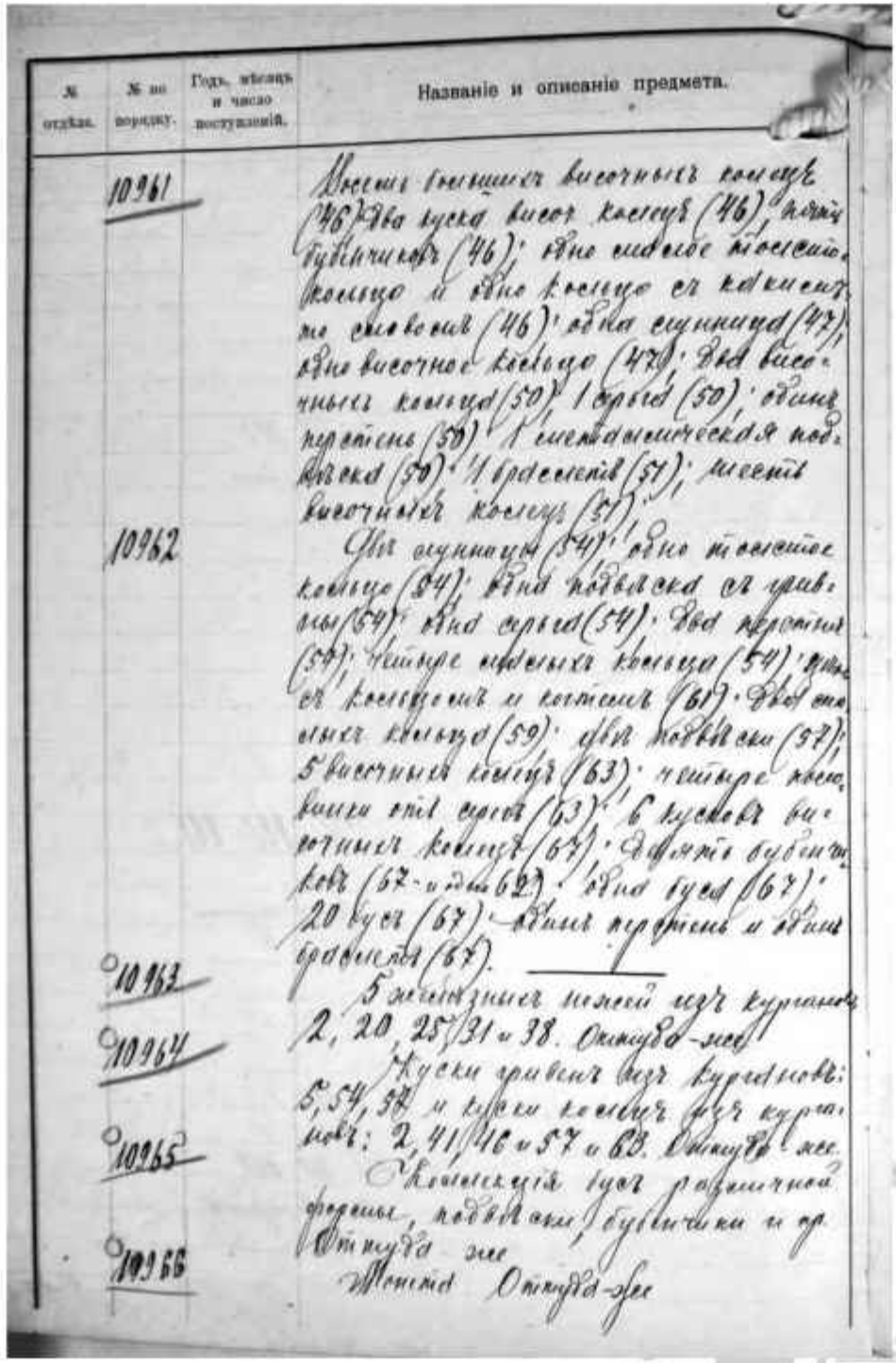

№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленія.	Названіе и описаніе предмета.
	10955		(962 – 976 и Рх) Другая крупная графа Ярославовскаго (1038 + 1057) – 64. Женскаго пояса (15); кусокъ мѣдн. пояса (15); кусокъ гривны (15). Два куска бисер. косника (15). Одно синее бисер. косника (15); перстень (14); одна витая гривна (14); часть височныхъ колецъ и 2 колтовины (11); 25 стеклянныхъ и сердоликовыхъ бусъ (11); цѣпь съ клѣтями (10); бляха бубенчики (11); одинъ подвѣсокъ съ изображеніемъ гаповы бусы (11).
	10956		Шесть височныхъ колецъ бисерныхъ и одно синее (6); перстень (6); 2 гарнитура: одинъ Сѣвернаго, другой 36 гоф, другой – варварское подражаніе Сѣверянскому гарнитуру X вѣка (6); одна каменная пронизка подвѣсокъ (6); 17 разныхъ бусъ (6); 11 бубенчиковъ (6); 4 подвѣски крестообразныя (6); одна синяя бусы (6); 11 сердоликовъ (6); около височныхъ колецъ 4 полосатыхъ (5); одинъ гарнитуръ Сѣверянскій одинъ 339 = 944, подъ X р. (5); два перстня (5); подвѣсокъ изъ бѣлаго камня (5); крестикъ каменный подвѣсокъ (5); одинъ перстень (3) и бисерное кружево съ крестовидными (3).
	10957		11 разныхъ бусъ (1); одинъ Сѣверянскій гарнитуръ бисерныхъ въ началѣ X в. по Р Х р. и Двѣ фигурки (1); одна от

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

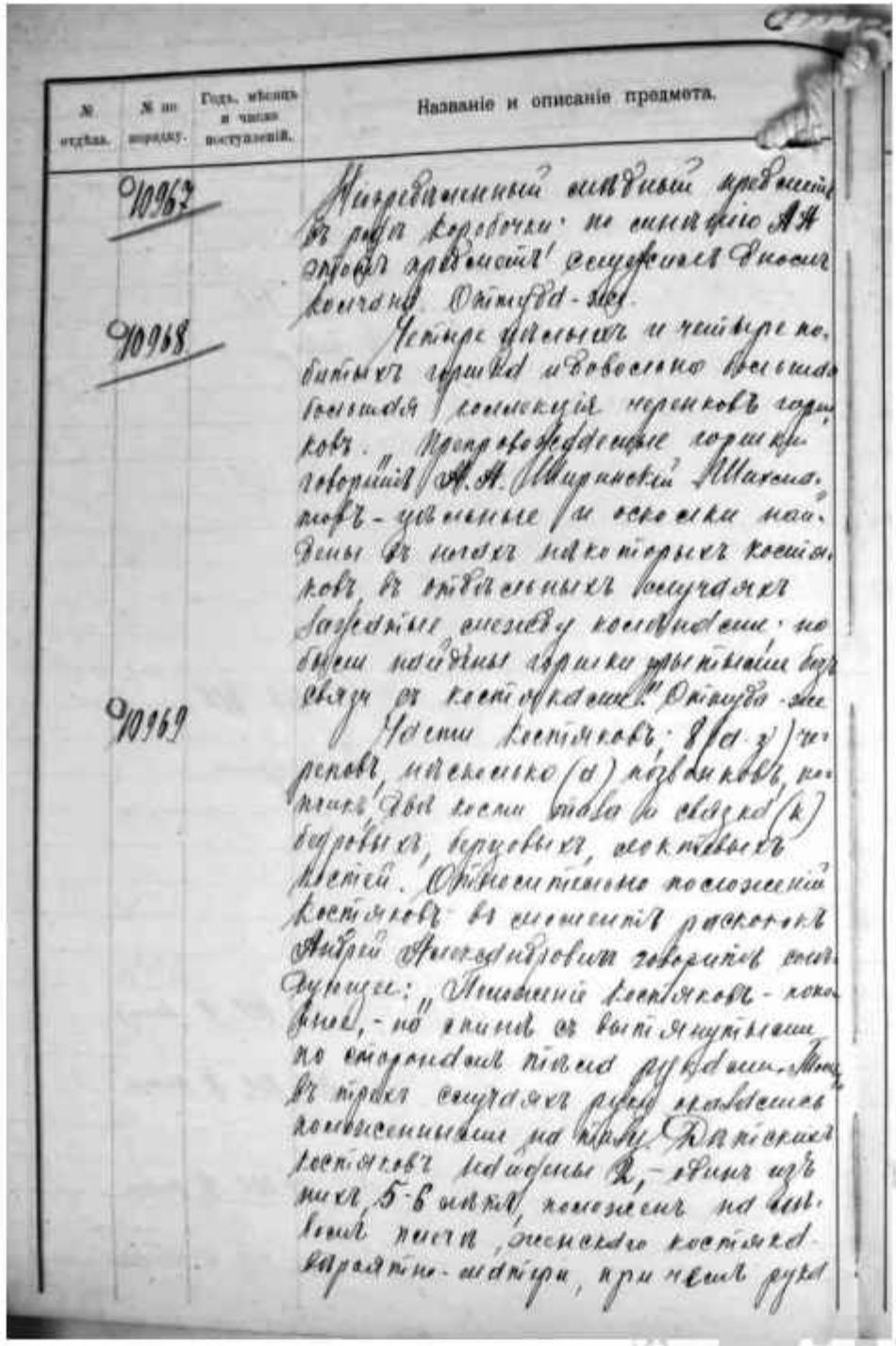
№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленій.	Названіе и описаніе предмета.
			ряд (2); при бубенчиках (2); 11 крупных бубенчиков (2); 8 висюк хвостов (2); 1 судовых винтов (2); 4 бусы (2); 1 головка (2); ушко (2).
10957			2 ошейника (обрывки от конского убора) (7); одно вязаное кружево (7); пряжка с застежкой (8); дробусина без украшений (8); 1 пенал (8); 11 пожимок (8); 2 высочных колечка (8); 1 пломба (8); шесть свесных высочных колесцов и одно такое (9); 5 высочных колесцов и 4 бусы (10);
10959			Обрывок ременный металлический (24); два свесных высочных колесца (24); серебряный крестик (26); одна гривенка головная; 15 высочных колесцов; 1 перстень с гнездом для камня; 3 скорлупки; 1 бронзовая варварская подражательная Сафоновскому типу (?) X в. по Р. Хр.; 7 крупных бубенчиков (27); при свесных высочных колесцах (28); 5 бусин (28); одно плоское колесцо (30); при крупных бубенчиках (30); при высочных колесцах (33); 6 конусных и пятаковидных свесных бубенчиков (30).
10960			Одна боковина и при ней свесных висюлек (22); Семь высочных колесцов (17); одно кресгик (17); одна пряжка (17); 28 бусин (17); колесо двурядное (16); и одна погремушка.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

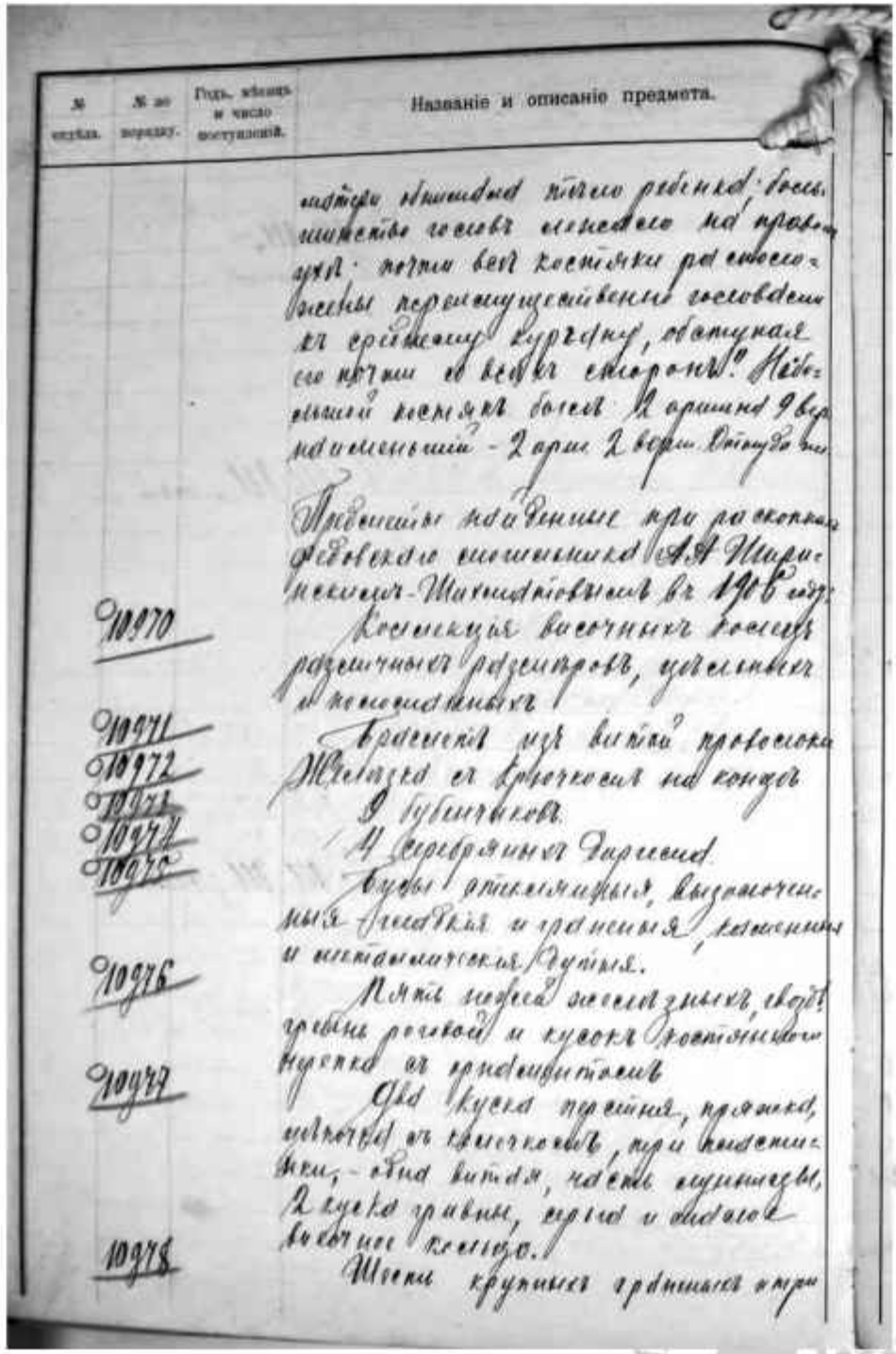
№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленій.	Названіе и описаніе предмета.
	10961		Шесть бѣлыхъ височныхъ колецъ (46). Два куска височ. колецъ (46). Пять бубенчиковъ (46). Одно синее височное кольцо и одно кольцо съ подвѣсками (46). Одна спиральная (47). Одно височное кольцо (47). Два височныхъ кольца (50). 1 серебр. (50). Одна перетяжь (50). 1 змѣевидная подвѣска (50). 11 бронзовыхъ (51). Шесть височныхъ колецъ (51).
	10962		Пять спиральныхъ (54). Одно височное кольцо (54). Одна подвѣска съ грив. (54). Одно серебр. (54). Двѣ перетяжи (54). Четыре цвѣтныхъ кольца (54). Одно съ колпачк. и гвоздик. (61). Двѣ стекл. кольца (59). Двѣ подвѣски (57). 5 височныхъ колецъ (63). Четыре височныя отъ серегъ (63). 6 кусковъ височныхъ колецъ (67). Девять бубенчиковъ (62 и одинъ 62). Одно кусо (67). 20 кусо (67). Одна перетяжь и одна бронзовая (67).
	10963		5 желѣзныхъ нижнихъ дуг курганъ 2, 20, 25, 31 и 38. Отпущ.
	10964		Куски гривенъ безъ кургановъ: 5, 54, 37 и куски кольчуг безъ курган.: 2, 41, 46 и 57 и 63. Отпущ.
	10965		Кольчуга куск различной формы, подвѣски, бубенчики и пр. Отпущ.
	10966		Монисто Отпущ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

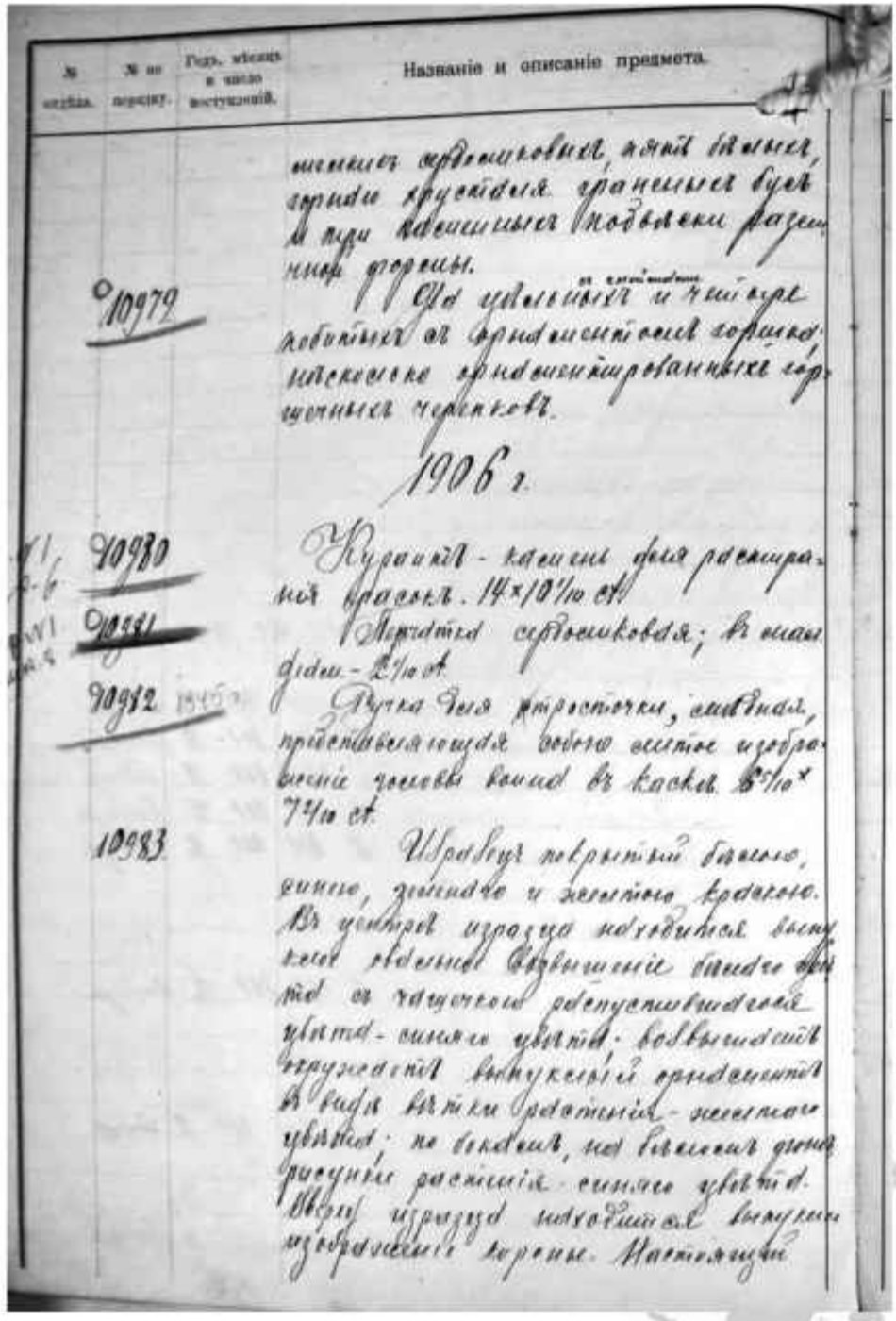
№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленія.	Названіе и описаніе предмета.
10967			Миніатюрный оловянный кувшинъ въ родѣ коробочки по описанію А.А. Спицына заимствованъ [illegible] Вятской губ. Орлинскаго у.
10968			Четыре цѣльныхъ и четыре поврежденныхъ горшка изъ Вологодской губ. Кадниковскаго уѣзда, пріобрѣтенные [illegible] А.А. Спицынымъ. Шахматовъ – удивленные и осколки найденные въ ямахъ нѣкоторыхъ костищъ, въ приведенныхъ выше случаяхъ [illegible] среднихъ столѣтій. Орлинскаго у.
10969			Черепъ костяной; 8 (и 2) черепковъ, нѣсколько (8) позвонковъ, ребра, двѣ кости бедра и обломокъ (1) бедренныхъ, берцовыхъ, локтевыхъ костей. Относительно положенія костяковъ въ описаніи раскопокъ Андрей Александровичъ говоритъ слѣдующее: „Лежавшій костякъ – покойникъ, – по имени въ выпрямленномъ положеніи [illegible] Такъ въ первомъ случаѣ рука покойника положена на [illegible] Изъ [illegible] костяковъ найдены 2, – одинъ изъ нихъ 5-ти лѣтній, помѣщенъ на [illegible] [illegible] костякъ [illegible] [illegible]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

№ отдѣл.	№ по порядку.	Годъ, мѣсяцъ и число поступленія.	Названіе и описаніе предмета.
			мѣстно найденный черепъ ребенка: бесѣд. шипенія голосовъ испуганнаго ни проз. ухомъ: почти всѣ костяки родового склепа перемѣщенные: свидѣтельствуетъ о ерейскомъ курганѣ, обкапывая его почти со всѣхъ сторонъ. Найденный костякъ былъ 2 аршина 9 вер. наименьшій - 2 арш. 2 верш. Выкопанъ
			Древнія находки при раскопкѣ родового могильника А.А. Ширинскимъ-Шихматовымъ въ 1906 году.
10970			Коллекція височныхъ колецъ различныхъ рисунковъ, цѣльныхъ и поломанныхъ
10971			Бронзовый изъ витой проволоки
10972			Желѣзный съ бронзовыми на концахъ
10973			2 бубенчиковъ.
10974			4 серебряныхъ бляшекъ
10975			Бусы стеклянныя, вызолоченныя, синія и граненыя, плоскія и шестигранныя. Кучка
10976			Пять гирекъ заостренныхъ, двѣ гривны ровныя и кусокъ проволоки
10977			Одинъ кусокъ проволоки, прямой, одинъ съ крючкомъ, три неопредѣленныхъ, - одна витая, найдены вмѣстѣ, 2 куска гривны, ровныя и одинаковыя толщины.
10978			Шесть крупныхъ гранитныхъ и мра

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

№ отдѣл.	№ по порядку	Годъ, мѣсяцъ и число поступленій.	Названіе и описаніе предмета.
			шишекъ сфагновыхъ, изъ болота, горизонтальныхъ границъ былъ и при извѣстныхъ подъемахъ разнообразной формы.
	10979		Изъ удмуртскихъ и чистопольскихъ отложеній горизонтальныхъ и наклонно-пластованныхъ горизонтальныхъ черепковъ.
			1906 г.
	10980		Курганная - каменная фигура расширяющаяся книзу. 14×10½ см.
	10981		Мужская сфагновая; в виде фигуры - 2½ см.
	10982	1845	Ручка фигурная, стеклянная, представляющая собою женское изображение головы вниз в каске. 5½× 7½ см.
	10983		Изразецъ покрытый бѣлою, синею, зеленою и желтою краскою. Въ центрѣ изразца находится выпуклое изображение. Окружающее бѣлого фона отъ находящихся красокъ - синяго цвѣта - синяго цвѣта; возвышающееся выпуклой орнаментной въ видѣ вѣтки растенія - желтаго цвѣта; по бокамъ, на бѣломъ фонѣ рисунки растенія - синяго цвѣта. Изразецъ изразецъ находится выпуклое изображение зеркала. Настоящій

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

I.V. Islanova, E.A. Dement'yev, A.N. Pichugina, S.M. Smirnova

FUNERAL OBJECTS NEAR THE VILLAGE OF FYODOVO, VYSHNEVOLOTSKY DISTRICT, TVER REGION (RESEARCH AND MATERIALS)

Summary

The article analyzes source material published and stored in archives on the complex of funerary monuments near the village of Fyodovo, which allows us to supplement significant information about these famous objects. The generally accepted opinion in archaeological literature about the almost complete exploration of the Fyodovsky soil burial ground in 1903 is corrected by this article. Photographs of grave goods from excavations in 1903, which are stored in the photo department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, are published here. Information and archival data are provided on the excavations of the burial ground not only in 1903, but also in 1905, when about 40 graves were supposedly opened. The information about reconnaissance work on the territory of the burial ground in 1980, which showed the prospective of further study of the remains of this monument is also published in this issue.

I.V. Islanova – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Uljanova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: ivisl@mail.ru

E.A. Dement'yev – Scientific Institute of Archaeological and Historical-Cultural Research
of The Kosygin State University of Russia,
1, block 2, Smolensky Lane, Tver', 170100, Russia
E-mail: hurtlocker511@mail.ru

A.N. Pichugina – Tver' State United Museum,
15, S. Perovskoy St., Tver', 170006, Russia
E-mail: ankord09@rambler.ru

S.M. Smirnova – Scientific Institute of Archaeological and Historical-Cultural Research
of The Kosygin State University of Russia,
1, block 2, Smolensky Lane, Tver', 170100, Russia
E-mail: lisjaka@list.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

С.В. Васильев

ФОРМИРОВАНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ *HOMO SAPIENS* В ПАЛЕОЛИТЕ И КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА

Формирование современных краниологических расовых комплексов шло по-разному и неодинаковыми темпами в каждом регионе. В зоне контакта двух очагов расогенеза – восточного и западного – выделение расогенетических линий с непрерывной преемственностью задерживалось и блокировалось активными метисационными процессами. В Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии такие линии сформировались раньше и не подвергались резким разрушающим генетическим влияниям. Более поздние северные (протоевропеоидный и протомонголоидный) очаги расообразования активно взаимодействовали друг с другом и отчасти даже с древними южными центрами.

DOI: 10.70203/3447.2024.87.31.034

Долгое время происхождение Человека разумного связывали с верхнепалеолитической эпохой. Действительно, где-то около 40 тысяч лет тому назад первые представители *Homo sapiens* появляются и в Европе (Младеч V) и в Азии (Вадьяк). Однако палеоантропологические исследования последних двадцати лет показали бóльшую древность человека современного типа, которая выходит за рамки верхнего палеолита. Ряд находок, происходящих из Африки (Элие Спрингс, Бордер Кейв, Летоли 18, Омо, раскопки Мумбва и т. д.), как осторожно пишут исследователи «человека, анатомически сходного с современным», удревнили до 120–150 тысяч лет. Таким образом, *Homo sapiens* оказался древнее неандертальцев, что исключает возможность участия последних в эволюции сапиентных форм. Так кто же был предком современного человека? Сколько было центров его происхождения? На сегодняшний день эти вопросы решаются большинством учёных-антропологов однозначно. Безусловно, именно африканский континент мог быть прародиной современного человека, а предками его, скорее всего, были эректоидные формы, которые населяли довольно обширные территории Африки 300–200 тысяч лет тому назад [1].

Наиболее древней сапиентной находкой за пределами Африки является Кафзех 6 на территории Палестины. По разным источникам, она датируется от 115 до 92 тысяч лет. Более того, географическое положение этой находки указывает на возможный восточный путь миграции *Homo sapiens* с африканского континента. Так или иначе, но где-то около 100 тысяч лет тому назад человек современного типа начал заселять земной шар. Как мы уже знаем, в пределах 40 тысяч лет тому назад человек разумный появился в Европе и Азии. Судя по костным останкам, на австралийский континент человек попал около 30 тысяч лет до наших дней. Американский континент, скорее всего, заселялся с севера на юг, и первые люди туда попали по сухопутному перешейку, соединявшему Чукотский полуостров с Аляской, 25–20 тысяч лет назад. Последней была заселена Южная Америка, и мы можем констатировать, что к концу верхнего палеолита (12–10 тысяч лет назад) человек разумный заселил все экологически доступные места на земном шаре. Следовательно, рассуждая о верхнепалеолитических людях, мы говорим о времени не столько их происхождения, сколько их расселения.

Ныне известно большое число (более ста) местонахождений верхнего палеолита, в части которых обнаружены костные останки человека современного типа. Практически все верхнепалеолитические останки имеют ряд морфологических отличий от предшествующих форм и описываются как разновидности сапиентного типа. Диаметры их мозговой коробки близки к средним величинам современных долихокранных черепов; высота черепного свода больше, чем у черепов довюрмского времени; височная чешуя имеет большой вертикальный размер, соответствуя уровню прохождения первой височной борозды мозга; надбровье – I–II типа, инион расположен низко; контур челюстно-скуловой дуги вогнутый; на передней стенке верхней челюсти имеется клыковая ямка; в симфизе нижней челюсти выделяется подбородочный треугольник [2].

На отдельных черепах людей верхнего палеолита сапиентный комплекс признаков выражен не полностью, ряд черепов характеризуются сохранением некоторых примитивных особенностей.

Как было указано выше, в настоящее время известны сотни стоянок верхнего палеолита, в том числе несколько десятков стоянок, содержащих скелетные останки ископаемых людей современного типа. Наибольшее число черепов найдено на территории Франции и бывшей Чехословакии. В России верхнепалеолитические черепа обнаружены в двух районах европейской части страны: в Воронежской области (Костёнки) и во Владимирской области (Сунгирь).

Ещё в 1927 году Г. Морант [3], сопоставив все измерения, пришёл к выводу, что все найденные в Европе верхнепалеолитические черепа составляют одну серию, не более изменчивую, чем многие современные. Однако, учтя изменчивость отдельных признаков, Г. Морант не учёл вариации их сочетаний. Именно изучая эти комплексы краниологических признаков, ряд исследователей [4; 5] выделяют среди сапиенсов верхнего палеолита ряд морфологических вариантов, иногда называя их палеорасами. Так, например, К. Заллер выделял четыре палеорасы: гримальдийскую, кроманьонскую, шанселядскую и брюннскую; а В.В. Бунак находил возможным выделять семь различных морфологических вариантов: гримальдийский, комбкапелльский (брюннский), кроманьонский, солютрейский, оберкассельский, шанселядский и пржедмостский. Вот как описывает В.В. Бунак всем известный кроманьонский вариант верхнепалеолитического человека: удлинённая, широкая и низкая мозговая коробка пятиугольной формы, с выступающими лобными, теменными и затылочными буграми, с невыраженным рельефом надбровья, лицо широкое, средневысокое, с малым лицевым указателем, слегка прогнатное, носовое отверстие высокое и узкое, носовые кости образуют значительный угол с лицевой линией. Однако, выделяя морфологические варианты в верхнем палеолите, В.В. Бунак [6] всё же исходил из так называемой концепции «краниологического полиморфизма», согласно которой: 1) верхнепалеолитические люди по черепам отличаются от современных наличием некоторых специфических особенностей, и потому выделяются в особую группу ископаемых неоантропов; 2) краниологические типы верхнего палеолита наряду с признаками, входящими в комплекс особенностей одной группы, включают признаки, не свойственные данной антропологической группе, а характерные для других групп; 3) краниологические типы, вполне соответствующие вариантам последующих эпох, в верхнем палеолите не установлены; 4) приуроченность определённого комплекса особенностей к определённой ограниченной территории в верхнем палеолите отсутствует.

Исходя из вышеизложенных типологизаций, российские находки классифицируются следующим образом: Костёнки 14 (Маркина Гора) – гримальдийский тип, Костёнки 2 (Аносов Лог) – кроманьонский тип, Костёнки 15 (Городцовское) и Костёнки 18 (Покровский Лог) – брно-пшедмостский тип, Сунгирь 1 В.В. Бунаком определён как «Человек разумный ископаемый верхнеплейстоценовый восточноевропейский из Сунгиря» [6; 7].

Несмотря на столь хорошо разработанные типологизации верхнепалеолитических морфологических вариантов, в 1983 году немецкий антрополог В. Хенке (цит. по [8]) провёл интересное исследование по классификации верхнепалеолитических и мезолитических черепов, происходящих из Европы, использовав метод главных компонент. Проделанный анализ подтвердил прежние представления о характере дифференциации краниологических типов данного региона и данного периода времени в том смысле, что широкие и низкие черепа типа Кро-Маньон I заняли противоположный полюс по отношению к узким и высоким черепам типа Комб-Капелль. Однако выделение крайних вариантов не позволило построить настоящую классификацию, поскольку совокупность в целом выглядела аморфной и не обнаруживала тенденции к образованию отдельных комплексов. Автору исследования не удалось даже дифференцировать верхнепалеолитические и мезолитические черепа. Как полагает А.А. Зубов [8], мы застаём в данную эпоху в Европе картину морфологической пестроты, в основе которой лежат широкомасштабные процессы метисации при достаточно большой для того времени плотности населения в регионе.

Таким образом, при классификации типов верхнего палеолита выделение вариантов может основываться только на морфологическом сходстве или различии, но когда проводится сопоставление этих вариантов с современными расами, сразу же встаёт вопрос: могут ли краниологические варианты верхнего палеолита рассматриваться как древние формы трёх современных больших рас? По мнению В.В. Бунака, верхнепалеолитическое население представляет собой «смесь разновидностей одного полиморфного подвида, еще не распавшегося на отдельные определенные расы» [9]. Он считал, что у ископаемых неоантропов ещё не образовались характерные для современных рас устойчивые сочетания признаков, которые складываются в более позднее мезо-неолитическое время. Однако есть и другая точка зрения, высказанная Г.Ф. Дебецем. Он ввёл понятие «протоевропейского антропологического типа», в который включил все сходные с кроманьонскими скелетами из Лез-Эйзи и Ментонских гротов костные останки людей верхнего палеолита. Причём термин «протоевропейский» подчёркивает генетическое родство этого типа с современными расами европеоидного ствола [10].

Японский генетик Н. Масатоси считает, что человек разумный впервые разделился на две микроэволюционные ветви примерно 100 тысяч лет назад, причём одна ветвь была представлена протонегроидами, а другая – недифференцированным европеоидно-монголоидным стволом, разделившимся, по данным этого автора, значительно позже, около 60 тысяч лет назад. Одновременно японский исследователь констатирует большую генетическую близость субрасовых таксонов как внутри европеоидной расы, так и в пределах монголоидной [8].

На сегодняшний день становится очевидным, что формирование современных краниологических расовых комплексов шло по-разному и неодинаковыми темпами в каждом регионе. В зоне контакта двух очагов

расогенеза – восточного и западного – выделение расогенетических линий с непрерывной преемственностью задерживалось и блокировалось активными метисационными процессами. В Африке, Юго-Восточной Азии и Австралии такие линии сформировались раньше и не подвергались резким разрушающим генетическим влияниям. Более поздние северные (протоевропеоидный и протомонголоидный) очаги расообразования активно взаимодействовали друг с другом и отчасти даже с древними южными центрами [8].

В заключение хотелось бы добавить, что при определении систематического положения верхнепалеолитическо-мезолитических находок следует исходить из взгляда на расу как на популяцию, т. е. при анализе сочетаний расовых признаков на отдельных черепах необходимо принимать во внимание индивидуальную изменчивость, в особенности при выделении типов или вариантов по одиночным находкам [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев С.В.* Дифференциация плейстоценовых гоминид. М.: Изд. УРАО, 1999.
2. *Бунак В.В.* Род Homo, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980.
3. *Morant, G.M.* A biometric study of neanderthaloid skulls and their relationships to modern racial types // Biometrika, 1927. № 2.
4. *Saller, K.* Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpalaolithischen Langschadelrassen. // Z. Indukt. Abstammung und Verebungslehre. Bd. 39, № 2. 1925.
5. *Бунак В.В.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. М., 1959.
6. *Бунак В.В., Герасимова М.М.* Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 14–99.
7. *Герасимова М.М.* Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный Мир, 2000.
8. *Зубов А.А.* Проблемы внутривидовой систематики рода Homo в связи с современными представлениями о биологической дифференциации человечества // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 18–42.
9. *Бунак В.В.* Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1.
10. *Дебец Г.Ф.* Брюн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы // Антропологический журнал. 1936. № 3.
11. *Гохман И.И.* Ископаемые неоантропы // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. Л., 1966. (Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 92)

ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», Москва

S.V. Vasilyev

THE FORMATION AND SETTLEMENT OF *HOMO SAPIENS* IN THE PALAEOLITHIC AND THE CULTURAL AND GEOGRAPHICAL CONDITIONALITY OF THE ANTHROPOLOGICAL DIVERSITY OF HUMANITY AT THE BEGINNING OF THE HOLOCENE

Summary

The modern craniological racial complexes were developing differently and at unequal rates in each region. In the contact zone of two centers of racial genesis – eastern and western, the separation of racial genetic lines with continuous continuity was delayed and blocked by active crossbreeding processes. In Africa, Southeast Asia and Australia, such lines were formed earlier and were not subject to sharp destructive genetic influences. Later northern (proto-European and proto-Mongoloid) centers of race formation actively interacted with each other, and partly even with the ancient southern centers.

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay, Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia E-mail: vasbor1@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Н.В. Исакова, К.Г. Демьяненко

БОЛЕЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: ВКЛАД ГЕНОВ НЕАНДЕРТАЛЬЦЕВ

В статье рассматривается влияние примесей неандертальских генов на фенотип современных людей. Созданные электронные базы данных геномов позволили выявить взаимосвязь между наличием у современных европейцев неандертальских аллелей, ассоциированных с различными заболеваниями.

DOI: 10.70203/3656.2024.64.61.035

Благодаря международному сотрудничеству палеогенетиков прочитан полный ядерный геном неандертальского человека и изучено распределение фрагментов ДНК неандертальского происхождения в хромосомах более тысячи современных жителей разных континентов. Анализ первых отсеквенированных неандертальских геномов показал, что палеоантропы скрещивались с людьми современного типа около 60–50 тысяч лет назад. Предположительно это происходило на Ближнем Востоке вскоре после того, как сапиенсы переселились из Африки [1]. Палеогенетики предполагают, что гибридизация людей современного типа и неандертальцев происходила не один раз. В результате в ДНК у всех неафриканских популяций современных людей присутствует от 1 до 4 % палеоантропных генов. Неандертальские последовательности в геноме современных людей сравнительно короткие, поскольку с их гибридизации с неандертальцами прошло много времени и длинные последовательности оказались разбиты рекомбинациями. Известно, что 26 % всех белок-кодирующих генов имеют в своём составе и неандертальские аллели. Влияние таких генов на фенотип современных людей ещё изучено недостаточно.

Созданные электронные базы данных геномов позволили выявить взаимосвязь между наличием у современных европейцев неандертальских аллелей, ассоциированных с различными заболеваниями [2]. Выяснилось, что неандертальские гены оказывают влияние на риск развития таких заболеваний, как депрессия, актинический кератоз (патологическое изменение кожи под действием солнечного излучения), повышенная скорость свёртывания крови и никотиновая зависимость.

Палеоантропные гены, оказавшиеся вредными в сапиентном генетическом контексте, постепенно выбраковывались естественным отбором. В результате их доля в геномах европейцев сократилась от первоначального уровня около 3 % до 2 %. У азиатов неандертальских генов осталось немного больше [3].

Несмотря на то что значительная часть неандертальских генов оказалась вредной для наших предков, коренное неандертальское население Западной Евразии передало выходцам из Африки немало и полезных генов. Неандертальцы сотни тысячелетий жили в этом регионе, который по климату, спектру доступных пищевых ресурсов и набору патогенных вирусов, бактерий и прочих паразитов сильно отличался от африканской прародины сапиенсов.

Среди полезных неандертальских генов могли присутствовать гены, связанные с иммунной системой, функциями кожи (её пигментацией, чувствительностью к ультрафиолету), а также усвоением различных питательных веществ. В результате исследований выявлена роль неандертальских аллелей в усилении врождённой иммунной защиты от патогенных бактерий, грибов и других паразитов. Необходимо отметить, что аллели, полезные для наших палеолитических предков, могут оказаться вредными для современного городского жителя, что связано с изменением условий жизни и адаптивными возможностями современного человека. Например, хороший врождённый иммунитет, имеющий важное значение для палеоантропа, в городской среде может спровоцировать риск развития аутоиммунных заболеваний, так как горожане контактируют с меньшим количеством паразитов. Аллели, повышавшие эффективность усвоения питательных веществ, были полезны нашим предкам, которые жили в условиях голода, но у современного человека они вызывают развитие ожирения.

При сравнении геномов неандертальцев с современным человеком наиболее значимые результаты получились по депрессии и другим аффективным расстройствам, а также по актиническому кератозу (предраковые изменения в клетках кожи, которые являются следствием многолетнего пребывания на солнце). Риск развития актинического кератоза связан с генами, участвующими в дифференцировании кератиноцитов и в некоторых иммунных процессах, аллели неандертальского происхождения, которые влияют на развитие

депрессивных состояний, связаны с генами, изменения в работе которых влияют на настроение человека. Несколько неандертальских полиморфизмов, повышающих вероятность депрессии, картированы в соседних локусах генов, связанных с регуляцией циркадных ритмов. Поскольку сапиенсы и неандертальцы жили в разных широтах, а режим освещённости влияет на риск развития депрессии, то их циркадные ритмы должны были быть настроены по-разному. Предполагается, что заимствованные у неандертальцев аллели, влияющие на адаптацию к смене дня и ночи, изначально были полезны сапиенсам, переселявшимся из своей тропической прародины в более высокие широты. Но потом, с развитием цивилизации и искусственного освещения, эти аллели могли из полезных превратиться в патологические [4].

В дальнейшем были выявлены ещё 4 неандертальских аллеля, влияющих на здоровье современного человека. Например, полиморфизм гена rs3917862, маркирующий неандертальский участок ДНК, включает несколько генов, участвующих в свёртывании крови. Его наличие достоверно коррелирует с повышенной свёртываемостью и встречается в популяциях у европейцев с частотой 6,5 %. Такая высокая частота указывает на то, что данный генетический вариант был полезен для наших предков, так как не было других способов остановить кровотечение после ранения или родов, но для современного человека оказался вредным признаком.

Полиморфизм гена rs12049593 встречается у европейцев с частотой 5 %, что также указывает на его полезность для предков. Данный ген контролирует транспорт тиамина (витамина B_1). Наличие у людей этого неандертальского генетического варианта коррелирует с симптомами белково-энергетической недостаточности. Тиамин – обязательный участник метаболизма углеводов, учёные предполагают, что неандертальский ген снижает его поступление в клетки. Для сапиенсов, возможно, этот аллель был необходим, так как, расселяясь по Европе с её суровым климатом, им пришлось изменить пищевую специализацию на более приемлемую в данных условиях. Возникла необходимость в перестройке обмена веществ. Позднéе развитие земледелия привело к снижению количества тиамина в пище на фоне возрастания простых углеводов. Теоретически можно предположить, что полезный в прошлом неандертальский ген стал вредным для современного человека.

Генная частота rs11030043 в европейских популяциях составляет 9 %. Это неандертальский вариант гена STIM1, который участвует во внутриклеточной передаче сигналов при помощи ионов кальция. У людей, обладающих таким неандертальским геном, наблюдается понижение экспрессии STIM1 в хвостатом ядре среднего мозга. Наличие данного аллеля повышает риск развития недержания мочи и других нарушений работы мочевыводящих путей. Пока нет предположений о целесообразности этого аллеля для палеолитических сапиенсов. Но очевидно, что какая-то польза была, иначе ген не достиг бы такой высокой частоты в европейском генофонде [5].

Невысокая генная частота аллеля rs901033 у европейцев, всего 0,5 %, указывает на низкую адаптивную ценность этого неандертальского гена, повышающего риск никотиновой зависимости. Полиморфизм этого аллеля, расположенного в интроне гена SLC6A11, отвечает за обратный транспорт нейромедиатора ГАМК (гамма-аминомасляная кислота) в синапсах мозга. Никотиновая зависимость нарушает передачу сигналов при помощи ГАМК и снижает экспрессию SLC6A11.

Таким образом, исследования показали, что присутствие неандертальских генов, полученных предками внеафриканского человечества в результате гибридизации, оказывает влияние на здоровье современных европейцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rokas, A.* Animal mitochon drial DNA recombination revisited // Trends Ecol. / Ladoukakis E., Zouros E. – Текст: непосредственный // Evolution. V. 18. 2003. P. 411–417.
2. A draft sequence of the Neandertal genome / Green, R.E., Krause, J., Briggs, A.W. et al. – Текст: непосредственный // Science. V. 328. 2010. P. 710–722.
3. *Sankararaman, S., Patterson, N., Li, H., Paabo, S. and Reich, D.* The date of interbreeding between Neandertals and modern humans – Текст: непосредственный // PLoS Genetics. 2012. V. 8. Article ID, e1002947.
4. *Serre, D., Langaney, A., Chech, M. et al.* No evidence of Neandertal mtDNA contribution to early modern humans – Текст: непосредственный // PLoS Biology. V. 2. 2004. P. e57.
5. *Librado, P. and Rozas, J.* A DnaSP v5: a software for comprehensive analysis of DNA polymorphism data. – Текст: непосредственный // Bioinformatics. V. 25. 2009. P. 1451–1452. https://doi.org/10.1093/bioinformatics/btp187.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

N.V. Isakova, K.G. Dem'yanenko

DISEASES OF MODERN MAN: CONTRIBUTION OF NEANDERTHALS' GENES

Summary

The article examines the influence of impurities of non-Neanderthal genes on the phenotype of modern humans. The created electronic databases of genomes made it possible to identify the connection between the presence of Neanderthal alleles associated with various diseases in modern Europeans.

Tver' State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation,
4, Sovetskaya St., Tver', Tver' region, 170100, Russia
N.V. Isakova – E-mail: isakova-77@bk.ru
K.G. Dem'yanenko – E-mail: xenia.medic@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Д.С. Каминская

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (СОГЛАСНО РЕЗУЛЬТАТАМ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ВЕРХНИЙ ЗАМОК, ПОЛОЦК, РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ)[1]

Статья отражает результаты палеопатологической экспертизы одного погребения XI–XIII вв. н. э., выявленного в ходе археологического исследования территории Верхнего замка (г. Полоцк, Республика Беларусь). На остеологическом материале, принадлежащем женщине 40–50 лет, были выявлены следы следующих заболеваний и патологических состояний: травмы черепа, маркёры неспецифического физиологического стресса (поротический гиперостоз, cribra orbitalia), эмалевая гипоплазия, микротравмы эмали, микродентия, хронический синусит, спондилоартроз, дегенерация поверхности тел позвонков шейного отдела, дегенеративные изменения крестцово-подвздошного и грудинно-рёберных сочленений. Установлено, что возникновение зафиксированных патологий тесно связано с внешними факторами (социальные отношения, особенности питания, специфика санитарно-гигиенических практик и т. д.). Полученные результаты палеопатологического исследования погребения позволяют реконструировать отдельные аспекты образа жизни населения г. Полоцка в XI–XIII вв. н. э.

DOI: 10.70203/4608.2024.13.43.036

Введение

Верхний замок, являясь исторически значимым объектом древнего города Полоцка, расположен на природном мысу, окаймлённом р. Полотой. Согласно результатам, полученным в ходе археологического изучения территории памятника белорусским археологом Г.В. Штыховым, первые поселенцы, проживающие на данном участке, активно занимались ремеслом, торговлей и сельским хозяйством [1, с. 55]. Однако в связи с активным ростом города в X–XI вв. данная территория начинает выполнять функции посада, а позже и замка [2, с. 61], и уже в первой половине XI века Верхний замок становится центром города [3, с. 15]. На его территории строятся монастыри, церкви (самая известная – Софийский собор), размещается княжеская и духовная элита [3, с. 39].

В 2020 году начато археологическое изучение Верхнего замка, которое проводилось силами сотрудников Института истории НАН Беларуси (руководитель – М.В. Климов) и Археологического отряда Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (руководитель – И.В. Магалинский). В ходе работ археологами был выявлен древнейший некрополь Полоцка, датирующийся XI–XIII вв. Данная находка является уникальной, т. к. остеологическая коллекция, представляющая население города Полоцка, ограничивалась Новым временем. Выявленный материал, а это не менее 160 индивидов, отличается достаточно высокой степенью сохранности, что позволяет проводить комплексные антропологические исследования.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Погребальные памятники Полоцка XI–XVIII вв. в контексте развития синхронных некрополей Белорусского Подвинья: погребальный обряд, инвентарь, палеоантропологическая характеристика» (номер государственной регистрации 20221071 от 06.07.2022).

Целью данной работы является представление результатов палеопатологической экспертизы одного из погребений XI–XIII вв. н. э., выявленного в ходе раскопок на территории Верхнего замка в Полоцке.

Изучение скелетных останков проводилось с использованием комплексных методик ведущих палеопатологов России и специалистов из стран Западной Европы и США [4, с. 51–53; 5, p. 18, 20, 56; 6, с. 29–38; 7, s. 151; 8, p. 58–59; 9, с. 105, 112; 10, p. 268; 11, p. 185; 12, p. 486].

Основная часть

Изучаемый остеологический материал принадлежал женщине 40–50 лет. Скелет находится в удовлетворительном состоянии сохранности – кости лица индивида и рёбра фрагментированы, отсутствуют кости нижних конечностей. Костные ткани практически не затронуты тафономическими процессами.

Травмы

В ходе осмотра черепа индивида были выявлены следы травм, полученных женщиной задолго до смерти. В центре лобной кости зафиксирован вдавленный перелом (22×19 мм) со следами воспалительного процесса и последующего заживления (рис. 1, 2). На правой теменной кости зафиксирован след травмы черепа (рис. 3), полученной в ходе нанесения удара секущим или рубящим орудием (около 80 мм). Повреждение имеет следы воспаления и глубокой облитерации. В данном случае на наличие травмы указывает лишь деформация черепа в области пересечения чешуйчатого и ламбдовидного швов.

Маркёры физиологического стресса

На теменных костях в области пересечения сагиттального и ламбдовидного швов зафиксированы следы поротического гиперостоза (рис. 4) – пористость кости, не связанная с воспалительными процессами или вариацией нормы расположения сосудов, возникающая в ходе недостатка витаминов и минералов, а также частых инфекций, развивающихся среди детей раннего возраста [13, p. 46–47; 14, p. 394, 397]. Подобные следы были выявлены на верхних сводах орбит женщины (*cribra orbitalia)*. Поражение можно отнести к III степени развития признака (рис. 5). Помимо этого, на одонтологическом материале индивида зарегистрированы следы эпизодического стресса – эмалевая гипоплазия (рис. 6). Изменения строения эмали коронок зубов имеют линейный характер и локализуются на первых резцах (I1) и клыках (C) верхней и нижней челюстей. Как и в случае с поротическим гиперостозом, появление эмалевой гипоплазии во многом связано с развитием острых инфекционных заболеваний, пищевыми стрессами и дефицитом витаминов, необходимых для роста детского организма [15, p. 407].

Состояние зубочелюстной системы

В ходе изучения одонтологического материала следы воспалительных процессов (абсцессов) или кариеса установлены не были. Края альвеол верхней и нижней челюстей имеют признаки развития пародонтопатий (альвеолы пористы и изъязвлены). На первом резце верхней челюсти (I1 слева) зафиксированы сколы

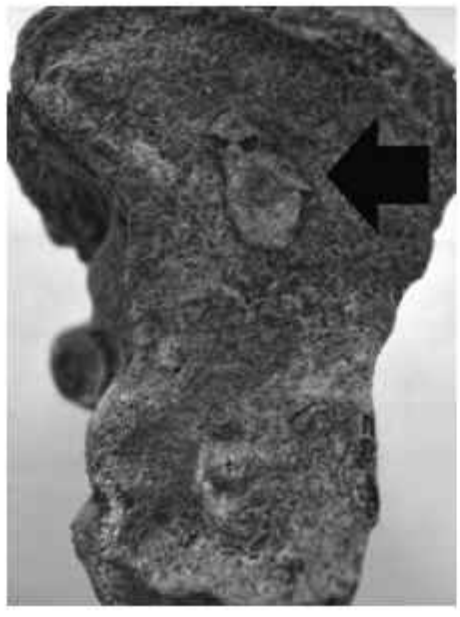

Рис. 1. Вдавленный перелом лобной кости

Рис. 2. Следы заживления с признаками развития воспалительного процесса

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 3. Заживший вдавленный перелом правой теменной кости

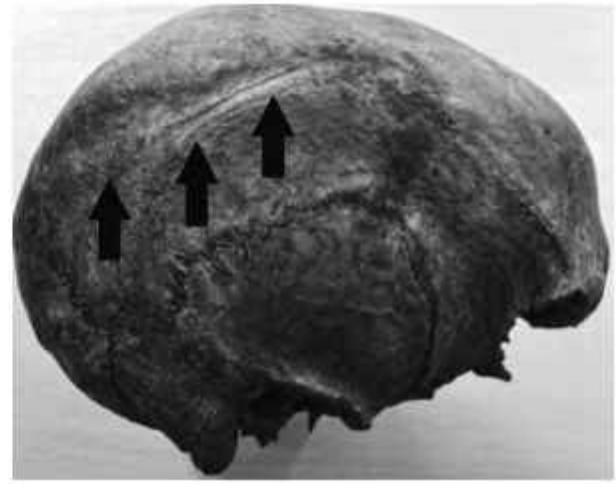

Рис. 4. Поротический гиперостоз

Рис. 5. *Cribra orbitalia*

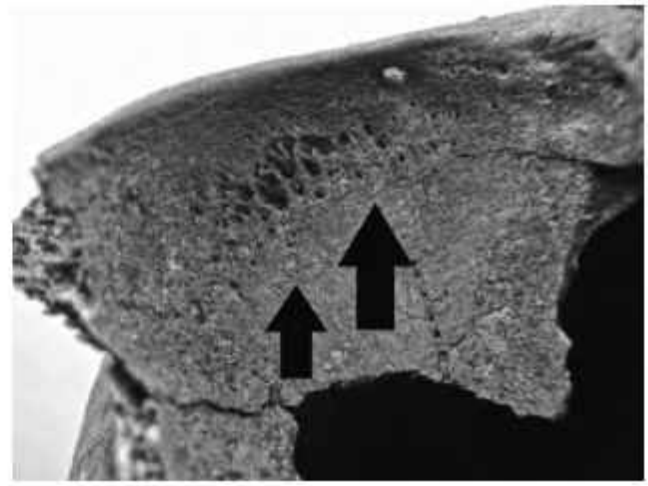

Рис. 6. Линейная эмалевая гипоплазия

(рис. 7). Края повреждений зашлифованы, имеются следы оседания зубного камня. Появление микротравм эмали принято связывать с несколькими причинами: влияние абразивных веществ, содержащихся в продуктах питания или готовых блюдах, применение передних зубов как вспомогательного рабочего инструмента в ремесле или в быту [16, с. 81].

На сохранившихся зубах верхней и нижней челюстей зафиксировано обширное оседание зубного камня, локализующееся на буккальной поверхности. Естественная стёртость коронок зубов индивида средняя, наибольший процент потери тканей наблюдается на коронках моляров. На левой части верхней челюсти зарегистрирован случай микродентии (М3 слева). Зуб недоразвит, коронка и корень в несколько раз меньше в сравнении с соседними молярами (рис. 8). Микродентия является одной из многочисленных вариаций морфологии зубочелюстной системы [17, p. 425–426].

Следы воспалительных процессов

Наличие фрагментов лицевых костей позволило исследовать поверхность верхнечелюстных пазух. В результате были зафиксированы следы воспалительного процесса – синусита (рис. 9). Образование костных наростов и изменение поверхности пазух указывают на хроническую форму заболевания, развившегося в обеих воздухоносных камерах. Определение этиологии возникновения заболевания в данном случае затруднительно. Отсутствие следов периапикальных абсцессов, являющихся одним из основных факторов развития заболевания [18, p. 499], и фрагментированность костей лица, не позволяющая изучить данную часть черепа на наличие следов травм лица, исключают одонтогенную и посттравматическую форму заболевания.

Рис. 7. Сколы эмали

Рис. 8. Микродентия M3

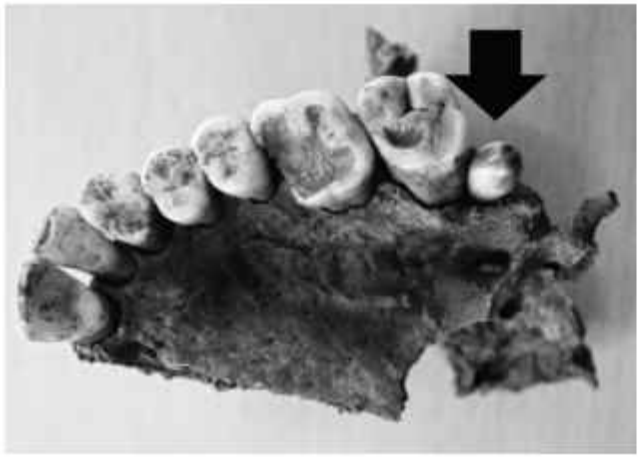

Рис. 9. Костные наросты, образовавшиеся в ходе развития хронической формы синусита

Рис. 10. Спондилоартрозные изменения позвонка

Дегенеративные изменения костей осевого скелета

В ходе изучения сегментов позвоночника индивида были зафиксированы следы спондилоартрозного поражения. Дегенеративные изменения затронули поверхности верхних и нижних суставных отростков позвонков грудного отдела (Т4–Т6) и представляли собой асимметричную деформацию суставной поверхности, имеющую следы дегенерации (рис. 10). Помимо этого, большинство тел позвонков шейного, грудного и поясничного отделов имеют следы патологического износа (изъязвления, пористость).

Дегенеративные изменения сустава были зафиксированы на правой ушковидной поверхности крестца. Процесс износа сакроилеального сочленения, выражающегося в дегенерации суставного хряща, привёл к образованию на крестце костной пластинки (рис. 11), что может указывать на начальный этап развития остеоартроза.

Патологические изменения также были зафиксированы в ходе исследования костей грудной клетки и плечевого пояса. Следы деформации и дегенерации присутствуют на грудинных концах первых рёбер и рукояти грудины в области грудинно-рёберных сочленений.

Заключение

Таким образом, в результате палеопатологического анализа остеологического материала из погребения XI–XIII вв., выявленного в ходе археологических раскопок территории Верхнего замка в г. Полоцке, были зафиксированы следы следующих заболеваний и патологических состояний: травмы черепа, маркёры физиологического стресса (поротический гиперостоз, *cribra orbitalia*, эмалевая гипоплазия), следы пародонто-

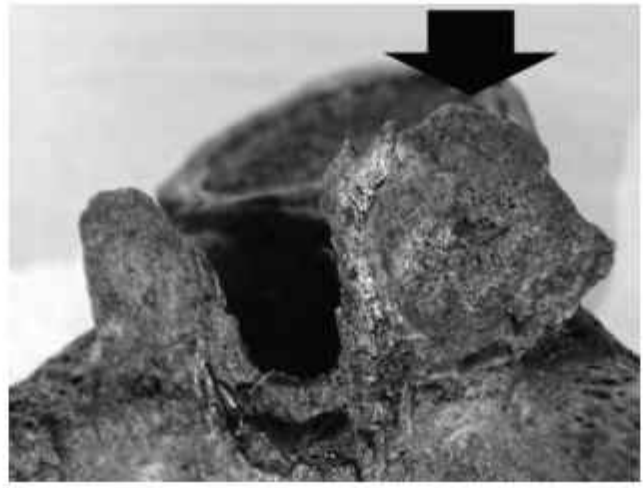

Рис. 11. Следы дегенерации ушковидной поверхности крестца

патий, микротравмы эмали, микродентия, синусит, спондилоартроз, дегенеративные изменения суставных поверхностей крестцово-подвздошного и грудинно-рёберных сочленений.

Учитывая степень облитерации повреждённых участков черепа индивида, можно предположить, что травмы мозгового отдела были получены женщиной задолго до смерти. Локализация ранений скорее указывает на их насильственное происхождение, т. к. травматизация лобной кости в большинстве своём является результатом вооружённого нападения, реже – несчастного случая. К тому же следы продольного углубления на теменной кости, скорее, являются результатом травмирования предметом удлинённой формы.

Зафиксированные на черепе индивида следы физиологического стресса свидетельствуют о сложных условиях жизни, в которых находилась женщина, ещё будучи ребенком. Вероятно, погребённая испытывала дефицит витаминов и минералов, пищевой стресс и/или в детском возрасте перенесла серьёзное инфекционное заболевание.

Отсутствие следов воспалительных заболеваний зубочелюстной системы и кариеса может быть связано с пищевыми привычками индивида (например, превалирующий процент употребляемых продуктов содержал медленные углеводы) и гигиеническими практиками. На это также могло повлиять формирование зубного камня, меняющего химический состав слюны и предотвращающего активное развитие кариеса. Эту же причину можно назвать, комментируя возникновение патологических процессов пародонта, вероятно, поражённого бактериями налёта полости рта.

Следы микротравм эмали, зафиксированные на резце верхней челюсти, могут быть результатом присутствия в диете продуктов питания с высоким уровнем абразивных свойств либо являться результатом специфических профессиональных занятий.

Дегенеративные изменения суставов позвоночника и сочленений костей осевого скелета плечевого пояса имеют хроническую форму, и скорее, являются проявлением возрастных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Мн.: Наука и техника, 1975. 136 с.
2. *Тарасаў С.В.* Полацк IX – XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. Мн.: Беларуская навука, 1998. 183 с.
3. *Дук Д.У.* Полацк і палачане (IX – XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010. 180 с.
4. *Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М.* Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.: Наука, 1989. С. 50–84.
5. *Buikstra, J., Ubelaker, D.* Standards for data collection from human skeletal remains. Arkansas, 1994. 258 p.
6. *Алексеев В.П.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
7. *Piontek, J.* Biologia populacji pradziejowych. Poznań: Wydawnictwo naukowe, 1996. 217 s.
8. *Herrmann, B.* Prehistorische Anthropologie: Leitfaden der Feldund Labormethoden. Berlin: Springer-Verlag, 1990. 445 s.
9. *Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. С. 87–146.
10. *Hillson, S.* Dental anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 373 p.
11. *Sager, P.* Spondylosis cervicalis. A pathological and osteoarchaeological study of osteochondrosis intervertebralis cervicalis, arthrosis uncovertebralis, and spondylarthrosis cervicalis: thesis Ph.D. of Medicine. Copenhagen: Munksgaard, 1969. 238 p.
12. *Boocock, P., Roberts, C., Manchester, K.* Maxillary sinusitis in medieval Chichester, England // American journal of physical anthropology. Vol. 98 (4). Hoboken: Wiley, 1995. P. 483–495.
13. *Weiss, E.* Bioarchaeological science: what we have learned from human skeletal remains. New York: Nova Science Publishers, 2009. 152 p.
14. *Stuart-Macadam, P.* Anemia in Past Human Populations // Diet, demography, and disease: changing perspectives on anemia. New York: Aldine De Gruyter, 1992. P. 147–167.

Государственный объединенный музей

15. *Aufderheide, A., Cornado, R.* The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 478 p.
16. *Афанасьева А.О.* Особенности жизнедеятельности населения крепостного городища в I–II вв. н.э. по данным палеопатологии зубочелюстного аппарата // Вестник южного научного центра РАН. 2011. № 4. М.: Наука. С. 79–82.
17. *Waldron, T.* Paleopathology. London: Cambridge University Press, 2009. 299 p.
18. *Lewis, M., Roberts, C., Manchester, K.* Comparative study of the prevalence of maxillary sinusitis in later Medieval urban and rural populations in Northern England // American journal of physical anthropology. Vol. 98 (№ 4). Hoboken: Wiley, 1995. P. 497–506.

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
Полоцк, Республика Беларусь

D.S. Kaminskaya

BIOLOGICAL MATERIAL AS A HISTORICAL SOURCE (ACCORDING TO THE RESULTS OF PALEOPATHOLOGICAL RESEARCH OF A MEDIEVAL BURIAL FROM THE UPPER CASTLE ARCHAEOLOGICAL SITE, POLOTSK, REPUBLIC OF BELARUS')

The article presents the results of a paleopathological examination of a burial from the 11th–13th centuries AD, discovered during archaeological research of the Upper Castle site in Polotsk, Republic of Belarus'. The osteological material belonging to a 40–50 year old woman revealed traces of the following diseases and pathological conditions: cranial injuries, markers of non-specific physiological stress (porotic hyperostosis, cribra orbitalia), enamel hypoplasia, enamel microtrauma, microdontia, chronic sinusitis, spondyloarthrosis, degeneration of the surface of the cervical vertebrae, degenerative changes in the sacroiliac and sternocostal joints. It has been established that the occurrence of these documented pathologies is closely related to external factors (social relationships, dietary characteristics, specific sanitary and hygienic practices, etc.). The obtained results of the paleopathological study of the burial allow us to reconstruct certain aspects of the lifestyle of the population of Polotsk in the 11th–13th centuries.

Polotsky State University by Evphrosiniya Polotskaya,
4, Streletskaya St., Polotsk, 211400, Republic of Belarus'
E-mail: d.kaminskaya@psu.by

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

С.В. Васильев, С.Б. Боруцкая

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТКРАНИАЛЬНЫХ СКЕЛЕТОВ ДВУХ ВЗРОСЛЫХ ИНДИВИДОВ С МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА МАЯК (САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Исследование посткраниального скелетного материала останков двух взрослых людей проведено из археологического комплекса на горе Маяк. Скелет мужчины из погребения 1 характеризуется определённой грацильностью. Мышечный рельеф развит довольно хорошо. Кости нижних конечностей значительно поражены остеопорозом, и кроме того, в небольшой степени периоститом.

Потребуется биохимическая и генетическая экспертизы для определения пола индивида из погребения 3, а также для определения степени родства его и грудного ребёнка из этого же погребения. Исследование степени развития мышечного рельефа показало умеренное развитие мышц верхних конечностей. К сожалению, не было возможности оценить рельеф мышц ног. Многочисленные остеопорозы и даже остеолизы эпифизов длинных костей дают повод предположить у данного молодого индивида заболевание полиартритом, но, по-видимому, не сильной степени.

DOI: 10.70203/4455.2024.25.16.037

Исследование посткраниального скелетного материала останков двух взрослых людей из археологического комплекса на горе Маяк у с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области заключалось в остеометрическом, остеоскопическом и палеопатологическом анализах.

Погребение 1

По признакам тазовых костей, показателям длинных костей конечностей скелет принадлежал мужчине, возраст которого составлял примерно 22–24 года. Мышечный рельеф развит довольно хорошо. Кости имеют ряд особенностей. Фрагментарность плечевых костей, к сожалению, не позволила вычислить все индексы пропорций конечностей. Берцово-бедренный указатель свидетельствует об относительной удлинённости голени по сравнению с бедром. Массивность разных костей конечностей – ниже среднего. Прижизненный рост, определённый по формулам Бунака, Дюпертюи и Хеддена, составил 180,1 см.

На плечевых костях между локтевой и венечной ямками имеются отверстия. В локтевых ямках и на медиальных надмыщелках фиксируется остеопороз. Очень хорошо развит рельеф гребней обоих надмыщелков. Особого размера достиг рельеф большой грудной мышцы (самая нижняя часть гребня большого бугорка); он имеет значительное протяжение и, как нам кажется, несколько занижен, по крайней мере по отношению к дельтовидной бугристости. Лучевые кости отличаются отменным развитием лучевой бугристости – места прикрепления двуглавой мышцы плеча. Межкостный край посередине сильно выпуклый. Следует также отметить значительное развитие рельефа супинатора и квадратного пронатора. Нижний конец костей – в небольшом порозе. Локтевые кости также характеризуются хорошим развитием мышечного рельефа, особенно локтевой бугристости и гребня квадратного пронатора. Межкостный край сильно выпуклый в нижней части. На обеих костях на головке имеется небольшой пороз.

Особый интерес вызывают бедренные и большеберцовые кости. Бедренные кости, особенно правая, сильно расширены и уплощены в верхней части диафиза. Тела костей выгнуты медиально, как будто отражают последствия рахита. При этом шейки костей кажутся укороченными. На задней поверхности тела кости имеется массивный, сильно выступающий пилястр, причём непосредственно губы шероховатой линии бедра развиты довольно слабо, точно так же, как и ягодичная шероховатость. Латеральная губа снизу сильно выпукла, а медиальная (особенно на правой кости) имеет вид острого тонкого гребня. На передней поверхности тела обеих костей к латеральному мыщелку направляется закруглённый край типа пилястра (лучше выражен на правой кости). Шейки бедренных костей, особенно непосредственно возле головки, а также большие вертелы и нижние метафизы поражены остеопорозом. Сзади над медиальным мыщелком на обеих костях имеется мощный рельеф, но тоже с порозом. Хорошо развиты надмыщелки бедра, что предполагает

соответствующее развитие икроножных головок трёхглавой мышцы голени. Кроме того, очень сильно развиты большой и малый вертелы, а также межвертельный гребень, неплохо выражена и межвертельная линия, которая начинается сверху даже небольшим бугорком. На правой бедренной кости на латеральной стороне тела в средней половине заметен несильный периостит.

Большеберцовые кости сильно сплющены с боков. Индексы платикнемии свидетельствуют о саблевидной форме (особенно правой кости). Большеберцовая бугристость и межкостный край развиты умеренно. Имеется на костях очень необычный элемент: на задней стороне тела в области нахождения линии камбаловидной мышцы находится мощный пилястр. То есть в верхней половине тела кости есть как бы ещё один (четвёртый) край – задний (помимо переднего, медиального и межкостного). А линия камбаловидной мышцы, направляясь, как и положено, косо латерально-вверх, как бы перекинута через этот пилястр. Верхний и нижний концы обеих костей – в остеопорозе. На правой кости на медиальной стороне нижней половины имеется периостит. На левой кости он очень слабый. Визуально кажется, что у большеберцовых костей повышена массивность нижней четверти тела; здесь же межкостный край переходит в ярко выраженный рельеф. У малоберцовых костей остеопорозом поражены латеральные лодыжки.

На тазовых костях имеется остеопороз вокруг вертлужной впадины, на передней части крыла подвздошной кости, на подвздошном гребне и ушковидной поверхности. Мышечный рельеф развит не сильно, но следует отметить массивность нижней передней подвздошной ости, а также наличие бугорка на подвздошной бугристости. В погребении обнаружены также левые пяточная и таранная кости. Они некрупные, и на них есть также остеопороз, особенно сильно поражена шейка таранной кости.

Таким образом, скелет мужчины характеризуется определённой грацильностью. Мышечный рельеф развит довольно хорошо. Кости нижних конечностей значительно поражены остеопорозом, и кроме того, в небольшой степени периоститом.

Погребение 3

Исследование тазовых костей выявило следующее. Форма запирательного отверстия (приближающаяся к длинному овалу) и контур большой седалищной вырезки (сильно закруглённой сверху), вертикальная постановка крыльев подвздошных костей свидетельствуют в пользу принадлежности скелета мужчине. На крестце ушковидные поверхности уходят на третий позвонок, что также является признаком мужского скелета. Однако подлобковый угол – не острый, что характерно для женского пола. В данном случае, возможно, величина угла обусловлена тем, что тазовые кости не завершили своё развитие. Возраст индивида, определённый по морфологии тазовых костей и крестца, составил примерно 22–23 года. У него ещё не полностью прирос к крылу подвздошной кости гребень, имеется значительная щель между седалищным бугром и остальной седалищной костью и ещё не совсем завершено формирование крестца как единой кости. При этом все эпифизы длинных костей уже полностью приросли к диафизам. Известно, что в погребении вместе с данным скелетом был обнаружен скелет грудного ребенка, что наводит на мысль о принадлежности костяка № 3 женщине. Тем не менее отмеченные мужские признаки в строении тазовых костей и крестца заслуживают внимания и дальнейшей интерпретации. Вероятно, проблема определения пола этого индивида потребует разрешения при помощи генетической экспертизы.

К сожалению, отсутствие длинных костей ног не позволило вычислить многие индексы пропорций конечностей. Луче-плечевой индекс указывает на относительную укороченность предплечья. Ключично-плечевой индекс свидетельствует в пользу узкоплечести. При этом плечевая, лучевая и локтевая кости этого индивида очень грацильны. Возможно, это связано с молодым возрастом. Прижизненный рост, определённый по формулам Дюпертюи и Хеддена, если брать во внимание мужскую принадлежность скелета, составил 174,4 см, а если отнести его к женским, то около 173 см. В любом случае рост индивида оказался довольно значительным.

Относительно остеоскопии, патологий и особенностей скелета можно сказать следующее. Обнаружен заросший перелом (косая трещина на наружной стороне) 11-го правого ребра. Крестец – широкий и плоский, довольно массивный, отсутствует его последний позвонок, что не позволяет произвести ряд измерений. Мыс крестца выражен неплохо. Мышечный рельеф плечевой кости (в наличии только правая) имеет среднее развитие. Место прикрепления широчайшей мышцы спины представляет собой у этого индивида длинный шероховатый жёлоб. Хорошо развит рельеф гребней обоих надмыщелков. Между локтевой и венечной ямками имеется небольшое отверстие, так же как в случае со скелетом из погребения 1. При этом локтевая ямка имеет значительные размеры. На мыщелке плеча снизу между головочкой и блоком заметен небольшой локальный остеопороз. На локтевой кости (имеется только правая) достаточно хорошо развита локтевая бугристость – место прикрепления основного сгибателя предплечья – брахиальной мышцы. Хорошо развит и межкостный край. Следует отметить ряд патологий: наличие остеопороза в лучевой вырезке, а также небольшой пороз и признаки остеолиза на латеральной части локтевого отростка сверху, на шиловидном отростке и латерально между шиловидным отростком и головкой локтевой кости. Рельеф лучевых костей развит умеренно. На правой кости имеется небольшой пороз на суставной окружности медиально-спереди, а также пороз с остеолизом основания шиловидного отростка и локтевой вырезки. Небольшой пороз имеется на нижнем эпифизе левой лучевой кости. На стернальной суставной поверхности обеих ключиц также имеется остеопороз. Лопатки представлены тремя небольшими фрагментами. На обеих костях акромиальные отростки имеют значительный остеопороз, на сочленовных впадинах имеются небольшие ямки, несильный пороз затронул надсуставную область, а в подсуставной области имеется также и остеолиз. К левому акромиальному отростку не прирос концевой участок.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Тазовые кости крупные, но достаточно грацильные, особенно тонки ветви лобковых костей. Следует отметить большой относительный размер запирательных отверстий. Эти кости также поражены остеолизом и остеопорозом в вертлужных впадинах, имеется незначительный пороз и на передней части подвздошных крыльев. Рельеф костей слабый, что может быть связано с молодым возрастом, но нижняя передняя подвздошная ость (как и у индивида из первого погребения) развита очень хорошо, что предполагает, соответственно, значительное функциональное развитие прямой головки четырёхглавой мышцы бедра.

Таким образом, исследование степени развития мышечного рельефа показало умеренное развитие мышц верхних конечностей. К сожалению, не было возможности оценить рельеф мышц ног. Многочисленные остеопорозы и даже остеолизы эпифизов длинных костей дают повод предположить у данного молодого индивида заболевание полиартритом, но, по-видимому, не сильной степени. Следует иметь в виду, что это заключение – предварительное.

Таков предварительный и ещё не полный остеологический анализ скелетов взрослых индивидов из погребений археологического комплекса «Маяк» Самарской области. По-видимому, потребуется биохимическая и генетическая экспертизы для определения пола индивида из погребения 3, а также для определения степени родства его и грудного ребёнка из этого же погребения. Дальнейшее исследование, возможно, выявит новые интересные элементы морфологии и физического развития людей, оставивших эти погребения.

С.В. Васильев – ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», Москва

С.Б. Боруцкая – ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва

S.V. Vasilyev, S.B. Borutskaya

PRELIMINARY ANALYSIS OF POSTCRANIAL SKELETONS OF TWO ADULT INDIVIDUALS FROM THE MESOLITHIC SITE MAYAK (SAMARA REGION)

Summary

A study of postcranial skeletal material from the remains of two adults was carried out from the archaeological complex on Mount Mayak. The male skeleton from burial 1 is characterized by a certain gracefulness. The muscle relief is developed quite well. The bones of the lower extremities are significantly affected by osteoporosis, and, in addition, to a small extent, by periostitis.

Biochemical and genetic examination will be required to determine the sex of the individual from burial 3, as well as to determine the degree of relationship between him and the infant from the same burial. A study of the degree of development of muscle relief showed moderate development of the muscles of the upper extremities. Unfortunately, it was not possible to assess the relief of the leg muscles. Numerous osteoporosis and even osteolysis of the epiphyses of long bones give reason to assume that this young individual has polyarthritis, but, apparently, not to a strong degree.

S.V. Vasilyev – Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay, Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia E-mail: vasbor1@yandex.ru

S.B. Borutskaya – Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia E-mail: borsbor@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

С.В. Васильев, С.Б. Боруцкая

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ ИЗ КРЫМА: ОСТЕОЛОГИЯ, ФИЗИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ, ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ

Сходство в морфологии черепа, как по измерительным признакам, так и по описательным, наблюдается между фатьма-кобинским черепом человека и черепами из грота Мурзак-коба.

По индексам пропорций конечностей можно предположить у всех трёх индивидов среднеконтинентальный адаптивный тип. При этом мужчина из Фатьма-кобы выделяется удлинённым медиальным отделом ноги – голенью, что более характерно для людей тропического адаптивного типа. Однако луче-плечевой индекс фатьма-кобинца таковому адаптивному типу не соответствует. Трудно себе представить тяжёлый физический труд мезолитических людей в условиях низкогорья. С вероятной нагрузкой на плечевые суставы связано довольно хорошее развитие рельефа ключиц у обоих индивидов из Мурзак-кобы, а также гребней большого и малого бугорков плечевых костей, то есть рельефа мышц, обеспечивающих силовые движения и статические нагрузки на плечевые суставы. Основными патологиями черепа является мелкоячеистый пороз (tuna cribra) надбровных дуг, барабанных частей височных костей, скуловых костей, иногда теменных костей, затылочной чешуи и некоторых других структур. У мужчины из Фатьма-кобы очень сильно стёрты зубы, на резцах и клыках заметна небольшая эмалевая гипоплазия. Необходимо описать последствия травмы, а может быть, каких-то ритуальных действий, на скелете молодого индивида из Мурзак-кобы.

DOI: 10.70203/5095.2024.86.43.038

К наиболее ранним из известных находок гоминид Крыма относятся фрагментарные скелеты из Киик-кобы, принадлежащие, по-видимому, неандертальцам (довюрмским), парное погребение из Мурзак-кобы, древность которого оценивается временем верхнего палеолита – мезолита, и скелет из Фатьма-кобы, относящийся к верхнему палеолиту – мезолиту (по данным Г.Ф. Дебеца – «ранней порой неолитической эпохи») [1; 2].

Скелет взрослого человека из Киик-кобы сильно фрагментарен и, по сути, представлен лишь костями кистей и стоп. Палеоантропологическое исследование, выполненное Г.А. Бонч-Осмоловским, показало значительную массивность скелета, характерную для известных классических неандертальских форм. К сожалению, другой информации обнаруженные останки не дают. В то же время в определённой мере эту находку можно считать странной – в погребении имеются полные наборы скелетов кистей и стоп и отсутствуют все остальные кости, в том числе и череп.

Поэтому наибольший интерес вызывают находки чуть более поздних эпох – из Мурзак-кобы и Фатьма-кобы. В 1927 г. при раскопках Г.А. Бонч-Осмоловским в пещере Фатьма-коба был обнаружен скелет мужчины, возраст которого был оценен около 40 лет. Основными характеристиками черепа были следующие: низкое лицо, сильная горизонтальная профилировка, высокое переносье, резкое выступание носовых костей над линией профиля лица, широкие и слабо суженные в средней части носовые кости. Особенностью черепа является мезогнатность, причём не альвеолярная, а общая, что можно считать в определённой мере архаическим признаком. Однако, по мнению Г.Ф. Дебеца, совокупность признаков черепа указывает на большую отдалённость фатьма-кобинца от неандертальского типа [1]. Отсюда можно заключить, что эволюционное родство между неандертальцами, в частности в лице киик-кобинца, и людьми типа Фатьма-коба вряд ли имело место.

Большее сходство в морфологии черепа, как по измерительным признакам, так и по описательным, наблюдается между фатьма-кобинским черепом и черепами из грота Мурзак-коба. В 1935 г. в процессе раскопок С.Н. Бибиковым грота Мурзак-коба было обнаружено парное погребение. Антропологическое исследование было проведено В.Е. Жировым [3]. Биологический возраст первого индивида был оценен в 20–23 года (ныне уточнено – 23–26 лет), второго – около 45 лет. Было сделано заключение, что первый скелет принадлежал молодой женщине, второй – мужчине. Данный вывод по сей день считается верным, хотя и высказыва-

Объединенный музей

лись предположения о неправильности определения половой принадлежности первого скелета. Так, Г.Ф. Дебец писал: «Женский скелет оказался весьма сходен с фатьма-кобинским. По этому поводу у меня возникло даже подозрение о правильности сделанного мной определения пола последнего. Поэтому я вторично внимательно осмотрел левую безымянную кость скелета из Фатьма-коба… Все же она имеет скорее мужское строение, хотя и не очень резко выраженное. Сходство в строении обоих черепов освобождает от необходимости давать более детальную характеристику женского черепа из Мурзак-кобы, которая была бы повторением данной выше для фатьма-кобинского» [1]. Наше исследование скелетов из Фатьма-кобы и Мурзак-кобы, проведённое в 2004–2005 гг., также посеяло сомнение в правильности вывода о принадлежности к женскому полу молодого скелета мурзак-кобинца. Поэтому в дальнейшем указание на женский пол мы будем выделять кавычками. «Женский» череп имел следующие характеристики – крупный (объём черепно-мозговой полости 1534 см^3), мезокранный, низколицый, умеренно прогнатный, высокий, лоб прямой, орбиты низкие. Мужской череп характеризовали гипердолихокранность, череп высокий, лицо очень широкое, высокое, ортогнатное, лоб низкий, наклонный, сильно развиты надбровные дуги, орбиты очень низкие. Черепа имеют сходство с позднекроманьонским типом (Брно-Пршедмост) [1; 2].

Посткраниальные скелеты ранее были исследованы по минимальной программе, в основном с целью вычисления прижизненной длины тела. Мы провели более полное измерение посткраниальных скелетов. Однако сейчас в коллекции полностью отсутствуют длинные кости скелета из Фатьма-кобы. Поэтому мы смогли рассчитать некоторые индексы пропорций конечностей на основе данных о длине костей, приведённых в работе Г.Ф. Дебеца [1]. Далее были вычислены индексы пропорций конечностей и массивности костей (кроме Фатьма-кобы). Некоторые результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. *Индексы пропорций конечностей*

Индекс/погребение		Фатьма-коба	Мурзак-коба 1	Мурзак-коба 2
Интермембральный	п л	– 68,07*	– 70,80	– –
Плече-бедренный	п л	– 72,29*	69,16 71,44	72,28 –
Луче-большеберцовый	п л	– 63,10*	– 69,97	– –
Луче-плечевой	п л	– 74,25*	78,185 76,83	78,41 –
Берцово-бедренный	п л	– 85,07*	– 78,44	– –
Ключично-плечевой	п л	– –	46,62 45,57	44,57 ?? –
Ширина плеч		–	35,38 см	39,04 ??
Ширина таза		29,40 см	28,60 см	–
Тазовый индекс		79,25	69,93	–
Рост по Дюпертюи и Хеддену		173,2* см	167,8 см (171,8 см**)	182,8 см

* – данные по Г.Ф. Дебецу [1] или посчитанные на основе размеров некоторых длинных костей.

** – прижизненный рост индивида из Мурзак-кобы 1, если это мужчина.

?? – измерение приблизительное; полученный результат не меньше того, что было на самом деле (то есть ширина плеч могла быть чуть-чуть больше).

п – правый; л – левый.

Таким образом, интермембральные индексы у индивидов из Мурзак-кобы 1 и Фатьма-кобы очень близки и относятся к средним величинам у человека современного типа, что свидетельствует о среднем соотношении длины конечностей. У Фатьма-кобы – чуть ниже среднего, то есть можно говорить о несколько удлинённых ногах. Плече-бедренные индексы получены для всех трёх индивидов. У Мурзак-коба 1 этот индекс позволяет говорить об относительно среднем по длине или несколько увеличенном бедренном отделе по сравнению с величиной плеча. У остальных скелетов это соотношение отражает значительно удлинённое плечо по сравнению с бедром. Соотношение предплечья и плеча у обоих мурзак-кобинцев очень сходно и указывает на среднее или немного удлинённое предплечье. У фатьма-кобинца это отношение иное, предплечье укорочено. В то же время можно констатировать сильно удлинённую голень по сравнению с бедром именно у него. Такому результату соответствует величина и луче-большеберцового индекса. У Мурзак-коба 1 всё наоборот – укорочена голень (или удлинено бедро).

Объединенный музей

Предполагаемая ширина плеч у мужчины Мурзак-коба 2 – довольно большая, у первого индивида – средняя (значительная для женщин и средняя для молодого мужчины, но вполне допустимая). По ширине таза индивиды Мурзак-коба 1 и Фатьма-коба очень сходны, правда, ширина таза мужчины из Фатьма-кобы немного больше – почти на сантиметр. Однако у первого из названных людей таз очень низкий, не столько сильно развёрнуты крылья подвздошных костей, сколько коротки по высоте подвздошные и седалищные кости. В этом плане более «мужским» является таз мужчины Мурзак-коба 2. Высота его правой тазовой кости (в том числе подвздошной и седалищной по-отдельности) наибольшая. Однако следует указать на факт того, что длина лобковых костей и ширина крыла подвздошных костей у мужчины из Фатьма-кобы оказались намного больше, чем у «женщины» Мурзак-коба 1. В то же время у «неё» размер вертлужных впадин больше, чем у мужчины из Фатьма-кобы, а высота «её» лобкового симфиза – 49,5 см – более чем «мужская».

Таким образом, по индексам пропорций конечностей можно предположить у всех трёх индивидов средне-континентальный адаптивный тип. При этом мужчина из Фатьма-кобы выделяется удлинённым медиальным отделом ноги – голенью, что более характерно для людей тропического адаптивного типа. Однако луче-плечевой индекс фатьма-кобинца таковому адаптивному типу не соответствует.

Величину прижизненной длины тела мы определяли в данной работе по формулам Дюпертюи и Хеддена для бедренных костей [4]. Рост мужчины Мурзак-коба 2 оказался высоким – почти 183 см. Прижизненную длину тела индивидов Мурзак-коба 1 (если это был мужчина) и Фатьма-коба можно оценить как среднюю, чуть выше среднего: соответственно 171,8 см и 173,2 см. Если индивида Мурзак-коба 1 считать женщиной, то по формуле для женских скелетов рост получается равным 167,8 см, то есть для женщин – высоким.

Таблица 2. *Индексы массивности костей конечностей*

Индекс/погребение		Фатьма-коба	Мурзак-коба 1	Мурзак-коба 2
Ключицы	п л	?	24,14 24,14 ?	– –
Плечевой кости	п л	?	19,11 18,66	21,10 19,46
Лучевой кости	п л	?	16,70 17,00	15,03 –
Локтевой кости	п л	?	16,45 16,31	16,73 –
Бедренной кости	п л	?	19,60 19,78	21,19 –
Большеберцовой кости	п л	?	– 20,40	– –

п – правая; л – левая.

К сожалению, оценить степень массивности костей скелета из Фатьма-кобы не представлялось возможным, и анализ сделан только для мурзак-кобинцев. У индивида Мурзак-коба 1 средне-массивны практически все кости. Немного грацильнее среднего плечевые кости и массивнее средних для человека величин лучевые кости. Кроме того, следует отметить саблевидность левой большеберцовой кости (правая отсутствует). У второго индивида плечевая и локтевая кости средне-массивны, имеющаяся в наличии правая лучевая кость грациальна, единственная правая бедренная кость – массивна и лучше укреплена в верхней части диафиза.

В целом мышечный рельеф обоих индивидов развит средне и практически одинаково. Различия касаются в основном бедренных костей. У мужчины Мурзак-коба 2 лучше, чем у первого индивида, выражен почти весь рельеф бедра, особенно шероховатая линия, межвертельный гребень и надмыщелки. Однако это, скорее всего, связано с разницей в возрасте. Первому индивиду (женщине??) было 23–26 лет, второму (мужчине) – около 45. Следует отметить, что на плечевых костях у молодого индивида Мурзак-коба 1 дельтовидная шероховатость развита заметно ярче, в то время как у мужчины она почти не видна.

Трудно себе представить тяжёлый физический труд мезолитических людей в условиях низкогорья. Скорее всего, они жили за счёт охоты, рыболовства и собирательства. Особые силы, по-видимому, тратились именно на передвижения по горам, преодоление холодных горных рек и перенесение чего-либо, в частности добычи и орудий. С вероятной нагрузкой на плечевые суставы связано довольно хорошее развитие рельефа ключиц у обоих индивидов, а также гребней большого и малого бугорков плечевых костей, то есть рельефа мышц, обеспечивающих силовые движения и статические нагрузки на плечевые суставы. Возможно, на это указывает и значительная деформация тел поясничных позвонков у взрослого мужчины из Мурзак-кобы.

В 2004 году авторам работы удалось побывать в гроте Мурзак-коба, походить по горам и несколько раз преодолевать «ледяную» речку недалеко от грота, которая ныне намного мельче, чем в древние времена. Примерно такие же условия были и возле Фатьма-кобы. Анализ патологий скелетов из Мурзак-кобы и Фатьма-кобы выявил, в первую очередь, пороз разных структур концевых отделов длинных костей, иногда позвонков,

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

некоторых участков тазовых костей. Причиной того могли быть скудность пищевого рациона, недостаток каких-либо веществ, может быть витаминов, инфекции. Другим заметным проявлением заболеваний был небольшой периостит на разных костях (в том числе на некоторых участках ключиц, плечевых, локтевых, лучевых костей; на костях ног периостит выражен сильнее). Инфекции и частые травмы плюс необходимость иногда, а может и весьма часто, находиться в очень холодной воде провоцировали помимо других болезней и воспалительные процессы в надкостнице.

Основными патологиями черепа является мелкоячеистый пороз (типа cribra) надбровных дуг, барабанных частей височных костей, скуловых костей, иногда теменных костей, затылочной чешуи и некоторых других структур. У мужчины Мурзак-коба 2 отмечаются пороз и опухоль барабанных пластинок височных костей и уменьшение размера наружных слуховых проходов. Видимо, речь идёт о воспалении среднего уха и вероятном ухудшении слуха у этого мужчины. А причиной этого заболевания как раз и могли быть необходимость нырять в холодную воду, а также зимние ветра и т. д. То есть налицо последствия адаптации к эпизодическому холодовому стрессу

Следует также отметить пародонтоз у индивида Мурзак-коба 2 с каверной, вероятно, от кисты над левым верхним первым премоляром. У мужчины из Фатьма-кобы очень сильно стёрты зубы, на резцах и клыках заметна небольшая эмалевая гипоплазия.

И наконец, необходимо описать последствия травмы, а может быть, каких-то ритуальных действий, на скелете молодого индивида из Мурзак-кобы. По всей видимости, «ей» (ему) при жизни были отрезаны (отрублены) ногтевые фаланги пальцев обеих кистей. Заживление сопровождалось воспалительным процессом. В итоге на дистальной поверхности головок медиальных фаланг фиксируется небольшой порозистый гиперостоз. Эта травма подробно была описана Д.Г. Рохлиным [5].

В заключение следует ещё раз усомниться в правильности определения пола скелета Мурзак-коба 1. Особенности черепа и целый ряд признаков тазовых костей свидельствуют в пользу принадлежности этого скелета молодому мужчине. Видимо, следует обратиться к генетическому анализу этого скелета для уточнения выводов. К тому же современные методики уже позволяют выделить ядерную ДНК (или необходимые фрагменты) из зубов и костного вещества скелетов людей верхнего палеолита – мезолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. Л.: Изд-во АН Союза ССР, 1948.
2. Антропологический словарь. М.: Классикс Стиль, 2003.
3. *Жиров В.Е.* Костяки из грота Мурзак-коба // СА. № 5. 1940.
4. *Алексеев В.П.* Остеометрия. М.: Наука, 1966.
5. *Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965.

С.В. Васильев – ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», Москва

С.Б. Боруцкая – ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

S.V. Vasilyev, S.B. Borutskaya

NEW DATA ON MESOLITHIC ANTHROPOLOGICAL FINDS FROM CRIMEA: OSTEOLOGY, PHYSICAL ADAPTATION, PALEOPATHOLOGY

Summary

Similarities in the morphology of the skull, both in terms of measurement and descriptive characteristics, are observed between the Fatma-koba skull and the skulls from the Murzak-koba grotto.

Based on the limb proportion indices, it can be assumed that all three individuals have a mid-continental adaptive type. At the same time, the man from Fatma-koba is distinguished by an elongated medial section of the leg – the lower leg, which is more typical for people of the tropical adaptive type. However, the Fatma-kobin radiobrachial index does not correspond to this adaptive type. It is difficult to imagine the hard physical labor of Mesolithic people in low mountain conditions. The probable load on the shoulder joints is associated with a fairly good development of the relief of the clavicles in both individuals, as well as the ridges of the greater and lesser tubercles of the humerus, that is, the relief of the muscles that provide power movements and static loads on the shoulder joints. The main pathologies of the skull are fine-mesh porosity (cribra type) of the superciliary arches, tympanic parts of the temporal bones, zygomatic bones, sometimes parietal bones, occipital scales and some other structures. The man from Fatma-koba has very worn teeth, and slight enamel hypoplasia is noticeable on the incisors and canines. It is necessary to describe the consequences of trauma, and perhaps some ritual actions, on the skeleton of a young individual from Murzak-koba.

S.V. Vasilyev – Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay, Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia E-mail: vasbor1@yandex.ru

S.B. Borutskaya – Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia E-mail: borsbor@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ТИПА И СТРЕССОВЫХ ВЛИЯНИЙ НА НАСЕЛЕНИЕ, ОСТАВИВШЕЕ МОГИЛЬНИК НА БОЛЬШОМ ОЛЕНЬЕМ ОСТРОВЕ (БАРЕНЦЕВО МОРЕ)

Исследование посткраниального скелета погребённых в Оленеостровском могильнике выявило следующие моменты. Скелеты в целом характеризовались средней степенью массивности, чаще мышечный рельеф верхних конечностей был развит очень хорошо. Рельеф костей ног развит по-разному, но в основном – слабее. Люди Оленеостровского могильника отличались узкоплечестью, широкотазостью относительно роста, укороченными предплечьем и голенью, характеризовались в целом ростом средним и ниже среднего.

DOI: 10.70203/1797.2024.13.76.039

Позднеолитический могильник Большого Оленьего острова Кольского залива Баренцева моря датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Скалистый остров площадью примерно 72 га находится в северной части Кольского залива в 12 км от выхода в Баренцево море и примерно в 2 км от города Полярный. Могильник расположен в южной части острова на останце морской террасы, сложенной ракушечным песком, между двумя скальными возвышениями. Высота седловины составляет 14 м над уровнем моря (А.В. Шмидт определил высоту седловины в 10,5 м [1]).

История изучения памятника началась в 1925 г., когда сотрудниками Имандровской экспедиции Мурманской биологической станции С.Ф. Егоровым и Г.Д. Рихтером были обнаружены два разрушенных погребения. Раскопки были проведены палеоэтнологической партией Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции АН СССР под руководством А.В. Шмидта в 1928 г. Общая площадь раскопов и шурфов, заложенных в восточной части могильника, составила 94 кв. м, и там были обнаружены 11 погребений. Материалы были переданы в Этнографический отдел Русского музея [2].

В 1934 году г. Полярный стал главной базой Северного флота, и в ходе строительства комплекса береговых укреплений на Большом Оленьем острове на месте могильника был устроен карьер по добыче песка. Во время работ военным инженером А.В. Ципленковым был собран археологический и антропологический материал из примерно 25 погребений. Четыре предмета были им переданы в МАЭ АН СССР. Судьба остальной коллекции не известна.

В 1947–1948 гг. Кольская археологическая экспедиция ИИМК АН СССР под руководством Н.Н. Гуриной провела новые раскопки могильника на Большом Оленьем острове. Площадь раскопа составила около 56 кв. м, были вскрыты 10 погребений. Материалы из этих раскопок были переданы в МАЭ АН СССР и частично в Мурманский историко-краеведческий музей.

Спустя полвека, в 1999 г., исследования могильника были возобновлены Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством В.Я. Шумкина. В 2002–2004 гг. на могильнике были заложены три раскопа. Площадь раскопов 2002–2004 гг. составила 120 кв. м. Помимо этого, были вскрыты южная часть раскопа 1947–1948 гг. и южная часть карьера с осыпавшимися и разрушенными стенками – около 100 кв. м. Были обнаружены девять погребений (№№ 11–19, продолжая нумерацию Н.Н. Гуриной). Из них пять погребений одиночные (11, 12, 14, 15, 18) и четыре – коллективные (13, 16, 17 и 19), содержавшие 2, 4, 5 и 6 костяков соответственно. Погребения 11 и 12 были разрушены.

Кости погребённых находились в тонкой плотной чёрной органической массе, вероятнее всего, остатках одежды из шкур. В коллективных погребениях 16, 17, 19 зафиксированы перекрытия из досок или плах в один или два слоя. В погребении 19 оба перекрытия располагались вдоль костяков, и на нижнем перекрытии над погребением 19-3 находилась лодка-гробовище с детским костяком (№ 19-5).

Все непотревоженные могилы демонстрируют сходные черты обряда погребения: это трупоположение на спине, вытянуто, головой на северо-восток и восток, кисти рук – в области таза. Сохранность костяков в целом хорошая, что, по-видимому, обусловлено присутствием в засыпке погребений кроме песка ещё и мелкодроблёных естественным образом морских раковин.

Всего был изучен 31 скелет, полученный в результате всех раскопок (под руководством А.В. Шмидта, Н.Н. Гуриной, В.Я. Шумкина): 16 скелетов принадлежали мужчинам, 10 – женщинам и 5 – детям. Некоторые характеристики скелетов «оленеостровцев», полученных в результате раскопок Шмидта и Гуриной, были сделаны В.П. Якимовым [3]. Однако новые методики палеоантропологических исследований побудили нас заново изучить эти скелеты.

Проводились исследования пропорций посткраниального скелета (прежде всего – конечностей), степени массивности костей, степени развития мышечного рельефа и палеопатологический анализ. Кроме того, была восстановлена прижизненная длина тела взрослых индивидов группы.

Для мужских скелетов были получены следующие результаты.

1. Интермембральный индекс в целом оказался средней величины или ниже среднего, что соответствует несколько укороченным рукам относительно длины ног.

2. Плече-бедренный индекс тоже выше среднего или очень высок, то есть для мужчин было характерно удлинённое плечо по сравнению с бедром, что в принципе свойственно многим современным северным народам и, по-видимому, является адаптивным признаком.

3. Луче-плечевой индекс соответствует средним отношениям длины предплечья и плеча.

4. Берцово-бедренный индекс ниже среднего, что отражает укороченность голени по сравнению с бедром, характерную для северных народов, – так называемую арктическую экологическую адаптацию.

5. Ключично-плечевой указатель значительно ниже среднего. То есть мужчины из данного могильника отличались особой узкоплечестью.

6. Индексы относительной ширины таза показали, что мужчины группы отличались значительной широкотазостью, особенно по сравнению с их ростом. При этом их таз был невысоким.

Женские скелеты характеризовали следующие показатели.

1. Интермембральный индекс ниже среднего, то есть для женщин были также характерны укороченные руки относительно ног, что в целом для народов Севера не характерно.

2. Плече-бедренный указатель у женщин, как и у мужчин, выше среднего и соответствует удлинённым плечам по сравнению с бёдрами. То есть в этом случае мы видим проявление арктической адаптации.

3. Луче-плечевой указатель имеет величину среднюю и ниже среднего, то есть чаще всего предплечье было несколько укорочено относительно плеча. Это также является характерной особенностью народов арктического адаптационного типа.

4. Берцово-бедренный индекс (или круральный) в большинстве случаев оказался ниже среднего (в единичных случаях имел среднее значение величины). То есть женщинам данной популяции также была характерна укороченная голень по сравнению с бедром, что соответствует проявлению эволюционной экологической адаптации к холодным условиям существования.

5. Ключично-плечевой указатель у женщин, так же как и у мужчин, по нашим расчётам, получился ниже среднего. Таким образом, женщин группы тоже отличала узкоплечесть.

6. По индексам таза женщины характеризуются как широкотазые относительно роста и низкотазые. То есть точно так же, как и мужчины этой популяции.

Прижизненная длина тела, определённая по формулам Дюпертюи и Хеддена, составила:

– для мужчин в среднем 164,5 см, при размахе вариаций от 158,9 см до 171,3 см;

– для женщин в среднем 156,0 см, с вариациями 151,0 см – 163,1 см.

При определении массивности длинных костей скелета были получены следующие результаты.

Массивность ключиц у мужчин средняя или выше среднего, у женщин – ниже среднего, что в принципе соответствует проявлению полового диморфизма.

У мужчин и женщин степень массивности плечевых костей различна. У мужчин чаще эта массивность всё же средняя или выше среднего.

Лучевая кость у индивидов обоего пола средне- или высокомассивна.

Локтевая кость в группе чаще всего среднемассивна или грацильна.

Бедренная кость, особенно у мужчин, высокомассивная. При этом индексы укреплённости середины тела кости (пилястрии) и верхней части тела (платимерии) в группе совершенно различны. Часты случаи сильной скрученности бедра, причём в верхней части.

Массивность большеберцовой кости у мужчин значительна, у женщин – средняя. Индексы степени уплощённости тела кости (кнемии) в группе различны. Выявлены 5 случаев саблевидных большеберцовых костей. У мужчин также отмечены несколько случаев сверхмассивности данной кости.

Анализ степени развития мышечного рельефа дал следующий результат.

У мужчин в основном были хорошо развиты следующие структуры: дельтовидная шероховатость, гребни большого, малого бугорков и супинатора на плечевой кости, лучевая бугристость, локтевая шероховатость, гребни пронатора и супинатора на локтевой кости, подсуставная область лопатки, ягодичная шероховатость, а также нередко и шероховатая линия бедра, большеберцовая бугристость и линия камбаловидной мышцы. Таким образом, мы предполагаем, что лучше всего был развит рельеф мышц, задействованных в

процессе гребли и рыбной ловли, например, сетями. Конечно же, людьми в определённой степени выполнялся и иной физический труд.

У женщин весь рельеф развит более умеренно. При этом лучше выглядит рельеф мышц, вращающих предплечье, вращающих в плечевых суставах приподнятые руки, и некоторый рельеф мышц бедра, особенно разгибающих тазобедренный и коленный суставы, что тоже важно во время гребли на вёслах.

Древняя популяция людей севера Кольского полуострова, скорее всего, бóльшую часть времени занималась морским промыслом. Воды тёплого течения Гольфстрим, проникая в Баренцево море, обеспечивали богатство морской фауны в Кольском заливе [4]. Возможно, зимой люди откочёвывали несколько на юг – вглубь Кольского полуострова. Но бóльшую часть года всё же проводили возле моря, в том числе и на островах залива. Так, на Большом Екатерининском острове были обнаружены следы пребывания человека неолита и более поздних эпох. Экспедиция Н.Н. Гуриной, обследовав соседний Екатерининский остров, открыла на нём две стоянки эпохи раннего металла и провела их раскопки [5]. Исследования могильника под руководством В.Я. Шумкина в 1999 и 2001 гг. также увенчались открытием новых стоянок и местонахождений на Большом Оленьем и Екатерининском островах [6].

Таким образом, исследование посткраниального скелета погребённых в Оленеостровском могильнике выявило следующие моменты. Скелеты в целом характеризовались средней степенью массивности, чаще мышечный рельеф верхних конечностей был развит очень хорошо. Рельеф костей ног развит по-разному, но в основном – слабее. Люди Оленеостровского могильника отличались узкоплечестью, широкотазостью относительно роста, укороченными предплечьем и голенью, характеризовались в целом ростом средним и ниже среднего.

Основной патологией мужских и женских черепов был пороз (типа cribra) надбровных дуг, надпереносья, твёрдого нёба, барабанных частей височных костей, области над наружным слуховым проходом, пирамид височных костей, крыловидных отростков клиновидной кости, больших крыльев клиновидной кости, чешуи затылочной кости, теменных костей, чешуи височных костей, носовых костей, лобного отростка верхних челюстей, резцовой области верхних челюстей. В той или иной комбинации структур, поражённых подобным порозом, эту патологию мы наблюдаем у всех индивидов могильника, включая подростков. Иногда пороз структур свода черепа сопровождался остеолизами, особенно вдоль швов, вплоть до небольших сквозных отверстий. Нередко пороз частей височных костей сочетался с остеолизами сосцевидного отростка, что маркирует вероятное воспаление среднего уха. Данная патология черепа, видимо, была спровоцирована воздействием на организм холодных температур и сильных северных ветров. По-видимому, пористость костей свода черепа отразила процесс прорастания кости большим количеством кровеносных капилляров, защищавших голову древних жителей Севера от холода. Вероятно, также было возникновение и воспалительных процессов от переохлаждения, о чём свидетельствуют остеолизы кости. На мужском черепе № 4952 (5) даже имеются полости в латеральных частях затылочной кости.

Среди остальных патологий и аномалий черепов можно отметить следующее.

– На челюстях одиннадцати черепов, в основном пожилых людей, имеются признаки пародонтоза. То есть практически в половине случаев мы встречаем это заболевание в группе.

– На зубах восьми черепов обнаружена эмалевая гипоплазия, отражающая скудный пищевой рацион человека в детском возрасте.

– В трёх случаях обнаружен и одонтогенный остеомиелит. Пример наблюдаем на женском черепе из погребения № 19 (костяк 4). Кроме того, нередки случаи пороза альвеол.

– Следует отметить практически стопроцентное отсутствие в группе кариеса. Только в одном случае, на черепе женщины из погребения № 19 (4) (30–40 лет), был обнаружен кариес третьего верхнего правого моляра. Следует заметить, что этот зуб у данной женщины не полностью прорезался, то есть частично был погружён в альвеолу. И ещё на черепе женщины 40–45 лет из погребения № 16 (2) был повреждён один из верхних моляров, и как нам кажется, не исключено, что по причине имевшего место кариеса.

– У четырёх индивидов (на трёх мужских черепах и одном женском) отмечена *cribra orbitalia*, маркирующая заболевания крови. Возможно, эти заболевания связаны с недостатком витаминов в рационе.

– В двух случаях – на черепах женщины 35–40 лет № 19 (3) и мужчины 50–55 лет № 19 (2) – третьи верхние моляры, не поместившись в альвеолярной дуге, торчат вбок и назад. У мужчины также можно констатировать краудинг верхних резцов и то, что нижние третьи моляры вообще (в своё время) не прорезались, то есть значительную редукцию размера альвеолярных дуг. У женщины из погребения 19 (1) 40–45 лет так и не прорезался правый верхний третий моляр. У одного мужчины среднего возраста (погребение № 5715) мы отметили недоразвитие нижнего левого первого моляра.

– На черепе женщины из погребения № 19 (1) обнаружена интересная аномалия – многобугорковость нижних премоляров.

– На двух черепах, мужском – № 19 (2) и женском – № 19 (4), наблюдается прирастание к шиловидным отросткам височных костей больших рогов подъязычных костей.

– На черепе женщины из погребения № 4952 (2) справа на лобной и теменной костях имеется пробивное отверстие поперечно-каплеобразной формы. По-видимому, имел место удар по голове (веслом, багром и т. п.), послуживший причиной смерти.

На посткраниальном скелете отмечено следующее.

1. На большинстве скелетов можно отметить наличие признаков периостита большеберцовых и малоберцовых костей, а в ряде случаев также и бедренных, плечевых и локтевых. Данное заболевание у древнего населения севера Кольского полуострова, скорее всего, было связано с частым нахождением в холодной воде или в холодных влажных условиях (например, в лодках) во время морских промыслов или перемещений между островами.

2. Примерно на трети скелетов обнаружены последствия заболевания в детстве рахитом – сильная изогнутость бедренных костей. Причины того – недостаток витаминов в пищевом рационе и низкий уровень инсоляции в данном регионе, а как следствие – недостаток выработки витамина D.

3. Кости посткраниального скелета всех взрослых индивидов и подростков несут признаки довольно значительного остеопороза. В основном поражены эпифизы длинных костей, частично тазовые и позвонки (нередко очень сильно). Пороз имеется и на других структурах скелета. Вероятная причина такого пороза – также недостаток витаминов в пище.

Имеются и другие единичные патологии посткраниального скелета.

– Мужчина 40–50 лет из погребения № 13. Срастание второго и третьего шейных позвонков телами. У этого же мужчины имело место срастание 1-й и 2-й фаланг второго пальца кисти под прямым углом, по-видимому, в результате давней травмы.

– Женщина 40–45 лет из погребения № 16 (2). Остеохондроз грудных позвонков. У неё же пятый поясничный позвонок справа немного сросся с крестцом. На этом же скелете мы обнаружили сросшиеся левые пяточную и таранную кости. Это могло, например, произойти в результате травмы пяточно-таранного сустава.

– Мужчина 40–45 лет из погребения № 16 (4). Признаки артрита левого плечевого сустава.

– Мужчина старше 50 лет из погребения № 17 (1). Сильнейшие краевые разрастания и гиперостозы на позвонках. Попарное срастание (вероятно, из-за спондилоза и остеохондроза) шести грудных позвонков. У него же рахитично изогнуты не только бедренные, но также и берцовые кости.

– Женщина 40–45 лет из погребения № 17 (3). На крестце имеется несколько остеом. Заросшая трещина одного из средних рёбер слева (имеются признаки воспалительного процесса).

– Женщина 45–50 лет из погребения № 19 (1). Искривление крестца вправо. Вероятное прирастание первого копчикового позвонка. Первый крестцовый позвонок имеет свободные поперечные отростки.

– Мужчина старше 50 лет из погребения № 19 (2). Остеохондроз и сильный пороз шейных и поясничных позвонков.

– Женщина 35–40 лет из погребения № 19 (3). Срастание 2-го и 3-го шейных позвонков. Деформация единого тела с уменьшением высоты в правой части, полное срастание справа дуг и отростков позвонков. За счёт этого – искривление шейного отдела позвоночника.

– Женщина 30–40 лет из погребения № 19 (4). Женщина, по всей видимости, умерла во время родов. В погребении обнаружена часть скелета новорождённого ребёнка вне таза женщины (кости черепа, кости левой руки, фрагменты позвонков, первые и вторые рёбра, ключицы и лопатки). Остальные кости скелета ребёнка находились в области таза. Ребёнок, судя по всему, также умер во время родов. Ушковидные поверхности таза женщины и области спереди-латерально от симфизиальных поверхностей – в сильном порозе. Пороз в вертлужных впадинах и вокруг них. Значительный пороз позвонков.

Посткраниальные скелеты несут нам информацию не только о физическом типе и заболеваниях в популяции, но и тайнах погребальных обрядов. Например, одно из захоронений (№ 13) представляло собой богатое инвентарём погребение пожилого мужчины с новорождённым ребёнком на правой части груди. При этом в нижней челюсти младенца было обнаружено сверлёное круглое отверстие. Наверное, следует думать о каком-то ритуале, совершённым над этим ребёнком.

Таким образом, можно констатировать, что большинство патологий скелетов из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря связаны с экологическими условиями существования. Периостит длинных костей, пороз структур свода черепа и лицевого скелета были вызваны холодовым стрессом. Пороз эпифизов длинных костей, позвонков и других структур скелета, рахитичная изогнутость бедренных, а иногда и берцовых костей, пародонтоз, эмалевая гипоплазия, пороз альвеол и некоторые другие патологии были вызваны недостатком в пищевом рационе растительной пищи, богатой витаминами, а также низким уровнем инсоляции в арктических условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шмидт А.В.* Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. М.; Л., 1930. С. 119–169.
2. *Синицын С.Д.* Костные остатки человека в раскопках А.В. Шмидта // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л., 1930. С. 181–183.
3. *Якимов В.П.* Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XV. М.; Л., 1953. С. 448–485.
4. *Громова В.И.* Остатки млекопитающих из могильника Большого Оленьего острова // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. М.; Л., 1930. С. 177–180.
5. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // МИА. № 39. М.; Л., 1953. С. 347–407.

6. *Шумкин В.Я., Мурашкин А.И.* Новые данные о могильнике на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археологические вести. Вып. 10. СПб., 2003. С. 26–30.

С.Б. Боруцкая – ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва

С.В. Васильев – ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», Москва

S.B. Borutskaya, S.V. Vasilyev

RECONSTRUCTION OF THE PHYSICAL TYPE AND STRESS EFFECTS ON THE POPULATION THAT LEFT THE BURIAL GROUND ON BOLSHOY OLENY ISLAND (BARENTS SEA)

Summary

The study of the postcranial skeleton in the Oleneostrovsky burial ground revealed the following points. The skeletons were generally characterized by a medium degree of massiveness; more often, the muscular relief of the upper extremities was very well developed. The relief of the leg bones is developed differently, but generally weaker. The people of the Oleneostrovsky burial ground were distinguished by narrow shoulders, broad hips relative to height, short forearm and lower legs, and were generally characterized by average and below average height.

S.B. Borutskaya – Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: borsbor@yandex.ru

S.V. Vasilyev – Institute of Ethnology and Anthropology named after N.N. Miklukho-Maclay, Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia
E-mail: vasbor1@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

М.М. Герасимова, С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА (ЗАБАЙКАЛЬЕ)

Выразительный археологический материал показывает значительную роль рыболовства в хозяйственной деятельности китойцев. А на черепах из погребений с китойским археологическим комплексом инвентаря наблюдается в области брегмы сильное разрастание компакты кости и слабое проявление эффекта «апельсиновой корочки» в области переносья и надбровных дуг. Описанные изменения могут быть следствием кортикального гиперостоза как результата пищевого пристрастия (рыболовство), а также как реакция на холодовый стресс. Развитый костный рельеф костей посткраниального рельефа в сочетании со средней длиной тела и небольшим весом, реконструируемыми на основе изучения длинных костей скелета, свидетельствуют о достаточно подвижном образе жизни неолитических охотников низовий Селенги.

DOI: 10.70203/3094.2024.55.93.040

Палеоантропологический материал из Фофановского могильника неоднократно обсуждался в отечественной литературе. Впервые черепа из Фофановского могильника были опубликованы Г.Ф. Дебецем [1]. В его распоряжении были всего 4 черепа из раскопок М.М. Герасимова 1934 и 1936 годов, которыми были вскрыты свыше 40 погребений энеолита и развитого этапа эпохи бронзы. Ранние погребения были в простых неглубоких ямах. Сохранившийся погребальный инвентарь состоял из нефритовых тёсел и топориков небольших размеров, кремнёвых наконечников дротиков, копий и стрел, костяных кинжалов, гарпунов, рыболовных крючков, игольников с тонкими костяными иглами, из украшений – нефритовых колец, бус из перламутра и зубов изюбря. Трупоположение – вытянутое на спине, руки на лобковом сочленении, ногами ориентировано к реке. Могилы второго, более позднего этапа имели каменные оградки. Сохранившийся погребальный инвентарь состоял из костяных гарпунов, долотообразных орудий, игольников с костяными и бронзовыми иглами, изредка встречались тонкие проволочные бронзовые браслеты, височные маленькие кольца, пластинчатые бронзовые ножи, из украшений – бусы из зубов изюбря и пронизки из тоненьких пластинок бронзы. Трупоположение неустойчивое, чаще всего в скорченном положении на боку, головой по течению реки. Опубликованные Г.Ф. Дебецем черепа, из которых только один определённо происходит из погребения эпохи бронзы [2, с. 560], «все очень похожи друг на друга, но тем не менее, трудно диагностируемы. Уплощенность лица и носа, узкий лоб, очень малая высота черепа говорят о монголоидности. Но высота лица у одного мужского черепа очень малая» [1, с. 55]. Именно этот череп М.М. Герасимов рассматривает как палеоазиатский тип в его тунгусском варианте. Продолжены были исследования Фофановского могильника А.П. Окладниковым, возглавлявшим в 1947–1952 годах Бурят-Монгольскую экспедицию. Палеоантропологический материал из этих раскопок был изучен И.И. Гохманом [3]. Черепа, происходящие из раскопок А.П. Окладникова и датируемые глазковским временем, обнаруживали морфологическую однородность с черепами, опубликованными Г.Ф. Дебецем. Объединённая серия также отличалась специфической чертой – низким лицом, что в сочетании с выраженной плосколицестью послужило основанием для вывода о своеобразном положении этого краниологического комплекса в расовой систематике монголоидов.

В 1959 г. М.М. Герасимовым в составе Иркутской экспедиции под руководством М.П. Грязнова снова были возобновлены раскопки Фофановского могильника. Сплошной раскоп, заложенный в восточной части могильника, позволил вскрыть 41 погребение, относящееся к трём этапам или культурным комплексам. Эти раскопки позволили сделать ценные стратиграфические наблюдения, которые способствовали тому, что все погребения, независимо от наличия сопровождающего датирующего инвентаря, могли быть разделены на три периода: китойский, глазковский и шиверский. Наиболее интересные материалы дали погребения китойского времени – украшения из раковин и зубов кабана и марала, костяные кинжалы с кремнёвыми вкладышами, различные каменные и костяные инструменты, находимые в могиле обычно пачкой или кучками. Для погребений характерна обильная засыпка костяков охрой. Встречались вместе с погребённы-

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ми отдельные части тела других умерших, парциальные погребения. Например, в могилу № 7 были тесно уложены обезглавленные тела шести человек. Более поздние погребения глазковского времени были сделаны по истечении довольно продолжительного времени, достаточного для отложения слоя лёссовидного суглинка и формирования новой почвы. Могилы были вырыты с поверхности верхнего почвенного слоя и перерезали нижний почвенный слой, углубляясь в материк. Погребения были ограблены ещё в древности, но дали серию каменных, медных и костяных орудий, целую серию горшков и крупных фрагментов сосудов. Третья группа – более поздних могил – сооружалась после покрытия почвенного слоя глазковского времени новым слоем лёссовидного суглинка. Палеоантропологический материал был изучен одним из авторов настоящего сообщения ещё в 1960 г., по не зависящим от него обстоятельствам, монографически не опубликован, однако в силу чрезвычайной важности в той или иной степени был введён в научный обиход [4]. Небольшой материал из 6 мужских и 3 женских черепов, три из которых датируются китойским археологическим комплексом, внёс существенные коррективы в установившиеся представления о низколицести фофановских черепов как их специфической особенности. Прежние представления об однородности неолитического и энеолитического населения низовий Селенги отпали. Анализируя объединённую серию черепов неолита и энеолита Забайкалья, куда вошли кроме прежних данные о черепах из раскопок М.М. Герасимова 1959 года, И.И. Гохман делает вывод о наличии в антропологическом составе населения Забайкалья двух компонентов: высоколицего, долихокранного с неплоским лицом (европеоидного) и брахикранного с более низким и очень плоским лицом и переносьем (монголоидная байкальская раса). Таким образом, из двух гипотез, объясняющих антропологические особенности так называемого неолитического населения Прибайкалья, – метисационной гипотезы и гипотезы недифференцированности антропологического типа древнего населения Прибайкалья – предпочтение было отдано первой.

Подробная публикация фофановских материалов из раскопок 1959 года появилась в 1992 г. [5]. Черепа из погребений с китойским археологическим комплексом отличаются специфическими признаками: для них характерны массивность, крупные размеры мозговой коробки и лицевого скелета, узкий покатый лоб со сближенными буграми, сильная уплощённость переднего плана высокого и широкого лица, угловатость контуров мозгового черепа, массивная нижняя челюсть и крупная альвеолярная дуга. Все эти особенности сочетаются с наличием чётко выраженных клыковых ямок, «европеоидной» (по Г.М. Левину) формой скуловой вырезки, средней высотой орбит. Таким образом, черепа обладают выраженно монголоидными особенностями наряду с архаическими чертами. Своеобразие краниологического комплекса китойских черепов из Фофаново и их сходство с черепами из китойских погребений Прибайкалья позволяют рассматривать этот краниологический комплекс как протоморфный, архаичный, свойственный не отдельной локальной группе, а связанный с определённым историческим этапом. Кстати говоря, идея протоморфности прибайкальского населения неолита и эпохи бронзы была высказана в 1951 г. Г.Ф. Дебецем, от которой он впоследствии отказался. Эта же идея, но только относительно черепов из погребений с китойскими археологическими комплексами из собственно Китойского могильника была высказана М.М. Герасимовым [2]. Материал из Фофанова подтверждает эту точку зрения. Черепа из Фофанова глазковско-шиверского времени совместно с данными И.И. Гохмана характеризуются долихокранной крупной средневысокой черепной коробкой, умеренно широким и высоким лицом, уплощённым на уровне назиона. По сравнению с китойскими черепа людей поздних периодов имеют более низкое лицо, более прямой лоб и несколько менее плоское лицо. По признакам, характеризующим степень выраженности монголоидности, они сближаются с черепами людей глазковского и серовского времени из Прибайкалья, обнаруживая несколько бóльшую уплощённость лица и меньшее выступание носа. Таким образом, черепа из китойских археологических комплексов, отличаясь целым рядом специфических особенностей, которые можно охарактеризовать как архаичные, протоморфные, выделяются, кроме того, из всей совокупности прибайкальских и забайкальских черепов, будучи взвешенными на «европеоидно-монголоидных» весах. Представляется очевидным, что затянувшийся спор о природе антропологических особенностей населения прибайкальского «неолита» [1] не может быть разрешён в рамках выбора одной из двух существующих альтернативных гипотез: гипотезы протоморфности или метисационной. Предлагаемая гипотеза сводится к следующему: в населении ранненеолитического времени (китой) Прибайкалья и Забайкалья сохранялся древний протоморфный комплекс, известный по могильникам из приустьевых участков рек Иркуты, Китои, Белой и Селенги. Начавшийся в серовское время постоянный приток европеоидного населения и его контакт с протомонголоидными группами местного населения сформировал антропологические особенности населения Прибайкалья позднего неолита и раннего этапа эпохи бронзы. В Забайкалье этот приток мог быть менее интенсивным, и потому население Забайкалья отличается большей выраженностью монголоидных черт. Расовая смешанность неолитического населения Приобья, Барабинской и Красноярско-Канской лесостепи [6], европеоидные особенности черепов из могильника Баян-Хонгора эпохи бронзы в Монголии свидетельствуют о существовании широких миграционных процессов в лесостепных и степных пространствах на юге Восточной Сибири. Предлагаемая гипотеза подтверждена анализом 14 краниологических сборных неолитических серий из могильников Западной и Южной Сибири, проведённым Т.А. Чикишевой [6] по комплексу признаков, традиционно используеых для расовой диагностики. Автор пришла к выводу о существовании в далёком прошлом протоморфности у населения Западной и Южной Сибири, а также о том, что метисация европеоидных и монголоидных групп населения, сыгравшая формообразующую роль в образовании монголоидных рас второго порядка, происходила в Западной Сибири на рубеже мезолита и неолита, а в Южной Сибири (бассейн оз. Байкал) стала интенсивной к рубежу неолита и энеолита. Безусловно, не только миграции населения и дальнейшая его метисация явля-

лись фактором формообразования. Весьма вероятно, что для ранненеолитических коллективов охотников и рыболовов одним из факторов формирования антропологических особенностей была изоляция. Теоретически изолированность при малых эффективных размерах популяций должна была способствовать увеличению частоты резких колебаний признаков в отдельных группах и способствовать формированию специфического типа в пределах одной популяции или локальной территории. Однако даже на уровне отдельных могильников мы распознаём явно гетерогенное население, что может быть объяснено лишь наличием широких связей не только с европеоидным населением, но и с различными группами населения лесных и таёжных областей Восточной Сибири, которое отличалось существованием нескольких локальных вариантов [4].

Как показал наш краткий обзор литературы, посвящённой палеоантропологическим материалам из Фофановского могильника, проблематика её была в известной мере ограничена реконструкцией антропологического состава археологических культур через призму взаимоотношений европеоидных и монголоидных типов, благо территория нашей страны всегда была ареной грандиозных метисационных процессов.

Стимулом для нового осмысления материала из Фофановского могильника явились некоторое увеличение краниологического материала в результате дополнительно проведённой реставрации, получение новых данных из раскопок Е.А. Жамбалтаровой, данные по радиоуглеродному возрасту фофановских погребений, расширение программ исследования за счёт определения на костях скелета следов перенесённых заболеваний, стрессов и травм, появившиеся возможности формализованного многомерного статистического анализа расогенетических связей, и наконец, формирование нового экологического подхода к палеоантропологическому материалу относительно хронологии так называемого прибайкальского «неолита». Хотя существует обширная археологическая литература, во многом развивающая взгляды М.М. Герасимова (1955) на место китоя в хронологической шкале, антропологи в основном ориентируются на схему А.П. Окладникова и попрежнему рассматривают соотношение типов в рамках схемы – исаковско-серовский культурно-хронологический этап – китойский – глазковский. Нами была выбрана в качестве рабочей гипотезы схема М.М. Герасимова, считавшего китойский этап более древним, чем серовский. Исходя из этой гипотезы, отмеченное своеобразие китойских черепов, особенно забайкальских, может быть в известной мере объяснено их древностью. Древность китойских черепов подтверждается радиоуглеродным датированием костей из китойских погребений, возраст которых составляет более 7 тысяч лет от наших дней.

Экологическое исследование палеопопуляции (читай – серии черепов или скелетов различной степени генерализации) предполагает анализ морфофункциональной изменчивости скелетной системы человека.

Природные условия озера Байкал и особенно Селенгинского среднегорья определили значительную демографическую ёмкость этого региона, отличавшегося высоким качеством и количеством ландшафтных компонентов [7]. Однако нарастающий дефицит тепла и влаги, уменьшение биоразнообразия в голоцене, привели, возможно, к некоторому сокращению численности населения по сравнению с палеолитической эпохой, к усилению подвижности неолитического населения и вовлечению в сферу хозяйственной деятельности новых природных пищевых ресурсов. Выразительный археологический материал показывает значительную роль рыболовства в хозяйственной деятельности китойцев. А на черепах из погребений с китойским археологическим комплексом инвентаря наблюдаются в области брегмы сильное разрастание компакты кости и слабое проявление эффекта «апельсиновой корочки» в области переносья и надбровных дуг. Описанные изменения могут быть следствием кортикального гиперостоза как результата пищевого пристрастия (рыболовство), а также как реакция на холодовый стресс. Развитый костный рельеф костей посткраниального рельефа в сочетании со средней длиной тела и небольшим весом, реконструируемыми на основе изучения длинных костей скелета, свидетельствуют о достаточно подвижном образе жизни неолитических охотников низовий Селенги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. Л.: Изд-во АН Союза ССР, 1948.
2. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Издательство АН СССР, 1955.
3. *Гохман И.И.* Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. Вып. XX. 1954.
4. *Алексеев В.П., Гохман И.И.* Антропология азиатской части СССР. М., 1984.
5. *Герасимова М.М.* Черепа Фофанского могильника // Древности Байкала. Иркутск, 1992.
6. *Чикишева Т.А.* К вопросу об антропологическом составе населения Западной и Южной Сибири в эпоху неолита // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. К 75-летию И.И. Гохмана. СПб., 2004.
7. *Калмыков Н.П.* Палеогеография и эволюция биоценотического покрова в бассейне озера Байкал. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2003.

М.М. Герасимова, С.В. Васильев – ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН», Москва

С.Б. Боруцкая – ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва

Объединенный музей Воронежского государственного

M.M. Gerasimova, S.B. Borutskaya, S.V. Vasilyev

PALEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE FOFANOVSKY BURIAL GROUND (TRANSBAIKALIA) OF THE NEOLITHIC – ENEOLITHIC PERIODS

Summary

Expressive archaeological material shows the significant role of fishing in the economic activities of the Kitoy people. And on turtles from burials with the Kitoi archaeological complex of grave goods, a strong growth of the bone compacta and a weak manifestation of the "orange peel" effect in the area of the nose and brow ridges are observed in the area of bregma. The described changes may be a consequence of cortical hyperostosis, as a result of food addiction (fishing), and also as a reaction to cold stress. The developed bone relief of the bones of the posteranial relief, combined with the average body length and low weight, reconstructed based on the study of the long bones of the skeleton, indicate a fairly active lifestyle of Neolithic hunters of the lower Selenga.

Institute of Ethnology and Anthropology
named after N.N. Miklukho-Maclay, Russian Academy of Sciences,
32a, Leninsky Av., Moscow, 119334, Russia
M.M. Gerasimova – E-mail: gerasimova.margarita@gmail.com
S.V. Vasilyev – E-mail: vasbor1@yandex.ru

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
S.B. Borutskaya – E-mail: borsbor@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

М.Н. Яковлева

ПАЛЕОПАРАЗИТОЛОГИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одно из направлений современной палеопаразитологии – археопаразитология – позволяет изучать не только явление паразитизма, но и реконструировать среду обитания, пищевые предпочтения, состояние здоровья и санитарного благополучия древнего населения. Данные археопаразитологических исследований дают возможность выявить контакты и миграцию населения в древности, изменения паразитофауны в связи с хозяйственной деятельностью и климатическими условиями. По мнению учёных, применение в палеопаразитологии традиционных методов микроскопии, а также современных молекулярно-биологических и иммунологических методов позволит в будущем получить более полную картину разнообразия и эволюции паразитов в разные периоды истории, а полученные знания могут стать инструментом для прогнозирования того, где может произойти распространение или повторное появление паразитов в результате изменения климата.

DOI: 10.70203/5695.2024.51.76.041

Палеопаразитология – относительно новая наука, которая изучает явление паразитизма, эволюцию, биологию и экологию паразитов по древним материалам. Отдельно выделяют археопаразитологию – мультидисциплинарное направление на стыке паразитологии, биологической антропологии и исторических дисциплин – археологии и этнографии. Задачей этой области науки является идентификация паразитов, обнаруженных в ходе анализа археологических материалов, и реконструкция на их основе среды обитания, пищевых предпочтений, состояния здоровья, гигиены и других аспектов жизни древнего населения.

Целью данной работы явились поиск и анализ научных отечественных и зарубежных публикаций, касающихся палео- и археопаразитологических исследований в направлении достижений и перспективы этих наук.

Источниками палеопаразитологической информации могут служить скелетные останки из музейных коллекций; мумии человека и животных; пробы почвы или грунта; копролиты – ископаемые окаменелые экскременты человека и домашних животных; пробы с поверхности крестца погребённых людей. Крестец является своеобразной «естественной чашей» для остатков кишечного содержимого [1, p. 231].

Основным в изучении паразитов (цист простейших, яиц гельминтов, а также членистоногих) традиционно является микроскопический метод. Кроме того, в последнее время используют молекулярно-биологический метод – полимеразную цепную реакцию (ПЦР) с целью изучения древней ДНК, а также иммунологические тесты для определения палеоантигенов.

Основным направлением исследований в области палеопаразитологии является идентификация яиц паразитических червей – гельминтов. Гельминты плодовиты и образуют огромное количество яиц, которые, благодаря хитиновой оболочке, хорошо сохраняются в древнем материале.

Анализ научной литературы показал, что специалистов, занимающихся изучением паразитов древних животных и человека, в мире не очень много. На сегодняшний день известны работы в области палеопаразитологии учёных из Бразилии и США, Китая и Южной Кореи, Франции и Англии. В России таких исследователей – единицы. Среди наших современников можно выделить сотрудника Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН Сергея Михайловича Слепченко, изучающего древние поселения северных территорий Западной Сибири, а также сотрудника Палеонтологического института им. А.А. Борисяка РАН Наталью Викторовну Сердюк, которая занимается паразитозами древних животных, в частности мамонтов.

Остановимся на результатах некоторых палео- и археопаразитологических исследований отечественных учёных.

Впервые в 2013 г. были получены данные о заболеваемости гельминтозами древнего населения Западной Сибири. В результате исследования селькупского могильника Кикки-Акки (XVII–XIX вв.) обнаружены яйца широкого лентеца (*Diphyllobothrium sp.*), что является прямым указанием на употребление населением в пищу термически не обработанной рыбы [2, p. 467].

В ходе полевых работ в 2014 г. на могильниках Вэсакояха VI, Вэсакояха VII и Нямбойто (XIX – нач. XX в.), принадлежавших тазовским ненцам, в образцах грунта из погребений были обнаружены яйца широкого лен-

теца (*Diphyllobothrium sp.*) и тениид (*Taenia sp.*) [3, p. 620]. Был сделан вывод, что пищей одной группы ненцев (с озера Нямбойто) являлась исключительно сырая рыба, и преобладающий гельминтоз у них – дифиллоботриоз. Рацион питания ненцев, оставивших могильники на реке Вэсакояха, был более разнообразным и кроме рыбы включал в себя мясо северного оленя, т. к. они практиковали крупностадное оленеводство. Интересна находка из одного могильника (Вэсакояха III) – это яйца бычьего цепня (*Taeniarynchus saginatum*). Известно, что крупный рогатый скот не имел распространения на этой территории, и наиболее вероятным источником заражения людей этим паразитом мог быть северный олень. Причём лишь употребление в пищу сырого головного мозга северного оленя приводит к развитию тениаринхоза, т. к. поедание сырого мяса и крови северного оленя не может вызвать этот паразитоз: в мышечной ткани животного цистицерки гибнут, не достигая инвазионной стадии [4, с. 20].

При изучении проб грунта, отобранных из детских погребений могильников Западной Сибири (Кикки-Акки, Нямбойто I и Вэсакояха II–IV), выявлена достаточно широкая распространённость дифиллоботриоза у детей в возрасте около 3 лет [3, p. 622]. А при исследовании в 2014 г. погребения ребёнка в возрасте 6–8 месяцев из средневекового могильника Зелёный Яр (погребение № 48, XII–XIII вв.) обнаружены яйца кишечного сосальщика (*Opisthorchis felineus*), из чего можно сделать вывод о кормлении детей сырой рыбой с раннего возраста [5, p. 976]. Интересно выявленное преобладание гельминтозов в женской выборке в сравнении с мужской. Это можно объяснить большей долей мяса в питании мужчин, связанной с сезонной охотой. В зимнее время мужчины уходили охотиться на песца, дикого северного оленя, нерпу и употребляли в пищу мясо добытых животных. Женщины в зимнее время жили оседло и питались заготовленной замороженной рыбой в сыром виде.

В отношении других типов гельминтозов отмечено, что на территории всего севера Западной Сибири отсутствуют местные источники геогельминтов, таких как аскаридоз (*Ascaris lumbricoides*) и трихоцефалёз (*Trchocephalus trichiurus*), т. к. для развития их яиц необходима влажная и хорошо прогретая почва, что не соответствует климатическим условиям Сибири, где господствует резко континентальный сухой климат и экстремально низкá зимняя температура. Поэтому все случаи заражения этими геогельминтами на территории Крайнего Севера Западной Сибири являются привозными с территорий, расположенных значительно южнее.

Обнаруженные яйца власоглава (*Trchocephalus trichiurus*) в пробах с мумифицированных тканей одного из погребённых в могильнике Догээ-Баары 2 Уюкско-саглынской культуры (V–IV вв. до н. э.) (возле Кызыла, Тувинская котловина) являются прямым свидетельством паразитарного заболевания у кочевников раннего железного века с территории Южной Сибири. Яйца человеческой аскариды (*Ascaris lumbricoides*) и власоглава были обнаружены при исследовании копролитов и проб культурного слоя Мангазеи – первого русского города приполярной зоны (XVII в.) [6, p. 40]. Показано, что заражение произошло либо при непосредственном посещении людьми эндемических очагов этих гельминтов, либо в результате заражения при употреблении завозных продуктов питания, доставляемых, возможно, из Средней Азии или Древнего Китая. Таким образом, данные археопаразитологии подтверждают прямые контакты кочевников Южной Сибири с отдалёнными земледельческими областями.

Данные палеопаразитологических исследований в центральном регионе России редки и единичны. Так, в 1996 г. опубликована работа А.В. Энговатовой и А.В. Хрусталёва, в которой сообщается об обнаружении яиц широкого лентеца и кошачьего сосальщика (*Diphyllobothrium sp.* и *Opisthorchis felineus*) в собачьих копролитах со стоянок каменного века в Подмосковье (археологические памятники Замостье 1 и Замостье 2, VII–V тыс. до н. э.) [7, с. 152].

В публикациях зарубежных учёных встречаются данные о находках в археологических материалах яиц острицы (*Enterobius vermicularis*), лёгочного сосальщика (*Paragonimus westermani*), др. гельминтов [8, p. 323].

Что касается паразитов из группы простейших (*Protozoa*), их цисты и вегетативные формы в древнем материале сохраняются плохо, но использование современных молекулярно-биологических методов позволяет обнаружить и проанализировать древнюю ДНК. Так обнаружены ДНК малярийного плазмодия (*Plasmodium falciparum*) в египетских мумиях возрастом более 3500 лет [9, p. 17], ДНК лейшманий (*Leishmania donovani*) в костных останках мумий [10, p. 105]. Методом иммуноферментного анализа (ИФА) установлено наличие дизентерийной амёбы (*Entamoeba histolytica*) в археологических образцах с кладбищ в Гваделупе в Карибском бассейне [11, p. 686].

Палеопаразитологические исследования членистоногих – паразитов человека единичны. Известны, например, случаи обнаружения и анализа генетического материала гнид головных вшей *Pediculus humanus capitis*, найденных в Израиле [12, p. 623]. На основе полученных результатов были сделаны выводы о миграционных потоках людей между Западной Африкой и Ближним Востоком, очевидно, в результате работорговли.

Таким образом, данные палеопаразитологии позволяют выявить контакты и миграцию населения в древности, изменения паразитофауны в связи с хозяйственной деятельностью и изменениями климатических условий. Например, среди охотников-рыболовов доминировали паразитарные зоонозы, тогда как после перехода к земледелию стали преобладать специфические для человека геогельминты.

Применение археопаразитологических данных нашло место в мировой археологии и антропологии для реконструкции особенностей питания, адаптации человека к различным условиям окружающей среды, санитарного благополучия поселений, состояния здоровья человека.

Палеопаразитология способствует получению и углублению наших знаний об истории паразитов и эволюции взаимоотношений хозяин–паразит, которые не теряют своей актуальности в современной эпидемиологии и в паразитологических исследованиях.

Как считают учёные, применение в палеопаразитологии методов микроскопии, иммунологии, молекулярной биологии позволит в будущем получить более полную картину разнообразия и эволюции паразитов в разные периоды истории, а полученные знания могут стать инструментом для прогнозирования того, где может произойти распространение и повторное появление паразитов в результате изменения климата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Reinhard, K.J.* Parasitology as an interpretive tool in archaeology // American Antiquity. Vol. 52. № 2. 1992.
2. *Slepchenko, S.M., Ivanov, S.N.* Paleoparasitological analysis of soil samples from the 12. Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2015. № 2.
3. *Slepchenko, S.M., Ivanov, S.N., Nikolaevich, B.A., Alekseevich, T.A., Sergeyevich, S.V.* Traditional living habits of the Taz tundra population: A paleoparasitological study // Korean Journal of Parasitology. Vol. 54. № 5. 2016.
4. *Гузеева Т.М.* Оптимизация эпидемиологического надзора за биогельминтозами: автореф. дис. … д. м. н. М., 2011.
5. *Slepchenko, S.M., Gusev, A.V., Ivanov, S.N., Svyatova, E.O.* Opisthorchiasis in infant remains from the medieval Zeleniy yar burial ground of XII–XIII centuries AD // Memorias do Instituto Oswaldo Cruz. Fundacao Oswaldo Cruz (Brazil). Vol. 110. № 8. 2015.
6. *Slepchenko, S., Reinhard, K.* Paleoparasitology and pathoecology in Russia: Investigations and perspectives // International Journal of Paleopathology. Vol. 22. 2018.
7. *Энговатова А.В., Хрусталев А.В.* Исследования копролитов со стоянок каменного века в Подмосковье // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.
8. *Dong Hoon Shin, Chang Seok Oh Jong-Yil Chai, Hye-Jung Lee, Min Seo.* Enterobius vermicularis eggs discovered in coprolites from a Medieval Korean Mummy // Korean Journal of Parasitology. Vol. 49. № 3. 2011.
9. *Nerlich, A.G., Schraut, B., Dittrich, S., Jelinek, T., Zink, A.R.* Plasmodium falciparum in Ancient Egypt // Emerging Infections Diseases. Vol. 14. № 8. 2008.
10. *Zink, A.R., Spigelman, M., Schraut, B., Greenblatt, C.L., Nerlich, A.G., Donoghue, H.D.* Leishmaniasis in Ancient Egypt and Upper Nubia // Emerging Infectious Diseases. Vol. 12. № 10. 2006.
11. *Le Bailly, M., Romon, T., Kacki, S.* New Evidence of Entamoeba Histolytica infections in PreColumbian and colonial cemeteries in the Caribbean // Journal of Paleopathology. № 100. 2014.
12. *Drali, R., Mumcuoglu, K.Y., Yesilyurt, G., Raoult, D.* Studies of ancient lice reveal unsuspected past migrations of vectors // American Journal of Tropical Medicine and Hygiene. Vol. 3. № 93. 2015.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

M.N. Yakovleva

PALEOPARASITOLOGY: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

Summary

One of the directions of modern paleoparasitology, archaeoparasitology, allows us to study not only the phenomenon of parasitism, but also to reconstruct the habitat, food preferences, health and sanitary well-being of the ancient population. The data of archaeoparasitological studies make it possible to identify contacts and migration of the population in ancient times, changes in parasitofauna in connection with economic activity and climatic conditions. According to scientists, the use of traditional microscopy methods in paleoparasitology, as well as modern molecular biological and immunological methods, will in the future provide a more complete picture of the diversity and evolution of parasites in different periods of history, and the knowledge gained can become a tool for predicting where the spread or reappearance of parasites may occur as a result of climate change.

Tver' State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 4, Sovetskaya St., Tver', 170100, Russia E-mail: maryakovle@yandex.ru

ТВЕРСКОЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

О.Н. Гуськова, А.А. Бибикова

МОРФОГЕНЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ ПОЗВОНОЧНОГО СТОЛБА ПРИ ДЕГЕНЕРАТИВНО-ДИСТРОФИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

В структуре «болезней сапиентации» одну из лидирующих позиций занимает вертеброгенная патология, в 77–81 % случаев вызванная дегенеративно-дистрофическими заболеваниями позвоночного столба (ДДЗП). Цель исследования: изучить морфогенез изменений позвоночного столба при дегенеративно-дистрофических заболеваниях. Материал и методы: из архива бюро судебно-медицинской экспертизы г. Твери за 2016–2017 гг. отобран аутопсийный материал с видимой патологией позвоночного столба. Изучены протоколы вскрытий и медицинская документация. Проведён анализ морфологических изменений позвоночника, их взаимосвязи с первоначальным и/или коморбидным заболеванием. В 100 % случаев макроскопические изменения позвоночника были вызваны дегенеративно-дистрофическими состояниями соединительной ткани. Из общего числа выявленных случаев ДДЗП у 71,2 % пациентов на вскрытии отмечен индекс массы тела 30–56, что свидетельствует о коморбидном ожирении. В 86,4 % наблюдений с ДДЗП были верифицированы признаки сопутствующей патологии в виде стенозирующего атеросклероза магистральных артерий, гипертонической болезни, сахарного диабета, цереброваскулярных заболеваний.

DOI: 10.70203/3831.2024.44.41.042

Исследования клинико-конституциональных закономерностей развития различных заболеваний и отдельных их форм позволяют обосновать и определить характерный профиль патокинеза патологических состояний (свойства «реагирующего субстрата» по И.В. Давыдовскому), имеющий основополагающее диагностическое и прогностическое значение [1]. В связи с этим биомедицинская ценность клинической антропологии, объединяющей труд представителей практического здравоохранения и антропологов с целью получения новых знаний по анатомо-антропологической оценке организма здорового и больного человека, не вызывает сомнения.

Одну из лидирующих позиций в структуре «болезней сапиентации» благодаря всеобщему прогрессирующему снижению двигательной активности современного населения занимает вертеброгенная патология, в 77–81 % случаев вызванная дегенеративно-дистрофическими изменениями позвоночного столба [2]. В России число пациентов с клинически значимыми проявлениями дегенеративно-дистрофических состояний позвоночника составляет 51,2 на 1000 человек населения и 80 % среди инвалидов с заболеваниями периферической нервной системы, что обусловливает первое место по числу дней нетрудоспособности, пятое место среди причин госпитализации и третье место среди причин хирургического лечения [3].

Цель. Изучить морфогенез изменений позвоночного столба при дегенеративно-дистрофических заболеваниях.

Материал и методы. Из архива бюро судебно-медицинской экспертизы г. Твери за 2016–2017 гг. отобран аутопсийный материал с видимой патологией позвоночного столба. Критерием включения явились локальные структурные изменения костно-хрящевой ткани и связочного аппарата, сопровождавшиеся прижизненным стойким нарушением функции и являющиеся морфологическим эквивалентом терминальной стадии заболевания. Изучены протоколы вскрытий и медицинская документация. Проведён анализ морфологических изменений позвоночника, их взаимосвязи с первоначальным и/или коморбидным заболеванием. После изучения наиболее демонстративные образцы были подвергнуты специальной обработке с последующей подготовкой к консервации и изготовлению макропрепаратов.

Результаты. Возраст пациентов, включённых в выборку, варьировал от 24 до 87 лет. В 100 % случаев макроскопические изменения позвоночника были вызваны дегенеративно-дистрофическими состояниями соединительной ткани.

Каждое заболевание позвоночного столба из группы дегенеративно-дистрофических имеет определённые морфологические признаки: остеохондроз – уменьшение высоты межпозвонкового пространства; спон-

Рис. Макроскопические изменения поясничного отдела позвоночного столба при ДДЗП (а–д – макропрепараты из аутопсийного архивного материала): а – изменение высоты межпозвоночных дисков при остеохондрозе; б – остеофиты тел позвонков при спондилёзе; в – костные скобы из сросшихся остеофитов тел позвонков и вовлечение фасеточных суставов при спондилоартрозе; г – окостенение передней продольной связки при болезни Форестье; д – анкилолозирующий спондилоартрит (болезнь Бехтерева)

дилёз – образование остеофитов по краям замыкательных пластин тел смежных позвонков; грыжа Шморля – формирование П-образного или полукруглого вдавления хрящевой ткани замыкательной пластины в губчатую кость тела позвонка; болезнь Форестье – окостенение продольных связок позвоночника. Наиболее характерные изменения позвоночного столба, вызванные ДДЗП, представлены на рисунке.

В качестве причин развития дегенеративных поражений позвоночника отмечают инволютивные, дизонтогенетические, механические, иммунные, гормональные, дисметаболические, сосудистые, инфекционные, функциональные и наследственные факторы. Наиболее распространённой считается инволютивная теория, согласно которой происходит локальное преждевременное старение хряща и кости в результате предшествовавших повреждений – механических, воспалительных и т. п. [4]. Согласно этой теории, развитие инволютивных дегенеративных изменений в позвоночнике предопределено генетически, а возникновение дегенерации как болезни, с соответствующими клиническими проявлениями, обусловлено влиянием различных эндогенных и экзогенных факторов.

По данным проанализированных протоколов посмертного исследования, при распределении пациентов с ДДЗП по типу телосложения и характеристикам конституции гиперстенический тип имел место в 56,0 % наблюдений, астенический – у 28,8 %, нормостенический – у 15,2 % больных с ДДЗП. Из общего числа выявленных случаев ДДЗП у 71,2 % пациентов на вскрытии отмечено высокое содержание жирового компонента, показатель индекса массы тела (масса тела/рост^2 – кг/м^2) составил 30–56, что свидетельствует о наличии коморбидной патологии в виде ожирения I–IV степени. По результатам макроскопического и гистологического исследования аутопсийного материала в 86,4 % наблюдений с ДДЗП были верифицированы признаки сопутствующей патологии в виде стенозирующего атеросклероза магистральных артерий, гипертонической болезни, сахарного диабета, цереброваскулярных заболеваний.

По статистике, частота встречаемости проявлений дегенеративно-дистрофических изменений межпозвонковых дисков растёт в геометрической прогрессии. По данным из официальных источников, среди населения России 80 % людей возрастной категории 20–29 лет имеют выраженное поражение межпозвоночных суставов, а у лиц старшего возраста поражение вертебрального столба достигает 100 %. Поражения позвоночника дегенеративного характера и вызванные ими неврологические проявления являются серьёзной проблемой современной медицины. Это обусловлено преобладанием среди больных ДДЗП лиц трудоспособного возраста, неудовлетворительными результатами консервативной терапии, частыми рецидивами болевого синдрома после хирургического лечения. Боли в спине ограничивают жизнедеятельность, снижают качество жизни пациентов, изменяют психику и поведение людей [4]. Более чем у половины пациентов, страдающих дегенеративно-дистрофическими изменениями позвоночника, имеются признаки хронического эмоционального напряжения. Доля дегенеративно-дистрофических изменений позвоночника, поражающих людей наиболее активной социальной группы, составляет от 20 до 80 % случаев временной нетрудоспособности [5].

Выводы. Выявленные морфологические изменения позвоночного столба являются необратимыми, носят реактивно-приспособительный характер и демонстрируют стадийное течение дегенеративно-дистрофических процессов в позвоночнике. Наиболее часто выявляется патология шейного и поясничного отделов позвоночника.

Архивный материал секционных исследований бюро судебно-медицинской экспертизы, демонстрирующий терминальные стадии некоторых дегенеративно-дистрофических заболеваний позвоночного столба,

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

представляет собой уникальный материал не только для профессиональной подготовки специалистов медицинского профиля, но и для развития клинической антропологии.

Результаты исследования конституциональных особенностей больных с дегенеративно-дистрофическими заболеваниями позвоночника следует учитывать при формировании социальных программ, направленных на профилактику заболеваний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Корнетов Н.А.* Концепция клинической антропологии в медицине – Текст: непосредственный // Бюллетень сибирской медицины. 2008; 7 (1): 7–31. https://doi.org/10.20538/1682-0363-2008-1-7-31

2. Состояние нейрохирургической помощи больным с травмами и заболеваниями позвоночника и спинного мозга в г. Москве (по данным нейрохирургических стационаров Комитета здравоохранения за 1997–1999 гг.) / В.В. Крылов, В.В. Лебедев, А.А. Гринь, Ю.С. Иоффе. – Текст: непосредственный // Нейрохирургия. 2001. № 1. С. 60–66.

3. Справочник по медико-социальной экспертизе и реабилитации / Р.М. Войтенко, И.А. Дубинина, М.В. Коробов. – Текст: непосредственный // Санкт-Петербург: Гиппократ, 2003. 856 с.

4. Клинические рекомендации – Дегенеративные заболевания позвоночника – 2021–2022–2023 (04.03.2022) – Утверждены Минздравом РФ. М51.1 – Поражения межпозвоночных дисков поясничного и других отделов с радикулопатией / https://cr.minzdrav.gov.ru/schema/727_1?ysclid=loh522z7e2867185063

5. Практическая нейрохирургия / Б.В. Гайдар. – Текст: непосредственный // Санкт-Петербург: Гиппократ, editor, 2002. С. 533–539.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

O.N. Gus'kova, A.A. Bibikova

MORPHOGENESIS OF SPINAL CHANGES IN DEGENERATIVE AND DYSTROPHIC DISEASES

Summary

A vertebrogenic pathology in 77–81 % of cases is caused by degenerative-dystrophic changes of the spinal column. It occupies one of the leading positions in the structure of "sapientation diseases". The aim: to study the morphogenesis of changes in the vertebral column due to degenerative-dystrophic diseases. Material and methods: autopsy material with visible pathology of the vertebrae was selected from the archive of the Tver Department Forensic Medicine for 2016–2017. Autopsy reports have been studied. The analysis of morphological changes of the spine, their relationship with the initial and/or comorbid disease was carried out. In 100 % of cases, macroscopic changes in the spine were caused by connective tissue degeneration. 71.2 % patients had a body mass index of 30–56, which indicates the presence of comorbid obesity. Signs of concomitant pathology in the form of stenosing atherosclerosis of the main arteries, hypertension, diabetes mellitus, cerebrovascular diseases were verified in 86.4 % of cases.

Tver' State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 4, Sovetskaya St., Tver', 170100, Russia
O.N. Gus'kova – E-mail: guskovaon@tgmu.ru
A.A. Bibikova – E-mail: bibikovaaa@ mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

И.А. Дубровин, А.В. Панасенко, Н.В. Обыденникова

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТКАНИ НОСА ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Наибольшую сложность при реконструкции лица представляют случаи восстановления участков, не имеющих костной основы, например носа. При идентификации личности используются следующие методы: реконструкция области носа по черепу и составление словесного портрета. В работе представлены данные о наборе характеристик носовой области, необходимых для составления словесного портрета.

DOI: 10.70203/6781.2024.35.44.043

Актуальность. Наибольшую сложность при реконструкции лица представляют случаи восстановления участков, не имеющих костной основы. Поэтому предметом нашего исследования явилась проблема восстановления носа.

Цель исследования. Изучить существующие методы реконструкции области носа и их роль в процессе идентификации личности, так как информация о проблеме восстановления носа в доступной криминалистической и антропологической литературе не полностью согласована.

Материалы и методы. Анализ доступной медицинской литературы, содержащей информацию о методе реконструкции области носа по черепу и методе составления словесного портрета.

Результаты. Длина носа в криминалистике дифференцирована на абсолютную и относительную. Абсолютная длина измеряется в профиль от самого глубокого места переносья до кончика носа, относительная является соотношением абсолютной длины и высоты лица. В антропологии длина носа определяется по расстоянию от *nasion* до *rhinion*.

Высота носа представляет собой расстояние от *nasion* до *nasospinale* и определяется одинаково в криминалистическом и антропологическом методах реконструкции.

Ширина носа в криминалистике дифференцирована на абсолютную и относительную. Абсолютная ширина определяется по величине расстояния между крайними точками крыльев носа, а относительная – отношением абсолютной ширины к длине носа. При реконструкции по черепу ширину спинки носа позволяет определить ширина грушевидного отверстия на уровне носо-челюстных швов.

Ширина переносья при составлении словесного портрета определяется анфас по соотношению с шириной спинки носа. Глубина – в профиль по расстоянию от самой глубокой точки переносья до воображаемой прямой линии, которая проведена от кончика носа до глабеллы. В антропологии ширина переносья представляет собой самую маленькую ширину носовых костей в области переносья на середине высоты спинки.

Контур спинки носа в криминалистике определяется в профиль относительно линии, которая проведена через самую выступающую точку на кончике носа и наиболее глубокую точку на переносье. В антропологии контур наружного носа представляет собой зеркальное отображение контура грушевидного отверстия относительно линии, которая проведена через точку *rhinion* параллельно прямой, соединяющей точки *nasion* и *prostion*.

Положение основания носа в криминалистике определяется в профиль как угол между верхней губой и собственно основанием. При реконструкции по черепу основание носа зависит от подносового шипа.

Ширина кончика носа в криминалистике включает в себя: абсолютную – расстояние между крайними точками носа – и относительную – отношение абсолютной ширины кончика к ширине спинки. В антропологии кончик носа будет острым, если расстояние между носо-челюстными точками маленькое, основание подносового шипа узкое, округлым – если носовая ость широкая и короткая.

Конфигурация крыльев носа в криминалистике соответствует положению свободных краёв крыльев носа относительно нижнего края перегородки носа. При антропологических измерениях высота крыла носа равна расстоянию между точками *conchale* и *subspinale*.

Контур ноздрей при составлении словесного портрета выстраивается путём сравнения с геометрическими фигурами.

Величина ноздрей в криминалистике определяется по размерам носовых отверстий с учётом толщины перегородки и крыльев носа.

Обсуждение результатов и заключение. Для проведения идентификации личности применяются следующие методы: реконструкция области носа по черепу и составление словесного портрета. Представленные данные позволяют получить при исследовании черепа стандартизованный набор характеристик области носа, необходимых для составления словесного портрета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веселовская Е.В.* «Алгоритм внешности» – комплексная программа антропологической реконструкции // Антропология. 2018. № 2. С. 38–54. URL: https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.2.038-054

2. Восстановление лица по черепу (Современный и ископаемый человек). Новая серия. Т. 28. М., 1955. (Труды Ин-та этнографии АН СССР). 585 с.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

I.A. Dubrovin, A.V. Panasenko, N.V. Obydennikova

RECONSTRUCTION OF NASAL TISSUE FOR PERSONAL IDENTIFICATION

Summary

To carry out personal identification, the following methods are used: reconstruction of the nose area based on the skull and drawing up a verbal portrait. Data are presented on a set of characteristics of the nasal area necessary for drawing up a verbal portrait.

Tver' State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 4, Sovetskaya St., Tver', 170100, Russia
I.A. Dubrovin – E-mail: dubrovin-i@mail.ru
A.V. Panasenko – E-mail: angelikap111@mail.ru
N.V. Obydennikova – E-mail: obydennikova01@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

И.А. Дубровин, А.И. Дубровин

ИЗУЧЕНИЕ АСИММЕТРИИ ПОДЪЯЗЫЧНОЙ КОСТИ

Вариантное строение подъязычной кости имеет большое значение при хирургических вмешательствах в области шеи, а также в судебной медицине для установления признаков удавления руками, которые привели к её переломам. Цель данного исследования – изучение морфологических и морфометрических вариаций подъязычной кости в Тверском регионе. Всего было отобрано 100 взрослых образцав подъязычной кости (63 мужчины, 37 женщин) для определения морфологических и морфометрических вариаций подъязычной кости. Было выявлено шесть типов подъязычных костей: U-образная кость отмечена в 25 % случаев (25 костей), H-тип – в 3 % (3 кости), B-тип – в 48 % (48 костей), D-тип – в 14 % (14 костей), V-тип – в 2 % (2 кости) и НК-тип – в 8 % (8 костей). Средние размеры ширины, длины и большой поперечной оси составили 42,44 мм, 36,49 мм и 35,6 мм соответственно. Было обнаружено, что подъязычные кости населения Тверского региона имеют морфологические различия по сравнению с другими популяциями. Анатомические вариации и измерения этой кости имеют важное значение для практической судебной медицины.

DOI: 10.70203/8990.2024.82.49.044

Актуальным вопросом судебной медицины является идентификация личности. При экспертизе гнилостно изменённых трупов, кремированных и скелетированных останков молекулярно-генетическое исследование часто не даёт необходимого результата. В таких случаях может быть успешно применён остеометрический метод, так как костная система отражает групповые признаки: половую и возрастную дифференцировку и общее физическое развитие организма [1]. Особое значение имеют некоторые патологические состояния и индивидуальные особенности костной ткани, например асимметричное строение костей.

Сложной для остеометрического изучения является подъязычная кость (ПК). В учебной литературе приведена основная информация о ПК [2; 3]. Её описывают как симметричную или U-образную, но исследователи отмечают значительную вариабельность форм и размеров ПК.

Одни исследователи [4; 5] выделяют 2 типа ПК – симметричные и асимметричные, указывая на корреляцию асимметрии костей с полом, возрастом, этническими группами, другие [6] – тоже 2 типа: гиперболические и параболические. Н.Л. Мальцева [4] выделяет по форме 3-й тип ПК – трапециевидные.

Другая классификация дополнительно включает ещё один тип – неопределённый, отличающийся формой внутреннего края ПК [4].

Классификация ПК, предложенная N. Papadopoulos с соавторами [7], включает 5 типов: B, D, H, U и V.C. Kopuz и G. Ortug [8] выделяют 6 форм ПК:

- 1 – U-тип – передняя часть кости состоит из половины окружности, а диаметр полукруга и задних поперечных диаметров примерно одинаковый;
- 2 – H-тип – диаметр полукруга спереди больше расстояния между большими рогами;
- 3 – B-тип напоминает поперечное сечение лодки, а её диаметр совпадает с главной поперечной осью.
- 4 – D-тип – передняя часть представляет собой полукруг, сзади один или оба больших рога отклоняются к одной или к другой стороне;
- 5 – V-тип – ПК треугольная или похожа на букву V;
- 6 – НК-тип – правый и левый большие рога не лежат в одной плоскости, а левый большой рог изогнут медиально (рис. 1).

Ещё больший полиморфизм связан с размерами ПК, при этом выявлены половые, возрастные и популяционные различия метрических характеристик ПК [9–12].

Цель исследования – получение собственных остеометрических данных о ПК для сравнения с данными других авторов.

Материал и методы

Стимулом для данного исследования послужила работа C. Kopuz и G. Ortug [8]. Были исследованы 100 образцов ПК 63 мужчин и 37 женщин в возрасте от 21 года до 93 лет. Мышечные и связочные структуры кости отделяли препарированием.

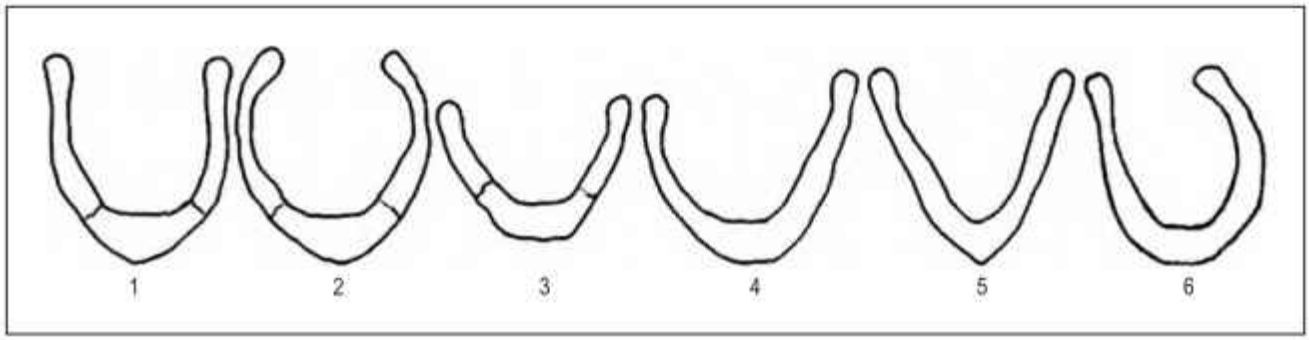

Рис. 1. Типы подъязычной кости

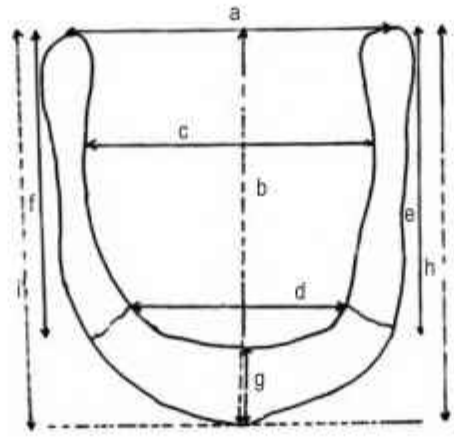

Рис. 2. Остеометрические измерения

На первом этапе работы были определены формы подъязычных костей в соответствии с системой, описанной C. Kopuz и G. Ortug [8] (см. рис. 1). Кроме того, ПК были определены как симметричные и асимметричные (середина поперечных диаметров симметричных костей располагалась на сагиттальной оси).

Затем были произведены остеометрические измерения ПК (рис. 2):

a) ширина; b) длина; c) длина основной поперечной оси; d) длина тела; e) длина левого большого рога; f) длина правого большого рога; g) максимальная высота тела ПК; h) общая левая гипоидная длина; i) общая правая гипоидная длина.

Измерения выполнены с помощью 3D-сканера.

Результаты и обсуждение

Были определены морфологические типы ПК и средние значения остеометрических измерений (табл. 1).

U-тип – 25 % костей (n = 25), H-тип – 3 % (n = 3), B-тип – 48 % (n = 48), D-тип – 14 % (n = 14), V-тип – 2 % (n = 2) и HK-тип – 8 % (n = 8).

Без учёта пола различия измерений a, b, c, d, e, g между разными типами костей не были статистически значимыми ($p > 0,05$).

Выявлены значительные различия средних значений остеометрических измерений между мужскими и женскими ПК (табл. 2). Эти различия по каждому признаку не были статистически значимыми, что объясняется большим диапазоном между максимальными и минимальными значениями измерений.

Симметричными оказались 42 % ПК, асимметричными – 58 %. Абсолютно точное трёхмерное совпадение координат у симметричных ПК не обнаружено.

По признаку пола распределение каждого типа не представляло статистически значимых различий, что можно объяснить ограниченным количеством исследованных ПК.

Мужчины (n = 63 – 100 %): U-тип – 31,9 % костей (n = 19), H-тип – 4,3 % (n = 2), B-тип – 40,4 % (n = 27), D-тип – 14,9 % (n = 10), V-тип – 2,1 % (n = 1) и HK-тип – 6,4 % (n = 4).

Женщины (n = 37 – 100 %): U-тип – 20,1 % (n = 6), H-тип – 3,4 % (n = 1), B-тип – 51,7 % (n = 21), D-тип – 6,9 % (n = 4), V-тип – 3,4 % (n = 1) и HK-тип – 13,8 % (n = 4).

Распределение типов ПК в зависимости от возраста не выявило статистически значимых различий ($p > 0,05$) (табл. 3).

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Таблица 1. *Значения измерений для каждого типа подъязычной кости*

Тип	Измерения, мм				
	a	b	c	d	g
	среднее / диапазон	среднее / диапазон	среднее / диапазон	среднее / диапазон	среднее / диапазон
U	40,89±6,04 / 30,46–56,39	38,48±5,32 / 25,64–45,44	34,49±3,88 / 28,6–41,7	23,44±3,77 / 14,68–28,79	10,85±1,48 / 7,47–14,15
H	34,74±0,28 / 34,4–34,96	38,59±5,65 / 32,73–44,0	35,8±2,14 / 33,81–38,1	21,56±7,86 / 14,84–30,2	11,07±2,71 / 8,21–13,61
B	43,41±6,32 / 29,89–59,36	35,6±4,54 / 23,95–43,09	35,36±4,84 / 26,6–47,74	22,21±3,85 / 13,4–29,67	10,67±1,37 / 8,08–13,82
D	43,77±5,32 / 33–52,77	37,65±4,33 / 31,3–45,44	36,56±3,93 / 30,95–45,2	21,81±3,71 / 17,35–28,92	11,07±1,8 / 7,88–13,79
V	56,45±2,65 / 54,57–58,32	29,66±1,96 / 28,27–31,04	43,53±2,17 / 42,0–45,05	23,05±3,78 / 20,38–25,72	9,82±0,99 / 9,12–10,52
HK	37,17±8,18 / 25,61–50,38	34,34±5,62 / 27,37–44,99	35,99±5,85 / 29,95–47,75	24,37±3,95 / 18,81–29,6	10,67±1,21 / 8,93–12,17
Всего	42,44±6,7 / 25,61–59,36	36,49±4,97 / 23,95–45,54	35,61±4,62 / 26,6–47,75	22,64±3,91 / 13,4–30,2	10,78±1,46 / 7,47–14,15

Таблица 2. *Средние значения остеометрических измерений подъязычной кости*

Измерения, мм	Мужчины (n = 63)	Женщины (n = 37)	Итого (n = 100)
a	44,15±6,17	39,51±6,65	42,44±6,7
b	37,8±4,83	34,26±4,43	36,49±4,97
c	36,99±4,34	33,27±4,18	35,61±4,62
d	23,98±3,65	20,37±3,28	22,64±3,91
e	31,7±3,58	28,67±3,68	30,58±3,89
f	32,04±4,5	28,97±3,46	30,91±4,39
g	11,45±1,19	9,64±1,14	10,78±1,46
h	40,61±3,87	35,92±3,55	38,88±4,38
i	40,48±3,85	35,92±3,39	38,79±4,28

Таблица 3. *Распределение типов подъязычной кости (в процентах) в зависимости от возраста*

Возраст	Тип ПК, %						
	U	H	B	D	V	HK	Итого
Моложе 50 лет	3	–	9	2	–	1	15
51–70 лет	12	1	18	6	2	4	43
71 год и более	10	2	21	6	–	3	42
Всего	25	3	48	14	2	8	100

Другие различия измерений ПК (a, b, c, d, e, f, g, h, i) в зависимости от возраста не были статистически значимыми ($p > 0,05$).

Результаты и обсуждение

Исследование показало, что в тверской популяции диагностируются шесть основных типов ПК. Это позволяет проводить сравнения с результатами зарубежных авторов.

В популяции Хорватии отмечены симметричные и асимметричные ПК в 85,7 и 15,3 % случаях соответственно [10], что не совпадает с результатами нашего исследования (42 и 58 % соответственно). Данные других авторов [4; 5; 7; 8; 10; 12–14] также отличаются от полученных нами (табл. 4). Классификация, предусматривающая 6 типов ПК, позволяет отнести асимметричные кости к D- или HK-типу. В нашем исследовании число асимметричных ПК оказалось больше, чем костей HK-типа, так как особенность их строения не сводится исключительно к медиальной изогнутости левого (HK-тип) или правого (D-тип) большого рога. Такие же несоответствия в количестве асимметричных ПК и костей HK-типа указаны в работе C. Koruz и

Тверской государственный объединенный музей

G. Ortug [8]. Следовательно, выделением 6 типов ПК и размерными их показателями невозможно охарактеризовать варианты асимметричного строения ПК и тем самым объяснить причины развития асимметрии. Данное обстоятельство требует иных решений.

Наиболее часто встречаются ПК U-типа (25 %) и B-типа (48 %), при этом наибольшее распространение ПК B-типа соответствует литературным данным [8; 13].

H- и U-типы ПК отмечены в 28 % случаев, а четыре других типа, B, D, V и HK, выявлены в 72 % случаев. Наши результаты отличаются от данных J. Koebke и соавторов [13] (48 и 52 % соответственно), I. Leksan и соавторов [10] (52 и 48 % соответственно) и C. Kopuz и G. Ortug [8] (42 и 58 % соответственно). Главным отличием ПК B-, D-, V- и HK-типа является значительное превышение ширины кости над её длиной (показатели b и a, c – см. табл. 1). Именно поэтому при определении костей U- и B-типа, по нашему мнению, следует использовать не только морфоскопическую характеристику, но и размерные данные.

В других работах распределение ПК в зависимости от их форм значительно отличается от результатов нашего исследования (см. табл. 4). Кроме того, в нашей работе чаще, чем у других авторов, встречались ПК HK-типа (8 % случаев), что требует дальнейшего изучения этого вопроса.

В нашем исследовании ширина ПК (показатель a) немного больше, чем у других популяций, и наиболее соответствует показателям населения Европы в целом и Хорватии в частности [9; 10]. Минимальная ширина в нашем исследовании была у ПК H-типа.

Максимальная длина (b) отмечена у ПК H-, U- и D-типа (табл. 5). Установлено, что длина ПК больше, чем у других популяций [5; 8; 11; 15], но меньше, чем у населения Хорватии [10].

Большая поперечная ось (c) в наших исследованиях оказалась выше, чем у населения Кореи и анатолийской популяции [15; 8], но ниже, чем у населения Африки и Европы [9]. Из других измерений значения h и i были близки к соответствующим показателям анатолийской популяции [8].

Не отмечено значительное различие между длиной левого и правого больших рогов ПК (показатели e и f), что соответствует результатам других исследователей [8; 10; 15].

Длина тела ПК (показатель d) в нашем исследовании оказалась меньше, чем в анатолийской популяции и у населения Хорватии [8; 10].

Таблица 4. *Распределение типов подъязычной кости (в процентах) по сравнению с предыдущими исследованиями (см. [8])*

Исследование	n	Sim	Asym	U	H	B	D	V	HK
Papadapoulos N. (1989)	76	52,6	47,4	18,4	21,1	26,3	28,9	5,3	–
Koebke J. & Saternus K. (1979)	504	89,0	11,0	35,0	13,1	40,9	11,1	(40,9)	–
Pollanen M.S. и соавт. (1997)	100	–	–	55,0	–	45,0	–	(45,0)	–
Leksan I. и соавт. (2005)	70	85,7	14,3	51,6	–	48,4	–	(48,4)	–
Mukhopadhyay P.P. (2010)	144	93,1	6,9	–	–	–	–	–	–
Martinez I. и соавт. (2003)	17	–	–	–	–		11,8	11,8	–
Kopuz C. И соавт. (2015)	60	78,3	21,7	31,7	10,0	31,7	15,0	5,0	6,7
Наше исследование	**100**	**42**	**58**	**25**	**3**	**48**	**14**	**2**	**8**

Примечание: Sim – симметричные; Asym – асимметричные; n – число ПК.

Таблица 5. *Значения измерений подъязычной кости по сравнению с предыдущими исследованиями (см. [8])*

Исследование	n	Материал (Регион)	Измерения, мм							
			a	b	c	d	e	f	h	i
Chang H.S. (1967)	100	Cadaver (Korean)	39,4				31,3	31,2		
Miller K.W.P. и соавт. (1998)	315	Radiograph (North American)	39,9	26,3		20,3	29,5	27,9		
Leksan I. и соавт. (2005)	70	Dry bone (Croatia)	43,2	38,8		30,3	26,6	26,8		
Kim D.I. и соавт. (2006)	85	Cadaver (Korean)	37,2	29,2	20,3		30,7	31,2		
Martinez I. и соавт. (2008)	60	Dry bone (Afrc. Amr. Eur.)				22,3				
Mukhupadhyay P.P. (2010)	144	Autopsy (India)	38,9	25,8			26,7			
Kindschuh S.C. и соавт. (2012)	100	Dry bone (African)	39,2		38,9	21,3	28,8			35,7
Kindschuh S.C. и соавт. (2012)	100	Dry bone (European)	43,4		42,5	23,2	29,6			35,0
Kopuz C. и соавт. (2015)	60	Cadaver (Anatolian)	40,4	28,4	33,5	26,3	25,2	25,4	39,34	39,3
Наше исследование	**100**	Cadaver (Tver region)	**42,4**	**36,5**	**35,6**	**22,6**	**30,6**	**30,9**	**38,9**	**39,8**

Afrc. – African; Amr. – American; Eur. – European.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Заключение

В результате морфологического исследования получены точные данные о размерах и форме подъязычной кости в тверской популяции. Эти данные дополняют существующие морфометрические сведения о подъязычной кости человека. Новые морфологические наблюдения в тверской популяции представляют интерес для судебных медиков и анатомов. Знание морфологических вариаций подъязычной кости имеет важное значение для идентификации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Критерии идентификации личности по подъязычной кости / *В.Н. Звягин, Н.Л. Мальцева, Л.А. Алексина, О.И. Галицкая* // Судебно-медицинская экспертиза. 2005. № 6. С. 27–34.
2. *Standring, S.* Gray's Anatomy: The Anatomical Basis of Clinical Practice. 40th Edition. London: Churchill & Livingstone Elsevier, 2008.
3. *Woodson, G.E.* Head and Neck Surgery-Otolaryngology. Upper airway anatomy and function. 4th Edition. New York: Lippincott and Williams & Wilkins, 2006.
4. *Мальцева Н.Л.* Вариантная анатомия подъязычной кости и возможности ее применения в идентификации личности / Дис. … канд. мед. наук. СПб., 2006.
5. *Mukhopadhyay, P.P.* Morphometric features and sexual dimorphism of adult hyoid bone: A population specific study with forensic implications // Journal of Forensic and Legal Medicine. V. 17 (6). 2010. P. 321–324.
6. *Kindschuh, S.C., Dupras, T.L., Cowgill, L.W.* Determination of sex from the hyoid bone // American Journal of Physical Anthropology. V. 143 (2). 2010. P. 279–284.
7. *Papadopoulos, N., Likyaki-Anastopoulou, G., Alvanidou, E.* The shape and size of the human hyoid bone and a proposal for an alternative classification // Journal of Anatomy. V. 163. 1989. P. 249–260.
8. *Kopuz, C., Ortug, G.* Variable Morphology of the Hyoid Bone in Anatolian Population: Clinical Implications – A Cadaveric Study Int. // Journal of Morphology. V. 34 (4). 2016. P. 1396–1403.
9. *Kindschuh, S.C., Dupras, T.L., Cowgill, L.W.* Exploring ancestral variation of the hyoid // Journal of Forensic Sciences. V. 57 (1). 2012. P. 41–46.
10. *Leksan, I., Marcikic, M., Nikolic, V., Radic, R., Selthofer, R.* Morphological classification and sexual dimorphism of hyoid bone: New approach // Collegium Anthropologicum. V. 29 (1). 2005. P. 237–242.
11. *Miller, K.W.P., Walker, P.L., O'Halloran, R.L.* Age and sex related variation in hyoid bone // Journal of Forensic Sciences. V. 43 (6). 1998. P. 1138–1143.
12. *Martinez, I., Arsuaga, J.L., Quam, R., Carretero, J.M., Gracia, A., Rodriguez, L.* Human hyoid bones from the middle Pleistocene site of the Sima de Los Huesos (Sierra de Atapuerca, Spain) // Journal of Human Evolution. V. 54. 2008. P. 118–124.
13. *Koebke, J., Saternus, K.* Zur morphologie des adulten menschlichen Zungenbeins // Zeitschrift für Rechtsmedizin. V. 84. 1979. S. 7–18.
14. *Pollanen, M.S., Ubelaker, D.H.* Forensic significance of the polymorphism of hyoid bone shape // Journal of Forensic Sciences. V. 42 (5). 1997. P. 890–892.
15. *Kim, D.I., Lee, U.Y., Park, D.K., Kim, Y.S., Han, K.H., Kim, K.H., Han, S.H.* Morphometrics of the hyoid bone for human sex determination from digital photographs // Journal of Forensic Sciences. V. 51 (5). 2006. P. 979–984.

И.А. Дубровин – ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

А.И. Дубровин – Тверской институт (филиал) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет», Тверь

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

I.A. Dubrovin, A.I. Dubrovin

STUDYING THE ASYMMETRY OF THE HYPOGLOUS BONE

Summary

The variations of the hyoid bone has a great significance for surgical procedures of neck zone, and in forensic medicine for evidence of strangulation or hanging, which causes fractures. The aim of this study was to investigate the morphological and morphometrical variations of the hyoid bone in Tver population. A total of 100 adult larynx specimens (63 male, 37 female) were dissected to identify morphological and morphometrical variations of hyoid. The infrahyoid muscles and thyrohyoid membrane were cut and ligamentous structures of bone were removed. The variations of shape of the hyoid were classified into six types: U-shaped hyoid bone observed in 25 % (25 bones), a horseshoe-H-type in 3 % (3 bones), a B-type hyoid in 48 % (48 bones), a D-type hyoid in 14 % (14 bones), a V-type bone in 2 % (2 bones) and HK-type bone in 8 % (8 bones) of all necks. The breadth, width and major transverse axis were approximately measured as 42,44 mm, 36,49 mm and 35,6 mm, repectively. It has been found that the hyoid bones of Tver population had morphologically important differences comparated to those in other populations. To understand the anatomical variations and measurements of this bone is of valuable importance with regard to clinical practice and forensic medicine.

Tver' State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation,
4, Sovetskaya St., Tver', 170100, Russia
I.A. Dubrovin – E-mail: dubrovin-i@mail.ru

Tver' Institute of Moscow University of Humanities and Economics,
37, Dmitry Donskoy St., Tver', 170006, Russia
A.I. Dubrovin – E-mail: dubrovin1861@gmail.com

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

И.А. Дубровин, Е.В. Немытышева, Е.М. Горбачева, П.И. Сайфуллоева

ЛЕВОРУКОСТЬ И КРАНИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

С целью исследования асимметричного строения черепа были измерены углы, образованные пересечением ушного и сагиттального диаметров головы у студентов (n = 40). Выявлены различные показатели указанных углов у студентов-правшей и левшей. Данный морфологический признак асимметричного строения черепа позволяет определить ведущую руку у человека и может быть применён в случаях невозможности использования других признаков.

DOI: 10.70203/6812.2024.86.27.045

Актуальность. Остеометрический метод является одним из основных методов идентификации личности и позволяет установить пол, возраст, рост, индивидуальные особенности организма. К индивидуальным особенностям относится асимметричное строение костей. Асимметрия костей отражает врождённые и приобретённые особенности человека. Наиболее информативным из остеометрических методов исследования является краниометрический. Основу данного метода составляет универсальная установка головы или черепа в трёх взаимно перпендикулярных плоскостях: Франкфуртской (или глазнично-ушной) горизонтали, Франкфуртской вертикали (или плоскость ушной вертикали) и срединной сагиттальной плоскости (делит голову на правую и левую половины). Исследование собственного материала показало, что проведение этих плоскостей с сохранением трёх взаимно перпендикулярных направлений часто невозможно из-за асимметричного строения правой и левой половин черепа и связанного с этим отклонения ушного диаметра от фронтальной оси. Метрическим показателем такой асимметрии может служить степень отклонения ушного диаметра от фронтальной оси.

Цель исследования. Сравнительное изучение краниометрических показателей у право- и леворуких людей.

Материал и методы. Объектом исследования явились 20 леворуких и 20 праворуких студентов. Степень отклонения ушного диаметра от фронтальной оси в горизонтальной плоскости определяли по величине смежных углов (α – передне-левый угол и β – передне-правый угол), образованных пересечением ушного диаметра и сагиттальной оси. Направление сагиттальной оси определялось по точкам «назион» (n – nasion) и «инион» (i – inion), ушного диаметра – по точкам «порион» (po – porion). Применялся планиметрический четырёхугольный шаблон. Величины углов рассчитывали в программе онлайн-треугольник.

Результаты. Выявлена неодинаковая асимметрия черепа у праворуких и леворуких студентов. Отмечено преобладание величины углов β (передне-правых) в группе праворуких студентов. Напротив, у леворуких студентов выявлено преобладание величины углов α (передне-левых). При разделении групп на подгруппы по признаку пола установленные закономерности сохранились. Различия между всеми показателями оказались статистически достоверными ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов и заключение. Изученный нами краниометрический признак несёт на себе информацию о ведущей руке, является удобным, доступным и не требует специальной подготовки или аппаратуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

– Нейрофизиология: межполушарная асимметрия мозга человека (правши-левши): монография / *Л.А. Жаворонкова*. 3-е изд., доп. М.: Юрайт, 2019. 217 с.
– Силина Е.А., Евтух Т.В. Межполушарная асимметрия и индивидуальные различия: монография / Е.А. Силина, Т.В. Евтух; Пермский государственный педагогический университет. Пермь, 2004. 136 с.
– Функциональная межполушарная асимметрия. Хрестоматия. М: Научный мир, 2004. 1006 с.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

I.A. Dubrovin, E.V. Nemytysheva, E.M. Gorbacheva, P.I. Sayfulloeva

LEFT-HANDEDNESS AND CRANIOMETRIC SIGNS

Summary

We studied the angles formed by the intersection of the auricular and sagittal diameters of the head in students (n = 40). Uneven skull asymmetry was revealed in right-handed and left-handed students.

Tver' State Medical University
of the Ministry of Health
of the Russian Federation,
4, Sovetskaya St., Tver', 170100, Russia
I.A. Dubrovin – E-mail: dubrovin-i@mail.ru
E.V. Nemytysheva – E-mail: patfiz-tgmu@mail.ru
E.M. Gorbacheva – E-mail: gorba4eva.evgeniia@yandex.ru
P.I. Sayfulloeva – E-mail: polinasauff@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.Ж. Петрикас, Е.В. Честных, И.С. Карнаухов

СОСТОЯНИЕ ЗУБОВ КРИВИЧЕЙ ТВЕРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ XI–XII ВВ. Н. Э.

В статье рассмотрены стоматологическое здоровье, характерные особенности зубов кривичей Тверского Поволжья XI–XII вв. н. э.

DOI: 10.70203/4990.2024.47.88.046

Состояние стоматологического статуса общества в прошлом позволяют оценить многочисленные археологические находки, как археологический материал зубы прекрасно сохраняются [1]. На сегодняшний день накоплено достаточно материала, позволяющего оценить стоматологическое здоровье наших далёких предков.

Сотрудникам кафедры терапевтической стоматологии Тверского государственного медицинского университета представилась возможность проанализировать состояние зубов и челюстей кривичей XI–XII веков, чьи поселения располагались по Волге на 30 км выше того места, где сейчас находится Тверь, и чьи захоронения ещё сохранились.

Кривичи жили сельскими общинами, занимались земледелием, скотоводством и ремеслом. Для них были характерны высокий рост, долихоцефалия.

Целью данного исследования стало изучение состояния зубов и выявление их характерных особенностей у жителей данных поселений. Археологический материал был получен экспедициями Калининского государственного университета при раскопке курганов у села Избрижье [2].

Объектами внимания стали черепа и кости лицевого скелета, а также фрагменты таковых. Для анализа были отобраны 74 объекта, содержащие зубы 69 кривичей. При исследовании учитывались такие данные, как пол, возраст, число прижизненно потерянных зубов, степень стираемости зубов, наличие кариозных поверхностей, признаков атрофии альвеолярных отростков, а также наличие костных карманов. Пол, возраст определяли по антропологической методике [3].

Стираемость оценивали по М.Г. Бушан: I степень (эмаль), II степень (эмаль/дентин) и III степень (дентин) [4]. Поражаемость кариесом оценивали по числу кариозных зубов и одиночных корней.

Анализируемые индивиды были распределены по полу и возрасту: мужчин – 31, женщин – 34, в 4 случаях пол не был установлен; до 20 лет – 14, 20–30 лет – 18, 30–50 лет – 19, более 50 лет – 12, и у 6 возраст не определён.

Анализ вышеприведённых патологий показал следующее: 20 индивидов, что составило 28,9 %, имели кариозные полости или корни, 32 индивида, т. е. 46,3 %, – стёртые зубы III степени, 13 индивидов (18,8 %) – прижизненно потерянные (удалённые) зубы, и у 4 (6 %), выявлен распространённый пародонтит. На жевательной поверхности зубов кариозные полости встречались в 35 случаях, на контактных – в 21 и на вестибулярной – в 13 случаях. Высокий процент стираемости зубов был отмечен среди индивидов как молодого, так и пожилого возраста.

О степени поражаемости кариесом среднего кривича судили, используя классификацию Никифорука [5]. В данном материале отмечались такие показатели, как «отсутствие кариеса» и «очень слабый кариес». У отдельных индивидов среднего и пожилого возраста был отмечен лишь «слабый кариес».

Распространённость кариеса у данных кривичей составила 28,9 %. Индекс распространённости по Тверской области – 96 % [6]. Сопоставление этих данных позволяет выявить довольно большую разницу в пользу кривичей. Кариозные дефекты чаще всего были представлены неглубоким фиссурным кариесом, и чаще всего кариес отмечался на верхней челюсти. Отсутствие зубов имело место у 18,8 % кривичей. Главной причиной потери зубов, видимо, были пародонтит или травма. Отдельно следует сказать о выраженной стираемости (II–III степень), которая составила 46,3 %, что значительно больше современной (11,8 %), которую наблюдал М.Г. Бушан [4].

Интересно, что исследования останков жителей других поселений кривичей и представителей других народностей также указывают на преобладание повышенной стираемости зубов [3].

Российские исследователи в 1971 г. при изучении состояния зубов и челюстей древних жителей Южной Сибири (VII–II вв. до н. э.) отмечали значительную стираемость, которая была заметно выражена даже на постоянных зубах людей юношеского возраста [7].

Немецкие учёные провели анализ останков из кладбищ древних городов Ур и Киш в древней Месопотамии, являющихся территорией современного Южного Ирака, который показал, что древние жители Месопотамии имели выраженную стираемость зубов [8].

Можно предположить, что в зубных рядах кривичей, как и у других вышеприведённых народностей, стираемость выступает как фактор защиты от кариеса. Обнаруживаемые у молодых кривичей кариозные дефекты исчезали с возрастом, следовательно, скорость развития кариеса уступала скорости стирания жевательной поверхности. Таким образом, полученные данные свидетельствуют об относительно низкой поражаемости кривичей кариесом зубов и пародонтитом и относительно высокой выраженности стираемости зубов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Инашвили М.З.* Кариес у человека каменного века // Стоматология. 1973. № 5. С. 80–81.
2. *Арсланова Ф.Х. с соавт.* Работы Калининского отряда // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 50–51.
3. *Окушко В.Р.* Антропологические аспекты проблемы кариеса зубов и пародонтоза / Автореф. дис. … д. м. н. Киев, 1971. 19 с.
4. *Бушан М.Г.* Патологическая стертость зубов и ее осложнения. Кишинёв: Штиница, 1979. 183 с.
5. *Nikiforuk, G.* Understanding dental caries. Vol. I. Etiology and mechanism. Basel, 1985. P. 37–40.
6. *Ольховская Е.Б.* Состояние зубов у лиц пожилого возраста в Тверской области / Автореф. дисс. … к. м. н. Тверь, 1997. С. 17–18.
7. *Миргазизов М.З., Кошкин Г.А.* Некоторые данные о состоянии зубов человека у древних жителей Сибири (по данным археологических раскопок) // Стоматология. 1966. № 4. С. 34–37.
8. *Euler, H.* Die zahnkaries im lichte vorgeschichtlecher und geschichtlicher studien. München und Berlin, 1939. S. 25–27.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь

A.Zh. Petrikas, E.V. Chestnykh, I.S. Karnaukhov

THE CONDITION OF THE TEETH OF THE KRIVICHI PEOPLE OF THE TVER' VOLGA REGION IN THE 11TH–12TH CENTURIES AD

Summary

The article examines the issue of dental health, the characteristic features of the teeth of the Krivichi people of the Tver' Volga Region in the 11th–12th centuries AD.

Tver' State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 4, Sovetskaya St., Tver', 170100, Russia
E.V. Chestnykh – E-mail: elenachestnyh@mail.ru
I.S. Karnaukhov – E-mail: karnauhov.stomat@bk.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.В. Зиновьев

ОДОНТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТВЕРИ (XII–XIX ВВ., ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ РОССИИ): ПРИЖИЗНЕННАЯ ПОТЕРЯ ЗУБОВ

Это вторая статья серии с анализом всех известных на сегодняшний день данных о стоматологическом здоровье исторического взрослого населения Твери (XII–XIX вв., Европейская часть России). Она описывает прижизненную потерю зубов (ПЖПЗ). Анализ основан на данных по 1007 индивидуумам (619 мужчин и 388 женщин). Во всех выборках с XII по XIX век наблюдается высокая частота ПЖПЗ, как у мужчин, так и у женщин. Процент ПЖПЗ у обоих полов увеличился к XIX веку из-за более высокого уровня кариеса, что, очевидно, связано с повышающейся доступностью простых сахаров для широких слоёв населения.

DOI: 10.70203/4307.2024.93.61.047

Введение. Человеческие кости в Твери стали регулярно собирать и анализировать только с 90-х годов XX века [1]. С тех пор раскопки в четырёх районах (посадах) Твери (ил.) принесли богатый остеоантропологический материал. Помимо наиболее многочисленных человеческих останков с Загородского посада Твери [2–4] получены данные по Затверецкому посаду [5] и Тверскому кремлю [6–9]. Они содержат, в том числе, сведения о зубах погребённых. В моей публикации 2021 г. [10] были обобщены данные о кариесе у тверского населения обширного периода времени – с XI до XIX века. Там же была затронута тема отсутствия зубов мудрости. Нынешнее исследование продолжает анализ собранного материала и затрагивает тему прижизненной потери зубов. Данные, на которых основаны приведённые в настоящей публикации выводы, даны в другой моей статье, находящейся в печати [11].

Материалы и методы. Анализ прижизненной потери зубов (ПЖПЗ) основан на данных для 1007 человек (19+) (619 мужчин и 388 женщин). Данные о ПЖПЗ представлены в серии таблиц [11, Tabl. 2A-E]. Статистический анализ выполнялся с использованием SPSS 14.0 для Windows.

Результаты и обсуждение. Потеря зубов – многофакторный и сложный процесс [12–14]. В качестве четырёх основных причин, способствующих ПЖПЗ, могут быть названы: 1) особенности питания, 2) болезни, 3) культурная составляющая и 4) травмы. Последняя причина, несомненно, должна быть зафиксирована и у тверичей. Однако весь просмотренный материал несомненных следов потери зубов из-за травм не содержит.

Одной из черт выборки тверского населения является преобладание ПЖПЗ на правой стороне обеих челюстей. Исследования по другим городам и странам подобной тенденции не показывают (см. обзор в [15]).

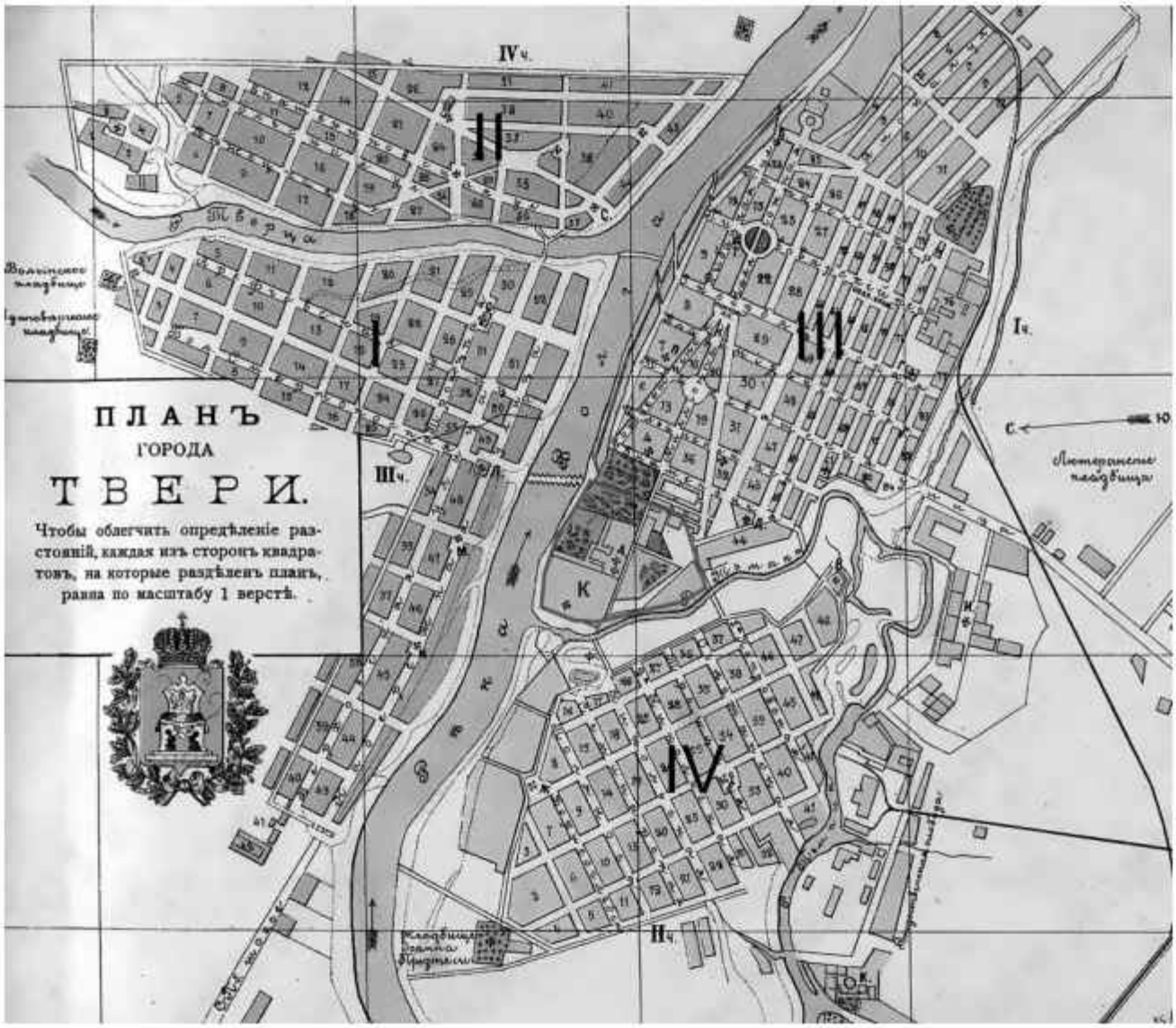
Другой чертой тверской выборки является преобладание ПЖПЗ в верхней челюсти. Эта черта, в противовес упомянутой выше, отмечена во многих обществах (см., например, [16]). Она связана с морфофизиологическими особенностями зубной системы человека и не коррелирует с полом.

С полом у населения Твери коррелирует частота ПЖПЗ. У женщин она выше. Это распространённая ситуация в мире. Наиболее значимым фактором, объясняющим такое состояние, являются гормональные колебания у женщин, связанные с беременностью и менструальным циклом [17]. Женские половые гормоны регулируют состав и скорость выделения слюны, что, в свою очередь, влияет на микробиологию полости рта и как результат – на здоровье зубов.

ПЖПЗ в отношении резцов и клыков редка. Для погребений с Затьмацкого, Загородского и Затверецкого посадов зарегистрировано лишь несколько случаев потери резцов нижней челюсти у мужчин. Травматический случай указанных потерь не может быть исключён, однако явные следы травмы отсутствуют.

Есть некоторые тенденции ПЖПЗ, связанные с возрастом и расположением кладбищ. Один из самых высоких показателей ПЖПЗ отмечен на самом раннем из известных кладбищ Твери, находившемся на территории Тверского кремля. Это соответствует высокому уровню кариеса, о котором сообщалось ранее для указанного кладбища [10]. На высокий уровень заболеваемости кариесом и связанным с ним ПЖПЗ у лиц, погребённых на кремлёвском кладбище, несомненно, влиял рацион, который у привилегированных лиц содержал больше дорогих в то время простых сахаров. Зубы жителей средневековых тверских посадов, упот-

Государственный объединенный музей

Ил. Фрагмент плана Твери из Путеводителя по городу Твери 1905 года, на котором показаны Кремль (К) и посады: I – Заволжский; II – Затверецкий; III – Загородский; IV – Затьмацкий

реблявших меньше простых сахаров, в меньшей степени поражены кариесом. Отсюда более низкая частота ПЖПЗ. Повышению доступности простых сахаров в позднее время соответствует увеличение ПЖПЗ, которое является самым высоким на кладбище XIX в. на Загородском посаде.

Заключение. В заключение можно констатировать, что во всех выборках тверского населения с XII по XIX в. наблюдается высокая частота прижизненной потери зубов; у женщин она несколько выше. Процент ПЖПЗ у обоих полов увеличивается к XIX веку, что коррелирует с повышающейся доступностью простых сахаров и связанным с этим более высоким уровнем кариеса. Высокий уровень ПЖПЗ, обусловленный кариесом, наблюдается также на самом раннем кладбище в Тверском кремле, где хоронили привилегированных лиц.

Благодарности. Моя благодарность Александру Николаевичу Хохлову (Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, Тверь), предоставившему остеологический материал для настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зиновьев А.В.* Некоторые итоги изучения антропологических материалов из раскопок позднесредневековых некрополей г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 245–248.

2. *Зиновьев А.В.* К характеристике коллекции антропологического материала из раскопок некрополя Спас Высокого монастыря на Загородском посаде г. Твери // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 5. Тверь, 2003. С. 106–108.
3. *Zinoviev, A.V.* A study of human osseal remains from the "Cholera Cemetery" archaeological site (Tver, Russia) // Bulletin of the International Association for Paleodontology. T. 1. No. 2. 2007. C. 12–17.
4. *Зиновьев А.В.* Обзор антропологической коллекции из раскопок на ул. Рыбацкой в г. Твери в 2005 г. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 7. Тверь: Старый город, 2014. С. 245–253.
5. *Zinoviev, A.V.* Review of human osseal remains from XVI–XVIII centuries cemetery of Zatveretsky Posad (Tver, Russia) // Bulletin of the International Association for Paleodontology. V. 4. No. 1. 2010. P. 11–21.
6. *Зиновьев А.В.* Обзор остеологического материала из раскопок в Тверском кремле (стадион «Химик») в 2013 году // XXX научная конференция «Новгород и Новгородская земля. История и археология». Вып. 30. Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2016. С. 226–231.
7. *Zinoviev, A.V., Khokhlov A.N., Ivanova A.B.* On the human remains from the medieval fortification of Tver Kremlin (Russia) // Bulletin of the International Association for Paleodontology. V. 10. No. 1. 2016. P. 16–20.
8. *Zinoviev, A.V.* Human cerebral palsy and a siege of Tver (Russia) by Batu Khan hordes (1238): A case study // Bulletin of the International Association for Paleodontology. V. 13. No. 1. 2019. P. 18–22.
9. *Тарасова А.А.* Демографическая структура и состояние здоровья населения г. Твери XII–XIII вв. (по материалам из раскопок некрополя на месте Спасо-Преображенского собора) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь: Парето-Принт, 2017. С. 99–108.
10. *Zinoviev, A.V.* Dental health of the historical population of Tver (12th–19th centuries, European Russia): Report 1 // Bulletin of the International Association for Paleodontology. V. 15. No. 1. 2021. P. 54–57.
11. *Zinoviev, A.V.* Dental health of the historical population of Tver (12th–19th centuries, European Russia): Report 2 // Bulletin of the International Association for Paleodontology. V. 17. No. 2. 2023. P. 97–104.
12. *Brothwell, D.* The macroscopic dental pathology of some earlier human populations // Brothwell, D.R., editor. Dental Anthropology. Oxford: Pergamon, 1963. P. 271–288.
13. *Lukacs, J.R.* Dental paleopathology: methods for reconstructing dietary patterns in prehistory // Kennedy, K.A.R., editor. Reconstruction of life from the skeleton. New York: Alan R. Liss, 1989. P. 261–86.
14. *Scott, G.R., Halffman, C.M., Pedersen, P.O.* Dental conditions of medieval Norsemen in the North Atlantic // Acta Archaeologica. V. 62. 1991. P. 183–207.
15. *Hall, R.L., Morrow, R., Clarke, J.H.* Dental pathology of prehistoric residents of Oregon // American Journal of Physical Anthropology. V. 69. 1986. P. 325–334.
16. *Al-Shammery, A., El Backly, M., Guile, E.E.* Permanent tooth loss among adults and children in Saudi Arabia // Community Dental Health. V. 15. 1998. P. 277–280.
17. *Lukacs, J.R., Largaespada, L.L.* Explaining sex differences in dental caries prevalence: saliva, hormones, and "life-history" etiologies // American Journal of Human Biology. V. 18. 2006. P. 540–555.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

A.V. Zinoviev

ODONTOLOGY OF THE HISTORICAL HUMAN POPULATION OF TVER (XII–XIX CENTURIES, EUROPEAN PART OF RUSSIA): ANTE MORTEM TOOTH LOSS

Summary

This is the second article in a series with an analysis of all currently known data on the dental health of the historical adult human population of Tver (XII–XIX centuries, European part of Russia). It describes ante mortem tooth loss (AMTL). The analysis is based on data from 1007 individuals (619 men and 388 women). All samples from the 12th to the 19th century AD display a high incidence of AMTL in both men and women. The percentage of AMTL in both sexes increased by the 19th century due to higher rates of dental caries, which is apparently related to the increasing availability of simple sugars to the general population.

Tver' State University,
12, Studenchesky Lane, Tver', 170100, Russia
E-mail: nyroca2002@gmail.com

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.В. Курбатов

БОБРЫ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Автор предлагает собственную оценку места бобра в русской средневековой культуре. Он отмечает, что уже в неолите и в бронзовом веке население разных регионов Европы не только охотилось на бобра, но и пыталось ограничивать размер этой охоты. Это было связано с широким почитанием бобра в народных представлениях (семейная обрядность, медицина, апотропеи). Соблюдение правил охоты на бобра, а также сохранение численности поголовья и мест обитания животных относилось к прерогативам верховной власти. Эта традиция сохранялась и в средневековой Европе. В отличие от Западной Европы на территории Руси, а шире – всей Восточной Европы, благодаря ограничению отлова бобров они сохранялись хоть и в отдельных местах, но практически во всех регионах своего природного обитания. Исключительное право на отлов бобров давали только верховные правители (князья), и они же устанавливали правила по разведению и отлову бобров на своих собственных землях.

DOI: 10.70203/2212.2024.88.89.048

Введение. Бобр – это один из широко известных в Восточной Европе видов диких животных, мех которого считался одним из наиболее ценных в Средневековье. Известны два вида бобра – азиатский речной и европейский речной. Шкуры животного имеют плотную прочную кожевую ткань и волосяной покров, состоящий из блестящих грубых остевых волос и очень густой шёлковой подпушки. При выделке ость выщипывают, а остающийся пуховой покров имеет красивый тёмно-каштановый цвет. Окраска меха – от светло-каштановой до тёмно-бурой, почти чёрной. Ценится он за прочность, высокие теплозащитные свойства и красоту [1, с. 197].

Археологические данные. До недавнего времени выводы археологов о средневековой культуре бобра на Руси основывались исключительно на остеологических материалах. Для более раннего времени дополнительными источниками информации были наскальные изображения и мелкая пластика. На сегодня круг источников можно расширить, это – остеологические материалы, наскальные изображения, мелкая пластика, а также отдельные экземпляры кожи и меха.

Бобры издавна были объектом охотничьего промысла. На тех памятниках неолита, где хорошо определялся остеологический материал, кости бобра встречены в значительных количествах. Так, в междуречье Волги и Оки на стоянках Владыченская Береговая, Чёрная Гора, Володары костные останки бобра составляли от 6,3 до 13,9 % всех остеологических находок [2, с. 71].

Наличие костей бобра среди костей других диких животных археологи обычно рассматривают сквозь призму охоты. Например, в остеологической коллекции Щербинского городища дьяковской культуры встречено необычно много костей бобра, из чего В.И. Цалкин сделал вывод, что бобр наряду с куницей был основной охотничьей добычей [3, с. 245].

Для эпохи Великого переселения народов сводку опубликованных остеологических материалов по широкому кругу памятников Восточной Европы сделал М.М. Казанский [4, с. 107–110]. Он ссылался на мнение исследователей, считавших что в Верхнем Прикамье охота носила «меховой» характер уже с ананьинского времени и до развитого Средневековья. Бобры составляли в раннее время 24,8 %, а на более позднем этапе 36,4 % всех диких животных. А в Среднем Прикамье на памятнике мазунинской культуры III–V вв. н. э. Чужьяловское городище бобр составляет 63,7 % костей всех диких животных.

На средневековых поселениях находки костей бобра считаются признаком активного освоения пушных ресурсов с последней четверти I тыс. н. э. Исходя из археологических материалов, можно сделать вывод, что для населения отдельных мест в конкретное время охота на бобров была едва ли не постоянным занятием, как, например, для жителей Райковецкого городища [5, с. 126].

В средневековых городах всегда встречаются кости бобра, хотя и в разных пропорциях с другими видами диких животных. Так, в Тверском кремле на раскопе ТК-11 (1993–1997 гг.) было отмечено относительно большое число костей бобра, составлявшее не менее 50 особей. Это исследователи сочли примечательным

для животных, на которых охотились преимущественно из-за меха, поскольку считается, что таких животных свежевали сразу в лесу [6, с. 172].

По результатам раскопок средневековых городов в Белоруссии, в частности Берестья, среди пушных зверей больше всего найдено костей бобра [7, с. 365]. Много их отмечено также в Полоцке (12,7 %), Лукомле (15 %), Минске (7,7 %), Клецке (23,8 %), Давид-Городке (33,9 %) и других [8, с. 409].

Особое отношение к бобру показывает широкое распространение миниатюрных фигурок плывущих бобров, встреченных на стоянках в бассейне Волги – Сахтыш I и Панфилово (рис. 1). При этом добавим, что в отмеченной М.В. Фехнер статье Д.А. Крайнова фигурка бобра только кратко описана, но её изображения нет. Из текста: «Кроме перечисленных антропоморфных и зооморфных скульптур на стоянках … встречены и другие фигуры, расшифровка которых затруднительна. Из них следует упомянуть кремневую скульптуру бобра или рыбы (длина 4,8 см). В изображении хорошо выражены голова, шея и хвост» [9, с. 104]. Аналогичные фигурки известны и в Прибалтике, например на стоянке Абора I. В своей работе 1970 г. И. Лозе называет костяную фигурку из Вальме и янтарную фигурку бобра из Сульке (рис. 2: 7, 9) [10, lp. 15, 28, 6. Att., tab. II]. В этих миниатюрных скульптурах схематично, но отчётливо переданы признаки физического облика зверя: относительно небольшая голова с закруглённой мордой, маленькие уши, едва выступающие из густой шерсти, короткая шея, широкие и короткие лапы, широкий и плоский лопатообразный хвост.

Одной из первых обзорных работ по миниатюрным кремнёвым скульптурам можно считать статью С.Н. Замятнина 1948 г. В рисунках представлена фигурка животного из с. Панфилово в Муромском районе

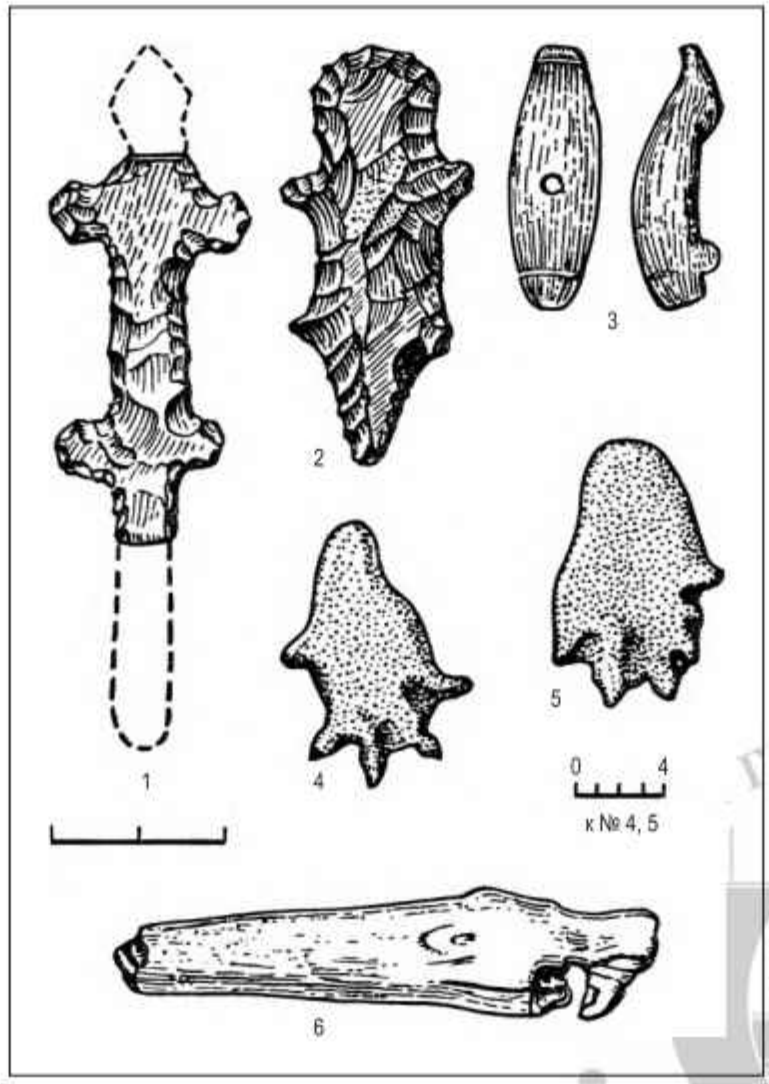

Рис. 1. Фигурки бобров из кремня и рога, а также глиняные имитации перепончатых задних лап бобров (по [2, рис. 1])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Горьковской области (рис. 3: 1), которую автор считает фигуркой выдры или бобра, и с. Изведово под Казанью, определяемую как «изображение ящерицы» (рис. 3: 2) [11, с. 96–97, 107].

В работе М.В. Фехнер отмечены роговые фигурки плывущих бобров на поселении X в. у с. Городище на Шексне, а также амулеты из резцов и астрагалов животного на разных средневековых памятниках [2, с. 71–73].

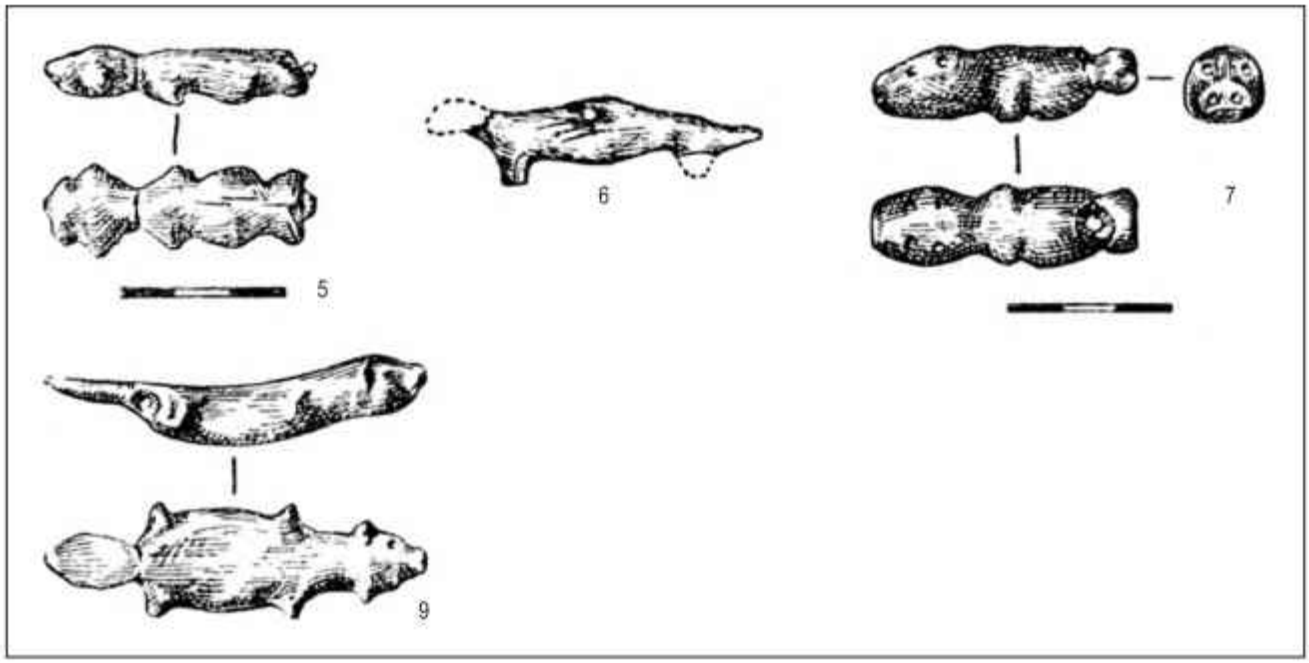

Рис. 2. Костяные и янтарная фигурки бобров из Валмы и Сульке (по [10, 6 att])

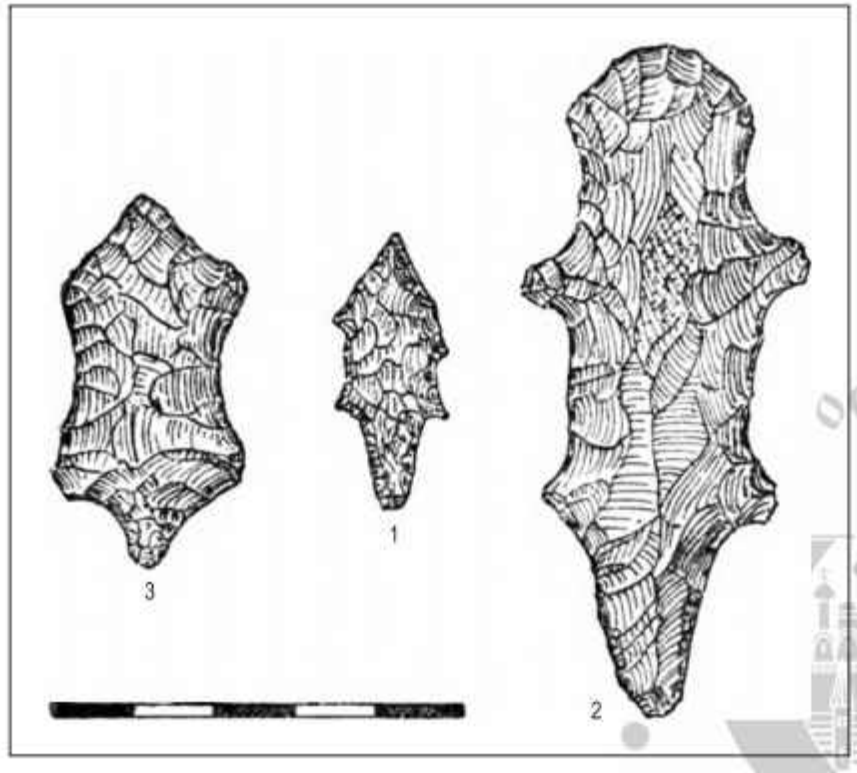

Рис. 3. Кремнёвые фигурки из с. Панфилово (1) и близ Казани (2) и Пензы (3) (по [11, рис. 4: 10, 9, 12])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В последние годы археологи выделяют изображения бобров среди выбитых наскальных рисунков. Финский исследователь В. Пойкалайнен среди онежских петроглифов относит к бобрам 0,8 % изображений, и это при том, что все зооморфные фигуры составляют всего 4 % среди общего числа изображений [12, с. 96]. Среди беломорских петроглифов (Залавруга) он бобров не нашёл [13].

Одной из последних сводок выбитых изображений можно назвать детальный разбор нескольких групп петроглифов с Канозера, недалеко от южного берега Кольского полуострова. Тщательный типологический анализ локальных групп петроглифов, отдельных фигур и композиций представлен в объёмной работе Е.М. Колпакова и В.Я. Шумкина. Среди зооморфных фигур выделяются 5 изображений бобров (рис. 4) как бы «сверху», имеющих сходные признаки: широкий овальный хвост, подтреугольная голова без шеи, две пары четырёхпалых лап, где передние направлены в стороны и вперёд, а задние – в стороны [14, с. 301]. При этом две фигуры уверенно определены как изображения бобров, другие две – менее чёткие, а пятая – мелкая и схематичная. Три фигуры входят в сюжетные композиции «охота с лодок». Аналоги фигуркам бобров авторы предположительно видят в Залавруге (рис. 5: 1).

Использование бобров. Общее мнение историков, и как бы самоочевидное, что охотились на бобра преимущественно ради меха. Как дополнительное значение отмечается его употребление в пищу и для лечения. Именно сквозь призму первого значения многие историки рассматривали постепенное сокращение и даже исчезновение бобров в отдельных регионах Восточной Европы на протяжении всего Средневековья. В этом плане показательны выводы тверского остеолога А.В. Зиновьева и зоолога Н.П. Кораблёва: «Результаты археологических раскопок в Балтийском регионе и Европейской части России указывают на заметное сокращение численности бобра уже после второй половины XII века. Одно из последних достоверных упоминаний о местах промышленной добычи бобров («бобровых гонах») относится ко второй половине XVI в. С указанного времени кости бобра практически перестают встречаться в культурном слое» [15, с. 302].

Но уже применительно к неолиту можно говорить об ином, кроме хозяйственного, в т. ч. использования нижних челюстей животного – одного из основных объектов охоты начиная с мезолита – в качестве орудий [16, с. 29, 35, 69, 79; 17, с. 143–146], месте бобра в культуре – его почитании и использовании в ритуальной практике. Так, на стоянке Володары кости бобра найдены в слое охры ритуального клада рядом с сосудом и кремнёвым ножом, а в ритуальном захоронении на этой же стоянке находилась булавка, изготовленная из локтевой кости бобра. На стоянке Сахтыш I в землянке обнаружен сосуд, наполненный черепами бобров, а

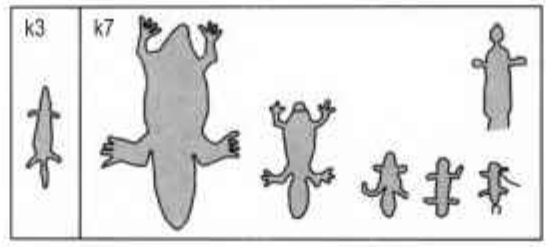

Рис. 4. Видовой ряд выбитых изображений бобров (по [14, рис. на с. 298])

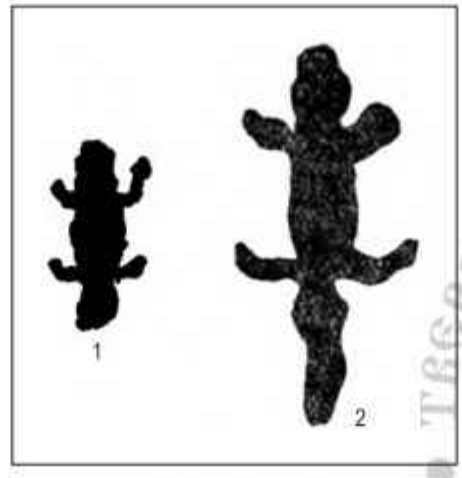

Рис. 5. Фигурки, напоминающие бобра: 1 – из Залавруги (по [14, рис. на с. 339]); 2 – из Пери-Носа (по [11, рис. 4: 8])

Тверской государственный объединенный музей

рядом лежал ещё один череп с вонзившимся в него гарпуном. На святилище стоянки Сахтыш II находился полный скелет бобра [18, с. 84–85].

По мнению М.В. Фехнер, культовый характер скульптур бобра не вызывает сомнения. Причинами почитания она называет большое значение бобров в хозяйстве неолитических племён и относительную лёгкость охоты на этих пушных зверей, ведущих «оседлый» образ жизни. Однако приводимые аргументы вызывают определённое сомнение хотя бы потому, что бобры обитают в одном месте семьями, а не большими группами. И выбивание одной семьи (3–5 особей) ведёт к исчезновению животных на много километров вокруг.

В этом плане более интересно предположение о знании и использовании древним населением лечебных свойств мяса, жира бобра и его секреторных выделений, т. н. бобровой струи.

В работе М.В. Фехнер с бобровым культом связываются некоторые из выбитых на скалах «следов» и глиняные лапы, внимание к которым привлекла монография И.В. Дубова, в которой «лапы» связываются со стопами медведя или бобра [19, с. 20–28]. В советский период преобладало мнение, что «глиняные лапы» в славянских курганах IX–XI вв. в Ярославском Поволжье являются муляжами лап медведя. В 1930-е годы на них обратил внимание Н.Н. Воронин, связавший «лапы» с распространением в регионе медвежьего культа [20, с. 162–166]. Позднее такую трактовку их поддержали Л.А. Голубева, И.В. Дубов и Е.А. Рябинин.

В 1980-е гг. М.В. Фехнер обратилась за разъяснением к биологам и получила однозначный ответ, что лапы из ярославских могильников X–XI вв. определённо имитируют лапы бобров [2, с. 73]. История интерпретации лап рассмотрена в отдельной статье И.В. Дубова [21, с. 95 и сл.] и в недавней работе В.Н. Седых [22, с. 92 и сл.]. В последнее время связь лап с бобром поддерживают Н.А. Макаров и другие исследователи, обнаружившие такие глиняные лапы в могильнике Шекшово в Суздальском Ополье. Всего на территории Руси в погребальных памятниках сейчас известны 113 глиняных лап и 56 глиняных колец [23, с. 15–16].

Было бы неверным сразу отметать возможную связь глиняных лап в средневековых могильниках и кремнёвых фигурок на неолитических и энеолитических стоянках и в наскальных выбивках. На стоянке Сахтыш IIA, относимой к IV–III тыс. до н. э. (Тейковский район Ивановской области), найдены костяные штампы в виде «стопы медведя», также с морфологическими признаками, близкими к глиняным лапам [24, каталог, №№ 480, 481]. И такие же подтреугольные лапы встречены в наскальных изображениях Канозера [14, с. 323], где были выделены и фигуры бобров.

В последнее время тему средневековых амулетов из таранных костей и резцов бобра продолжает Е.А. Тянина на материалах из раскопок Новгорода, где такие предметы встречены на Троицком и Неревском раскопах, преимущественно в слоях 2-й пол. X – 1-й пол. XI в. Всего их выделено 23 экз., в число которых входит комплекс из 9 таранных костей бобра [25, с. 166–167, рис. 2: 25–30; 3: 1). По заключению исследователя, основная часть бобровых амулетов, вероятно, связана с промысловиками-бобровниками, а найденный на Троицком раскопе комплекс по аналогии с погребениями надо относить к финно-угорским древностям. Она также пишет, что в славянской этнографии образ бобра представлен слабо. По моему мнению, такое суждение поверхностно, и для пояснения этого достаточно вспомнить работу А.В. Гуры [26, с. 199–200].

В последнее время в археологических материалах выявлена новая группа источников, связанных с бобрами. Это достаточно редкие изделия и обрезки из меха и кожи бобра, в том числе внешне выразительной фактуры хвоста бобра. Особенность данной кожи – её большая плотность и жёсткость, гладкая мерея и глубокие полукруглые вдавления по всей поверхности, образующие узор наподобие «рыбьей чешуи», где границы «чешуек» углублены в кожу и сохраняют острые края.

В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. н. э., относимых к культуре древних марийцев, достаточно часто встречаются кожаные кошельки лировидной формы, сделанные из хвоста бобра [27, рис. 1: 3]. Новые находки таких кошельков или «поясных сумок» рассмотрены на материалах Рождественского могильника в Пермском Приуралье [28, с. 236 и сл.].

Кожаные предметы из хвоста бобра найдены в Новгороде: на Ярославовом Дворище, Неревском и Кировском раскопах, а также в Новгородском кремле. Подобные артефакты отмечены также в Старой Руссе, в Твери и Торжке [29].

Редкими предметами в культурных слоях являются меха бобра. Анализ заполнения погребений методами естественных наук показал их наличие, в частности, в могильниках древних марийцев «Нижняя стрелка» на левобережье Волги и «Черемисское кладбище» в верховьях Ветлуги [27, с. 157].

Уникальный предмет найден на Земляном городище в Старой Ладоге в слоях 2-й пол. IX – нач. X в. – это меховой мешочек с завязкой, затянутой узлом на устье, размерами в сложенном виде 12,5×6 см [30, с. 57]. Он сшит из меха бобра, с жёстким и длинным остевым волосом бурого цвета. Концы завязки шириной 2,5 мм, выступающие на 5 см, затянуты неправильным прямым узлом. В соответствии со средневековой терминологией цвет меха ладожской находки можно считать «чернокарим», что отражают записи: «[1674] И бобры, и кошлоки черные и чернокарие и карие, и рыжие, и лисицы черные и чернобурые и черноченые» [31, с. 67].

Бобровые шкуры вместе со шкурами других экзотических животных в археологических материалах отмечены и в Швеции [32, s. 249–251].

Выводы. Представленные материалы позволяют сделать собственные выводы о культуре бобра в средневековой Руси, используя письменные документы, остеологические коллекции и немногочисленные археологические находки меха и шкур бобров. И при этом выводы ряда историков, археологов и зоологов сегодня представляются не вполне корректными. В работах историков подчёркивается исчезновение бобров на большей части Восточной Европы уже в древнерусский период. Они также отмечают давнее значение охоты на бобров, мех которых высоко ценился. Некоторая часть бобровых угодий принадлежала непосредственно

великому князю (царю). Но к концу XV в. часть этих угодий – бобровые гоны и бортные леса – «испромышлялись» [33, с. 25].

Автор присоединяется к правомерным взглядам и заключениям археолога М.В. Фехнер и зоолога В.Н. Скалона, что на разных территориях население издавна принимало меры к сохранению популяции бобров [2, с. 72; 34, с. 105–106]. Это очень верное наблюдение М.В. Фехнер, как мне кажется, историки и археологи обошли вниманием. Она предположила существование уже в неолите общественных ограничений на отлов бобров, без которого этих животных могли истребить в короткие сроки. Такое предположение делается при оценке высокого содержания костей бобра среди костей других диких животных, в частности, на Большом Каширском городище и городище близ Калязина, жизнь на которых проходила в течение нескольких столетий [2, с. 72]. Возможно, на эту догадку её натолкнула книга биолога Василия Николаевича Скалона, где впервые отражено это предположение [34, с. 183–184]. Но надо заметить, что предположения В.Н. Скалона выражены очень кратко и не всегда определённо и однозначно. Это просто краткие пункты его выводов, которые можно привести полностью: «17. Бобр представлял для человека большую и разностороннюю ценность: мясо его повсеместно считалось лакомством, большое значение придавалось струе, в торговле шла шерсть, но основное значение принадлежало мехам… 24. Бобр в Сибири был предметом постоянных забот московского правительства – скупка его была запрещена, шкурки у частных лиц отбирались… 27. Бобр с доисторических времен служит объектом примитивного охотничьего хозяйства… Несомненно следы этого мы можем проследить с каменного века… 28. На Руси бобровое хозяйство существовало искони и занимало выдающееся место с древнейших времен, о чем свидетельствуют старейшие из письменных памятников… 33. Бобр был (одним из – Ред.) древнейших из объектов охотничьего хозяйства человека и единственных (единственным – Ред.) из неодомашненных животных по своему значению в данном направлении. С начала человеческой оседлости он не был предметом систематического промысла, ибо там, где хозяйство на него заменялось охотой, бобр стремительно исчезал».

Всё изложенное позволяет высказать свою оценку места бобра в русской средневековой культуре. Надо полагать, что уже в неолите и в бронзовом веке население разных регионов Европы не только охотилось на бобра, но и пыталось ограничивать размер этой охоты. Это было связано с широким почитанием бобра в народных представлениях (семейная обрядность, медицина, апотропеи). Соблюдение правил охоты на бобра, а также сохранение численности поголовья и мест обитания животных относилось к прерогативам верховной власти. Эта традиция сохранялась и в средневековой Европе. В отличие от Западной Европы на территории Руси, а шире – всей Восточной Европы, благодаря ограничению отлова бобров они сохранялись хоть и местами, но практически во всех регионах своего природного обитания. Исключительное право на отлов бобров давали только верховные правители (князья), и они же устанавливали правила по разведению и отлову бобров на своих собственных землях, чем занимались упоминаемые в документах «бобровники».

О ценности бобров на Руси свидетельствует специальная статья в «Русской Правде»: «Аже кто украдет бобр, то 12 гривен». Такой штраф равноценен штрафу, полагающемуся за убийство холопа. Как товар бобры упомянуты в берестяной грамоте № 420, происходящей из слоёв XIII в. на Ильинском раскопе в Новгороде, где посылающий её извещает компаньонов, что сорок бобров были проданы за 10 гривен серебра, что было большой суммой на то время. Автор также отдаёт распоряжения, как поступить с деньгами и шкурками [35, с. 75, 78; 36, с. 93].

Самая ранняя грамота, ограждающая право на бобровые гоны, относится к 1393 г. Она дана Нижегородским великим князем Борисом Константиновичем Спасскому и Благовещенскому монастырям на р. Суре [37, Т. 1. с. 7–8].

Такое положение сохранялось до XVIII в. Можно отметить, что право носить одежду с мехом бобра имели только великие князья и высшие сановники, которым это право было пожаловано. При этом в одежде бобровые меха использовались ограниченно – на воротники, шапки, оторочку краёв одежды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атрибуция музейного памятника: классификация, терминология, методика. Справочник (под ред. И.В. Дубова). СПб.: Лань, 1999. 348 с.
2. *Фехнер М.В.* Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье // СА. 1989. № 3. С. 71–78.
3. *Дубынин А.Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 217–281.
4. *Казанский М.М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Stratum plus. 2010. № 4. С. 17–127.
5. *Гончаров В.К.* Райковецкое городище. Киев: Изд. АН УССР, 1950. 219 с.
6. *Ланцева М.Е., Лапшин В.А.* Результаты определения костных остатков млекопитающих из раскопок 1994–1997 гг. в Тверском кремле // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль 11, 1993–1997 гг.). СПб.: Европейский Дом, 2001. С. 171–180.
7. *Лысенко П.Ф.* Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
8. *Щеглова В.В.* К вопросу о животноводстве и охоте в Белоруссии в средние века // Древности Белоруссии. Мн.: АН БССР, 1969. С. 406–426.
9. *Крайнов Д.А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Славяне и Русь. М.: Наука, 1978. С. 101–110.
10. *Loze, I.* Seno ticējumu un tradīciju atspoguļojums akmens laikmeta māksla austrumbaltijā // Arheoloģija un Etnogrāfija. T. IX. Rīgā: Zinātne, 1970. Lp. 9–30.
11. *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА. Т. X. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. С. 85–123.

12. *Пойкалайнен В.* Петроглифы Карелии // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. СПб., 2009. С. 88–105. (Труды ГЭ. Т. XLIV)
13. *Савватеев Ю.А.* Залаврута. Часть 1: Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 443 с.
14. *Колпаков Е.М., Шумкин В.Я.* Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 423 с.
15. *Зиновьев А.В., Кораблев Н.П.* Череп бобра (castor fiber l.) из средневековых слоев Новгорода Великого: сравнительная краниометрия // НИЗИА. Вып. 28. 2014. С. 302–304.
16. *Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы / РАН, Институт археологии. М.: Academia, 2004. 144 с., 50 ил.
17. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
18. *Крайнов Д.А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. Вып. 169. 1982. С. 79–86.
19. *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего Средневековья (Историко-археологические очерки). Л.: Изд. ЛГУ, 1982. 248 с.
20. *Воронин Н.Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // МИА. № 6. 1941. С. 149–190.
21. *Дубов И.В.* Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 95–99.
22. *Седых В.Н.* Курганы, лапы, кольца… (русско-аландские связи в эпоху викингов) // Вещь и обряд: рациональное и иррациональное в архаике. Теория и методика архаики. Междисциплинарный семинар. Вып. XI. СПб., 2018. С. 92–107.
23. Исследование могильника Шекшово в Суздальском Ополье в 2016–2017 гг. / *Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева, А.М. Красникова, Н.Д. Угулава* // АВСЗ. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2017. С. 7–18.
24. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Произведения искусства неолитической эпохи центра Русской равнины // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. СПб., 2009. С. 63–69. (Труды ГЭ. Т. XLIV)
25. *Тянина Е.А.* Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // АВ. Вып. 17. СПб., 2011. С. 159–168.
26. *Гура А.В.* Бобр // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 199–200.
27. *Никитина Т.Б.* Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. № 2. Казань, 2013. С. 151–161.
28. *Крыласова Н.Б.* Поясные сумки X–XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008–2009 гг.) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 236–241.
29. *Курбатов А.В.* Биоресурсы в древности: о месте бобра в материальной и духовной культуре древней Руси // Записки ИИМК. Вып. 23. СПб., 2020. С. 119–131.
30. *Курбатов А.В.* Кожаные предметы из раскопов 3–5 на Земляном городище Старой Ладоги // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 5. СПб., 2015. С. 48–100.
31. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М.: МГУ, 1980.
32. *Råhlander, Moa.* Korta meddelanden. The Långön pouch is not made from lizard skin // Fornvännen. 112. 2017. P. 249–251.
33. *Базилевич К.В.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд. МГУ, 1952. 544 с.
34. *Скалон В.Н.* Речные бобры Северной Азии. М.: МОИП, 1951. 207 с.
35. *Рыбина Е.А.* Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. М.: Изд. МГУ, 1989. С. 74–81.
36. *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 57–116.
37. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1836.

ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН»,
Санкт-Петербург

A.V. Kurbatov

BEAVERS IN THE CULTURE OF ANCIENT AND MEDIEVAL EASTERN EUROPE

Summary

The author proposes his own assessment of the place of the beaver in the Russian Medieval culture. He notes that as early as in the Neolithic Era and the Bronze Age, the population of different regions of Europe not only hunted beaver but also tried to limit the scale of this hunting. This fact was related to a wide worship of beaver in the folk notions (family rituals, medicine, apotropaic magic). The observance of the rules of hunting beaver, as well as the preservation of the population of beavers and places of the animal's habitation were the prerogative of the supreme authorities. This tradition continued also in Medieval Europe. By contrast to Western Europe, in the territory of Rus, or more widely throughout entire East Europe, due to the restriction of the right of catching beavers, the latter were preserved in insulated places but practically in all the regions of their natural habitation. The exclusive right of catching beavers was granted only by the supreme rulers (princes) and the same lords established the regulations for breeding and catching beavers on their domains.

Institute for the History of Material Culture,
Russian Academy of Sciences,
18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065, Russia
E-mail: alkurba@rambler.ru

С.В. Горячёв

ДРЕВНЕЕ БОЖЕСТВО И ПРАВОСЛАВНЫЙ КРЕСТ НА МЫСЕ БЕСОВ НОС ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

На основании исследования изображения древнего божества и его взаимного расположения с изображением православного креста поверх его левой руки автор делает следующие выводы.

Версия, что православный крест поверх левой руки на предполагаемом изображении бога Брахмы был выбит монахами Муромского монастыря с целью борьбы с язычеством, не соответствует символизму косой перекладины креста и ставит под сомнение авторство монахов: наоборот, верхний конец косой перекладины креста, направленный на изображение бога, однозначно определяет его место в Царствии Небесном.

Бог (предположительно Брахма [4]) изображён сидящим, так как переданное положение его ног наиболее удобно для длительного сидения на поверхности, имеющей такой наклон.

Независимо от версии, кто именно изображён на рассматриваемом петроглифе, он не может быть существом женского пола из-за очень малого расстояния между тазобедренными суставами, что исключает наличие родовых путей достаточного размера.

Форма изображённого тела бога определяется не его анатомическим строением, а одеждой.

DOI: 10.70203/9167.2024.81.72.049

К настоящему времени история открытий и исследований петроглифов на территории Карелии насчитывает более 170 лет и подробно изложена в работах В.И. Равдоникаса [1], Ю.А. Савватеева [2] и других исследователей.

Не все изображения можно трактовать однозначно, есть петроглифы, которые либо достаточно абстрактны, либо изображают лишь фрагменты реальных объектов, либо отражают традиции, которые к нашему времени утрачены.

Непонятные изображения получили своё толкование от первооткрывателей и их последователей. Многие из них остаются предметами споров исследователей петроглифов и в наши дни.

У каждого исследователя своя исходная база знаний, на основании которой выстраивается логика толкования наскальных изображений.

Я хочу обратить внимание на петроглифы, интерпретация которых, на мой взгляд, не соответствует деталям изображения или их взаимному расположению. Ограничусь комментарием к толкованию изображения древнего божества, которое с позиций христианства именуют «Бесом» (рис.).

Первый (или один из первых) исследователей Онежских петроглифов К.И. Гревингк не является автором, впервые назвавшим это изображение «Бесом», – так называли этот петроглиф местные жители. В своей книге «Вечные письмена» Ю.А. Савватеев цитирует Гревингка: «В народе ходит легенда, будто бы много-много лет назад здесь обитали черт и его жена (бес и бесиха), и они удостоверили свое пребывание здесь в странных фигурах на скале. Но тут пришел живой Христос и истинная вера, и он якобы поставил кресты на дьявольских картинах. Злые духи должны были немедленно уйти: они хотели, отправляясь в путь, взять с собой на память о своем любимом месте часть скалы, но при исполнении своего намерения они обрушились вместе с блоком скалы в озеро и утонули» [2, с. 22].

То есть ко времени первого научного исследования этого петроглифа в 1848 году крест на руке древнего божества уже был выбит, но кем?

Более реальную версию появления изображения православного креста поверх изображения «беса» излагает В.И. Равдоникас:

«№ 43 (табл. 29 и 70).

Позднее изображение (вероятно XIV в.) христианского семиконечного креста, налегающее на левую руку, и плечо «беса». У креста надпись: «IC – XC». Крест выбит по всей площади и согласно общепринятому в литературе мнению был изображен монахами соседнего Муромского монастыря с целью борьбы с язычеством. Длина креста – 1,35.» [1, с. 94].

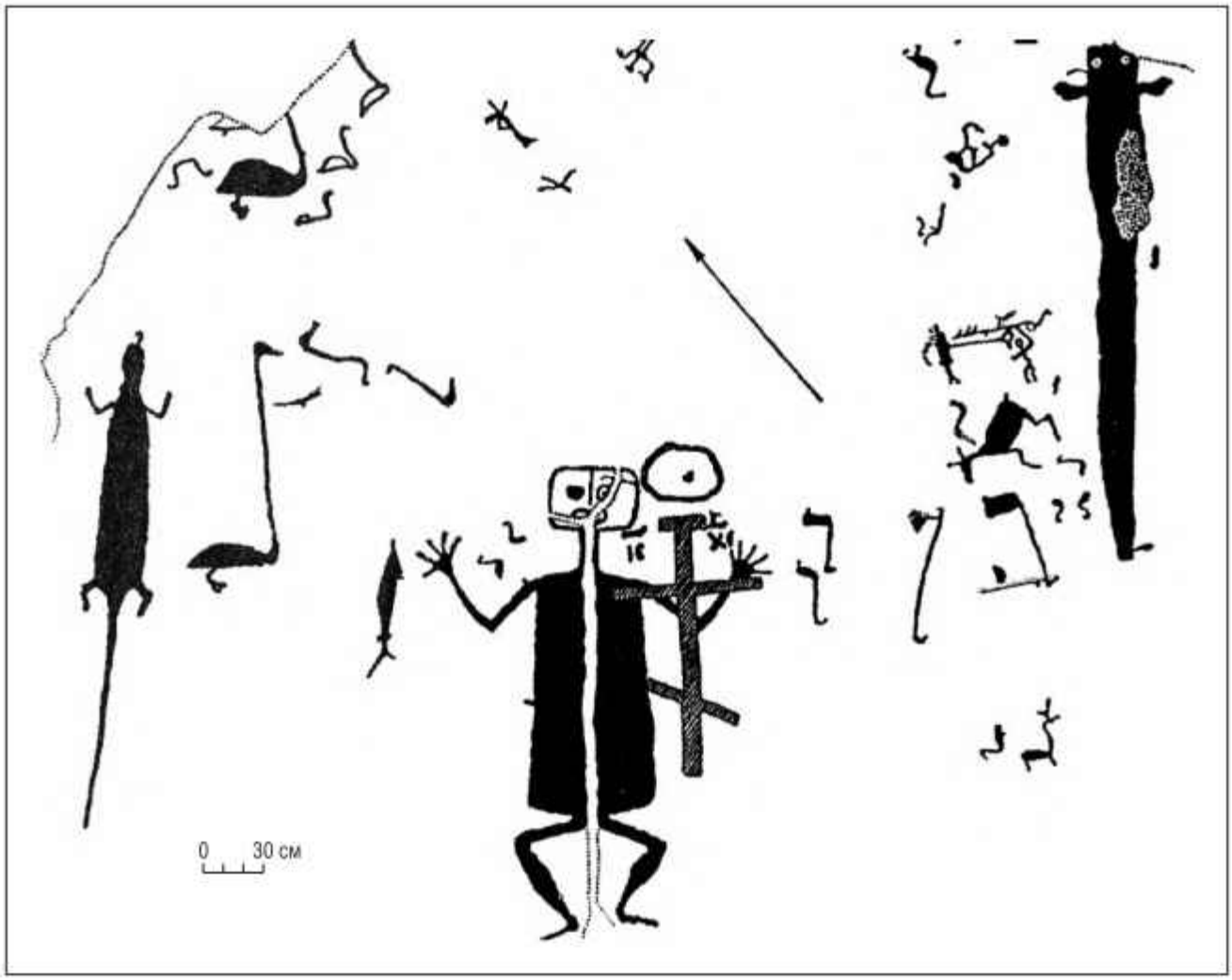

Рис. Изображения древнего божества и православного креста на мысе Бесов Нос [2, с. 135]

То есть в 1936 году версия, что крест на руке «беса» выбит монахами, была общепринятым в литературе мнением, хотя в этой же книге В.И. Равдоникас приводит цитату из «Завещания Лазаря Муромского» – основателя Муромского монастыря, и там нет никакой информации о том, что Лазарь или его братия выбили крест поверх древнего изображения. Лазарь только жалуется на местное население, которое конфликтовало с ним и, по его словам, собиралось его съесть.

Возможно, В.И. Равдоникас связывал время выбивания креста с основанием Муромского монастыря. Но насколько логично это предположение? Конфликт с языческим населением уже в горячей фазе, и начинать в такой обстановке миссионерскую христианскую деятельность с покушения на древние изображения было бы просто опасно.

Время выбивания креста можно было бы связать с надписью «IC – XC», которая выполнялась на верхних перекладинах православных крестов с XII по XIV век, а с середины XV века была заменена на верхней перекладине на «I.Н.Ц.I». Но надпись «IC – XC» выбита на скале между верхней и средней перекладинами креста, и потому не связана непосредственно со сменой надписей на верхней перекладине.

Версия, что крест был выбит с целью борьбы с язычеством, очевидна только на первый взгляд.

Обратим внимание на символизм православного креста и элементов его составляющих:

«Православный крест

Известно многообразие разновидностей формы креста. Символом русского Православия является восьмиконечный крест с двумя дополнительными перекладинами. Такая форма используется с 6 века и является наиболее исторически соответствующей подлинному кресту Иисуса Христа. Верхняя перекладина является горизонтальной и символизирует прибитую к кресту Христа табличку с начертанием «Иисус Назарянин, Царь Иудейский».

Нижняя перекладина – косая и символизирует подставку для ног. А также двух разбойников, которые были распяты слева и справа от Христа. Один из них во время казни раскаялся в своих грехах и поэтому первым вошёл в Царствие Небесное. Второй разбойник во время казни хулил Христа с палачами и умер без покаяния. Также косая перекладина часто рассматривается как образ весов правосудия. Такая символика православного креста указывает на Страшный Суд, который будет вершить Иисус Христос в конце времён.

С середины 16 века восьмиконечные кресты на Руси начали воздвигать на куполах церквей. Также этот крест в России на протяжении столетий используется в государственной и военной символике. Восьмиконечный крест стал одним из наиболее узнаваемых визуальных атрибутов русской культуры» [3].

На западной оконечности мыса Бесов Нос выбит не восьмиконечный, а семиконечный православный крест, но символика его элементов идентична восьмиконечному – то есть верхний конец косой перекладины указывает путь в Царствие Небесное (рай), а нижний конец – путь в ад.

Но на скале мыса Бесов Нос верхний конец косой перекладины креста направлен в сторону центра фигуры древнего божества, однозначно определяя его место в «Царствии Небесном»!

Только один этот факт делает несостоятельной версию о том, что крест рядом с изображением древнего божества выбит с целью борьбы с язычеством монахами Муромского монастыря. Либо тогда нужно признать безграмотность монахов, не знающих смысл элементов православного креста, а учитывая, что на любой свой поступок монах должен был получить благословение от настоятеля, подозрение в безграмотности относится и к настоятелю монастыря.

Кроме того, нужно обратить внимание на соотношение роста древнего божества и распятого Христа (если бы он мог технологически быть изображён на кресте). На православных иконах и распятиях голова Христа изображается на уровне большой перекладины, а ноги не могут быть ниже подставки для ног. В таком случае рост божества, даже с согнутыми ногами, превышает рост Христа в 4 раза. Но в традициях многих древних цивилизаций на барельефах и других изображениях рост их персонажей показывал их статус, например, победитель изображался всегда большего роста, чем побеждённый, господин выше, чем подчинённый, отец выше сына.

Взаимное расположение и геометрические пропорции православного креста и древнего божества дают основание для предположения, что тот, кто выбивал крест, мог знать (или предполагать), что изображённый древний бог является Богом Отцом, Богом Творцом.

Это совпадает с моей версией, которая представлена в статье «Культ ведических богов в петроглифах восточного берега Онежского озера» [4], а именно квадратная голова божества может соответствовать четырёхликости Бога Творца Брахмы, цвет скалы соответствует сохранившейся в Индии традиции изображать Брахму цвета охры.

По версии К.Д. Лаушкина [2, с. 139], изображённое на мысе Бесов Нос божество – женского рода: бесиха, которую он сопоставлял с владычицей Туонелы карело-финских эпических песен, что, судя по анатомии божества, вряд ли возможно, так как ноги в основании практически соединяются, не оставляя пространства для родовых путей достаточного размера. С узким тазом полноценное потомство могут рождать только сумчатые или рептилии, откладывающие яйца без жёсткой скорлупы.

Я считаю, что бог Брахма изображён сидящим. Чтобы проверить эту версию, в июле 2021 года я провёл эксперимент в непосредственной близости от изображения. Для эксперимента я использовал группу вышневолоцких парашютистов, которых об эксперименте не предупредил. Сначала дал им осмотреться, а потом предложил мужчинам сесть на скалу выше изображения Брахмы. Единственной женщине предложил встать рядом с собой. Через 3–4 минуты после начала лекции половина мужчин сидела на скале, согнув ноги так же, как у изображения Брахмы. С вытянутыми ногами сидели те, кто опирался руками на скалу или собственные колени. Команду поднять руки вверх не давал, предполагая, что сидящие догадаются об эксперименте и могут подыграть, сложив ноги как на изображении Брахмы. Женщины для этого эксперимента непригодны, так как в присутствии посторонних мужчин они садятся так, как прилично и как красиво, но не как удобно (ил. 1, 2).

По непонятной причине никто из известных исследователей петроглифа Брахмы не рассматривает форму его тела как одежду, например плащ или тунику, сплетённую из растительных волокон и скрывающую вполне антропоморфное тело.

Выводы

Версия, что православный крест поверх левой руки на изображении предполагаемого бога Брахмы был выбит монахами Муромского монастыря с целью борьбы с язычеством, не соответствует символизму косой перекладины креста, ставит под сомнение авторство монахов: наоборот, верхний конец косой перекладины креста, направленный на изображение бога, однозначно определяет его место в Царствии Небесном.

Бог (предположительно Брахма) изображён сидящим, так как переданное положение его ног наиболее удобно для длительного сидения на поверхности, имеющей такой наклон.

Независимо от версии, кто именно изображён на рассматриваемом петроглифе, он не может быть существом женского пола из-за очень малого расстояния между тазобедренными суставами, что исключает наличие родовых путей достаточного размера.

Форма изображённого тела бога определяется не его анатомическим строением, а одеждой.

Объединенный музей

Ил. 1, 2. Экскурсанты на скале западной оконечности мыса Бесов Нос. Фото А.В. Ремезовой. 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера. Л., 1936. 212 с.
2. *Савватеев Ю.А.* Вечные письмена (наскальные изображения Карелии). Петрозаводск, 2007. 464 с.
3. https://pravoslavium.ru/pravoslavnyj-krest-istoriya-znachenie-vidy/
4. *Горячёв С.В.* Культ ведических богов в петроглифах восточного берега Онежского озера // ТАС. Вып. 11. 2018. С. 617–634.

Независимый исследователь,
Тверь

S.V. Goryachev

AN ANCIENT DEITY AND THE ORTHODOX CROSS ON THE "BESOV NOS" CAPE OF LAKE ONEGA

Summary

On the basis of the study of the image of the ancient deity and its mutual arrangement with the image of the Orthodox cross over his left hand the author makes the following conclusions.

The version that the Orthodox cross over the left hand on the supposed image of the God Brahma was carved by the monks of the Murom monastery in order to combat paganism, does not correspond to the symbolism of the oblique bar of the cross and casts doubt on the authorship of the monks: on the contrary, the upper end of the oblique bar of the cross, directed at the image of the God, unambiguously defines his place in the Kingdom of Heaven.

God (presumably Brahma [4]) is depicted sitting, as the transferred position of his feet is the most convenient for prolonged sitting on a surface having such a slope.

Regardless of the version of who exactly is depicted on the petroglyph in question, he cannot be a female creature because of the very small distance between the hip joints, which excludes the presence of birth canals of sufficient size.

The shape of the depicted God's body is determined not by his anatomical structure, but by his clothing.

Flat 84, 1b, Artyukhinoy St., Tver, 170036, Russia
E-mail: let-s-gor@mail.ru

С.В. Горячёв

ПРИЗНАКИ АСТРОНОМИЧЕСКОГО ПРИБОРА В ПЕТРОГЛИФЕ ЗАЛАВРУГИ

На основании анализа содержания изображений №№ 68 и 71 Залавруги, их ориентировки по странам света, а также анализа рельефа и других особенностей окружающей местности автор делает вывод, что данные изображения содержат элементы примитивного астрономического инструмента-шаблона, позволяющего определять день 16 июля (±1 день) по азимуту восхода солнца, а также содержат безмасштабную схему некоторых элементов окружающей местности.

Кроме того, автор указывает на наличие оснований для предположения, что день, примерно соответствующий современному 16 июля, мог быть днём, когда отмечался один из главных подвигов бога Индры – его победа над змеем Вритрой.

На основании взаимного расположения изображений дуги, символизирующей видимое движение солнца по небу (№ 68), антропоморфного изображения № 41 и изображения змеи (№ 66) можно предположить, что петроглиф № 41 является изображением бога Индры, а петроглиф № 66 – изображением змея Вритры, сражённого дротиком.

DOI: 10.70203/3893.2024.28.30.050

Впервые научное исследование и описание петроглифов на скале берега острова Большой Малинин и Залавруги – протоки в низовьях реки Выг – было выполнено В.И. Равдоникасом в сентябре 1936 года. Результаты этих исследований были опубликованы во второй части книги «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря» [1].

Так как местное население именовало Залавругой не только протоку, но и местность, прилегающую к ней, то это же название перешло и на скопление находящихся здесь петроглифов.

Среди петроглифов Залавруги есть изображения, которые В.И. Равдоникас не смог идентифицировать однозначно – это петроглифы № 68 и № 71 северо-восточного склона центральной скалы (рис. 1).

В описании фигуры № 68 В.И. Равдоникас предполагает, что это изображение жилища: «№ 68 (табл. 3 и 49). Чрезвычайно интересная фигура, повидимому, изображающая жилище. Контурной линией в граните высечен четыреугольник, почти прямоугольник (длина его сторон: юго-восточной – 0,17, северо-западной – 0,21, юго-западной – 0,38, северо-восточной – 0,38). Четыреугольник ориентирован своей длинной осью с юго-востока на северо-запад. Он разделен на две несколько неравные половины поперечной чертой, разорванной в середине. В юго-восточной половине высечены два кружка и четыре совсем маленьких кружка, почти точки. В северо-западной половине высечены две неправильных очертаний линии, одна из которых разветвляется (изображение дерева?). От середины юго-западной и северо-западной сторон четыреугольника идут соединяющиеся между собой под углом линии, образующие округлый треугольник. От вершины этого треугольника идет к северо-западу длинная линия с отростками и расширениями (изображение № 71). Юго-восточную сторону треугольника пересекают две схематических фигуры (изображения №№ 69 и 70).

Данное изображение занимает центральное место в описываемой группе и, судя по знакам (линии, пунктир, следы), соединяющим его с рядом других фигур (с изображениями №№ 42, 43–[48, №№ 49 и 57, №№ 72–79 и т. д.), это не является случайным» [1, с. 38].

Версия В.И. Равдоникаса, что фигура № 68 – это изображение жилища в плане, сразу вызывает сомнение – какой был смысл выбивать это изображение на поверхности с уклоном 18°, если буквально в 5 метрах южнее поверхность скалы становится почти горизонтальной.

Предполагая, что в изображении № 68 важное значение может иметь направление составляющих его линий, поворачиваем рис. 1 в соответствии с правилами, принятыми в картографии, то есть так, чтобы север изображения был сверху (рис. 2).

При рассмотрении изображений № 68 и № 71 в комплексе обращает на себя внимание линия «bacdef», форма которой близка к параболе с вершиной «a». Точка «a» является наиболее южной точкой параболы, ко-

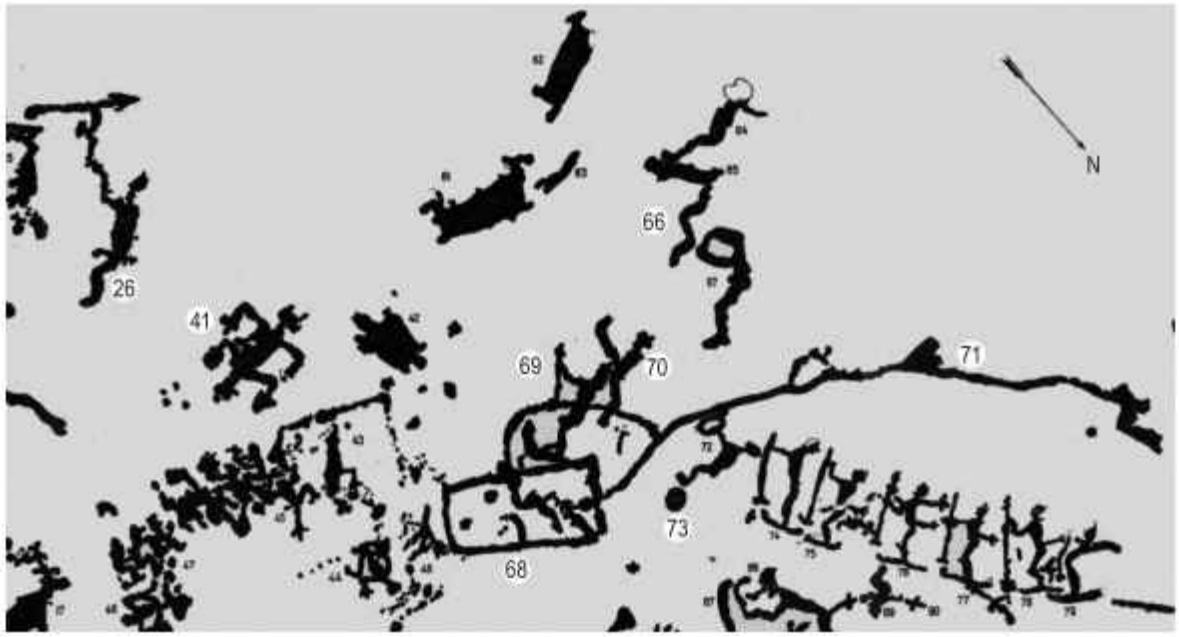

Рис. 1. Фрагмент северо-восточного склона центральной скалы Залавруги [1, табл. 3] (цифры в кружочках даны мной. – *С.В. Горячёв*)

Рис. 2. Фрагмент изображений на северо-восточном склоне центральной скалы Залавруги. Чёрным цветом выделены петроглифы, предположительно имеющие отношение к изображениям № 68 и № 71

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

торая выбита не на горизонтальном участке скалы, а на наклонном, что даёт основание предположить, что линия «bacdef» может быть изображением видимого дневного пути солнца по небосводу. То есть часть параболы «fedca» изображает подъём солнца на восходе до полудня в точке «a», а далее – движение солнца к закату в точке «b», при этом если провести через точку «a» линию север–юг, то она окажется осью довольно точной симметрии «восходящей» – «fa» и «заходящей» – «ab» ветвей параболы, изображающей видимое движение солнца по небу.

Ввиду того что линия «fedc» продублирована совпадающими с ней по направлению линиями «po» и «qr», можно предположить, что это направление имело важное значение.

Так как линии исследуемых петроглифов выбиты довольно грубо, то для измерения азимута восхода солнца взято усреднённое направление линий, при этом азимут предполагаемого восхода солнца составил 32°12' (рис. 2).

Для определения, когда возможен восход солнца с азимутом 32°12' на географической широте Залавруги (64°30' с. ш.), был использован калькулятор PLANETCALC «Азимуты и высоты солнца над горизонтом» [2]. Расчёты показали, что с азимутом, близким к 32°12', солнце восходит в 2023 году 27 мая и 16 июля, то есть в эти дни с указанным азимутом появляется верхний край солнца, именно этот момент принят за восход солнца в современной астрономии и навигации. Наблюдение момента появления верхнего края солнца на практике возможно без светофильтра, но требует сноровки определения азимута с первой попытки.

Положение солнца, видимого над горизонтом наполовину, с азимутом 32°12' будет 28 мая и 15 июля, положение солнца, при котором горизонта касается его нижний край, с азимутом 32°12' будет 30 мая и 13 июля, но проводить эти наблюдения без специальных защитных светофильтров невозможно.

В наше время наблюдать восход солнца, то есть появление его верхнего края над горизонтом, в конце мая или в середине июля на скале Залавруги невозможно – горизонт с этим азимутом закрывают деревья. Поэтому допустимо предположение, что во время выбивки изображения пути солнца по небосводу деревья с азимутом 32°12' горизонт не заслоняли. Это возможно либо когда в этом направлении была ещё тундровая растительность, либо деревья не росли из-за более высокого уровня воды или отсутствия подходящей почвы на скалах.

С появлением леса в секторе восхода солнца могла возникнуть необходимость переноса точки наблюдения. Вероятным свидетельством переноса точек наблюдения является изображение № 68, в котором линии «op» и «qr» практически параллельны ветви параболы «cf» (рис. 2).

Изображение № 68 может быть безмасштабной схемой, содержащей как астрономическую информацию, так и изображение фрагментов окружающей местности. Обратим внимание на то, что около 700 м северо-западнее скалы с петроглифами расположен остров, отделённый от петроглифов протокой Залавруга. С северо-западного берега этого острова сектор наблюдения, включая азимут 32°12', открыт, что может соответствовать линии «op». До строительства железной и шоссейных дорог, а также сооружений канала был открыт сектор наблюдения юго-восточнее протоки Кислый Пудас, что может соответствовать линии «qr».

Как отмечено ранее, линия захода солнца «ab» по оси симметрии север–юг через полуденную точку «a» симметрична линии восхода «fa» и в завершающей своей части довольно точно совпадает с азимутом 327°48'. Обратим внимание, что этот азимут не совпадает с направлением линий «qp» и «ro».

При исследовании при помощи калькулятора PLANETCALC предполагаемых азимутов захода солнца, соответствующих направлению линий «qp» и «ro» (рис. 2), получен результат, показывающий, что при азимуте 307°20', соответствующем направлению линии «rp», 27 мая и 16 июля солнце будет выше горизонта на 6,9°, а при азимуте 302°40' – на 8,8°. Рельеф местности в секторе указанных азимутов на расстоянии около 180 м имеет наибольшее превышение над уровнем площадки Залавруги, но при этом расчётное положение верхнего края солнца будет ещё выше на 19–25 метров, что соизмеримо с высотой сосен, хотя горизонт в этом направлении может быть скрыт деревьями меньшей высоты, но расположенными ближе к исследуемым петроглифам.

Таким образом, наличие четырёхугольника «pqro» в составе изображения № 68 может быть связано с ограничением видимости горизонта в месте нахождения этого петроглифа выросшим лесом, что даёт основание предполагать, что четырёхугольник «pqro» был выбит на поверхности скалы значительно позднее других элементов изображений № 68 и № 71.

Вычисления дат восхода и захода солнца в зимний период не проводились, так как в это время площадка Залавруги покрыта снегом и использование линий изображения № 68, как правило, невозможно.

При исследовании комплекса элементов внутри контура изображения № 68 было обнаружено значительное сходство формы и взаимного расположения этих элементов с географическими особенностями прилегающей местности (рис. 3, 4). Это сходство увеличивается при уровне воды выше приблизительно на 1 метр, чем при уровне воды в сентябре 1936 года, когда В.И. Равдоникас проводил исследование Залавруги, что наиболее заметно на рис. 4. То есть промежуток между элементом изображения «h» и линией «ef» может быть изображением островка, расположенного в 150 метрах на северо-запад от места петроглифа № 68, элементы изображения «k» и промежуток между элементами «i» и «h», могут быть изображениями скал, образующих порог Чёрный, а сами элементы «i» и «h» могут быть изображением бурных потоков воды (рис. 2).

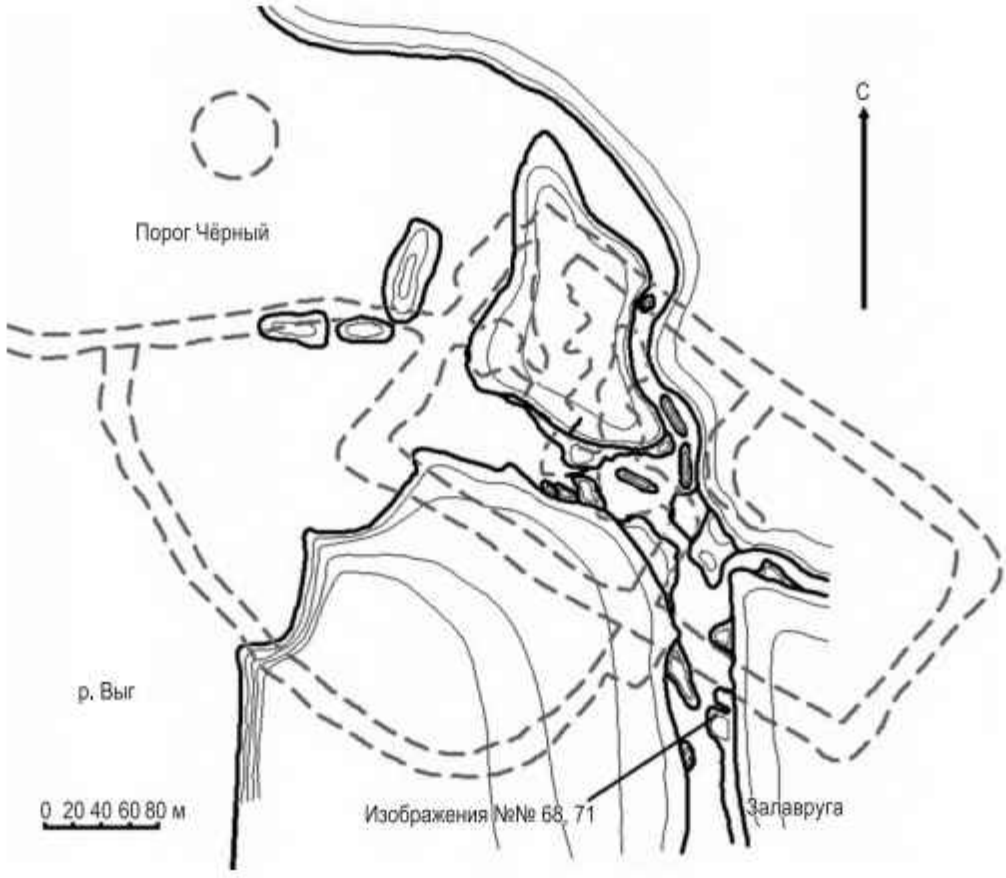

Рис. 3. Совмещение с подбором масштаба контуров изображений №№ 68, 71 с картой правого берега реки Выг у порога Чёрного (по [1, рис. 5])

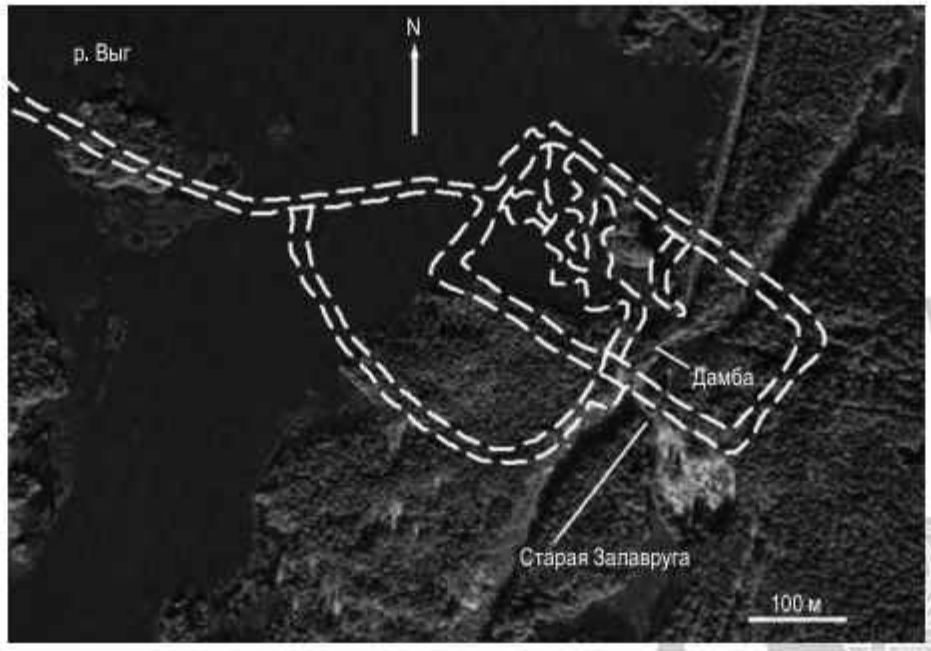

Рис. 4. Совмещение с подбором масштаба контуров изображений №№ 68, 71 со спутниковым снимком местности

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Исходя из предположения, что в петроглифах №№ 68, 71 содержатся изображения прилегающей местности, были исследованы азимуты элементов «l, m, n» (рис. 5). Целью исследования было определение элементов рельефа, которые могли быть прообразами элементов «l, m, n». В качестве источника информации были использованы топографические карты различных масштабов [3], а также программа Google Earth Pro https://www.google.ru/intl/ru/earth/versions/#earth-pro [4].

В графической программе «Компас» были построены графики, где в едином масштабе отображалась высота рельефа в зависимости от удаления (до 100 км), при этом учитывалась высота рельефа в секторах ±3° от номинального значения азимута, в некоторых случаях и больше. По результатам графических построений стало ясно, что все элементы рельефа, удалённые от Залавруги более чем на 20,5 км, будут за линией горизонта. На рис. 6 после азимутов в скобках указаны углы возвышения горизонта относительно Залавруги. На этом рисунке не указан угол возвышения горизонта в западном направлении, который равен 0°15'. Элементам изображения № 71 соответствуют углы возвышения горизонта: l – 0°20', m – 0°19', n – 0°15'. Такое соотношение углов возвышения горизонта соответствует дуге изображения № 71, что даёт основание предположить, что часть петроглифа № 71 по линии элементов «blmn» является изображением линии горизонта в северо-западном направлении. Так как все элементы рельефа на удалении более 20,5 км находятся за горизонтом, то для основы рис. 6 была использована топографическая карта в масштабе 1 см – 2 км, при том что для изучения рельефа на данном удалении использовались карты 1 см – 500 метров. Так как в указанных азимутах до линии горизонта нет крупных, отдельно стоящих скал, то можно предположить, что прообразами элементов «l, m, n» могут быть отдельные группы деревьев, росшие на возвышенностях, в окружении озёр и болот. Возможно, эти группы деревьев на возвышенностях соответствовали элементам изображения № 71: «l» – высота 122 (гора Полуварака), «m» – высота 78, «n» – высота 85 (рис. 6).

Можно предположить, что трижды повторённому направлению восхода солнца на 27 мая или 16 июля соответствует время какого-то важного события, при этом удивительно то, что 16 июля совпадает с особо выделенным днём на календаре «антоновского» диска, на другой стороне которого предположительно изображён бог Индра [5] (рис. 7).

На «антоновском» диске 11 дуг из 12 имеют двойные риски, символизирующие солнечные лучи, соответственно, месяц без «солнечных лучей» может соответствовать современному декабрю. Пара рисок, направленных от отверстия на «декабрь», указывает на зимнее солнцестояние (ЗСС). В соответствии с годовым перемещением созвездий слева направо отсчёт месяцев производится в том же направлении, то есть по часовой стрелке, и следующая пара рисок от отверстия указывает на весеннее равноденствие (ВР). Напротив весеннего равноденствия расположена пара рисок, указывающая на осеннее равноденствие (ОР) и на разрыв между дугами, обозначающими месяцы, то есть на раздел между годами. Но риски на краю отверстия, расположенные напротив точки зимнего солнцестояния, направлены не на вторую половину месяца, соответствующую июню и летнему солнцестоянию (ЛС), а на середину июля – вероятно, таким образом древний художник указал на время года, когда произошло событие, обозначенное на другой стороне диска, где антропоморфное изображение пересекает линию с разновысокими парными рисками, то есть линию рассвета.

Полную последовательность доказательств, что на «антоновском» диске изображён бог Индра, я приводил в статье «Возможная трактовка изображений на каменном диске, обнаруженном около уральского посёлка Антоновский, и аналогичных элементов изображений на подобных каменных дисках Урала» [5].

Теперь обратим внимание на совпадения элементов изображения Индры на «антоновском» диске с антропоморфным изображением № 41 Залавруги: совпадают в целом силуэт, такие детали, как выросты в районе головы и шлейф, исходящий из промежности. Сияние тела божества, изображённое на «антоновском» диске двойными рисками, на изображении № 41 может быть выражено стреловидным окончанием – молнией на одной из ног, а также четырьмя небольшими лунками ниже ног божества. При этом нужно учитывать, что первое время после выбивки петроглифа он выглядел белёсым на темно-сером фоне скалы. Ещё двумя признаками того, что изображение № 41 соответствует богу Индре, являются его ориентировка с востока на запад и его расположение в утреннем секторе относительно изображения траектории видимого движения солнца по небосводу, что совпадает с информацией из текста Ригведы [6, Мандалы 2. 15; 4. 30].

В Ригведе бóльшая часть гимнов посвящена подвигу бога Индры, убившего змея Вритру, сковавшего все воды. Подробно о возможном совпадении сюжета описания боя Индры и Вритры и его последствий с внезапным прорывом Балтийского ледникового озера я писал в статье «Бог Индра и петроглифы мыса Пери Нос VI» [7]. Прообразом мифической битвы Индры и Вритры могло быть падение ядра кометы как олицетворения Индры или его оружия на ледниковую плотину, удерживающую воду Балтийского ледникового озера, олицетворявшую змея Вритру. По данным геологии, внезапный прорыв ледника произошёл около 8300 лет до нашей эры севернее горы Биллинген (юг Швеции) [8]. Это событие не могло не отразиться в мифологии народов Европы и укрепило авторитет таких богов-громовержцев, как Индра (позднее у славян Перун), Тор, Укко. Антропоморфное изображение № 41 могло бы быть любым из этих богов, но западнее этого изображения находится изображение змеи (№ 66), верхнюю часть которого рассекает изображение толстой стрелы, или, как вариант оружия Индры, – «раскалённый дротик» (№ 65), что совпадает с текстом именно Ригведы [6. Мандала 3.30]. То есть змея убита «раскалённым дротиком», ударившим с юго-востока, что может соответствовать убийству змея Вритры.

Объединенный музей

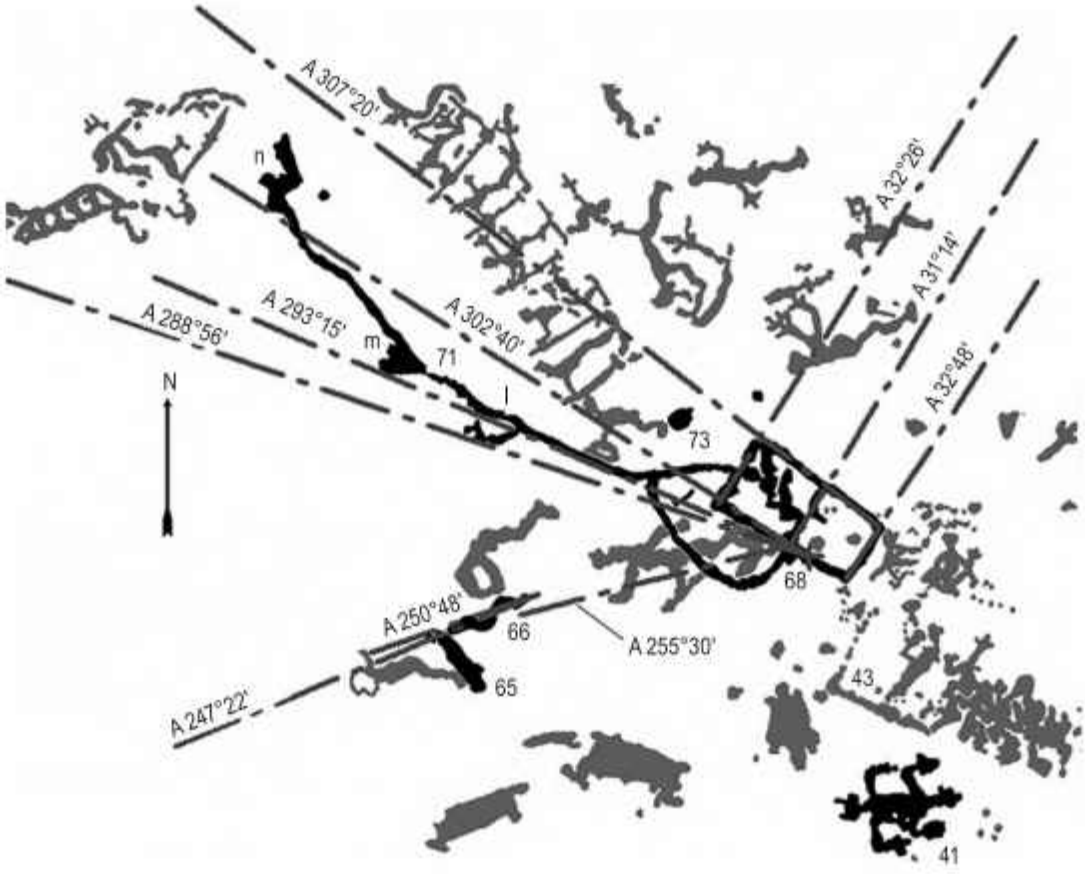

Рис. 5. Схема азимутов расположения изображений и их отдельных элементов

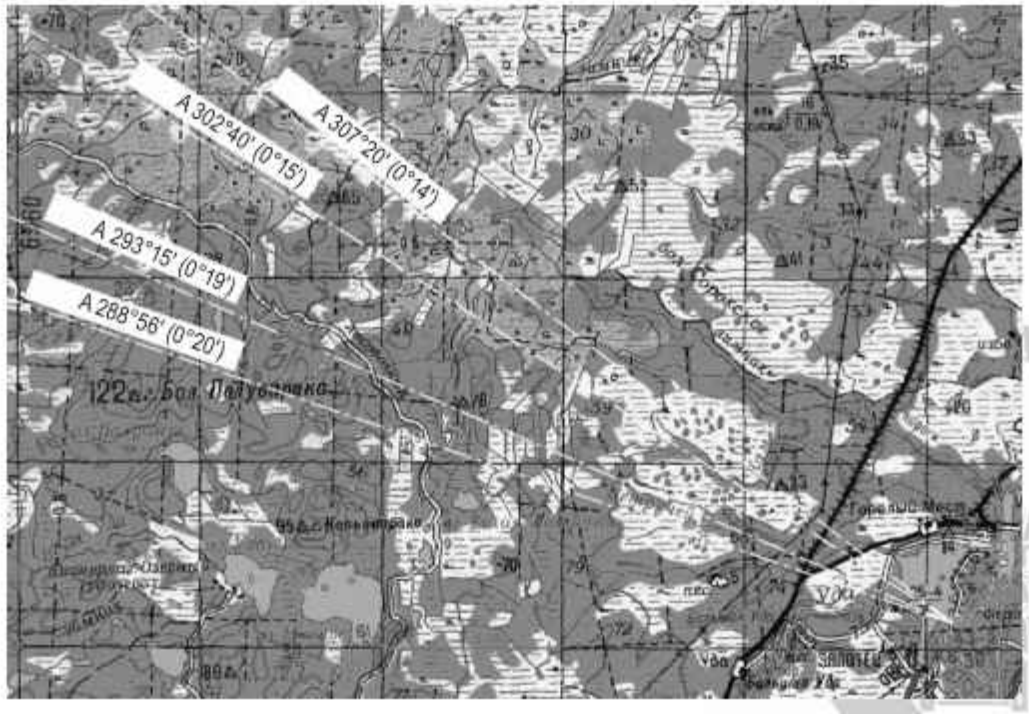

Рис. 6. Схема исследования рельефа по топографической карте

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

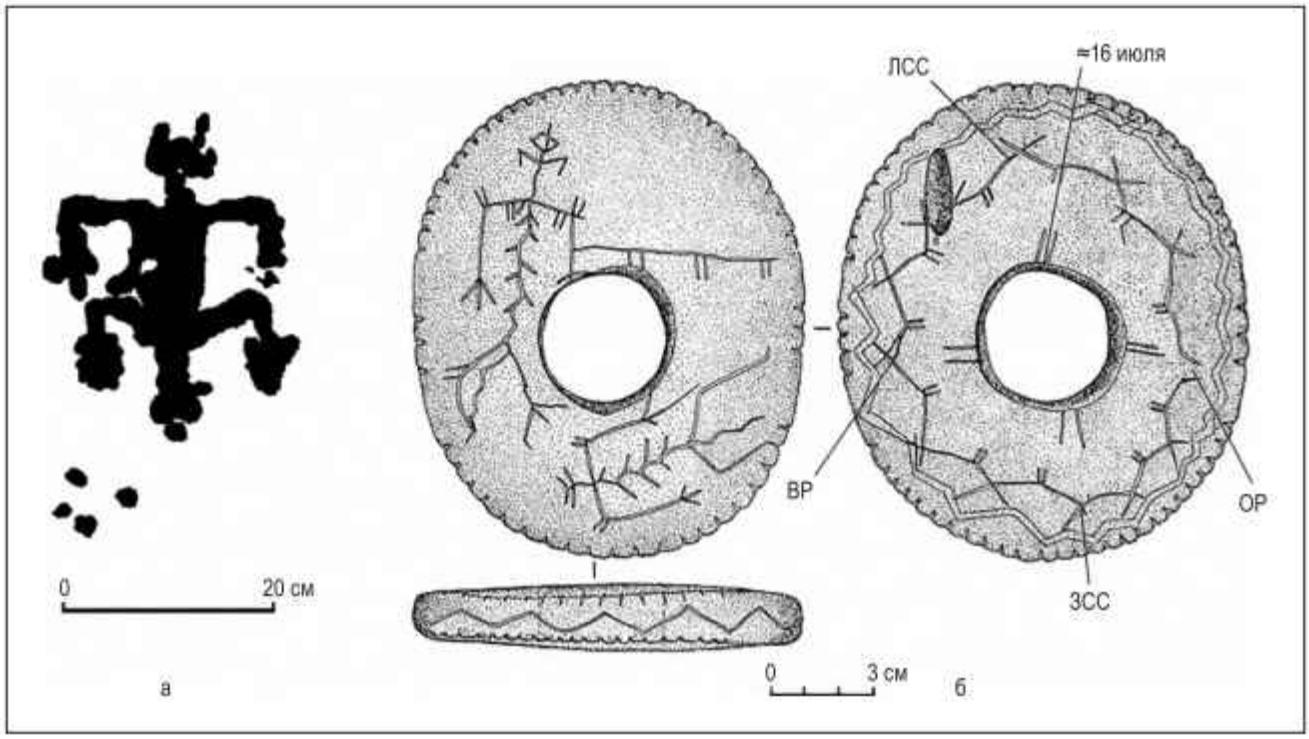

Рис. 7. Сравнение изображений № 41 (а) и «антоновского» диска (б)

Азимут, вдоль которого вытянуто изображение змеи (№ 66), составляет 247°22' (от хвоста до пересечения изображений змеи и стрелы) или 250°48' (от хвоста до фрагмента изображения № 65, отогнутого на юго-запад, предполагая, что этот фрагмент является отрубленной головой змеи).

Необъяснимо, но ортодромический пеленг (азимут) горы Биллинген с точки отсчёта Залавруга составляет 248°22', что отличается от направления изображения змеи менее чем на 2°30'!!!

Так как на «антоновском» диске изображён только сам Индра, а на скале Залавруги Индра и убитый змей Вритра – то́ есть уже сформировавшийся мифологический сюжет, соответствующий Ригведе, – то можно предположить, что изображение Индры на «антоновском» диске старше комплекса петроглифов, отображающих победу Индры над змеем Вритрой.

Хочу обратить внимание, что одной из особенностей исследования наскальных рисунков является необходимость точной привязки к направлению на истинный географический полюс. В некоторых случаях приемлемо и направление на северный магнитный полюс с поправкой на магнитное склонение, например в походе для ориентирования на местности. Использование магнитного компаса для фиксации положения наскального рисунка, обнаруженного случайно, возможно только как вынужденная мера, так как помимо регионального магнитного склонения могут существовать местные магнитные аномалии.

Так, в 2021 году мною была проведена проверка магнитного склонения на западной оконечности мыса Бесов Нос. В качестве инструмента использовалась примитивная астролябия, на которой заранее были нанесены азимут северной оконечности острова Большой Голец и направление на север истинный. Замеры магнитного склонения проводились по компасу, совмещённому с астролябией. Результаты: при региональном магнитном склонении +9° фактическое магнитное склонение на высоте 1,5 метра от поверхности скалы с изображением божества составляло около +13°, а на расстоянии 30 см от поверхности – +21°.

О наличии там магнитной аномалии было известно давно, я лишь проверил зависимость магнитного склонения от высоты. Главное – при проверке положения фигуры божества подтвердилось, что указанное В.И. Равдоникасом на схемах направление на север соответствует северу истинному, а значит, и в своих исследованиях Залавруги он создавал схемы расположения петроглифов относительно этого направления.

При фотографировании вновь найденного петроглифа на фоне магнитного компаса кроме ошибок из-за магнитной аномалии возможна погрешность из-за наклона поверхности, на которой лежит компас, из-за магнитного наклонения.

Использование в условиях Карелии и Кольского полуострова в качестве ориентира севера истинного звезды Полярная летом невозможно из-за «белых ночей», но и при видимости этой звезды ошибка может достигать 2°, так как на эту величину в наше время звезда Полярная не совпадает с точкой на небе над северным

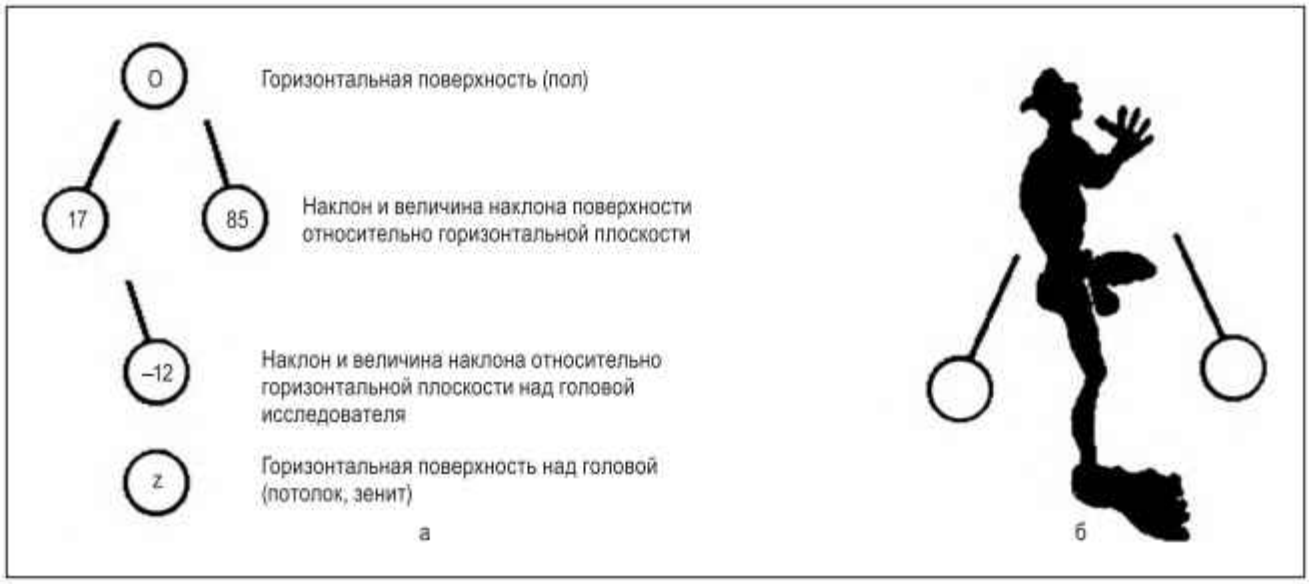

Рис. 8. Условные обозначения наклона поверхности по линии стока воды:
а – знаки положения поверхности рисунка относительно горизонтальной плоскости, соответствующие линиям стока воды (ЛСВ); б – пример петроглифа, выбитого на поверхности, имеющей принципиально разный наклон к горизонтали в разных её частях

географическим полюсом. Предлагаю на схемах и фото наскальных рисунков указывать «север магнитный», если таковой использовался для ориентировки изображения.

Второй проблемой при точном исследовании некоторых изображений является неполная информация о наклоне плоскости изображения в пространстве, то есть исследования изображений, предположительно связанных с астрономией, или предполагаемых древних карт нужно проводить не по их фактической форме на скале, а по проекции рисунка на горизонтальную поверхность. Использовать систему горизонталей для представления о пространственном положении рисунка не всегда целесообразно и технически сложно, так как из-за малых размеров большинства рисунков горизонтали пришлось бы вычерчивать через каждые 1–5 см по высоте. Поэтому предлагаю внести обозначение пространственного наклона поверхности как **линию стока воды (ЛСВ).** Это обозначение может выглядеть как линия шириной 1–3 пикселя, заканчивающаяся окружностью диаметром 2–4 размера шрифта пояснительного текста. Внутри окружности вписываются цифры, соответствующие наклону поверхности к горизонтали в градусах. При сложной форме поверхности линию стока воды можно наносить неоднократно. Если наклон поверхности не превышает 1°, то рекомендую ставить знак «уровень», который может выглядеть как окружность диаметром 2–4 размера шрифта пояснительного текста, а внутри окружности – вторая окружность меньшего диаметра. Наклонная поверхность над головой исследователя может обозначаться знаком ЛСВ, но перед величиной наклона поверхности нужно добавить знак «–». Горизонтальную поверхность над головой исследователя предлагаю обозначать окружностью диаметром 2–4 размера шрифта пояснительного текста с буквой «z» (зенит) внутри окружности (рис. 8).

На практике определение угла ЛСВ не представляет труда при использовании сенсорного мобильного телефона с одной из многочисленных программ «Уровень» – достаточно на поверхность положить телефон с включенной программой «Уровень» и сделать фото.

Выводы

Часть изображений северо-восточного склона центральной скалы Залавруги связаны единым сюжетом, а именно:

– петроглиф № 41 может являться изображением бога Индры;

– петроглиф № 66 может являться изображением змея Вритры, сражённого «раскалённым дротиком»;

– петроглиф № 68 представляет собой астрономический прибор-шаблон, позволяющий по азимуту восхода солнца определять день древнего праздника в честь победы бога Индры над змеем Вритрой в середине месяца, соответствующего современному июлю, более точно 16 июля (±1 день);

– петроглиф № 71 изображает линию горизонта в северо-западном секторе с ориентирами, назначение которых установить пока не удалось, дуга в южной части петроглифа № 68 изображает видимый путь солнца по небосводу, при этом азимут восхода солнца продублирован параллельными линиями петроглифа № 68.

то есть по своему назначению петроглифы № 68 и № 71 представляют единый прибор-шаблон для наблюдения некоторых астрономических явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Равдоникас В.И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Часть вторая. Л., 1938. 168 с.
2. PLANETCALC «Азимуты и высоты солнца над горизонтом» // https://planetcalc.ru/
3. Карты // http://retromap.ru/14199019
4. Программа Google Earth Pro // https://google-earth-pro.softonic.ru/
5. *Горячёв С.В.* Возможная трактовка изображений на каменном диске, обнаруженном около уральского посёлка Антоновский, и аналогичных элементов изображений на подобных каменных дисках Урала // ТАС. Вып. 12. Тверь, 2021. С. 273–288.
6. Ригведа. Мандалы I–IV. Издание второе, исправленное. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М., 1999.
7. *Горячёв С.В.* Бог Индра и петроглифы мыса Пери Нос VI // ТАС. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 646–652.
8. Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет (Атлас-монография). М., 1982.

Независимый исследователь,
Тверь

S.V. Goryachev

SIGNS OF AN ASTRONOMICAL DEVICE IN THE PETROGLYPH OF ZALAVRUGA

Summary

On the basis of the analysis of the content of images No. 68, 71, their orientation to cardinal directions, as well as the analysis of the relief and other features of the surrounding terrain, the author concludes that these images contain elements of a primitive astronomical instrument-template, which allows to determine the day of July 16 (±1 day) by the azimuth of sunrise, and also contains a scale-free scheme of some elements of the surrounding terrain.

In addition, the author points out that there are grounds for the assumption that the day, roughly corresponding to the modern July 16, could be the day when one of the main feats of God Indra takes place – the day of his victory over the serpent Vritra.

Based on the mutual arrangement of the images of the arc symbolizing the visible movement of the sun across the sky (No. 68), anthropomorphic image No. 41 and the image of a snake (No. 66), we can assume that petroglyph No. 41 is an image of God Indra, and petroglyph No. 66, – an image of the serpent Vritra, hit by a dart.

Flat 84, 1b, Artyukhinoy St., Tver, 170036, Russia
E-mail: let-s-gor@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В.Д. Викторова

АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА ОСТРОВЕ КАМЕННЫЕ ПАЛАТКИ

Изучение памятников древней астрономии на Урале началось в конце XX – начале XXI в., когда в пограничье леса-лесостепи и степи Зауралья были открыты обсерватории энеолита и раннего железного века. В 2008 году в центральной части острова Каменные палатки (в пределах г. Екатеринбурга) обнаружен памятник Сейд. Археологические исследования на нём позволили установить, что астрономические наблюдения в регионе начались значительно раньше. В структуру памятника входят столб-гномон, конструкция высотой 0,8–1,2 м из гранитных камней, уложенных в четыре яруса, и жертвенник у восточного основания конструкции. Микропластины и нуклеусы, найденные в нижних слоях жертвенника и ритуальной площадки, позволяют установить, что самый ранний из ставших известными памятник древней астрономии на Урале был сооружён в мезолите.

Через четыре тысячелетия наблюдать за восходом солнца в знаковые дни на нём стало население энеолита и эпохи бронзы. Обряды сопровождались дарами на 6 жертвенниках.

DOI: 10.70203/9688.2024.95.59.051

Введение

Изучение памятников древней астрономии на Урале началось в конце XX – начале XXI в. В пограничье леса и лесостепи Зауралья были открыты и проанализированы круглоплановые обсерватории энеолита Савин I и Слободчики I [1], Велижаны 2 [2]. В степной полосе найдены памятники древней астрономии эпох бронзы и раннего железа [3]. Таково было положение дел до исследования памятника Сейд на острове Каменные палатки (Железнодорожный район г. Екатеринбурга). В 2008 г. поисковой группой архитектора Н.П. Анисимова в центральной части острова (рис. 1, п. 10), на невысоком (2 м) мысовидном северо-западном отроге Восточной гряды был обнаружен необычный памятник – сооружение из гранитных плит и валунов, уложенных в четыре яруса на высоту 1,2 м. Авторы дали памятнику название «Сейд», хотя он сейдом, конечно, не был. Уже тогда появились вопросы: кто, когда и зачем соорудил необычный объект? Возможный ответ на третий, самый главный вопрос был получен, когда директор Пулковской обсерватории А.В. Степанов с рядом сотрудников посетил остров Каменные палатки и познакомился с археологическими памятниками на нём. Увидев конструкцию из камней с разворотом на восток, астроном сразу же зашёл на площадку за её западной стенкой. Оказавшись на центральной оси верхнего камня, он заключил, что здесь очень удобное место для наблюдения за восходом солнца. Оставались нерешёнными два первых вопроса. Получить на них ответы и проверить гипотезу астронома можно было в результате археологических исследований памятника.

1. Археологические факты

Выделим два основания объективной достоверности археологических фактов. Во-первых, в соответствии с системным подходом, была исследована **вся** территория памятника. Во-вторых, раскопки квадратов 1×1 м производились шпателями зачисткой на 2 (иногда на 1,5) см с последующей фиксацией объектов и находок.

Следует отметить весьма редкое для горно-уральских памятников явление – довольно чёткую стратиграфию трёх основных слоёв. Верхний слой состоял из светло-коричневой супеси с обильным включением золы, средний слой – из светло-коричневой супеси и нижний – из тёмно-коричневого суглинка.

Мегалитические объекты. Конструкция высотой 0,8 м на западе (рис. 2) и 1,2 м на востоке помещена на горизонтальной поверхности гранитной материковой плиты у самого края мыса. Нижний ряд составляют два валуна и край материковой плиты. Во втором ряду размещены три валуна. Их перекрывает плита толщиной 0,3 м в западной части, постепенно сокращающейся к востоку. Её уравновешивает верхняя плита размерами 1,6×0,8 м (рис. 3). Форма этой плиты прямоугольная, с закруглёнными краями в восточной части. Западная стенка конструкции плоская по вертикали, ориентирована в направлении с севера на юг с небольшим отклонением. В её нижней части видно прямоугольное отверстие. Это – маленькая ниша высотой 30 см, её углублённая часть была заполнена жёлтой супесью с включением кусочков талька и фрагментов

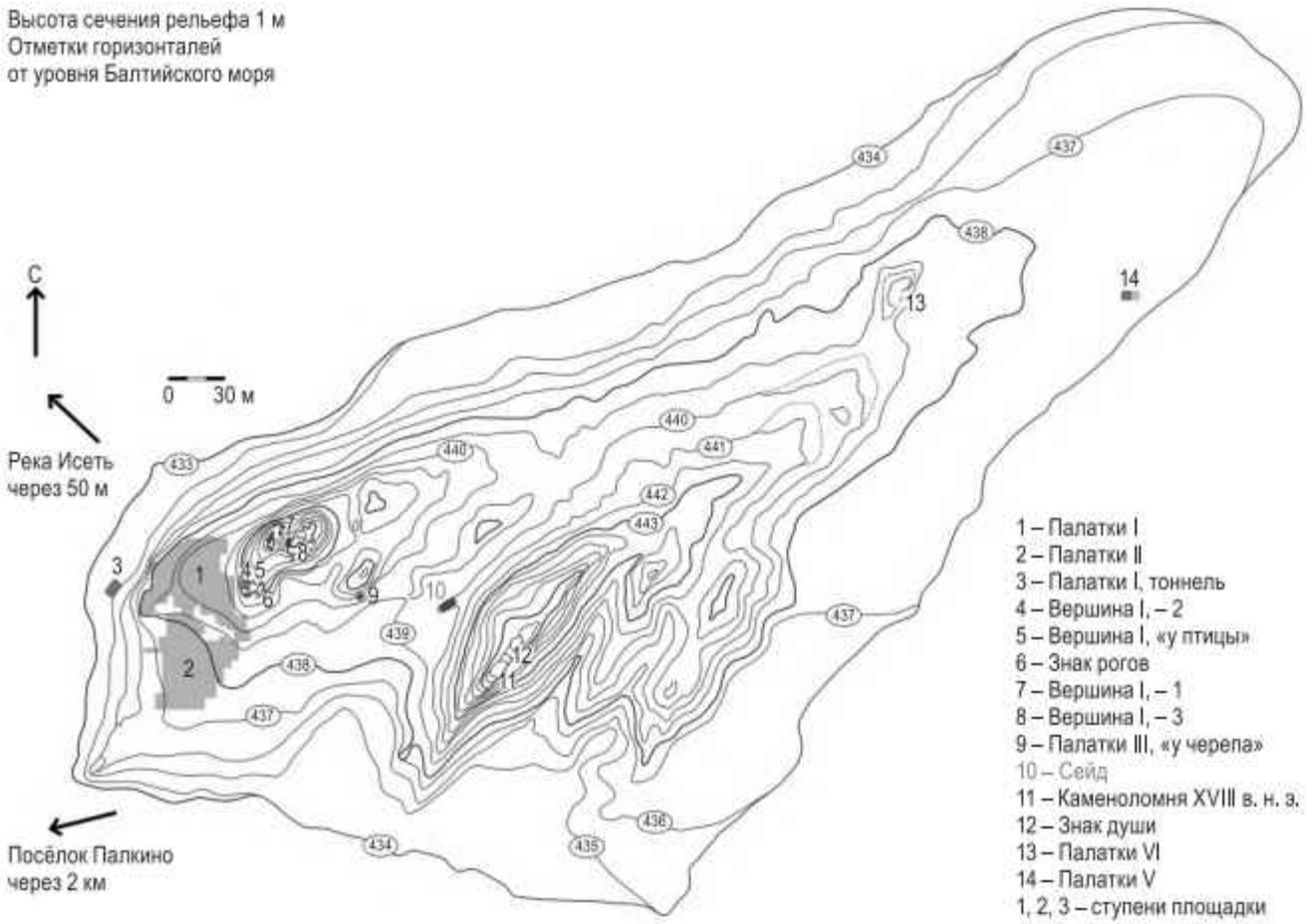

Рис. 1. План острова Каменные палатки с указанием объектов археологического наследия

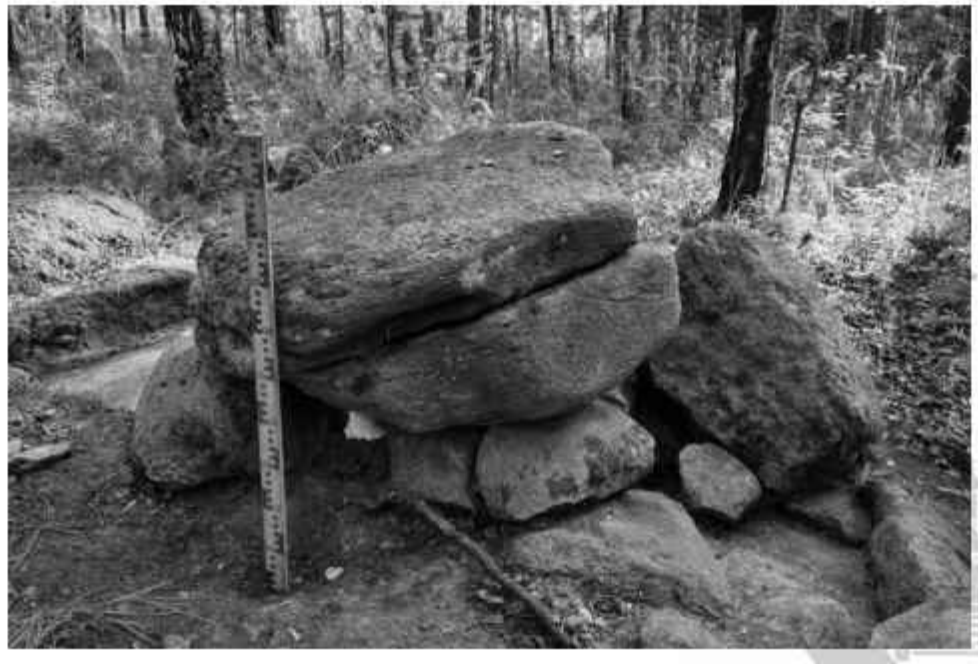

Рис. 2. Сейд. Конструкция для наблюдения. Съёмка с запада

Государственный объединенный музей

неорнаментированной керамики. У западного основания конструкции расположена горизонтально лежащая небольшая плита, удобная для размещения одного человека.

Северо-западнее конструкции на склоне уложена гранитная плита размерами 1,2×1,5 м. Её юго-восточный угол завершается фигурой, напоминающей голову медведя (рис. 4). Плита имеет горизонтальную поверхность, так как под неё подложены камни высотой от 20 см в южной части до 45–50 см в северной.

Западнее оговорённой выше «головы медведя» на материковой плите стоит валун высотой 0,9 м. В определённом ракурсе он тоже похож на голову медведя (рис. 5).

Рис. 3. Сейд. Конструкция для наблюдения. Съёмка с юга

Рис. 4. Сейд. Плита с изображением головы медведя

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Четвёртый мегалитический объект – гранитный валун – в проекции «вид сверху» и «вид с юга» похож на голову лося (рис. 6). Его длина 1,8 м, ширина 0,8 м, высота 1 м. Валун ориентирован по длинной оси с востока на запад и восточной частью примыкает к конструкции. Верхняя поверхность валуна расположена горизонтально благодаря подложенным под него камням. С южной стороны часть её снята на 18 см. В северо-западной стороне видна прорезанная, но не снятая фигура в виде головы лося длиной 0,8 м. Вероятно, здесь же были изготовлены два других изображения голов лося. Одно из них лежало на большой плите с головой медведя, другое – у северного подножия конструкции.

При обнаружении подобных фигур с округлым абрисом всегда вставал вопрос: каким инструментом можно нанести извилистые очертания на пластине гранита толщиной до 18–20 см? Такое орудие, изготовленное из окремнённого туфа, было найдено у западной стенки валуна (рис. 7). Длина орудия 11,5 см, ширина – 6,5 см. Оно очень удобно ложится в руку. Рабочая изношенная часть изделия длиной 5 см имеет полукруглую форму.

Площадка. Площадка размером 30 кв. м расположена южнее мегалитов. С юга она ограничена выходами невысоких скал, с востока и запада – деревьями солидного возраста. Внешняя поверхность площадки была задернована, по центру слабо просматривалось углубление округлой формы. В юго-западном углу площадки заметен след поздней ямы.

Все объекты почитания сопровождались жертвенниками (рис. 8, 9).

У восточного основания конструкции находился жертвенник 1 размерами 2,3×1 м (рис. 8). Дном этого объекта служила материковая плита. В разных местах жертвенника на трёх уровнях зафиксированы следы прокала. Находки представлены каменным инвентарём. По минеральному составу и технологии он делится на три группы. Стратиграфически каменный инвентарь оказался частично смешанным. Различие материала и технологии изготовления изделий свидетельствует об их разной культурно-хронологической принадлежности. Есть основания сопоставить их с разными уровнями следов кострищ.

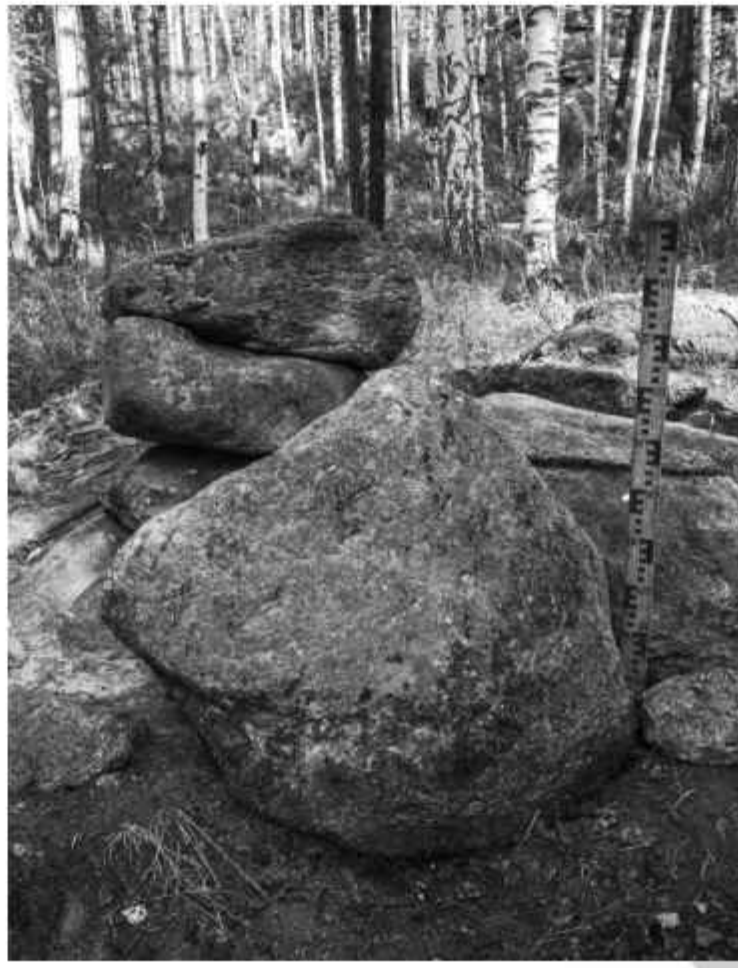

Рис. 5. Сейд. Валун, напоминающий голову медведя

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Рис. 6. Сейд. Валун в виде головы лося с прорезанной, но не снятой фигурой головы лося. Вид сверху

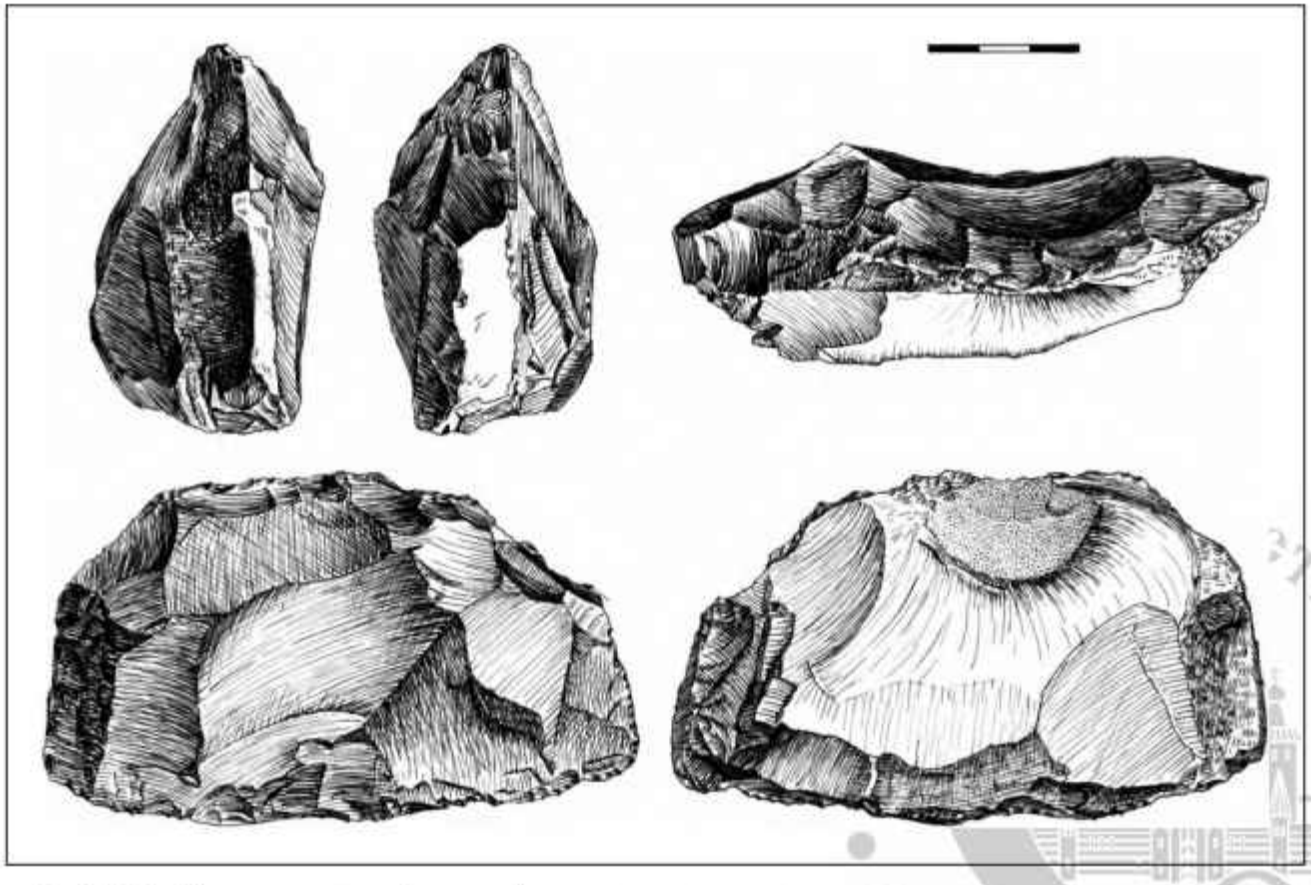

Рис. 7. Сейд. Орудие из окремнённого туфа для изготовления гранитных скульптур с округлыми абрисами

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

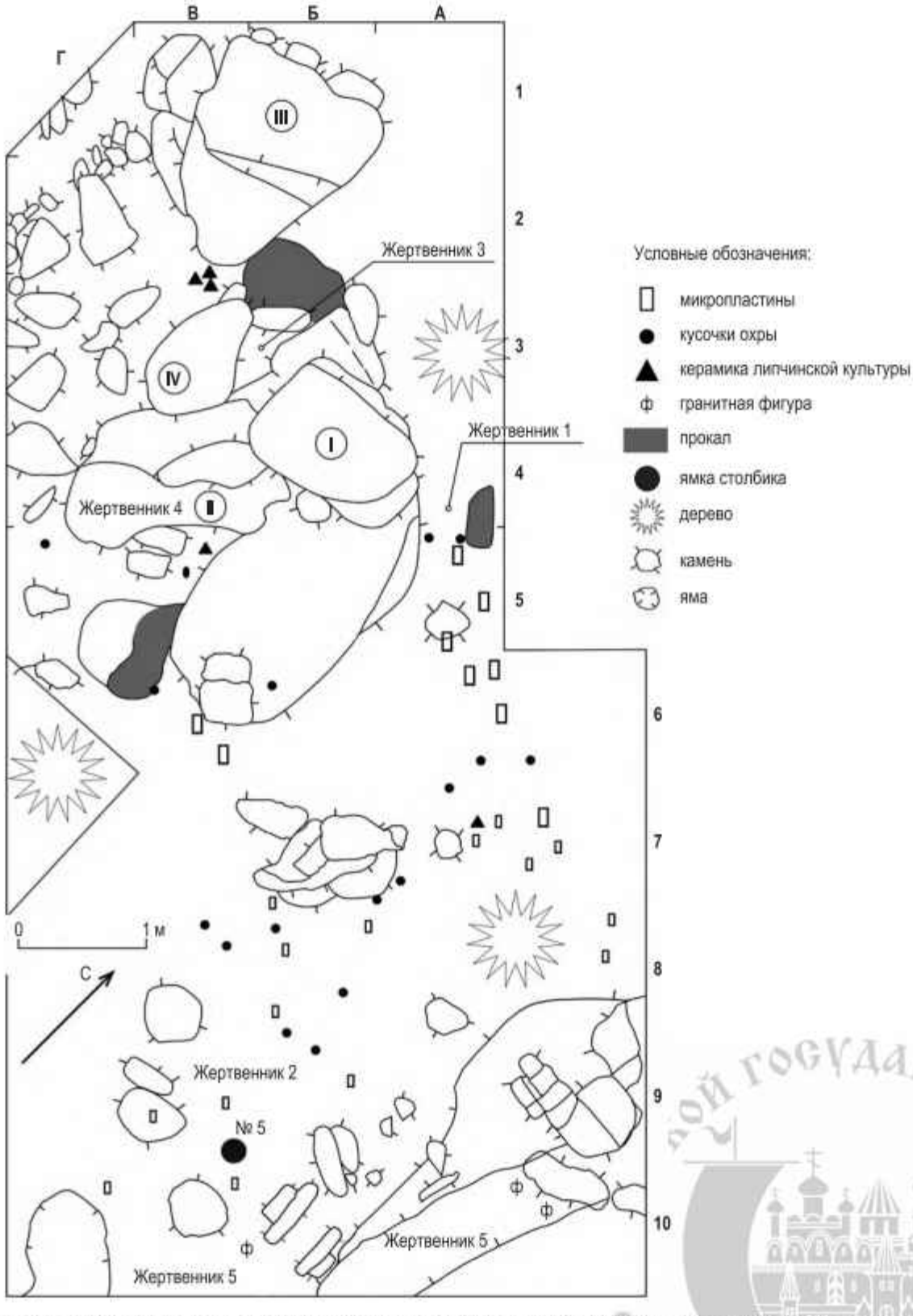

Рис. 8. Сейд. Размещение жертвенников мезолита и энеолита на памятнике: I – конструкция; II – валун в виде головы лося; III – плита, завершающаяся головой медведя; IV – валун, напоминающий голову медведя; № 5 – остаток столбика

1.1. Кто и когда соорудил конструкцию?

На вопросы помогает ответить следующий археологический факт – наличие элементов структурированной системы культового памятника в пределах тёмно-коричневого слоя на уровне -116…-124 см (здесь и далее – от 0 репера). Центральным элементом основного обряда была конструкция. Ключевыми элементами жертвы – дары, следы огня и прослойка белой глины в составе жертвенника 1, скульптура головы медведя на мегалитической плите.

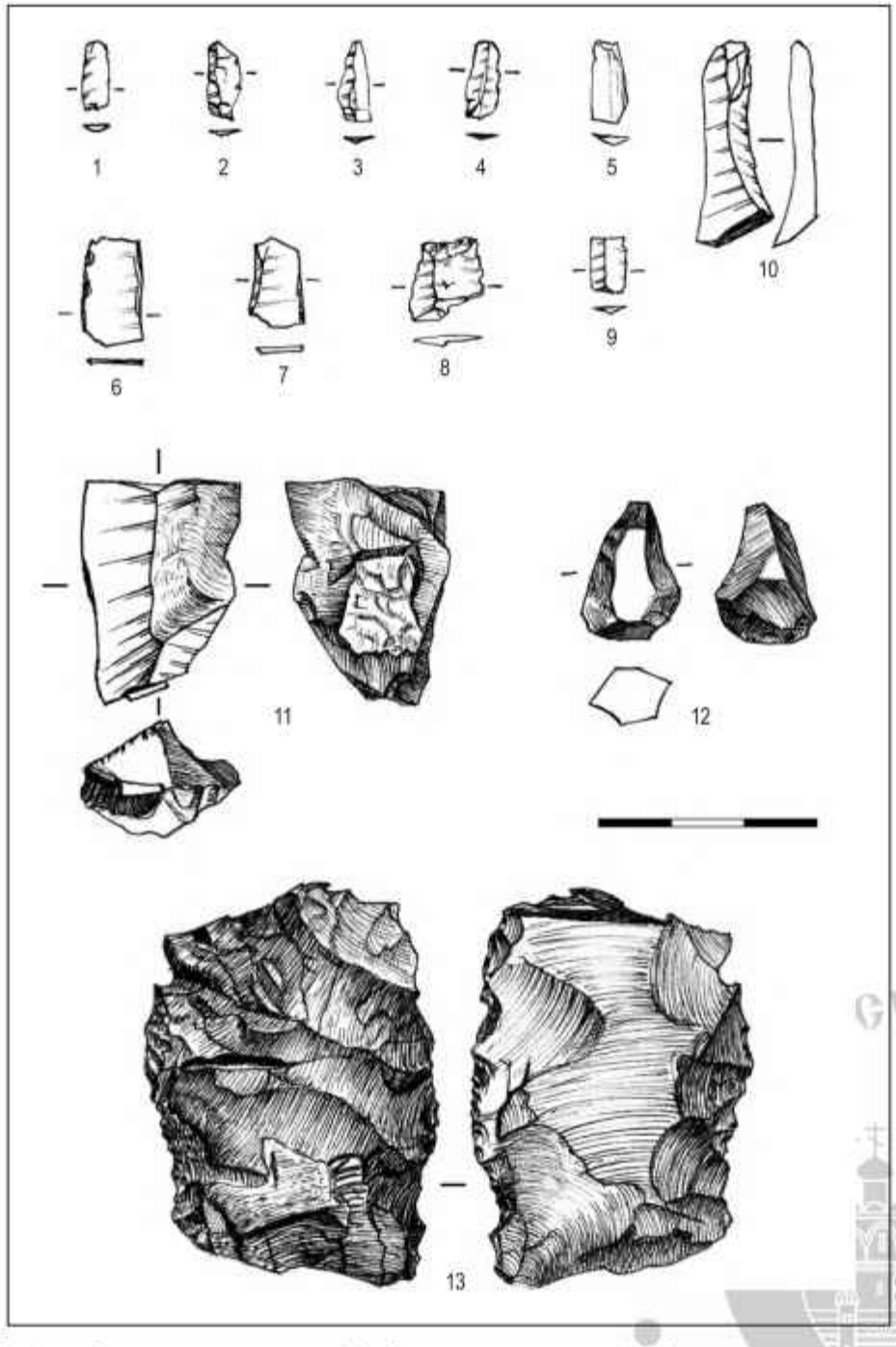

Рис. 9. Сейд. Артефакты с жертвенника 1: 1–9 – микропластины; 10, 13 – изделия из бордовой яшмы; 11 – нуклевидный скол; 12 – нуклеус. 1–9, 11, 12 – мезолит; 10, 13 – энеолит

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В нижних слоях жертвенника была сосредоточена основная масса даров – скопление отщепов розового халцедона с включением разноцветных халцедоновых чешуек. Там же залегали 5 микропластин из 9 найденных в смешанном слое и два нуклеуса (рис. 9: 1–9, 11–12). В 40 см к востоку от конструкции расчищена прослойка прокала овальной формы размерами 0,6×0,45 см, мощностью 4 см. Южнее каменного инвентаря залегала линза белой глины размерами 1,0×0,8 м. В её западной стороне расположен плоский камень, удобный для размещения одного человека.

Вторая дополнительная система находилась на площадке южнее конструкции. На уровне -122…-124 см в материковой глине и жёлтой супеси обозначились очертания почти прямоугольной древней площадки размерами 3,2×2,5 м. Центральным элементом системы на этом уровне был столб (ямка № 6). На глубине -120 см след ямки имел округлую форму диаметром 22 см. На уровне пола (-124 см) её размеры сократились до узкой полоски 20×10 см. Обвод из мелких сфероидов и шариков охры обозначил округлые очертания ямки, углублённой в грунт на 20 см. Предметы на полу площадки распределялись по периферии так, что центральная и восточная стороны оставались почти свободными. В северо-западной части площадки среди небольшого числа микропластин находились частицы охры, окаменевшей смолы и отходы производства. В их числе обнаружены более десятка отщеплённых от пластин при изготовлении резцов довольно редко встречающихся узких (3 мм) пластинок длиной 1,0–0,8 см.

В юго-восточном углу площадки находился проход шириной 1 м, ведущий к нише прямоугольной формы размерами 1×1 м. Стенками ниши служили две вертикально поставленные плиты высотой 0,5–0,55 м. На дне ниши на уровне -135 см размещался ключевой элемент системы – гранитная фигура головы медведя. Толщина камня составляет 20 см, так что его лицевая сторона проступала на уровне -115 см. Поверхность фигуры обработана, вероятно, пикетажем, нос отшлифован. У входа в нишу находился жертвенник 2. Вторым ключевым элементом структуры были дары медведю – скопления микропластин.

С уровнем -118…-120 см соотносятся самые обильные находки микропластин (50 экз.) и три скопления чешуек. Среди изделий преобладают сечения, есть пластины с угловым резцовым сколом (рис. 10). В отличие от инвентаря нижнего уровня пластины почти сплошь закрывали центральную часть площадки. По центру и периферии лежали 6 кусочков охры.

На уровне -116…-117 см наблюдалась другая картина (рис. 11). Даже слой мощностью 1,5 см снимался с трудом – он по твёрдости напоминал асфальт. На этом уровне очертания второй древней площадки сократились до 2,7×1,6 м и приобрели овальную форму. Рядом с фигурой в виде головы медведя проявились очертания ямки № 5 размерами 15×20 см, углублённой в грунт на 30 см. По обе стороны от овальной площадки выбраны ещё две ямки диаметром 15 см, глубиной 10–12 см. Микропластины (13 экз.) и немногочисленные отщепы распределялись по периферии площадки.

Анализ размещения микролитического инвентаря (табл.) позволяет установить, что в нижнем тёмно-коричневом суглинке и нижних слоях жертвенника 1 залегали *только* микролитический инвентарь (107 экз.) и охра. Остальные микропластины, обнаруженные в смешанных верхних слоях, очевидно, были результатом неоднократного разрушения нижнего слоя при расчистке площадок в последующие периоды.

Таким образом, были получены ответы на первый и второй вопросы. Конструкция сооружена мезолитическим населением, жившим на территории острова в течение почти тысячелетия, по калиброванным датам – 9280±220 л. (ЛУ-8747) – 8390±170 л. (ЛУ-8745) ВС.

1.2. От археологических фактов к реконструкции древних событий

Реконструкцию начнём с представления о природных условиях. Палинологические исследования торфяников у побережья острова (к. б. н. Н.К. Панова) позволили установить, что в раннем голоцене остров был покрыт травой и кустарником с редкими деревьями. Введём также фигуру основного создателя древней обсерватории. Это – Мудрый человек, обладавший астрономическими знаниями, хорошо знакомый с традиционными обрядами и мифическими представлениями своего народа. Он был также и хорошим мастером по изготовлению каменных орудий.

Мудрый человек, вероятно, обошёл весь остров, пока выбрал невысокий мыс, откуда при восходе солнца хорошо просматривались на горизонте вершины гор противоположного берега озера (Романовского палеоозера), а также вершины Восточной 20-метровой гряды острова. Древний астроном предположил, что при наблюдении за восходом солнца в дни весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния некоторые вершины могут послужить природными визирами. К этому времени, вероятно, уже были накоплены знания о возможности установить по тени от столба расположение стран света, а также способы определения знаковых точек восхода солнца.

На площадке мыса под началом Мудрого человека сородичи расчистили сакральную площадку прямоугольной формы и с горизонтальной поверхностью. По её центру установили столб-гномон, а у его основания для «оживления» Мудрый человек поместил кусочки охры. В солнечный день, в соответствии с направлением теней, он определил страны света. Очевидно, чтобы в этих действиях помогал первопредок-тотем, в нишу поместили гранитное изображение головы медведя. К подножию фигуры принесли дары – микропластинки.

Самым сложным делом было строительство конструкции. Валуны и плиты надо было принести и уложить в несколько ярусов так, чтобы, во-первых, западная стенка была вертикальной. Во-вторых, в соответствии с показаниями гномона ориентирована с юга на север. Верхняя плита должна лежать горизонтально, с ориентировкой по центру на восток. В-третьих, в точке, предназначенной для наблюдателя, должны сходиться не только направления стран света, но и азимут на восход солнца в день зимнего солнцестояния.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Гномон в этом случае выполнял роль рукотворного визира, уточняя направление на одну из вершин Восточной гряды острова (рис. 11).

Вероятно, в свободное от основной работы время Мудрый человек занимался изготовлением орудий. Очевидно, это были ритуальные наконечники стрел. При помощи резца по краю костяного основания он изготовлял желобок, в который при помощи смолы крепились сечения. Очевидно, костяную поверхность орудий, как и на ритуальных стрелах Камня Дыроватого [4, с. 80], покрывал охрой с включением органики. От её использования сохранились кусочки в форме вертикального треугольника для пальцев, переходящего в горизонтальную плоскость от втирания в твёрдую поверхность. Очевидно, охра, «оживляя» стрелы, должна была увеличить силу и дальность их полёта.

Традиционно работе сородичей должен помогать тотем рода. Рядом с конструкцией на склоне установили большую плиту, и древний скульптор в её южном углу изготовил голову тотема-медведя, обращённую к конструкции. Юго-восточнее конструкции сородичи соорудили площадку из белой глины с плоским камнем для лица, ведущего обряд.

После всех подготовительных работ древний астроном в течение года (а может быть, и больше) уточнял точки восхода солнца в дни равноденствия и солнцестояния. Наконец, к проведению обряда всё было готово.

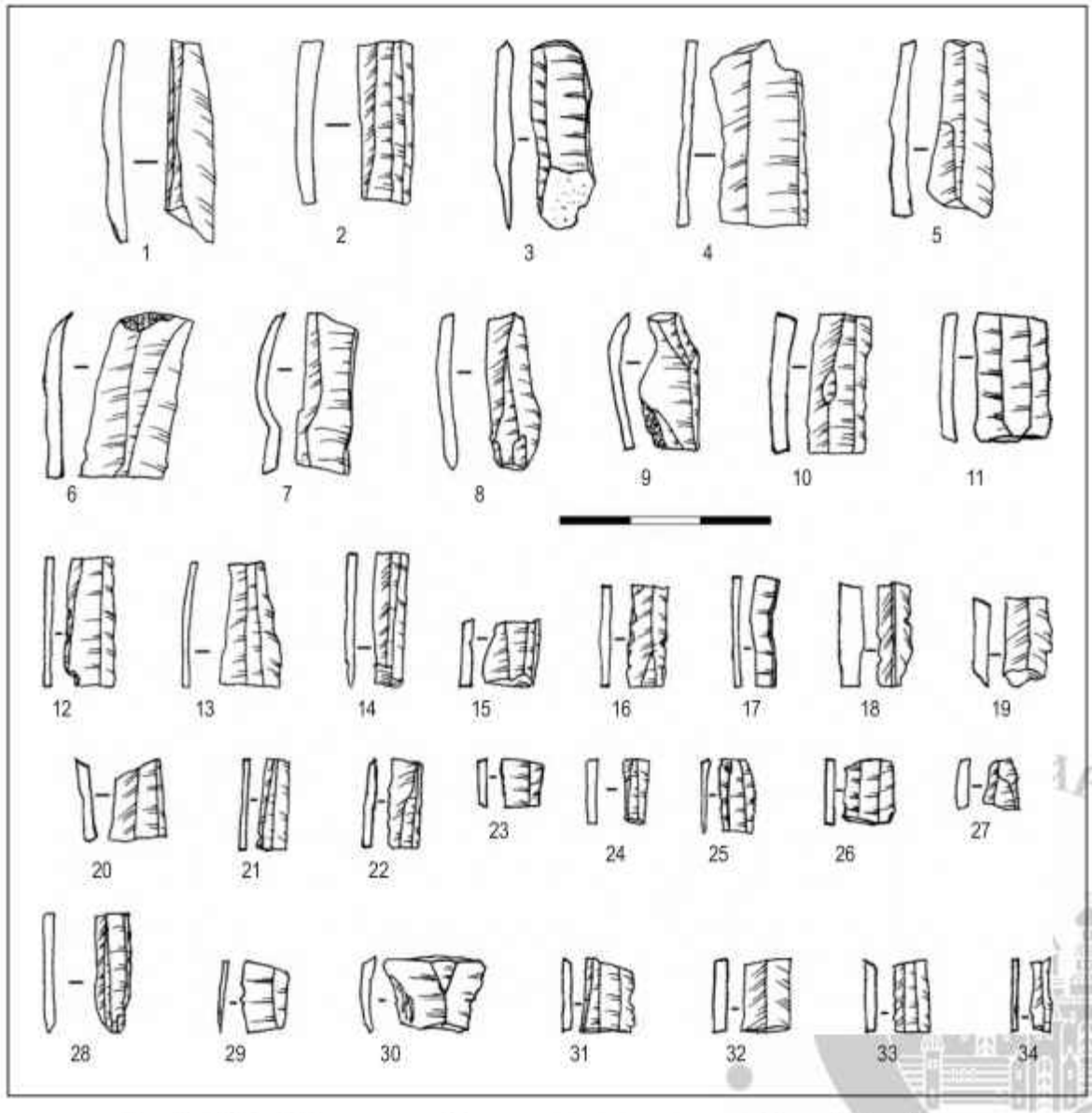

Рис. 10. Сейд. Мезолитический инвентарь с площадки на уровне -118…-120 см

Объединенный музей

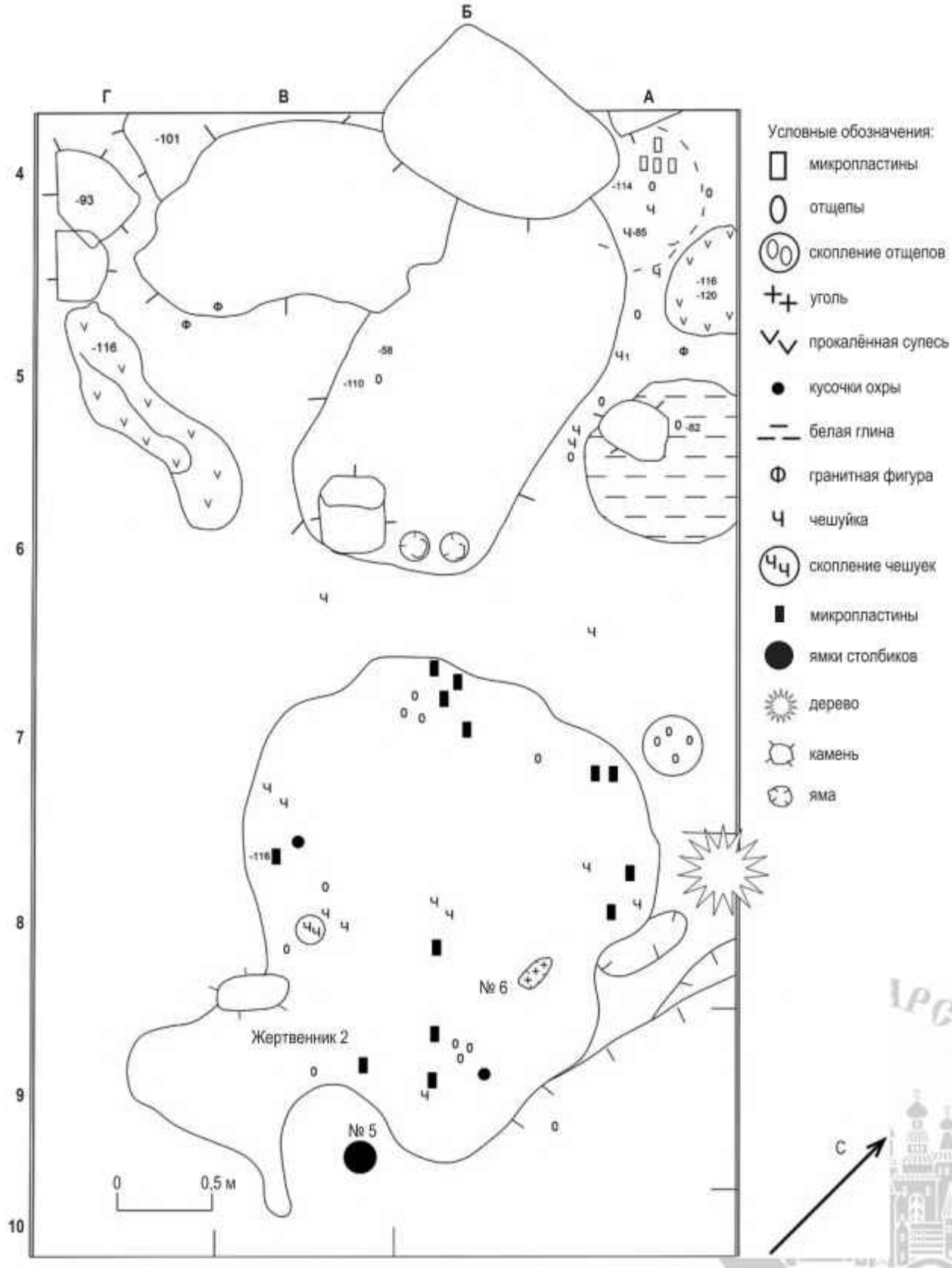

Рис. 11. Сейд. План раскопа на площадке на уровне проведения обряда в мезолите

Таблица. *Распределение микропластин и кусков охры в пределах площадки*

	а				А				Б				В				Г	
Участки / Глубина в см от репера	6	7	8	9	6	7	8	9	6	7	8	9	6	7	8	9	6	9
84 90			2	4			1	2 o				O o			1		o	
92 96			3	1	2	1						1 o		oo	O			1
98 100						2						1 oo						
102 104		1			1 o	o								1 o				
106 110	1		1								1 o	2		1	1	1		
112 114					1	3				4	1	1	1	1	4	1		
116 117						2	2			4	1	2 o			1 o	1		
118 120						o	1			5	25 o	5 o			5	1 o		
122 124						1	3			5	oo oo	7		5	6 o			

Кусочки охры: o – 1; oo – 2; O – много. Цифры – количество микропластин.

Ранним утром, ещё до восхода солнца, в один из знаковых дней (весеннего равноденствия или летнего солнцестояния) Мудрый человек, стоя на плоском камне среди линзы белой глины, начал руководить обрядом. Южнее конструкции разместились участники обряда, вероятно, наиболее значимые сородичи.

На жертвеннике 1 были принесены дары солнцу – отщепы розового халцедона, микропластины и чешуйки разноцветного халцедона. Восточнее даров совершён огненный ритуал. Вероятно, в это же время на площадке южнее конструкции устроили ритуальные танцы. Видимо, в мезолите обряд совершался неоднократно, так как слой церемониальной площадки прибрёл твёрдость гранита.

1.3. От археологии к археоастрономии

Раскопки подтвердили гипотезу астронома А.В. Степанова об астрономическом характере памятника Сейд. Для дальнейших выводов важно отметить два обстоятельства. Во-первых, архитектором А.В. Колмаковым были точно вычислены современные координаты конструкции. Во-вторых, был использован археоастрономический метод [5, с. 22–23], опираясь на который, удалось определить примерные древние координаты конструкции. Азимуты стран света 8000-х гг. до н. э. (для 10000 лет данных нет) и современные не совпадают на 3,2–3,5 градуса. И снова, следуя данным археоастрономического метода [5, рис. 2], можно предположить при наблюдении за восходом солнца у конструкции в мезолите следующую *примерную* схему азимутов восхода солнца в дни весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния (рис. 12).

2. Традиция продолжается

Только спустя четыре тысячелетия население энеолита стало проводить у конструкции обряды, посвящённые восходу солнца в знаковые дни. Артефакты и объекты носителей трёх археологических культур на площадке южнее конструкции распределялись в светло-коричневом слое супеси.

2.1. Открытие памятника

К сожалению, самая ранняя керамика – липчинской субкультуры – найдена в смешанных слоях памятника. И всё же её присутствие (рис. 13: 1–4) позволяет предположить, что население именно этой субкультуры обнаружило конструкцию и начало проводить обряды, посвящённые восходу солнца.

Центральным элементом новой системы оставалась конструкция, а ключевыми элементами на уровне -110…-112 см – дары, следы огня на жертвеннике 1 и голова медведя на площадке южнее конструкции. Огненный ритуал, вероятно, совершали дважды. Прокал овальной формы размерами 30×40 см, мощностью 3 см, ориентированный с запада на восток, размещался у подножия восточной стенки конструкции. Затем его перекрыла прокалённая прослойка размерами 1,0×0,3 м, мощностью 2 см, ориентированная с севера на юг. На этом же уровне найдены основные, хотя и немногочисленные, артефакты из бордовой яшмы, в том чис-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ле пластины и фрагменты изделия, обработанного плоской ретушью с двух сторон (рис. 9: 10, 13). На площадке рядом со столбом (ямка № 2) лежала скульптура головы медведя размером 0,8 м. У неё – округлое ухо и тупой нос, округлый затылок.

2.2. Спустя некоторое врем

Жертвенник 3 сооружён населением шувакишской культуры. Он расположен на уровне -159 см у северного основания конструкции, между головами двух медведей – на плите и валуне. С западной стороны жертвенник ограничен камнями. Объектом почитания осталась конструкция. Ключевыми элементами структуры были дары и, вероятно, валун в виде головы медведя.

От даров сохранились крупные фрагменты сосуда шувакишского типа (рис. 13: 10, 11). Прокалённая супесь с восточной стороны жертвенника могла быть следами как древнего обряда, так и современного костра.

Обряды носителей двух оговорённых выше культур энеолита были кратковременными, очевидно, из-за того, что горизонт на востоке перекрывали лиственные деревья.

2.3. Обряды носителей аятской культуры

Важно отметить, что на уровне -102…-104 см по всей площадке южнее конструкции отмечены мелкие угольки – следы лесного пожара. С этим же уровнем связаны объекты населения аятской культуры. Структура системы в основном сохранилась до наших дней. Главный элемент – объект почитания – конструкция. Ключевыми элементами на жертвеннике 1 были дары в виде скопления отщепов окремнённого туфа, двух кусочков охры и гранитной фигуры головы лося (рис. 14: 5) – тотема населения аятской культуры. Очевидно, обряд производился неоднократно, две гранитные скульптуры более крупных (0,8 м) голов лося лежали у северного основания конструкции. На том же месте, где горел огонь в мезолите, только значительно выше, был проведён огненный ритуал.

Для другого обряда предназначалась иная система. Центром структуры обряда в составе жертвенника 4 был специально принесённый валун – мегалит с подработанными верхней и боковой плоскостями в виде головы лося. На небольшой площадке у южного основания валуна сохранились следы ключевых элементов обряда: пятно прокала, заключённое в овал из небольших камней, и дары – кусочки охры, скопление гранитных фигур в виде голов зверей (рис. 14: 1, 6, 7). У западного основания валуна стоял столб (ямка № 1). Обнаружение фрагментов керамики аятского типа (рис. 13: 7, 8, 9) на сакральной площадке позволило установить, что обряд проводило население этой культуры. Вероятно, сооружение жертвенника было долговременным – в профиле бровки видно неоднократное возведение костров, общая толщина прокала – 35 см. Население аятской культуры проводило на площадке ряд других работ. У западного края площадки лежала шлифовальная плита со следами работы. На внешней поверхности двух валунов, расположенных по центру и в юго-восточной части площадки, сохранились следы прорезей и неснятые небольшие (20×15 см) прямоугольные плитки. Вероятно, там делались заготовки гранитных фигурок животных.

Остаётся загадкой, чему были посвящены дары жертвенника 5, обнаруженные на юго-восточной границе площадки. Они включали четыре скопления гранитных фигур зверей (рис. 14: 2, 3, 4) и кусочки охры. Возможно, в состав жертвенника входил каменный ящик размерами 72×45 см, заполненный жёлтой супесью. От него сохранились две вертикально стоящие параллельные стенки высотой 15–23 см. Северную стенку составляли перпендикулярно помещённые камни. Рядом с этим объектом находилась плита с выбитой по центру овальной выемкой, на глубину 4 см заполненной мелкими угольками.

3. Традиции изменяются

Светло-коричневый слой с включением золы связан с пребыванием на памятнике населения эпохи бронзы. В начале II тыс. до н. э. обряды на памятнике начали проводить носители коптяковской культуры. Основным элементом обряда оставалась конструкция. Территория жертвенника 6 размером 6 кв. м примыкала к основной площадке с юга (рис. 15). Выделяются два ключевых элемента. По центру жертвенника на уровне -90…-94 см сохранились следы прокала. Вокруг кострища вытянутой линзой длиной 2,2 м размещались дары, от которых сохранились кости лося и лошади (определение к. б. н. П.А. Косинцева). В северо-западной и юго-восточной частях жертвенной площадки на уровне -94…-98 см расчищены фрагменты сосудов коптяковской культуры (рис. 13: 5, 6) и боровского типа (рис. 13: 12). На фоне пестроцвета чётко проступила дорожка длиной 2,7 м, ведущая от жертвенника на центральную площадку к плотно утоптанному слою на уровне -96…-98 см. С юго-востока этот жёсткий слой ограничен скоплением камней и канавкой шириной 20–30 см, на 8 см заполненной серой супесью. Канавка дугой заворачивалась к северу. Далее граница жёсткого слоя определена по переходу к мягкой супеси. Площадь объекта составила 5,5 кв. м. В твёрдом слое сохранились только очень мелкие фрагменты керамики. Следующим объектом была ямка от столба № 3, расположенная южнее конструкции. Другая ямка, овальной формы, обнаружена юго-восточнее конструкции. На глубину 12 см она была заполнена серой супесью. На её плоском дне лежали два расплавленных бесформенных предмета из бронзы.

Сравнивая системы обрядов с центральным элементом – конструкцией на разных уровнях жертвенников 1, 3, 6, – приходим к выводу о традиции наблюдения за восходом солнца в знаковые дни, которая началась в мезолите и продолжилась в энеолите и в эпоху бронзы.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

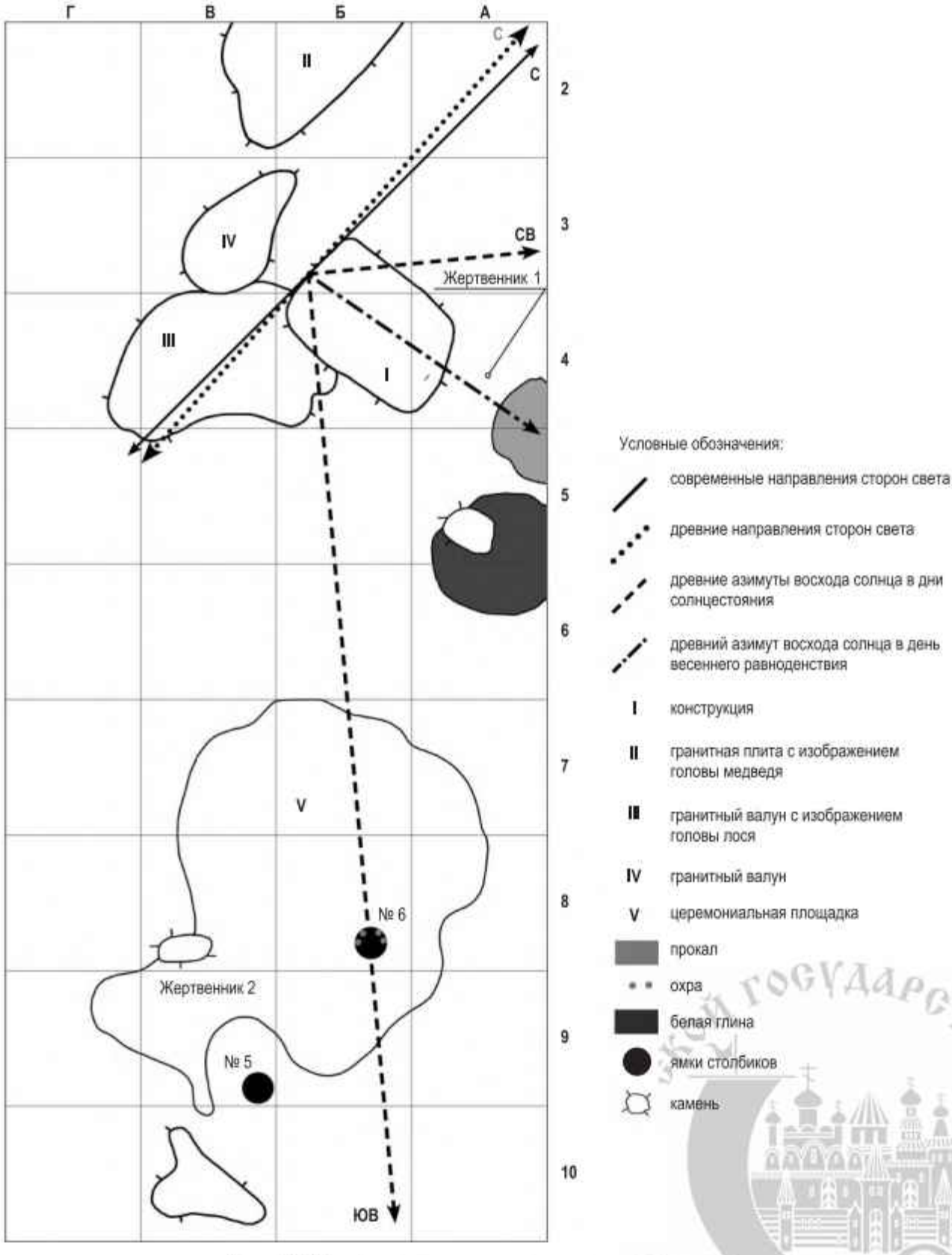

Рис. 12. Сейд. Схема азимутов в знаковые дни в мезолите

Музей государственный объединенный музей

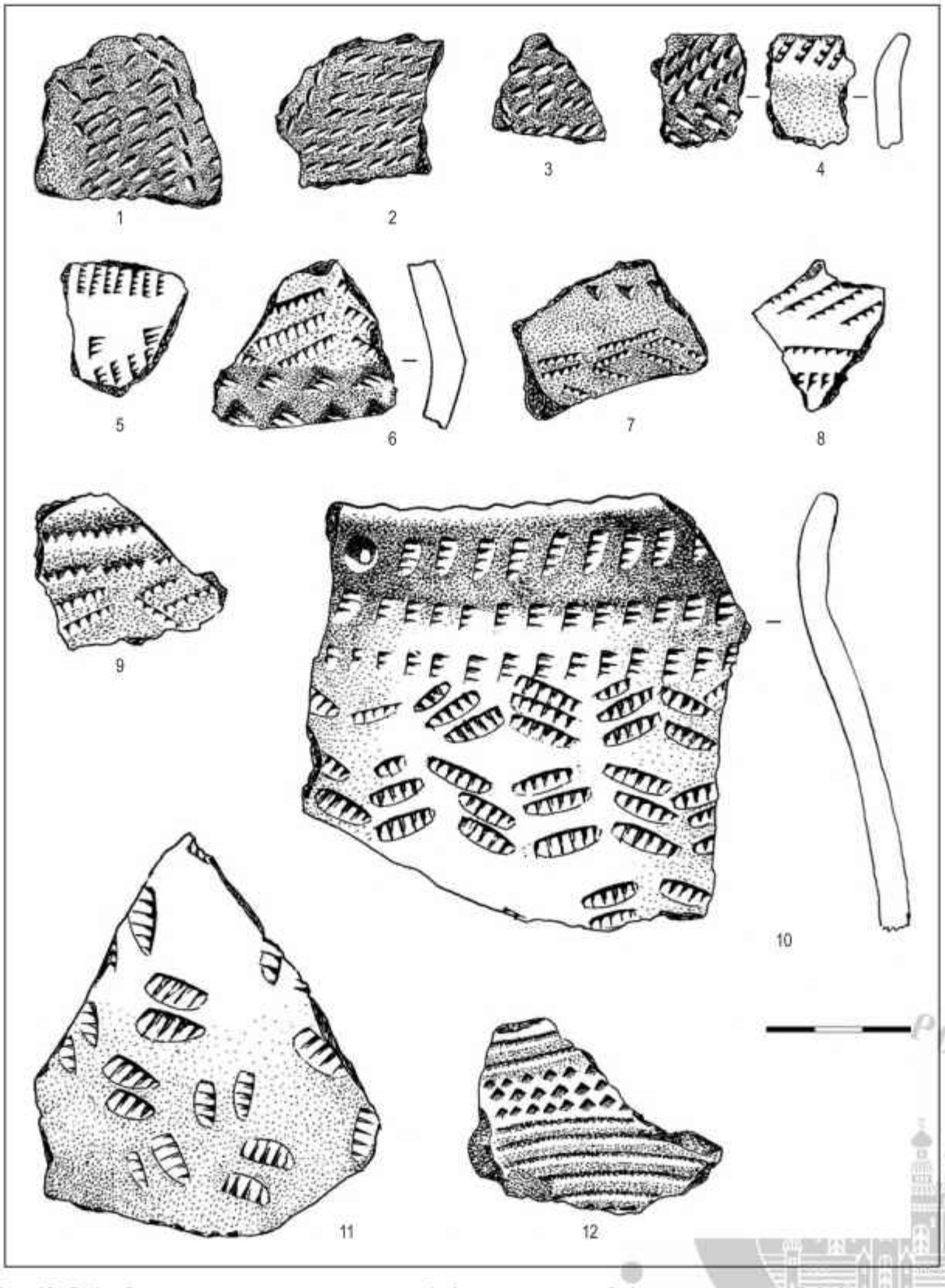

Рис. 13. Сейд. Фрагменты сосудов с памятника: 1–4 – липчинского; 5, 6 – коптяковского; 7, 8, 9 – аятского; 10, 11 – шувакишского; 12 – боровского типов

ственный объединенный музей

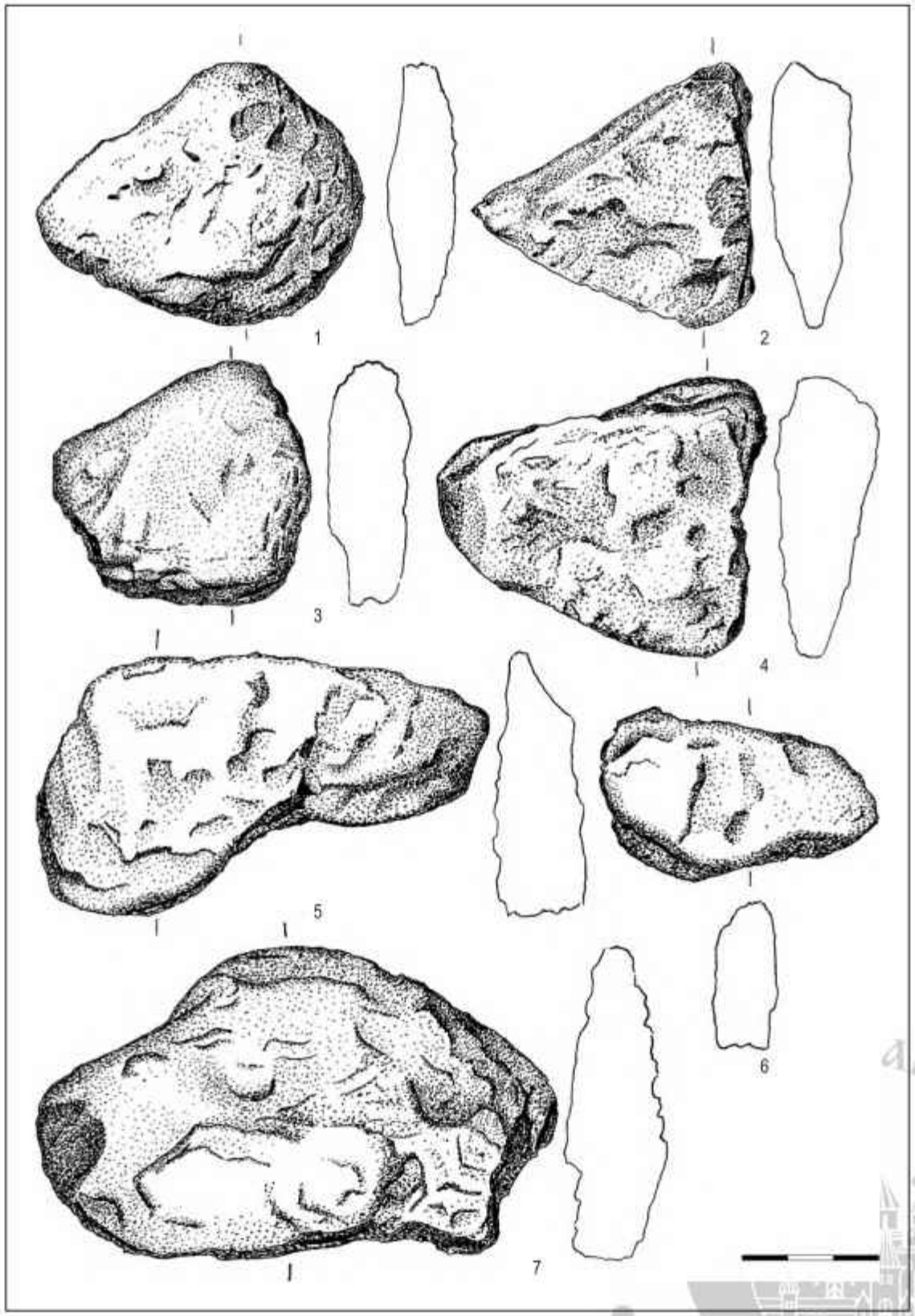

Рис. 14. Сейд. Гранитные изображения в виде голов зверей с памятника: 1, 6, 7 – жертвенник 4; 2–4 – жертвенник 5; 5 – жертвенник 1

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ АРКТИЧЕСКИЙ

4. От археоастрономии к миропониманию

Необходимость в астрономических знаниях диктовалась жизненными потребностями населения древних эпох.

4.1. Зачем нужны столь точные знания?

Ещё до мезолита возникли представления о том, что время смены солнечных циклов было связано с определёнными точками восхода солнца. Его появление на горизонте в день весеннего равноденствия означало приход весны, начало года, когда после долгой и иногда голодной зимы оживлялась хозяйственная деятельность. Восход солнца в день летнего солнцестояния соответствовал пику хозяйственных работ. Появление солнца в день осеннего равноденствия означало начало второй половины года и осенней охоты на копытных. Восход светила в день зимнего солнцестояния предвещал самую длинную ночь, когда решался очень важный для коллективов вопрос – будет ли светило всходить ещё или зимняя темнота не кончится никогда. Совокуп-

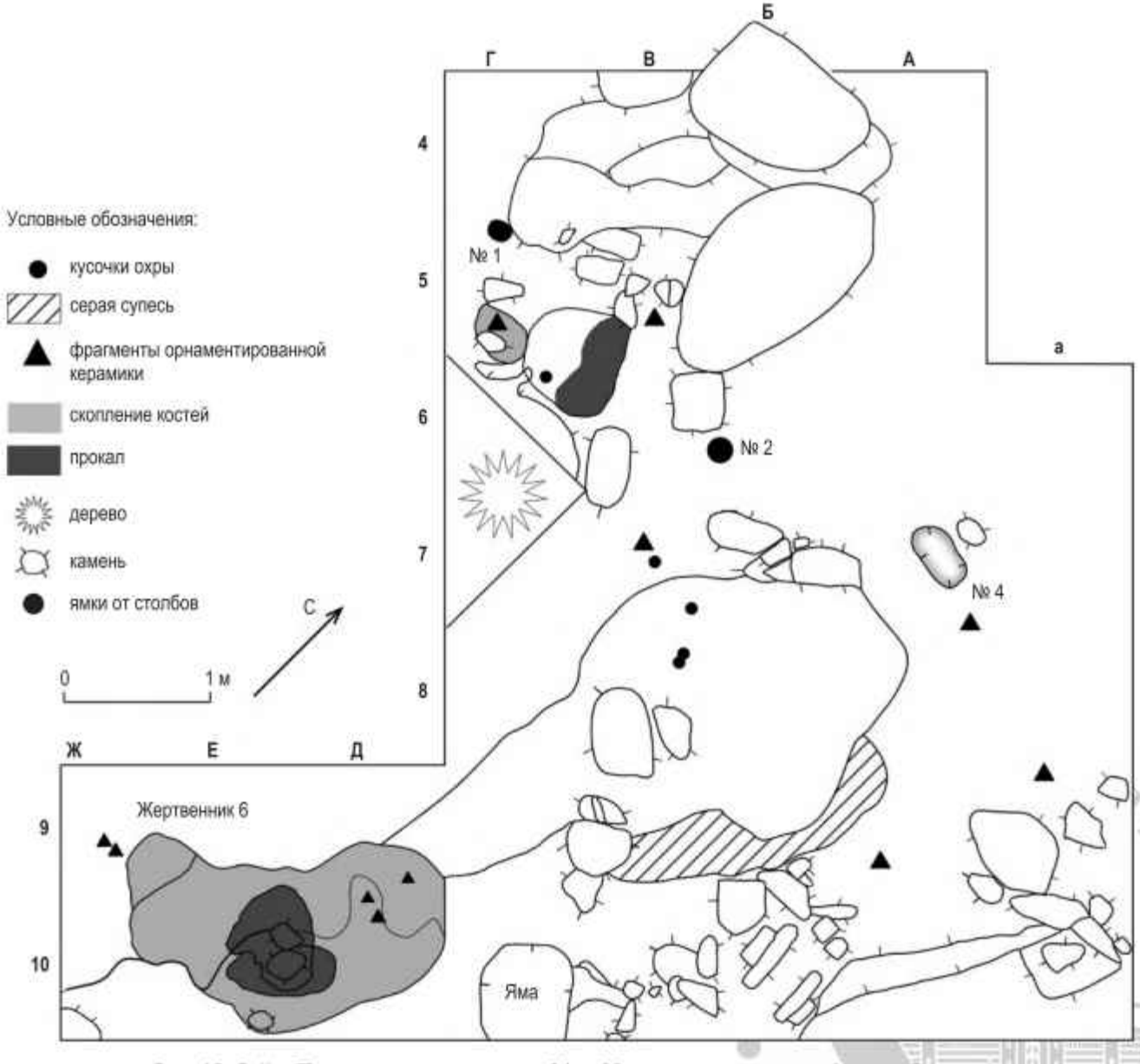

Рис. 15. Сейд. План раскопа на уровне -94…-98 см с жертвенником 6 эпохи бронзы.
№ 1 и № 2 – остатки столбиков; № 4 – яма с предметами из бронзы

ность астрономических знаний легла в основу солнечного календаря. С древности и до исторической этнографии обских угров год в соответствии с днём равноденствия начинался весной и делился на два периода.

4.2. Реконструкция древней логики

Эмпирических знаний было недостаточно для объяснения природы пространственно-временно́й цикличности солнечного движения. Для человека родового общества, не выделявшего себя из природы, объяснением послужили мифические представления. Древнейшим средством их создания было сопоставление, сравнение, аналогия. Из сопоставления цикличности круговорота жизни солнца и природы с жизнью человека: рождение, пик жизнедеятельности – старение – смерть – вытекали два вероятных и очень важных для древних людей вывода. Солнце уходит на запад–север и продолжает там жить определённое время. Значит, там находится иной мир, где будет продолжать жить и умерший сородич. Поэтому в его могилу помещали всё, что надо было для продолжения жизни. Солнце обязательно возвращается из иного мира, снова рождается, возрождается и природа. Значит, и умерший сородич тоже должен возродиться. Так возник миф о бессмертии человека.

Для рождения, возрождения солнца, природы и человека приносили дары. Обряды, очевидно, приурочивались к знаковому восходу солнца. Так, обряды на мезолитических святилищах 1 и 2 памятника Вершина I, – 3 (рис. 1: 8), вероятно, проводились в день летнего солнцестояния в обряде, посвящённом водоплавающей птице, поднявшей землю со дна мирового водоёма, фигура деревянной сгоревшей птицы была ориентирована на северо-восток. В таком же направлении были по одной линии расположены дары духу горы – гранитная голова оленёнка, гранитная имитация наконечника стрелы длиной 0,9 м и столб, на 50 см вкопанный в супесь с включением охры. Возможно, с иным временем года были связаны погребально-поминальные ритуалы. Их ориентировка соответствовала местонахождению иного мира. Могильные ямы с мезолитическими погребениями на памятнике Вершина I, – 3 ориентированы с юга на север. На север или запад были обращены входы в энеолитические дольмены и низовые тоннели [6, фото 6, 32, 33].

Заключение

Памятник Сейд – пока единственная самая ранняя (мезолит) на Урале обсерватория, на которой есть все признаки таковой: специально сооружённое место – конструкция для наблюдений за небосводом, след столба – гномона и визира. Через четыре тысячелетия астрономические наблюдения на ней продолжило население энеолита и эпохи бронзы.

Наличие обсерватории свидетельствует об астрономических знаниях мезолитического населения. Постройка конструкции с ориентировкой по сторонам света – результат точных математических расчётов. Астрономические знания, солнечный календарь были важны для определения временны́х позиций жизнедеятельности древнего населения. Недостаток эмпирических знаний дополнялся мифологическими представлениями, определявшими время и пространство проведения основных обрядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потемкина Т.М.* Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 166–256.
2. *Дрябина Л.А.* Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны-2 // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2003. № 3. С. 75–84.
3. *Зданович Д.Г., Кириллов А.К.* Курганные памятники Южного Зауралья: археоастрономические аспекты исследования. Челябинск: Крокус, 2002. 94 с.
4. *Сериков Ю.Б.* Древние святилища Тагильского края. Нижний Тагил, 2017. 463 с.
5. *Потемкина Т.М., Юревич В.А.* Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М.: РАН, Ин-т археологии, АО Черментинформация, 1998. 50 с.
6. *Викторова В.Д.* Вещь и знак в археологии. Екатеринбург: Квадрат, 2017. 272 с.

Институт истории и археологии
ФГБУН «Уральское отделение РАН»,
Екатеринбург

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

V.D. Viktorova

ARCHAEOASTRONOMICAL RELICS ON THE ISLAND OF KAMENNYE PALATKI

Summary

Archaeoastronomical site of Seita is located on Kamennye Palatki Island (Zheleznodorozhniy city district of Ekaterinburg). The monument is located in the central part of the island on the 2 meter high promontory of the northwest spurs belonging to the Eastern ridge. As a result of the research we state that it was an archaeoastronomical object that included all the elements of the ancient observatory. The pillar-gnomon was installed on the site to determine the ancient azimuths. The main element is a structure of granite boulders and slabs laid in four tiers to a height of 1.2 m. It was the place for constant observation of the sunrise from its point on the day of the summer solstice on the ark to the vernal equinox and up to the point of sunrise on the day of the winter solstice. Natural viziers, mountain tops, were used to determine the constant azimuths. And a pillar was installed to clarify the direction to the point of sunrise on the day of the winter solstice. Analysis of the objects and artefacts from the lower layer of the monument, such as the traces of grey core and microlithic inventory from the Altar 1 and the site, allowed us to establish that the construction of the structure and the initial rites dedicated to the sunrise were carried out by the population of the Mesolithic era. The second layer contained objects and artefacts of the Eneolithic era – traces of grey core at Altars 1–4, stone tools and ceramics of the population which mastered the Observatory 4 millennia later. The objects and artefacts of the third, upper, layer are associated with the rites of the Bronze Age population, whose sacrifices left the bones of elk and horse in the calcined sandy loam.

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS,
16, Sofya Kovalevskaya St., Yekaterinburg. 620990, Russia
E-mail: iia-history@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В.В. Сидоров

ОРУЖИЕ КАК ЗНАК В СОЦИОГЕНЕЗЕ

Переход преимущественно растительноядных приматов к образу жизни «агрессивных падальщиков» с мясным питанием, отнимаемым у хищников-кошачьих и конкурентов-гиен, был адаптацией без морфологической трансформации. Суть её состояла в накоплении общего опыта, то есть культуры, условием же этого процесса было превращение стаи в социум. В результате накопления общего опыта гоминиды осваивали ландшафты, далёкие от субтропической прародины.

Галечная индустрия – приострённый камень и согласованные действия – давали преимущество перед гиенами в скорости разделки добычи, но не в естественном вооружении хищников. Требовалось оружие, способное концентрировать энергию удара, – навершие, закреплённое на рукояти. И оно было постоянным спутником каждого мужчины. Закрепление боевого элемента может делаться оплёткой, в расщепе. Креплению в расщеп и с оплёткой соответствует ручное, а точнее рукояточное рубило. Ударное оружие может быть классифицировано по виду крепления, материалу, положению поражающего элемента. В качестве охотничьего оружия навершие малоэффективно. Оно может применяться в ближнем бою, наиболее эмоциональном – с раненым зверем. Характерен изгиб навершия, указывающий на короткую рукоять.

Простейшее ударное оружие – булава. Нередко её принимают за грузило. Она не имеет выделенного клюва, удар которого пробивает череп, и нередка с элементами скульптуры. Шлифованные клевцы с проухом появляются в раннем мезолите. Сложность – в изготовлении отверстия. Архаичные клевцы имеют биконическое или овальное отверстие, пробитое пикетажем. Боёк – пирамидальный или узкий клин.

Клевцы из рога лося имеют выраженный клюв, нередко с пазами для вкладышей. Среди них есть скульптурные в виде головы животного, они могут быть ритуальными предметами, их изображения есть в петроглифах. Это – массовое оружие, принимаемое за вкладыш топора из обрезка отвешка рога. Оно вставлялось в деревянную муфту, но работать по дереву оно не может. Массово появляются сланцевые шлифованные клевцы в льяловской культуре.

Также в валдайской и волосовской культурах регулярно встречаются кремнёвые плоские клевцы с выраженной асимметрией, обработанные как наконечники копий. Такие изделия принимают за кинжалы, хотя асимметрия для кинжала вовсе не обязательна. Среди позднепалеолитических и мезолитических клевцов многие имеют вид остробушковых топоров, но боевой конец их – массивная пирамида. Стандартное оформление предполагает крепление такого острия в расщеп в дистальной части рукояти. Всякий топор – это не только орудие, но и оружие.

DOI: 10.70203/9064.2024.84.49.052

Палеонтолог академик А.В. Лопатин [1, с. 36–43] определяет образ жизни и способ добычи пищи олдовайского человека как «агрессивного падальщика». Настоящим хищником он не стал – это видно хотя бы по тому, что иммунитета к бутуллёзу у человека нет, падалью он не питался. Мясо было самой существенной частью его рациона, определяющей образ жизни. Мясо копытных добывали крупные кошки. Особенность зубного аппарата кошачьих – он не приспособлен для обгладывания костей. Часть мяса на костях после тигра достаётся падальщикам. Коллективные действия стай, покушающихся на добычу тигра, фактически отнимали её, «портя тигру аппетит».

Организованной и вооружённой стаей человек отнимал остатки свежей и не полно обглоданной добычи саблезубого тигра-махейрода. Опасные конкуренты – другие хищники, особенно гиены, тоже действующие стаей, претендовали на эту же добычу.

Галечная индустрия, по мнению А.В. Лопатина, обеспечивает людям преимущество в скорости разделки туши. Но чоппер, зажатый в кулаке, или палка – достаточное ли это оружие для схватки с крупными хищниками с их естественным оружием? А.В. Лопатин предполагает также сплочённость и вооружённость людей – а это уже элементы культуры, которые и определили путь очеловечивания социума – стаи гоминид. Но достаточно ли этого оружия, чтобы отогнать тигра и стаю гиен? Не было ли у формирующегося человека более мощного оружия, наращивающего силу удара за счёт длины рукоятки?

Драки в стае высших приматов не ведут к использованию оружия, не наносят увечий. Палки в бою за лидерство, как описывает Джейн Лавик-Гудолл [2], носят характер демонстрации перед социумом. Шимпанзе бросают палки как инструмент дистанционного воздействия с вращением, подобно битам в городках. Такой бросок пригоден для того, чтобы сбивать с дерева плоды, но он не наносит ущерба сопернику. Конфликт между стаями австралопитеков, как и обезьян, решается демонстрационным поединком лидеров, который и определяет рейтинг стаи.

Морфологические изменения Хомо происходили, в том числе очень существенные. Не борьба за существование, тем более не внутривидовая борьба и отбор, не труд и адаптация к разной природной среде, осваиваемой вне прародины, хотя все эти факторы тут присутствовали, определяли изменения. Определяющим фактором была переработка и сохранение громадных массивов информации, которую поставляли сре́ды: природная, социальная, опыт (эмпирика). Применение символов как связующих компонентов системы позволяло обобщать и неограниченно накапливать общий опыт социума, то есть культуру.

Смысл лидерства в стае обычно трактуется вульгарно-материалистически – как обретение лидером преимуществ в естественном отборе. Стая – архаичный вид социума, управляемый не на основе врождённых инстинктов поведения, как это наблюдается в стаде, а преимущественно на основе выработанного рефлекса, с учётом общего опыта, культуры и меняющейся ситуации. Инструмент управления стаей – ориентация на действия лидирующих самцов. Это и есть управление через лидерство. Лидировать могут особи, способные воспринимать не только свои потребности, но и потребности других членов социума, что позволяет социуму (стае) действовать как единый организм. Именно ощущение единства вызывает эйфорию, побуждающую к борьбе за признание лидерства, стимулирующую действия лидеров, а вовсе не потребительские инстинкты. Фактически это первое разделение труда: выделение функции управления социумом. Для этого нужны определённые способности, основная – способность быстро принимать решения. Повышенное потребление только указывает на признание общественной значимости управления. При этом эмоциональная нагрузка у вожака много выше средней. У него постоянный стресс: на нём сосредоточено внимание всей группы. Его поведение в стае – это и есть управление стаей. Оружия для выполнения функций лидера не требуется. Его самого защищает всеобщее внимание и признание в стае.

Но преследование тигра-добытчика, осада его, оборона от гиен и прочих падальщиков требовали применения оружия – это и есть адаптация через культуру, путь к очеловечиванию, придающий человеку не свойственные ему от природы возможности. Накопление опыта, познание создают системы по аналогии с наблюдаемыми нашими предками в природе и в самом социуме.

Морфология формирующегося вида развивалась не в соответствии с естественным отбором полезных мутаций и адаптации к естественной среде. История показывает, что успешно идёт создание социумом среды искусственной. Морфология же в основном фиксирует изменения в работе мозга. Орудия труда по выполнении своей функции – изготовления инструмента потребления – выбрасывались: руки должны быть свободны для действия, хранение чего-то в руках может дорого обойтись.

Материализованный опыт – готовое изделие – не накапливался, он хранился только в форме образа и навыка, а ёмкость памяти ограничена, опыт должен быть достаточно простым. Орудия вплоть до позднего неолита и возникновения разделения труда и кремнёвых мастерских волосовской культуры [3, с. 96–112] развиваются медленно, в основном как адаптация к особенностям сырья: стараются сделать даже из нестандартного сырья предмет, соответствующий идеальному образу – культурной норме, хранимой в памяти.

Отношение к оружию иное. Оно персонифицируется, получает имя, устанавливаются личные отношения оружия с его владельцем. Оно всегда под рукой, в любой момент оно может защитить, спасти своего хозяина, может и отомстить за него (сюжет в Сагах [4]). Длительная и тщательная обработка личного оружия – это вовсе не его функциональное совершенствование, это общение с оружием как символом. Полинезийскаяе палица не столько оружие, сколько произведение искусства – каждый мужчина годами полирует, украшает его [5]. Это человек делился эмоциями со своим другом – оружием. Знаки придавали оружию магические свойства, к тому же оружие должно устрашать врага, «говоря» с ним на общем языке – это одна из стандартных функций оружия. Знаки ставятся на видных местах. Язык знаков «читается» в обществе; использование общих знаков фиксирует присутствие символического мышления у формирующегося человека. К тому же эффективность оружию придаёт обучение воина-охотника – так идёт передача культуры.

При исследовании оружия задача – не только выяснение эффективности, тактико-технических свойств, но и выделение культурной нормы, образа оружия. Только зафиксированный этнографией опыт доказывает приемлемость трактовки семантики, реалистичность реконструкции её. Действие с оружием, как и с другими социально-значимыми (ритуальными) объектами, может считаться отражением норм поведения.

Но шаблоны в понимании наблюдаемой ситуации черпаются исследователем из личного опыта, а не полноты и системности этнографической ситуации. Например, С.В. Ошибкина трактует знаки на костяных/роговых наконечниках как знаки собственности на добычу [6], игнорируя зафиксированные этнографией закреплённые обычаем нормы, этикет распределения добычи. Делёж добычи – это скрепляющий общество обычай, а не торг.

Следы обрядового действия с оружием наблюдал М.Г. Жилин [7]. Анализируя распределение на поселении Озерки 5 костяных наконечников стрел со знаками, он не заметил необычности, за которой стоит ритуальное действие с оружием. Это компактное скопление на небольшом участке около 20 сожжённых костяных наконечников стрел со знаками. Вне скопления нет наконечников сожжённых и со знаками. Здесь действие

огнём и знаки имели общий семантический контекст, а вычислять процент отмеченных огнём и знаком наконечников в комплексе всего памятника смысла нет.

Степень ритуализированности оружия может зависеть от древности включения категории в культуру. Этнограф и философ Я.В. Чеснов в докладе в Институте философии РАН (2009 г.) показал, что камень как **отдельность** во всех культурах Ойкумены окружён плотным и многообразным облаком примет, поверий, магических действий и становится манупортом. Это один из первых (если не первый) осознаваемый человеком образ магии и условных ассоциаций. Камень не палка. Он сохраняет поражающее действие и как метательное оружие, и как таковое он применим как оружие коллективное.

Закреплённый на конце палки камень-навершие делает воздействие камня в несколько раз сильнее. Простейшее оружие и есть соединение с чем-то камня-навершия как точки концентрации кинетической энергии, управление ею с приложением других предметов, тоже полученных из ассоциаций, воображения, опыта и труда (использование плетения, ремня). Камень в соединении с рукоятью превращается в предмет, которого нет в природе. Камень с отверстием (амулет «Курий бог») воспринимается повсеместно как благожелательный знак. Когда в позднем палеолите освоены были сверление и долбление камня, соединение стало достижимо. Оплетённое волокнистой органикой навершие могло крепиться и без отверстия, и через малый проух на кожаном плетёном ремешке, как кистень.

Надо отличать сознательное создание нестандартной формы от случайного дефекта, опираясь на серийность знаков: повторяемость форм может быть доказательством неслучайности композиции знаков, которые должны быть узнаваемы при любом качестве изображения. Варианты показывают пределы допустимости творчества и проявление межкультурных контактов и вариабельность сюжетов творчества. Семантика геометризированных знаков может восходить к языку жестов: косой крест – противоположность прямому.

Чекан (клевец) применим в ближнем бою с опасным раненым зверем, нанося удар массивного оружия по голове (удар по другим частям тела зверя не обеспечивает безопасности). Навершие в качестве охотничьего оружия малоэффективно, разве что добивать раненого зверя. Возможно, именно этот решающий удар и ассоциируется с магическим действием булавы. Рыболову такое оружие тоже нужно в схватке с крупной рыбой. Но грузилом для сетей такой предмет не был – непропорциональны затраты сил на его изготовление при непрочности лубяных сетей. Признаком грузил для сети является наличие компактной серии близких по форме и размеру галек. Следы обработки на них не обязательны. Сверлёные камни никогда не встречаются сериями.

Навершие-клевец отличается от булавы тем, что удар наносится узким выступом массивного тела навершия – «клювом» – по меньшей площади и пробивает череп пирамидальным или клиновидным остриём (рис. 1) [8, с. 75–92; 9, с. 111–123]. Стилистически в эту группу входят карельские (рис. 2: 3; 4) [10, с. 182, рис. 214: 1, 2] и зауральские дисковидные булавы, переходящие в медвежью морду (рис. 2) [11, с. 318, 319, №№ 493, 571, 572][1]. В отличие от боевых топоров у клевцов отсутствует лезвие. «Фигурные молоты» из Заладожья, известные как «Олонецкие кирки» (рис. 3: 5–7) [10, с. 183, рис. 215: 2–4; 11, с. 275, 276, №№ 487, 488, 495], относят к культурам боевых топоров. Характерен изгиб, повторяющий траекторию удара, проух в разрезе биконический, выдолблен пикетажем, иногда в плане он овальный. Изгиб позволяет рассчитать по методу В.П. Левашёвой оптимальную длину рукояти [14, с. 46–56]. Длина топорища при изогнутом навершии невелика – это оружие предельно ближнего боя.

Пересмотреть датировку эпохой бронзы «фигурных молотов» заставляет находка в безупречных стратиграфических условиях в русловой канавке, перекрытой слоем торфянистого детрита с материалом среднего мезолита типа Замостья 2 (второй мезолитический слой). Это – половина сланцевого шлифованного клевца с отверстием, выполненным пикетажем с расточкой. На выпуклых щеках оружия процарапаны змееобразные зигзаги с ромбическими головками (тот же знак – на роговом скульптурном клевце из мезолитического слоя Замостья 2) и пачка из пяти счётных насечек (рис. 2: 2). Боевой конец – округлённо-пирамидальный. Будучи расколот, сработан как ретушёр.

Проушные клевцы из лосиных рогов со сверлиной (рис. 3) функционально не отличаются от каменных. Но часть их имеет вкладышевые пазы как по вогнутой, так и по выпуклой сторонам «клюва» (рис. 3: 4).

Помимо обычных роговых проушных клевцов с пазами здесь были три крупных скульптурных клевца, которые воспринимаются как изображение головы животного. Круглые ушки намекают на образ Бера-Медведя (рис. 2: 1) [13, с. 51, рис. 6: 5]. Процессии с жезлами с навершиями с округлыми ушками из Залавруги и батальные сцены в шведских петроглифах Немфорсен могут изображать не реальные сражения, а эпические сюжеты, передаваемые танцами с использованием ритуальнх атрибутов [10].

Первая такая находка происходит из мезолитического слоя Ивановское VII (7) (рис. 3: 1) [15, с. 215, рис. 72; 16, с. 167, рис. 44]. Стержень рога изображает шею птицы, в которой продолблен щелевидный проух. Это дополнительный агрумент в пользу раннего возраста «фигурных молотов». Остриё клевца – треугольная го-

[1] Каталог выставки в Государственном Эрмитаже 2009 г. «Зверь и человек» [11] содержит обширный экспозиционный материал, который мог бы привлекаться для иллюстрирования данной статьи. Ссылки даются на номера в каталоге. Не со всеми истолкованиями могу согласиться, некоторые воспринимаются как техническая ошибка: № 199 [11, с. 196, 197] никак долотом быть не может (рис. 4: 1) [12, с. 284, рис. 9: 3; 13, с. 49, рис. 4: 1]. Это явно оружие с орнаментом и пазом для вкладышей. Крепилось в гнезде в топорище или деревянной муфте.

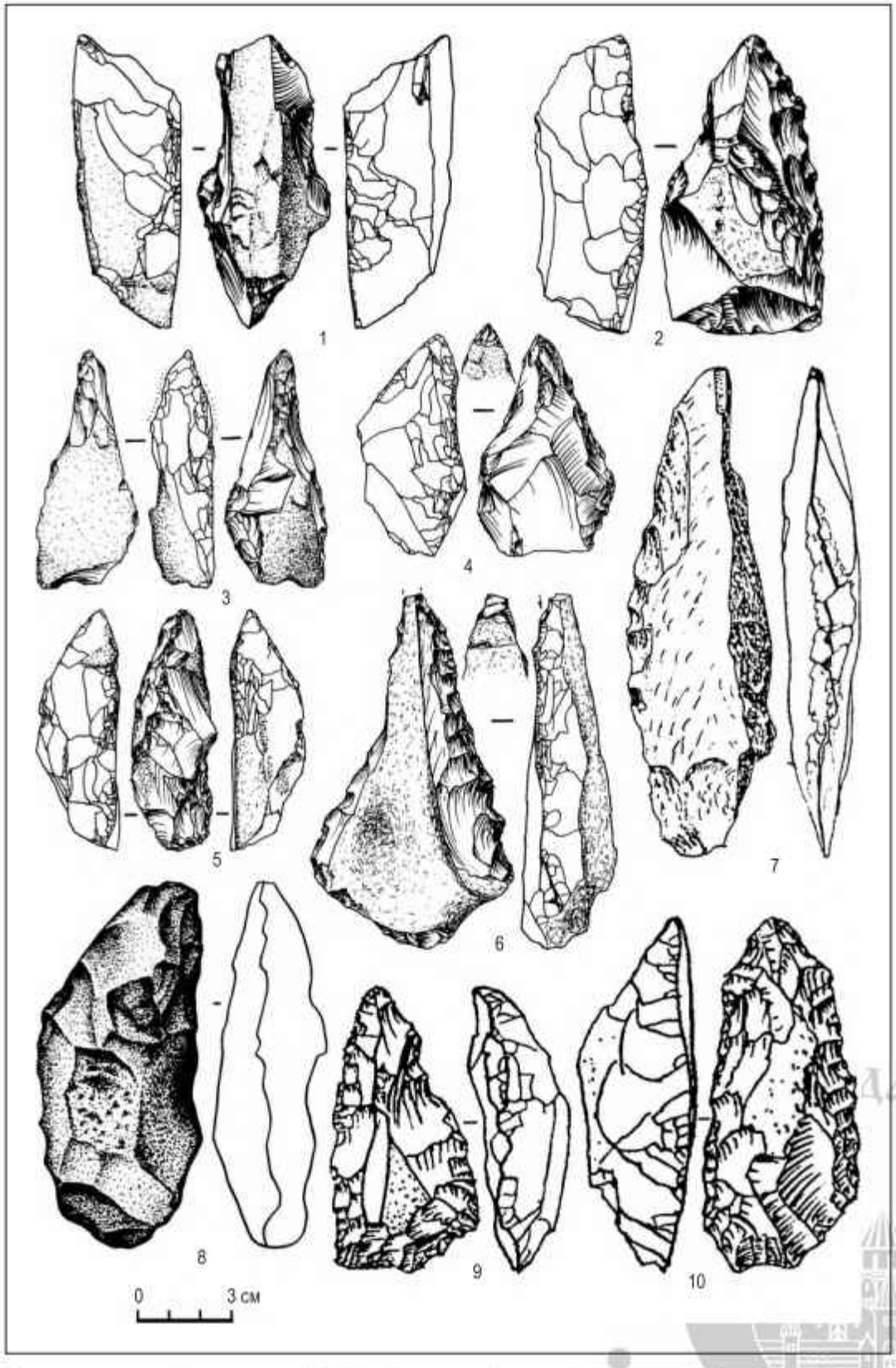

Рис. 1. Клевцы акуловской традиции: 1–7 (?) – Васильево 1, ранний мезолит (по [8, с. 83, рис. 8: 16; 9, с. 120, рис. 8: 4, 6, 7, 9; с. 121, рис. 9: 3, 49]); 8–9 – Акулово 1, поздний палеолит (по [8, с. 80, рис. 4: 1, 9]). Кремень

Государственный объединенный музей

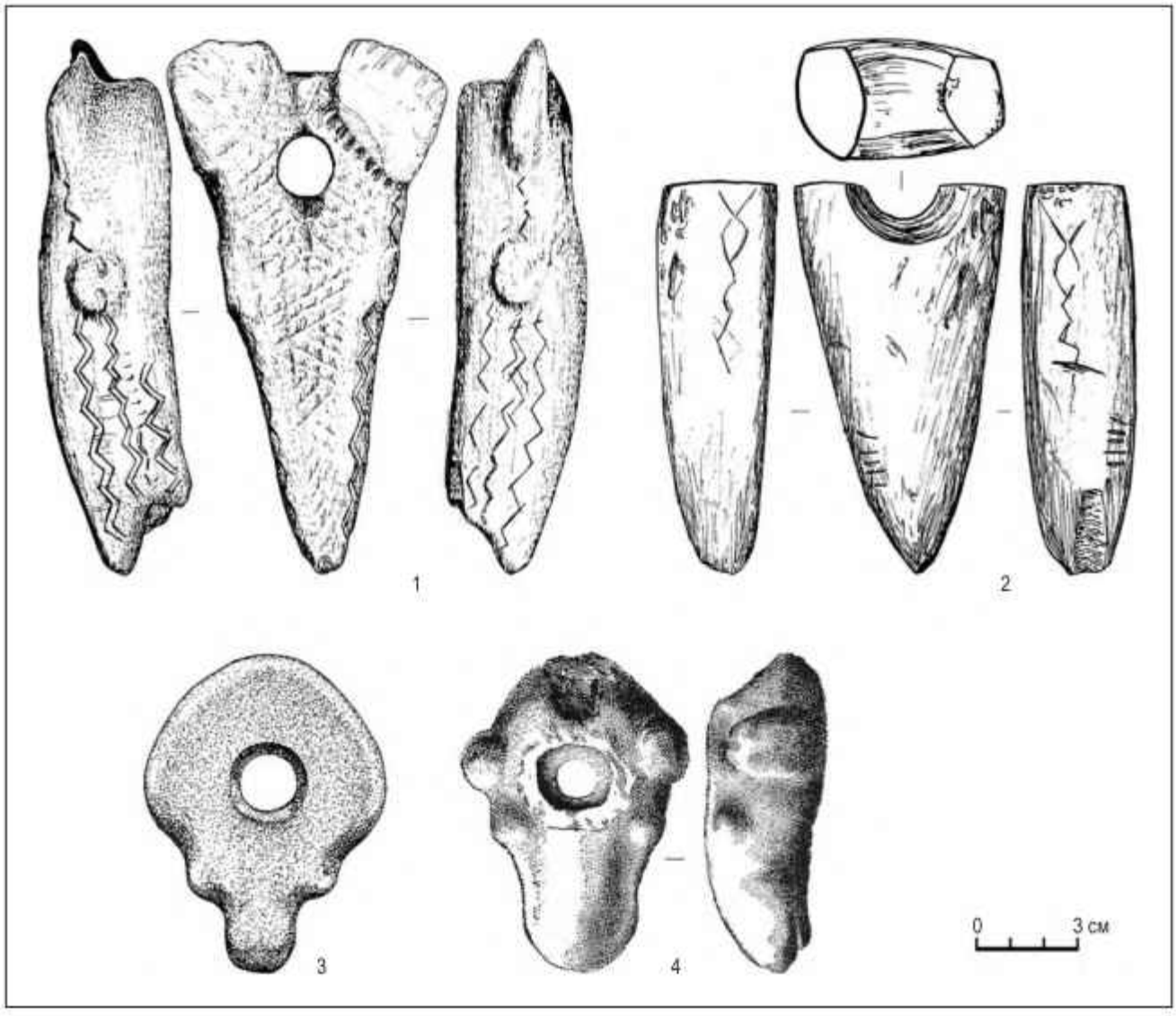

Рис. 2. Скульптурное навершие (1), клевец (2), навершия булав (3, 4). 1 – Замостье 2, рог, мезолит (по [13]); 2 – Замостье 2, сланец, мезолит (по [13]); 3–4 – Карелия, кварцит (по [10, с. 182, рис. 214: 1, 2])

лова птицы (?) – сделано из кости черепа, к которой примыкает рог. Отвершки и лопасть рога могут изображать крылья.

Три проушных клевца-навершия из Замостья 2 (рис. 2: 1; 3: 2, 3) [13, с. 51, рис. 6: 5, 6; 15, с. 214, рис. 71: 2] происходят из мезолитического и раннего верхневолжского слоёв (как это было определено в момент их находки, в дальнейшем В.М. Лозовский изменил хронологическое истолкование, отнеся все к мезолиту (хотя, свидетельствую, самый крупный лежал в слое с ранненеолитической накольчатой керамикой)[2]. Навершие (рис. 2: 1) сделано из пластины рога, ещё не сформировавшего плотную компакту наружного слоя [13, с. 51, рис. 6: 5]. Он слишком мягкий для того, чтобы быть оружием. Насад остался незавершённым. Чётко выделяются округлые уши, соответствуя медвежьим. Морда плавно сужается. Глаза показаны округлыми бугорками. Поверхность передаёт фактуру меха – прямоугольные с зубчатым краем смыкающиеся плоскости. Такой декор не встречен ни на одном изделии. Можно узнать медвежью морду у клевца из мезолитического слоя (рис. 3: 2). Морда сужается, как это проявляется на одной из кварцитовых булав из Карелии (рис. 2: 4) [10, с. 182, рис. 174: 2]. Округлые уши направлены вверх, как у первого. Клевец из основания верхневолжско-

[2] Четвёртое изделие такого типа найдено на стоянке Ивановское VII в мезолитическом слое (рис. 3: 1) [11, с. 166, 167, № 102; 15, с. 215, рис. 72; 16, с. 167, рис. 144]

Объединенный музей

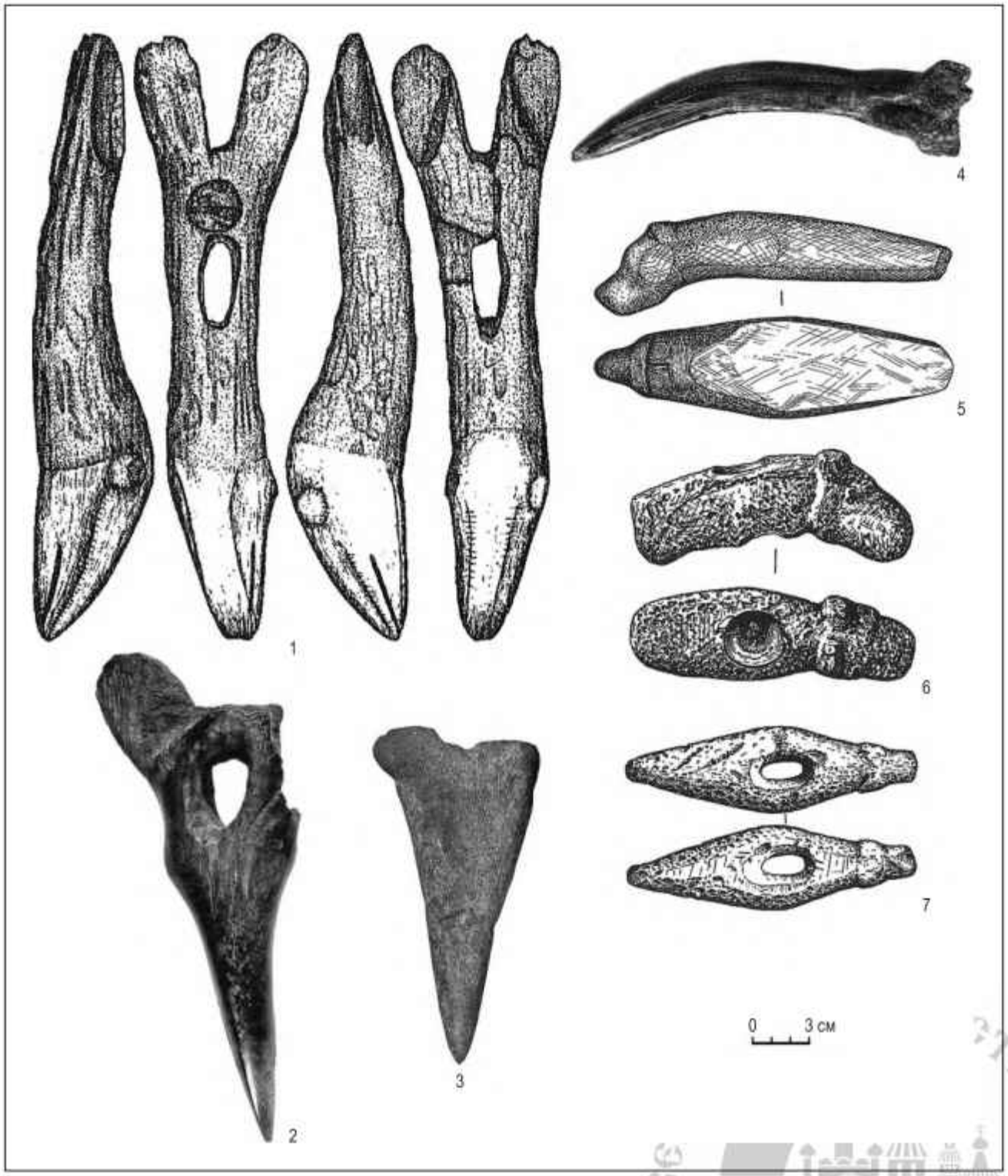

Рис. 3. Скульптурные и проушные клевцы: 1 – зооморфное навершие клевца, рог, Ивановское VII (7), мезолит (по [15; 16]); 2–3 – зооморфные навершия, Замостье 2, ранний мезолит (№ 2 – (по [15, с. 214, рис. 71: 2; 13, с. 51, рис. 6: 6]); 4 – клевец вкладышевый, рог, Замостье 2, мезолит; 5–7 – Олонецкие «кирки», Карелия (по [10, с. 183, рис. 215: 2–4])

го слоя имеет направленные в стороны округлые медвежьи уши, но вместо морды – чётко оформлен мощный клюв (рис. 3: 2).

Скульптурные навершия не являются боевым оружием: они слишком велики, легко отражаемы, для занесения над головой для удара требуется свобода манёвра, чему мешает размер предмета (длина 24–32 см). Но для ритуальных целей это не недостаток. Они могли использоваться как атрибуты ритуальных мистерий. Батальная сцена из Альта-фьорда (Танум, Южная Швеция) двух не равных по размеру мужских фигур изображает бой оружием с изогнутой рукоятью с навершием в виде головы [10, с. 175, рис. 204]. Оружие по размеру соотносится с бойцами: у большего и оружие крупнее. Эта сцена заставляет вспомнить лосиноголовые жезлы из Оленеостровского могильника, а также миниатюрные головки лосей и серию птичьих головок с таким же стержнем-насадом. Круглая и массивная скульптура на стержне мало пригодна как подвеска, нет ни одной подвески, крепившейся на стержне с выделенной головкой. Подвеска требует плоской формы. Стержень с выделенной головкой пригоден для крепления в гнезде в рукояти, в жезле. Скульптура только изображает оружие, но им не является.

Один из трёх роговых клевцов, признаваемых за таковые М.Г. Жилиным (он считает эту категорию редко встречающейся) [17, рис. 113], сохранил насад в виде массивного стержня, вставлявшегося в гнездо в рукоятке или муфте, которые имеют гнёзда для роговых вставок – одной из самых массовых категорий мезолитических комплексов – вкладышей «топоров», сделанных из отвершков лосиного рога. В.М. Лозовский и М.Г. Жилин рассматривают их именно как топоры, использовавшиеся в долблённой муфте для работы по дереву. Лезвия их приходятся на губчатую часть рога, оставаясь почти не смятыми. Использование вкладышей в гнезде-муфте не вызывает сомнения, но рубка древесины относительно мягким орудием из губчатой середины рога, которое не может выполнять режущие функции, сомнительна. Выпуклые «щёки» таких топоров не дают лезвию врезаться в древесину.

Ещё один вид может быть определён как кремнёвый клевец-вкладыш, крепившийся к верхней части рукояти или к её торцу (рис. 1). Он может крепиться к торцу рукояти как рубящее мезолитическое орудие, но орудие не имеет рубящего лезвия, а «рабочий край» способен пробивать, но не рубить – у него пирамидальное остриё. Такие предметы определяют как бифасы, заготовки копий, кинжалы и ножи-бифасы (в сибирской и дальневосточной археологии), хотя бифас, умея пробивать, не способен резать из-за извилистого лезвия. А.И. Юдин тоже относит этот предмет к ножам: «*Часто встречаются крупные (до 15–18 см длиной) ромбовидные, подовальные и серповидные ножи со сплошной двусторонней обработкой*» [18, с. 363–380, с. 369, рис. 4, *30*; 5] – тут полный набор признаков клевца-вкладыша, аналогичного волосовским.

Полагаю, коллекции позднепалеолитических, мезолитических, неолитических орудий могут быть пересмотрены и выделена категория широко распространённого рубящего рукояточного оружия. Тот изгиб, что казался дефектом, окажется функциональной сутью предмета.

Бóльшая часть крепилась в расщеп в дистальном конце рукояти, который стягивался оплёткой. Один из клевцов со стоянки Васильево I [9] оформлен как типичный иеневский «топор с перехватом», но вместо лезвия у него пирамидальное трёхгранное остриё (рис. 1: 1). Чаще встречаются клевцы-бифасы с не столь чётко выраженным изгибом, но с пирамидальным носиком, уплощённой частью основания. Такой клевец прилегал к торцу рукояти с отходящим от неё сучком. Рубящие орудия могли крепиться вдоль и поперёк рукояти, меняя функции от топора к теслу. Рубящие орудия с острым обушком могли трансформироваться в клевец. Обычно такие бифасы принимают за топоры. Противопоставления здесь нет: один и тот же вкладыш мог выполнять роль топора, тесла и клевца (рис. 3, 4). Также топор и тесло определяются по разной ориентировке крепления в расщеп: вдоль и поперёк рукояти. Кроме того, любой топор не утрачивает функцию оружия.

Идеальная форма клевца – дуга, совпадающая с траекторией клевца в момент удара. Небольшое отклонение от оси с креплением в торец недопустимо: наконечник может выпасть от боковой нагрузки, и теряется точность прицеливания. Более простое крепление – в боковой расщеп при дистальном конце рукояти. Вкладыш закрепляется упругой обмоткой, компенсирующей отдачу и придающей нужный угол вкладного лезвия. У вкладыша должно быть плоское прямо срезанное основание, допустима массивность гнезда в обушке. Чтобы вкладыш не проваливался в расщеп при ударе, на шель может быть поставлена накладка, в которую упрётся черешок-насад.

Такое крепление сохраняется и в волосовской, и в валдайской технике, хотя вкладыш становится тоньше (рис. 5). Это слегка асимметричные плоские ретушированные острия. Ножи-бифасы – шириной 2–4 см, остриё слегка округлено (рис. 5: 5). Встречаются насады, прямо или наискось срезанные, а также с пуговкой (рис. 5: 1–3).

Пирамидальные скошенные массивные острия бифасов-клевцов могут восходить к треугольным и линзовидным бифасам Сунгиря, селетской традиции, миниатюрным мустьерским «ручным рубилам», а те – к ашельским рубилам [19], среди которых встречаются изделия с зауженным уплощённым основанием (пяткой), пригодным для закрепления в расщеп, то есть для крепления по типу клевца, не как ручное рубило, а как рукояточное оружие. Острый конец пригоден не для того, чтобы рубить, но чтобы пробивать. Та же функция может быть у массивного биконического острия из бивня в яме рядом с сунгирскими могилами [20, с. 157–170, рис. 7]. Ряд острий из отщепов с бивня мамонта в комплексе Юдиново [21; 22] могли крепиться как острия клевцов.

Экспериментальная рубка «ручным рубилом» не доказывает, а только предлагает один из вариантов употребления. Встречающиеся правильной формы «ручные рубила» делались не для разового употребления как орудия, а для длительного использования, развивались как оружие, рукояточное рубило, а не орудия.

Именно как рукояточное оружие, сопровождающее мужчин, рубило могло развиваться, и среди них есть и правильные, совершенные формы. Употребляться оно могло и как топор – боевой и рабочий, но такова функция и железного топора. И в качестве знакового оно стало символическим предметом, обозначающим воина.

В льяловских комплексах регулярно встречаются сланцевые подвески со сверлиной в центре, что для подвесок вовсе не характерно – это скорее нашивки, накладки, а не подвески (рис. 6: 4). Многие из них слу-

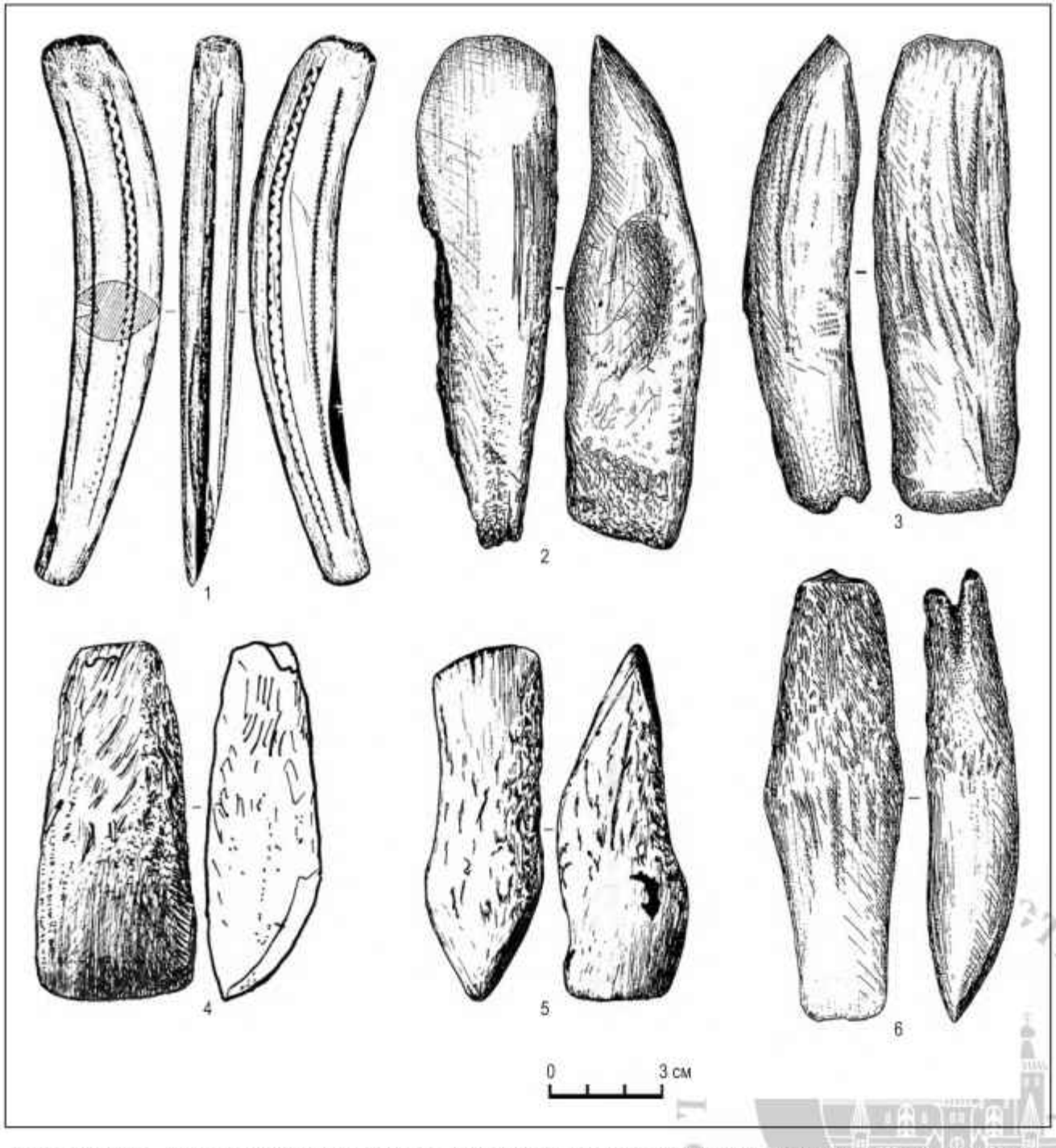

Рис. 4. Клевцы, крепившиеся в муфте. Рог. 1 – орнаментированный вкладышевый, Замостье 2, ранний неолит (по [12, с. 284, рис. 9: 3; 13, с. 49, рис. 4: 1]); 2–3 – Замостье 2 (№ 3 – (по [15, с. 156, рис. 55: 9]); 4–6 – «вставки тёсел», 6 – Ивановское VII (7), мезолит (по [15, с. 157, рис. 56: 4; 16, с. 166, рис. 43: 6])

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

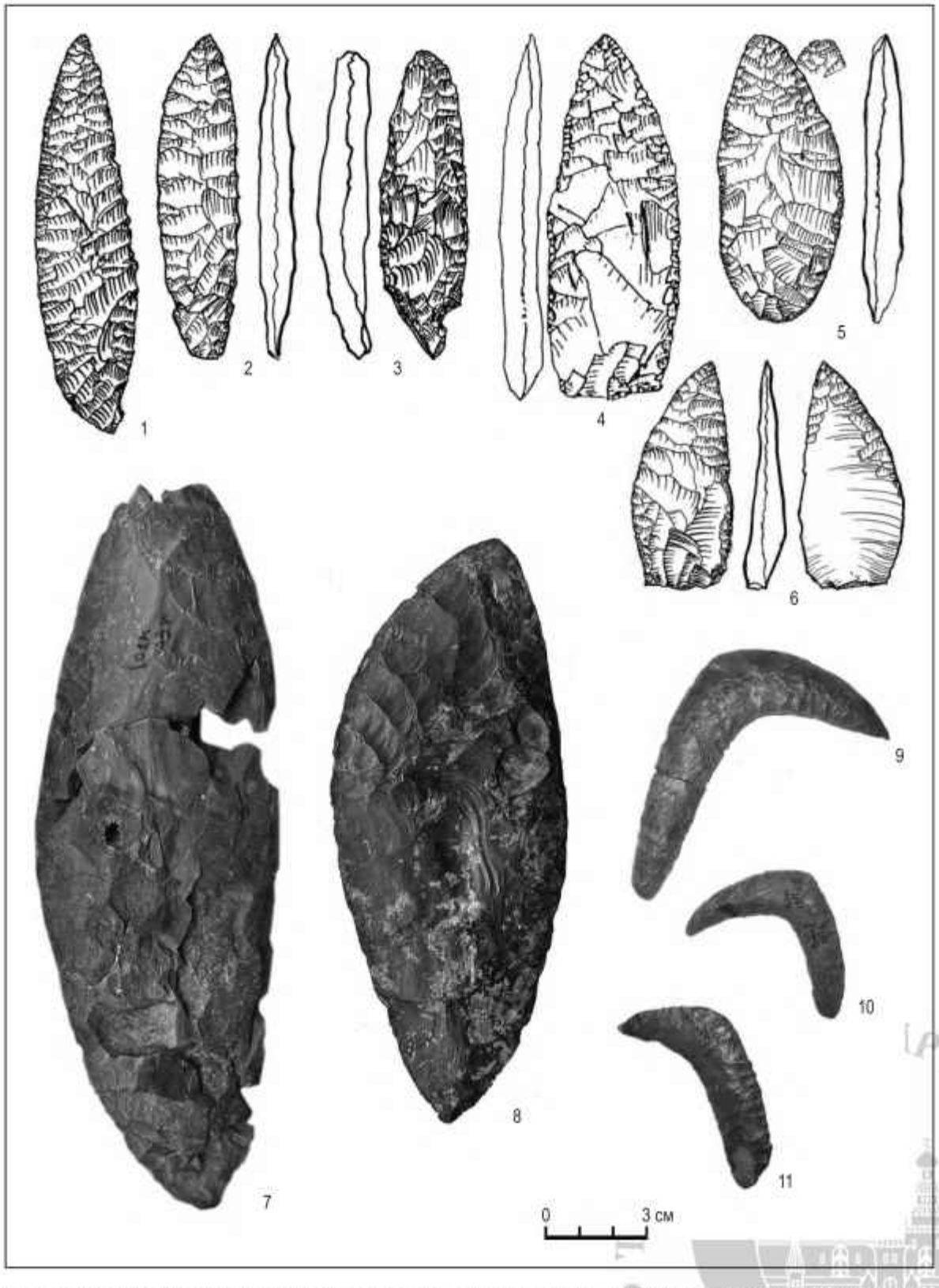

Рис. 5. Клевцы-бифасы (1–8), «серповидные ножи» (9–11). Кремень. Волосовская и валдайская культуры. 1–3 – асимметричные клинки «с пуговкой»; 4, 6 – клинки с прямым основанием; 5 – клинок с округлым основанием. Маслово Болото 4 (№№ 4, 6, 7), Гадомля (№ 5), Стан 1, Полецкая 1 (№№ 9–11)

Государственный объединенный музей

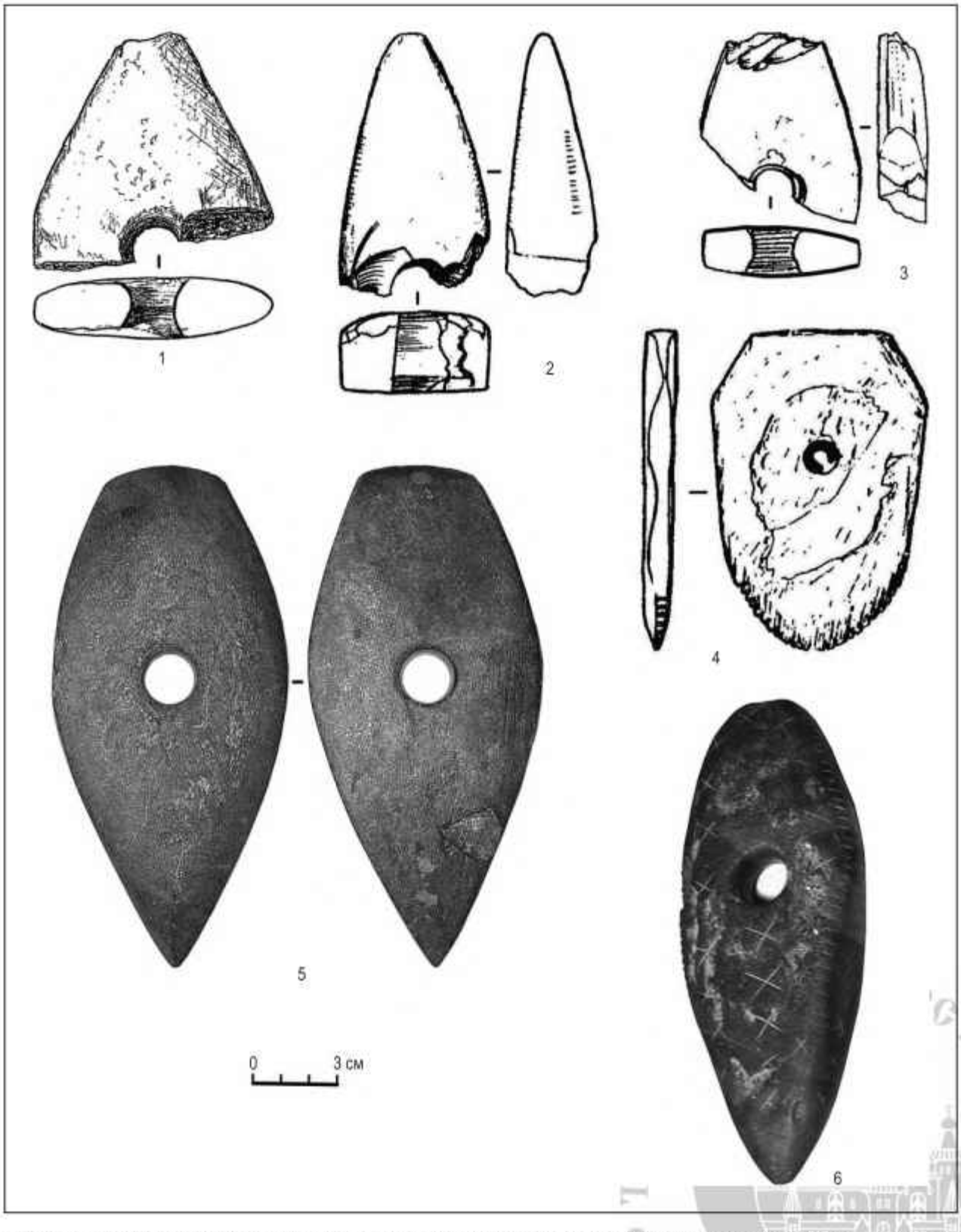

Рис. 6. Шлифованные клевцы, сланец (1–3, 5, 6), повторяющие формы «мотыг» льяловской культуры; штамп для орнаментации керамики (4). 1 – Замостье 5, льяловская культура (по [23, с. 141, рис. 8: 12]); 5, 6 – Ловецкая; Маслово Болото 7, Святое озеро, Осечня

жили штампами для орнаментирования керамики. Форма таких подвесок та же, что у «мотыжек», что вряд ли случайно.

Кремнёвые вкладные лезвия для клевца с боковым остриём, появившись в палеолитической технике, продолжают использоваться в оружии льяловской культуры и во всех культурах лесной зоны. Они не столь стандартны, как колющее оружие, требовавшее стандартизации, и потому не столь обращают на себя внимание повторяющимися формами. Заготовками клевцов-вкладышей были бифасы, массивные отщепы без значительного продольного изгиба. Ретушь плоская, крупные сколы снимают изгиб при использовании в качестве заготовк массивного отщепа с косым ребром.

Волосовские клевцы – кремнёвые бифасы, плоские, асимметричные с прямо срезанным концом насада (рис. 5: 4, 6). Размерами они обычно невелики и определяемы как лезвия кинжалов. На стоянке Маслово Болото 4 у подножия берега была найдена пара одинаковых лезвий с выраженной асимметричностью, которая касается боевого конца (рис. 5: 4, 6). Наискось срезанный конец насада указывает на крепление клевца в расщепе под углом к рукояти, но допустим для этого и симметричный конец насада. Качество обработки их такое же, как у оружия – плоская ретушь формирует линзовидное сечение, мелкая, но плоская стелющаяся ретушь создаёт контур орудия. На рабочем инструменте такая орудийная ретушь обычно не встречается, кроме ножей из крупных массивных отщепов с прямыми и вогнутыми лезвиями с высокой ретушью. Уже по характеру ретуши можно определить, рассматривался предмет как оружие или орудие, даже не зная способа его использования. Она существует на оружии и некоторых изделиях, назначение которых неизвестно, например на «серповидных ножах» (рис. 5: 9–11). Обработка их не отличается от изготовления стрел и дротиков, а также некоторых из кремнёвых скульптур – только крупных и сложных.

Такое оружие попадает в состав ритуальных кладов. Приёмы обработки, характерные для полностью ретушированного оружия, применяются для изделий, связанных со специфической мужской субкультурой – охотой и войной.

Наконечники копий цельнокаменные массово начинают встречаться лишь на среднем льяловском этапе – для этого времени осколки заготовок становятся самой массовой находкой. Это переход к новой охоте – такое копье могло противостоять кабану и медведю (рис. 5: 7, 8).

В конце неолита появляются узко специализированные кремнёвые орудия, что указывает на разделение труда, выделение мастеров.

Определённую роль играет в этом долговременное жилище. Является ли такое разделение труда межобщинным или внутриобщинным? Волосовская культура уже знала мастеров-профессионалов по кремню – разнообразные и устойчивые типы орудий соответствуют узкой специализации, являются показателями разделения труда, появления мастеров-профессионалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лопатин А.В.* Сателлитное поведение как часть адаптивного становления рода HOMO // Вестник Московского университета. Серия Антропология. XXIII. № 43. М., 2010.
2. *Лавик-Гудолл Дж.* В тени человека. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020.
3. *Сидоров В.В.* Специфика каменной техники волосовской культуры // Поволжская археология. Казань, 2013. № 1.
4. *Гуревич А.Я.* «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979.
5. *Гнедич П.П.* Всемирная история искусств. Т. 1. Петроград, 1917.
6. *Ошибкина С.В.* Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука, 1997. 204 с.: ил.
7. *Жилин М.Г.* Мезолитические торфяниковые памятники Тверского Поволжья: культурное своеобразие и адаптация населения. М.: Лира, 2006. 140 с.
8. *Сидоров В.В.* Мезолит бассейна р. Сьежи // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 75–92.
9. *Сидоров В.В.* Васильево I – мезолитическая стоянка-мастерская // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь, 2000. С. 111–123.
10. *Жульников А.М.* Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.: ил.
11. Каталог // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.]44: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы научной конференции / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 388 с.: ил. (Труды Государственного Эрмитажа XLIV)
12. *Лозовская О.В.* Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2 // Материалы международной конференции Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Сергиев Посад. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник; Издательский дом «Подкова», 2001. 316 с.: ил. С. 273–291.
13. *Лозовский В.М.* Искусство мезолита – раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края. Материалы международной конференции "Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры". 1–5 июля 1997 г. Сергиев-Посад. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 1997. 198 с.: ил. С. 104–143.
14. *Левашева В.П.* К вопросу о механических свойствах древних орудий // КСИИМК. Вып. 75. 1959. С. 46–56.
15. *Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС, 2001. 326 с.: ил.
16. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII / *М.Г. Жилин, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин, А.В. Энговатова.* М.: Наука, 2002. 245 с.: ил.
17. *Жилин М.Г.* Функциональная классификация предметов вооружения из кости и рога в мезолите лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2021. 188 с.: ил.
18. *Юдин А.И.* Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). / Отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К, 2010. 918 с.: ил.: С. 363–380.
19. *Кларк Дж.Д.* Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. 264 с.

20. *Солдатова Т.Е.* Обработка бивня на палеолитической стоянке Сунгирь // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб., 2014. (Замятнинский сборник. Вып. 3)
21. *Абрамова З.А.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1. СПб., 1995.
22. *Абрамова З.А.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2. СПб., 1997.
23. *Сидоров В.В.* Стоянки Заболотского озера // Древности Залесского края. Материалы к международной конференции "Каменный век европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры". 1–5 июля 1997, Сергиев-Посад. Сергиев Посад: Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник, 1997. 198 с.: ил. С. 104–143.

ФГБУН «Институт археологии РАН»,
Москва

Переработка списка литературы, сносок в тексте, ссылок на рисунки и подрисуночные подписи – И.Н. Черных.

V.V. Sidorov

WEAPONS AS A SIGN IN SOCIAL GENESIS

Summary

The transition of predominantly herbivorous primates to a lifestyle of "aggressive scavengers" with a meat diet taken away from feline predators and hyena competitors was an adaptation without morphological transformation. Its essence consisted in the accumulation of common experience, that is, culture, and the condition for this process was the transformation of the pack into a society. As a result of the accumulation of common experience, Hominids mastered landscapes far from the subtropical ancestral homeland.

The pebble industry – suspended stone and coordinated actions – gave an advantage over hyenas in the speed of cutting prey, but not in the natural armament of predators. A weapon capable of concentrating the impact energy was required – a pommel mounted on the handle. And it was a constant companion of every man. The fastening of the combat element can be done with a braid, in a split. The fastening in the cleft and with a braid corresponds to a manual, or rather, a hand-held chopper. Types of impact weapons can be classified according to the type of attachment, material, and position of the striking element. As a hunting weapon, the pommel is ineffective. It can be used in close combat, most emotionally with a wounded animal. The curve of the pommel is characteristic, indicating a short handle.

The simplest striking weapon is a mace. It is often mistaken for a sinker. It does not have a dedicated beak, the blow of which pierces the skull, and often with elements of sculpture. Polished peckers with a prow appear from the Early Mesolithic. The difficulty is in making the hole. Archaic peckers have a biconic or oval hole punched by picketing. The firing pin is pyramidal, or a narrow wedge.

Elk horn peckers have a pronounced beak, often with grooves for inserts. Among them there are sculptural ones in the form of an animal's head. They can be ritual objects, their images are in petroglyphs. It is a widely used weapon mistaken for an axe insert from a pruning plumb horn. It was inserted into a wooden coupling, but it cannot work on wood. Slate polished peckers appear en masse in the Lyalovo culture. Also, the Valdai and Volosovo cultures regularly find flint flat peckers with pronounced asymmetry, treated as spear tips. Such products are mistaken for daggers, although asymmetry is not necessary for a dagger at all. Among the Late Palaeolithic and Mesolithic peckers, many have the appearance of sharp-edged axes, but their fighting end is a massive pyramid. The standard design involves fixing such a point in a cleft in the distal part of the handle. Every axe is not only a tool, but also a weapon.

Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
19, Dm. Ulyanova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: gav-lupus@rambler.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В.Н. Карманов

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ КАМНЯ И ПЕРИОДА РАННЕГО МЕТАЛЛА КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: ДЕТАЛИ

В статье обобщены и систематизированы сведения об источниках для изучения иррационального в культурах эпохи камня и периода раннего металла Крайнего Северо-Востока Европы. Определены три группы источников: необычные, аномальные ситуации, выявляемые на фоне изучения синхронных контекстов; остатки – поделки, игрушки или предметы первобытного искусства; следы обработки и разного вида износа.

Из-за высокой мобильности охотников-собирателей тайги и тундры, особенностей сохранности материалов источники об иррациональном в культурах этих людей пока ещё крайне скудны. Кроме того, некоторые доступные данные требуют дополнительных исследований для их доказательной интерпретации. Но уже сейчас можно определить основную тенденцию в динамике первобытной культуры. Высокая энтропия рассеянных в пространстве «домашних святилищ» семей эпохи камня постепенно упорядочивается с распространением на обширных территориях комплексов с однотипными украшениями, орудиями и последующим в эпоху бронзы началом действия пещерных, и возможно, открытых святилищ. В эпоху железа число и интенсивность использования таких особенных мест растёт, в то время как свидетельства иррационального поведения практически исчезают из остатков обыденных контекстов. Это может указывать на интенсификацию обмена и на то, что иррациональное поведение людей выходит за рамки семейных традиций и соответствует канонам неопределённых надсемейных образований.

DOI: 10.70203/6896.2024.77.77.053

Крайний Северо-Восток Европы (далее – КСВЕ) в эпоху камня и в период раннего металла населяли малочисленные, рассеянные в пространстве мобильные группы охотников-собирателей. Вероятно, из-за этой высокой мобильности и низкой плотности обитания, особенностей сохранности органических материалов источники об иррациональных аспектах их жизни очень скудны. Кроме того, они могут теряться среди остатков бытовых комплексов, поскольку сакральное и повседневное в первобытности были неразрывно связаны.

Наиболее массовая и изученная категория источников – орнаменты и скульптурное оформление керамической посуды. Однако до сих пор не определено, какую функцию они несли: магическую или декоративную, может, демонстрировали навыки или принадлежность к определённой группе, не исключено, что и всё вместе. Это тема для специальных исследований, и поэтому оставлю её в стороне, акцентировав внимание на прочих категориях источников.

Источники об иррациональном поведении людей эпохи камня и периода раннего металла на КСВЕ специально никогда не изучались, обобщения и систематизация детальной информации проведены лишь по отдельным контекстам, видам артефактов или следов на них [1–5]. Кроме того, долгое время, до конца 1990-х гг., такие сведения были разрозненными и порой лишёнными достоверных связей с атрибутированными контекстами. Предлагаемая работа – первый шаг в обобщении и систематизации деталей об иррациональном в культурах эпохи камня и периода раннего металла населения КСВЕ. Причём как иррациональные понимаются не только однозначно неутилитарные предметы, но и явления, непонятные с точки зрения современного человека, исследователя.

Среди привлекаемых источников определяются три вида:

- помимо мест упокоения, культовых объектов необычные, порой аномальные ситуации, выявляемые при сравнении с синхронными контекстами;
- остатки – поделки, игрушки или предметы первобытного искусства;
- следы обработки и разного вида износа.

Эти предпосылки и следование археологической периодизации определили структуру изложения материалов.

Палеолит

В верхнепалеолитических слоях Медвежьей и Уньинской пещер (бассейн р. Печоры) были выявлены скопления рогов северного оленя. В первой пещере сброшенные рога составляли около 35 % остатков оленя и более 14 % всех определённых фаунистических материалов. В.И. Канивец предположил, что они могли быть каркасом навеса или даже кровли жилища [6, с. 100]. Однако П.Ю. Павлов не исключает вероятности того, что они принесены человеком в культовых целях, чему имеются доказательства в виде синхронных и поздних аналогий [7, с. 61, 62; 8, с. 178, 179]. Одной из таких аналогий является скопление 26 рогов северного оленя в кровле палеолитического слоя Уньинской пещеры [7, с. 65, 66] (рис. 1). Если в дальнейшем найдутся более весомые аргументы в пользу неутилитарного назначения принесённых в пещеры рогов, то описанные памятники – древнейшие культовые места региона.

На КСВЕ обнаружен всего один предмет, который может быть интерпретирован как артефакт неутилитарного назначения. Это обломок бивня мамонта с поперечными насечками (рис. 2), которые могли быть

Рис. 1. Уньинская пещера. Вид с противоположного левого берега р. Уньи, с юго-востока. Фото В.Н. Карманова. 2017 г.

Рис. 2. Мамонтова курья. Бивень мамонта с насечками. Фото Е.Ю. Гири

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

сделаны намеренно острым каменным предметом, найденный на стоянке Мамонтова курья (р. Уса, бассейн р. Печоры), датированной в диапазоне 40–32 ^{14}C ka BP или 47–35 cal ka BP [9, p. 3142]. Если П.Ю. Павлов воздерживается от однозначной интерпретации предмета, то Ю.Б. Сериков рассматривает его как образец древнейшего орнамента, а В.Е. Ларичев видит в ритмах насечек календарную символику [10, с. 102]. Е.Ю. Гиря допускает, что это могла быть наковальня (устное сообщение).

Немного южнее КСВЕ, на территории Пермского края, предметы неутилитарного назначения палеолита достоверно представляют всего лишь три изделия. Это нашивка из раковины Unio с двумя отверстиями в верхней части (рис. 3) и бусина из ископаемой морской лилии, найденные на стоянке Заозерье [11, рис. 14; 12, с. 36]. В коллекции с этого же памятника есть ещё повреждённая раковина, но использовалась она как украшение или является заготовкой, сказать нельзя. Серия ^{14}C определений относит возраст стоянки к периоду 35,1–30,1 ^{14}C ka BP или 41,0–34,5 cal ka BP [9, p. 3145].

Опубликованы данные о фигурке мамонта (рис. 4), изготовленной из плитки коричневого кремня: «Двусторонней краевой ретушью смоделирован контур туши зверя, с характерной покатой спиной и выступающим черепом и изогнутым хоботом. Стопа передней ноги мамонта с характерной подушкой выделена пологой ретушированной выемкой. С двух сторон плитки глубокими гравированными (?) бороздами выделены задние ноги зверя» [13, с. 12]. Форма изделия действительно напоминает изображение мамонта, но при отсутствии серий подобных артефактов его интерпретация неоднозначна.

Мезолит

Известные мезолитические памятники представлены преимущественно стоянками с наземными жилищами или без таковых. Места упокоения или неординарные ситуации пока не выявлены.

Среди мезолитических остатков носители информации об иррациональном – прежде всего деревянные артефакты Висского 1 торфяника. Это неоднократно опубликованные фрагмент лыжи со скульптурой голо-

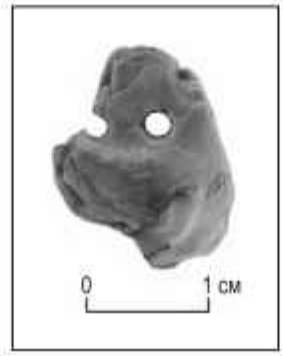

Рис. 3. Заозерье. Подвеска или нашивка из раковины Unio. Фото К.Н. Степановой

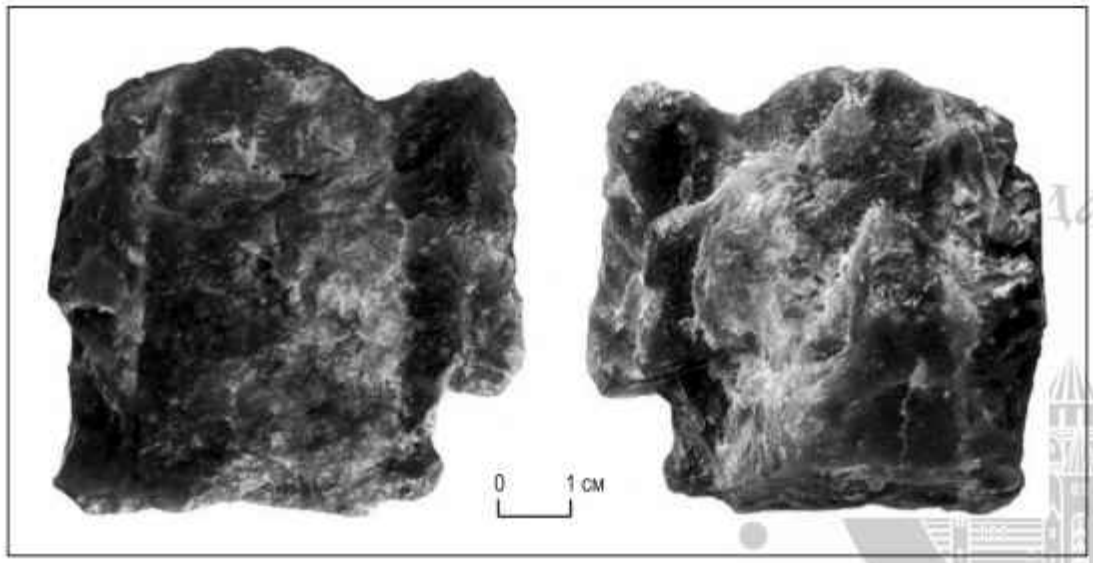

Рис. 4. Ширококово II. Фигурка мамонта (?). Кремень [10, фото 7: 1]

Государственный объединенный музей

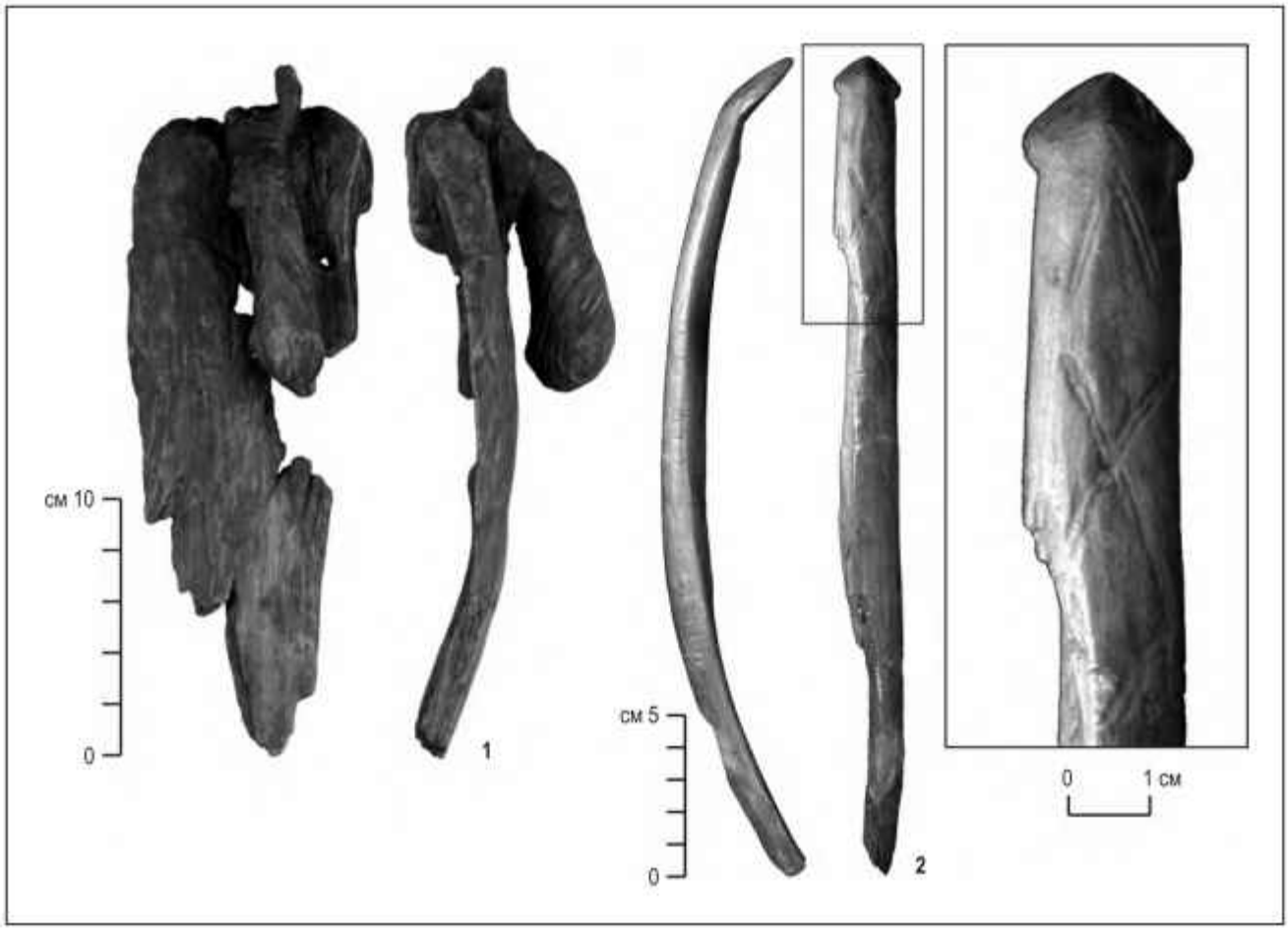

Рис. 5. Висский 1 торфяник. Деревянные изделия: 1 – обломок лыжи или полоза, фото Национального музея Республики Коми; 2 – обломок лука

вы лося (рис. 5: 1) и обломок лука, сохранившийся конец которого орнаментирован гравировкой (рис. 5: 2). Представлена устоявшаяся интерпретация этих артефактов, но не исключены и иные варианты моделирования их полного внешнего облика. Например, как обломка полоза, ёмкости со скульптурным оформлением или орнаментированной ручки неопределённого предмета. Тем более что у лука отсутствуют следы и остатки крепления к нему тетивы.

На стоянке-мастерской Парч 1 было найдено изделие в виде стержня в форме вытянутого эллипсоида из глинистого алевролита [14, с. 18, рис. 17: 5]. На поверхности сделаны четыре поперечные нарезки-бороздки – две в самой верхней части и по одной в центральной и нижней частях (рис. 6). Не исключено, что оно могло быть либо стержнем рыболовного крючка, грузом – частью конструкции неопределённого устройства, либо редким типом украшения – нашивкой или подвеской. Полные аналоги на мезолитических памятниках Северной Евразии не найдены.

Неолит

Источники для изучения иррационального в жизни неолитического населения региона представлены исключительно остатками и следами неутилитарного износа.

Найдены семь керамических изделий (рис. 7) без учёта неоднозначных артефактов – проб пластичности глины, фрагментов обмазок, мелких обломков скульптур и т. п. Первую группу представляют предметы, для создания которых достаточно импровизации, творческого порыва гончара: три фрагмента керамических изделий из комплекса эньтыйского типа Эньты IA (2-я пол. VI тыс. до н. э.), изображающих неопределённых существ (рис. 7: 3, 4); фигурка утки из жилища льяловской культуры Пезмогты 3А (1-я пол. V тыс. до н. э.) (рис. 7: 5); два обломка фигурки неопределённого вида животного из комплекса чужъяёльской культуры Ваднюр I/7A (2-я пол. IV тыс. до н. э.) (рис. 7: 1, 2).

Для изготовления двух остальных предметов был необходим первоначальный замысел и требовались более сложные технические решения. На поселении Вис II в отложениях раннего неолита (VI тыс. до н. э.) обна-

Рис. 6. Парч 1. Подвеска, нашивка или груз

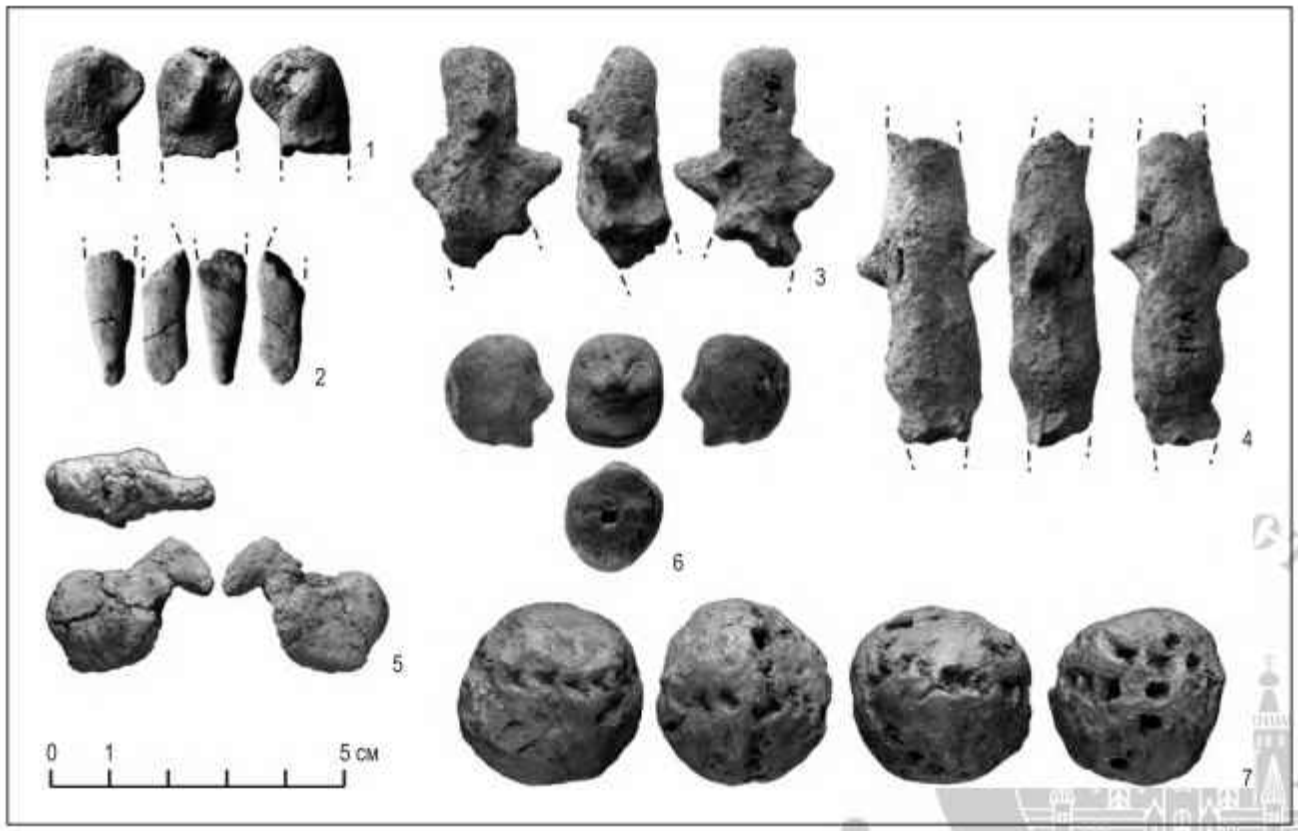

Рис. 7. Керамические поделки неолита: 1–4 – неопределённые существа; 5 – птица (утка?); 6 – голова человека; 7 – погремушка. 1, 2 – Вадиюр I/7А; 3, 4 – Эньты IА; 5 – Пезмогты 3А; 6 – Вад I; 7 – Вис II

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ружена керамическая погремушка – целый полый шар неправильной формы диаметром 30–32 мм (рис. 7: 7). Компьютерная томография позволила определить, что внутри находятся два керамических шарика размерами 2,8–3,8 мм. При встряхивании, ударяясь о стенки шара, они издают мягкий звук. Внутренняя поверхность неровная, толщина стенок колеблется от 3,5 до 7,9 мм. В составе формовочной массы явно присутствует шамот. Поверхность заглажена до лоска, возможно, от использования, а в углублениях выявлены остатки охры или прокалённого грунта. Накольчатый орнамент нанесён небрежно по двум линиям, условно по меридиану и экватору. Судя по орнаменту, примеси шамота и положению в раскопе, она может быть определена как ранненеолитическое изделие и древнейшая погремушка из сохранившихся по обеим сторонам Урала. Аналоги известны на севере Западной Сибири, но они относятся к более позднему времени – эпохе бронзы и раннему периоду эпохи железа [5, с. 106–111].

Целый предмет из жилища № 1 поселения Вад 1 (1-я пол. V тыс. до н. э.) – скульптура головы человека – найдена К.С. Королёвым (рис. 7: 6). Артефакт размерами 17×14×16 мм и массой 4 г изготовлен из шарика глины с примесью дресвы. Характерные черты лица оформлены пальцевыми защипами и вдавлениями. В уплощённом основании сделано углубление. Компьютерная рентгеновская томография изделия показала, что мастер дважды пытался сделать углубление для крепления. Свидетельства первой попытки сохранились в виде узкого канала, сделанного той же палочкой. Этот вариант крепления показался мастеру неудачным, и он сделал вторую попытку, в результате чего было частично деформировано неудавшееся углубление. Такая, казалось бы, мелкая деталь информативна: во-первых, она доказывает, что изготовление крепления было не импровизацией, а спроектированным действием. Кроме того, это свидетельствует о том, что артефакт по замыслу мастера должен был быть закреплён в определённом положении. Не исключено, что предмет – сохранившаяся деталь составного изделия, например куклы [5, с. 111–116].

В условиях неопределённости контекстов и макроследов помимо форм предметов в последнее время используется ещё одна категория источников для определения «биографии» артефактов, включая их иррациональное использование. Это следы общего недифференцированного неутилитарного износа, связанного преимущественно с транспортировкой предметов в ёмкостях, ношением на теле и одежде [подробнее см.: 15].

В первую очередь обращено внимание на артефакты с выемками, которые могли служить креплением подвесок (рис. 8). Достоверно неолитические вещи из комплексов с гребенчато-ямочной керамикой льяловского типа составляют два набора: Пезмогты 4Б и Кыстыръю, а также предмет с поселения Эньты IV. Из них изучены три предмета со стоянки Пезмогты 4Б (рис. 8: 3–5). Интересно, что на непримечательном скребке на отщепе – № 3 – такие следы выявлены, а на наконечнике (№ 4) – нет. Вероятно, последний либо изготовлен на месте, либо транспортировался непродолжительное время. Эти артефакты в льяловское время могли быть предтечей традиции фигурных декоративных бифасов, возникшей позднее в волосовской и гаринской культурах.

Энеолит и эпоха бронзы

Места упокоения

Ульяновское погребение

Выявлено Г.М. Буровым в 1959 г. в ходе раскопок мезолитической стоянки Ульяново [16, с. 91–94, рис. 16, 21, табл. 4]. В заполнении ямы без антропологических остатков найдены медные артефакты и кремнёвый наконечник стрелы, вблизи могилы – ещё один наконечник (рис. 9) и очаг с кремнёвыми предметами. На основании найденной бляшки-розетки, типичной для абашевской культуры, исследователь считал, что погребение совершено её носителями. Но корректнее интерпретировать захоронение как могилу владельца вещей абашевской культуры. Для этого можно привести следующие аргументы: отсутствие кургана и керамической посуды и, напротив, наличие предметов вооружения, что нетипично для погребальных традиций этой культуры. Кроме того, особенные типы артефактов в среде высокомобильного населения охотников-собирателей не означают автоматически культурную принадлежность. Предметы могут поступать в результате множества событий: случайные находки, намеренное разграбление могил, обмен [17, с. 82–87]. Так, судя по имеющимся источникам, КСВЕ во время существования абашевской культуры был заселён преимущественно носителями чойновтинской (гаринской) культуры, которые уже были замечены в использовании типичных абашевских предметов в культовой практике [18, с. 250, рис. 6: 3, 4].

Далее, при повторном обращении к материалам погребения, внимание привлекли два кремнёвых наконечника стрел. Один из них был найден в самой могиле вместе с медными предметами, другой – вблизи неё. Но самое интересное – это те манипуляции, которые с ними были совершены до захоронения. Уже завершённые орудия имели явные признаки последующей тепловой обработки и расщепления. В результате их испортили, лишив симметрии. Возможно, с этим обрядом намеренной порчи были связаны остатки очага вблизи могилы [17, с. 87].

Погребения на поселении Вис II

Два погребения без антропологических остатков были выявлены на территории сложного памятника с многократным заселением – поселения Вис II (бассейн р. Вычегды). Погребение № 1 зафиксировано на глубине около 0,25 м от дневной поверхности в виде пятна подовальной в плане формы размерами 2,10×0,8 м преимущественно на фоне светло-жёлтого иллювиального песка (рис. 10). Заполнение основания могильной ямы – смешанный тёмный песок с включением песка сизого оттенка и охры. Его ориентировка – ЮЮЗ–ССВ. О глубине ямы судить трудно: верхи отложений, связанных с нею, были уничтожены при распашке

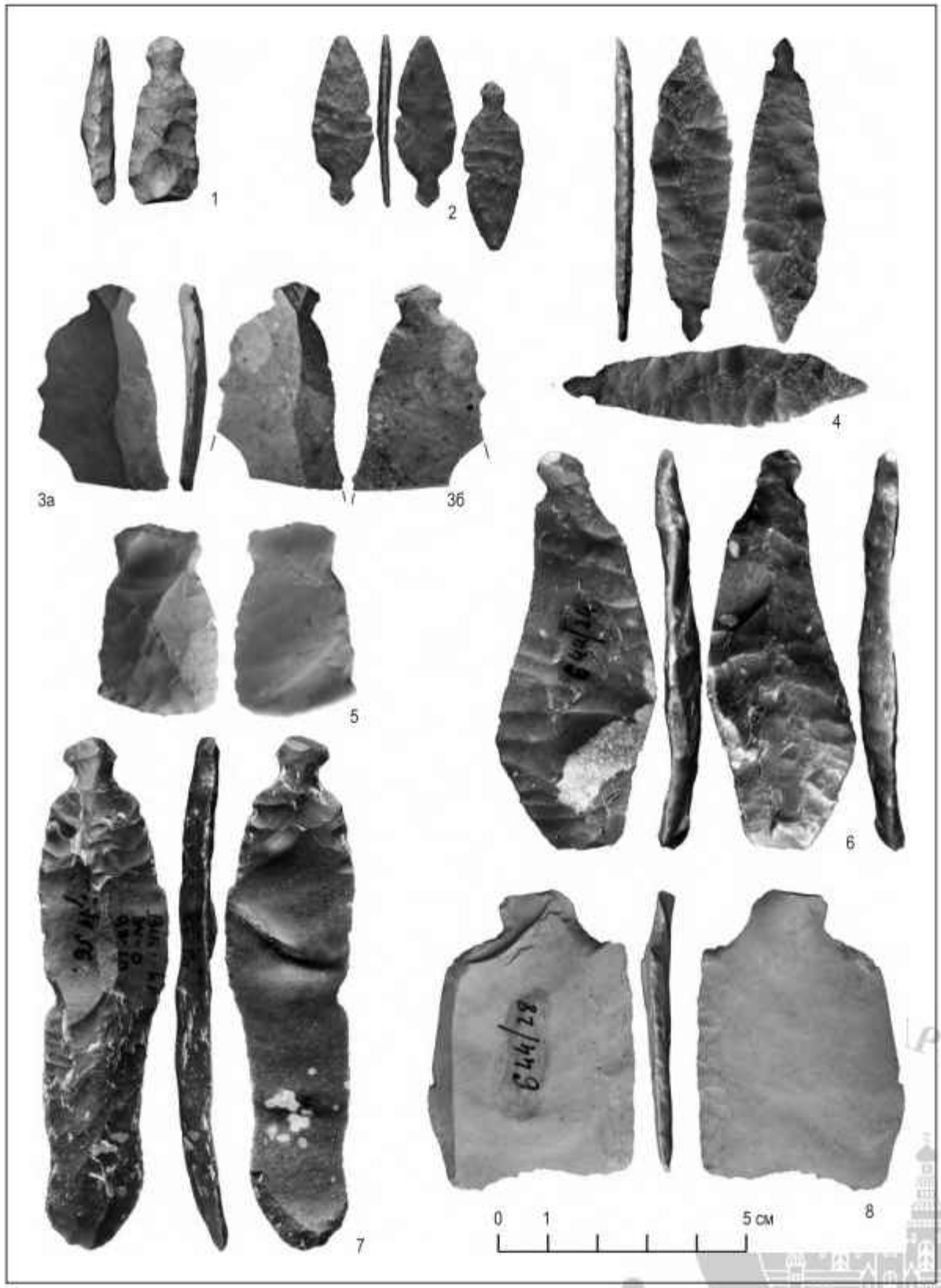

Рис. 8. Кремнёвые изделия с креплениями: 1 – Синдорское озеро, пункт 1; 2 – Эньты IV; 3–5 – Пезмогты 4Б; 6, 8 – Кыстыръю; 7 – Вис I [4, рис. 4]

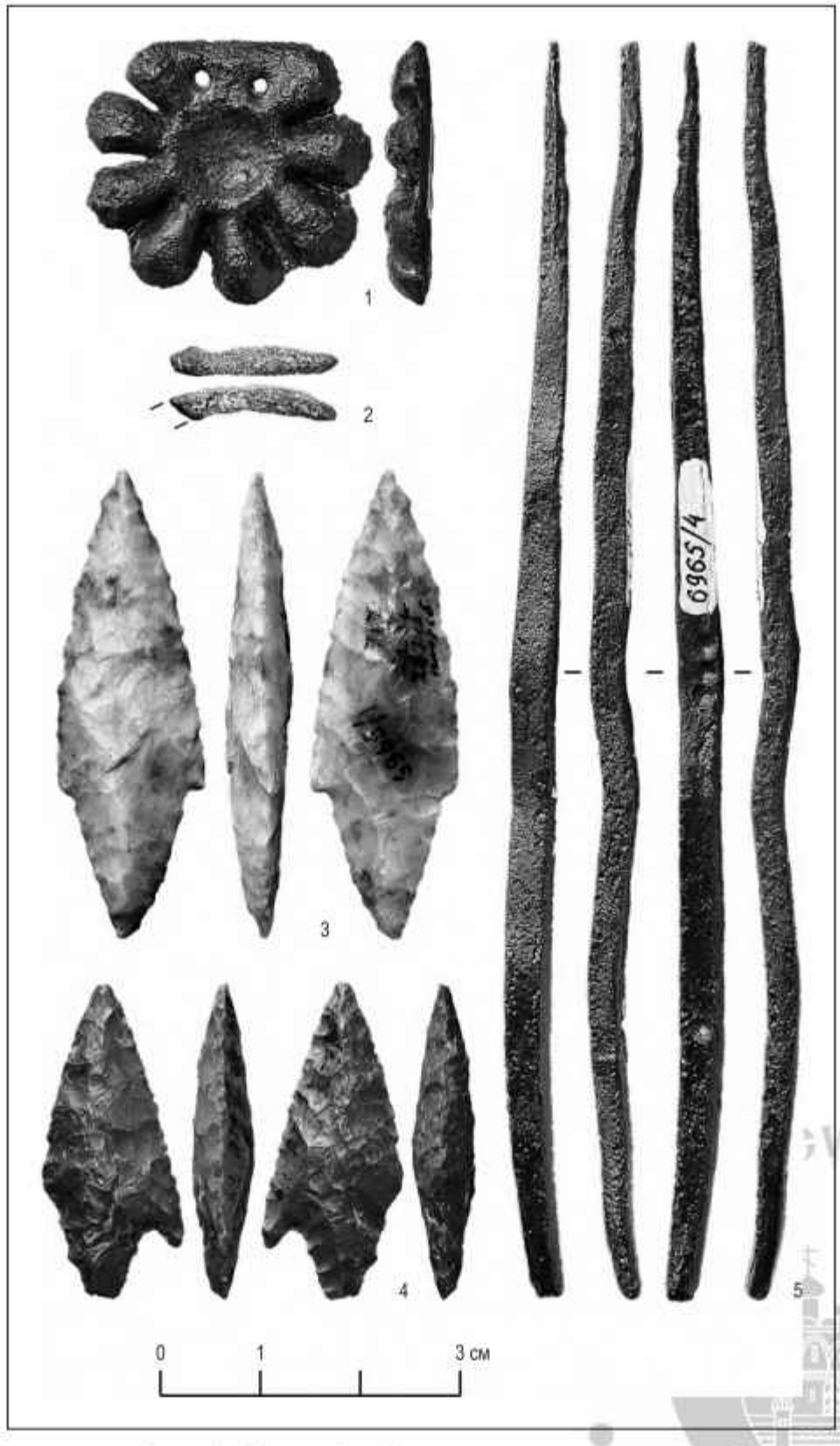

Рис. 9. Ульяновское погребение: 1 – бляшка; 2 – обломок неопределённого изделия (браслет или подвеска); 3, 4 – наконечники стрел; 5 – шило или ретушёр. 1, 2, 5 – медь; 3, 4 – кремень

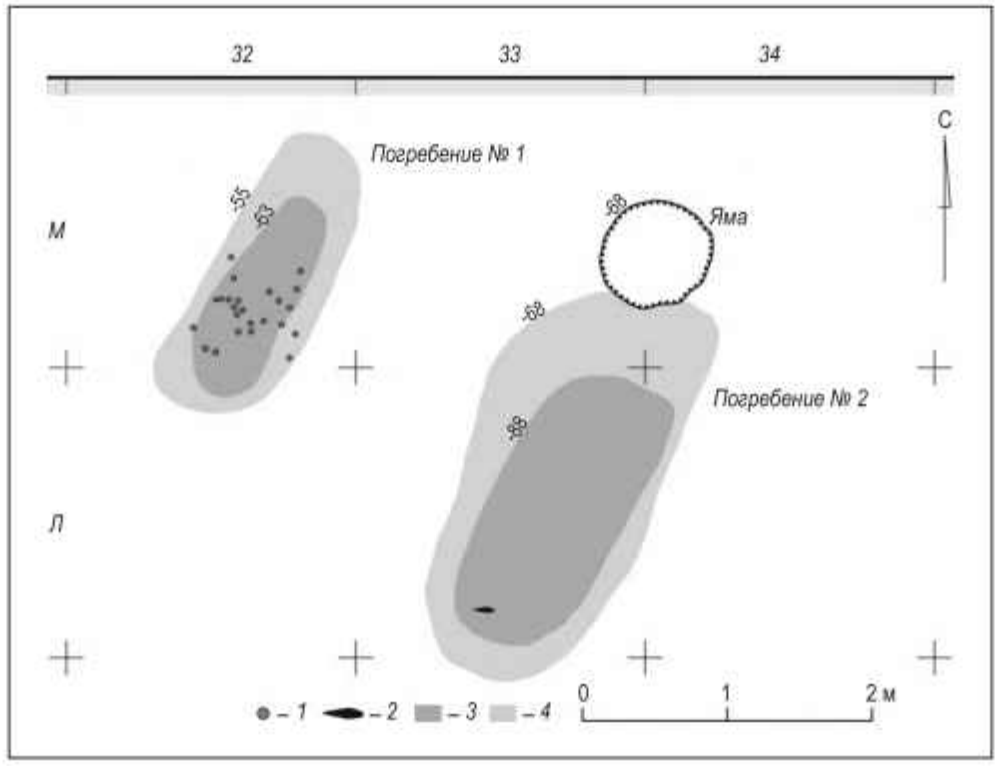

Рис. 10. Поселение Вис II. Погребения. 1 – янтарные пуговицы; 2 – кремнёвый бифас; 3, 4 – неоднородный песок, в разной степени насыщенный охрой, – следы погребений

поверхности, а от уровня первой фиксации она составляет 0,25 м. Погребальный инвентарь (рис. 11: 1–10) представляют 22 янтарные пуговицы округлой формы диаметром от 15 до 22 мм и с V-образным сверлением. В ряде случаев отверстия – сквозные (рис. 11: 1, 2, 4, 5), но, вероятно, это объясняется повреждением предметов. На рисунке 11 представлены 10 изделий наилучшей сохранности. Они обнаружены преимущественно в центральной части погребения, тяготея к южной трети могилы. На отдельных участках пуговицы, вероятно, занимали первоначальное положение в два ряда, что свидетельствует о том, что они являлись частью погребальной одежды. Вместе с тем хаотичное расположение некоторых артефактов в плане и по глубинам, а также смешанный характер заполнения свидетельствуют о поздних локальных разрушениях могилы. Необходимо отметить, что это самая представительная коллекция янтарных украшений на ЕСВ: на других памятниках – поселениях Ягу-яр (жилище № 1), Чойновты II (жилище № 13) и Попьюга (жилище № 9) – найдены лишь единичные каплевидные подвески [17, с. 90].

Погребение № 2 выявлено на уровне 20 см от дневной поверхности на фоне светло-жёлтого иллювиального песка. Его следы имели вид пятна подовальной в плане формы размерами 2,92×1,40 м. На уровне около 40 см от современной поверхности оно имело очертания, близкие к прямоугольнику. Мощность сохранившейся нижней части заполнения составляет около 0,28 м. Северная часть погребения разрушена ямой неопределённого назначения и времени. Погребальный инвентарь представляет кремнёвый бифас – наконечник копья/дротика или кинжал/нож, залегавший в южной части могилы. Он имеет асимметричную в плане форму (рис. 11: 11): один край дугообразный, а другой – в виде ломаной линии с мелкими треугольными выступами и неглубокими выемками. Такая асимметрия изделия объясняется его подправкой, макроследы которой выражаются негативами более крупных сколов на «фоне» более узких и субпараллельных фасеток. Возможно, анализ на микроуровне позволит найти дополнительные признаки, подтверждающие это. Судя по контрастной окраске кремня и глянцу поверхности, основа этого бифаса подвергнута термической обработке для дальнейшего расщепления. Таким образом, обнаруживаются явные параллели с наконечниками стрел Ульяновского погребения.

Пещерные святилища

На КСВЕ, конкретнее в бассейне р. Печоры, известны пять святилищ, приуроченных к пещерам Канинской, Уньинской, Адакской, Эшмесской, а также к гроту Арка. Канинская и Адакская (рис. 12) пещеры стали использоваться в культовых целях в эпоху бронзы, прежде всего населением лебяжской культуры, в меньшей мере носителями керамической посуды с крестовым орнаментом [1, рис. 24–26) и коршаковского типа [2, рис. 1: 34, 35].

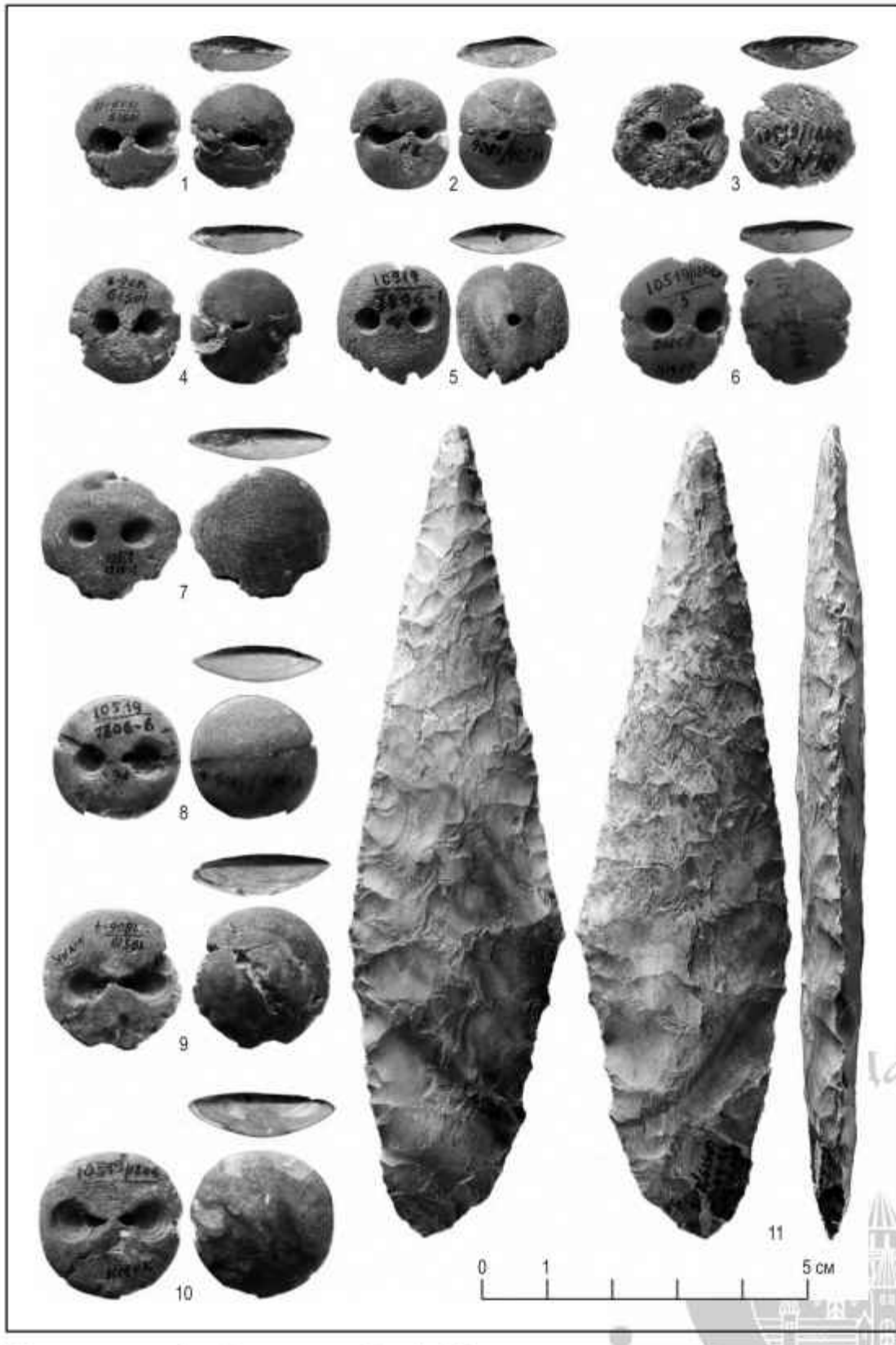

Рис. 11. Инвентарь погребений на поселении Вис II. 1–10 – янтарные пуговицы; 11 – кремнёвый наконечник копья или кинжал

Государственный объединенный музей

Рис. 12. Адакское пещерное святилище. Фото И.О. Васкула. 2001 г.

Однако свидетельства пребывания в пещерах населения периода раннего металла ограничены наконечниками и керамической посудой. Их контексты, следы и остатки возможных иррациональных практик этого времени не сохранились из-за последующих посещений пещеры в эпоху железа. Следами возможных неутилитарных действий могут являться различные виды повреждений наконечников от ударного воздействия – псевдорезцовые сколы, поперечная фрагментация и негативы сколов spin-off. Предполагается, что люди с реки метали стрелы в пещеры, попадая при этом в поверхность скалы. Это подтверждается большим числом повреждённых наконечников у входа в пещеру, а не внутри неё – типичная для святилищ Урала ситуация [8, с. 93]. Так, только коллекция из раскопа 1984–1985 гг. на площадке перед входом в сравнительно небольшую Адакскую пещеру содержит 464 наконечника, включая около 200 обломков [2, с. 67].

Коротаиха 1979/3: место обитания или святилище эпохи бронзы?

Ещё одна необычная ситуация – комплекс памятников на р. Коротаихе, текущей в Большеземельской тундре и впадающей в Баренцево море. Особенно информативен частично исследованный В.С. Стоколосом в 1979 и 1981 гг. памятник Коротаиха 1979/3 коршаковской культуры эпохи бронзы. Результаты раскопок детально опубликованы [19, с. 160–178].

При повторном обращении к материалам памятника обращено внимание на его особенности по сравнению с материалами неолита и периода раннего металла КСВЕ. «Аномалии» комплекса выражаются в его месторасположении, топографии, выявленных структурах, количественных и качественных характеристиках инвентаря.

Местность располагается вблизи своеобразного перекрёстка водных путей – самой Коротаихи и двух её притоков, связывающих тайгу, тундру бассейна Печоры и побережье Баренцева моря (рис. 13). Из-за разнонаправленности речных долин здесь сильно развиты эоловые процессы, и известные памятники занимают поверхности песчаных дюн, частично разрушенных ветровой эрозией. Топография изучаемых памятников, их приуроченность к эоловым дюнам по берегам рек, в т. ч. у устья притоков, типична для Большеземель-

Государственный объединенный музей

Рис. 13. Местоположение памятников на р. Коротаихе. 1 – Усть-Хейягинское поселение; 2 – стоянки Коротаиха 1979/3 и 1979/4

ской тундры [20; 21], но её комбинация с местом слияния трёх рек – водных путей, связывающих разные районы тундры с таёжным участком долины р. Печоры, – своеобразна, если не уникальна.

В раскопе на Коротаихе 1979/3 изучен комплекс углублений и ровик, заполненных пережжённой органикой и артефактами (рис. 14). Если углубления, которые часто интерпретируются как очажные ямы или остатки кострищ, типичны для синхронных памятников, то ровик или, по словам В.С. Стоколоса, траншейка – особенная структура. Она представляет собой углубление шириной 0,3–0,5 м и глубиной до 0,2–0,35 м, а изученная раскопом часть имеет протяжённость 12 м. Можно уверенно прогнозировать её продолжение севернее границы раскопа. Откосы ровика крутые, что с учётом рыхлости эоловых песков позволило В.С. Стоколосу предположить наличие «каких-то жестких конструкций в виде опалубки из жердей или плетенки», укреплявших борта. Аналогия описанному объекту как элементу организации пространства – ров поселения и святилища Усть-Полуй, действовавшего в раннем периоде эпохи железа и имевшего, несомненно, более значимое место в культуре населения арктической тундры [22, с. 42–47].

Обратимся к аномалиям в количественной характеристике инвентаря Коротаихи 1979/3, выявленным при сравнении с синхронными материалами региона (рис. 15). Представленная на рисунке диаграмма наглядно показывает высокое число наконечников, скребков, рубящих орудий и керамических сосудов в коллекции с этого памятника. Особенно аномально количество топоров, которые даже в коллекциях с таёжных памятников отсутствуют. А речь в нашем случае идёт о тундре.

При обращении к качественным характеристикам отдельных категорий артефактов отмечу особенности наконечников, скребков и керамической посуды. Почти все наконечники имели характерные следы ударного воздействия: сломы, псевдорезцовые сколы и фасетки spin-off (рис. 16). Можно утверждать, что даже для таёжных памятников такой износ не характерен и известно всего лишь одно такое орудие. Зато такие признаки определяют особенности наконечников, найденных в пещерных святилищах (см. выше). А стоянка Коротаиха 1979/3 находится в тундре на дюнах посреди болот, скальных выходов здесь нет. Отсюда – три разных варианта объяснения:

- наконечники извлечены из туш зверей, не исключено, что жертвенных;
- здесь мог располагаться какой-то искусственный объект, в который метали стрелы или который ударяли копьями/дротиками;
- их принесли с ближайшего пещерного святилища.

Из 53 изученных скребков 40 относятся к особому типу скребков-бифасов, которые в литературе обозначены как «копьевидные» или орудия «с подтёсанной спинкой» (рис. 17). Сравнение с инвентарём других памятников периода раннего металла показывает их значительное преобладание в коллекции с Коротаихи 1979/3. Кроме того, в этом комплексе найдено рекордное число сосудов одного типа – 82 (рис. 18). Вся совокупность изученных памятников этого времени в регионе не даёт такого объёма посуды.

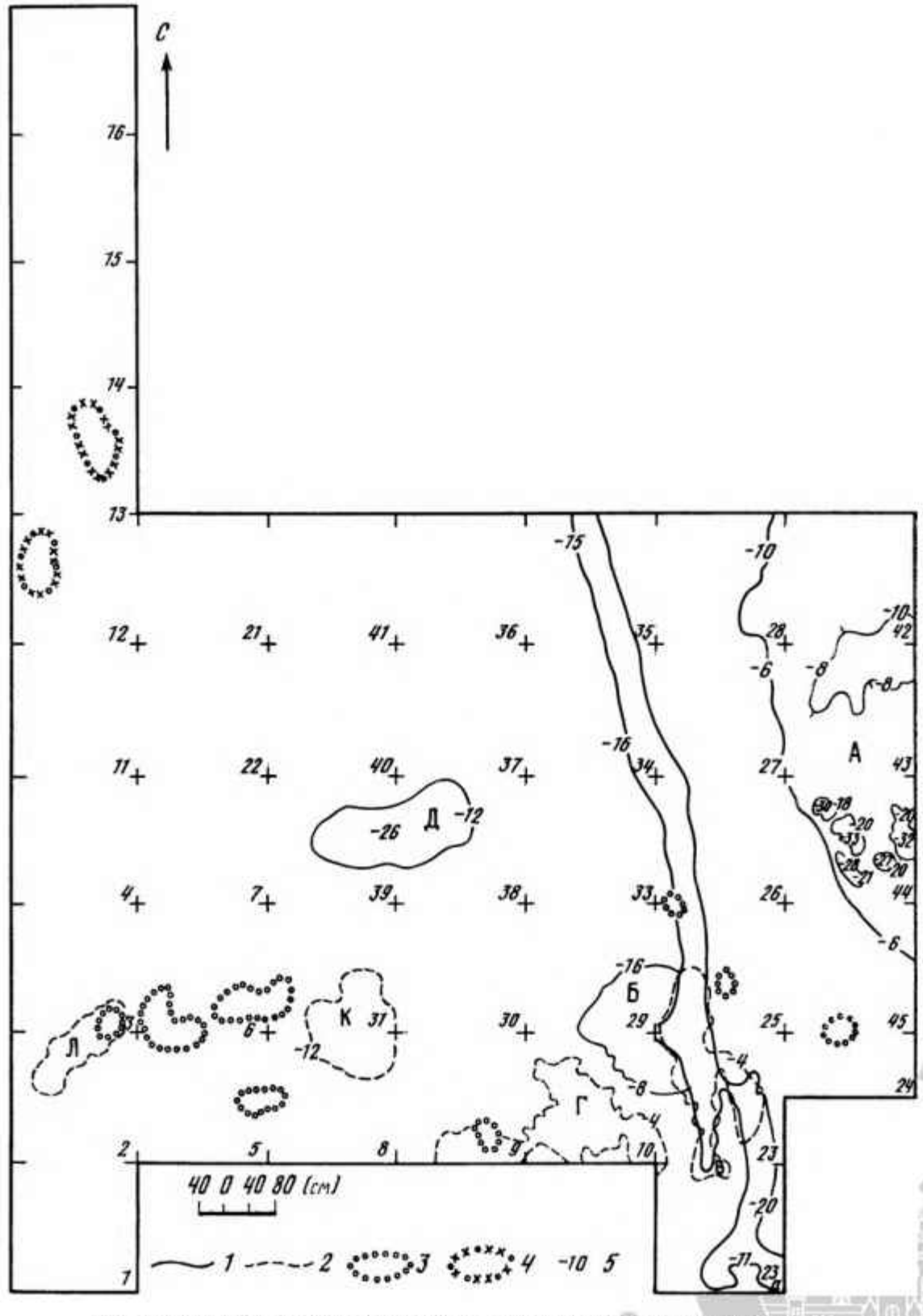

Рис. 14. Коротаиха 1979/3. План раскопа: 1 – углубления с чёткими границами; 2 – мелкие расплывчатые углубления; 3 – скопления обломков керамики; 4 – скопления обломков керамики и кремней; 5 – отметка глубины [19, рис. 60]

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Памятник	Наконечники кремнёвые	Скребки-унифасы, скребки-бифасы	Рубящие орудия и заготовки рубящих орудий	Керамические сосуды	
Корольки 11/2	9	2	0	4	
Курья 1 (два комплекса)	6	1	0	23	
Лебяжск	14	7	0	2	
Лебяжская I (два комплекса)	7	0	0	7	
Лебяжская 11/1	0	0	0	6	
Мыелдино (раскоп 2)	5	2	0	1	
Ораловское озеро 11/1	5	2	0	9	
Ручной I	4	3	0	18	
Чуддинты II (раскоп 2)	14	4	0	5	
Коршак 1 (раскоп)	13	5	0	14	
Нерчей I (раскоп)	0	0	0	6	
Коротаиха 1979/4 (раскоп)	7	8	0	19	
Коротаиха 1979/3 (раскоп)	45	40	9	82	I
Адакская пещера	683	?	0	2	
Канинская пещера	299	2	1	30	
Коротаиха 1979/3 (раскоп)	45	40	9	82	II
Ниремка V (разные типы посуды)	15	11	0	45	
Пижма II (крестовая керамика)	?		?	10	
Пижма II (лебяжская культура)	?	18	?	8	
Пижма II (поздняковский тип)	?		?	10	
Ружникова (крестовая керамика)	?		?	25	
Ружникова (лебяжская культура)	?	17	?	103	
Ружникова (поздняковский тип)	?		?	56	
Кыско (крестовая керамика)	?		?	3	
Кыско (лебяжская культура)	?	3	?	10	
Кыско (поздняковский тип)	?		?	1	
Вис I	?	16	?		
Вис II	?	29	?		
Коротаиха 1981/10 (сборы)	3	1	1	20	
Коротаиха 1979/3 (раскоп)	45	40	9	82	III

Рис. 15. Сравнение количественных характеристик коллекций с памятников эпохи бронзы и переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа с материалами стоянки Коротаиха 1973/3.
Количество: I – с опорными комплексами; II – с пещерными святилищами; III – с поселениями (памятниками) многократного заселения и сборами с поверхности

Приведённые данные об особенностях комплекса Коротаиха 1979/3 позволяют прийти к заключению о необыденной деятельности на памятнике и, возможно, функционировании здесь культового места, родового святилища, периодически посещаемого одним коллективом. Не исключена и его интерпретация как места собраний родственных семей эпохи бронзы. Для доказательной интерпретации необходимо проведение экспериментально-трасологических исследований и комплексных полевых работ.

Неординарный комплекс Ошчой V/3

Памятник был исследован В.С. Стоколосом, им же детально опубликован как жилищный комплекс чужъяёльской культуры финального неолита и энеолита [23, с. 78–87]. К источникам об иррациональном он отнесён по причине неординарности, особенностей его материалов. Коллекция содержит аномальное для неолита и энеолита КСВЕ число керамических сосудов в комплексе – 29, включая 12 миниатюрных. Как правило, однократно отложенные контексты содержат в среднем 3–5 ёмкостей среднего объёма и редко от одного до трёх миниатюрных сосудов [24]. Кроме того, найдены две крайне редкие формы – ладьевидная и шаровидная. В регионе известен лишь один ладьевидный сосуд [25, рис. 69: 8], а шаровидные не известны вовсе. Привлекает внимание и хорошая сохранность сосудов, позволившая создать 13 реконструкций [23, рис. 71–80]. При этом комплекс Ошчой V/3 содержит всего 25 орудий, среди которых преобладают скребки (14 экз.), а продукты расщепления включают 65 отщепов, 43 осколка, 16 чешуек. По сравнению с другими жилищами здесь найдено большое количество окатанных галек, в том числе расколотых и собранных в отдельные кучи.

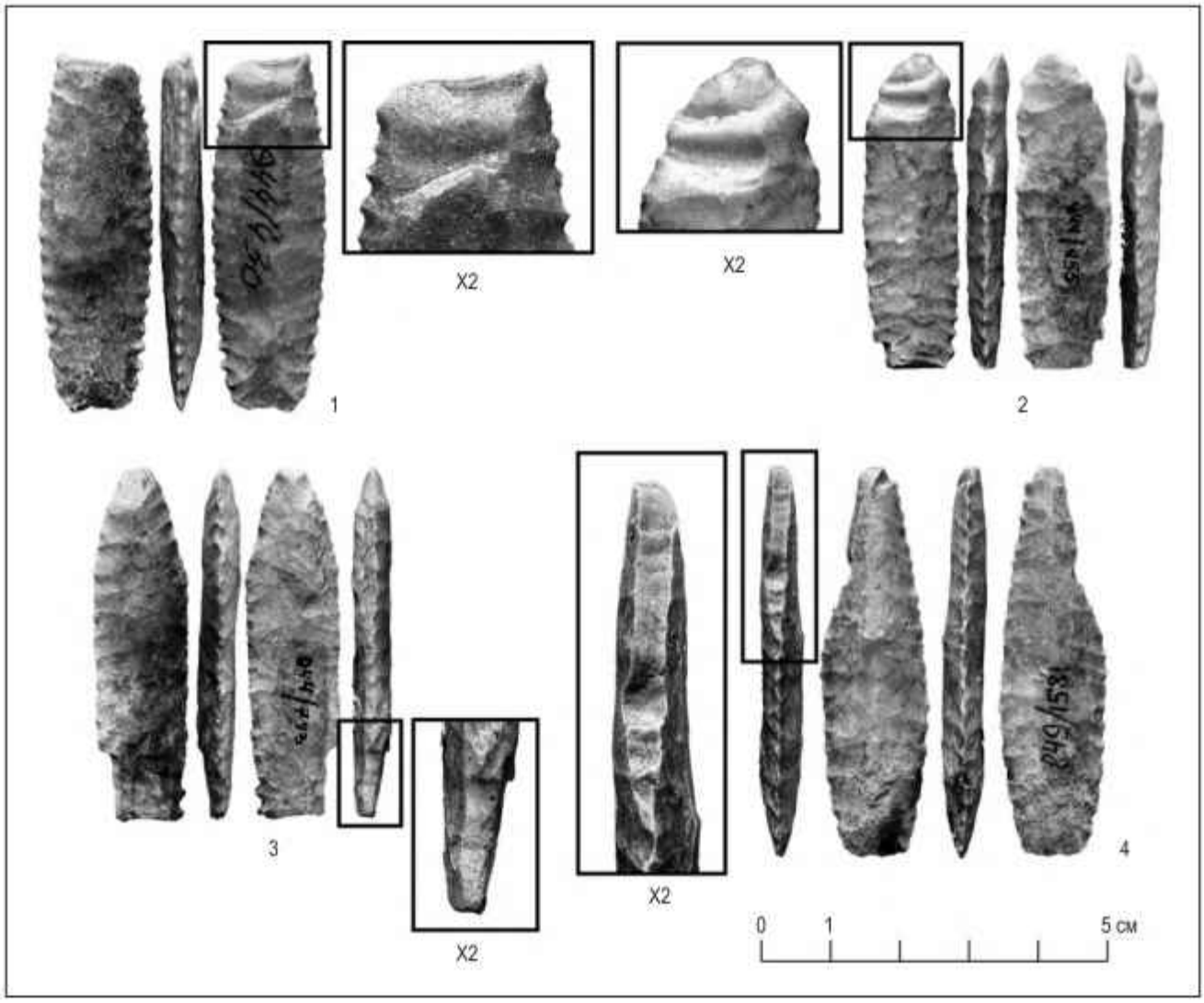

Рис. 16. Коротаиха 1979/3. Кремнёвые наконечники со следами повреждений от ударного воздействия

Ещё одна особенность памятника – его топография и соотношение в пространстве с другими жилищами. Он располагается в удалении от места расположения большего числа жилищ и занимает наиболее высокое место в этом бору.

Интерпретация таких данных затруднительна из-за отсутствия аналогий, и аномалии выявлены на фоне региональных материалов. Многократности заселения противоречит факт нахождения большого числа однотипных сосудов хорошей сохранности. Поэтому можно допустить вариант использования постройки № 3 поселения Ошчой V как культового сооружения, в котором совершались некие обряды с использованием керамической посуды. Кроме того, не исключено, что сооружение было предназначено для собрания закрытой группы в обществах охотников-собирателей, основанной, скорее всего, на половозрастной принадлежности.

Предметы неутилитарного назначения

Среди категорий артефактов неутилитарного назначения или предметов с неоднозначной интерпретацией определяются фигурный кремень, подвески из камня и янтаря, керамические «пряслица», медная бляшка-розетка и часть медной подвески. Дополнительную информацию также удалось получить благодаря трасологии, и в частности опыту определения следов общего недифференцированного неутилитарного износа.

Фигурный кремень

Миниатюрная кремнёвая скульптура – наиболее многочисленная категория предметов неутилитарного назначения (рис. 19–21). Актуальные и полные сведения о всём собрании фигурного кремня на КСВЕ опуб-

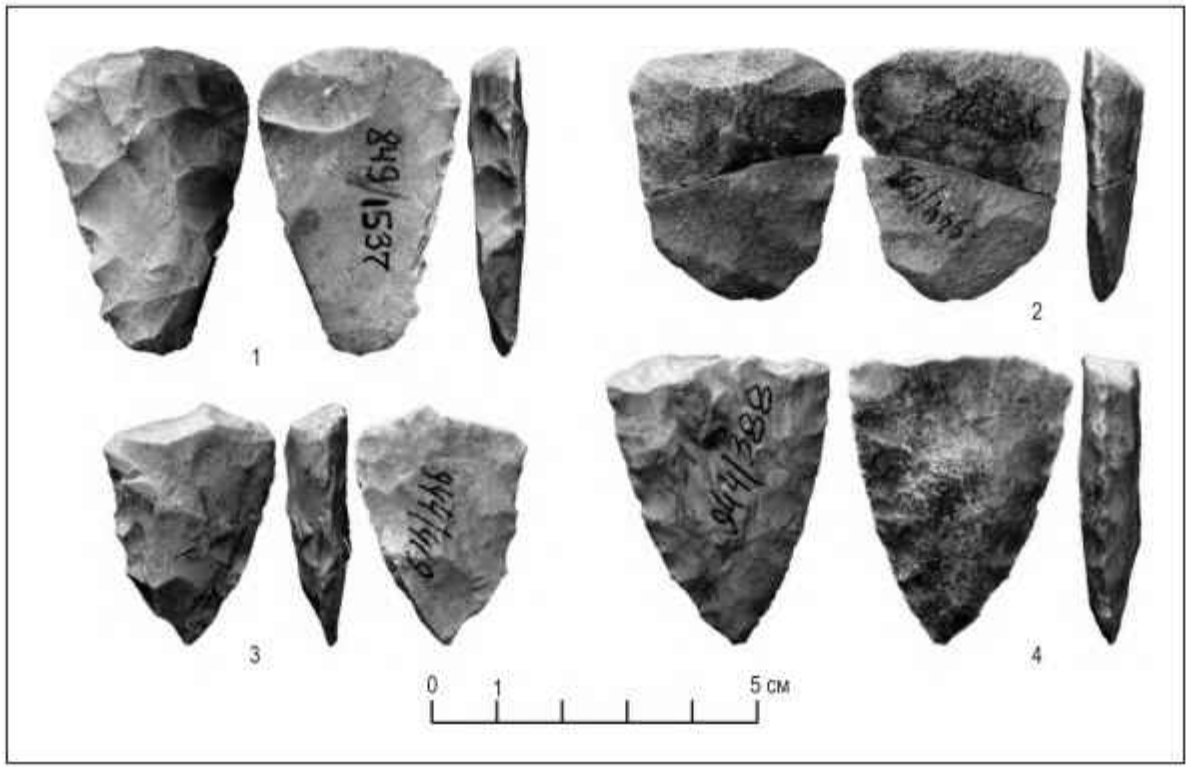

Рис. 17. Коротаиха 1979/3. Скребки. 1, 3, 4 – кремень; 2 – кварцитопесчаник

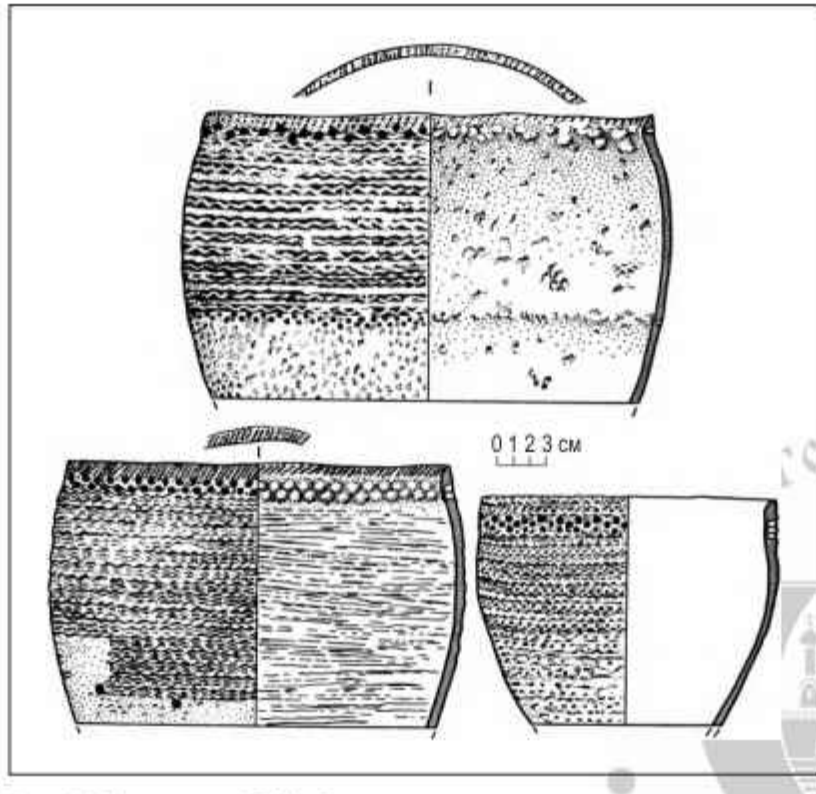

Рис. 18. Коротаиха 1979/3. Керамические сосуды коршаковского типа. Графическая реконструкция [19, рис. 62]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

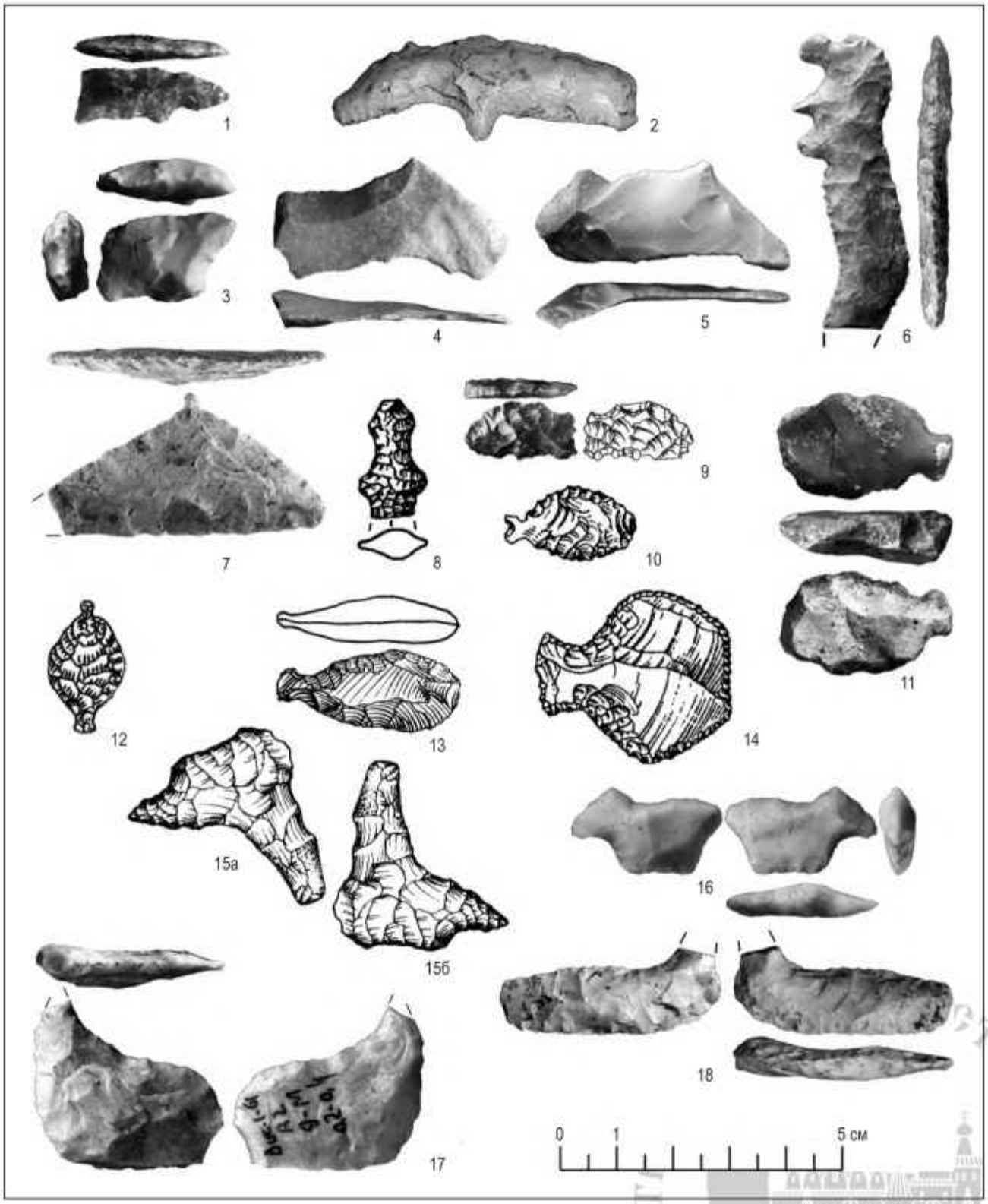

Рис. 19. Фигурки животных. Кремень. 1, 3, 4 – Лопью; 2, 6 – Вис II; 5 – Полты 1; 7 – Усть-Тимшер; 8 – Сандибей-ю VIII; 9 – Шомвуква II; 10 – Адзьва V; 11 – Усть-Кедва; 12 – Чашкинское озеро II (предоставлено А.Ф. Мельничуком); 13 – Ягкодж I ; 14 – Ярейты; 15 – Астраханцевское; 16 – Варжа; 17 – Вис I; 18 – Мартюшевское II/1 [4, рис. 2]

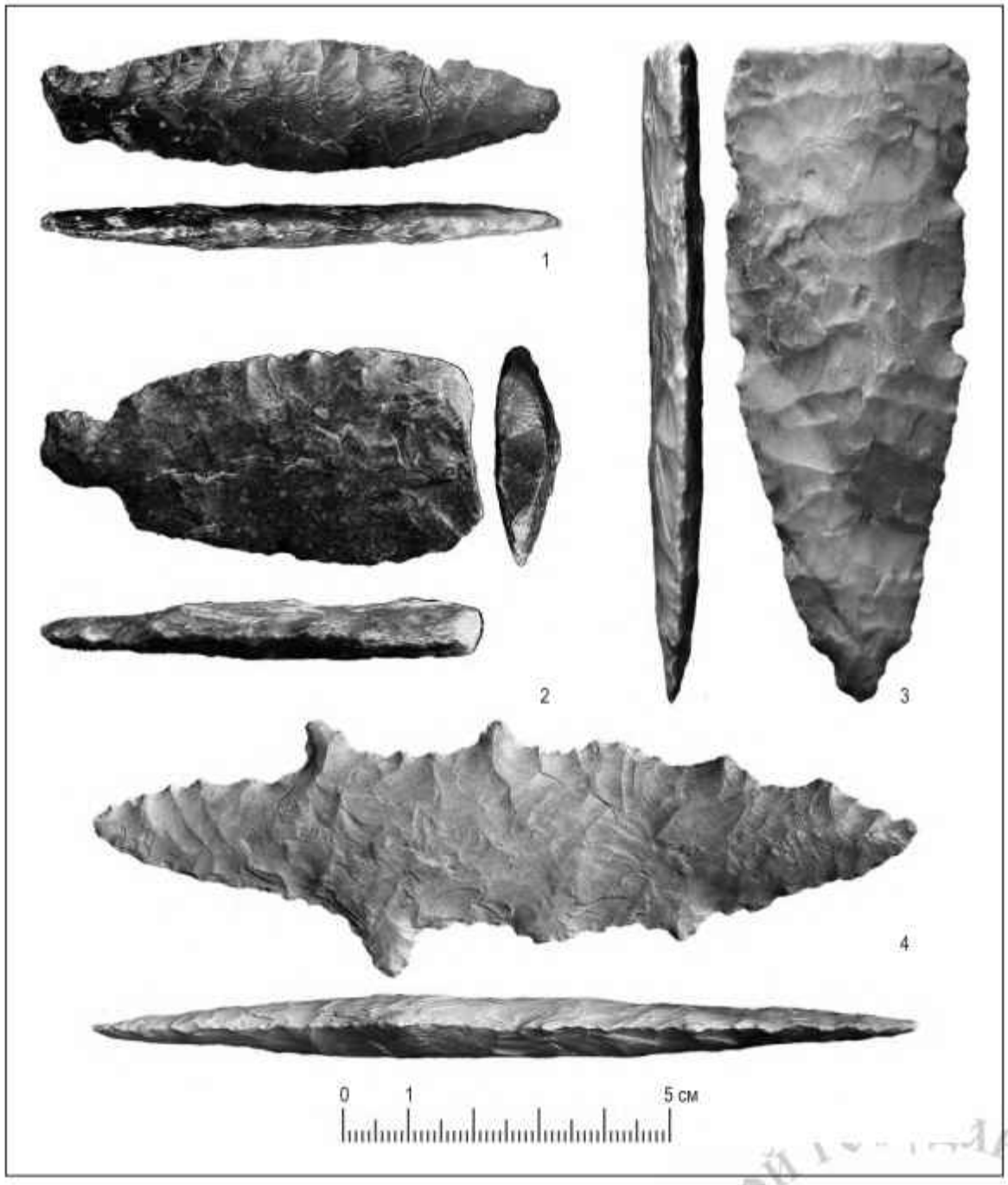

Рис. 20. Угдым IБ. Фигурные кремни из клада

ликованы [4]. За последнее десятилетие удалось установить, что фигурные кремни в регионе изготавливались и использовались преимущественно людьми гаринской (чойновтинской) культуры. Доказательством этого служат гомогенные жилищные комплексы с мастерскими Ласта VIII/1 [26], Лопью, Угдым IБ [3], Мартюшевское II [27]. Только одно изделие представлено в комплексе чирковско-сейминского типа – Поды 1/1 [28].

Особенно значимы не единичные предметы, которые могут выпасть из обихода по разным, порой случайным, обстоятельствам, а наборы артефактов. В нашем распоряжении три таких комплекта: Лопью (рис. 19: 1, 3, 4), Угдым IБ (рис. 20) и Мартюшевское II/1 (рис. 21: 1–8). Все они происходят из жилищ, в которых изготавливались в том числе наконечники, а в мастерской комплекса Мартюшевское II/1 – и фигурный кремень: символические изображения – лунницы.

Объединенный музей

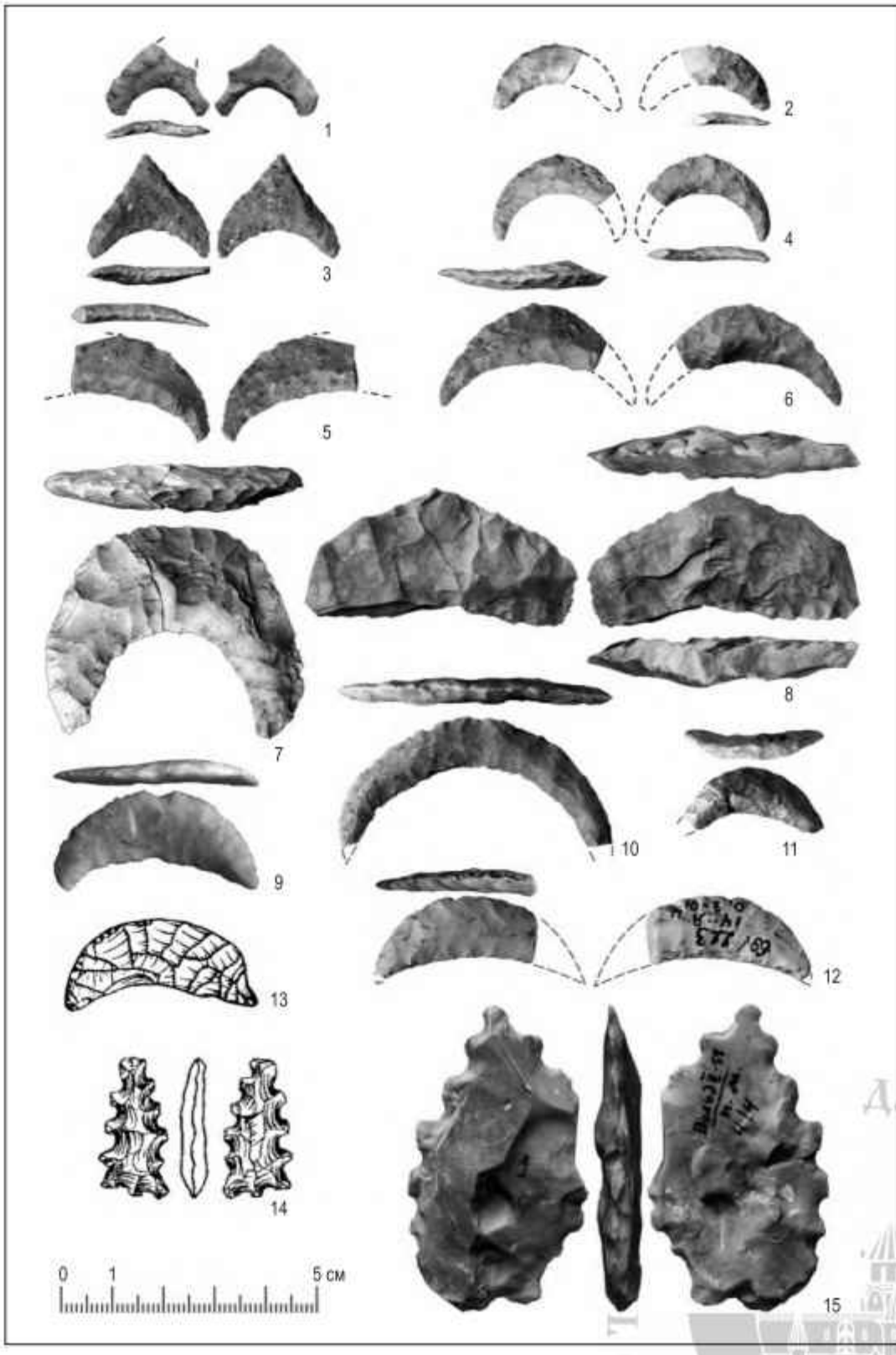

Рис. 21. Символические (1–13) и древовидные (14, 15) изображения. Кремень. 1–8 – Мартюшевское II/1; 9 – Ласта VIII; 10 – Вис I; 11 – Себъяг I; 12 – Вис II; 13 – Чашкинское озеро VI; 14 – Выстелишна; 15 – Вольдиниты [4, рис. 6]

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В жилище энеолита Угдым IБ (долина р. Вычегды) вблизи одного из очагов компактно залегал комплекс фигурных бифасов – изображений рыб, бобра или выдры или других животных с водным образом жизни, наконечников из кремня и шлифованных изделий из некремнистых пород. Часть этих предметов была изготовлена не в этой мастерской, свидетельством чего служат явные следы длительного ношения этих предметов [3].

Ещё один особенный комплекс – жилище Мартюшевское II/1 (долина р. Печоры). В отличие от упомянутого комплекта из Угдым IБ и других лунниц (Ласта VIII/1, Вис I) они не имеют следов износа. В совокупности с большим числом незавершённых и сломанных изделий это указывает на то, что они были произведены на этом месте. Таким образом, это пока единственное достоверное место производства фигурного кремня в Северной Евразии [27].

Комплект из трёх фигурок обнаружен среди остатков постройки поселения Лопью (р. Локчим, бассейн р. Вычегды). Среди изображений млекопитающих наиболее выразительна миниатюрная скульптура медведя (рис. 19: 1).

Таким образом, получается, что три набора включают изображения живущих на суше (Лопью) и в воде (Угдым IБ) животных и символические образы (Мартюшевское II/1). Будущие исследования позволят ответить на вопрос, случайно такое распределение или имеет реальное основание. Но пока истинное назначение фигурок из кремня нами не понято. Определено, что они выпадают из обихода людей в обыденных контекстах и изготавливаются в жилищах. Нет ни одного свидетельства их участия в общественных, погребальных и сакральных практиках. То есть они сопровождали повседневную жизнь людей, возможно, являясь творческим бонусом мастеров камнеобработки, амулетами, игрушками или содержимым «шкатулки семейных реликвий».

Подвески из камня

Достоверно к энеолиту относятся четыре подвески: три выполнены из плоских галек или плитчатых отдельностей неизотропных пород, четвёртая – из кремня. Кремнёвый артефакт из жилищного комплекса чужъяёльской культуры Мучкас-1 [29] ближе к символическим изображениям, а также может быть интерпретирован как редкая форма сверла (рис. 22: 5). В основе изделия тонкий отщеп, из которого контурной

Рис. 22. Персональные энеолитические украшения. 1 – Чойновты II/13; 2 – Попъюга-9; 3 – Вис II; 4 – Мартюшевское II/1; 5 – Мучкас-1; 6 – Ошчой I/6; 7 – Шиховское II/2; 8 – Эньты VII/2; 9 – Усть-Кедва-1. 1–3 – янтарь; 4 – медь; 5 – кремень; 6–8 – некремнистые породы (ближе не определялись); 9 – песчаник

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ретушью оформлена овальная основа и выделен узкий, сравнительно длинный выступ. Артефакт оригинален и не имеет аналогов. Следы неутилитарного износа, определённые Е.Ю. Гирей, указывают на длительное ношение предмета на теле или одежде.

Два изделия с поселений чужъяёльской культуры Ошчой I [23, рис. 55: 18] и Эньты VII [30, рис. 6: 12] представляют собой каплевидные подвески с биконическими отверстиями в верхней части (рис. 22: 6, 8). Аналогичные предметы из-за своей простоты широко распространены во все археологические периоды на памятниках разного типа. Их вариации связаны с разной исходной формой заготовки и характером отверстий – цилиндрических или биконических [напр.: 10, рис. 67–69, фото 42; 31; 32; 33, рис. 2: 10–17, 5]. Третий артефакт из комплекса Шиховское II/1 сделан из плитчатой отдельности, имеет неправильную четырёхугольную в плане форму и частично повреждён (рис. 22: 7). Отнесено изделие к чойновтинской (гаринской) культуре [34, рис. 9: 8], а его аналоги также обнаружены на памятниках этой культуры в Прикамье [35, рис. 3].

Ещё один предмет, который может быть атрибутирован как оригинальная подвеска в виде объёмной скульптуры головы человека, вырезан из песчаника (рис. 22: 9), найден в жилище № 1 энеолитического поселения Усть-Кедва-1 [25, рис. 15: 20]. Податливость материала позволила сравнительно точно передать черты лица, головной убор или причёску. Верхняя часть обособлена от лица неглубокой бороздой, приспособленной для крепления фигурки.

Янтарные украшения

На поселении Вис II помимо описанных выше янтарных пуговиц из погребения найдена пронизка (рис. 22: 3), к сожалению, лишённая достоверной связи с каким-либо комплексом. Но, судя по частоте находок такого типа в могильниках IV–III тыс. до н. э. [напр.: 36, рис. 61: 12–18; 37, рис. 82–85; 38], она также могла быть связана с несохранившимся или повреждённым, но неизученным захоронением.

В жилищах чойновтинской (гаринской) культуры Ягу-яр (жилище № 1), Чойновты II (жилище № 13) и Попъюга (жилище № 9) найдены каплевидные подвески из янтаря, повторяющие контуры подвесок из камня (рис. 22: 1, 2). Отверстие в верхней части сохранилось, и то не полностью, лишь у артефакта из Чойновты II, на остальных его можно только предполагать. Разнообразные подвески из янтаря также происходят в основном из могильников, но среди их множества каплевидные, овальные или кулонообразные формы редки [36, рис. 99: 5, 100: 7; 37, табл. 3].

Металлические украшения

Неутилитарные предметы из металла – редкая категория находок на памятниках энеолита и эпохи бронзы КСВЕ. Известны всего два медных артефакта, не считая мелких обломков, интерпретация которых неоднозначна. К украшениям могут быть отнесены бляшка-розетка из Ульяновского погребения владельца абашевских вещей (подробнее см. выше) (рис. 9: 1) и деталь очковидной подвески или оригинального украшения из плоской проволоки, свёрнутой в спираль (рис. 22: 4), из жилища гаринской культуры Мартюшевское II/1 [27].

Керамические «пряслица»

Керамические поделки на памятниках энеолита и эпохи бронзы не обнаружены, но выявлена другая категория изделий из глины – диски с центральным отверстием, традиционно интерпретируемые как пряслица. Определены две группы таких предметов согласно технологии их изготовления: лепные, т. е. изготовленные и орнаментированные целенаправленно как диски (рис. 23: 1–5), и точёные, сделанные из обломков стенок керамических сосудов (рис. 23: 6–9). Примечательно, что способы их производства коррелируют с культурной атрибуцией: лепные характерны для поздних памятников чужъяёльской культуры, а точёные – для чойновтинской (гаринской) культуры. Эти памятники могут быть синхронны в пределах 1-й пол. III тыс. до н. э. [39]. Этот период – ещё и пик использования дисков населением КСВЕ. Пока не известно ни одного подобного артефакта на памятниках неолита и эпохи бронзы. Это прибавляет веса аргументации сторонников дополнительного – сакрального – значения предметов [40], поскольку если бы они были связаны только с прядением, традиция их использования была бы более устойчива. Материалы КСВЕ происходят из обыденных жилых комплексов и поэтому не дают возможности достоверно судить ни об одной из функций этих предметов.

Следы

Следы неутилитарного износа были выявлены на рассмотренных выше фигурных кремнях из клада Угдым IБ (рис. 20), поселений Ласта VIII (рис. 21: 9), Вис I (рис. 21: 10), Вис II (рис. 19: 6), подвеске из жилища Мучкас-1 (рис. 22: 5). Кроме того, в последнем найден наконечник со следами длительного ношения (рис. 24: 1). То, что его не использовали по прямому назначению, ещё раз подтверждает отсутствие у людей чужъяёльской культуры устойчивой традиции использования кремнёвых наконечников для охоты.

Ещё одно оригинальное изделие Е.Ю. Гиря обнаружил в коллекции из упомянутой мастерской жилища Мартюшевское II/1 (рис. 24: 2). Это наконечник, характер износа которого указывает на то, что его могли использовать необычно – как поперечно-лезвийное орудие [27]. Удалось найти и аналогию такому применению стрел среди материалов культового места в Усть-Койвинской пещере [8, рис. 133: 9].

Рис. 23. Керамические «пряслица» и обломки «пряслиц»: 1 – Эньты VII/1; 2 – Луньяг I; 3, 4 – Эньты VII/2; 5 – Эньты II; 6–9 – Шиховское II/2. 1–5 – лепные, чужъяёльская культура; 6–9 – изготовленные из стенок керамических сосудов, гаринская культура

Непонятна «биография» рубящего орудия (рис. 24: 3) из жилищного комплекса Шиховское II/2 [34, рис. 9: 9]. Его фрагмент после поломки играл роль абразива для заточки чего-то острого, костяного или металлического, но после утилитарного использования он зачем-то был обсыпан или обмазан охрой.

Клады

Клады, приклады, склады каменных изделий – категория мест упокоения, которую, как правило, трудно атрибутировать и интерпретировать однозначно. Ведь скопления артефактов не обязательно связаны с иррациональным поведением, а могут являться банальными припасами.

Помимо описанного выше клада Угдым IБ (рис. 20), явно не утилитарного, на КСВЕ известны ещё три компактных скопления предметов. Это склад 50 орудий на стоянке Сирпач-шор (долина р. Печоры), выявлен В.И. Канивцом в 1969 г., а опубликован В.Е. Лузгиным в 1977 г. [41, с. 25–27] (рис. 25). Второй комплекс – местонахождение Евдино 1 (долина р. Выми, бассейн р. Вычегды) – включал 20 заготовок крупных кремнёвых орудий и около 40 крупных осколков и отщепов [25, с. 95]. Третий, более скромный склад аккуратно

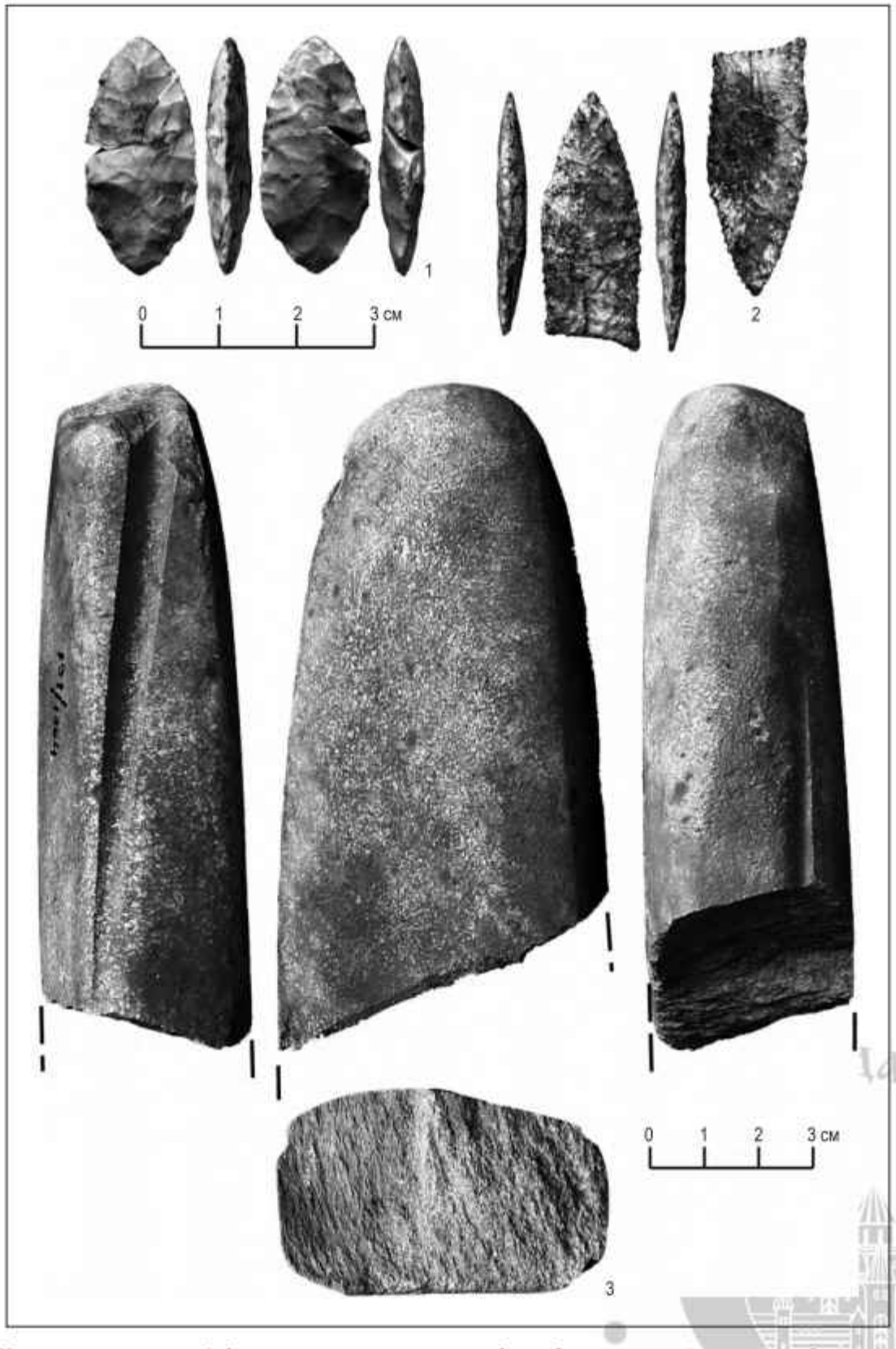

Рис. 24. Каменные предметы: 1, 2 – кремнёвые наконечники; 3 – рубящее орудие (первично), абразив (вторично) из некремнистой породы. 1 – Мучкас-1; 2 – Мартюшевское II/1; 3 – Шиховское II/2

Государственный объединенный музей

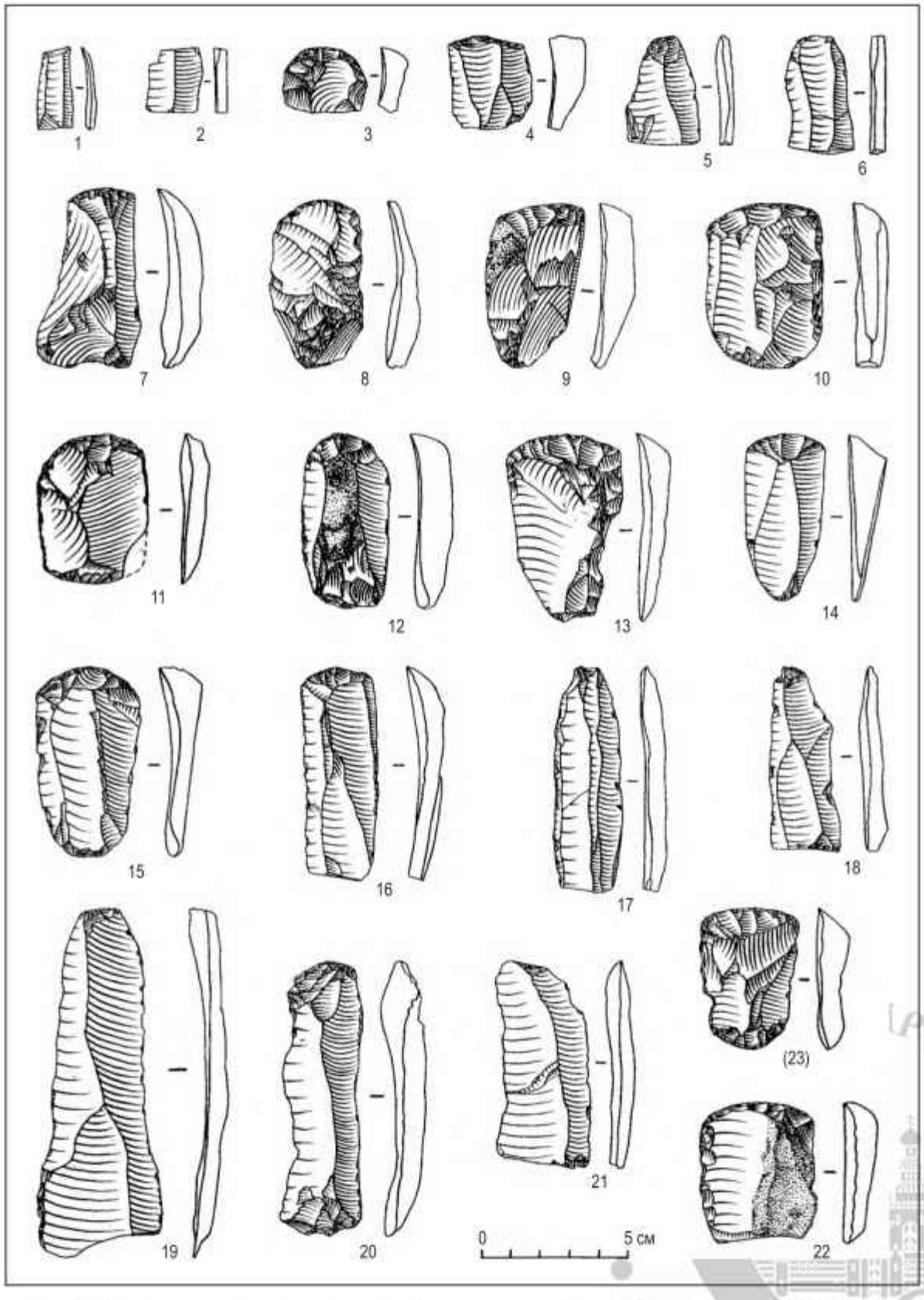

Рис. 25. Сирпач-шор. Состав склада кремнёвых предметов. По рисунку из архива В.И. Канивца

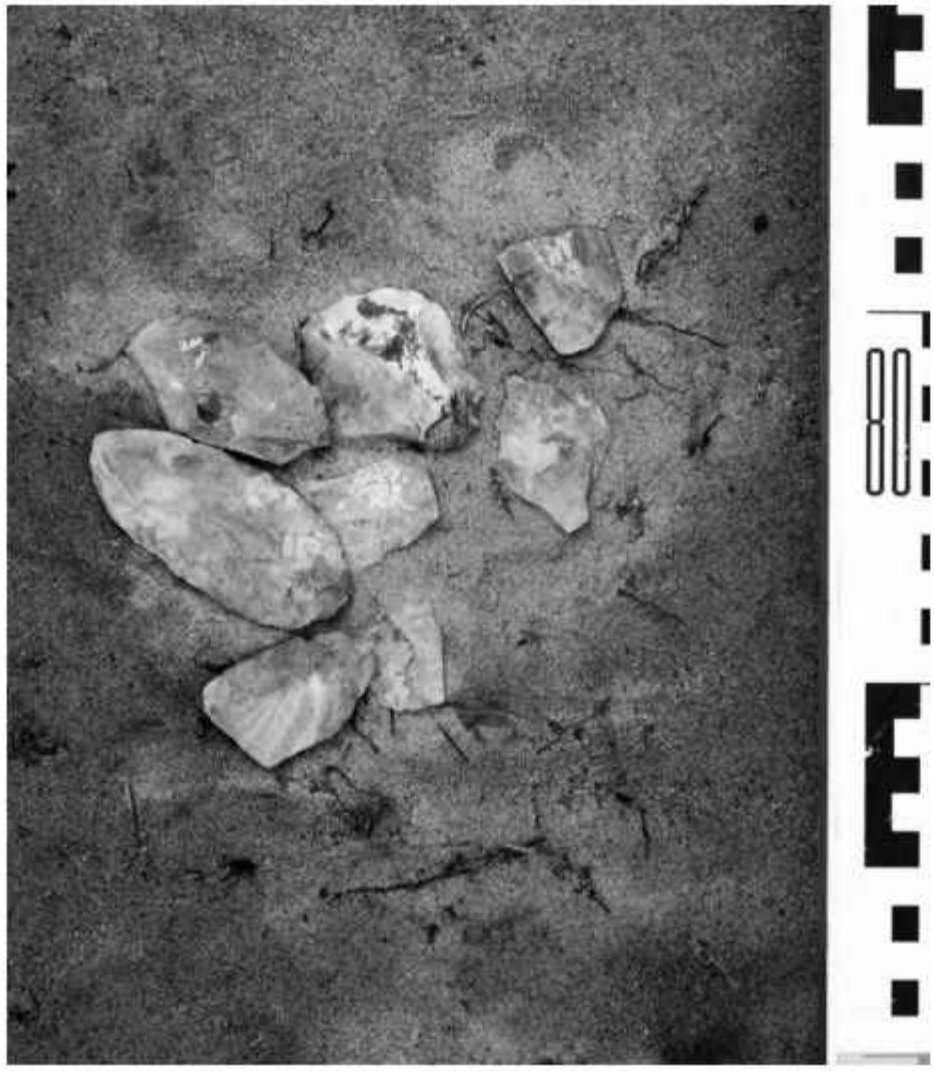

Рис. 26. Угдым IГ. Склад заготовок и отщепов кремня

уложенных 2 заготовок бифасов и 6 отщепов (рис. 26) найден в жилище Угдым IГ (долина р. Вычегды). Несмотря на возможную интерпретацию их как припасов, нам остаётся непонятным, почему они не были использованы впоследствии. Вероятно, это могли быть утилизированные или не пригодные для дальнейшего использования или обработки предметы. Для ответа на этот вопрос необходим анализ микроследов.

Заключение

Источники об иррациональном в культурах населения КСВЕ в эпоху камня и в период раннего металла пока ещё крайне скудны, а некоторые доступные данные требуют дополнительных исследований для их доказательной интерпретации. Но несомненна необходимость периодического обращения к обобщению и систематизации актуальных сведений.

Сегодня можно представить предварительные данные о динамике использования предметов неутилитарного назначения или обыденных артефактов в неутилитарных целях. Среди остатков эпохи камня такие изделия очень редки, единичны, не имеют полных аналогов, и как правило, они все найдены в обыденных контекстах. Энеолит характеризуется декоративными кремнёвыми бифасами с неясными символическими функциями, которые залегают наборами или представлены единично, составляя серии с артефактами из других мест.

Персональные украшения в виде подвесок или нашивок найдены на памятниках всех периодов, но особенно их число и разнообразие используемых материалов характерно для энеолита. В этот же период распространяются жанр миниатюрной кремнёвой скульптуры и использование керамических «пряслиц». Напротив, керамические фигурки животных и неопределённых существ найдены исключительно на памятниках

неолита. Зато нет ни одного предмета явного неутилитарного назначения в коллекциях с мест обитания эпохи бронзы, но вместе с тем появляются свидетельства использования пещер и некоторых уникальных мест как святилищ. И в неких иррациональных действиях начинают принимать участие банальные артефакты: кремнёвые наконечники и керамическая посуда. Явные свидетельства металлообработки [28] и редкие медные украшения указывают на то, что последние использовались населением периода раннего металла, но, вероятно, выпадали из обихода в погребальном обряде. А места упокоения в условиях высокой мобильности – трудноуловимая категория источников.

Таким образом, полученные результаты позволяют определить направление эволюции иррациональной сферы культуры мобильных охотников и собирателей тайги и тундры. Высокая энтропия рассеянных в пространстве домашних святилищ семей эпохи камня упорядочивается в период раннего металла распространением на широкой территории однотипных украшений и орудий и далее началом действия в эпоху бронзы особых объектов – пещерных (Адакское и Канинское), и возможно, открытых (Коротаиха 1979/3) святилищ. В эпоху железа число и интенсивность использования таких особенных культовых мест растёт [42–44], в то время как свидетельства иррационального поведения практически исчезают из остатков обыденных контекстов.*

* Исследование проведено по теме НИР «Археологические источники: описание, систематизация и критический анализ (по материалам Европейского Северо-Востока России) (№ 122040800169-1) в рамках выполнения госзадания ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Канивец В.И.* Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 137 с.
2. *Рябцева Е.Н., Семенов В.А.* Адакское пещерное святилище на реке Усе и проблемы освоения Полярного Урала // Двести лет Арктической археологии. М.: Наука, 1990. (КСИА. Вып. 200). С. 66–72.
3. *Карманов В.Н., Гиря Е.Ю.* Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–155.
4. *Карманов В.Н.* Просто красота или ещё и магия? Фигурные кремни и их место в первобытной культуре Севера // Stratum Plus. 2022. № 2. С. 139–158.
5. *Карманов В.Н.* «Колобки» «лесного» неолита: керамические поделки охотников-собирателей северо-востока Европы (Республика Коми, Россия) // Stratum plus. 2023. № 2. С. 105–118.
6. *Гуслицер Б.И., Канивец В.И.* Пещеры Печорского Урала. М.: Наука, 1965. 133 с.
7. *Павлов П.Ю.* Палеолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 44–90.
8. *Сериков Ю.Б.* Пещерные святилища реки Чусовой. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2009. 368 с.
9. *Svendsen, J.I., Heggen, H.P., Hufthammer, A.K., Mangerud, J., Pavlov, P., Roebroeks, W.* Geo-archaeological investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains – On the northern presence of humans during the last Ice Age // Quaternary Science Reviews. 2010. № 29. P. 3138–3156.
10. *Сериков Ю.Б.* Очерки по первобытному искусству Урала. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2014. 268 с.
11. *Павлов П.Ю.* Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2004. 36 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО Российской академии наук. Вып. 467)
12. *Павлов П.Ю.* Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, антропология и этнография Евразии. 2008. № 1 (33). С. 33–45.
13. *Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю.* Стоянка Ширококово II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар, 2007. С. 7–21.
14. *Волокитин А.В.* Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2006. 126 с.
15. *Гиря Е.Ю.* Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. К 75-летию Вячеслава Евгеньевича Щелинского. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 232–268.
16. *Буров Г.М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.
17. *Карманов В.Н.* Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 81–97.
18. *Бадер О.Н.* Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. № 21. 1954. С. 241–258.
19. *Стоколос В.С.* Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
20. *Чернов Г.А.* Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985, 169 с.
21. *Мурыгин А.М., Карманов В.Н., Кленов М.В.* Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. 68 с.
22. *Гусев А.В., Федорова Н.В.* Морфология древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй // Усть-Полуй: материалы и исследования: коллективная монография в двух томах. Том 1. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. С. 19–64. (Археология Арктики. Вып. 4)
23. *Стоколос В.С.* Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. 191 с.
24. *Карманов В.Н.* Керамическая посуда в культуре бродячих охотников Крайнего северо-востока Европы // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 230–240.
25. *Семенов В.А., Несанелене В.Н.* Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета): Учебное пособие. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1997. 172 с.
26. *Истомина Т.В., Макаров А.С.* Ласта VIII – опорный памятник эпохи раннего металла на р. Ижме // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 229–241.
27. *Карманов В.Н., Туркина Т.Ю., Гиря Е.Ю.* Особенная кремнеобрабатывающая мастерская энеолита на поселении Мартюшевское II (долина Печоры, Республика Коми) // РА. 2021. № 3. С. 20–36.

28. *Карманов В.Н.* Каменные индустрии энеолита на крайнем северо-востоке Европы: явление новой сложности // Уральский исторический вестник. 2023. № 1. С. 26–37.
29. *Карманов В.Н., Белицкая А.Л.* Мучкас-1 – новый опорный комплекс чужъяёльской культуры на р. Мезени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 1. С. 21–31.
30. *Логинова Э.С.* Эньты VII // Поселения финального неолита и энеолита в бассейнах Северной Двины, Печоры и Мезени. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. (МАЕСВ. Вып. 21). С. 43–57.
31. *Milner, N., Bamforth, M., Beale, G., Carty, J.C., Chatzipanagis, K., Croft, S., Conneller, C., Elliott, B., Fitton, L.C., Knight, B., Kröger, R., Little, A., Needham, A., Robson, H.K., Rowley, C.C.A., Taylor, B.* A Unique Engraved Shale Pendant from the Site of Star Carr: the oldest Mesolithic art in Britain // Internet Archaeology. 2016. № 40.
32. *Степанова К.Н., Малютина А.А., Бессуднов А.А.* Подвески из органических и минеральных материалов в коллекции II слоя Костенок 17 // Древнейший палеолит Костенок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костенковско-Борщевском районе): материалы межрегиональной научно-практической конференции. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 40–48.
33. *Голубева Е.Н., Чижевский А.А.* Сланцевые подвески из энеолитических погребений Мурзихинского II могильника: морфолого-функциональный анализ (предварительные данные) // Археология евразийских степей. 2020. № 5. С. 76–88.
34. *Паршуков Ю.В.* Шиховское II // Поселения финального неолита и энеолита в бассейнах Северной Двины, Печоры и Мезени. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. (МАЕСВ. Вып. 21). С. 101–122.
35. *Лычагина Е.Л., Смертина А.Ю.* Каменные украшения с памятника гаринской культуры Чашкинское Озеро II // Уфимский археологический вестник. Т. 22. № 1. 2022. С. 26–34.
36. *Зимина М.П.* Древнейшие могильники Валдайского Приозерья. IV–III тысячелетие до н.э. II Кончанский могильник (материалы). М.: Экстра-Принт, 1999. 125 с.
37. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
38. *Иванищев А.М.* Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V. Вологда: Легия, 1996. С. 3–28.
39. *Карманов В.Н., Зарецкая Н.Е.* Радиоуглеродная хронология чужъяёльской культуры // Поволжская археология. 2021. № 3. С. 55–69.
40. *Сериков Ю.Б.* К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 93–101.
41. *Лузгин В.Е.* Неолитические стоянки в долине р. Индиги // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. (МАЕСВ. Вып. 6). С. 23–30.
42. *Мурыгин А.М.* Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 179 с.
43. *Мурыгин А.М., Липс С.А., Кардаш О.В.* Древнее святилище на реке Море-Ю: Каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. Екатеринбург: Караван, 2016. 312 с.
44. *Васкул И.О., Холопов М.И.* Поселение-святилище первой половины I тыс. н.э. Мыёлдино на верхней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2005. (МАЕСВ. Вып. 17). С. 47–61.

Институт языка, литературы и истории
Коми Научного центра Уральского отделения
Российской академии наук,
Сыктывкар

V.N. Karmanov

THE IRRATIONAL IN THE STONE AGE AND EARLY METAL AGE CULTURES OF THE FAR NORTH-EAST OF EUROPE: DETAILS

Summary

The paper summarises and systematizes the archaeological data for the study of the Irrational in the Stone Age and Early Metal Age cultures of the Extreme North-East of Europe. Three groups of data are defined: unusual, anomalous situations revealed by the study of synchronous contexts; remnants – handicrafts, toys or objects of prehistoric art; traces of processing and various types of wear.

Due to the high mobility of taiga and tundra hunter-gatherers and the peculiarities of material preservation, records about the Irrational in the cultures of these people are still extremely scarce. In addition, some of the available data are in need of further research for their evidential interpretation. However, it is already possible to identify the main trend in the dynamics of prehistoric culture. High entropy of scattered in space "home sanctuaries" of families of the Stone Age is gradually ordered with distribution on extensive territories of complexes with uniform ornaments, tools and subsequently in an epoch of Bronze the beginning of action of cave sanctuaries and, probably, open sacrificial places. In the Iron Age, the number and intensity of the use of such special sites increases, while evidence of irrational behaviour practically disappears from the remains of profane contexts. This may indicate an intensification of exchange and that irrational behaviour of people transcends family traditions and conforms to the canons of indeterminate overfamily formations.

Institute of Language, Literature and History
of the Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation
E-mail: vkarman@bk.ru

М.А. Холкина

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО САКАРИ ПЯЛЬСИ: НА 140-ЛЕТИЕ УЧЁНОГО[1]

В 2022 году исполнилось 140 лет со дня рождения финского археолога Сакари Пяльси (1882–1965). Его докторская диссертация «Поселения каменного века на Риукъярви и Пискунсалми в Каукола», защищённая в 1915 г., стала первым обширным исследованием по каменному веку Карельского перешейка. Известность Сакари Пяльси как археологу принесли его раскопки рыболовной сети в Антреа Корпилахти в 1914 г. и жилища в Ряйсяля Питкяйярви в 1915 г. На родине творчеству Сакари Пяльси посвящены многочисленные публикации, с 2012 г. существует его мемориальное общество, опубликованы биографии учёного [8; 12 и др.] и его переписка [13]. Однако на русском языке о нём есть лишь несколько статей. Данный обзор призван частично заполнить этот пробел с особым вниманием к экспедициям С. Пяльси в Монголию и на Дальний Восток, а также к археологическим работам на Карельском перешейке – темам, подробно представленным в публикациях на разных языках, прежде всего на финском.

DOI: 10.70203/8592.2024.28.80.054

Введение

В 2022 году исполнилось 140 лет со дня рождения финского археолога Сакари Пяльси (1882–1965). Его докторская диссертация «Поселения каменного века на Риукъярви и Пискунсалми в Каукола» [1], защищённая в 1915 г., стала первым обширным исследованием по каменному веку Карельского перешейка. Известность Сакари Пяльси как археологу принесли его раскопки рыболовной сети в Антреа Корпилахти в 1914 г. [2, p. 1–19] и жилища в Ряйсяля Питкяйярви в 1915 г. [3, p. 25–34].

Сакари Пяльси начал свою научную карьеру как ученик Юлиуса Айлио и участник его проекта по изучению каменного века Карельского перешейка. Впоследствии он также занимался этнографией (поездки в Монголию, на Чукотку, в Америку и по Европе), публиковал свои путевые заметки и журналистские статьи, снабжая их собственными фотографиями, писал культурологические очерки (напр., о финской сауне [4] или ножах пуукко [5]), популярные и детские книги. Широта взгляда и писательский дар сделали Пяльси одним из лучших популяризаторов археологии в Финляндии XX в. [6, p. 158].

Сакари Пяльси активно работал в области археологии в 1908–1944 гг. В этот период в Финляндии и России, а позднее СССР, произошло много важнейших исторических событий, которые нашли отражение в судьбе и творчестве исследователя. Так, в 1917 г. Сакари Пяльси, получив финансирование, едет на Чукотку, откуда вернётся лишь спустя два с половиной года [7, с. 113]. За время его экспедиции Российская империя прекратила существование, а Финляндия обрела независимость и пережила кровопролитную гражданскую войну. В 1921–1922 гг. Пяльси в роли военного корреспондента освещает ход восстаний в Восточной Карелии [8, p. 11], а в годы Второй мировой войны едет в составе информационной роты (фин. TK) на линию фронта [9, p. 299], где пишет газетные статьи и заметки о жизни Карельского перешейка в военные годы [см., напр., 10]. В 1914 г. на раскопках сети в Антреа он встречает объявление о начале Первой мировой войны, а спустя 30 лет, в 1944 г., проводит раскопки в Вуоксенранте, на передовой фронта, укрываясь за большим камнем от огня артиллерии [11, p. 106; 10, p. 1044].

Во многих научных и творческих начинаниях Сакари Пяльси был первооткрывателем, многие предприятия по масштабу и сопутствующим обстоятельствам не имеют себе равных – и во всех проявлениях чувствуется искренний энтузиазм и отпечаток яркой личности. Пяльси прошел уникальный путь от профессионального археолога до выдающегося писателя и популяризатора знаний, охранителя традиционной культуры финского народа.

[1] Статья подготовлена в 2022 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

На фоне драматических событий истории, участником или свидетелем которых становится исследователь, особенно ярко проявляются свойства его характера, моральные и личностные приоритеты. В такие поворотные моменты, когда меняются привычные условия работы, разрываются связи, материалы оказываются вне доступа, учёный сталкивается с вызовом: продолжать ли свои исследования, сохраняют ли они прежнюю важность на фоне быстро меняющейся обстановки?

Обращаясь к изучению биографий отечественных и зарубежных исследователей, в особенности тех, чья творческая деятельность пришлась на начало и середину XX в., мы видим, как они сталкиваются с этим вызовом и нередко вынуждены делать тяжелейший выбор в своей жизни. Мы не можем сказать, сложилась бы их судьба и карьера иначе, если бы всех этих трагических событий не произошло, и был бы этот выбор тем же или иным. Вместе с тем примеры учёных-археологов, которые в труднейших условиях продолжали свою работу, показывают, что они видели в этом какой-то особый смысл, значимость, которая не терялась, а для кого-то даже и возрастала в потоке тревожных новостей о крахе привычной жизни. Примеры из прошлого, примеры наших предшественников и учителей представляется необходимым сохранять, чтобы они могли служить утешением и опорой, подтверждением важности и правильности выбранного пути научного поиска.

На родине творчеству Сакари Пяльси посвящены многочисленные публикации, с 2012 г. существует его мемориальное общество, опубликованы биографии учёного [8; 12 и др.] и его переписка [13]. Однако на русском языке о нём есть лишь несколько статей [7; 14; 15]. Данный обзор призван частично заполнить этот пробел с особым вниманием к экспедициям С. Пяльси в Монголию и на Дальний Восток, а также к археологическим работам на Карельском перешейке – темам, подробно представленным в публикациях на разных языках, прежде всего на финском [см., напр., 16; 17; 6; 18]. Основное количество печатных трудов Сакари Пяльси, доступных в России, хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, ссылки на эти труды указаны в данной статье. К иным источникам можно отнести оцифрованные полевые отчёты, фильмы и фотографии, опубликованные Музейным ведомством Финляндии.

Первые шаги в археологии

Сакари Леммитти Пяльси родился 9 июля 1882 г. в Лоппи в Южной Финляндии. После смерти отца они с матерью переезжают в Гельсингфорс (в русском и шведском языках, после 1917 г. – Хельсинки), где Пяльси заканчивает лицей. Из школьных предметов ему лучше всего давалась латынь, знание которой неизменно выручало его во многих будущих поездках. Также Пяльси в школьные годы увлекается ездой на велосипеде и лыжами, являясь предположительно первым в истории человеком, пробежавшим на лыжах 10 км менее чем за полчаса [8, p. 10]. Позже, во время своей поездки в Монголию, он будет описывать случай, как ему довелось на велосипеде обогнать монгольского всадника, выиграв, по его словам, своеобразную «гонку цивилизаций» (по [18, p. 118]).

С 1903 г. Пяльси начал изучать археологию в Императорском Александровском университете в Гельсингфорсе под руководством Юлиуса Айлио [8, p. 10]. В те годы Айлио отвечал за организацию коллекций, поступавших от местных жителей со всей Финляндии всё ускоряющимся потоком. Особенно много находок происходило из области Каукола (совр. Севастьяново), где шла интенсивная распашка сельскохозяйственных земель, а также из Хяурюнмяки под Выборгом, где строилась железная дорога. После посещения этих мест в 1906 г. Юлиус Айлио организует программу исследований каменного века Карельского перешейка, а к полевым работам привлекает Сакари Пяльси и Каарле Сойккели [6, p. 149]. Так сразу после окончания бакалавриата в 1908 г. Пяльси получает первый полевой опыт на раскопках в Каукола, а зиму 1908–1909 гг. проводит за разбором коллекций. В качестве внештатного ассистента с почасовой оплатой Пяльси составляет описи находок из районов Вуоксы, Олонца и Восточной Карелии [8, p. 10].

Последующие попытки провести собственные полевые исследования в родном Лоппи не принесли ожидаемых результатов. Пяльси был огорчён, что, не имея опыта, не смог извлечь ничего из «бесплодной» местности, которая «*не пробуждала воображение и не поддерживала страсть к исследованиям*» [11, p. 100]. Долгая кропотливая работа в музейных подвалах, вероятно, не отвечала устремлениям «*предприимчивого и спортивного молодого человека*» (по [18, p. 113]), поэтому, когда на горизонте замаячила возможность отправиться в далекое путешествие, юный исследователь не колебался с решением.

Путешествие в Монголию в 1909 г.

Шестимесячная экспедиция в монгольские степи была запланирована известным лингвистом Густавом Рамстедтом (рис. 1) в 1909 г. как одна из последних его поездок с целью поиска «прародины финнов». Подобные поездки предпринимались финскими исследователями М.А. Кастреном, И.Р. Аспелином и др. с конца XIX в. и имели целью сбор этнографических и археологических материалов, поиск и документирование древних памятников. Айлио рекомендовал своего ученика Сакари Пяльси в качестве попутчика Рамстедту, охарактеризовав его как «*проницательного в своём восприятии, здравомыслящего, практичного и справедливого*», посетовав, однако, на отсутствие навыков в фотографировании. Интересно, что позднее Рамстедт назовёт его превосходным фотографом, и фотосъёмка станет одним из важных увлечений Пяльси, так что перед поездкой он, вероятно, намеренно много практиковался в этом [18, p. 114].

Путевые заметки, отчёты и воспоминания Пяльси и Рамстедта были впервые собраны и опубликованы к столетию учёного в 1982 г. как «Memoria saecularis Sakari Pälsi» [8], а краткий обзор поездки представил О. Сейтсонен [18], который организовал путешествие в Монголию по следам этих исследователей 110 лет спустя, в 2019 г. Рассказ о поездке 1909 г. можно назвать поистине остросюжетным: участникам пришлось

решать конфликты с администрацией из-за отсутствия разрешения на работы и сталкиваться с враждебностью местного населения. Поезд, на котором Пяльси и Рамстедт должны были ехать из Иркутска в Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ), потерпел крушение, врезавшись в огромный валун, было много погибших и раненых. Сам Пяльси об этом происшествии в своём рассказе не упоминает, а позднее даже отметит по другому поводу, что в его поездках не было крупных приключений: «*я [...] не потерпел даже серьёзного кораблекрушения – и я не голодал в глуши [...] и не попал под извержение вулкана*» (по [18, p. 115]).

Рис. 1. С. Пяльси, Г. Рамстедт и Й. Гранё (слева направо) в Хангайских горах. Фото Тапани Ункури, 1909 г. Национальный Аудиовизуальный институт (Финляндия) (по [18, p. 123])

В поездке 26-летний Сакари Пяльси обучился поиску и документированию древних объектов и окружающего ландшафта. Впервые профессиональным археологом были описаны, точно зарисованы и нанесены на карту многие монгольские древности, в т. ч. оленные камни и погребальные сооружения – херексуры, камни с надписями на древнетюркском языке [8, p. 8–9; 19, p. 2]. Одну из своих первых научных статей Пяльси посвятил наблюдениям над следами, оставленными движением ледника в Тамирской долине [18, p. 131]. Но результаты поездки не ограничились одной лишь археологией: Пяльси был сосредоточен на том, чтобы смотреть на чужую культуру любопытным взглядом исследователя [18, p. 129]. Впоследствии в воспоминаниях о Рамстедте Пяльси напишет, что на него произвели большое впечатление его скромность, способность адаптироваться к любым условиям поездки, вежливость и непринуждённое общение с самыми разными людьми – качества, которые он затем перенял от своего учителя [18, p. 129–131].

Раскопки в Каукола 1911–1912 гг. и диссертация 1915 г.

Поездка в Монголию и первый опыт самостоятельного археологического обследования вдохновили Сакари Пяльси на изучение каменного века на Карельском перешейке, что послужит основой его диссертации.

Микрорайон вокруг озера Риукъярви и протоки Пиискунсалми в Каукола в позднем каменном веке представлял собой местность с изрезанной береговой линией и множеством островов – территорию, максимально благоприятную для ловли рыбы и перемещения по воде. В начале XX в. эти земли подвергались массовой распашке, а среди местных жителей нашлось немало коллекционеров древностей, передававших свои находки Музейному ведомству Финляндии [17, p. 27]. В этом перспективном регионе по поручению Музейного ведомства в 1911–1912 гг. Сакари Пяльси провёл раскопки десяти памятников, находки с которых исчисляются многими тысячами. Полевые работы С. Пяльси в Каукола стали крупнейшими раскопками в регионе.

Диссертация Сакари Пяльси с описанием работ в Каукола и происходящих оттуда находок была защищена им в 1915 г. [1]. Это первая диссертация по археологии каменного века на финском языке [17, p. 29]. Первая часть работы представляет собой отчёт о раскопках и полученных находках [1, p. 7–98]. При описании материала Пяльси выделяет несколько типов керамики, в т. ч. первым описывает разницу между типами ранней асбестовой керамики (впоследствии обозначенные как Сперрингс с асбестом и Каунисаари) [1, p. 154], описывает десятки категорий орудий, приводя им аналоги, среди прочего – из опубликованных на тот момент материалов, собранных А.А. Иностранцевым при строительстве Ладожских каналов [1, p. 122]. Во вто-

рой части автор предлагает свою реконструкцию быта людей каменного века, используемых ими технологий, их средств жизнеобеспечения и духовной культуры [1, p. 99–180]. Археологический материал он здесь интерпретирует, используя примеры из этнографии и личный опыт. В реконструкции жизни древнего населения большая роль уделена приспособлениям для рыбной ловли, в т. ч. составным крючкам [см. также 20, p. 195–204], делаются выводы о сезонном характере поселений и существовавших на них функциональных зонах [1, p. 99–110], в вопросе выбора места для поселения уделяется значительное внимание «природной защите» местности с учётом реконструкции ландшафта каменного века [1, p. 109]. Особое значение диссертации Пяльси ещё и в том, что в ней он даёт детальное описание результатов своих полевых работ и находок, в то время как подробные результаты раскопок Хяурюнмяки не опубликованы [17, p. 29].

Юлиус Айлио дал работе похвальную оценку, хотя и отметил её неполноту, в особенности в плане сопоставлений. Многое в работе следует назвать оригинальным и новаторским [6, p. 155]. Айлио предоставил своими исследованиями солидную ландшафтно-гидрологическую основу для работы, а Пяльси добавил этнографию для интерпретаций археологического материала [11, p. 100–102]. Хорошее воображение и отмечаемый многими писательский дар дали Пяльси возможность приступить к «оживлению доистории», воссозданию образов её культуры.

Сеть из Антреа и жилище из Ряйсяля

Осенью 1913 г. фермер Антти Виролайнен углублял мелиоративную канаву на своей земле в Антреа Корпилахти, когда его лопата наткнулась на лежащие под слоями глины каменные и костяные предметы. Их заботливо собрали и унесли в дом, а кинжал из оленьей кости служил в качестве палочки в цветочном горшке – до тех пор, пока в начале лета 1914 г. археолог Теодор Швиндт не узнал об этих находках, будучи проездом через Антреа [2; 21, p. 88]. Сакари Пяльси, уже опытного исследователя каменного века, назначили руководить работами на месте находок. В результате был зачищен горизонт с предметами, собраны каменные грузила и сосновые поплавки, а также узелки самой сети. Ожесточённые споры вызвал возраст артефактов: по представлениям Ю. Айлио, они соответствовали времени литориновой трансгрессии и должны были относиться к неолиту. Мнение Айлио опровергалось результатами палеоботанического («фитопалеонтологического») анализа стратиграфии памятника, выполненного ботаником Х. Линдбергом [22]. Сам С. Пяльси в спорах не участвовал, возможно, из уважения к авторитету своего учителя, и даже никак не комментировал этот вопрос в публикации [21, p. 99; 11, p. 102], а находка сети подарила ему интересный сюжет для будущих реконструкций по истории рыболовства.

Раскопки жилища в Ряйсяля Питкяйярви в 1915 г. стали пиком развития археологической методики Сакари Пяльси [6, p. 153]. О находках из Питкяйярви сообщили местные жители [22, p. 138]. Пяльси приехал инспектировать местность, когда выяснилось, что сохранности памятника угрожает разрастающаяся яма для добычи песка. В формате спасательных работ была вскрыта площадь в 161,5 кв. м в месте наибольшего скопления гребенчатой керамики. Раскопки велись с разметкой по квадратам 2×2 м, тонкими зачистками, с фиксацией промежуточных горизонтов примерно каждые 10 см. Изъятый грунт тщательно просматривался [23, p. 12], что подтверждается и значительно бóльшим числом мелких артефактов в коллекции [24, p. 140]. Отдельного внимания заслуживает техника фото- и графической фиксации: Пяльси описывает, как экспериментировал с рисованием планов на прозрачной бумаге и наложением их друг на друга, а также с использованием различных фотофильтров – чтобы пятна на планиграфии были чётче видны на чёрно-белых снимках [3, p. 35; 23, p. 12].

Важнейшим результатом раскопок на Питкяйярви стало обнаружение двух жилищных структур [24, p. 140]. Одна из них была разрушена позднейшим захоронением свиньи и не изучалась, а во втором случае удалось выявить пятно тёмного углистого песка с очажной ямой у восточного края. Основой для реконструкции ставшей знаменитой «хижины Ряйсяля» послужили зафиксированные вокруг пятна ямки, интерпретированные Пяльси как столбовые. В результате последующего детального изучения материалов раскопок и места их проведения О. Сейтсоненом был сделан вывод о том, что, вероятно, Пяльси изучил только часть жилищной западины (вторая половина остаётся нераскопанной), а «столбовые ямки» могли быть чем-то иным, например, норами животных [24, p. 144]. В своей интерпретации Пяльси, скорее всего, отражал общие эволюционные представления о самых ранних и «примитивных» жилищах, приводя в качестве аналогий описанные У.Т. Сирелиусом постройки сибирских нивхов [23, p. 61]. При том что интерпретации Сакари Пяльси следует, вероятно, подвергнуть сомнению, стоит отметить, что он провёл работы с полной фиксацией и отбором образцов и проб, а также публиковал результаты своих раскопок и заметки настолько тщательно, что мы можем обращаться к этим данным и спустя более чем 100 лет [24, p. 144].

В 1916 г., на следующий год после защиты диссертации, Пяльси пишет книгу «Культурные образы каменного века» [25]. На протяжении всего XX в. эта книжка оставалась уникальным для Финляндии примером популярной обобщающей работы по каменному веку [6, p. 152]. Не довольствуясь описаниями, типологией и хронологией найденных им артефактов, он берёт имеющийся в его распоряжении на тот момент этнографический материал и личный опыт и приступает к воссозданию целостной картины древнейшей истории. Нехватка этого самого этнографического материала впоследствии побудит его организовать путешествие в Восточную Сибирь. В работе Пяльси уделяет внимание своим излюбленным темам: истории рыболовства и охоты, размышлениям об искусстве и орнаментах на керамике и костяных предметах, развитию средств передвижений – саней и лыж, и наконец, общим размышлениям об адаптации человека к жизни в суровых условиях Севера [25].

Несмотря на то что ряд утверждений в работе можно назвать наивными или даже шовинистическими, что, впрочем, соответствовало духу времени, есть в текстах Сакари Пяльси и очень модернистские идеи и подходы [26, p. 52]. Так, например, основой жизнеобеспечения жителей Финляндии каменного века он называет рыболовство, а основными добытчиками рыбы – женщин, обосновывая это примерами из этнографии: «*Среди данных первобытных народов женщина регулярным и упорным трудом добывала пропитание, чтобы прокормить себя, своего ребёнка и, в значительной степени, мужа*». О мужчинах он, напротив, пишет с некоторой самоиронией: «*Мужчина, напротив, попеременно то бездельничает, то предпринимает большие усилия, охотясь, грабя и сражаясь, приносит добычу и в основном сам ею наслаждается. [...] Активный и независимый мужчина – предприимчивый, всегда стремится к новым начинаниям, часто по-детски беспечный, эгоистичный, капризный и всегда готовый командовать*». В целом взгляд Пяльси на жителей Финляндии каменного века очень снисходителен и гуманен: «*Были танцы и игры, брак и заботы, и для разнообразия немного сражений*» (по [27, p. 217]).

1910-е гг. называют пиком научной археологической деятельности Сакари Пяльси, в этот период он проводит свои важнейшие полевые работы и пишет основные труды по археологии [6, p. 154]. Впоследствии его литературное творчество будет больше состоять из разного рода публицистических и научно-популярных эссе, в которых Пяльси будет то и дело возвращаться к сюжетам из жизни каменного века вплоть до кульминации – романа о каменном веке, изданном в 1950 г. [28]. Неизменной базой, на которой будут строиться все эти реконструкции и его представления о жизни в древности, будут именно эти яркие образы из каменного века Карельского перешейка [6, p. 153].

Экспедиция на Чукотку в 1917–1919 гг.

Музейная работа и изучение археологических памятников недолго удовлетворяли Сакари Пяльси, и после своих первых масштабных раскопок он обратился к поискам дополнительных, прежде всего этнографических, материалов для восстановления образа жизни человека каменного века. С этой целью он затевает поездку на север Сибири и запрашивает финансирование у Финского общества по изучению древностей [7, с. 112].

«*Цель экспедиции – изучение живой формы первобытной материальной культуры, а также сбор орудий труда и других предметов, относящихся к этой культуре, для ее последующего изучения. Экспедиция направится на берег Ледовитого океана, на Чукотский полуостров. Основанием для выбора района исследований послужило то обстоятельство, что у постоянно обитающих там чукчей еще сохраняются в обиходе крайне примитивные рабочие инструменты и технические приемы, как, например, каменные и костяные режущие орудия. Спасение их для исследования весьма важно, и к этому следует приступить незамедлительно. Исследования будут сосредоточены прежде всего на изучении рабочих приемов примитивной технологии. Эти проблемы до сих пор не исследовались, хотя именно они чрезвычайно важны для понимания генезиса всей человеческой культуры и ее первоначального этапа развития. Запланированная поездка даст полезный материал для анализа и сопоставлений его с археологическими материалами Финляндии, древнейшие формы культуры которой развивались в аналогичных природных условиях, как и у чукчей, о которых идет речь*» [7, с. 112].

Получив небывалое по тем временам финансирование, в марте 1917 года Пяльси начинает своё путешествие в Россию. Из-за резкого падения курса рубля в результате революционных событий в России все средства мгновенно иссякли, и от первоначального плана провести зиму на Крайнем Севере пришлось отказаться. «*Я смог бы тогда же осенью вернуться в Финляндию, но достигнутые к тому времени результаты исследований, на мой взгляд, не оправдывали затраченных средств и труда. Поэтому я решил еще раз направиться на север. Это может показаться безумной мыслью для безденежного человека, но мое намерение было осуществлено*» [7, с. 112].

Связь с родиной полностью прерывается, и, оставшись без средств, Пяльси перебирается в Японию, где с января по апрель 1918 г. перебивается случайными заработками. Затем ему удаётся устроиться скупщиком пушнины к частному подрядчику и таким образом скопить средства для новой поездки на север [8, p. 11]. До мая 1919 г. Сакари Пяльси работает на Камчатке, общаясь с ламутами, чукчами, коряками, эскимосами и камчадалами. Путешествие Сакари Пяльси занимает вместо планируемого года больше двух с половиной лет. Члены семьи – супруга Айно и две маленькие дочери Ваппу и Лииза – ничего не знают о его судьбе, им в это время финансово помогает Финское общество по изучению древностей [29; 13, p. 26].

Запланированное изучение «примитивных» орудий труда не удалось осуществить, так как в прибрежных районах эта первозданная культура уже отошла в прошлое, а вглубь страны Пяльси не смог попасть из-за отсутствия финансирования [8, p. 11]. Путешествуя по Дальнему Востоку и заезжая в небольшие селения, вместо заявленного изучения древних технологий он посвящает своё внимание искусству коренных жителей Чукотки, резчиков по кости [7, с. 113; 15, с. 147–149]. Пяльси впоследствии напишет, что, с его точки зрения, на Земле едва ли проживает другой народ, который был бы равен чукчам по одарённости в изобразительном искусстве. К рассуждениям о происхождении первобытного искусства он обращался и ранее, например, в своей книге «Картины культуры каменного века» 1916 г. С его точки зрения, основными побуждающими стимулами к творчеству в древности были самые яркие переживания – голод и любовь, заставлявшие изображать женщину и добычу, охоту. А сами произведения искусства стали результатом желания сохранить живое воспоминание о больших наслаждениях и таким образом продолжить их [25, p. 130; 7, с. 115].

«*Я смотрел на обстановку в юрте и задавал вопросы ее обитателям, удовлетворяя свое этнографическое любопытство. С ним борется моя врожденная застенчивость, перешедшее от предков уважение к не-*

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

прикосновенности личности. Отчасти по этой причине, отчасти по другим я спрашиваю мало. [...] Лучше придержать свой язык и открыть глаза» (по [7, с. 114]).

Свои впечатления о поездке на Чукотку Сакари Пяльси впоследствии будет публиковать, по большей части, в форме иллюстрированных эссе и путевых заметок [см., напр., 30; 31; 32; 33]. Он привезёт с собой в Хельсинки более 200 предметов: фотографий, киноплёнок, предметов искусства и орудий труда [7, с. 114]. Собранные в поездке тысячи рисунков чукотских художников долго считались утраченными, от многих сохранились лишь копии, опубликованные в различных работах. Так, в книге «В путешествиях по миру. Азия, Америка и Европа» он публикует эти рисунки, и в частности, описывает свой разговор с чукчами о смерти: «*Этот рисунок смерти чукчи [...] я получил, как и говорил, от Рошилена по хорошей цене и за обещание молчать. Его нельзя показывать чукчам Восточного мыса* [мыс Дежнёва]» (по [33, p. 75]). Он пишет со слов информантов, что чукчи в случае голода или болезней помогают своим старикам отправиться в иной мир, и далее размышляет о взаимоотношениях человека с суровой природой севера. «*Когда придёт время, он соберёт все свои пожитки, сделает последнее усилие и откажется от великой битвы жизни. Даже злая природа не одержит победу над человеком, поскольку он не поддастся её голодному измору, а нанесёт удар, когда будет погибать. Самоубийство чукчи – это высшее достижение гуманизма, сражение против природы*» (по [33, p. 74–75]).

Сакари Пяльси вернулся в Хельсинки в сентябре 1919 г. из Японии спустя 2,5 года странствий – через Индию, Суэц и Лондон [7, с. 113]. Возвращение стало возможным благодаря тому, что его учитель и друг Густав Рамстедт в то время стал первым послом Финляндии в Японии и смог передать ему деньги на дорогу [29]. Документальный фильм 1995 года, снятый о Сакари Пяльси на его родине, повествует о том, как тяжело его семья восприняла долгую разлуку без какой-либо возможности связи, а ещё тяжелее – его желание по возвращении сразу же искать средства на новые путешествия [29].

Вернувшись из поездки, Сакари Пяльси был назначен на штатную должность научного сотрудника доисторического отдела Национального музея Финляндии, но его самого больше влекли далёкие путешествия и литературное творчество. Имя Пяльси в это время встречается в контексте общественной жизни молодой Финляндии, в 1920 г. он становится членом Ассоциации древностей, в 1920–1922 гг. – членом общества «Калевала» [9, p. 299]. Известно, что Сакари Пяльси был домашним учителем детей финского художника Аксели Галлена-Каллелы [34, p. 11; 13, p. 14]. На фотографии 1920 г. Пяльси позирует скульптору Алпо Сайло (рис. 2), а позднее они оба фигурируют как почётные посетители знаменитой финской сауны в Терваспяя, построенной Галленом-Каллелой в 1913 г. [35, p. 27, 29]. Будучи в постоянных разъездах и предаваясь богемной жизни начала XX в., Пяльси всё меньше внимания уделял своей семье, а также археологии и науке в целом [29].

Рис. 2. Сакари Пяльси в роли модели для скульптора Алпо Сайло. Фото Алпо Сайло, 1920 г. Музейное ведомство Финляндии, HK19690627:18.4

Уже в декабре 1921 г. он отправился в Восточную Карелию военным корреспондентом во время народных восстаний, публикуя заметки и статьи о быте и труде местных жителей [8, p. 11; 9, p. 295]. Как напишет о нём этнограф К. Вилкуна, «*Все симпатии автора в них – вместе с финским народом, трудящимся на тяжелых лесных промыслах в суровых природных условиях*» [7, с. 116].

В 1924 г. Сакари Пяльси участвует в охоте на тюленей на острове Гогланд (фин. Суурсаари), чему будет посвящена его книга «Со льда Финского залива», в которой приведено много интересных этнографических описаний зимней навигации, снаряжения и охоты с собаками [36]. Другие поездки 1920–1930-х гг. связаны

с Европой (Босния и Герцеговина, Италия, Франция, Венгрия, поездки по Финляндии) и Америкой (трёхмесячная поездка в Канаду) [37; 36; 38; 39; 40; 33]. Из путешествий Пяльси привозил в Национальный музей народную одежду, украшения и оружие. Им посвящены его многочисленные статьи и книги формата путевых заметок, проиллюстрированные его собственными фотографиями (рис. 3), за что Пяльси на родине называют «последним финским учёным-путешественником» [9, p. 295].

Рис. 3. Сакари Пяльси в Рованиеми (Северная Финляндия). Фото Сакари Пяльси, 1923 г. Музейное ведомство Финляндии, KK1936:44

Полевые работы на Карельском перешейке в 1930-е гг. и последующее творчество

Будучи сотрудником, а потом и директором доисторического отдела Национального музея в Хельсинки Сакари Пяльси проводил многочисленные полевые работы на территории Финляндии, и в том числе на Карельском перешейке и в Приладожье (в Вяртсиля, Куркиеки, Пюхяярви, Сяккийярви и др.) [41, p. 6–7; 6, p. 151]. Помимо стоянок каменного века Пяльси изучал также памятники железного века, в т. ч. грунтовые могильники. В своём стремлении более объёмно представить себе жизнь людей в древности Пяльси и здесь занимается реконструкциями. Так, тщательное извлечение им остатков тканей из погребений в Хумиккала (фин. Masku Humikkala, Южная Финляндия) в 1925 г. дало ценную информацию для реконструкции мужского и женского костюмов железного века [42, p. 169]. В другом случае, в погребении в Топполанмяки (фин. Valkeakoski Toppolanmäki, Южная Финляндия) (работы 1930 г.), Пяльси с привлечением этнографических параллелей интерпретирует два вертикально воткнутых наконечника копья как способ «обезвредить» умершего и символ страха перед ним [42, p. 170].

Характер полевых работ, проводимых Сакари Пяльси после возвращения с Дальнего Востока, подробно описан в отдельной публикации [43], базирующейся на его дневниках и отчётах. Очень показателен разбор полевого выезда 1936 г., который занял 26 дней, но темпы работ были стремительными – исследованы были шесть древних стоянок. Сакари Пяльси и его помощник Йоуко Войонмаа посещали места, где, по словам местных жителей, были обнаружены изделия каменного века.

Отчёты Пяльси за 1936 г. в целом скудны и схематичны – нередко это тот минимум сведений, который полагался по регламенту. В тот период он был уже 50-летним «ветераном раскопок». При этом много места в отчётах и дневниках отведено бытовым подробностям поездки [44, p. 212]. Ярким примером являются работы на стоянке на озере Высокинское (фин. Kuolemajärvi Muurila Ilmatorjuntaleiri), где текст отчёта занимает полстраницы, упомянуты заложенные траншеи, а фотографии иллюстрируют местность в целом и купание финских солдат полка зенитной артиллерии. При раскопках ловчих ям в Керимяки (фин. Kerimäki Kuokkala Hangasmaankangas, Восточная Финляндия) отмечается, что работы сопровождались обедом, на снимках показаны отдых у костра и перевозка лопат на велосипедах. Попутно делаются заметки о сауне, приводятся местные легенды о призраках, подробно фиксируются грозящие перейти в конфликт разногласия с владельцем земли и полицейским из Коннитса (совр. пос. Торфяное) [43, p. 18–19, 21].

В 1939 г. Сакари Пяльси публикует первое для Финляндии руководство по проведению археологических работ [23]. В руководстве он подробно излагает свой опыт и приводит множество практических советов по организации работы в поле с иллюстрациями из собственных раскопок сети в Антреа, жилищ в Ряйсяля и

Объединенный музей

Сяккийярви, грунтовых могильников и др. Здесь он, к примеру, даёт характеристику разным наёмным рабочим, которых можно было привлечь к раскопкам: «*Юноши очень торопятся, гонятся за находками и копают ямы. Те, что постарше – суровые. Ремесленники, плотники, каменщики, сапожники и портные обдумывают процесс раскопок, они практичны. Среди художников довольно неплохие копатели, в наше время среди студентов найдутся подходящие, журналистов не смею рекомендовать. Добровольная рабочая сила сменяется, и, конечно, не поддаётся дисциплине так, как это делает наёмный работник*» [23, p. 26]. Пяльси отмечает, что он проводит раскопки, только если памятнику что-то угрожает [23, p. 10; 43, p. 24]. Так, в случае, например, с песчаными карьерами, он принимает решение о спасательных мероприятиях.

Вторая часть руководства посвящена любимой теме Пяльси – реконструкции древних технологий, прежде всего обработке дерева и созданию рыболовных снастей [23, p. 72–108]. Здесь он дополняет рассказ об археологических находках параллелями из собранных им материалов Чукотки и Камчатки, а также всеми известными на тот момент артефактами из торфяников. Пяльси собирает все примеры сетей, грузил и поплавков, составляя схемы развития рыболовного снаряжения от древнейшего в Антреа до этнографической современности [23, p. 83–95]. Так, помимо этнографических параллелей важнейшим материалом для реконструкций Пяльси становятся предметы из торфяниковых памятников [23, p. 95].

После возвращения из поездки на Дальний Восток археология в жизни Сакари Пяльси отходит на второй план и уступает место множеству новых увлечений. Так, в 1930 г. он публикует руководство по фотографии [8, p. 13], в этом же году Пяльси первым в истории Финляндии публикует цветной фотоснимок [34, p. 7]. В фондах Музейного ведомства Финляндии хранятся тысячи его фотографий из поездок и раскопок, их можно найти в качестве иллюстраций в самых разных изданиях. Авторству Пяльси принадлежат и десятки короткометражных этнографических фильмов, снятых им с помощью плёночной камеры. Сакари Пяльси следует назвать первым учёным-этнографом, снимающим профессиональные этнографические фильмы [8; 45, с. 140]. Некоторые из них, безусловно, уникальны как наиболее ранние профессиональные, и вместе с тем живые эмоциональные сведения, – например, киноплёнки, снятые Пяльси на Чукотке [7, с. 116; 45], или фильм о традиционном забое свиней в Таммела (Южная Финляндия) [29; 12, p. 49].

В родной Финляндии, вероятно, наибольшую известность Сакари Пяльси получил как автор детских книг про похождения мальчишек, многие сюжеты и пейзажи которых взяты из воспоминаний Пяльси о жизни в Лоппи [34, p. 8–9; 8, p. 13; 9, p. 296]. По его словам, эти детские истории впервые родились в его голове во время бесконечно длинных и однообразных поездок на поезде через Сибирь [34, p. 7]. Первый детский рассказ был написан в 1931 г., а всего их больше восьмидесяти. В этих книгах за внешне смешными мальчишескими шутками часто видится мировоззрение человека с глубоким опытом, в истории вплетаются рассуждения о ненадёжности взрослых, о бедности и несоответствии законности и справедливости. В рассказах Пяльси о похождениях деревенских мальчишек сохранилась нетронутой старая крестьянская культура, не менее живая, чем в его этнографических фильмах [34, p. 11].

Работы в Вуоксенранта Синтола в 1944 г.

Во время Второй мировой войны в 1940–1942 гг. Сакари Пяльси вновь, как и 20 лет назад, отправляется на линию фронта, при том что ему на тот момент было уже 60 лет [9, p. 299; 11, p. 104]. В 1944 г. в Вуоксенранта финские солдаты при рытье окопа обнаружили обломки глиняных сосудов и каменное долото [46]. Находки были отправлены в Национальный музей, а Сакари Пяльси вызвали и доставили на передовую, где он проводил раскопки этого памятника на протяжении трёх дней [47, p. 136; 6, p. 151]. Место раскопок находилось в непосредственной близости от линии фронта и окопов, а от огня артиллерии Пяльси укрывал высокий валун, у которого в 1994 г. обществом Вуоксенранта установлена памятная табличка [48, p. 14–15]. Помимо краткого сухого отчёта о раскопках и небольшой коллекции материала об этих работах повествует газетная статья Сакари Пяльси, в которой он описывает настроения солдат на передовой, их быт, включая неотъемлемые упоминания о сауне: «*В своей сауне финн обязательно обретёт необходимый ему покой*». «*Это продолжалось три дня. Пушка врага наносила удары, в ответ на которые летели наши снаряды. Неопытный слух гражданских не научился различать их все, только звук пушки был узнаваем сразу с первого залпа. Звук был такой же, как прежде, в старые добрые времена, когда торговцы заглядывали в трактир в Куркиёки и, чтобы побыстрее получить заказанную стопку, ударяли по сосновому столу. Только если удар этого современного огнестрельного оружия достигал своей цели, результат был более жёсткий и эффектный*» [10, p. 1044].

Раскопки Синтолы в Вуоксенранте в 1944 г. символичны как последние полевые работы Сакари Пяльси, когда он снова вернулся на Карельский перешеек, где когда-то начинал карьеру археолога. Это единственный пример раскопок, проведённых непосредственно на передовой фронта, и последние работы финских археологов на этой земле вплоть до совместных российско-финских проектов 1990–2000-х гг. [47, p. 136].

Сакари Пяльси оставался в должности заведующего отделом в Национальном музее до своей отставки в 1946 г. [34, p. 6]. Из воспоминаний П. Уйно: «*Рабочее место Пяльси, и даже в какой-то степени жильё, располагалось в подвале Национального музея. Этот уголок начали называть «Яма Пяльси», и ещё в 1960-х годах он был любимым местом студентов-археологов. Там юные археологи того времени обрабатывали материалы из раскопок, составляли описи находок, писали конспекты и дипломные работы и просто общались. При жизни Пяльси был для них уже легендарной личностью, с которым мало кто успел встретиться лично*» [11, p. 106]. После ухода с должности Пяльси полностью посвятил себя профессии писателя. В 1950 г. выходит его роман о жизни в каменном веке, в котором он показывает свою «живую» версию древней истории,

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

вплетя в повествование свой опыт раскопок и музейной работы, наблюдения из путешествий в Монголию и на Чукотку, и конечно, личный опыт и переживания [28]. Критики отмечали, что Пяльси с лёгкостью переносил на страницы книг свои сильные эмоциональные впечатления, например, от искусства народов Чукотки, и называли его «финским Джеком Лондоном» [15, с. 149].

В преклонном возрасте Сакари Пяльси поселился в отдалённой хижине «в глухих лесах Таммелы», где мог посвятить себя своим главным увлечениям [8, p. 12]. В этот период выходят его наиболее популярные книги – монографии о финской сауне [4] и финском ноже пуукко [5]. Он также много писал в своих эссе об использовании и важности огня, но крупная работа на эту тему на момент его смерти в 1965 г. осталась в виде черновика [8, p. 13].

Эпилог

Свой творческий путь Сакари Пяльси начал как археолог. Юлиус Айлио обучил его основным методам археологических полевых и камеральных исследований, кропотливой работе с материалом, заложил основу понимания каменного века Финляндии. На дальнейшее творчество Пяльси во многом повлиял его опыт поездки в Монголию и общение с Густавом Рамстедтом. Можно заключить, что если от своего первого учителя Юлиуса Айлио Сакари Пяльси воспринял интерес к финской археологии и археологические методы, то Рамстедт передал ему широкое целостное восприятие культуры: фольклорно-археологическую перспективу, которая в итоге победила в его творчестве природно-археологическое наследие Айлио [11, p. 101]. Пяльси сам писал, что Рамстедт стал для него примером, был демократичным и простым в общении, легко переносил невзгоды и стремился быть наравне и рядом с простым народом. Возможно, такой подход находил отклик в характере Сакари Пяльси благодаря его собственному сельскому происхождению и своего рода идеалистически-социалистическому взгляду на историю. В этой связи интересен случай, как в 1906 г. Сакари Пяльси помог Максиму Горькому бежать через Финляндию, доставив его на санях в сторону Турку [34, p. 5; 19, p. 3; 13, p. 14]. В организации этой операции участвовали также художник Аксели Галлен-Каллела и скульптор Алпо Сайло – будущие товарищи Пяльси [13, p. 14].

Вернувшись из Монголии с новым «народным» подходом к истории, Сакари Пяльси пытается и в реконструкции первобытной культуры увидеть простых людей, их стремления и переживания. Простых описаний доступного на тот момент археологического материала Пяльси кажется недостаточно. Он цитирует этнографа Сирелиуса, говоря, что для воссоздания жизни людей прошлого требуется «*и скелет, образованный в общих чертах в древних исследованиях, и мускулатура, наращенная этнографией*» (по [6, p. 155]).

Поездка на Чукотку стала такой попыткой нарастить фабулу для археологических реконструкций, изучить столь уникальный сохранившийся пример традиционной культуры жителей Севера. Многое в ходе поездки пошло не по плану, а суровые условия выживания, и прежде всего безденежье, не позволили посетить внутренние районы полуострова. Основным же результатом поездки стал не сбор сведений об орудиях труда, а прекрасный рассказ об искусстве чукчей. В описаниях полученного материала и воспоминаниях о поездке мы видим любопытство, азарт первооткрывателя и энтузиазм, такой, что новая порция сведений и впечатлений стоит потери накоплений, разрыва связи с семьёй, борьбы за жизнь, но всё же требует продолжения работы.

После возвращения с Чукотки полевая археология для Сакари Пяльси становится своего рода рутиной, а творческий талант всё больше находит выход в популярной литературе, хотя и в ней тема древней истории будет нередко снова подниматься.

Вероятно, непостоянство в направлении исследования и творчества, стремление к авантюрам и далёким путешествиям – черты характера, не чуждые Сакари Пяльси. «*Их самая великая радость – отправляться в путь, а их любимое место – дорога*» [7, с. 116], – так он писал о покорителях Севера и, вероятно, о самом себе. Такое постоянное стремление во всё более далёкие края может иметь что-то общее с бегством от реальности, которая в пору драматических событий XX в. нередко была неутешительной. Но результатом этого бегства стал пример невероятного энтузиазма, постоянного поиска.

Из воспоминаний П. Уйно: «*Современники-коллеги Пяльси характеризуют его работу скорее импульсивной, чем методичной. «Худший служащий республики» не чувствовал себя на своём месте в кабинете Национального музея, а старался покинуть его в любое время и по любому поводу. Наверное, нетрудно догадаться, что такому путешественнику, как Пяльси, который жил в своё удовольствие на Дальнем Востоке даже будучи торговцем мехом, наш уютный Национальный музей мог показаться затхлым, а административные работы утомительными*» [11, p. 106].

Творчество такого яркого исследователя, как Сакари Пяльси, на фоне происходивших в его жизни событий даёт пример не идеалистического образа непогрешимого дотошного исследователя, но очень объёмный, живой и понятный образ человека больших страстей, искреннего, импульсивного, спонтанного и увлекающегося. Все трудности, преодолеваемые им на его пути, как будто не разочаровывают его, а, напротив, дают новые силы продолжать работу. После упрёка в отсутствии навыков фотографирования он становится одним из известнейших фотографов своего времени, после неудачного опыта первых самостоятельных археологических работ пишет первую диссертацию по каменному веку на финском языке и т. д.

Как исследователь он всегда стремился к бóльшему, чем просто каталогизировать памятники и коллекции. Разочарование в такой «описательно-вещеведческой» археологии привело сначала к желанию «оживить» её, дополнив этнографией, а потом и к поискам иных способов выражения через художественные и популярные тексты. На родине Сакари Пяльси благодарны прежде всего как исследователю и писателю, со-

хранившему в своих произведениях традиции крестьянской жизни – в форме фотографий, фильмов, и конечно, в многочисленных эссе и книгах.

Образ Сакари Пяльси не просто так уже много лет привлекает людей. К столетнему юбилею учёного о нём было написано более 70 работ, в т. ч. исследования, очерки о стилистическом мастерстве великого рассказчика и классика народной культуры. В образе Сакари Пяльси есть ещё и что-то, что даёт неугасимое вдохновение на поиск и исследование, веру в то, что только это на самом деле важно. «*Глядя на работы Пяльси понимаешь, что в этом изменчивом мире есть что-то постоянное и ценное*» [34, p. 11][2].

---

[2] Автор выражает благодарность К. Нордквисту за помощь в сборе материалов и ценные советы, а также Бюро переводов «Sloovo».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Pälsi, S.* Riukjärven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA 28 (1). Helsinki, 1915 (1920).
2. *Pälsi, S.* Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea, Län Viborg // SMYA 28 (2). Helsinki, 1920.
3. *Pälsi, S.* Kaivaukset Pitkäjärven kivikautisella asuinpaikalla Räisälässä v. 1915 // Suomen Museo (25). Helsinki, 1918.
4. *Pälsi, S.* Sauna. Helsinki, 1960.
5. *Pälsi, S.* Puukko. Helsinki, 1955.
6. *Nordqvist, K.* «Sekä muinaistutkimuksen hahmottelemaa luustoa että kansatieteen liittelemää lihaksistoa» – Sakari Pälsi ja Karjalankannaksen arkeologia // Sakari Pälsi. Elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja. Helsinki, 2017.
7. *Вилкуна К.* Экспедиция Сакари Пяльси в Северо-Восточную Сибирь (1917–1919 гг.) // Советская этнография. 1978. № 3.
8. *Halén, H.* Memoria saecularis Sakari Pälsi. Aufzeichnungen von einer Forschungsreise nach dernördlichen Mongolei im Jahre 1909: nebst Bibliographien. Kansatieteellisiä julkaisuja X. Helsinki, 1982.
9. *Halén, H.* Maailman pielet pideltävinä // Maailman ja mielen maisemia: Sakari Pälsin esseitä. Helsinki, 1993.
10. *Pälsi, S.* Tulilinjoilla rauhan töissä // Suomen Kuvalehti 37. Helsinki, 1944.
11. *Uino, P.* Sakari Pälsi arkeologina: Julius Ailion oppipojasta oman tien kulkijaksi // Suomen kotiseutuliitto. Helsinki, 2012.
12. *Metsola, M., Relas, Ju.* Sakari Pälsi. Elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja. Helsinki, 2017.
13. *Relas, Ju.* Sakari, Aino, Liisa ja Vappu Pälsin elämänvaiheita // Terveeks!: Sakari, Aino, Liisa ja Vappu Pälsin kirjeenvaihtoa 1906–1931. Helsinki, 2022.
14. *Гурвич И.С.* Первый кинофильм о Чукотке и деятельность финского ученого С. Пяльси // Магаданский оленевод. Вып. 33. Магадан, 1981.
15. *Мошник Ю.И.* Сакари Пяльси и его «Картины Арктики» // Язык Севера. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2020.
16. *Nordqvist, K., Seitsonen, O.* Finnish archaeological activities in the present-day Karelian republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. V. 25. Helsinki, 2008.
17. *Nordqvist, K.* Kivikauden tutkimuksia Kaukolassa: 100 vuotta Sakari Pälsin tohtorinväitöksestä // Joulukannel 2015. Helsinki, 2015.
18. *Seitsonen, O.* Sakari Pälsi Mongolian aroilla vuonna 1909 // Sakari Pälsi. Elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja. Helsinki, 2017.
19. *Seitsonen, O.* Sakari Pälsi // Encyclopedia of Global Archaeology. Springer, 2018. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-51726-1_3338-1.
20. *Pälsi, S.* Über steinzeitliche Hakenischereigeräte in Finnland // SMYA 26. Helsinki, 1912.
21. *Carpelan, C.* On the history and recent studies of the «Antrea net find» // Iskos. Vol. 16. Helsinki, 2008.
22. *Lindberg, H.* Die Schichtenfolge auf dem steinzeitlichen Fundplatz bei Korpilahti, Kirchspiel Antrea, Län Wiborg // SMYA 28 (2). Helsinki, 1920.
23. *Pälsi, S.* Esihistorian tutkimuskentiltä: kaivauksia ja tuloksia. Jyväskylä, 1939.
24. *Seitsonen, O.* Räisälä Pitkäjärvi revisited – new interpretations of the dwelling remains // Teoksessa: Arkeologipäivät 2005 (Arkeologia ja kulttuuri. Uutta kivikauden tutkimuksessa). Helsinki, 2006.
25. *Pälsi, S.* Kulttuurikuvia kivikaudelta. Helsinki, 1916.
26. *Seitsonen, O.* Tasa-arvoisia kulttuurikuvia – eli mitäjo Pälsi sanoi miesten ja naisten töistä? // Muinaistutkija 4. Helsinki, 2004.
27. *Seitsonen O.* Tasa-arvoisia kulttuurikuvia? Tai mitä Sakari Pälsi tuumasi mies ten ja naisten töistä // Sakari Pälsi. Elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja. Helsinki, 2017.
28. *Pälsi, S.* Kova Mies ja Nimetön // Valitut teokset. Helsinki, 1957.
29. *Metsola, M.* Jukopliut: Sakari Pälsin monta elämää. Yle TV1, Dokumenttitoimitus. 1995. Документальный фильм о Сакари Пяльси. Электронный ресурс, URL: https://areena.yle.fi/1-50151263. (дата обращения: 28.11.2022)
30. *Pälsi, S.* Pohjankävijän päiväkirjasta, Matkakuvauksia Beringiltä, Anadyriltä ja Kamtšatkasta. Helsinki, 1919.
31. *Pälsi, S.* Arktisia kuvia. Helsinki, 1920.
32. *Pälsi, S.* Merillä ja erämaissa. Retkiä ja harhailuja Kaukaisessa Idässä. Helsinki, 1929.
33. *Pälsi, S.* Maailmanmatkoilla Aasiassa, Amerikassa ja Euroopassa. Helsinki, 1946.
34. *Hälli, M.* Sakari Pälsi (s. 1882) // Valitut teokset. Helsinki, 1957.
35. *Fritze, M., Elomaa, R.* Tarvaspään Taidelöylyt menestys // Sauna. Suomen Saunaseura ryn:n jäsenlehti 3/2015. P. 26–29. Электронный ресурс – URL: https://sauna.fi/wp-content/uploads/2021/01/2015_3_Sauna-lehti.pdf. Дата доступа: 10.12.2022.
36. *Pälsi, S.* Suomenlahden jäiltä. Helsinki, 1924.
37. *Pälsi, S.* Tukkimetsistä ja uittopuroilta. Helsinki, 1923.
38. *Pälsi, S.* Suuri, kaunis ja ruma maa. Kuvia ja kuvauksia Kanadan-matkalta. Helsinki, 1927.
39. *Pälsi, S.* Petsamoon kuin ulkomaille. Helsinki, 1931.
40. *Pälsi, S.* Työtä ja juhlaa hämäläiskylässä: Kotiseutukuvaus. Helsinki, 1940.
41. *Nordqvist, K., Seitsonen, O.* Äyräpään ja Pälsin jäljillä – Arkeologisia tutkimuksia Säkkijärvellä ja Vahvialassa // Muinaistutkija 2. Helsinki, 2007.
42. *Moilanen, U.* Kuinka kivikauden tutkija kaivoi rautakautta – Sakari Pälsin kalmistokaivauksista // Sakari Pälsi. Elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja. Helsinki, 2017.

Государственный объединенный музей

43. *Nordqvist, K., Seitsonen, O.* Seitsemän vuosikymmenen takaisia kenttätyökiireitä: Sakari Pälsin kesämatka 1936 // Muinaistutkija 3. Helsinki, 2008.
44. *Seitsonen, O.* Sakari Pälsin muistikirjat // Sakari Pälsi. Elämä ja työt. Legendaarinen tutkimusmatkailija, arkeologi, kirjailija ja kuvaaja. Helsinki, 2017.
45. *Александров Е.В.* Этнографическое кино в России первой половины XX в. // Традиционная культура: научный альманах. Т. 22. № 4. М., 2019.
46. *Pälsi, S.* Vuoksenrannan Sintolan kivikautinen asuinpaikka. Raportti. 1944. Электронный ресурс, URL: https://www.kyppi.fi/to.aspx?id=129.135154. (дата обращения: 28.11.2022)
47. *Huurre, M.* Sakari Pälsin viimeinen kaivaus ja muita sotamuistoja // Karjalan synty: Viipurin läänin historia I. Lappeenranta, 2003.
48. *Siiriäinen, A., Halinen, P., Carpelan, K., Uino, P., Lavento, M., Kirkinen, T.* An archaeological reconnaissance trip to the Karelian Isthmus // Iskos 16. Helsinki, 2008.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург

M.A. Kholkina

THE LIFE AND WORK OF SAKARI PÄLSI: ON THE 140TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIST

Summary

In 2022 we celebrate the 140th anniversary of the Finnish archaeologist Sakari Pälsi (1882–1965). His doctoral thesis "Stone Age Settlements on Riukjärvi and Piiskunsalmi in Kaukola", defended in 1915, was the first extensive study on the Stone Age of the Karelian Isthmus. Sakari Pälsi became famous as an archaeologist after his excavations of the Mesolithic fishing net find in Antrea Korpilahti in 1914 and the remains of a Neolithic dwelling in Räisälä Pitkäjärvi in 1915. Numerous publications have been devoted to the life and work of Sakari Pälsi in his homeland, in 2012 his memorial society was organized. However, there are only a few articles about him written in Russian. This review, dedicated to the anniversary of the scientist, is intended to partially fill this gap with special attention to the expeditions of S. Pälsi to Mongolia and the Far East, as well as to his archaeological work on the Karelian Isthmus – topics presented in detail in publications in different other languages, primarily in Finnish.

Saint-Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya Emb.,
Saint-Petersburg, 199034, Russia
E-mail: tyttokulta@spbu.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРАЙНОВ НА ПУТЯХ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ПРОШЛОГО ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (К 120-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ[1])

Д.А. Крайнов (1904–1998) – известный советский и российский археолог, более 40 лет посвятил археологическому изучению древнейшего прошлого Верхнего Поволжья. Работы его в этом регионе начались ещё до Великой Отечественной войны. Однако наиболее интенсивные исследования приходятся на послевоенное время, особенно 1960–1980-е годы. Основные заслуги его связаны прежде всего с раскопками 28 могильников фатьяновской культуры эпохи бронзы. На материалах раскопок он создал целостное представление о происхождении, хронологии, материальной и духовной культуре, хозяйстве и социальной структуре носителей фатьяновской культуры.

В начале 1970-х годов Д.А. Крайнов сделал своё самое значительное открытие в археологии неолита – выделил верхневолжскую ранненеолитическую культуру. Это открытие заставило пересмотреть происхождение, хронологию и последовательность развития неолитических культур лесной зоны Европейской части России.

DOI: 10.70203/7924.2024.15.95.001

Илл. 1. Дмитрий Александрович Крайнов. 1997 г.

[1] Доклад, посвящённый этому событию и легший в основу статьи, был представлен на Всероссийской научной конференции «Тверская земля и сопредельные территории в древности» 22 марта 2024 г.

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Золотым осенним днём 1904 г. в деревне Ива́шево Александровского уезда Владимирской губернии в семье крестьянина Александра Гавриловича Крайнова и его жены Марии Степановны родился второй ребёнок из восемнадцати, наречённый при крещении Дмитрием. Появившись на свет на заре XX века, он покинул наш мир на его закате – в 1998 г. Все бурные события этого века так или иначе коснулись большой семьи Крайновых. А по судьбе Дмитрия Александровича тяжёлым катком прокатились Великая Отечественная война и последовавшие затем лагеря ГУЛАГа. И научная стезя учёного распалась на довоенный и послевоенный периоды.

Отметим, что он, как и многие другие археологи XX века, отличался универсальностью. Круг его интересов, как в территориальном, так и в хронологическом диапазонах, был чрезвычайно широк: от Белого моря – до Чёрного, от палеолита – до Средневековья включительно. Однако приоритетными всегда были исследования каменного и бронзового веков.

Археологией он начинает заниматься ещё в школьные годы, участвуя в раскопках кургана, организованных школьным учителем г. Киржач Николаем Васильевичем Синичкиным. В студенческие годы последовали работы в Карелии, на Летнем берегу Белого моря в экспедиции А.Я. Брюсова, затем – в палеолитических экспедициях В.А. Городцова на Брянщине (Тимоновка, Супонево). После завершения учёбы в МГУ и поступления на работу в ГИМ Д.А. Крайнов начинает вести самостоятельные исследования. Его работы проводились как на памятниках Верхнего Поволжья, так и в Крыму и на Северном Кавказе.

Будучи в 1929–1930 гг. директором музея «Александровская слобода» (филиал ГИМа), он на территории Успенского монастыря проводит раскопки и открывает остатки дворцовых построек Ивана Грозного. Затем в 1935–1940 гг. Д.А. Крайнов возглавляет Крымскую археологическую экспедицию ГИМа, проводит разведки и раскопки палеолитических и многослойных памятников Крыма и Северного Кавказа, в том числе пещерных стоянок Замиль–Коба I–III, Черкез–Кермен, Таш–Аир I и др. [1, с. 7–32; 2, с. 85; 3, с. 248, 250, 251; 4, с. 23–36]. По материалам Таш–Аир I он в 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию, которая была опубликована вскоре в одном из выпусков издания «Материалы и исследования по археологии СССР» [5]. Материалы раскопок Д.А. Крайновым крымских памятников до сих пор востребованы и привлекают внимание учёных [6, с. 106–111; 7, с. 149–166; 8, с. 73–94; 9, с. 169–190; 10, с. 48–71].

В довоенные годы Д.А. Крайнов начинает свои работы также и на могильниках фатьяновской культуры эпохи бронзы. Он проводит разведки, а затем, в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, раскопки Сущёвского Верейского, Вауловского и Холмогорского могильников во Владимирской, Московской и Ярославской областях [11, с. 85, 86; 12, с. 105–155; 13] (илл. 2).

Таким образом, изучение Д.А. Крайновым археологических памятников Верхнего Поволжья начинается в первой части его научного пути – в довоенный период.

Но… началась война, и в июле 1941 г. он добровольцем ушёл в ополчение. В начале октября 1941 г. попал в окружение, в «вяземский котёл». Плен, бегство из плена, опять плен, опять бегство, жизнь на оккупированной территории, работа в провинциальном городском театре в городе Клинцы на Брянщине. После ос-

Илл. 2. Д.А. Крайнов на раскопках Вауловского могильника. 1934 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

вобождения Клинцов и Новозыбкова советскими войсками последовало его возвращение в действующую армию[2]. Однако 20 мая 1944 г. армейская служба НКВД, с пристрастием изучавшая личные дела всех, кто был в плену и в оккупации, отправила Д.А. Крайнова на 10 лет в далёкие северные лагеря ГУЛАГа. Судьбе Д.А. Крайнова в военные годы посвящена специальная статья, основанная на документах его личного архива и рассказах самого учёного [14, с. 184–204].

На 16-м заседании Тверского семинара в 2012 г. нами был представлен доклад о судьбе учёного в лагерях. На этом вопросе мы также сейчас не останавливаемся. Отметим лишь, что певческий талант, великолепный бас и его вторая профессия (оперный певец), полученная в музыкальном училище им. М.М. Ипполитова-Иванова (1937 г.), помогли ему стать артистом лагерного театра «Стройки 501–503» и выжить. В 1951 г. досрочно закончилась его «лагерная эпопея». Он вернулся в Ива́шево, ухаживал за умирающей матерью и больной сестрой Прасковьей – бывшей учительницей, потерявшей здоровье в лагерях ГУЛАГа; работал руководителем художественной самодеятельности в клубе текстильной фабрики «Свобода» в посёлке Горка около станции Бельково, куда ходил за девять километров пешком.

В апреле 1954 г. благодаря хлопотам А.Я. Брюсова и М.М. Герасимова перед Министерством культуры ему удалось устроиться в краеведческий музей г. Углич Ярославской области. «Нашёл пристанище на Волге», – писал он в письме Маре Борисовне Бохиной (урождённой Полторацкой), с которой познакомился в Пензе, приехав к старшему брату Ивану после похорон матери и сестры [15]. Между ними завязалась дружеская переписка, в которой нашёл отражение нелёгкий угличский период жизни учёного. Здесь, в Угличе, началось его возвращение в науку, от которой он был оторван без малого на 13 лет (июль 1941 г. – апрель 1954 г.).

Претерпев многие лишения и тяготы жизни в 1940-е – нач. 1950-х годов, Дмитрий Александрович сохранил оптимизм и стремление наверстать упущенные возможности в науке.

В музей Д.А. Крайнов был принят 1 апреля 1954 г., а уже 18 июня он начинает работы по обследованию археологических памятников в Угличском районе, прежде всего палеолитической стоянки Золоторучье, открытой О.Н. Бадером в 1935 г. [16]. В июле он проводит раскопки Введенского Холма за Карабихой, в сентябре – разведки на Карашском торфянике, а в первых числах октября 1954 г. с Марией Васильевной Фехнер, которая смогла к этому времени получить от ГИМа деньги на полевые работы, они начинают раскопки «Игорева селища» у с. Золоторучье и стоянки Золоторучье I [17; 18; 19]. Стояла ненастная осень. «Холод был страшный. М.В. и Л.М. сидели в овражке у костра и пекли картофель, а я с рабочими вёл исследования. Мне Л.М. дала под плащ лисью шкуру, и было тепло… Находки интересные…» – писал Д.А. Крайнов М.Б. Бохиной 17 октября 1954 г. [20].

Большую роль в этот угличский период его жизни сыграла не только Мара Борисовна, его Машенька, которая вскоре станет его верной спутницей жизни и будет сопровождать его по жизни «до самой берёзки», но и постоянная поддержка коллег, друзей довоенного времени. Они вели с ним переписку, приезжали в Углич, приглашали на научные мероприятия в Москву. Это прежде всего Мария Васильевна Фехнер, Вера Михайловна Раушенбах, Евгений Игнатьевич Крупнов и Александр Яковлевич Брюсов.

С этого времени именно Ярославская область стала основным поприщем полевых исследований Д.А. Крайнова. Здесь он приобщился к «болотной» археологии – сначала на Карашском, а затем на Берендеевском и Ивановском торфяниках [21, с. 17–24]. Первые раскопки на Карашском торфянике он провёл уже в 1955 г. [22] (илл. 3).

В 1956 г. происходит знаковое событие в жизни Д.А. Крайнова. Он был принят в ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии РАН) благодаря своему однокурснику, другу довоенных лет и коллеге по работе в ГИМе Е.И. Крупнову, который был тогда заместителем директора Института и не побоялся принять «опального» учёного в его штат. С этого времени начинается самый плодотворный период научной деятельности Д.А. Крайнова (илл. 4).

С 1957 г. наряду с работами на ярославских стоянках у с. Золоторучье Д.А. Крайнов начинает исследования и в Калининской (Тверской) области [23], а в 1958 г. впервые заезжает в Ивановскую [24].

Правда, он ещё не может проститься со своими южными памятниками. В 1957 г. проводит раскопки мустьерской Бахчисарайской стоянки в Крыму [25], в 1958 г. копает многослойную Ацинскую пещерную стоянку на Северном Кавказе [26].

Однако потом основное внимание Д.А. Крайнов сосредотачивает на поисках и раскопках могильников фатьяновской культуры. В 1959 г. в ИИМК в связи с планируемым изданием Свода памятников фатьяновской культуры создаётся Верхневолжская экспедиция под его руководством.

Основным районом разведок и раскопок Д.А. Крайновым фатьяновских могильников становятся Ярославская, Ивановская, Калининская (Тверская) области, затронуты работами Костромская, Московская и Владимирская. Необходимо отметить, что Д.А. Крайновым (включая и довоенный период его работ) и сотрудниками Верхневолжской экспедиции были исследованы 28 фатьяновских могильников и вскрыты 225 погребений, или 68 % от числа всех выявленных на момент завершения им раскопок фатьяновских могильников [27, с. 63–70; 28, с. 29–30]. Неслучайно О.Н. Бадер отмечал, что «полевые работы Д.А. Крайнова составили эпоху в исследовании фатьяновской культуры» [29, с. 10].

[2] Красная армия освободила Клинцы и Новозыбков, в котором Д.А. Крайнов провёл последний месяц жизни в оккупации, 25 сентября 1943 г.

Илл. 3. Д.А. Крайнов на раскопках Карашского торфяника. 1958 г.

Илл. 4. Удостоверение Д.А. Крайнова – младшего научного сотрудника ИИМК АН СССР. Выдано 22 мая 1956 г.

Вклад Д.А. Крайнова и сотрудников его экспедиции, прежде всего О.С. Гадзяцкой и Н.А. Кирьяновой, в изучение фатьяновской культуры нашёл отражение в 15 статьях, четырёх «Сводах археологических источников» [30–33], кандидатской диссертации О.С. Гадзяцкой и докторской – Д.А. Крайнова, которая стала затем основой его монографии о фатьяновской культуре [34]. Не все выводы автора, представленные в исследовании, бесспорны, однако и поныне это самая фундаментальная работа, в которой рассмотрены проблемы происхождения и датировки, материальная и духовная культура, хозяйство и социальная структура носителей фатьяновской культуры.

Параллельно с изысканиями по фатьяновской культуре с начала 1960-х годов Д.А. Крайнов начинает уделять большое внимание и неолиту центра Русской равнины. Первостепенное место в изучении Волго-Окского неолита Дмитрий Александрович отводил стоянкам близ древнего озера Сахтыш в Тейковском районе Ивановской области, раскопки которых он начинает в 1962 г., а завершает в 1992 г. (с перерывом в четыре года: 1967–1969, 1983). Он буквально «увяз» на памятниках Сахтыша, где кроме поселенческих структур на Сахтыше I, II, IIа, VII и VIII были обнаружены ещё и полторы сотни захоронений нео-, энеолитического времени в сопровождении ритуальных комплексов («святилища», «клады») (илл. 5). Количество научных публикаций материалов раскопок сахтышских памятников как в России, так и за рубежом сейчас приближается к сотне. Однако значительная часть вещей из раскопок Д.А. Крайнова ещё хранится в музейных фондах и ждёт своего часа введения в научный оборот.

В 1960–1970-е годы Д.А. Крайнов также проводил раскопки неолитических стоянок в Бологовском, Старицком, Осташковском и других районах Калининской (Тверской) области (Усть Валдайка I, II, Пентуровская, Ронское I–IV, Бор Волго и др.). Краткая информация о результатах этих работ публиковалась в ежегоднике «Археологические открытия».

Не оставлял Д.А. Крайнов без внимания и неолитические памятники Ярославской области, где его привлекали стоянки не только Карашского, но прежде всего Ивановского и Берендеевского торфяников. Исследование их приходилось в основном на 1970–1980-е годы (илл. 6).

Илл. 5. Д.А. Крайнов на раскопках могильника Сахтыш IIа. 1989 г.

Илл. 6. Д.А. Крайнов на раскопках стоянки Берендеево IIа. 1979 г.

Особенно большое значение имели памятники Ивановского торфяника, уничтожавшиеся в ходе торфоразработок. С 1972-го по 1990 г. он проводит раскопки на стоянках Ивановское II–V и VII. И во многом благодаря раскопкам стоянки Ивановское III с её чёткой стратиграфией культурных напластований ему удалось сделать своё самое значительное открытие в археологии неолита – выделить в 1972 г. верхневолжскую ранненеолитическую культуру [35, с. 68–69; 36, с. 80–84; 37, с. 42–66; 38, с. 166–173]. Это открытие заставило пересмотреть происхождение, хронологию и последовательность развития неолитических культур лесной зоны Европейской части России (илл. 7).

Однако по-прежнему влекли Д.А. Крайнова и более ранние эпохи – палеолит и мезолит. В 1971 г. он в последний раз вернулся на Северный Кавказ и совместно с О.Н. Бадером провёл раскопки Ацинской пещерной стоянки [39, с. 112, 113]. В 1970–1980-е годы он копает ряд стоянок палеолита и мезолита в Ярославской, Тверской и Ивановской областях (Золоторучье I и III, Алтыново I, Богоявление, Федюково I, Чёрная Грязь I, Сахтыш IX и др.) [40, с. 6–15].

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Значительный хронологический охват исследований Д.А. Крайнова был связан также и с тем, что в его экспедиции работали археологи, занимавшиеся изучением памятников разных археологических эпох – от палеолита до Средневековья включительно: М.В. Фехнер, Н.Г. Недошивина, О.С. Гадзяцкая, Н.А. Кирьянова, Е.Н. Ерофеева, К.И. Комаров, М.А. Бухтеева, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина (Шахматова), А.Л. Никитин, Е.М. Молодцова, Е.В. Бодунов, Ю.Н. Урбан, В.М. Воробьёв, М.Г. Жилин, авторы этой статьи и др.

Дмитрий Александрович стремился извлечь максимум научной информации из материалов своих раскопок, поэтому он привлекал к своим полевым исследованиям и последующей обработке материалов специалистов из разных сфер знаний: геологии, палинологии и палеогеографии (А.А. Величко, С.Н. Тюремнов, Е.А. Спиридонова, Н.А. Хотинский), антропологии (Г.В. Лебединская, Т.И. Алексеева, М.В. Добровольская, В.Н. Федосова), радиоуглеродного датирования (Г.И. Зайцева, Л.Д. Сулержицкий), остеологии (Н.М. Ермолова, В.И. Цалкин, В.П. Данильченко, Е.А. Цепкин) (илл. 8).

Илл. 7. Стоянка Ивановское III. Перед началом работ в 1981 г. Д.А. Крайнов: «Глаза стращат, а руки делают». С лопатой А. Уткин, на подходе – Е. Костылёва

Илл. 8. Д.А. Крайнов и Н.А. Хотинский за просмотром керамики. Сахтыш I. 1975 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Более 40 лет жизни посвятил Дмитрий Александрович Крайнов изучению древнейшего прошлого Верхнего Поволжья. Открыл сотни и провёл раскопки десятков памятников палеолита, мезолита, неолита, эпохи бронзы и более позднего времени. И кажется, по изучению древних эпох на территории Верхнего Поволжья никто ещё не сделал больше. Археология была для него не просто делом жизни, а служением во имя науки, открывающей сокрытые в земле пласты обитания многих поколений людей, предшествующих нам, современным жителям планеты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Крайнов Д.А.* Пещерная стоянка Замиль–Коба № 1 // Труды ГИМ / Ред. А.Я. Брюсов. М.: ГИМ. Вып. VIII. 1938.
2. *Крайнов Д.А.* Стоянка Замиль–Коба I: Автореф. докл. // БКИЧП. № 6–7. 1940.
3. *Крайнов Д.А.* Крымская АССР. Бахчисарайский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. / Ред. В.В. Гольмстен. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
4. *Крайнов Д.А.* Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа // БКИЧП. № 9. 1947.
5. *Крайнов Д.А.* Пещерная стоянка Таш–Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. № 91. 1960.
6. *Симоненко А.А.* Крымская археологическая экспедиция Исторического музея. 1935–1940 гг. // Труды ГИМ. Вып. 201. 2014.
7. *Жилин М.Г., Руев В.Л., Симоненко А.А.* Многослойные пещерные стоянки в балках Черкез–Кермен и Замиль в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Том 6 (72). № 3.
8. *Жилин М.Г., Симоненко А.А., Руев В.Л.* Геометрические микролиты нижнего слоя стоянки Замиль–Коба I в Крыму // Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология. М.: ИА РАН, 2022.
9. *Жилин М.Г., Симоненко А.А., Руев В.Л.* Предметы вооружения из нижнего слоя грота Замиль–Коба I в Крыму // Stratum plus. 2023. № 1.
10. *Симоненко А.А., Жилин М.Г., Руев В.Л.* Функционально-планиграфический анализ материалов нижнего слоя стоянки Замиль–Коба I в Крыму // Camera praehistorica. 2024. № 1 (12).
11. *Крайнов Д.А.* Раскопки в Тутаевском р-не Ярославской области // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. / Ред. В.В. Гольмстен. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
12. *Крайнов Д.А.* Вауловский могильник // Труды ГИМ. Вып. XII. 1941.
13. *Крайнов Д.А.* Верейский фатьяновский могильник // Пионер. 1941. № 5.
14. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Д.А. Крайнов и война: По материалам личного архива учёного // Материалы по истории и археологии России. Т. II. Рязань: Александрия, 2012.
15. *Крайнов Д.А.* Письмо М.Б. Бохиной от 10 мая 1954 г. // Археологический музей ИвГУ. Личный фонд Д.А. Крайнова, документы за 1954 год.
16. *Крайнов Д.А.* Полевой дневник разведочных работ по обследованию археологических памятников Угличского района – июнь 1954 года // Археологический музей ИвГУ. Личный фонд Д.А. Крайнова, документы за 1954 год.
17. *Крайнов Д.А.* Дневник раскопок стоянки Золоторучье I // Археологический музей ИвГУ. Личный фонд Д.А. Крайнова, документы за 1954 год.
18. *Крайнов Д.А.* 1) Отчет о разведочных работах в районе г. Углича осенью 1954 г.; 2) О раскопках «Введенского Холма» летом 1954 г. 3) Находки на Карашском торфянике // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 1020.
19. *Крайнов Д.А.* Письмо М.Б. Бохиной от 12 сентября 1954 г. // Археологический музей ИвГУ. Личный фонд Д.А. Крайнова, документы за 1954 год.
20. *Крайнов Д.А.* Письмо М.Б. Бохиной от 17 октября 1954 г. // Археологический музей ИвГУ. Личный фонд Д.А. Крайнова, документы за 1954 год.
21. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Исследования Д.А. Крайнова в Ярославской области // Археология: история и перспективы: вторая межрегиональная конференция: сборник статей / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль, 2006.
22. *Крайнов Д.А.* Отчет Ярославской археологической экспедиции о раскопках стоянки на Карашском торфянике осенью 1955 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1167.
23. *Крайнов Д.А.* Отчет Ярославского отряда Среднерусской экспедиции о производстве археологических раскопок Золоторучьинской стоянки и разведок на территории Ярославской и Калининской областей летом 1957 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1573.
24. *Крайнов Д.А.* Отчет Ярославской археологической экспедиции ИИМК АН СССР за 1958 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1819.
25. *Крайнов Д.А.* Раскопки Бахчисарайской мустьерской стоянки в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 78. 1960.
26. *Крайнов Д.А.* Отчет Сочинского отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки осенью 1958 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1830.
27. *Костылева Е.Л., Уткин А.В.* История раскопок могильников фатьяновской культуры эпохи бронзы в Центральной России (к 110-й годовщине со дня рождения Д.А. Крайнова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. Вып. 4.
28. *Костылёва Е.Л., Уткин А.В.* Фатьяновский «след» в научной судьбе Д.А. Крайнова: к 110-й годовщине со дня рождения // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. Тезисы докладов Международной научной конференции 24–25 февраля 2015 г. / Сост. С.В. Кузьминых, А.С. Смирнов, И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН, 2015.
29. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры. М.: Наука, 1976. (САИ. Вып. В1-25)
30. *Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры: Московская группа. М.: Наука, 1963. (САИ. Вып. В1-19)
31. *Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры: Ярославско-Калининская группа. М.: Наука, 1964. (САИ. Вып. В1-20)
32. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры: Ивановско-Горьковская группа. М.: Наука, 1976. (САИ. Вып. В1-21)
33. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье. М.: Наука, 1987. (САИ. Вып. В1-22)
34. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура. II тысячелетие до н.э.). М.: Наука, 1972.
35. *Крайнов Д.А.* Исследования Верхневолжской экспедиции // АО 1972 года. М.: Наука, 1973.
36. Древнейшая раннеэнеолитическая культура Верхнего Поволжья / *Д.А. Крайнов, Н.А. Хотинский, Ю.Н. Урбан, Е.М. Малодушева* // Вестник АН СССР. 1973. № 5.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

37. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А.* Верхневолжская раннеэолитическая культура // СА. 1977. № 3.
38. *Крайнов Д.А.* Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. (Археология СССР)
39. *Бадер О.Н., Крайнов Д.А.* Раскопки Ацинской пещеры // АО 1971 года. М.: Наука, 1972.
40. *Жилин М.Г.* Работы Д.А. Крайнова и проблемы изучения палеолита и мезолита Верхнего Поволжья // Археология: история и перспективы: вторая межрегиональная конференция: сборник статей / Отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль, 2006.

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Иваново

E.L. Kostyleva, A.V. Utkin

DMITRY ALEXANDROVICH KRAINOV ON THE WAYS OF STUDYING THE ANCIENT PAST OF THE UPPER VOLGA REGION (TO THE 120TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

Summary

D.A. Krainov (1904–1998) was a famous Soviet and Russian archaeologist who devoted more than 40 years to the archaeological study of the ancient past of the Upper Volga region. His work in this region began even before the Great Patriotic War. However, the most intensive research occurred in the post-war period, especially the 1960s–1980s. His main achievements are connected, first of all, with the excavations of 28 burial grounds of the Fatyanovo culture of the Bronze Age. Based on the materials of the excavations, he created a holistic view of the origin, chronology, material and spiritual culture, economy and social structure of the bearers of the Fatyanovo culture.

In the early 1970s, D.A. Krainov made his most significant discovery in Neolithic archaeology – he identified the Upper Volga Early Neolithic Culture. This discovery forced us to reconsider the origin, chronology and sequence of development of the Neolithic cultures of the forest zone of the European part of Russia.

Ivanovo State University,
39, Ermaka St., Ivanovo, 153025, Russia
E.L. Kostyleva – E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru
A.V. Utkin – u_two55@mail.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

А.С. Тараканов, Е.С. Ткач, Д.В. Герасимов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.И. ТИМОФЕЕВА

Научное наследие Владимира Ивановича Тимофеева имеет большое значение для современных археологов – исследователей каменного века Восточной Европы, особенно мезолита и неолита. Деятельность учёного представляет отдельный этап в археологическом изучении Прибалтики. В статье представлены научная биография учёного, список документов в научных архивах ИА РАН и ИИМК РАН, промежуточные результаты научно-технической обработки личного архива.

DOI: 10.70203/9504.2024.67.69.055

Научная деятельность российского археолога, представителя ленинградской – петербургской археологической школы, специалиста по мезолиту и неолиту лесной зоны Восточной Европы Владимира Ивановича Тимофеева (14.06.1947–08.08.2004) стала важным этапом в изучении археологии голоценового каменного века, построении хронологии археологических культур с привлечением естественно-научных методов. Трудами учёного были в значительной степени сформированы современные научные представления о заселении Восточной Европы, и в особенности Прибалтики, в каменном веке и в эпоху раннего металла.

За два десятка лет, прошедших после кончины В.И. Тимофеева, его биография и научное наследие неоднократно становились предметом осмысления и обобщения. В статьях Владимира Яковлевича Шумкина приводятся воспоминания и краткая биография В.И. Тимофеева [1; 2]. В статье 2005 г. Витольда Гуминьского впервые приводится список опубликованных работ [3], уточнённый затем в публикации Станислава Кукавки в сборнике «Проблемы балтийской археологии. Выпуск 2», посвящённом В.И. Тимофееву [4]. Биография, список опубликованных работ и опись документов исследователя, хранящихся в архиве ИИМК РАН, содержатся в статье коллектива авторов, опубликованной к семидесятилетию В.И. Тимофеева [5].

Обстоятельства 1990-х – начала 2000-х гг. (экономический кризис, политическая нестабильность) не позволили в полной мере сделать результаты работ В.И. Тимофеева достоянием научной общественности. Значительная часть публикаций невелика по объёму, выполнена с невысоким полиграфическим качеством. Поэтому неопубликованные данные из научного архива учёного представляют значительную ценность для исследований по наиболее актуальным проблемам современной археологической науки.

В Научном архиве ИИМК РАН представлены преимущественно материалы полевых исследований В.И. Тимофеева: полевые дневники, отчёты о разведках и стационарных работах, описи, альбомы иллюстраций [5]. Кроме того, ряд полевых отчётов и альбомов к ним отсутствует в архиве ИИМК РАН и хранится в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН, Москва (табл. 1).

После безвременной кончины исследователя остался значительный по объёму личный рабочий архив, который нуждался в систематизации для включения в научный оборот. Эти документы происходят из нескольких источников:

1) документы, накопленные в процессе деятельности В.И. Тимофеева в Отделе палеолита ИИМК РАН;
2) документы, перемещённые из квартиры В.И. Тимофеева после его кончины в 2004 году;
3) рабочие файлы с личного компьютера В.И. Тимофеева.

В ходе подготовки к передаче в Научный архива ИИМК РАН была проведена систематизация документов.

Сформирована опись (табл. 2), включившая 139 единиц хранения. Материалы разделены на группы в соответствии с основными направлениями деятельности: работа над научными публикациями, полевые исследования, научно-организационная деятельность, переписка с коллегами. Научные труды и документы, связанные с экспедиционной деятельностью, были также разделены по географическому признаку в соответствии с теми регионами, где была сосредоточена полевая деятельность В.И. Тимофеева: Ленинградская область, Калининградская область, Средняя и Юго-Восточная Азия. Кроме того, в отдельные подразделы выделены материалы по проблемам радиоуглеродной хронологии и вопросам неолитизации.

В соответствии с типовой схемой систематизации [6] документы в описи имеют пять крупных разделов. Для разделов «Научные труды» «Документы по деятельности» выделены подразделы. Подраздел «Экспедиционная деятельность» имеет ещё три группы: для полевой документации, материалов к отчётам и иллюстраций.

1. Научные труды (1973–2004). Черновики публикаций, отчётов, рабочие записи, таблицы, списки. Фотографии и фотокопии выделены в специальный подраздел.

1.1. Статьи, доклады и тезисы (1973–2003).

1.2. Материалы к научным трудам (1982–2004).

1.3. Иллюстрации к научным трудам (1973–1998).

2. Документы к биографии (конец 1984-го – 1999).

3. Документы по деятельности (1973–2004).

3.1. Документы по научно-организационной деятельности (1985–2004). В подраздел вошли в первую очередь документы, относящиеся к периоду исполнения В.И. Тимофеевым обязанностей заведующего Отделом палеолита ИИМК РАН: протоколы заседаний, отчёты, черновики заявлений и т. д.

3.2. Переписка по деятельности (1982–2003). Подавляющая часть дел – компьютерные распечатки электронных писем. Тематика писем в основном связана с обсуждением международных научных исследований.

3.3. Экспедиционная деятельность (1970-е – 2002).

3.3.1. Полевые дневники, чертежи и описи находок (1973–2000).

3.3.2. Материалы к отчётам (1973–2002).

3.3.3. Иллюстрации к отчётам (1983 – не ранее 1998-го).

4. Переписка (2001–2002).

5. Документы других лиц ([1954]–2001).

В процессе обработки фонда были выявлены ценная полевая документация разведок и стационарных работ в Ленинградской области в 1970–1980-х годах, информация из которой не отражена в отчётах, текст кандидатской и наброски текста докторской диссертаций; неопубликованный сборник материалов советско-финляндского симпозиума; документы, иллюстрирующие научно-организационную деятельность; деловая переписка, раскрывающая тему международного сотрудничества в исследованиях 1990-х – начала 2000-х годов.

Систематизация и изучение личного архива учёного потребовали определения основного круга тем его полевых и кабинетных исследований, уточнения ряда деталей биографии на основании анализа публикаций, общения с друзьями, коллегами и учениками. Эта работа позволила получить, как нам представляется, достаточно целостное представление об исследовательском пути и научном наследии В.И. Тимофеева.

В.И. Тимофеев родился 14 июня 1947 года в Мурманске. Отец, Иван Николаевич Тимофеев, выходец из деревни Лежно (рядом с границей современных Ленинградской, Новгородской и Псковской областей), с конца 1930-х годов занимал ключевые посты в руководстве Мурманска и области, в годы Великой Отечественной войны в течение трёх лет участвовал в обороне полуострова Рыбачий [7, с. 9–154]. Мать, Екатерина Александровна, происходила из спецпереселенцев, работала в мурманской городской больнице. Старшая сестра Людмила Ивановна окончила педагогический институт, преподавала в средних и высших учебных заведениях, занималась административной работой, увлекается краеведением [7, с. 240].

Интерес к истории, по воспоминаниям отца, привила тётя Антонина Александровна, историк по образованию [7, с. 239]. Помимо достижений в учёбе были и высокие результаты в спорте: в школьные годы Владимир Иванович стал городским чемпионом по спортивному фехтованию, был кандидатом в мастера спорта по плаванию. В 1965 г. с отличием закончил среднюю школу № 2 города Мурманска и поступил на дневное отделение Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А.А. Жданова на кафедру археологии [2].

Ил. 1. Владимир Иванович Тимофеев на раскопках поселения Большое Заветное 4. 2001 г. Фото П. Уйпо

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Годы учёбы в университете для В.И. Тимофеева связаны с людьми, поддержавшими его заинтересованность в изучении каменного века. Наибольшее влияние в этот период оказали Т.Д. Белановская, Н.Н. Гурина, П.М. Долуханов.

Благодаря рекомендации Т.Д. Белановской в конце 1960-х годов В.И. Тимофеев начинает работать в Верхневолжской неолитической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР, возглавляемой Н.Н. Гуриной. На протяжении полутора десятилетий он принимает участие в археологических разведках и раскопках в Калининской (Тверской) области как под руководством Н.Н. Гуриной, так и во главе отдельной группы, входившей в состав Верхневолжской неолитической экспедиции. Проводились работы на неолитических поселениях Залесье, Зехново, Нижние Котицы, Заболотье II, Тиница 1 и 2 и др. [8].

В те же годы Н.Н. Гурина одновременно возглавляла Кольскую археологическую экспедицию ЛОИА АН СССР. В.И. Тимофеев также работал в составе этой экспедиции (ил. 2).

В 1968 г. Т.Д. Белановская и Н.Н. Гурина рекомендуют директору ЛОИА М.К. Каргеру В.И. Тимофеева в качестве сотрудника. Директор соглашается, В.И. Тимофеев переводится на вечернее отделение университета, его принимают в штат на должность лаборанта в Лабораторию археологической технологии, возглавляемую П.М. Долухановым.

Под руководством П.М. Долуханова В.И. Тимофеев участвует в работах Палеогеографического отряда ЛОИА в Ленинградской и Калининградской областях, выходят первые совместные публикации [9–11]. Сотрудничество и дружба будут продолжаться до конца жизни В.И Тимофеева.

В 1971 г. под руководством Т.Д. Белановской В.И. Тимофеевым была защищена дипломная работа «Некоторые вопросы раннего неолита Прибалтики» [12]. После окончания университета он продолжает работать в ЛОИА и получает тему по мезолиту Средней Азии, работает в составе Ферганской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Несмотря на то что изначально научные интересы В.И. Тимофеева были связаны с неолитом Прибалтики и Северо-Запада России, он быстро осваивает новый материал и совместно с У.И. Исламовым готовит монографию «Культуры каменного века Центральной Ферганы» (издана только в 1986 году) [13]. В личном архиве учёного сохранились таблицы авторства Н.Г. Горбуновой, ха-

Ил. 2. Кольская экспедиция ЛОИА АН СССР. 1970-е годы. Слева направо: В.И. Тимофеев, Г.Н. Шейко, два местных жителя, В.Я. Шумкин, Г.В. Синицына. Фото передано В.Я. Шумкиным

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

рактеризующие ферганскую керамику (табл. 1, Д. 126–128). С 1970-го по 1986 год вышли девять статей по археологии Средней Азии, среди авторов которых значится В.И. Тимофеев.

С начала 1970-х гг. основным научным интересом В.И. Тимофеева становятся проблематика неолитизации и роль природной среды в этом процессе, радиоуглеродная хронология неолита Евразии. Многие публикации по этой тематике были подготовлены в соавторстве с П.М. Долухановым и Г.И. Зайцевой. В 1970 г. выходят две статьи, написанные совместно с П.М. Долухановым, где собрано около 1300 радиоуглеродных датировок памятников мезолита – энеолита Евразии, предложена схема смены культур и типов хозяйства на территории Евразии, отдельно рассматривается регион Прибалтики. Делается вывод о сочетании диффузии и конвергенции в процессе неолитизаци [10; 11]. При участии В.И. Тимофеева публикуются обновляемые каталоги радиоуглеродных дат: в 1972 и 1975 гг. – для Средней Азии, в 1976, 1979 и 1996 гг. – для всей Евразии. В 1981 г. опубликована статья, посвящённая методике интерпретации радиоуглеродных датировок памятников каменного века. Рассматриваются факторы, усложняющие оценку достоверности датировки палеолитических материалов при помощи типологического метода, особенности стратиграфии памятников мезолита и неолита, влияющие на результаты датирования [14]. Накопленный опыт применения метода радиоуглеродного датирования обобщён в публикации 1992 года [15].

С 1993 года выходят статьи, посвящённые применению новой методики радиоуглеродного датирования на масс-спектрометре с ускорителем, впервые в СССР использованной в археологических исследованиях для датирования пищевого нагара на керамике памятника Цедмар Д [16].

С середины 1990-х годов накопленные массивы радиоуглеродных датировок обрабатываются с помощью математических моделей, с учётом ландшафтных особенностей и климатических изменений.

Опыт исследований в Азии, на Верхней Волге и в Прибалтике позволял В.И. Тимофееву использовать в моделировании процесса распространения керамического производства большой объём археологических материалов, привлекать к анализу реконструкции древних природных условий и данные радиоуглеродного датирования. Важной обобщающей работой по этой теме является «Радиоуглеродная хронология Северной Евразии» [17], где помимо каталога радиоуглеродных дат рассмотрены основные теоретические концепции неолитизации и роль изменений природной среды в этом процессе. Предлагаются возможные модели неолитизации и распространения неолита на обширных территориях Евразии с различными географическими и ландшафтными зонами.

В 1980 г. В.И. Тимофеев защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики».

Политический и экономический кризис 1990-х годов негативно сказался на российской науке: государственное финансирование исследований прекратилось, археологи были вынуждены сокращать расходы и самостоятельно искать источники средств для проведения полевых работ.

В этот период В.И. Тимофеев всего трижды берёт открытые листы для проведения раскопок: в 1993, 1997 и 1998 годах. Все работы были непродолжительными, на ограниченной площади, осуществлялись в Ленинградской области. Напротив, к этому же времени относится самый продуктивный период в плане публикаций: с 1991-го по 1999 год у В.И. Тимофеева вышли 69 статей.

С 1999 г. ситуация с финансированием полевых исследований становится менее напряжённой: Президиум РАН выделяет средства Институту истории материальной культуры, действует финансирование со стороны отечественных фондов (РФФИ, РГНФ и другие), ведутся хоздоговорные работы [18].

Заметная часть деятельности В.И. Тимофеева в 1990-е годы связана с сохранением наследия Н.Н. Гуриной, введением в научный оборот данных, полученных в ходе её работ на Верхней Волге и Кольском полуострове.

Участники Верхневолжской неолитической экспедиции ЛОИА (И.В. Верещагина, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, О.М. Тихомирова, Л.Г. Шаяхметова, В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова) в 1995 и 1997 годах подготовили два выпуска сборников статей «Каменный век Верхневолжского региона», в которых систематизировали и опубликовали результаты более чем 30-летней работы под руководством Н.Н. Гуриной [19; 20].

В.И. Тимофеев выступал в качестве редактора монографии Н.Н. Гуриной «История культуры древнего населения Кольского полуострова», являющейся результатом её 20-летних исследований [21]. Отчёт по проекту издания этой книги сохранился в личном фонде (табл. 2, Д. 49).

В декабре 2000 г. состоялась международная конференция «Хронология неолита Восточной Европы», посвящённая Н.Н. Гуриной. Участие приняли более 70 исследователей из стран СНГ и Европы [22]. Отчёт о проведении конференции и связанные с этим финансовые документы хранятся в личном фонде (табл. 2, Д. 50).

Также в личном фонде обнаружена переписка с Энн Стальсберг, касающаяся англоязычного издания книги Н.Н Гуриной о петроглифах Чальмны-Варре на Кольском полуострове (табл. 2, Д. 68).

Экспедиционная деятельность

Основными регионами, где В.И. Тимофеев вёл полевые исследования, являлись Калининградская и Ленинградская области.

Первые археологические разведки в Калининградской области В.И. Тимофеев провёл в составе Палеогеографического отряда ЛОИА под руководством П.М. Долуханова в июле 1969 г. в Озерском районе.

В 1972 г. Калининградский неолитический отряд ЛОИА АН СССР под руководством В.И. Тимофеева проводит разведки памятников каменного века, перспективных для стационарных раскопок. Обследовались речные террасы на северо-востоке области и мелиорируемые торфяники в Неманском и Краснознаменском районах. Были обследованы берега рек Шешупе, Дейма, Прегель, Анграпа, Инструч, Писса. Выявле-

ны неолитические местонахождения Тушино 1, 2, Краснознаменское 1, у с. Тимофеево; памятники мезолита у с. Тальники и у с. Синявино. Найдено мезолитическое местонахождение в торфянике Утиное болото [23].

Основные работы 1974 г. были сосредоточены на стоянке Цедмар Д. Были проведены небольшие раскопки на стоянке Цедмар А и некоторых местонахождениях, открытых в 1972 г. [24].

В 1975 году исследовались открытые разведками прошлых лет пункты на торфянике Утиное болото. На неолитической стоянке Утиное болото I двумя раскопами были исследованы 272 кв. м культурного слоя. Небольшие работы проведены на пункте Утиное болото II и стоянке Цедмар Д [25]. Работы на стоянках Цедмар А и Утиное болото I были продолжены в следующем году, в 1977–1978 годах проведены работы на стоянках Цедмар Д и Цедмар А [26–28].

В 1981 г. сильные дожди и последовавшее за ними повышение уровня грунтовых вод не позволили осуществлять стационарные раскопки торфяниковых стоянок, отрядом исследовались пункты, открытые в Калининградской области в прошлые годы.

Летом 1987 г. на стоянке Цедмар А изучалась западная периферийная часть поселения, вскрыто 100 кв. м [29]. На следующий год на памятнике Цедмар Д были исследованы 142 кв. м, выявлены остатки деревянных конструкций – крупных колов или столбов и «настила» [30].

В Калининградской области разведки и раскопки под руководством В.И. Тимофеева велись с 1972-го по 1988 год. В качестве причин прекращения работ на цедмарских стоянках можно предположить: а) непредсказуемость и усложнение проведения раскопок на торфянике по причине ухудшения качества мелиорации и подъёма грунтовых вод; б) усложнение логистики экспедиции в условиях экономического и политического кризиса с конца 1980-х годов; в) необходимость поиска и привлечения нового материала для работы над проблемой связей восточно-прибалтийских культур.

В 1973 г. начались самостоятельные исследования В.И. Тимофеева в Ленинградской области. Был проведён осмотр берегов Нового и Старого Сясьских каналов в Южном Приладожье, найдены фрагменты керамики и костяной кинжал, открыта широко известная и до сих пор не изученная стоянка Березье, возможно, самый восточный памятник с ранненеолитической нарвской керамикой [31; 32].

С 1982 г. проводятся разведки и раскопки на юго-западе Ленинградской области. В Лужском районе открыты стоянки Соколок, Мерёво 2. В следующем году на этих памятниках проведены раскопки, получены первые для юга области выразительные мезолитические и ранненеолитические материалы. Были начаты исследования на Сяберском озере.

В 1984 г. открыта стоянка Сяберская III. В 1988–1989 гг. на стоянке Северо-Западным неолитическим отрядом ЛОИА под руководством В.И. Тимофеева были проведены раскопки. За два сезона впервые для обширного региона изучены последовательно залегающие выразительные комплексы раннего и развитого неолита, а также эпохи раннего металла. Сделаны выводы о структуре стоянки и эпизодах её заселения [30; 33].

В 1998 г. В.И. Тимофеев в составе Северо-Западной археологической экспедиции Санкт-Петербургского филиала Института культурного наследия (начальник экспедиции – С.Л. Кузьмин) проводил совместно с М.А. Юшковой (Раззак) раскопки поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка в Волховском районе Ленинградской области, обнаруженного разведкой С.Л. Кузьмина в 1997 г. [34].

Также в 1984 г. помимо работ на юге области совместно с П.М. Долухановым были проведены разведки на Карельском перешейке.

В 1993 году проводились разведки на севере Карельского перешейка в окрестностях озёр Риукъярви и Пиискунсалми близ посёлка Севастьяново Приозерского района. Целью работ была локализация неолитических стоянок, открытых в начале XX века Ю. Айлио, А. Европеусом, позднее заново обнаруженных краеведом В.М. Соколовым. Зафиксированы семь местонахождений каменного века, район был признан перспективным для проведения стационарных работ [35].

В 1997 г. помимо осмотра стоянок, локализованных в 1993 г., было составлено описание геоморфологической ситуации микрорайона Риукъярви-Пиискунсалми. Совместно с П.М. Долухановым, на тот момент сотрудником Университета Ньюкастла (Великобритания), в Выборгском районе были предприняты поиски знаменитого раннемезолитического местонахождения Антреа Корпилахти [36].

В 1995 году В.И. Тимофеев совместно с А.И. Саксой проводит исследования группы памятников у посёлка Куркиёки Лахденпохского района Республики Карелия. В работах принимала участие группа финских учёных (Т. Лемпияйнен, Е. Грёнлунд, Х. Симола, А. Ниссинахо) [37].

Осенью 1998 г. В.И. Тимофеевым, А.И. Саксой и группой финских археологов был проведён осмотр памятников в северной части Карельского перешейка с целью определения перспектив проведения совместных исследований [38]. Результатом стала серия масштабных совместных российско-финляндских полевых проектов, координацию и руководство которыми с российской стороны осуществляли В.И. Тимофеев и А.И. Сакса. С финляндской стороны инициаторами и руководителями проектов были М. Лавенто, П. Халинен и К. Карпелан из Хельсинкского университета и П. Уйно из Национальной службы древностей Финляндии (фин. Museovirasto).

В 1999 г. в рамках российско-финляндского полевого семинара по проблематике каменного века Карельского перешейка были проведены систематические интенсивные археологические разведки памятников каменного века вблизи посёлков Мельниково и Севастьяново Приозерского района. За две недели были зафиксированы несколько десятков объектов [39; 40].

В 2000 г. В.И. Тимофеев проводит раскопки на многослойном памятнике Силино в Приозерском районе вместе с группой археологов из Музея Лахти, Финляндия, под руководством Ханну Такала. В 2001 году раскопки памятника были продолжены, российскую сторону представлял Д.В. Герасимов [40].

В 2002 г. на памятнике Большое Заветное 4, открытом в 1999 г., совместной российско-финляндской экспедицией были проведены первые на Карельском перешейке раскопки неолитического жилища, выполненные в соответствии с методическими нормами XXI века. Работы проводились Карельским неолитическим отрядом ИИМК РАН под руководством В.И. Тимофеева совместно с Департаментом археологии Университета Хельсинки [41].

В 2002–2003 гг. совместно с Музеем Лахти осуществлялись рекогносцировочные раскопки на группе поселений у посёлка Вещево. Карельским неолитическим отрядом ИИМК РАН в 2002 году руководил В.И. Тимофеев, годом позднее – С.Н. Лисицын [39].

В 1984 г. начал действовать рабочий план научного сотрудничества между Институтом археологии АН СССР и Институтом археологии Комитета общественных наук Социалистической Республики Вьетнам (ИАКОН СРВ), подписанный 30 марта 1984 г. академиком Б.А. Рыбаковым, профессором Хам Хюи Тхонгом и членом-корреспондентом АН Туркменской ССР, профессором В.М. Массоном. Тема сотрудничества – «Археологические культуры Вьетнама и Средней Азии и общие закономерности их развития».

В ходе реализации рабочего плана в августе – октябре 1984 г. в ЛОИА АН СССР работала группа ведущих археологов ИА КОН СРВ, изучавших археологические материалы и принявших участие в осмотре памятников и экспедиционных исследованиях в Средней Азии.

В конце ноября 1984 г. из ЛОИА в СРВ отправилась советская делегация, в составе которой были Н.К. Анисюткин и В.И. Тимофеев. В ходе командировки удалось посетить ряд важных памятников каменного века, расположенных на севере и юге страны, ознакомиться с их топографией, геоморфологией и стратиграфией, методикой раскопок, изучить археологические материалы [42].

Были обследованы две пещеры (Тхам Хай и Тхамкуен) у села Тан Ван уезда Биньзя провинции Лонгшон, где в 1964 и 1965 годах немецкими и вьетнамскими палеонтологами найдены остатки плейстоценовой фауны (ил. 3). Также были осмотрены раковинные кучи неолитической культуры Куин Ван. Найденные в

Ил. 3. В.И. Тимофеев и Н.К. Анисюткин с вьетнамскими коллегами в пещере Тхамхай. 1985 г.
Фото передано Н.К. Анисюткиным

ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ходе осмотра поселения Ма Хо (провинция Тхань Хоа) кварцевые артефакты позволили В.И. Тимофееву и Н.К. Анисюткину поставить вопрос о наличии кварцевого компонента в каменной индустрии позднего неолита Вьетнама [43].

Организационная и редакционно-издательская деятельность

Первым свидетельством участия В.И. Тимофеева в организации работы Сектора палеолита является его статья в «Кратких сообщениях Института археологии» под названием «О работе Сектора палеолита в 1972–1979 гг.» [44].

В 1990 г. также в КСИА в разделе «Хроника» опубликована статья, посвящённая Совещанию по проблемам изучения истории и культуры народов Крайнего Севера, состоявшегося весной 1987 года [45].

Руководство сектором перешло к В.И. Тимофееву в 1997 году после кончины Н.Д. Праслова [46]. До того более десяти лет он возглавлял входившую в сектор Группу изучения неолита, публиковал отчётные статьи о деятельности сектора [44; 45]. В.И. Тимофеев возглавлял Сектор палеолита в сложный для института и страны период. Несмотря на это, он сумел наладить работу отдела, стимулировать издательскую и организационную деятельность.

В личном фонде сохранилось большое количество документов, связанных с организационной деятельностью: выписки из протоколов заседаний Отдела за 1986–2001 годы (табл. 2, Д. 37), предложения по структуре и наполнению будущего сайта ИИМК РАН (табл. 2, Д. 48), списки присутствовавших на заседаниях Отдела палеолита в 1997–1998 годах (табл. 2, Д. 40), переписка с руководством института об упорядочении работ на Карельском перешейке (табл. 2, Д. 45).

В.И. Тимофеев активно участвовал в организации и укреплении международного научного сотрудничества. Он являлся участником регулярных симпозиумов, проводившихся с 1976 г. совместно с финляндскими [47], а с 1989 г. – с датскими археологами [48]; в 1985 году посещает Польскую Народную Республику, где изучает музейные коллекции (табл. 2, Д. 36).

Преподавательская деятельность и ученики

В.И. Тимофеев проявил себя и в преподавательской деятельности. Согласно информации в сетевом биографическом словаре историков Санкт-Петербургского университета, В.И. Тимофеев в 1994–1995 годах вёл спецсеминар «Проблемы неолита» [49]. Также в 2002 г. им составлена программа спецкурса «Каменный век Восточной Прибалтики».

В.И. Тимофеев оказал влияние на целое поколение исследователей, для многих выступал научным руководителем при подготовке кандидатских диссертаций. Регионы, где сейчас работают ученики Владимира Ивановича, не ограничиваются Северо-Западом России.

Под руководством В.И. Тимофеева защитили кандидатские диссертации многие исследователи неолита:

Наталья Валентиновна Косорукова (Кондакова) – «Мезолит Молого-Шекснинского междуречья», 1997 г. [50];

Константин Энрикович Герман – «Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера», 2001 г. [51];

Владимир Михайлович Лозовский – «Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье-2», 2003 г. [52];

Андрей Витальевич Цыбрий – «Неолит Восточного Приазовья и долины Маныча», 2005 г. [53];

Виктор Витальевич Цыбрий – «Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья», 2005 г. [54];

Надежда Геннадьевна Недомолкина – «Неолит Верхней Сухоны», 2007 г., научные руководители – В.И. Тимофеев и В.Я. Шумкин [55].

Некоторые работы были начаты под руководством В.И. Тимофеева, но из-за его скоропостижной смерти подготовка к защите велась уже коллегами Владимира Ивановича:

Дмитрий Владимирович Герасимов – «Динамика каменных индустрий мезолита – неолита Карельского перешейка», 2012 г., научный руководитель В.Я. Шумкин [56];

Эдвин Борисович Зальцман – «Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики», 2009 г., научный руководитель А.В. Энговатова [57].

Авторы благодарят Владимира Яковлевича Шумкина за ценные советы и комментарии в ходе написания статьи, предоставление фотографий; Николая Кузьмича Анисюткина за подробности командировки во Вьетнам, передачу фотографий и полевого дневника; сотрудников Научного архива ИИМК РАН, в особенности Марию Владимировну Медведеву и Марию Вячеславовну Мандрик, за консультации и помощь в составлении описи.

Твердой государственный объединенный музей

Таблица 1. *Материалы В.И. Тимофеева в научных архивах ИИМК РАН и ИА РАН*

	Научный архив ИИМК РАН
	Персоналия
1	Фонд 35. Опись 5, дело 520. Личное дело Владимира Ивановича Тимофеева. 1968–2004 гг. 78 л.
	Материалы полевых работ за 1972–2002 гг.
2	Фонд 35. Опись 1, 1972. Отчет о разведке стоянок каменного века на территории Калининградской области в 1972 г. (дело 44). Альбом иллюстраций к полевому отчёту 1972 г. (дело 45). Полевой дневник разведки (дело 179). Опись находок (дело 180).
3	Фонд 35. Опись 1, 1974. Калининградский неолитический отряд, 1974 г. Полевые дневники (дело 179). Полевые чертежи (дело 180).
4	Фонд 35. Опись 1, 1975. Калининградский неолитический отряд, 1975 г. Полевой отчёт (дело 37). Полевые чертежи раскопок стоянки Цедмар Д (дело 181).
5	Фонд 35. Опись 1, 1976. Калининградский неолитический отряд, 1976 г. Полевой отчёт о работе (дело 42). Полевой дневник (дело 183). Полевые чертежи раскопок стоянки Цедмар Д (дело 184). Полевой дневник раскопок стоянки Утиное болото (дело 185).
6	Фонд 35. Опись 1, 1977. Калининградский неолитический отряд, 1977 г. Полевой отчёт о работе (дело 35). Полевые чертежи раскопок стоянки Цедмар Д (дело 171).
7	Фонд 35. Опись 1, 1978. Калининградский неолитический отряд, 1978 г. Полевые чертежи раскопок стоянки Цедмар Д (дело 182). Полевой дневник (дело 183).
8	Фонд 35. Опись 1, 1981. Калининградский неолитический отряд, 1981 г. Полевой отчёт о работе (дело 43).
9	Фонд 35. Опись 1, 1982. Ленинградский неолитический отряд, 1982 г. Полевой отчёт о работе (дело 74).
10	Фонд 35. Опись 1, 1983. Ленинградский неолитический отряд, 1983 г. Отчёт об исследованиях памятников каменного века в юго-западной части Ленинградской области (дело 69).
11	Фонд 35. Опись 1, 1984. Ленинградский неолитический отряд, 1984 г. Полевой отчёт о работе (дело 68). Полевой дневник (дело 69). Полевые чертежи (дело 70).
12	Фонд 35. Опись 1, 1987. Калининградский неолитический отряд, 1987 г. Полевой отчёт о работе (дело 48). Полевой дневник (дело 49). Полевые чертежи (дело 50).
13	Фонд 35. Опись 1, 1997. Отчёт о разведке на Карельском перешейке в 1997 г. с приложением полевых чертежей (дело 7).
14	Фонд 35. Опись 1, 1998. Северо-Западная археологическая экспедиция, 1998 г. Отчёт о раскопках в пос. Шкурина Горка (Волховский район Ленинградской области) (дело 16). Полевой дневник (дело 35).
15	Фонд 35. Опись 1, 2002. Карельский неолитический отряд. Краткий отчет о работе отряда на стоянке Б. Заветное Приозерского района Ленинградской области в 2002 г. (дело 35). Полевой дневник раскопок на стоянке Б. Заветное Приозерского района Ленинградской области в 1999, 2000 и 2002 гг. (дело 36).
	Фотоотдел НА ИИМК РАН
	Персоналия
16	Негатив I 76761, коллекция 1373/146. Портрет В.И. Тимофееева. 1970 г.
17	Альбом О.3030/79, коллекция 2312/78, нег. 1, отп. 1*. Портрет В.И. Тимофеева. 1975 г.
	Материалы полевых работ
18	Альбом О.2940/1-, коллекция 2583/I–30, нег. 30, отп. 37. Калининградский неолитический отряд, 1972 г. Материалы обследований неолитических и мезолитических стоянок в Калининградской области. Полевая работа, керамика из с. Никольское. Снимок В.И. Тимофеева.
19	Альбом О.3006/135–148, коллекция 2609/238–251, нег. 14, отп. 14. Староладожская экспедиция, 1973 г. Командировка В.И. Тимофеева в Старую Ладогу и др. места Ленинградской обл. Находки из д. Березье и района Старого Сясьского канала.
20	Альбом О.3054/1–104, коллекция 2670/1–98, нег. 98, отп. 104. Калининградский неолитический отряд, 1974 г. Исследование неолитических стоянок в Калининградской области (Цедмар Д и А. у с. Тушино, Никольское IV, Краснознаменская I и др.). Общие виды, полевая работа, снимки стратиграфии и планиграфии, чертежей и находок.
21	Альбом О.3120/1–95, коллекция 2725/1–91, нег. 91, отп. 91. Материалы работ Калининградского отряда в 1975 г. Исследование неолитических стоянок в Калининградской области (Утиное Болото I–II, Куршская коса, Цедмар Д). Полевая работа, чертежи, находки и их зарисовки.
22	Альбом О.3120/96, коллекция 2725/92, нег. 1, отп. 1. Материалы работ Калининградского отряда в 1975 г. Исследование неолитической стоянки Цедмар Д. Рисунок рогового орудия.

* нег. – негатив (негативов), отп. – отпечаток (отпечатков).

Таблица 1 *(продолжение)*

23	Альбом О.3123/22–24, коллекция 2723/27–29, нег. 3, отп. 3. Материалы командировки 1975 г. в Волховский район Ленинградской области. Неолитическая керамика со стоянки у с. Березье и с территории Ново-Сясьского канала.
24	Альбом О.3151/1–57, коллекция 2771/1–52, нег. 52, отп. 57. Материалы работ Калининградского неолитического отряда, 1976 г. Раскопки неолитических стоянок Цедмар (пункт А), у пос. Серово, Утиное Болото I в Краснознаменском районе Калининградской области. Полевая работа, чертежи и находки.
25	Альбом О.3151/58, коллекция 2771/53, нег. 1, отп. 1. Материалы работ Калининградского неолитического отряда, 1976 г. Роговое орудие со стоянки Цедмар А (Серово) Озерского района Калининградской области.
26	Альбом О.3227/1–98, коллекция 2816/1–90, нег. 90, отп. 99. Материалы работ Калининградского неолитического отряда, 1977 г. Раскопки неолитических стоянок Цедмар А и Д у пос. Серово Озерского района Калининградской области. Полевая работа, чертежи и находки.
27	Альбом О.3458/1–52, коллекция 2880/1–50, нег. 50, отп. 52. Калининградский неолитический отряд, 1978 г. Раскопки неолитических стоянок в Калининградской области (Цедмар А и Д и у пос. Серово). Полевая работа, находки, чертежи.
	Материалы к публикациям
28	Альбом О.3123/1–3, коллекция 2723/1–3, нег. 3, отп. 3. Иллюстрации к статье «К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики». Снимки лаборатории ЛОИА, 1975 г.
29	Альбом О.3123/4–5, коллекция 2723/4–10, нег. 7, отп. 7. Иллюстрации к статье «Абсолютная датировка мезолита Европы по данным радиоуглеродного анализа». Снимки лаборатории ЛОИА, 1975 г.
30	Альбом О.3123/6–21, коллекция 2723/11–26, нег. 16, отп. 16. Иллюстрации к публикации материалов Ферганской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1967, 1969 и 1970 гг. Снимки лаборатории ЛОИА, 1975 г.
31	Альбом О.3123/25, коллекция 2723/30–31, нег. 2, отп. 2. Иллюстрации к статье «Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР». Снимки лаборатории ЛОИА, 1975 г.
32	Альбом О.3123/26–29, коллекция 2723/32–35, нег. 4, отп. 4. Иллюстрации к статье «Мезолитические памятники в нижнем течении р. Шешупе». Снимки лаборатории ЛОИА, 1978 г.
33	Альбом О.3123/37–38, коллекция 2723/43–44, нег. 2, отп. 2. Таблицы «Радиоуглеродные датировки мезолитических памятников СССР» и «Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР» (для II тома «Археология СССР»). Снимки лаборатории ЛОИА, 1977 г.
34	Альбом О.3123/39–44, коллекция 2723/45–50, нег. 6, отп. 6. Материалы к теме «Культуры каменного века юго-восточной Прибалтики». Снимки лаборатории ЛОИА, 1978 г.
35	Альбом О.3123/45, коллекция 2723/51, нег. 1, отп. 1. Иллюстрации к статье В.И. Тимофеева и А.К. Филиппова «Три изделия из рога северного оленя, найденные в юго-восточной Прибалтике». Снимки лаборатории ЛОИА, 1981 г.
	Научно-отраслевой архив ИА РАН
36	Ф-1. Р-1. № 4491 – Н.Н. Гурина, В.И. Тимофеев. Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1971 г. № 4491а – Альбом иллюстраций к отчёту.
37	Ф-1. Р-1. № 5880 – В.И. Тимофеев. Отчет о работе Калининградского неолитического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1974 году. № 5880а – Альбом иллюстраций к отчёту.
38	Ф-1. Р-1. № 6095а. – Альбом иллюстраций к отчёту В.И. Тимофеева о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1975 году.
39	Ф-1. Р-1. № 6177а – Альбом иллюстраций к отчёту В.И. Тимофеева о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1976 году.
40	Ф-1. Р-1. № 6546а – Альбом иллюстраций к отчёту В.И. Тимофеева о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1977 году.
41	Ф-1. Р-1. № 8374 – Отчёт В.И. Тимофеева о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1978 году. № 8374а – Альбом иллюстраций к отчёту.
42	Ф-1. Р-1. № 8630 – Отчёт В.И. Тимофеева о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1981 году. № 8630а – Альбом иллюстраций к отчёту.

Объединенный музей

Таблица 1 *(окончание)*

43	Ф-1. Р-1. № 2298 – Отчёт В.И. Тимофеева о работе Ленинградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1982 году. № 2298а – Альбом иллюстраций к отчёту.
44	Ф-1. Р-1. № 9575а – В.И. Тимофеев. Альбом к отчёту об исследованиях памятников каменного века в юго-западной части Ленинградской области в 1983 году.
45	Ф-1. Р-1. № 11376 – В.И. Тимофеев. Отчет об исследованиях памятников каменного века в Ленинградской области в 1983 году. № 11376а – Альбом иллюстраций к отчёту.
46	Ф-1. Р-1. № 12516а – Альбом к отчёту В.И. Тимофеева о работах Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1987 г.
47	Ф-1. Р-1. № 13678 – В.И. Тимофеев. Альбом к отчёту об исследованиях Северо-Западного неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1988 г.
48	Ф-1. Р-1. № 13679 – В.И. Тимофеев. Отчёт об исследованиях Северо-Западного неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1989 году. № 13680 – Альбом иллюстраций к отчёту.
49	Ф-1. Р-1. № 17962 – В.И. Тимофеев. Отчет о разведке в северной части Карельского перешейка в июле 1993 года. № 17963 – Альбом иллюстраций к отчёту.
50	Ф-1. Р-1. № 23021 – Отчёт В.И. Тимофеева о разведке на Карельском перешейке (11–16 сентября 1997 г.). № 23022 – Альбом иллюстраций к отчёту.
51	Ф-1. Р-1. № 21951 – В.И. Тимофеев. Отчет о раскопках поселения эпохи раннего металла Шкурина горка (Волховский р-н Ленинградской области). 1998 г. № 21952 – Альбом иллюстраций к отчёту.
52	Ф-1. Р-1. № 24986 – В.И. Тимофеев. Отчет о рекогносцировочных раскопках стоянки Силино (Приозерский ра[й]он Ленинградской области) в 2000 г.

Таблица 2. *Опись личного фонда В.И. Тимофеева*

1. Научные труды (1973–2004)
1.1. Статьи, доклады и тезисы (1973–2003)

№	Наименование единицы хранения	Крайние даты	Кол-во листов
1	«О работах на памятнике Березье и Сясьских каналах.». Текст доклада. Автограф.	1973	1
2	«Раскопки памятников каменного века в Ленинградской области». Черновик статьи. Машинопись с правкой. Опубл.*: Археологические открытия 1982 года, 1983. (В соавт.** с Н.Н. Гуриной)	1982	2
3	«Новый подход к разработке проблем выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики». Материалы к публикации. Автограф. Опубл.: Археологические вести. № 2. 1993. (В соавт. с В.А. Галибиным) Приложение: конверт.	1993	10
4	«Исследования стоянок каменного века на озере Большое Заветное» (вариант Д.В. Герасимова). Черновик статьи. Компьютерная распечатка с правкой. Опубл.: Археологические открытия 2002 года. 2003. (В соавт. с Д.В. Герасимовым, С.Н. Лисицыным, M. Lavento, P. Halinen)	2003	2
5	«Открытие новых памятников каменного века в Ленинградской области». Черновик статьи. Компьютерная распечатка с правкой. Опубл.: Археологические открытия 2002 года, 2003. (В соавт. с Д.В. Герасимовым, С.Н. Лисицыным, M. Lavento P. Halinen, P. Uino)	2003	3
6	«К палеогеографии и геохронологии поселений каменного века – эпохи раннего металла Балтийско-Ладожского региона». Черновики статьи (1-я и 13-я версии). Компьютерная распечатка с правкой. Опубл.: Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии, 2003. (В соавт. с П.М. Долухановым, С.Ф. Болтрамовичем, Г.И. Зайцевой, М.А. Кульковой)	2003	14

* – Опубл. – опубликовано.

** – В соавт. – В соавторстве.

Государственный объединенный музей

Таблица 2 *(продолжение)*

1.2. Материалы к научным трудам (1982–2004)

7	Блокнот с информацией об археологических памятниках на Карельском перешейке. Автограф.	Не ранее 1982	24
8	Таблицы распределения находок по горизонтам и квадратам для памятников Сяберская 2, Сяберская 3, Мерево 2. Автограф.	Не ранее 1982	4
9	Записка с характеристикой и таблица с распределением по горизонтам каменного инвентаря памятника Сяберская III. Автограф.	1984–1989	2
10	Список датировок С14 для памятников в Юго-Восточной Азии. Автограф.	Не ранее 1984	11
11	Зарисовки мотивов орнамента и профилей венчиков сосудов с памятников Каннельярви I, Сяберская I, Сяберская III. Автограф.	Не ранее 1984	1
12	Кальки с карты окрестностей озера Сяберо (Лужский район Ленинградской области). Автограф.	Не ранее 1984	1
13	Выписки из отчётов Ю.Н. Урбана и Т.М. Гусенцовой о работах на востоке Ленинградской области в 1985–1987 гг. Автограф.	Не ранее 1987	6
14	Выписки об археологических памятниках Северного Приильменья и Поволховья. Автограф.	1980-е	2
15	Выписки уровня воды из журнала наблюдений гидрогруппы Невско-Ладожского техучастка (Министерства речного флота) за 1970–1980-е гг. Автограф.	1980-е	2
16	Выписка с информацией о памятниках на Карельском перешейке, исследованных при участии В.И. Тимофеева. Машинопись.	Не ранее 1995	8
17	Записки с радиоуглеродными датами образцов с памятников Шкурина горка и Ракушечный Яр, ксерокопия рисунка изделия из кости. Автограф, ксерокопия.	Не ранее августа 1998	3
18	Список-приложение к акту о вновь выявленных объектах, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность. Стоянка Лавамяки. Машинопись с правкой.	19.11.1998	1
19	Выписка титульного листа и содержания книги «Археология Вьетнама. Том I. Каменный век во Вьетнаме» (отв. ред: проф. Ха Ван Тан. Ханой, 1998). Автограф.	Не ранее 1998	3
20	Описание обследованных пуиктов и список иллюстраций к отчёту о проведении российско-финляндского полевого семинара на Карельском перешейке 3–14 мая 1999 г. На англ. яз.* Компьютерная распечатка	Не ранее мая 1999	64
21	Заключение из книги «Археология Вьетнама. Том I». Компьютерная распечатка с правкой.	1990-е	4
22	Список археологических памятников, известных на территории проектируемого природно-зоологического заповедника в районе Токсово, Всеволожский р-н Ленинградской области. Авториз.** компьютерная распечатка.	Конец 1990-х – 2004	2
23	Описи образцов с памятников Карельского перешейка, отобранных для геохимических анализов. Компьютерная распечатка с правкой. Автограф.	2002–2003	4

* – На англ. яз. – на английском языке.

** – Авториз. – авторизованная (подписанная).

1.3. Иллюстрации к научным трудам (1973–1998)

24	Фотография процесса работ на стоянке Соколок. 8×12 см.	1983	1
25	Фотографии местности и находок со стоянки Березье и Сясьского канала. Присутствуют фрагменты, вырезанные из фотографий. 53 фото. 8×12 см.	Не ранее осени 1975	53
26	Иллюстрации к отчёту о работах на стоянке Березье и Сясьских каналах. 2 фото, 2 фотокопии. 13×18 см.	Не ранее осени 1973	4
27	Иллюстрации к статье «Староладожская неолитическая стоянка». 7 фото, 2 фотокопии. 13×18 см. Опубл.: Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. 1997 (в соавт. с Н.К. Стеценко)	Не ранее 1997	9
28	Фотографии процесса работ на памятнике Березье. 6 фото. 8×12 см.	1973	6
29	Снимки процесса работ на памятнике Шкурина Горка. Цветные негативы. 20 обрезков по 4 кадра. 24×36 мм. Приложение: конверт с подписью.	15.08.1998–04.09.1998	21

Объединенный музей

Таблица 2 *(продолжение)*

30	Фотографии из разведок памятников в Ленинградской области в 1982–1984 гг. с подписями. 19 фото. 8×12 см.	1982–1984	19
31	Фотографии из разведок памятников в Ленинградской области в 1982–1984 гг. без подписей. 195 фото. 8×12 см.	1982–1984	195
32	Carpelan Christian, сотрудник Отдела археологии университета Хельсинки (фотограф). Вид стоянки Лавамяки после урона, причинённого перевозкой леса. Компьютерная распечатка в цвете. 21×29 см.	01.10.1998	1

2. Документы к биографии (конец 1984-го – 1999)

33	Дневник командировки во Вьетнам. Приложение: записка с названиями докладов В.И. Тимофеева об абсолютной хронологии и каменном веке Средней Азии. Автограф.	Конец 1984-го – начало 1985-го	70
34	Фотографии В.И. Тимофеева и Н.К. Анисюткина в командировке в Социалистическую Республику Вьетнам. 8 фотографий. 8×12 см.	Конец 1984-го – начало 1985-го	8
35	Списки публикаций с начала 1970-х по конец 1990-х гг. Автограф, машинопись с правкой.	1999	9

3.1. Документы по деятельности (1985–2004)

36	Программа и черновик отчёта о научной командировке в Польскую Народную Республику. Автограф, машинопись с правкой, машинопись с рукописными вставками.	Не ранее ноября 1985-го	18
37	Выписки из протоколов заседаний Отдела палеолита ИИМК РАН за 1986–2001 гг. Автограф, авториз. машинопись, компьютерная распечатка.	01.12.1986–23.04.2001	35
38	Повестки дня заседаний Отдела палеолита ИИМК РАН за 1991–2000 гг. и их черновики. Авторы: Л.Б. Кирчо, С.А. Кулаков. Автограф, авториз. машинопись, компьютерная распечатка, компьютерная распечатка с правкой.	03.06.1991–29.05.2000	6
39	В.В. Седов. Замечания к отчёту о разведке в северной части Карельского перешейка в Ленинградской области в 1993 г. Авториз. машинопись.	30.06.1995	1
40	Списки присутствовавших на заседаниях Отдела палеолита ИИМК РАН в 1997–1998 годах. Автограф.	29.09.1997, 10.08.1998	2
41	Заявка на участие в конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (Сергиев Посад). Компьютерная распечатка.	1997	1
42	Фрагмент приказа № 6-л от 16.01.98 г. со списками сотрудников Отдела палеолита и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН и размерами заработной платы. Ксерокопия.	16.01.1998	1
43	Предложения по основной тематике работ Отдела палеолита ИИМК РАН на 1999–2000 гг. (Европейская часть России, прилегающие территории и арктическая зона). Авториз. компьютерная распечатка.	Не ранее начала 1999-го	1
44	В.И. Тимофеев, И.В. Верещагина. Рекомендация оппонентов и ведущего учреждения к диссертации неустановленного лица. Авториз. машинопись	1990-е	1
45	Черновик предложений на имя Е.Н. Носова по упорядочению археологических работ на территории Карельского перешейка (Ленинградская область). Компьютерная распечатка.	1990-е	2
46	Черновик предложений на имя В.В. Седова по упорядочению исследований на территории Карельского перешейка (Ленинградская область), обсуждение деятельности Х. Такала, Т. Юссила. Компьютерная распечатка.	1990-е	1
47	Черновик письма Е.Н. Носову о целесообразности совместных работ с Т. Юссила и Х. Маттискайненом. Компьютерная распечатка с правкой.	1990-е	2
48	Предложения по структуре и наполнению будущего сайта ИИМК РАН. Автор не установлен. Компьютерная распечатка.	24.02.2000	6
49	Отчёт по издательскому проекту. Издание книги Н.Н. Гуриной «История и культура древнего населения Кольского полуострова». Компьютерная распечатка, авториз. компьютерная распечатка, компьютерная распечатка с правкой.	2000	9

Государственный объединенный музей

Таблица 2 *(продолжение)*

50	Отчёт об организации международной конференции «Хронология неолита Восточной Европы», посвящённой Н.Н. Гуриной. Компьютерная распечатка с правкой. Приложение: договор, счёт и платёжные поручения между ООО «Теза» и ИИМК РАН на подготовку к печати журнала «Радиоуглерод и археология. № 1. 2000», тезисов и программы конференции. Ксерокопии.	Не ранее 02.12.2000	7
51	Список соискателей и плановых тем и номеров соответствующих приказов. Автограф.	Не ранее февраля 2001-го	1
52	Черновик заявления об утверждении состава Карельского неолитического отряда ИИМК РАН. Автограф.	28.05.2002	1
53	Заявление на имя Е.Н. Носова с просьбой о временном включении И.В. Верещагиной в состав Карельского неолитического отряда ИИМК РАН. Автограф.	15.08.2002	1
54	Черновик заявления в Правление Российского фонда фундаментальных исследований о передаче руководства грантом «Комплексные исследования памятников каменного века и периода раннего металла на Карельском перешейке (Ленинградская область)» С.Н. Лисицыну. Автограф.	2002	1
55	Черновик заявления о назначении С.Н. Лисицына начальником Карельского неолитического отряда ИИМК РАН и руководителем гранта. Автограф.	Не ранее 2002-го – не позднее 2004-го	1
56	Д.В. Герасимов. Набросок сметы полевого сезона 2003 г. Компьютерная распечатка.	01.03.2003	1
57	С.Н. Лисицын. Набросок сметы разведки в Выборгском районе Ленинградской области. Компьютерная распечатка.	02.03.2003	1
58	Черновики заявок на подготовку средств для командировки в Приозерск для Д.В. Герасимова и С.Н. Лисицына. Автограф.	26.04.2004	2

3.2. Переписка по деятельности (1982–2003)

59	Письмо от В.К. Мерца с информацией о местонахождениях Каменка 1 и Каменка 2, на обороте глазомерный план. Автограф.	1982–1984	1
60	Письма от В.И. Кулакова с обсуждением деталей совместной публикации по археологии Калининградской области и планируемой командировки В.И. Тимофеева в Москву. Авториз. машинопись, машинопись с правкой. Приложение: почтовый конверт.	18.02.1987–07.05.1987	4
61	Письмо от В.И. Кулакова с обсуждением совместной публикации по археологии Калининградской области и командировки в Москву. Авториз. машинопись. Приложение: конверт.	18.02.1987	3
62	Письмо от И.А. Лозе с обсуждением новостей и публикации Звейсалас, радиоуглеродная дата материала из Звейсалас. Автограф.	18.01.1994	1
63	Письмо от B. Wyszomirska-Werbart, в котором она делится новостями и ближайшими планами научного сообщества. На англ. яз. Автограф.	1994	2
64	Письмо от M.C. Lillie с описанием высланных публикаций, новостей. На англ. яз. Авториз. машинопись.	14.03.1998	1
65	Письмо, адресованное P. Uino, с обсуждением новостей и вопросами о памятниках на Карельском перешейке. На англ. яз. Авториз. машинопись.	1990-е	1
66	Письмо, адресованное M. Lavento и P. Halinen, с обсуждением текста совместной статьи, топонимики Карельского перешейка, не отмеченных на карте памятников. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой.	27.02.2000	1
67	Переписка с H. Matiskainen и T. Jussila о совместных работах на Карельском перешейке. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой.	24.04.2000–10.07.2000	3
68	Письмо от A. Stalsberg с обсуждением рукописи книги «The petroglyphs at Calmn-Varre on the Kola Peninsula: Analysis and Analogies (Vitark, vol. 5), 2005». На англ. яз. Компьютерная распечатка. Приложение: введение, первая глава и перевод статьи В.М. Массона, Н.Д. Праслова и В.И. Тимофеева «Памяти Нины Николаевны Гуриной» (1991). Компьютерная распечатка с правкой.	18.01.2001	1
69	Извещение от P. Uino об участии финских археологов в Российско-Финском полевом семинаре, оплате расходов российских археологов. На англ. яз. Ксерокопия.	16.05.2001	1

Таблица 2 *(продолжение)*

70	Письмо N. Broadbent с благодарностью за сопровождение во время путешествия в Россию, планы совместных раскопок в Старой Ладоге. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой.	04.01.2002	1
71	Письмо, адресованное Д.В. Герасимову и С.Н. Лисицыну, с ответами на вопросы о пунктах описания памятников для материалов к археологической карте Карельского перешейка, с приложением списка пунктов описания памятников к археологической карте Карельского перешейка с вопросами Д.В. Герасимова. Компьютерная распечатка.	09.01.2003	1
72	Переписка с P. Uino о памятниках на Карельском перешейке. На англ. яз. Компьютерная распечатка, компьютерная распечатка с правкой.	11.01.2003–15.01.2003	5
73	Письма с ответами на обвинения в незаконных работах на Карельском перешейке, отказ от сотрудничества. Автор: H. Takala. Получатели: В.И. Тимофеев, Д.В. Герасимов. На англ. яз. Компьютерная распечатка.	28.02.2003	3
74	Черновик письма, адресованного Z. Sulgostowska, с соболезнованиями от сотрудников Отдела палеолита ИИМК РАН по поводу смерти Яна Федорчука. Компьютерная распечатка с правкой.	Февраль 2003	1
75	Переписка с H. Takala о совместной работе на Карельском перешейке и публикации результатов. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой, авториз. компьютерная распечатка.	04.02.2003–25.02.2003	15
76	Письма от M.C. Lillie с обсуждением финансирования и оформления совместных международных исследований по реконструкции палеосреды, антропологии, археологии, применению естественно-научных методов. На англ. яз. Компьютерная распечатка.	16.01.2002–28.06.2002	2
77	Письмо от В.В. Цыбрия и А.В. Цыбрия с требованиями к оформлению публикаций в сборник «Каменный век по материалам VIII Донской археологической конференции, 2002 г.». Компьютерная распечатка.	22.12.2002	2
78	Письмо от Z. Sulgostowska с сообщением о смерти J. Fiedorczuk. На польском и англ. яз. Компьютерная распечатка.	20.02.2003	1
79	Письмо P. Uino с ответами на вопросы В.И. Тимофеева о памятниках на Карельском перешейке. Компьютерная распечатка.	15.01.2003	2
80	Письмо от П.М. Долуханова с аффилиациями и контактами соавторов для совместной публикации. Компьютерная распечатка.	20.02.2003	2
81	Пересланное письмо от Д.В. Герасимова, состоящее из фрагментов отчётов H. Takala за 1998–2000 гг. о пунктах Вещево, Силино, оз. Красавица. Автор: С.В. Бельский. Компьютерная распечатка.	25.02.2003	1
82	Пересланная копия письма для H. Takala с согласием С.Н. Лисицына руководить международным проектом на Карельском перешейке, условиями сотрудничества. Автор: С.Н. Лисицын. Компьютерная распечатка.	14.03.2003	1
83	Пересланное письмо от С.Н. Лисицына с обсуждением совместных работ на Карельском перешейке. Автор: H. Takala. Компьютерная распечатка с правкой.	19.03.2003	1
84	Письмо от Е.Г. Дэвлет с информированием об изменении финансирования грантов сотрудников ИИМК РАН. Компьютерная распечатка.	05.05.2003	1
85	Письмо С.Н. Лисицыну от H. Takala с планами работ на Карельском перешейке весной и летом 2003 г. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой.	21.05.2003	1
86	Письма от М.А. Кульковой с обсуждением участия в Тверской конференции 2003 г. На англ. яз. Компьютерная распечатка с рукописными вставками.	Весна 2003	3
87	Письмо с ответом М.А. Кульковой на письмо В.И. Тимофеева, обсуждение докладов на Тверской конференции. На англ. яз. Компьютерная распечатка с рукописными вставками.	Весна 2003	1
88	Письмо от H. Takala с обсуждением приложенной публикации, российско-финляндского сотрудничества, обвинения H. Takala и T. Jussila в нелегальных раскопках на территории России. Компьютерная распечатка.	2003	7
89	Письмо от S. Seitsonen (Puttonen) с просьбой отправить результаты остеологического анализа находок с Raisala Juoksemajarvi W и других памятников Карельского перешейка. На англ. яз. Компьютерная распечатка.	2003	1

Государственный объединенный музей

90	Письма от M. Lavento с предложением В.И. Тимофееву и Д.В. Герасимову обсудить детали совместных раскопок на Карельском перешейке. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой.	21.01.2004–22.04.2004	4
91	Пересланное письмо от В.Я. Шумкина об экспертизе и застройке территории стоянок Залесье I и II. Автор: А.В. Энговатова. Компьютерная распечатка с правкой. Приложение: Топографические планы и фрагмент историко-культурной экспертизы стоянок Залесья. Ксерокопии, ксерокопия с правкой.	20.04.2004	4
92	Письмо от K. Knutsson с просьбой выслать приглашение от ИИМК студенту C. Ojala для работы в библиотеке. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой.	2004	1

3.3. Документы по экспедиционной деятельности (1970-е – 2002)

3.3.1. Полевые дневники, чертежи и описи находок (1973–2000)

93	Описи находок на памятнике Березье и Сясьских каналах в 1973 и 1975 гг. Автограф.	1973–1975	2
94	Планы археологических местонахождений и песчаных напластований в районе Нового Сясьского канала и р. Волхов. Автограф.	1970-е	3
95	Полевой дневник разведки в западных районах Ленинградской области. Автограф.	11.09.1982–20.09.1982	18
96	Опись находок на стоянке Силино в 2000 г. Автограф.	2000	10

3.3.2. Материалы к отчётам (1973–2002)

97	Черновик отчёта о командировке в Новую Ладогу 20–26 сентября 1973 г. Автограф.	27.09.1973	5
98	Глазомерный план района проведения раскопок на стоянке Соколок. Автограф.	Осень 1982-го	1
99	Черновик отчёта о работе Ленинградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1982 г. Машинопись.	Не ранее осени 1982-го	7
100	Черновик отчёта об исследованиях памятников каменного века в Ленинградской области в 1984 г. Машинопись с правкой.	1984	34
101	Е.М. Колпаков. Топопланы стоянок Заливное 1 и Каннельярви 1, 2, 3. Компьютерная распечатка.	1995	2
102	Черновик отчёта о разведке на Карельском перешейке (11–16 сентября 1997 г.). Компьютерная распечатка.	Не ранее сентября 1997-го	3
103	Полевые чертежи стратиграфических разрезов на памятнике Шкурина Горка, условные обозначения и их копии. Автограф, компьютерная распечатка, ксерокопия.	15.08.1998–04.09.1998	6
104	Полевые чертежи планов объектов и находок в раскопе и шурфах на памятнике Шкурина Горка, их ксерокопии. Автограф, ксерокопия.	15.08.1998–04.09.1998	14
105	Черновик отчёта о проведении российско-финляндского полевого семинара на Карельском перешейке 2–15 мая 1999 г. Компьютерная распечатка.	Не ранее мая 1999-го	38
106	Черновики отчёта о раскопках поселения эпохи раннего металла Шкурина Горка (Волховский р-н Ленинградской обл.). 2 варианта. Компьютерная распечатка с правкой.	1999	21
107	Топопланы и чертежи шурфов на пунктах Правдинское 1, 2, 3. Автограф.	07.07.2000–12.07.2000	4
108	Чертёж разреза по западной стенке раскопа на стоянке Силино в 2000 г. с проекцией уровней залегания находок. Автограф.	2000	1
109	Топопланы стоянки Силино. Компьютерная распечатка.	2000	1
110	Черновики отчёта о рекогносцировочных археологических исследованиях стоянки Силино (Приозерский р-н Ленинградской области) в 2000 г. Варианты. Компьютерная распечатка с правкой.	Не ранее 2000-го	12
111	Полевые чертежи разведки на оз. Рнукъярви (Узловое): пункты 6, 13, 14. Автограф.	2002	5

3.3.3. Иллюстрации к отчётам (1983 – не ранее 1998-го)

112	Фотокопия чертежа стратиграфии из альбома к отчёту об исследованиях памятников каменного века в юго-западной части Ленинградской области в 1983 г.: стратиграфия стоянки Соколок. Фотокопия. 13×18 см.	1983	1
113	Иллюстрации из альбома к отчёту об исследованиях памятников каменного века в Ленинградской области в 1984 г. 10 фотокопий. 13×18 см.	1984	10
114	Иллюстрации к отчёту об исследованиях памятников каменного века в Ленинградской области в 1984 г. 28 фотокопий. 13×18 см.	Не ранее 1984-го	28
115	Иллюстрация к отчету об исследованиях памятников каменного века в Ленинградской области в 1984 г. 3 чертежа. Бумага, тушь. 15×21 см.	Не ранее 1984-го	3
116	Чертежи и копии на прозрачной плёнке из альбома к отчёту о разведке на Карельском перешейке (11–16 сентября 1997 г.). Автограф, компьютерная распечатка на прозрачной плёнке. 21×29 см.	1997	2
117	Чертежи и ксерокопии планов к отчёту о работах на памятнике Шкурина Горка. Автограф, ксерокопия.	Не ранее августа 1998-го	14
118	Рисунки профилей и фотографии керамики к отчёту о работах на памятнике Шкурина Горка. 15 рисунков. Бумага, карандаш. 5×10 см – 14×20 см; 27 фотографий. 13×18 см.	Не ранее августа 1998-го	42
119	Рисунки находок из кости, камня и бронзы – иллюстрации к отчету о работах на памятнике Шкурина горка: 3 рисунка. Компьютерная распечатка. 21×29 см.	Не ранее августа 1998-го	3

5. Переписка (2001–2002)

120	Афонина Ксения Владимировна, дочь В.И. Тимофеева. 1 п.* На англ. яз. Компьютерная распечатка. Примечание: с просьбой организовать встречу.	25.06.2002	1
121	Долуханов Павел Маркович, д. г. н., проф., проф.-эмерит, российский и британский палеогеограф и археолог, сотрудник ИИМК РАН и Университета Ньюкасла. 1 п. Компьютерная распечатка. Примечание: ответ на поздравление с Рождеством и Новым годом.	25.12.2001	1
122	Цыбрий Виктор Витальевич, специалист по неолиту из Ростова-на-Дону. 1 п. Компьютерная распечатка. Примечание: поздравление с Новым годом.	16.01.2002	2
123	Sulgostowska Zofia, сотрудник Института археологии и этнологии ПАН**, специалист по археологии каменного века Европы. На англ. яз. Компьютерная распечатка с правкой. Примечание: ответ на поздравление с Новым годом и Рождеством.	03.01.2002	1

* – п. – письмо.

** – ПАН – Польская Академия наук.

6. Документы других лиц ([1954]–2001)

124	С.А. Васильев. Справка о сдаче коллекций. Компьютерная распечатка.	Не ранее начала 1998-го	2
125	С.А. Васильев. Обоснование плановой темы на 1998–2000 гг. Компьютерная распечатка.	Не ранее начала 1998-го	2
126	Н.Г. Горбунова. Таблицы и рисунки с характеристикой керамики Ферганы к неустановленной публикации. Автограф.	[1954–2001]	20
127	Н.Г. Горбунова. Записи и таблицы к публикации о керамике Ферганы. Автограф, машинопись с правкой.	[1954–2001]	50
128	Н.Г. Горбунова. Графики распределения признаков, характеризующих керамику Ферганы. Автограф.	[1954–2001]	93
129	Г.И. Зайцева. «Абсолютная хронология памятников тихоокеанского бассейна». Статья. Авториз. машинопись с правкой.	Не ранее 1990-го	10

Таблица 2 *(окончание)*

130	Г.Ф. Коробкова. «The Blades with "mirror-like polishing": Myth or Reality?». Черновик статьи. На англ. яз. Автограф. Опубл.: Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment. 3: Neollithic Chipped Stone Industries… Berlin, 1996. P. 227–231.	1996	11
131	Г.Ф. Коробкова. «The Djeitunian Industry, Southern Turkmenistan». Черновик статьи. На англ. яз. Автограф. Опубл.: Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment. 3: Neollithic Chipped Stone Industries… Berlin, 1996. P. 37–55.	1996	28
132	Г.Ф. Коробкова. «The Neolithic Chipped Stone Industries of the Southern Caucasus». Черновик статьи. На англ. яз. Автограф. Опубл.: Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment. 3: Neollithic Chipped Stone Industries… Berlin, 1996. P. 57–89.	1996	57
133	Ле Суан Зием. Статья «Археологические открытия на равнине Намбо (СРВ)*» и иллюстрации к ней. Машинопись с правкой, фотография. 13×18 см.	1990-е	23
134	В.М. Массон. «The Culture Zones and Variations of the Late Chipped Stone Industries in Central Asia». Черновик статьи. На англ. яз. Автограф. Опубл.: Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment. 3: Neollithic Chipped Stone Industries… Berlin, 1996. P. 91–103.	1996	12
135	В.А. Семёнов. «Периодизация древних культур Тувы». Статья. Авториз. машинопись.	Не ранее 1984-го	8
136	Г.В. Синицына. «Современное состояние проблемы хронологии неолита Средней Сибири». Статья. Авториз. машинопись с правкой.	Не ранее 1989-го	14
137	Записка с плановыми темами сотрудников Отдела палеолита ИИМК РАН Н.К. Анисюткина и С.Н. Астахова на 1999–2000 гг. Автограф.	Не ранее начала 1999-го	1
138	H. Takala. Отчёт о работах на стоянке Силино в 2000 г. На англ. яз. Авториз. компьютерная распечатка.	13.03.2001	70

* – СРВ – Социалистическая Республика Вьетнам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Шумкин В.Я.* Памяти Владимира Ивановича Тимофеева // Археологические вести. № 12. СПб., 2005. С. 335–336.
2. *Шумкин В.Я.* Опять смерть лучших выбирает…: Памяти В.И. Тимофеева (14.06.1947–8.08.2004) // Stratum plus. Т. 2003–2004, № 1. Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2005. С. 524–526.
3. *Gumiński, W.* Dr. Władimir Iwanowicz Timofiejw (14.06.1947–8.08.2004) // Archeologia Polski. T. 50, № 1/2. Warszawa, 2005. S. 217–220.
4. *Кукавка С.* Памяти Владимира Ивановича Тимофеева (1947–2004) // Проблемы балтийской археологии. Вып. 2. Калининград, 2014. С. 125–126.
5. Судьба и научная стезя археолога Владимира Ивановича Тимофеева (14.06.1947–08.08.2004) / *С.А. Васильев, Л.М. Всевиов, А.А. Выборнов, Д.В. Герасимов, М.В. Медведева, В.Я. Шумкин* // Самарский научный вестник. Т. 6. № 3 (20). 2017. С. 68–78.
6. Методические рекомендации по комплектованию, экспертизе ценности и научному описанию личных фондов ученых в Архиве РАН. М.: Архив ИА РАН, 2013. 114 с.
7. *Тимофеев И.И.* Следы в жизни: воспоминания. Мурманск: Опимах, 2017. 326 с.
8. *Гурина Н.Н., Тимофеев В.И.* Отчет Верхневолжской неолитической экспедиции за 1973 год; Работы Верхневолжской экспедиции на оз. Пено и Кравотынском плесе оз. Селигер. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 5949.
9. *Долуханов П.М., Тимофеев В.И.* Исследования поселения Цедмар Д // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 13–14.
10. *Долуханов П.М., Тимофеев В.И.* Проблемы абсолютной хронологии мезолита и неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1969 г. М: Отд-ние истории АН СССР, Секция обществ. наук АН УССР, Ин-т археологии АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ин-т обществ. наук АН СССР, Гос. музей этнографии и худож. промыслов АН УССР, 1970. С. 22–23.
11. Синхронизация голоценовых памятников Западной и Восточной Прибалтики по данным радиоуглеродного метода / *П.М. Долуханов, В.И. Тимофеев, Е.И. Романова, А.А. Семенцов* // Периодизация и геохронология плейстоцена: Материалы к Симпозиуму (Ленинград, ноябрь 16–20, 1970). Л., 1970. С. 100–102.
12. Несколько слов о Татьяне Дмитриевне Белановской / *А.И. Мурашкин, И.Л. Тихонов, Е.Г. Матвеева, В.И. Беляева* // Самарский научный вестник. Т. 7. № 3 (24). 2018. С. 119–126.
13. *Исламов У.И., Тимофеев В.И.* Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: Фан, 1986. 304 с.
14. *Тимофеев В.И.* Роль радиоуглеродных дат в хронологии неолита лесной зоны Восточной Европы // Археологические изыскания. Вып. 4: Новые открытия и методологические основы археологической хронологии. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 49–52.
15. Распределение радиоуглеродных дат археологических памятников мезолита и неолита Европейской России и корреляция их с изменениями природных процессов / *Г.И. Зайцева, В.И. Тимофеев, В.А. Дергачев, А.А. Семенцов* // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 7–17.
16. Радиоуглеродная хронология археологических памятников Европейской России и изменение природных процессов. Исследования на основе базы данных / *Г.И. Зайцева, В.А. Дергачев, В.И. Тимофеев, А.А. Семенцов* // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 4–13.

17. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / *В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров.* СПб.: Теза, 2004. 158 с.
18. *Кулаков С.А.* Институт истории материальной культуры РАН в 1999 г. // Археологические вести. № 8. 2001. С. 332–333.
19. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной). Вып. 1. Материалы к археологической карте / *И.В. Верещагина, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, О.М. Тихомирова, Л.Г. Шаяхметова, В.Я. Шумкин* / Отв. ред. В.М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 114 с. (Археологические изыскания. Вып. 27)
20. *Тимофеев В.И.* Стоянки Залесья и некоторые вопросы изучения валдайской неолитической культуры // И.В. Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 107–168. (Археологические изыскания. Вып. 55)
21. *Гурина Н.Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 240 с.
22. *Кулаков С.А.* Институт истории материальной культуры РАН в 2000 г. // Археологические вести. № 9. 2002. С. 282–284.
23. *Тимофеев В.И.* Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР за 1972 год // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1972. № 44.
24. *Тимофеев В.И.* Отчет о работе Калининградского неолитического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1974 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 5880.
25. *Тимофеев В.И.* Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1975 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1975. № 37.
26. *Тимофеев В.И.* Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1976. № 42.
27. *Тимофеев В.И.* Отчет о работах Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1977 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1977. № 35.
28. *Тимофеев В.И.* Отчет о работах Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Оп. 1. 1977. Кн. 16. № 8347.
29. *Тимофеев В.И.* Отчет о работе Калининградского неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1987. № 48.
30. *Тимофеев В.И.* Отчет об исследованиях Северо-западного неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1988 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1988. № 174.
31. *Тимофеев В.И.* Раскопки неолитических стоянок в Калининской области и Приладожье // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 81–82.
32. *Лапшин В.А.* Южное Приладожье: «Стоянка Иностранцева А.А. и стоянка Березье» // Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1995. 232 с.
33. *Тимофеев В.И.* Отчет об исследованиях Северо-западного неолитического отряда ЛОИА АН СССР в 1989 году // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Оп. 1. 1989. № 13679.
34. *Тимофеев В.И.* Отчет о раскопках поселения эпохи раннего металла Шкурина горка (Волховский р-н Ленинградской области) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 21951.
35. *Тимофеев В.И.* Отчет о разведке в северной части Карельского перешейка в июле 1993 года // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 17962.
36. *Тимофеев В.И.* Отчет о разведке на Карельском перешейке (11–16 сентября 1997 г.) // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 23021.
37. *Сакса А.И., Тимофеев В.И.* Исследования на Северо-Западном побережье Ладожского озера // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. СПб.: ИПК Вести, 1996. С. 52–55.
38. *Siiriainen, A., Halinen, P., Carpelan, C., Uino, P., Kirkinen, T., Lavento, M.* An archaeological reconnaissance trip to the Karelian Isthmus // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 / Ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 9–25.
39. *Герасимов Д.В., Тимофеев В.И., Лисицын С.Н.* Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская область). Памятники каменного века и периода раннего металла. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 68 с.
40. *Lavento, M., Halinen, P., Timofeev, V., Gerasimov, D., Saksa, A.* An archaeological field survey of Stone Age and Early Metal period settlement at Kaukola (Sevastyanovo) and Räisälä (Melnikovo) on the Karelian Isthmus in 1999 // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XVIII. 2001. P. 3–25.
41. Исследования стоянок каменного века на озере Большое Заветное / *В.И. Тимофеев, Д.В. Герасимов, С.Н. Лисицын, П. Халинен, М. Лавенто* // АО 2002 года. М., 2003. С. 64–66.
42. *Анисюткин Н.К., Тимофеев В.И.* Каменные изделия из пещеры Тхамкуэн на севере Вьетнама // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 13–22.
43. *Анисюткин Н.К., Тимофеев В.И.* Некоторые проблемы каменного века Вьетнама // Каменный век Старого Света. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 13–15.
44. *Тимофеев В.И.* О работе Сектора палеолита в 1972–1977 гг. // КСИА. Вып. 157. М.: Наука, 1979. С. 104–109.
45. *Тимофеев В.И.* Совещание по проблемам изучения истории и культуры народов Крайнего Севера в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 200. М.: Наука, 1990. С. 102–104.
46. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. 416 с.
47. *Кирпичников А.Н., Носов Е.Н.* Сотрудничество археологов России и Финляндии // Археологические вести. № 2. СПб., 1993. С. 233–235.
48. *Носов Е.Н.* Симпозиум археологов Дании и России // Археологические вести. № 1. СПб., 1992. С. 252–254.
49. Тимофеев Владимир Иванович // Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII–XX вв.: [сайт]. – URL: https://bioslovhist.spbu.ru/person/1966-timofeyev-vladimir-ivanovich.html (дата обращения: 29.10.2023).
50. *Косорукова Н.В.* Мезолит Молого-Шекснинского междуречья: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры. Санкт-Петербург, 1997. 23 с.
51. *Герман К.Э.* Памятники с керамикой сперрингс в бассейне Онежского озера: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной кул-ры РАН. Санкт-Петербург, 2001. 19 с.
52. *Лозовский В.М.* Переход от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье по материалам стоянки Замостье-2: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной кул-ры РАН. Санкт-Петербург, 2003. 22 с.
53. *Цыбрий А.В.* Неолит Восточного Приазовья и долины Маныча: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 2005. 17 с.

54. *Цыбрий В.В.* Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 2005. 16 с.
55. *Недомолкина Н.Г.* Неолит Верхней Сухоны: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 2007. 23 с.
56. *Герасимов Д.В.* Динамика каменных индустрий мезолита – неолита Карельского перешейка: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, 2012. 29 с.
57. *Зальцман Э.Б.* Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики: автореферат дис. … кандидата исторических наук: 07.00.06 / Ин-т археологии РАН. Москва, 2009. 24 с.

А.С. Тараканов – ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Институт языка, литературы и истории), Петрозаводск, Республика Карелия

Е.С. Ткач – ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН», Санкт-Петербург

Д.В. Герасимов – ФГБУН «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН», Санкт-Петербург

A.S. Tarakanov, E.S. Tkach, D.V. Gerasimov

SCIENTIFIC HERITAGE OF V.I. TIMOFEEV

Summary

The scientific heritage of Vladimir Ivanovich Timofeev is of great importance to the modern archaeologists – researchers of the Eastern Europe Stone Age, particularly for the Mesolithic and Neolithic archaeology. The scientist's activity represents a certain stage in the archaeological study of the Baltic Territory. The article presents the scientific biography of the scientist, a list of documents in the scientific archives of IA RAS and IHMC RAS, intermediate results of scientific and technical processing of the personal archive.

A.S. Tarakanov – The Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, 11, Pushkinskaya St., Petrozavodsk, 185910, The Republic of Karelia, Russian Federation E-mail: tarakanovartem@yandex.ru

E.S. Tkach – Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065, Russia E-mail: evgeniia.tkach@gmail.com

D.V. Gerasimov – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, 3, University Emb., Saint-Petersburg, 196140, Russia E-mail: dger@kunstkamera.ru

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова, А.Н. Сорокин, И.Н. Черных

«ДОРОГИ, КОТОРЫЕ НАС ВЫБИРАЮТ» (К ЮБИЛЕЮ ГАЛИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ СИНИЦЫНОЙ)*

Статья посвящена старшему научному сотруднику Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН, кандидату исторических наук Галине Васильевне Синицыной – известной исследовательнице каменного века Русской равнины, описанию её жизненного пути и многогранной научной деятельности.

DOI: 10.70203/4339.2024.41.46.056

Уже не многие помнят, как в 1973 году в секторе палеолита ЛОИА АН СССР появился новый аспирант Нины Николаевны Гуриной – молодая дама Галя Ложникова, выпускница Томского государственно университета. Выбор научного учреждения был не случаен, поскольку в то время Н.Н. Гурина была не только признанным специалистом по позднему каменному веку, но успела за свою археологическую «жизнь» активно поработать и в европейской части страны, и в Сибири.

Галина Ложникова сумела быстро и успешно «вписаться» в творческий коллектив сектора, активно участвовала в его научной и общественной деятельности. Так, после завершения аспирантуры (правда, без защиты), будучи уже сотрудником сектора, она исполняла обязанности его учёного секретаря, а значительно позднее, уже получив степень кандидата исторических наук (1986), назначалась (1991–1997) учёным секретарём институтского диссертационного совета. Не менее активно Галина Васильевна участвовала в разных экспедициях, причём в одной из них – Костёнковской – познакомилась, подружилась а потом стала супругой Андрея Синицына, сменив при этом свою девичью фамилию на фамилию мужа. Этот союз оказался прочным, супруги родили и воспитали сына и до сих пор живут в законном браке.

Полевая деятельность Галины Васильевны во время работы в ЛОИА АН СССР началась с участия в Верхневолжской археологической экспедиции Н.Н. Гуриной. Она активно работала на раскопках таких мезолитических и неолитических памятников, как Нижние Котицы, Свёклино, Зехново, Залесье, Ланино, Заболотье, участвовала в разведках.

Поскольку у Нины Николаевны нередко было по несколько экспедиций в год, причём совершенно в разных регионах, Гале Синицыной удалось поработать и в российском северо-западном Заполярье [1]. Она принимала активное участие в раскопках таких неолитических памятников, как Нерпичья губа и Усть Дроздовка на восточном побережье Кольского полуострова (Дроздовская губа Нокуевского залива Баренцева моря). Галина Васильевна всегда с большим пиететом, и заслуженно, относилась к Н.Н. Гуриной, во всём с ней соглашалась, не подвергая сомнению её решения (в этом она была схожа с В.И. Тимофеевым, в отличие от других учеников Нины Николаевны – И.В. Верещагиной, В.Я. Шумкина, Л.Г. Шаяхметовой, Т.Б. Крыловой, – которые иногда пытались, правда, почти всегда безуспешно, с ней спорить). Но один случай, произошедший в Кольской археологической экспедиции, выбивался из столь благонамеренного её поведения. Мы вели раскопки поселения Нерпичья губа, а наш лагерь находился в 1,5 км на месте бывшего селения Варзино, незадолго до этого уничтоженного военными по приказу властей, чтобы иностранным «диверсантам» не было убежища на этом побережье. Жителей же, преимущественно саамов, выселили и разместили в других, внутриматериковых, населённых пунктах Кольского полуострова. Сохранилось лишь одно основание дома в 4–5 венцов, где мы учредили свой «клуб» и очаг, сами жили в палатках. Работали много, по 10–12 часов ежедневно, но «размахнулись» с запланированной под исследование площадью и явно не успевали закончить раскоп. Поэтому последний горизонт одной линии квадратов решили оставить, законсервировав его до будущего года, поставив реперы, и засыпать, как и всю уже раскопанную площадь. И сделать это предполагали в первую половину дня, чтобы потом нормально упаковать находки, собрать свои вещи, а утром

* Статья подготовлена в 2023 г. к 75-летию Г.В. Синицыной.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

только снять палатки и ждать рейсовый пароход «Мария Ермолова», который, по договорённости с капитаном Пашковым, должен был в это время зайти в губу и забрать нас в Мурманск.

Но тут неуёмный пыл Нины Николаевны «взбунтовался» (она всегда стремилась как можно больше раскопать), и Гурина сказала, что отработаем весь день, закончим раскоп и одновременно его будем засыпать, а ночью соберём вещи, упакуем находки и утром снимем лагерь. Её, как обычно, поддержали Тимофеев и Синицына, а от наших (Шумкин, Верещагина, Шаяхметова) возражений, что уже август, темнеет рано, и как мы будем собираться в потёмках, Нина Николаевна отмахнулась, сказав: «Костры разожжём».

С утра начался аврал. Мужчины стали «на отвал», женщины, включая Гурину, разбирали культурный горизонт ножами. Как ни старались «отвальщики», пыль летела в залив (ветер дул с материка) и на группу раскопщиков. Нина Николаевна то и дело посматривала на море, не подходит ли вдруг пароход, одновременно размазывая левой рукой пыль на лице, не переставая правой лихорадочно орудовать ножом. Синицына едва успевала отбрасывать совковой лопатой убранный начальником грунт. И вдруг слышим громкий и необычно гневный голос Синицыной: «Вы что, Нина Николаевна, совсем обалдели?». Все замерли, а Галя, опираясь одной рукой на лопату, другую протягивает и передаёт Гуриной целое просверлённое орнаментированное навершие из мыльного камня. И все вздохнули, услышав от начальника: «Да, Галочка, видимо, обалдела, зря мы это…».

Но работу мы так и не прекратили, раскоп закончили, засыпали и в сумерках вернулись в лагерь.

Всю ночь народ суетился в отблесках костров, стоял крик, стучали молотками, забивая ящики. К рассвету, когда стало ясно, что поспать не удастся, собрали даже спальники и сняли палатки. Решили загодя перенести всё в место, куда обычно причаливала шлюпка с «Ермоловой». Увидев входящий в губу лайнер, даже загрузили оборудованием пограничный ботик, чтобы у моряков было меньше рейсов между кораблём и берегом. Оказалась эта наша спешка напрасной, поскольку Пашков, благоволя нам, археологам, решил нас не торопить, а под это, в качестве поощрения экипажа, разрешил нескольким отличившимся матросам сбегать на дневную рыбалку, на которую они и были доставлены первым рейсом.

Это лирическое отступление дано, чтобы дать представление, что и такого покладистого человека, как Галина Васильевна, можно довести до «белого каления», когда уже выражения не выбираются, а «выскакивают» к человеку невзирая на его статус. Позже Г.В. Синицына полностью занялась изучением каменного века Волго-Днепровья и Сибири.

Тематика и проблематика многочисленных научных работ Г.В. Синицыной широка и многообразна. Хронологически они охватывают период от палеолита [2; 3] до раннего Средневековья [4], территориально посвящены проблемам археологии как Европейской России, так и Сибири [2; 3; 5–7].

Интерес к проблемам сибирской археологии у Галины Васильевны сложился ещё в годы учёбы в Томском государственном университете. Её ранние работы, посвящённые неолиту верховьев р. Ангары, связаны с подготовкой кандидатской диссертации по теме «Неолитические памятники Верхней Ангары» под руководством Н.Н. Гуриной [8–10]. Диссертация была успешно защищена в 1986 году. Интерес исследователя к неолиту Сибири сохранился. В период со второй половины 1980-х и в первой половине 1990-х годов Галина Васильевна публикует серию статей, посвящённых каменному веку не только Приангарья и Енисея [3; 5; 11–13], но и более удалённого Приобья [14; 15]. К сибирской тематике исследователь обращалась и в более позднее, в т. ч. настоящее, время [6; 16].

В 1985 г. Г.В. Синицына сменила на посту начальника археологической экспедиции, работающей на Валдайской возвышенности, своего научного руководителя Н.Н. Гурину, с которой она уже много лет проводила полевые исследования этого региона. В связи с этим, начиная с 1990-х годов, среди аналитических работ и публикаций Г.В. Синицыной преобладают исследования, посвящённые каменному веку верховьев Волги и Днепра.

Немалое место в этих работах принадлежит проблематике мезолита и неолита Волговерховья [17; 18], в составе которой одним из важнейших является остающийся во многом дискуссионным вопрос о сходстве/различии валдайской и верхневолжской культур [19]. Являясь убеждённым сторонником своеобразия выделенной Н.Н. Гуриной в 1958 г. валдайской культуры позднего мезолита – позднего неолита, проявляющегося, в первую очередь, в облике каменного инвентаря, Галина Васильевна большое внимание уделяет вводу в научный оборот материалов этой культуры [20–22]. Вместе с другими учениками Н.Н. Гуриной – В.И. Тимофеевым, В.Я. Шумкиным, И.В. Верщагиной, Л.Г. Шаяхметовой, О.М. Тихомировой – она подготовила и опубликовала материалы к археологической карте памятников каменного века, открытых Верхневолжской неолитической экспедицией, которой руководила Нина Николаевна [23]. Приводимые сведения о конкретных памятниках включают данные о расположении, хронологической атрибуции, произведённых исследованиях и их основных результатах. Важное значение имеет публикация коллекций ведущих памятников валдайской культуры [24; 25], где даётся детальный анализ материалов с привлечением новых, в том числе естественно-научных, методов исследования.

В работах Галины Васильевны рассматриваются и вопросы хозяйственной деятельности на Валдайской возвышенности в периоды мезолита – неолита [26], в том числе обмена кремнёвым сырьём с соседними территориями [27].

Г.В. Синицына много внимания уделяет радиоуглеродному датированию памятников валдайской культуры [28; 29]. Одним из первых исследователей нового каменного века она начала применять для анализа формовочных масс неолитической керамики полиполяризационный метод, разработанный в ИИМК РАН [30]. Галина Васильевна не только широко использует в своих научных изысканиях данные естественно-научных

методов, технико-типологический анализ инвентаря, но и сама ищет новые приёмы работы с археологическим материалом. Представляют большой интерес и имеют практическое значение её наблюдения о существовании на памятниках Валдайской возвышенности связи между кремнёвым сырьём и возрастом стоянок, в связи с чем началась разработка геохимического метода датирования [24; 31].

Г.В. Синицына всегда с большим уважением относилась и относится к своему научному руководителю и предшественникам по работе на территории Валдайской возвышенности Н.Н. Гуриной и Л.Я. Крижевской, которую также считает одним из своих учителей. Среди её работ необходимо отметить и те, которые посвящены анализу их научного наследия [32–34].

Говоря о Г.В. Синицыной, необходимо отметить, что именно она явилась инициатором проведения инвентаризации и систематизации коллекций, полученных в ходе 30-летних археологических исследований, проводившихся силами экспедиций, возглавляемых Н.Н. Гуриной, на Валдайской возвышенности. Коллекции, хранившиеся в камеральных помещениях ЛОИА АН СССР до конца 1980-х годов, сильно пострадали во время многочисленных вынужденных перемещений в 1990-е годы. Работа по сверке, поиску и объединению разрозненных материалов, начатая ещё в 2010 г., продолжается и по настоящее время.

Важное место в экспедиционной деятельности и аналитических исследованиях Г.В. Синицыной занимает изучение памятников поздней поры плейстоцена. Интерес к ним возник ещё во время работы в 1960–1970-е гг. на Верхневолжских озёрах под руководством Н.Н. Гуриной. Впоследствии она не только продолжила изучение выявленных в тот период финальноплейстоценовых стоянок, но и открыла несколько новых пунктов. По существу, начиная с конца 1980-х гг. финальнопалеолитическая проблематика становится главным объектом её научной деятельности.

Непреходящее значение имеет опыт работы Г.В. Синицыной на памятниках Валдайского Поозерья и Смоленского Поднепровья, наибольшую значимость среди которых имеют материалы Барановой Горы, Подола III и Вышегоры. Специфика памятников этого времени, как было верно ею отмечено, состоит в том, что они не имеют, как правило, выраженного культурного слоя, в силу чего разнокультурные артефакты могут залегать в пачках рыхлых отложений дисперсно – отдельными, часто пересланвающимися скоплениями. Крайне важно и наблюдение, что артефакты, главным образом под воздействием процессов почвенной гомогенизации и дистурбации, могут перемещаться. В результате этого часто возникают ложные ассоциации, при этом более древние находки могут дислоцироваться выше, чем более молодые [35]. Позднее такие же факты были отмечены и другими исследователями [36–38].

Г.В. Синицыной по праву принадлежит приоритет в доказательстве поздневалдайского возраста ряда памятников Верхнего Поволжья и Смоленского Поднепровья. Это заключение было основано на широком использовании результатов разнообразных анализов естественно-научных образцов, добытых ею в процессе полевых исследований. Благодаря этому впервые в отечественной науке было доказано их реальное наличие в регионе, и предположение превратилось в доказанный факт. Крайне интересен и вывод об их генезисе на основе мадленской культуры бромме (лингби).

Галина Васильевна совершенно верно отметила и то, что «использование исследователями терминов «восточный лингби», «восточный аренсбург», «восточный постлингби», «восточный постаренсбург» и им подобных [39–42] не только не позволяет определить степени сходства между западноевропейскими и восточноевропейскими коллекциями, а, напротив, лишь смазывает реальные различия, которые наблюдаются между ними» [27; 25].

В этой связи необходимо отметить, что положение о слабой аргументированности теоретических выкладок упомянутых исследователей в трактовке феномена «археологическая культура» было сформулировано ею профессионально и в деликатной форме. Речь, разумеется, идёт не столько об объёме этих коллекций и их качественном составе, а – и это главное – о неточном понимании специфики культур финального палеолита – «века северного оленя» [43].

Судя по имеющимся данным, территория культуры бромме (лингби) включала зандровые низменности Дании, Германии, Швеции, Великобритании, Голландии, Польши, Литвы, Беларуси, Украины и России. Это совершенно не означает, что все эти бескрайние пространства были одновременно заселены или находились под контролем этих групп. Такого не могло быть физически, но при отсутствии естественных границ приледниковье реально было той экологической нишей, в которой эти популяции перемещались. Расширение ойкумены, всё активнее освобождавшейся от ледника на закате плейстоцена суши было глобальным естественным процессом. Точно так же неизбежным было и «заполнение вновь зарождающегося пространства». Этот процесс осуществлялся людьми, хорошо адаптированными к условиям северных широт, популяциями, для которых потеря привычной экологической ниши могла стать катастрофичной. Отсюда и «зов Севера», который под напором тепла гнал их всё дальше и дальше в высокие широты вслед за уходящими стадами оленей. Движение это происходило перманентно по мере расширения географической ёмкости ландшафта в процессе дегляциации и прогрессирующего освобождения от некогда покрытых Скандинавским ледниковым щитом земель.

Так что для юбиляра остаётся, при всём том, что уже сделано, достаточно широкое поле деятельности для дальнейшего вклада в финальнопалеолитическую проблематику освоения древним человеком Русской равнины.

Галина Васильевна активно участвует во многих научных мероприятиях и в нашей стране, и за рубежом, и как докладчик, и как их организатор. Но, наверное, главными для неё стали тверской семинар и тверские конференции. Конечно, это связано с основной территорией её исследований – Тверской областью. Начиная

с 1994 г. она по болезни пропустила лишь одно, 22-е в 2019 г., заседание научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Галина Васильевна – участник I Тверской археологической конференции (1993 г.), на которой было принято решение о создании двух семинаров: «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (Тверской государственный объединённый музей) и «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья» (ООО «ТНИИР-Центр»). Она вошла в оргкомитет первого семинара, распространяла информацию о проведении его заседаний не только в Санкт-Петербурге, но и по всем своим электронным контактам, приглашала коллег к участию в них. Но самое главное – её активная работа на заседаниях семинара. Это – образец участия в научном мероприятии высокого профессионала, обладающего необходимыми знаниями, умеющего услышать и понять представленную информацию, корректно высказать своё мнение, дать рекомендации по продолжению исследований.

На 5 тверских конференциях и 25 заседаниях семинара ею были сделаны (в т. ч. с соавторами) 33 доклада, в подавляющем большинстве пленарных. Многие из них были опубликованы в Тверском археологическом сборнике, распространением которого, включая зарубежье, она активно занималась. Большинство докладов и тверских публикаций Г.В. касались древнейшей истории Тверского края (см. приложение).

Нельзя не отметить, что Галина Васильевна содействовала участию ИИМК РАН в финансировании 22–25-го заседаний семинара.

И, конечно же, совершенно справедливо заключить: нет тверских конференций и семинаров, изучения древнейшего прошлого Тверского края без Галины Васильевны Синицыной. И нет Галины Васильевны Синицыной без Тверского края.

Желаем Галине Васильевне ещё многих лет творческой деятельности во благо российской, в том числе тверской, археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исследование памятников на Кольском полуострове / *Н.Н. Гурина, И.В. Гаврилова, Г.В. Синицына, В.Я. Шумкин* // АО–1978. М., 1979. С. 8–9.
2. *Синицына Г.В.* Палеолит Бирюсы // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 1. Красноярск, 1992. С. 69–71.
3. *Синицына Г.В.* Вопросы хронологии I и II культурных слоев многослойного памятника Бирюсы на Енисее // Историческое познание: традиции и новации. Ч. I. Ижевск, 1993. С. 78–80.
4. *Синицына Г.В., Исланова И.В.* Раннесредневековые материалы с северного берега озера Волго в Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 484–495.
5. *Синицына Г.В.* Взаимодействие и влияние археологических культур в эпоху раннего неолита на юге Средней Сибири // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. 2. СПб., 1993. С. 59–62.
6. *Синицына Г.В.* О хронологии стоянок Игреково I и Игреково II в Среднем Приобье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008. С. 103–197.
7. *Синицына Г.В.* Вопросы культурно-исторических процессов на рубеже плейстоцена – голоцена на территории Валдайской возвышенности // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 14–23.
8. *Синицына Г.В.* Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н.Н. Гуриной) // КСИА. Вып. 157. Памятники первобытной культуры. М., 1979. С. 88–92.
9. *Синицына Г.В.* Некоторые итоги изучения материалов верхнеангарских неолитических стоянок со смешанным культурным слоем // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее). Тезисы докладов краевой конференции. Красноярск, 1984. С. 163–165.
10. *Синицына Г.В.* Неолитическая керамика поселения Нижнесередкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 35–47.
11. *Синицына Г.В.* Заготовки нуклеусов неолитического поселения Усть-Белая на р. Ангаре // КСИА. Вып. 189. Каменный век. М., 1987. С. 50–55.
12. *Синицына Г.В.* Неолитическая керамика Бирюсинского поселения // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск, 1989. С. 89–90.
13. *Синицына Г.В.* Традиции изготовления каменных орудий (палеолит-мезолит-неолит) по материалам многослойного поселения Бирюсы // Человек и природа в древнекаменном веке: КТД Всесоюзного совещания. Тбилиси, 1990. С. 47–49.
14. *Синицына Г.В.* Игреково I – памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 100–108.
15. *Синицына Г.В.* Неолитическая стоянка Игреково II в Среднем Приобье // КСИА. Вып. 203. М., 1991. С. 78–86.
16. *Гиря Е.Ю., Синицына Г.В.* Пластина из рога благородного оленя на Усть-Бельском поселении на Ангаре (раскоп Л.Я. Крижевской) // Esse quam vider: Иркутск, 2016. С. 279–284.
17. *Синицына Г.В., Зайцева Г.И., Левковская Г.М.* Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Верхней Волги // Древние культуры и археологические изыскания: материалы к пленуму ИИМК 1991 г. СПб., 1991. С. 10–12.
18. *Синицына Г.В.* К вопросу о раннем неолите Северной Евразии // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб., 2003. С. 255–259.
19. *Синицына Г.В., Уткин А.В.* Дискуссия о сходстве/различии валдайской и верхневолжской культур // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2019 г. СПб., 2019. С. 79–80.
20. *Гурина Н.Н., Синицына Г.В.* Памятник Заболотье II. Хронологические группы керамики // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н.э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Периферия, 2014. С. 184–188.
21. *Синицына Г.В.* Жилище валдайской культуры конца мезолита – раннего неолита // Неолитические жилища. Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г. СПб., 2021. С. 36–37.

22. *Синицына Г.В.* Типы инвентаря валдайской культуры (на этапах мезолита – неолита) // Изделия из камня и кости в культурах неолита. СПб., 2022. С. 27–29.
23. Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной). Вып. I. Материалы к археологической карте / *И.В. Верещагина, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, О.М. Тихомирова, Л.Г. Шаяхметова, В.Я. Шумкин.* СПб., 1995. (Археологические изыскания. Вып. 27)
24. *Синицына Г.В.* Ланино I – памятник каменного века / *И.В. Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин* // Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб., 1997. С. 5–62. (Археологические изыскания. Вып. 55)
25. Зехновские стоянки позднего мезолита – раннего неолита валдайской археологической культуры / *В.Я. Шумкин, Г.В. Синицына, Е.Ю. Медникова, Т.Б. Крылова* // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. Самара, 2020. С. 226–228.
26. *Синицына Г.В.* Косвенные свидетельства рыболовства в раннеголитической валдайской культуре // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 152–154.
27. *Синицына Г.В.* «Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000. С. 69–70.
28. *Синицына Г.В., Зайцева Г.И.* К вопросу о датировке валдайской культуры // Древности Северо-Западной России. СПб., 1995. С. 34–36.
29. *Синицына Г.В., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцов А.А.* О хронологии валдайской неолитической культуры // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии. СПб., 2020. С. 86–88.
30. Исследование керамики неолита Волговерховья методом поляризации / *Г.В. Синицына, В.Е. Куликов, Е.Ю. Медникова, Е.Л. Костылёва* // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова. Санкт-Петербург, 12–15 мая 2015 г. СПб., 2015. С. 266–268.
31. *Синицына Г.В., Колокольцев В.Г.* Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая // Археологические вести. Вып. 14. СПб., 2007.
32. *Синицына Г.В.* Проблемы культур позднего каменного века в работах Н.Н. Гуриной // Мезолит и неолит Восточной Европы. СПб., 2012. С. 18–22.
33. *Синицына Г.В.* Лия Яковлевна Крижевская: тернистый и счастливый путь учителя // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб., 2016. С. 10–12.
34. *Синицына Г.В.* Научное наследие Нины Николаевны Гуриной – исследователя позднего каменного века Евразии // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2019 г. СПб., 2019. С. 8–9.
35. *Синицына Г.В., Лаврушин Ю.А., Зайцева Г.И.* Исследование многослойного памятника Подол III // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб., 1996. С. 15–17.
36. *Ostrauskas, T.* Kabeliu 2-oji akmens amziaus gyvenviete // Lietuvos archeologija. 16. 1999. l. 31–66.
37. *Сорокин А.Н.* Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002. 251 с.
38. *Galinski, T.* Paleolit i Mezolit na Pomorzu. Szczecin: IAE PAN, 2019. 403 p.
39. *Залізняк Л.Л.* Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація). Київ: НаУКМА, 1999. 283 с.
40. *Кольцов Л.В.* О первоначальном заселении Тверского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1 / Отв. редактор И.Н. Черных. Тверь, 1994. С. 7–10.
41. *Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья (Памятники бутовской культуры). М.: Наука, 1999. 157 с.
42. *Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х.А. Амирханов. М.: Научный Мир, 2004. С. 92–139.
43. *Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М.: Гриф и К, 2009. 388 с.

В.Я. Шумкин, Т.Б. Крылова – ФГБУН «Институт истории материальной культуры РАН», Санкт-Петербург
А.Н. Сорокин – ФГБУН «Институт археологии РАН», Москва
И.Н. Черных – ГБУК Тверской области «Тверской государственный объединённый музей», Тверь

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ

V.Ya. Shumkin, T.B. Krylova, A.N. Sorokin, I.N. Chernykh

"THE ROADS THAT CHOOSE US" (ON THE OCCASION OF THE ANNIVERSARY OF GALINA VASIL'EVNA SINITSYNA)*

Summary

The article is dedicated to the anniversary of the senior researcher of the Palaeolithic Department of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Historical Sciences Galina Vasil'evna Sinitsyna – a well known researcher of the Stone Age of the Russian Plain. The article presents the description of her life path and her multifaceted scientific activities.

V.Ya. Shumkin, T.B. Krylova – Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 18, Dvortsovaya Emb., Saint-Petersburg, 191065, Russia
V.Ya. Shumkin – E-mail: shumkinv@yandex.ru
T.B. Krylova – E-mail: krilova.tatjana@yandex.ru

A.N. Sorokin – Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 19, Dm. Ul'janova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: ansorokin1952@mail.ru

I.N. Chernykh – Tver State Unaited Museum, 15, S. Perovskoy St., Tver, 170006, Russia
E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Приложение 1

Список опубликованных работ (1969–2024 гг.) Г.В. Синицыной (Ложниковой)

1969

Раскопки могильника у дер. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг.: Предварительное сообщение // Из истории Сибири. Вып. 2. Томск. С. 18–34: ил.
(В соавторстве с В.И. Матющенко)

1972

Раскопки на Игрековском острове // АО–1971. С. 271–272.

1973

К вопросу о культурной принадлежности неолитических племен Молчановского р-на Томской области // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск. С. 200–201.

Работы в Молчановском и Парабельском районах Томской области // АО–1972. С. 225–226.

1974

Работы у пос. Могочино // АО–1973. С. 212.
(В соавторстве с В.И. Матющенко, М.В. Аниковичем)

1978

Неолитическое поселение Падь Шелот // Древние культуры Приангарья. Новосибирск. С. 113–130: ил.
(В соавторстве с Л.М. Тарасовым)

1979

Исследование мезолитических памятников на Верхней Волге // АО–1978. С. 59.
(В соавторстве с Н.Н. Гуриной, В.Я. Шумкиным)

Тверской государственный объединенный музей

Исследование памятников на Кольском полуострове // АО–1978. С. 8–9.
(В соавторстве с Н.Н. Гуриной, И.В. Гавриловой, В.Я. Шумкиным)

Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н.Н. Гуриной) // КСИА. Вып. 157. Памятники первобытной культуры. С. 88–92.: ил.

1984

Некоторые итоги изучения материалов верхнеангарских неолитических стоянок со смешанным культурным слоем // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): ТД Краевой конф. Красноярск. С. 163–165.

1985

Неолитическая керамика поселения Нижнесередкино на Ангаре // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск. С. 35–47: ил.

1986

Неолитические памятники Верхней Ангары: АКД / АН СССР. ЛОИА. Л. 24 с.

Игреково 1 – памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л. С. 100–108: ил.

1987

Заготовки нуклеусов неолитического поселения Усть-Белая на р. Ангаре // КСИА. Вып. 189. Каменный век. С. 50–55.: ил.

1988

Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТомГУ. 136 с.: ил.
(В соавторстве с В.И. Матющенко)

1989

Неолитическая керамика Бирюсинского поселения // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: ТД НПК. Красноярск. С. 89–90.

1990

Традиции изготовления каменных орудий (палеолит-мезолит-неолит) по материалам многослойного поселения Бирюса // Человек и природа в древнекаменном веке: КТД Всесоюзного совещания. Тбилиси. С. 47–49.

1991

Неолитическая стоянка Игреково II в Среднем Приобье // КСИА. Вып. 203. С. 78–86: ил.

Проблемы позднего мезолита – раннего неолита Верхней Волги // Древние культуры и археологические изыскания: материалы к пленуму ИИМК 1991 г. СПб. С. 10–12.

1992

Палеолит Бирюсы // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. 1. Красноярск. С. 69–71.

1993

Взаимодействие и влияния археологических культур в эпоху раннего неолита на юге Средней Сибири // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. 2. СПб. С. 59–62.

Вопросы хронологии I и II культурных слоев многослойного памятника Бирюсы на Енисее // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 1. Ижевск. С. 78–80.

Материалы палеолитического горизонта III-А многослойного поселения Усть-Бирюса на Енисее // Исторический опыт освоения восточных районов России: ТД МНК. Владивосток. С. 6–9.
(В соавторстве с И.Е. Кузьминой)

1994

Влияние культур Балтийского региона на рубеже плейстоцена – голоцена на заселение территории Верхневолжских озер // Вопросы геологии и археологии. СПб. С. 80–82.

К вопросу о генезисе валдайской культуры // ТАС. Вып. 1. С. 36–41: ил.

Тверской государственный объединенный музей

Некоторые проблемы культур каменного века верхневолжских озер // Древности лесной зоны Восточной Европы: ТД. СПб. С. 4–6.

О работе Тверской археологической экспедиции // Археологические изыскания. Вып. 14. С. 13–16.

Палеолитические слои многослойной стоянки Бирюса на Среднем Енисее // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти Б.А. Колчина: ТД. СПб. С. 42. Рус., англ.
(В соавторстве с Ю.С. Свеженцевым, И.Е. Кузьминой)

Современное состояние проблемы хронологии неолита юга Средней Сибири // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии, посвященная памяти Б.А. Колчина: ТД. СПб. С. 41. Рус., англ.

Палинологическая характеристика отложений стоянок мезолита и раннего неолита Подол III и Ланино II (бассейн Верхней Волги) // ТАС. Вып. 1. С. 42–46: ил.
(В соавторстве с Г.М. Левковской)

Погребение на северном берегу озера Волго // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 2. С. 39–40.
(В соавторстве с Ю.С. Свеженцевым)

Тверская археологическая экспедиция // АО–1993. С. 93–95.

1995

Каменный век Верхневолжского региона (по материалам исследований Верхневолжской экспедиции ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН, проведенных под руководством Н.Н. Гуриной). Вып. I. Материалы к археологической карте. СПб. 114 с.: карт. (Археологические изыскания. Вып. 27)
(В соавторстве с И.В. Верещагиной, В.И. Тимофеевым, О.М. Тихомировой, Л.Г. Шаяхметовой, В.Я. Шумкиным)

Значение фаунистических остатков для хронологии многослойной стоянки Бирюса на Среднем Енисее // ТД Первого международного мамонтового совещания. СПб. С. 620–621. Рез. англ.
(В соавторстве с И.Е. Кузьминой)

К вопросу о датировке валдайской культуры // Древности Северо-Западной России. СПб. С. 34–36.
(В соавторстве с Г.И. Зайцевой)

О культурном единстве в эпоху финального палеолита Центральной и Восточной Европы // Изучение взаимодействий и новые археологические открытия. СПб. С. 16–18.

1996

Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году. РАН. ИИМК. СПб. 52 с.: ил., карт. Рез. англ. Библиогр.: с. 48. (Археологические изыскания. Вып. 39)

Исследование многослойного памятника Подол III // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб. С. 15–17.
(В соавторстве с Ю.А. Лаврушиным, Г.И. Зайцевой)

Исследования многослойного памятника Подол 3 в Тверской области // АО–1995. С. 181–182.

Хронологические комплексы археологического памятника Подол III // ТАС. Вып. 2. С. 133–140: ил., карт. Рез. англ.
(В соавторстве с В.И. Кильдюшевским)

1997

Ланино I – памятник каменного века // И.В. Верещагина, Н.Н. Гурина, Т.Б. Крылова, Г.В. Синицына, В.И. Тимофеев, В.Я. Шумкин. Каменный век Верхневолжского региона. Вып. 2. СПб. С. 5–62: ил. (Археологические изыскания. Вып. 55)

Палеолит Бирюсы в собрании МАЭ // Развитие культуры в каменном веке. СПб. С. 79–81.

Тверской государственный объединенный музей

Природная среда и проблемы миграции человека на рубеже плейстоцена-голоцена на севере Русской равнины и в Скандинавии // Первые Скандинавские чтения. СПб. С. 86–103: ил., карт.
(В соавторстве с Е.А. Спиридоновой, Ю.А. Лаврушиным)

Работы Тверской экспедиции // АО–1996. С. 167–168.

1998

Состояние проблемы адаптации первобытных сообществ Северной Европы на рубеже плейстоцена-голоцена // ТАС. Вып. 3. С. 5–10. Рез. англ.
(В соавторстве с А.А. Синицыным)

1999

О локальных различиях в финальном палеолите северо-западной части Русской равнины // Локальные различия в каменном веке. СПб. С. 130–132.

Работы Тверской экспедиции // АО–1997. С. 127–128.

Problems of the Valdai Mesolithic // Lubelskie Materiały Archeologiczne. T. XIII. P. 318–324: ill.

2000

«Клады» валдайской культуры и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы. СПб. С. 69–71.

Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге // ТАС. Вып. 4. Т. I. С. 61–71: ил., карт. Рез. англ.

2001

Исследования финальнопалеолитических стоянок в истоках Днепра и Волги // АО–2000. С. 102–104.

Опыт выделения хронологических комплексов финального палеолита – раннего мезолита на многослойной стоянке Вышегора I в Смоленской области // Археологические вести. № 8. С. 49–60: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с С.Н. Лисицыным)

Проблемы мезолита Восточной Европы в работах П.И. Борисковского // Каменный век Старого Света. СПб. С. 71–73.

The Late Palaeolithic of Valdai Region // XIV International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences: Pre-Actes. Liège. P. 195.

2002

Использование природного углубления как места обитания древнего человека на финальнопалеолитической стоянке Вышегора I в истоках Днепра: Смоленская область, Новодугский район // 3-е Совещание по изучению четвертичного периода. Ч. 2. Смоленск. С. 69–70.

Исследования финальнопалеолитической стоянки Вышегора I в истоках Днепра // АО–2001. С. 209–210.

Локальные варианты технокомплекса Бромме // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб. С. 153–158.
(В соавторстве с А.А. Синицыным)

Неолит Прибайкалья // Программа спец. курсов по археологии. СПб. С. 44–51.

О новой дате валдайской культуры // ТАС. Вып. 5. С. 196–208: ил., карт. Рез. англ.
(В соавторстве с Н.Е. Зарецкой)

Lyngby points in Eastern Europe // Archaeologia Baltica. № 5. P. 83–93: ill. Рез. лит.

2003

К вопросу о раннем неолите Северной Евразии // Неолит-энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы. СПб. С. 255–259.

О проблеме выделения контактных зон на рубеже эпох на Северо-Западе и в Центре России // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара. С. 57–59.

Тверской государственный объединенный музей

Работы Тверской археологической экспедиции ИИМК // АО–2002. С. 181–182.

Традиции лингби в материалах финальнопалеолитических стоянок верховьев Волги и Днепра // Древности Подвинья: исторический аспект. По материалам круглого стола, посвященного памяти А.М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. С. 3–19: ил.

2004

Освоение человеком территории центра и северо-запада Русской равнины на рубеже плейстоцена-голоцена // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М. С. 16–19.

The Late Palaeolithic of the Valdai Region: Act of the 14th UISPP Congr. Liege, 2001 // BAR. Vol. 1302. P. 227–234.

2005

Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. РАН. ИИМК. СПб.: ИИМК РАН. 108 с.: ил., карт. Рез. англ. Библиогр.: 94–103. (Труды ИИМК. Т. 19)
(В соавторстве с С.А. Васильевым, З.А. Абрамовой, Г.В. Григорьевой, С.Н. Лисицыным)

Археологические материалы в позднеледниковых отложениях на северном берегу озера Волго в Тверской области // Квартер-2005. Сыктывкар. С. 400–402.
(В соавторстве с Ю.А. Лаврушиным, Е.А. Спиридоновой)

Сырьё на финальнопалеолитических стоянках Валдая // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Сыктывкар. С. 115–116.

2006

Археологические культуры позднеледниковой эпохи на территории Валдая // ТД II Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. С. 34–36. Рез. англ.

Верхнепалеолитическое местонахождение в г. Твери // ТАС. Вып. 6. Т. I. С. 179–190: ил., карт. Рез. англ.
(В соавторстве с Е.В. Кобзевой, Ю.А. Кобзевым, Г.Н. Поплевко)

Два типа адаптации древнего человека на Русской равнине в финале плейстоцена // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. I. М. С. 113–120; 2 л. ил.
(В соавторстве с С.А. Васильевым, З.А. Абрамовой, Г.В. Григорьевой, Г.А. Хлопачевым)

Палеомагнитные исследования отложений многослойной стоянки Подол III/1 на озере Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 6. Т. I. С. 44–54: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с А.А. Синцыным, Е.Г. Гуськовой, О.М. Распоповым, А.Г. Иосифиди)

Предметы символической деятельности на стоянках каменного века северного берега озера Волго в Тверской области // Археологическое изучение Центральной России. Липецк. С. 55–58: ил.

Сырьё как показатель определения возраста стоянок каменного века Валдая // Археологические вести. Вып. 13. С. 34–45: ил., карт. Рез. англ.

2007

О провинциях мобильного искусства финального палеолита // Северная Евразия в антропогене. Иркутск. С. 190–197: ил.

Разновидности кремневого сырья как хронологический показатель стоянок каменного века Валдая // Археологические вести. Вып. 14. С. 43–50. Рез. англ.
(В соавторстве с В.Г. Колокольцевым)

2008

Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена-голоцена // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. М. С. 161–172: ил., карт. Рез. англ.

О хронологии стоянок Игрековo I и Игрековo II в Среднем Приобье // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск. С. 193–197: ил.

Формирование и развитие культур на рубеже плейстоцена – голоцена на северо-западе Русской равнины // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. М. С. 86–88.

Blade technology of the Eastren Bromme: (Podol culture, Valdai Uplands). Allerod-Dryas III (11.8–10.2 ka) // BAR. № 1783. P. 421–425: ill. Рез. фр.

2009

Вопросы культурно-исторических процессов на рубеже плейстоцена–голоцена на территории Валдайской возвышенности // ТАС. Вып. 7. С. 14–23: ил., карт. Рез. англ.

О провинциях мобильного искусства финального палеолита // ТАС. Вып. 7. С. 343–350: ил. Рез. англ.

О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области // ТАС. Вып. 7. С. 52–70. Рез. англ.
(В соавторстве с Ю.А. Лаврушиным, Е.А. Спиридоновой, Е.Г. Гуськовой, О.М. Распоповым, А.Г. Иосифиди)

Раннесредневековые материалы с северного берега озера Волго в Тверской области // ТАС. Вып. 7. С. 484–495: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с И.В. Ислановой)

О работах Валдайской экспедиции ИИМК РАН по исследованию финальнопалеолитических стоянок у истоков Волги в 1991–2004 гг. // АО–1991–2004. Европейская Россия. М. С. 54–59: ил.

Работы Валдайской археологической экспедиции // АО–2006. С. 282–283.

Финальный палеолит Восточной Европы // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб. С. 17–20.

2010

Адаптация к месту природной среды в жизни человека финального палеолита на севере Русской равнины // Геоморфологические процессы и их прикладные аспекты. М. С. 513–515.

Состояние проблемы адаптации первобытных сообществ Северной Европы на рубеже плейстоцена-голоцена // Вопросы археологии и истории каменного века. Тверь. С. 184–196.
(В соавторстве с А.А. Синицыным)

2011

Международная научная конференция «Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы», посвящённая столетнему юбилею Нины Николаевны Гуриной (Санкт-Петербург, 2009) // ТАС. Вып. 8. Т. I. С. 361–365.

Финальный палеолит северо-запада Восточной Европы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород. С. 88–89

2012

Геоархеологические объекты финального палеолита Баранова Гора, Подол III/1, Вышегора I на великом водоразделе Волги и Днепра // Евразия в кайнозое. Вып. 1. Иркутск. С. 192–204: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с Ю.А. Лаврушиным, Е.А. Спиридоновой)

О хронологии материалов многослойной стоянки финального палеолита Вышегора I в истоках Днепра // Первобытные древности Евразии. М. С. 239–254: ил., карт. Рез. англ.
(В соавторстве с Е.Г. Гуськовой, О.М. Распоповым, А.Г. Иосифиди)

Предисловие // Мезолит и неолит Восточной Европы. СПб. С. 5–8.

Проблемы культур позднего каменного века в работах Н.Н. Гуриной // Мезолит и неолит Восточной Европы. СПб. С. 18–22.

2013

[Комментарии к статье: Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Кулькова М.А. Керамические традиции в раннем неолите Восточной Европы] // РАЕ. № 3. С. 131–133.

Памяти Леопольда Дмитриевича Сулержицкого (04.05.1929–24.01.2012) // ТАС. Вып. 9. С. 5–8: портр.
(В соавторстве с Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткиным, Н.Е. Зарецкой, А.А. Синицыным, Н.В. Косоруковой, Е.М. Инешиным)

Тверской государственный объединенный музей

2014

О природной среде и адаптации стоянок мезолита – неолита на верхневолжских озёрах и системы озера Селигер // Природная среда и модели адаптации озёрных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб. С. 97–100.
(В соавторстве с Е.А. Спиридоновой)

Памятник Заболотье II. Хронологические группы керамики // Археология озёрных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. СПб.: Периферия. С. 184–188: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с Н.Н. Гуриной)

Технология расщепления как показатель культурно-хронологической принадлежности стоянок финального палеолита Верхней Волги и Верхнего Днепра // ВАС. Вып. 6. С. 82–95: ил.

Формирование и развитие культур финального палеолита на Валдайской возвышенности // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдиков и др. Казань: Отечество. С. 137–140.

2015

Исследование керамики неолита Волговерховья методом полиполяризации // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции // Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Виктора Петровича Третьякова. Санкт-Петербург, 12–15 мая 2015 г. СПб. С. 266–268. Рез. англ.
(В соавторстве с В.Г. Куликовым, Е.Ю. Медниковой, Е.Л. Костылёвой)

Культуры финального палеолита на Валдайской возвышенности: проблемы хронологии и периодизации // Материалы IV Северного археологического конгресса. Екатеринбург; Ханты-Мансийск. С. 43–46. Рус., англ.

О финальном палеолите на Валдайской возвышенности (дискуссионные вопросы) // ТАС. Вып. 10. Т. 1. С. 11–23: ил., карт. Рез. англ.

Технологический анализ пластин и вопросы генезиса финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности // Методы изучения каменных артефактов. СПб. С. 106–111.
(В соавторстве с А.А. Бессудновым, Е.Ю. Гирей)

2016

Лия Яковлевна Крижевская: тернистый и счастливый путь учителя // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб. С. 10–12: портр. Рез. англ.

Пластина из рога благородного оленя на Усть-Бельском поселении на Ангаре (раскоп Л.Я. Крижевской) // Esse quam videri. Иркутск. С. 279–284: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с Е.Ю. Гирей)

2017

О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озёр // Stratum plus. № 1. С. 111–126: карт. Рез. англ.

Раскопки нижнего культурного слоя Костенок 14 (Маркина Гора) на западном участке памятника // АО–2015. С. 194–197: ил.
(В соавторстве с А.А. Синицыным, А.А. Бессудновым, А.А. Артюшенко)

«Сырьевые» контакты в раннем мезолите на территории северо-запада Русской равнины // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене. СПб. С. 169–172. Рез. англ.

2018

Гравировка на гальке (по материалам стоянки каменного века Ланино I/8 в Тверской области) // ЗИИМК. № 17. С. 195–207: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с И.А. Григорьевой, Е.Ю. Медниковой)

Косвенные свидетельства рыболовства в ранненеолитической валдайской культуре // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства. Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию В.М. Лозовского. СПб.: ИИМК РАН. С. 152–154: ил. Рез. англ.

Тверской государственный объединенный музей

Кремнёвое сырьё в материалах стоянок-мастерских Подол III/1 и Вышегора I на водоразделе Волги и Днепра // ТАС. Вып. 11. С. 414–458: ил., карт.
(В соавторстве с В.Г. Колокольцевым)

Предметы из коллекции Н.К. Рериха в составе археологического фонда Санкт-Петербургского музея-института семьи Рерихов // Из чудесных камней прошлого сложите ступеньки грядущего. СПб. С. 35–38: ил.
(В соавторстве с Т.С. Матехиной)

2019

Дискуссия о сходстве/различии валдайской и верхневолжских культур // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2019 г. СПб. С. 79–80.
(В соавторстве с А.В. Уткиным)

Каменная поделка с гравированным орнаментом со стоянки Зехново III // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. СПб. С. 105–107: ил.
(В соавторстве с В.Я. Шумкиным, Т.Б. Крыловой)

Микропластинчатая технология в материалах финального палеолита верхневолжских озёр // ВАС. Вып. 11. Ч. 2. С. 180–230: ил., карт. Рез. англ.

Научное наследие Нины Николаевны Гуриной – исследователя позднего каменного века Евразии // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2019 г. СПб. С. 8–9.

Colonization of the Valdai Highland in the Final Palaeolithic // The Final Palaeolithic of Northern Eurasia. Schloss Gottorf. P. 363–378: ill.

2020

Время «переломных» этапов верхнего палеолита в свете новой радиоуглеродной хронологии // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии. СПб. С. 85–86. Рез. англ.
(В соавторстве с А.А. Синицыным, А.А. Бессудновым)

Зехновские стоянки позднего мезолита – раннего неолита валдайской археологической культуры // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. Самара. С. 226–228.
(В соавторстве с В.Я. Шумкиным, Е.Ю. Медниковой, Т.Б. Крыловой)

Каменные индустрии финального палеолита на территории отступившего ледникового щита на северо-западе Русской равнины // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. Самара. С. 83–85.

О хронологии валдайской неолитической культуры // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии. СПб. С. 86–88: ил. Рез. англ.
(В соавторстве с Г.И. Зайцевой, Н.Д. Буровой, А.А. Семенцовым)

2021

Жилище валдайской культуры конца мезолита – раннего неолита // Неолитические жилища. Материалы международного симпозиума. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 г. СПб. С. 36–38.

Проблематика верхнего – финального палеолита на Тверском семинаре // ТАС. Вып. 12. С. 5–10. Рез. англ.

2022

Типы инвентаря валдайской культуры (на этапах мезолита – неолита) // Изделия из камня и кости в культурах неолита: Материалы симпозиума (Санкт-Петербург, 16–18 мая 2022 г.). СПб.: ИИМК РАН. С. 27–28.

Свидерское влияние на культуры Верхней Волги и Верхнего Днепра // Верхний палеолит Европы. СПб. С. 173–176: ил.

2023

Мезолитические индустрии в Валдайском Приозерье // Лесная зона Восточной Европы в мезолите и неолите: факты, проблемы и перспективы исследований: Материалы междисциплинарной конференции, посвященной юбилею С.В. Ошибкиной. Москва, 21–23 ноября 2023 г. / Отв. ред.: Е.В. Леонова. М.: ИА РАН. С. 54–55.

Работы Костенковской археологической экспедиции ИИМК РАН. Археологические исследования в Центральном Черноземье 2022. Липецк. С. 90–100.
(В соавторстве с А.А. Синицыным, А.А. Бессудновым, А.Р. Ладой, А.А. Артюшенко, К.Н. Степановой, М.Д. Куприяновой, А.А. Малютиной, Е.А. Петровой, Н.Д. Буровой, В.С. Смолкиной, А.Р. Царицыной)

2024

Погребения на северном берегу озера Волго (Селижаровский район Тверской области) // ТАС. Вып. 13. Тверь. С. 396–401: ил. Рез. англ.

Составитель – Л.М. Всевиов
Правка и добавления – И.Н. Черных

Приложение 2

Доклады, сделанные Г.В. Синицыной на Тверских археологических конференциях и заседаниях Научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности» (1993–2023 гг.)

1993 г. I Тверская археологическая конференция

1. Палинологическая характеристика мезолитической стоянки Подол III (в соавторстве с Г.М. Левковской)
2. К вопросу о генезисе валдайской культуры

1994 г. 1-е заседание семинара

3. Комплексы памятника Подол III

1995 г. 2-е заседание семинара

4. Комплекс позднемезолитической валдайской культуры Ланино I (раскоп VI)

1996 г. 3-е заседание семинара

5. Новые естественнонаучные данные о финальнопалеолитической стоянке Подол III (в соавторстве с Е.А. Спиридоновой и Ю.А. Лаврушиным)

1997 г. 4-е заседание семинара

6. Состояние проблемы адаптации первобытных сообществ Северной Европы на рубеже плейстоцена-голоцена

1998 г. 5-е заседание семинара

7. Анализ наконечников стрел восточного лингби

1999 г. II Тверская археологическая конференция

8. Финальный палеолит и ранний мезолит – этапы развития материальной культуры на Верхней Волге

2000 г. 6-е заседание семинара

9. Мезолит, ранний и развитый неолит по материалам стоянки Подол III в Тверской области (в соавторстве с О.М. Тихомировой)

2001 г. 7-е заседание семинара

10. Типологические ряды инвентаря валдайской культуры и их хронология (в соавторстве с Н.Е. Зарецкой)

2002 г. 8-е заседание семинара

11. Локальные варианты технокомплекса бромме

2003 г. III Тверская археологическая конференция

12. Специфические черты индустрии стоянок типа Вышегора I на верхнем Днепре
13. Об открытии древнейшего археологического памятника в Тверском Поволжье (в соавторстве с Е.В. Кобозевой и Ю.А. Кобозевым)

2004 г. 9-е заседание семинара

14. К вопросу о позднем гребенчато-ямочном неолите Валдая (по материалам стоянки Заболотье II) [на основе исследований Н.Н. Гуриной]

2005 г. 10-е заседание семинара

15. К вопросу о генезисе подольской культуры

Тверской государственный объединенный музей

2006 г. 11-е заседание семинара

16. Раннесредневековые материалы с северного берега оз. Волго (в соавторстве с И.В. Исламовой)

2007 г. 12-е заседание семинара

17. Культурно-исторические процессы в финальном палеолите Валдая
18. О мобильном искусстве финального палеолита

2008 г. IV Тверская археологическая конференция

19. Кремнёвое сырьё на стоянках финального палеолита-мезолита Валдая

2009 г. 13-е заседание семинара

20. К вопросу о генезисе финальнопалеолитических стоянок Акуловского типа в Тверском Поволжье

2010 г. 14-е заседание семинара

21. Инвентарь памятников пребореального времени Волговерховья в контексте проблемы соотношения природной и культурной изменчивости

2011 г. 15-е заседание семинара

22. Хронологические схемы культур финального палеолита Валдайской возвышенности

2012 г. 16-е заседание семинара

23. О комплексном анализе материалов стоянок финального палеолита северо-запада Русской равнины

2013 г. V Тверская археологическая конференция

24. О финальном палеолите в Тверской области в контексте «сопредельности территорий» (дискуссионные вопросы)

2014 г. 17-е заседание семинара

25. Хронологическая последовательность финальнопалеолитических стоянок-мастерских в верховьях Днепра

2015 г. 18-е заседание семинара

26. Наконечники стрел в индустриях финального палеолита – раннего мезолита на Валдайской возвышенности

2016 г. 19-е заседание семинара

27. О назначении мезолитических-неолитических поселений у мест добычи сырья на Валдайской возвышенности

2017 г. 20-е заседание семинара

28. Раннемезолитические материалы с верховьев Волги и верховьев Днепра

2018 г. 21-е заседание семинара

29. Проблематика палеолита на Тверском семинаре
30. Краски на стоянках каменного века близ д. Ланино в Тверской области (в соавторстве с И.А. Григорьевой и Е.Ю. Медниковой)

2021 г. 23-е заседание семинара

31. Жилища финального палеолита-мезолита Валдайского Приозерья (по материалам раскопок ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН)

2022 г. 24-е заседание семинара

32. Культуроопределяющие типы кремнёвого инвентаря стоянок каменного века Валдайского Приозерья

2023 г. 25-е заседание семинара

33. Значение Тверского семинара в дискуссии о заселении человеком территории современной Тверской области на рубеже плейстоцена – голоцена

В 2019 г. из-за болезни Галина Васильевна не смогла принять участие в 22-м заседании семинара. В 2020 г. по причине запрета на проведение различных мероприятий в Тверской области, связанного с пандемией ковида, введённого буквально накануне начала заседания семинара, 23-е его заседание было перенесено с 2020-го на 2021 год.

Составитель – И.Н. Черных

Тверской государственный объединенный музей

Приложение 3

Краткая фотолетопись Г.В. Синицыной

1. Аспирантка ЛОИА АН СССР Галя Ложникова

2. Супружеская пара археологов Синицыных

Государственный объединенный музей

3. Н.Н. Гурина, Оля Шумкина, Лена Медникова и Галя Синицына на моторной лодке “Локки” во время разведки на озере Селигер (моторист и автор снимка Владимир Шумкин)

4. Галина Васильевна Синицына в экспедиции на Кольском полуострове

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

5. Технический перерыв (10 минут) во время раскопок поселения Усть-Дроздовка (ранний неолит) на берегу Дроздовской губы Нокуевского залива Баренцева моря. Слева направо: В.И. Тимофеев, Г.Н. Шейко (геолог), двое местных маячников, В.Я. Шумкин, Г.В. Синицына

6. На раскопках в Костёнках

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

7. Г.В. Синицына в раздумье: «И насколько глубоко здесь залегают археологические слои?»

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

8. Дамы-археологи и в поле остаются женщинами. Даже незамысловатая юбка, по расцветке подобранная в унисон к ландшафту, – залог хорошего настроения

9. На балконе родного института

Объединенный музей

10. На фоне древней готики

11. Г.В. Синицына на прогулке во время очередного Северного археологического конгресса

Государственный объединенный музей

12. Г.В. Синицына с коллегами из Южной Европы

Тверской государственный объединенный музей

13. Друзья-коллеги во время зарубежной командировки. Слева направо: А.А. Синицын, Г.В. Синицына, В.П. Любин, В.И. Беляева

14. Эта ли дорога к храму?

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

15. Между ними тысячелетия … но сходство сохраняется

16. В очередной командировке «на родной земле» в г. Твери, 2021 (?) г.

ОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

17. Г.В. Синицына на выезде в Домотканово. 22.03.2015 г.

18. В перерыве заседания. Кинолекционный зал Тверского музея. На переднем плане Г.В. Синицына и Ю.Б. Сериков, на заднем плане А.Н. Бессудинов и А.М. Скоробогатов

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

19. У кинозала музея. Слева направо: Л.С. Андрианова (Вологда), М.Ш. Галимова (Казань), Л.В. Кольцов (Москва), И.Н. Черных (Тверь), С.В. Кузьминых (Москва), Г.Н. Поплевко (Санкт-Петербург), И.В. Калинина (Санкт-Петербург), Н.Б. Васильева (Вологда), Н.Г. Недомолкина (Вологда), В.И. Тимофеев (Санкт-Петербург), Г.Т. Ленц (Пермь, Вологда), Л.Л. Косинская (Екатеринбург), ___?___, Г.В. Синицына (Санкт-Петербург). 2003 г.

20. Тверской семинар. Гостиница «Центральная». Изучение материалов. Заметны А.А. Выборнов, Е.Л. Костылёва, Т.М. Гусенцова, Г.В. Синицына, Ю.Б. Цетлин, Е.Л. Лычагина. Стоит спиной Е.Н. Дубовцева, сидит спиной В.Н. Карманов, голова Т.А. Васильевой (Хорошун). 2014 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

21. На любимой кухне на базе с вологжанами. Слева направо: И.Н. Черных (Тверь), Н.Б. Васильева, М.В. Иванищева (Вологда), Г.В. Синицына (Санкт-Петербург), Н.Г. Недомолкина (Вологда), Е.Л. Костылёва (Иваново), В.И. Тимофеев (Санкт-Петербург), Л.С. Андрианова (Вологда). 1998 г.

22. Товарищеский ужин (привальная). Тверская государственная медицинская академия. Знакомые все лица. 2014 (?) г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

23. Кинолекционный зал Тверского музея. Ведущая заседания Г.В. Синицына и И.Н. Черных. Выступает А.В. Уткин. 2006 (?) г.

24. Тверской государственный медицинский университет. Ведущие заседание Г.В. Синицына и И.Н. Черных. 24.03.2021 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

25. Тверская государственная медицинская академия. Зал заседаний заполняется. Г.В. Синицына с А.В. Трусовым

26. ТГМУ. Идёт заседание. Слева направо: 1-й ряд – И.В. Исланова (Москва), Г.В. Синицына (Санкт-Петербург); 2-й ряд – А. Крийска (HabD., профессор Тартуского университета, Эстония); 3-й ряд – А.М. Жульников (Петрозаводск), А.И. Мурашкин (Санкт-Петербург); 4-й ряд – Е.А. Кашина (Москва), М.Н. Желтова (Санкт-Петербург); 5-й ряд – Н.А. Цветкова, С.Н. Лисицын (Санкт-Петербург), М.М. Шахнович (Петрозаводск)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

27. Участники 9-го заседания семинара. 2004 г.

28. Участники V Тверской археологической конференции. 2013 г.

29. Почти все участники 25-го заседания Тверского семинара. 2023 г.

30. Выступление Г.В. Синицыной на 25-м, юбилейном и заключительном, заседании научно-методического семинара с международным участием «Тверская земля и сопредельные территории в древности»

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	–	Археологические вести. Санкт-Петербург
АВСЗ	–	Археология Владимиро-Суздальской земли. Москва
авт.	–	автор, авторы
Авт.-сост.	–	автор-составитель (авторы-составители)
автореф.	–	автореферат
Акад.	–	Академия
АКР	–	Археологическая карта России. Москва
АМС	–	ускорительная масс-спектрометрия
АН	–	Академия наук
англ.	–	английский
АНО	–	Автономная некоммерческая организация
АНТР.	–	антропологических
АО	–	Археологические открытия. Москва; Акционерное общество
АП	–	Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Москва
АПВКМ	–	Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново
АССР	–	Автономная Советская Социалистическая Республика
Б., б.	–	Большие, большое; бывшая
ББК	–	Библиотечно-библиографическая классификация
Библиогр.	–	Библиография
БКИЧП	–	Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
б/н	–	без номера
БНУ	–	Бюджетное научное учреждение
Бол.	–	Большой
БСВ	–	Балтийская система высот
БССР	–	Белорусская Советская Социалистическая Республика
БУК	–	Бюджетное учреждение культуры
Быв.	–	бывшая
В	–	восток
в.	–	век
ВАУ	–	Вопросы археологии Урала. Екатеринбург
ВАЭ	–	Всероссийский археологический съезд; Вологодская археологическая экспедиция
ВГУ	–	Воронежский государственный университет (Воронеж)
ВО	–	Высшее образование
ВоГУ	–	Вологодский государственный университет (Вологда)
ВОИСК	–	Вологодское общество изучения Северного края (Вологда)
ВООПИК	–	Всесоюзное / Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВПО	–	Высшее профессиональное образование
Вып.	–	выпуск
г	–	грамм
г.	–	год; город
га	–	гектар
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры (Ленинград; Москва)
ГАН	–	Государственная академия наук
ГАО	–	Геоархеологический объект
ГАСК	–	Государственная академия славянской культуры (Москва, Тверь)
ГАУК	–	Государственное автономное учреждение культуры
ГБУ	–	Государственное бюджетное учреждение
ГБУК	–	Государственное бюджетное учреждение культуры
ГБУН	–	Государственное бюджетное учреждение науки

ВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

ГЕОС (GEOS Publishers) – российское научное издательство
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГИН – Геологический институт РАН (АН СССР) (Москва). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ГИС – Географическая информационная система
гл. – глубина
ГНСС (Global Navigation Satellite System, GNSS) – Всемирная навигационная спутниковая система
Гос. – Государственный
ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации (Москва)
губ. – губерния
ГУГООКН – Главное управление по государственной охране объектов культурного наследия (Тверь)
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
гум., гуманитар. – гуманитарный
Г.Х. – год Хиджры
Г.Э.; ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт Петербург)
Д.; д. – дело
д. – деревня; дом
ДВО – Дальневосточное отделение
д. г. н. – доктор географических наук
д. и. н. – доктор исторических наук
дис. – диссертация
д. м. н. – доктор медицинских наук
ДНК – дезоксирибонуклеиновая кислота
докл. – доклад
докт. – доктор
доп. – дополненное
др. – другое
ед. – единица
ед. хр. – единица хранения
З – запад
ЗАО – Закрытое акционерное общество
ЗИИМК – Записки Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Санкт-Петербург; Петроград
ИА – Институт археологии РАН (АН СССР) (Москва)
ИАК – Императорская археологическая комиссия (Санкт-Петербург; Петроград)
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии (ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН». Новосибирск)
ИвГУ – Ивановский государственный университет (Иваново)
ИГАН, ИГ – Институт географии РАН (АН СССР) (Москва) + лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ИГУ – Иркутский государственный университет (Иркутск)
ИД – серия издательской лицензии
Изд-е – издание, издательский
Изд.; Изд-во – издательство
Издат. – Издательский
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР и РАН (Ленинград; Санкт-Петербург)
Ил. – иллюстрация
ИЛДТ – Известия Лаборатории древних технологий (Иркутск)
им. – имени
Имп.; имп. – Императорской

Тверской государственный объединенный музей

Ин-т, ин-та	–	Институт, института
ИО	–	Ивановская область
ИПК	–	Издательско-полиграфический комбинат
ИПОС	–	Институт проблем освоения Севера – структурное подразделение ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр Сибирского отделения РАН». Тюмень)
ИПЦ	–	Издательско-полиграфический центр
Иркут.	–	Иркутский
испр.	–	исправленное
ист.	–	исторический
ИЭ	–	Институт этнографии (Москва)
ИЯЛИ	–	Институт языка, литературы и истории
К.	–	Компания
кал.	–	калиброванная (дата)
КарНЦ	–	Карельский научный центр (ФГБУН ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук». Петрозаводск)
Канд.	–	кандидат
к. б. н.	–	кандидат биологических наук
кв.	–	квадрат, квадратный
кг	–	килограмм
к. г.-м. н.	–	кандидат геолого-минералогических наук
к. г. н.	–	кандидат географических наук
к. и. н.	–	кандидат исторических наук
км	–	километр
КМЗ	–	Костромской музей-заповедник (ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». Кострома)
КМК	–	Товарищество научных изданий. Москва
к. м. н.	–	кандидат медицинских наук
Ки.	–	Книга
Кол-во	–	количество
колл. моногр.	–	коллективная монография
КОК	–	Книга основных коллекций
кон.	–	конец
конф.	–	конференция
корп.	–	корпус
КП	–	Книга поступлений
КСИА	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Краткие сообщения Института археологии РАН. Москва
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
КСИЭ	–	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва
кул-ры	–	культуры
КФ	–	Карельский филиал
л.	–	лет; лист
лаб.	–	лабораторный
лат.	–	латинский
Л.	–	Ленинград
ЛГПУ	–	Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Липецк)
ЛЕ, Ле	–	Институт истории материальной культуры РАН/АН СССР (Ленинград; Санкт-Петербург). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
ЛГУ	–	Ленинградский государственный университет (Ленинград)
ЛИНГ.	–	лингвистический
лит.	–	литовский

ВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

л. н.	–	лет назад
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (Ленинград)
ЛУ	–	Лаборатория Института Земли Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (Ленинград; Санкт-Петербург). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
м	–	метр
м^2	–	метр квадратный
М.	–	Москва
МАЕСВ	–	Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
Мар. Гос. Ун-т; Мар ГУ	–	Марийский государственный университет (Йошкар-Ола)
МарНИИЯЛИ	–	Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ГБУН при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева», Йошкар-Ола, Республика Марий Эл)
Мат-лы	–	Материалы
МАЭ	–	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Ленинград, Санкт-Петербург)
МБС	–	микроскоп бинокулярный стереоскопический
МБУ	–	Муниципальное бюджетное учреждение
МГУ	–	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва); Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова (Могилёв, Республика Беларусь)
Мед.	–	медицинский
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИИКВАЭ	–	Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск
Мин-во	–	Министерство
МК	–	Международная конференция
мкм	–	микрометр
млрд	–	миллиард
мм	–	миллиметр
Мн.	–	Минск; Мінск
МНК	–	Международная научная конференция
МОИП	–	Московское общество испытателей природы (административный центр – МГУ, Москва)
Морд. гос. пед. ин-т	–	ГБОУ ВО «Мордовский педагогический институт имени М.Е. Евсевьева» (Саранск, Республика Мордовия)
МРС	–	мелкий рогатый скот
Н.; Ниж.	–	Нижний, Нижние
Наб.	–	набережная
НА	–	научный архив
НАН	–	Национальная Академия наук
напр.	–	например
Наркомпрос	–	Народный Комиссариат просвещения
НаУКМА	–	Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев, Украина)
Науч.; науч.	–	научный
науч. изд.	–	научные издания
нач.	–	начало
НГУ	–	Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
нежил. пом.	–	нежилое помещение
НИА	–	Научно-информационное агентство
Нижневарт.	–	Нижневартовский
НИИ	–	Научно-исследовательский институт
НИР	–	Научно-исследовательские работы

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

НИОКТР – Научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы
НИЧПЕ – Научные исследования четвертичного периода в Европе. Москва
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
ННЗИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
НовГУ – Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
и/п – номер по порядку
н. п. – населённый пункт
НПК – Научно-практическая конференция
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (Нижний Тагил)
НТЦ – Научно-технический центр (издательство)
НЦ – Научный центр
н. э.; н.э. – наша (новая) эра
о. – отец
об. – оборот
обл. – область; обломок
образ-я – образования
общ. – общий
обществ. – общественный
ОГБУК – Областное государственное бюджетное учреждение культуры
оз. – озеро
ок. – около
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
Оп. – опись
Отв.; отв. – Ответственный
Отд. – отделение
ПГУ – Пермский государственный университет (Пермь)
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь)
ПГПУ – Педагогический институт имени В.Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза)
пгт, п.г.т. – посёлок городского типа
педагог.; пед-го – педагогический (ого)
подг.; подгот. – подготовка
пол. – половина
пом. – помещение
пос. – посёлок, поселение
п.п. – по порядку
пр.; проч. – прочее
пр.; пр-т – проспект
% – процент
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, Москва, Санкт-Петербург (Ленинград)
проф. – профессор
публ. – публикации
Р; Р.; р. – Раздел; разряд; раскоп
р. – река
РА – Российская археология. Москва
РАЕ – Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (Москва)
РАНИС – «Работники науки и искусства»

Тверской государственный объединенный музей

РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РГПУ	–	Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
РГУ	–	Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Москва)
Ред.	–	редактор, редакция
Ред. колл.	–	редакционная коллегия
Рез.	–	резюме
Рис.; рис.	–	рисунок
РИЦ	–	Редакционно-издательский центр
РМЗ	–	ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» (Рязань)
р-н; р-не	–	район, районе
РСМ	–	Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва
РСФСР	–	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТ	–	Республика Татарстан
руб.	–	рубеж
Рус.	–	Русский
РФ	–	Российская Федерация
РФА	–	рентгено-флуоресцентный анализ
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований (Москва)
С	–	север
с.	–	страница; село
C^{14}, C14, ^{14}C	–	радиоуглерод
СА	–	Советская археология. Москва
САИ	–	Свод археологических источников. Москва; Ленинград
САЭ	–	Северорусская археологическая экспедиция
Сб.; сб.	–	сборник
Сб. науч. тр.	–	сборник научных трудов
СВ	–	северо-восток
Св.	–	связка
СВКНИИ	–	ГБУН «Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук» (СКВНИИ ДВО РАН, Магадан)
сер.	–	середина
СЗ	–	северо-запад
сл.	–	следующие
см	–	сантиметр
$см^2$, $см^3$	–	сантиметр квадратный, сантиметр кубический
см.	–	смотри
СНВ	–	Самарский научный вестник, Самара
СНГ	–	Союз Независимых Государств
с. н. с.	–	старший научный сотрудник
СО	–	Сибирское отделение
соавт.	–	соавторы
совр.	–	современное
Сост.	–	составитель, составители
Сп.	–	Список
СПб.	–	Санкт-Петербург
СПбф. РНИИ КПН	–	Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (Санкт-Петербург)
спец.	–	специальный
ССР	–	Советская Социалистическая Республика
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	–	статья

Тверской государственный объединенный музей

с. ш. – северная широта
США – Соединённые Штаты Америки
СЭ – Советская этнография. Москва
Т – Тверской (авторский знак)
Т. – том
Табл. – таблица
Т-ва – Товарищества
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТвГУ – Тверской государственный университет (Тверь)
ТГОМ – ГБУК ТО «Тверской государственный объединённый музей» (Тверь)
ТД – Тезисы докладов
т. д. – так далее
т. е. – то есть
Тел.; тел. – телефон
т. к. – так как
т. н. – так называемый; тому назад
ТНИИР-Центр – ООО «Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр» (Тверь)
ТО – Тверской области
Том. – Томский
ТомГУ – Томский государственный университет (Томск)
т. п. – тому подобное
т. ч. – том числе
тыс. – тысячелетие
УАЗ – Ульяновский атозавод
УДК – Универсальная десятичная классификация
УИВ – Уральский исторический вестник. Екатеринбург
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы (Ижевск)
ул. – улица
ун-т(а) – университет(а)
упр. – управление
ур. – урочище
Урал. – Уральский
УРАО – Университет Российской академии образования (Москва)
УрГУ – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Екатеринбург)
УрО – Уральское отделение
УРСС – издательская группа URSS
усл. п. л. – условных печатных листов
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
уч. – участок
Ф. – фонд
ФАУК – Федеральное автономное учреждение культуры
ФГАОУ – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
ФГБУ – Федеральное государственное бюджетное учреждение
ФГБУК – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
ФГБУН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
фин. – финский
ФИЦ – Федеральный исследовательский центр
ФНИ – Фонд научных исследований
ФНИ ГАН – Фундаментальные научные исследования Государственной академии наук
фр. – французский
ФНЦО – Федеральный научный центр овощеводства (Москва)

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ МУЗЕЙ

ф-т; фр-т	–	фрагмент
ХМАО	–	Ханты-Мансийский автономный округ
худож.	–	художественный
Центрсовнацмен	–	Центральный совет по национальным меньшинствам
цит.	–	цитируется
ЦКП	–	Центр коллективного пользования
Ч.	–	Часть
ЧГИГН	–	БНУ Чувашской Республики «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодёжной политики Чувашской Республики (Чебоксары, Республика Чувашия)
четв.	–	четверть
шт.	–	штука
экз.	–	экземпляр
эл.	–	электронный
Ю	–	юг
ЮЗ	–	юго-запад
ЮНЕСКО	–	специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЮЮЗ	–	юго-юго-запад
AAR	–	AMS 14C Dating Centre at Aarhus Universitet, Denmark – Орхусский центр АМС, Университет г. Орхус (Дания). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
AD=A.D.	–	Anno Domini – от Рождества Христова (новая эра)
AGU Publ.	–	AGU Publications – Издательство, поддерживающее учёных в работе над исследованиями Земли и космоса
AMS	–	Accelerator Mass Spectrometry (ускорительная масс-спектрометрия)
Att.; att.	–	attēls (рисунок)
Ave.; Av.	–	Avenue (проспект)
B	–	band (том)
BAR	–	British Archaeology Reports. International Series (Британские археологические сообщения. Международная серия)
BC=B.C.	–	Before Christmas – до Рождества Христова (до новой эры)
Bd., bd.	–	bundle (связка, пачка)
BP=B.P.	–	Before Present (до наших дней)
c.	–	century (столетие)
c, ca	–	cirka (около)
C^{14}, 14C	–	углерод 14 (радиоуглеродный анализ)
°C	–	Célsius (градусов по Цельсию)
Cal; cal	–	calibrated (date) (калиброванная дата)
cm	–	centimetre (сантиметр)
Conf.	–	Conference (конференция)
DFG	–	Deutsche Forschungsgemeinschaft – Немецкое научно-исследовательское общество
DNA	–	deoxyribonucleic acid (дезоксирибонуклеиновая кислота)
DNASP (Dnasp)	–	DNA Sequence Polymorphism (программное обеспечение, используемое для анализа полиморфизма последовательности ДНК)
DOI, doi	–	digital object identifier (дискретный объекта идентификатор / цифровой идентификатор объекта)
Dr.	–	doctor (доктор наук)
E	–	East (восток)
Ecol.	–	Ecology, Ecological (экология, экологическая)
ed.; eds.	–	editor (редактор), editors (редакторы)
Emb.	–	embankment (набережная)
et al.	–	и другие
etc.	–	et cetera (и так далее)

Государственный объединенный музей

FEUZ	–	First Euro Zone Ttust Global Funds (доверительные глобальные фонды первой Еврозоны)
Fig., fig.	–	figurine, figure, figur (рисунок)
GIN	–	Geological Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Геологический институт РАН (Москва, Россия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
GNSS	–	Global Navigation Satellite System (Всемирная навигационная спутниковая система / американская спутниковая система навигации)
GPS	–	Global Positioning System (глобальная система местоопределения)
GrM	–	Rijkuniversiteit Groningen – Centrum voor Jsotopen Onderzoek. The Centre for Isotope Research (CIO) at the University of Groningen. Netherlands. Центр изотопных исследований, Гронингенский университет (Гронинген, Нидерланды). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
HELA (Hela)	–	Radiocarbon Laboratory of Helsinki University (Helsinki, Finland). Лаборатория радиоуглеродного датирования Финского естественно-исторического музея. Хельсинский университет (Хельсинки, Финляндия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
IA	–	Institute of Archaeology (Институт археологии)
IAE PAN	–	Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk (Институт археологии и этнологии Польской Академии наук)
IGAN	–	Institute of Geography of the Academy of Sciences (Институт географии Академии наук). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
IGCP	–	The International Geoscience and Geoparks Programme (Международная программа по наукам о Земле и геопаркам (геонаукам) – Совместное предприятие ЮНЕСКО и Международного союза геологических наук)
IUGS	–	The International Union of Geological Sciences (Международный союз геологических наук)
IHMC	–	Institute for the History of Material Culture (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург)
ill.	–	illustration (иллюстрация)
Inc.	–	Incorporation (объединение, корпорация)
Int.	–	International – Международный
Int. Conf.	–	International Conference (Международная конференция)
ISBN	–	International Standard Book Number (Международный стандартный номер книги)
ISKOS (SMFF ISKOS)	–	Suomen Muinaismuistoyhdistys Finska Fornminnesföreningen, Helsingfors, Helsinki
Iss.	–	issue (выпуск)
INQUA	–	International Quaternary Association (Международная ассоциация по изучению четвертичного периода)
Ka	–	Kilo Ages (vuosituhannen), килоаннум (тысячелетие)
KINR	–	Institute for Environment Geochemistry of the National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine). Институт геохимии окружающей среды Национальной Академии наук Украины (Киев, Украина). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
KIA	–	Leibniz-Laboratory for Radiometric Dating and Stable Isotope Research. Christian Albrechts zu Kiel, CAU. Университет им. Кристиана Альбрехта. Лаборатория им. Лейбница по радиометрическому датированию и изучению стабильных изотопов. Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
l.	–	leht (страница)
Lab., Labor	–	Laboratory (лаборатория)
LE, Le	–	Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
lk.	–	lehekülg (страница)
lp.; lpp.	–	Lapa (страница; страницы)
Ltd	–	Limited (компания с ограниченной ответственностью)
m	–	metre (метр)
mm	–	millimetre (миллиметр)

MIS	–	Marine Isotope Stage (морская изотопная стадия)
N	–	North; Norden; Noorden (север)
NEOS	–	библиотечный консорциум
NORR	–	National Opinion Registry Resources (Ресурсы Национального реестра мнений)
Nr., No.; n	–	number (номер)
OSL	–	Optically stimulated luminescence (Оптическая стимулированная люминесценция – метод измерения доз ионизирующего излучения, часто использкимый при датировании минералов)
OxA (ORUU RLAHA)	–	Oxford Radiocarbon Accelerator Unit. Research Laboratory for Archaeology and the History of Art (Oxford, United Kingdom) / Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
p.	–	page; puslapis (страница), … (страницы)
PAN	–	Polska Akademia Nauk (Польская Академия Наук)
pav.	–	paveikslas (рисунок)
ПДУ	–	Полацкі дзяржаўны універсітэт імя Еўфрасінні Полацкай (Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой. Полоцк, Республика Беларусь)
PhD	–	Philosophia Doctor; Doctor of Philosophy – доктор философии (кандидат наук), учёная степень
PLoS	–	Public Library of Sciences (Публичная научная библиотека)
p. n. e.	–	przed naszą erą (до нашей эры)
RAS	–	Russian Academy of Sciences (Российская академия наук)
Red.	–	Redaktör (редактор)
S., s.	–	Seite, sivu, sida, side, strona, старонка (страница)
SMYA	–	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki
sp.	–	Species (вид)
SPSS	–	программа «Statistical Package for the Social Sciences» («статистический пакет для общественных наук»)
St.	–	street (улица)
Sq.	–	square (площадь)
T.	–	tome, tomas (том, книга, фолиант)
tab., tabl.	–	table (таблица)
UBA	–	14CHRONO Centre at Queen's University Belfast (Belfast, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland). 14ХРОНО Центр Королевского университета Белфаста. Белфаст, Северная Ирландия, Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии). Лабораторный индекс радиоуглеродных анализов
UISPP	–	Union Internationale des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques (Международный союз по изучению пре- и протоистории)
URL	–	Uniform Resource Locator (единый указатель ресурса)
USA	–	United State of America (Соединённые Штаты Америки)
Vol.	–	volume (том, выпуск)
W	–	Western, the West (западный, запад)
Вип.	–	випуск (выпуск)
Ч.	–	Частка (часть)

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ

Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ)

приглашает посетить филиалы объединения, в составе стационарных экспозиций которых имеются археологические разделы, отражающие древнейшее прошлое конкретных регионов области:

1. **Бежецкий мемориально-литературный и краеведческий музей**
   171980, Тверская обл., г. Бежецк, ул. Большая, д. 63.
   Тел.: (8-48-225) 7-11-41; 7-15-05.
   Авторы археологических разделов экспозиции Г.А. Лаврова, С.Е. Андреев, Е.А. Романова, И.Н. Черных. 2022–2023 гг.
2. **Весьегонский краеведческий музей**
   171720, Тверская обл., г. Весьегонск, ул. К. Маркса, д. 97.
   Тел. (8-48-264) 2-11-11.
   Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1992 г.
3. **Ворошиловский краеведческий музей**
   172796, Тверская обл., Пеновский муниципальный округ, д. Ворошилово.
   Тел.: (8-48-230) 3-17-21, 3-17-34.
   Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1989, 1995 гг.
4. **Вышневолоцкий краеведческий музей**
   171163, Тверская обл., г. Вышний Волочёк, Казанский пр-т, д. 63–65.
   Тел. (8-48-233) 6-13-23.
   Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, к. и. н. И.В. Исланова (ИА РАН). 2011 г.
5. **Зубцовский краеведческий музей**
   172332, Тверская обл., г. Зубцов, наб. Вазузы, д. 18.
   Тел. (8-48-262) 2-12-43.
   Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1988 г.
   Реэкспозиция – И.Н. Черных. 2010 г.
6. **Калязинский краеведческий музей**
   171571, Тверская обл., г. Калязин, ул. Ногина, д. 1.
   Тел. (8-48-249) 2-94-37.
   Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, А.Н. Хохлов. 1987, 1991 гг.
7. **Карельский национальный краеведческий музей**
   171210, Тверская обл., г. Лихославль, ул. Советская, д. 34.
   Тел. (8-48-261) 3-50-56.
   Автор археологического комплекса экспозиции И.Н. Черных. 1995 г.
   В настоящее время готовится новая экспозиция музея.
8. **Кимрский краеведческий музей**
   171506, Тверская обл., г. Кимры, ул. Урицкого, д. 8.
   Тел.: (8-48-236) 3-27-43, 3-12-67.
   Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1990 г.
9. **Конаковский краеведческий музей**
   171255, Тверская обл., г. Конаково, пр. Ленина, д. 23.
   Тел. (8-48-242) 4-14-49.
   Авторы археологических разделов экспозиции А.В. Мирецкий, А.Н. Хохлов, И.Н. Черных. 1990 г.
   Реэкспозиция – Г.А. Лаврова, С.Е. Андреев, Е.А. Романова, И.Н. Черных. 2023 г.
10. **Краснохолмский краеведческий музей**
    171660, Тверская обл., г. Красный Холм, ул. Коммунистическая, д. 21.
    Тел.: (8-48-237) 2-27-11, 2-52-46.
    Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1994 г.
    Реэкспозиция – И.Н. Черных, к. и. н. И.В. Исланова (ИА РАН). 2011 г.

11. **Осташковский краеведческий музей**
172735, Тверская обл., г. Осташков, ул. Володарского, д. 19.
Тел.: (8-48-235) 5-16-46, 5-10-24.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 1986, 2009 гг.

12. **Ржевский краеведческий музей**
172381, Тверская обл., г. Ржев, ул. Красноармейская, д. 24а.
Тел.: (8-48-232) 2-12-22; 2-04-59.
Авторы археологических разделов экспозиции И.Н. Черных, Г.А. Лаврова, С.Е. Андреев, Е.А. Романова, к. и. н. И.В. Исланова (ИА РАН). 2016–2017 гг.

13. **Тверской краеведческий музей** – головное учреждение объединения
(основан в 1866 г. как историко-археологический музей)
170100, г. Тверь, ул. Советская, д. 5.
Тел. (8-4822) 34-51-27 (приёмная генерального директора объединённого музея), факс 34-37-90;
тел./факс 35-79-97 (отдел археологических исследований объединённого музея);
34-77-76 (сектор археологических материалов отдела фондов объединённого музея).
E-mail: archaeology_tver@mail.ru
В настоящее время готовится новая экспозиция музея.

14. **Торопецкий краеведческий музей**
172840, Тверская обл., г. Торопец, ул. Комсомольская, д. 2.
Тел. (8-48-268) 2-26-94.
В настоящее время готовится новая экспозиция музея.

15. **Удомельский краеведческий музей**
171850, Тверская обл., г. Удомля, ул. Энергетиков, д. 2.
Тел. (8-48-255) 5-04-60.
Автор археологических разделов экспозиции И.Н. Черных. 2002 г.
В настоящее время готовится новая экспозиция музея.

Экспозиции музеев открыты для посещения ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Археологические коллекции, в том числе значительные, кроме головного музея объединения, содержащего в своих фондах основные материалы из археологических исследований на территории Тверской области, имеют Вышневолоцкий, Кимрский, Старицкий, Торопецкий, Кашинский, Весьегонский, Краснохолмский, Бежецкий, Калязинский, Конаковский, Осташковский, Ворошиловский музеи – филиалы ТГОМ.

ГБУК Тверской области
«Тверской государственный объединённый музей»

на основе договоров с юридическими и физическими лицами осуществляет различные археологические исследования:

полевые – разведывательные работы, обследование земельных участков, в т. ч. в рамках государственной историко-культурной (археологической) экспертизы, инвентаризация и мониторинг памятников археологии, наблюдения при проведении земляных работ на объектах культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;

полевые и камеральные – разработка планов проведения археологических исследований, разделов по сохранению объектов археологического наследия в составе проектной документации и их государственная историко-культурная экспертиза;

камеральные – реставрация археологических керамики и металла;

подготовка и оформление археологических экспозиций.

Адрес отдела археологии ГБУК ТГОМ: 170006, г. Тверь, ул. С. Перовской, д. 15.
Телефоны для справок: (8-4822) 35-79-97 (тел., факс), 34-77-76.
E-mail: archaeology_tver@mail.ru

Автономная некоммерческая организация по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба»

Автономная некоммерческая организация по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба» (АНО «ТАС») создана в мае 2014 г.

Спустя десятилетие АНО «ТАС» – одна из самых опытных и профессиональных археологических организаций не только в Тверской области, но и в Российской Федерации.

Главными учредителями АНО «ТАС» являются сотрудники бывшего отдела археологических исследований Тверского государственного объединённого музея (ГБУК ТГОМ), претерпевшего на рубеже 2013–2014 гг. существенные преобразования в связи с изменениями в законодательстве. (Тверской государственный объединённый музей начал проводить археологические исследования на хоздоговорной основе ещё в конце 1970-х – середине 1980-х годов. В 1989 г. в музее было создано археологическое структурное подразделение, ныне – штатный отдел археологии)

Все сотрудники «Тверской археологической службы», в т. ч. привлекаемые на основе трудовых и гражданско-правовых договоров, имеют более чем десятилетний опыт работы, некоторые – специальное высшее археологическое образование и стаж более 30–40 лет.

Целью деятельности АНО «ТАС» является не извлечение прибыли от археологических работ, а изучение и сохранение археологического наследия России.

В рамках своей деятельности АНО «ТАС» проводит различные археологические исследования:

- полевые – разведывательные работы, обследование земельных участков, в т. ч. в рамках государственной историко-культурной экспертизы, инвентаризация и мониторинг памятников археологии, наблюдения при проведении земляных работ на объектах культурного наследия и в их охранных зонах, раскопки археологических памятников всех эпох как в Тверской области, так и на сопредельных территориях;
- камеральные – реставрация археологических керамики и металла, чертёжные работы, отрисовка артефактов, обработка коллекций;
- разработка историко-археологических опорных планов, разделов по сохранению объектов археологического наследия и государственная историко-культурная экспертиза разделов, планов проведения спасательных и научных археологических полевых исследований при хозяйственном освоении земельных участков, расположенных на территории объектов археологического наследия;
- подготовка и оформление археологических экспозиций.

Кроме того, организация в соответствии с Уставом способна осуществлять:

- научные исследования и разработки;
- организацию и проведение научно-исследовательских работ в области изучения и сохранения историко-культурного наследия;
- организацию и проведение семинаров, конференций, иных научных и культурно-массовых мероприятий в области сохранения, изучения и популяризации историко-культурного наследия, публикацию их материалов;
- экскурсионную и туристическую деятельность, в том числе организацию летних трудовых (экспедиционных) лагерей для школьников и студентов;
- корректуру и редактирование рукописей и оригинал-макетов в рамках предпечатной подготовки археологической литературы;
- изготовление и реализацию сувенирной продукции;
- оказание консультационных (справочных) услуг;
- экспертную деятельность;
- работы с архивными документами.

АНО «ТАС» работает в тесном контакте с Тверским государственным объединённым музеем, осуществляет совместные археологические исследования, активно участвовала в финансировании и проведении заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности», участвует в публикации их материалов, в создании археологических экспозиций музея.

Тел. 89157499150

E-mail: tvertas69@mail.ru

Общество с ограниченной ответственностью «ТЕРРА»

Специализированная археологическая организация с почти тридцатилетней историей и большим опытом полевых и камеральных археологических исследований на территориях Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

Проведение следующих видов работ.

- Археологические раскопки.
- Археологические наблюдения.
- Археологические разведки, в том числе для определения границ территорий и предметов охраны объектов археологического наследия.
- Комплекс работ по подготовке и написанию актов государственной историко-культурной экспертизы:
  - выявленных объектов культурного наследия в целях обоснования целесообразности включения данных объектов в реестр;
  - документов, обосновывающих включение объектов культурного наследия в реестр;
  - земель, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, предусмотренных статьей 25 Лесного кодекса Российской Федерации работ по использованию лесов (за исключением работ, указанных в пунктах 3, 4 и 7 части 1 статьи 25 Лесного кодекса Российской Федерации) и иных работ в случае если орган охраны объектов культурного наследия не имеет данных об отсутствии на указанных землях объектов культурного наследия, включённых в реестр, выявленных объектов культурного наследия либо объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия;
  - документации или разделов документации, обосновывающих меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия, включённого в реестр, выявленного объекта культурного наследия либо объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, при проведении земляных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона № 73-ФЗ, работ по использованию лесов и иных работ в границах территории объекта культурного наследия либо на земельном участке, непосредственно связанном с земельных участком в границах территории объекта культурного наследия;
  - документации, за исключением научных отчётов о выполненных археологических полевых работах, содержащей результаты исследований, в соответствии с которыми определяется наличие или отсутствие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, на земельных участках, подлежащих воздействию земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального закона, работ по использованию лесов и иных работ;
  - документов, обосновывающих исключение объектов культурного наследия из реестра.
- Подготовка и написание планов проведения спасательных археологических полевых работ на территории объектов культурного (археологического) наследия (ОАН).
- Разработка разделов по сохранению ОАН.
- Консультации в сфере археологии.

Работы ведутся как с юридическими, так и с физическими лицами, а также с участием в государственных тендерах и закупках, в том числе на электронных площадках. Постоянное сотрудничество с муниципальными образованиями и крупными государственными заказчиками.

ООО «ТЕРРА» работает в тесном контакте с Тверским государственным объединённым музеем и АНО «Тверская археологическая служба», осуществляет совместные археологические исследования, активно участвовала в финансировании и проведении заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности».

ООО «ТЕРРА» – 170100, г. Тверь, ул. Московская, д. 1, нежил. пом. XLII (42).
Тел. 8 (4822) 415-707. Электронная почта: terra-arheolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сорокин А.Н., Панин А.В. К вопросу об освоении Центра Русской равнины в позднеледниковье и раннем голоцене по данным геоархеологии 5

Сорокин А.Н. Мезолит Волго-Окского бассейна для начинающих 33

Крылова Т.Б. Свёклино I – мастерская каменного века в верхнем течении р. Волги 47

Ткач Е.С., Хлудиев К.В. Кремнёвая коллекция с памятника археологии «Селище Мигалово-1, XV–XVII вв. н. э.» в г. Твери 60

Аверин В.А., Аверина А.В., Хавина Д.А. Памятники каменного века бассейна р. Тезы в Ивановской области: итоги и перспективы исследований 68

Сюборов В.Ю., Борисевич Е.А., Комагорова М.А. Древнейший этап освоения урочища «Перынь» под Великим Новгородом 76

Сериков Ю.Б. Юрьино IV – опорный памятник каменного и бронзового веков Кокшаровского торфяника (Среднее Зауралье) 87

Дубовцева Е.Н., Пиецонка Х., Шрайбер Т. Новые данные о хронологии укреплённых поселений охотников, рыболовов и собирателей таёжной зоны Западной Сибири 110

Исланова И.В. Поселение Соболево 2 на Верхней Волге 129

Андреев С.Е. Зонирование городища Орлов Городок его исследователем А.Д. Максимовым 142

Новиков А.В. Поселение Вознесенское IV – новый памятник многократного заселения в окрестностях Галичского озера 153

Александровский А.Л. Результаты исследований культурного слоя и почв на поселении Вознесенское IV (раскоп 2022 г.) 170

Шишков В.А., Сыроватко А.С., Гольева А.А. Химический анализ изделий и отходов литья с поселений раннего железного века на Средней Оке 173

Иванищева М.В. Предки коми на Средней Сухоне (по материалам раскопок селища Красное-IV (Санное) раннего железного века – раннего Средневековья) 181

Тарасов А.Ю. Древние метатуфовые каменоломни на западном побережье Онежского озера. Предварительный обзор 198

Кашина Е.А., Гак Е.И. Археологические находки долблёных лодок в Восточной Европе: итоги изучения (2019–2021 гг.) 210

Калинина И.В., Дейкун В.И., Колесин В.Н. Ранний комплекс костяных наконечников стрел из пещеры «Камень Дыроватый» (из раскопок Н.А. Прокошева) 218

Савченко С.Н. Костяные и роговые наконечники копий и дротиков из Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера 260

Иванов Д.А. Каменные топоры из собрания Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника 268

Иванов Д.А. Комплекс материалов фатьяновско-балановской общности с поселения Глебово-Городище 11 на реке Воже 296

Крылова Т.Б., Медникова Е.Ю. Некоторые особенности изготовления «пористого» сосуда с ранненеолитического поселения Зехново IV в Осташковском районе Тверской области 311

Жульников А.М. Методические аспекты выделения разновременных комплексов в однотипной керамике (на примере изучения энеолитических комплексов в Западном Прионежье) 320

Иванов Д.А. Керамика примокшанской (иванобугорской) культуры со стоянки Сумбулово IV на Средней Оке 343

Панина С.Н. Береста и берестяные изделия в культовых комплексах Усть-Вагильского холма (Лесное Зауралье) 352

Недомолкина Н.Г. К вопросу о функциональном назначении охристо-угольных объектов в энеолитическом слое поселения Вёкса 1 364

Костылёва Е.Л., Хавина Д.А., Бродин М.Э. Объект со стоянки Сахтыш I: ритуальный «клад» или мастерская по обработке кремня? 372

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. «Работа над ошибками»: к вопросу об особенностях погребального обряда и культурно-хронологической атрибуции захоронений неолита – энеолита близ озера Сахтыш (Центр Русской равнины, Ивановская область) 383

Государственный объединенный музей

Синицына Г.В. Погребения на северном берегу озера Волго (Селижаровский район Тверской области) 396

Сыроватко А.С., Гусева В.П. Новая форма погребальной обрядности в Соколовой Пустыни: Эпоха Великого переселения народов или «Тёмные века»? 402

Сыроватко А.С., Янишевский Б.Е. О пользе воспоминаний очевидцев: архивные материалы раскопок могильника Лужки Е 412

Вишневский В.И., Новоселова Т.Н. Погребальный обряд Ратьковского позднедьяковского могильника: предварительные итоги 418

Челогаева Е.О. Деревянные конструкции в погребальных памятниках культуры псковских длинных курганов 434

Исланова И.В., Дементьев Е.А., Пичугина А.Н., Смирнова С.М. Погребальные объекты у д. Фёдово Вышневолоцкого района Тверской области (исследования и материалы) 446

Васильев С.В. Формирование и расселение *Homo Sapiens* в палеолите и культурно-географическая обусловленность антропологического разнообразия человечества в начале голоцена 497

Исакова Н.В., Демьяненко К.Г. Болезни современного человека: вклад генов неандертальцев 500

Каминская Д.С. Биологический материал как исторический источник (согласно результатам палеопатологического исследования погребения эпохи Средневековья с археологического памятника Верхний замок, Полоцк, Республика Беларусь) 503

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Предварительный анализ посткраниальных скелетов двух взрослых индивидов с мезолитического памятника Маяк (Самарская область) 509

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Новые данные о мезолитических антропологических находках из Крыма: остеология, физическая адаптация, палеопатология 512

Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Реконструкция физического типа и стрессовых влияний на население, оставившее могильник на Большом Оленьем острове (Баренцево море) 517

Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. Палеоантропологические материалы из Фофановского могильника неолита – энеолита (Забайкалье) 522

Яковлева М.Н. Палеопаразитология: достижения и перспективы 526

Гуськова О.Н., Бибикова А.А. Морфогенез изменений позвоночного столба при дегенеративно-дистрофических заболеваниях 529

Дубровин И.А., Панасенко А.В., Обыденникова Н.В. Реконструкция ткани носа при идентификации личности 532

Дубровин И.А., Дубровин А.И. Изучение асимметрии подъязычной кости 534

Дубровин И.А., Немытышева Е.В., Горбачева Е.М., Сайфуллоева П.И. Леворукость и краниометрические признаки 540

Петрикас А.Ж., Честных Е.В., Карнаухов И.С. Состояние зубов кривичей Тверского Поволжья XI–XII вв. н. э. 542

Зиновьев А.В. Одонтология исторического населения Твери (XII–XIX вв., Европейская часть России): прижизненная потеря зубов 544

Курбатов А.В. Бобры в культуре древней и средневековой Восточной Европы 547

Горячёв С.В. Древнее божество и православный крест на мысе Бесов Нос Онежского озера 554

Горячёв С.В. Признаки астрономического прибора в петроглифе Залавруги 558

Викторова В.Д. Археоастрономический памятник на острове Каменные палатки 567

Сидоров В.В. Оружие как знак в социогенезе 585

Карманов В.Н. Иррациональное в культурах эпохи камня и периода раннего металла Крайнего Северо-Востока Европы: детали 597

Холкина М.А. Жизнь и творчество Сакари Пяльси: на 140-летие учёного 624

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Дмитрий Александрович Крайнов на путях изучения древнейшего прошлого Верхнего Поволжья (к 120-й годовщине со дня рождения) 635

Тараканов А.С., Ткач Е.С., Герасимов Д.В. Научное наследие В.И. Тимофеева 643

Шумкин В.Я., Крылова Т.Б., Сорокин А.Н., Черных И.Н. «Дороги, которые нас выбирают» (к юбилею Галины Васильевны Синицыной) 662

Тверской государственный объединенный музей

Список сокращений 693

Государственное бюджетное учреждение культуры Тверской области «Тверской государственный объединённый музей» (ГБУК ТГОМ): археологические экспозиции, исследования 703

Автономная некоммерческая организация по проведению археологических исследований «Тверская археологическая служба» 705

Общество с ограниченной ответственностью «ТЕРРА», г. Тверь: археологические исследования 706

CONTENTS

Sorokin A.N., Panin A.V. On the Colonization of the Central Russian Plain in Late Glacial and Early Holocene: the Role of Geoarchaeological Data 5

Sorokin A.N. The Mesolithic of the Volga-Oka Basin for Beginners 33

Krylova T.B. Svyoklino I – a Stone Age Workshop in the Upper Reaches of the Volga River 47

Tkach E.S., Khludnev K.V. The Collection of Flint Artifacts from Archaeological Monument "Ancient Village Migalovo-1, XV–XVII Centuries A.D." in Tver City 60

Averin V.A., Averina A.V., Khavina D.A. Stone Age Monuments of River Teza Basin of Ivanovo Region: Results and Research Perspectives 68

Syuborov V.Yu., Borisevich E.A., Komagorova M.A. The Earliest Stage of Development of the "Peryn'" Tract near Veliky Novgorod 76

Serikov Yu.B. Yur'yino IV – Supporting Relics of the Stone and the Bronze Ages of the Koksharovsky Peat Bog (Middle Transurals) 87

Dubovtseva E.N., Piezonka H., Schreiber T. New Data on the Chronology of Fortified Settlements of Hunters, Fishermen and Gatherers in the Taiga Zone of Western Siberia 110

Islanova I.V. Sobolevo 2 Settlement on the Upper Volga 129

Andreev S.E. Zoning of the Orlov Gorodok Hillfort by its Researcher A.D. Maksimov 142

Novikov A.V. The Settlement Voznesenskoye IV – New Relics of Repeatic Occupation in Neighbourhood of the Galichskoye Lake 153

Alexandrovskiy A.L. The Results of the Cultural Layer and Soil Studies of the Voznesenskoye IV Settlement (Excavations of 2022) 170

Shishkov V.A., Syrovatko A.S., Golyeva A.A. The Chemical Analysis of Artefacts and Casting Waste from the Early Iron Age Settlements on the Middle Oka River 173

Ivanishcheva M.V. Ancestors of the Komi on the Middle Sukhona (Based on Materials from Excavations of the Settlement Krasnoe-IV (Sannoe) of the Early Iron Age – Early Period of Middle Ages) 181

Tarasov A.Yu. Prehistoric Metatuff Quarries on the Western Coast of Lake Onega. A Preliminary Overview 198

Kashina E.A., Gak E.I. Archaeological Finds of Logboats in Eastern Europe: Results of the Study (2019–2021) 210

Kalinina I.V., Deykun V.I., Kolesin V.N. The Early Complex of Bone Arrowheads from Cave "Kamen' Dyrovatyi" ("Holes Stone") (from N.A. Prokoshev Excavations) 218

Savchenko S.N. Bone and Antler Spear and Javelin Heads in the Shigir Collection of Sverdlovsk Regional Museum of Local Lore Named after O.E. Claire 260

Ivanov D.A. The Stone Axes from the Collection of Ryazan' Historical and Architectural Museum-Reserve 268

Ivanov D.A. The Complex of Materials of the Fatyanovo-Balanovo Community from the Glebovo-Gorodishche 11 Settlement on the Vozha River 296

Krylova T.B., Mednikova E.Yu. Some Features of the Manufacture of a "Porous" Vessel from the Early Neolithic Settlement of Zekhnovo IV in Ostashkovsky District of Tver Region 311

Zhul'nikov A.M. Methodological Aspects of the Identification of Multi-time Complexes in the Same Type of Ceramics (by the Example of the Study of Eneolithic Complexes in the Western Prionezhye) 320

Ivanov D.A. Ceramics of the Primokshan (Ivanobugorsk) Culture from the Sumbulovo IV Site on the Middle Oka 343

Panina S.N. Birch Bark and Birch Bark Products in Cult Complexes of Ust'-Vagil Hill (Forest Trans-Urals) 352

Nedomolkina N.G. On the Question of the Function of Ochre-Coal Objects in the Eneolithic Period Cultural Level Vyoksa 1 Settlement 364

Kostyleva E.L., Khavina D.A., Brodin M.E. The Object from the Sakhtysh I Site: a Ritual "Hoard" or a Workshop for Processing Flint? 372

Kostyleva E.L., Utkin A.V. "Correction of Errors": Revisiting Some Funeral Rite Pecularities and the Issue of Cultural and Chronological Attribution of Neolithic – Eneolithic Burials near Lake Sakhtysh (Central Russian Plain, Ivanovo Region) 383

Sinitsyna G.V. Burials on the Northern Shore of Lake Volgo (Selizharovsky District, Tver' Region) 396

Syrovatko A.S., Guseva V.P. A New Form of Funeral Rites in the Sokolova Pustyn': The Great Migration Period or the "Dark Ages"? 402

Syrovatko A.S., Yanishevsky B.E. On the Benefits of Eyewitness' Memories: Archival Materials from Excavations of the Luzhki E Burial Ground 412

Vishnevskiy V.I., Novoselova T.N. Burial Rite of Rat'kovsky Late Dyakovo Cemetery: Preliminary Results 418

Chelogaeva E.O. Wooden Structures in the Funerary Cultural Monuments of Pskov Long Barrows 434

Islanova I.V., Dement'yev E.A., Pichugina A.N., Smirnova S.M. Funeral Objects near the Village of Fyodovo, Vyshnevolotsky District, Tver Region (Research and Materials) 446

Vasilyev S.V. The Formation and Settlement of *Homo Sapiens* in the Palaeolithic and the Cultural and Geographical Conditionality of the Anthropological Diversity of Humanity at the Beginning of the Holocene 497

Isakova N.V., Dem'yanenko K.G. Diseases of Modern Man: Contribution of Neanderthals' Genes 500

Kaminskaya D.S. Biological Material as a Historical Source (According to the Results of Paleopathological Research of a Medieval Burial from the Upper Castle Archaeological Site, Polotsk, Republic of Belarus') 503

Vasilyev S.V., Borutskaya S.B. Preliminary Analysis of Postcranial Skeletons of Two Adult Individuals from the Mesolithic Site Mayak (Samara Region) 509

Vasilyev S.V., Borutskaya S.B. New Data on Mesolithic Anthropological Finds from Crimea: Osteology, Physical Adaptation, Paleopathology 512

Borutskaya S.B., Vasilyev S.V. Reconstruction of the Physical Type and Stress Effects on the Population that Left the Burial Ground on Bolshoy Oleny Island (Barents Sea) 517

Gerasimova M.M., Borutskaya S.B., Vasilyev S.V. Paleoanthropological Materials from the Fofanovsky Burial Ground (Transbaikalia) of the Neolithic – Eneolithic Periods 522

Yakovleva M.N. Paleoparasitology: Achievements and Prospects 526

Gus'kova O.N., Bibikova A.A. Morphogenesis of Spinal Changes in Degenerative and Dystrophic Diseases 529

Dubrovin I.A., Panasenko A.V., Obydennikova N.V. Reconstruction of Nasal Tissue for Personal Identification 532

Dubrovin I.A., Dubrovin A.I. Studying the Asymmetry of the Hypoglous Bone 534

Dubrovin I.A., Nemytysheva E.V., Gorbacheva E.M., Sayfulloeva P.I. Left-handedness and Craniometric Signs 540

Petrikas A.Zh., Chestnykh E.V., Karnaukhov I.S. The Condition of the Teeth of the Krivichi People of the Tver' Volga Region in the 11th–12th Centuries AD 542

Zinoviev A.V. Odontology of the Historical Human Population of Tver (XII–XIX Centuries, European Part of Russia): Ante Mortem Tooth Loss 544

Kurbatov A.V. Beavers in the Culture of Ancient and Medieval Eastern Europe 547

Goryachev S.V. An Ancient Deity and the Orthodox Cross on the "Besov Nos" Cape of Lake Onega 554

Goryachev S.V. Signs of an Astronomical Device in the Petroglyph of Zalavruga 558

Viktorova V.D. Archaeoastronomical Relics on the Island of Kamennye Palatki 567

Sidorov V.V. Weapons as a Sign in Social Genesis 585

Karmanov V.N. The Irrational in the Stone Age and Early Metal Age Cultures of the Far North-East of Europe: Details 597

Kholkina M.A. The Life and Work of Sakari Pälsi: on the 140th Anniversary of the Scientist 624

Kostyleva E.L., Utkin A.V. Dmitry Alexandrovich Krainov on the Ways of Studying the Ancient Past of the Upper Volga Region (to the 120th Anniversary of his Birth) 635

Tarakanov A.S., Tkach E.S., Gerasimov D.V. Scientific Heritage of V.I. Timofeev 643

Shumkin V.Ya., Krylova T.B., Sorokin A.N., Chernykh I.N. "The Roads that Choose Us" (on the Occasion of the Anniversary of Galina Vasil'evna Sinitsyna) 662

List of Abbreviations 693

The State Budgetary Institution of Culture of the Tver Region "Tver State United Museum": Archaeological Expositions and Investigations 703

Autonomous Non-commercial Organization for Realization of Archaeological Investigations "Tver Archaeological Service" 705

"TERRA" Ltd (Tver): Archaeological Investigations 706

Тверской государственный объединенный музей

Тверской археологический сборник
Выпуск 13

Отв. редактор выпуска И.Н. Черных.

Технический редактор И.Н. Черных.
Корректоры: Т.А. Лягушина, И.Н. Черных.
Компьютерный набор, вёрстка: ООО «Издательство «Триада».
Оригинал-макет: ООО «Издательство «Триада»; И.Н. Черных.
Перевод на англ. язык: авторы статей,
корректура: В.А. Миловидов, И.Н. Черных.

ООО «Издательство «Триада».
170034, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 9, офис 514.
ИД № 06059 от 16.10.2001 г.

Подписано в печать 22.11.2024 г.
Формат 64×90 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 89.

Тираж 300 экз. Заказ № _____.
Цена свободная.

ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ МУЗЕЙ